This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

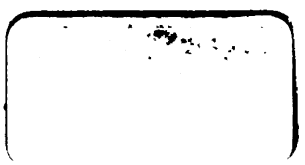
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Съ краткимъ біографическимъ очеркомъ *К. Васина.*

Съ рисунками художниковъ **Спасскаго и Нечаева.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе книгопродавца **М. В. Клюкина.** Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ.

1902

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. В. КЛЮКИНА

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ

между прочими продаются слѣдующія книги.

Алексѣевскій. Справочная книга для фабрикантовъ, заводчик. и влад. промышл. завед. Изд. 2-е. М. 99 г., ц. 3 р.

Алексѣевъ, А. А Воспоминанія актера М. 94 г., ц. 1 р.

Альбовъ, М. День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Спб. 94 г., 1 р. 50 к.

Альбовъ, М. и Баранцевичъ. Вавилонская башня. Исторія возникновенія, существованія и паденіе одного фантастическаго общ. Ром. въ 2-хъ част. съ 20 рис. М. 96 г., ц. 2 р.

Альбовъ, М. Н. Тайна Мамаева. Романт. исторія. М. 1900 г. 1 р.

Аннэ. Руководство для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Съ рисун. и таб., изд. 2-е дополн. М. 97 г., ц. 1 р. 50 к.

Ауербахъ. Три единственныя дочери. Пов. М. 99 г., ц. 1 р.

Ауербахъ, Б. Собр. соч. 6 т ц. 6 р.

— Т. 1, 2, 3. Дача на Рейнѣ. Ром. печ. нов. изд, ц. 4 р

— Т. 4 Вальфридъ. Ром. М. 901 г., ц. 1 р. 50 к.

— Т. 5. На высотѣ. Ром. М. 901 г., ц. 1 р. 50 к.

— Т. 6. Деревенскіе разсказы. М. 902 г., ц. 1 р. 25 к.

Баранцевичъ. Лѣсъ. Съ рисунками. М. 99 г., ц. 40 к.

— Уголокъ души. 40 разсказовъ Сармата. М. 900 г., ц. 1 р.

— Птица небесная, ц. 1 р.

Беллами. Будущій вѣкъ (Черезъ сто лѣтъ). Ром. перев. съ англ. М. 1900 г, ц. 75 к.

Борисъ, Робертъ. Стихотв. въ перев. русскихъ поэтовъ съ біографическомъ очеркомъ и портрет. М. 97 г, ц. 40 к.

Бретъ-Гартъ. Калифорнскіе разсказы. Разсказы, очерки и легенды. Изд. 4-е. М. 1900 г., ц. 1 р.

Бульверъ, Э. Кола-де-Ріензи. Послѣдн римск. трибун. Истор. ром. М. 99 г, ц. 1 р.

Бурже, П. Вторая любовь. М. 98 г. ц. 50 к.

— Голубая герцогиня. Ром. М. 99 г., ц. 1 р. 25 к.

Быстрениинъ, В. Житейскія были. Изд. 2-е М. 98 г, ц. 1 р. 25 к.

Гартвигъ. Тропическій міръ. Съ рисун. ц. 2 р. 50 к.

Гельдъ, Адольфъ. Фабрика и ремесло. Пер. Спасскаго. М. 96 г, ц. 25 к.

Гоппе-Зейдлеръ. Физіологическая химія. Переводъ **Булыгинскаго.** М. 78—82 г. 3 тома, ц. 1 р. 25 к

Гребенка, Е. П. Чайковскій. Ром. М. 1900 г, ц. 30 к.

— Докторъ. Ром. 1900 г., ц. 35 к

Гринвудъ. Подлинная исторія маленькаго оборвыша. Переводъ Марко-Вовчокъ. Изд. 2-е, ц. 1 р. 50 к.

Демьяновъ. Путеводитель по Волгѣ. Изд. 5-е. Нижн.-Новгор. 99 г., ц. 1 р.

Джеромъ, К. Джеромъ. Собран. соч.

— Томъ I. Впечатлѣнія странника. М. 1901 г. ц. 85 к.

— Томъ II. Трое на лодкѣ. М. 901 г., ц. 90 к.

— Томъ III. Пестрые эскизы. М. 901 г., ц. 85 к.

— Томъ IV. Изъ пустого въ порожнее. Съ портр. М. 901 г., ц. 1 р.

— Томъ V. Въ гостяхъ у нѣмцевъ. М. 901 г., ц. 1 р.

— Томъ VI. Театръ. М. 901 г., ц 1 р.

— Томъ VII. О разныхъ разностяхъ. М 901 г., ц. 1 р.

— Томъ VIII. Праздныя мысли лѣнтяя. М. 901 г., ц. 1 р.

— Собраніе соч. 8 т. М. 901 г., ц. 6 р.

Диккенсъ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. Полный перев, ц. 60 к.

Додэ. Три разсказа. М 900 г., ц. 25 к.

— Нума Руместанъ. Ром. М. 902 г., ц. 1 р.

— Прежнее и новое счастье. М. 900 г., ц. 30 к.

— Маленькій человѣкъ. Исторія одного ребенка, ц. 1 р.

Дрожжинъ, С. Д. Стихотв. съ записк. автора о своей жизни и поэзіи. Изд. 2-е. Спб. 94 г., ц. 1 р.

Друммондъ, Генри. Эволюція и прогрессъ человѣка. Перев. съ англійскаго Н. А. Иванцова (приватъ-доцента Московскаго ИМПЕРАТОРСКАГО университета). Изд. 2-е. М., ц. 2 р. 25 к.

Жукъ, В. Какъ мать должна кормить ребенка. М. 96 г., ц 50 к.

Засодимскій П. Легенды: I. Графъ Борегеръ и Агнесса Туссенель. II. Невѣдомый страдалецъ. Спб. 93 г., ц. 60 к.

— „Грѣхъ". Романъ. Спб. 94 г., ц. 1 р.

Золя, Э. Парижъ. Романъ. 94 г., ц. 1 р. 50 к.

— Процессъ, съ мнѣн. Л. Толстого, ц. 50 к.

— Римъ. Романъ. Спб. 901 г., ц. 1 р.

— Лурдъ. Романъ, ц. 1 р 25 к.

— Семья. Романъ. Спб. 900 г., ц. 1 р.

Зудерманъ, Г. Счастье въ уголкѣ.—Бой бабочекъ.—Родина. М. 98 г., ц. 2 р.

Зутнеръ, Б. Долой оружіе! (противъ войны). Ром. съ прилож. о мирной конференціи 1899 г. Изд. 2-е М. 902 г., ц 1 р.

Іерингъ. Объ основаніи защиты владѣнія и пересмотръ ученія о владѣніи. М. 83 г, ц. 1 р. 50 к.

— Гражданско-правовые казусы безъ рѣш. М. 83 г., ц. 1 р. 50 к

— Борьба за право. Кіевъ. 93 г., ц. 60 к.

Карамзинъ. Письма Русскаго Путешественника. М. 900 г., ц. 1 р.

Карпентеръ. Современная наука. Перев. Л. Н. Толстого, ц. 15 к.

Квитки-Основьяненко. Панъ Халявскій. М. 99 г., ц. 50 к.

Кирпичниковъ А. И. Проф. Диккенсъ, какъ педагогъ. Хар. 81 г., ц. 40 к.

Кнейпъ, С. Мое водолѣченіе. Цѣлебное лѣченіе болѣзней простой горячей и холодной водой. Съ 14 рисунк. и портр. автора. М. 97 г., ц. 50 к.

Кожевниковъ, В. А Безцѣльный трудъ. „Недѣланіе" или дѣло? Изд. 2-е. М 94 г., ц. 20 к.

Козыревъ, М. Днемъ и ночью. Типы Замоскворѣчья. Изд. 2-е М. 96 г., ц. 30 к.

Конспектъ полицейскаго права, ц. 60 к.

Коппе, Ф. Двѣ женщины. М. 96 г., ц. 60 к.

Коранъ Магомета. Перев. А. Николаева, съ дополн. М. 901 г., ц. 2 р.

Коринфскій. Пѣсни Сердца. Стих. въ изящн. перепл. Изд. 2-е. М. 97 г, ц. 1 р.

Коринфскій, А. Народная Русь. Сборникъ повѣр. и пр. М. 901 г, ц. 2 р. 50 к.

Кудашевъ, В. А. О сбереженіи почвенной влаги при обработкѣ озимыхъ полей. Изд. 3-е исправл. и дополн. М. 94 г., ц. 80 к.

Кругловъ А. В. Не герои. Очерки и разсказы. „Живыя души". Т. I. М. 95 г ц. 1 р.

— На чужомъ полѣ. Очерк. и разсказ. „Живыя души". Т. II. 95 г., ц. 1 р.

— Колыбель русскаго царства. Очеркъ, ц. 50 к

Л. Н. Въ ожиданіи коронаціи. Вѣнчаніе русскихъ Самодержцевъ, церковн. обрядъ корон. и

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Н. ЗАГОСКИНА

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Съ краткимъ біографическимъ очеркомъ *К. Васина.*

Съ рисунками художниковъ **Спасскаго и Нечаева.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца **М. В. Клюкина,** Моховая, д. Бенкендорфъ.
1902.

Digitized by Google

МОСКВА.
Типографія И. А. Баландина, 2-я Мѣщанская, Напрудный пер., д. № 15.
1902.

Digitized by Google

Комедія противъ комедіи.

Комедія въ 3 дѣйствіяхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я всегда былъ увѣренъ, что, выключая дурного журнала, ничто не можетъ быть скучнѣе предисловія, и конечно, не написалъ-бы его, еслибъ не находилъ за нужное изъяснить въ короткихъ словахъ причины, побудившія меня сочинить сію комедію.

При первомъ представленіи комедіи „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды", видѣлъ я, съ какимъ восторгомъ была она принята публикою; но, несмотря на то, могъ бы я предсказать автору, что онъ будетъ имѣть непріятелей. Многіе *полулитераторы*, не понимая или не желая понять истиннаго смысла нѣкоторыхъ мѣстъ сей пьесы, воспользовались удобнымъ случаемъ выступить на литературное поприще, и блеснуть не чужимъ, но (къ несчастію) собственнымъ своимъ умомъ; къ нимъ присоединились можетъ быть и тѣ, коимъ не нравилась роль *Угарова*. Тупыя эпиграммы, ироническія сатиры, ругательные куплеты посыпались на автора; въ нихъ старались увѣрить публику, что „Липецкія воды" дурная комедія. Упрямая публика не хотѣла имъ вѣрить; старались выдавать гнусную клевету за истину; и сама истина показалась-бы клеветою въ ихъ сочиненіяхъ. Не держась никакой партіи, я слушалъ спокойно странныя сужденія противниковъ сей комедіи, находилъ ихъ довольно забавными, рѣдко спорилъ, потому что невозможно спорить съ тѣми, которые вмѣсто доказательствъ, прочитаютъ какую-нибудь жалкую эпиграмму, или пропоютъ ругательные куплетцы; но находя много комическаго въ семъ литературномъ ополченіи противъ „Липецкихъ водъ" и здраваго смысла, рѣшился написать комедію, въ коей могъ бы помѣстить мое мнѣніе о новой пьесѣ, и нѣсколько забавныхъ сценъ, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

Правда глаза колетъ. Я долженъ былъ ожидать, что враги „Липецкихъ водъ" сдѣлаются и моими; твердо рѣшившись молчать и не отвѣчать ни на какія критики, я не сказалъ бы ни слова о *мнѣніи* какого-то *постороннемъ*, напечатанное въ 46-мъ номерѣ „Сына Отечества", еслибъ не было въ немъ ничего, кромѣ ругательствъ; но сочинитель сей жалкой статьи называетъ меня *представителемъ*, и, какъ кажется, хочетъ дать почувствовать, что я есть не что иное, какъ орудіе, употребленное другимъ; что черезъ меня дѣлаетъ кто-то другой какое-то торжественное отреченіе: однимъ словомъ, г. *посторонній* хочетъ сдѣлать и меня постороннимъ во всемъ, что касается до моей комедіи.

Для избѣжанія всѣхъ пустыхъ толковъ, я не скрывалъ своего имени, и теперь снова повторяю, что *вся* комедія, *не исключая* перваго явленія во второмъ дѣйствіи, написана *однимъ* мною; но что успѣхъ ея приписываю я менѣе себѣ, чѣмъ прекрасной игрѣ актеровъ; что, сочиняя мою комедію, я имѣлъ въ виду одну истину, не помышляя ни о какихъ *трактатахъ и капитуляціяхъ*, и что прошу всѣхъ господъ *посторонних* и *не посторонних*, печатая подобныя клеветы, не забывать подписывать своего имени. Впрочемъ сочинитель сей статьи поступилъ еще довольно милостиво, называя меня представителемъ другого автора, онъ не отрицаетъ по крайней мѣрѣ моего существованія; а есть такіе догадливые люди, которые увѣряютъ, что не только я, но даже и моя фамилія вымышлена. Совѣтую симъ недовѣрчивымъ господамъ заглянуть въ дворянскую родословную книгу, и если они умѣютъ читать по-русски, то найдутъ въ ней неоспоримое доказательство, что на этотъ разъ были они черезчуръ уже догадливы.

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Болеславова, богатая вдова		*Г-жа Ежова б.*
Софья	ея племянницы	*Г-жа Воробьева.*
Княгиня Зарѣцкая, молодая вдова	ея племянницы	*Г-жа Валберхова б.*
Князь Тюльпановъ		*Г. Величкинъ.*
Графъ Фольгинъ, племянникъ его		*Г. Сосницкій.*
Изборскій		*Г. Брянскій.*
Эрастовъ, сочинитель		*Г. Рамазановъ.*
Даша, служанка		*Г-жа Асенкова.*

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ, близъ Петербурга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату; сквозь окно виденъ садъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Княгиня (*оканчиваетъ передъ зеркаломъ свой туалетъ*); Софья (*сидитъ подлѣ нея*) и Даша.

Княгиня. Какъ я блѣдна, какой у меня усталый видъ! (*Софьѣ*). Не правда-ли, ma chère?

Даша. Вы нынче очень рано изволили встать, сударыня.

Княгиня. И сверхъ того большую часть ночи не могла заснуть.

Софья. Отчего же? Развѣ васъ что-нибудь безпокоило?

Княгиня. Вчерашняя пьеса.

Софья. Она не выходитъ у васъ изъ головы.

Княгиня. Да!—Несносная комедія!

Софья. Несносная! Вы кажется прежде ее хвалили.

Княгиня. Такъ зло, и что еще досаднѣе, съ такимъ умомъ нападать на бѣдныхъ женщинъ. Насъ бранятъ и мы-же должны находить это прекраснымъ.

Софья. Мнѣ кажется, княгиня, что авторъ хотѣлъ осмѣять однѣхъ кокетокъ.

Княгиня. То-есть тѣхъ, которыя желаютъ нравиться не одному, а многимъ. Признайся-же, милая, что въ этомъ смыслѣ мы всѣ немного кокетки.

Софья. Всѣ! Въ этомъ я не согласна.

Княгиня. Да, всѣ, не исключая и тебя, съ тою только разницею, что однѣ употребляютъ для этого способы совершенно невинные, а другія позабываютъ всѣ приличности и жертвуютъ всѣмъ, добрымъ именемъ, мнѣніемъ свѣта и даже спокойствіемъ, для того, чтобъ вскружить голову мужчинѣ, къ которому онѣ ничего не чувствуютъ.

Софья. Поэтому вы находите, что характеръ кокетки...

Княгиня. Изображенъ съ такимъ совершенствомъ, что всякая женщина должна хоть немного въ немъ себя узнать.

Софья. Какъ хотите, княгиня, а я первая не нахожу въ немъ никакого сходства съ собой.

Даша (*княгинѣ*). Позвольте васъ спросить, сударыня, что это за чудная комедія, объ ней только и говорятъ, всѣ ее ругаютъ. Вы называете ее несносною, а тетушка ваша графиня лишь только объ ней вспомнитъ, то и начнется истерика; князь Тюльпановъ, который пріѣхалъ сегодня чѣмъ-свѣтъ на нашу дачу, только и дѣлаетъ, что бранитъ комедію, сочинителя, и даже тѣхъ, которымъ она нравится.

Княгиня. О! что касается до князя и тетушки, то они имѣютъ полное право на нее гнѣваться. Столѣтній волокита и неутомимая бостонистка какъ будто на заказъ съ нихъ списаны.

Софья. Я не понимаю, отчего видите вы вездѣ сходство, котораго я никакъ не могу примѣтить.

Княгиня. Скажи лучше, что не хочешь. Знаешь ли, ma chère, что мнѣ всего досаднѣе, для чего я не авторъ.

Софья. Вотъ странное желаніе!

Княгиня. Какъ примѣтно, что сочиняютъ мужчины, что партеръ наполненъ мужчинами; вездѣ нападаютъ на бѣдныхъ женщинъ, и всегда съ восхищеніемъ апплодируютъ каждому острому словцу, сказанному на счетъ нашего пола.

Софья. Ну, что-же, если бы вы были сочинителемъ?

Княгиня. Что! О, я отомстила бы мужчинамъ, я доказала бы имъ, что они гораздо болѣе насъ заслуживаютъ быть выведены на сцену, что въ десяти женщинахъ едва ли есть одна кокетка, когда въ такомъ же числѣ мужчинъ вѣрно нѣтъ ни одного, который бы пропустилъ случай обмануть неопытную женщину или хвалить ее въ глаза, а заочно надъ ней смѣяться.

Софья. Неужели мужчины такъ злы?

Княгиня. Ты ихъ еще не знаешь, милая (*Задумывается*). Да! да! прекрасно, чего же лучше, попросимъ Эрастова, онъ сочинитель и вѣрно не откажется быть нашимъ защитникомъ, или, лучше сказать, мстителемъ всего пола нашего.

Даша. О! вѣрно не откажется, сударыня! Я еще не видала такого охотника писать; когда вы слушать его не хотите, то онъ поймаетъ меня, да ужъ читаетъ, читаетъ, такъ что раза два успѣешь выспаться.

Софья. Вы думаете, что комедію такъ легко написать.

Княгиня. Конечно трудно; да какъ же иначе отомстить мужчинамъ. Названіе ужъ готово,—пускай напишетъ онъ вмѣсто урока кокет

Digitized by Google

амъ, урокъ вѣтренникамъ; въ оригиналахъ
нъ, кажется, не будетъ имѣть недостатка.

Софья. Вы не шутя намѣрены просить его?

Княгиня. Напротивъ, очень серьезно. Я
очу, чтобъ онъ вывелъ на сцену молодого
вѣтренника, который боготворитъ каждую жен-
щину и не любитъ никого, клянется въ постоя-
ствѣ поутру одной, а въ вечеру другой, лю-
битъ одного себя, хвалитъ одного себя, счита-
тъ умнымъ одного себя и смѣется надъ всѣ-
мъ, выключая тѣхъ, которые ему подражаютъ
или которымъ онъ самъ подражать старается.

Софья. Вы пугаете меня, княгиня.—Неуже-
ли есть между мужчинами...

Княгиня. Такіе любезные, милые вѣтрен-
ники? О, чрезвычайно много. Вотъ, напримѣръ,
одинъ молодой человѣкъ,—ты знаешь его, очень
знаешь,—какъ двѣ капли воды похожъ на мое
изображеніе, и Эрастовъ, если будетъ писать
вашу комедію, не найдетъ вѣрно лучшаго ори-
гинала для роли своего вѣтренника.

Софья. Кто же? Я, право, не знаю!

Княгиня. Бѣдненькая! и ты не можешь
отгадать. Племянникъ князя Тюльпанова.

Софья. Графъ Фольгинъ?

Княгиня. Точно.

Софья. Вы шутите. Онъ вѣтренъ, это прав-
да, но не способенъ быть обманщикомъ.

Княгиня. Ты это думаешь?

Софья. Онъ искренно меня любитъ.

Княгиня. Искренно любитъ—графъ Фоль-
гинъ! ха, ха, ха! Ахъ! ma chère, очень видно,
что ты еще не жила въ свѣтѣ.

Софья. Почему-жъ кажется вамъ это невѣ-
роятнымъ? Я не имѣю никакой причины со-
мнѣваться въ его искренности.

Княгиня. О, конечно! Странно только, что
графъ, несмотря на свою искреннюю любовь
къ тебѣ, старается меня увѣрить въ томъ же;
ласкаетъ куры тетушкѣ, и волочится даже...

Даша. За мною. Да почему-жъ и не такъ,
сударыня, вѣдь и я также женщина.

Софья. Это лишь вѣтренность. Я увѣрена,
что графъ любитъ одну меня.

Княгиня. Или можетъ быть богатое при-
даное, которое тетушка даетъ за тобою.

Софья. Княгиня! это уже обидно.

Княгиня. Не сердись, милая, — онъ точно
такъ же любитъ тебя, какъ меня, какъ твою
тетушку, какъ всѣхъ женщинъ. Ему надобно
богатое приданое, чтобъ заплатить свои долги.
Ах! ma cousine, какъ бы я была рада, еслибъ
кто его, женился на тебѣ Изборскій.

Софья. У васъ нынче все такія странности...

Княгиня. Ты была бы съ нимъ гораздо
счастливѣе, чѣмъ съ этимъ графомъ Фольги-
нымъ. Вотъ уже другой годъ, какъ Изборскій
тебя любитъ.

Софья. Другой годъ! Съ чего вы взяли —
онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего похожаго
на это.

Княгиня. Это-то и доказываетъ, что онъ
страстно тебя любитъ. Непритворно влюбленные
всегда застѣнчивы. Но сколько есть другихъ
способовъ показывать свою любовь. Изборскій
имѣетъ безпрестанно случая быть вмѣстѣ съ
тобою; одинъ ласковый взглядъ—и онъ счаст-
ливъ: это написано на лицѣ его. Повѣрь мнѣ,
опытныхъ случаяхъ женщины никогда не оши-
баются. Я увѣрена, что Изборскій любитъ тебя
такъ же пламенно, такъ же страстно, какъ Ма-
рій-Адель любилъ свою Матильду.

Софья. Еслибъ это была и правда, то со-
мнѣюсь...

Княгиня. Что графъ болѣе достоинъ люб-
ви, чѣмъ Изборскій. О! въ этомъ я никогда не
соглашусь съ тобою.

Софья. Онъ такъ холоденъ, такъ скученъ.

Княгиня. Это одна застѣнчивость.

Софья. Я согласна, что онъ очень добръ,
скроменъ—имѣетъ можетъ быть познанія,—и
когда бываетъ здѣсь одинъ, то я нахожу его
даже любезнымъ,—все это правда, но когда онъ
и графъ вмѣстѣ, то согласитесь, княгиня, что
онъ дѣлается тогда совсѣмъ незамѣтнымъ.

Княгиня. Не удивительно,—одинъ кричитъ
о своихъ достоинствахъ, а другой скрываетъ
ихъ.

Софья. Что графъ уменъ, очень уменъ, въ
этомъ, думаю, и вы должны признаться.

Княгиня. Несмотря на то, что онъ самъ
въ этомъ клянется безпрестанно, я осмѣли-
ваюсь ему не вѣрить. Онъ, какъ говорится, на-
терть чужимъ умомъ; выучилъ наизусть кучу
каламбуровъ, насмѣшекъ, острыхъ словъ, ком-
плиментовъ, и болѣе ничего.

Софья. Извините княгиня! онъ очень лю-
битъ литературу и знаетъ почти всѣхъ извѣст-
ныхъ писателей.

Княгиня. По именамъ—можетъ быть; для
этого нужна только одна память. Послушай,
ну если я докажу тебѣ точно на самомъ дѣлѣ,
что Изборскій гораздо его умнѣе и любезнѣе,
и что графъ любитъ не тебя, а твое богатство.

Софья. Если вы мнѣ докажете... Но это не-
возможно!

Княгиня. Первое совсѣмъ не трудно, —
Изборскій и графъ сегодня здѣсь будутъ —на-
добно только завести разговоръ, въ которомъ
ему нельзя было бы блеснуть чужимъ умомъ.
Вотъ, напримѣръ, о вчерашней комедіи—я увѣ-
рена, что ты, несмотря на свое предубѣжде-
ніе, будешь со мною согласна.

Даша. Сюда идутъ графиня и князь Тюль-
пановъ. Они кажется съ большимъ жаромъ о
чемъ-то разсуждаютъ.

Княгиня. Вѣрно о твоей свадьбѣ. Я только
знаю, что князь пріѣхалъ къ вамъ такъ рано
для того, чтобъ переговорить объ этомъ съ
графинею.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же, графиня и князь.

Графиня *(вполголоса князю)*. Да князь,
это будетъ кончено завтра или даже сегодня,
но теперь ни слова *(Уводя Софью и княгиню)*.
А, ты здѣсь, Сонюшка! Ну что же вы здѣсь
дѣлаете, время прекрасное—вамъ бы надобно
прохаживаться, гулять, рѣзвиться... Я, право,
думала, что вы давно уже весь садъ обѣгали.
Ба! Сонюшка, ты еще не совсѣмъ одѣта; пойди,
кончи твой туалетъ.

Князь *(цѣлуя руку Софьи)*. Вы вѣрно, су-
дарыня, остались дома для того, чтобъ не заста-
вить краснѣть бѣдныя розы, которыя, увидя
васъ, должны отъ стыда завянуть.

Княгиня. Браво, князь! вы безцѣнный че-
ловѣкъ для комплиментовъ,—какая игривость
воображенія: розы, которыя краснѣютъ отъ
стыда—какъ это замысловато! Откуда берете
вы такія піитическія выраженія?

Князь. Глядя на васъ, сударыня, можно ли
говорить иначе, какъ языкомъ сердца *(Взгля-
нувъ на зеркало)*. Граціи, какъ видно, только что
окончили свой туалетъ.

Digitized by Google

Княгиня. Нѣтъ, граціи занимались совсѣмъ другимъ. Мы сочиняли комедію.

Графиня. Комедію! Что вы это? Да знаете ли, что для меня разбойники лучше, чѣмъ сочинители комедій,—они хоть полиціи боятся, а на эти проклятыя комедіи и суда не найдешь. Ужъ эти авторы такую взяли волю, что съ ними и житья нѣтъ. Сиди все дома, да не смѣй никуда носу показать, а не то того и гляди, что упрячутъ тебя въ какую-нибудь комедію. И кто выдумалъ писать эти комедіи—и зачѣмъ играютъ эти комедіи—и что толку въ этихъ комедіяхъ! Уфъ! какъ вспомню, то у меня духъ такъ и захватитъ. *(Садится).*

Князь. Не угодно ли вамъ воды, сударыня?

Графиня. Нѣтъ, теперь ничего,—а вчерась ужъ подлинно, еслибъ не гофманскія капли, то не знаю, чтобъ со мною сдѣлалось. Скажите сами, батюшка, вывести на сцену почтенную даму, которая любитъ играть въ бостонъ, бранить молодыхъ людей, когда они дурачатся, и заставить весь партеръ надъ ней смѣяться,—ну на что это похоже?

Князь. Это верхъ невѣжества!

Княгиня. Да зачѣмъ берете вы это на свой счетъ, тетушка? Мало ли есть охотницъ играть въ бостонъ и браниться.

Графиня. И, матушка, да я рада бы не брать это на свой счетъ, да по неволѣ возьмешь, когда станутъ на тебя пальцами указывать.

Княгиня. Будто вы не знаете, какъ золъ свѣтъ; авторъ, можетъ быть, и душой не виноватъ. Повѣрьте, графиня, что тотъ, кто скажетъ вамъ, что авторъ имѣлъ намѣреніе представить васъ въ своей комедіи, желаетъ зло одному ему, и можетъ быть пойдетъ отъ васъ увѣрять въ томъ же самомъ десять другихъ дамъ, которыхъ и имена даже не знакомы сочинителю.

Князь. Вы изволите защищать автора вчерашней комедіи, сударыня; но позвольте вамъ замѣтить, что онъ, какъ по всему видно, никогда не читывалъ не только Овидіева искусства любить, но даже и ни одного хорошаго любовнаго романа.

Княгиня. Быть можетъ.

Князь. Онъ научился бы изъ нихъ, какъ мы должны боготворить и уважать богинь сердецъ нашихъ узналъ бы, что главнѣйшая обязанность мужчинъ состоитъ въ безпрестанномъ служеніи прелестному полу, что человѣкъ нѣкоторыхъ лѣтъ можетъ влюбляться, не будучи смѣшнымъ, можетъ любить, обожать, томиться, умирать отъ восторговъ, цѣлуя прекрасную ручку. *(Хочетъ поцѣловать руку княгини).* Можетъ...

Княгиня. Безъ доказательствъ, князь. Вы не дали мнѣ окончить, тетушка. Наша комедія будетъ совершенно вопреки вчерашней. Мы хотимъ доказать, что надъ мужчинами можно такъ же смѣяться, какъ они смѣются надъ женщинами.

Графиня. Вопреки!—О! это другое дѣло: и если только можно хорошенько разбранить несносную пьесу, то пишите противъ нея все: комедіи, трагедіи, оперы и даже драмы.

Князь. И даже драмы! Прекрасно, сударыня, прекрасно! У меня есть пріятель, удивительный человѣкъ для драмъ; ему написать драму въ пяти дѣйствіяхъ то же, что вамъ сыграть пулю въ бостонъ. Если угодно, я попрошу его, и вы найдете въ его драмѣ все: жестокихъ отцовъ, несчастныхъ любовниковъ, слезы, вздохи, страхи, ужасы и даже, если надобно, разбойника.

Княгиня. И, князь! на что намъ всю эту сволочь—вѣдь надобно только разругать вчерашнюю комедію.

Князь. За этимъ дѣло не станетъ: онъ разбранитъ ее безъ милосердія; выведетъ даже на сцену самого автора и заставитъ его плакать и вздыхать отъ перваго явленія до послѣдняго.

Княгиня. Зачѣмъ-же мѣшать невинныхъ съ виноватыми — что сдѣлали намъ бѣдные зрители?

Графиня. Что сдѣлали? А развѣ они не апплодировали? Развѣ не вызывали автора? Подѣломъ имъ. Да, князь, надобно путемъ ихъ проучить, заказывайте смѣло драму.

Княгиня. И, графиня! пускай себѣ князь плачетъ и зѣваетъ сколько ему угодно, а мы будемъ смѣяться, и для того попросимъ Эрастова написать намъ комедію.

Графиня. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь онъ сочинитель.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Эрастовъ.

Княгиня. Какъ вы кстати пріѣхали, мы сейчасъ только о васъ говорили.

Эрастовъ. Я только что изъ города. Недалеко отсюда обогналъ я Изборскаго и графа Фольгина: они сейчасъ здѣсь будутъ.

Княгиня. Мы имѣемъ до васъ просьбу.

Эрастовъ. Приказывайте, сударыня.

Княгиня. Будьте защитникомъ бѣдныхъ женщинъ.

Графиня. Вступитесь за дамъ, которыя любятъ играть въ бостонъ и дѣлать наставленія молодымъ людямъ.

Князь. Увѣрьте публику, что не одни только тѣ, которыхъ должно еще водить на помочахъ, могутъ любить и нравиться прекрасному полу.

Эрастовъ *(княгинѣ)*. Изъяснитесь, сударыня, я, право, не понимаю.

Княгиня. Вы видѣли вчерашнюю пьесу?

Эрастовъ. Видѣлъ, сударыня.

Княгиня. Мы также были въ театрѣ. Намъ всѣмъ досадно, что господа сочинители нападаютъ всегда на женщинъ, несмотря на то, что можно было-бы найти много кой чего смѣшного и въ мужчинахъ—и для того намѣрены просить васъ написать комедію, гдѣ вмѣсто кокетки, былъ-бы выведенъ какой-нибудь вѣтренникъ, который, желая обманывать всѣхъ женщинъ, былъ-бы самъ обманутъ.

Эрастовъ. Написать комедію—вы шутите, княгиня: какъ осмѣлиться взять на себя такую обязанность, когда у насъ завелись свои Мольеры —свои неподражаемыя комедіи.

Княгиня. Про какихъ Мольеровъ вы говорите?

Эрастовъ. По крайней мѣрѣ, такъ угодно многимъ величать автора вчерашней пьесы.

Княгиня. Тѣмъ лучше: вы докажете, что можно не только сравниться съ этой неподражаемой комедіей, но даже превзойти ее.

Эрастовъ. Конечно, сударыня, можно надѣяться безъ дальняго самолюбія написать комедію, которая не будетъ имѣть по крайней мѣрѣ слишкомъ разительныхъ недостатковъ вчерашней пьесы; но для этого надобно, чтобъ

Digitized by Google

большая часть нашей публики имѣла болѣе вкуса, болѣе истиннаго понятія о всемъ изящномъ—и для того позвольте мнѣ не выполнить вашего желанія.

Графиня. Что это, батюшка! Не хотите-ли вы отказаться?

Эрастовъ. Я право, графиня, не могу никакъ обѣщать.

Графиня. Если вы сейчасъ не согласитесь, то пріятель князя напишетъ для насъ драму.

Княгиня. И мы заставимъ васъ прочесть ее съ начала до конца.

Эрастовъ. До конца! Сжальтесь, княгиня! Я на все согласенъ.

Княгиня. У меня есть на примѣтѣ прекрасный оригиналъ для вашего вертопраха.

Эрастовъ. Объ этомъ я не забочусь. Я живу въ хорошемъ обществѣ, сударыня; но интрига, планъ, завязка?...

Княгиня. Постойте... Да, да! Я думаю, мнѣ удастся дать вамъ сюжетъ. Вамъ надобно будетъ только слушать и примѣчать.

Графиня. Послушайте, князь, время прекрасное, пойдемте теперь въ садъ—тамъ въ бесѣдкѣ можемъ мы покуда до гостей сыграть нѣсколько королей въ пикетъ.—Дашенька!

Даша. Что вамъ угодно, графиня?

Графиня. Если кто къ намъ пріѣдетъ, то скажи, что мы въ саду. Пойдемте, князь. *(Подаетъ руку князю).* А ты что, племянница?

Княгиня. Я сейчасъ за вами буду.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Княгиня, Эрастовъ и Даша.

Княгиня. Дашенька, принеси мою шляпку. *(Даша уходитъ).*

Эрастовъ. Позвольте мнѣ предложить вамъ мою руку.

Княгиня. Могу ли я отказать вамъ—вы вооружаете ее для защищенія пола нашего. Я осталась съ вами одна для того, чтобъ изъяснить въ двухъ словахъ, въ чемъ состоять долженъ сюжетъ вашей комедіи.

Эрастовъ. Сдѣлайте милость, сударыня.

Княгиня. Догадываетесь ли, кто долженъ быть оригиналомъ вашего моднаго вѣтренника.

Эрастовъ. О! сударыня, ихъ такъ много, и они такъ сходны между собою...

Княгиня. Напримѣръ графъ Фольгинъ.

Эрастовъ. Женихъ Софьи?

Княгиня. Вотъ этого-то именно я и желаю, чтобъ вы помѣстили его въ своей комедіи. Послушайте, я хочу открыть глаза Софьѣ и доказать ей, что графъ ничтожный, пустой вѣтренникъ, и женится не на ней, а на ея богатствѣ. Теперь, я думаю, вы меня понимаете. Вамъ должно будетъ только слушать и примѣчать, чтобъ сочинить планъ вашей комедіи. Можетъ быть сегодня же доберетесь вы и до развязки.

Даша *(принося шляпку).* Извольте, сударыня.

Княгиня. Пойдемте,—дорогою разскажу я подробнѣе, что вамъ надобно будетъ дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Даша *(одна).*

Мнѣ изъ ума нейдетъ вчерашняя комедія; всѣ объ ней говорятъ: одни бранятъ, другіе хвалятъ. Какъ бы я желала ее посмотрѣть. Барышня сказывала, что въ ней есть также горничная дѣвушка, которая очень похожа на меня, и будто многіе говорили, что она слишкомъ умна для служанки! Какіе смѣшные эти господа: думаютъ, что теперь такія-же глупыя горничныя, какъ лѣтъ сто назадъ. Нынче умной горничной стоитъ только лучше пріодѣться, да пооткрыть побольше плечи, такъ она право иную графиню перещеголяетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Даша, графъ и Изборскій.

Графъ. Ахъ, mon cher, какъ я измученъ, какъ усталъ! По чести, мнѣ должно было-бы никуда не выѣзжать изъ дому. Несносная мостовая!

Изборскій. Мы кажется довольно спокойно ѣхали.

Графъ. Правда, коляска моя не тряска, а со всѣмъ тѣмъ... А! Дашенька, ты здѣсь, душенька!

Даша. Здравствуйте, сударь.

Графъ. Ты здѣсь одна, малютка?

Даша. Барышня еще одѣвается, а графиня съ вашимъ дядюшкою и княгинею пошла въ садъ.

Графъ. Скажи пожалуйста, Дашенька, отчего ты каждый день дѣлаешься милѣе?

Даша. И приказала васъ просить туда-же.

Графъ. Изборскій, видалъ-ли ты гдѣ-нибудь такую миленькую субреточку?

Даша. Вы, сударь, какъ кажется, не очень спѣшите увидѣться съ барышнею.

Графъ. Мы успѣемъ еще насмотрѣться другъ на друга. *(Беретъ ее за руку).* Послушай, миленькая!

Даша. Я сударь, слушаю не руками. Ступайте въ садъ, графиня васъ дожидается.

Графъ. Э, Дашенька! оставь свою сіятельную барыню—кому придетъ въ голову думать объ ней, говоря съ такой хорошенькой, прелестной служаночкою.

Даша. И, графъ! вы ужъ мнѣ наскучили,—все одно, да одно. Оставайтесь-же здѣсь, а я пойду сказать барынѣ, что вы пріѣхали. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Графъ и Изборскій.

Графъ *(подойдя къ зеркалу).* Ахъ, Боже мой! какое у меня измятое лицо. Я не похожъ на самого себя.

Изборскій. Удивительно ли! Ты вчерась до четырехъ часовъ пробылъ у барона.

Графъ. Да неужели я долженъ былъ сдѣлать то же, что ты — уѣхать въ одиннадцать часовъ! Фи, mon cher! это уже слишкомъ помѣщански.

Изборскій. Какъ хочешь, графъ, я не могу никакъ пріучить себя танцовать или сидѣть всю ночь за ломбернымъ столикомъ, а потомъ спать до самаго обѣда.

Digitized by Google

Графъ. О! тебѣ нужно еще ко многому пріучить себя. Кто хочетъ жить въ свѣтѣ, тотъ долженъ всячески приноравливаться къ образу жизни, къ тону, принятому во всѣхъ обществахъ. Вотъ, напримѣръ, ты никакъ не можешь отвыкнуть отъ своей смѣшной застѣнчивости. Вчерась ты почти не мѣшался ни разу въ общій разговоръ.

Изборскій. Виноватъ-ли я, что не могу подобно тебѣ разсуждать съ систематическою точностію, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ такой-то мизеръ можно выиграть, или съ такою-то игрою поставить ремизъ, отчего въ крепсѣ гораздо выгоднѣе кричать банко, чѣмъ дѣлать самому предложеніе.

Графъ. Положимъ, что, не будучи игрокомъ, ты не можешь судить объ игрѣ, но вчерась у барона были сочинители, ученые, — они говорили о литературѣ.

Изборскій. Я слушалъ ихъ.

Графъ. А самъ не говоритъ ничего.

Изборскій. Они разсуждали о сочиненіяхъ, которыя извѣстны мнѣ по одному только названію.

Графъ. Какая нужда! Ты также могъ-бы дѣлать свои сужденія: сказать, напримѣръ, что слогъ такого-то автора тяжелъ, непріятенъ; завести споръ, и еслибъ не могъ доказать своему противнику, то заставилъ-бы по крайней мѣрѣ думать другихъ, что ты не меньше его имѣешь познаній, потому что споришь и не хочешь съ нимъ согласиться.

Изборскій. Поэтому, графъ, ты полагаешь, что наглость и страсть спорить о томъ, что для насъ неизвѣстно, или чего не понимаемъ, гораздо приличнѣе для молодого человѣка, чѣмъ вѣжливость, скромность...

Графъ. Скромность, скромность! Фи, mon cher! когда ты уймешься говорить объ этой скромности? Нынче однѣ только матушки, да и то для одной проформы, твердятъ о скромности своимъ дочкамъ, которыя черезчуръ бываютъ ужъ развязны.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Даша *(подходитъ потихоньку и слушаетъ)*.

Даша. Объ чемъ они говорятъ?

Графъ. Послушай, Изборскій, я хочу непремѣнно воспитать тебя и сдѣлать человѣкомъ. И такъ вѣрь мнѣ, что изъ всѣхъ слабостей, самая непростительная есть скромность. Ты можешь самъ сомнѣваться въ своихъ достоинствахъ, но не долженъ никогда показывать этого; увѣренность въ самомъ себѣ должна быть видна во всѣхъ твоихъ поступкахъ; но болѣе всего старайся говорить съ похвалою какъ можно чаще о себѣ самомъ, и какъ можно рѣже о другихъ.

Даша *(въ сторону)*. Какія христіанскія поученія!

Изборскій. Ты позабылъ, графъ, что однимъ глупцамъ прилично хвалить самимъ себя—умный человѣкъ предоставляетъ это всегдругимъ.

Даша *(въ сторону)*. Какова эта пилюля.

Графъ. Вотъ еще одно изъ тѣхъ дѣдовскихъ изъѣтыхъ молью правилъ. Нынче, всякій, кто имѣетъ хотя немного ума, старается его показывать, и тотъ только, кто его совершенно не имѣетъ, молчитъ, или, говоря твоимъ языкомъ, играетъ роль скромнаго человѣка.

Даша. Онъ не худо отдѣлывается!

Изборскій. Но развѣ человѣкъ съ небольшимъ умомъ можетъ увѣрить другихъ, что онъ гораздо умнѣе, чѣмъ есть въ самомъ дѣлѣ?

Графъ. О! очень часто. Я знаю здѣсь многихъ, которые, имѣя отъ природы умъ весьма посредственный, до того кричали и заставляли кричать своихъ пріятелей о необыкновенномъ ихъ разумѣ, что, наконецъ, всѣ имъ повѣрили, и теперь закидали-бы каменьями всякаго, кто осмѣлился-бы въ этомъ хотя немного посумниться; но я отбился отъ своего предмета; я хотѣлъ тебѣ открыть въ двухъ словахъ великую тайну общежитія.

Даша. Послушаемъ, что это за тайна.

Графъ. Въ большомъ свѣтѣ застѣнчивость считается главнѣйшимъ порокомъ. Надобно обо всемъ говорить съ благородною смѣлостію. дѣлать рѣзкія сужденія, находить въ чемъ-нибудь или все превосходнымъ, или все дурнымъ. Сказавши глупость, не только не краснѣть, но поддерживать ее, и даже снова повторять, если то надобно; быть всегда любезнымъ съ женщинами, разсуждать съ ними съ видомъ глубокомысленнымъ о бездѣлицахъ, всегда льстить ихъ самолюбію, стараться всѣмъ кружить головы и никогда не влюбляться самому.

Даша. Безбожникъ!

Изборскій. Ты даешь наставленія, а между тѣмъ не выполняешь ихъ. Никогда не влюбляться! А Софья?

Графъ. Ну что-же? Развѣ это что-нибудь доказываетъ? Я хочу на ней жениться.

Изборскій. Слѣдственно ты ее любишь?

Графъ. Да, она довольно милая дѣвушка, не слишкомъ остра; не имѣетъ совсѣмъ живости, любезности своей двоюродной сестры, но за то добра, какъ ягненочекъ.

Даша. Негодный!

Изборскій. И ты можешь говорить такъ равнодушно, такъ холодно объ этой прелестной, несравненной Софьѣ!

Графъ. И, mon cher! я давно уже отвыкъ отъ этихъ пламенныхъ восторговъ, особливо теперь, когда я намѣренъ жениться, были-бы они очень кстати. Супругъ аркадскій пастушокъ, который таетъ отъ восхищенія, смотря на томную свою подругу! О! я уморилъ-бы со смѣху всѣхъ моихъ знакомыхъ.

Даша. Туда бы имъ и дорога!

Графъ. Впрочемъ Софья имѣетъ много достоинствъ: она тиха, снисходительна, и кажется, будетъ предоброю женою.

Даша. Нѣтъ, я не могу ужъ болѣе слушать. Графъ!

Графъ. А! ты здѣсь, Дашенька! Ужъ не подслушивала-ли ты насъ?

Даша. Нѣтъ, сударь, я сейчасъ только взошла. Барышня пошла въ садъ, не угодно-ли и вамъ туда же пожаловать?

Графъ. Пойдемъ, mon cher! Прощай, плутовочка! *(Треплетъ ее по щекѣ и отходитъ съ Изборскимъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Даша *(одна, смотря имъ вслѣдъ)*.

Хорошъ гусь! И этотъ-то бездушный женится на моей барышнѣ. Какая разница между

Digitized by Google

имъ и Изборскимъ! Какъ бы я была рада, еслибъ княгинѣ удалось то, о чемъ она давича говорила съ барышней. Хоть бы одного изъ этихъ модниковъ вывести путемъ на свѣжую воду, можетъ быть тогда-бъ стали имъ меньше вѣрить, или они поумнѣе насъ обманывали.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садовую бесѣдку.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Графъ, князь и графиня *(играютъ въ бостонъ)*; Эрастовъ, Изборскій, княгиня и Софья, *(сидятъ полукружіемъ)*.

Графиня. Вамъ дѣлать сюры, князь.

Княгиня. Кстати, Изборскій, я еще васъ и не спрашивала, были-ли вы вчерась въ театрѣ?

Изборскій. Былъ, сударыня.

Княгиня. Что вы думаете о новой комедіи?

Изборскій. Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды.

Графъ *(играя въ карты)*. Спросите лучше, княгиня, стоитъ ли она того, чтобъ объ ней что-нибудь думать.

Изборскій. Какъ, графъ! ты говоришь...

Графъ. Да, я говорю, что она прежалкая пьеса.

Графиня. Да и вы, батюшка, прежалкій игрокъ! Что вы дѣлаете! Ну такъ и есть, у васъ дама самъ третей, а вы бьете бубны. Какъ выиграть такую игру! Вы были бы безъ ума, князь.

Графъ. Извините, я заговорился.

Графиня. Прекрасное оправданіе. Да развѣ можно говорить, когда играютъ въ бостонъ. Зачѣмъ мѣшаться въ ихъ разговоры. Проклятая комедія! Восемь выиграны, мой ремизъ взятъ, а вся бѣда опять отъ нея.

Графъ. Мы такъ давно ужъ играемъ, что у меня голова начинаетъ кружиться. *(Софьѣ)*. Могу ли васъ просить сыграть за меня нѣсколько игръ.

Софья. Съ великимъ удовольствіемъ!

Княгиня *(тихо Софьѣ)*. Не забудь, что мы говорили поутру. Совѣтую тебѣ замѣчать нашъ разговоръ. *(Софья садится на мѣсто князя и начинаетъ играть, а графъ садится на ея мѣсто)*.

Княгиня. Растолкуйте мнѣ, графъ, что вы хотѣли сказать своей жалкой пьесой?

Графъ. Мнѣ кажется, это очень понятно, сударыня.

Княгиня. И такъ, по вашему мнѣнію, вчерашняя комедія...

Графъ. Плоска, суха, несносна, скучна до безконечности.

Изборскій. Ты шутишь, графъ.

Графъ. Надобно имѣть ангельское терпѣніе, чтобъ вынести ее до конца.

Изборскій. Какія-же имѣешь ты причины находить ее дурною?

Графъ. Тысячу. Во-первыхъ она отъ самаго начала до послѣдняго явленія никуда не годится.

Изборскій. Но чѣмъ докажешь ты это?

Графъ. Чѣмъ, чѣмъ! Забавный вопросъ. Какъ будто я обязанъ доказывать! Довольно—я говорю, что она никуда не годится—чего же тебѣ больше?

Изборскій. Это еще не убѣдительное доказательство.

Графъ. Я спалъ въ продолженіе всей пьесы.

Изборскій. Можетъ быть передъ этимъ ты игралъ цѣлую ночь въ крепсъ.

Графъ. Я спалъ не одинъ—всѣ спали.

Изборскій. Всѣ! Это что-то новое!

Графъ. И если хочешь, покажу тебѣ эпиграмму, въ которой то-же самое напечатано.

Княгиня. Слышите ли, Изборскій—надобно, чтобъ вы были слишкомъ упрямы, если не согласитесь теперь, что и вы спали вмѣстѣ съ другими.

Изборскій. Я не буду самъ отвѣчать. Графиня! позвольте васъ спросить, уснули-ли вы вчера въ театрѣ?

Графиня. И! батюшка, какъ можно было уснуть. Всѣ какъ будто взбѣленились: такое было хлопанье, что до сихъ поръ въ ушахъ звенитъ.

Графъ. Это партеръ, вѣчная опора господъ авторовъ. Какъ будто рукоплесканіе партера что-нибудь значитъ!

Князь. Это бы ничего, мой милый; но вообрази, до какой степени вкусъ публики испорченъ—я самъ видѣлъ, что апплодировали не только въ креслахъ, но даже и въ ложахъ!

Изборскій. Видишь ли, графъ, твоя эпиграмма солгала.

Графъ. По крайней мѣрѣ я не апплодировалъ ни разу, и проснулся только въ пятомъ актѣ отъ фейерверка, которымъ, какъ кажется, сочинитель хотѣлъ поразогрѣть свою пьесу.

Княгиня. Поразогрѣть свою пьесу—какъ вы злы, графъ! Поразогрѣть! Какъ это остро! Мнѣ досадно, что авторъ васъ не слышитъ; я увѣрена, что это поразогрѣть было бы ему совсѣмъ не по сердцу.

Графъ. Я намѣренъ противъ него кой-что написать. Стиховъ я не сочиняю, но какую-нибудь сатиру въ прозѣ. О, сударыня, еслибъ вы знали, что у меня есть въ головѣ...

Князь *(играя)*. Грандъ-мизеръ парту.

Изборскій. Пиши, что хочешь: и прозой и стихами, а со всѣмъ тѣмъ комедія прекрасна; она дѣлаетъ честь нашей словесности. Я нахожу даже, что въ ней есть мѣста достойныя Мольера.

Графъ. Достойныя Мольера—ха, ха, ха!—Мольера, который восхищаетъ и французовъ!

Изборскій. Чему-жъ ты смѣешься?

Графъ. Я? такъ—ничему. Достойныя Мольера!—Это безцѣнно!

Изборскій. Что-же кажется тебѣ тутъ страннымъ?

Графъ. Ничего, совершенно ничего. Достойныя Мольера! — Это забавно — очень забавно!

Изборскій. Можно-ли не восхищаться сценою между Пронскимъ и графиней Лелевой?

Графъ. Это правда: слушая ее, я зѣвалъ отъ восхищенія.

Княгиня. Еще! — Нѣтъ, графъ, мнѣ жаль ужъ бѣднаго сочинителя! Зѣвать отъ восхищенія—можно-ли быть такимъ насмѣшникомъ. Надобно сказать правду, попадись только вамъ на язычекъ...

Графъ. Вы шутите, княгиня,—будто я такъ золъ! Повѣрьте, что я...

Digitized by Google

Графиня *(играя)*. Бетъ, сударь, бетъ,— прошу записать.

Графъ. Что я гораздо милостивѣе многихъ говорю объ этой пьесѣ — послушали бы вы моихъ знакомыхъ.

Изборскій. Я не понимаю, отчего вздумалось тебѣ и твоимъ пріятелямъ укладывать насъ спать, когда вся публика отдаетъ должную справедливость этой пьесѣ.

Графъ. Послушай, возьмемъ въ посредники г-на Эрастова; онъ сочинитель, слѣдственно, лучше можетъ доказать, что вчерашняя комедія никуда не годится.

Эрастовъ. Извините, графъ, я не совсѣмъ буду согласенъ съ вами. Вы судите слишкомъ строго. Въ ней проскакивали кой-гдѣ мѣста довольно сносныя: стихи вообще нельзя назвать совершенно дурными.

Графъ. О, не говорите мнѣ ничего о стихахъ. Сколько ни старался я замѣтить, но по сихъ поръ не знаю, чѣмъ она писана: стихами или прозой.

Изборскій. Тѣмъ лучше — слѣдственно стихи такъ плавно и легко написаны, что трудность размѣра и удареній въ нихъ совсѣмъ не примѣтны.

Графъ. Фи, **mon cher**! какъ тебѣ не стыдно! Какіе это стихи, если ихъ можно читать такъже легко, какъ прозу? Надобно, чтобъ въ стихахъ была всегда какая-то величественная шероховатость, которая придаетъ имъ видъ важный, а особливо въ мрачныхъ описаніяхъ. Вотъ напримѣръ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ читалъ недавно при дамахъ свое сочиненіе: лишь только онъ началъ, то у всѣхъ, кто могъ его понимать, волосы стали дыбомъ; въ половинѣ чтенія сдѣлалось многимъ дурно, а подъ конецъ одна дама упала въ обморокъ и лежитъ теперь при смерти въ горячкѣ. Вотъ истинно піитическіе стихи.

Княгиня. Ну, пусть бы обморокъ, а то горячка! Нѣтъ, графъ, эти стихи ужъ слишкомъ хороши.

Изборскій. Я до сихъ поръ думалъ, что ясность есть первое достоинство стиховъ.

Графъ. Ясность, ясность! Вотъ на чемъ помѣшались всѣ эти господа; да знаете ли, что сказалъ одинъ знаменитый писатель; авторъ не тѣмъ великъ, что изъясняетъ, но тѣмъ, что должно въ немъ отгадывать.

Изборскій. Поэтому въ Телемахидѣ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ нѣчто великое?

Княгиня. Я вижу, что вы хотите замять разговоръ о комедіи, но это вамъ не удается. Г. Эрастовъ, вы начали что-то говорить о ея недостаткахъ.

Эрастовъ. Я бы никогда не кончилъ, сударыня, и для того замѣчу только главнѣйшіе: во-первыхъ, вся комедія имѣетъ видъ сатиры...

Изборскій. Вы позабыли, сударь, Аристотель говорилъ, что сатира сдѣлалась тогда поучительнѣе, когда ее стали представлять на театрѣ въ видѣ комедіи.

Графъ. Аристотель говоритъ! Прекрасное доказательство! Аристотель могъ быть учителемъ своихъ римлянъ, но мы...

Изборскій. Онъ былъ грекъ.

Графъ. Грекъ или римлянинъ для меня все равно — я знаю только, что всѣ римскіе и греческіе мудрецы не увѣрятъ меня, что вчерашняя пьеса можетъ назваться хорошею.

Княгиня. Браво, графъ, не уступайте. Неужели въ самомъ дѣлѣ, не спросясь у г-на Аристотеля, нельзя бранить никакой комедіи?

Графиня. Объ чемъ ты думаешь, Сонюшка — заздается въ другой разъ сряду.

Софья. Я слушала, какъ графъ говорилъ объ Аристотелѣ.

Князь. О, сударыня! мой племянникъ великій человѣкъ для этого; онъ знаетъ по пальцамъ всю древнюю исторію.

Княгиня. Это, думаю, кузина успѣла ужъ и замѣтить. Ну, г. Эрастовъ, добивайте поскорѣй несчастную комедію.

Эрастовъ. Я нахожу, что вообще всѣ разговоры между кокеткой и графомъ Ольгинымъ ни на что не похожи. Такъ-ли должно молодому воспитанному человѣку обходиться съ благородною женщиною? Чѣмъ начинается ихъ разговоръ при первомъ свиданіи? Онъ говоритъ ей вещи, которыя едва ли можно позволить себѣ съ простою горничною дѣвушкою; однимъ словомъ, характеръ кокетки совсѣмъ не выдержанъ, и дерзкій тонъ графа такъ унижаетъ ее въ глазахъ зрителей, что она становится для нихъ совсѣмъ не интересною.

Графъ. Браво, г. Эрастовъ, прекрасно, нельзя лучше. Ну, что же ты ничего не отвѣчаешь?

Изборскій. Это не трудно сдѣлать; я нахожу...

Графъ. Отвѣчай же, отвѣчай!

Изборскій. Мнѣ кажется...

Графъ. Говори, говори; посмотримъ, что ты скажешь?

Изборскій. Мнѣ кажется, что графъ Ольгинъ поступаетъ естественно. Не забудьте, что авторъ хотѣлъ въ немъ представить самаго дерзкаго, избалованнаго женщинами модника; онъ знаетъ Лелеву, знаетъ, что она должна была по неволѣ уѣхать изъ Петербурга, слѣдственно не считаетъ себя принужденнымъ наблюдать съ ней ту вѣжливость, которою мы обязаны женщинамъ, заслуживающимъ уваженіе общества; онъ думаетъ даже симъ способомъ открыть глаза своему двоюродному брату. И гдѣ же была бы мораль пьесы, еслибъ авторъ, въ сей унизительной для графини сценѣ, не хотѣлъ показать, какимъ непріятностямъ подвергается всякая женщина, пренебрегая сужденія свѣта, и какъ излишнее кокетство даетъ мужчинамъ право быть дерзкими и терять къ нимъ всякое уваженіе.

Княгиня. Ай, ай! — Графъ! наши дѣла идутъ худо.

Графъ. Пустыя доказательства, **mon cher**! Наборъ громкихъ словъ и больше ничего.

Княгиня *(Эрастову)*. Скорѣй секурсъ, а не то мы пропали.

Эрастовъ. Вы скажете также, что характеръ кокетки не униженъ, когда онъ даетъ рандеву тому же самому вертопраху, который за нѣсколько минутъ до того наговорилъ ей столько дерзостей.

Изборскій. Это-то самое и заставляетъ ее назначить свиданіе; она надѣется завести его самаго, вскружить ему голову, заставить быть скромнымъ и не только не мѣшать ея планамъ, но даже помогать ей. Еслибъ онъ не испугалъ ее съ самаго начала своимъ насмѣшливымъ тономъ, то она не имѣла бы никакой причины назначать ему свиданія, тѣмъ болѣе, что всякая нескромность со стороны вѣтренника превратила бы въ ничто все ея намѣреніе.

Княгиня. Мнѣ кажется, графъ, что Изборскій лучше сдѣлаетъ, если замолчитъ.

Графъ. О, гораздо лучше! По чести, мнѣ жаль тебя, **mon cher**, ты всѣхъ заставишь смѣяться надъ собою. Защищать такую комедію!

Digitized by Google

Эрастовъ. Г. Изборскій защищался довольно хорошо: но посмотримъ, чѣмъ оправдаетъ онъ личности, которыми наполнена пьеса.

Изборскій. Личности! Вотъ всегдашній и самый несправедливый упрекъ, который дѣлаютъ комическимъ авторамъ. Комедія должна быть зеркаломъ, въ которомъ каждый можетъ видѣть свое изображеніе, но не долженъ узнавать себя. Авторъ, сочиняя комедію, осмѣиваетъ пороки, и такъ не удивительно, что, давая своимъ персонажамъ характеры, сообразные съ планомъ пьесы и нравами его современниковъ, можетъ самымъ невиннымъ образомъ сдѣлать себѣ кучу непріятелей.

Эрастовъ. Въ этомъ я согласенъ; но баллады, про которыя онъ такъ часто говоритъ...

Графъ. Да, да, баллады! Я было и позабылъ объ этомъ. Ну, г. защитникъ, что скажешь ты теперь? Развѣ это не личности?

Изборскій. Гдѣ-жъ тутъ личность? Развѣ баллада лицо? Автору „Липецкихъ водъ“ не нравится сей родъ сочиненій—это ни мало не удивительно. Однѣ красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ немъ странный выборъ предметовъ, и если сей родъ найдетъ подражателей, которые, не имѣя превосходныхъ дарованій своего образца, начнутъ также писать объ однихъ мертвецахъ и привидѣніяхъ, то признайтесь сами, что тогда словесность наша немного выиграетъ.

Графъ. Ты мастеръ дѣлать фразы; но это не поможетъ тебѣ ни мало. Всѣ мои знакомые одного со мною мнѣнія; комедію засыпаютъ эпиграммами. А propos! мнѣ сегодня еще про одну сказывали: постойте, я вспомню. Ничего не можетъ быть прекраснѣе—совершенно французскій оборотъ. Въ первомъ стихѣ есть что-то о природѣ, а во второмъ о сухихъ водахъ.

Княгиня. О сухихъ водахъ! Это въ самомъ дѣлѣ прекрасно! Жаль только, что я не понимаю.

Графъ. Это алюзія на счетъ названія пьесы. Сухія воды! Чувствуете ли, княгиня, какъ это остро! Какая ѣдкая двусмысленность. Сухія воды! Какъ ало! По чести, въ этихъ двухъ словахъ гораздо болѣе ума, чѣмъ во всей этой жалкой комедіи.

Княгиня. Я согласна съ вами: эти сухія воды удивительно замысловаты. Признайтесь, графъ, вы первые подали мысль написать эту эпиграмму.

Графъ. О, нѣтъ, сударыня.

Княгиня. Вы скромничаете.

Графъ. Увѣряю васъ.

Княгиня. Въ этой эпиграммѣ виденъ вашъ умъ, ваша острота.

Графъ. Вы очень милостивы; но клянусь, что тутъ я совсѣмъ не виноватъ предъ бѣднымъ сочинителемъ.

Княгиня. Ну, Изборскій, попробуйте теперь защищать еще вашу комедію. Видите ли, что достается автору. Князь говорилъ еще про какую-то сатиру въ прозѣ—смотрите, чтобъ и васъ туда не помѣстили.

Изборскій. Это меня совсѣмъ не пугаетъ. Знаете ли что, княгиня! я имъ прочту прекрасную басню: „Слонъ и Моська“, одного знаменитаго нашего писателя.

Графъ. Нашего писателя... Прочти, прочти.

Изборскій.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показъ:
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ не возьмись навстрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
Сосѣдка, перестань срамиться:
Ей шавка говоритъ, тебѣ-ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ.
Эхъ! эхъ! ей моська отвѣчаетъ.
Вотъ то-то мнѣ и силы придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай-же говорятъ собаки:
Ай моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона!

Княгиня. Вы этимъ не удивите: они найдутъ тотчасъ свое оправданіе въ концѣ басни.

Графъ. Вся эта басня украдена изъ Лафонтена точно такъ же, какъ и комедія изъ Мольера.

Изборскій. Вы правы, графъ; оба наши автора стараются украсть талантъ французскихъ писателей.

Графиня *(бросая карты)*. Что это! Семерка самъ другъ, и двѣ маленькія, а мизеръ выигранъ; на что это похоже! Не стыдно ли вамъ, князь! дожили вы до сѣдыхъ волосъ, а не умѣете путемъ разыграть открытаго мизера.

Князь. До сѣдыхъ волосъ! Сударыня! будьте поразборчивѣе въ вашихъ выраженіяхъ.

Графиня. Да, сударь, да! Когда человѣкъ дожилъ до семидесяти лѣтъ...

Князь. Вы скажете, пожалуй, что я былъ совершеннымъ человѣкомъ, когда вы выходили замужъ.

Графиня. Какая дерзость! Куда какъ хорошо дѣлаютъ, что дурачатъ въ комедіяхъ столѣтнихъ волокитъ, которые наканунѣ своей смерти думаютъ еще любезничать и казаться молодыми.

Князь *(вскакивая со стула)*. Наканунѣ смерти! Да, сударыня, поступаютъ очень умно, выводя на сцену старыхъ барынь, которыя всѣхъ думаютъ учить, а не знаютъ сами общежитія.

Графиня *(вскакивая)*. Князь!

Князь. Графиня!

Графиня. Еслибъ я болѣе уважала словами вашими...

Князь. Еслибъ я менѣе почиталъ полъ вашъ...

Софья *(графу)*. Помирите ихъ!

Графъ *(тихо графинѣ)*. Какъ вамъ не стыдно на него сердиться, графиня! Развѣ вы не видите, что онъ изъ ума выжилъ и хочетъ вопреки цѣлому свѣту казаться молодымъ.

Графиня. Это правда.

Графъ *(тихо князю)*. Не смѣшно ли, что вы не хотите ей уступить,—развѣ не примѣчаете, что это одна только привычка со всѣми браниться.

Князь. Я то же думаю.

Графъ. Неужели такая бездѣлица можетъ васъ поссорить?

Графиня. Нѣтъ, я ужъ не сержусь; однакожъ выиграть такой мизеръ и на послѣднюю игру!

Князь. Я постараюсь, графиня, играть впередъ осторожнѣе.

Княгиня. Время прекрасное! Какъ вы ду-

Digitized by Google

маете, тетушка, не походить-ли намъ до обѣда во саду?

Графиня. И въ самомъ дѣлѣ, а то ужъ мы очень засидѣлись. Пойдемте, князь; видите, я ужъ не сердита; прошу, однакожъ, впередъ не дѣлать такихъ ошибокъ.

Князь. Будьте спокойны, графиня, я не дамъ выиграть ни одного мизера. *(Подаетъ ей руку).*

Княгиня *(подавая руку графу)*. Графъ! вы не откажетесь быть моимъ ковалеромъ. Изборскій, дайте руку кузинѣ. *(Эрастову)*. Подождите меня здѣсь. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Эрастовъ (*одинъ, садится на стулъ и вынимаетъ книжки*).

Не надобно терять свободнаго времени. Я теперь одинъ; начнемъ планъ нашей комедіи. Комедіи! Гмъ! еслибъ мнѣ удалось разбрызгать моей пьесой эти несносныя Липецкія воды! Почему-жъ и не такъ! Правда, въ нихъ много ума, очень много, такъ — что-же? Тѣмъ лучше! Умныя дѣти не долго живутъ. Начнемъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Эрастовъ и Даша.

Даша *(не видя Эрастова)*. Здѣсь никого нѣтъ; видно бостонъ ужъ кончился. Мнѣ показалось издали, что барышня прогуливается съ Изборскимъ. Ужъ нейдетъ ли на ладъ наше дѣло; какъ бы я была рада! Барышня была бы счастлива, а сіятельный вѣтренникъ прогулялъ бы прекрасную невѣсту, и, что еще досаднѣе — богатое приданое. Какъ бы дѣвушка ни была прекрасна, сколько-бъ ни имѣла достоинствъ, да если только нѣтъ къ нимъ прилагательнаго, то того и гляди, что красавица вѣчно просидитъ въ дѣвкахъ!

Эрастовъ *(продолжая писать)*. Прекрасно, прекрасно! Нельзя лучше!

Даша. Ахъ! вы здѣсь, г. Эрастовъ! какъ вы меня испугали.

Эрастовъ. Мысль нова! оригинальна! оборотъ совершенно необыкновенный. Посмотримъ г. русскій-Мольеръ, посмотримъ, на чьей сторонѣ будетъ публика.

Даша. Что вы тутъ дѣлаете, сударь? Вы забились въ такой уголокъ, что васъ совсѣмъ и не видно.

Эрастовъ. А, это ты, Дашенька! Не мѣшай мнѣ, я пишу комедію.

Даша. А будетъ-ли въ ней какая-нибудь служанка?

Эрастовъ. Непремѣнно!

Даша. Ахъ, сударь, что вы это дѣлаете? Да знаете ли, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ написать роль для служанки.

Эрастовъ. Почему ты это думаешь, миленькая?

Даша. А развѣ вы не слышали, какъ разсказывала княгиня, что говорили про служанку вчерашней комедіи: одни кричатъ, что она черезчуръ умна, другіе увѣряютъ, что она слишкомъ глупа, третьи, что не когда мѣшается въ разговоры. и если вы всѣмъ захотите угождать, то придется вашей служанкѣ не говорить ни слова.

Эрастовъ. О! я увѣренъ, что моя горничная всѣмъ понравится. Я выведу, Дашенька, тебя въ моей комедіи.

Даша. Меня! Какъ это весело! И я также буду въ комедіи! Ну, сударь, вамъ помѣшаютъ; я вижу, сюда идутъ княгиня и графъ.

Эрастовъ. Ахъ, Дашенька, пожалуйста уйди! Они вѣрно будутъ говорить между собою; если ты помѣшаешь, то я пропущу можетъ быть лучшую сцену для моей комедіи.

Даша. И въ самомъ дѣлѣ. Смотрите же, спрячьтесь подалѣе, чтобъ васъ не увидѣли. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Эрастовъ (*одинъ*).

О! это будетъ несравненная сцена! Одинъ станетъ клясться, другая не вѣрить—оба будутъ другъ друга обманывать.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Графъ, княгиня и Эрастовъ (*скрытый*).

Графъ. И такъ, княгиня, вы рѣшились никогда мнѣ не вѣрить?

Княгиня. Перестаньте, графъ! Неужели вы думаете, что я такъ-же легковѣрна, такъ-же неопытна, какъ Софья. О, я знаю васъ, господа мужчины! Любовь, постоянство, вѣрность всегда на языкѣ у васъ, а въ сердцѣ никогда.

Графъ. Вы шутите, княгиня! Вамъ ли жаловаться на непостоянство мужчинъ! Съ вашей красотой, съ вашей любезностью можно ли встрѣчать измѣнниковъ. Оставьте этотъ упрекъ для обыкновенныхъ женщинъ; но вы— вы, которыя, соединя въ себѣ всѣ прелести пола вашего...

Княгиня. Не хочу имѣть прочихъ женщинъ легковѣрность: не то-ли думали вы сказать мнѣ?... Послушайте, графъ, первѣйшее доказательство любви есть откровенность,— будьте со мной чистосердечны.

Графъ. Сударыня! читайте въ моемъ сердцѣ.

Княгиня. Признайтесь откровенно, которую уже женщину увѣряете вы въ вашей вѣчной, постоянной любви?

Эрастовъ. Придется попросить грифельной доски.

Графъ. Клянусь, съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ жить въ свѣтѣ...

Княгиня. Нѣтъ, со вчерашняго дня.

Эрастовъ. Прекрасно! Ай да княгиня! *(Пишетъ).*

Графъ. Вы смѣетесь надо мною сударыня!

Княгиня. Ни мало. Я нахожу мой вопросъ очень натуральнымъ. Вы хотите жениться на кузинѣ, слѣдственно говорите ей то же, что и мнѣ. Я слышала нѣсколько разъ сама, что вы, позабывшись, чуть-чуть не открывались въ любви моей тетушкѣ; однимъ словомъ, мнѣ кажется, нужно только быть женщиной, чтобъ имѣть право на сердце и постоянную, безконечную любовь вашу.

Графъ. Какъ, сударыня! вы даете такую цѣну этимъ пустымъ, ничтожнымъ вѣжливостямъ. Я полагалъ, княгиня, что вы лучше умѣете отличать истинную любовь отъ обы-

Digitized by Google

кновенныхъ комплиментовъ. Пускай старыя вдовушки, которыя рады ко всему прицѣпиться, находятъ въ нихъ болѣе, чѣмъ одну условную вѣжливость; но вамъ ошибаться такимъ непростительнымъ образомъ! О! этого, княгиня, не смѣлъ бы даже я и подумать.

Княгиня. Но, сударь, я была уже свободна, когда вы узнали Софью, а со всѣмъ тѣмъ вы женитесь на ней.

Графъ. Я поздно уже узналъ васъ, княгиня. Сначала молодость Софьи, ея — ея излишняя доброта, которая казалась мнѣ милою стыдливостью, невинностью, свойственною ея лѣтамъ, плѣнили меня; я сталъ искать въ ней и имѣлъ несчастіе ей понравиться. Теперь, когда первый восторгъ мой прошелъ, я вижу все различіе между вами и Софьей; но согласитесь, княгиня, это было-бы слишкомъ уже жестоко, слишкомъ ужасно, завести невинную, неопытную дѣвушку и послѣ ее оставить.

Княгиня. И такъ вы женитесь на ней изъ одного сожалѣнія?

Эрастовъ. Пятьдесятъ тысячъ доходу хоть кого разжалобятъ.

Графъ. Почти! Ахъ, княгиня! для чего понравился я Софьѣ, для чего, вмѣсто любви, не получила она ко мнѣ отвращенія; какъ бы я былъ счастливъ!

Княгиня. Ваша откровенность заставляетъ и меня быть довѣрчивѣе. Признаюсь, я была бы очень довольна, если бы вы не нравились моей кузинѣ.

Графъ. Что вы говорите, княгиня! Какое благополучіе! могу ли вѣрить?...

Княгиня. Да, графъ! притворство мнѣ не свойственно, и хотя бы мнѣ не должно было... Но повторяю еще, что почла бы благополучной ту минуту, въ которую Софья отказалась бы отъ руки вашей. Графъ! я знаю вамъ истинную цѣну, она не создана для васъ.

Графъ *(въ сторону)*. Прекрасно! она меня обожаетъ, любитъ!

Эрастовъ. Пускай попробуетъ другой обманывать, говоря правду.

Графъ. Княгиня! какъ изъяснить вамъ мою благодарность; вы любите меня!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, графиня, князь, Изборскій и Софья.

Графъ *(не примѣчая другихъ, продолжаетъ говорить, цѣлуя руку)*. Какое благополучіе можетъ сравниться съ моимъ. О, повторите еще разъ!...

Графиня. Что это значитъ! Прекрасный женихъ! Сватается за мою Сонюшку, а между тѣмъ... А тебѣ, сударыня, не стыдно!...

Эрастовъ. Браво! вотъ и развязка!

Графиня *(князю)*. Ну, сударь, каковъ вашъ племянникъ!

Князь. Я право не понимаю, сударыня...

Графиня. Чего тутъ понимать, батюшка! Развѣ вы не слышали, что онъ говорилъ; развѣ не видали, съ какимъ жаромъ цѣловалъ ея руку!

Графъ. Выслушайте меня, сударыня...

Графиня. Не хотите ли вы и меня увѣрять...

Графъ. Одно слово, графиня, и я оправдаюсь. Я просилъ княгиню вступиться за меня, уговорить васъ не откладывать болѣе мою свадьбу и въ ту самую минуту, какъ вы взошли, я благодарилъ ее и просилъ еще разъ повторить обѣщаніе быть моей покровительницей.

Графиня. Какъ! неужели я ошиблась. Вы въ самомъ дѣлѣ говорили объ этомъ?

Княгиня. Да, тетушка, мы говорили о кузинѣ.

Эрастовъ. Вывернулся, какъ вывернулся. Придется еще одинъ актъ прибавить.

Князь. Видите ли, графиня, наружность всегда обманчива. Всѣ любовные романы наполнены подобными случаями: напримѣръ въ „Маркизѣ Глаголѣ“...

Графъ. И, дядюшка! оставьте вашихъ маркизовъ; попросите лучше графиню и прелестную ея племянницу довершить мое благополучіе.

Графиня. Хорошо, хорошо! Оставьте-же насъ теперь однихъ съ княземъ; намъ надобно будетъ съ нимъ кой о чемъ поговорить.

Княгиня *(тихо Софьѣ)*. Жаль, милая, что ты не слыхала, о чемъ мы говорили съ графомъ. Я перескажу тебѣ объ этомъ послѣ.

Князь. Однако-же, племянникъ, это не хорошо оставаться наединѣ съ княгиней, злые люди могутъ Богъ знаетъ что выдумать.

Графъ. Вы правы, дядюшка; вотъ еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, то злые люди не могли бы тогда вѣрно ничего подумать дурного. *(Княгиня подаетъ руку графу)*.

Графиня. Что это матушка! Можно хоть разъ пустить графа погулять съ своей невѣстой.

Княгиня. И, тетушка! имъ будетъ для этого довольно еще времени. *(Скоро уходитъ съ графомъ, Софья съ Изборскимъ за ними)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Графиня, князь и Эрастовъ *(скрываясь пишетъ все время)*.

Князь. Какой дерзкій насмѣшникъ!

Графиня. Какая безстыдная кокетка!

Князь. Ну точь въ точь, какъ этотъ вертопрахъ въ „Липецкихъ водахъ“.

Графиня. Двѣ капли воды, какъ эта вѣтренница во вчерашней комедіи.

Князь. Подѣломъ смѣются надъ этими повѣсами.

Графиня. Не мѣшаетъ, чтобъ почаще сочиняли комедіи на этихъ безстыдныхъ.

Князь. Слышали-ли, сударыня, какъ племянникъ изволилъ подшутить надо мною?

Графиня. Видѣли-ли, какія чудеса изволитъ строить моя племянница? Понимаю всѣ твои затѣи, сударыня. Знаете ли, князь, я готова удариться объ закладъ, что она хочетъ отбить у Сонюшки графа.

Князь. Вы шутите, сударыня.

Графиня. Нѣтъ, я ее ужъ знаю. Развѣ вы не примѣтили, что она почти насильно заставила графа идти съ собою; но всѣ эти хитрости ей не удадутся. Князь, я намѣрена нынче же сдѣлать сговоръ.

Князь. Очень хорошо, сударыня.

Графиня. Пойдемте въ мою горницу, здѣсь становится холодно; тамъ мы обо всемъ переговоримъ хорошенько. *(Уходятъ)*.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Эрастовъ (одинъ, ложится на средину сцены, держа въ рукахъ записную книжку).

Планъ для первыхъ двухъ актовъ готовъ: кажется, они будутъ довольно интересны. Теперь надобно приняться за третій. О, третій актъ меня удивительно мучитъ. Ужъ мнѣ этотъ графъ! Надобно было вывернуться. Комедія была-бы кончена, а теперь придумывай опять новую развязку: признаній цѣлое дѣйствіе. Ну, такъ и быть. Пойду въ какую-нибудь густую аллею, буду бродить взадъ и впередъ, надумаю, начну писать, кончу, отдамъ свою пьесу на театръ — и прощай „Липецкія воды", только объ нихъ и говорили. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната княгини Зорницкой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Княгиня, Софья и Даша.

Софья. Ахъ, княгиня! я до сихъ поръ не могу повѣрить...

Княгиня. Что графъ Фольгинъ не шутя открывался мнѣ въ любви? это еще ничего, но вотъ что забавно: онъ думаетъ, что вскружилъ мнѣ голову.

Софья. Не удивительно, если вы захотите его увѣрить въ этомъ.

Княгиня. И не думала. Я говорила только, что очень была-бы рада, если-бъ ты не вышла за него замужъ.

Даша. И его сіятельство расчелъ тотчасъ, что вы желаете это для того только, чтобъ онъ на васъ женился. Надобно сказать правду, у этихъ господъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія.

Княгиня. Мнѣ кажется, милая, когда мы ходили по саду, ты совсѣмъ не скучала со своимъ кавалеромъ.

Софья. Я должна сказать правду: Изборскій никогда еще не бывалъ такъ любезенъ.

Княгиня. Это оттого, что прежде ты всегда съ предубѣжденіемъ объ немъ судила.

Даша. Воля ваша, сударыня, а я не взяла бы за одного Изборскаго цѣлую сотню такихъ графовъ, какъ вашъ женихъ. Послушали бы вы, какъ онъ изволилъ нынче поутру объ васъ поговаривать: „она добра, добра какъ ягненочекъ; о, она будетъ предоброю женою"—да какимъ же ѣдкимъ голосомъ, вотъ такъ-бы съ досады ему въ глаза и вцѣпилась.

Софья. Я начинаю сама примѣчать, что выборъ тетушки не можетъ составить мое благополучіе: но что присовѣтуете мнѣ дѣлать? Вы знаете, когда графиня на что-нибудь рѣшится...

Княгиня. Объ этомъ не безпокойся: я берусь довести до того графа, что онъ самъ откажется отъ твоей руки.

Софья (*съ нѣкоторою досадою*). Откажется! Не слишкомъ-ли много надѣетесь вы на себя, княгиня?

Княгиня. Напротивъ, это такъ легко, такъ не трудно...

Софья (*съ живостію*). Признайтесь, княгиня, что вы бываете иногда очень самолюбивы.

Княгиня. Браво, ты сердишься, ma chère! Но утѣшься, милая, на это есть причины, которыя не должны никакъ оскорблять твоего самолюбія. Я еще разъ повторяю тебѣ: онъ не любитъ и не можетъ любить никого, кромѣ самого себя.

Софья. Вы не такъ поняли меня. Я никакъ не могу повѣрить, чтобъ графъ былъ способенъ къ такой низости.

Княгиня. Должна будешь повѣрить, когда узнаешь его покороче. Я намѣрена, однакожъ, сдѣлать съ тобою небольшой уговоръ. Если графъ отъ тебя откажется...

Софья. То я должна выти за Изборскаго,— не правда-ли?

Княгиня. Точно!

Софья. Я теперь согласна съ вами: онъ гораздо любезнѣе графа, и я не могу вспомнить безъ стыда прежнее свое предубѣжденіе.

Княгиня. Даша, Даша обѣщалась мнѣ помогать. Я думаю, ты твердо знаешь свою роль?

Даша. Будьте покойны, сударыня: могу ли забыть ее, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ одурачить какого-нибудь модника. Ахъ, сударыня, если-бъ вы знали, какъ я ихъ всѣхъ ненавижу. Ну, право, я не знаю, какъ есть еще такія жалкія женщины, которыя могутъ любить этихъ выпускныхъ куколъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Эрастовъ.

Эрастовъ. Я васъ искалъ вездѣ, княгиня! Я пропалъ безъ вашей помощи. Планъ моей комедіи не подвигается ни кончика впередъ. Я сколько ни мучился, не могъ никакъ придумать, съ чего начать этотъ несносный третій актъ.

Княгиня. Начните его тѣмъ, что молодая неопытная дѣвушка, которая была прежде ослѣплена наружнымъ блескомъ мнимыхъ достоинствъ нашего вѣтренника, узнаетъ свое заблужденіе. Между тѣмъ онъ продолжаетъ обманывать ея тетку, и... Но чего же лучше? Графиня и графъ идутъ сюда! Мы уйдемъ, а вы сядьте въ этомъ углу за столикомъ. Я увѣрена, что они продиктуютъ вамъ цѣлую сцену. Пойдемъ, милая, я разскажу тебѣ, какимъ образомъ намѣрена провести нашего жениха. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Эрастовъ (*за столомъ*), графиня и графъ.

Графиня. Гдѣ-жъ Сонюшка! Я думала, что найду ее здѣсь. Вѣрно они ушли опять гулять по саду.

Графъ. Графиня, позвольте еще разъ повторить вамъ мою просьбу: сдѣлайте меня совершенно благополучнымъ.

Графиня. Такъ вы очень любите Сонюшку?

Графъ. Ахъ, сударыня! нашъ языкъ не имѣетъ выраженій, которыя могли-бы дать вамъ хотя нѣкоторое понятіе о моихъ чувствахъ. Ея прелестный видъ, ангельская доброта, плѣнительная невинность обворожаютъ

Digitized by Google

меня; и—простите моей смѣлости, графиня,—то чудесное сходство, которое нахожу я между вами...

Графиня. Въ самомъ дѣлѣ вы находите, что племянница походитъ на меня?

Графъ. Невѣроятнымъ образомъ! Натурально, нѣкоторое различіе въ лѣтахъ уменьшаетъ это сходство, — она еще такъ молода, черты лица ея не имѣютъ еще той полноты, того совершенства, тѣхъ формъ, которыя даютъ имъ лѣта: однимъ словомъ, она обѣщаетъ еще только быть тѣмъ, что вы есть теперь, сударыня.

Графиня. Льстецъ! Правда, съ молоду я была не дурнѣе ея, но теперь...

Графъ. Перестаньте, графиня, вы заставляете меня краснѣть. Позвольте вамъ напомнить: излишняя скромность становится порокомъ. И такъ, сударыня, вы намѣрены сдѣлать мою свадьбу.

Графиня. Очень скоро! Вы можете еще подождать—нѣсколько дней не составятъ большой разницы.

Графъ. Но для чего откладывать мое благополучіе, когда нѣсколькими днями прежде могу получить лестное право называть васъ моею тетушкою. Вы знаете, какъ золъ свѣтъ, сударыня; мое уваженіе, душевная къ вамъ привязанность, частыя посѣщенія, все заставляетъ злыхъ людей дѣлать свои заключенія. Назовите меня скорѣй племянникомъ, и всѣ эти клеветники должны будутъ замолчать.

Графиня (*въ сторону*). Онъ такъ убѣдительно проситъ! (*Ему*). Подождите здѣсь, любезный графъ, я подумаю, и можетъ быть... Но я не говорю теперь ничего. (*Уходя, въ сторону*). Пойду, сыщу Сонюшку, приведу сюда и тутъ же сдѣлаю сговоръ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Графъ и Эрастовъ.

Графъ (*не замѣчая Эрастова*). Ха, ха, ха! Что можетъ быть легче, какъ вскружить голову старухѣ, которая воображаетъ, что еще молода! Бѣдняжки! имъ даже и то пріятно, когда услышатъ, что можно еще сомнѣваться въ ихъ добродѣтели. И такъ, я женюсь на Софьѣ! Женюсь! Какъ трудно выговорить это слово! Софья такъ проста, такъ скучна!... Но что нужды до этого? Я буду каждый день ѣздить съ утра до вечера по моимъ знакомымъ; она станетъ сидѣть дома—и мы только изрѣдка будемъ видѣться между собою. Княгиня сказала мнѣ, что придетъ сюда о чемъ-то говорить со мной. Какъ она мила! Какъ любезна! И если мнѣ надобно непремѣнно уже жениться, то для чего-бъ не на ней? Нѣтъ, княгиня мила, очень мила! Но двѣ тысячи душъ...

Эрастовъ. Еще милѣй.

Графъ. Ба! Г-нъ Эрастовъ, что вы тутъ дѣлаете?

Эрастовъ. Пишу комедію.

Графъ. Только!... (*Въ сторону*). Княгиня сюда будетъ; какъ-бы его отправить. (*Ему*). Знаете-ли, г-нъ Эрастовъ, что древніе всегда сочиняли на чистомъ воздухѣ.

Эрастовъ. Когда они списывали съ природы. Живописцу не должно терять изъ виду своихъ оригиналовъ.

Графъ. Такъ подите-жъ скорѣе въ садъ; дядюшка съ графиней тамъ гуляютъ.

Эрастовъ. Они хороши только для второклассныхъ персонажей, а меня теперь занимаетъ главное лицо и проклятая развязка; никто лучше васъ мнѣ не поможетъ ее сдѣлать.

Графъ. Я бы самъ желалъ, чтобъ вы меня развязали съ вашей комедіей, которой ни плана, ни завязки я не знаю.

Эрастовъ. Я вамъ все разскажу. Изволите видѣть...

Графъ. Я, сударь, ничего не вижу. (*Въ сторону*). Онъ такъ-же несносенъ, какъ авторъ вчерашней пьесы.

Эрастовъ. Послушайте! сюжетъ довольно забавенъ.

Графъ. Вѣрю, сударь, вѣрю.

Эрастовъ. Не правда-ли, что промотавшійся вѣтренникъ, который хочетъ жениться на приданомъ и попадется въ дураки, будетъ очень смѣшенъ. Ха, ха, ха!

Графъ. Смѣшенъ... Можетъ быть.

Эрастовъ. Однакожъ, вы не смѣетесь.

Графъ. Вамъ угодно, чтобы я хохоталъ; извольте, сударь, ха, ха, ха... Довольны-ли вы теперь?

Эрастовъ. Изрядно; а еще больше меня одолжите, ежели скажете, что мнѣ въ концѣ пьесы сдѣлать съ моимъ вѣтренникомъ?

Графъ. Охъ! сударь, пошлите его къ чорту.

Эрастовъ. Къ чорту? браво, брависимо! Прекрасная мысль: ихъ будетъ пара: я вамъ очень благодаренъ. Побѣгу къ Изборскому; онъ человѣкъ умный, и поможетъ мнѣ придумать, какъ бы поскорѣй его туда отправить. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Графъ, (*потомъ*) Даша.

Графъ. Что вралъ мнѣ этотъ несносный поэтъ о вѣтренникѣ, о приданомъ... Мнѣ кажется, онъ сказалъ, что хотятъ его дурачить... Неужели онъ осмѣлился на мой счетъ... Меня дурачить... Ха, ха, ха! Какая плоская мысль: чѣмъ смѣю спросить; развѣ Софья не безъ памяти въ меня влюблена; развѣ тетка не отдаетъ ей всего имѣнія... А, Дашенька!

Даша. Княгиня прислала меня сказать вамъ, что она сейчасъ сюда будетъ.

Графъ. Но не такъ еще скоро, чтобъ я не успѣлъ между тѣмъ поцѣловать тебя.

Даша. Перестаньте, сударь.

Графъ. Какъ я радъ, что у будущей моей жены будетъ такая миленькая служаночка.

Даша. А развѣ вы слышали, сударь, что графиня отдаетъ меня за ней въ приданое?

Графъ. Да какже! Вѣдь Софья наслѣдница всего имѣнія.

Даша. Какъ, сударь! Всего имѣнія?

Графъ. Да какже, миленькая?

Даша. Право! Поэтому графиня передумала.

Графъ. Что такое?

Даша. Такъ ничего — я слышала...

Графъ. Чтожъ ты слышала, душенька?

Даша. Я, сударь... я не знаю, какъ вамъ сказать...

Графъ. Ну, да говори-же, чего ты боишься?

Даша. Я, сударь, боюсь, если вы на меня послѣ скажете. Можетъ быть графиня имѣетъ причину таить это.

Графъ (*въ сторону*). Что это значитъ? (*Вслухъ*). Говори смѣло, Дашенька! Увѣряю тебя, что объ этомъ никто не узнаетъ.

Digitized by Google

Даша. Вѣдь наслѣдница всего графинина имѣнія княгиня.

Графъ. Ты шутишь, Дашенька!

Даша. Точно, сударь; барышня воспитывалась у графини, вотъ почему всѣ и думаютъ, что она ея наслѣдница; а, напротивъ, графиня хочетъ непремѣнно, чтобъ все имѣніе осталось въ ея родѣ, и для того укрѣпила его княгинѣ, дочери родного ея брата, а не вашей невѣстѣ, которая ей племянница по покойницѣ ея сестрицѣ.

Графъ (*въ сторону*). Что я слышу! Такъ поэтъ и правъ; чуть-чуть не попался я въ дураки.

Даша (*въ сторону*). Задумался. (*Вслухъ*). Я увѣрена, что это васъ нимало не огорчаетъ, графъ,—вы женитесь на моей барышнѣ не для имѣнія.

Графъ. Конечно, миленькая! (*Въ сторону*). Какъ-то будетъ мнѣ теперь выпутываться.

Даша. Вотъ и княгиня!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и княгиня.

Графъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я дожидался васъ, сударыня.

Княгиня. Меня задержала графиня; она ищетъ по всему саду князя и Софью. Мнѣ кажется, графъ, что тетушка намѣрена сдѣлать нынче вашъ сговоръ.

Графъ. Право!

Княгиня. Я думаю, это должно быть для васъ очень пріятно.

Графъ. Конечно! Но позвольте вамъ сказать откровенно, княгиня, я не хотѣлъ бы слишкомъ спѣшить своею свадьбою.

Княгиня. Какъ, сударь! Давно-ли вы показывали такое нетерпѣніе?

Графъ. Это правда, сударыня. Мнѣ такъ уже наскучило быть женихомъ, что хотѣлъ все кончить; но теперь, обдумавши хорошенько, вижу, что эта поспѣшность совершенно не у мѣста.

Княгиня. Давно-ли стали вы обдумывать то, что дѣлаете?

Графъ. Мнѣ надобно прежде аранжировать свои дѣла; привести въ порядокъ мое имѣніе. Послушайте, княгиня, неужели вы думаете, что я женюсь на Софьѣ, не знавъ, что она не богата; я знаю, точно знаю, что она будетъ имѣть одно только весьма умѣренное приданое.

Княгиня. Какъ, графъ! Съ чего вы взяли это? Я увѣрена, что тетушка отдаетъ ей все свое имѣніе. Вы ошибаетесь.

Графъ. Ожидалъ ли я, сударыня, что Дашенька будетъ со мною откровеннѣе, чѣмъ вы.

Княгиня. Что это значитъ? (*съ сердитымъ видомъ*). Дашенька?

Даша. Я, сударыня... я... Графъ, не стыдно-ли вамъ? Я право... только говорила... только сказала...

Княгиня. Кончишь-ли ты...

Даша. Виновата, сударыня!... Я не думала, чтобъ мужчины были такъ же болтливы, какъ...

Княгиня. Женщины; благодарствуй.

Графъ. Божусь, княгиня, она только подтвердила мнѣ то, что я уже давно зналъ.

Даша. Изволите слышать, сударыня, графъ самъ давно ужъ зналъ

Княгиня. Но ты какъ смѣла.

Даша. Проклятый языкъ!... Ахъ! я проболталась; ради Бога, не говорите ничего графинѣ... Да попросите, сударь, за меня...

Графъ (*въ сторону*). Теперь нѣтъ сомнѣнія! (*Громко*). Я васъ прошу, не погубите эту малютку.

Княгиня. А я васъ прошу вѣрить не ей, а мнѣ...

Графъ. О! я готовъ вѣрить всему, что вы прикажете.

Княгиня. Нѣтъ! нѣтъ! Я вижу по вашей хитрой улыбкѣ, что вы сомнѣваетесь.

Графъ. Но чѣмъ могу я доказать вамъ...

Даша. Чѣмъ нибудь, сударь, да только поскорѣе; у меня такъ сердце и бьется,—чтобъ не пришла графиня.

Графъ (*въ сторону*). Прекрасная мысль, однимъ камнемъ два удара! (*Громко*). Извольте, княгиня, я вамъ это докажу: вы знаете мои правила...

Княгиня. Знаю, сударь.

Графъ. И такъ, какъ благородный человѣкъ, я не могъ-бы отказаться отъ Софьи, когда-бъ она была точно бѣдна; не правда-ли?

Княгиня. Правда.

Графъ. А я, княгиня, если это вамъ угодно, отъ нея отказываюсь. Вы видите теперь, кому я вѣрю.

Княгиня. Вижу.

Даша (*въ сторону*). И я также!

Графъ. Но будетъ-ли это вамъ пріятно, княгиня?

Княгиня. Мы, кажется, давеча объ этомъ уже говорили.

Графъ. Однакожъ мнѣ все-таки совѣстно; эта бѣдняжка въ меня такъ влюблена...

Даша. Какъ, сударь? Проклятый языкъ! опять было проговорилась.

Графъ. Что такое!

Даша (*глядя на княгиню*). Ничего, сударь!...

Графъ. Прошу васъ, княгиня! скажите! скажите!

Княгиня. Самая удивительная странность: я не могу безъ смѣха вздумать: моя кузина влюблена въ Изборскаго.

Графъ. Въ Изборскаго! Вы шутите! Въ Изборскаго! Прекрасный вкусъ!

Княгиня. И онъ почти два года украдкой по ней вздыхаетъ, не забавно-ли это?

Графъ. Ха, ха, ха!

Княгиня. Предпочитать вамъ Изборскаго...

Графъ. Ха, ха, ха! Таить два года!

Княгиня. И не говорить ни слова!

Графъ. Уморительно, ха, ха, ха! Послушайте, княгиня, кончимъ-те этотъ жалкій романъ,—женимте ихъ!

Княгиня. Женимте!

Даша. Жените!

Графъ. Какъ это будетъ забавно, ха, ха, ха!

Княгиня. Забавно! Ха, ха, ха.

Даша. Очень забавно! Ха, ха, ха!

Княгиня. Даша, позови Изборскаго.

Даша (*въ сторону*). Попался, голубчикъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, кромѣ Даши.

Графъ. Вы спѣшите воскресить новаго Вертера; какъ вы жалостливы, княгиня.

Княгиня. Не должно терять времени, когда дѣлаютъ доброе дѣло.

Digitized by Google

Графъ. А когда ихъ можно сдѣлать два вдругъ, то надобно еще больше спѣшить,— не правда ли, княгиня?

Княгиня. Конечно!

Графъ. И такъ, вы согласитесь?...

Княгиня. На что, сударь?

Графъ. Сдѣлать счастье человѣка, который ничѣмъ не походитъ на Изборскаго.

Княгиня. Да увѣрены-ли вы, что я могу сдѣлать счастье такого человѣка?

Графъ. Вы одни, или никто — вы знаете меня, княгиня.

Княгиня. Да вы еще не очень меня знаете.

Графъ. Я, сударыня!...

Княгиня. Вы, графъ, вы!... Думаете ли, что женщины всегда бываютъ тѣми же въ своей семьѣ, какими кажутся въ обществахъ. Ахъ, сколько есть женъ, которыя, восхищая цѣлый свѣтъ, мучатъ безъ милости своихъ мужей.

Графъ. Но вы умны, чувствительны, любезны...

Княгиня. Но я жива, вспыльчива, вѣтрена, и—признаюсь,—люблю нравиться.

Графъ. Какая восхитительная разнообразность; мужъ долженъ будетъ васъ обожать, боготворить!...

Княгиня. Я была ужъ замужемъ, графъ, и боюсь всѣхъ безконечныхъ привязанностей. Ревность!...

Графъ. Ревность! За кого вы меня принимаете, княгиня? Развѣ я кажусь вамъ какимъ-нибудь Изборскимъ, который того и гляди, что залюбитъ и заревнуетъ до смерти свою жену. Нѣтъ, я буду умѣть почитать васъ и себя, и не дать себѣ ридикюль—быть несноснымъ ревнивцемъ.

Княгиня. Но можно ли любить и не ревновать? Я, сударь, сама очень ревнива.

Графъ. А я, сударыня, найду средство излѣчить васъ отъ этой болѣзни: никогда васъ не оставлю, буду всегда у ногъ вашихъ.

Княгиня. Ахъ! вы меня пугаете.

Графъ. Чѣмъ, сударыня?

Княгиня. Всегда у ногъ моихъ! Это сдѣлается для меня такъ обыкновеннымъ, такъ однообразнымъ, что наше безконечное супружество мнѣ наскучитъ.

Графъ. Мы будемъ тогда видѣться рѣже, княгиня.

Княгиня. Рѣже, сударь! Вотъ каковы мужчины! Еще вы не женились, а хотите уже видѣться рѣже!...

Графъ. Но, княгиня, я думалъ...

Княгиня. Вы думали! Что, сударь?

Графъ. Мнѣ казалось, что вамъ это угодно... (*Въ сторону*). Какая женщина!

Княгиня. Я вижу, графъ, что мой нравъ, моя искренность вамъ не нравятся.

Графъ. Мнѣ не нравятся, княгиня! Можно ли имѣть нравъ лучше вашего. Я прошу васъ быть только всегда такъ-же искренней.

Княгиня. Повѣрьте, я никогда не перемѣнюсь, и если мужъ мнѣ наскучитъ, то скажу ему дружески: ахъ, mon cher! ты мнѣ очень надоѣлъ. Графъ, какъ вы думаете, что онъ будетъ отвѣчать?...

Графъ (*въ сторону*). Это ужъ ни на что не похоже! (*Громко*). Но, княгиня, есть мужья, которымъ вы вѣрно этого не скажете.

Княгиня. Нѣтъ, право, скажу!

Графъ. Въ такомъ случаѣ, въ ожиданіи лучшей погоды, мужъ возьметъ себѣ особую половину...

Княгиня. И, живя въ одномъ домѣ съ своей женою, станетъ съ нею переписываться; не правда ли, что это будетъ прелестно?

Графъ. Восхитительно! (*Въ сторону*) Она полусумасшедшая, но наслѣдница.

Княгиня (*въ сторону*). Его никакъ не отобьешь отъ тетушкина имѣнья.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, Изборскій и Даша.

Княгиня. Изборскій, подите сюда. Благодарите великодушнаго пріятеля вашего, онъ уступаетъ вамъ Софью.

Изборскій. Какъ, сударыня! Что вы говорите? Графъ...

Графъ. Да, мой другъ! Княгиня сказала мнѣ, что ты любишь мою невѣсту и что она также чувствуетъ къ тебѣ склонность...

Изборскій. Княгиня! долженъ ли я этому вѣрить?

Княгиня. Вы услышите это отъ нея самой.

Изборскій. Какое благополучіе! Графъ! такой благородный, великодушный поступокъ...

Графъ. О, не благодари меня, mon cher, это очень натурально: ты обожаешь Софью, она любитъ тебя; какой бы благородный человѣкъ поступилъ иначе на моемъ мѣстѣ.

Изборскій. Но, можетъ быть, графиня не согласится сдѣлать меня благополучнымъ.

Княгиня. Она уважаетъ васъ, и если графъ отказывается добровольно отъ руки Софьи, то она вѣрно не захочетъ противиться ея желанію.

Изборскій. Но, графъ, такое великодушіе удивительно.

Графъ. Ты обижаешь меня, Изборскій. Ты долженъ былъ всего ожидать отъ своего друга, и еслибъ онъ зналъ прежде все то, что знаетъ теперь, то никогда не былъ бы твоимъ соперникомъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, графиня, князь и Софья.

Графиня. Князь, пожалуйте сюда. (*Беретъ за руку Софью и подводитъ къ графу*). Любезный графъ, примите, наконецъ, награду за ваше постоянство.

Софья. Тетушка!

Графъ. Графиня! чувства мои все тѣ-же, но обстоятельства перемѣнились. Священный долгъ службы заставляетъ меня отказаться отъ руки Софьи.

Графиня. Что это значитъ?

Князь. Племянникъ! что ты дѣлаешь?

Графъ. Да, дядюшка! Я узналъ, что Изборскій любитъ Софью, что она также къ нему неравнодушна, и для того, какъ другъ его, какъ благородный человѣкъ, отказываюсь отъ всѣхъ правъ своихъ.

Графиня. Отказываетесь! Прошу покорно, онъ отказывается, самъ отказывается отъ моей Сонюшки! И вы, сударь, могли, и вы, сударь, осмѣлились! Нѣтъ, нѣтъ, я этому не вѣрю! Не могу вѣрить. Такая дерзость, такая наглость нигдѣ не видана.

Князь. Племянникъ! Это, въ самомъ дѣлѣ,

Digitized by Google

ни на что не похоже. Такого глупаго великодушія не найдешь и въ романахъ.

Изборскій. Сударыня! будьте такъ же великодушны, какъ графъ.

Графъ. Повѣрьте, графиня, что я самъ душевно сожалѣю.

Графиня. Ахъ, Боже мой! онъ еще жалѣетъ. Да не думаете ли вы, сударь, что мы всѣ умремъ съ горя отъ того, что вамъ не угодно жениться на моей племянницѣ; вы сейчасъ увидите, какъ много я объ этомъ думаю. Сонюшка! хочешь ли ты выйти за Изборскаго?

Софья. Я увѣрена, тетушка, что буду съ нимъ счастливѣе, чѣмъ съ графомъ.

Графиня (*подводя ее къ Изборскому*). Изборскій, возьмите ее, она ваша.

Изборскій (*цѣлуя руку Софьи*). Сударыня! Какъ я счастливъ!

Графиня. Ваша свадьба будетъ черезъ недѣлю, а сегодня же укрѣплю я Софьѣ все свое имѣніе.

Графъ. Все имѣніе! Княгиня! что это значитъ?

Княгиня. Ничего.

Эрастовъ (*вбѣгая*). Я поспѣлъ къ развязкѣ!

Графъ. Я обманутъ ужаснымъ образомъ!

Княгиня. Что нужды, графъ, что я не богата. Взаимная любовь наша, сходство характеровъ,—вотъ одно, что можетъ сдѣлать насъ счастливыми.

Графъ. Конечно, сударыня, вашъ характеръ, ваша любовь, моя привязанность. (*Въ сторону*). Я, право, не знаю, что сказать.

Княгиня. Успокойтесь, графъ, я не заставлю васъ насильно на мнѣ жениться. Это была только шутка—небольшое испытаніе.

Графиня. Что это все значитъ?

Князь. Какое-нибудь новое дурачество моего племянника.

Княгиня. Ничего, тетушка! Графу показалось, что вы не отдаете Софьѣ вашего имѣнія, и онъ изъ великодушія уступаетъ свою невѣсту Изборскому.

Графиня. Теперь я не удивляюсь.

Графъ. Прекрасно, княгиня, прекрасно! Я теперь вижу, отчего кокетка вчерашней комедіи вамъ не понравилась.

Княгиня. И, графъ! еслибъ всѣ женщины употребляли кокетство только для того, чтобъ давать уроки подобнымъ вамъ, то ихъ, вѣрно, не стали бы за это выводить на сцену.

Графъ. Это правда, сударыня, вы заставили меня играть довольно забавную роль. (*Графинѣ*) Графиня, желая поберечь вашу репутацію, оставляю навсегда домъ вашъ.

Графиня. Какая наглость! И вы еще можете, сударь...

Графъ (*Изборскому*). Изборскій, будь добрымъ мужемъ и попроси княгиню, чтобъ она усовершенствовала твою супругу. Прощайте, княгиня, я спѣшу обскакать своихъ знакомыхъ и стану всѣмъ разсказывать о сегодняшнемъ приключеніи.

Княгиня. Не думаю.

Графъ. Слуга покорный! Поѣдемте, дядюшка!

Князь. Я, право, не могу понять...

Графъ. Поѣдемте! Вы поймете это въ каретѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же, кромѣ князя и графа.

Княгиня (*Эрастову*). Ну, сударь, что ваша піеса!

Эрастовъ. Планъ уже готовъ.

Княгиня. А развязка?

Эрастовъ. Самая натуральная! Осмѣянный повѣса уходитъ, степенный молодой человѣкъ женится на своей любезной. Зрители, если хотятъ, апплодируютъ, и актеры раскланиваются.

КОНЕЦЪ.

(*1815. Представлена въ первый разъ въ Спб. 3 ноября 1815 г.*).

Digitized by Google

Г-нъ Богатоновъ

ИЛИ ПРОВИНЦІАЛЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-нъ Богатоновъ, недавно пріѣхавшій въ столицу.	*Г. Бобровъ.*
Г-жа Богатонова, жена его.	*Г-жа Рахманова.*
Лиза, племянница г-на Богатонова.	*Г-жа Сосницкая.*
Князь Блесткинъ, женихъ Лизы.	*Г. Сосницкій.*
Баронесса Вольмаръ, вдова.	*Г-жа Вальберхова.*
Графъ Владимиловъ, влюбленный въ Лизу	*Г. Брянскій.*
Мирославскій, пріятель г-на Богатонова и графа	*Г. Каменогорскій.*
Климъ Кондратьичъ, дворецкій г-на Богатонова.	*Г. Пономаревъ.*
Анюта, горничная Лизы	*Г-жа Асенкова.*
Филутони, иностранецъ.	*Г. Жебелевъ.*
Модная торговка.	*Г-жа Пискунова.*
Человѣкъ г-на Богатонова.	*Г. Савиновъ.*
Полицейскій чиновникъ	*Г. Виноградовъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ С.-Петербургѣ, въ домѣ г-на Богатонова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Общая комната въ домѣ Богатонова; нѣсколько креселъ, диванъ и вольтеровскія кресла

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лиза, а потомъ Анюта.

Лиза (*держа въ рукахъ книгу*). Какая скука! Книга падаетъ изъ рукъ! Аннушка!...

Анюта (*входитъ*). Что прикажете, сударыня?

Лиза. Аннушка! А! ты здѣсь.

Анюта. Что вамъ угодно?

Лиза. Мнѣ? Ничего.

Анюта. Вы изволили меня спрашивать.

Лиза. Я? Неужели?

Анюта. Да, сударыня, вы что-то хотѣли мнѣ сказать.

Лиза. Быть можетъ.

Анюта. Что-же вамъ угодно?

Лиза. Ничего. Мнѣ очень скучно.

Анюта. Не прикажете-ли принести вамъ книжку?

Лиза. Нѣтъ, я не хочу читать.

Анюта. Вы нынѣ не играли на фортепіанахъ.

Лиза. Они такъ разстроены!

Анюта. Вы что-то сегодня очень разсѣяны, сударыня. Ужъ не оттого-ли, что цѣлые два дня не видали князя Блесткина?

Лиза. Сдѣлай милость, не говори мнѣ ничего объ этомъ несносномъ человѣкѣ.

Анюта. Однакожъ, сударыня, князь вашъ женихъ.

Лиза. Но еще не мужъ.

Анюта. Дядюшка вашъ его любитъ.

Лиза. Какая мнѣ до этого нужда.

Анюта. Тетушка ваша отъ него безъ памяти.

Лиза. Тѣмъ хуже для нея.

Анюта. Дядюшка вашъ хочетъ, чтобъ вы вышли за него замужъ.

Лиза. Можетъ быть; но я не хочу.

Анюта. Онъ о томъ только и думаетъ.

Лиза. Да я объ этомъ совсѣмъ не думаю.

Анюта. Дядюшка вашъ...

Лиза (*прерывая съ досадою*). Дядюшна вашъ, дядюшка вашъ, дядюшка вашъ! Перестань, ты мнѣ наскучила. Я сказала уже ему, что не намѣрена выходить ни за кого замужъ.

Анюта. Ни за кого! Полно, правда-ли, сударыня! Ну, если-бы, напримѣръ, вмѣсто князя былъ женихомъ вашимъ графъ Владимиловъ?

Лиза. Владимиловъ! Ахъ, Аннушка! гдѣ онъ? Здоровъ-ли? Помнитъ-ли обо мнѣ?

Анюта (*передразнивая*). Ахъ, Аннушка! гдѣ онъ? Помнитъ-ли обо мнѣ? Ну, сударыня, вы не хотите ни за кого выходить замужъ.

Лиза. Ни за кого, кромѣ Владимилова! А такъ какъ онъ не можетъ быть моимъ мужемъ...

Анюта. А почему-же нѣтъ, сударыня?

Лиза. Тетушка и дядюшка не согласятся никакъ на то.

Анюта. Г. Мирославскій писалъ къ вашему дядюшкѣ, что будетъ сюда; онъ большой пріятель графу, и если согласится помогать намъ, то...

Лиза. Изъ этого ничего не выйдетъ.

Анюта. Почему знать! Блесткинъ князь, да и графъ Владимиловъ не простой дворянинъ; а вѣдь дядюшка того только и добивается, чтобъ называть васъ, при людяхъ, ваше сіятельство.

Лиза. Полно, Аннушка, посмотри лучше,

Digitized by Google

къ намъ кто-то пріѣхалъ. Если это Блесткинъ, то я уйду въ свою комнату.

Анюта (*смотритъ въ окно*). Это кто-то въ дорожномъ экипажѣ. Кажется, какъ будто... Такъ точно! это г. Мирославскій!

Лиза. Неужели?

Анюта. Точно! Да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Мирославскій.

Мирославскій (*цѣлуя руку у Лизы*). Здравствуйте, сударыня! Какъ поживаешь, Аннушка?

Лиза. Мы никакъ не ожидали такъ скоро васъ видѣть.

Мирославскій. Я и самъ не надѣялся: дороги такія дурныя; и еслибъ я ѣхалъ одинъ, то вѣрно дня два не былъ бы еще въ Петербургѣ.

Лиза. Кто-же ѣхалъ вмѣстѣ съ вами?

Мирославскій. Пріятель мой, графъ.

Анюта. Владимиловъ?...

Мирославскій. Точно такъ.

Лиза. Ахъ, Боже мой! неужели?

Мирославскій. Что-же вы такъ испугались, сударыня?

Лиза. Я-съ? Я, право, не знаю! Я...

Мирославскій. Вы, кажется, принимаете въ немъ особенное участіе?

Лиза. Вы знаете, сударь, графъ ѣздилъ къ покойной моей матушкѣ.

Анюта. Полноте, сударыня, къ чему тутъ скромничать; я думаю, г. Мирославскій и безъ васъ кой-что ужъ знаетъ.

Мирославскій. Пріятель мой откровеннѣе васъ: я знаю, вы любите другъ друга. Графъ разсказывалъ мнѣ все, только такъ, какъ разсказываютъ влюбленные; а я желалъ бы лучше знать всѣ обстоятельства, чтобъ найти вѣрнѣе способъ составить благополучіе моего друга.

Лиза. Ахъ!

Мирославскій. Что значитъ этотъ вздохъ?

Анюта. Это значитъ, что вы немного поопоздали пріѣхать.

Мирославскій. Какъ! неужели?

Анюта. Не пугайтесь, барышня еще не замужемъ; ее хотятъ только выдать замужъ.

Мирославскій. Кто-же этотъ счастливый смертный?

Анюта. Постойте. Вы хотѣли знать всѣ обстоятельства; я разскажу вамъ все по порядку. Когда матушка барышни моей была еще жива и жила здѣсь въ Петербургѣ, познакомился съ нею графъ Владимиловъ; онъ сталъ часто ѣздить, влюбился въ барышню, барышня въ него, и дѣло пошло было своимъ порядкомъ; какъ вдругъ графу досталось наслѣдство въ Рязанской губерніи. Онъ уѣхалъ, и мы цѣлые пять мѣсяцевъ не получали о немъ никакого извѣстія.

Мирославскій. Онъ былъ отчаянно боленъ.

Лиза. Я это ужъ знаю.

Анюта. Между тѣмъ скончалась барыня, и мы отправились жить въ деревню къ брату ея, г-ну Богатонову. Вы знаете: не успѣли мы тамъ пообжиться, какъ дядюшкѣ разсудилось бросить свои фабрики и отправиться на житье въ Петербургъ. Мы пріѣхали сюда опять; дядюшка и тетушка открыли пышный домъ; начали сыпать деньгами; завели дружбу съ знатными...

Мирославскій. И вѣрно безъ дальняго труда: они какъ-то охотно знакомятся съ богатыми провинціалами и отмѣнно бываютъ ласковы...

Анюта. Когда имъ нужно занимать деньги. Чаще всѣхъ ѣздилъ къ намъ князь Блесткинъ...

Мирославскій. Князь Блесткинъ! И онъ-то вѣрно соперникъ графа!

Анюта. Вы отгадали.

Мирославскій. Князь Блесткинъ; мнѣ что-то знакома эта фамилія... А, теперь я вспомнилъ: у него были богатыя деревни въ нашей губерніи.

Лиза. Онъ продалъ ихъ для того, чтобъ прожить два года въ Парижѣ.

Мирославскій. Точно такъ, это онъ. И васъ хотятъ выдать за этого вертопраха? О, не надобно терять времени! Я постараюсь показать дядюшкѣ и тетушкѣ въ настоящемъ видѣ ихъ Блесткина, а между тѣмъ нынѣшнимъ же утромъ привезу сюда графа.

Лиза. Нынѣшнимъ утромъ! Какъ вы любезны, г. Мирославскій!

Мирославскій. Я только что догадливъ, сударыня. (*Къ Аннотѣ*). Смотри, милая, ты также должна помогать мнѣ. На первый случай не худо бы было поссорить Блесткина съ тетушкой: ты женщина, такъ это твое дѣло.

Анюта (*Лизѣ*). Благодарите, сударыня.

Лиза. Вотъ и дядюшка!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Богатоновъ.

Г. Богатоновъ (*оборотясь къ кулисамъ*). Слышишь-ли? Узнай о здоровьѣ графа; да мимоходомъ заверни къ барону. Племянница!... (*Увидя Мирославскаго*). Ба, ба, ба, дружище, ужъ здѣсь! По добру-ли по здорову? (*Обнимаетъ его*).

Мирославскій. Слава Богу! Я только часа съ два, какъ пріѣхалъ. Ну, любезный сосѣдушка, скажи-ка мнѣ, какъ поживаешь?

Г. Богатоновъ. Да такъ, благодаря Бога, мы живемъ не хуже людей. Да что это братъ на тебѣ? (*Осматриваетъ его кругомъ*).

Мирославскій. Какъ, что? платье.

Г. Богатоновъ. Ужъ подлинно, что платьице! Что за кафтанъ! Какой покрой! Ха, ха, ха! Какой это портной вздумалъ нарядить тебя такимъ уродомъ?

Мирославскій. Тотъ-же самый, который шилъ на тебя въ прошломъ году.

Г. Богатоновъ. И ты ѣхалъ въ немъ по городу, и на тебя пальцами не указывали?

Мирославскій. Полно, братецъ, кому какая нужда до моего кафтана; поговоримъ-ка лучше о дѣлѣ. Ты, уѣзжая, препоручилъ мнѣ фабрику свою...

Г. Богатоновъ. Воля твоя, братецъ, а на тебя смотрѣть умора! Ко мнѣ весь городъ ѣздитъ; неравно увидятъ тебя въ этомъ нарядѣ...

Мирославскій. Фабрика твоя...

Г. Богатоновъ. Я рекомендую тебѣ моего портного; мастеръ, собака! Правда, за работу беретъ онъ не дешево, и сукно-то иногда ставитъ дурное; но зато ужъ одѣнетъ тебя, какъ куколку.

Digitized by Google

Мирославскій. Хорошо, хорошо! Фабрика твоя...

Г. Богатоновъ. И, братецъ, полно объ этомъ толковать; мы наговоримся еще о дѣлѣ! Да я было и забылъ. Племянница! жена зоветъ тебя къ себѣ. Мадамъ Трише прислала къ ней съ три пропасти всякой всячины; поди-ка, авось ли и тебѣ что приглянется (*Лиза и Анюта уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г. Богатоновъ и Мирославскій.

Г. Богатоновъ. Ну, мой милый, какъ я радъ, что ты сюда пріѣхалъ; у меня здѣсь такое большое знакомство, и все съ знатными.

Мирославскій. Поздравляю.

Г. Богатоновъ. Да, да, все съ знатными: графы, да князья, баронессы, да превосходительныя...

Мирославскій. Прошу покорно! Да этакъ ты съ нашимъ братомъ простымъ дворяниномъ и знаться не захочешь.

Г. Богатоновъ. Полно, братецъ! Мы старые знакомые, сосѣди, — такъ что тутъ за счеты.

Мирославскій (*съ усмѣшкою*). Въ самомъ дѣлѣ! Однакожъ, не показалось бы странно твоимъ графамъ и князьямъ, что простой дворянинъ смѣетъ мѣшаться въ ихъ компанію.

Г. Богатоновъ. Ничего, ничего! Мы это дѣло сладимъ: я рекомендую тебя, какъ моего пріятеля.

Мирославскій. Нельзя ли уволить. На что я имъ? Праздниковъ давать я не могу, кланяться не люблю, придакивать не охотникъ...

Г. Богатоновъ. Экій ты, братецъ! Да зачѣмъ тебѣ кланяться? Вы деревенскіе думаете, что къ знатнымъ-то и приступу нѣтъ; вздоръ. Я съ ними со всѣми за панибрата; вотъ напримѣръ: „Здравствуйте, батюшка графъ, ваше сіятельство!“ Здравствуйте, любезный господинъ Богатоновъ! А кто-же это говоритъ? Его сіятельство графъ Недочетовъ.

Мирославскій. А скажи-ка правду: не случалось-ли его графскому сіятельству занимать у тебя денегъ?

Г. Богатоновъ. Ну что, братецъ, бездѣлицу: всего-то перебралъ онъ у меня тысячъ десять. Да эти деньги не пропадшія: онъ человѣкъ богатый, и только я заикнись, то онъ, пожалуй, и мнѣ дастъ въ займы.

Мирославскій. Право! Зачѣмъ же онъ занималъ у тебя?

Г. Богатоновъ. Да такъ, все какъ-то случилось: то книжку оставитъ дома; то проиграетъ больше, чѣмъ взялъ съ собою; а мнѣ прислать-то послѣ какъ-нибудь забудетъ.

Мирославскій. И конечно: до того ли знатному человѣку, чтобъ помнить о такой мелочи.

Г. Богатоновъ. Вотъ какъ порасказать тебѣ еще про пріятеля моего барона Радугина: что за человѣкъ! Да этакихъ людей и при дворѣ на рѣдкость.

Мирославскій. Не забываетъ-ли и онъ дома своей книжки?

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, мой милый, этому я самъ рублей пятьсотъ долженъ.

Мирославскій. Это какимъ образомъ?

Г. Богатоновъ. Мы съ нимъ бьемся по два рублика въ пикетъ; и повѣришь-ли, какое ему счастье? Платить не успѣваю.

Мирославскій. Какъ не повѣрить!

Г. Богатоновъ. Вообрази, мой милый, какой баронъ добрый человѣкъ; я играю плохо; а онъ не только не скучаетъ, но изъ снисхожденія играетъ иногда со мною часа по четыре сряду.

Мирославскій. И только по два рубля? Подлинно этотъ баронъ очень тебя любитъ.

Г. Богатоновъ. А за что бы кажется? А любитъ, точно любитъ; но все-таки не такъ, какъ мой милый князь Блесткинъ. Вотъ братъ, ужъ пріятель: жить безъ меня не можетъ.

Мирославскій. Про этого-то я кой-что ужъ знаю.

Г. Богатоновъ. Вѣрно тебѣ Лизанька сказала. Мы прочимъ ее за князя; да она что-то не изъ короба, ни въ коробъ: „я, дескать, не расположена идти замужъ, хочу въ дѣвкахъ остаться“. Да полно, у нихъ ужъ у всѣхъ такой обычай: толку не добьешься.

Мирославскій. Да знаешь-ли ты хорошенько этого князя?

Г. Богатоновъ. Какъ себя. Такой честной души поискать; а ученъ-то, воспитанъ!...

Мирославскій. То есть: мастеръ танцовать, шаркать ногами, говорить по-французски...

Г. Богатоновъ. Что и говорить! Повѣришь ли: я отдалъ бы половину своего имѣнія, чтобъ знать все то, что онъ знаетъ. Ну, да погоди, время еще не ушло, была бы только охота...

Мирославскій. Ужъ не хочешь-ли приняться за указку?

Г. Богатоновъ. А почему бы и не такъ; вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я уже подговорилъ себѣ французскаго учителя.

Мирославскій. Ты хочешь учиться по-французски?

Г. Богатоновъ. Да, мой милый. Меня всякій разъ въ краску броситъ, какъ подумаю, что я и здравствуй не знаю сказать по французски; стыдъ да и только!

Мирославскій (*въ сторону*). Онъ повредился.

Г. Богатоновъ. Вообрази, мой другъ, каково мнѣ, когда бываю въ Лѣтнемъ саду или на бульварѣ: рта открыть не смѣю. Здѣсь такой ужъ городъ: заговори только по-русски, такъ тебя разомъ за подлаго и примутъ.

Мирославскій. Чѣмъ больше я тебя слушаю, тѣмъ болѣе удивляюсь: ты совсѣмъ перемѣнился!

Г. Богатоновъ (*съ радостью*). Право! а я еще и году здѣсь не живу; погоди-ка еще годика два, такъ меня никто и узнавать не будетъ.

Мирославскій. Да я и теперь тебя не узнаю.

Г. Богатоновъ. Не правда-ли, что я непохожъ ужъ на вашего брата деревенскаго? Что во мнѣ есть что-то такое... что-то такое, какъ-бы тебѣ сказать... что-то барское, знатное!

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ! Однакожъ, знаешь-ли что?

Г. Богатоновъ. Что такое?

Мирославскій. Прежде, какъ ты былъ простымъ дворяниномъ, судилъ ты какъ человѣкъ умный, а теперь...

Г. Богатоновъ. А теперь сужу какъ человѣкъ знатный? Это, братъ, кажется, будетъ немного получше...

Digitized by Google

Филутони. Ну, мой будетъ давать тебѣ на вотка.

Климъ. На водку! Нѣтъ, мусье, водкой-то не отдѣлаешься. Ты хитеръ, да я и самъ десять лѣтъ былъ въ уѣздномъ судѣ подъячимъ. Давай-ка на чистоту: что мнѣ за то, что я молчалъ, какъ ты обманывалъ барина?

Филутони (*даетъ деньги*). Фотъ восми.

Климъ. Десять рублей! Только-то? Какъ хочешь, а мнѣ, право, совѣстно; пойду, скажу барину всю правду.

Филутони. Постой, фотъ есшо.

Климъ. Еще десять.

Филутони. Теперь тафольно?

Климъ. За одинъ картузъ довольно; а ты сегодня принесешь еще шесть. Нѣтъ, мусье, мнѣ право жаль барина. (*Хочетъ идти*).

Филутони. Постой! Што ти коши?

Климъ. Ну, такъ и быть, я человѣкъ сговорчивый: по десяти рублей съ картуза, да и концы въ воду.

Филутони. Ай, ай, ай! по тесяти рубль.

Климъ. Что, видно, нашла коса на камень. Полно, братъ, торговаться, плати; а не то мнѣ сейчасъ сдѣлается совѣстно.

Филутони. Нешево тѣлать. (*Отсчитываетъ деньги*). Фосьми.

Климъ. Давай сюда. (*Въ сторону*). Никакъ мало я съ него сорвалъ. (*Громко*). Однакоже, мусье, мнѣ что-то какъ будто все еще чего-то стыдно.

Филутони (*въ сторону*). Ай, ай, ай! (*Вслухъ*). Прощай, мой патюшкъ. (*Хочетъ идти*).

Климъ. Постой-ка на минутку: меня опять начинаетъ совѣсть мучить.

Филутони. Мнѣ нушна, ошень нушна! Adieu! (*Уходитъ*).

Климъ Инъ быть ужъ такъ,— ступай; въ другой разъ буду умнѣй.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Климъ (*одинъ, считаетъ деньги*).

Десять, двадцать, шестьдесятъ, восемьдесятъ (*Кладетъ ихъ въ карманъ*). Такъ-то лучше! Нѣтъ, мусье, не проведешь. Вотъ какъ разбогатѣю, да выйду въ люди, такъ и меня ваша братья будетъ обманывать: а теперь, погоди, дружокъ! Я еще не баринъ, а хочу только сдѣлаться. бариномъ (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Богатонова, князь Блесткинъ, Лиза и модная торговка.

Г-жа Богатонова (*къ торговкѣ*). Сюда, матушка мадамъ; прошу покорно. Покудова прибираютъ мою комнату, мы кой-что еще посмотримъ.

Князь (*къ Богатоновой*). А propos. Знаете-ли, сударыня, что васъ ситируютъ въ городѣ, какъ даму, которая одѣвается съ удивительною ловкостію!

Г-жа Богатонова. Право! Да я уже съ ребячества была такова; люблю, батюшка, князь, чтобъ на мнѣ все такъ и пѣло. Послушай-ка, мадамъ: что у тебя тамъ въ этой коробкѣ-то?

Торговка. Въ этомъ картонѣ, сударыня?

Г-жа Богатонова. Да, да, въ картонѣ что-ль!

Торговка. Цвѣты, сударыня.

Г-жа Богатонова. Покажи-ка, милая!

Князь (*тихо Лизѣ*). Г-жа Богатонова имѣетъ чудесный даръ коверкать всѣ французскія слова.

Лиза. Что дѣлать, сударь, она не жила два года въ Парижѣ.

Г-жа Богатонова. Ахти, батюшки! Да у тебя, мадамъ, цвѣтовъ-то здѣсь воза съ два.

Торговка. Мы, сударыня, третьяго дня ихъ очень много получили изъ Парижа.

Г-жа Богатонова. Изъ Парижа! Да скажи мнѣ, матушка мадамъ, гдѣ ты научилась такъ хорошо говорить по нашему.

Торговка. Я, сударыня, русская.

Г-жа Богатонова. Русская! Такъ мадамъ Трише держитъ у себя и русскихъ?

Торговка. Меня одну, сударыня.

Г-жа Богатонова. Прошу покорно! Русская — простая русская! А я называла ее мадамою! Экая я дура. Покажи мнѣ, голубушка, этотъ букетъ. (*Разсматриваетъ цвѣты*).

Князь (*Лизѣ*). Вы увидите—тетушка ваша вздумаетъ одѣться флорою.

Г-жа Богатонова (*отдавая цвѣты*). Нѣтъ, душенька, это что-то очень пестро. Князь, помогите мнѣ что-нибудь выбрать.

Князь. Къ чему выбирать, сударыня! Все, что вы ни надѣнете, должно быть прекраснымъ.

Г-жа Богатонова. Однакожъ, батюшка. все-таки умъ хорошо, а два лучше. Какъ ты думаешь, Лизанька, не купить-ли мнѣ эту розовую гирлянду?

Лиза. Не слишкомъ-ли будетъ это для васъ молодо, тетушка?

Г-жа Богатонова. Прошу послушать, князь! Вотъ каково мое житье: ты хочешь посовѣтоваться, а она вздоръ замелетъ. Слишкомъ молодо! А почему-бы такъ, сударыня?

Лиза. Въ ваши лѣта, тетушка...

Г-жа Богатонова. Въ мои лѣта! смотри пожалуй! Оттого, что я уже не такой ребенокъ, какъ она, такъ мнѣ нельзя и розановъ носить!

Лиза. Но, тетушка.

Г-жа Богатонова. Но, племянница, прошу меня не учить.

Лиза. Какъ вамъ угодно.

Г-жа Богатонова. Мнѣ угодно носить розаны, сударыня.

Лиза. Воля ваша.

Г-жа Богатонова. Конечно, моя; и я на зло тебѣ все платье обошью розанами. Что, душенька, стоитъ эта гирлянда?

Торговка. Семьдесятъ пять рублей, сударыня.

Г-жа Богатонова. Семьдесятъ пять! Что ты, мать моя! статное-ли дѣло? Семьдесятъ пять!

Торговка. Извольте посмотрѣть, какъ цвѣты сдѣланы.

Г-жа Богатонова. Полно, матушка; да тутъ и на пять рублей не пошло товару. Ну, душенька, возьми пятьдесятъ.

Князь. Подай мнѣ, миленькая. Позвольте мнѣ предложить вамъ ее, сударыня.

Г-жа Богатонова. Что вы, князь! Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу!

Князь. Сдѣлайте милость.

Г-жа Богатонова. Помилуйте, батюшка! Такой подарокъ!...

Князь. Вы обидите меня, если откажете

Г-жа Богатонова. Нечего дѣлать! Толь

Digitized by Google

ко, воля ваша, князь, вы совсѣмъ разоряетесь.

Князь. И, сударыня, что значитъ такая бездѣлица!

Торговка. Не угодно-ли вамъ, сударь, купить золотую табакерку?

Князь. Покажи. Она хороша; фасонъ прекрасный: я беру ее себѣ.

Торговка. Четыреста двадцать пять рублей.

Князь. Четыреста двадцать пять и семьдесятъ пять — пятьсотъ. Сейчасъ, миленькая. (*Вынимаетъ книжку*). Неужели? Ха, ха, ха! я узнаю себя! (*Къ Богатоновой*). Какъ вы думаете, сударыня, что у меня въ книжкѣ?

Г-жа Богатонова. Почему мнѣ знать, батюшка?

Князь. Попробуйте, отгадайте.

Г-жа Богатонова. Какія-нибудь важныя бумаги, деньги.

Князь (*показывая пустую книжку*). Ничего!

Г-жа Богатонова. Въ самомъ дѣлѣ?

Князь. Позволительно-ли имѣть такія дистракціи! Взять книжку и не положить въ нее денегъ. Послушай, душенька, приходи ко мнѣ завтра по-утру.

Торговка. Но, сударь...

Князь. Ты можешь узнать отъ здѣшнихъ людей, гдѣ я живу.

Торговка. Но, сударь...

Князь. Теперь дожидаться тебѣ нечего; завтра, миленькая.

Торговка. Но, сударь, я не имѣю чести васъ знать.

Князь. Не безпокойся; ты можешь смѣло ко мнѣ придти.

Торговка. Я, сударь, безъ хозяйки не смѣю ничего продавать въ кредитъ.

Князь. Какъ примѣтно, душенька, что ты русская! (*Къ Богатоновой*). Сдѣлайте милость, сударыня, дайте мнѣ пятьсотъ рублей.

Г-жа Богатонова. Очень хорошо. Я заплачу тебѣ, голубушка.

Князь. Это составитъ съ пятьюстами, которые я вамъ долженъ, ровно тысячу; я возвращу вамъ ихъ съ благодарностью при первомъ случаѣ.

Г-жа Богатонова. И, князь! мы люди свои—сочтемся.

Князь. О, нѣтъ! я люблю быть аккуратнымъ. Что дѣлать, это моя слабость, сударыня.

Лиза (*въ сторону*). Я знала впередъ, чѣмъ кончится эта комедія.

Князь. Кстати о дистракціяхъ! Я вамъ, кажется, еще не сказывалъ? Баронесса Вольмаръ будетъ у васъ сегодня обѣдать.

Г-жа Богатонова. Ахъ, Боже мой! а я еще въ своемъ утреннемъ дезабилье. Ну, если она теперь пріѣдетъ! Пойду поскорѣе одѣваться. (*Къ торговкѣ*). Ступай ко мнѣ, душенька; я тебѣ заплачу. (*Къ Лизѣ*). А ты куда? Останься здѣсь съ княземъ.

Лиза. Тетушка!.

Г-жа Богатонова. Пустое, сударыня; къ чему такое жеманство! Князь твой женихъ; прошу остаться и занимать его. (*Уходитъ съ торговкою*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Князь, Лиза и Анюта.

Князь. Какое счастіе, сударыня!.

Лиза. Что тетушка приказала мнѣ остаться съ вами?

Князь. Могу-ли ласкать себя надеждою, — вы безъ досады выполняете ея приказаніе?

Лиза. Не спрашивайте меня, князь, я бываю иногда слишкомъ откровенна.

Князь. Ахъ! будьте откровенны, сударыня: это самая плѣнительная черта вашего милаго характера. Что можетъ быть восхитительнѣе откровенности! Какое блаженство читать въ сердцѣ страстно любимой женщины; какое наслажденіе...

Лиза. Князь! избавьте меня отъ сентиментальныхъ фразъ; я ихъ терпѣть не могу.

Князь. Вы нынче очень немилостивы. Неужели любовь моя...

Лиза. Опять любовь. Вы хотите остаться одни, князь?

Князь. О, нѣтъ! я молчу, сударыня. Признайтесь, однакоже, надобно имѣть мое несчастіе: женщины, къ которымъ я ничего не чувствую, преслѣдуютъ меня; я люблю васъ, и вы...

Лиза (*прерывая*). Вы были вчерась въ театрѣ?

Князь. Былъ, сударыня!—Я люблю васъ, и...

Лиза. Что давали, князь?

Князь. Какую-то оперу. — И вы однѣ презираете любовь мою.

Лиза. Заслуживаетъ-ли она какое нибудь вниманіе?

Князь. Любовь моя?

Лиза. Нѣтъ, сударь, вчерашняя пьеса.

Князь. И, сударыня! какъ будто русская пьеса можетъ быть хороша. Скажите мнѣ, могу ли я имѣть надежду...

Лиза. Что же вы находите дурнымъ во вчерашней оперѣ?

Князь. Все, сударыня, все! Впрочемъ, я не слыхалъ изъ нея ни одного слова. Я былъ въ ложѣ графини Пронской; мы разговаривали...

Лиза. Графини Пронской! Я такъ давно ее не видала; здорова-ли она?

Князь. Слава Богу! Она спрашивала меня о васъ; хотѣла знать, скоро ли я буду счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. — Ахъ! сударыня, еслибъ я могъ надѣяться...

Лиза. Какъ досадно, что она мѣшала вамъ слушать: вы ничего не можете сказать мнѣ о вчерашней оперѣ.

Князь (*въ сторону*). Проклятая опера!—Неужели вы всегда будете нечувствительны къ любви моей, и къ какой любви! Я не нахожу словъ описать вамъ всю пламенность, всю горячность чувствъ моихъ. Ахъ, сударыня! страсть, которую описываютъ въ романахъ, ничто передъ моею. Признайтесь, такая любовь достойна взаимности.

Лиза. Признаюсь, князь, я не ожидала, чтобъ вы такъ свободно изъяснялись на русскомъ языкѣ.

Князь. Вы шутите, сударыня! О, не шутите! вы не знаете, до чего можетъ довести безнадежная любовь.

Лиза. Изъ какой это драмы, князь?

Князь (*съ досадою*). О, это уже слишкомъ: соединять жестокость съ насмѣшкою.

Лиза. Вы сердитесь, князь. Ахъ! я очень боюсь сердитыхъ. Прощайте!

Князь. Постойте, сударыня! выслушайте меня.

Лиза. Если вы не все еще кончили, то можете остальное договорить Аннушкѣ: это все равно. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Князь и Анюта.

Князь. Остановитесь! Она ушла! (*Къ Анютѣ*). Послушай, малюточа, что сдѣлалось съ твоей

Digitized by Google

барышней? Она нынче такъ странно обошлась со мною.

Анюта. Кто виноватъ, сударь; вы сами желали, чтобъ она была откровенна.

Князь. Но я не могу понять, отчего я не нравлюсь твоей барышнѣ. Развѣ я старъ, дуренъ собою, нимало не любезенъ...

Анюта. О, сударь, не сватайтесь за нее, и вы будете еще любезнѣе.

Князь. Я начинаю догадываться... Такъ точно, у меня долженъ быть соперникъ; не правда-ли, миленькая?

Анюта. Я ничего, сударь, не знаю.

Князь (*снимаетъ кольцо*). Надѣнь-ка, душенька, это кольцо. Ну, теперь ты знаешь?

Анюта. Вы заставляете меня краснѣть. Такой дорогой подарокъ! Вѣдь оно осыпано брильянтами?

Князь. Разумѣется.

Анюта. Извольте; я скажу вамъ все, что знаю. Барышня моя... Только, сдѣлайте милость, не проговоритесь кому-нибудь.

Князь. Будь спокойна, малютка.

Анюта. Барышня моя... Но я все боюсь, что вы какъ-нибудь это выведете.

Князь. Даю тебѣ честное слово; говори, говори!

Анюта. То-то же, не введите меня въ бѣду. (*Оглядываясь кругомъ*). Вотъ изволите видѣть: мнѣ неизвѣстно, любитъ ли кого барышня; но знаю навѣрно, что васъ она терпѣть не можетъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Князь (*одинъ*).

Прекрасно! да меня, кажется, дурачатъ. Ну, если Аннушка сказала правду, если Лиза не согласится выйти за меня замужъ? Пустое! терпѣнье и постоянство, дядюшка и тетушка,— посмотримъ, устоитъ ли она противъ этого. Надобно только привести скорѣе все къ концу. Богатонова женщина простая — я все изъ нея сдѣлаю; мужъ ея животное, дуракъ, котораго баронесса водитъ за носъ какъ ей угодно. Точно такъ...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Князь и Богатоновъ (*въ свѣтлозеленомъ фракѣ*).

Г. Богатоновъ. Точно такъ, точно такъ! О чемъ это, ваше сіятельство, съ такимъ жаромъ разсуждать изволите?

Князь. Ахъ, это вы!

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, не я. Посмотрика, князь, мою обнову. Какъ кажется тебѣ этотъ фракъ?

Князь. Онъ сшитъ прекрасно.

Г. Богатоновъ. А цвѣтъ?

Князь. Самый модный.

Г. Богатоновъ. Ну, мой милый, жена сказала мнѣ, что оставила тебя съ глазу на глазокъ съ племянницей; объ чемъ вы потолковали?

Князь. Я говорилъ ей о любви моей.

Г. Богатоновъ. Право! Что, каково идутъ твои дѣла?

Князь. Я начинаю терять всю надежду.

Г. Богатоновъ. Полно, любезный, какъ тебѣ не стыдно! Какого ей еще жениха: ты князь, молодъ, уменъ...

Князь. Однакоже, со всѣмъ тѣмъ я, кажется, ей не нравлюсь.

Г. Богатоновъ. Пустое, понравишься! Послушай-ка, мой милый: скажи мнѣ лучше, что говорила баронесса о вчерашнемъ праздникѣ?

Князь. Она отъ него безъ памяти.

Г. Богатоновъ. Право! А скажи-ка правду, не было-ли у васъ рѣчи обо мнѣ?

Князь. Объ васъ? Еслибъ вы знали, что она сегодня по-утру объ васъ говорила!

Г. Богатоновъ. Что? что такое?

Князь. О, счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Г. Богатоновъ. Сдѣлай милость, не мучь меня, говори скорѣй!

Князь. Вы знаете, что кузинѣ очень хочется, чтобы я женился на вашей племянницѣ.

Г. Богатонова. Знаю, знаю!

Князь. Вы знаете также, что когда женщина забереть себѣ что-нибудь въ голову, то готова на все рѣшиться...

Г. Богатоновъ. Лишь-бы только на своемъ поставить. Какъ не знать: я женатъ, мой милый.

Князь. Нынче по-утру говорили мы о вчерашнемъ праздникѣ; между прочимъ баронесса сказала мнѣ, что вы человѣкъ прелюбезный.

Г. Богатоновъ. Прелюбезный!...

Князь. Что вы становитесь для нея каждый день опаснѣе; что она начинаетъ васъ бояться.

Г. Богатоновъ. Ахъ, батюшки, бояться! Да отчего-же?

Князь. Оттого, что вы слишкомъ ей нравитесь, и можете лишить ее спокойствія, къ которому она привыкла.

Г. Богатоновъ. Ага! понимаю! Это дѣло другое! Ну, что-же она еще говорила?

Князь. Что если вы исполните ея желаніе, выдавъ за меня племянницу вашу, то она потеряетъ совершенно голову, и, не будучи въ состояніи противиться двумъ чувствамъ— любви и благодарности, рѣшится...

Г. Богатоновъ. Ну...

Князь. Платить за любовь любовью.

Г. Богатоновъ. И она все это говорила?

Кньзь. Слово отъ слова.

Г. Богатоновъ. И ея превосходительство баронесса Вольмаръ все это говорила! Вотъ тебѣ рука моя, князь: не будь я Иванъ Сидорычъ Богатоновъ, ежели Лиза не будетъ твоей! Когда-же я ее увижу?

Князь. Она будетъ къ вамъ сегодня обѣдать.

Г. Богатоновъ. Какъ бы я желалъ отъ нея самой все это слышать.

Князь. Найдите случай говорить съ нею наединѣ.

Г. Богатоновъ. Это не фигура. Да вотъ что бѣда, мой милый, меня всегда робость беретъ; сколько разъ бывало, хочу сказать ей: матушка баронесса, помилуй! влюбленъ я въ тебя по уши! Да не тутъ-то было — языкъ не поворотится.

Князь. Постарайтесь сегодня быть смѣлѣе.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и человѣкъ.

Человѣкъ. Барыня проситъ князя въ свою горницу.

Г. Богатоновъ. Что тамъ еще? Не да-

Digitized by Google

дутъ слова сказать (*Къ князю, который хочетъ уйти*). Полно, князь, не ходи: ужъ вѣрно за какимъ-нибудь вздоромъ: хорошо-ли голова убрана, такъ ли бантикъ приколотъ.

Князь. Но, сударь, можетъ быть ей нужно...

Г. Богатоновъ. Какія нужды. Останься-ка, да поговоримъ лучше о нашемъ дѣлѣ.

Князь (*въ сторону*). Какъ бы отъ него отдѣлаться. (*Вслухъ*). Вамъ надобно кончить вашъ туалетъ; баронесса сейчасъ будетъ.

Г. Богатоновъ. Да развѣ я не одѣтъ?

Князь. Развѣ вы хотите принять баронессу въ сѣромъ фракѣ? На что это будетъ похоже?

Г. Богатоновъ. Правда, правда. Экій я дуракъ, и изъ ума вонъ!

Князь. Одѣвайтесь-же скорѣе. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Г. Богатоновъ (*одинъ*). Чуть-чуть въ просакъ не попался; хорошъ бы я былъ безъ князя!... Да, я было и позабылъ. Кондратьичъ, Кондратьичъ!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Г. Богатоновъ и Климъ Кондратьичъ.

Климъ. Чего изволите, сударь?

Г. Богатоновъ. Все-ли приготовлено къ столу.

Климъ. Все, сударь.

Г. Богатоновъ. Купленъ-ли десертъ.

Климъ. Пожалуйте денегъ.

Г. Богатоновъ. Какъ! да развѣ у тебя нѣтъ расходныхъ?

Климъ. Всѣ до рубля вышли.

Г. Богатоновъ. Какъ же быть; вѣдь у меня нѣтъ ни копѣйки. Послушай, Кондратьичъ, не можешь-ли гдѣ достать?

Климъ. Я право не знаю.

Г. Богатоновъ. Ты человѣкъ экономный, какъ не быть у тебя своихъ денегъ; на будущей почтѣ должно мнѣ получить изъ деревни, и я тотъ-же часъ съ тобой раздѣлаюсь.

Климъ. И, государь милостивый! какія, мой отецъ, у меня деньги.

Г. Богатоновъ. Эй, Кондратьичъ, нельзя-ли какъ-нибудь?

Климъ. Повѣрьте, сударь, радъ бы за васъ душу заложить; но что будешь дѣлать? Правда, у меня имѣются нѣкоторые благопріятели: да сохрани Боже! я и подумать не осмѣливаюсь.

Г. Богатоновъ. А что такое?

Климъ. Люди они честные, и готовы всегда доброму человѣку служить деньгами; да процентики-то берутъ не больно христіанскіе.

Г. Богатоновъ. А по многу-ли?

Климъ. По пятнадцати рублей со ста.

Г. Богатоновъ. Что ты, Кондратьичъ, да это кладъ: по пятнадцати рублей со ста...

Климъ. Въ мѣсяцъ.

Г. Богатоновъ. Въ мѣсяцъ? Ну, подлинно, благопріятели твои люди честные. По пятнадцати въ мѣсяцъ! Ахъ они искаріоты! А, дѣлать нечего, придется занять у этого жидовскаго сѣмени.

Климъ. Нѣтъ, батюшка, воля ваша, меня совѣсть замучаетъ. Разсудите милостиво: денегъ проживаете вы бездну, да какъ еще будете занимать подъ такіе проценты, то и Боже упаси! долго-ли этакъ и совсѣмъ разориться.

Г. Богатоновъ. Какъ быть, другъ мой! Хоть ты себѣ голосомъ вой, а придется тысячи двѣ призанять.

Климъ. Но подумайте, сударь, триста рублей за одинъ мѣсяцъ.

Г. Богатоновъ. Какъ ни думай, а занимать должно.

Климъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой! до чего, отецъ нашъ, ты дожилъ: платить такіе проценты! У меня сердце такъ и разрывается. (*Утираетъ глаза*).

Г. Богатоновъ. Полно, Кондратьичъ! Я знаю, что ты меня любишь; да о чемъ тутъ плакать: триста рублей бездѣлица. Ступай-же теперь поскорѣе за деньгами.

Климъ. Нечего дѣлать! Да я и позабылъ сказать: вѣдь злодѣи-то ничего не дадутъ безъ заклада.

Г. Богатоновъ (*вынувъ ключъ*). На, возьми: вынь самъ изъ моего комода брильянтовую табакерку: она стоитъ болѣе четырехъ тысячъ.

Климъ. Слушаю, сударь.

Г. Богатоновъ. Ступай-же, да пожалуйста скорѣе. (*Уходя*). Куда какъ этотъ старикъ меня любитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Климъ (*одинъ*). Я недалеко пойду; благопріятели-то лежатъ у меня въ коробкѣ! Ай да Климъ Кондратьичъ! Не робѣй, любезный; ты скоро заживешь домикомъ. Да такъ и должно: господинъ мотаетъ, а дворецкій карманы набиваетъ. Пускай себѣ пройдетъ еще годковъ пять, шесть, такъ чисто, не я ужъ у барина, а онъ у меня будетъ управителемъ. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мирославскій и графъ Владиміловъ (*одѣтые просто, входятъ*).

Графъ. Я до сихъ поръ не могу повѣрить: какъ! Князь Блесткинъ мой соперникъ!

Мирославскій. Чему вы удивляетесь, графъ?

Графъ. Князь Блесткинъ! Этотъ полуфранцузскій петиметръ? Этотъ глупый модникъ?

Мирославскій. Да, этотъ глупый модникъ вскружилъ головы Богатоновымъ; они хотятъ непремѣнно выдать за него свою племянницу.

Графъ. И противъ ея желанія! Нѣтъ, я не могу постигнуть, чѣмъ могъ ихъ обольстить этотъ ничтожный вертопрахъ?

Мирославскій. Своею любезностію, умомъ, познаніями!

Графъ. Вы шутите.

Мирославскій. По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ г. Богатоновъ.

Графъ. Своимъ умомъ, познаніями! Надобно отдать справедливость г. Богатонову: онъ первый сдѣлалъ это важное открытіе.

Digitized by Google

Мирославскій. Нѣтъ, я отъ многихъ слышалъ тоже самое.

Графъ. Вы смѣетесь надо мною.

Мирославскій. Не изъ Америки-ли вы пріѣхали, графъ? Будто вы не знаете, какъ легко въ свѣтѣ прослыть умницей. Развѣ человѣкъ съ тупымъ понятіемъ не можетъ имѣть острой памяти? Кто мѣшаетъ ему выучить наизусть нѣсколько стиховъ изъ Буало, два-три монолога изъ Расина, полдюжины моральныхъ заключеній изъ Лабрюйера; послѣ этого онъ смѣло можетъ мѣшаться въ ученые разговоры; блистать своимъ умомъ; говорить съ презрѣніемъ объ отечественной словесности, которую не знаетъ; восхищаться иностранными авторами, которыхъ не понимаетъ, и кричать громче тѣхъ, которые вдесятеро его умнѣе и ученѣе.

Графъ. Это весьма легкій способъ; но, думаю, онъ не всегда удается.

Мирославскій. И вы можете имѣть такое непозволительное сомнѣніе? Нѣтъ, графъ, вы слишкомъ зажились въ деревнѣ. Что этотъ способъ легокъ, не спорю; но вы должны также согласиться, что онъ и самый вѣрнѣйшій. Будьте только смѣлы, или, лучше сказать, безстыдны; поступайте всегда вопреки здравому смыслу; хвалите все иностранное, ругайте все руское; вмѣсто доказательствъ прибѣгайте къ насмѣшкамъ; но, пуще всего, кричите какъ можно громче,—и, увѣряю васъ, вы составите себѣ вскорѣ самую блестящую репутацію. Второклассные дураки будутъ удивляться вамъ, какъ чуду; умные... Ну, какое до нихъ дѣло! Ихъ такъ мало,—и что значитъ ихъ тихій голосъ передъ громкимъ пустословіемъ нашихъ полуученыхъ мудрецовъ.

Графъ. Какъ! вы на нихъ нападаете? Но скажите мнѣ, находите-ли вы какую-нибудь возможность переувѣрить Богатоновыхъ?

Мирославскій. Это, кажется, не трудно было-бы сдѣлать; но къ несчастію, у князя есть сильная покровительница. Онъ познакомилъ съ Богатоновымъ свою родственницу, какую-то баронессу Вольмаръ; старикъ вздумалъ въ нее влюбиться, и она дѣлаетъ изъ него что хочетъ.

Графъ. Баронессу Вольмаръ! Не вдову-ли?

Мирославскій. Точно такъ.

Графъ. Надобно признаться, вашъ пріятель окруженъ прекрасными людьми! Я зналъ эту женщину еще замужемъ. Цѣлые два года мучила она бѣднаго барона своими капризами, прихотями, вѣтренностью; наконецъ, несчастный мужъ потерялъ все терпѣніе...

Мирославскій. И развелся съ нею?

Графъ. Нѣтъ, умеръ: и лучше этого, вѣрно, ничего не могъ-бы придумать.

Мирославскій. Вотъ, кажется, и хозяинъ. Я предувѣдомляю васъ: вы увидите презабавнаго чудака.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и г. Богатоновъ.

Г. Богатоновъ. Здорово, мой милый! Виноватъ, я заставилъ тебя дожидаться; у меня былъ такой интересный разговоръ съ баронессою.

Мирославскій (*подводя графа*). Вотъ, мой другъ, рекомендую тебѣ моего пріятеля, про котораго я говорилъ нынче по-утру. (*Графъ низко кланяется*).

Г. Богатоновъ. Да, да, я помню.

Графъ. Я давно желалъ, сударь, имѣть эту честь.

Г. Богатоновъ. Хорошо, хорошо, голубчикъ! (*Показывая на стулъ, который стоитъ у дверей*). Садись, душенька.

Мирославскій (*тихо Богатонову*). Что ты, мой милый! Да знаешь-ли...

Г. Богатоновъ. Знаю, знаю: какой-нибудь дворянчикъ?

Мирославскій. Смотри, чуръ, послѣ не пенять.

Г. Богатоновъ. И, мой милый, что за фигура! Садись-ка, пріятель. (*Мирославскій садится на канапе, Богатоновъ на вольтеровскія кресла. Къ графу, который стоитъ*). Полно, братъ, чиниться, садись; я человѣкъ не спесивый, садись знай. (*Графъ садится*).

Мирославскій. Да ты, мой милый, и подлинно начинаешь походить на большого барина.

Г. Богатоновъ (*къ графу*). Что ты, голубчикъ, пріѣхалъ сюда на время или хочешь здѣсь къ мѣсту?

Графъ. Нѣтъ, сударь, я человѣкъ отставной и привыкъ жить въ деревнѣ.

Г. Богатоновъ. Въ деревнѣ? право! Такъ у тебя есть и деревнишка? Въ какой губерніи?

Графъ. Въ Орловской.

Г. Богатоновъ. А сколько въ ней душонокъ, мой милый?

Графъ. Съ небольшимъ сто.

Г. Богатоновъ. Сто душъ! Такъ ты не совсѣмъ бѣдный человѣкъ, Прошу покорно, подвинься-ка къ намъ поближе, любезный. (*Графъ подвигается*). А много-ли она даетъ доходу?

Графъ. Очень мало; гораздо менѣе, чѣмъ Пензенская моя деревня.

Г. Богатоновъ. Какъ! такъ у васъ въ Пензѣ есть деревня?

Графъ. Двѣсти душъ.

Г. Богатоновъ. Итого триста. (*Мирославскому*). Да онъ человѣкъ порядочный! Гей, малый! (*Человѣкъ входитъ*). Кресла сюда, къ намъ ближе. Милости просимъ, батюшка; я очень радъ съ вами познакомиться. (*Сажаетъ его возлѣ себя*). И такъ, у васъ только и есть эти двѣ деревни?

Графъ. Извините, у меня есть еще полторы тысячи душъ въ Рязанской губерніи.

Г. Богатоновъ (*вскакиваетъ*). Полторы тысячи!

Графъ. Да двѣ тысячи въ Саратовской.

Г. Богатоновъ. И двѣ тысячи! Ахъ, Боже мой, Боже мой! какой я дуракъ! Милостивый государь! сдѣлайте милость, будьте милостивы! Не прикажете-ли на эти кресла; здѣсь вамъ будетъ спокойнѣе.

Графъ. Къ чему это?

Г. Богатоновъ. Покорнѣйше прошу.

Графъ. Если вы непремѣнно хотите. (*Садится на вольтеровскія кресла*).

Г. Богатоновъ. Позвольте узнать, милостивый государь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Графъ. Я, сударь, графъ Владимиловъ.

Г. Богатоновъ. И, графъ! Часъ-отъ-часу не легче. Ахъ я скотина! Ваше сіятельство, извините! Я не знаю... я, право... я совершенно обезумѣлъ! (*Къ Мирославскому*). Пусти-ка, братецъ. Ваше сіятельство! не угодно ли вамъ сюда на канапе?

Графъ. Вы напрасно безпокоитесь.

Г. Богатоновъ. О, ваше сіятельство, я знаю различать людей.

Digitized by Google

Мирославскій. Однакожъ, на этотъ разъ ты ошибся.

Г. Богатоновъ. Я не знаю самъ, что со мною сдѣлалось. Батюшка графъ ваше сіятельство! мнѣ такъ совѣстно, такъ стыдно, ну хоть бы сквозь землю провалиться!

Графъ. Помилуйте, сударь, что за важность, вы ошиблись; это со всякимъ можетъ случиться.

Г. Богатоновъ. Какъ можно ошибиться! какъ не узнать съ перваго взгляда знатнаго человѣка. Ахъ я животное!—А тебѣ не стыдно не шепнуть мнѣ на ухо.

Мирославскій. Вѣдь я говорилъ, чтобъ послѣ не пенять.

Г. Богатоновъ. И, братецъ! да кому придетъ въ голову, что его сіятельство графъ Владимиловъ будетъ такъ низко кланяться.

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ, графъ, боитесь ли вы Бога; вамъ надобно было, какъ знатному человѣку, чуть-чуть кивнуть головою.

Г. Богатоновъ. Человѣкъ! (*Приходитъ*). Зови скорѣй всѣхъ сюда! Ваше сіятельство! позвольте мнѣ представить вамъ мою старуху и племянницу.

Графъ. Я сочту себѣ за большую честь.

Г. Богатоновъ. Помилуйте, честь вся для нихъ! Да прошу покорно садиться!

Графъ. Да для чего же вы не изволите сами сѣсть, г. Богатоновъ?

Г. Богатоновъ. И, ваше сіятельство, я постою; вѣдь у меня отъ этого ноги не отвалятся. Сдѣлайте милость.

Графъ. Я не сяду прежде васъ.

Г. Богатоновъ. Если вы приказываете. (*Въ сторону*). Какъ онъ вѣжливъ! Ну, кто бы подумалъ, что у него четыре тысячи душъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, г-жа Богатонова, баронесса, князь и Лиза.

Г. Богатоновъ (*подводя жену*). Батюшка графъ! честь имѣю рекомендовать вамъ жену мою. (*Къ женѣ*). Его сіятельство графъ Владимиловъ.

Г-жа Богатонова. Милости просимъ; мы очень рады.

Г. Богатоновъ (*подводя Лизу*). Племянница наша!

Графъ (*цѣлуетъ у нея руку*). Какъ давно, сударыня, я не имѣлъ счастія васъ видѣть.

Г. Богатоновъ. Какъ, ваше сіятельство! да вы развѣ знакомы съ Лизанькой?

Графъ. Я имѣлъ удовольствіе пользоваться пріязнью ея покойной матушки.

Г-жа Богатонова. Ты позабылъ, батюшка: Лизанька намъ объ этомъ сказывала.

Г. Богатоновъ. Точно, точно! Экая память; а кажется не проходило дня, чтобъ племянница о графѣ не говорила.

Графъ (*къ Лизѣ*). Долженъ ли я вѣрить этому, сударыня?

Лиза. Могла ли я забыть человѣка, котораго покойная моя матушка называла другомъ.

Г. Богатоновъ. Ваше сіятельство! позвольте мнѣ познакомить съ вами пріятеля моего князя Блесткина.

Князь. Если не ошибаюсь, я имѣлъ нѣкогда удовольствіе встрѣчаться съ вами у общихъ знакомыхъ.

Графъ. Точно такъ, сударь.

Г. Богатоновъ. А вотъ баронесса Вольмаръ, пріятельница моей жены.

Баронесса (*тихо Богатонову*). Вы могли бы избавить меня отъ этой рекомендаціи.

Графъ. Извините, сударыня, я никакъ не могъ узнать васъ,—вы такъ перемѣнились.

Баронесса. Боже мой! Графъ, вы говорите, какъ будто я цѣлыя сто лѣтъ не имѣла чести васъ видѣть.

Г-жа Богатонова. Человѣкъ, стулья! (*Приносятъ*).

Г. Богатоновъ (*къ Лизѣ, подлѣ которой сѣлъ графъ*). Пусти-ка, племянница, меня къ графу.

Графъ. Не безпокойтесь, мнѣ очень хорошо.

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, нѣтъ! я самъ хочу занимать такого дорогого гостя.

Мирославскій (*тихо Богатонову*). Живешь ты всегда съ знатными, а не знаешь, что они церемоній терпѣть не могутъ.

Г. Богатоновъ. Ну, ну, хорошо. (*Садится подлѣ Лизы*).

Баронесса (*тихо князю*). Вы знаете этого Владимилова?

Князь (*тихо*) Знаю. Педантъ, — настоящая нравоучительная книга!

Г-жа Богатонова. Что, батюшка графъ, вы надолго изволили къ намъ въ Петербургъ пожаловать?

Графъ. Не знаю самъ, сударыня. Здоровье мое послѣ прошлогоднишней болѣзни не совсѣмъ еще поправилось; я намѣренъ посовѣтоваться съ докторами.

Г-жа Богатонова. О, васъ здѣсь тотчасъ вылѣчатъ, да еще и безъ лѣкарства.

Г. Богатоновъ. Да, да, безъ лѣкарства. (*Мирославскому*). Что, братъ, чай, у васъ въ глуши про эти чудеса еще и не знаютъ?

Мирославскій. Ты вѣрно хочешь говорить о магнетизмѣ; нѣтъ, и у насъ о немъ много сказокъ сочиняютъ.

Г. Богатоновъ. Какъ, сказокъ! Ты не вѣришь, что посредствомъ магнетизма можно прочесть письмо, не вынимая его изъ кармана.

Мирославскій. Прошу покорно!

Г. Богатоновъ. Что душа можетъ говорить въ человѣкѣ и разсказывать; какими лѣкарствами лѣчить больного.

Мирославскій. Какой вздоръ!

Г-жа Богатонова. Нѣтъ, батюшка, не вздоръ, а точная правда! Вотъ, напримѣръ, дочь пріятельницы моей Глупоновой была всегда такая слабая, такая блѣдная и никакія лѣкарства ей не помогали; стали ее магнетизировать, душа въ ней заговорила и сказала, что надобно ее замужъ выдать. Ну, какъ вы думаете? Лишь только она вышла за князя Лестова, то какъ рукой сняло: откудова взялось здоровье.

Мирославскій. Да, это настоящія чудеса!

Князь. Въ природѣ нѣтъ никакихъ чудесъ, и все это можно доказать естественнымъ образомъ.

Г. Богатоновъ. Конечно, можно; и если ты не вѣришь, то я тебѣ докажу.

Мирославскій. Посмотримъ; докажи, докажи!

Г. Богатоновъ. Да только поймешь ли ты?

Мирославскій. Почему знать, говори.

Г. Богатоновъ. Ну, такъ и быть; слушай же! Вотъ видишь ли: магнетическая жидкость, то есть жидкость магнетическая, есть нѣкотораго рода жидкость; вліяніе, которое она, нѣ-

Digitized by Google

вая такимъ плѣнительнымъ образомъ любовь вашу, вкрадываясь, такъ сказать, въ сердце, смѣтесь, можетъ быть, внутренно надъ тою, которая вамъ вѣритъ.

Г. Богатоновъ. Ахъ, Боже мой! да какія вамъ надобно доказательства? Хотите-ли, чтобъ я выпрыгнулъ изъ окошка, сломилъ себѣ шею; хотите-ли...

Баронесса. Сломить себѣ шею есть, конечно, хорошее доказательство любви, и я не ожидала менѣе отъ человѣка, который не любитъ, а обожаетъ; но такое доказательство неразлучно съ нѣкоторыми непріятностями, и для того, еслибъ я была на мѣстѣ этой неизвѣстной мучительницы...

Г. Богатоновъ. Еслибъ вы были на ея мѣстѣ?..

Баронесса. То въ доказательство любви вашей не заставила бы васъ прыгать изъ окошка, а попросила-бы составить скорѣе благополучіе моего cousin, князя Блесткина.

Г. Богатоновъ. За этимъ дѣло не станетъ; и если вы только хотите...

Баронесса. Но я не имѣю никакого права требовать этого.

Г. Богатоновъ. Требуйте, сударыня, требуйте!

Баронесса. Именемъ дружбы... Надѣюсь, сударь, этимъ правомъ я могу пользоваться?

Г. Богатоновъ. Безъ сомнѣнія! И такъ, я могу называть васъ своимъ другомъ?

Баронесса. О, конечно!.. А скоро-ли будетъ свадьба вашей племянницы?

Г. Богатоновъ. Лишь только ее уломаемъ, такъ и въ церковь.

Баронесса. И вы будете ее уговаривать?

Г. Богатоновъ. Сегодня-же.

Баронесса. Честное слово?

Г. Богатоновъ. Вотъ вамъ рука моя.

Баронесса (*подастъ ему руку*). Смотрите-же; а не то я вамъ ни въ чемъ не буду вѣрить.

Г. Богатоновъ. (*цѣлуя ея руку*). Какая прекрасная ручка!

Баронесса. Перестаньте, сударь!

Г. Богатоновъ. Ахъ, матушка сударыня! да какъ не цѣловать такія ручки!

Баронесса. Вы забыли: я могу узнать вашу незнакомку и пересказать ей...

Г. Богатоновъ. Да вы ее знаете.

Баронесса. Неужели?

Г. Богатоновъ. И очень хорошо.

Баронесса. Вы шутите! Кто же она?

Г. Богатоновъ. Она, сударыня, она... (*Въ сторону*). Ну, такъ и быть, была не была! (*Громко*). Эта прекрасная незнакомка, эта тиранка...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же Анюта (*скоро вбѣгаетъ*).

Анюта. Барыня приказала васъ звать кушать.

Г. Богатоновъ. Тьфу, мерзкая, провалъ бы тебя взялъ, какъ съ неба свалилась.

Анюта. Она изволила ужъ сѣсть за столъ.

Г. Богатоновъ. Эка бѣда! такъ и надобно тебѣ было вбѣжать сюда, выпяля глаза, какъ бѣшеной. (*Въ сторону*). Нелегкая принесла ее, проклятую; было лишь только развернулся.

Баронесса. Пойдемте, сударь; вы забыли, что насъ дожидаются.

Г. Богатоновъ. Пойдемте, нечего дѣлать. (*Проходя мимо Анюты*). Добро, негодная! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Анюта (*одна*).

За что онъ изволилъ такъ разгнѣваться? Онъ что-то говорилъ съ жаромъ баронессѣ... Ужъ нѣтъ-ли тутъ чего-нибудь? Вѣдь не даромъ же онъ около нея увивается; даетъ ей праздники, обѣды... Такъ точно! Ахъ, я дура, до сихъ поръ не могла догадаться, что онъ за ней волочится! Такъ вотъ почему баринъ хочетъ выдать замужъ свою племянницу; теперь я понимаю: баронесса хлопочетъ за своего двоюроднаго брата. Но постойте, сударыня, кто кого перехитритъ. Во чтобъ ни стало, я разстрою ваши планы, или откажусь навсегда отъ званія горничной. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мирославскій и графъ.

Мирославскій. Куда вы бѣжите, графъ?

Графъ. Ахъ, дайте мнѣ перевести духъ! Никогда еще не слышалъ и не видѣлъ я столько глупостей въ одно время.

Мирославскій. Но что подумаютъ хозяева?

Графъ. Не безпокойтесь. Я сказалъ г-ну Богатонову, что вспомнилъ одно важное дѣло, о которомъ долженъ переговорить съ вами наединѣ. Нѣтъ, надобно имѣть ангельское терпѣніе, чтобъ выносить спокойно цѣлые два часа несносное жеманство баронессы, плоскія остроты князя и безпрестанныя восхищенія хозяина при каждой новой глупости своего милаго Блесткина.

Мирославскій. Мнѣ жаль очень бѣднаго Богатонова; эти друзья успѣли совершенно вскружить ему голову.

Графъ. Этотъ князь...

Мирославскій. Нимало для васъ не опасенъ.

Графъ. Однакожъ, Богатоновъ положилъ непремѣнно выдать за него свою племянницу.

Мирославскій. И князь, будучи увѣренъ, что она богатая наслѣдница, положилъ также непремѣнно на ней жениться; но когда узнаетъ...

Графъ. Что такое?

Мирославскій. Что въ наслѣдство послѣ дядюшки останутся ей одни долги.

Графъ. Какъ! неужели Богатоновъ успѣлъ уже расточить свое имѣніе?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Филутони.

Мирославскій. Да, графъ! Богатоновъ почти совершенно разорился.

Филутони (*въ сторону*). Што я слышъ!

Мирославскій. Если онъ долженъ, то ему придется уѣхать потихоньку изъ Петербурга, чтобъ успѣть сберечь хотя что-нибудь изъ своего состоянія.

Филутони (*тоже*). Ай, ай, ай!

Мирославскій. Я почти увѣренъ, что

Digitized by Google

ему должно будетъ, наконецъ, объявить себя банкротомъ и не платить никакихъ долговъ.

Филутони (*тоже*). Што, што! не плати долхъ? Боже сохрани. (*Громко*). Милостиви государь!

Мирославскій. А, Филутони! Что тебѣ, мой другъ, надобно?

Филутони. Исфинить, мой коши спросить фасъ: ви исфолилъ кафаритъ, што каспадинъ Покатонъ совсѣмъ разорилъ?

Мирославскій. Что Богатоновъ совсѣмъ разорился?

Филутони. Та, сударь.

Мирославскій. Да какое тебѣ до этого дѣло?

Филутони. Я принимай польшой участіе въ monsieur Покатонъ.

Мирославскій (*въ сторону*). Какая счастливая мысль! (*Вслухъ*). Ну, если такъ, то я скажу тебѣ: онъ въ самомъ дѣлѣ разорился.

Филутони. И коши ѣздить въ терефнь?

Мирославскій. Не такъ еще скоро.

Филутони. О, ошень скоръ; онъ не коши платить толгъ.

Мирославскій. Какой вздоръ! Будь спокоенъ, мой другъ. Если онъ тебѣ долженъ, то прежде не выѣдетъ изъ Петербурга, пока не заплатитъ.

Филутони. Карашо, карашо! (*Въ сторону*). Онъ тумай обманутъ; нѣтъ, мой батюшкъ!

Мирославскій. Совѣтую тебѣ недѣли три его не безпокоить.

Филутони. Ошень корошо! (*Въ сторону*). Не такъ клупъ, мой фосметъ свой прекосіонъ! (*Громко*). Прошайте, коспода.

Мирославскій. Куда же ты?

Филутони. Я имѣй непольшой нуждъ. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Графъ и Мирославскій.

Мирославскій. Ну, теперь дѣла наши пойдутъ своимъ чередомъ. Я увѣренъ, этотъ французъ обѣжитъ сегодня домовъ десять, а завтра же заимодавцы нагрянутъ кучею къ Богатонову, а пріятели не будутъ узнавать его въ лицо; можетъ быть это заставитъ его образумиться.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и г. Богатоновъ.

Г. Богатоновъ. А, батюшка графъ, вы здѣсь! Ну, все ли изволили переговорить съ Мирославскимъ?

Мирославскій. Да, мы переговорили все, что надобно.

Г. Богатоновъ. Ужъ вѣрно о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ?

Графъ. Г. Мирославскій говорилъ объ одномъ пріятелѣ своемъ, котораго желалъ бы избавить отъ совершеннаго разоренія.

Г. Богатоновъ. Вѣрно онъ, бѣдняжка, попался подъ судъ, и Мирославскій просилъ ваше сіятельство замолвить за него словечко?

Мирославскій. Нѣтъ, мой другъ...

Г. Богатоновъ. Да отчего не хотѣлъ ты мнѣ сказать о немъ? Вѣдь и мы также, благодаря Бога, не безъ пріятелей.

Мирославскій. Это совсѣмъ другого рода дѣло. Вотъ видишь ли, мой другъ: одинъ изъ моихъ знакомыхъ, человѣкъ простой, но очень добрый, задумалъ жить не по своему состоянію: началъ проматывать имѣнье, завелъ большое знакомство; да такъ какъ онъ плохо знаетъ свѣтъ...

Г. Богатоновъ. Вѣрно, братъ, пріятель твой какой-нибудь деревенщина?

Мирославскій. Да, онъ недавно пріѣхалъ изъ деревни.

Г. Богатоновъ. Ну, такъ и есть; я ужъ смекнулъ дѣломъ. И вѣрно полѣзъ въ знать?

Мирославскій. Ты отгадалъ.

Г. Богатоновъ. Точно такъ! А на знатнаго-то человѣка совсѣмъ не походитъ?

Мирославскій. Ни крошечки. У него нашлись пріятели, которые стали обыгрывать его въ карты, занимать деньги...

Г. Богатоновъ. Ничто ему: не въ свои сани не садись!

Мирославскій. И онъ твердо увѣренъ, что всѣ эти пріятели любятъ его самого, а не его деньги.

Г. Богатоновъ. Экій простакъ!

Мирославскій. Его обираютъ, обыгрываютъ, смѣются надъ нимъ въ глаза; а онъ же говоритъ, что очень имъ обязанъ.

Г. Богатоновъ. Прошу покорно, ха, ха, ха! И родятся же такіе олухи! да скажи пожалуйста, гдѣ живетъ этотъ бѣдняжка?

Мирославскій. Здѣсь въ Петербургѣ.

Г. Богатоновъ. Здѣсь? Тьфу пропасть! я почти весь городъ знаю, а кажется, будто этакого чудака нигдѣ не видалъ.

Графъ (*тихо Мирославскому*). Мнѣ право его жаль!

Г. Богатоновъ. Та, та, та, знаю, знаю! Такъ точно, это вѣрно Промотаевъ. Да развѣ ты съ нимъ знакомъ?

Мирославскій. Нѣтъ, мой другъ, ты ошибаешься!

Г. Богатоновъ. Полно, полно, не обманешь; ты описалъ его точь въ точь. Это, ваше сіятельство, прежалкій человѣкъ! Забралъ себѣ въ голову, что можетъ быть въ дружбѣ съ знатными; ну, а гдѣ ему... человѣкъ простой, двухъ перечесть не умѣетъ; весь свѣтъ надъ нимъ смѣется.

Мирославскій. И онъ одинъ только думаетъ, что ни мало не смѣшонъ.

Г. Богатоновъ. Куда ты! Да еще барится, думаетъ, что онъ преважная особа; умора да и только!

Мирославскій. Ха, ха, ха! это въ самомъ дѣлѣ забавно. (*Къ графу*). Графъ! мнѣ кажется, и вы смѣетесь?

Г. Богатоновъ. Да какъ не смѣяться! Посмотрѣли бы вы на Промотаева: чуть кто не графъ, да не князь, такъ и взглянуть не хочетъ; а самъ-то, ха, ха, ха! что за рожа! Ну, мужикъ мужикомъ. Если бъ вы знали, какъ его, бѣдняжку, обманываютъ! Вотъ, напримѣръ: какой-то плутъ взялся ему выписать изъ Парижа то самое вино, которое употребляютъ тамъ, при дворѣ, да и содралъ съ него рублей по тридцати за бутылку, ну, какъ вы думаете, вѣдь никто его не переувѣритъ: хоть ты его зарѣжь, а стоитъ въ томъ, что вино прямо съ королевскаго стола. Ха, ха, ха! А вино-то куплено здѣсь въ какомъ-то погребѣ.

Графъ. Это и смѣшно и жалко. (*Вынимаетъ табакерку*).

Г. Богатоновъ. А, кстати! (*Вынимаетъ свою табакерку*). Не прикажете ли, ваше сіятельство?

Графъ. Французскій?

Digitized by Google

Г. Богатоновъ. Французскій; да чудо, не табакъ! (*Графъ нюхаетъ*). Ну, что, батюшка графъ, каковъ?

Графъ. Табакъ порядочный!

Г. Богатоновъ. Порядочный! Ха, ха, ха! Да сказать ли вамъ по секрету: вѣдь это тотъ самый табакъ, который дѣлаютъ въ Парижѣ для одной царской фамиліи.

Мирославскій (*въ сторону*). Это стоитъ королевскаго вина!

Графъ. Я думаю, вы очень дорого за него платите?

Г. Богатоновъ. Таки не дешево. Да у меня ужъ, батюшка ваше сіятельство, такой обычай: давай все лучшее, а за деньгами не стоимъ. Вотъ, напримѣръ, моя библіотека: всю, батюшка, до книжки выписалъ изъ Парижа.

Мирославскій. Это что-то новое! Давно-ли ты сдѣлался охотникомъ до книгъ?

Г. Богатоновъ. Здѣсь, братъ, поневолѣ сдѣлаешься! Я мѣсяца съ два какъ завелъ библіотеку; дорого она мнѣ проклятая стоитъ; и читать-то правда я по-французски не умѣю, да что будешь дѣлать; куда не загляни, у всякаго библіотека. Вѣдь надобно же что-нибудь въ кабинетѣ-то поставить.

Графъ. А какихъ больше у васъ книгъ?

Г. Богатоновъ. Какихъ! Да всяка, батюшка ваше сіятельство: есть и большія и маленькія.

Мирославскій. Я думаю, племянница твоя любитъ читать?

Г. Богатоновъ. Племянница умираетъ на книгахъ. Она вздумала было ставить ихъ по своему: ученыя къ ученымъ, такія къ такимъ...

Графъ. То есть, племянница ваша хотѣла ихъ расположить по матеріямъ.

Г. Богатоновъ. Анъ и вышло дурно. А я такъ взялъ да подобралъ ихъ, крупныя къ крупнымъ, а мелкія къ мелкимъ, такъ теперь любо дорого смотрѣть.

Мирославскій. Вотъ что значитъ любить порядокъ!

Г. Богатоновъ. Да не прикажете-ли, ваше сіятельство, посмотрите сами, прошу покорно.

Графъ. Очень хорошо! (*тихо Мирославскому*). Пойдемте смотрѣть эту несчастную библіотеку. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Князь и баронесса (*выходятъ изъ противоположной стороны*).

Князь. Куда это Богатоновъ повелъ своихъ гостей? Вѣрно въ библіотеку. Онъ не отстаетъ ни на минуту отъ этого графа.

Баронесса. Вы безпрестанно говорите о графѣ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ замѣтили...

Князь. Какой забавный вопросъ! Мнѣ кажется, не трудно было примѣтить, что графъ садился всегда подлѣ Лизы, глядѣлъ безпрестанно на Лизу, относился поминутно къ Лизѣ и былъ вѣжливъ только съ Лизою.

Баронесса. Это оттого, что она давно уже его знаетъ.

Князь. За столомъ онъ говорилъ съ ней вполголоса; она потупила глаза, краснѣла, бросала на него изподтишка такіе стыдливые, робкіе взгляды!.. Не правда-ли, и это также оттого, что она съ нимъ давно уже знакома?

Баронесса. Что съ вами сдѣлалось, mon cousin? Я не смѣю вѣрить, — ужъ не ревнуете ли вы?

Князь. Погадите, дайте мнѣ жениться, и тогда, надѣюсь, вы не сдѣлаете мнѣ этого упрека; но теперь, признаюсь вамъ, я очень былъ радъ, что Богатонова занялась гранъ-пасіансомъ, и я могу свободно говорить съ вами о моихъ подозрѣніяхъ.

Баронесса. Неужели графъ Владимиловъ, этотъ жалкій чудакъ, кажется вамъ опаснымъ соперникомъ?

Князь. Не онъ, а его четыре тысячи душъ! Замѣтили ли вы, какъ господинъ Богатоновъ за нимъ ухаживаетъ?

Баронесса. О, что касается до Богатонова, вы можете быть спокойны; бѣдняжка потерялъ совершенно голову.

Князь. Кстати! вы ничего мнѣ еще не сказывали о вашемъ tête-à-tête; — дѣлаетъ ли какіе-нибудь успѣхи мой воспитанникъ?

Баронесса. Неимовѣрные. Онъ становится часъ отъ часу забавнѣе.

Князь. Вы говорили о моей женитьбѣ?

Баронесса. Г. Богатоновъ далъ мнѣ честное слово нынче же поговорить съ своей племянницей и настоятельно требовать ея согласія.

Князь. Какъ я вамъ обязанъ!

Баронесса. Не благодарите меня. Сначала я рѣшилась играть эту комедію для того только, что надѣялась помочь вамъ сдѣлать выгодную партію; но теперь... О, вы не можете представить, какъ забавляютъ меня дурачества этого Богатонова.

Князь. Итакъ, я могу надѣяться...

Баронесса. На покровительство дяди; за это я вамъ ручаюсь.

Князь. Какая восхитительная будущность! Я живу открыто, безпрестанные балы, вечера. Жена моя будетъ принимать гостей; къ ней станутъ пріѣзжать; но настоящею хозяйкою будете вы, кузина: вы станете всѣмъ распоряжаться; сдѣлаетесь душою нашего общества!

Баронесса. Которое составится изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

Князь. Безъ сомнѣнія! У насъ не будутъ извѣстны эти скучныя монотонныя игры, эти безконечные бостоны, несносные висты; крепсъ, макао...

Баронесса. И небольшой фараончикъ. Вы знаете, князь, какъ я его люблю.

Князь. Мы заведемъ домашній театръ. Другъ вашъ, прелестная Оленька, станетъ играть скромныхъ Агнесъ.

Баронесса. А вы страстныхъ любовниковъ.

Князь. И жена моя, сидя между зрителей, будетъ намъ апплодировать. О, это восхитительно?

Баронесса. Мечтатель!

Князь. Не правда-ли, я прекрасно расположилъ будущій образъ моей жизни?

Баронесса. Нельзя лучше; теперь остается только подумать о бездѣлицѣ: ну, если Лиза, несмотря на всѣ увѣщанія своего дяди, не согласится выдти за васъ замужъ?

Князь. Если... Это проклятое если разстраиваетъ всѣ мои планы; и сказать вамъ правду, я имѣю много причинъ опасаться этого. Если подозрѣнія мои справедливы, если графъ...

Баронесса. Отъ него очень легко избавиться. Я увѣрю Богатонова, что онъ долженъ отказать ему отъ дому.

Князь. И вы думаете, онъ васъ послушается.

Баронесса. Безъ сомнѣнія.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и г-жа Богатонова.

Г-жа Богатонова. Вы здѣсь; а я было васъ заискалась. Куда-же дѣвались мой мужъ и графъ?

Князь. Они въ библіотекѣ.

Г-жа Богатонова. Ну, матушка баронесса, вѣдь гранъ-пасіансъ-то не вышелъ.

Баронесса. Не вышелъ! Какъ досадно; а я было загадала...

Г-жа Богатонова. Что такое?

Баронесса. Скоро-ли будетъ свадьба вашей племянницы.

Г-жа Богатонова. Скоро, скоро! Я еще нынче говорила объ этомъ съ Лизанькой.

Князь. Право! Поэтому она начинаетъ быть ко мнѣ милостивѣе.

Г-жа Богатонова. Я думаю, что такъ. Прежде она только и твердила, что хочетъ вѣчно остаться въ дѣвкахъ; а теперь говоритъ уже, что жить съ милымъ человѣкомъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ умереть въ одиночествѣ.

Князь. Но кто-же этотъ милый человѣкъ?

Г-жа Богатонова. Да кому-же быть, какъ не вамъ, батюшка; вѣдь за нее кромѣ васъ никто не сватается.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, г. Богатоновъ, Мирославскій и графъ.

Г. Богатоновъ. Помилуйте, ваше сіятельство, куда-же вы изволите спѣшить?

Графъ. Мнѣ непремѣнно надобно заѣхать въ одно мѣсто.

Мирославскій. Мы черезъ два часа опять сюда будемъ. (*Кланяются*).

Графъ (*къ Богатонову, который идетъ провожать*). Прошу васъ, не безпокойтесь.

Г. Богатоновъ. И, графъ, что такое.

Графъ. Къ чему эти церемоніи; останьтесь. (*Уходитъ съ Мирославскимъ, г. Богатоновъ провожаетъ ихъ за дверь*).

Князь. Я не понимаю! Г. Богатоновъ такъ ухаживаетъ за графомъ, какъ будто онъ какая-нибудь важная особа.

Баронесса. И онъ-же показываетъ, что всѣ эти вѣжливости ему въ тягость.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Князь, баронесса, г-жа Богатонова и г. Богатоновъ.

Г. Богатоновъ (*къ князю*). Ну, мой милый, пустилъ-же я графу-то пыли въ глаза. А! каковъ у насъ былъ нынче дессертъ?

Князь. Прекрасный!

Г. Богатоновъ. А вина?

Князь. Превосходныя!

Г. Богатоновъ. То-то-же! (*Къ баронессѣ*). Поглядѣли-бы вы, матушка, какъ онъ разинулъ ротъ, какъ я привелъ его въ библіотеку.

Баронесса. И онъ не сказалъ, сударь, что книги ваши никуда не годятся, что кабинетъ убранъ безъ всякаго вкуса.

Г. Богатоновъ. Вотъ тебѣ на! Да отчегобы онъ сказалъ это?

Баронесса. Оттого, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего по его мыслямъ; оттого, что онъ привыкъ находить все дурнымъ и бранить всѣхъ, выключая самого себя.

Князь (*къ Богатоновой*). Да, онъ человѣкъ преопасный! Знаете-ли, отчего онъ живетъ въ деревнѣ? Здѣсь никто не хотѣлъ съ нимъ знаться.

Г-жа Богатонова. Неужели?

Баронесса (*къ г. Богатонову*). Замѣтилилу, съ какой презрительной усмѣшкой смотрѣлъ онъ на вашъ серебряный сервизъ; какъ морщился, когда пилъ вино?

Г. Богатоновъ. Шутите!

Князь (*г-жѣ Богатоновой*). Вы вѣрно не примѣтили, сударыня, что онъ безпрестанно осматривалъ васъ съ ногъ до головы, шепталъ на ухо Мирославскому и смѣялся вамъ почти въ глаза.

Г-жа Богатонова. Ахъ онъ деревенщина!

Баронесса (*г. Богатонову*). Неужто вы не слышали, какъ онъ разсуждалъ за столомъ, что для него жалки, то-есть смѣшны, всѣ тѣ, которые оставляютъ деревни для того, чтобъ прожить въ столицѣ все свое имѣніе? Вѣдь онъ говорилъ это на вашъ счетъ.

Г. Богатоновъ. Вотъ тебѣ на! Да какое ему до меня дѣло?

Князь (*г-жѣ Богатоновой*). Помните-ли, какъ онъ, не зная къ чему, сталъ доказывать, что ничего не можетъ быть смѣшнѣе пожилой женщины, которая наряжается, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, и при этихъ словахъ взглянулъ съ насмѣшливою улыбкою на розовую гирлянду, которая у васъ на головѣ.

Г-жа Богатонова. Ахъ, батюшки! Да смотрѣлъ-бы онъ на себя! Вотъ еще выискался какой учитель.

Баронесса. Знаете-ли, что онъ сочиняетъ стихи, пишетъ на всѣхъ сатиры; посмотрите, если онъ и на васъ какихъ стиховъ не выпуститъ.

Г. Богатоновъ. Боже сохрани!

Баронесса. Ну, если онъ вздумаетъ напечатать въ своей сатирѣ, что у васъ прескверное вино, и сервизъ не серебряный, а аплике?

Г. Богатоновъ. Аплике! Ахъ, разбойникъ! онъ этакъ совсѣмъ меня осрамитъ!

Князь. Не принимайте его; это лучшее средство избавиться всѣхъ непріятностей.

Г-жа Богатонова (*мужу*). Въ самомъ дѣлѣ, батюшка! Что за важность; вѣдь мы жили-же безъ него. Только слава-то, что графъ, а, право, онъ хуже простого дворянина.

Г. Богатоновъ. Однакожъ, жена, что ни говори, человѣкъ онъ знатный.

Баронесса. Мнѣ кажется даже, — этотъ графъ имѣетъ виды на вашу племянницу.

Г. Богатоновъ. На мою племянницу! О, это пустое, и чтобъ онъ этого и въ головѣ не держалъ, я позову ее сейчасъ сюда и заставлю дать слово князю.

Баронесса (*тихо*). Я вижу, вы хотите сдержать ваше обѣщаніе.

Г. Богатоновъ (*тихо*). Еслибъ я могъ также надѣяться?

Г-жа Богатонова. О чемъ вы потихоньку разговариваете?

Г. Богатоновъ (*испугавшись*). Такъ ничего, ничего;—о погодѣ!

Князь (*къ Богатоновой*). Ахъ, сударыня! я забылъ вамъ сказать: Вѣтронова развелась съ своимъ мужемъ, и знаете ли, отчего?... (*Говоритъ ей тихо*).

Г. Богатоновъ. Еслибъ я могъ еще по-

Digitized by Google

говорить съ вами наединѣ; нынче по-утру мнѣ не удалось открыть вамъ мою тайну.

Баронесса. Не знаю, сударь, должна-ли я согласиться; такая довѣренность... Но такъ и быть, вы имѣете право на мое снисхожденіе. Постарайтесь часа черезъ два быть одни въ этой горницѣ.

Г. Богатоновъ. Очень хорошо!

Г-жа Богатонова (*громко*). Прекрасно! мужъ назначаетъ при женѣ любовное свиданіе.

Г. Богатоновъ (*испугавшись*). Что, что такое?

Г-жа Богатонова. И она дура не могла до сихъ поръ этого замѣтить?

Г. Богатоновъ. Какъ замѣтить?

Г-жа Богатонова. Да, батюшка! Вѣтронова насилу догадалась, что мужъ ея негодяй, и только вчерась съ нимъ развелась.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Ухъ, отдохнулъ!

Г-жа Богатонова. Да что мы собрались всѣ сюда; пойдемте лучше въ мою горницу: тамъ гораздо свѣжѣе.

Князь. О, несравненно! окошки вашей комнаты даютъ въ садъ...

Баронесса. Сидя подлѣ нихъ, мы можемъ взять немного свѣжаго воздуху.

Г-жа Богатонова. Пойдемте-же! А ты, мой другъ, останься, да поговори съ Лизанькой: вѣдь надобно это когда-нибудь кончить. (*Уходятъ всѣ, кромѣ г. Богатонова*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Г. Богатоновъ, (*и вскорѣ*) Анюта.

Г. Богатоновъ. Эй, кто-нибудь?

Анюта (*входитъ*). Что вамъ угодно?

Г. Богатоновъ. Позови сюда племянницу. (*Анюта уходитъ*). Мнѣ надобно принять на себя видъ посердитѣе. Постой, я сяду на эти кресла: это будетъ важнѣе. (*Садится на вольтеровскія кресла*). Она станетъ вотъ здѣсь, противъ меня; я взгляну на нее вотъ такъ и скажу: „племянница! знаешь-ли, что я тобою очень недоволенъ?“ Хорошо, хорошо! посмотримъ, какъ она осмѣлится не уважить моихъ приказаній.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Г. Богатоновъ, Лиза и Анюта.

Лиза. Вы меня звали, дядюшка?

Г. Богатоновъ (*отрывисто*). Да. Подойди сюда; сюда!—ближе! такъ.

Лиза. Къ чему всѣ эти приготовленія!

Г. Богатоновъ. Прошу молчать! (*Кашляетъ*). Посмотри-ка на меня прямо.

Анюта (*въ сторону*). Что это за комедія?

Г. Богатоновъ. Знаешь-ли, племянница, что я очень тобою недоволенъ?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатоновъ. Какъ нѣтъ! да развѣ ты слѣпа?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатоновъ. Развѣ ты не видишь, что я сержусь?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатоновъ (*передразнивая*). Нѣтъ, дядюшка! Да, племянница, я сержусь, понимаешь-ли, очень сержусь!

Анюта. Какъ не понять, сударь, вы говорите по-русски.

Г. Богатоновъ. Молчать, негодная! ты мнѣ и такъ ужъ насолила. (*Къ Лизѣ*). Отвѣчайте, сударыня, на то, что я буду васъ спрашивать.

Лиза. Извольте, дядюшка.

Г. Богатоновъ. Для чего вы не хотите выдти за князя Блесткина?

Лиза. Потому что онъ мнѣ не нравится.

Г. Богатоновъ. А почему онъ вамъ не нравится, сударыня?

Лиза. Я не нахожу въ немъ ничего хорошаго.

Г. Богатоновъ. А отчего вы не находите въ немъ ничего хорошаго?

Анюта. Кому, сударь, охота искать пустого мѣста.

Г. Богатоновъ. Опять заговорила! Отвѣчай-же! Ну, что-же ты не отвѣчаешь?

Лиза. Потому...

Г. Богатоновъ. Потому что, потому?

Лиза. Потому...

Г. Богатоновъ. Что, нечего, видно, сказать; ну, говори, что въ немъ дурного?

Лиза. Все.

Г. Богатоновъ. Все?

Лиза. Онъ мотъ.

Г. Богатоновъ. Вздоръ!

Анюта. Вы правы, сударь! Князь не мотъ,—ему нечего уже проматывать.

Г. Богатоновъ. Замолчишь-ли ты?

Лиза. Игрокъ.

Г. Богатоновъ. Такъ чтожъ, развѣ это бѣда?

Лиза. Вѣтренникъ.

Г. Богатоновъ. Пустое, сударыня, пустое! Ты не знаешь, что сказать.

Лиза. Однимъ словомъ, онъ мнѣ не нравится, и я ни за что не выйду за него замужъ.

Г. Богатоновъ (*передразнивая*). Онъ мнѣ не нравится, и оттого я не хочу за него выдти замужъ. Экое дурацкое сужденіе; а того не подумаетъ, что будетъ княгиня.

Лиза. Развѣ это названіе сдѣлаетъ меня счастливѣе?

Г. Богатоновъ. Да какъ-же, глупенькая! Вѣдь ты сдѣлаешься большой барыней: всѣ знатные станутъ къ тебѣ ѣздить, будутъ говорить: вчерась я былъ на балѣ; завтра ѣду на званый обѣдъ—къ ея сіятельству княгинѣ Блесткиной. А! къ ея сіятельству! что, скажешь, это не весело?

Лиза. Ни мало.

Анюта. Вы говорите, сударь, какъ будто вашъ князь только и на свѣтѣ...

Г. Богатоновъ. Перестанешь-ли ты врать, негодница! Послушай племянница, я говорю тебѣ въ послѣдній разъ: идешь-ли ты за князя?

Лиза. Нѣтъ, дядюшка!

Г. Богатоновъ (*вскакиваетъ*). Такъ я-жъ тебѣ сказываю: ты будешь за нимъ, или я лишу тебя наслѣдства!

Лиза. Какъ вамъ угодно.

Г. Богатоновъ. Не буду называть племянницей!

Лиза. Воля ваша.

Г. Богатоновъ. И укрѣплю все имѣніе князю.

Лиза. Это отъ васъ зависитъ.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Экая упрямая! (*Громко*). Послушай, Лизанька, другъ мой! утѣшь меня, не упрямься! А! что? ты послушаешься, не правда-ли, миленькая, ты выйдешь за князя?

Лиза. Никогда.

Digitized by Google

Г. Богатоновъ. Никогда! негодная — никогда! безстыдница! Да вздоръ, сударыня; я поставлю на своемъ: ты себѣ хоть тресни, а княгиней будешь!

Анюта. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, для чего вамъ не согласиться? Во-первыхъ, никто не скажетъ, что вы польстились на имѣніе: у него копѣйки нѣтъ за душою; во-вторыхъ...

Г. Богатоновъ. Во-вторыхъ, я сломлю тебѣ шею, если ты еще слово скажешь.

Анюта. Я, сударь, за васъ-же вступаюсь. Во-вторыхъ, еслибъ вы знали, сударыня, кто просить объ этомъ вашего дядюшку.

Г. Богатоновъ. Кто проситъ?

Анюта. Правда, еслибъ барыня знала это такъ-же хорошо, какъ я, то вѣрно не стала-бы спѣшить выдавать васъ замужъ.

Г. Богатоновъ. Что это значитъ?

Анюта. Такъ-съ, ничего.

Г. Богатоновъ. Что ты знаешь?

Анюта. Мы знаемъ, что знаемъ.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Ужъ не провѣдала-ли она какъ-нибудь! Быть не можетъ. (*Громко*). Послушай, голубушка, я не люблю обиняковъ; говори прямо, что ты знаешь?

Анюта. Вы приказываете, сударь? Я знаю, что баронесса...

Г. Богатоновъ (*Анютѣ тихо*). Тсъ!—Племянница, пойди въ свою комнату.

Лиза. Вы на меня сердитесь, дядюшка?

Анюта. Что-же дѣлать, вѣдь и на него также сердятся.

Г. Богатоновъ. Она при ней все выскажетъ! (*къ Лизѣ*). Нѣтъ, мой другъ, я не сержусь.

Лиза. Вы не будете болѣе отъ меня требовать...

Г. Богатоновъ. Хорошо, хорошо! Ступайже, душенька. (*Лиза уходитъ, т. Богатоновъ останавливаетъ Анюту*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Г. Богатоновъ и Анюта.

Г. Богатоновъ. Постой, постой, голубушка! Ты должна прежде сказать мнѣ, что ты знаешь.

Анюта. Смотрите-же, сударь, чуръ не краснѣть. Вы влюблены въ баронессу.

Г. Богатоновъ. Тсъ, тише, тише! что ты горланишь. Это вздоръ, неправда!

Анюта. Неправда? Отчего-же вы испугались?

Г. Богатоновъ. Отчего?.. Ты врешь; кто испугался?

Анюта. Полноте секретничать, сударь, я все знаю.

Г. Богатоновъ. Все! Какъ все? (*Въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Анюта. Баронесса не даетъ вамъ отдыху; она хочетъ непремѣнно женить князя на барышнѣ.

Г. Богатоновъ. Какой вздоръ! (*Въ сторону*). Надобно изъ нея вывѣдать, все-ли она знаетъ. (*Громко*). Послушай: съ чего ты взяла, что я влюбленъ въ баронессу?

Анюта. Я ужъ сказала вамъ, что все знаю, и знаю даже, что вы говорили съ ней сегодня поутру.

Г. Богатоновъ. Ну, что я говорилъ?

Анюта. О любви вашей,—не правда-ли?

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Ахти! она знаетъ!

Анюта. Увѣряли, что обожаете ее; не такъ-ли?

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Она все знаетъ!

Анюта. Да полно! не назначили-ли вы съ ней свиданія?

Г. Богатоновъ. Анъ вотъ и вздоръ: поутру объ этомъ и слова не было.

Анюта. Такъ вы говорили съ ней объ этомъ послѣ обѣда.

Г. Богатоновъ. А гдѣ назначила она мнѣ свиданіе?

Анюта. Гдѣ! И вы думаете, что я не знаю?

Г. Богатоновъ. Небось скажешь—въ этой комнатѣ?

Анюта. Да, сударь, въ этой комнатѣ.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Ну, она все пронюхала!

Анюта. Не долго-ли вамъ будетъ здѣсь дожидаться; вѣдь баронесса-то, я думаю, прежде трехъ или двухъ часовъ къ вамъ не выйдетъ.

Г. Богатоновъ. Двухъ часовъ! Такъ ты и то знаешь, что она черезъ два часа сюда будетъ?

Анюта (*въ сторону*). Черезъ два часа, прекрасно! (*Громко*). Какъ-же, сударь, я ужъ сказала, что все знаю.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Дѣлать нечего, надобно ее приласкать! (*Громко*). Послушай, миленькая, я вижу, отъ тебя ничего не скроешь; надѣюсь, однакожъ, Аннушка...

Анюта. Не безпокойтесь, сударь, я болтать не охотница.

Г. Богатоновъ. То-то же, смотри, никому ни слова.

Анюта. Будьте увѣрены.

Г. Богатоновъ. Я самъ тебѣ отплачу: ты будешь вольная, получишь хорошее приданое...

Анюта. Много милости, сударь.

Г. Богатоновъ. Прощай-же; я пойду теперь къ женѣ. (*Треплетъ ее по щекѣ*). Помни-же, Анюточка, — отпускная и приданое. (*Уходя, въ сторону*). Ну, теперь дѣло въ шляпѣ, и она съ моей стороны.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Анюта (*одна*).

Добро, старый волокита, я сыграю съ тобой шуточку. Черезъ два часа! Хорошо, я приведу барыню; она услышитъ все, и мы увидимъ тогда, на чьей улицѣ будетъ праздникъ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г. Богатоновъ (*одинъ*).

Насилу вырвался! Жена какъ-будто на смѣхъ не хотѣла отстать отъ меня ни на минуту. Теперь засѣла она съ княземъ въ пикетъ, и вѣрно проиграетъ часа три сряду. Баронесса должна сейчасъ сюда придти.—Ну, Иванъ Сидорычъ, не осрами себя; скажи ей прямо, безъ запинки, что ты ее любишь! Тсъ! кто-то идетъ! Это она!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Г. Богатоновъ и баронесса.

Баронесса. Кажется, сударь, я не заставила васъ дожидаться?

Digitized by Google

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, сударыня, я только что пришелъ.

Баронесса. Мнѣ надобно о многомъ васъ спрашивать. Говорили-ли вы съ своей племянницей?

Г. Богатоновъ (*печально*). Говорилъ, сударыня.

Баронесса. И, какъ кажется, безъ всякаго успѣха?

Г. Богатоновъ. Что будешь съ ней дѣлать; повѣрите-ли, матушка, я такой упрямой дѣвки еще и не видывалъ.

Баронесса. И такъ, нѣтъ никакой надежды?

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, я еще не отчаиваюсь; какъ буду ее увѣщевать каждый день, такъ можетъ быть, наконецъ, князь ей и понравится.

Баронесса. Жалкое средство!

Г. Богатоновъ. Какъ вы думаете, что сказала она, когда я представилъ ей, что будетъ знатной госпожей, княгиней? „Вѣдь, дескать, отъ этого я не буду счастливѣе".—Прошу говорить дѣло съ такой безтолковой.

Баронесса. Но вамъ-бы должно говорить совсѣмъ другое. Вы твердили-бы ей безпрестанно, что князь ее любитъ; что для нея презираетъ всѣхъ женщинъ; что одна она наполняетъ его душу; что ею одной онъ дышитъ...

Г. Богатоновъ. Виноватъ, матушка, вотъ этого-то я и не догадался. Погодите, завтраже объявлю племянницѣ, что князь ею дышитъ. Посмотримъ, что она на это скажетъ! (*Баронесса оглядывается*). Что вы, сударыня?

Баронесса. Мнѣ показалось, что кто-то сюда идетъ.

Г. Богатоновъ. Не безпокойтесь, насъ никто не подслушаетъ.

Баронесса. Признаюсь, я не желала-бы, чтобъ кто-нибудь, кромѣ меня, зналъ вашу тайну.

Г. Богатоновъ. Избави Боже!

Баронесса. Мнѣ пріятно мыслить, что я одна заслужила вашу довѣренность.

Г. Богатоновъ. Ахъ, сударыня! еслибъ я... еслибъ мы... (*Въ сторону*). Тьфу пропасть, опять не знаю, какъ начать!

Баронесса. Что значитъ это смущеніе? Позвольте вамъ напомнить, сударь, вы говорите съ другомъ вашимъ.

Г. Богатоновъ. Не знаю, отчего, но всякій разъ, какъ говорю съ вами, на меня такой столбнякъ находитъ.

Баронесса. Можетъ быть оттого, что воображеніе ваше наполнено прекрасною незнакомкой: вы думаете, что говорите съ нею.

Г. Богатоновъ. Точно, точно! я какъ будто вижу ее передъ собою.

Баронесса. Вы обѣщали открыть мнѣ...

Г. Богатоновъ. Ея имя, да, сударыня, я обѣщался; но позвольте мнѣ прежде поговорить съ вами объ одномъ искреннемъ моемъ пріятелѣ.

Баронесса. Что такое?

Г. Богатоновъ. Онъ, сударыня, бѣдняжка,—пожалѣйте о немъ—онъ по уши въ васъ влюбленъ.

Баронесса. Вы шутите?

Г. Богатоновъ. Еслибъ вы знали, какъ онъ мучится.

Баронесса. Мнѣ очень жаль.

Г. Богатоновъ. И никакъ не можетъ собраться съ духомъ сдѣлать это признаніе.

Баронесса. Онъ очень хорошо дѣлаетъ.

Г. Богатоновъ. Какъ, сударыня!

Баронесса. Онъ сталъ-бы понапрасну безпокоиться: я рѣшилась никого не любить.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Баронесса. Мужчины не то, что были прежде; нынче вѣрность, постоянство — одни пустыя слова. Нѣтъ, сударь, я повторяю еще разъ: мы не должны любить. Я согласна, еслибъ молодые люди, подобно вамъ, соединяли въ себѣ всѣ достоинства нашихъ предковъ съ любезностію нынѣшняго времени.

Г. Богатоновъ. Подобно мнѣ!

Баронесса. Еслибъ они умѣли, такъ, какъ вы, не любить, а обожать, быть скромными, не смѣть безъ трепета произнести священное слово: „люблю!", вздыхать...

Г. Богатоновъ. Ахъ!

Баронесса. Такъ, какъ вы вздыхаете теперь; то, можетъ быть, я первая сказала бы мужчинамъ: вы достойны любви нашей, вы сами умѣете любить.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Дуракъ, чего еще тебѣ! (*Громко*). Сударыня! пріятель мой точно такъ-же обожаетъ, вздыхаетъ, какъ я!

Баронесса. Неужели?

Г. Богатоновъ. Онъ, какъ двѣ капли, походитъ на меня.

Баронесса. Право! Кто-же онъ?...

Г. Богатоновъ. Кто онъ? матушка баронесса, помилуй! (*Бросается на оба колѣна*). Вотъ онъ, весь тутъ!

Баронесса. Что это значитъ? А ваша незнакомка?

Г. Богатоновъ. Это вы!...

Баронесса. Да встаньте же, сударь, встаньте.

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, ни за что не встану.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, г-жа Богатонова и Анюта.

Анюта. Ну, сударыня, вы не хотѣли вѣрить.

Баронесса (*не видя Богатоновой*). Ахъ, Боже мой! да встанете-ли вы, сударь?

Г. Богатоновъ (*не видя жены*). Издохну, а не тронусь съ мѣста.—Говори, жестокая! жить или умереть!

Г-жа Богатонова (*подойдя сзади*). Прекрасно!... Ахъ ты старый беззаконникъ!

Г. Богатоновъ (*оглянувъ отъ удивленія*). Что, что такое?

Г-жа Богатонова. Да встанешь-ли ты, негодный?

Г. Богатоновъ (*встаетъ и въ сторону*). Ну, попался я!

Г-жа Богатонова. Ахъ ты сквернавецъ! Ну твоей-ли дурацкой харѣ влюбляться!...

Г. Богатоновъ. Да послушай, жена,—ты не знаешь...

Г-жа Богатонова. Чего мнѣ еще знать, сударь?

Баронесса. Это, сударыня, была одна только шутка.

Г-жа Богатонова. Прекрасная шуточка!—Да и вы, матушка, прекрасная дама, развратить подъ старость человѣка!—Съ тобой-то, голубчикъ, я перевѣдаюсь.

Г. Богатоновъ. Да, тьфу пропасть, что ты разшумѣлась! Послушай!...

Г-жа Богатонова (*съ бѣшенствомъ*). Я разшумѣлась? И онъ же говоритъ, что я разшумѣлась!—Ахъ ты негодный, ахъ ты мерзкій

Digitized by Google

старичишка! Нѣтъ, нѣтъ! я докажу тебѣ, ты увидишь, ты узнаешь.—Эй, кто здѣсь! Аннушка, зови всѣхъ сюда. (*Аннушка уходитъ*).

Г. Богатоновъ. Помилуй, матушка, что ты...

Г-жа Богатонова. Да, да, всѣхъ сюда! Я хочу, чтобъ всѣ видѣли, чтобъ весь свѣтъ зналъ: племянница, князь!...

Г. Богатоновъ. Какой срамъ,—жена!...

Г-жа Богатонова. Да, да, я осрамлю тебя передъ всѣми! Созову всѣхъ: знакомыхъ, людей, дѣвокъ! Лизанька, князь! (*Бѣжитъ вонъ*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Г. Богатоновъ и баронесса.

Баронесса. Что вы надѣлали!

Г. Богатоновъ. Бѣда, да и только! Да откуда она выползла?

Баронесса. Ее, кажется, привела сюда Аннушка.

Г. Богатоновъ. Аннушка! неужели? Ну, доѣхала-же она меня!... Ахъ, злодѣйка! Провести меня, какъ пошлаго дурака!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Богатонова, князь, Лиза и Аннушка.

Г-жа Богатонова. Ступайте всѣ сюда!—Князь! полюбуйтесь вашимъ пріятелемъ.

Князь. Да растолкуйте мнѣ!...

Г-жа Богатонова. Такъ, ничего, я застала, что онъ изъяснялся въ любви этой почтенной госпожѣ, стоялъ передъ нею на колѣняхъ...

Князь. На колѣняхъ! (*тихо Богатонову*). Вѣдь я говорилъ вамъ, на колѣни не становиться.

Г. Богатоновъ (*тихо князю*). Лукавый попуталъ.

Г-жа Богатонова. Онъ, чай, не признается; да нѣтъ, голубчикъ, я видѣла сама, видѣла своими глазами.

Князь (*тихо Богатонову*). Постойте, я поправлю все дѣло. (*Громко*). И такъ, вы застали г. Богатонова на колѣняхъ передъ баронессою?

Г-жа Богатонова. Да, сударь, на колѣняхъ.

Князь. Слышали, какъ онъ изъяснялся въ любви?

Г-жа Богатонова. Да, сударь, слышала, слышала своими ушами.

Князь. И сердитесь? Ха, ха, ха!

Г-жа Богатонова. Ахъ, батюшка! не прикажете-ли мнѣ радоваться?

Князь. Прекрасно! это несравненная сцена! Ха, ха, ха!

Г-жа Богатонова. Мнѣ кажется, батюшка, тутъ нѣтъ ничего смѣшного.

Князь. Напротивъ, надобно умереть со смѣху. Ха, ха, ха!

Г-жа Богатонова (*сердито*). Князь!

Князь. Какая забавная ошибка!

Г-жа Богатонова. Ошибка? Не думаете ли вы меня увѣрить...

Князь (*къ Богатонову*). Нечего дѣлать, сударь, намъ придется открыть нашу тайну.

Г-жа Богатонова (*къ мужу*). Какую тайну? Что это значитъ! Отвѣчайте, сударь!

Г. Богатоновъ. Это значитъ... это значитъ... Князь, скажи ей.

Князь. Вы не сердиться, а благодарить должны г-на Богатонова.

Г-жа Богатонова. Благодарить!

Анюта (*въ сторону*). Неужели этотъ князь ихъ выручитъ?

Князь. Имянины ваши будутъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; г. Богатонову вздумалось сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Г-жа Богатонова. Сюрпризъ! Ужъ не этотъ ли?

Князь. Онъ упросилъ меня и баронессу присоединиться къ нему и выучить втроемъ небольшую комедію. Я не умѣю играть нѣжныхъ ролей, и для того взялъ роль мужа, а господинъ Богатоновъ роль любовника.

Баронесса. А я той, въ которую онъ влюбленъ.

Князь. Нынѣшній день хотѣли мы сдѣлать репетицію; всѣмъ оставить васъ было нельзя, и для того г. Богатоновъ ушелъ въ эту комнату съ баронессою.

Г-жа Богатонова. Какъ, сударь! то, что онъ говорилъ...

Князь. Было не что иное, какъ роль любовника, которую онъ хотѣлъ играть въ комедіи.

Г. Богатоновъ. Да, мой другъ, мы съ баронессой протверживали наши роли.

Г-жа Богатонова. Неужели я ошиблась?

Анюта. (*тихо Богатоновой*). Помилуйте, сударыня, ну похоже ли это на истину?

Г-жа Богатонова. Молчи, это не твое дѣло. (*Къ Богатонову*). Ты протверживалъ свою роль, ну, такъ и надобно было тебѣ назначать для этого потихоньку свиданіе съ баронессою?

Князь. Да какъ же бы иначе отъ васъ скрыть, что мы готовимъ вамъ сюрпризъ.

Г. Богатоновъ. Конечно, ты все дѣло испортила; за то тебѣ и сюрприза не будетъ.

Баронесса. Я первая отказываюсь отъ своей роли. Послѣ такого обиднаго подозрѣнія со стороны госпожи Богатоновой...

Г. Богатоновъ. Вотъ видишь ли, ты разобидѣла баронессу.

Г-жа Богатонова. Но могло ли мнѣ придти это въ голову? Я и теперь еще не знаю, что думать.

Князь. Но вы знаете, сударыня, какъ я люблю васъ и почитаю; слѣдственно, не могу обманывать: повѣрьте, это было такъ, какъ я разсказывалъ.

Г-жа Богатонова. Нечего дѣлать; если всѣ меня увѣряютъ, то видно я въ самомъ дѣлѣ виновата. Извините меня, матушка баронесса; что дѣлать, мы всѣ люди, всѣ человѣки, долго ли ошибиться.

Баронесса. Я извиняю васъ отъ добраго сердца.

Г-жа Богатонова (*мужу*). Ты не сердишься?

Г. Богатоновъ. Ну, добро, такъ ужъ и быть я тебя прощаю.

Анюта (*въ сторону*). Ну, какъ не треснуть съ досады! И она же проситъ прощенія.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Мирославскій и графъ.

Г. Богатоновъ (*въ сторону*). Опять этотъ графъ!

Мирославскій (*къ Богатонову*). Вотъ, мой другъ, мы опять здѣсь.

Г. Богатоновъ. Гдѣ изволили побывать ваше сіятельство?

Digitized by Google

Графъ. У нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ моихъ.

Мирославскій. Мѣстахъ въ пяти. Мы очень устали, но хотѣли непремѣнно сдержать свое слово, провести вмѣстѣ вечеръ и отужинать съ вами.

Г-жа Богатонова (*къ Мирославскому*). Вамъ мы очень рады, батюшка, но намъ совѣстно графа,—онъ будетъ голоденъ.

Графъ. Я, сударыня?

Г-жа Богатонова. Да, сударь. Вы, я думаю, привыкли къ деликатнымъ столамъ, а у насъ столъ простой; да и гдѣ намъ; мы простые дворяне, а не знатные графы.

Г. Богатоновъ (*толкая жену*). Жена!

Графъ. Вы шутите, сударыня.

Г-жа Богатонова. Сервизишка у насъ бѣдный; вина скверныя!

Г. Богатоновъ. Жена!

Г-жа Богатонова (*къ баронессѣ*). Какъ вы думаете, матушка баронесса, не снять ли мнѣ съ головы гирлянду, вѣдь инымъ это не нравится.

Баронесса. И, сударыня, всѣмъ угодить не можно.

Г-жа Богатонова. А не угождай, то того и гляди, что попадешься въ какой-нибудь пасквиль.

Г. Богатоновъ. Жена! да уймешься ли ты?

Графъ (*тихо Мирославскому*). Мнѣ кажется, противъ меня есть заговоръ.

Мирославскій. Это очень примѣтно.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Климъ.

Климъ (*Богатонову*). Мусью Филутони, сударь, пришелъ.

Г. Богатоновъ. А! вѣрно съ французскимъ табакомъ.

Климъ. Нѣтъ, сударь, съ какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ.

Г. Богатоновъ. Съ полицейскимъ чиновникомъ? Что это значитъ!

Мирославскій (*тихо къ графу*). Дѣло идетъ къ развязкѣ; Филутони помогаетъ намъ лучше, чѣмъ я надѣялся.

Г-жа Богатонова. Зови ихъ сюда.

Климъ (*отворивъ дверь*). Извольте войти.

Г. Богатоновъ. Что бы это такое? Я никакъ не могу понять!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, Филутони и полицейскій чиновникъ.

Полицейскій чиновникъ. Позвольте узнать, кто здѣсь г. Богатоновъ?

Г. Богатоновъ. Я! что вамъ надобно?

Полицейскій чиновникъ. Должны ли вы этому человѣку? (*показываетъ на Филутони*).

Г. Богатоновъ. Филутони.—Долженъ; но къ чему это?

Полицейскій чиновникъ. Много ли?

Г. Богатоновъ. Три тысячи.

Филутони (*полицейскому чиновнику*). Исфолитъ слышать, три тысячъ.

Полицейскій чиновникъ. Когда вы сами признаетесь, что должны ему три тысячи, то, вслѣдствіе поданнаго отъ него, Филутони, прошенія, я объявляю вамъ именемъ правительства, что, прежде уплаты сего долга, вамъ не позволено будетъ оставить здѣшняго города. Извините, сударь, я долженъ былъ выполнить свою обязанность. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, кромѣ полицейскаго чиновника.

Г. Богатоновъ. Да кто думалъ отсюда ѣхать? Что ты, Филутони, рехнулся что-ль?

Филутони. О, нѣтъ, мой патюшкъ! Я снай, што фи расорилъ, што фи коши ѣхать, што фи не коши платить толгъ...

Г. Богатоновъ. Чортъ меня возьми, если я тутъ хоть слово понимаю! Я разорился, я хочу ѣхать: что это за ералашъ?

Мирославскій. Ну, мой другъ! если весь городъ объ этомъ ужъ знаетъ, то и мнѣ таить нечего: ты точно разорился.

Г-жа Богатонова. Боже мой!

Г. Богатоновъ. Я разорился?

Князь (*тихо баронессѣ*). Какой непріятный сюрпризъ.

Г. Богатоновъ. Да помилуй, братецъ, куда-же дѣлся мой винный заводъ?

Мирославскій. Онъ сгорѣлъ.

Г. Богатоновъ. Сгорѣлъ?

Г-жа Богатонова. Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!

Г. Богатоновъ. А суконная моя фабрика?

Мирославскій. Управитель по твоему приказу отослалъ сюда всѣ деньги; ему не на что было послѣ закупить матеріаловъ; работа остановилась, поставку продолжать не могли, и фабрика твоя взята подъ казенный присмотръ.

Г-жа Богатонова. Подъ казенный присмотръ! Ахъ! я умираю! (*Падаетъ на кресло*).

Г. Богатоновъ. Ну, теперь-то я совсѣмъ разорился!

Мирославскій. Кто виноватъ, мой другъ? Еслибъ ты не пріѣхалъ жить въ столицу, то ничего бы не случилось. Непомѣрные расходы должны были разстроить твое состояніе.

Г. Богатоновъ. Такъ, такъ! по дѣломъ мнѣ! Зачѣмъ далъ я волю негодной женѣ моей сорить по пустому деньги; зачѣмъ...

Г-жа. Богатонова (*вскакиваетъ*). Какъ? Что? Я сорила деньги, я мотала? Ахъ ты, безстыдный!

Г. Богатоновъ. Да, да! сколько вышло денегъ на твои чепчики, дурацкія шляпки, глупые цвѣты?

Г-жа Богатонова. А сколько проигралъ ты въ карты, роздалъ въ займы своимъ знакомымъ?

Г. Богатоновъ. Продавай теперь свои ветошки; что за нихъ дадутъ?

Г-жа Богатонова. Попробуй собрать долги съ твоихъ пріятелей: много-ли получишь?

Г. Богатоновъ. Пріятели меня въ нуждѣ не оставятъ: а тебѣ, чай, поможетъ твоя мадамъ Тришe?

Г-жа Богатонова. Ахъ, Боже мой! да развѣ у меня нѣтъ друзей? Матушка баронесса...

Баронесса. О, сударыня...

Г. Богатоновъ. Князь!

Князь. Боже мой! повѣрьте, сударь...

Г-жа Богатонова. Еслибъ я могла только раздѣлаться съ моей модной торговкой.

Г. Богатоновъ. Мнѣ нужно только здѣсь

Digitized by Google

расплатиться съ долгами, а тамъ могъ-бы я ѣхать въ деревню.

Баронесса (*г-жѣ Богатоновой*). Въ дружбѣ моей сомнѣваться вы не можете; но клянусь вамъ, я сама въ критическомъ положеніи: я очень бѣдна деньгами, а мнѣ надобно купить новую шаль.

Князь. Господинъ Богатоновъ! вы не знаете, я все готовъ сдѣлать для друга; но, божусь вамъ, я теперь безъ копѣйки: проклятый Крепсъ разорилъ меня.

Г-жа Богатонова. Князь! еслибъ вы могли отдать мнѣ...

Князь. Повѣрьте, сударыня, я принимаю истинное участіе въ вашемъ злополучіи.

Г-жа Богатонова. Хотя половину...

Князь. Вы приводите меня въ отчаяніе.

Г-жа Богатонова. Хотя нѣкоторую часть вашего долга.

Князь. Сударыня! пощадите мою чувствительность.

Г-жа Богатонова. Вы видите, совершенная необходимость вынуждаетъ меня.

Князь. Перестаньте, сударыня, къ чему усугублять мою горесть; развѣ не довольно: вы несчастливы, и я не могу помочь вамъ.

Г. Богатоновъ. Какое несчастіе! какое несчастіе! Мнѣ надобно ѣхать въ деревню, надобно расплатиться съ долгами, надобно выдать замужъ племянницу.

Князь. Отъ этого безпокойства я могу васъ избавить.

Г. Богатоновъ. Какъ! Что хочешь ты сказать?

Князь. Что не намѣренъ жениться. Племянница ваша очень любезна, очень мила; но я имѣю несчастіе ей не нравиться, притомъ-же она...

Мирославскій. Сдѣлалась теперь бѣдною невѣстою.

Лиза. И очень рада, если это избавитъ ее отъ князя Блесткина.

Князь. О, сударыня, это очень легко сдѣлать; я не заставлю просить себя!—Время прекрасное; не хотите-ли вы въ Лѣтній садъ?

Баронесса. Очень хорошо!

Г. Богатоновъ. Какъ, князь! Такъ вотъ твоя дружба?

Г-жа Богатонова. Прекрасно! вы отказываетесь отъ Лизы, оставляете насъ въ такомъ несчастномъ положеніи?..

Князь. Извините, сударыня; эта сцена такъ меня растрогала, мнѣ должно непремѣнно быть на свѣжемъ воздухѣ. (*Къ баронессѣ*). Угодно вамъ?

Г. Богатоновъ (*тихо баронессѣ*). Какъ, сударыня! и вы?..

Баронесса. Да, сударь, и я. (*Уходитъ съ княземъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Г. Богатоновъ, г-жа Богатонова, Мирославскій, графъ, Лиза, Анюта, Климъ и Филутони.

Г. Богатоновъ. (*въ сторону*). Вотъ тебѣ и баронесса! Ахъ, скотина! и я думалъ, что она меня любитъ!

Филутони (*подойдя къ Богатонову*). Когда, monsieur, буди платить?

Г. Богатоновъ. Не стыдно-ли тебѣ, братецъ, приставъ съ ножемъ къ горлу! Дай мнѣ съѣздить въ деревню—я вѣрно поправлю свои дѣла, и тогда отдамъ тебѣ съ процентами.

Филутони. Исфинить! я не можишь штать, мой нушна теньга.

Г-жа Богатонова. И, мусье, не стыдно-ли тебѣ, — человѣкъ ты знакомый.

Филутони (*пожимая плечами*). Што тѣлать, мадамъ!

Г-жа Богатонова. Мадамъ! Ахъ, Боже мой! вотъ до чего мы дожили... Мадамъ! И эта заморская харя смѣетъ меня называть мадамою! Нѣтъ, мерзкій мусье, мы разорились, но я все-таки не мадамъ, а природная русская дворянка.

Г. Богатоновъ. Послушай, мусье, пошелъ вонъ, или я велю тебѣ бока отломать.

Филутони. Потише, мой батюшкъ, потише! Фи есше не таки польши паринъ, штопъ вмѣсто деньга тавать палкъ.

Г. Богатоновъ. Климъ! вытолкай его!

Климъ. И, государь! не тѣ ужъ времена, чтобъ кого выталкивать; того и гляди, что намъ самимъ придется жить на улицѣ. Чего ради, во избѣжаніе сего, прошу покорно меня нижайшаго уволить, и въ доказательство непорочной и усердной службы моей снабдить аттестатомъ.

Г. Богатоновъ. Что ты, Кондратьичъ, не рухнулся-ли! Ты хочешь меня оставить?

Климъ. Да, сударь, вторично прошу увольненія.

Г. Богатоновъ. Такъ-то ты помнишь мои благодѣянія! Ну, если такъ, то убирайся къ чорту; мнѣ тебя не надобно.

Климъ. Богъ видитъ, государь, что дѣлаю сіе съ сердцемъ сокрушеннымъ...

Г. Богатоновъ. Пошелъ-же вонъ, тварь неблагодарная!

Климъ. Даруй Господи, чтобъ ты, отецъ нашъ...

Г. Богатоновъ. Уйдешь-ли ты съ глазъ моихъ, негодный?

Климъ. Иду, государь, иду! (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Г. Богатоновъ, г-жа Богатонова, графъ, Мирославскій, Лиза, Анюта и Филутони.

Г. Богатоновъ. Всѣ меня оставляютъ!

Г-жа Богатонова. Думала-ли я, чтобъ князь поступилъ такимъ подлымъ образомъ!

Г. Богатоновъ. Воображалъ-ли я, чтобъ баронесса... Да что и говорить, весь свѣтъ наполненъ обманщиками; у меня только и надежда на барона Радугина и графа Недочетова.

Мирославскій. Смотри, мой другъ, чтобъ и они тебя не обманули; вѣдь ты уже въ пикетъ играть не будешь.

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, братецъ, они люди вѣрные. (*Входитъ человѣкъ и отдаетъ письмо*).

Человѣкъ. Отъ барона Радугина.

Г. Богатоновъ (*Мирославскому*). Ну, вотъ видишь-ли, мой другъ, онъ узналъ о моемъ несчастіи и торопится предложить свои услуги.

Мирославскій. А вотъ увидимъ.

Г. Богатоновъ (*распечатываетъ письмо и читаетъ*). Точно, точно, я его знаю.—„Съ крайнимъ прискорбіемъ извѣстился я о вашемъ несчастіи...“ Съ крайнимъ прискорбіемъ! милый баронъ.—„Вы никогда не сомнѣвались въ дружбѣ моей...“ Боже сохрани!—„слѣдственно повѣрите, что я принимаю живѣйшее участіе въ вашемъ положеніи...“ Живѣйшее участіе! о, добрый че-

Digitized by Google

ловѣкъ!—„Зная благородный образъ вашихъ мыслей, я увѣренъ, что вы считаете карточный долгъ священнымъ...“ Что это такое? (*Продолжаетъ читать, запинаясь*)—„и доставите мнѣ съ симъ посланнымъ проигранные вами на прошлой недѣлѣ пятьсотъ рублей“. Прекрасно!

Мирославскій (*беретъ у него письмо*). Тутъ есть еще приписка. (*Читаетъ*). „графъ Недочетовъ...“

Г. Богатоновъ. Графъ Недочетовъ? Ну, ну, скорѣй прирѣзывай меня, что графъ Недочетовъ?

Мирославскій (*читаетъ*). „Графъ Недочетовъ просилъ увѣдомить васъ, что по причинѣ отъѣзда своего въ чужіе края онъ не можетъ заплатить бездѣлицу, которую вамъ долженъ“.

Г. Богатоновъ (*опустя руку*). Ну, Иванъ Сидорычъ, хорошъ ты!

Г-жа Богатонова. Бездѣлицу, десять тысячъ!

Г. Богатоновъ. Не можетъ заплатить! не можетъ! Ахъ, онъ злодѣй! И я называлъ ихъ друзьями, думалъ, что они меня любятъ. О, злодѣи, о, разбойники! На что я гожусь? Что мнѣ теперь дѣлать? Куда дѣваться? И какой чортъ дернулъ меня пріѣхать въ Петербургъ? И какъ пришло мнѣ въ голову познакомиться съ этими знатными? Всѣ меня покинули, всѣми я оставленъ.

Мирославскій. Нѣтъ, у тебя есть еще друзья.

Г. Богатоновъ. Друзья! Гдѣ они?

Мирославскій. А обо мнѣ ты позабылъ.

Г. Богатоновъ. Да, да, ты другъ мой! Но что ты можешь сдѣлать? Ты самъ человѣкъ небогатый.

Графъ. Позвольте, г-нъ Богатоновъ, предложить вамъ мои услуги: если угодно, я возьму на себя выплатить всѣ долги ваши.

Г. Богатоновъ. Какъ, батюшка, ваше сіятельство, вы хотите... вамъ угодно... Боже мой, долженъ-ли я вѣрить?

Г-жа Богатонова. Ахъ, графъ! вы хотите насъ воскресить.

Мирославскій (*къ Филутони*). Эй ты, честный человѣкъ!

Филутони. Шефо исфолитъ?

Мирославскій. Приходи завтра, тебѣ заплатятъ; а теперь пошелъ вонъ.

Филутони. Ошень корошъ! Serviteur, monsieur! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, кромѣ Филутони.

Г. Богатоновъ (*къ графу*). Чѣмъ могу изъяснить вамъ мою благодарность?

Мирославскій. Я тебя надоумлю, мой другъ: выдай за графа свою племянницу.

Г. Богатоновъ (*съ удивленіемъ*). Какъ!

Графъ. Да, сударь, согласитесь на общее наше благополучіе; мы давно уже любимъ другъ друга.

Г-жа Богатонова. Что я слышу!

Г. Богатоновъ. Неужели? Племянница!...

Лиза. Да, дядюшка, графъ сказалъ правду.

Г. Богатоновъ. О, если такъ... Но не шутите-ли вы, графъ?

Графъ. Какъ можете вы это думать!

Г. Богатоновъ. Лизанька! (*Подводитъ ее къ графу*). Она ваша невѣста.

Г-жа Богатонова (*цѣлуетъ Лизу*). Отъ всего сердца поздравляю тебя, мой другъ!

Анюта (*къ г. Богатонову*). Ну, сударь, не говорила-ли я вамъ, что у барышни будетъ женихъ почище вашего Блесткина?

Г. Богатоновъ (*къ графу*). Я не хочу васъ обманывать: теперь я не могу ничего дать за своей племянницей.

Графъ. О, сударь, на что это; я и такъ совершенно благополученъ!

Мирославскій. Послушай, мой другъ, я тебя обрадую, только съ уговоромъ: завтра-же поѣдемъ всѣ отсюда.

Г. Богатоновъ. Вотъ тебѣ моя рука: лишь только расплачусь, то тутъ-же и въ деревню.

Мирославскій. Ты не совсѣмъ разорился: заводъ твой не сгорѣлъ.

Г. Богатоновъ. Не сгорѣлъ?

Г-жа Богатонова. Не сгорѣлъ? Какое счастіе!

Г. Богатоновъ. Бога же ты не боишься, зачѣмъ ты всѣхъ насъ такъ переполошилъ?

Мирославскій. Я хотѣлъ тебѣ показать на самомъ дѣлѣ, что значитъ дружба городскихъ твоихъ пріятелей. Ты захотѣлъ изъ простого дворянина превратиться въ знатнаго человѣка; что вышло изъ этого? Ты разстроилъ свое имѣніе; плуты тебя обманывали, честные люди жалѣли о тебѣ, но также не могли не смѣяться надъ твоимъ легковѣріемъ; однимъ словомъ...

Г. Богатоновъ. Хорошо, хорошо, мой милый! ты договоришь это въ другое время: а между тѣмъ племянница-то моя все-таки будетъ сіятельная!

КОНЕЦЪ.

(*1817 г.—Представлена въ первый разъ въ Спб. Маломъ театрѣ 27 іюня 1817 г.*).

Digitized by Google

Лебедянская ярмарка

(ИНТЕРМЕДІЯ—ДИВЕРТИСЕМЕНТЪ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Гуръ Филатычъ.
Фекла Тарасьевна, жена его.
Любушка.
Еремѣевна, сваха.
Надоѣдаловъ, другъ Гура.
Затѣйкинъ. } женихи Любушки.
Простофилинъ }

Танцуютъ: по-цыгански—русски—венгерски и съ флагами.

(*Театръ представляетъ ярмарку; впереди сцены крестьяне пьютъ около стола и поютъ хоромъ круговую; по окончаніи хора выходятъ съ правой стороны: Затѣйкинъ и Простофилинъ*).

Простофилинъ. Ахъ, Боже мой! Да что это вы ко мнѣ привязались?

Затѣйкинъ. Какъ что? Послушай, братъ, я тебѣ говорю: не отбивай у меня нѣвесты, а то быть худу. Вѣдь я не даромъ же служилъ сержантомъ—я человѣкъ горячій.

Простофилинъ: Ахъ, батюшки свѣты! да почему-же мнѣ не свататься за Любушку?

Затѣйкинъ. А потому, что я хочу на ней жениться—ну, понимаешь-ли ты, дурацкая чучела! (*Приступаетъ къ нему*).

Простофилинъ. Прошу подальше — не такъ чтобъ очень, такъ-съ—я горло-то драть и самъ умѣю.

Затѣйкинъ. Ахъ ты, образина!—ну тебѣ-ли недорослю хвататься съ гвардейскимъ сержантомъ.

Простофилинъ. То-то-же, — прошу не лаяться.

Затѣйкинъ. Прошу покорно! да онъ никакъ хорохорится. Послушай, братъ: не знаю, много-ли тебя въ землѣ-то, а на землѣ немного: вѣдь я разомъ...

Простофилинъ (*остервенясь*). Ну, что—что! Анъ лихъ не боюсь тебя! давай чтоль, хоть за святыя.

Затѣйкинъ. Постой, постой,—вотъ я тебя, конопляникъ (*хотятъ драться. Еремѣевна подходитъ сзади и разнимаетъ ихъ*).

Еремѣевна. Что вы, что вы, господа честные, въ умѣ-ли, драться. (*Къ Затѣйкину*). И, батюшка Николай Назарычъ (Андрей Сысоичъ) человѣкъ ты, отецъ мой, военный, а связываешься съ недорослемъ.

Затѣйкинъ. Правда твоя, Еремѣевна,—нашему брату нечего тутъ и рукъ марать.

Еремѣевна (*къ Простофилину*). Ну, подумай самъ, родной,—человѣкъ ты смирный, а связываешься съ такимъ сорванцомъ,—разсуди самъ, что скажутъ добрые люди?

Простофилинъ. Дѣло, бабушка! Мнѣ стыдно и говорить съ такимъ буяномъ.

Затѣйкинъ. Послушай-ка, Еремѣевна,—чтожъ, когда моя свадьба съ Любушкою?

Еремѣевна. Положись на меня, отецъ мой,—все будетъ хорошо.

Простофилинъ. Ну чтожъ, бабушка,—ты хотѣла за меня посватать Любовь Гурьевну.

Еремѣевна. Небось, мой родимый,—ужъ половина дѣла сдѣлана,—послушайте-ка, господа: чѣмъ вамъ ссориться, вы бы лучше повеселили вашу невѣсту,—дѣло праздничное, позвали-бъ пѣсенниковъ да плясуновъ—да и потѣшили-бы всю честную компанію.

Затѣйкинъ. И то дѣло! Посмотримъ-ка, Простофилинъ, кто изъ насъ лучше позабавитъ Любовь Гурьевну.

Постофилинъ. А вотъ увидимъ: я и самъ лицомъ въ грязь не ударю, у меня есть на примѣтѣ заморскіе плясуны почище твоихъ цыганъ.

Затѣйкинъ. Посмотримъ, посмотримъ. (*Уходятъ*).

Простофилинъ. Да вотъ никакъ сюда идетъ Гуръ Филатычъ со всей фамиліею. — Прощай, Еремѣевна. Побѣгу и заразъ опять явлюсь съ своими плясунами. (*Гуръ Филатычъ, Фекла Тарасьевна, Надоѣдаловъ и Любушка выходятъ съ противной стороны*).

Надоѣдаловъ. Ну, братъ Гуръ, что ни говори, а что правда, то правда, вѣдь Награждай-то знатная собака! — какъ я онамеднись, знаешь ты, запустилъ въ островъ гончихъ-то...

Гуръ. И, братъ, да ты ужъ десять разъ мнѣ это разсказывалъ.

Надоѣдаловъ. Не хочешь слушать, такъ я разскажу Любови Гурьевнѣ. Вотъ изволите видѣть, мать моя, какъ я запустилъ въ островъ гончихъ...

Любушка. Ай, да какіе вы скучные! все говорите о собакахъ да о себѣ.

Надоѣдаловъ. Да объ чемъ же и говорить нашему брату, какъ не о собакахъ? По мнѣ, пожалуй, не слушайте,—я разскажу Феклѣ Тарасовнѣ. Вотъ изволишь вѣдать, матушка сударыня, какъ я запустилъ гончихъ...

Фекла. И, мой отецъ, — да помолчишь-ли ты когда-нибудь: тебѣ бы все говорить, да говорить; ужъ какъ это у тебя языкъ не примелится, дай намъ посмотрѣть товаровъ, вѣдь ярмарка-то у насъ не десять разъ въ году бываетъ. (*Простофилинъ и Затѣйкинъ подходятъ*).

Digitized by Google

Затѣйкинъ. Что хорошенькаго вы подѣлываете, Гуръ Филатьичъ?

Гуръ. Да такъ, батюшка, пришелъ себя показать, да людей посмотрѣть.

Затѣйкинъ (*Любушкѣ*). Команъ-ву портеву, мамзель?

Любушка. Ахъ, Богъ мой! какъ вы скверно говорите по-французски!

Затѣйкинъ. Помилуйте, матушка Любовь Гурьевна, зачѣмъ такая немилость, чѣмъ хуже мы другихъ здѣсь: въ цѣломъ околоткѣ никто и заикнуться не умѣетъ по-французски, а мы, такъ что угодно! И команъ ву портеву, и бонъжуръ моншеръ, — да и мало-ли чего другого прочаго.—Извольте-ка только поразговориться.

Гуръ. Ну, да чтожъ мы здѣсь остановились, пойдемте дальше.

Затѣйкинъ. Нѣтъ, сударь, просимъ покорно пообождать: я хочу васъ кой чѣмъ позабавить.

Простофилинъ. И я также...

Гуръ. Что это вы затѣваете? Ужъ не сюрпризъ-ли?..

Простофилинъ. Я хочу...

Затѣйкинъ. Небольшую потѣшку.

Простофилинъ. Васъ повеселить.

Фекла. Посмотримъ, посмотримъ. Вотъ мы здѣсь присядемъ.

Затѣйкинъ. Эй вы, любезные. (*№ 1. Цыганская пляска*).

Всѣ. Прекрасно! хорошо.

Простофилинъ. Послушай-ка моей Дуняши. (*№ 2. Пѣсня г-жи Самойловой*).

Гуръ. Что твоя пава.

Простофилинъ. Посмотрите-ка моего мусью. (*№ 3, съ флагомъ*).

Надоѣдаловъ. Ахъ, злодѣй, какія онъ шутки строилъ,—ну ужъ знатно.

Затѣйкинъ. Извольте-ка послушать и моего пѣвуна-то,—нечего сказать, матушка Любовь Гурьевна,—что ваши петербургскіе итальянцы,—трель-ли пустить, другое-ли что; ну-ка, братъ, развернись. (*№ 4. Шуваловъ поетъ*).

Простофилинъ. Ну, это все ничего передъ моими крестьянами. Ну-ка на послѣднемъ просимъ покорно (*№ 5. Русская пляска*).

КОНЕЦЪ.

(*1817 г. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ въ Маломъ театрѣ 24 Сентября 1817 г.*).

Вечеринка ученыхъ

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

Госпожа Радугина, вдова		*Г-жа Ежова.*
Софья, меньшая сестра ея		*Г-жа Валберхова.*
Волгинъ, братъ ихъ		*Г. Бобровъ.*
Князь Вечеславинъ		*Г. Сосницкій.*
Болеславскій, влюбленный въ Софью		*Г. Брянскій.*
Шмелевъ, журналистъ		*Г-жа Рамазановъ.*
Сластилкинъ	литераторы.	*Г. Величкинъ.*
Дребедневъ	литераторы.	*Г. Поляковъ.*
Снѣгинъ	литераторы.	*Г. Боченковъ.*
Саша, горничная Софьи		*Г-жа Асенкова.*
Слуга Радугиной		

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ г-жи Радугиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Софья (*сидитъ за работою*). Саша (*стоитъ подлѣ нея*).

Софья (*за работою*). Сашенька, что дѣлаетъ сестрица?

Саша. Пишетъ, сударыня.

Софья. Вѣрно оканчиваетъ свою драму. Ну, еслибъ братецъ зналъ, что у насъ дѣлается?

Саша. Сохрани Боже! онъ поднялъ бы такой шумъ и крикъ, что хоть изъ дому бѣги.

Софья. Еслибъ онъ увидѣлъ эту толпу безграмотныхъ сочинителей, эти ученыя собранія, надъ которыми весь городъ смѣется... О! я увѣрена, лишь только дойдутъ до него слухи, онъ тотчасъ прискачетъ изъ своей деревни...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Волгинъ.

Софья (*вскочивъ со стула*). Ахъ, братецъ! это вы?...

Волгинъ (*съ сердитымъ видомъ*). Здорово, Софья, здорово! Дома ли сестра?

Саша. Дома, сударь.

Digitized by Google

Софья. Какъ это вамъ вздумалось къ намъ въ Москву пріѣхать!

Волгинъ. Да по милости г-жи Радугиной, любезной сестрицы нашей. До меня дошли прекрасные слухи! прекрасные слухи!

Софья. Что такое?

Волгинъ. Что? стыдно, да и только!

Софья. Но скажите мнѣ...

Волгинъ. Хороши вы, сударыня! Весь городъ надъ вами смѣется.

Софья. Что это значитъ?

Волгинъ. А вотъ что: я живу себѣ преспокойно въ своей деревнишкѣ, не зная ничего, что у васъ дѣлается, какъ вдругъ на послѣдней почтѣ получаю письмо отъ пріятеля моего Угрюмова; развертываю... читаю... Вотъ оно, прочти сама. (*Отдаетъ письмо Софьѣ*).

Софья (*читаетъ*). „Любезный другъ! поспѣши пріѣхать къ намъ въ Москву. Старшая сестра твоя, г-жа Радугина, сошла съ ума, или весьма близка къ этому; она помѣшалась на учености: сдѣлала изъ своего дома академію, набрала себѣ кучу рифмачей; завела какіе-то литературные вечера, на которыхъ порютъ такую дичь, что уши вянутъ; учится по урокамъ краснорѣчію и поэзіи; сама пишетъ стихи; сочиняетъ драмы, и даже, слухъ носится, намѣрена выдавать журналъ".

Волгинъ. А! какъ тебѣ кажется? Выдавать журналъ! Волосы стали у меня дыбомъ! Сестра моя пишетъ драмы! хочетъ выдавать журналъ! Ахъ, Боже мой! да съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Волгины, этакого срама не было въ нашей фамиліи. Я бросилъ все, взялъ почтовыхъ и прискакалъ сюда.

Софья. Къ несчастію, все это справедливо; но что намѣрены вы сдѣлать?

Волгинъ. Что? Я скажу ей, что она сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго свѣта.

Софья. Она вамъ не повѣритъ.

Волгинъ. Что она срамитъ свою фамилію.

Софья. Она вамъ докажетъ противное.

Волгинъ. Представлю ей самыя удивительныя причины.

Софья. Она не будетъ ихъ слушать.

Волгинъ. Стану просить, уговаривать, начну кричать... чортъ возьми! разругаюсь съ нею.

Софью. А если и это не поможетъ?

Волгинъ. То... то... схвачу ея дурацкіе стихи, глупыя драмы, журналы, выброшу ихъ за окошко и ускачу опять въ свою подмосковную.

Софья. Только-то? Немного-же вы сдѣлаете добраго!

Волгинъ. Нѣтъ, нѣтъ! прежде выдамъ, тебя замужъ, а потомъ уже поѣду въ свою деревню: пускай она проказитъ себѣ одна сколько ей угодно.

Софья. Вы хотите отдать меня замужъ?

Волгинъ. Да, да, вѣдь Болеславскій изъ плѣну возвратился,—онъ здѣсь!

Софья. Здѣсь!

Волгинъ. Чтожъ ты испугалась?

Софья. Здѣсь! какое счастіе! Но, братецъ, я не знаю, будетъ ли согласна сестра моя.

Волгинъ. Почему же нѣтъ?

Софья. Сестрица хочетъ выдать меня за князя Вечеславина; вы знаете, сначала всѣ считали Болеславскаго убитымъ.

Волгинъ. Вздоръ! была бы только твоя охота, а то мы обойдемся и безъ ея согласія.

Софья. Вы забыли, братецъ, батюшка, умирая, завѣщалъ въ своей духовной, что я не могу выйти замужъ безъ согласія старшей сестры моей; въ противномъ же случаѣ лишусь всѣхъ правъ на законную часть изъ его имѣнія.

Волгинъ. Правда твоя! Эта статья въ духовной покойнаго батюшки много намъ хлопотъ надѣлаетъ. Но скажи мнѣ, что это за Вечеславинъ; ужъ не авторъ ли онъ?

Саша. Нѣтъ, сударь, не то, чтобы авторъ, а пуще всякаго автора! онъ... какъ бишь ихъ называютъ, сударыня? вотъ эти господа-то ученые... ни то, ни се.

Софья. Литераторъ, или любитель словесности.

Волгинъ. А! знаю, знаю! Вотъ эти-то, что все судятъ, да рядятъ, все бранятъ, да ругаютъ, а сами не умѣютъ ничего написать путнаго.

Софья. Точно такъ, братецъ.

Волгинъ. И сестра хочетъ тебя за него выдать? Пустое, дай мнѣ только поговорить съ нею, и мы увидимъ...

Софья. Вы все испортите; я знаю васъ: сперва вы станете ее уговаривать, потомъ разгорячитесь, начнете кричать; она также разсердится, и кончите тѣмъ, что вы съ нею поссоритесь, а мнѣ не сдѣлаете никакой пользы.

Волгинъ. Чтожъ буду я дѣлать?

Софья. Не говорить ни слова, а предоставьте это мнѣ. Сестра моя жила здѣсь, когда Болеславскій познакомился въ деревнѣ съ батюшкой, слѣдовательно знаетъ его только по наслышкѣ; представьте его подъ чужимъ именемъ, какъ человѣка съ большими способностями къ поэзіи!

Волгинъ. Ну, а если она потребуетъ отъ него стиховъ?

Софья. Я увѣрена, что онъ ей понравится и тогда намъ не трудно будетъ выманить ея согласіе.

Волгинъ. Но зачѣмъ же онъ долженъ принять чужое имя?

Софья. Для того, что сестра моя очень предубѣждена противъ Болеславскаго и не захочетъ, можетъ быть, принять его.

Волгинъ. Ну, ну, быть такъ; я объ этомъ не скажу ни слова. Да гдѣ же она? (*Хочетъ уйти*).

Софья. Въ своемъ кабинетѣ. Извольте подождать, сударь, она занимается теперь сочиненіемъ, и Боже сохрани, ежели кто подумаетъ ей помѣшать!

Волгинъ. Такъ и быть, сердись она или нѣтъ, а я ей помѣшаю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Софья и Саша.

Софья. Ахъ! Сашенька! Болеславскій здѣсь!

Саша. Да, сударыня.

Софья. Такъ ли онъ меня любитъ, какъ прежде?

Саша. Почему-же вы сомнѣваетесь?

Софья. Мужчины такъ непостоянны.

Саша. Неужели вы думаете, сударыня?...

Софья. Легко быть можетъ, что прежняя его страсть осталась только въ одномъ воображеніи.

Саша. Но также легко можетъ быть, что вы и ошибаетесь.

Софья. И для того-то я желала-бы испытать, справедливы-ли мои подозрѣнія.

Саша. Къ чему это? Вѣдь онъ пріѣхалъ сюда на васъ жениться; какихъ-же надобно вамъ еще доказательствъ?

Digitized by Google

Софья. Можетъ быть Болеславскій дѣлаетъ это для того только, чтобъ выполнить свое обѣщаніе, какъ честный человѣкъ; онъ не могъ поступить иначе, а этого еще для меня не довольно.

Саша. Ну, сударыня, еслибъ всѣ невѣсты были такъ разборчивы, то куда-бы много было пожилыхъ дѣвушекъ.

Софья (*размыслив*). Да, точно такъ! я приму его холодно, буду показывать совершенное равнодушіе.

Саша. Что вы затѣваете, сударыня?

Софья. Если онъ меня любитъ, какъ прежде, то холодность моя приведетъ его въ отчаяніе: онъ станетъ осыпать меня упреками.

Саша. А если онъ не будетъ ни кричать, ни сходить съума?

Софья. То подозрѣнія мои оправдаются, и я избавлюсь отъ несчастія принадлежать человѣку, который женится на мнѣ изъ одной обязанности.

Саша. Ну, сударыня, воля ваша, только мнѣ очень не нравится это испытаніе, и еслибъ вы послушали моего совѣта...

Софья. Нѣтъ, я рѣшилась; не знаю только, буду ли я въ состояніи, увидѣвши его, скрыть свою радость.

Саша. О! въ этомъ я не сомнѣваюсь; нѣтъ женщины, которая, желая испытать любовника, не сыграла-бы мастерски свою роль.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и слуга.

Слуга. Письмо отъ князя Вечеславина.

Софья. Подай сюда. (*Беретъ письмо; слуга уходитъ*). Оно не запечатано. (*Читаетъ*). „Вамъ угодно было имѣть стихи мои, которые буду читать сегодня на вашемъ вечерѣ: выполняю приказаніе ваше. Вы можете показать прекрасной Софьѣ эту бездѣлку; но я желалъ-бы, чтобъ авторъ остался для нея неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока самъ не прочитаетъ ихъ“.— Что это значитъ?

Саша (*взглянувъ на подпись*). Да это письмо къ г-жѣ Радугиной.

Софья. А! въ самомъ дѣлѣ. (*Развертываетъ и глядитъ*). Стихи, русскіе стихи! Ну! князь не на шутку желаетъ угодить моей сестрицѣ. (*Читаетъ*). „Къ моей любезной“. Ахъ! это напоминаетъ мнѣ стихи, которые Болеславскій сочинилъ, разставаясь со мною.

Саша. Вы помните ихъ наизусть, сударыня?

Софья. Какъ не знать ихъ наизусть! Каждое слово дышетъ въ нихъ истиннымъ чувствомъ, пламенной любовью!... (*Говоритъ съ чувствомъ*).

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестьми считалъ,
Наскучa свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ;
Но вдругъ, какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя,
Надежда въ сердцѣ водворилась
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

Саша. Я слышу голосъ вашей сестрицы; сложите скорѣй письмо, сударыня; неравно еще она разсердится, что вы читаете ея переписку съ княземъ.

Софья (*складываетъ письмо и кладетъ его на столъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-жъ, Волгинъ и Радугина.

Радугина. Ну, мой милый, какъ я рада, что ты пріѣхалъ.

Волгинъ. Да мнѣ-то нечего радоваться, сестра.

Радугина. Почему-же, мой другъ? Здѣсь такъ весело. Я безъ тебя надѣлала кучу новаго знакомства.

Волгинъ. И, чай, все съ учеными?

Радугина. Да, братецъ! Вотъ, напримѣръ, сегодня вечеромъ ты увидишь у меня такое собраніе ученыхъ, какого тебѣ никогда не удавалось видѣть.

Волгинъ. Въ этомъ я увѣренъ.

Радугина. Нынче у меня чтеніе: журналистъ Шмелевъ будетъ читать рецензію на новую пьесу; Змѣйкинъ эпиграмму на ту-же пьесу; Тиранкинъ свою двадцать восьмую комедію; князь будетъ читать... но нѣтъ, это я еще навѣрно не знаю. Послушай, мой милый, тебѣ надобно непремѣнно познакомиться съ княземъ.

Волгинъ. Сестра! я совѣтовалъ бы тебѣ...

Радугина. Онъ человѣкъ знатный, важной фамиліи; а ужъ ученъ... ученъ...

Волгинъ. Вѣрю; но послушай...

Радугина. Подлинно ужъ надобно удивляться!... чего онъ не знаетъ!... По-нѣмецки, по-гречески, кажется и по-латыни; а о французскомъ и говорить нечего.

Волгинъ. Вѣрно, сударыня...

Радугина. Ну, вѣришь-ли Богу! и всѣми этими языками онъ говоритъ лучше, чѣмъ по-русски.

Волгинъ. Согласенъ; но...

Радугина. А науки-то что-ль? Литературу, словесность, поэзію, стихотворство...

Волгинъ. Не спорю.

Радугина. Психологію, хронологію, географію, землеописаніе...

Волгинъ. Вѣрю, матушка.

Радугина. Эстетику, статистику...

Волгинъ. Вѣрю, сударыня, вѣрю, вѣрю! да что мнѣ до этого за нужда?

Радугина. Что за нужда! А знаешь-ли ты, что онъ сватается за Сонюшку?

Волгинъ. Тѣмъ хуже для него.

Радугина. А почему-бы такъ, батюшка братецъ?

Волгинъ. А потому, матушка сестрица, что у Софьи есть и безъ него женихъ.

Радугина. Кто-бы это, сударь?

Волгинъ. Болеславскій, сударыня.

Радугина. Болеславскій!

Волгинъ. Да, Болеславскій: вѣдь онъ не убитъ, а былъ только въ плѣну.

Радугина. Не убитъ! А какое мнѣ до этого дѣло?—вотъ что забавно, не убитъ!

Волгинъ. Ты себѣ что ни говори, Сонюшка за нимъ будетъ.

Радугина. Нѣтъ, сударь, нѣтъ!—Не убитъ! вольно же было ему воскреснуть; я ему уже эпитафію сочинила, и теперь не хочу знать, что онъ живъ.

Софья (*тихо Волгину*). Братецъ, вы объ-щались...

Волгинъ. Хорошо, хорошо, объ этомъ послѣ. Теперь скажи-ка мнѣ, что это тебѣ вздумалось подъ старость-то въ ученость удариться?

Радугина. Оттого, сударь, что не хочу быть такою невѣждою, какъ ты; оттого, что люблю литературу; оттого... оттого, что во мнѣ

Digitized by Google

скрывались такія способности, о которыхъ ты не имѣешь даже и понятія.

Волгинъ. Сестра! побойся Бога! ну, гдѣ видано, чтобъ въ человѣкѣ талантъ открывался на 52 году.

Радугина. Экое варварское сужденіе!—Да знаешь-ли ты, что Руссо, Жанъ-Жакъ Руссо, началъ писать на сороковомъ году?... а!... а сколько написалъ онъ книгъ?

Волгинъ. Ну, посуди сама, не курамъ-ли это на смѣхъ: старшая ты мнѣ сестра, а вздумала сдѣлаться школьницею?

Радугина. Да что-же тутъ дурного?

Волгинъ. Похоже-ли это на дѣло, учиться подъ старость грамотѣ!

Радугина. Не грамотѣ, а русскому языку; я хочу знать въ совершенствѣ языкъ, на которомъ сочиняю.

Волгинъ. Ну, пускай-бы учились по-русски наши барышни и молодыя барыни,—это дѣло. Не мѣшало-бы имъ умѣть хотя молитвы читать на своемъ языкѣ; но тебѣ, матушка, не стыдно-ли въ твои лѣта сидѣть за указкою?

Радугина. А тебѣ, батюшка, не стыдно-ли въ твои лѣта не знать своего языка? Сидѣть за указкою! развѣ это по-русски? за указкою!—Съ указкою, сударь, съ указкою!

Волгинъ. Такъ или нѣтъ, только пора тебѣ, сестра, образумиться.

Радугина. Видишь-ли теперь, для чего я учусь? Ну вотъ, напримѣръ, ты никакъ мнѣ не докажешь, почему можно сказать съ указкою, а нельзя сказать за указкою.

Волгинъ. Охота-же тебѣ изъ пустого въ порожнее переливать?

Радугина. Попробуй, докажи.

Волгинъ. И, матушка!

Радугина. Увидимъ, увидимъ, какъ ты докажешь.

Волгинъ. Вѣрю, сударыня, что ты великая грамотейка, да что...

Радугина. Сашенька!

Саша. Чего изволите?

Радугина. Я пристыжу тебя, братецъ; Саша бываетъ при моихъ урокахъ и вѣрно тебѣ докажетъ.

Саша. Я, сударыня, я? да я ничего не знаю.

Радугина. Вздоръ! какъ не знаешь? Говори сейчасъ.

Саша. Ну, вотъ изволите видѣть: указка имя прилагательное, предлогъ за... за... предлогъ, союзъ, мѣстоименіе... предлогъ... Право, сударыня, я ничего не помню.

Радугина. Прошу покорно, какая дура! такой бездѣлицы не можетъ доказать. Слушай, братецъ.

Волгинъ (*отодвинясь съ досадою отъ нея*). Увольте, мнѣ становится ужъ скучно.

Радугина. Я не отстану отъ тебя, пока не докажу. Предлогъ за...

Волгинъ (*Софьѣ*). Что намъ съ ней дѣлать?

Радугина. Предлогъ за—означаетъ, первое: движеніе назадъ; напримѣръ: стать за стулъ, стать за дверь.

Волгинъ. Помилосердуй!...

Радугина. Второе: положеніе назади, какъ-то: стоять за стуломъ, сидѣть за столомъ.

Волгинъ. Тьфу пропасть!

Радугина. Но поелику за указкою нельзя ни стоять, ни сидѣть, то слѣдственно...

Волгинъ (*Софьѣ*). Сестра! часто-ли на нее находитъ?

Радугина. То слѣдственно и надобно говорить съ указкою, а не за указкою; ибо можно, прошу замѣтить, это, можно...

Волгинъ. Да кой чортъ далась тебѣ эта указка!

Радугина. Сидѣть, находиться, быть, пребывать съ указкою...

Волгинъ (*въ сердцѣ*). А нельзя быть, находиться, пребывать съ ученою дурою, которая изъ ума выжила!

Радугина. Прекрасно! да ты уже и браниться?

Волгинъ. Ты выведешь хоть кого изъ терпѣнія.

Радугина. Впрочемъ не безпокойся, я не разсержусь, ибо имѣю довольно философіи, чтобъ презирать ничтожныя ругательства.

Волгинъ. Не о философіи рѣчь. Эй, сестра! право, сойдешь съума: выкинь эту дурь изъ головы.

Радугина. Что ты, братецъ! напротивъ, я хочу, чтобъ и ты не хуже меня зналъ словесность.

Волгинъ (*тихо Софьѣ*). Попытаюсь, не удастся-ли мнѣ ее усовѣстить. (*Громко*). Сестра! позволь мнѣ откровенно сказать тебѣ всю правду?

Радугина. Изволь, братецъ! Послушаемъ, что ты скажешь. (*Садится*).

Волгинъ. Женщина была ты всегда умная: подумай хорошенько, на что походитъ твой образъ жизни? Завела ты знакомство съ этой литературной челядью! Ну, ужъ такъ бы и быть; но ты сама пустилась съ ними взапуски смѣшить честныхъ людей; перестала заниматься хозяйствомъ; имѣніе твое разстроилось; приказчики стали тебя обманывать, разорять бѣдныхъ крестьянъ,—и все это оттого, что барыня, вмѣсто того, чтобъ заниматься ими, учится краснорѣчію и сочиняетъ драмы.

Радугина. Хорошо, хорошо!—далѣе.

Волгинъ. Теперь скажи, какая будетъ польза отъ твоего ученья? Не думаешь-ли ты, что пріятели твои говорятъ правду?—что у тебя въ самомъ дѣлѣ есть дарованія? Эхъ, матушка! повѣрь, они смѣются надъ тобою. Ну, какъ не сказать, что ты женщина съ талантомъ: у тебя прекрасный поваръ, хорошія вина: попробуй, раздай имъ свое имѣніе, такъ они скажутъ, что ты и звѣзды съ неба хватаешь!

Радугина. Не дурно, продолжай.

Волгинъ. Подумай сама, матушка, на что это похоже; хочешь ты издавать журналъ: женское-ли это дѣло? Ну, если ужъ у тебя такая смертная охота марать бумагу, то писала-бы для одной себя: а то,—долго-ли до грѣха? распубликуютъ тебя въ газетахъ, начнутъ писать на тебя стихи, ты войдешь въ пословицу у журналистовъ; да что и говорить: ты, чай, и сама знаешь; попадись только въ руки этимъ зубоскаламъ, такъ они тебя со свѣта сживутъ.

Радугина (*встаетъ*). Ну, мой милый, я слушала тебя со вниманіемъ, и, къ удовольствію моему, должна сказать...

Волгинъ. Что я говорю правду. (*Софьѣ*). Слава Богу! она не совсѣмъ еще помѣшалась.

Радугина. Должна сказать, что въ тебѣ таится много природнаго краснорѣчія.

Волгинъ (*съ удовольствіемъ*). То-то-же, а кажется я человѣкъ неученый.

Радугина. И для того я совѣтую тебѣ поучиться вмѣстѣ со мною діалектикѣ.

Волгинъ. Какъ!

Радугина. Да, мой другъ! Истинно будетъ жаль, если такой талантъ, какой примѣчаю я въ тебѣ, пропадетъ даромъ.

Волгинъ. Сестра!

Радугина. Если ты этимъ займешься, въ

Digitized by Google

чемъ я и не сомнѣваюсь, то можешь быть современемъ отличнымъ прозаистомъ.

Волгинъ. Вотъ тебѣ на! а я думалъ, что ее усовѣстилъ.

Радугина. Послушай, мой милый! останься здѣсь; Сластилкинъ, мой учитель логики и поэзіи, сейчасъ будетъ, и ты сегодня же можешь взять первый урокъ.

Волгинъ. Прощай, сестра! (*Хочетъ уйти*).

Радугина. Куда-же ты спѣшишь? Погоди немного.

Волгинъ. Я у тебя буду обѣдать. Прощай!

Радугина. Останься, пожалуйста, Сластилкинъ сейчасъ будетъ.

Волгинъ. Чтобъ ему сквозь землю провалиться со всею этою сволочью, которая вскружила тебѣ голову! Прощай!

Радугина. За что-же ты сердишься? Я желаю тебѣ добра; хочу, чтобъ твой талантъ не пропадалъ даромъ.

Волгинъ. Да тьфу дьявольщина! какіе ты нашла у меня таланты? Слушай, сестра, пусти меня, а не то я наговорю много лишняго. Прощай, Софья. (*Уходя*). Экое сумасбродство, экое сумасбродство!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же безъ Волгина.

Радугина. Что, Сонюшка, каковъ нашъ братецъ? Ну, гдѣ видано такое упрямство, такое закоренѣлое невѣжество?

Софья. Да и вы, сестрица, хотите человѣка насильно сдѣлать ученымъ.

Радугина. Да что-же дѣлать, мой другъ? Примѣчаешь въ родномъ братѣ дарованія, хочешь ему дать способъ образовать ихъ, выйти изъ неизвѣстности, а онъ-же за это сердится!

Софья. Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось? Со мною говорилъ онъ совсѣмъ другое: нимало не сердился, что вы сочиняете, и даже сказалъ, что намѣренъ привести къ вамъ одного пріятеля, который пишетъ стихи, и очень удачно.

Радугина. Неужели! Какъ-бы это было хорошо! нынче у насъ чтеніе; онъ также-бы что-нибудь прочелъ. Вѣдь братъ привезетъ его сегодня?

Софья. Я думаю.

Саша (*подавая письмо*). Къ вамъ, сударыня, принесли это письмо.

Радугина. Ко мнѣ? А! знаю, знаю! (*Читаетъ про себя*).

Саша (*тихо Софьѣ*). Сестрица не замѣтила, что вы его читали.

Софья. Тѣмъ лучше.

Радугина (*въ сторону*). Князь хочетъ остаться до нынѣшняго вечера неизвѣстнымъ. Такъ и быть, надобно его потѣшить!—Сонюшка! посмотри, какіе я получила стихи отъ какого-то неизвѣстнаго.

Софья. Отъ неизвѣстнаго?

Радугина. Да, отъ неизвѣстнаго, котораго мы узнаемъ не прежде какъ нынѣшнимъ вечеромъ. Возьми-ка, прочти ихъ. (*Подаетъ ей стихи*).

Софья (*начинаетъ читать*).

„Къ моей любезной!

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестьми считалъ;
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ.

(*Въ сторону*). Что это значитъ?

Радугина. Ты нынче очень дурно читаешь.

Софья. Стихи такъ мелко, такъ связно написаны.

(*Продолжаетъ читать, запинаясь*).

Но вдругъ какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя;
Надежда въ сердцѣ водворилась,
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

(*Въ сторону*) Точно такъ! это стихи Болеславскаго! какъ попали они къ князю?

Радугина (*вырываетъ у нея стихи*). Подай сюда! ты до завтрава не кончишь. Да гдѣ-же мои очки? (*Ищетъ очки*).

Софья (*тихо*). Надобно употребить это въ мою пользу. Точно такъ, — пресчастливая мысль!..

Радугина. А! на силу отыскала! (*Надѣваетъ очки*). Второй куплетъ! Гмъ, гмъ! (*Читаетъ*).

Что жизнь безъ страсти сердцу милой?
Печальный къ смерти переходъ;
На что не взглянешь—все постыло,
Все къ горестямъ лишь насъ ведетъ.

Каково?

Софья. Прекрасно.

Радугина (*продолжаетъ читать*).

Когда-же къ чувствамъ прикоснется
Хоть искра страстнаго огня,
Тогда, мой другъ, лишь жизнь начнется,
Тогда и началась моя".

Ну, что скажешь, милая?

Софья. Я въ восхищеніи!

Радугина (*съ важнымъ видомъ*). Стихи конечно очень не дурны; но они слишкомъ просты, слишкомъ ясны; я желала-бы въ нихъ больше чувства, больше возвышенности въ слогѣ.

Софья. Вы слишкомъ строги, сестрица: стихи прекрасны!

Радугина. О! я не спорю въ этомъ!

Софья. Они плѣнили меня!

Радугина. Очень рада, что они тебѣ нравятся.

Софья. Какія чувства! каждый стихъ, каждое слово трогаетъ душу!

Радугина. Неужели? Не правда-ли, Сонюшка, что сочинитель этихъ стиховъ долженъ быть очень любезенъ?

Софья. Я съ вами согласна.

Радугина. Что трудно не любить человѣка, который изъясняется такимъ плѣнительнымъ образомъ?

Софья. Вы правы и, признаюсь вамъ, я первая не могла-бы видѣть равнодушно того неизвѣстнаго, котораго стихи... Ахъ, сестрица! можетъ-ли что быть обворожительнѣе этихъ стиховъ?

Радугина (*въ сторону*). Прекрасно! (*Громко*). Послушай, милая, почему знаешь, можетъ быть неизвѣстный знаетъ тебя... любитъ...

Софья. Что вы говорите? Какая мысль! если онъ меня любитъ...

Радугина. Если онъ предложитъ тебѣ свою руку?..

Софья. То... но я не скажу теперь ничего. Я знаю только, что кто-бы онъ ни былъ, я не могу не любить его и скажу вамъ откровенно: мнѣ кажется, что одинъ только сочинитель

Digitized by Google

этихъ стиховъ, одинъ онъ можетъ замѣнить для меня Болеславскаго и получить мою руку, если я рѣшусь когда-нибудь отдать ее.

Радугина (*въ сторону*). Что я слышу! Я очень рада, милая, что ты умѣешь цѣнить таланты, что поэзія имѣетъ на тебя такое вліяніе...

Софья. Мы узнаемъ нынѣшнимъ вечеромъ!..

Радугина. Кто неизвѣстный? Да, милая! (*Въ сторону*). Какъ я рада! Гдѣ ты, князь? Чувствуешь-ли ты свое благополучіе?

Софья (*въ сторону*). Если не ошибаюсь, хитрость моя удастся.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Шмелевъ.

Радугина. А! любезный журналистъ!

Софья. Здравствуйте, г-нъ Шмелевъ.

Шмелевъ. Я думалъ найти здѣсь князя; онъ сказалъ мнѣ, что будетъ сегодня у васъ обѣдать.

Радугина. Теперь еще рано. Не видали-ли вы г-на Сластилкина? Я нынче цѣлое утро не могу его дождаться... Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Сластилкинъ.

Радугина. Гдѣ вы до сихъ поръ были, г-нъ поэтъ?

Сластилкинъ. Виноватъ! я немного позамѣшкалъ.

Шмелевъ. Вѣрно г-нъ Сластилкинъ, идя къ вамъ, погрузился въ мечтанія, прошелъ въ другую сторону, и очнулся только за заставою.

Сластилкинъ. Извините, я не мечталъ, а восхищался.

Софья. Восхищались?

Сластилкинъ. Да, сударыня! я любовался великолѣпною природою.

Радугина. Да гдѣ-же вы были?

Сластилкинъ. На бульварѣ, сударыня.

Шмелевъ. Какое живое воображеніе! Вы видите великолѣпную природу тамъ, гдѣ видны однѣ обстриженныя липки и трехъ-этажные дома.

Сластилкинъ. Природа! вездѣ природа!

Радугина. Люблю за это милаго Сластилкина,—то-то ужь подлинно поэтическое воображеніе! У него безпрестанно природа да ручеечки, лѣсочки да тихіе зефиры.

Софья. Съ такимъ пламеннымъ воображеніемъ вы, я думаю, не зябнете и въ крещенскіе морозы.

Шмелевъ. О, сударыня! есть случаи, въ которыхъ самое пламенное воображеніе не разогрѣетъ. Вотъ, напримѣръ, мнѣ сказывали, что на этихъ дняхъ г-нъ Сластилкинъ дѣлалъ сентиментальную прогулку за городомъ.

Сластилкинъ. Г. Шмелевъ! я знаю вашу остроту, но увольте.

Шмелевъ. Позвольте разсказать это плачевное приключеніе: г-нъ Сластилкинъ, восхищаясь природою, отъ излишняго энтузіазма сошелъ съ большой дороги въ сторону...

Сластилкинъ (*съ досадою*). Господинъ Шмелевъ!

Шмелевъ. Не чувствуя ничего отъ сердечныхъ восторговъ, онъ зашелъ въ болото, увязъ по поясъ. Немилосердная мать натура нахмурилась, скропила его проливнымъ дождемъ, и господинъ Сластилкинъ, несмотря на душевные экстазы, возвратился чуть живъ домой.

Сластилкинъ (*въ сторону*). Негодный насмѣшникъ!

Софья. Г-нъ Сластилкинъ, неужели это трагическое приключеніе справедливо?

Сластилкинъ. Г-нъ Шмелевъ умѣетъ придавать всему такой видъ...

Радугина. Ужъ это правда! попадись только ему въ передѣлъ: разбранить ли какое сочиненіе, разругать ли какого автора...

Шмелевъ. Я не ругаю, сударыня, а критикую.

Софья. Разумѣется, одно дурное.

Шмелевъ. Да, смотря по обстоятельствамъ.

Софья. Какъ, сударь! такъ вы иногда и хорошее произведеніе браните?

Шмелевъ. Иногда необходимость бываетъ закономъ, сударыня.

Софья. Ну, какъ можно критиковать то, что хорошо.

Шмелевъ. О, сударыня, ничего нѣтъ легче! Стоитъ только изъ книги выписать всѣ дурныя мѣста, умолчать о хорошихъ, — такъ дѣло и сдѣлано.

Радугина. Правда, что и говорить, правда!

Софья. Я не могу опомниться отъ удивленія; вы великій человѣкъ, г-нъ Шмелевъ! Неблагодарное отечество! и такіе таланты остаются безъ награды!

Сластилкинъ (*значительно*). Не всегда, иногда ихъ и награждаютъ. Спросите у г-на Шмелева, сударыня.

Шмелевъ. Что вы подъ этимъ разумѣете?

Сластилкинъ. Ничего, совершенно ничего! Я слышалъ только мимоходомъ, что г. Вспышкинъ, на котораго вы написали подобную рецензію, обошелся съ вами не очень вѣжливо.

Шмелевъ. Неправда, сударь; я съ нимъ никогда не ссорился!

Сластилкинъ. Да онъ, говорятъ, немного поссорился съ вами.

Шмелевъ. Клевета, сударь; я знакомъ съ нимъ, на пріятельской ногѣ; онъ очень хорошій человѣкъ (*Радугиной*). Но, сударыня, вы дожидались г-на Сластилкина, чтобъ взять урокъ. Время проходитъ.

Радугина. Но князь будетъ сюда скоро, и если я уйду въ свой кабинетъ...

Шмелевъ. Не безпокойтесь, я приму его.

Радугина. Сдѣлайте милость, вы попросите его ко мнѣ.—Пойдемте, г-нъ учитель. Сонюшка, ты любишь быть при моихъ урокахъ?

Софья. Да, сестрица, это иногда меня забавляетъ.

Радугина. Пойдемте же. (*Идетъ и ворочается къ Шмелеву*). Какія я получила нынче стихи! вы ихъ услышите, услышите! (*Уходитъ съ прочими*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Шмелевъ (*одинъ*).

Стихи!.. А! это вѣрно тѣ, которые князь по моей милости называетъ своими. Какъ я умно сдѣлалъ, что не напечаталъ въ своемъ журналѣ, когда получилъ ихъ изъ арміи отъ какого-то Болеславскаго; теперь они мнѣ пригодились. Я слышалъ, что этотъ Болеславскій убитъ, слѣдственно, по праву наслѣдства, я могъ присвоить ихъ себѣ и услужить князю.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Шмелевъ и Князь.

Князь *(подходитъ тихо къ Шмелеву и бьетъ его по плечу)*. Здравствуйте, mon cher Шмелевъ!

Шмелевъ. Ахъ, это вы, князь!

Князь. Что дѣлаетъ наша Сафо?

Шмелевъ. Госпожа Радугина? Она теперь въ своемъ кабинетѣ слушаетъ лекцію о краснорѣчіи; она препоручила мнѣ васъ здѣсь дождаться и просить къ себѣ.

Князь. Для того, чтобъ душить меня нѣсколько часовъ своими несносныли стихами.

Шмелевъ. Можетъ быть.

Князь. Я не могу забыть вчерашняго дня. Ахъ! мнѣ кажется, что я слышу и теперь еще эти варварскія рифмы!

Шмелевъ. Подлинно, надобно имѣть ангельское терпѣніе.

Князь. Пять часовъ сряду слушать глупости.

Шмелевъ. И безпрестанно хвалить ихъ.

Князь. Восхищаться вслухъ, зѣвать украдкою.

Шмелевъ. И, умирая отъ скуки, говорить, что очень весело.

Князь. Должно быть такъ влюблену, какъ я, чтобъ рѣшиться каждый день выдерживать такую пытку. Нѣтъ, этотъ тиранизмъ становится несносенъ; нынче же я постараюсь все кончить. Кстати, я еще не благодарилъ васъ за стихи, которые вы мнѣ доставили.

Шмелевъ. Я очень радъ, что могъ услужить вамъ этой бездѣлкой.

Князь. Надѣюсь, это останется между нами.

Шмелевъ. Вы обижаете меня, князь! такое сомнѣніе...

Князь. Очень простительно. Стихи станутъ хвалить, авторское самолюбіе заставитъ васъ признаться двумъ, тремъ пріятелямъ, и...

Шмелевъ. Положитесь на мою скромность.

Князь. A propos! знаете ли вы, Честоновъ напечаталъ собраніе своихъ сочиненій?

Шмелевъ. Знаю, князь.

Князь. А знаете ли вы, что его мнѣніе на счетъ литературы?...

Шмелевъ. Совершенно противное вашему; очень знаю.

Князь. Что же вы скажете о его сочиненіяхъ?

Шмелевъ. Какъ можно болѣе дурного.

Князь. Очень хорошо!

Шмелевъ. Я скажу, что его проза...

Князь. Наполнена ошибками, жестка, шероховата.

Шмелевъ. Что стихи его...

Князь. Преплоскіе! что во всѣхъ его твореніяхъ виденъ дурной вкусъ, невѣжество: стихи не имѣютъ никакого колорита, никакой силы; они такъ просты, такъ обыкновенны, въ нихъ нѣтъ этихъ быстрыхъ порывовъ генія, этихъ... этихъ... однимъ словомъ, они никуда не годятся.

Шмелевъ. Все такъ, князь: но чтобъ доказать это, надобно было сдѣлать выпуску, найти дурное.

Князь. И вы безъ сомнѣнія нашли.

Шмелевъ. И да, и нѣтъ; въ первомъ томѣ, на одномъ мѣстѣ, вмѣсто предлога поставленъ союзъ.

Князь. Хорошо! вы намекаете, что Честоновъ худо учился синтаксису.

Шмелевъ. Точно такъ. Въ третьемъ томѣ я замѣтилъ лишнюю запятую и... и двоеточіе не на своемъ мѣстѣ...

Князь. Прекрасно! прекрасно! вы можете сказать, что авторъ не знаетъ правописанія.

Шмелевъ. Конечно, и хотя очень замѣтно, что это типографскія ошибки...

Князь. Какая вамъ до того нужда! Развѣ вы обязаны отгадывать, кто ошибся, наборщикъ или сочинитель?

Шмелевъ. Со всѣмъ тѣмъ не знаю, меня какъ будто совѣсть зазираетъ.

Князь. Вы шутите!

Шмелевъ. Но, князь, безпристрастіе...

Князь. Безпрестрастіе! Вотъ еще забавная добродѣтель для журналиста! Откуда вы выкопали это безпристрастіе? Желалъ бы я знать, какъ вы согласите ваше безпристрастіе съ обязанностями литератора, который имѣетъ свои партіи, связи, своихъ протекторовъ и непріятелей?

Шмелевъ. Такъ и быть! я пренебрегу всѣми, чтобъ выполнить вашу волю: для васъ, князь, я готовъ все сдѣлать.

Князь. Съ моей стороны я могу увѣрить васъ въ своемъ покровительствѣ. Продолжайте быть всегда таковыми, и увѣряю васъ, вы сдѣлаете свою дорогу.

Шмелевъ (*кланялся*). О, ваше сіятельство! я очень чувствую.

Князь. Пойдемте, любезный Шмелевъ, къ хозяйкѣ: она, я думаю, насъ дожидается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Саша (*одна*).

Всѣ добрые люди давно уже отобѣдали, а барыня все еще читаетъ свою драму. Ну, видно она хочетъ сегодня совсѣмъ доконать своихъ гостей. Каково имъ бѣдненькимъ сидѣть два часа сряду какъ куколкамъ, не смѣть ни чихнуть, ни кашлянуть: я и служанка, а не захотѣла бы ни за что быть на ихъ мѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Саша, Волгинъ и Болеславскій.

Волгинъ. Сестра моя дома?

Саша. Дома, сударь (*Болеславскому*). Ахъ, здравствуйте, сударь. Какъ же я рада, мы опять васъ видимъ! Да вы ни крошечки, не перемѣнились, г-нъ Болеславскій!

Волгинъ. Тсъ! тише! онъ теперь не Болеславскій. Поди, скажи сестрѣ, что я привезъ къ ней пріятеля своего Людмилова.

Саша. Барыня изволитъ теперь читать свои сочиненія, я не смѣю ей доложить, а побѣгу сказать барышнѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Волгинъ и Болеславскій.

Болеславскій. Итакъ, вы увѣрены, что Софья любитъ меня попрежнему?

Волгинъ. Эхъ, братецъ! какъ наладилъ

Digitized by Google

одно, да одно! Вѣдь ты разъ двадцать объ этомъ спрашивалъ.

Болеславскій. Вы ни одного раза не отвѣчали мнѣ удовлетворительнымъ образомъ!

Волгинъ. Ну, да что ты хочешь, чтобъ я сказалъ? Кажется рада-то она тебѣ рада, а любитъ ли, какъ прежде, не знаю; вѣдь въ душу-то, братъ, никому не взойдешь.

Болеславскій. Три года разлуки, разсѣянная жизнь, слухъ о моей смерти,—сколько причинъ, чтобъ мнѣ опасаться!

Волгинъ. Полно, братецъ! къ чему заранѣе себя тревожить? Ты ее увидишь, переговоришь съ нею, и можетъ быть найдешь, что она ни крошечки не перемѣнилась.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Софья и Саша.

Саша (*тихо Софьѣ*). Какъ, сударыря, вы хотите непремѣнно?...

Софья. Испытать Болеславскаго, — непремѣнно!

Волгинъ (*увидя Софью*). А, сестра! рекомендую тебѣ моего пріятеля Людмилова.

Болеславскій (*бросается къ ней*). Софья!

Софья (*отступая назадъ, приседаетъ*). Здравствуйте, сударь.

Волгинъ. Ха, ха, ха! она тебя не узнала. Сонюшка, вѣдь это Болеславскій.

Софья. Я вижу, братецъ; г-нъ Болеславскій совсѣмъ не перемѣнился.

Волгинъ. Вотъ тебѣ на! да ты, кажется, не очень обрадовалась?

Софья. Извините, я очень рада... Вы, братецъ, вѣрно у насъ обѣдаете?

Болеславскій (*тихо Волгину*). Ну, сударь, подозрѣнія мои не справедливы?

Волгинъ. Она вѣрно меня стыдится. (*Софьѣ*). Софья! я пойду къ сестрѣ послушать ея стиховъ; вамъ вѣрно есть о чемъ переговорить между собой. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Волгина.

Болеславскій. Какое счастіе, я опять васъ вижу, сударыня!...

Софья. Я сама очень рада, что слухи о вашей смерти были несправедливы.

Болеславскій. Я спѣшилъ, сударыня!...

Софья. Возвратиться въ Россію,—это весьма натурально. Кто не любитъ своего отечества? А! кстати, мнѣ надобно сказать вамъ, для чего вы должны были пріѣхать къ намъ подъ чужимъ именемъ?...

Болеславскій. Братецъ вашъ сказалъ мнѣ, что г-жа Радугина...

Софья. Не захотѣла-бы, можетъ быть, принять васъ и лишила-бы меня удовольствія видѣть еще хотя однажды пріятеля покойнаго моего батюшки.

Болеславскій. Какъ, сударыня!

Софья. Да, Болеславскій! только однажды сестра требовала, чтобъ я...

Болеславскій. Чтобъ вы забыли Болеславскаго; и вы, сударыня, рѣшились...

Софья. Повиноваться той, которая служитъ мнѣ вмѣсто матери.

Болеславскій. И вы!... но виноватъ, сударыня, мнѣ должно молчать и удивляться только, съ какой покорностью выполняете вы приказанія сестры вашей!

Софья. Надѣюсь, сударь, вы согласитесь, что все заставляетъ меня поступать такимъ образомъ: благодарность, которою я обязана сестрѣ, мой долгъ...

Болеславскій. И собственныя ваши чувства. Будьте откровеннѣе, сударыня; къ чему это излишнее притворство? Вы меня не любите болѣе?

Софья. Признайтесь, Болеславскій, вѣдь это не привело-бы васъ въ отчаяніе?

Болеславскій. Меня, сударыня? Я вижу, вы судите по себѣ.

Софья. И очень увѣрена, что вы такъ-же, какъ я, кромѣ дружбы ничего ко мнѣ не чувствуете; да и смѣшно-бы было думать, что любовь можетъ продолжаться вѣчно.

Болеславскій (*въ сторону*). Неблагодарная! но ты не будешь утѣшаться моимъ отчаяніемъ! (*Громко*). И такъ, вы меня не любите? Какъ я радъ! теперь и мнѣ не трудно будетъ сдѣлать мое признаніе!

Софья (*съ удивленіемъ*). Ваше признаніе!

Болеславскій. Да, сударыня! до сихъ поръ я говорилъ языкомъ жениха, который былъ увѣренъ, что найдетъ невѣсту свою постоянною: мои правила, прежнія обязанности, все заставляло меня поступать такимъ образомъ.

Софья. Какъ, сударь! ваши правила, прежнія обязанности...

Болеславскій. Да, сударыня, мои правила, а не любовь. Искренность ваша даетъ и мнѣ право быть откровеннымъ.

Софья (*тихо Сашѣ*). Сашенька! что это значитъ?

Саша. По дѣломъ вамъ.

Болеславскій. Какъ я доволенъ, время излѣчило насъ обоихъ! намъ не чемъ упрекать другъ друга. (*Въ сторону*). Измѣнница.

Софья. Не думаете-ли, что я буду дѣлать вамъ упреки? (*Въ сторону*). Вѣроломный!

Болеславскій. И такъ, у насъ все кончено?

Софья. Все!

Болеславскій. Могу-ли я надѣяться, по крайней мѣрѣ, что мы останемся друзьями?

Софья (*въ сторону*). Злодѣй! предлагать мнѣ свою дружбу! (*Громко*). Нѣтъ, сударь, нѣтъ! никогда!

Болеславскій. Она меня ненавидитъ! Чѣмъ заслужилъ я, сударыня?...

Софья. Чѣмъ? чѣмъ?... Извольте, мы будемъ друзьями! Я вижу, вы только и способны къ этому холодному чувству.

Болеславскій (*дѣлаетъ движеніе уйти и останавливается*). Признаюсь, сударыня, я не думалъ, чтобы столичная жизнь перемѣнила такъ много вашъ характеръ.

Софья. Я никогда не воображала, чтобъ два года, проведенные во Франціи, могли сдѣлать человѣка совершенно другимъ.

Болеславскій. Правда, здѣсь столько удовольствій; молодые люди здѣсь такъ любезны!...

Софья. Да, сударь, француженки такъ милы, такъ привлекательны! Не правда-ли?

Болеславскій. Да, сударыня! ихъ напрасно упрекаютъ въ вѣтренности, въ непостоянствѣ; благодаря просвѣщенію, наши россіянки...

Софья. Должны перенимать у нихъ; должны обманывать, презирать мужчинъ; мучить ихъ,

Digitized by Google

забавляться ихъ отчаяніемъ, и никогда не любить: они не заслуживаютъ этого.

Болеславскій (*съ любопытствомъ*). И такъ, вы не сдѣлали еще никаго выбора, сударыня?

Софья. О, нѣтъ, я знаю мужчинъ: любовь у нихъ одно пустое слово, нѣжность—притворство; чувствительность — гнусное лицемѣріе; мужья или измѣнники, или тираны своихъ женъ. Нѣтъ, нѣтъ, я ненавижу жужчинъ! Они видятъ въ насъ одни недостатки, считаютъ для себя все позволительнымъ, и не прощаютъ намъ ничего. Если женщина весела, любезна—она кокетка; если тиха, скромна, постоянна—она утомительна, нестерпима. Однимъ словомъ, мы имѣемъ всѣ пороки, вы никакихъ! Мужчины называютъ насъ вѣтренными и не знаютъ сами постоянства; считаютъ ни за что измѣнять своимъ клятвамъ и вмѣняютъ намъ въ преступленіе ту самую холодность, которой они сдѣлались достойными. Не подумайте - жъ, однако, чтобъ я говорила на вашъ счетъ: о, нѣтъ! вы только мужчина, какъ и всѣ прочіе.

Болеславскій. Къ несчастію, я также былъ легковѣренъ, какъ и всѣ.

Софья. Почему знать, можетъ быть во Франціи женщины умѣли васъ сдѣлать постояннымъ; можетъ быть, какая-нибудь милая француженка.

Болеславскій. Женщины вездѣ одинаковы, сударыня: вездѣ легкомысленны, неблагодарны; онѣ не заслуживаютъ быть любимы; ихъ нѣжность, постоянство, вѣрность существуютъ въ однихъ романахъ; онѣ любятъ не насъ, но право, которое даетъ имъ любовь терзать бѣдныхъ мужчинъ своими капризами, повелѣвать ими, какъ невольниками, приводить въ отчаяніе своимъ непостоянствомъ; ихъ счастіе дурачить каждаго и смѣяться надъ всѣми; видѣть всѣхъ у ногъ своихъ и не любить никого. Да, сударыня, кто знаетъ женщинъ и любитъ ихъ, тотъ потерялъ разсудокъ; и если онъ умѣетъ презирать притворныя слезы, ложныя клятвы, если гнушается измѣною, обманомъ, коварствомъ, то долженъ ненавидѣть ихъ, долженъ... Не подумайте впрочемъ, чтобъ я говорилъ на вашъ счетъ; о, нѣтъ! вы только женщина, какъ и всѣ другія. (*Хочетъ уйти*).

Софья. Вы отсюда ѣдете?

Болеславскій. Да, сударыня!

Софья. Куда, если спросить смѣю?

Болеславскій. Не знаю, можетъ быть...

Софья. Опять въ прелестную Францію?

Болеславскій. Нѣтъ, нѣтъ! въ Камчатку, на край свѣта! какъ можно далѣе отъ милыхъ просвѣщенныхъ женщинъ.

Софья. И вы скоро ѣдете?

Болеславскій. Да, сударыня, сегодня, сейчасъ, сію минуту! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Прощайте! (*Хочетъ уйти*).

Софья (*въ сторону*). Ахъ, Сашенька, онъ уѣзжаетъ!

Саша. Пришлось вступиться въ ваше горе! (*Болеславскому*). Погодите-ка, сударь, ѣздить въ Камчатку. (*Беретъ его за руку и ведетъ къ Софьѣ*).

Болеславскій. Куда ты ведешь меня?

Саша. А вотъ сюда; станьте-ка вотъ здѣсь. Теперь взгляните на барышню.

Болеславскій. Ахъ, Софья!

Софья. Ахъ, Болеславскій!

Саша. Прошу покорно! да вы въ самомъ дѣлѣ другъ друга терпѣть не можете! Не стыдно-ли, сударь, вы не могли до сихъ поръ примѣтить, что это было только небольшое испытаніе.

Болеславскій. Что я слышу? Правда-ли это?

Софья. Какая вамъ нужда до этого! Вы меня не любите.

Болеславскій. Больше, чѣмъ когда-нибудь! Я никогда не переставалъ любить васъ!

Софья. Отдыхаю!

Болеславскій. Итакъ, это была одна только шутка?

Софья. И вы можете въ этомъ еще сомнѣваться?

Болеславскій. Вы возвращаете мнѣ жизнь!

Софья. Простите-ли вы мнѣ, Болеславскій? Я, я поступила такъ легкомысленно!

Саша. Тише! сюда идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Волгинъ и Радугина.

Волгинъ. Да отстанешь-ли ты отъ меня?

Радугина. Нѣтъ, сударь, нѣтъ! я не перестану тебѣ твердить, что ты безъ вкуса, безъ души!

Волгинъ. Да тьфу пропасть! что за бѣда?

Радугина. Что за бѣда! безсовѣстный! что за бѣда! заснуть, слушая мою драму, лучшую мою драму!

Софья (*подводя Болеславскаго*). Сестрица!...

Радугина. Драму, которая должна привести въ восхищеніе каждаго!...

Софья. Сестрица!...

Радугина. Заснуть! Ахъ, Боже мой! заснуть при князѣ и Шмелевѣ; заставить ихъ уйти изъ кабинета, прервать мое чтеніе и онъ-же говоритъ, что за бѣда! заснуть вмѣсто того, чтобъ восхищаться...

Волгинъ. Да кой чертъ! кому придетъ въ голову восхищаться, слушая твои бредни!

Радугина. Мои бредни! О невѣжество! и онъ мнѣ родной братъ! и мы родились съ нимъ отъ одной матери!

Софья. Сестрица!...

Радугина. А! это ты, Сонюшка! Вообрази, что надѣлалъ любезный мой братецъ! Пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ, какъ путный человѣкъ, слушать,—и что-же? Въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда князь и Шмелевъ таяли отъ восхищенія, утопали въ восторгахъ...

Волгинъ. Да обернись, матушка!

Радугинъ. Заснулъ! Князь и Шмелевъ, будучи не въ силахъ удержаться отъ смѣха, изъ пристойности вышли вонъ. Я должна была перестать читать.

Болеславскій (*подходя къ Радугиной*). Позвольте мнѣ, сударыня...

Радугина (*увидя Болеславскаго*). Ахъ! извините...

Волгинъ. Рекомендую тебѣ, сестра, пріятеля моего Людмилова.

Радугина. Очень рада, сударь. (*Болеславскій кланяется*).

Волгинъ. Славный малый! жаль только, что онъ также, какъ ты, бредитъ стихами.

Болеславскій. Я, сударь?...

Радугина. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! я люблю людей съ талантами, и братъ очень одолжилъ меня, доставя случай съ вами познакомиться.

Болеславскій. Я считаю себѣ за особенную честь...

Радугина. Позвольте узнать, въ какомъ родѣ вы болѣе пишите?

Digitized by Google

Болеславскій. Въ какомъ родѣ?... я не знаю, сударыня.

Радугина. О! я вижу, вы не хотите сказать; но, впрочемъ, всѣ роды хороши, выключая скучнаго.

Волгинъ. Ну, сестра, дурной-же ты родъ для себя выбрала.

Радугина. Опять!... Послушай, братецъ, эпиграммы твои становятся несносными, и еслибъ я имѣла менѣе терпѣнія...

Волгинъ. Дай-то Богъ, чтобъ у тебя его было столько-же, какъ у тѣхъ, которые слушаютъ твои драмы.

Радугина. Мои драмы! безбожникъ! мои драмы! Вѣдь надобно-же имѣть мѣдный лобъ, чтобъ говорить о моихъ драмахъ тому, кто... (*Болеславскому*). Я положусь на васъ, сударь; вы человѣкъ съ талантомъ, слѣдственно умѣете сами цѣнить дарованія. Какъ вы думаете: что сдѣлалъ вашъ пріятель, который говоритъ съ такою насмѣшкою о моихъ драмахъ?

Волгинъ. Что сдѣлалъ? А вотъ что: она стала мнѣ читать какую-то претолстую драмищу; на первомъ листѣ я началъ зѣвать, на второмъ задремалъ, а на третьемъ заснулъ,— вотъ и все тутъ.

Радугина. Заснулъ! слышите-ли, батюшка, заснулъ!

Болеславскій. Г-на Волгина можно извинить: онъ только что пріѣхавъ изъ дороги,— усталость...

Радугина. Какія жалкія причины! Можно-ли чувствовать усталость, когда сердце растрогано? Я прочту вамъ мою пьесу, вы увидите, что въ ней есть такія мѣста, такія сцены...

Волгинъ (*сквозь зубы*). Хвались, хвались, ржаная каша!

Радугина. Я, сударь, не хвалю себя; я очень чувствую свои недостатки... но со всѣмъ тѣмъ, несмотря на это, я не говорю ничего... Вы услышите сами.

Болеславскій. Я очень вѣрю, сударыня.

Радугина. Сюжетъ моей драмы самый интересный: вотъ изволите видѣть: одинъ жестокій отецъ имѣетъ одну несчастную дочь, которая влюблена въ одного страстнаго любовника; этотъ страстный любовникъ имѣетъ нѣжную мать, которая родная сестра одному почтенному старику, который...

Волгинъ (*зѣваетъ*). Помилуй, сестра! меня опять дремота беретъ.

Радугина. Нѣтъ, это выше всякаго понятія! люди съ умомъ восхищаются моими произведеніями, а мой братецъ...

Волгинъ. Да они восхищаются-то тебѣ въ глаза, а послушала-бы ты, что говорятъ о тебѣ заочно.

Радугина. Ты думаешь, мнѣ льстятъ? Знаешь-ли: очень легко доказать, что ты ошибаешься.

Волгинъ. Право?... желалъ-бы очень.

Радугина (*Софьѣ*). Ты читала мои стихи подъ названіемъ: „Ѳиміамъ Музамъ?“

Софья. Читала, сестрица.

Радугина. Но ты не знаешь, что я послала ихъ вчера къ Шмелеву, съ просьбою напечатать ихъ въ журналѣ.

Софья. Нѣтъ, сестрица.

Радугина. Мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ моимъ знакомымъ, и для того я скрыла мое имя; Шмелевъ не знаетъ, кто сочинялъ ихъ, слѣдственно скажетъ о нихъ откровенное свое мнѣніе. Я постараюсь завести объ этомъ рѣчь, и ты услышишь самъ, братецъ.

Волгинъ. Услышу! услышу!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, Шмелевъ, князь и Сластилкинъ.

Радугина. А, князь! рекомендую вамъ пріятеля моего брата. (*Князь и Болеславскій кланяются. Радугина тихо князю*). Это молодой стихотворецъ съ большимъ талантомъ. (*Громко*). Безъ сомнѣнія, г-нъ Людмиловъ пробудетъ у насъ цѣлый день?

Болеславскій. Съ великимъ удовольствіемъ, сударыня.

Радугина. У насъ сегодня вечеромъ небольшое чтеніе; я надѣюсь, вы не откажетесь что-нибудь прочесть.

Болеславскій. Охотно-бы выполнилъ вашу волю, но...

Радугина. Г-нъ Людмиловъ! не заставляйте себя просить.

Болеславскій. Это не моя привычка, сударыня; но, клянусь вамъ, у меня теперь ничего нѣтъ.

Радугина. Пустая отговорка, сударь! пустая отговорка!

Шмелевъ. Если не ошибаюсь, вы никогда еще не выпускали въ свѣтъ вашихъ сочиненій.

Болеславскій. Нѣтъ, сударь; у насъ и безъ меня такъ много сочинителей.

Князь. А особливо нынче, когда страсть печатать сдѣлалась общею.

Шмелевъ. Кто знаетъ это лучше меня: я намѣренъ скоро продавать на вѣсъ прозу и стихи, которыми меня со всѣхъ сторонъ заваливаютъ.

Радугина. Не получили-ли вы чего-нибудь новаго на этой недѣлѣ?

Шмелевъ. На нынѣшней... безъдѣлицу! два посланія изъ Вятки, три элегіи изъ Саратова, четыре баллады изъ Петербурга, двадцать эпиграммъ отъ здѣшнихъ авторовъ, да одну торжественную оду изъ Уфы.

Радугина. И больше ничего?

Шмелевъ. Ничего... Ахъ, нѣтъ! извините, я было забылъ про самую интересную пьесу,— какой-то „Ѳиміамъ Музамъ“ отъ неизвѣстнаго.

Радугина (*тихо Волгину*). Слышишь-ли? самую интересную.

Шмелевъ. Она подлино заслуживаетъ большое вниманіе!

Радугина (*тихо Волгину*). Слышишь-ли?

Шмелевъ. Мнѣ неудавалось читать еще никогда такой несравненной, такой превосходной...

Радугина. Неужели!...

Шмелевъ. Нелѣпости! я не понялъ изъ нея ни одного слова.

Волгинъ. Слышишь-ли, сестра?

Радугина (*тихо Волгину*). Молчи, братецъ!

Князь. Что-жъ вы сдѣлали съ этимъ „Ѳиміамомъ“?

Шмелевъ. Раскурилъ имъ трубку.

Волгинъ. Слышишь-ли, сестра?

Радугина (*тихо*). Братецъ!

Софья. Какое жестокосердіе!

Шмелевъ. Напротивъ, я изъ состраданія къ бѣдному автору не хотѣлъ ихъ напечатать.

Радугина (*съ скрытою досадою*). Я думаю, онъ обошелся-бы и безъ вашего состраданія, г-нъ Шмелевъ.

Шмелевъ. Въ этомъ я увѣренъ; онъ вѣрно не чувствуетъ моего благодѣянія.

Радугина. Надобно признаться, г-нъ

Digitized by Google

Шмелевъ отмѣнно строгъ ко всѣмъ, выключая самого себя.

Шмелевъ. Какъ сударыня!

Радугина. Да, сударь, я совѣтовала-бы вамъ посматривать иногда и на то, что вы сами пишете.

Шмелевъ (*въ сторону*). Что это значитъ? Неужели!

Волгинъ (*громко*). Сестра! что-жъ ты сердишься? Вѣдь этакъ всѣ узнаютъ, что стихи-то твои.

Радугина (*съ жаромъ*). Да, сударь, они мои, и я, несмотря на всѣхъ журналистовъ въ свѣтѣ, не стыжусь назвать ихъ своими.

Шмелевъ. Прекрасно! наконецъ вы сами попались; и вы думали. сударыня, что я не узнаю ваши стихи оттого, что вы не подписали своего имени?

Радугина. Какъ! вы знали...

Шмелевъ. Да, сударыня, вы скрыли свое имя; но могли-ли вы скрыть эти красоты поэзіи, эту прелесть слога, которая однимъ вамъ свойственна?

Радугина. Что-же должна я думать?

Шмелевъ. Что я хотѣлъ заставить васъ признаться, и для того долженъ былъ тронуть авторское самолюбіе, впрочемъ, простительное для женщины съ вашимъ талантомъ; я спорилъ объ этихъ стихахъ съ княземъ: онъ не хотѣлъ вѣрить, что они ваши. Ну, князь, теперь видите, кто изъ насъ правъ.

Князь. Признаюсь, сударыня, я всегда былъ увѣренъ и въ дарованіяхъ вашихъ; но такіе стихи...

Радугина. Прошу покорно! надобно-же быть дурой, чтобъ не догадаться. Ну, г-нъ Шмелевъ, поддѣли-же вы меня.

Волгинъ. Вывернулся, какъ вывернулся, проклятый!

Князь (*тихо Шмелеву*). Вы хорошо отдѣлались!...

Шмелевъ. Не совсѣмъ: мнѣ надобно ихъ завтра напечатать, а я...

Князь. Погодите. (*Громко*). Сударыня, завтра ваши стихи будутъ напечатаны; но мнѣ бы очень пріятно было прочесть ихъ прежде...

Радугина. Я очень рада вамъ услужить: вы сегодня же получите съ нихъ копію.

Князь. Надѣюсь, вашей руки?

Радугина. Если вы хотите.

Волгинъ (*смотря на часы*). Сестра, третій часъ; что по вашему ученому-то въ которомъ часу обѣдаютъ?

Радугина. Теперь еще рано.

Волгинъ. Да мы съ Людмиловымъ люди деревенскіе, по нашему такъ пора бы ужъ изъ за-стола.

Радугина. Всего лучше, не угодно ли вамъ, любезные мои гости, въ залу; тамъ приготовленъ завтракъ.

Волгинъ (*Болеславскому*). Пойдемъ-ка, братъ, да закусимъ чего-нибудь.

Радугина (*прочимъ*). Прошу покорно, господа. (*Всѣ уходятъ; князь останавливаетъ Радугину*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Князь и Радугина.

Князь. Одно слово, сударыня! я хочу спросить васъ...

Радугина. Получила ли я ваши стихи? Да, князь, они прекрасны!

Князь. Нѣтъ, сударыня...

Радугина. Какъ нѣтъ? О! въ этомъ никто не будетъ согласенъ съ вами.

Князь. Но я хотѣлъ сказать...

Радугина. Вы хотѣли сказать, что они не хороши. Князь! вы очень скромны!

Князь. Оставимте это; я...

Радугина. Нѣтъ, нѣтъ! я не намѣрена щадить вашей скромности...

Князь (*съ нѣкоторою досадою*). Ахъ, Боже мой! да выслушайте меня...

Радугина. Такое смиреніе прилично людямъ съ обыкновенными дарованіями; но человѣкъ съ вашимъ умомъ, съ вашими познаніями.

Князь. Но я хотѣлъ говорить не о стихахъ, сударыня...

Радугина. Не о стихахъ! о чемъ же?

Князь. О вашей сестрицѣ.

Радугина. О сестрѣ!

Князь. Скажите, могу ли я имѣть надежду, что исканіе мое не противно Софьѣ, что я узнаю, наконецъ, рѣшеніе моей участи?..

Радугина. И гораздо скорѣе, чѣмъ вы думаете.

Князь. Неужели?

Радугина. Знаете-ли вы, какое имѣли дѣйствіе стихи ваши надъ Софьею?

Князь. Они ей понравились...

Радугина. Она отъ нихъ безъ памяти.

Князь. Я очень радъ!

Радугина. Софья призналась мнѣ даже, что не могла бы видѣть равнодушно автора сихъ стиховъ.

Князь. Вы шутите.

Радугина. Каждый стихъ казался ей превосходнымъ.

Князь. Знаетъ ли Софья. что они мои?

Радугина. Нѣтъ еще; гораздо лучше, если вы объясните объ этомъ вечеромъ; вы будете ихъ читать при полномъ собраніи; а теперь, князь, ступайте къ Софьѣ, старайтесь быть какъ можно любезнѣе и, если я не ошибаюсь, то можетъ быть нынче же... Но что будетъ, то будетъ, впередъ нечего загадывать.

Князь. Прощайте, сударыня; я спѣшу къ прелестной вашей сестрицѣ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Радугина. (*одна*). Надо постараться показать брату наше общество во всемъ его блескѣ. Сашенька, Сашенька!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Радугина и Саша.

Саша. Что прикажете, сударыня?

Радугина. Все ли у тебя приготовлено къ вечеру?

Саша. Извольте приказывать, сударыня.

Радугина. Чтеніе будетъ въ кабинетѣ; письменный мой столъ накрыть краснымъ сукномъ.

Саша. Слушаю, сударыня.

Радугина. Кругомъ поставить стулья.

Саша. Слушаю, сударыня.

Радугина. На столъ противъ каждаго стула положить по листу бѣлой бумаги.

Саша. Развѣ ваши гости будутъ писать, а не читать?

Радугина. Нѣтъ, дура! это одна профор-

Digitized by Google

ма: такъ вездѣ водится. На столъ поставить мою большую чернильницу.

Саша. Слышу, сударыня.

Радугина. И два бронзовыхъ канделябра съ восковыми свѣчами.

Саша. Слушаю, сударыня.

Радугина. Теперь ступай. Постой, постой! Я забыла самое нужное: приготовь поболѣе воды съ сахаромъ и поставь также на столъ.

Саша. Слушаю, сударыня. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Радугина. *(одна).* Ну, кажется, все приказано, что нужно. А! да вотъ и Сластилкинъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Радугина и Сластилкинъ.

Сластилкинъ. Я васъ ищу, сударыня; и изъ ума вонъ, что у меня есть къ вамъ препорученіе отъ Тиранкина.

Радугина. Что такое, батюшка?

Сластилкинъ. Онъ проситъ извинить его, ему никакъ нельзя быть у васъ сегодня.

Радугина. Нельзя? быть не можетъ! онъ обѣщалъ мнѣ сегодня читать у меня свою новую комедію.

Сластилкинъ. Онъ очень занятъ планомъ трагедіи, которую хочетъ непремѣнно кончить на будущей недѣлѣ.

Радугина. Нельзя быть! вотъ пріятели! ты на нихъ надѣешься, считаешь... а они!... Нельзя быть! боится-ли онъ Бога? нельзя быть! безсовѣстный!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Дребедневъ.

Радугина. А! г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ. Я сейчасъ отъ Змѣйкина, сударыня; онъ никакъ не можетъ быть у васъ сегодня.

Радугина. Какъ! и Змѣйкинъ...

Дребедневъ. Бѣдняжка въ страшномъ горѣ: онъ потерялъ родного дядю, который оставилъ ему въ наслѣдство три тысячи душъ. Вы не можете вообразить, въ какомъ онъ отчаяніи.

Радугина. Какое несчастіе! и надобно же было этому дядѣ умереть сегодня!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и слуга.

Слуга. Отъ г-на Усыпляева. *(Подаетъ письмо).*

Радугина. Отъ Усыпляева! неужели и онъ... нѣтъ, нѣтъ! быть не можетъ! *(Читаетъ).* „Нынѣшнимъ вечеромъ хотѣлъ я читать у васъ мою сатиру; но, къ крайнему моему сожалѣнію, не могу выполнить своего обѣщанія".—Не можетъ!—„Вчера былъ я въ театрѣ, давали комедію общаго нашего злодѣя Честонова. Несносная публика приняла ее рукоплесканіемъ. Я взбѣсился, хотѣлъ освистать комедію, актеровъ, зрителей; отъ ужасной досады у меня разлилась желчь, и я долженъ теперь поневолѣ сидѣть дома"! Ну, и есть люди, которые говорятъ, что Честоновъ добрый человѣкъ; злодѣй! И зачѣмъ было Усыпляеву смотрѣть эту проклятую комедію? Ну, господа, у меня на васъ теперь только и надежда.

Дребедневъ. Къ несчастію, у меня, кромѣ двухъ строфъ новой оды, ничего къ сегодняшнему вечеру не приготовлено.

Радугина. *(Сластилкину).* Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь?

Сластилкинъ. Ничего, сударыня; я полагалъ, что и безъ меня довольно будетъ чтенія.

Радугина. Ничего? Ахъ, Боже мой! да какъ не имѣть чего въ запасѣ? Прекрасно! что скажетъ братъ? Что скажетъ г. Людмиловъ? А я хотѣла ихъ удивить, поразить, заставить восхищаться! *(Дребедневу).* Нельзя-ли написать что-нибудь на скорую руку? что-нибудь! бездѣлицу! хоть какую-нибудь торжественную оду!

Дребедневъ. Я право не могу.

Радугина. Что мнѣ дѣлать? Осрамлюсь я передъ этимъ пріѣзжимъ; что онъ обо мнѣ подумаетъ? *(Сластилкину).* Батюшка, выкупи изъ бѣды, постарайся, поройся въ своихъ бумагахъ, нѣтъ-ли у тебя какой завалящей элегіи?

Сластилкинъ. Постойте, сударыня; у меня кажется есть одинъ сентиментальный отрывокъ прозы *(шаритъ въ карманѣ).* Такъ точно! *(Вынимаетъ бумаги и читаетъ).* „Вздохи души моей, или мечтанія и мысли при лунномъ свѣтѣ на берегу тихо журчащаго ручейка".

Радугина. Прекрасно! прекрасно!...

Сластилкинъ. Я его окончу непремѣнно къ вечеру.

Радугина. Постарайтесь только, чтобъ онъ былъ длиннѣе. Пойдемте теперь обѣдать. Г-нъ Сластилкинъ, если-бъ вы вмѣсто обѣда пошли ко мнѣ къ кабинетъ окончить вашъ отрывокъ.

Сластилкинъ. Вмѣсто обѣда? о, Боже, сохрани! да я и двухъ словъ не напишу на тощій желудокъ.

Радугина. По крайней мѣрѣ тотчасъ послѣ обѣда.

Сластилкинъ. Не безпокойтесь, лишь только изъ-за стола, то и за перо!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

На сценѣ столъ, накрытый краснымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Саша *(одна).* Я думаю, скоро уже начнется чтеніе; надобно приготовить и зажечь свѣчи. *(Беретъ ихъ со стола и хочетъ ставить въ шандалы).* Вотъ бѣда! нечѣмъ подвернуть; онѣ такъ держаться не будутъ. А! это что за листъ? Какой измаранный! *(Читаетъ)* „Ахъ! увы! милая природа". Такъ точно, сочиненіе г-на Сластилкина; вѣрно написано начерно: почти всѣ слова перекрещены. Кстати-же онъ его здѣсь бросилъ. *(Беретъ и подвертываетъ онымъ свѣчи).*

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Саша, Софья и князь Вечеславинъ.

Князь. Нѣтъ, сударыня! я не отстану отъ васъ: я хочу непремѣнно, чтобъ вы сказали...

Софья. Какъ вы мнѣ наскучили, князь.

Князь. Я постараюсь вамъ наскучить еще болѣе; можетъ быть вы рѣшитесь тогда отвѣчать на мои вопросы.

Софья. Прекрасное средство! и вѣрно оно вамъ часто удается.

Князь. Всегда-ли вы будете платить за любовь мою одною холодностью?

Софья. Перестанете-ли вы когда-нибудь мучить меня своими жалобами?

Князь. Признайтесь сами, можно-ли быть постояннѣе меня?

Софья. Согласитесь, князь, что я очень терпѣлива.

Князь. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я говорю вамъ безпрестанно о любви моей и сношу вашу холодность.

Софья. Вотъ уже два часа, какъ я слушаю это и не мѣшаю вамъ говорить.

Князь. Вы всегда избѣгаете изъясненія. Узнаю-ли я когда-нибудь причину вашего равнодушія?

Софья. Вы хотите знать ее,—извольте: я не могу принадлежать вамъ,—выборъ мой уже сдѣланъ.

Князь. Какъ, сударыня!

Софья. Да, князь, нынѣшнимъ утромъ я рѣшилась, и ничто въ свѣтѣ не перемѣнитъ моего намѣренія.

Князь. Нынѣшнимъ утромъ? А! понимаю, сударыня; этотъ пріѣзжій, который былъ знакомъ съ вами еще въ деревнѣ...

Софья. Вы думаете, что Людмиловъ?

Князь. Нѣтъ, право, не думаю этого... я такъ недогадливъ... я ошибаюсь...

Софья. Да, князь, вы ошибаетесь.

Князь. Неужели? Позвольте-же мнѣ узнать имя счастливаго смертнаго...

Софья. Я и сама еще не знаю.

Князь. Вы смѣетесь надо мною.

Софья. Князь, вы любезны, имѣете много достоинствъ; но все это не составило-бы моего счастія: я хотѣла имѣть мужемъ человѣка, который восхищалъ-бы меня своимъ талантомъ; я нашла его и твердо рѣшилась принадлежать ему, или не быть никогда замужемъ. Этотъ человѣкъ есть неизвѣстный сочинитель стиховъ, которые сестрица получила сегодняшнимъ утромъ.

Князь (*въ сторону*). Что я слышу?

Софья. Смѣйтесь надо мною, называйте меня мечтательницею, сумасшедшею, всѣмъ чѣмъ вамъ угодно; но я не перемѣню своего намѣренія.

Князь. Напротивъ, я...

Софья. Я хочу доказать, что женщины умѣютъ не менѣе мужчинъ цѣнить таланты и дарованія.

Князь. Кто смѣетъ сомнѣваться въ этомъ. (*Въ сторону*). Какое счастіе!

Софья. Вы заставили меня признаться, и если это для васъ непріятно...

Князь. О! нѣтъ, сударыня! признаніе ваше восхищаетъ меня!

Софья. Восхищаетъ васъ? Какъ, сударь! Неужели? Но я не хочу теперь ничего знать...

Князь. Неизвѣстный, котораго стихи имѣли счастіе вамъ понравиться...

Софья. Не долженъ еще открывать своего имени.

Князь. Но можно-ли удержаться?...

Софья. Князь! я имѣю на то свои причины, я хочу этого.

Князь. Вы хотите? Желанія ваши для меня законны,—я молчу, сударыня.

Софья. Нынче на чтеніи мы его узнаемъ, и тогда, если онъ меня любитъ...

Князь. Онъ обожаетъ васъ!

Софья. Я повторю при всѣхъ обѣщаніе принадлежать ему.

Князь. Какъ онъ благополученъ! (*въ сторону*). Я не ожидалъ такой счастливой развязки.

Софья. Теперь вы видите, что Людмиловъ для васъ совсѣмъ не опасенъ.

Князь. Мнѣ право жаль его. Бѣдняжка! онъ васъ любитъ, я это замѣтилъ, точно замѣтилъ! Можетъ быть въ деревнѣ вы отличали его отъ прочихъ знакомыхъ вашихъ.

Софья. Это правда.

Князь. Такъ точно! онъ вѣрно надѣется, и, что всего забавнѣе, сколько я могъ замѣтить, онъ никакъ не предчувствуетъ этого громового удара; онъ такъ спокоенъ, такъ увѣренъ... и вдругъ, какой сюрпризъ! ха! ха! ха! бѣдный Людмиловъ.

Софья. Перестаньте, князь, пожалѣйте его.

Князь. Я пойду теперь къ г-жѣ Радугиной. Она знаетъ намѣреніе ваше?

Софья. Да, князь, я сказала ей, что никто, кромѣ неизвѣстнаго сочинителя стиховъ, не получитъ моей руки.

Князь. И она...

Софья. Согласна на это.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе и Болеславскій.

Князь. Я внѣ себя отъ восхищенія! Ахъ, сударыня, еслибъ я могъ... но я не говорю теперь ничего; черезъ полчаса вы узнаете неизвѣстнаго, который... но я повинуюсь вамъ и молчу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Софья и Болеславскій.

Софья. Князь сказалъ правду: это будетъ такой забавный сюрпризъ!... (*увидя Болеславскаго*). Ахъ! это вы?

Болеславскій. Князь оставилъ васъ въ такомъ восхищеніи, онъ говорилъ о какомъ-то неизвѣстномъ...

Софья. Который долженъ быть непремѣнно моимъ мужемъ.

Болеславскій. Неизвѣстный! вашимъ мужемъ! что это значитъ? но вы вѣрно шутите.

Софья. Нѣтъ, Болеславскій, я говорю правду. Сегодня сестрица получила отъ какого-то неизвѣстнаго стихи; они свели меня съ ума, и я рѣшилась отдать свою руку тому, кто сочинилъ ихъ.

Болеславскій. А! теперь понимаю: это опять небольшое испытаніе.

Софья. Увѣряю васъ, я говорю не шутя.

Болеславскій. Въ самомъ дѣлѣ, это такъ походитъ на истину.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Волгинъ.

Волгинъ (*Софьѣ*). Я тебя искалъ вездѣ. Правда-ли, что и ты также сошла съ ума?

Софья. Какъ, братецъ?

Волгинъ. Правда-ли, что ты хочешь выдти замужъ за какого-то риѳмача, который прислалъ сегодня къ сестрѣ стихи?

Софья. Правда, братецъ.

Волгинъ. Итакъ, сестра меня не обманула. Ну, голубушки, я вижу, вамъ обѣимъ не миновать желтаго дома. (*Болеславскому*). Поѣдемъ, братъ.

Болеславскій. Однакожъ, сударыня, такая шутка... я надѣюсь, вы скоро ее кончите.

Софья. Я увѣрена, братецъ, вы не откажетесь быть на моей свадьбѣ.

Волгинъ. На твоей свадьбѣ?

Софья. Даже и тогда, если я выйду за Болеславскаго?

Волгинъ. За Болеславскаго? Да что эта за вздоръ. То то, то другое. Что ты морочишь что-ли насъ?

Софья. Это моя тайна; подождите полчаса и вы все узнаете.

Волгинъ. Послушай, Софья, я загадокъ не люблю, да мнѣ-же некогда и дожидаться; у васъ начнется сейчасъ чтеніе, такъ я намѣренъ заранѣе убраться по-добру да по-здорову.

Софья. Вотъ этого-то вамъ и не надобно дѣлать; вы должны непремѣнно быть при развязкѣ.

Болеславскій. Останьтесь, сударь; я самъ также горю нетерпѣніемъ видѣть, что все это значитъ.

Волгинъ. Да развѣ ты не можешь сказать теперь?

Софья. Никакъ... но тише, сюда идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Радугина.

Радугина. Ахъ, братецъ! ты здѣсь. (*Людмилову*). И вы также? а я было испугалась, думала, что вы уѣхали. Саша, зови всѣхъ сюда. (*Саша уходитъ*).

Волгинъ. Ну, нечего дѣлать, попался я какъ куръ во щи! Однако, смотри, сестра, чуръ не сердиться, неравно меня сонъ одолѣетъ.

Радугина. Не безпокойся, я увѣрена, ты не заснешь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Снѣгинъ.

Радугина. А! г-нъ Снѣгинъ! я ужъ думала, что и вы не будете?

Снѣгинъ. Я немного опоздалъ, сударыня; разныя хлопоты, дѣла...

Радугина. У васъ вѣрно есть что-нибудь новенькое.

Снѣгинъ. Да, сударыня, со мной есть кой-что, небольшая бездѣлка, которую я буду имѣть счастіе представить сегодня на благоразсмотрѣніе всего почтеннаго общества.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, князь, Шмелевъ, Сластилкинъ, Дребедневъ и Саша.

Снѣгинъ (*подходя къ князю, кланяется*). Ваше сіятельство!

Князь. А! г-нъ Снѣгинъ, очень радъ васъ видѣть.

Радугина. Князь, прошу покорно занять ваше мѣсто. Господа! (*Всѣ садятся за столъ, выключая Софьи, Волгина и Болеславскаго*). Г-нъ Людмиловъ, не хотите-ли вы также?

Болеславскій. Позвольте мнѣ остаться въ числѣ слушателей, сударыня.

Волгинъ. Садись-ка подлѣ меня, братъ. (*Волгинъ, Софья и Болеславскій садятся на другой сторонѣ театра*).

Радугина. Г-нъ Сластилкинъ, не угодно-ли вамъ начать?

Сластилкинъ. Сейчасъ, сударыня. (*Вынимаетъ бумаги, кашляетъ и начинаетъ читать*). „Вздохи души моей, или мысли и мечтанія при лунномъ свѣтѣ“.

Волгинъ. А смѣю спросить, батюшка, много-ли листовъ въ этихъ вздохахъ?

Радугина. Тсъ! братецъ, прошу не прерывать чтенія. Продолжайте, г-нъ Сластилкинъ.

Сластилкинъ (*читаетъ*). Какая глубокая тишина! какое мертвое молчаніе! Все тихо, все предано сну; вся природа дремлетъ; одинъ я лишонъ покоя. Увы! сонъ бѣжитъ несчастныхъ! я сижу подъ тѣнью вѣтвистаго дуба, на берегу мирнаго ручейка; вздохи мои мѣшаются съ бурнымъ его журчаніемъ, и ночное эхо разноситъ ихъ по воздуху. Ахъ! сказалъ я... (*Перевертываетъ листъ*). Ахъ! сказалъ я... (*Снова перевертываетъ*).

Волгинъ. Ну, сударь, ахъ! сказали вы.

Сластилкинъ. Что это значитъ? изъ самой середины не достаетъ одного листа.

Радугина. Неужели?

Сластилкинъ. Я не знаю, куда онъ дѣвался. Вѣрно я оставилъ его, когда здѣсь писалъ.

Саша. На столѣ, сударь, валялся листъ, весь измаранный.

Сластилкинъ. Гдѣ-же онъ?

Саша. Онъ, сударь... онъ...

Радугина. Да скажешь-ли ты?

Саша. Ахъ, сударыня! я... виновата, я думала, что онъ ни на что не годится, и...

Сластилкинъ. Да гдѣ-же онъ?

Саша (*показывая на свѣчи*). Вотъ здѣсь, сударь.

Сластилкинъ. Боже мой! она подвернула имъ свѣчи.

Волгинъ. Ха! ха! ха! ай-да Саша!

Радугина. Прошу покорно! ахъ, ты негодница! Да дѣлать нечего. Добро ты, голубушка! господа, не угодно-ли вамъ?.. (*Дребедневъ и Снѣгинъ начинаютъ вмѣстѣ читать*).

Дребедневъ. „Къ Полигимнѣ, ода, строфа первая“.

Снѣгинъ. „Погибшее дитя, романическая повѣсть“.

Шмелевъ. Поодиночкѣ, господа, ради Бога. поодиночкѣ!

Снѣгинъ. Очень хорошо, я начну первый.

Дребедневъ. Вы можете погодить, г-нъ Снѣгинъ.

Снѣгинъ. А почему-бы такъ, если смѣю спросить, г-нъ Дребедневъ?

Волгинъ. Послушайте-ка, господа, читайте вмѣстѣ, авось этакъ скорѣй кончите.

Радугина. Мнѣ пріятно видѣть, господа,

Digitized by Google

такое благородное рвеніе; но я полагаю, что намъ лучше начать съ оды. Г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ. Гмъ! гмъ! „Къ многопѣсной Полигимнѣ ода“, то есть лирическое произведеніе.

Шмелевъ. Благодаримъ за поясненіе.

Дребедневъ. Я представляю на разсмотрѣніе почтеннаго общества только двѣ строфы сей оды,—произведеніе минуты пламеннаго восторга!

Къ Полигимнѣ.

Небо пылаетъ, грозныя тучи
Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ;
Бури волнуютъ воды зыбучи;
Въ страхѣ Эратой дышитъ Эротъ!
Кто се грядетъ къ намъ со свода небесна?
Ты-ль, Полигимна? Ты-ль, многопѣсна?
Твой-ли священный образъ я зрю?
Полно-жъ пѣть мнѣ, речетъ гордыни,
Сѣять для риемы гнусныя дыни,—
Духомъ теперь я къ небу вспарю!

Радугина. Что твой Ломоносовъ! какая быстрота!

Снѣгинъ (*важно*). Строфа достойна Пиндара и Горація.

Сластилкинъ. Небо пылаетъ! грозныя тучи!

Радугина. Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ!—Какая величественная картина!

Дребедневъ.

Тщетно уранги, буйно строптивы,
Силются стрѣлы въ грудь мнѣ вонзить;
Черви, грызущи тощія нивы,
Могутъ-ли птицу Зевеса язвить?
Горе крамольнымъ, если воспряну!
Палицей грозной въ дерзкихъ я гряну;
Всѣ обратятся мигомъ во прахъ!..
Ужасъ пройдетъ отъ рода до рода,
И отъ земли до небеснаго свода
Слухъ о моихъ разнесется дѣлахъ!

Радугина. Превосходно! какой лирическій безпорядокъ!

Сластилкинъ. Какая описательная поэзія!

Снѣгинъ. Какое звукоподражаніе!

Радугина. Палицей грозной! то-есть грозной палицей, гнетущей палицей!

Сластилкинъ. Прелестно!

Волгинъ. Чортъ возьми, если я тутъ хоть одно слово понимаю.

Радугина. Бѣдненькій, мнѣ право тебя жаль. Какъ досадно, г. Дребедневъ, что ода вышла не кончена: мы лишены большого удовольствія.

Дребедневъ. О! сударыня, вы слишкомъ милостивы.

Радугина. Г-нъ Снѣгинъ! у васъ есть что-то новенькое?

Снѣгинъ. Да, сударыня, это такъ, милая бездѣлка въ нѣмецкомъ мрачномъ родѣ, гдѣ все дышитъ въ ней истиннымъ чувствомъ и простотою.

Дребедневъ. Г-нъ Снѣгинъ охотникъ до предисловій.

Снѣгинъ. Сюжетъ самый простой, самый невинный! Мальчикъ въ глухую осеннюю полночь ушелъ потихоньку отъ отца удить рыбу въ пустынномъ озерѣ. Водяные черти утащили его на дно и несчастный погибъ невозвратно. Тутъ есть много поэтическихъ картинъ: мрачныя небеса и свѣтлая луна, тихое шептаніе вѣтерка и грозное завываніе водяной сволочи, скрежетъ зубовъ, визгъ, гудъ, гулъ, пискъ и прочія принадлежности. (*Вынимаетъ толстую тетрадь и кладетъ на столъ*).

Волгинъ (*вскакиваетъ*). Помилуй, Господи! что это такое?

Радугина. Что ты, братецъ?

Волгинъ. Какъ что? посмотри-ка, какую онъ тетрадищу вывалилъ!

Снѣгинъ. Въ ней всего пятьдесятъ листовъ.

Волгинъ. Только-то? Нѣтъ, сестра, слуга покорный! слушай эту милую бездѣлку кто хочетъ, а я...

Князь. Въ самомъ дѣлѣ, г. Снѣгинъ, ваше сочиненіе немного велико.

Снѣгинъ. Помилуйте, я берусь оную кончить съ небольшимъ въ два часа.

Князь. Позвольте мнѣ прежде прочесть стихи неизвѣстнаго сочинителя.

Радугина. Въ самомъ дѣлѣ, князь, прочтите ихъ. Садись, братецъ; я увѣрена, ты съ удовольствіемъ ихъ выслушаешь: они не велики.

Софья. Я готова биться объ закладъ, что они очень понравятся г. Людмилову.

Болеславскій (*тихо Софьѣ*). Эти стихи...

Софья. Тѣ самые, которые вскружили мнѣ голову.

Князь. Сочинитель ихъ имѣетъ право на ваше снисхожденіе. Они написаны сегодняшнимъ утромъ въ четверть часа. (*Вынимаетъ стихи и читаетъ*).

Къ моей любезной:

Гонимый гнѣвною судьбою,
Я дни лишь горестьми считалъ;
Наскуча свѣтомъ и собою,
Одной отрады въ смерти ждалъ.

(*Пьетъ изъ стакана*).

Болеславскій (*въ сторону*). Что это значитъ? Не ошибаюсь-ли я?

Князь (*продолжаетъ*).

Но вдругъ какъ солнцемъ озарилась
Унылая душа моя;
Надежда въ сердцѣ водворилась, —
Тебя, мой другъ, увидѣлъ я!

Болеславскій. Такъ точно, они мои! (*встаетъ*). Князь, эти стихи...

Софья. Прекрасны! не правда-ли, г. Людмиловъ? Попрошу васъ удержаться отъ восторговъ, — выслушайте до конца. (*Болеславскій садится*).

Радугина (*брату*). Видишь-ли, мой другъ, какое вліяніе имѣютъ хорошіе стихи на человѣка съ талантомъ: г-нъ Людмиловъ не могъ на стулѣ усидѣть.

Волгинъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ будто не въ себѣ.

Радугина. Отъ восхищенія, мой милый!

Князь (*продолжая читать*):

Что жизнь безъ страсти, сердцу милой?
Печальный къ смерти переходъ!
На что ни взглянешь—все постыло,
Все къ горестямъ лишь насъ ведетъ;
Когда-же къ чувствамъ прикоснется
Хоть искра страстнаго огня,
Тогда, мой другъ, лишь жизнь начнется—
Тогда и началась моя.

Радугина. Можетъ ли быть что лучше!

Digitized by Google

Софья (*тихо Болеславскому*). Потерпите еще немного. (*Громко*). Сестрица, я обѣщала сказать при всѣхъ свое мнѣніе объ этихъ стихахъ.

Радугина. Да, да, милая.

Софья. Они до того мнѣ нравятся, что я говорю теперь рѣшительно: никто, кромѣ неизвѣстнаго сочинителя стиховъ, не получитъ мою руку, и кто бы онъ не былъ...

Шмелевъ. Какъ, сударыня! кто бы онъ не былъ?

Софья. Да, кто бы онъ не былъ,—я держу свое слово.

Шмелевъ. Что я слышу? Такая богатая невѣста!

Софья (*сестрѣ*). Надѣюсь, вы не будете противиться моему желанію?

Радугина. Напротивъ, съ радостію соглашусь и утверждаю твой выборъ.

Софья. Братецъ, вы слышите, сестрица согласна.

Волгинъ. Да что это за комедія?

Князь (*встаетъ и всѣ также встаютъ*). Какое благополучіе! Теперь пора разорвать завѣсу, которая скрывала до сихъ поръ неизвѣстнаго. Прелестная Софья! Ваша рука принадлежитъ мнѣ.

Софья. Какъ, князь! Эти стихи...

Князь. Написаны мною.

Болеславскій. Нѣтъ! такая наглость... (*Громко*). Князь!...

Шмелевъ. Позвольте одно слово. (*Софьѣ*). И вы выполнили бы свое обѣщаніе и тогда, еслибъ неизвѣстный былъ не князь, но простой обыкновенный человѣкъ?

Софья. Безъ сомнѣнія.

Шмелевъ. А если такъ, то извините, князь, я долженъ сказать правду: эти стихи не ваши.

Радугина. Какъ!

Князь. Что это значитъ, г-нъ Шмелевъ?

Шмелевъ. Они сочинены мною.

Радугина. Быть не можетъ.

Князь. Г. журналистъ! вы съума сошли.

Шмелевъ. Извините, я въ полномъ разумѣ. (*Софьѣ*). Ваше слово, сударыня, должно быть для васъ священно; и если вы согласитесь сдѣлать счастливымъ человѣка, который втайнѣ обожалъ васъ, то я сейчасъ докажу, что эти стихи принадлежатъ мнѣ.

Князь. Такая дерзость!... (*Радугиной*). Я удивляюсь, сударыня, что въ вашемъ домѣ смѣютъ меня манкировать до такой степени.

Радугина. Я тутъ ничего не понимаю, князь.

Болеславскій. Споръ этотъ не трудно кончить. Успокойтесь, господа!—зачѣмъ вамъ ссориться за чужіе стихи?

Радугина. Вотъ еще новое!

Князь. Какъ, сударь!

Болеславскій. Стихи, которые вы сегодня поутру написали, сочинены три года тому назадъ.

Князь (*съ гордостію*). Государь мой! совѣтую вамъ...

Болеславскій. Потише, князь! повторяю вамъ еще разъ: вы присвоили себѣ чужое; и если это вамъ не нравится...

Софья. То вы можете отсюда уѣхать.

Князь. И вы, сударыня? Прекрасно!.. здѣсь всѣ были въ заговорѣ. (*Радугиной*). Вы также?

Радугина. Но растолкуйте мнѣ, чьи эти стихи?

Болеславскій. Мои, сударыня.

Радугина. Ваши!...

Волгинъ. Вотъ тебѣ и развязка!

Болеславскій. И признаюсь, князь, я удивляюсь безстыдству...

Князь. Избавьте отъ объясненій: я не люблю никакихъ исторій.

Радугина. Какъ князь! вы рѣшились назвать чужое произведеніе своимъ!... рѣшились!...

Князь. О! сударыня, я охотно отъ нихъ отступаюсь: стихи преплоскіе! (*Дребедневу, Снѣгину и Сластилкину*). Господа! не угодно ли вамъ ко мнѣ? (*Уходитъ съ ними*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, кромѣ князя, Древеднева, Сластилкина и Снѣгина.

Радугина. Постойте, князь!... Ахъ, Боже мой! онъ ушелъ!

Болеславскій. Ну, г. Шмелевъ, прошу быть откровеннѣе: какимъ образомъ достались вамъ эти стихи.

Шмелевъ. Я, сударь, написалъ ихъ самъ; и для меня очень удивительно...

Болеславскій. Г. журналистъ! какъ вы ни увертливы, но отъ меня не отдѣлаетесь. Говорите сейчасъ, что вы солгали, или сегодня же мы будемъ стрѣляться!

Шмелевъ. Стрѣляться!... нѣтъ, сударь, я не стрѣляюсь, я не хочу стрѣляться.

Софья. Какъ, сударь, вы трусите?

Шмелевъ. Я, сударыня, рѣзаться готовъ на бумагѣ съ кѣмъ угодно; но стрѣляться — слуга покорный! это не по моей части.

Болеславскій. Говорите-же, сударь, прошу васъ.

Шмелевъ. Ну, если пошло на правду, то я скажу все: эти стихи не принадлежатъ ни мнѣ, ни вамъ, г-нъ Людмиловъ: они написаны Болеславскимъ; а такъ какъ онъ убитъ...

Болеславскій. Онъ живъ, сударь.

Шмелевъ. Неужели! Гдѣ-же онъ?

Волгинъ (*показывая на Болеславскаго*). А вотъ, батюшка, передъ вами.

Шмелевъ. Какъ! что! (*Въ сторону*). Ну, въ какихъ же я дуракахъ!

Радугина. Какъ, сударь! это вы? и подъ чужимъ именемъ?

Волгинъ. За это, сестра, сердись на меня. Да дѣло не о томъ: ты соглашалась, чтобъ Софья вышла замужъ за того, кто написалъ эти стихи?

Софья. Надѣюсь, сестрица, вы не будете противиться моему счастію?

Радугина. Хорошо, сударыня, вы меня обманули, какъ пошлую дуру.

Волгинъ. Какъ бы то ни было, а ты соглашалась, отъ этого тебѣ нельзя отпереться: я самъ былъ свидѣтелемъ.

Радугина. Дѣлать нечего, я подтверждаю свое согласіе, съ уговоромъ только, чтобъ Болеславскій и для меня что-нибудь сочинилъ.

Болеславскій. Все что вамъ угодно. (*Софьѣ*). Наконецъ я могу назвать васъ своею!

Шмелевъ (*подходя къ Болеславскому*). Не прикажете ли въ будущемъ номерѣ напечатать ваши стихи?

Волгинъ (*отводя въ сторону Шмелева*). Совѣтовалъ бы вамъ, батюшка, отсюда скорѣе убраться: Болеславскій человѣкъ горячій, а вы же хотѣли было перебить у него невѣсту.

Шмелевъ. Неужели?... о! если такъ... (*Хочетъ идти*).

Digitized by Google

Радугина. Г. Шмелевъ!...

Шмелевъ. Извините, я позабылъ: мнѣ надобно еще заняться корректурою завтрашней книжки. Слуга покорный! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Шмелева.

Радугина. Надобно сказать правду, такого несчастнаго вечера у меня не бывало: не успѣла даже прочесть своего посланія къ Харитинѣ!

Волгинъ. Ну, сестра, ты согласилась на желаніе Софьи, надобно и тебя потѣшить. Пойдемъ въ кабинетъ читать твое посланіе; а завтра поутру, какъ я хорошенько высплюсь, то такъ и быть, что со мною ни будетъ, читай мнѣ всѣ свои драмы одна за другою.

КОНЕЦЪ.

(*1817.—Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ, 12 ноября 1817 г.*).

Романъ на большой дорогѣ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ландышева.	*Г-жа Ежова 6.*
Софья, ея племянница	*Г-жа Ольгина.*
Тирсисъ Ивановичъ Посошковъ, женихъ Софьи.	*Г. Величкинъ.*
Изборскій, племянникъ Ландышевой	*Г. Сосницкій.*
Пронскій, пріятель Изборскаго	*Г. Брянскій.*
Трактирщикъ	*Г. Хотяинцовъ.*

Дѣйствіе происходитъ на станціи, въ трактирѣ по Большой Московской дорогѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Пронскій сидитъ у стола съ правой стороны театра и читаетъ; съ лѣвой стороны также столъ и нѣсколько стульевъ. Трактирщикъ входитъ.

Пронскій. Что, привели ли лошадей?

Трактирщикъ. Нѣтъ, сударь! я сейчасъ былъ на почтовомъ дворѣ,—всѣ до одной въ разгонѣ.

Пронскій. Но я думаю, можно найти вольныхъ?

Трактирщикъ. Человѣкъ вашъ побѣжалъ на село, да врядъ ли наймете: нынѣ пора рабочая.

Пронскій. И такъ, мнѣ придется пробыть здѣсь цѣлый день,

Трактирщикъ. Такъ чтожъ, сударь, милости просимъ. Не въ похвальбу сказать, по всей Петербургской дорогѣ нѣтъ трактира лучше моего: вы найдете у меня все, что вамъ угодно.

Пронскій. Есть-ли у тебя особая комната?

Трактирщикъ. Какъ же, сударь: вотъ здѣсь направо, чистая горница.

Пронскій. Хорошо, я буду въ ней обѣдать.

Трактирщикъ. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Пронскій (*одинъ*).

Какая досада! безпрестанно остановки; впрочемъ, кажется, мнѣ некуда спѣшить: здѣсь, въ Москвѣ, на краю свѣта—вездѣ тоска и скука будутъ меня преслѣдовать! (*беретъ книгу и начинаетъ читать*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пронскій и Изборскій.

Изборскій (*входитъ скоро и, не обращая вниманія на Пронскаго, садится подлѣ стола на лѣвой сторонѣ*). Чортъ возьми проклятую телѣгу! Мы ѣздили шагомъ, а я такъ усталъ, какъ будто бы скакалъ на почтовыхъ. Куда бы хорошо что-нибудь закусить. Посмотримъ мою казну. (*Смотритъ въ книжку*). Пять рублей—только; а до Москвы далеко. Да полно, есть ли здѣсь что-нибудь путное; трактиришка дрянной, въ немъ, я думаю, и за деньги ничего не достанешь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и трактирщикъ.

Трактирщикъ (*Пронскому*). Не прикажете ли водки?

Пронскій (*не перемѣнивъ положенія*). Нѣтъ!

Изборскій. Что если бы выпить рюмочку?... Нѣтъ, мнѣ и такъ жарко.

Трактирщикъ (*увидя Изборскаго*). Еще пріѣзжій! (*подходитъ и кланяется; Изборскій киваетъ ему головой*). Ага! да онъ, кажется, чело-

Digitized by Google

къ не простой. Милостивый государь! не одно ли вамъ чего-нибудь покушать?

Изборскій. А что у тебя есть, мой другъ?

Трактирщикъ. Что прикажете: котлеты горохомъ, телятина, бифштексъ...

Изборскій. И бифштексъ! да нѣтъ, я не хочу ѣсть... А что стоитъ у тебя обѣдъ?

Трактирщикъ. Пять рублей, сударь.

Изборскій. Только!—А ужинъ?

Трактирщикъ. Два съ полтиной.

Изборскій. Такъ давай мнѣ ужинать.

Трактирщикъ. Помилуйте! какъ ужинать?

Изборскій. Да, ужинать,—я ужъ обѣдалъ; оворнѣе, любезный.

Трактирщикъ. Слушаю, сударь! (*Въ сторону*). Что это за чудакъ!

Изборскій. Да кстати, подай мнѣ чего-нибудь напиться.

Трактирщикъ. Не прикажете ли бутылку вина?

Изборскій. Ужъ и вина? Да какого? Есть у тебя марго?

Трактирщикъ. Есть, сударь.

Изборскій. А лафитъ?

Трактирщикъ. Самый лучшій; только изъ Петербурга.

Изборскій. Неужели?

Трактирщикъ. Прикажете чего-нибудь?

Изборскій. Да, мой другъ, подай мнѣ—стаканъ воды.

Трактирщикъ. Съ виномъ?

Изборскій. Нѣтъ, нѣтъ! свѣжей ключевой воды: я не люблю никакой смѣси.

Трактирщикъ. Сейчасъ, сударь! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ трактирщика.

Изборскій. Ба! да я не одинъ. Что это? Не ошибаюсь-ли я?... Точно такъ, это онъ? Какая счастливая встрѣча!—Пронскій!

Пронскій. Что я вижу? Изборскій! ты ли это, любезный сослуживецъ?

Изборскій (*обнимая его*). Я, мой другъ, я!..

Пронскій. Какъ мы давно съ тобой не видались.

Изборскій. Да, съ тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ въ отставку.

Пронскій. Ты ѣдешь въ Москву?

Изборскій. Въ Москву, милый, и какъ ты думаешь—зачѣмъ?—чтобъ на другой же день отправиться назадъ въ Петербургъ.

Пронскій. Что это тебѣ вздумалось проѣхаться?

Изборскій. А вотъ послушай. Въ Москвѣ живетъ у меня тетушка, у которой двѣ тысячи душъ, а родныхъ только я, да моя двоюродная сестра; дней девять назадъ, получилъ отъ нея письмо, которымъ она увѣдомляетъ меня, что намѣрена пріѣхать вмѣстѣ съ моею кузиною въ Петербургъ. Ну какъ имъ, бѣдняжкамъ, ѣхать такую даль однѣмъ безъ провожатаго, а особливо тетушкѣ, которая начитавшись страшныхъ романовъ, видитъ вездѣ разбойниковъ, убійцъ и привидѣній. Я собрался въ полчаса, сѣлъ въ кибитку, поскакалъ, и вотъ теперь седьмой день въ дорогѣ.

Пронскій. Помилуй, седьмой день! И ты ѣдешь на почтовыхъ?

Изборскій. Да, голубчикъ! и я ѣхалъ на почтовыхъ.

Пронскій. Ѣхалъ,—а теперь?

Изборскій. На долгихъ, мой милый!

Пронскій. Какъ это тебѣ вздумалось?

Изборскій. Да такъ—для перемѣны.

Пронскій. Ужъ не обокрали-ли тебя?

Изборскій. Хуже мой милый. Два дня скакалъ я, сломя голову, все шло хорошо; одно только меня бѣсило: я позабылъ взять съ собою мелкихъ ассигнацій, а съ крупными на каждой станціи мнѣ были хлопоты. Въ одномъ мѣстѣ меня позадержали; на бѣду случился тутъ какой-то проѣзжій: онъ предложилъ мнѣ отъ скуки маленькій банчикъ. Я конечно бы не согласился, да этотъ злодѣй, какъ будтобы на смѣхъ, выложилъ на столъ пятьсотъ рублей все синенькими; ну, какъ было не прельститься? Я сталъ играть...

Пронскій. И проигралъ?...

Изборскій. Прогоны, дорожную шкатулку, чемоданъ, однимъ словомъ—все. Представь же себѣ, мой другъ, весь ужасъ моего положенія: мнѣ приходилось окончить мое путешествіе пѣшкомъ, а я отъ роду не служилъ въ инфантеріи! Къ счастію, отъ общаго пораженія уцѣлѣли двадцать пять рублей, которые были у моего Семена. Онъ сыскалъ попутчиковъ, далъ имъ задатку, и мы теперь на легкѣ тащимся по пятидесяти верстъ на день.

Пронскій. Надѣюсь, Изборскій, ты не откажешся: моя коляска, деньги—все къ твоимъ услугамъ.

Изборскій. О! Конечно, не откажусь!... Въ Москвѣ мы разочтемся. (*Входитъ человѣкъ со стаканомъ воды*).

Слуга. Вотъ, сударь, вода.

Изборскій. Убирайся съ нею къ черту! Скажи своему хозяину. что я уже раздумалъ ужинать: пусть дастъ онъ намъ скорѣй обѣдать; да чтобъ не забылъ вынуть бутылку своего славнаго лафита.

Слуга. Слушаю, сударь! (*Уходитъ*).

Изборскій. Знаешь-ли, Пронскій, я замѣчаю въ тебѣ большую перемѣну: ты ужасно похудѣлъ.

Пронскій. Ахъ, мой другъ!

Изборскій. Ба, ба, ба! да ты ужъ выучился вздыхать! давно-ли?—Тьфу пропасть! что съ тобой сдѣлалось? Ты ли тотъ веселый, лихой гусаръ, краса своего полка, любимецъ женщинъ, всегда послѣдній въ ретирадѣ и первый на пріятельской пирушкѣ.

Пронскій. Все это прошло, какъ сонъ.

Изборскій. Да развѣ съ тобой случилось какое-нибудь несчастіе?

Пронскій. Большое, мой другъ: я влюбленъ.

Изборскій. Только-то!

Пронскій. И безъ всякой надежды.

Изборскій. Большая бѣда! Такъ отъ этого и надобно сходить съ ума? Да еслибъ я худѣлъ отъ такихъ вздоровъ, то давно бы высохъ какъ спичка.

Пронскій. Ты не имѣешь понятія объ истинной любви.

Изборскій. Право! такъ разскажи же мнѣ свою исторію. Я весь въ мою тетушку: страхъ люблю романы.

Пронскій. Ты знаешь, я давно уже вышелъ въ отставку; проживши около двухъ лѣтъ въ деревнѣ, я пріѣхалъ на зиму въ Москву. Въ нѣсколько мѣсяцевъ познакомился я съ цѣлымъ городомъ, веселился, каждый день разъѣзжалъ по балamъ; на одномъ изъ нихъ встрѣтилъ я Софью...

Изборскій. Ага! романъ начинается.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и трактирщикъ.

Трактирщикъ (*Ландышевой*). Смѣю спросить, сударыня, вы будете здѣсь ночевать?

Ландышева. Да, батюшка, мнѣ таки хочется немного отдохнуть.

Трактирщикъ. У меня теперь четыре порожнія комнаты, такъ не угодно ли вамъ будетъ выбрать самимъ любую?

Ландышева. Хорошо, мой другъ. Пойдемъ, Тирсисъ Ивановичъ, да посмотримъ вмѣстѣ. (*Изборскому*). А ты останься здѣсь съ Сонюшкой, я вижу, тебѣ хочется съ нею обо многомъ поговорить. (*Уходитъ съ Посошковымъ, а за ними и трактирщикъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Изборскій и Софья.

Изборскій. Ну, кузинушка, женихъ-то у тебя не нарядный. Помилуй, неужели это твои выборы?

Софья. Можешь ли ты это думать, братецъ!

Изборскій. Такъ онъ и тебѣ не нравится? Какъ я радъ!

Софья. Чему же ты радуешься?

Изборскій. Какъ чему? Да знаешь ли, кузина, я бы отъ родства съ тобою отказался, если бы этотъ уродъ могъ тебѣ нравиться.

Софья. Но, несмотря на это, я должна быть его женою.

Изборскій. И вздоръ, милая! не выходи за него.

Софья. Тетушка хочетъ этого; она очень его любитъ.

Изборскій. Любитъ! такъ съ Богомъ, за чѣмъ дѣло стало, пускай сама за него выходитъ.

Софья. Ты шутишь, братецъ, а мнѣ совсѣмъ не весело.

Изборскій. Бѣдняжка! мнѣ право тебя жаль. А кто виноватъ, сударыня? Вы всѣ разборчивыя невѣсты: этотъ не хорошъ, тотъ дуренъ,—вотъ и дождалась до того, что тетушка сама выбрала тебѣ жениха.

Софья. Ахъ, братецъ! я гораздо несчастнѣе, чѣмъ ты думаешь: я люблю...

Изборскій. Любишь? Кого?

Софья. Одного любезнаго молодого человѣка; онъ сватался, но тетушка ему отказала.

Изборскій. И все для этого Посошкова? Послушай, сестра, сдѣлай съ нимъ одинъ концъ: попробуй, скажи ему, что ты его терпѣть не можешь.

Софья. Да я ужъ ему это говорила.

Изборскій. И онъ все отъ тебя не отстаетъ?

Софья. Онъ вѣрить не хочетъ, что я его не люблю.

Изборскій. Нѣтъ, шутишь.

Софья. Ахъ, братецъ! ты не можешь представить, какъ самолюбивъ этотъ Посошковъ: что-бъ я ни сдѣлала, онъ все умѣетъ толковать въ свою пользу.

Изборскій. Ну, если ужъ отъ него нельзя добромъ отдѣлаться, такъ постой же, кузинушка, я какъ-нибудь къ нему придерусь, вызову на дуэль, обрублю ему носъ и уши, и тогда... неужели тетушка захочетъ выдать тебя за урода?

Софья. И, братецъ! ты все дурачишься.

Изборскій. По чести, нѣтъ! я готовъ на все рѣшиться, чтобъ избавить тебя отъ этого дурака. Однакожъ, какъ я подумаю, какое странное приключеніе! Сегодня безпрестанно встрѣчаются со мной влюбленные: ты вздыхаешь здѣсь, а вотъ тутъ за стѣной стонетъ другой.

Софья. Кто такой?

Изборскій. Старинный пріятель, съ которымъ я здѣсь нечаянно повстрѣчался. Что если бы васъ свести вмѣстѣ, то-то бы вы наваздыхались досыта. У васъ одинакое горе, и я готовъ биться объ закладъ, что вы съ перваго взгляда полюбите другъ друга... Да вотъ, кажется, и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Пронскій (*выходитъ, задумавшись и не примѣчая Софьи*).

Софья. Ахъ, братецъ!

Изборскій. Не правда ли, онъ очень интересенъ?

Пронскій (*взглянувъ на Софью*). Что я вижу!

Изборскій. Вотъ что значитъ симпатія: взглянули другъ на друга—и оба остолбенѣли.

Пронскій. Софья, вы ли это?

Изборскій. Ба, ба, ба! такъ ты влюбленъ въ мою кузину?

Пронскій. Какъ, мой другъ, ты братъ ея?

Изборскій. Да, мой милый, и теперь мнѣ еще досаднѣе.

Пронскій. Я не смѣю васъ спросить, сударыня,—вы замужемъ?...

Изборскій. Нѣтъ еще, мой другъ, а скоро будетъ.

Пронскій. Вы свободны и отдаете вашу руку другому?

Софья. Я, сударь, привыкла повиноваться своей тетушкѣ.

Пронскій. И, какъ видно, повинуетесь охотно. Я не спорю, сударыня, можетъ быть женихъ вашъ гораздо любезнѣе меня...

Изборскій. Да, надобно сказать правду, мой милый, молодецъ! Я было его совсѣмъ принялъ за тетушкина дурака.

Пронскій. Какъ! и вы будете принадлежать этому человѣку?

Софья. Ахъ, Пронскій! я буду несчастлива, но по крайней мѣрѣ стану утѣшать себя мыслью, что выполнила свою обязанность.

Пронскій. Итакъ, я не могу имѣть никакой надежды?... Вы молчите!... Прощай, мой другъ!... (*хочетъ уйти*).

Изборскій. Постой, куда ты?

Пронскій. Куда глаза глядятъ, но здѣсь не останусь ни минуты!

Изборскій. Эхъ, братецъ, погоди! Мнѣ все кажется, что судьба не даромъ свела насъ вмѣстѣ, подумаемъ-ка, нельзя ли какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого Посошкова.

Софья. Ахъ, еслибъ можно было... Но нѣтъ, тетушка никогда не согласится.

Изборскій. Послушай, пріятель: мы оба съ тобою надѣлали дурачествъ: ты влюбился въ кузину, а я плѣнился синенькими бумажками; ты мнѣ помогъ, теперь очередь за мною. Какъ бы намъ разжалобить или напугать тетушку?.. Что если бы на скорую руку сплести какой-нибудь романъ... Постой, помнится, ты игралъ однажды на благородномъ театрѣ роль любовника въ операхъ „Изступленный“... что если бы... Впрочемъ, если это не удастся, такъ

Digitized by Google

бѣда небольшая: вѣдь хуже-то съ тобою ничего уже не будетъ.

Пронскій. Я тебя не понимаю.

Изборскій. Пойдемъ, въ нашей комнатѣ я изъясню тебѣ подробно мой планъ; здѣсь могутъ насъ застать и тогда все пропало.

Софья. Да скажи, братецъ, что ты хочешь дѣлать?

Изборскій. А вотъ увидишь; тебѣ надобно будетъ только смотрѣть, молчать, на все соглашаться, и, если можно, быть гораздо ласковѣе съ своимъ Терсисомъ. Пойдемъ, Пронскій. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Софья (*одна*).

Нѣтъ, изъ этого ничего не будетъ; я боюсь, братецъ надѣлаетъ такихъ-нибудь дурачествъ, не пособитъ намъ ни въ чемъ, а только поссорится съ тетушкою!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Софья, Ландышева, Посошковъ и дѣвушка съ узломъ.

Ландышева (*дѣвушкѣ*). Положи это на столъ. (*Дѣвушка кладетъ узелъ и уходитъ*). Да гдѣ же племянникъ?

Софья. Онъ пошелъ въ свою комнату.

Ландышева. Ну, Сонечка, какую намъ отвели прекрасную горенку! Намъ будетъ очень спокойно. Тирсисъ Ивановичъ, покуда тамъ прибираютъ, выберетъ что-нибудь почитать; вечеръ дологъ, а дѣлать-то намъ нечего.

Посошковъ. Съ величайшею охотою.

Ландышева. Это все новыя книги, которыя я купила передъ отъѣздомъ изъ Москвы... Что за названія! одно другого лучше.

Посошковъ. Посмотримъ, сударыня, посмотримъ, (*вынимаетъ по очереди книги и читаетъ*). „Видѣніе въ Немвродскомъ замкѣ“; „Уллоторный Бардъ, или Страшилище въ скалахъ Хиллы“; „Ночныя привидѣнія въ западной башнѣ Чернаго лѣса“...

Ландышева. Какъ, Терсисъ Ивановичъ! въ западной башнѣ? Это должно быть хорошо. Я замѣтила, гдѣ есть западная и восточная башня, то ужъ тамъ такіе страхи, что и Боже упаси! Не правда ли, Сонюшка?

Софья. Не знаю, тетушка; я вѣдь никогда не читаю этихъ книгъ.

Ландышева. Вотъ, сударь, какой вкусъ! читаетъ себѣ какую-то „Матильду“ да „Элоизу“! Что въ нихъ толку-то? На первой страницѣ заснешь. То ли дѣло мои любезные романы, подземельные ходы, западни да опускныя двери,—чудеса на чудесахъ! Нѣтъ, ужъ тутъ не до сна: то раздается гробовой голосъ, то вздохъ, то мелькнетъ блѣдная тѣнь, то вспыхнетъ огонекъ, а сердце, батюшка, сердце такъ и замираетъ!

Посошковъ. Посмотримъ же далѣе. (*Читаетъ*). „Люксембургскій разбойникъ, или таинственныя развалины“; „Саксонскій разбойникъ, или подземелье Гонштейна“; „Разбойникъ поневолѣ, или ужасы лѣсовъ Шварцвальдскихъ“; „Таинственный свитокъ, или сумасшедшій отъ любви“. Какъ вы думаете, не прочесть ли намъ эту книгу? Сумасшедшій отъ любви! это должно быть трогательно и чувствительно.

Ландышева. Правда, батюшка! я сама думаю, это должно быть чувствительно и трогательно.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Изборскій.

Изборскій. Какая куча книгъ!—Что это вы дѣлаете, тетушка?

Ландышева. Да вотъ выбрали себѣ книжку, хотимъ почитать... Не знаешь ли ты ея? Сумасшедшій отъ любви!

Изборскій. Ахъ, тетушка, что вы мнѣ напомнили!

Ландышева. Что такое?

Изборскій. Несчастный другъ! ты также сдѣлался жертвою злополучной любви!

Ландышева. Твой другъ? Разскажи пожалуйста, племянникъ: это должно быть очень интересно.

Изборскій. Ахъ! сердце ваше обольется кровью! Садитесь и слушайте.

Ландышева (*торопливо*). Ну, батюшка, мы слушаемъ.

Изборскій. Я познакомился въ арміи съ однимъ молодымъ офицеромъ. Въ нѣсколько недѣль мы сдѣлались совершенными друзьями, обстоятельства насъ разлучили, и я, не болѣе какъ три мѣсяца назадъ, встрѣтился съ нимъ опять въ Петербургѣ. Я насилу узналъ его: тайная скорбь, казалось, снѣдала его сердце. Ахъ! свинцовая рука неумолимой судьбы положила на чело его печать мрачнаго отчаянія.

Ландышева. Ахъ, мой милый! Какъ ты хорошо разсказываешь! точь въ точь, какъ у меня въ романахъ.

Посошковъ. Свинцовая рука!... сильно сказано!...

Изборскій. Несмотря на нашу дружбу, онъ былъ отмѣнно скроменъ, и я могъ только узнать, что, будучи въ Москвѣ, онъ влюбился въ какую-то Софью и что родственница, у которой воспитывалась Софья, отказала ему наотрѣзъ.

Ландышева. Жестокая!

Изборскій. Онъ переписывался съ московскими своими пріятелями и не потерялъ еще надежды, какъ вдругъ однажды въ полночь... И теперь еще сердце мое замираетъ отъ страху!

Ландышева (*оглядываясь кругомъ*). Ну, батюшка, однажды въ полночь?...

Изборскій. Двери съ шумомъ растворились и другъ мой, блѣдный, какъ ночное привидѣніе, явился предо мною. „Изборскій“,—сказалъ онъ ужаснымъ голосомъ,—„все погибло: Софья выходитъ за другого!“ Тутъ глаза его заблистали, онъ схватилъ со стѣны одинъ изъ моихъ пистолетовъ...

Ландышева. И застрѣлился?...

Изборскій. Нѣтъ, пистолетъ не былъ заряженъ. А лучше, если бы онъ, бѣдняжка, застрѣлился!

Ландышева. Чтожъ съ нимъ сдѣлалось?

Изборскій. Онъ сошелъ съ ума.

Ландышева. Несчастный молодой человѣкъ!

Изборскій. Онъ вообразилъ въ своемъ сумасшествіи, что Софья умерла отъ отчаянія. Сколько его лѣчили, ничто не помогло, и я, собираясь ѣхать въ Москву, взялъ его съ собою для того, чтобъ отвести къ одному изъ

Digitized by Google

Digitized by Google

лишь-бы только его вылѣчить, а то ужъ онъ вѣрно не умретъ. Постойте, онъ задумался, не надобно упускать этой минуты. (*Софьѣ*). Станьте, сударыня, вотъ здѣсь, напротивъ него; вотъ такъ... тсъ, тише!

Пронскій (*послѣ минутнаго молчанія вскакиваетъ и, глядя на Софью*). Изборскій! видишь-ли?

Изборскій. Вижу, мой милый!

Пронскій. Кто это? Говори, мой другъ, кто это?

Изборскій. Неужели не узнаешь? Посмотри-ка на нее хорошенько!

Посошковъ. Не то, не то, вы все испортите. Эхъ, сударь, зачѣмъ браться не за свое дѣло? Ты хочешь знать, Пронскій, кто это? Ахъ! это несчастная дѣвушка.

Пронскій. Несчастная!—Изборскій, позови ее, я также несчастливъ.

Посошковъ (*Софьѣ*). Подойдите, сударыня, поближе, еще ближе. Если онъ начнетъ съ вами говорить, то не противорѣчьте ему ни въ чемъ.

Пронскій. Вы несчастливы, сударыня? Ахъ, вѣрно васъ хотятъ выдать замужъ за дурака?

Софья. Да, сударь, это правда.

Посошковъ. Не то, совсѣмъ не то!

Софья. Вы сами велѣли...

Посошковъ. Да не такъ! Ее, мой другъ, любилъ одинъ молодой человѣкъ.

Пронскій. И васъ разлучили?

Софья. Да, сударь, насъ разлучили.

Пронскій. Жестокіе!

Посошковъ. Любовникъ ея сталъ грустить, тосковать...

Пронскій. Бѣдный!

Посошковъ. И, наконецъ, отъ ужасной горести сошелъ съ ума.

Пронскій. Что ты говоришь, мой другъ, онъ сошелъ съ ума?

Посошковъ. Ему вообразилось, что любезная его умерла отъ отчаянія.

Пронскій. Умерла отъ отчаянія? Боже мой!—Говори, говори скорѣе, какъ зовутъ эту несчастную?

Посошковъ. Софья.

Пронскій. Софья!... А его?

Посошковъ. Пронскій.

Пронскій. Пронскій! какое воспоминаніе! Боже мой!... Гдѣ я?... Что со мною дѣлается? Софья! ты-ли это?

Посошковъ. Браво! онъ спасенъ!

Ландышева. Спасенъ? Какое счастіе!

Пронскій (*Ландышевой*). Вы здѣсь, сударыня? Вы возвращаете мнѣ Софью? Ахъ! гдѣ найду я словъ выяснить мою благодарность.

Изборскій (*Ландышевой*). И мы должны вывести его изъ заблужденія. Ну, не жалостьли это, тетушка?

Ландышева. Не говори, племянникъ, я плачу!... (*утираетъ глаза*).

Изборскій (*подводя Пронскаго къ Посошкову*). Вотъ, мой другъ, твой спаситель.

Пронскій. Такъ это вы возвратили мнѣ разсудокъ? Ахъ! г. докторъ, требуйте все, что вамъ угодно.

Посошковъ. Я, сударь, не докторъ, а другъ вашъ.

Пронскій. Да, сударь, это имя навсегда принадлежитъ вамъ: вы возвратили мнѣ разсудокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мою Софью.

Посошковъ (*въ сторону*). Бѣдняжка! а нечего дѣлать, надобно ему сказать. (*Громко*). Г. Пронскій! вы теперь можете управлять вашимъ умомъ, и, конечно, не будете желать невозможнаго. Софья не можетъ быть вашей женою: она любитъ другого.

Пронскій. Другого? Невозможно!

Посошковъ. Жаль мнѣ васъ, Пронскій, ей-ей жаль! а должно однимъ словомъ лишить васъ всей надежды: Софья любитъ меня.

Пронскій. Что вы говорите?

Посошковъ. Вы не вѣрите? такъ пускайже она сама рѣшитъ. Говорите, сударыня!

Ландышева (*тихо Посошкову*). Тирсисъ Ивановичъ, ну, если Сонюшка скажетъ, что она тебя не любитъ?

Посошковъ. Не скажетъ, не бойтесь! теперь ужъ ей нельзя скромничать. Говорите, сударыня, говорите смѣло.

Софья. Вы этого хотите, сударь?... извольте! Я люблю Пронскаго, и если-бы тетушка согласилась, то сейчасъ-бы отдала ему мою руку.

Ландышева. Слышишь, батюшка?

Посошковъ (*тихо Софьѣ*). И, сударыня! боитесь-ли вы Бога? Ну, какъ вамъ не жалко дурачить этого бѣдняжку?

Софья. Ахъ, тетушка, отъ васъ теперь зависитъ наше благополучіе!

Пронскій. Скажите одно слово,—и мы счастливы!

Изборскій. Неужели вы рѣшитесь разлучить этихъ несчастныхъ любовниковъ?

Ландышева. Я право не знаю, что дѣлать? они мнѣ очень жалки! Какъ ты думаешь, Тирсисъ Ивановичъ, не согласиться-ли намъ?

Посошковъ. Что это значитъ? Такъ это ужъ не шутка? Помилуйте! да я-то чѣмъ не женихъ?

Ландышева. И, батюшка! да вѣдь ты еще съ ума-то не сходилъ?

Изборскій. И не сойдетъ, за это я вамъ ручаюсь.

Пронскій. Зачѣмъ возвратили вы мнѣ разсудокъ? Я былъ гораздо счастливѣе, думая, что Софьи нѣтъ на свѣтѣ.

Ландышева. Въ самомъ дѣлѣ, сударь, кто просилъ тебя его лѣчить?

Посошковъ. Какъ хотите, а мы ужъ помолвлены, и я никогда не соглашусь...

Пронскій. Г. Посошковъ! вы не иначе получите Софью, какъ вмѣстѣ съ моею жизнію.

Посошковъ. Если такъ, то пожалуй—я готовъ за нее драться.

Ландышева. Слышишь, племянникъ? дойдетъ у нихъ до бѣды?

Изборскій. Постойте, я его уговорю. (*Посошкову*). Послушайте, Тирсисъ Ивановичъ, ну, что будетъ хорошаго, если онъ опять сойдетъ съ ума.

Посошковъ. Пускай себѣ сходитъ.

Изборскій. Да вѣдь и драться-то невесело, а я долженъ вамъ сказать, онъ рубится такъ мастерски, что въ полминуты окарнаетъ васъ какъ моську.

Посошковъ. Неужели?

Изборскій. Рѣшитесь на доброе дѣло, пусть будетъ онъ вамъ всѣмъ обязанъ: отступитесь отъ Софьи.

Посошковъ. Ни за что на свѣтѣ.

Изборскій. Ну, такъ рубиться.

Посошковъ. Нѣтъ, сударь, я буду съ нимъ стрѣляться.

Изборскій. Стрѣляться! что вы? Да знаете-ли, что онъ попадаетъ безъ промаху въ туза?

Посошковъ. Въ десяти шагахъ?

Изборскій. Въ тридцати, сударь! Послу-

Digitized by Google

шайте, не упрямьтесь, докажите, что вы человѣкъ великодушный.

Посошковъ. Великодушный! Нечего дѣлать! вы тронули мою слабую струну,—такъ и быть, я буду великодушенъ (*беретъ Пронскаго и Софью за руки*). Пожалуйте сюда. (*Подводитъ къ Ландышевой*). Узнайте, каковъ Посошковъ: я отступаюсь отъ своей невѣсты. Мать, благослови дѣтей своихъ!

Ландышева. Отъ всего сердца! (*они цѣлуютъ у нея руки*). Уфъ! какъ гора съ плечъ! Вѣдь ты, батюшка, теперь ужъ не умрешь?

Изборскій. До того ли ему, тетушка: теперь-то ему и пожить.

Посошковъ (*Ландышевой*). Ну, кто-бы подумалъ, сударыня, что съ нами случится сегодня такой романъ.

Ландышева. Подлинно, романъ! тутъ все есть, что надобно: тетка, страстные любовники...

Изборскій. Услужливый пріятель.

Посошковъ. И великодушный соперникъ.

КОНЕЦЪ.

(*1819 г.—Представлена первый разъ въ С.-Петербургѣ въ Большомъ театрѣ 29 іюля 1819 г.*).

Добрый малый

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ладовъ	*Г-нъ Бобровъ.*
Ладова	*Г-жа Вальберхова.*
Посидѣлова, тетка Ладовой	*Г-жа Ежова б.*
Лиза, дочь Ладова отъ перваго брака	*Г-жа Аверкѣева.*
Стародубовъ, пріѣзжій изъ Рязани	*Г-нъ Брянскій.*
Рославлевъ, племянникъ его	*Г-нъ Булатовъ.*
Вельскій	*Г-нъ Сосницкій.*
Тузовъ	*Г-нъ Боченковъ.*
Маша, горничная Ладовой	*Г-жа Жебелева.*
Служанка	*Г-жа Соловьева.*
Слуга Ладова	*Г-нъ Шемаевъ м.*

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Ладова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату хорошо убранную. По бокамъ и въ срединѣ двери. Съ правой стороны на авансценѣ столъ, со всѣмъ нужнымъ для письма.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародубовъ (*одинъ говоритъ, оборотясь къ дверямъ*).

— Скажи своему барину, что къ нему пріѣхалъ Стародубовъ,—слышишь-ли? Стародубовъ! Ну, пріятель мой Ладовъ живетъ, видно, попрежнему; тотъ-же самый порядокъ: людей содомъ, а въ цѣломъ домѣ ни одной бѣшеной собаки; насилу отыскалъ какого-то полупьянаго лакеишку.—Слава Богу! кто-идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Стародубовъ и Маша.

Стародубовъ. Ба, ба, ба! Машенька, это ты!

Маша. Ахъ, Николай Степановичъ! милости просимъ! Давно-ли изволили пріѣхать?

Стародубовъ. Вчерась ночью. Ну, Машенька, что подѣлываетъ мой старый пріятель?

Маша. Баринъ, сударь? То-же, что и прежде: сбираетъ рѣдкости, да покупаетъ картины.

Стародубовъ, Я слышалъ, у васъ что день, то новое веселье.

Маша. Да, сударь, съ тѣхъ поръ, какъ баринъ опять женился, мы живемъ очень весело.

Стародубовъ. Право! Такъ видно ужъ Ладовъ совсѣмъ забылъ покойную свою жену?

Маша. Какъ забыть, сударь? Она была такая добрая!

Стародубовъ. А эта развѣ зла?

Маша. Напротивъ, всѣ говорятъ, что она настоящій ангелъ.

Стародубовъ. Такъ поэтому онъ счастливъ?

Маша. Да, сударь, всѣ говорятъ, что онъ очень счастливъ.

Стародубовъ. И они живутъ согласно?

Маша. Какъ-же, всѣ говорятъ...

Стародубовъ. И, Машенька, всѣ говорятъ! да самъ-то онъ что говоритъ?

Digitized by Google

Маша. Онъ, сударь?... ничего?

Стародубовъ. Какъ ничего?

Маша. Да вѣдь нечего дѣлать, противъ цѣлаго свѣта одинъ не сговоришь.

Стародубовъ. Такъ вотъ что! понимаю; видно жена-то его ангелъ для всѣхъ, а чортъ для него?

Маша. Да, сударь, она такъ прибрала его къ рукамъ, что онъ у себя въ домѣ значитъ меньше, чѣмъ въ другомъ дворецкій или управитель.

Стародубовъ. Жаль мнѣ Ладова; да кто виноватъ? Какой нечистый духъ дернулъ его жениться подъ старость, имѣя дочь невѣсту.

Маша. Ахъ, сударь! вотъ она-то мнѣ и жалка! настоящая сирота!

Стародубовъ. Бѣдненькая! хоть бы Ладовъ выдалъ ее скорѣе замужъ.

Маша. А женихъ-то есть. Вотъ, напримѣръ, г-нъ Рославлевъ.

Стародубовъ. Племянникъ мой?

Маша. Да, сударь. Я знаю, они любятъ другъ друга.

Стародубовъ. Не ошибаешься-ли ты?

Маша. Нѣтъ, сударь, я это замѣтила также, какъ и то, что барынѣ хочется ее выдать за пріятеля вашего племянника г-на Вельскаго.

Стародубовъ. За Вельскаго? Боже сохрани! Да развѣ Ладовъ хочетъ погубить свою дочь?

Маша. Что вы, сударь? Вельскаго здѣсь всѣ любятъ: баринъ называетъ его своимъ другомъ, барыня не можетъ быть безъ него ни минуты, и даже тетушка Настасья Іевлевна...

Стародубовъ. Посидѣлова? — Да развѣ эта рязанская барыня здѣсь? Давно-ли?

Маша. Дней пять. Да вотъ, кажется, и баринъ. Я оставлю васъ однихъ, вѣрно вамъ есть о чемъ переговорить. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стародубовъ *(одинъ)*.

Если Маша говорила правду... Но прежде надо хорошенько узнать.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стародубовъ и Ладовъ.

Ладовъ. А! любезный другъ! поздравлю съ пріѣздомъ. *(Обнимаются).*

Стародубовъ. Здорово, пріятель, здорово!

Ладовъ. Какъ мы давно не видались! Ну, мой милый, а я безъ тебя опять женился.

Стародубовъ. Знаю.

Ладовъ. У меня ужъ есть сынъ.

Стародубовъ. И это знаю.

Ладовъ. Извини, что я не поведу тебя знакомить съ женою. Она у себя въ комнатѣ и очень грустна: Володя нашъ боленъ, а на бѣду и попугай ея занемогъ. Да ты, кажется, съ нею знакомъ?

Стародубовъ. Да, я знавалъ ее ребенкомъ, когда она еще жила у тетки своей Посидѣловой.

Ладовъ. Какъ это ты разстался съ своею деревнею? Вѣрно захотѣлъ повидаться съ племянникомъ?

Стародубовъ. Да, мой другъ. Онъ только что вышелъ изъ университета, молодъ, неопытенъ, и хотя съ добрымъ сердцемъ, но съ такой пылкой и опрометчивой головой, что какъ разъ надѣлаетъ глупостей. Я слышалъ, онъ проигралъ какому-то Тузову двадцать тысячъ.

Ладовъ. То-ли-бы онъ еще проигралъ, если-бы его не удерживалъ Вельскій. Этотъ честный человѣкъ, чтобъ успокоить Рославлева, скупилъ у Тузова всѣ его векселя и заплатилъ за нихъ послѣднія свои деньги.

Стародубовъ. Вельскій — честный человѣкъ! Нѣтъ, пріятель, онъ изъ нашей стороны, такъ я его коротко знаю, и готовъ биться объ закладъ, что этотъ честный человѣкъ за одно съ Тузовымъ обыгралъ племянника.

Ладовъ. Что ты, братецъ! опомнись! Ну можно-ли подумать, чтобъ Вельскій, чтобъ этотъ благородный, добрый малый...

Стародубовъ. Добрый малый! Да сжалься надо мною! скажи, что находишь ты добраго въ этомъ безпутномъ человѣкѣ?

Ладовъ. Что? да все! Во первыхъ, онъ... очень добрый малый; во-вторыхъ...

Стародубовъ. Безстыдный лжецъ!

Ладовъ. И, братецъ, какъ тебѣ не стыдно! Правда, если хочешь, у него есть небольшая слабость: любитъ красное словцо отпустить: да развѣ это бѣда?

Стародубовъ. Насмѣшникъ!

Ладовъ. Вотъ что правда, то правда, нашъ грѣхъ! любимъ посмѣяться! оно не хорошо — не спорю; но за то, если-бы ты зналъ, какъ онъ честенъ!

Стародубовъ. Прекрасная честность! у всѣхъ занимаетъ и никому не платитъ.

Ладовъ. А ты развѣ это знаешь? Ну если такъ, то и я скажу — за нимъ это водится: правда, онъ и самъ готовъ отдать послѣднюю копейку. Ужъ вѣрно никто не скажетъ, чтобъ онъ былъ худой пріятель, а и того менѣе худой родственникъ; послушалъ бы, какъ онъ говоритъ о своей родинѣ.

Стародубовъ. А говоритъ-ли онъ когда-нибудь о своемъ двоюродномъ братѣ Простаковѣ, котораго обыгралъ самымъ безстыднымъ образомъ и пустилъ по міру?

Ладовъ. Неужели? Да вздоръ! это клевета. Чтобъ Вельскій обыгралъ своего двоюроднаго брата,—быть не можетъ! Онъ, конечно, игрокъ— это правда; просиживаетъ цѣлыя ночи за картами — не спорю; но со всѣмъ тѣмъ... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Впрочемъ, надѣюсь также, никто не скажетъ, чтобъ Вельскій велъ себя дурно?

Стародубовъ. О нѣтъ! онъ только разъ по шести въ недѣлю бываетъ пьянъ.

Ладовъ. Ба! ба, ба! такъ ты и этотъ грѣхъ за нимъ знаешь? Ну, нечего таить, онъ любитъ повеселиться; оно кажется какъ будто-бы и худо, а поговори-ка съ нимъ, такъ онъ тебѣ докажетъ, что нѣтъ. У него, братъ, своя философія; онъ придерживается системы Эпикура: наслаждается жизнію, да и все тутъ! Признаюсь, люблю его за это, хоть что, такъ докажетъ; мастеръ говорить! Что за познанія! что за острота! какой умница!..

Стародубовъ. Нѣтъ, не умница, а злоязычникъ, для котораго нѣтъ ничего святого: безчестный, подлый насмѣшникъ...

Ладовъ. Безчестный? Худо же ты его знаешь, мой другъ. Нѣтъ, не дастъ никому наступить себѣ на ногу: онъ очень дорожитъ своею честію.

Стародубовъ. Какою?.. Знаю я эту честь-то, пріятель! Куда хорошо вы ее понимаете!

Digitized by Google

По вашему, стыдно бѣдному человѣку принять отъ кого-нибудь подарокъ, а не стыдно богатому скупать по гривнѣ свои векселя и разорить нѣсколько семействъ; по вашему, безчестно женатому человѣку и отцу семейства не стрѣляться съ какимъ-нибудь сорванцомъ, который ищетъ исторіи, а не безчестно обыграть своего пріятеля, развратить его жену, сдѣлать ихъ на вѣкъ несчастными!.. Эхъ! какъ подумаю, такъ я за эту честь и гроша бы не далъ.

Ладовъ. Горячись, горячись, любезный, а Вельскій все таки добрый малый.

Стародубовъ. Въ самомъ дѣлѣ! онъ только что дурной плательщикъ, худой родственникъ, лжецъ, игрокъ, насмѣшникъ и безпутнаго поведенія,—а впрочемъ, конечно добрый малый.

Ладовъ. Что ты? Помилуй!

Стародубовъ. Да ты самъ въ этомъ признался.

Ладовъ. Что ты, братецъ, перекрестись! я не спорю, онъ имѣетъ свои слабости, недостатки; но со всѣмъ тѣмъ... воля твоя... спроси кого хочешь... въ немъ есть что-то такое... онъ имѣетъ... ну, однимъ словомъ, что ни говори, а онъ право добрый малый!

Стародубовъ. Хорошо, хорошо! я вѣдь тебя знаю, заберешь что въ голову, такъ тебя самъ чортъ не переувѣритъ. Прощай!

Ладовъ. Куда же ты?

Стародубовъ. На минуту къ графу Знатову; онъ живетъ отсюда въ двухъ шагахъ. Черезъ полчаса, а можетъ быть и прежде, я опять здѣсь буду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ладовъ (*одинъ*).

Онъ все таковъ же, какъ былъ: честный человѣкъ, хорошій пріятель, а не приведи Господи попасться ему на язычекъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Ладовъ, Ладова и Посидѣлова.

Ладовъ (*идя къ Ладовой*). А, мой ангелъ, это ты! кстати, я шелъ къ тебѣ.

Посидѣлова. Кто это у тебя былъ, племянникъ?

Ладовъ. Стародубовъ.

Ладова. Стародубовъ! этотъ чудакъ, дядя Руслакова?

Посидѣлова. Не слыхать, зачѣмъ изволилъ пожаловать? Жилъ бы у себя въ деревнѣ,—здѣсь и безъ него много дураковъ.

Ладовъ. Вы, кажется, съ нимъ коротко знакомы.

Посидѣлова. Какъ же, батюшка, мы съ нимъ сосѣди. Премерзкій человѣкъ: все на свѣтѣ ругаетъ, весь въ гнѣвѣ; ну, житья отъ него никому нѣтъ.

Ладовъ. Правда, у него есть эта замашка.

Посидѣлова. [illegible]

[illegible]

Ладовъ. [illegible]

Посидѣлова. [illegible]

шла прочь. А самъ-то онъ—стыдокъ въ люд... сказать — человѣкъ богатый, а живетъ ху... иного однодворца: ни псовой охоты, ни рогово... музыки, — и всего-то на всего въ домѣ пяти... шесть лакеишковъ,—срамъ, да и только! А вот... у меня, такъ не въ похвальбу сказать, как... набьются въ переднюю, такъ прошу продраться...

Ладовъ. Признаюсь, эта азіатская роскош... мнѣ очень нравится.

Посидѣлова. Благодаря Бога, у меня батюшка, не считая моего шута, кормилицы двухъ дуръ и одного гуслиста, полтораст... душъ на мѣсячинѣ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Вельскій.

Ладова. А! Вельскій!

Вельскій. Здравствуйте, сударыня! (*Цѣлуетъ у Ладовой и Посидѣловой руки*).

Ладовъ. Здорово, мой философъ! откуда?

Вельскій. Не спрашивайте, я обскакалъ половину Москвы.

Посидѣлова. Гдѣ-же ты рыскалъ, повѣса?

Вельскій. Постойте, я разскажу вамъ по порядку. Во-первыхъ, я былъ на Прѣснѣ, почти за заставою, у одного иностранца, который торгуетъ попугаями. (*Ладовой, показывая скляночку*). Какъ вы думаете, что въ этой скляночкѣ?

Ладова. Я право не знаю.

Вельскій. Лѣкарство для вашего жако.

Ладова. Для моего попугая? Какъ вы добры, Вельскій.

Ладовъ. Напрасно безпокоился, любезный. У жены ужъ есть чѣмъ его лѣчить. Я перерылъ сегодня всѣ мои книги и, наконецъ, нашелъ описаніе лѣкарства, которымъ лѣчутъ попугаевъ въ Бразиліи.

Ладова. Однакожъ не лучше-ли...

Ладовъ. Эхъ, мой ангелъ! не безпокойся, это мое дѣло,—я ужъ вылѣчу твоего попугая.

Посидѣлова (*Вельскому*). Ну, батюшка, а съ Прѣсни куда ты поѣхалъ?

Вельскій. Въ ряды: мнѣ надобно было кой-что купить. Да гдѣ-же вашъ Иванушка? Здоровъ-ли онъ?

Посидѣлова. Шутъ мой? Слава Богу! Я сегодня отпустила его гулять на цѣлый день.

Вельскій. Право? Такъ потрудитесь отдать ему эту бездѣлку.

Посидѣлова. Что это? Табакерка! Ужъ не золотая-ли? Спасибо, мой отецъ! То-то добрый человѣкъ! никогда не забудетъ моего шута.

Вельскій. Да онъ такой забавный, а я страхъ люблю тѣшить дураковъ. Постойте, чуть было не забылъ. (*Ладову*). Иванъ Архиповичъ, знаете-ли что я для васъ досталъ? Посмотрите-ка.

Ладовъ. А! древняя монета! Дай-ка сюда! [illegible] ничего не разберешь, все [illegible] кажется это руская [illegible]!

Вельскій. [illegible] руская полушка, — да [illegible]

Ладовъ. [illegible] да это вещь [illegible]

[illegible]

Ладовъ. [illegible] Признайтесь [illegible] полушка?

Digitized by Google

Вельскій (*также тихо*). Вы думаете?

Ладова. Точно, точно! я вижу по вашимъ глазамъ,—не стыдно-ли?

Вельскій. Послушайте!... да еслибъ и такъ, что за бѣда,—вѣдь это его утѣшаетъ.

Ладовъ (*который во все время разсматривалъ монету*). Чѣмъ болѣе разсматриваю я эту монету, тѣмъ болѣе тебѣ благодаренъ, Вельскій. Драгоцѣнная вещь!

Посидѣлова. Ужъ и драгоцѣнная! Ну что за важность, батюшка, полушка.

Ладовъ. И, тетушка, вы не знаете — Владиміра Мономаха! Да для охотника весь мой кабинетъ не стоитъ этой полушки.

Ладова. Для охотника! а я такъ думала для всякаго. Не правда-ли, Вельскій?

Вельскій. И, нѣтъ! у него много такихъ рѣдкостей.

Посидѣлова. Да что мы стоимъ, — сядемте.

Ладовъ. Эй! малый, стульевъ! (*Садятся*). Ну, Вельскій, спасибо, одолжилъ. Какъ-же не сказать, что ты добрый малый. А! кстати! Знаешь-ли, я сегодня чуть за тебя не поссорился съ Стародубовымъ.

Вельскій. Съ Стародубовымъ? Когда онъ пріѣхалъ?

Ладовъ. Я думаю, вчерась. Онъ очень тебя не любитъ, мой милый.

Вельскій. Я это знаю. Мы были съ нимъ нѣкогда хорошіе пріятели, и если-бы не одинъ забавный случай...

Посидѣлова. Какой случай?

Вельскій. Ну, право, стыдно разсказывать, вы сочтете это за сказку. Если хотите, Стародубовъ не глупый человѣкъ, но такой невѣжда, что способу нѣтъ! Года два назадъ, въ Рязани, я былъ съ нимъ въ одномъ обществѣ. Разговоръ коснулся до древнихъ художниковъ, и какъ вы думаете? кто, по мнѣнію Стародубова, былъ лучшимъ греческимъ живописцемъ?

Ладовъ. Тутъ спрашивать нечего, — Апелесъ.

Вельскій. Нѣтъ, сударь,—Сократъ.

Ладовъ. Сократъ живописецъ! ха, ха, ха! какое невѣжество!

Вельскій. Мнѣ-бы должно было смолчать; но я не вытерпѣлъ и доказалъ въ двухъ словахъ, что онъ невѣжда. Съ тѣхъ поръ Стародубовъ меня терпѣть не можетъ.

Ладовъ. Пожаловать Сократа въ живописцы! ха, ха, ха! Постой-же, Вельскій, я надъ нимъ позабавлюсь.

Вельскій. И, нѣтъ! не говорите ему ничего объ этомъ.

Ладовъ. Ты слишкомъ добръ, Вельскій, онъ отзывается о тебѣ такъ дурно...

Вельскій. А я, напротивъ, буду спорить съ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ очень честный и хорошій человѣкъ!

Ладовъ. Слышите-ли, тетушка?

Ладова. Какія благородныя чувства.

Посидѣлова. О, добрая душа!

Вельскій. Признаюсь, я не умѣю мстить. У меня много слабостей: я вѣтренъ, неосноваленъ и даже повѣса; но право не злой человѣкъ.

Ладовъ. Худо-же тебѣ платитъ Стародубовъ. Вообрази себѣ, онъ вздумалъ увѣрить меня, что ты обыгралъ двоюроднаго своего брата.

Вельскій. Простакова? Ну чтожъ, онъ не солгалъ, это правда.

Ладовъ. Помилуй! твоего двоюроднаго брата?

Вельскій. Ну да, моего двоюроднаго брата.

Ладова. Вы шутите?

Вельскій. Нимало.

Ладовъ. Вотъ это, Вельскій, не хорошо, воля твоя, не хорошо!

Вельскій. Да постойте, выслушайте меня. Пріѣхавши въ Рязань, я нашелъ, что Простаковъ проигралъ уже половину своего имѣнія какому-то Подтасовкину; сколько я ему не говорилъ, что онъ даромъ отдаетъ свои деньги, онъ не хотѣлъ никакъ перестать.

Ладовъ. И ты рѣшился обыграть его самъ?

Вельскій. А по вашему лучше-бы было, если-бы онъ проигралъ все одному Подтасовкину?

Посидѣлова. Въ самомъ дѣлѣ! вѣдь ему отъ этого легче-бы не было.

Ладовъ. Оно, если хочешь, такъ; а все бы лучше, если-бы ты оставилъ своего брата...

Вельскій. На произволъ судьбы? Нѣтъ, сударь, я сдѣлалъ гораздо лучше: я обыгралъ его; но за то онъ живетъ теперь у меня въ деревнѣ, на пансіонѣ, ни въ чемъ не нуждается, и гораздо счастливѣе, чѣмъ былъ прежде.

Ладовъ. Вотъ это другое дѣло! (*Ладовой*). Какъ ты думаешь, мой другъ, вѣдь Вельскій-то правъ?

Ладова. Разумѣется.

Вельскій. Притомъ-же, согласитесь сами, не долженъ-ли я былъ стараться удержать въ нашей фамиліи родовое имѣніе, которое моглобы все достаться въ чужія руки.

Ладовъ. Точно, точно! Теперь и я вижу, что ты правъ; а какъ говорилъ объ этомъ Стародубовъ...

Вельскій. То я казался виноватымъ. Неудивительно, — злые люди умѣютъ все перетолковать въ дурную сторону.

Ладовъ. Это правда, — отъ злыхъ людей никуда не уйдешь. А что, Вельскій, я думаю, иногда и мнѣ достается?

Вельскій. Вамъ?... Хотите-ли, чтобъ я говорилъ откровенно? Теперь я знаю, что вы человѣкъ почтенный, по вашему необыкновенному уму, глубокимъ познаніямъ...

Ладовъ. Спасибо, мой другъ, спасибо! Признаюсь въ моей слабости, люблю, когда меня хвалятъ! Да и ты, мой милый, человѣкъ съ большимъ вкусомъ.

Вельскій. А знаете-ли, что я думалъ о васъ прежде?

Ладовъ. А чтобы напримѣръ?

Вельскій. Представьте себѣ, меня увѣряли, что вы человѣкъ слабый, безхарактерный, смѣшной,—что вы беретесь судить обо всемъ и ничего не знаете.

Ладовъ. Неужели?

Вельскій. Считаете себя знатокомъ въ живописи и платите отмѣнно дорого за рублевыя картины.

Ладовъ. Ха, ха. ха!

Вельскій. Выдаете себя охотникомъ до древностей и разоряетесь, покупая антики, которые моложе васъ.

Ладовъ. Ха, ха, ха! перестань, ты уморишь меня! Чего, подумаешь, злые люди не скажутъ: я не знаю толку въ древностяхъ!... Ха, ха, ха! Посмотри, и жена смѣется.

Ладова. Какъ-же, мой другъ, это очень забавно. Послушайте, Вельскій, будьте также откровенны и со мною, скажите, что говорили вамъ обо мнѣ?

Digitized by Google

Вельскій. Совершенную истину. Мнѣ описывали васъ, какъ женщину чувствительную, любезную, добрую; — правда, иные обвиняли васъ въ излишней привязанности къ попугаю; другіе увѣряли даже, что вы любите его болѣе, чѣмъ вашего Володю; но я никогда этому не вѣрилъ и вижу теперь на самомъ дѣлѣ, что это сущая клевета.

Ладова. И самая ужасная! Я не люблю моего Володю? Боже мой! да я жизнь-бы отдала, только чтобъ онъ былъ теперь здоровъ. (*Горничная вбѣгаетъ съ правой стороны*).

Посидѣлова. Что ты?

Горничная. Пожалуйте въ дѣтскую, сударыня.

Ладовъ. Къ Володѣ? Ужъ не сдѣлалось-ли ему хуже.

Горничная. Да, сударь, онъ очень слабъ. (*Уходитъ*).

Ладова. Сердце мое предчувствовало! (*Ладову*). Пойдемъ, мой другъ мой, пойдемъ! (*Хочетъ идти*).

(*Маша выбѣгаетъ съ лѣвой стороны*).

Маша. Сударыня! съ попугаемъ что-то сдѣлалось.

Ладова. Что ты говоришь?

Маша. Онъ совсѣмъ крылья опустилъ.

Ладова. Бѣдный попинька!

Маша. И глазами не смотритъ.

Ладова. Не смотритъ! Боже мой!

Маша. Онъ совсѣмъ умираетъ, сударыня.

Ладова. Умираетъ! Что мнѣ дѣлать?... Какое ужасное положеніе!... Володя!... Жако!... Я совершенно потеряла голову... Тетушка!... другъ мой!... ступайте скорѣе къ Володѣ... Пойдемъ, Машенька, пойдемъ! бѣдный Жако! (*Уходитъ въ лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, безъ Ладовой.

Посидѣлова. Останься здѣсь, батюшка; я пойду посмотрю Володю, — вѣрно какой-нибудь вздоръ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Посидѣловой

Вельскій. Какъ вы счастливы, Иванъ Архиповичъ! Какая у васъ чувствительная жена.

Ладовъ. Да, чувствительная!—Послушай, братецъ, мы съ тобой пріятели. (*Осматривается кругомъ*). Ну, скажи пожалуйста, на что это походитъ: сынъ умираетъ, а она побѣжала къ попугаю? срамъ, да и только!

Вельскій. Да оно немного смѣшно: впрочемъ, кто не имѣетъ своихъ слабостей.

Ладовъ. Эхъ, братецъ! да ужъ это изъ рукъ вонъ! терпѣнья не достаетъ! Что, въ самомъ дѣлѣ! скажу ей самой, что это ни на что не походитъ.

Вельскій. Смотрите, чтобъ не было худо: за нее вступится тетушка...

Ладовъ. Такъ чтожъ? Развѣ я ее боюсь? Я скажу ей въ глаза: „Стыдно, матушка Настастья Ievлевна! какъ ты воспитала свою племянницу? Вмѣсто того, чтобъ любить своего мужа, дѣтей,—она любитъ одного лишь попугая". Нѣтъ, любезный, ты меня не знаешь: какъ начну рѣзать правду, такъ она у меня на ногахъ не устоитъ! Давай ее сюда!...

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Посидѣлова.

Посидѣлова (*которая слышала послѣдн слова*). Кого это, батюшка?

Ладовъ (*испугавшись*). Ахъ! это вы? Ничег ничего.—Что, каковъ попугай?

Посидѣлова. Я вѣдь была у Володи.

Ладовъ. Да бишь, я хотѣлъ сказать, к ковъ Володя?

Посидѣлова. У него былъ кризисъ: т перь ему гораздо лучше. Сейчасъ пріѣха докторъ и говоритъ, что вся опасность прошл Да о чемъ ты здѣсь такъ раскричался?

Вельскій. Такъ, мы говорили объ вас сударыня.

Посидѣлова. Обо мнѣ? Что такое?

Вельскій. Вы хотите знать? Такъ и быт скажу!...

Ладовъ (*тихо*). Что ты, Вельскій, полно!

Вельскій. Иванъ Архиповичъ говорил о воспитаніи, которое вы дали вашей племян ницѣ.

Ладовъ (*тихо*). Да перестань, братецъ!

Вельскій. Онъ не могъ довольно нахва литься своимъ счастіемъ.

Посидѣлова. Право, мой другъ?

Ладовъ. Какъ-же тетушка! (*Тихо Вельско му*). Добро ты, негодный!

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Маша.

Маша. Ахъ, Боже мой!

Ладовъ. Что ты, Машенька?

Маша. Бѣда, сударь!

Посидѣлова. Бѣда?

Ладовъ. Что такое?

Маша. Ахъ, сударь! если-бы вы видѣли, въ какомъ положеніи барыня.

Посидѣлова. Что съ ней сдѣлалось?

Маша. Какое несчастіе!

Ладовъ. Да тьфу пропасть, скажешь-ли ты, проклятая!

Маша. Вотъ и барыня,—вы узнаете отъ нея самой.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Ладова.

Посидѣлова. Что, мой другъ, съ тобою сдѣлалось?

Ладова. Бога ради, кресла! я насилу дышу! (*Вельскій подаетъ кресло*).

Вельскій. Успокойте насъ, сударыня! скажите, что сдѣлалось?

Ладова. Ахъ! пожалѣйте обо мнѣ! я совершенно осиротѣла!

Ладовъ. Что ты, мой другъ! вѣдь Володѣ лучше.

Ладова. Бѣдный Жако!

Вельскій. Вашъ попугай?

Ладова. Все кончено! онъ не существуетъ болѣе.

Вельскій. Какая жалость! Ужь не ошиблись-ли вы?... Почему знать? Постойте! (*Уходитъ скоро на лѣвую сторону*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же (*безъ Вельскаго*).

Ладовъ. Да отчего онъ умеръ?

Ладова. И онъ спрашиваетъ? Злодѣй! ты уморилъ его!

Ладовъ. Я?... помилуй!

Маша. Да, сударь, это правда. Лишь только барыня дала ему вашего заморскаго лѣкарства, то онъ, бѣдняжка, тутъ-же протянулся.

Посидѣлова. Такъ и есть! Вотъ тебѣ и лѣченье! И зачѣмъ хвататься не за свое дѣло. Я, дескать, не хуже доктора лѣчить умѣю. Ну, какой ты докторъ?... Коновалъ!

Ладовъ. Помилуйте, тетушка, да въ Бразиліи...

Посидѣлова. Замолчи, батюшка!

Ладовъ. Да въ книгѣ...

Ладова. Перестаньте, сударь! Вы нарочно уморили моего попугая; вамъ досадно было, что я имъ утѣшаюсь.

Посидѣлова. Вотъ, это напрасно, племянница! вѣдь онъ хотѣлъ тебѣ же услужить.

Ладова. Ахъ, тетушка! вамъ хорошо говорить; посмотрѣла-бы я, если бы онъ уморилъ вашего шута.

Посидѣлова. Что ты, мать моя? Богъ съ тобою! вѣдь шутъ-то мой все-таки человѣкъ, а не скотина.

Ладовъ. Не грусти, мой ангелъ! я куплю тебѣ хоть цѣлую дюжину попугаевъ, только успокойся.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Стародубовъ

Стародубовъ. Вотъ и воротился. (*Посидѣловой*). А, матушка Настасья Іевлевна! какъ поживаете?

Посидѣлова. Слава Богу, батюшка Николай Степановичъ, слава Богу!

Стародубовъ (*Ладову*). Кто эта дама?

Ладовъ. Жена моя.

Стародубовъ. Прошу покорно! я совсѣмъ ее не узналъ. (*Въ сторону*). Она что-то печальна! Да бишь, я и забылъ, малютка ихъ боленъ. (*Подходитъ къ Ладовой*). Вы вѣрно меня не помните: я зналъ васъ еще ребенкомъ.

Ладова. Ахъ! извините! я васъ не узнала; я теперь такъ разстроена.

Стародубовъ. Мнѣ ужъ сказывали о вашемъ горѣ, и повѣрьте, я принимаю въ немъ душевное участіе.

Ладова. Ахъ, сударь!

Стародубовъ. Но для чего же такъ отчаяваться!

Ладова. Еслибъ я имѣла хотя малую надежду!

Стародубовъ. Да развѣ вы ее не имѣете?

Ладова. Онъ умеръ!

Стародубовъ. Умеръ.

Ладова. И мои слезы не воскресятъ его.

Стародубовъ. Боже мой! какое несчастіе!—Бѣдная!

Ладовъ. Да успокойся, мой другъ, эту потерю можно замѣнить. Вотъ тебѣ моя рука, у тебя будетъ другой и гораздо лучше.

Стародубовъ. Эхъ, братецъ, хоть-бы ты людей постыдился! до шутокъ-ли ей теперь?

Ладовъ. Да я и не шучу.

Стародубовъ. Безсовѣстный!

Ладова (*мужу*). Ну, сударь, видите-ли, что есть люди, которымъ горесть моя не кажется смѣшною?

Стародубовъ. Смѣшною? Да развѣ я извергъ? Нѣтъ, сударыня, я дѣлалъ самъ большія потери. (*Съ чувствомъ*). Я знаю, каково сердцу родительскому, и никогда не буду смѣяться надъ горестью нѣжной матери, которая оплакиваетъ свое дитя! (*Утираетъ слезы*).

Ладова. Что это значитъ? Да о комъ вы говорите?

Стародубовъ. Я говорю о вашемъ сынѣ.

Ладова. А я о моемъ попугаѣ.

Стародубовъ. (*Съ большимъ сердцемъ*). И, сударыня! чортъ возьми вашего попугая!

Ладова. Что вы?

Стародубовъ. Тьфу пропасть! а я было перепугался. Такъ поэтому вашъ сынъ живъ?

Ладовъ. Съ чего ты взялъ, что онъ умеръ? Попугай ея...

Стародубовъ. Околѣлъ, большая важность! Ну, сударыня, видно слезы-то у васъ даровыя.

Посидѣлова. Ахъ, батюшка! да ты ужъ ругаешься.

Ладова. Какъ я ошиблась! Я думала, что у васъ есть сердце.

Стародубовъ. Есть сударыня; да видно не такое, какъ у васъ. Я люблю свою семью, родныхъ, всѣхъ добрыхъ людей, готовъ съ ними всякое горе пополамъ дѣлить; а не стану оплакивать смерть какой-нибудь кошки или собаченки. Всему есть мѣра: почему не забавляться и попугаемъ; но сходить съ ума оттого, что онъ издохъ, и смѣшно и стыдно!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Вельскій.

Вельскій (*вбѣгая скоро*). Онъ живъ!

Ладова. Что я слышу?

Вельскій. Да, сударыня, вашъ Жако живъ. Я замѣтилъ, что онъ еще дышетъ, влилъ ему нѣсколько капель своего лекарства,—онъ открылъ глаза...

Ладова. Открылъ глаза!

Вельскій. И теперь, я увѣренъ, останется живъ.

Ладова. Какое счастіе! Ахъ, Вельскій! вы возвратили мнѣ жизнь! Чѣмъ могу я вознаградить васъ.

Вельскій. Помилуйте! стоитъ ли это...

Ладова. Нѣтъ, нѣтъ! я не хочу быть неблагодарною. (*Вполголоса*). Я знаю, вы любите Лизу, и чтобы мнѣ это не стоило, а вы получите ея руку. (*Уходитъ съ Посидѣловой и Машей*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Ладовой, Посидѣловой и Маши.

Ладовъ. Ну, хорошо, что такъ кончилось. Не стыдно-ли тебѣ, братецъ! жена и безъ того огорчена, а ты вадумалъ ее дразнить.

Стародубовъ. Признаюсь, я не могъ хладнокровно слышать...

Ладовъ. То-то и горе, пріятель живя въ свѣтѣ, надобно на многое сквозь пальцы смотрѣть.

Стародубовъ. Въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, любезный! я и съ молоду не бывалъ льстецомъ, а теперь ужъ и подавно кривить душой не буду.

Digitized by Google

Вельскій (*подходя къ Стародубову*). Позвольте мнѣ, Николай Степановичъ, поздравить васъ съ пріѣздомъ.

Стародубовъ. Слуга покорный.

Вельскій. Я такъ давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

Стародубовъ. Я думаю, сударь, ни вамъ, ни мнѣ объ этомъ горевать нечего.

Ладовъ. Онъ все еще на тебя сердитъ; но погоди немного...

Вельскій Что вы хотите дѣлать? перестаньте!

Ладовъ. Нѣтъ, нѣтъ! я помирю васъ. (*Стародубову*). Послушай, любезный, пора-бы ужъ тебѣ съ нимъ помириться.

Стародубовъ. Помириться?

Ладовъ. Неужели ты никогда не забудешь неосторожный его поступокъ?

Стародубовъ. Какой поступокъ?

Ладовъ. Ему конечно бы не должно было доказывать при всѣхъ, что ты не знаешь исторіи...

Стародубовъ. Что ты, въ умѣ-ли?

Ладовъ. Повѣрь, онъ теперь самъ раскаивается, что завелъ разговоръ объ этихъ древнихъ художникахъ.

Стародубовъ. О какихъ художникахъ? Г-нъ Вельскій! что это значитъ?

Ладовъ. Полно, полно! кто старое вспомнитъ, тому глазъ вонъ; будьте по прежнему друзьями; что было, то прошло. Вельскій, обними своего друга!

Вельскій. Отъ всего сердца! (*Хочетъ обнять Стародубова, но онъ его отталкиваетъ*).

Стародубовъ. Что это? что это? Дуракъ что-ли я вамъ достался? Государь мой! я не позволю надъ собою шутить.

Ладовъ. Какъ тебѣ не стыдно? Да помирись съ нимъ.

Стародубовъ. Тьфу пропасть! да въ чемъ мнѣ съ нимъ мириться? Я отъ роду не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла, да, вѣроятно, и имѣть не буду. Чего вы, сударь, отъ меня хотите?—денегъ что-ль? такъ ступайте къ племяннику: я ужъ велѣлъ ему съ вами разсчитаться.

Вельскій. Я вижу, вы рѣшились меня ненавидѣть. Не желая быть долѣе вамъ въ тягость, я ухожу; можетъ быть въ другое время вы отдадите мнѣ болѣе справедливости. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Вельскаго.

Ладовъ. Эхъ, братецъ! у тебя каменное сердце.

Стародубовъ. Что это за вздоръ?

Ладовъ. Не стыдно-ли быть такъ злопамятну!

Стародубовъ. Да растолкуй мнѣ.

Ладовъ. Что тутъ толковать,—ты знаешь лучше моего...

Стародубовъ. Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, если я тутъ что-нибудь понимаю.

Ладовъ. Ты не можешь простить Вильскому, что онъ при всѣхъ обнаружилъ твое невѣжество.

Стародубовъ. Мое невѣжество? Ха, ха. ха!

Ладовъ. Смѣйся, смѣйся! А кто назвалъ Сократа живописцемъ? А?

Стародубовъ. Ха, ха, ха! теперь вижу: этотъ безпутный сплелъ тебѣ сказку, —и ты ему вѣришь?

Ладовъ. Добро, сказку! вѣдь ты, братъ, не признаешься. (*Глядитъ на часы*). Два часа! Пойдемъ-ка лучше, да позавтракаемъ; можетъ быть, за рюмкою вина ты будешь откровеннѣе. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вельскій (*одинъ входитъ изъ среднихъ дверей*).

Вельскій. Рославлевъ еще не пріѣхалъ. Странно! онъ хотѣлъ быть вслѣдъ за мною. И такъ, Лиза можетъ быть моею. Ладова съ тетушкою рѣшились мнѣ помогать, и если я поссорю Рославлева съ Лизою... Однакожъ, отнять у пріятеля невѣсту?... Вотъ забавно! развѣ я обязанъ любить друга больше, чѣмъ самого себя?... Да я хотѣлъ-бы еще знать, будетъ-ли онъ счастливъ, женясь на Лизѣ? Не думаю! характеры ихъ совершенно различны; они, конечно, не уживутся; дойдетъ до ссоры, ихъ разведутъ, и тогда они оба несчастны. Ну, право, если подумать хорошенько, то я, какъ истинный другъ Рославлева, не только могу, но долженъ отбить у него невѣсту.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вельскій и Тузовъ.

Вельскій. Ба! Тузовъ! ты какъ сюда попалъ?

Тузовъ. Мнѣ нужно съ вами кой о чемъ переговорить.

Вельскій. И ты за этимъ сюда пріѣхалъ? Какая неосторожность!

Тузовъ. Да что-же дѣлать? я заѣзжалъ къ вамъ, и мнѣ сказали, что вы цѣлый день не будете дома; а дѣло, о которомъ я долженъ говорить съ вами, не терпитъ ни минуты.

Вельскій. Ну, что такое? Говори скорѣй!

Тузовъ. Худо, очень худо?

Вельскій. Ты всего боишься; вѣрно какой-нибудь вздоръ?

Тузовъ. Нѣтъ, не вздоръ. Полковникъ Рубакинъ, который проигралъ намъ прошлую недѣлю сорокъ тысячъ, не подписываетъ векселей и сказалъ наотрѣзъ, что не намѣренъ платить ни копейки.

Вельскій. Неужели? Тебѣ надобно къ нему съѣздить и путемъ изъясниться.

Тузовъ. Изъясниться? съ Рубакинымъ? Нѣтъ! слуга покорный! онъ живетъ въ третьемъ этажѣ, а я прыгать совсѣмъ не мастеръ; не угодно-ли вамъ?

Вельскій. Хорошо, я объ этомъ подумаю.

Тузовъ. Мнѣ сказывали также, что Пустодомовъ...

Вельскій. Ну, что такое Пустодомовъ? Неужели и онъ не хочетъ платить?

Тузовъ. Совсѣмъ не то! Онъ человѣкъ добрый и вѣрно-бы расплатился; но у него жена и шестеро дѣтей, которые останутся безъ куска хлѣба.

Вельскій. Да развѣ это наша вина? Кто-жъ ему велѣлъ играть?

Тузовъ. Разумѣется! Однакожъ жена и дѣти Пустодомова, какъ слышно, хотятъ подавать просьбу.

Digitized by Google

Вельскій. Ужъ эти мнѣ жены! мѣшаются не въ свои дѣла!—Послушай, съѣзди отъ меня къ Пустодомову, поторгуйся, и, если надобно, то... чортъ возьми! мирись съ нимъ хотя на половинѣ.

Тузовъ. Потрудитесь сами къ нему съѣздить.

Вельскій. А для чего-же не ты?

Тузовъ. Я рѣшился перестать играть и не хочу теперь ни во что мѣшаться.

Вельскій. Помилуй! что тебѣ сдѣлалось?

Тузовъ. Того и гляди, что попадешь въ какую-нибудь непріятную исторію.

Вельскій. Полно дурачиться!

Тузовъ. Нѣтъ, кончено, я больше не играю.

Вельскій. Ну, какъ хочешь, я на твое мѣсто найду много охотниковъ. Прощай!

Тузовъ. Постойте на минуту, — намъ надобно еще поразсчитаться.

Вельскій. Разсчитаться! Въ чемъ?

Тузовъ. Въ сущей бездѣлицѣ. О векселяхъ я ни слова; но я знаю, что Рославлевъ заплатилъ вамъ сполна всѣ двадцать тысячъ, а такъ какъ я былъ въ пятой долѣ...

Вельскій. Ахъ, Тузовъ! не говори мнѣ объ этомъ выигрышѣ: онъ лежитъ у меня на душѣ. Я хотѣлъ Рославлеву дать небольшой урокъ, а, право, не обыграть его,—и хочу непремѣнно, чтобъ онъ отыгрался.

Тузовъ. Какъ угодно, отдайте только мою долю.

Вельскій. Хорошо, мы сочтемся послѣ.

Тузовъ. Нѣтъ, сударь, не послѣ: мнѣ уже наскучило получать одни обѣщанія.

Вельскій. Что это значитъ?

Тузовъ. Это значитъ то, что я съ мѣста не сойду, пока вы со мною не раздѣлаетесь.

Вельскій. Да вы, сударь, видно забыли, что играли съ Рославлевымъ на мои деньги, и должны быть довольны тѣмъ, что я вамъ далъ за труды.

Тузовъ. Прекрасно! такъ вы этакъ выполняете ваши обѣщанія? Какая низость!

Вельскій. Прошу не забываться, г-нъ Тузовъ! вспомните, что вы были прежде.

Тузовъ. То-же, что и теперь.

Вельскій. Не забудьте, что вы всѣмъ обязаны мнѣ: я поставилъ васъ на ноги; если-бы не я, то вы до сихъ поръ играли-бы по гривнѣ въ бостонъ.

Тузовъ. Такъ вспомните-же, что и я для васъ дѣлалъ: я просиживалъ цѣлыя ночи за картами, а вы были въ сторонѣ! подбиралъ, приписывалъ, обсчитывалъ, — а вы были въ сторонѣ! меня ругали, меня называли бездѣльникомъ, плутомъ, и даже иногда... а вы были въ сторонѣ!

Вельскій. Такъ чтожъ? я платилъ вамъ за это деньги.

Тузовъ. Трудясь для васъ, я совершенно потерялъ свою репутацію.

Вельскій. Не разорительная потеря.

Тузовъ. Право! такъ постойте-же, я выведу и васъ на чистую воду.

Вельскій. Какъ вы смѣете!...

Тузовъ. Дайте мнѣ увидѣть Рославлева, посмотримъ, устоитъ-ли тогда и ваша репутація.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Рославлевъ.

Вельскій (*не замѣчая Рославлева*). Г-нъ Тузовъ! если я потеряю терпѣніе... (*Увидя Рославлева въ сторону*) Рославлевъ!

Тузовъ. Ну, сударь! чтожъ вы тогда сдѣлаете?

Вельскій (*перемѣнивъ голосъ*). Я не ожидалъ, сударь, чтобы вы осмѣлились сдѣлать мнѣ такое гнусное предложеніе.

Тузовъ. Что это значитъ?

Вельскій (*какъ будто-бы увидя нечаянно Рославлева*). А! мой другъ! ты пріѣхалъ? очень кстати!

Тузовъ. Г-нъ Рославлевъ здѣсь? прекрасно!

Рославлевъ. Что вы, господа?

Вельскій. Представь себѣ! этотъ господинъ, узнавши, что дядя привезъ къ тебѣ много денегъ, пріѣхалъ подговорить меня — за одно съ нимъ тебя обыграть.

Рославлевъ. Меня! нѣтъ, шутишь?

Тузовъ. Это ужъ ни на что не походитъ! Г-нъ Рославлевъ!...

Вельскій. И когда я сказалъ, что выведу наружу его плутни, вздумалъ меня стращать, да и чѣмъ-же? Что скажетъ тебѣ, будто-бы я и прежде за одно съ нимъ тебя обыгрывалъ.

Рославлевъ. Ты? ха, ха, ха!

Тузовъ. Это правда, г-нъ Рославлевъ, онъ точно васъ обыгрывалъ.

Вельскій (*Рославлеву*). Слышишь?

Тузовъ. Эти двадцать тысячъ...

Рославлевъ. Онъ выигралъ пополамъ съ вами?... Экій злодѣй!—Не стыдно-ли тебѣ, братецъ? а?

Тузовъ. Я вижу, вы не вѣрите?...

Рославлевъ. Помилуйте! не вѣрить вамъ? такому честному человѣку!

Тузовъ. Клянусь вамъ честію!

Рославлевъ. Слышишь, Вельскій, онъ клянется...

Вельскій. Да еще своею честію! Чортъ возьми! тутъ нехотя повѣришь.

Тузовъ. Хорошо, сударь! вы теперь торжествуете, но погодите! я найду способъ сорвать съ васъ личину. До свиданья! вы скоро обо мнѣ услышите! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рославлевъ и Вельскій.

Вельскій. Прошу покорно! и онъ же грозитъ! Какой безпутный клеветникъ!

Рославлевъ. Признаюсь, и я не ожидалъ этого отъ Тузова. Да онъ настоящій плутъ!

Вельскій. Насилу увидѣлъ! Вотъ то-то-же, Рославлевъ, тысячу разъ говорилъ тебѣ не связываться съ этимъ негодяемъ,—двадцать тысячъ были-бы дома...

Рославлевъ. Полно! ты вѣчно бранишь меня; что сдѣлано, того не воротишь. Скажика лучше, гдѣ ты вчерась пропадалъ? Я искалъ тебя по всему городу. Ужъ гдѣ я не былъ! У Волгиной, Зарѣцкой, Лидовой и даже у Прелестиной,—и тамъ тебя не было.

Вельскій. Ахъ, кстати о Прелестиной. Знаешь-ли что? Кто-то ей сказалъ, что я намѣренъ жениться, и она написала ко мнѣ сегодня преотчаянную записку. Мнѣ хотѣлось-бы ей отвѣчать; сказать, напримѣръ, что она ребячится; что если-бы и въ самомъ дѣлѣ я вздумалъ по какимъ-нибудь причинамъ жениться, то это не помѣшало-бы мнѣ любить ее по прежнему. Да вотъ моя бѣда! лишь только дойдетъ дѣло до любовныхъ записокъ, такъ я

Digitized by Google

дуракъ дуракомъ, двухъ словъ не напишу сряду.

Рославлевъ. Бѣдняжка! Хочешь-ли я тебѣ помогу?

Вельскій. А что, въ самомъ дѣлѣ! садись-ка, братъ, да пиши; вѣдь это по твоей части, ты злодѣй на любовныя фразы.

Рославлевъ (*садится за столъ*). Тебѣ надобно это покороче?

Вельскій. Да, да! словъ десять.— Послушай, если ты мастеръ, такъ пиши прямо набѣло, безъ помарокъ.

Рославлевъ. Что ты думаешь, не напишу?

Вельскій. Посмотримъ! посмотримъ!

Рославлевъ. А вотъ увидишь. (*Пишетъ*).

Вельскій (*въ сторону*). Онъ пишетъ,—хорошо! (*Громко, смотря черезъ плечо*). Славно, славно! ай да Рославлевъ!... Довольно! дай сюда; я спишу и отошлю его къ Прелестиной. (*Кладетъ письмо въ карманъ*). Ну, это кончено, поговоримъ теперь о твоихъ сердечныхъ обстоятельствахъ. Ты все еще любишь Лизу?

Рославлевъ. Больше, чѣмъ когда-нибудь.

Вельскій. Право! такъ ты влюбленъ не на шутку?

Рославлевъ, Какая шутка! я хочу на ней жениться.

Вельскій. Жениться! ха, ха, ха! жениться въ твои лѣта!

Рославлевъ. Что-же тутъ страннаго?

Вельскій. Жениться на двадцать второмъ году! подумай самъ, на что это похоже?

Рославлевъ. Смѣйся какъ хочешь, а я ужъ рѣшился.

Вельскій. Жениться недолго, Рославлевъ, только воля твоя, сердись на меня или нѣтъ, а ты будешь несчастливъ.

Рославлевъ. Почему ты это думаешь?

Вельскій. Потому, что знаю твой характеръ. Скажи самъ, женился-ли бы ты на Лизѣ, если-бы зналъ, что она тебя не любитъ?

Рославлевъ. Разумѣется, нѣтъ; но Лиза...

Вельскій. Ты ее не знаешь. Это холодное твореніе не любитъ ни тебя, ни меня, никого на свѣтѣ; а выйдетъ за всякаго для того только, чтобъ не жить вмѣстѣ съ своей мачихой.

Рославлевъ. Ха, ха, ха! какой вздоръ!

Вельскій. Эй, Рославлевъ, смотри не, разерди меня, вѣдь я докажу.

Рославлевъ. Доказывай, мой милый, доказывай!

Вельскій. Ты смѣешься? хорошо же! только смотри, чуръ не сердиться.

Рославлевъ. Не безпокойся,

Вельскій. Послушай, если Лиза тебя любитъ, то вѣдь она не пойдетъ охотою за другого?

Рославлевъ. Разумѣется; но неужели ты думаешь, что Лиза...

Вельскій. Я ничего не думаю. (*Размышляя*). Такъ точно! это одинъ способъ вывести тебя изъ заблужденія: онъ нѣсколько странненъ—это правда; но такъ и быть! когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ спасти друга, то всѣ средства хороши. Да, мой другъ, я открою тебѣ глаза.

Рославлевъ. Но растолкуй мнѣ...

Вельскій. Ни слова болѣе! ты узнаешь скоро, другъ-ли я тебѣ, и любитъ-ли тебя Лиза.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Ладова, Посидѣлова и Лиза.

Ладова. А! Здравствуйте, Рославлевъ. Куда вы пропадали, Вельскій? Я думала, что вы у насъ обѣдаете.

Вельскій. Я никакъ не могъ.

Ладова. Мы идемъ гулять по саду,—время прекрасное!

Посидѣлова (*Рославлеву*). Что батюшка, твой дядя скоро отсюда уѣдетъ?

Рославлевъ. Я думаю, сударыня.

Посидѣлова. Въ самомъ дѣлѣ, что ему здѣсь дѣлать,—ѣхалъ-бы опять къ себѣ въ деревню.

Ладова. Пойдемте-же, тетушка.

Посидѣлова. Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ!

Ладова. А вы, господа?

Рославлевъ. Съ большою охотою. (*Подавая Лизѣ руку*). Не угодно-ли вамъ?

Ладова. Нѣтъ, нѣтъ! дайте мнѣ вашу руку, Рославлевъ. (*Тихо Вельскому*). Ступайте съ Лизою. (*Посидѣлова, Ладова и Рославлевъ уходятъ. Вельскій останавливаетъ Лизу*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вельскій и Лиза.

Вельскій. Одно слово, сударыня!

Лиза. Что вамъ угодно?

Вельскій. Я цѣлый день ищу случая поговорить съ вами наединѣ. Скажите, правда-ли, что вы выходите замужъ?

Лиза. Я! съ чего вы это взяли?

Вельскій. Послушайте! вы всегда были со мною откровенны; къ чему таиться; вѣдь я знаю, Рославлевъ вѣрно не получитъ отказа: вашъ батюшка его любитъ... вы также къ нему неравнодушны... Не правда-ли?... Вы молчите?

Лиза. Что-же я буду вамъ говорить?

Вельскій. Понимаю! кто молчитъ, тотъ соглашается. Итакъ, это кончено; теперь еще одинъ вопросъ: скажите, можете-ли вы быть счастливы съ человѣкомъ честнымъ, добрымъ, хорошимъ, но который женится на васъ не по любви, а по однимъ разсчетамъ?

Лиза. Что вы этимъ хотите сказать?

Вельскій. Отвѣчайте прежде на мой вопросъ: можете-ли вы быть счастливы съ такимъ человѣкомъ?

Лиза. О, конечно, нѣтъ! но я надѣюсь, что Рославлевъ...

Вельскій. Рославлевъ!... Ахъ, сударыня! я очень о васъ жалѣю.

Лиза. Боже мой! да что такое?

Вельскій. Еслибъ я могъ быть увѣренъ, что это останется между нами...

Лиза. Говорите, говорите!

Вельскій. Такъ и быть! вы узнаете все... Однакожъ, подумайте хорошенько; малѣйшая нескромность съ вашей стороны можетъ быть причиною большихъ несчастій: обѣщайте мнѣ, что Рославлевъ никогда не узнаетъ...

Лиза. Да, да! обѣщаю вамъ все, только говорите.

Вельскій. Вы думаете, что Рославлевъ васъ любитъ?... Онъ васъ обманываетъ, сударыня!

Лиза. Какъ, сударь! и вы это говорите о вашемъ другѣ?

Digitized by Google

Вельскій. Да, сударыня, о немъ; дружба имѣетъ свои предѣлы... Я люблю Рославлева и готовъ за него стрѣляться въ двухъ шагахъ; но помогать ему обманывать невинную дѣвушку, или молчать тогда, когда я могу ей открыть глаза, было-бы съ моей стороны преступленіемъ.

Лиза. Рославлевъ меня обманываетъ? Нѣтъ, это невозможно!

Вельскій. Я самъ бы этому не повѣрилъ, если-бы мнѣ не попалось нечаяннымъ случаемъ вотъ это письмо, которое онъ писалъ надняхъ къ Прелестиной.

Лиза. Къ Прелестиной?

Вельскій. Вы знаете его руку—прочтите! (*Подаетъ ей письмо*).

Лиза (*читаетъ*). „Я не вѣрилъ глазамъ моимъ, читая вашу записку. Какъ можете вы сомнѣваться въ любви моей?“ — Измѣнникъ! — „Если я въ самомъ дѣлѣ вздумаю жениться по какимъ-нибудь разсчетамъ, то развѣ это помѣшаетъ мнѣ любить васъ; я могу отдать мою руку, а не сердце: оно давно принадлежитъ вамъ“.—Злодѣй!...

Вельскій. Довольно, остальное вамъ читать не нужно. Отдайте мнѣ письмо.

Лиза. Нѣтъ, сударь! я оставлю у себя; пускай оно напоминаетъ мнѣ всегда, какъ я должна ненавидѣть всѣхъ мужчинъ.

Вельскій. Всѣхъ! это было-бы несправедливо, сударыня: не всѣ мужчины походятъ на моего друга; я знаю человѣка, который истинно васъ любитъ... который...

Лиза. Перестаньте! всѣ мужчины обманщики!

Вельскій. Послушайте меня!...

Лиза. Я не хочу ничего слышать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вельскій (*одинъ*).

Постойте!... Она ушла! письмо осталося у нея. Ну, если она вздумаетъ показать его Рославлеву? На скромность влюбленной дѣвушки полагаться не можно. Пойду, постараюсь оное выручить.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вельскій, Ладовъ и Стародубовъ.

Ладовъ. Куда ты бѣжишь, Вельскій?

Вельскій. Въ садъ; мнѣ надобно поговорить съ Рославлевымъ.

Ладовъ. Да побудь вмѣстѣ съ нами.

Вельскій. Извините, я, право, не могу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Ладовъ и Стародубовъ.

Ладовъ. Вѣдь это онъ отъ тебя бѣгаетъ, Стародубовъ.

Стародубовъ. Тѣмъ лучше, — я очень радъ.

Ладовъ. А, однакожъ, знаешь-ли что? я хочу съ тобою браниться за Вельскаго.

Стародубовъ. Эхъ, братецъ! оставь его въ покоѣ.

Ладовъ. Не стыдно-ли тебѣ, въ твои почтенныя лѣта, заслуживъ репутацію честнаго человѣка, мѣшаться въ сплетни, распространять гнусную клевету, и что всего хуже,—давать дурной толкъ хорошимъ дѣламъ?

Стародубовъ. Я тебя не понимаю.

Ладовъ. Не ты-ли сказалъ мнѣ, что Вельскій обыгралъ двоюроднаго своего брата?

Стародубовъ. Ну да, это правда.

Ладовъ. А для чего-же ты не прибавилъ, что онъ сдѣлалъ это изъ великодушія?

Стародубовъ. Изъ великодушія!

Ладовъ. Да, сударь! они поступилъ въ семъ случаѣ, какъ самый хорошій родственникъ: онъ обыгралъ Простакова! Но для чего? Для того, чтобъ дать ему спокойное убѣжище! Не оставилъ за нимъ души христіанской,—не спорю; но зато родовое ихъ имѣніе не досталось въ чужія руки. Вельскій не могъ удержать Простакова отъ игры и обыгралъ его самъ,—умно и сдѣлалъ! Изъ двухъ необходимыхъ золъ надобно выбирать всегда меньшее. Что, пріятель, ты удивляешься, остолбенѣлъ? То-то-же, признайся, ты не ожидалъ найти во мнѣ такъ много философіи?

Стародубовъ. Нечего сказать! откуда ты набрался такой премудрости?

Ладовъ. Тутъ нѣтъ никакой премудрости, мой милый! Здравый смыслъ, очищенная мораль—и больше ничего.

Стародубовъ. Ужъ подлинно очищенная! Ну, мой другъ, теперь я вижу,—ты великій философъ!

Ладовъ. Эхъ, любезный! не то бы еще было, если-бы жена не отвлекала меня отъ ученыхъ занятій; а то иногда я за разборъ какого-нибудь манускрипта,—а она меня въ модную лавку; я за перо,—а она меня въ англійскій магазинъ.

Стародубовъ. Видно же она тобой изрядно помыкаетъ.

Ладовъ. Да что будешь дѣлать? У нея разстроены нервы: чуть не по ней, такъ и спазмы; и признаюсь тебѣ, какъ старинному другу, иногда мнѣ бываетъ, ой, ой, ой, какъ тяжело!

Стародубовъ. Вѣрю.

Ладовъ. Въ иное время ты право бы обо мнѣ пожалѣлъ.

Стародубовъ. Нѣтъ, любезный другъ! человѣкъ, который въ твои лѣта не умѣетъ поддержать достоинство мужа, не жалокъ, а смѣшонъ.

Ладовъ. Да скажи мнѣ, что я долженъ дѣлать?

Стародубовъ. Осмѣлься хотя однажды имѣть собственную свою волю: не выполняй всѣхъ ея капризовъ...

Ладовъ. Й, милый! вѣдь это будетъ шумъ да слезы; а я люблю тишину и спокойствіе.

Стародубовъ. Скажи лучше, ты боишься жены своей.

Ладовъ. Боюсь! съ чего ты это взялъ?

Стародубовъ. Ты слова не смѣешь сказать ей вопреки.

Ладовъ. Не смѣю? Нѣтъ, братъ! если дѣло пойдетъ на то, я и самъ упрямъ.

Стародубовъ. Полно, правда-ли?

Ладовъ. Если я не шутя чего захочу, то она себѣ хоть тресни, а дѣлай по моему.

Стародубовъ. Не вѣрю.

Ладовъ. Не вѣришь? Такъ я же тебѣ докажу. Что въ самомъ дѣлѣ! стоитъ только однажды рѣшиться.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, Посидѣлова и Ладова.

Ладова. Какъ я устала!

Посидѣлова. Мы сегодня много ходили.

Ладова (*мужу*). Зачѣмъ ты, мой другъ, не пришелъ гулять вмѣстѣ съ нами?

Ладовъ. Зачѣмъ? Оттого, что не хотѣлъ.

Ладова. Да отчего же?

Ладовъ. Не хотѣлъ, да и все тутъ.

Ладова. Напрасно, я совѣтовала бы тебѣ...

Ладовъ. Нечего совѣтовать,—я ужъ не ребенокъ.

Ладова. Что это значитъ?

Ладовъ. Да такъ, ничего.

Ладова. Помилуйте, сударь! что за глупый тонъ?

Ладовъ. Глупый? Прошу не забывать, сударыня, что вы должны говорить со мною съ уваженіемъ,—разумѣете-ли?

Ладова. Какъ!

Ладовъ. Я мужъ, а вы жена!—понимаете-ли?

Посидѣлова. Что, что?

Ладовъ. Мнѣ наскучило уже выполнять ваши капризы,—слышите-ли!

Посидѣлова. Что ты, батюшка, рехнулся что-ль?

Ладовъ. Не ваше дѣло, тетушка! Я хочу ей доказать, что я господинъ въ моемъ домѣ.

Ладова. Вы, сударь?

Ладовъ. И что я могу ходить гулять, когда мнѣ угодно.

Посидѣлова. Ты господинъ въ своемъ домѣ? а племянница-то чтожъ, развѣ она твоя служанка?

Ладовъ. Я не говорю этого...

Посидѣлова. Развѣ ты думаешь, что она дожна выносить твои грубости? негодный!

Ладовъ. Прошу не ругаться! у меня у самаго есть языкъ.

Ладова. Уйдемте, тетюшка, отъ этого бѣшенаго человѣка.

Посидѣлова. Уйдемъ, милая!... Но добро! осмѣлься только придти въ нашу комнату!... покажись только! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Ладовъ и Стародубовъ.

Ладовъ. Ну, братъ, каково?

Стародубовъ. Очень дурно.

Ладовъ. Какъ! да развѣ я не выдержалъ характера?

Стародубовъ. Зачѣмъ ты поссорился съ свою женою?

Ладовъ. Да не ты-ли мнѣ совѣтовалъ?

Стародубовъ. Я никогда тебѣ не совѣтовалъ придираться къ ней изъ-за пустяковъ.

Ладовъ. Такъ поэтому я виноватъ?

Стародубовъ. Безъ сомнѣнія; она имѣетъ полное право на тебя сердиться.

Ладовъ. Ну, такъ и есть!... Эхъ, братецъ! охота тебѣ давать совѣты!

Стародубовъ. Вольно-жъ было тебѣ...

Ладовъ. И кто проситъ постороннихъ людей мѣшаться въ семейственныя дѣла?

Посидѣлова (*за кулисами*). Воды! скорѣй воды!

Ладовъ. Что это? (*Слуга бѣжитъ черезъ сцену*). Куда ты?

Слуга. Барынѣ, сударь, сдѣлалось дурно. (*Уходитъ*).

Ладовъ. Дурно!... Ахъ! Боже мой! — Ну, пріятель, нечего сказать, удружилъ!

Стародубовъ. Помилуй, братецъ...

Ладовъ. Хорошо, очень хорошо! ссорить мужа съ женою!

Стародубовъ. Да ты самъ хотѣлъ, чтобъ я сказалъ свое мнѣніе.

Ладовъ. Твое мнѣніе? да мнѣніе-то твое гроша не стоитъ! Какъ я покажусь теперь женѣ? я ее огорчилъ, разобидѣлъ! (*Служанка бѣжитъ чрезъ сцену*). Что жена?

Служанка. Съ ней сдѣлались спазмы. (*Уходитъ*).

Ладовъ. Спазмы!... Прекрасно, прекрасно! и какой чортъ дернулъ меня... Да и что говорить! подѣломъ мнѣ! нашелъ съ кѣмъ совѣтоваться... Человѣкъ, который называетъ Сократа живописцемъ...(*Маша бѣжитъ чрезъ сцену*). Ну что, говори, говори проворнѣй!

Маша. Барыня сударь...

Ладовъ. Ну!

Маша. Съ ней сдѣлался обморокъ! (*Уходитъ*).

Ладовъ. Обморокъ!.. Ну, пропалъ я?

Стародубовъ. Успокойся!

Ладовъ. Да слышишь-ли, варваръ? обморокъ! Вотъ тебѣ и пріятельскіе совѣты! вотъ тебѣ и достоинство мужа! спазмы, обморокъ— и все это по твоей милости!... Что мнѣ теперь дѣлать?... пойду!... побѣгу!... Спасибо, любезный! спасибо! (*Уходитъ*).

(*Въ продолженіе сей сцены слуга проходитъ назадъ со стаканомъ воды; горничныя также перебѣгаютъ,— вообще на сценѣ должна быть большая суматоха*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Стародубовъ (*одинъ*).

Бѣдный Ладовъ! какъ тебя дурачатъ! ужъ пускай-бы жена, а то и этотъ негодный Вельскій. Жаль, очень жаль! а пособить нечѣмъ. (*Входитъ слуга и подаетъ Стародубову письмо*). Что это? (*Читаетъ*). „Милостивый государь, если вы желаете знать нѣчто касающее до вашего племянника, то потрудитесь съѣздить на вашу квартиру: вы найдете тамъ человѣка, который откроетъ вамъ одну важную тайну“... И безъ подписи! Терпѣть не могу эти безыменныя письма; честный человѣкъ не стыдится нигдѣ подписывать своего имени: но дѣло идетъ о племянникѣ—такъ и быть, пойду! Посмотримъ, что это за тайна.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ладовъ, Ладова и Маша (*ведетъ подъ руку Ладову. Ладовъ идетъ позади*).

Ладова. Куда ты меня ведешь!

Маша. У васъ очень душно, сударыня: здѣсь гораздо свѣжѣе. (*Сажаетъ ее на кресло*).

Ладовъ. Ангелъ мой! душа моя!

Ладова. Подите, сударь: я не могу васъ видѣть!

Ладовъ. Помилуй, неужели тебя нельзя умилостивить.

Ладова. Нѣтъ, сударь, я никогда этого не забуду.

Digitized by Google

Ладовъ. Другъ мой!...

Ладова. Разругать меня при постороннемъ человѣкѣ, наговорить мнѣ тысячу грубостей!... Ахъ! отъ одной этой мысли... Спирту! Машенька, спирту!

Ладовъ. Что это? ей опять дурно!... Негодный Стародубовъ!

Маша (*тихо Ладову*). Пройдетъ, сударь, не хлопочите!

Ладовъ. Дай-то Богъ! Какъ ты себя чувствуешь, мой другъ?

Ладова. Ахъ! оставьте меня умереть спокойно.

Ладовъ. Умереть!... Слышишь-ли, Машенька? это ужъ не шутка.

Маша (*тихо Ладову*). Не бойтесь, не умретъ.

Ладовъ. О, проклятый Стародубовъ! Безцѣнное мое сокровище! другъ мой!... Она молчитъ! О, злодѣй Стародубовъ... Душенька, жизненочекъ мой! да взгляни хоть на меня!... О, разбойникъ Стародубовъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Посидѣлова.

Ладовъ. Вступитесь хоть вы за меня, тетушка.

Посидѣлова. Что, она тебя не прощаетъ? подѣломъ, надобно тебя путемъ проучить.

Ладовъ. Да вѣдь повинную-то голову и мечъ не сѣчетъ.

Посидѣлова. Добро, добро! я тебя помирю съ нею, только съ уговоромъ.

Ладовъ. Говорите, я на все согласенъ.

Посидѣлова. А вотъ посмотримъ. (*Говоритъ тихо Ладовой*).

Маша (*въ сторону*). Къ чему это онѣ подбираются?

Посидѣлова. Маша, позови къ намъ Лизаньку.

Маша. Барышню?

Посидѣлова. Ну да! развѣ ты оглохла? (*Маша уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, безъ Маши.

Посидѣлова. Послушай, батюшка! племянница хочетъ, чтобъ ты выдалъ замужъ Лизаньку.

Ладовъ. Лизаньку! за кого.

Посидѣлова. За Вельскаго?

Ладовъ. За Вельскаго? по мнѣ пожалуй, я очень радъ! Будетъ-ли только согласна Лизанька.

Посидѣлова. Согласна? вотъ еще какой вздоръ! Нѣтъ, сударь, въ старину мы этого не знали; бывало, хочешь или не хочешь, а замужъ ступай!

Ладовъ. Помилуйте! выдавать насильно замужъ.

Посидѣлова. И, батюшка! что за насильно? Припугни-ка ее порядкомъ, такъ она пойдетъ и охотою.

Ладовъ. Воля ваша, а я принуждать ее не буду.

Ладова. Ну, тетушка, видите, какъ онъ меня любитъ? Послушайте, сударь, если вы не сдѣлаете сегодня помолвку...

Ладовъ. Сегодня!...

Ладова. Вы не соглашаетесь?

Ладовъ. Да разсуди сама, матушка!...

Ладова (*вскочивъ съ кресель*). Такъ знайте-же, сударь, я больше не живу съ вами.

Ладовъ. Что ты, мой другъ?

Ладова. Я не хочу быть долѣе гувернанткой вашей дочери. Да, сударь, рѣшено! или она будетъ сегодня помолвлена, или я... Ахъ, Боже мой! (*Бросается опять на кресло*).

Посидѣлова. Что ты, милая?

Ладова. Какой ужасный шумъ въ головѣ!

Посидѣлова, Слышишь-ли, батюшка? соглашайся скорѣй!

Ладовъ. Я, право, не знаю...

Ладова. Ахъ, душно!

Посидѣлова. Злодѣй! что ты, уморить что ль ее хочешь?

Ладова. Спазмы!

Ладовъ. Спазмы!... Согласенъ, матушка, на все согласенъ.

Посидѣлова. Слава Богу!... Экій упрямый!—Что, мой другъ?

Ладова. Немного получше.

Посидѣлова. Теперь, милая, его можно ужъ и простить. Поди сюда, батюшка,—сюда!... Проси у нея прощеніе... да на колѣняхъ!

Ладовъ. Помилуйте! кто нынче становится на колѣни?

Посидѣлова. Да вѣдь ты, сударь, не любовникъ, а мужъ,—а мужей баловать не должно. На колѣни.

Ладовъ. Нечего дѣлать! (*Становится на колѣни*).

Ладова. Какъ вы думаете, тетушка, простить-ли мнѣ его?

Посидѣлова. Прости, мой другъ!

Ладова. Чувствую сама, что я слишкомъ добра; но такъ и быть, встань—я тебя прощаю. (*Даетъ ему поцѣловать руку*).

Ладовъ. Ухъ! какъ гора съ плечъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Лиза.

Ладовъ. Поди сюда, Лизанька; мнѣ надобно поговорить съ тобою о важномъ дѣлѣ.

Лиза. О важномъ дѣлѣ! (*Въ сторону*). Что это значитъ?

Ладовъ. Ты, мой другъ, ужъ не ребенокъ: пора тебя пристроить къ мѣсту.

Лиза. Какъ, батюшка! вы хотите...

Ладовъ. Да, мой другъ, я хочу выдать тебя замужъ.

Лиза (*въ сторону*). Боже мой? неужели Рославлевъ?...

Ладовъ. Женихъ тебѣ вѣрно понравится: ты съ нимъ давно уже знакома.

Лиза (*въ сторону*). Я не ошибаюсь, это Рославлевъ. (*Громко*). Я знаю, о комъ вы говорите, батюшка; но ни за что на свѣтѣ не соглашусь выдти за него замужъ.

Ладовъ. Какъ!

Лиза. Я его ненавижу.

Ладова. Что это значитъ, сударыня?

Лиза. Онъ злой человѣкъ.

Посидѣлова. Опомнись, мать моя!

Лиза. Чудовище!

Ладовъ. Да тьфу пропасть! что онъ тебѣ сдѣлалъ? Послушай, Лизанька, не дурачься, вѣдь надобно-же когда-нибудь выдти замужъ.

Лиза. За него—никогда.

Ладовъ. Лизанька, другъ мой! утѣшь меня не упрямься.

Digitized by Google

Лиза. Батюшка! если вы непременно хотите, чтобъ я была замужемъ, то я готова выдти за всякаго, кромѣ Рославлева.

Ладовъ. Дурочка! да кто говоритъ тебѣ о Рославлевѣ?

Лиза. Какъ! такъ это не онъ?

Ладовъ. Совсѣмъ нѣтъ; я хочу выдать тебя за Вельскаго.

Лиза (*испугавшись*). За Вельскаго?... Ахъ, Боже мой!

Ладовъ. Чего-же ты испугалась?

Лиза. Батюшка!

Посидѣлова. Что, сударыня, и этотъ не по нраву? Да пустое, матушка! ты сама сказала, что выйдешь за всякаго, кромѣ Рославлева.

Ладовъ. Да, да! и если ты еще будешь упрямиться, то прошу меня не называть отцомъ.

Лиза (*въ сторону*). Такъ и быть! пускай узнаетъ этотъ измѣнникъ, какъ я его презираю! (*Громко*). Батюшка! дѣлайте, что вамъ угодно.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Стародубовъ.

Стародубовъ. Всѣ здѣсь! тѣмъ лучше.

Ладовъ. А! Стародубовъ! Небось, иди! я ужъ на тебя не сержусь. Да ты что-то веселъ?

Стародубовъ. Это правда. Я сдѣлалъ одно важное открытіе; теперь, надѣюсь, не трудно будетъ вывести тебя изъ заблужденія?

Ладовъ. Изъ какого заблужденія?

Стародубовъ. Я имѣю вѣрныя доказательства, что пріятель вашъ Вельскій негодный человѣкъ.

Ладовъ. Опять принялся за старое.

Стародубовъ. Вы думаете, что Вельскій васъ любитъ?

Ладова. О, сударь! оставьте насъ въ этомъ заблужденіи.

Стародубовъ. Онъ всѣхъ васъ обманываетъ.

Ладовъ. Вздоръ, сударь! Вельскій не обманщикъ.

Ладова. Правда, онъ никому не говоритъ грубостей.

Посидѣлова. Не выдаетъ себя за прямого человѣка для того, чтобъ ругать цѣлый свѣтъ.

Ладовъ. И никогда не мѣшается въ семейныя дѣла для того, чтобъ ссорить мужа съ женою.

Стародубовъ. Знаете-ли вы, что этотъ Вельскій...

Ладовъ. Я знаю только, что онъ добрый малый.

Посидѣлова. Да! онъ добрый малый! а ты, батюшка, злой человѣкъ.

Ладова. Вы, сударь, клеветникъ!

Ладовъ. У тебя, братецъ, прескверный характеръ!

Стародубовъ. Да послушай!...

Ладовъ. Что?... тебѣ не удалось поссорить меня съ женою, такъ ты хочешь ссорить съ пріятелемъ? Да нѣтъ! не на того напалъ, любезный!

Стародубовъ. Погоди, ты сейчасъ увидишь...

Ладовъ. Что тутъ видѣть? онъ мнѣ другъ, и я не хочу о немъ слышать ничего дурного: а если это тебѣ не нравится, то прошу не знать моего дома,—вотъ и все тутъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Вельскій и Рославлевъ.

Вельскій. Здѣсь кажется, о чемъ-то спорятъ!

Ладовъ. Поди сюда, Вельскій. Пускай Стародубовъ говоритъ что хочетъ, никто не увѣритъ меня, чтобъ ты не былъ добрый малый.

Рославлевъ. Дядюшка! неужели вы всегда будете несправедливы противъ моего друга?

Стародубовъ. И ты называешь его своимъ другомъ?

Рославлевъ. Да, дядюшка, онъ истинный мнѣ другъ.

Стародубовъ. Истинный другъ! Ну, право, мнѣ придется треснуть съ досады!

Ладовъ. Такъ тресни-же: я отдаю за него мою дочь.

Рославлевъ (*въ сторону*). Что я слышу?

Ладовъ. Вельскій! ты хотѣлъ жениться на Лизанькѣ?

Вельскій. Я почту себя отмѣнно счастливымъ...

Рославлевъ. (*тихо Вельскому*). Что ты, Вельскій?...

Вельскій (*тихо*). Молчи! я спасаю тебя.

Ладовъ. Такъ дѣло и кончено; Лизанька также согласна. Ну, дѣти, по рукамъ! (*Соединяетъ ихъ*).

Рославлевъ (*Лизѣ*). И вы согласны, сударыня?

Лиза. Да, сударь, я согласна.

Ладовъ (*Посидѣловой*). Не правда-ли, тетушка, черезъ недѣлю и свадьба?

Посидѣлова. Конечно, зачѣмъ откладывать.

Рославлевъ (*Вельскому*). Что это значитъ? Ты женишься на Лизѣ?

Вельскій. Кажется что такъ.

Рославлевъ. Итакъ, я былъ обманутъ?

Вельскій. Да, мой другъ! хорошъ бы ты былъ, еслибы не я.

Стародубовъ. Что, племянникъ, каковъ твой истинный-то пріятель?

Рославлевъ. Ахъ, дядюшка! вы не знаете,—онъ дѣлаетъ это изъ великодушія.

Стародубовъ. Изъ великодушія! Нѣтъ, чортъ возьми, это ни на что уже не похоже! вы всѣ съ ума сошли (*Ладову, который во все это время говорилъ тихо съ Посидѣловой*). Послушай, Ладовъ! я думаю, ты не разсердишься, если я познакомлю тебя покороче съ будущимъ твоимъ зятемъ. Вотъ письмо, которое онъ на прошлой недѣлѣ писалъ къ пріятелю своему Тузову.

Вельскій (*въ сторону*). Какъ! неужели?... Проклятый Тузовъ!

Ладовъ (*заглянувъ*). Точно такъ! рука его.

Стародубовъ. Прошу послушать, что онъ пишетъ.

Вельскій. Г-нъ Стародубовъ! для меня очень странно...

Ладова. Въ самомъ дѣлѣ! куда какъ благородно, сударь, читать при всѣхъ чужое письмо.

Стародубовъ. Выслушайте только.

Ладова. Нѣтъ, я не могу спокойно видѣть такую низость. Позвольте! (*вырываетъ письмо*).

Стародубовъ. Что это значитъ? Письмо мое, сударыня! прошу васъ...

Вельскій (*тихо Ладовой*). Изорвите его.

Ладова (*взглянувъ на письмо*). Что это?.. (*Читаетъ*). „Вчерась я не могъ съ тобою увидѣть-

Digitized by Google

ея: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура..." Какъ, сударь! и вы осмѣлились?..

Стародубовъ. Позвольте мнѣ, я прочитаю сряду. (*Беретъ письмо и читаетъ*). „Вчерась я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой: эта сентиментальная дура засадила меня въ пикетъ съ любезной своей тетушкой; ужъ выдержалъ я пытку.

Посидѣлова. Что, что, батюшка?

Стародубовъ (*продолжаетъ читать*). Ты не знаешь, каково играть съ скупою старухою, которая за каждую полушку готова удавиться..."

Посидѣлова. Какъ! и это тутъ написано?

Стародубовъ (*показывая письмо*). Посмотрите сами.

Посидѣлова. Прошу покорно, я готова удавиться за каждую полушку! Ахъ ты богоотступникъ!

Стародубовъ. Постойте, постойте! дайте кончить. (*Продолжаетъ читать*). „Если Рославлевъ вздумаетъ опять играть, то отдѣлайся повѣжливѣе; бѣдняжка проигралъ намъ двадцать тысячъ и чуть не сошелъ съ ума; долго ли до грѣха, — проиграетъ сорокъ и застрѣлится". Ну, племянникъ, что скажешь?

Рославлевъ. Нѣтъ, это невозможно! Какъ! тотъ, кого я считалъ моимъ другомъ...

Посидѣлова. И, батюшка! да отъ этого злодѣя все станется. Скупая старуха!.. негодный!

Рославлевъ. Дружба и любовь, все для меня исчезло! (*Лизѣ*). И вы, сударыня, вы!..

Лиза. Нѣтъ, я не могу долѣе молчать! (*Подавая Рославлеву письмо*). Прочтите, сударь, и краснѣйте, если вы еще можете краснѣть.

Вельскій. Все противъ меня!

Рославлевъ. Что это значитъ? Это самое то письмо... Неужели Вельскій?..

Лиза. Да, сударь! Вельскій открылъ мнѣ глаза.

Рославлевъ. А! теперь все для меня ясно! Какое гнусное предательство!

Ладовъ. Что за вздоръ? я тутъ ничего не понимаю!

Ладова. И я также.

Рославлевъ (*Вельскому*). Я надѣюсь, сударь, вы не заставите просить себя и скажете при всѣхъ, что значитъ это письмо. (*Вельскій смѣется*).

Посидѣлова. Экій безбожникъ! посмотрите: онъ же еще смѣется!

Рославлевъ. Говорите, сударь, я требую этого.

Вельскій. Ха, ха, ха! что за повелительный тонъ! Ты съ ума сошелъ, Рославлевъ.

Рославлевъ. И вы смѣете?..

Вельскій. Не горячись, милый! я могъ бы доказать въ двухъ словахъ, что дѣлалъ все съ добрымъ намѣреніемъ; но я не привыкъ оправдываться, а особливо, когда мнѣ приказываютъ. Впрочемъ, если ты считаешь себя обиженнымъ...

Рославлевъ. Да, сударь, я обиженъ, и вы должны раздѣлаться со мною со шпагою въ рукахъ.

Посидѣлова. Ахъ, батюшка, дуэль!

Стародубовъ. Не безпокойтесь! — Стыдись, племянникъ, упоминать о шпагѣ, говоря съ этимъ господиномъ; презрѣнье—вотъ одно оружіе противъ бездѣльниковъ.

Вельскій. Что это значитъ? Государь мой, благодарите вашимъ лѣтамъ... Но вы не стоите того, чтобъ я съ вами изъяснялся. Рославлевъ! ты можешь каждое утро застать меня дома,— понимаешь? До свиданья! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, безъ Вельскаго.

Посидѣлова. Ахъ, племянница! отдохнуть не могу; экій головорѣзъ!

Рославлевъ. Какъ я былъ обманутъ!

Ладова. Растолкуйте намъ, что значитъ письмо? (*Рославлевъ, Лиза, Ладова и Посидѣлова говорятъ межъ собою тихо*).

Стародубовъ. Ты что молчишь, пріятель? а?

Ладовъ. Да я по сихъ поръ не могу ничего понять; вы всѣ на него опрокинулись, не дали бѣдняжкѣ двухъ словъ сказать въ оправданіе.

Стародубовъ. Помилуй! чѣмъ могъ онъ оправдаться?

Ладовъ. Чѣмъ? полно, братецъ! ты хотѣлъ только на своемъ поставить. И нечего сказать, поставилъ! пріѣхалъ, всѣхъ перемутилъ, перессорилъ... Я было затѣялъ свадьбу...

Стародубовъ. Не сердись! за свадьбой дѣло не станетъ. Послушай, мой другъ: племянникъ любитъ твою дочь; какъ ты думаешь, не породниться-ли намъ?

Ладовъ. Намъ? нѣтъ, любезный, выкинь это изъ головы.

Стародубовъ. Почему же ты не хочешь согласиться?

Ладовъ. Не я, братецъ; по мнѣ пожалуй, Рославлевъ малый хорошій; немного вѣтренъ,— да это пройдетъ.

Стародубовъ. Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

Ладовъ. А вотъ зачѣмъ. (*Вполголоса*). Лиза его терпѣть не можетъ.

Стародубовъ. Полно, такъ ли?

Ладовъ. Точно! я это давно уже замѣтилъ.

Стародубовъ. Не ошибаешься-ли ты?

Ладовъ. Я? Нѣтъ, пріятель! что касается до этого, то я очень проницателенъ.

Стародубовъ. Однакожъ, попробуй, скажи ей.

Ладовъ. Пожалуй, только это напрасный трудъ. Лизанька! пріятель мой Стародубовъ сватаетъ тебя за племянника своего Рославлева; согласна ли ты за него выдти?

Лиза. Согласна, батюшка.

Ладовъ. Вотъ тебѣ на! что это значитъ?

Стародубовъ. Это значитъ, что ты очень проницателенъ.

Ладовъ. Такъ чортъ же васъ разберетъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, не ты ли съ полчаса назадъ говорила, что Рославлевъ злодѣй, чудовище; что ты скорѣе выйдешь за всякаго, чѣмъ за него?

Лиза. Ахъ! батюшка, я думала тогда, что Рославлевъ меня обманываетъ.

Рославлевъ. Вельскій употребилъ самую гнусную хитрость, чтобъ насъ поссорить.

Ладовъ. Вотъ что, понимаю! Ну, такъ-бы и говорила.

Лиза. И я чуть было отъ отчаянія не вышла за этого негоднаго Вельскаго.

Посидѣлова. Хороша бы ты была, голубушка! Чего ждать путнаго отъ человѣка, который не постыдился сказать... Мерзавецъ! вспомнить не могу!

Ладовъ. Правда, тетушка, правда! теперь и я вижу, Вельскій поступилъ очень дурно, а особливо съ Рославлевымъ, — и какъ поду-

Digitized by Google

маешь, такъ нечего сказать,—пострѣлъ!... А жаль, право жаль!

Стародубовъ. Помилуй! о комъ ты жалѣешь? Человѣкъ, который всѣхъ васъ обманывалъ, обыгралъ своего пріятеля, хотѣлъ отбить у него невѣсту...

Ладовъ. Эхъ, милый! все такъ... да малый то онъ добрый!

КОНЕЦЪ.

(1820 г. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ въ Большомъ театрѣ 23 іюня 1820 г.).

Богатоновъ въ деревнѣ

ИЛИ СЮРПРИЗЪ САМОМУ СЕБѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТУЮЩІЯ ЛИЦА.

Богатоновъ	*Г. Щепкинъ.*
Князь Фольгинъ	*Г. Зубовъ.*
Владиміръ, сынъ Фольгина	*Г. Сабуровъ.*
Оленька, дочь князя Фольгина	*Г-жа Лилѣева.*
Зарѣцкій, Мирославскій, Сундуковъ, Сундукова, Ладушкинъ — Сосѣди г-на Богатонова.	*Г. Козловскій. Г. Ширяевъ. Г. Воеводинъ. Г-жа Шепелева. Г. Батковъ.*
Даша, служанка Оленьки	*Г-жа Нагаева.*
Прохорычъ, дворецкій Богатонова	*Г. Медвѣдевъ.*
Филутони, иностранецъ	*Г. А. Лобановъ.*
Демьянъ, камердинеръ Богатонова	*Г. Коньковъ.*
1-я гостья	*Г-жа Никифорова.*
2-я гостья	*Г-жа Малышева.*
1-й гость	*Г. Д. Ивановъ.*
2-й гость	*Г. Никифоровъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ двухъ верстахъ отъ губернскаго города, въ деревнѣ Богатонова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ кабинетъ г-на Богатонова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Богатоновъ, Ладушкинъ и Демьянъ. *(Богатоновъ сидитъ передъ зеркаломъ; Демьянъ завиваетъ ему волосы; Ладушкинъ сидитъ подлѣ него съ лѣвой стороны).*

Богатоновъ. Ну, что замолчалъ, Андрей Карпычъ? болтай!

Ладушкинъ. Что прикажете, батюшка?

Богатоновъ. Эхъ, братецъ! да ври что-нибудь! вѣдь молча-то сидѣть скучно.

Ладушкинъ. Такъ, сударь, такъ, конечно скучно.

Богатоновъ. Ну, то-то и есть! — Разсказывай что-нибудь. Не слыхалъ-ли чего новенькаго? Вѣдь, благодаря Бога, мы живемъ не въ глуши: губернскій городъ отъ насъ въ двухъ верстахъ; да тамъ же теперь и ярмарка.

Ладушкинъ. Я уже два дня, отецъ мой, не былъ въ городѣ.

Богатоновъ. Гдѣ же ты вчера цѣлый день шатался?

Ладушкинъ. Да былъ, сударь, съ почтеніемъ у нашего сосѣда Степана Юдича Сундукова.

Богатоновъ. Ну, что дѣлаетъ этотъ скряга? Чай, деньги считаетъ?

Ладушкинъ. До счету ли, батюшка! тоскуетъ такъ, что и Боже упаси!

Богатоновъ. Тоскуетъ!... О чемъ?

Ладушкинъ. Бѣдушка сдѣлалась: получалъ онъ съ кого-то двадцать тысячъ, такъ попалась между деньгами синенькая безъ нумеровъ; сокрушила его окаяннаго: не знаетъ куда съ нею дѣваться.

Богатоновъ. Экій жидъ!—Ну, а всесвѣтная-то невѣста, сестрица его, что поговариваетъ?

Ладушкинъ. Марья Юдишна? Она все изволитъ говорить со мною о князѣ Фольгинѣ.

Богатоновъ. Ужъ не прочитъ-ли она его въ мужья? чего добраго!—Чтожъ она говорила?

Ладушкинъ. Куда, дескать, Иванъ Сидорычъ Богатоновъ съ нимъ друженъ; да и не удивительно!—всякій поставитъ себѣ за честь быть его пріятелемъ! Князь человѣкъ умный...

Богатоновъ. Правда, правда! Одно толь-

Digitized by Google

ко плохо,—хочетъ до сихъ поръ казаться молодымъ; ну, какъ это можно? Чего другого, а лѣтъ не украдешь. (*Взглянувъ въ зеркало*). Эге! Демка, что это?

Демьянъ. Сѣдой волосъ, сударь!

Богатоновъ. Такъ чтожъ ты смотришь! вонъ его съ корнемъ злодѣя.

Демьянъ. Да ихъ, сударь, много!

Богатоновъ. Врешь дуракъ!—Ну, Андрей Карпычъ, чтожъ она еще говорила о князѣ?

Ладушкинъ. Что онъ человѣкъ ученый!...

Богатоновъ. И это правда—что хочешь, все знаетъ! а ужъ если о философіи заговоритъ, то ужъ такъ красно, такъ хитро, что ничего, братъ, не поймешь.

Ладушкинъ. Такъ, такъ, батюшка, ничего не поймешь.

Богатоновъ. Пуще всего мнѣ нравится то, что онъ вездѣ былъ и все видѣлъ. Ужъ нечего сказать! какъ примется разсказывать, что твой всемірный путешественникъ.

Ладушкинъ. Куда, батюшка, этому путешественнику съ нимъ схватываться!

Богатоновъ. Небось, теперь нашъ капитанъ-исправникъ язычекъ прикусилъ, а то бывало, Боже упаси! Удалось ему, видишь ты, побывать когда-то въ Курляндіи, такъ онъ думаетъ, что весь свѣтъ объѣхалъ; не дастъ бывало слова вымолвить: ты лишь только ротъ разинулъ, а онъ тутъ какъ тутъ съ Митавою.

Ладушкинъ. А всего-то, батюшка, важнѣе, что его сіятельство природный князь!

Богатоновъ. Вотъ что вздоръ, такъ вздоръ! Какое мнѣ дѣло до его княжества? Я самъ князь у себя въ деревнѣ.

Ладушкинъ. Такъ, батюшка, такъ! Однакожъ, все-таки...

Богатоновъ. Полно врать, Андрей Карпычъ! вѣдь княжествомъ-то сытъ не будешь. Покойница моя жена до самой смерти была на этомъ помѣшана, а я, благодаря Бога, давно уже образумился. Видали мы князей — иному перекусить нечего; а я и не князь, а взгляникъ на мое житье-бытье,—ась?

Ладушкинъ. Такъ, сударь, такъ!

Богатоновъ. Какова суконная-то фабрика — а?

Ладушкинъ. Ужъ подлинно диво!

Богатоновъ. А винный-то заводъ—плохъ что-ль?

Ладушкинъ. Что и говорить, отецъ мой,— благодать Господня!

Богатоновъ. То-то-же! мы хоть и не сіяемъ, да въ шкатулкѣ-то у насъ свѣтло, — это, братъ, никакъ вѣрнѣе. (*Въ продолженіе сей сцены Демьянъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Прохорычъ.

Богатоновъ. Что ты, Прохорычъ?

Прохорычъ. Къ вамъ пріѣхалъ, сударь, какой-то мусье изъ города.

Богатоновъ. Мусье!—какой мусье?

Прохорычъ. Да Богъ его знаетъ; бормочетъ что-то себѣ подъ носъ, — ничего не разберешь.

Богатоновъ. Зови его сюда. (*Прохоръ уходитъ*). Кому-бы это быть? Развѣ кто изъ пріѣзжихъ купцовъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Филутони.

Богатоновъ. Что это! не ошибаюсь-ли я?—ба, ба, ба! старый знакомый Филутони!

Филутони. Тошно такъ, мой патюшка.

Богатоновъ. Какъ это тебя, братецъ, нелегкая сюда занесла?

Филутони. Я, monsieur, пріѣхалъ сюта съ расна товаръ на ярморкъ. Мой слишилъ, что фи, касподинъ Покатонъ, стесь шифить, и я тотшасъ явился съ моя потшенія.

Богатоновъ. Спасибо, братъ, спасибо! Мнѣ бы по настоящему, мусье, на тебя сердиться должно: помнишь-ли въ Петербургѣ?—а? Ну, да такъ и быть: я не злопамятенъ; ты-же кстати и пожаловалъ: я сегодня имянинникъ.

Филутони. А, monsieur, шесть имѣй пострафляить.

Богатоновъ. Въ старину ты бывалъ на все гораздъ: останься-ка у меня да похлопочи.

Филутони. Катовъ, monsieur,—что укотна?

Богатоновъ. А вотъ изволишь видѣть: сегодня вечеромъ будетъ у меня маскарадъ и ваксалъ, такъ надобно, знаешь ты, иллюминацію въ саду сдѣлать.

Филутони. Исразна стаканшикъ?

Богатоновъ. Да, да! изъ стаканчиковъ: у меня ужъ все запасено — и стаканчики, и плошки, и цвѣтные фонарики, ты только разставь это хорошенько, да достань, любезный, побольше маскарадныхъ платьевъ и масокъ.

Филутони. Карашо, monsieur, мой путетъ вскорость все доставать.

Богатоновъ. У меня, мусье, кой-что еще въ головѣ вертится: хочу дать сюрпризъ.

Филутони. Сурпризъ! какая сурпризъ?

Богатоновъ. Это ужъ, мусье, не твоя забота; ты мнѣ только изготовь къ вечеру прозрачный щитъ, то-есть по вашему транспарантъ,—понимаешь?

Филутони. Понимай.

Богатоновъ. Вензель на щитѣ велимъ дѣлать по рисунку, который отъ меня получишь.

Филутони. Ошень карашо! Monsieur! у меня есть прекрасна француска конфектъ и шанпанска винъ.

Богатоновъ. Привози, братъ, все привози.

Филутони Слушай, мой патюшкъ, слушай!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Прохорычъ.

Прохорычъ. Баринъ, сударь!

Богатоновъ. Что тамъ еще?

Прохорычъ. Господинъ Мирославскій изъ Петербурга пріѣхалъ.

Богатоновъ. Ба, ба, ба! еще нечаянный гость! Проси скорѣй сюда... Да вотъ и онъ! (*Прохорычъ отворяетъ дверь и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Мирославскій.

Богатоновъ. Здравствуй, благопріятель, здравствуй! давно-ли изъ Питера?

Digitized by Google

Мирославскій. Сегодня по утру. (*Обнимаются*).

Богатоновъ. Вотъ, любезный, рекомендую! Богъ далъ намъ новаго сосѣда:—Андрей Карпычъ Ладушкинъ. (*Мирославскій и Ладушкинъ другъ другу кланяются*). Ему досталось въ верстѣ отсюда по наслѣдству душонокъ пятнадцать. (*Вполголоса*). Такъ мелкая сошка—почти однодворецъ, однакожъ, малый хорошій.

Мирославскій (*показывая на Филутони*). А это кто? Лицо что-то знакомое.

Богатоновъ. Не узналъ! Мусье Филутони; онъ пріѣхалъ сюда на ярмарку.

Мирославскій. Браво! (*Въ сторону*). Ну, эта встрѣча добра не предвѣщаетъ.

Богатоновъ. Какъ мнѣ много говорить съ тобой надобно; постой на минуту!—Ступай покамѣстъ въ садъ, мусье, да осмотри все хорошенько.—Андрей Карпычъ, проводи его.

Ладушкинъ. Слушаю, сударь! (*Уходитъ съ Филутони*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Богатоновъ и Мирославскій.

Мирославскій. Графъ и графиня Владимиловы тебѣ кланяются.

Богатоновъ. Спасибо, спасибо! давно я къ нимъ не писалъ; все какъ-то времени не было.

Мирославскій. Хозяйствомъ занимаешься? Хорошо, мой другъ, человѣкъ ты сталъ одинокій: безъ дѣла съ тоски-бы умеръ.

Богатоновъ. Да, пріятель, грустно мнѣ было третьяго году: покойница скончалась, племянница съ мужемъ уѣхали въ Петербургъ, ты по дѣламъ отправился туда же—совсѣмъ было осиротѣлъ! Одно только меня утѣшало, что состояніе-то мое опять поправилось.

Мирославскій. Я мимоѣздомъ замѣтилъ—у тебя идутъ въ деревнѣ и около дома большія перестройки.

Богатоновъ. Да, мой другъ, фабрика моя почти вся передѣлывается.

Мирославскій. Для чего-бы кажется? Вѣдь она у тебя всего три года какъ построена.

Богатоновъ. А вотъ изволишь видѣть: надъ нею будетъ греческій куполъ, а передъ нею римскій портикъ.

Мирославскій. Послушай, мой другъ, я люблю самъ хорошую архитектуру и, живя въ Петербургѣ, восхищался, смотря на великолѣпныя общественныя зданія — тамъ они на своемъ мѣстѣ; но въ деревнѣ и притомъ суконная фабрика!.. Да гдѣ-же теперь работаютъ?

Богатоновъ. Да нигдѣ: вотъ уже около мѣсяца, какъ мои фабриканты безъ дѣла шатаются.

Мирославскій. Плохая же, братъ, это экономія! и что тебѣ захотѣлось?..

Богатоновъ. Не мнѣ, братецъ: мнѣ бы это и въ голову не пришло. А замѣтилъ-ли ты перемѣну въ моей деревнѣ?

Мирославскій. Да, я хотѣлъ спросить тебя: что это значитъ, что вмѣсто улицы у тебя всѣ избы по полю разбросаны?

Богатоновъ. А вотъ что: это, любезный, на саксонскій манеръ; у каждаго мужика пашня, луга, выгонъ, все теперь подъ руками.

Мирославскій. Все подъ руками, конечно, да какъ нагрянетъ зима, поднимется вьюга и занесетъ ихъ снѣгомъ, вѣдь имъ придется тогда жить какъ на островахъ—проѣзда не будетъ.

Богатоновъ. Правда, милый, правда! Я ужъ и самъ смекнулъ — трудненько сначала мужичкамъ будетъ; да и то сказать—покряхтятъ, да привыкнутъ; а у меня межъ тѣмъ не такъ какъ у другихъ, не деревня будетъ, а ферма.

Мирославскій. Большая утѣха! и пришло же тебѣ въ голову!

Богатоновъ. Не мнѣ, братецъ! мнѣ бы это и вѣкъ не выдумать. А кстати! помнишь-ли ты эту березовую рощу, въ которой мы съ тобой такъ часто по вечерамъ чай пили?

Мирославскій. Какъ не помнить.

Богатоновъ. Ну, какъ ты думаешь, братецъ?.. Вѣдь прутика не осталось.

Мирославскій. Боишься ли ты Бога! Зачѣмъ ты ее вырубилъ?

Богатоновъ. Зачѣмъ? Да умные люди посовѣтовали. Она какъ бѣльмо на глазу была передъ самымъ домомъ. Посмотри теперь изъ диванной—то-ли дѣло! Рощи нѣтъ, это правда: но за то какой пуанъ де вю, братецъ, удивительно!

Мирославскій. Ну, милый, въ три года ты много перемѣнъ надѣлалъ.

Богатоновъ. То ли еще услышишь—погоди! Ну, отгадаешь-ли, кто у меня управляетъ теперь деревнею? Небось, скажешь бурмистръ, староста, десятскіе? Нѣтъ, любезный, депутаты!

Мирославскій. Депутаты!

Богатоновъ. Да, мой другъ, я теперь ни во что не мѣшаюсь, а если сдѣлается какая экстра, то мои депутаты сойдутся въ сборную избу, да и начнутъ межъ собой толковать,—ну, вотъ, ни дать, ни взять какъ въ парламентѣ.—Чему-жъ ты смѣешься?

Мирославскій. Ахъ ты чудакъ, чудакъ! да вѣдь деревня-то твоя не государство,—ты могъ бы ею и самъ управлять.

Богатоновъ. Нѣтъ, любезный, я хочу, чтобъ мои крестьяне сами собою управляли.

Мирославскій. Не знаю, мой другъ, можетъ быть это и хорошо, только, воля твоя, а мнѣ кажется, тутъ не много толку будетъ. Вѣдь не все то, что прилично для государства иного, можетъ быть кстати для твоей деревни. Да какъ это тебѣ вздумалось?

Богатоновъ. Все-таки не мнѣ, братецъ! мнѣ бы и во снѣ это не приснилось.

Мирославскій. Да кто же у тебя это чудеситъ?

Богатоновъ. А вотъ послушай. Мнѣ Богъ послалъ пріятеля—сокровище! Въ нашу губернію пріѣхалъ изъ Петербурга покупать имѣнье князь Фольгинъ: мы съ нимъ подружились и вотъ уже четвертый мѣсяцъ, какъ онъ гоститъ у меня въ деревнѣ.

Мирославскій. Такъ онъ-то тебѣ все это совѣтуетъ? Фольгинъ!.. Не тотъ-ли это Фольгинъ, который много путешествовалъ?

Богатоновъ. Я думаю, что такъ. Онъ, изволишь видѣть, служилъ сначала въ морскомъ флотѣ; все по морямъ ѣздилъ; былъ въ Америкѣ, въ Царьградѣ, въ Дрезденѣ и Богъ знаетъ гдѣ!

Мирославскій. А потомъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ лѣтъ десять во Франціи.

Богатоновъ. Онъ и есть! Что за просвѣщенный человѣкъ, братецъ! все дѣлаетъ не такъ, какъ другіе. Напримѣръ, какъ онъ вос-

Digitized by Google

питалъ своего сына? Любо посмотрѣть, какъ они межъ собой обходятся: настоящіе друзья!

Мирославскій. У него, кажется, есть и дочь, которая была имъ покинута съ самаго ребячества и воспитывалась въ какомъ-то пансіонѣ.

Богатоновъ. Есть, мой милый, есть дочка лѣтъ восемнадцати—красоточка!

Мирославскій. Право?

Богатоновъ. Ангелъ настоящій!

Мирославскій. Неужели?

Богатоновъ. Божество!

Мирославскій. Что это! ты говоришь о ней съ такимъ жаромъ?

Богатоновъ. Послушай, любезный, съ тобою мнѣ секретничать нечего: я хочу на ней жениться!

Мирославскій. Жениться!

Богатоновъ. Мнѣ одиночество ужъ наскучило.

Мирославскій. Жениться на восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ!

Богатоновъ. Да это, братъ, еще не бѣда, что ей восемнадцать лѣтъ.

Мирославскій. Ей, подумай хорошенько.

Богатоновъ. Не безпокойся.

Мирославскій. Вѣдь тебѣ безъ малаго шестьдесятъ лѣтъ.

Богатоновъ. Ну такъ чтожъ? Да вѣдь я тебя знаю—хорошъ пріятель! что только я ни задумалъ—вѣчно поперекъ! Я, братъ, этакихъ друзей не больно жалую.

Мирославскій. Да не сердись,—я только тебѣ совѣтую.

Богатоновъ. Нечего совѣтовать! теперь ужъ и поздно: половина дѣла сдѣлана.

Мирославскій. Право? такъ ты уже помолвленъ?

Богатоновъ. Нѣтъ еще. Княжна объ этомъ ничего не знаетъ.

Мирославскій. Какъ же ты говоришь, что половина дѣла сдѣлана?

Богатоновъ. Конечно, сдѣлана. Послушай! чтобъ сладить свадьбу, что нужно?—Во-первыхъ, надобно, чтобъ мужчина былъ согласенъ жениться—не правда-ли? во-вторыхъ, чтобъ дѣвушка хотѣла за него выйти — не такъ-ли?

Мирославскій. Положимъ, что такъ.

Богатоновъ. Ну, а я давно уже согласенъ,—такъ половина-то дѣла и сдѣлана. (*Входитъ слуга*). Что ты?

Слуга. Степанъ Юдичъ Сундуковъ пріѣхалъ.

Богатоновъ. Эхъ, братъ! а я не одѣтъ—въ халатѣ: да онъ безъ сестры пріѣхалъ?

Слуга. Одинъ, сударь.

Богатоновъ. Такъ проси его сюда! (*Слуга уходитъ*).

Мирославскій. Ксати онъ пожаловалъ: мнѣ надобно съ нимъ поговорить. Племянникъ его живетъ въ Петербургѣ въ крайней бѣдности; не поможетъ-ли онъ ему?

Богатоновъ. Не думаю; впрочемъ, почему знать? онъ у насъ нынче въ богомолье ударился — милостыню подаетъ, и даже иногда, какъ ты думаешь, въ большой праздникъ копѣекъ двадцать раздаетъ нищимъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Сундуковъ.

Богатоновъ. А, сосѣдушка любезный! милости просимъ!...

Сундуковъ (*низко кланяется*). Честь имѣю, батюшка, поздравить васъ со днемъ вашего ангела, даруй Господи, чтобъ благостыня небесная пребывала съ вами въ долготу дней и чтобъ вожделѣнное здравіе и всякія другія неисчерпаемыя блага неспослались невидимо, какъ на васъ, такъ и на всѣхъ домочадцевъ вашихъ.

Богатоновъ (*въ сторону*). Экую рацею прочелъ. (*Громко*). Спасибо, батюшка Степанъ Юдичъ, спасибо!

Сундуковъ (*Мирославскому*). А, милостивый государь, давно-ли изволилъ возвратиться въ наши края?

Мирославскій. Сегодня, сударь.

Сундуковъ. Изъ С.-Петербурга, батюшка?

Мирославскій. Да, сударь, и привезъ вамъ поклонъ отъ вашего племянника.

Сундуковъ. Покорнѣйше благодарю! Ну, что онъ, сердечный, тамъ подѣлываетъ?

Мирославскій. Онъ очень жалокъ, сударь: терпитъ крайнюю нужду.

Сундуковъ. Бѣдняжка!

Мирославскій. Жалованье получаетъ небольшое, а жить тамъ очень дорого.

Сундуковъ. Бѣдняжка!

Мирославскій. Иногда доходитъ до того, что ему ѣсть нечего.

Сундуковъ. Бѣдняжка!

Богатоновъ. Послушай, Степанъ Юдичъ. ты человѣкъ богатый, одинокій,—что-бы тебѣ помочь племяннику?

Сундуковъ. Ахъ, отецъ мой! радъ-бы радостью, да Бога боюсь.

Мирославскій. Полно, боитесь-ли вы Его, сударь?

Сундуковъ. Да послушайте, батюшка! Если уже Всевышнему угодно, чтобъ племянникъ мой терпѣлъ нищету, такъ мое-ли дѣло тутъ мѣшаться.

Богатоновъ. Что ты, братецъ, перекрестись!

Сундуковъ. Нѣтъ, батюшка Иванъ Сидорычъ, буди Его Святая воля!

Богатоновъ. Не стыдно-ли тебѣ, любезный...

Сундуковъ. Эхъ, сударь, да вѣдь Бога-то, отецъ мой, мудренѣе не будешь.

Богатоновъ. Не хорошо, братецъ, воля твоя, не хорошо!

Сундуковъ. Умру, такъ все ему достанется.

Богатоновъ. Да вѣдь тогда ему и спасибо не за что будетъ тебѣ сказать. Послушай...

Сундуковъ. Извините, я заѣхалъ только на минутку—васъ поздравить.

Богатоновъ. Да дай себя урезонить!...

Сундуковъ. Прошу не прогнѣваться, мнѣ должно ѣхать.

Богатоновъ. Развѣ ты у меня не обѣдаешь?

Сундуковъ. Никакъ не могу. Я званъ на именинный столъ къ нашему засѣдателю; сестра къ вамъ будетъ, а мнѣ позвольте послѣ обѣда завернуть. Итакъ, до свиданія!...

Богатоновъ. Да куда-же ты торопишься?—погоди!

Мирославскій. Подумайте-ка о вашемъ племянникѣ!

Сундуковъ. Прощенья прошу, милостивый государь, прошу прощенья!... (*Выходитъ вонъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Владиміромъ*). Ахъ, ваше сіятельство, извините. (*Уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Мирославскій, Богатоновъ и Владиміръ.

Владиміръ. Какъ онъ бѣжитъ! (*Богатонову*). Пари держу—вы просили у него денегъ.

Богатоновъ. Отгадалъ, милый! Прошу покорно познакомиться съ пріятелемъ моимъ Мирославскимъ. (*Мирославскому*). Молодой князь!

Владиміръ (*Мирославскому, который ему кланяется*). Я очень радъ, сударь!...

Богатоновъ (*Владиміру*). Что, какова княжна?

Владиміръ. Сестра?... не знаю; я думаю, она еще не просыпалась.

Богатоновъ. А его сіятельство?

Владиміръ. Одѣвается.—У васъ сегодня большой праздникъ?

Богатоновъ. Да, сударь, мы попируемъ.

Владиміръ. Ваксалъ! Маскарадъ!...

Богатоновъ. И кой что еще, можетъ быть, будетъ.

Владиміръ. А что такое?

Богатоновъ. Такъ-съ, ничего,—небольшой сюрпризецъ!...

Владиміръ. Сюрпризъ?

Богатоновъ. Да, сюрпризъ! да какой! необыкновенный, въ новомъ вкусѣ!—я съ тобою объ этомъ поговорю: умъ хорошо, а два лучше; но это послѣ.—Теперь пойдемъ-ка, Мирославскій, въ садъ: Филутони тамъ меня дожидается; посмотримъ, что онъ придумалъ. А вы, ваше сіятельство, побудьте-ка здѣсь; да если кто заѣдетъ, похозяйничайте. Я, мой милый, съ тобой не чинюсь, вѣдь можетъ быть скоро... понимаешь? (*Уходитъ съ Мирославскимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Владиміръ (*одинъ*).

Понимаю, Иванъ Сидорычъ, очень понимаю: только удастся-ли вамъ?... Вы затѣяли это съ батюшкой потихоньку отъ меня; не хотѣли даже посовѣтоваться со мною. Нѣтъ, господа, несмотря на то, что вамъ безъ малаго двѣсти лѣтъ, вы меня не перехитрите. Сестра выйдетъ замужъ, да только, прошу не погнѣваться, г. Богатоновъ, не за васъ, а за пріятеля моего Зарѣцкаго.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Владиміръ и Зарѣцкій.

Владиміръ. Здравствуй, Зарѣцкій! ты вѣрно пріѣхалъ поздравить имянинника? онъ теперь въ саду.

Зарѣцкій. Въ саду?—такъ я пойду туда.

Владиміръ. Постой, постой! мнѣ надобно поговорить съ тобой.

Зарѣцкій. О чемъ?

Владиміръ. Что, мой милый, дѣла наши идутъ худо!

Зарѣцкій. Неужели?

Владиміръ. У тебя есть соперникъ.

Зарѣцкій. Соперникъ!

Владиміръ. И очень опасный.

Зарѣцкій. Не мучь меня, князь, говори скорѣй, кто этотъ соперникъ?

Владиміръ. Дорогой нашъ имянинникъ.

Зарѣцкій. Богатоновъ?

Владиміръ. Да, mon cher!—я давно **уже** замѣтилъ, что наши старики перешептываются, но никакъ не могъ отгадать, что у **нихъ** за секреты. Сегодня только почтенный **мой** родитель изволилъ мнѣ объявить, что Оленька должна выдти за Богатонова—понимаешь-ли? Должна, слѣдовательно, между **ними** кончено.

Зарѣцкій. Ахъ! мой другъ, какъ я **несчастливъ**!

Владиміръ. Да тутъ охать нечего, **мой** милый, а надобно дѣйствовать. Богатоновъ даетъ сегодня маскарадъ; надобно этимъ воспользоваться.—Ты обѣдаешь здѣсь?

Зарѣцкій. Не думаю.

Владиміръ. Да это и не нужно, пріѣзжай только послѣ обѣда; у меня кой-что въ головѣ уже бродитъ—и если не ошибаюсь, то не **мы**, а имянинникъ будетъ сегодня въ дуракахъ. Теперь пойдемъ его поздравить, а потомъ завернемъ въ мою комнату и вмѣстѣ обдумаемъ хорошенько нашъ планъ. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Богатоновъ и Прохорычъ.

Богатоновъ. Ступай сюда! Покамѣстъ Мирославскій осматриваетъ заводъ и строеніе, мы съ тобой на просторѣ потолкуемъ. Сегодня, за обѣдомъ, какъ станутъ пить мое здоровье, будетъ пушечная пальба—слышишь?

Прохорычъ. Слушаю, сударь. Да изъ какихъ пушекъ стрѣлять прикажете?

Богатоновъ. А вотъ изъ четырехъ чугунныхъ, что стоятъ за воротами, противъ гумна.

Прохорычъ. Слушаю, сударь.

Богатоновъ. Надобно также подумать объ ужинѣ: обѣдать у меня будутъ только короткіе, а вечеромъ-то весь городъ нагрянетъ. Что, князевъ поваръ готовитъ ужинъ?

Прохорычъ. Никакъ нѣтъ, сударь.

Богатоновъ. А почему такъ?

Прохорычъ. Вотъ изволите видѣть—кухню по вашему приказу передѣлываютъ на голландскій манеръ; а такъ какъ старую сломали, а новая еще не поспѣла...

Богатоновъ. Такъ чтожъ? Развѣ мои повара въ приспѣшной не готовили?

Прохорычъ. Да то наши повара, сударь, а кухмистеръ его сіятельства и слышать не хочетъ.—„Я, дескать, за моремъ учился и на такой дрянной поварнѣ рукъ марать не хочу“.

Богатоновъ. Прошу покорно, какой причудливый! Такъ чортъ-же съ нимъ, коль такъ! скажи моимъ поварамъ, чтобъ они принялись за ужинъ,—да слышишь-ли? чтобъ блюдъ-то было больше: шесть, семь холодныхъ, да соусовъ перемѣнъ съ двѣнадцать.

Прохорычъ. Слушаю, сударь.

Богатоновъ. Теперь и придумать-бы только, гдѣ дать маскарадъ. Зала-то у насъ тѣсненька, а надобно мѣсто просторнѣе, чтобъ было гдѣ развернуться.

Прохорычъ. Да не прикажете-ли, сударь, опростать каретный сарай?

Богатоновъ. Врешь, братецъ! совсѣмъ

Digitized by Google

не то. Погоди немного... да, да! чего-же лучше? Лубки у насъ есть, тесъ также. Послушай, кликни мужиковъ да вели въ саду передъ самымъ домомъ построить на скорую руку лубочную галлерею; полъ настелемъ изъ досокъ, а стѣны уберетъ Филутони такъ, что любо будетъ смотрѣть. Да послали-ли въ городъ за музыкой?

Прохорычъ. Какъ же, сударь, трое роспусковъ отправлено.

Богатоновъ. Ну, хорошо!... Э! постой, постой! Вели снести съ чердака тѣ картины, что я прошлаго года купилъ въ городѣ, и повѣсить въ залѣ. Ступай! да смотри, братъ, у меня поворачивайся.

Прохорычъ. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Богатоновъ (*одинъ*).

Теперь, кажется, все кончено, и если только сюрпризъ мой удастся, то ужъ будетъ праздникъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Богатоновъ и Даша.

Богатоновъ. Куда ты бѣжишь, Дашенька? постой, миленькая!

Даша. Что, сударь, вамъ угодно?

Богатоновъ. Княжна встала?

Даша. Встала, сударь.

Богатоновъ. Каково она почивать изволила?

Даша. Не очень хорошо: часто просыпалась, вздыхала.

Богатоновъ. Вздыхала? Послушай, Дашенька! даромъ не вздыхаютъ; скажи правду—ужъ не влюблена-ли въ кого твоя барышня?

Даша. И, сударь! какъ будто-бы княжна станетъ со мною объ этомъ разговаривать; вѣдь это только въ комедіяхъ служанкамъ-то все разсказываютъ.

Богатоновъ. Однакожъ, все-таки, какъ ты думаешь? Напримѣръ, о комъ она чаще говоритъ?

Даша. Чаще всѣхъ она говоритъ о васъ.

Богатоновъ. Обо мнѣ? Нѣтъ, шутишь?

Даша. И всякій разъ, сударь, лишь только о васъ заговоритъ, то начнетъ смѣяться.

Богатоновъ. Смѣяться?... Ахъ, моя крошечка! смѣяться?... Такъ поэтому я ей не противенъ?

Даша. Что вы, сударь?

Богатоновъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Даша. Вотъ вамъ и еще доказательство: вашъ портретъ висѣлъ въ ея спальнѣ,—она велѣла его снять.

Богатоновъ. Снять!... Зачѣмъ?

Даша. Потому, сударь, что, глядя на него, она однажды цѣлую ночь прохохотала. Видите-ли, Иванъ Сидорычъ, вы отъ сна ее даже отбили.

Богатоновъ. Право?

Даша. Я ужъ не знаю, на что и подумать.

Богатоновъ. Ничего, Дашенька, пройдетъ!

Даша. Ну, да если она отъ васъ совсѣмъ покоя лишится?

Богатоновъ. Небось, душенька, мы ужъ ее успокоимъ. На-ка тебѣ покамѣстъ—возьми. (*Даетъ ей горсть денегъ*).

Даша. Покорнѣйше благодарю, сударь!

Богатоновъ. Я вѣдь, Даша, вотъ какъ—безъ счету даю.

Даша. А я-то, сударь, развѣ счетомъ принимаю?

Богатоновъ. А что, княжна скоро сюда выйдетъ?

Даша. Она, сударь, хотѣла сейчасъ придти васъ поздравить.

Богатоновъ. Право? Такъ ступай-же, миленькая, оставь меня здѣсь одного.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Богатоновъ (*одинъ*).

Вотъ какъ! всю ночь прохохотала! Ай да Иванъ Сидорычъ! Видно, ей весело на меня смотрѣть! Чего-же еще дожидаться? сдѣлаю одинъ конецъ. Она сейчасъ придетъ сюда; скажу ей: „матушка сударыня! рѣши однимъ словомъ; какъ видишь—весь твой!“ Ну, а если она на бѣду скажетъ... да быть не можетъ! я ей нравлюсь, точно нравлюсь! Какъ-бы только умненько за это взяться.—Вдругъ озадачить не годится—сконфузишь. (*Думаетъ*). Да! точно такъ!... Нѣтъ—слишкомъ просто—надобно начать свысока...—Постой! положимъ, я начну вотъ такъ... Гмъ, Гмъ!—„Несравненная княжна!...“—Несравненная княжна: не дурно! не дурно—„Несравненная княжна! какъ я счастливъ, что въ день моего ангела—вижу такого ангела!“—Хорошо! очень хорошо! Натурально, она скажетъ: Вы шутите, Иванъ Сидорычъ.—А я ей тотчасъ въ отвѣтъ: „Никакъ нѣтъ, сударыня“—и такъ далѣе. Потомъ, когда дѣло дойдетъ до объясненія, я скажу ей, что пылаю, горю и прочее, и прочее; а послѣ... да послѣ, то и говорить ужъ будетъ нечего. Ну, то-ли дѣло, какъ обдумаешь хорошенько. Теперь милости просимъ, ваше сіятельство! небось, не запнемся ни въ одномъ словѣ!... Ахти бѣда! кто-то идетъ... а! князь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Богатоновъ и князь.

Князь. Здравствуй, mon ami! Поздравляю тебя съ именинами.

Богатоновъ. Спасибо, любезный, спасибо! Знаешь что? я здѣсь дожидаюсь княжну.

Князь. Для чего?

Богатоновъ. Ирѣшился съ ней объясниться.

Князь. Мнѣ кажется, лучше было-бы не торопиться.

Богатоновъ. И, князь! чего лучше, какъ сегодня? за однимъ-бы разомъ именины и помолвку отпраздновали. Да у меня есть на это особенная причина, мой милый!

Князь. Хорошо, хорошо, посмотримъ. Только мнѣ надобно будетъ прежде переговорить съ нею.

Богатоновъ. Такъ ты будешь съ ней объ этомъ говорить? Эхъ, милый! а я было уже совсѣмъ приготовился.

Князь. Это необходимо нужно.

Богатоновъ. Нужно, такъ дѣлать нечего. А что, братъ, если я межъ тѣмъ немного принаряжусь? вѣдь это не мѣшаетъ?

Князь. Конечно, не мѣшаетъ.

Богатоновъ. И въ одну минуту буду готовъ и стану дожидаться вотъ въ этой ком-

Digitized by Google

натѣ; а ты, какъ у васъ будетъ все слажено, дай лишь сигналъ: это будетъ знакомъ, что она согласна.

Князь. Сигналъ?

Богатоновъ. Ну да; хоть кашляни, напримѣръ, а я тутъ и готовъ.

Князь. Хорошо, хорошо.

Богатоновъ. Да смотри, князь, постарайся!

Князь. Не безпокойся! ты знаешь, какъ я самъ хочу этого. Но вотъ, кажется, и она; оставь меня одного. (*Богатоновъ уходитъ направо; въ то самое время съ лѣвой стороны входитъ Оленька*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Князь и Оленька.

Оленька. Здравствуйте, папенька!

Князь. Ma fille! Я хочу говорить съ тобою о весьма серьезномъ предметѣ.

Оленька. Говорите, папенька, я слушаю.

Князь. Тебѣ уже восемнадцать лѣтъ, мой другъ: пора подумать о твоемъ замужествѣ.

Оленька. Такъ вы позволяете мнѣ объ этомъ думать?

Князь. Не только позволяю, но даже приказываю.

Оленька (*присѣдаетъ*). Слушаю, папенька.

Князь. У тебя есть женихъ.

Оленька. Женихъ! (*Въ сторону*). Вѣрно Зарѣцкій!

Князь. Человѣкъ честный, хорошій...

Оленька. И молодой?...

Князь. То есть... какъ бы тебѣ сказать... среднихъ лѣтъ; впрочемъ не ребенокъ, но очень добрый, богатый; однимъ словомъ, точно такой женихъ, какой тебѣ надобенъ.

Оленька (*въ сторону*). Это точно Зарѣцкій!

Князь. Надѣюсь, мой другъ, ты не будешь упрямиться?

Оленька. Нѣтъ, папенька, Зарѣцкій мнѣ всегда нравился.

Князь. Право! вотъ этого я не зналъ.

Оленька. Онъ также меня любитъ.

Князь. Поздравляю! такъ ты и это уже знаешь?

Оленька. Ахъ, папенька! еслибъ вы слышали, какъ онъ изъяснялся мнѣ въ любви.

Князь. Да, жаль очень, что я этого не слыхалъ. Послушайте, сударыня! если вы осмѣлитесь когда-нибудь подумать о Зарѣцкомъ...

Оленька. Что это значитъ!

Князь. А это значитъ то, что не Зарѣцкій, сударыня, а Иванъ Сидорычъ Богатоновъ будетъ твоимъ мужемъ.

Оленька. Богатоновъ! ха, ха, ха!

Князь. Чему ты смѣешься?

Оленька. Вы шутите! Богатоновъ, ха, ха, ха!

Князь. Ma fille! прошу не дурачиться.

Оленька. Вотъ забавный женихъ! ха, ха, ха!

Князь. Перестанете-ли вы, сударыня?

Оленька. Помилуйте, папенька! да этотъ старичекъ мнѣ въ дѣдушки годится.

Князь. Старичекъ? вздоръ, сударыня! онъ однихъ со мною лѣтъ.

Оленька. Ну да! я о томъ-то и говорю.

Князь. Какъ о томъ! прошу покорно, какая грубіянка! Да твое-ли дѣло, дѣвчонка, считать лѣта? Твое дѣло слушать, когда тебѣ приказываютъ.

Оленька. Воля ваша, папенька, а я никогда не соглашусь.

Князь. Послушай, дурочка! вѣдь онъ беретъ тебя безъ приданаго,—хочетъ выплатить мои долги.,.

Оленька. Почему вы знаете—можетъ быть Зарѣцкій...

Князь. Опять Зарѣцкій!... Я вамъ говорилъ, сударыня, не смѣть о немъ и думать.

Оленька. Да не сердитесь, папенька: въ ваши лѣта это не здорово.

Князь. Да что тебѣ до моихъ лѣтъ, негодная!

Оленька. У васъ и такъ грудь слаба, а вы кричите.

Князь. Пустое, голубушка, у меня грудь не слаба;—я хочу кричать, кричу и буду кричать!... (*Закашливается*).

Оленька. Вотъ, вѣдь я вамъ говорила.

Князь. Насмѣшница! (*Кашляетъ*). Она уморитъ меня!... (*Кашляетъ*). Злодѣйка!... (*Кашляетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Богатоновъ (*въ кафтанѣ съ большимъ пучкомъ и розаномъ на груди*).

Богатоновъ (*князю, который продолжаетъ кашлять*). Слышу, князь, слышу!

Князь. А! это ты? Послушай, мой другъ!...

Богатоновъ. Понимаю, любезный, понимаю. (*Оленькѣ*). Не дивитесь, сударыня...

Князь. Да ты не знаешь—Оленька...

Богатоновъ. Согласна?—знаю, милый, знаю! (*Оленькѣ*). Не дивитесь, прекрасная княжна...

Князь. Да выслушай меня...

Богатоновъ. И, братецъ! не сбивай (*Оленькѣ*). Не дивитесь, несравненная княжна, что я въ такомъ смятеніи: съ одной стороны радость, съ другой удовольствіе, съ третьей...

Князь. Иванъ Сидорычъ...

Богатоновъ. Эхъ, милый, не мѣшай!... Съ третьей... съ третьей... Ну, вотъ, и сбилъ!

Оленька. Что это значитъ?...

Богатоновъ. Это значитъ, что я въ восхищеніи! въ восторгѣ! въ радости!...

Оленька. Отчего?

Богатоновъ. Оттого, что вы готовы увѣнчать тотъ нѣжный пламень, или, лучше сказать, тотъ страстный огонь, которымъ я пылаю.

Оленька. О, сударь, если этотъ пожаръ кромѣ меня тушить некому, то сгорѣть вамъ непремѣнно.

Князь. Оленька!

Богатоновъ. Ахъ, матушка княжна! да, я и такъ уже совсѣмъ истлѣлъ!

Оленька. Я вижу, мнѣ должно говорить яснѣе.—Послушайте, Иванъ Сидорычъ!...

Князь. Оленька!

Богатоновъ. Позвольте, позвольте! Я люблю все дѣлать на чистоту, и потому прежде всего хочу объявить, какъ намѣренъ съ вами жить въ законномъ супружествѣ. Вы будете, сударыня...

Князь. Иванъ Сидорычъ, позволь мнѣ сказать...

Богатоновъ. Тьфу пропасть! да отстань, братецъ!... (*Оленькѣ*). Вы будете, сударыня, госпожею всего моего имѣнія; располагайте имъ и мною какъ вамъ угодно... Только потѣшьте и меня, матушка! не водитесь съ этими

Digitized by Google

пострѣлами, которые къ вамъ зимою изъ Москвы, да Петербурга наѣзжаютъ. Я не ревнивъ—Боже сохрани!... но признаюсь, терпѣть не могу этихъ негодныхъ подлипалъ,—особливо въ очкахъ-то, да съ лорнетами;—саранча проклятая! такъ въ душу и вьются!

Оленька. Да съ чего вы взяли сударь, что я...

Богатоновъ. Знаю, ваше сіятельство! знаю. Вы вѣрно сами не можете терпѣть этихъ сорванцевъ; да и какъ ихъ любить?—Злодѣи!—Посмотрите-ка, въ танцахъ,—ахъ, Боже мой! схватятъ у тебя жену, вертятъ ее, повертываютъ, нашептываютъ на ухо, а бѣдный мужъ стой въ углу, да облизывайся. Нѣтъ, матушка сударыня, не танцуйте!...

Князь. Да выслушаешь-ли ты меня?

Богатоновъ. Сейчасъ, братецъ! Еслибъ я могъ надѣяться, сударыня, еслибъ вы дали мнѣ обѣщаніе...

Оленька. Сколько словъ напрасно. Да я, сударь, никогда...

Богатоновъ. Не танцуете? Ахъ, матушка ваше сіятельство! тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Да мы какъ будто нарочно родились другъ для друга! Итакъ, позвольте мнѣ теперь, вмѣсто перваго свадебнаго подарка,—о, несравненная роза!—поднести вамъ этотъ букетъ розановъ. *(Подаетъ ей цвѣты).*

Оленька. Я, сударь, не хочу брать отъ васъ никакихъ подарковъ.

Князь. Ma fille!

Богатоновъ. Помилуйте! да почему же нѣтъ?

Оленька (*скоро*). Потому, сударь, что вы никогда не будете моимъ мужемъ. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Богатоновъ и князь.

Богатоновъ. (*послѣ краткаго молчанія*). Князь! что это она сказала?—а?

Князь. Ребячество, мой другъ, ребячество.

Богатоновъ. Вы никогда не будете моимъ мужемъ! Что это значитъ? Вѣдь она была согласна?

Князь. Вотъ то-то и дѣло, что еще не совсѣмъ.

Богатоновъ. Не совсѣмъ? Ну, боишься-ли Бога? Зачѣмъ же ты кашлялъ?

Князь. Это сдѣлалось нечаянно.

Богатоновъ. Хорошо, сударь, очень хорошо! что я теперь по твоей милости? дуракъ дуракомъ!

Князь. Ничего, мой милый.

Богатоновъ. Какъ нечего? Развѣ ты не слыхалъ?

Князь. Пустое ребячество. Вотъ изволишь видѣть: она гадала въ карты, и ей вышло, что ты никогда не будешь ея мужемъ.

Богатоновъ. Какъ! неужели? и она этому вѣритъ?

Князь. Чтожъ дѣлать, mon ami! Пансіонское воспитаніе! Притомъ-же, она такой еще ребенокъ...

Богатоновъ. Такъ вотъ что! Ну, это не бѣда: мы ее какъ разъ переувѣримъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и Владиміръ.

Владиміръ. Что у васъ здѣсь было? Мнѣ повстрѣчалась сестра; она такъ разстроена, въ такомъ замѣшательствѣ...

Богатоновъ. А вотъ что, милый: мы затѣяли было дѣло, да на ладъ нейдетъ.

Владиміръ. Что такое? Ужъ не помолвку-ли?

Богатоновъ. То-то и есть.

Владиміръ. Нутакъ что-жъ? Вѣрно сестра согласна.

Богатоновъ. Согласна, да не совсѣмъ.

Владиміръ. Быть не можетъ.

Богатоновъ. Да, князь! Она гадала, и ей вышло, что я не буду ея мужемъ.

Владиміръ. Ха, ха, ха! какой вздоръ! Послушайте, вы вѣрно не такъ за это взялись; дайте мнѣ только съ нею поговорить,—дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ, поговори съ ней...

Богатоновъ. Да, да, поговори съ ней.

Владиміръ. Положитесь во всемъ на меня, Иванъ Сидорычъ, и я вамъ ручаюсь, что Оленька, если дѣло пойдетъ на то, сегодня же будетъ замужемъ.

Богатоновъ. Замужемъ! Что ты, князь! дай Богъ хоть помолвку-то сегодня сдѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Мирославскій.

Богатоновъ. А, любезный! Прошу познакомиться. (*Князю*). Пріятель мой Мирославскій.

Мирославскій. Я очень радъ, князь...

Князь. Для меня весьма пріятно, сударь...

Богатоновъ. Да что мы всѣ на ногахъ: прошу покорно садиться. (*Садятся*).

Владиміръ (*князю, который садится съ краю*). Сколько разъ говорилъ тебѣ, мой другъ, не садиться къ окну.

Князь. Да ничего, Вольдемаръ.

Владиміръ. Какъ ничего? Полно дурачиться, мой милый, опять простудишься; садись сюда.

Мирославскій (*тихо Богатонову*). Иванъ Сидорычъ, да кто изъ нихъ отецъ-то?

Богатоновъ. Кто отецъ? А, понимаю! Какъ ты думаешь, князь, вѣдь Мирославскому-то странно, что ты такъ обращаешься съ своимъ сыномъ.

Князь. Неужели! и это васъ удивляетъ?

Мирославскій. Признаюсь, сударь...

Князь. И можетъ быть не нравится?

Мирославскій. Вотъ это другое дѣло: всякій имѣетъ право мыслить и поступать, какъ ему угодно,—и потому, князь, извините, если я не буду отвѣчать на вашъ вопросъ.

Князь. Почему же нѣтъ, г. Мирославскій? Отчего не поспорить, не пофилософствовать? Прошу покорно.

Мирославскій. Если вамъ угодно.

Князь. Напримѣръ, отчего вы полагаете, что сынъ не можетъ говорить отцу—ты?

Мирославскій. А вотъ почему, князь: глупо-ли оно, или умно, но у насъ уже принято, что это выраженіе предполагаетъ какое-то равенство, которое между отцомъ и сыномъ существовать не можетъ.

Князь. Не можетъ! а почему, если смѣю спросить?

Мирославскій. Я увѣренъ, сударь, что сынъ...

Богатоновъ. Эй, братъ, не спорь.

Мирославскій. Что сынъ можетъ любить отца своего болѣе даже, чѣмъ друга; но думаю,

Digitized by Google

однакожъ, что это равенство, необходимое между истинными друзьями, не можетъ существовать тамъ, гдѣ одинъ человѣкъ обязанъ другому всѣмъ, даже своею жизнію.

Владиміръ. Признаюсь, г. Мирославскій, ваша логика забавна. Я обязанъ отцу моему всѣмъ за то, что онъ далъ мнѣ жизнь,—это правда; но все-таки я не могу согласиться съ вами.

Князь. Конечно, конечно.

Владиміръ. Надѣюсь, вы согласитесь, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ государства просвѣщеннѣе Франціи; ну, сударь, а тамъ этотъ обычай, который кажется вамъ страннымъ, сдѣлался почти общимъ.

Мирославскій. Быть можетъ, но...

Богатоновъ. Полно сраниться, братецъ; гдѣ тебѣ съ нимъ спорить!

Князь. Тамъ, сударь, неизвѣстенъ этотъ семейный деспотизмъ, это рабское повиновеніе, унижающее человѣка; тамъ какой верхъ просвѣщенія! какое торжество истинной философіи! Тамъ, сударь, отецъ и сынъ друзья.

Мирославскій. Все такъ, князь, между друзьями бой равный; а если отецъ съ сыномъ заспорятъ: одинъ захочетъ поставить на своемъ—прикажетъ ломать; другой начнетъ упрямиться...

Князь. И, сударь, захочетъ! прикажетъ! Да это самовластіе прилично только тѣмъ, кои не имѣютъ никакого просвѣщенія, никакой философіи...

Мирославскій. По крайней мѣрѣ согласитесь, что неравенство лѣтъ...

Владиміръ. Неравенство лѣтъ! Ну такъ чтожъ? Всѣ крайности сближаются, и нѣтъ сомнѣнія, что разсудокъ дряхлаго старика и умъ весьма молодого человѣка почти равны межъ собою.

Князь. Вотъ это вздоръ, сударь...

Владиміръ. Нѣтъ, папа, не вздоръ. Я скажу еще лучше, если есть какое неравенство между молодымъ человѣкомъ и старикомъ, то тѣмъ хуже для послѣдняго: молодой человѣкъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ новыя познанія; разсудокъ его дѣлается совершеннѣе, понятія развиваются; а старикъ съ каждымъ годомъ становится глупѣе...

Князь. Владиміръ! я совѣтовалъ-бы тебѣ...

Владиміръ (*не слушая*). Воображеніе его хладѣетъ: онъ забываетъ все—и скорыми шагами приближается къ первобытному своему состоянію, то-есть дѣлается опять ребенкомъ.

Мирославскій. Иванъ Сидорычъ! это и до насъ касается.

Князь (*съ досадою*). Позволь тебѣ сказать, Владиміръ, ты сегодня не разсуждаешь, а бредишь.

Владиміръ (*насмѣшливо*). Въ самомъ дѣлѣ?

Князь. Да, сударь! Ты судишь о вещахъ какъ мальчишка.

Владиміръ. Какъ мальчишка? Это ужъ обидно!

Князь. Да, да! какъ недоучившійся школьникъ.

Владиміръ. Браво, папа! да ты сердишься? Вотъ оно каково: лишь дошло до насъ дѣло, такъ и философія вся къ чорту.

Князь. До насъ! какъ до насъ? Что вы этимъ хотите сказать?

Владиміръ. Ничего; я хочу сказать, что...

Князь. Нельзя-ли замолчать.

Владиміръ. Замолчать! вы шутите?

Князь. Нѣтъ, сударь, не шучу.

Владиміръ. Право! ну, а если мнѣ хочется говорить?

Князь (*вставая*). Я, сударь, вамъ приказываю!

Владиміръ. Приказываете? что-то новое

Богатоновъ. Господа, господа! что вы?

Мирославскій (*тихо Богатонову*). Не мѣшай имъ, братецъ, вѣдь они друзья.

Князь (*Владиміру*). Не забудьте, сударь, что уваженіе, которымъ вы мнѣ обязаны...

Владиміръ. Между друзьями оно должно быть взаимное; но если одинъ изъ нихъ до того выжилъ изъ ума, что думаетъ приказывать..!

Князь. Какая дерзость! Да какъ ты смѣешь?

Богатоновъ. Князь!

Владиміръ. Какъ я смѣю! Ха, ха, ха! Какъ я смѣю! Ну, право, папа, тебя надобно будетъ скоро пеленать.

Князь. Пеленать... Ахъ, ты негодный! (*Хочетъ на него броситься*).

Богатоновъ (*удерживая*). Что ты, любезный? Помилуй!

Князь. Я тебя проучу, мальчишка!

Владиміръ. Часъ отъ часу лучше! Ха, ха, ха!

Князь. Пусти меня, братецъ, пусти!

Владиміръ. Оставьте его, Иванъ Сидорычъ. Посмотримъ, какъ онъ меня проучитъ.

Богатоновъ. Что вы, что вы! съ ума что-ль сошли.

Князь. Безпутный!... наглецъ!... грубіянъ!...

Владиміръ. Ха, ха, ха!

Мирославскій (*въ сторону*). Какой верхъ просвѣщенія! Какое торжество истинной философіи!

Богатоновъ (*Владиміру*). Какъ тебѣ не стыдно?

Владиміръ. Вольно-жъ ему бѣситься.

Богатоновъ (*князю*). Опомнись, мой другъ.

Князь. Забыться до такой степени!

Богатоновъ. Да вѣдь вы друзья.

Князь. Друзья!... конечно!... я не спорю!... мы друзья... но со всѣмъ тѣмъ...

Богатоновъ. Эхъ, братецъ! да не всякое лыко въ строку; ну, погорячились,—что за бѣда? Не сердись на него. (*Владиміру*). И, милый! Князь и безъ того такой тщедушный, а ты его сердишь;—ну, что хорошаго? закашляется, да и умретъ,—помирись съ нимъ.

Владиміръ. Пожалуй! я не сержусь: ребенку и старику надобно извинять все. (*Подходитъ къ князю*). Полно, папа, гнѣваться.

Князь. Всему есть границы, сударь.

Владиміръ. Какая странность! ты началъ самъ.

Богатоновъ. Перестаньте.

Князь. Я надѣюсь, Владиміръ, что въ другой разъ...

Богатоновъ. Полно, полно! Обнимитесь;—вотъ такъ.

Князь. Мнѣ, право, совѣстно, что г-нъ Мирославскій былъ свидѣтелемъ этой сцены.

Мирославскій (*улыбаясь*). Ничего, сударь, ничего; это бездѣлица! то-ли еще между друзьями бываетъ. (*Богатонову, вполголоса*). А что, Иванъ Сидорычъ, я думаю, иногда случается...

Богатоновъ. Что такое? что? нѣтъ, братецъ, до драки у нихъ никогда не доходитъ.

Мирославскій. Впрочемъ и это-бы не бѣда—дѣло домашнее.

Князь. Я, право, не знаю, что съ нимъ сегодня сдѣлалось.—Однакожъ, господинъ Мирославскій, могу васъ увѣрить, наша дружба отъ этого нимало не потерпитъ.

Digitized by Google

Богатоновъ. Правда, милый, правда! Вотъ такъ-то они каждый день другъ друга пудрятъ,—а все друзья!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Прохорычъ.

Прохорычъ. Прикажете, сударь, сбирать къ столу?

Богатоновъ. А что, пора уже, я думаю? Вели накрывать; да закусить бы намъ чего-нибудь.

Прохорычъ. Закуска приготовлена въ гостиной.

Богатоновъ. Такъ пойдемте-ка, господа. Милости прошу! (*Богатоновъ, князь, Прохорычъ и Мирославскій уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Владиміръ (*одинъ*).

Пора приниматься за дѣло. Иванъ Сидорычъ открылъ мнѣ, въ чемъ будетъ состоять его сюрпризъ; и если сестра согласится мнѣ помогать, то наши дѣла пойдутъ прекрасно! Богатоновъ, вмѣсто того, чтобъ дать сюрпризъ другимъ, сдѣлаетъ его самому себѣ. Я нахохочусь до сыта, пріятель мой будетъ счастливъ, а батюшка... Посердится, посердится,—да перестанетъ. Надобно только человѣкъ трехъ путемъ подурачить.—А! кто-то пріѣхалъ... Сундукова!—Очень хорошо;—начнемъ съ нея.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Владиміръ и Сундукова.

Сундукова (*оборотясь къ дверямъ*). Карпушка! останься самъ здѣсь, а линея чтобъ ѣхала домой, слышишь? Ахъ, здравствуйте, князь.

Владиміръ. Ахъ, Марья Юдишна! позвольте на себя полюбоваться. Какъ вы авантажны! какъ хороши!...

Сундукова. Въ самомъ дѣлѣ, ваше сіятельство?

Владиміръ. По-чести, вы сегодня обворожительны! Вѣдный именинникъ! теперь-то ты совсѣмъ пропалъ!

Сундукова. Что вы, батюшка, отчего ему пропасть?

Владиміръ. Отчего, отчего! и вы это спрашиваете?

Сундукова. Да я, право, не понимаю.

Владиміръ. Можетъ-ли это быть? Неужели вы до спхъ поръ не замѣтили, что Богатоновъ безъ памяти въ васъ влюбленъ?

Сундукова. Что вы, князь?

Владиміръ. Неужели въ самомъ дѣлѣ вы не замѣтили? да это въ глаза бросается!—Послушайте, сударыня, мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами; я васъ истинно люблю и уважаю. Г-нъ Богатоновъ также человѣкъ честный, хорошій...

Сундукова. Какъ, сударь! такъ вы не шутите?

Владиміръ. Боже сохрани! шутятъ-ли такимъ важнымъ дѣломъ; вы увидите, можетъ быть, сегодня... онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе.

Сундукова. Прошу покорно! Признаюсь, князь, я и сама было кой-что ужъ замѣчала; да у насъ прошелъ слухъ, что онъ женится на вашей сестрицѣ.

Владиміръ. Какой вздоръ! Ну можетъ-ли быть, чтобъ человѣку солидному, степенному, каковъ Иванъ Сидорычъ, понравилась такая молоденькая дѣвочка? Дѣло другое дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ—похожая на распустившуюся уже розу: напримѣръ, вы, сударыня.

Сундукова. Ахъ! полноте шутить, милый князь.

Владиміръ. А сестра моя... такъ и быть, открою вамъ эту семейственную тайну,—она выходитъ за Зарѣцкаго.

Сундукова. Въ самомъ дѣлѣ?

Владиміръ. Видите-ли, какъ я съ вами откровененъ.

Сундукова. Помилуйте, князь! я хочу вамъ заплатить тѣмъ-же. Присовѣтуйте, что мнѣ дѣлать? За меня еще сватается женихъ.

Владиміръ. О! за женихами у васъ дѣло не станетъ. А кто это?

Сундукова. Вашъ батюшка.

Владиміръ. Нѣтъ! шутите?

Сундукова. Да, сударь, онъ со мною уже изъяснился.

Владиміръ. Ай да папа! Какъ онъ исподтишка изволитъ пошаливать.

Сундукова. Какъ вы думаете?

Владиміръ. Для меня весьма было-бы пріятно называть васъ маменькой; но я предпочитаю вашу пользу своему удовольствію и для того совѣтую вамъ лучше выйти за Богатонова.

Сундукова. Но князь такъ любезенъ, такъ уменъ...

Владиміръ. А Иванъ Сидорычъ такъ добръ, такъ богатъ...

Сундукова. Да, кажется, и князь имѣетъ хорошее состояніе.

Владиміръ. Да, это правда!... Но между нами будь сказано: имѣніе, которымъ владѣетъ батюшка, почти все принадлежитъ мнѣ съ сестрой.

Сундукова. Неужели!

Владиміръ. Впрочемъ, любовь не разбираетъ состоянія.

Сундукова. Конечно, конечно. Итакъ, вы думаете, что я лучше сдѣлаю...

Владиміръ. Я ничего не думаю, сударыня: тутъ должно рѣшить ваше сердце.

Сундукова. Ахъ, сударь! я не знаю, сказать-ли мнѣ?...

Владиміръ. Ахъ, сударыня! говорите.

Сундукова. Ахъ, князь! мнѣ кажется, сердце мое согласно съ вашимъ мнѣніемъ.

Владиміръ. Ахъ, Марья Юдишна! какъ сердце ваше благоразумно поступаетъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Даша.

Даша (*Сундуковой*). Княжна проситъ васъ къ себѣ, сударыня.

Владиміръ. Мы поговоримъ объ этомъ еще послѣ; а теперь позвольте мнѣ, сударыня, имѣть честь проводить васъ къ сестрѣ.

Сундукова. Съ величайшею охотою, любезный князь! (*Уходятъ*).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ столовую комнату. Кромѣ стола, за которымъ обѣдаютъ, въ глубинѣ театра также столъ, накрытый скатертью, служащій вмѣсто буфета.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Богатоновъ, князь, Владиміръ, Оленька, Сундукова, Мирославскій, Ладушкинъ, (*сидятъ за столомъ*). Демьянъ и множество слугъ (*въ разныхъ ливреяхъ и платьяхъ*). *)

Богатоновъ. Матушка Марья Юдишна! чтожъ вы не изволите кушать? Сдѣлайте милость!

Сундукова. Я ужь сыта, Иванъ Сидорычъ.

Богатоновъ. Да на здоровье кушайте, сударыня, кушайте.

Владиміръ (*тихо Сундуковой*). Посмотрите, какъ именинникъ вами занимается: такъ и глядитъ вамъ въ глаза.

Сундукова. Перестаньте князь, услышатъ.

Богатоновъ. Э! Андрей Карпычъ! ты ничего не пьешь? Сенька! налей ему.

Ладушкинъ. Нижайше благодарю.

Богатоновъ. Да пей, братецъ,—вѣдь это пиво. Подавай малагу!

Сундукова. Что вы, матушка княжна, сегодня скучны?

Оленька. Такъ-съ, ничего.

Сундукова. То-то, смотрите, милая, чтобъ у васъ меланхолія не сдѣлалась; я сама ею цѣлый годъ страдала.

Богатоновъ (*князю*). Чтожъ это, князь? Малажки-то, батюшка, малажки. Прошу покорно.

Князь. Я не охотникъ до сладкихъ винъ.

Богатоновъ. А вотъ сейчасъ подадутъ покрѣпче. Шампанскаго!

Владиміръ (*Сундуковой*). Надѣюсь, отъ этого вина вы не откажитесь,—это за здоровье именинника.

Богатоновъ. Андрей Карпычъ! (*Ладушкинъ встаетъ и подходитъ*). Послушай, любезный, стань къ окну, да смотри, какъ я мигну—понимаешь.

Ладушкинъ. Разумѣю, Иванъ Сидорычъ, разумѣю! (*Подходитъ къ окну. Князю подаютъ шампанскаго*).

Князь. За здоровье именинника!—исполненіе всѣхъ его желаній!

Богатоновъ. Покорнѣйше благодарю! Андрей Карпычъ. (*Ладушкинъ махаетъ салфеткою; слышенъ выстрѣлъ*).

Сундукова. Ай! что это такое?

Богатоновъ. Ничего, сударыня, ничего.

Сундукова. Иванъ Сидорычъ, я боюсь.

Богатоновъ. И, сударыня, есть чего бояться;—что это за стрѣльба? Погодите, матушка, можетъ быть у меня будетъ скоро праздникъ почище сегодняшняго; вотъ тутъ послушайте; велю всѣ пушки зарядить двойными зарядами, то-то будетъ трескотня. Пр знаюсь, господа, люблю пальбу.

Мирославскій. Поздравляю тебя, м другъ, съ именинами.

Богатоновъ. Спасибо, пріятель. (*Дѣлае знакъ Ладышкину*).

Сундукова. Ахъ, княжна! у меня серд такъ и замираетъ,—сейчасъ выпалятъ.

Богатоновъ. Ну чтожъ тамъ зѣваютъ Эхъ, братецъ! махни хорошенько.

Владиміръ. Ваше здоровье!

Богатоновъ Благодарю.—Андрей Ка пычъ! Что это?

Ладушкинъ. Помилуйте, всю руку отм талъ.

Богатоновъ. Такъ, такъ! подгадятъ ка подгадятъ—злодѣи!

Оленька и Сундукова. Ваше здоровь Иванъ Сидорычъ.

Богатоновъ. Покорнѣйше благодарю! Ахъ они варвары! не стрѣляютъ да и тольк (*Ладушкину*). Сбѣгай, да посмотри, что они пр клятые стали! (*Ладушкинъ уходитъ*).

Князь. Полно, милый, не сердись, что з бѣда!—да у тебя обнова. Откуда взялись эт картины?

Богатоновъ. Я купилъ ихъ еще прошлаг года. Знатныя картины! А особливо одна - удивительная!

Мирославскій. Историческая?

Богатоновъ. Нѣтъ, братецъ, не истори ческая.

Князь. Понимаю! Миѳологическая?

Богатоновъ. И не миѳологическая, а про сто Венера.

Князь. Венера! да гдѣ-же она?

Богатоновъ. А вотъ съ краю-то, въ бѣ ломъ капотѣ.

Князь. Венера въ капотѣ?

Богатоновъ. Да, теперь въ капотѣ, какъ я ее купилъ, то куда она плохо была одѣта.

Владиміръ. Такъ это вы уже надъ не сжалились, Иванъ Сидорычъ?

Богатоновъ. Да, милый! Я отдалъ ее Ванькѣ живописцу; онъ у меня дѣтина про воръ: разомъ ее въ капотъ нарядилъ.

Владиміръ. Прошу покорно! я не зналъ что онъ такой художникъ.

Богатоновъ. Какъ-же, братецъ. (*Слышенъ шумъ между слугами*). Что вы расшумѣлись, ду рачье! за подачку подрались? Я васъ!

Демьянъ (*подходитъ къ Богатонову и вполголоса*). Извольте-ка, сударь, взглянуть въ окошко.

Богатоновъ. Что такое?

Демьянъ. За дворомъ что-то горитъ.

Богатоновъ. Ахти, пожаръ!

Оленька. Пожаръ!

Сундукова. Пожаръ? Ахъ, Боже мой! (*Всѣ встаютъ изъ-за стола*).

Богатоновъ. Ничего, ничего! не безпокойтесь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Ладушкинъ.

Богатоновъ. Ну, что, Андрей Карпычъ?

Ладушкинъ. Бѣда, батюшка—пожаръ!

Богатоновъ. Да гдѣ горитъ? и отчего загорѣлось?

Ладушкинъ. Горитъ, сударь, гумно, а загорѣлось отъ пушки: пыжомъ попало въ одонье.

*) *Примѣчаніе для актеровъ:* дѣйствующія лица расположены слѣдующимъ образомъ: съ боку на лѣвой сторонѣ отъ зрителей сидитъ Богатоновъ; прямо, противъ зрителей, начиная отъ Богатонова: Ладушкинъ, Мирославскій, князь, Оленька, Сундукова; на углу, съ правой стороны отъ зрителей, Владиміръ.

Digitized by Google

донье вспыхнуло, отъ него занялся овинъ, а теперь, чай, и рига ужъ горитъ.

Сундукова. Какой ужасъ! Ахъ! мнѣ дурно!

Князь. Оленька! проводи скорѣй Марью Ивановну въ свою комнату. Не бойтесь, сударыня, это ничего. (*Сундукова и Оленька уходятъ*).

Ладушкинъ. Побѣгу опять на пожаръ, такъ-бы и до моего дворишка не добралось. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, безъ Сундуковой, Оленьки и Ладушкина.

Богатоновъ. Да чего всѣ перепугались? Вѣдь у меня не такъ, какъ у другихъ: большой порядокъ; всякій знаетъ свое дѣло. Напримѣръ, пожарные случаи по части моихъ дворовыхъ людей; посмотрите, какъ они повернутъ,—въ полчаса какъ ничего не бывало.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Прохорычъ.

Богатоновъ. Ну что, Прохорычъ, тушатъ-ли пожаръ?

Прохорычъ. Никакъ нѣтъ, сударь!

Богатоновъ. Какъ нѣтъ!—да чтожъ дѣлаютъ депутаты?

Прохорычъ. Собрались, сударь, въ сборную избу и такъ спорятъ, что и Боже упаси!

Богатоновъ. Да о чемъ-же они окаянные спорятъ?

Прохорычъ. Одни говорятъ, что надобно на пожаръ трубу отправить, другіе стоятъ въ томъ, что должно послать туда бабъ съ ведрами: такъ прислали меня спросить, какъ прикажете?

Богатоновъ. Ахъ, разбойники! они спорятъ, а гумно-то межъ тѣмъ горитъ!

Прохорычъ. Горитъ, сударь.

Богатоновъ. Бѣги скорѣй на конюшню, да скажи кучерамъ, чтобъ сейчасъ везли трубу на пожаръ. (*Слугамъ*). Эй вы, сволочь! чтожъ стали?... всѣ туда-же. (*Всѣ слуги уходятъ*).

Прохорычъ. Депутатамъ-то что прикажете сказать?

Богатоновъ. Гони ихъ всѣхъ дубиной изъ сборной избы.

Прохорычъ. Слушаю, сударь. (*Уходитъ*).

Князь. Ты слишкомъ опрометчивъ, мой другъ. Депутаты твои поступили какъ должно: они не могли согласиться въ средствахъ и требовали твоего разрѣшенія; а ты вмѣсто того, чтобъ утвердить одно изъ мнѣній, поступаешь самопроизвольно...

Богатоновъ. Да помилуй, князь!...

Князь. Воля твоя, мой другъ, это деспотизмъ.

Богатоновъ (*съ сердцемъ*). Деспотизмъ! деспотизмъ! эхъ, братецъ!... Да что въ самомъ дѣлѣ? вѣдь гумно-то горитъ не твое, а мое.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Прохорычъ.

Прохорычъ. Баринъ, сударь!...

Богатоновъ. Что ты?

Прохорычъ. Худо, батюшка! заливная труба вовсе не годится: совсѣмъ разсохлась.

Богатоновъ. Ну, одно къ одному! да чего-жъ смотрѣли проклятые депутаты?...

Прохорычъ. Они говорятъ, что ни въ чемъ не виноваты. Депутатъ Бобылевъ завѣдывалъ пожарными инструментами.

Богатоновъ. Такъ отчего-же?...

Прохорычъ. А вотъ изволите видѣть: Бобылевъ, имѣя другія занятія, отдалъ ихъ подъ присмотръ кучеру Федоту; Федотъ, у котораго и безъ того на рукахъ всѣ экипажи, препоручилъ ихъ конюху Вавилѣ, Вавила положился на своего помощника форейтора Степку...

Богатоновъ. Ну такъ чтожъ дѣлалъ Степка?

Прохорычъ. А Степка-то, сударь, ничего ужъ не дѣлалъ; онъ третій мѣсяцъ не встаетъ съ постели!...

Мирославскій. Вотъ видишь-ли, мой другъ, что господскій-то надзоръ вездѣ нуженъ, вѣдь не даромъ пословица: у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу!

Богатоновъ. Ахъ, они негодяи! Да полно, будетъ дурачиться... депутаты!... чортъ-бы ихъ взялъ—депутаты!

Мирославскій. Пойдемъ лучше на пожаръ сами: это будетъ вѣрнѣе.

Богатоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего добраго—они меня всего сожгутъ, злодѣи!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Ладушкинъ.

Ладушкинъ. Иванъ Сидорычъ!

Богатоновъ. Ну, еще что-нибудь.

Ладушкинъ. Нѣтъ, сударь, слава Богу! овинъ потушили, ригу отстояли и одно только одонье сгорѣло.

Князь. Вотъ, мой другъ, ты по пустому горячился: депутаты твои не теряли времени.

Ладушкинъ. Нѣтъ, ваше сіятельство! гдѣбы имъ: они и теперь еще шумятъ въ сборной избѣ, такъ что и святыхъ вонъ понеси! а дай Богъ здоровье сосѣду нашему господину Зарѣцкому: прислалъ своихъ людей съ трубами и самъ прибѣжалъ на пожаръ.

Богатоновъ. Ай да сосѣдъ! Спасибо ему! по милости его дешево я отдѣлался. — Нѣтъ! полно! у меня будетъ все по прежнему. Воля твоя, князь, сердись или нѣтъ, а выдумка твоя гроша не стоитъ.

Князь. Да развѣ я виноватъ, что у насъ ничего путнаго завести не можно.

Богатоновъ. Какъ насъ всѣхъ перепугали! И надобно-же было этой бѣдѣ случиться! Ну, да дѣлать нечего. Не угодно-ли вамъ теперь, господа, ко мнѣ въ кабинетъ? кому отдохнуть, кому выкурить трубку; прошу покорно!

Мирославскій. Пойдемте, князь.

Богатоновъ (*Владиміру*). Подожди меня здѣсь; мнѣ надобно съ тобой поговорить. (*Всѣ, кромѣ Владиміра, уходятъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Владиміръ (*одинъ*).

Сестра за обѣдомъ играла хорошо свою роль: теперь если-бы только уговорить ее... Да вздоръ! она долго упрямиться не будетъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Владиміръ и Зарѣцкій.

Зарѣцкій. Слава Богу! пожаръ кончился.

Владиміръ. А, Зарѣцкій! Ну что, мой милый, все-ли у тебя готово?

Зарѣцкій. Все, мой другъ. Въ девять часовъ моя коляска будетъ у воротъ сада; тетушка моя знаетъ все, мы ускачемъ къ ней въ деревню, и, не заѣзжая въ домъ, отправимся прямо въ церковь. Но увѣренъ-ли ты, что Оленька рѣшится?..

Владиміръ. Убѣжать съ тобою? Рѣшится, мой милый: надобно только тебѣ съ нею переговорить: одно слово страстнаго любовника подѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ всѣ мои краснорѣчивыя фразы.

Зарѣцкій. Вотъ то-то и бѣда! Какъ найду я случай поговорить съ нею наединѣ? Богатоновъ не отходитъ отъ нея ни на минуту.

Владиміръ. Ну такъ что-жъ? Ты можешь при немъ изъясниться съ нею.

Зарѣцкій. Ты шутишь!

Владиміръ. Нѣтъ, не шучу. Дай мнѣ только съ нимъ переговорить: я его такъ настрою, что онъ самъ будетъ помогать.

Зарѣцкій. Но какимъ образомъ?

Владиміръ. Это не твое уже дѣло. Онъ сейчасъ сюда будетъ: уйди поскорѣе и приходи опять черезъ нѣсколько минутъ.

Зарѣцкій. Хорошо. Только я желалъ-бы очень...

Владиміръ. Уйди поскорѣе. (*Зарѣцкій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Владиміръ (*одинъ*).

Ну, Иванъ Сидорычъ! Сундукова уже готова: теперь пора приниматься за васъ.—А, вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Владиміръ и Богатоновъ.

Богатоновъ. Послушай, князь, ты долженъ быть мною доволенъ: во весь обѣдъ я не говорилъ ни слова съ твоей сестрой: теперь скажи мнѣ, для чего я долженъ былъ это дѣлать?

Владиміръ. А вотъ для чего: я хотѣлъ увѣриться, точно-ли сестра васъ любитъ.

Богатоновъ. Чтожъ ты думаешь?

Владиміръ. Теперь я не имѣю въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Богатоновъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Владиміръ. Сегодня поутру, когда вы изъяснились ей въ любви, она не хотѣла васъ слушать,—не правда-ли?

Богатоновъ. Правда, правда!

Владиміръ. Обошлась съ вами очень холодно,—не такъ-ли?

Богатоновъ. Да, да! очень холодно.

Владиміръ. А за обѣдомъ безпрестанно на васъ взглядывала и потихоньку улыбалась!

Богатоновъ. Точно, точно улыбалась!

Владиміръ. Когда же увидѣла, что вы этого не замѣчаете, то вдругъ сдѣлалась печальна. Все это доказываетъ, что она васъ любитъ, а хотѣла только немного почваниться.

Богатоновъ. А что думаешь, князь, вѣдь это быть можетъ?

Владиміръ. Точно! Но погодите, мы еще путемъ прошколимъ. Послушайте, начните при ней волочиться за Сундуковой:—это приведетъ ее въ отчаяніе.

Богатоновъ. Въ отчаяніе?—Ахъ милый!

Владиміръ. Что, чай, жалко? Полноте! Чего ее жалѣть: она хотѣла васъ мучить, а ей спускать. Нѣтъ, Иванъ Сидорычъ, проучимъ ее хорошенько.

Богатоновъ. Ну, а если она больно огорчится?

Владиміръ. Такъ чтожъ? подѣломъ ей—не чванься.

Богатоновъ. Такъ, братецъ, такъ!—Да Маріа-то Юдишна можетъ въ самомъ дѣлѣ подумать...

Владиміръ. Пускай себѣ думаетъ,—что за бѣда? Намекните ей даже о свадьбѣ, да только погромче, чтобъ сестра слышала: это произведетъ удивительное дѣйствіе! Я воображаю себѣ, Оленька съ вами заговариваетъ, вы отвѣчаете сухо, холодно: подходите къ Сундуковой—сестра начинаетъ безпокоиться: вступаете съ ней въ разговоръ—сестра бѣднѣетъ отъ ревности, и, чтобъ скрыть свою досаду и чѣмъ-нибудь вамъ отомстить—начинаетъ говорить съ первымъ мужчиною, который попадается ей въ глаза, — напримѣръ, съ Зарѣцкимъ...

Богатоновъ. Какъ, братецъ!..

Владиміръ. Да это ничего. Вашъ разговоръ съ Сундуковой становится часъ отъ часу нѣжнѣе: сестра начинаетъ говорить съ Зарѣцкимъ очень ласково...

Богатоновъ. Помилуй!

Владиміръ. Это ничего. Вы изъясняетесь въ любви: сестра, слушая Зарѣцкаго, улыбается, глядитъ на него съ нѣжностію...

Богатоновъ. Съ нѣжностію! Какъ съ нѣжностію!

Владиміръ. Это ничего. Вы намекаете о свадьбѣ, сестра...

Богатоновъ. Нѣтъ, любезный, слуга покорный!..

Владиміръ. Это ничего.

Богатоновъ. Какъ ничего! Что ты, братецъ.

Владиміръ. Да неужели вы не понимаете, что все это дѣлается нарочно — на зло вамъ.

Богатоновъ. Знаю, знаю! Однакожъ...

Владиміръ. Повѣрьте, вамъ нечего бояться.

Богатоновъ. Да чѣмъ-же это кончится?

Владиміръ. А вотъ чѣмъ. Когда сестра увидитъ, что васъ ничто не беретъ, то перестанетъ скрывать истинныя свои чувства: любовь и ревность, досада и самолюбіе, всѣ эти сильныя страсти произведутъ въ душѣ ея... то броженіе... которое... вы меня понимаете?

Богатоновъ. Понимаю, братецъ. Броженіе страстей—понимаю!

Владиміръ. Точно, точно, броженіе страстей. Вы это знаете?

Богатоновъ. Какъ-же, князь: я читалъ объ этомъ въ „Клевеландѣ", въ „Мирамондѣ" и во многихъ другихъ романахъ.

Владиміръ. Слѣдовательно вы знаете также, что это счастливая минута для любовника. Я, какъ братъ, начну васъ мирить; потребую, чтобъ Оленька сказала рѣшительно: да или нѣтъ; сестра, узнавъ на опытѣ, что съ вами шутить опасно, подумаетъ, подумаетъ и

Digitized by Google

скажетъ—да; мы сдѣлаемъ тотчасъ помолвку, и всѣ хлопоты будутъ кончены.

Богатоновъ. Вотъ это-то и надобно. Ты знаешь самъ, если мы сегодня не кончимъ, то сюрпризъ мой пойдетъ къ чорту.

Владиміръ. То-то и есть.

Богатоновъ. Такъ и быть, только ужъ пожалуйста, братецъ, не томи ея: лишь замѣтимъ, что бореніе страстей началось, такъ ты скорѣе и на выручку.

Владиміръ. Не безпокойтесь, это мое ужъ дѣло.

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Зарѣцкій.

Богатоновъ. А, сосѣдъ дорогой! спасибо, что помогъ бѣдѣ! очень благодаренъ.

Зарѣцкій. Не за что, сударь; на моемъ мѣстѣ всякій-бы это сдѣлалъ. (*Тихо Владиміру*). Ну, что Богатоновъ?

Владиміръ. Готовъ, мой милый.

Богатоновъ. А! никакъ наши барышни сюда идутъ? Точно такъ! Княжна и Марья Юдишна.

Владиміръ. Вмѣстѣ? Прекрасно! (*Вполголоса Богатонову*). Не упускайте этого случая; да смотрите, холодность, пренебреженіе...

Богатоновъ. Да ужъ если пошло на то, такъ небось не выдамъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-жѐ, Сундукова и Оленька.

Оленька (*Богатонову*). Что пожаръ, сударь?

Богатоновъ. Ничего-съ. Какъ вы себя чувствуете, Марья Юдишна?

Сундукова. Прошло, сударь.

Оленька. Такъ поэтому потушили?

Богатоновъ. Да-съ. (*Сундуковой*). Вы перепугались очень, матушка?

Сундукова. Какъ-же, у меня сердце такъ замерло.

Оленька. И больше ничего не сгорѣло?

Богатоновъ. Нѣтъ-съ. Да не угодно-ли вамъ присѣсть, Марья Юдишна. Мнѣ съ вами словца два надобно перемолвить. Вотъ сюда, прошу покорно. (*Подаетъ ей стулъ и садится самъ подлѣ нея*).

Зарѣцкій (*подавая Оленькѣ стулъ*). Не прикажете-ли, княжна? (*Садятся другъ подлѣ друга, на противной сторонѣ театра*).

Богатоновъ (*тихо Владиміру*). Ну что?

Владиміръ (*также*). Да такъ, ничего; посмотрите-ка, что съ сестрой дѣлается.

Богатоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, братецъ, на ней лица нѣтъ!

Владиміръ. Ништо ей! умнѣй впередъ будетъ. Начинайте, начинайте.

Богатоновъ (*Сундуковой*). Что это, матушка, какъ вы моложавы: ужъ вотъ лѣтъ тридцать, какъ я васъ знаю,—а все цвѣтете какъ роза.

Владиміръ. Что вы, Иванъ Сидорычъ! да Марьѣ Юдишнѣ и теперь нѣтъ тридцати лѣтъ.

Богатоновъ. Какъ-бы то ни было, сударыня, а вы прекрасны, и признаюсь, для меня удивительно, очень удивительно... (*Оглядывается*).

Сундукова. Что такое?...

Богатоновъ (*безпрестанно оглядывается*). Ничего, сударыня, ничего.

Зарѣцкій (*вполголоса Оленькѣ*). Но если намъ не осталось другого средства, если вашъ батюшка...

Богатоновъ. Князь! они о чемъ-то шибко разговариваютъ.

Владиміръ. Да не занимайтесь ими: вѣдь сестра все замѣчаетъ.

Сундукова. Что вы хотите мнѣ сказать?

Владиміръ. Онъ удивляется, сударыня, что вы до сихъ поръ не сдѣлали еще никакого выбора.

Сундукова. Ахъ, Иванъ Сидорычъ! я несчастная молодая сирота...

Богатоновъ (*оглядывается безпрестанно и не слушая*). Такъ, матушка, такъ!...

Сундукова. Кто захочетъ соединить свою судьбу съ моею!

Богатоновъ. Правда, сударыня, правда...

Сундукова (*Владиміру*). Что это значитъ?

Владиміръ. Вотъ истинная-то любовь, сударыня! — хочетъ сказать одно, а говоритъ другое. (*Богатонову*). Ну, сударь, что-же вы?

Богатоновъ. Конечно, конечно; истинная любовь великое дѣло! однакожъ, я знаю человѣка, который истинно васъ любитъ...

Владиміръ. Громче.

Богатоновъ. Да, сударыня, который истинно васъ любитъ, котораго ваша красота съ ногъ срѣзала, который... (*Оглядывается*).

Оленька (*вполголоса*). Нѣтъ! я никогда не соглашусь.

Богатоновъ. Князь! да она не слушаетъ.

Владиміръ. Не бойтесь, слова не проронитъ. (*Громко*). Какъ трудно влюбленному человѣку говорить рѣшительно. (*Сундуковой*). Да ободрите его чѣмъ-нибудь!

Сундукова. Ахъ, сударь!

Владиміръ. Какой взглядъ! и вы еще боитесь, Иванъ Сидорычъ.

Богатоновъ. Признаюсь—я не смѣю надѣяться.

Сундукова (*нѣжно*). Надѣйтесь!

Владиміръ. Ну, сударь, живѣе, живѣе.

Богатоновъ. Ахъ, матушка! что я слышу? какое счастье! какая радость!

Владиміръ. Продолжайте, сударь; не скрывайте долѣе то чувство, которое наполняетъ вашу душу! А ты, несчастная, молодая сирота, говори, рѣшай нашу участь.

Сундукова (*подавая Богатонову руку*). Вотъ мой отвѣтъ!

Богатоновъ. О, сударыня! (*тихо Владиміру*). Князь, что это? ужъ онъ цѣлуетъ у нея руку.

Владиміръ. Чтожъ вы ей спускаете? Цѣлуйте скорѣй сами.

Богатоновъ (*цѣлуетъ у Сундуковой руку*). Позвольте, матушка, позвольте!

Сундукова (*не отнимая руки*). Что вы дѣлаете? остановитесь!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и князь.

Князь. Что я вижу! (*Оленькѣ*). Что это значитъ, сударына? (*Сундуковой*). Признаюсь, Марья Юдишна, я не ожидалъ... (*Богатонову дѣлаетъ ему знакъ*).

Сундукова. Что такое князь?

Князь. Прекрасно, прекрасно!

Богатоновъ. Тсъ! Тсъ!

Digitized by Google

Князь (*Оленькѣ*). Ступайте въ свою комнату, сударыня.

Богатоновъ. Экій человѣкъ! не понимаетъ. (*Вполголоса*). Перестань!

Князь. Оленька! я тебѣ сказалъ...

Богатоновъ. Тьфу пропасть! да замолчишь-ли ты?

Сундукова (*Оленькѣ*). Не бойтесь, онъ не на васъ сердится. (*Громко*). Послушайте-ка, княжна, пойдемте въ садъ: время прекрасное. (*Тихо*). Зарѣцкій, пойдемте съ нами.

Оленька. Въ самомъ дѣлѣ, папенька, я пойду въ садъ.

Князь. Я вамъ сказалъ...

Сундукова. И, князь, какъ вамъ не стыдно? Ступайте, милая, ступайте. (*Оленька идетъ впередъ*). Пойдемте. Зарѣцкій. (*Подаетъ ему руку и уходитъ вслѣдъ за Оленькой*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ,

Князь, Богатоновъ и Владиміръ.

Князь. Они ушли, и Зарѣцкій съ ними! Что это значитъ?

Богатоновъ. А это значитъ то, что въ тебѣ ни на копейку нѣтъ толку.

Князь. Какъ! и ты же на меня сердишься.

Богатоновъ. Нужно было прекратить, все испортилъ,—и кто проситъ? Пожалуйста не мѣшайся.

Князь. Я не долженъ мѣшаться? Вотъ забавно! Зарѣцкій перешептывается съ Оленькой, а вы, сударь, женихъ ея, вмѣсто того, чтобъ остановить этотъ безпорядокъ, не стыдитесь сами...

Богатоновъ. Экій безтолковый! Да вѣдь это любовная хитрость!

Князь. Любовная хитрость.

Богатоновъ. Да, сударь; если бы ты не ворвался сюда какъ бѣшенный, то бореніе-бы страстей началось, и все-бы было кончено.

Князь. Что это значитъ?...

Богатоновъ. А это значитъ, что ревность, досада, любовь и прочія страсти... Да что съ тобою говорить! Ты, чай, этого не понимаешь.

Князь. Владиміръ! да скажи хоть ты!...

Владиміръ. Я точно также ничего не понимаю; спроси у него (*тихо Богатонову*). Не сказывайте ему: онъ вздумаетъ учить, и все испортитъ.

Князь (*Богатонову*). Признаюсь, для меня очень странно, и если ты мнѣ не растолкуешь...

Богатоновъ. Прошу не погнѣваться, не растолкую.

Князь. Но, сударь, я хочу знать...

Богатоновъ. На хотѣнье есть терпѣнье, любезный. Подожди до вечера.

Князь. Да знаешь-ли ты, что Зарѣцкій-то влюбленъ въ Оленьку.

Богатоновъ. Неужели, (*Владиміру*). Такъ вотъ что, милый, то-то онъ такъ и разсыпался... О, дуракъ, дуракъ!...

Князь. Мнѣ кажется, что и Оленька къ нему неравнодушна.

Богатоновъ. Право! ха, ха, ха!

Князь. Смѣйся, смѣйся.

Богатоновъ. Полно, братецъ, перестань.

Князь. Да если я знаю.

Богатоновъ. Ты ничего не знаешь.

Князь. Хорошо! вѣрь мнѣ или нѣтъ, только я не оставлю Оленьку одну съ Зарѣцкимъ.

Богатоновъ. Пожалуй, ступай къ нимъ; только смотри, не брони свою дочь, а не т мы поссоримся.

Князь (*уходя*). По чести, я туть ничего н понимаю.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Богатоновъ и Владиміръ.

Владиміръ. Я вамъ говорилъ, что мо папа совсѣмъ не знаетъ женщинъ.

Богатоновъ. Экая досада! что-бы ему минуть десять не придти послѣ.

Владиміръ. Да не безпокойтесь, кажется урокъ подѣйствовалъ.

Богатоновъ. Ты думаешь?..

Владиміръ. Не только думаю, но готовъ биться объ закладъ, что теперь сестра во всемъ со мною согласна.

Богатоновъ. Итакъ, мой сюрпризъ...

Владиміръ. Удастся—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Богатоновъ. А знатный будетъ сюрпризъ! Никто не знаетъ, что я хочу жениться. Я созову всѣхъ гостей въ садъ на площадку; махну, щитъ откроютъ, — Иванъ и Оленька! „Что это значитъ?“—А вотъ что: „Рекомендую вамъ мою невѣсту!“—Честь имѣю поздравить!—Шампанскаго! Виватъ! А, каково, братецъ?

Владиміръ. Прекрасно!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Филутони.

Филутони (*Богатонову*). Monsieur! укотна смотрѣть галери? Онъ совсѣмъ катовъ.

Богатоновъ. Ты ужъ галлерею убралъ? Хорошо, мы посмотримъ.

Филутони. Я сейшасъ пошолъ въ коратъ за маскаратна платья и транспарантъ. Пошалуй рисунка для шифръ.

Богатоновъ. Князь, ты обѣщалъ мнѣ нарисовать вензель?

Владиміръ. Ступайте въ галлерею, а я съ нимъ сейчасъ приду.

Богатоновъ. Хорошо. Смотри-же, мусье, попроворь, чтобъ къ восьми часамъ все поспѣло (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Владиміръ и Филутони.

Владиміръ. Ты знаешь, какой вензель долженъ быть на щитѣ?

Филутони. Monsieur Пакатонъ кафарилъ, што надопно Ифанъ и Оленька.

Владиміръ. Совсѣмъ не то. Вели сдѣлать по этому рисунку. (*Даетъ ему рисунокъ*).

Филутони (*смотритъ*). Карашо. И и емъ.

Владиміръ. Да, да! Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ.

Филутони. А! понимай.

Владиміръ. Теперь мнѣ надобно поговорить съ тобою о маскарадныхъ платьяхъ. Послушай...

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Сундуковъ.

Сундуковъ. А, ваше сіятельство! Гдѣ-же нашъ дорогой именинникъ?

Владиміръ. Вышелъ на минуту въ садъ. (*Филутони*). Пойдемъ, я скажу тебѣ, что мнѣ надобно. (*Сундукову*). Извините, что я васъ оставляю одного; Иванъ Сидорычъ сейчасъ будетъ. (*Уходитъ съ Филутони*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Сундуковъ (*одинъ*).

Въ садъ; видно, дѣлаетъ приготовленіе къ празднику. Въ воротахъ попался мнѣ цѣлый возъ плошекъ; чай, на эту дрянь рублей триста вышло. Не долго-же онъ этакъ протянется; да что и говорить—глупому сыну не въ помощь и богатство.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Сундуковъ и Сундукова.

Сундукова. Братецъ,—а, братецъ!

Сундуковъ. Что, матушка сестрица?

Сундукова. Я лишь увидѣла изъ окошка, что ты пріѣхалъ-то, и прибѣжала тотчасъ сюда: мнѣ надобно съ тобой переговорить.

Сундуковъ. О чемъ, сударыня?

Сундукова. Батюшка братецъ! ты занимаешь мѣсто покойнаго моего родителя, и хотя я уже вышла изъ ребячества...

Сундуковъ. Да, матушка, да! ты давно уже въ законныхъ лѣтахъ.

Сундукова. Однакожъ, не хочу безъ твоего совѣта и благословенія...

Сундуковъ. Благословенія? Ужъ не о свадьбѣ-ли идетъ дѣло?

Сундукова. Да, братецъ, пришелъ часъ воли Божіей.

Сундуковъ. Старая пѣсня, матушка, старая пѣсня!

Сундукова. Нѣтъ, сударь, за меня сватаются...

Сундуковъ. Да кой прахъ, сестра, весь свѣтъ за тебя сватается и никто не женится.

Сундукова. Чтожъ дѣлать, я очень разборчива; да мнѣ, кажется, и торопиться-то не къ чему.

Сундуковъ. Нѣтъ, сестра, торопись.

Сундукова. Поэтому ты согласенъ?

Сундуковъ. Погоди, погоди! Такъ ты точно выходишь замужъ?

Сундукова. Да, сударь, выхожу.

Сундуковъ. Кто-же этотъ богобоязливый человѣкъ?

Сундукова. Иванъ Сидорычъ Богатоновъ.

Сундуковъ. Богатоновъ?

Сундукова. Да, Богатоновъ; онъ сейчасъ со мною изъяснялся.

Сундуковъ. Въ самомъ дѣлѣ! (*Въ сторону*). Ну! такъ, видно, онъ еще глупѣе, чѣмъ я думалъ.

Сундукова. Что ты, братецъ?

Сундуковъ. Ничего, сестрица, ничего. (*Въ сторону*). Прошу покорно! ну, чѣмъ бы, кажется, прельститься.

Сундукова. Какъ-же ты думаешь?

Сундуковъ. Выходи съ Богомъ.

Сундукова. Такъ это кончено?

Сундуковъ. Кончено, да не совсѣмъ: ты знаешь, батюшка, умирая, отдалъ тебѣ во владѣніе двѣсти душъ, но съ тѣмъ, однакожъ, что ежели ты безъ моего согласія выйдешь замужъ, то это имѣніе должно поступить ко мнѣ.

Сундукова. Знаю, братецъ, да вѣдь ты согласенъ?

Сундуковъ. Согласенъ? Нѣтъ, душенька сестрица! запрещать я не запрещаю, а соглашаться не соглашаюсь!

Сундукова. Да почему-же?

Сундуковъ. Чтобъ я позволилъ тебѣ выйти за этого мота, который возами плошки покупаетъ,—какъ это можно!

Сундукова. Какъ! ты не позволяешь мнѣ?

Сундуковъ. Я не говорю этого: дѣлай что хочешь, и, если надобно, такъ я изъ дружбы и помогать тебѣ стану; но согласиться никакъ не могу.

Сундукова. Понимаю, сударь! вы хотите завладѣть моимъ имѣніемъ.

Сундуковъ. И, сестра, сестра! да изъ чего тебѣ тянуться-то? Ну, что двѣсти душонокъ? дрянь!

Сундукова. Что будешь дѣлать? Я теперь у него въ рукахъ. Послушай, братецъ, уступи мнѣ хоть половину.

Сундуковъ. Ни одной души.

Сундукова. Хоть триста-то десятинъ лѣсу...

Сундуковъ. Ни одного осминника! Что ты, сестра? Чтобъ я пошелъ противъ воли покойнаго моего родителя? Чтобъ сталъ тревожить его прахъ? Да Боже сохрани!

Сундукова. Братецъ, голубчикъ!..

Сундуковъ. И слушать не хочу! Пожалуйста, не искушай меня, сестра!

Сундукова. Хорошо-же, сударь, если такъ то будемъ съ вами судиться.

Сундуковъ. Милости просимъ.

Сундукова. Я выйду непремѣнно замужъ.

Сундуковъ. Выходи, матушка.

Сундукова. Ты меня ограбишь, но я все-таки буду втрое тебя богаче.

Сундуковъ. На здоровье.

Сундукова. И когда буду замужемъ, такъ прошу не знать моего дома.

Сундуковъ. Какъ угодно.

Сундукова. Прощайте, сударь!

Сундуковъ (*кланяется*). Слуга покорный!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Сундуковъ (*одинъ*).

Добро, говори себѣ, а двѣсти-то душъ со всѣми дачами и угодьями будутъ мои. Только, право, не могу понять, какъ это вздумалось Ивану Сидорычу... Ну, что за находка!... Подлинно, кого поищетъ Господь! Пойду теперь въ садъ: здѣсь его не дождешься. И если дѣло пойдетъ на помолвку, то объявлю при всѣхъ, что я не согласенъ, а тамъ себѣ вѣнчайся, какъ хочешь.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ садъ. Въ глубинѣ театра на небольшомъ возвышеніи закрытый щитъ; вдали слышна по временамъ музыка. Съ лѣвой стороны отъ зрителей бесѣдка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прохорычъ, Филутони (*и нѣсколько слугъ, которые развѣшиваютъ на деревьяхъ цвѣтные фонари*).

Прохорычъ. Что, мусье, хорошо такъ?

Филутони. Карашо! фонь тутъ ешо три фонарь.

Прохорычъ. Сейчасъ! вотъ на это дерево еще три фонаря. Ну, мусье, этакого игрища у насъ еще никогда не бывало: я заглянулъ мимоходомъ въ галлерею, такъ меня морозомъ по кожѣ подрало,—что за хари! Ахъ, батюшки свѣты! ужъ такъ всѣ вырядились, что и на людей-то не похожи. И баринъ въ какой-то красной мантильѣ расхаживаетъ. Не погнѣвайся, мусье сударь, позволь спросить: Господа-то наши святки чтоль нерусскія справляютъ?

Филутони. Это, тушинька, маскарадъ. Теперь сдѣсь карашо пашоль плотка класть на пальшой алей.

Прохорычъ. Сейчасъ, лишь только здѣсь управятся. (*Филутони уходитъ*). Вотъ ужъ сюда изъ галлереи и гости идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Богатоновъ и Владиміръ (*Прохорычъ и слуги остаются нѣсколько въ глубинѣ театра, потомъ уходятъ*).

Богатоновъ. Ну что, братецъ, говори.

Владиміръ. Постойте, чтобъ насъ кто не подслушалъ.

Богатоновъ (*осматривается кругомъ*). Ну!

Владиміръ. Какое странное открытіе.

Богатоновъ. Да говори, что такое?

Владиміръ. Вѣдь батюшка не ошибся: Зарѣцкій точно влюбленъ въ Оленьку.

Богатоновъ. Такъ чтожъ! ему же хуже.

Владиміръ. Однакожъ онъ этого не думаетъ и увѣренъ, что Оленька также его любитъ!

Богатоновъ. Неужели?

Владиміръ. Давича сестра говорила съ нимъ ласково, а онъ...

Богатоновъ. Съ дуру-то и повѣрилъ, что ей нравится, хорошъ молодчикъ!

Владиміръ. Да такъ повѣрилъ, что во время танцевъ предложилъ сестрѣ, пользуясь теперешней суматохой, ускакать съ нимъ въ деревню его тетки.

Богатоновъ. Какъ.

Владиміръ. И сегодня-же такъ обвѣнчаться.

Богатоновъ. Обвѣнчаться! Ахъ, негодяй этакой!

Владиміръ. [illegible]

[illegible]

Богатоновъ. Мѣшать? Помилуй, братецъ, да я готовъ ей помогать. Увозить мою невѣсту!—Погоди, голубчикъ, я тебя такъ пугну, что ты у меня и ногъ не унесешь.

Владиміръ. Предоставьте это сестрѣ: она нашла способъ отомстить ему презабавнымъ образомъ. Вы, я думаю, замѣтили, что на Оленькѣ и Сундуковой совершенно одинакіе венеціаны и головные уборы.

Богатоновъ. Да, да! я самъ раза два ошибался.

Владиміръ. То-же самое случилось и съ Зарѣцкимъ. Сначала ему удалось сказать Оленькѣ только нѣсколько словъ: потомъ, желая съ ней хорошенько изъясниться, онъ попалъ на Сундукову. Бѣдная Марья Юлишна, услышавъ, что ее уговариваютъ бѣжать, до того обрадовалась, что, не отвѣчая ни слова, побѣжала отыскать сестру, разсказала ей все—и требовала совѣта Оленьки, увѣряя, что Зарѣцкій давно уже ее любитъ...

Богатоновъ. Понимаю, братецъ, понимаю! Сундукова повѣрила княжнѣ и рѣшилась дать тягу?

Владиміръ. Точно такъ! Сестра шепнула мимоходомъ Зарѣцкому, что согласна на его предложеніе и велѣла ему дожидаться себя въ саду.

Богатоновъ. А придетъ вмѣсто себя Сундукову?...

Владиміръ. Разумѣется. Зарѣцкій ускачетъ съ ней къ своей теткѣ, а вы...

Богатоновъ. Понимаю, братецъ, понимаю! Ха, ха, ха!

Владиміръ. Лишь только они отправятся, сестра придетъ сюда и будетъ дожидаться въ этой бесѣдкѣ: вы созовете всѣхъ гостей...

Богатоновъ. Оленька выйдетъ, щитъ откроютъ—и пошла потѣха... Эхъ, князь! да вотъ бѣда: вѣдь Зарѣцкій-то узнаетъ Сундукову по росту.

Владиміръ. Не безпокойтесь: сестра увѣрила ее, что дѣвушка, которую увозятъ, должна непремѣнно плакать, грустить и на всѣ вопросы отвѣчать одними вздохами.

Богатоновъ. Ха, ха, ха! Ну, милый, за[...]жемъ-же мы его!

Владиміръ. Вообразите его отчаяніе, когда онъ вмѣсто Оленьки увидитъ Марью Юлишну.

Богатоновъ. Воображаю, братецъ, воображаю!

Владиміръ. Теперь слушайте, да постарайтесь занять чѣмъ-нибудь Сундукова: я боюсь, чтобъ онъ прежде времени не хватился своей сестры и не надѣлалъ шуму.

Богатоновъ. Не бойся, я залажу его въ [illegible] такъ онъ у меня съ мѣста не тронется. [illegible] Ха, ха, ха! [illegible]—ха, ха, ха. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Владиміръ (*одинъ*).

[illegible] А сюда кто-то [illegible] Марья Юлишна [illegible]

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

[illegible] и Владиміръ.

[illegible] Князь, Князь!

Digitized by Google

Владиміръ. Тсъ—тише! Я здѣсь.

Сундукова. Вы хотѣли, чтобъ я пришла сюда съ вами поговорить.

Владиміръ. Да, сударыня.

Сундукова (*оглядываясь*). Ахъ, Боже мой!

Владиміръ. Чего-же вы испугались?

Сундукова. Я съ вами здѣсь одна.

Владиміръ. О, сударыня, вамъ нечего бояться.

Сундукова. Ахъ! князь, я трепещу!

Владиміръ. Не трепещите.

Сундукова. Но, сударь...

Владиміръ. Выслушайте меня. Иванъ Сидорычъ желаетъ, чтобъ помолвка ваша съ нимъ была сегодня.

Сундукова. Сегодня?

Владиміръ. Да, сегодня. А такъ какъ онъ намѣренъ сдѣлать это торжественнымъ образомъ и удивить нечаянностію всѣхъ своихъ гостей, то вамъ должно нѣсколько времени посидѣть въ этой бесѣдкѣ.

Сундукова. Къ чему это?

Владиміръ. Это нашъ секретъ. Войдите въ нее поскорѣе, и когда васъ позовутъ, то выходите въ маскѣ.

Сундукова. Да я хотѣла-бы знать...

Владиміръ. Узнаете все послѣ; ступайте. (*Вводитъ ее въ бесѣдку*). Хорошо, этотъ постъ занятъ. Да что нейдутъ мои любовники?...

Сундукова (*выходитъ изъ бесѣдки*). Князь! Князь!

Владиміръ. Что, сударыня?

Сундукова. Я боюсь такъ сидѣть въ потемкахъ: мнѣ все мерещится.

Владиміръ. И, Марья Юдишна! вы черезчуръ ужъ пугливы: всякаго вздору боитесь. Ступайте, ступайте! (*Вводитъ ее въ бесѣдку*). Экая неугомонная! Да что найдетъ Зарѣцкій?

Сундукова (*растворивъ дверь бесѣдки*). Князь! а князь!

Владиміръ. Опять?...

Сундукова. Тамъ что-то въ углу шевелится.

Владиміръ. Послушайте, если вы не усядетесь на одномъ мѣстѣ, такъ я отъ васъ совсѣмъ отступлюсь.

Сундукова. Ну, ну, не сердитесь, князь, не сердитесь! Я не выйду больше (*Затворяетъ дверь*).

Владиміръ. А вотъ кажется и они.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Зарѣцкій, Владиміръ и Оленька (*въ такомъ-же нарядѣ, какъ и Сундукова*).

Владиміръ (*идя къ нимъ навстрѣчу*). Какъ вы долго не шли: я начиналъ уже терять терпѣніе.

Зарѣцкій. Я едва могъ убѣдить Оленьку согласиться на мое благополучіе.

Владиміръ. Отправляйтесь-же скорѣй,—минуты дороги.

Зарѣцкій. Я сейчасъ посмотрю, гдѣ моя коляска. (*Уходитъ*).

Оленька. Ахъ, братецъ! я чувствую, что поступаю очень дурно.

Владиміръ. Пустое, ma soeur! ты выходишь за того, кого любишь—ну что тутъ дурного?

Оленька. Но батюшка...

Владиміръ. Не безпокойся, онъ сегодня же съ вами помирится; я за это тебѣ ручаюсь.

Зарѣцкій (*вбѣгая къ Владиміру*). Вообрази, какая досада! коляска моя еще не пріѣхала.

Владиміръ. Неужели?

Зарѣцкій. Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать?

Владиміръ. Постойте! Мнѣ кажется... точно!... вотъ идетъ человѣкъ, который выкупитъ насъ изъ бѣды.

Зарѣцкій. Богатоновъ!...

Владиміръ. Тсъ! станьте къ сторонѣ и молчите. (*Зарѣцкій и Оленька надѣваютъ маски*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Богатоновъ. Князь.

Владиміръ. Не шумите!

Богатоновъ. Я не могъ вытерпѣть,—прибѣжалъ опять; что у тебя дѣлается?

Владиміръ. Тсъ, тише! не перепугайте нашихъ любовниковъ.

Богатоновъ. Какъ! это они?

Владиміръ. Они.

Богатоновъ. Ха, ха, ха! не бойтесь, нѣжные галубки, я вамъ не помѣшаю!... Ха, ха, ха!

Владиміръ. Иванъ Сидорычъ, да вѣдь дѣло-то худо; имъ не на чемъ ускакать, коляска Зарѣцкаго не пріѣхала,

Богатоновъ. Что ты говоришь?

Владиміръ. Одна минута—и все можетъ открыться.

Богатоновъ. Какъ-же быть-то?

Владиміръ. Послушайте, вы велѣли запречь парныя дрожки и отвезти въ городъ Филутони: онѣ стоятъ здѣсь возлѣ садовой калитки; я назову ихъ своими.

Богатоновъ. Въ самомъ дѣлѣ! Ступай, посади ихъ; да скажи Ванькѣ моимъ именемъ, чтобъ онъ гналъ и въ хвостъ и въ голову... Или нѣтъ, погоди! я самъ прикажу. (*Уходитъ*).

Владиміръ (*подходитъ къ Зарѣцкому*). Не хлопочите, у васъ будетъ сейчасъ экипажъ.

Зарѣцкій. Я непонимаю, какимъ образомъ ты умѣлъ сдѣлать, что самъ Богатоновъ намъ помогаетъ.

Владиміръ. Теперь некогда разсказывать,—узнаете послѣ, и вмѣстѣ со мною нахохочетесь до сыта. Но вотъ и онъ. (*Идя навстрѣчу Богатонову*). Ну, что?

Богатоновъ. Вѣдь ихъ, братецъ, Ванька качнетъ такъ, что они не успѣютъ опомниться.

Владиміръ. Станьте-же за дерево,—вотъ такъ. (*Подходитъ къ Зарѣцкому*). Пойдемте. (*Уходитъ вмѣстѣ съ ними*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Богатоновъ и потомъ Владиміръ.

Богатоновъ (*глядя вслѣдъ за ними*). Отправились. Ха, ха, ха! Ай да Оленька, сыграла же она съ нимъ шуточку;—мнѣ бы этого вѣкъ не выдумать!—Чу! поскакали! — Счастливаго пути!—Ха, ха, ха! (*Владиміръ входитъ*). Что, милый, чай, Зарѣцкій въ восхищеніи?

Владиміръ. Какъ же! если бы вы видѣли, какъ онъ цѣловалъ у ней руку.

Богатоновъ. Ха, ха, ха!—Ахъ, батюшки! какъ подумаешь, какъ можно человѣка дурачить!

Владиміръ. И, сударь! кого не обманутъ женщины!

Богатоновъ. Ну, не говори, братецъ, не всякаго: меня бы такъ не поддѣли.

Digitized by Google

[illegible]

[illegible] можетъ быть?

[illegible] знаешь!

[illegible] на ва- [illegible] попалась имъ [illegible] перестъ- [illegible] Вла- [illegible] рекать ему [illegible] лошадей [illegible] слышишь. [illegible] чтобы онъ [illegible]

[illegible] что ...ъ не [illegible] своихъ лошадей.

[illegible] Хочешь [illegible]

[illegible] милый [illegible]

[illegible] они [illegible]

[illegible] сейчасъ ска- [illegible] —люди! [illegible] теперь. [illegible] —про- [illegible]

[illegible] скажи- [illegible] не давали ни [illegible]

[illegible] не походить!

[illegible] горя- чится!

[illegible] Батюшка, онъ, кажется, [illegible]

[illegible]

[illegible] не сердись, любезный, опять [illegible]

[illegible] мой...

[illegible] тебѣ [illegible]

[illegible] Какой сюрпризъ?

[illegible] сейчасъ увидишь... но тише, [illegible]

ЯВЛЕНІЕ [illegible]

Тѣ-же. [illegible]овъ. М[illegible]славскій. 1-я гостья. 2-я гостья. 1-й гость. 2-й гость. [illegible] и прочіе гости *(большая часть въ маскарадныхъ платьяхъ).*

Богатоновъ. Сюда, сюда! милости про- [illegible] *(Тихо Владиміру).* Князь! взгляни, все-ли [illegible]во.

1-я гостья. Что у васъ здѣсь будетъ, Иванъ [illegible]?

Богатоновъ. Сейчасъ, сударыня! сейчасъ! Да всѣ-ли здѣсь?

1-й гость. Кажется, что всѣ.

Богатоновъ *(Владиміру, который къ нему подходитъ).* Что, князь?

Владиміръ. Все готово.

Богатоновъ. Любезные и дорогіе мои гости! я хочу вамъ дать сюрпризъ.

2-й гость. Въ самомъ дѣлѣ?

Богатоновъ. Напримѣръ, думали-ли вы быть сегодня на сговорѣ?

2-я гостья. На сговорѣ!

Сундуковъ *(въ сторону).* А, понимаю!

2-я гостья. Да кто-жъ женится?

Digitized by Google

Богатоновъ. Кто?... Я!... (*Всѣ показываютъ удивленіе. Богатоновъ отворяетъ дверь въ бесѣдку*). Пожалуйте сюда. (*Сундукова входитъ въ маскѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Сундукова.

Богатоновъ. И вотъ моя невѣста, рекомендую!—Согласны-ли вы, сударыня?

Сундукова (*снимая маску*). Я согласна! (*Въ эту самую минуту Владиміръ даетъ знакъ: щиты открываютъ и Прохорычъ показывается изъ кулисъ съ слугою, который несетъ на подносѣ рюмки*).

Богатоновъ (*съ ужасомъ*). Что это?...

Князь. Сундукова!

1-я гостья. Марья Юдишна!

Сундуковъ. Ну, двѣсти душъ мои!...

2-я гостья. Какъ я рада! Поздравляю васъ, матушка.

1-я гостья. Поздравляю!... (*Всѣ дамы подходятъ и цѣлуютъ Сундукову*).

Богатоновъ (*вполголоса*). Князь!...

Владиміръ (*также*). Ну, Иванъ Сидорычъ! сестра провела насъ обоихъ!

Богатоновъ. Такъ поэтому...

Владиміръ. Она ускакала съ Зарѣцкимъ.

Богатоновъ. И на моихъ лошадяхъ!... Злодѣйка!

1-й гость. Посмотрите, посмотрите! какой щитъ: Иванъ и Марья.

2-й гость. Точно, точно!—Иванъ и Марья, прекрасно!

Богатоновъ. Какъ! Князь, помилуй!...

Владиміръ. Молчите... ошибка.

Князь. Одно слово, Иванъ Сидорычъ. Такъ вотъ сюрпризъ, который вы отъ меня скрывали?

Богатоновъ. Послушай...

Князь. Не безпокойтесь, я не требую никакого объясненія; да кажется оно и не нужно: вы женитесь на Сундуковой, а я ѣду къ Зарѣцкому.

Богатоновъ. Какъ, князь!...

Князь. Да, сударь!—и если они еще не обвѣнчались, обвѣнчаются завтра. — Прощайте! (*Идетъ къ Сундуковой*).

Владиміръ. Прощайте, Иванъ Сидорычъ!—Что жъ дѣлать? Несчастье!

Князь (*Сундуковой*). Желаю, сударыня, чтобъ вы были счастливы—и я рядъ!... очень радъ!... отмѣнно радъ!... (*Задыхаясь отъ досады*). Я... я... слуга покорный!—Владиміръ! (*Уходитъ съ Владиміромъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ князя и Владиміра.

1-я гостья. Что это съ княземъ сдѣлалось?

Сундукова. Ахъ, милая! онъ мнѣ очень милъ! Боже мой! сколько несчастныхъ наѣдетъ моя свадьба!

Прохорычъ (*подходитъ къ Богатонову и говоритъ вполголоса*). Прикажете подавать шампанское?

Богатоновъ. Убирайся къ чорту!

1-й гость. Позвольте мнѣ, Иванъ Сидорычъ, обнять и поздравить васъ.

2-й гость. Позвольте и мнѣ...

Богатоновъ. Не безпокойтесь, не безпокойтесь!—Что мнѣ дѣлать?

Сундуковъ. Свидѣтелей много — тѣмъ лучше!—Милостивые государи! прошу прислушать: сестра моя въ тѣхъ уже лѣтахъ, что можетъ располагать сама собою; но я, желая выполнить мой долгъ и остаться съ чистой совѣстію, объявляю вамъ, что я на сей бракъ не согласенъ.

Богатоновъ (*въ сторону*). Не согласенъ? хорошо.

1-й гость. Что это значитъ?

2-й гость. Неужели?...

Сундуковъ. Я имѣю на это свои причины.

Богатоновъ. Слышите, Марья Юдишна?—Такъ поэтому наша свадьба не состоялась?

Сундукова. Какъ, сударь?...

Богатоновъ. Чтобъ я сталъ ссориться съ почтеннымъ моимъ сосѣдомъ.

Сундуковъ. И, сударь, да кто вамъ говоритъ, что мы поссоримся? Я только не соглашаюсь, а вы себѣ вѣнчайтесь съ Богомъ.

Богатоновъ. Нѣтъ, нѣтъ! дѣло кончено,—Ты не соглашаешься, такъ свадьбы не бывать.

Сундукова. Братецъ!..

1-й гость. Что вы, Степанъ Юдичъ, помилуйте!

2-я гостя. Такая выгодная партія.

Сундукова (*тихо*). Послушай, братецъ, если ты согласишься, завтра-же укрѣплю все мое имѣніе.

Сундуковъ. Право!.. Смотри-же, сестра. (*Говоритъ съ ней тихо*).

Богатоновъ. Ахти бѣда! уговорятъ его злодѣи!

Сундуковъ. Ну, когда уже меня всѣ просятъ, такъ дѣлать нечего, я согласенъ.

Богатоновъ. Ну, такъ и есть!

Сундукова. Когда-же у насъ свадьба?..

Богатоновъ. Ба, ба, ба! да они въ самомъ дѣлѣ хотятъ меня женить.

Сундуковъ. Свадьбу можно назначить черезъ недѣлю; какъ вы думаете, Иванъ Сидорычъ?

Богатоновъ. Я, думаю, что... мнѣ кажется... конечно... впрочемъ... чортъ возьми! я не хочу жениться!

Сундуковъ. Какъ!

Богатоновъ. Да, такъ, не хочу.

Сундуковъ. Почему-же?

Богатоновъ. Потому... потому... что не хочу, да и все тутъ.

Сундукова. Что это значитъ?

Богатоновъ. Вы, матушка, дѣвица почтенная, достойная, но прошу не погнѣваться, я раздумалъ жениться.

Сундукова. Какъ! такъ это была шутка?

Богатоновъ. Ну да, сударыня, маскарадная шутка.

Сундуковъ. Нѣтъ, сударь мой, этакъ не шутятъ...

1-я гостья. Она можетъ имѣть непріятныя послѣдствія.

Сундуковъ. Да, сударь! и если вы не женитесь на моей сестрѣ...

Богатоновъ. Да что вы пристали, въ самомъ дѣлѣ; я ужъ сказалъ, что не хочу жениться—слышите-ли, не хочу!

Сундукова. Злодѣй!.. Ахъ! я не переживу этого! (*Бѣжитъ вонъ*). Карпушка! линею!

Сундуковъ. Нѣтъ, сударь, вы этакъ отъ меня не отыграетесь: я потребую отъ васъ отчета.

Богатоновъ. Что, что!

Сундуковъ. Я человѣкъ благородный и не позволю шутить надъ моей сестрой.

Digitized by Google

Лиза.

Ахъ, тетушка!...

Звонкина.

Ну, да! я знаю и сама,
Что какъ-то мы родня по дядюшкѣ Пламенѣ.
Что тетка я тебѣ въ двѣнадцатомъ колѣнѣ
И что изъ милости даю лишь уголокъ.

Лиза.

Конечно, я бѣдна; но бѣдность не порокъ.

Звонкина.

А чтожъ, сударыня, чай, скажешь, добродѣтель.
Покойный твой отецъ, всемірный благодѣтель—
А нищій самъ, какъ ты, точь въ точь-же разсуждалъ,
Престрогій былъ судья и взятокъ онъ не бралъ.
Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
А онъ прямехонько попалъ-бы въ богадѣльню.

Либюмъ.

Честнѣйшій человѣкъ!

Звонкина.

Скажи, сударь, гордецъ:
Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй! Чтожъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
Служилъ въ палатѣ вѣкъ,—а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ.

Все такъ, однакожъ онъ...

Звонкина.

Ну полно врать—молчи!
Пошли ко мнѣ отца: а ты достань ключи
Отъ сахару — они въ столѣ; — отдай ихъ Дунькѣ;
Да у меня смотри! прошу ходить по струнке.
Ступай!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Звонкина (*одна*).

Нѣтъ, надобно разстаться намъ скорѣй,
Къ чему откладывать?—Пора ужъ быть умнѣй;
Мнѣ кажется, и такъ терпѣла я не мало,
Ждать больше не хочу; — да, да, во что-бъ ни стало,
Все дѣло приведу сегодня я къ концу.
И плачь она, иль нѣтъ, — а завтра-же къ вѣнцу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Звонкинъ и Звонкина.

Звонкинъ.

Здорово, ангелъ мой! Ты нынче рано встала.

Звонкина.

Я что-то, Ваничка, всю ночь не засыпала.
А ты, мой милый другъ, какъ чувствуешь себя?

Звонкинъ.

Изрядно, Катенька!—А,—глядя на тебя,
Подумаетъ иной... Да что съ тобой случилось?
Ты такъ красна, мой другъ...

Звонкина.

Я очень разсердилась!
Представь, моя душа! сейчасъ былъ здѣсь Любимъ;
И какъ ты думаешь, кого нашла я съ нимъ?

Звонкинъ.

Неужъ-то Лизаньку?

Звонкина.

Ее.—Дѣвчонка эта,
Которая у насъ накормлена, одѣта,
Живетъ десятый годъ,—Богъ знаетъ почему.
Рѣшилась голову совсѣмъ вскружить ему.
Нѣтъ! — долженъ завтра-же твой братъ на ней жениться.

Звонкинъ.

А если быть за нимъ она не согласится?

Звонкина.

Тогда... весь этотъ вздоръ окочить мнѣ пора,—
Тогда, безъ дальнихъ словъ — сгоню ее съ двора.

Звонкинъ.

Помилуй, да она...

Звонкина.

Должна повиноваться:
Я этого хочу.

Звонкинъ.

А надобно признаться,—
Не кстати братецъ мой жениться захотѣлъ.

Звонкина.

Не кстати?—Почему?

Звонкинъ.

Онъ слишкомъ устарѣлъ.

Звонкина.

Да развѣ срокъ кому для этого назначенъ?
Какіе пустяки!

Звонкинъ.

Собой не очень взраченъ.

Звонкина.

За то богатъ.

Звонкинъ.

Вдовецъ.

Звонкина.

Такъ чтожъ?

Digitized by Google

Звонкинъ.

И дѣти есть.

Звонкина.

Какъ будто много ихъ—всего то на все шесть.

Звонкинъ.

Да стоютъ двадцати. Кричи, хоть какъ изволишь...

Звонкина.

Что это, ангелъ мой?—мнѣ кажется, ты споришь?

Звонкинъ (*испугавшись*).

О нѣтъ, моя душа, я тотчасъ уступлю.

Звонкина.

Ну то-то, ангелъ мой, я споровъ не терплю.
А ты всегда готовъ о всякомъ спорить вздорѣ.—
Не стыдно-ли тебѣ! — Твой братъ въ ужасномъ горѣ,
Влюбленъ, не ѣстъ почти, не пьетъ ужъ ничего!
Изсохъ какъ спичка весь,—и ты-жъ противъ него.

Звонкинъ.

Эхъ, нѣтъ! да Лиза-то съ нимъ будетъ несчастлива.
Наружность у него отмѣнно некрасива,
Онъ часто боленъ, старъ, ужасно прихотливъ.

Звонкина.

Лишь былъ-бы только онъ съ женой своей счастливъ.

Звонкинъ.

Однакожъ и о ней подумать также должно.

Звонкина.

Да къ мужу всякому, мой другъ, привыкнуть можно—
Я знаю по себѣ. А кстати вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Турусинъ.

Турусинъ.

Желаю здравія!

Звонкинъ.

Здорово, селадонъ!
Что скажешь новаго! Чай, все въ тоскѣ, въ кручинѣ?

Звонкина.

Ну, милый мой, куда легокъ ты на поминѣ.
Сейчасъ лишь о тебѣ у насъ былъ съ мужемъ споръ.

Турусинъ.

Осмѣлюсь-ли спросить, за что?

Звонкина.

Да такъ, за вздоръ.
Со мной онъ не хотѣлъ сначала согласиться,
Что завтра-жъ долженъ ты на Лизанькѣ жениться;
А мнѣ такъ кажется и лучше и вѣрнѣй
Окончить это все какъ можно поскорѣй.

Турусинъ.

Согласенъ съ вами я, дѣйствительно вы правы;
Однакожъ, хоть ждать мнѣ вовсе нѣтъ забавы,—
На время отложить придется свадьбу намъ.

Звонкина.

Помилуй, для чего?

Турусинъ.

Извѣстно уже вамъ,
Что въ каждый свой пріѣздъ и лѣтомъ, и зимою
Нашъ дядюшка въ Москвѣ живетъ всегда со мною;
Ко мнѣ-же вѣсть дошла, что ѣдетъ онъ сюда.

Звонкинъ.

Сюда? зачѣмъ?

Звонкина.

Къ чему? въ его-ли ужъ годы,
Забывши докторовъ совѣты и угрозы,
Таскаться по зимамъ въ крещенскіе морозы?

Звонкинъ.

Затѣмъ, чтобы въ Москвѣ обрыскать всѣ дома.

Звонкина.

Да онъ, повѣрьте мнѣ, ужъ выжилъ изъ ума.

Турусинъ.

Я слышалъ, что надняхъ онъ будетъ непремѣнно.

Звонкинъ.

А что, любезный мой, сказать-ли откровенно:
Мнѣ кажется, могу побиться объ закладъ,
Что гостю этому не слишкомъ будешь радъ.

Турусинъ.

Не радъ, да будь готовъ; а вправду-то признаться—
Я такъ его люблю, что вѣкъ-бы не видаться.

Звонкина.

Рѣшиться можно-бы на это безъ труда.

Звонкинъ.

Да полно—правда-ли, что ѣдетъ онъ сюда?
Давно-ли кажется, онъ былъ опасно болень.

Турусинъ.

Совсѣмъ ужъ умиралъ,—и докторъ былъ уволенъ.

Звонкина.

Вотъ то-то и бѣда; онъ вѣрно-бы не всталъ,
Когда-бъ по прежнему лѣчиться продолжалъ.

Digitized by Google

Турусинъ.

И, нѣтъ! лишь даромъ всѣ лѣкарства растеряютъ.
Его и доктора никакъ не доконаютъ;
Теперь, увидите, лѣтъ на сорокъ пойдетъ:
Не только насъ однихъ, внучатъ переживетъ.

Звонкина.

И долженъ пережить. Мы горе испытали:
Съ семьей, съ дѣтьми,—подъ-часъ изсохнемъ отъ печали;
Ему-жъ, скажите мнѣ, крушиться отъ чего?
Живетъ себѣ одинъ, не любитъ никого,
Привязанность къ роднымъ считаетъ за пустое...

Турусинъ.

Да есть-ли у него хоть что-нибудь святое?
Онъ сущій эгоистъ.

Звонкина.

Ханжа.

Турусинъ.

Злословъ!

Звонкина.

Скупецъ!

Турусинъ.

Безъ чувства...

Звонкина.

Безъ души...

Турусинъ.

И только, наконецъ,
Одно могу сказать къ нему изъ состраданья,
Что онъ пустой старикъ, нестоющій вниманья.

Звонкинъ.

Да стоитъ, или нѣтъ, какъ хочешь разсуждай,
А дѣлать нечего,—хоть плачь, да угождай.

Звонкина.

Чтобъ стала угождать я этому уроду?
Да еслибъ не имѣлъ ста тысячъ онъ доходу,
И не было-бъ у насъ съ тобой кой-что въ виду...

Турусинъ.

Когда-бъ наслѣдникомъ я не былъ на бѣду,
Давно-бы съ дядюшкой почтеннымъ ужъ разстался.

Звонкина.

Визита-бы отъ насъ тогда онъ не дождался.

Турусинъ.

Тогда-бы не пустилъ его на полъ-двора.

Звонкина.

Нѣтъ, гнуться передъ нимъ я слишкомъ ужъ стара;
Я-жъ лести не терплю, а подлость ненавижу;
И если чванства въ немъ хоть крошечку увижу—
Посмотрите тогда, какъ съ нимъ я обойдусь.

Турусинъ.

Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь!
Онъ будь со мной на старости и тѣмъ доволенъ,
Когда зайду узнать здоровъ-ли онъ, или боленъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Иванъ (*запыхавшись*).

Иванъ.

Сударыня!

Звонкина.

Ну, что?

Звонкинъ.

Зачѣмъ пришелъ, Иванъ?

Иванъ.

Позвольте отдохнуть!

Звонкина.

Смотри, какой болванъ!
Пришелъ къ намъ отдыхать!—Да что ты запыхался?

Иванъ.

Бѣжалъ, сударыня!... Со мною повстрѣчался
Отсюда въ полверстѣ... насилу обогналъ!

Звонкина.

Кого?

Иванъ.

Слуга его Антинка мнѣ сказалъ,
Что въѣдетъ онъ сюда, и хочетъ здѣсь остаться.

Звонкинъ.

Да кто?

Иванъ.

Вашъ дядюшка.

Турусинъ.

Сюда! не можетъ статься!

Звонкина.

Возможно-ль—дядюшка?

Звонкинъ.

Ступай, бѣги скорѣй,
Пошли мнѣ повара!

Звонкина.

Зови сюда людей!
(*Иванъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же безъ Ивана.

Звонкинъ.

Признаться, этого не ждалъ я посѣщенья.

Турусинъ.

Едва опомниться могу отъ удивленья!
Онъ прямо въѣдетъ къ вамъ?

Звонкина.

Да кажется, что такъ.

Digitized by Google

Турусинъ.

И будетъ жить у васъ?

Звонкинъ.

Какой ты, братъ, чудакъ!
Ну что тутъ страннаго?—Я думаю, свободно
Онъ можетъ жить вездѣ.

Звонкина.

Да братцу неугодно,
Чтобъ жилъ онъ здѣсь.

Турусинъ.

И, нѣтъ, мнѣ, право, все равно;
Я этой честію ужъ пользуюсь давно.
А жаль, что домикъ вашъ не выгодно устроенъ
И даже слишкомъ малъ.

Звонкина.

За то, сударь, покоенъ.
И лучше въ десять разъ, чѣмъ вашъ огромный домъ,
Въ которомъ тьма дѣтей и цѣлый день содомъ.

Турусинъ.

И жить-то въ тѣснотѣ не всякому охота.

Звонкина.

Да это, батюшка, не ваша ужъ забота.

Турусинъ.

Однакожъ, дядюшка всегда любилъ просторъ.

Звонкина.

О, зависть гнусная! все это, сударь, вздоръ:
Нашъ домъ не малъ, и я могу увѣрить смѣло—
Онъ будетъ жить у насъ.

Турусинъ.

А мнѣ какое дѣло?
Пускай себѣ живетъ.
(*Входятъ люди*).

Звонкинъ.

Всѣ люди здѣсь, мой другъ.

Звонкина (*людямъ*).

Андрей, и ты, Фома, здѣсь будьте для услугъ!
Сегодня вы должны, какъ въ праздникъ быть одѣты.

Звонкинъ (*повару*).

Чтобъ были къ ужину подъ соусомъ котлеты:
Я помню, дядюшка до нихъ охотникъ былъ.

Звонкина.

А вафли-то, мой другъ?

Звонкинъ.

Совсѣмъ было забылъ!
Вѣдь вафли для него пирожныхъ всѣхъ вкуснѣе.

Звонкина.

Ну, слышишь-ли?—пошелъ! А ты бѣги скорѣе,
Шампанскаго купи—иль нѣтъ,—ступай верхомъ:
Не правда-ль, жизнь моя, намъ надо за столомъ
Его здоровье пить?

Звонкинъ.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Турусинъ (*въ сторону*).

Бѣдняжечки! съ ума сошли отъ восхищенья.

Звонкина (*людямъ*).

А вы всѣ дядюшку встрѣчайте у воротъ.

Турусинъ (*въ сторону*).

О, подлая душа! давно-ль онъ былъ уродъ!

Звонкина.

Смотрите у меня! услуживать старайтесь.

Звонкинъ.

Почаще кланяйтесь и ниже нагибайтесь.

Турусинъ (*въ сторону*).

Видалъ-ли кто-нибудь безстыднѣе льстеца.

Звонкина.

А мы съ тобой пойдемъ, дождемся у крыльца.

Звонкинъ.

Замерзнешь, матушка! вѣдь градусовъ чай двадцать.

Звонкина.

Пустое, сударь, едва-ли есть двѣнадцать.

Турусинъ.

Я слышу шумъ... пойдемъ!

Звонкина (*мужу*).

Ну, что-же ты нейдешь?
(*Встрѣчается въ дверяхъ съ Турусинымъ*).
Помилуй, батюшка! проходу не даешь!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Здравосудовъ (*два человѣка бѣгутъ впереди и растворяютъ двери*).

Звонкинъ.

Любезный дядюшка!

Звонкина.

Почтенный благодѣтель!

Турусинъ.

Ахъ, дядюшка!—клянусь!—и въ этомъ Богъ свидѣтель,—
Я радости такой никакъ не ожидалъ!

Здравосудовъ.

Не правда-ли, что я какъ съ неба къ вамъ упалъ!
Ну что, мои друзья, здоровы-ль?

Звонкинъ.

Понемногу.

Digitized by Google

Здравосудовъ.

А Лизанька и зять Любимъ?

Звонкина.

Все слава Богу!

Здравосудовъ.

Какъ радъ, что наконецъ могу на нихъ взглянуть!

Звонкина (подавая кресло).

Садитесь, дядюшка, вамъ надо отдохнуть.

Здравосудовъ.

И, милые друзья! Къ чему вы хлопочите;
Я сяду самъ.

Звонкина.

Иль нѣтъ, немного погодите!
Подушку поскорѣй!
(Звонкина бѣжитъ вонъ и возвращается тотчасъ съ подушкой).

Здравосудовъ.

Напрасно! не нужна.

Звонкина.

Нѣтъ, нѣтъ! покоить васъ я всячески должна.
Проѣхать триста верстъ, чтобы съ нами повидаться!
(Мужу).
Подай! (беретъ подушку и кладетъ на кресло).

Турусинъ (въ сторону).

Ну! начали теперь въ ногахъ валяться.
Добро-бы ужъ она,—а то и онъ?... подлецъ!
(Громко дядѣ).
Неловко вамъ? сейчасъ! (вынимаетъ изъ-подъ стола скамейку и ставитъ ему подъ ноги).

Звонкина (мужу).

Смотри, какой срамецъ!
Скамейку подаетъ!

Здравосудовъ.

И, какъ тебѣ не стыдно!

Турусинъ.

Позвольте, дядюшка!

Звонкина (мужу).

Подумать-то обидно!
И этотъ человѣкъ къ несчастію твой братъ!

Здравосудовъ.

Кому бы въ умъ пришло: дней нѣсколько назадъ,—
Когда и двухъ ступить я не былъ въ силѣ,
Когда одной ногой стоялъ уже въ могилѣ,—
Что я отправлюся недѣли черезъ двѣ,
Увижу васъ опять—и буду самъ въ Москвѣ?
Все это для меня какъ будто сновидѣнье!

Турусинъ.

Повѣрьте, дядюшка, благое провидѣнье,
Молитвамъ внявъ моимъ и всѣхъ моихъ сиротъ,
Болѣзни перенесть вамъ силы подаетъ!

И если-бы мое желанье ...
Исполниться могло—...

Звонкина.

Когда бы умирать ...

Здравосудовъ.

И, полноте, друзья! ...
Итакъ на свѣтѣ я ...
Пора ужъ на покой.

Звонкина.

По чести, ...
Ну, вамъ-ли умирать?

Здравосудовъ.

Иной-бы, жизнь любя,
Старался всячески обманывать ...
А я такъ нахожу, что этотъ ...
Мой докторъ думаетъ,— ...
Что мнѣ осталось не долго ужъ ...

Турусинъ.

Охота доктору объ этомъ говорить!
Ужъ эти доктора!—пугать всегда ...
И я хоть объ закладъ готовъ ...
Что вамъ назначено прожить ...

Здравосудовъ.

Немного, милые!—лѣтъ двадцать ...

Звонкина.

Лѣтъ двадцать?—Боже мой!

Здравосудовъ.

Не спорю: ...
Да дѣлать нечего.

Турусинъ.

И духу въ немъ достало
Вамъ это говорить?

Звонкина.

Возможно-ль? двадцать лѣтъ!

Звонкинъ.

Да это вздоръ.

Звонкина (утирая глаза).

Въ такихъ лѣтахъ покинуть свѣтъ!

Здравосудовъ.

И, милая, не плачь! Ну, есть о чемъ крушиться!
Вѣдь докторъ не пророкъ—онъ могъ и ошибиться.

Турусинъ.

Ахъ, дай-то Богъ!

Звонкина.

Злодѣй!

Digitized by Google

Звонкинъ.

Онъ бредитъ на яву!

Здравосудовъ.

еся, друзья и сорокъ проживу.
увствую въ себѣ большую перемѣну:
уже на лицо—поэтому въ замѣну
ь какъ въ тридцать лѣтъ, совсѣмъ помолодѣлъ.
прежде я, безъ трости, встать не смѣлъ;
—хоть взапуски готовъ пуститься съ вами.

Звонкина (*мужу*).

ажется, что онъ смѣется ужъ надъ нами?

Здравосудовъ.

то хорешо; да только вотъ бѣда—
звье-то въ мои обманчиво года:
ня хоть на балъ, а завтра и въ постелѣ.
я бы страхъ хотѣлъ на будущей недѣлѣ,
чивъ всѣ дѣла, отправиться домой;
жетъ быть...

Звонкинъ.

Такъ вы хотите и зимой деревнѣ жить?

Звонкина.

И, нѣтъ, зачѣмъ вамъ торопиться:
Москвѣ такъ весело!

Здравосудовъ.

Да я не веселиться
ріѣхалъ къ вамъ; совсѣмъ другое въ головѣ.
льзя-ли вамъ найти кого-нибудь въ Москвѣ,
то зналъ-бы толкъ въ дѣлахъ?

Звонкинъ.

Конечно для совѣта?

Здравосудовъ.

Есть дѣло у меня.

Турусинъ.

Для этого предмета
Приказный нуженъ вамъ?

Здравосудовъ.

И даже бы сейчасъ;
Вѣдь дѣло, можетъ быть, касается до васъ.

Турусинъ (*въ сторону*).

До насъ?

Звонкина (*мужу*).

Ахъ, Ваничка!—ну, если завѣщаніе?...

Турусинъ.

Позвольте ваше мнѣ исполнить приказанье!
Есть стряпчій у меня,—большой знатокъ въ дѣлахъ,
Извѣстенъ онъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ;
Не только что дѣлецъ, онъ даже и писатель.

Звонкинъ.

Здѣсь нѣкто мнѣ знакомъ, иль лучше мой пріятель,
Который, такъ сказать, въ приказахъ посѣдѣлъ;
Теперь-же, находясь два года не у дѣлъ,
Трудится иногда для собственной забавы,—
Не денегъ ищетъ онъ — единственно лишь славы,
Угодно, дядушка?—онъ явится какъ разъ:
Бумагу-ль написать, подвесть-ли вамъ указъ—
На все готовъ.

Турусинъ.

На все! По чести удивленье;
Да это сущій кладъ! Безъ всякаго сомнѣнья
Сей славный мужъ, кѣмъ нашъ гордиться долженъ вѣкъ...

Звонкинъ (*перерывая*)

Пріятель мой Крючковъ.

Турусинъ.

Прекрасный человѣкъ!

Звонкина.

А вы, сударь,—вопросъ за дерзость не сочтите—
Конечно, Цаплина представить намъ хотите?

Турусинъ.

Его, сударыня!

Звонкина.

Какая честь для насъ!
Увидѣть Цаплина! Ну, есть-ли совѣсть въ васъ?
Знакомить дядушку съ такимъ извѣстнымъ воромъ!
Я знаю все: онъ былъ когда-то прокуроромъ;
Въ грабительствѣ не зналъ ни мѣры, ни конца,—
Не только что съ чужихъ—онъ взятки бралъ съ отца;
И, наконецъ, набивъ путемъ свои карманы,
За гнусныя дѣла, за плутни и обманы,—
Какъ самъ онъ говоритъ,— невинно пострадалъ.

Звонкинъ.

Да, да! какъ взяточникъ подъ слѣдствіе попалъ.

Звонкина.

И вы-бъ, сударь, должны стыдиться этой дружбы!

Турусинъ.

Такъ чтожъ, сударыня? Онъ выключенъ изъ службы;
А другъ-то вашъ Крючковъ,—забыли вы о томъ?
За кляузы свои пять лѣтъ былъ подъ судомъ.

Digitized by Google

Звонкина.

Не спорю, батюшка—онъ былъ, да оправдался.

Турусинъ.

Да кто за Цаплина бѣдняжку заступался?
Извѣстно всѣмъ, что онъ...

Звонкинъ.

И ябедникъ, и плутъ.

Турусинъ.

Помилуйте! да всѣ Крючкова такъ зовутъ.

Звонкина,

И, Цаплинъ... Боже мой, какое посрамленье!
Вашъ другъ!—и эта тварь, достойная презрѣнья...
Да я, сударь, за васъ краснѣю отъ стыда.

Турусинъ.

И вы краснѣете? Ну, это ужъ бѣда!

Звонкина.

Насмѣшки глупыя ни мало не обидны:
Извѣстно всѣмъ, что вы и дерзки и безстыдны;
Но, несмотря на то, еще вамъ повторю...

Здравосудовъ.

Постойте, милые! тотчасъ васъ помирю,
Изъ этихъ двухъ господъ одинъ мнѣ только нуженъ.
Я въ домѣ у тебя—а ты съ Крючковымъ дружен.
Такъ пусть пріѣдетъ онъ.

Звонкина.

Ступай скорѣй за нимъ.

Звонкинъ.

Сейчасъ, мой другъ, иду. (*Уходитъ*).

Здравосудовъ.

Да гдѣ же нашъ Любимъ?

Звонкина.

Онъ дома, дядюшка—и вѣрно занятъ чтеньемъ.
Когда-бъ онъ зналъ, кто здѣсь—съ какимъ бы восхищеньемъ...

Здравосудовъ.

Такъ чтожъ его, мой другъ, никто не позоветъ?

Звонкина.

Позвольте, я сама...

Здравосудовъ.

Да вотъ и онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и Любимъ.

Звонкина (*идя навстрѣчу къ Любиму*).
Ступай, спѣши, Любимъ. скорѣе взять участье
Въ всеобщей радости.

Любимъ.

Вы здѣсь? Какое счастье!
Вы-ль это, дѣдушка? Какъ могъ я ожидать?

Здравосудовъ.

Здорово, милый другъ! Да дай себя обнять!
(*Обнимаетъ его*).

Любимъ.

Ахъ, дѣдушка! а мы надѣяться не смѣли...

Здравосудовъ.

Чтобъ я, Любимъ, забывъ и вьюги и метели
Рѣшился къ вамъ въ Москву отправиться зимой?
Хоть это тяжело, неспорю, милый мой,
Но я хотѣлъ давно увидѣться съ роднею
Съ друзьями побывать,—а больше всѣхъ съ тобою.

Звонкина.

Къ тому-жъ у дядюшки скопилось много дѣлъ.

Здравосудовъ (*глядя на Любима*).

Мнѣ кажется, что ты еще похорошѣлъ!
Когда-бъ, Любимушка, всегда мы вмѣстѣ жили,
Куда-бъ я счастливъ былъ!

Турусинъ (*въ сторону*).

Ну, внучка подпустили!

Звонкина.

За то ужъ, дядюшка, и онъ какъ любитъ васъ.

Турусинъ (*въ сторону*).

Ахъ, Боже мой! да онъ съ него не сводитъ глазъ:
Попался дѣдушка теперь злодѣямъ въ руки!
Да нѣтъ, любезные, и я пущусь на штуки:
Пойду, сберу дѣтей,—и мигомъ здѣсь явлюсь. (*Идетъ*).

Здравосудовъ.

Куда, племянникъ, ты?

Турусинъ.

Я тотчасъ ворочусь.
(*Уходитъ*).

Здравосудовъ (*вслѣдъ ему*).

Смотрите-же, поскорѣй!

Звонкина.

Ушелъ!—Ну, легче стало!
(*Здравосудову*).
Вы знаете, я васъ никакъ не ожидала;
И такъ позвольте мнѣ кой-что распорядить.

Здравосудовъ.

Ступай мой другъ!

Звонкина (*уходя, Любиму*).

Смотри, старайся ласковъ быть.
Какъ слѣдуетъ всегда почтительному внуку:
(*тихо*).
А пуще-то всего цѣлуй почаще руку.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Здравосудовъ и Любимъ.

Здравосудовъ.

Когда-бъ ты зналъ, мой другъ, какъ я сюда спѣшилъ,
Надѣюсь, мой пріѣздъ...

Любимъ.

Онъ жизнь мнѣ возвратилъ.
Вы вѣрно вступитесь...

Здравосудовъ.

За Лизу?—Будь спокоенъ.
Она тебя, Любимъ, а ты ея достоинъ,
Родители твои... но это не бѣда,—
Я ихъ склонить могу безъ дальняго труда.

Любимъ.

Вамъ стоитъ объявить при нихъ свое желанье.

Здравосудовъ.

И, нѣтъ!—Они сочтутъ его за приказанье,
А я приказывать отмѣнно не люблю;
Нѣтъ, милый другъ, совсѣмъ иначе поступлю.
И ежели мои догадки не напрасны,
То слова не скажу, а будутъ всѣ согласны.

Любимъ.

Вы шутите?

Здравосудовъ.

О, нѣтъ!

Любимъ.

Я долженъ вѣрить вамъ;
Однакожъ признаюсь...

Здравосудовъ.

А вотъ увидишь самъ.
И если никакой не будетъ остановки,
Сегодня-жъ можетъ быть дойдетъ и до помолвки.

Любимъ.

А свадьба, дѣдушка?

Здравосудовъ.

Недѣли черезъ двѣ.

Любимъ.

Какое счастіе!

Здравосудовъ.

Я знаю, что въ Москвѣ
Всѣ станутъ говорить: ну, какъ, дескать, возможно
Жениться въ двадцать лѣтъ? Ему служить-бы должно;
Вѣдь время не ушло,—на все свои года.
Я этого сказать не смѣю никогда.
Особенно тому, въ комъ бралъ всегда участье.
Повѣрь, кто въ жизни сей, Любимъ, имѣлъ несчастье
Въ одиночествѣ прожить до старыхъ лѣтъ,
Жениться—другу тотъ всегда подастъ совѣтъ.

Любимъ.

Я помню, дѣдушка, вы часто говорили,
Что если-бы могли, то всѣхъ бы вы женили.

Здравосудовъ.

Да, да, Любимъ!—Пускай смѣются надо мной.
Одно лишь счастіе,—жить съ доброю женой.
Ахъ! старость въ сиротствѣ не жизнь, мой другъ,—страданье,
Ужаснѣе, Любимъ, нѣтъ въ мірѣ состоянья.
Конечно, знаю самъ, здѣсь много есть людей,
Которые, живя въ кругу своихъ друзей,
Среди веселостей и роскошей столицы,
Не зная прихотямъ ни мѣры, ни границы,
Найдутъ меня тотчасъ и страннымъ и смѣшнымъ.
Жениться? Боже мой! Къ чему?—Ну, кстати-ль имъ,—
Когда для нихъ что день, то радости готовы,—
Супружества надѣть несносныя оковы?
Нѣтъ, нѣтъ! свободные лишь счастивы одни,—
Для нихъ весь свѣтъ открытъ.—Такъ думаютъ они;
И наслажденія встрѣчая съ каждымъ шагомъ,
Свободу юноша считаетъ первымъ благомъ:—
Но, молодость пройдетъ—исчезнутъ вмѣстѣ съ ней
Надежды, радости, друзья,—всего скорѣй;
Тогда ничтожность ихъ увидитъ онъ на дѣлѣ:
Тогда,—болѣзнями прикованный къ постелѣ,
Забытый ото всѣхъ,—друзей онъ тщетно ждетъ:
Одни наемники вокругъ его;—умретъ,—
И явятся тотчасъ наслѣдники толпою
Въ глубокомъ траурѣ, но съ радостной душою!
Ахъ, эта мысль, Любимъ, ужаснѣе всего!

Любимъ.

Зачѣмъ-же думать вамъ...

Здравосудовъ,

Коль мало и того,
Представь, что онъ забытъ и смертію самою.
Томяся скукою, измученный тоскою,
Встрѣчая лишь одни холодныя сердца,
Страданіямъ своимъ не видитъ онъ конца:
Года уже прошли счастливыхъ заблужденій:
Онъ ясно видитъ все—онъ мертвъ для наслажденій.
Разсѣянья-ль искать среди людей... Ахъ, нѣтъ!
Коварный ужъ давно ему наскучилъ свѣтъ;
И словомъ, все, мой другъ, что прежде веселило,
Все стало для него и скучно и постыло;
Одними горестьми считая лишь года,
Онъ смерть, какъ друга, ждетъ.—Тогда, Любимъ, тогда
Повѣрь, — ничто ему, страдальцу, не поможетъ,
Несчастный!—чувствами онъ жить уже не можетъ,
А сердцемъ—не живетъ!—Я самъ...—нѣтъ, нѣтъ, Любимъ!
Отрадой ты всегда былъ горестямъ моимъ!
Тобой еще однимъ дышу на этомъ свѣтѣ!

Любимъ.

Ахъ, дѣдушка!...

Digitized by Google

Здравосудовъ.

Постой, мнѣ кажется,—въ каретѣ
(*Смотритъ въ окно*).
Подъѣхали къ крыльцу,—и что-то много
въ ней.
Хоть ждать и не могу такъ скоро я гостей,
Однакожъ, можетъ быть... а я отмѣнно не-
красиво,
Кой-какъ одѣтъ!—принять ихъ въ этомъ не
учтиво.
Пойду, принаряжусь. (*Уходитъ*).

Любимъ (*глядя ему вслѣдъ*).

Почтеннѣйшій родной!
Но что за странный шумъ.

Турусинъ (*за кулисами*).

Ступайте всѣ за мной!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Любимъ и Турусинъ; за нимъ Маша и 5 другихъ дѣтей.

Турусинъ (*дѣтямъ*).

Смотрите! не шумѣть, не бѣгать и не драться!
(*Любиму*).
Да гдѣ-же дядюшка?

Любимъ.

Онъ вышелъ одѣваться.
Угодно вамъ къ нему?

Турусинъ.

Нѣтъ, милый, все равно,
И здѣсь я подожду. — Да онъ ушелъ давно?

Любимъ.

Сейчасъ.

Турусинъ.

Нельзя-ль сказать вотъ такъ—между сло-
вами, —
Что здѣсь я жду его съ моими сиротами.

Любимъ.

Извольте, я скажу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ Любима.

Турусинъ.

Сюда! ко мнѣ, въ кружокъ!
Вамъ надо повторить сегодняшній урокъ:
Чтобъ дѣдушкѣ отъ васъ не стало безпо-
койно,—
Прошу вести себя и тихо и пристойно.
Вы помните, что вамъ твердилъ я на дому!
Лишь только онъ войдетъ, бросайтесь всѣ
къ нему.

Маша.

Да я боюсь.

Турусинъ.

Чего, сударыня? — пустое.
Ты дѣдушку цѣлуй въ плечо, а ты въ другое;
Вы также всѣ его старайтесь ласкать.
И если вамъ руки не будетъ онъ давать,
(*одному изъ дѣтей*)
Хватайте на лету! — Проклятая привычка!
(*другому*)
Опять разинулъ ротъ! На что похожъ, чу-
мичка!
(*третьему*)
Испачканъ весь: утрись! А ты растрепанъ
какъ!
Ну, что стоишь? Поправь манжеты-то, дуракъ!
Но, кажется, идутъ... Смотрите-же — смѣлѣе:
Подходятъ ужъ къ дверямъ... Ну, милые,
дружнѣе!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Звонкина.

Звонкина.

Что это? Боже мой! здѣсь цѣлая орда!
Зачѣмъ изволили пожаловать сюда?

Турусинъ.

Зачѣмъ, невѣстушка?—по чести, это странно!
Вѣдь дѣдушка у васъ — такъ очень натура-
льно,
Что имъ хотѣлося...

Звонкина.

Не имъ, сударь, а вамъ.
Повѣрьте, толкъ давать умѣю я словамъ,
И ваши хитрости проникнуть мнѣ не трудно.

Турусинъ.

Позвольте вамъ сказать, мнѣ право очень
чудно...

Звонкина.

А я такъ не дивлюсь,—другого не ждала:
Обманы, подлости, всѣ гнусныя дѣла
Приличны вамъ.

Турусинъ.

Да я...

Звонкина.

Конечно, позабыли?
Давно-ли, кажется, вотъ здѣсь вы говорили:
(*передразнивая*)
„Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь!“
Скамейку подаешь!

Турусинъ.

Такъ что-же! не запрусь:
Я къ старости всегда имѣю уваженье.
И что за важное, скажите, преступленье —
Скамеечку подать? А врядъ-ли и отца
Встрѣчать я побѣгу у самого крыльца.

Звонкина.

Какъ будто-бъ вѣжливость есть подлая ус-
луга...

Турусинъ.

Повѣрьте, намъ краснѣть не должно другъ
отъ друга;
Притомъ-же и бѣды не вижу я большой.
Не мы одни кривимъ подчасъ своей душой!

Digitized by Google

Звонкина.

Возможно-ли? — и онъ еще себя изволитъ
Равнять со мной!

Турусинъ.

Слѣпецъ слѣпцу всегда глазъ колетъ.

Звонкина.

Да ты забылъ весь стыдъ, подлѣйшій изъ людей!..

Турусинъ.

И ваша память-то не лучше вѣдь моей.

Звонкина.

Наглецъ!

Турусинъ.

Помилуйте!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Здравосудовъ.

Звонкина (*не примѣтя Здравосудова*).

Ужъ подлинно не даромъ
Зовутъ тебя вездѣ...

Здравосудовъ.

О чемъ съ такимъ вы жаромъ
Ведете разговоръ?..

Звонкина.

Ахъ!.. такъ-съ... былъ споръ у насъ...

Турусинъ.

Мы спорили о томъ, кто больше любитъ васъ.

Здравосудовъ.

Спасибо, милые!

Турусинъ (*указывая на дѣтей*).

Позвольте вамъ представить...

Здравосудовъ (*не слушая его*).

Я знаю, вы со мной не станете лукавить.

Турусинъ.

Почтенный дядюшка! здѣсь вся моя семья.
(*Дѣтямъ тихо*)
Бѣгите всѣ къ нему! (*дѣти не трогаются съ мѣста*).

Здравосудовъ.

А, здравствуйте, друзья!
Вы здѣсь?—Я очень радъ.

Турусинъ.

О, глупые ребята!
Ну, что-же стали въ пень? Ступайте, пострѣлята!
Дѣти (*подбѣгая къ Здравосудову, одна Маша остается на своемъ мѣстѣ*).
Ахъ, дѣдушка!

Звонкина.

Смотри!—чуть-чуть не сшибли съ ногъ!

Здравосудовъ.

Здорово, милые!

Турусинъ.

Молитвы ваши Богъ
Услышалъ, наконецъ!—Повѣрите-ль, бывало
Лишь только и рѣчей,—ну, такъ, что скучно стало:
„Да скоро-ль дѣдушку увидимъ своего?
„Когда пріѣдетъ онъ? Дождемся-ль мы его?“
А вотъ и дождались.

Здравосудовъ.

Совсѣмъ не тѣ ужъ стали.
(*Показывая на Машу*).
Вѣдь это Машенька!

Турусинъ.

Такъ вы ее узнали!
Поди же къ дѣдушкѣ! (*тащитъ, а она нейдетъ*).

Здравосудовъ.

Зачѣмъ, не принуждай.

Турусинъ.

(*Громко*)
Не бойся, душенька!
(*Тихо ей*)
Вотъ я тебя!—ступай!
(*подводитъ ее насильно*)
Ужъ какъ застѣнчива!—взглянуть, такъ скажешь—дура,
А право нѣтъ!—робка, такая ужъ натура.

Здравосудовъ.

Поди сюда, мой другъ! вѣдь мы, чай, года три
Не видѣлись съ тобой.

Турусинъ.

Ну, что же?—говори!
Скажи хоть что-нибудь! (*тихо*) Ужъ быть тебѣ безъ чаю!
(*громко*)
Ты любишь дѣдушку?

Маша.

Люблю!

Здравосудовъ.

За что?

Маша.

Не знаю.

Турусинъ.

За то, молъ, дѣдушка, что вы одни у насъ,
Отецъ, и дѣдъ и все...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Звонкинъ.

Здравосудовъ (*Звонкину*)

Пріѣхалъ ты?

Звонкинъ.

Сейчасъ.

Здравосудовъ.

Ну, что пріятель твой?

Digitized by Google

Звонкинъ.

Онъ ждетъ васъ въ кабинетѣ.

Здравосудовъ.

О важномъ говорить мнѣ надобно предметѣ:
Итакъ, мой другъ, прошу, останься здѣсь со мной,
А дѣточекъ своихъ отправь теперь домой;
Хоть съ ними поболтать желалъ бы я о многомъ,
Да нѣкогда теперь.

Турусинъ.

Сейчасъ! Ступайте съ Богомъ!

Здравосудовъ.

Прощайте, милые!
Турусинъ (*провожая дѣтей до дверей*)
Дорогой не шалить!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ дѣтей.

Здравосудовъ.

Послушайте, друзья! я тайну вамъ открыть,
Какъ истиннымъ роднымъ, преважную намѣренъ:
Васъ зная хорошо, я долженъ быть увѣренъ,
Что счастье вамъ мое дороже всѣхъ богатствъ:
Что чужды вы со мной всѣхъ хитростей, лукавствъ;
Что тотъ, по вашему, достойней всѣхъ презрѣнья,
Кто любитъ не родныхъ, а только ихъ имѣнья;
Что вы...

Звонкинъ.

Ахъ, дядюшка!—наслѣдство ваше намъ
Не нужно ни на что.

Звонкина.

Не вѣрите словамъ?
Такъ это доказать на дѣлѣ мы готовы.

Турусинъ.

Лишь были-бъ только вы спокойны и здоровы,
А то, помилуйте,—гори оно огнемъ!

Здравосудовъ.

Я вижу, что могу открыться вамъ во всемъ.
Безспорно, что давно я умеръ ужъ для свѣта,
Но живъ еще:—а жить безъ всякаго предмета,—
Быть вѣчно одному—куда какъ тяжело!
Мнѣ-бъ ваше общество отрадой быть могло;
Но съ вами вѣкъ живу, къ несчастію, я розно:
И такъ рѣшился я,—хоть нѣсколько и поздно...

Звонкина

Рѣшился?... На что?

Здравосудовъ.

Не смѣйтесь надо мной!...
Жениться, милые.

Звонкина.

Жениться? Боже мой!...

Здравосудовъ.

Да, это рѣшено: женюсь я непремѣнно!
Но впрочемъ вамъ, друзья, признаюсь откровенно,
Что выборъ мой не васъ, а можетъ быть другихъ
Немного удивитъ:—да что смотрѣть на нихъ!
Лишь былъ-бы счастливъ я, живя спокойно дома...

Турусинъ.

Но кто-жъ особа та?

Здравосудовъ.

Она вамъ всѣмъ знакома.
(*Звонкиной*).
Особенно тебѣ. И вотъ ея портретъ:
Какъ ангелъ хороша, семнадцать только лѣтъ.
Бѣдна,—за то добра, тиха, неприхотлива,
Всѣ горести сносить привыкла терпѣливо,
И сверхъ того во всемъ послушна такъ уму,
Что упрекнуть ее не можно никому
И въ самомъ мелочномъ, незначущемъ капризѣ:
Теперь вы знаете, что я женюсь на Лизѣ.

Турусинъ.

Что слышу я?

Звонкинъ.

Ай, ай!

Звонкина.

Возможно-ль, чтобъ она...

Здравосудовъ.

Чему-жъ дивишься ты? Вѣдь Лизанька бѣдна.
Смѣяться надо мной конечно всѣ свободны:
Но признаюсь,—хотя лѣтами мы не сходны,
А я смѣшного тутъ не вижу ничего.
Я старъ, за то богатъ,—и право оттого
Племянница твоя несчастнѣе не будетъ,
Что бѣдность прежнюю, живя со мной, забудетъ.
Я все ей поручу: хозяйство и дѣла,
И даже, наконецъ, чтобъ Лиза не могла
Имѣть въ любви моей ни малаго сомнѣнья,—
При жизни укрѣплю ей все мое имѣнье.

Звонкина.

Какъ, дядюшка!

Здравосудовъ.

Да, да! повѣрьте, не шучу!
Все это выполнить рѣшительно хочу.
Но съ благодарностью приму я всѣ совѣты:
Ошибки свойственны во всякіе намъ лѣты.
И васъ покорнѣйше прошу, безъ дальнихъ словъ,
Всю правду мнѣ сказать: я слушать васъ готовъ,
Хотя бы вы со мной заспорили о вздорѣ.
Итакъ останьтесь здѣсь подумать на просторѣ.
А я межъ тѣмъ пойду съ Крючковымъ толковать. (*Уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ Здравосудова.

Звонкина (*помолчавъ нѣсколько времени*).
Что это, Ваничка?

Турусинъ.

Кто могъ-бы ожидать?

Звонкинъ.

Очнуться не могу!

Турусинъ.

И этотъ вѣкъ прошедшій
Жениться захотѣлъ!

Звонкина.

Онъ вовсе сумасшедшій!

Турусинъ.

Имѣнье все отдать!

Звонкина.

Наслѣдниковъ забыть!

Звонкинъ.

Да дѣло не о томъ,—какъ горю пособить?

Звонкина (*Турусину*).

Досаду на меня оставь свою покуда!
Ты видишь, мой отецъ, намъ всѣмъ приходитъ худо;
Что мы бранимся, объ этомъ позабудь,
Скажи-ка лучше мнѣ: нельзя-ли какъ-нибудь
За слабоуміемъ отдать его въ опеку?

Турусинъ.

Но какъ?...

Звонкина.

И, батюшка! Ну, трудно-ль человѣку
Разумному подвесть какой-нибудь указъ?

Турусинъ.

Никакъ нельзя.

Звонкина.

Нельзя! когда онъ грабитъ насъ!
Такъ дѣло заведемъ.

Турусинъ.

И этого не можно.

Звонкина.

Несносный человѣкъ!—Да чтожъ намъ дѣлать должно?

Турусинъ.

Ума не приложу!

Звонкина.

Ну, какъ!—Пришлось одной
Мнѣ думать обо всемъ!—А кто всему виною!
Когда-бъ не ты съ твоимъ дурацкимъ предложеньемъ,
То вѣрно-бъ, сжалившись надъ Лизинымъ мученьемъ,
И сына моего отъ всей души любя,—
Давно-бъ женила ихъ.

Звонкинъ (*Турусину*).

Все это отъ тебя.

Турусинъ.

Чтожъ дѣлать!—я влюбленъ.

Звонкина.

Твоей-ли, сударь, рожѣ
Влюбиться въ дѣвочку!

Звонкинъ.

На дѣло не похоже!

Турусинъ.

Такъ чтожъ? Попробуемъ! — межъ имъ и мной рѣшитъ
Пусть Лизанька сама.

Звонкинъ.

Да чортъ-ли ей велитъ?—
Онъ старѣе тебя, а все-таки сноснѣе.

Звонкина.

И сверхъ того умретъ конечно ужъ скорѣе.

Звонкинъ.

Для бѣдной дѣвочки старикъ богатый — кладъ.

Турусинъ.

Вотъ то-то и бѣда, что больно онъ богатъ!
Ну, такъ и быть—рѣшусь!—еще я средство знаю...
Пожертвую собой!... пускай одинъ страдаю,
Скажите, что вашъ сынъ не только что влюбленъ,
Но даже съ Лизою давно ужъ обрученъ.

Звонкина.

Чтобъ я...

Турусинъ.

Одно изъ двухъ: вамъ должно согласиться
Сейчасъ помолвить ихъ.

Звонкина.

Сейчасъ!...

Турусинъ.

Не то лишиться
Наслѣдства навсегда.

Звонкинъ.

Рѣшись, мой другъ, скорѣй!

Турусинъ.

Вѣдь мнѣ, невѣстушка, и вашего тошнѣй,—
Да дѣлать нечего.

Звонкина.

А если не поможетъ
И это намъ,—такъ чтожъ тогда?...

Digitized by Google

Звонкинъ.

О, быть не можетъ!

Турусинъ.

Ужъ какъ ни думайте—все надо ихъ женить:
Рѣшитесь, матушка!

Звонкина.

Согласна!—такъ и быть;
А признаюсь, и мысль мнѣ эта нестерпима!

Турусинъ.

Да дѣлать нечего!

Звонкинъ (*звонитъ въ колокольчикъ; входитъ слуга*).

Пошли сюда Любима.

Звонкина.

И Лизу позови!

(*Слуга уходитъ*).

Звонкинъ.

Смотрите-же, при ней
О дядюшкѣ ни слова—молчать всего вѣрнѣй.
Хоть правда у него не важная осанка,
А все пять тысячъ душъ большая вѣдь приманка.

Звонкина.

Вотъ это пустяки! ты знаешь, что она...

Звонкинъ.

Ну, да, въ Любимушку смертельно влюблена;
Да пять-то тысячъ душъ...

Турусинъ.

А чтожъ? и я согласенъ;
Не долго до грѣха...

Звонкинъ.

Повѣрьте—онъ опасенъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Любимъ и Лиза.

Звонкина.

Сюда, мои друзья,—сюда! поближе къ намъ!

Звонкинъ.

Какую объявить хотимъ мы радость вамъ!

Звонкина.

И думать не могли объ этомъ вы сюрпризѣ.

Любимъ.

Позвольте намъ узнать?

Звонкина.

Ты женишься на Лизѣ.

Лиза.

На мнѣ!

Любимъ.

Что слышу я!

Турусинъ.

Божусь, я очень радъ!

Звонкинъ.

По милости его на Лизѣ ты женатъ.

Любимъ.

Какъ, дядюшка?

Звонкина.

Да, да! на слезы ваши глядя,
За васъ старался самъ почтеннѣйшій твой дядя.

Звонкинъ.

Невѣсту уступя, примѣръ онъ доброты
Неслыханный явилъ!

Звонкина (*Лизѣ*).

Ну чтожъ, согласна ты?

Лиза.

Ахъ, тетушка!... Но нѣтъ, и вѣрить я не смѣю.

Звонкина.

Не вѣришь, милая?... Такъ средство я имѣю
Увѣрить въ томъ тебя. Поди сюда, мой свѣтъ!
Любимъ! она твоя!

(*Подводитъ ее къ Любиму*).

Любимъ.

Теперь сомнѣнья нѣтъ.
Мы счастливы!

Звонкина.

Скажи,—будь искренна со мною,
Ты любишь вѣдь его?

Лиза.

Всѣмъ сердцемъ и душою!
Скрывать я не хочу предъ вами чувствъ моихъ.

Звонкина.

А если сдѣлаетъ другой тебѣ женихъ,
Повыгоднѣй еще, такое-жъ предложенье,
Тотчасъ откажешь ты?

Лиза.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Звонкинъ.

Да полно, перестань!

Звонкина.

И даже еслибъ онъ
Сто тысячъ въ годъ имѣлъ!

Лиза.

Хотя-бы милліонъ.

Digitized by Google

Турусинъ.

Въ глаза и за глаза скажу: немногимъ сродно
Такъ чувствовать, какъ вамъ, и мыслить благородно.

Звонкина (*обнимая Лизу*).

Позволь, моя душа, позволь тебя обнять!
Ну, можно-ли кому умнѣе разсуждать?
Да ты сокровище, мой другъ!

Звонкинъ.

Какія чувства!

Турусинъ.

Заставить вамъ легко безъ всякаго искусства
Себя боготворить въ семейственномъ кругу.

Лиза (*тихо Любиму*).

Что значитъ это все?

Любимъ (*также*).

Постигнуть не могу.

Звонкина.

Теерь намъ дядюшку склонить на это должно.

Турусинъ.

Тутъ надо поступить отмѣнно осторожно.

Любимъ.

Ну, нѣтъ, за дѣдушку ручаюсь смѣло вамъ.

Звонкинъ.

Все такъ, да онъ подчасъ бываетъ страхъ упрямъ;
Какъ скажетъ: „не хочу"! такъ съ свадьбой и прощайтесь.

Турусинъ.

Мы будемъ всѣ просить, а вы ужъ постарайтесь
Разжалобить его; поплакать не бѣда.

Звонкина.

А чтожъ, и подлинно!—вѣдь слезы-то вода. (*Лизѣ*)
Поплачь, мой другъ!

Любимъ.

Зачѣмъ...

Лиза.

Повѣрьте мнѣ, напрасно.

Звонкина.

Все лучше, милая! Согласенъ онъ—прекрасно!
А если нѣтъ?..

Любимъ.

Но я...

Звонкина.

Ты слишкомъ ужъ уменъ:
Нельзя-ли помолчать!

Турусинъ.

Но тише,—вотъ и онъ!

Звонкинъ.

Ну, сердце замерло!

Звонкина.

Я что-то оробѣла.

Турусинъ.

Не бойтесь ничего!—начать мое ужъ дѣло.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Здравосудовъ.

Здравосудовъ.

Да здѣсь, мнѣ кажется... такъ точно — вся семья.
Тѣмъ лучше — очень радъ! — Ну, что, мои друзья,
Чай все обдумали,—и ваши всѣ сомнѣнья
Теперь ужъ рѣшены?.. Но вы въ большомъ смущеньи;
Что сдѣлалось?

Турусовъ (*въ сторону*).

Съ чего бы мнѣ начать?

Здравосудовъ (*Звонкину*).

Скажи, мой другъ!

Звонкинъ (*показывая на Турусина*).

Вотъ братъ вамъ будетъ отвѣчать.

Турусинъ (*въ сторону*).

Ахти, бѣда!—а онъ глядитъ такимъ злодѣемъ!

Звонкинъ (*тихо Турусину*).

Рѣшись.

Турусинъ (*тихо Звонкиной*).

Нельзя-ли вамъ?

Звонкина (*громко*).

Сказать-то мы не смѣемъ.

Здравосудовъ.

Скажи!

Звонкина.

Ну, если васъ мы этимъ огорчимъ?
Вѣдь съ ней давно...

Здравосудовъ.

Ну, что?

Звонкина.

Помолвленъ нашъ Любимъ.

Здравосудовъ.

Возможно-ли? И я совсѣмъ не зналъ объ этомъ!

Звонкинъ.

Сегодня-жъ къ вамъ писать хотѣли съ эстафетомъ,
Да вы пріѣхали.

Digitized by Google

Здравосудовъ.

Въ какихъ я дуракахъ!

Звонкина.

Ихъ участь, дядюшка, у васъ теперь въ рукахъ!

Здравосудовъ.

И я въ тебѣ, Любимъ, соперника встрѣчаю!

Лиза.

Соперника?

Любимъ (*въ сторону*).

Ага! теперь я понимаю.

Здравосудовъ.

Вотъ этого, божусь, никакъ не ожидалъ,
Чтобъ ты, Любимъ...

Звонкина.

Да если бы онъ зналъ,
Что вы на Лизанькѣ намѣрены жениться,
То вѣрно-бъ ужъ не смѣлъ въ нее влюбиться.

Здравосудовъ.

Конечно, милая, я это знаю самъ,
Однакожъ, признаюсь...

Турусинъ.

Не грустно-ль будетъ вамъ
Навѣкъ ихъ разлучить?

Звонкина.

Когда ужъ все готово
Для свадьбы ихъ; (*тихо Лизѣ*). Да плачь!

Звонкинъ (*тихо Любиму*).

Ну чтожъ! скажи хоть слово!

Турусинъ.

Заставьте за себя вѣкъ Бога ихъ молить!

Здравосудовъ.

Досадно, а пришлось невѣсту уступить.

Звонкина.

Согласны вы?

Здравосудовъ.

Но съ тѣмъ, чтобъ онъ съ своей женою
Съ сихъ поръ ужъ навсегда остался жить
со мною.

Любимъ.

Отъ всей души.

Звонкинъ.

Да вамъ лишь стоитъ приказать.

Тарусинъ (*въ сторону*).

Зарѣжетъ онъ меня!

Здравосудовъ.

Я долженъ вамъ сказать,
Что я, себя почти женатымъ ужъ считая,
И васъ вознаградить отъ всей души желая
За безкорыстіе, достойное похвалъ,—
По двѣсти тысячъ вамъ въ духовной назначалъ,
Но такъ какъ, моему противно ожиданью,
Я долженъ ужъ теперь, по вашему желанью,
Остаться холостымъ,—то эти деньги я,
Съ согласья вашего, любезные друзья,
Даю въ приданое Любимовой невѣстѣ.

Лиза.

Возможно-ли?

Турусинъ (*въ сторону*).

Чуть-чуть я устоялъ на мѣстѣ!

Любимъ.

Вы благодѣтель нашъ!

Здравосудовъ.

Скажи, мой другъ, отецъ!
Да, дѣти милыя, я счастливъ, наконецъ:
Пусть буду я теперь покинутъ цѣлымъ свѣтомъ,
Повѣрьте мнѣ — грустить не стану я объ этомъ;
Живя средь васъ, свое забуду сиротство:
Вы мнѣ замѣните и свѣтъ и все родство;
И, въ васъ однихъ найдя подъ старость утѣшенье,
Однимъ оставлю вамъ по смерти все имѣнье.

Турусинъ (*въ сторону*).

Какъ? что? Ахъ, Боже мой! да это ужъ разбой!

Здравосудовъ.

Теперь, мои друзья, прошу идти со мной;
Все это утвердить хочу я завѣщаньемъ.
(*Здравосудовъ, Любимъ и Лиза уходятъ*).

Звонкина (*Турусину уходя*).

Не мы, такъ нашъ Любимъ съ богатымъ состояньемъ.

Звонкинъ (*женѣ*).

Пойдемъ! (*Уходитъ съ нею за Здравосудовымъ*).

Турусинъ (*одинъ*).

Что слышалъ я? Во снѣ, иль на яву?
Они наслѣдники—и я еще живу!
О, варваръ! о, злодѣй!... Ну, выдумалъ я средство:
Безъ денегъ, безъ жены и даже — безъ наслѣдства.

КОНЕЦЪ.

(*1822 г. — Представлена въ первый разъ въ Московскомъ Императорскомъ театрѣ 4 мая 1822 г.*).

Digitized by Google

Деревенскій философъ

Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г-нъ Волгинъ . . . . . *Г. Зубовъ.*
Лиза, дочь его . . . . . *Г-жа Вятроц. м.*
Ленская, пріятельница Лизы . . . . . *Г-жа Вятроц. б.*
Г-нъ Ландышевъ, женихъ Лизы . . . . . *Г. Восводинъ.*
Болеславскій, влюбленный въ Лизу . . . . . *Г. Булаховъ.*
Князь Зарѣцкій, пріятель Болеславскаго . . . . . *Г. Сабуровъ.*
Иванъ, слуга Волгина . . . . . *Г. Рязанцевъ.*

Театръ представляетъ садъ; съ лѣвой стороны деревня и кустарники, съ правой часть дома; въ глубинѣ сцены рѣшетчатый заборъ съ воротами, за которымъ видно поле и нѣсколько крестьянскихъ избъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Болеславскій (*одинъ выходитъ изъ дому*). Какое прекрасное утро!—Какъ должно быть весело тому, кто счастливъ и покоенъ!—Давно-ли и я былъ счастливъ и покоенъ... а теперь...

Давно-ль въ безпечности счастливой
Среди забавъ, не зная зла,
Въ саду съ фортуной прихотливой,
Спокойно жизнь моя текла;
Я вслѣдъ за славой не стремился,
Довольный жребіемъ благимъ...
Увидѣлъ Лизу—и простился
Навѣкъ я съ счастіемъ моимъ.

***

Давно-ли всѣхъ забавъ душою
Въ кругу пріятелей я былъ
И скуки никогда съ собою
Въ бесѣду ихъ не приносилъ;
Бездѣлкой всякой веселился,
Минуты не былъ безъ затѣй...
Увидѣлъ Лизу—и простился
На вѣкъ съ веселостью моей.

И такъ послѣзавтра этотъ несносный Ландышевъ назоветъ Лизу своею женою... Своей женою!.. и я не могу помѣшать этому!—не могу имѣть ни малѣйшей надежды!.. А впрочемъ, почему-жъ?.. Она еще не замужемъ; легко быть можетъ какое-нибудь непредвидимое обстоятельство, какой-нибудь счастливый случай отдалитъ на нѣсколько времени эту свадьбу, и тогда... почему знать, можетъ случиться:—отчаяваться никогда не должно.

Терять надежды никогда
Любовникамъ не должно;
И если робкимъ все бѣда,
То смѣлымъ все возможно.
Въ любви надежда умъ даетъ,
Отчаянье насъ губитъ;
И кто надеждой не живетъ,
Тотъ истинно не любитъ.

Такъ точно: кто любитъ, тотъ долженъ надѣяться. Надобно только хорошенько подумать: можетъ быть, и я найду какое-нибудь средство избавиться отъ моего соперника. Что, еслибъ я... Подумаемъ!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Болеславскій и князь Зарѣцкій.

Князь. Слава Богу! насилу отыскалъ живого человѣка. Да это, кажется, самъ хозяинъ.

Болеславскій (*продолжаетъ размышлять, не замѣчая князя*). Нѣтъ изъ этого ничего не выйдетъ!

Князь (*подходя къ Болеславскому*). Извините, милостивый государь... Кой чортъ! — не ошибаюсь ли я?—старый мой сослуживецъ—Болеславскій!

Болеславскій. Возможно ли! князь Зарѣцкій!

Князь. Какая театральная встрѣча!—обними меня, мой другъ! Да не у тебя ли я въ гостяхъ?

Болеславскій. Ты въ домѣ у сосѣда моего Николая Ивановича Волгина.

Князь. У твоего сосѣда? Такъ ты помѣщикъ въ здѣшней округѣ?

Болеславскій. Моя деревня въ пяти верстахъ отсюда.—Да тебя какъ Богъ занесъ въ нашу сторону? Откуда ѣдешь, куда и зачѣмъ?

Князь. Изъ Москвы, въ деревню, жениться.

Болеславскій. Жениться?

Князь. И сдѣлаться твоимъ сосѣдомъ.

Болеславскій. Нѣтъ, шутишь?

Князь. Да, мой другъ; деревня будущей моей жены въ двадцати верстахъ отсюда. И вообрази мою досаду, на здѣшнемъ почтовомъ дворѣ всѣ лошади въ разгонѣ, а обывательскихъ не даютъ безъ помѣщика: и потому я пришелъ было просить его...

Болеславскій. Ты женишься—въ двадцати верстахъ отсюда;—да на комъ-же?

Князь. На милой, прелестной и богатой вдовушкѣ.

Болеславскій. На вдовѣ?

Князь. Мы познакомились въ Москвѣ. Я ей понравился, она мнѣ приглянулась; я много думать не люблю, она также не охотница долго размышлять: въ двѣ недѣли мы полюбили другъ друга, объяснилось, помолвили, и, чтобъ избѣжать пустыхъ толковъ и пересудовъ, рѣшились сыграть нашу свадьбу въ ея деревнѣ. Она поѣхала впередъ, а я остался

Digitized by Google

окончить кой какія дѣла: отдѣлался скорѣй, чѣмъ думалъ и лечу теперь на крыльяхъ любви, то есть скачу на почтовыхъ.

Болеславскій. Вѣдь это не секретъ? Твою невѣсту зовутъ?..

Князь. Ее зовутъ!.. Чуть было не забылъ! Вѣдь я далъ ей слово не говорить никому о нашей свадьбѣ до тѣхъ поръ, пока мы не обвѣнчаемся.

Болеславскій. И ты, какъ вижу, не забываешь своего обѣщанія.

Князь. Разумѣется. Ахъ, Болеславскій! еслибъ ты могъ вообразить, какъ она мила!

Болеславскій. Воображаю, мой другъ, и даже такъ живо, что, кажется, могу описать ее.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ?

Болеславскій. Послушай!

Всегда съ пріятелемъ готова
Смѣяться и шутить она...

Князь. Точно!—моя невѣста превеселаго характера.

Болеславскій.

Хотя и росту небольшого,
За то какъ грація стройна...

Князь. И это правда.

Болеславскій.

Плѣнять собою всѣхъ желанья
Враги въ ней даже не найдутъ...

Князь. О, нѣтъ она не кокетка!

Болеславскій.

И чтобъ окончить описанье,—
Ее Глафирою зовутъ.

Князь. Какъ, Болеславскій, такъ ты знаешь, что Глафира Ленская?

Болеславскій. Твоя невѣста.

Князь. Вотъ женщины! Взяла у меня слово молчать, а сама проболталась.

Болеславскій. Не она, князь, а ты.

Князь. Помилуй! Да я только сказалъ, что ея деревня въ двадцати верстахъ отсюда.

Болеславскій. Бездѣлица! А въ двадцати верстахъ кругомъ, кромѣ Ленской, нѣтъ ни одной молодой, прекрасной и богатой вдовы.

Князь. Ну, Болеславскій, если ты знаешь мою невѣсту, то суди самъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я спѣшу ее увидѣть. И такъ, прошу не погнѣваться, я очень радъ, что встрѣтился съ тобою; но, несмотря на то, не хочу терять ни минуты, и для того... (*Хочетъ войти въ домъ*).

Болеславскій (*останавливая его*). И, нѣтъ, мой другъ, мы такъ скоро не разстанемся... твоя невѣста здѣсь.

Князь. Здѣсь?

Болеславскій. Да! Ленская, также, какъ я, въ гостяхъ у Волгина.

Князь. Она здѣсь? Возможно-ли? Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ. (*Хочетъ войти въ домъ*).

Болеславскій (*останавливая*). Какой нетерпѣливый! Да погоди! Ты сейчасъ ее увидишь: она приходитъ каждое утро сюда гулять, и можетъ быть чрезъ полчаса...

Князь. Чрезъ полчаса! И я долженъ дожидаться полчаса!

Болеславскій. Какъ тебѣ не стыдно, князь! Можетъ быть чрезъ нѣсколько дней она навсегда будетъ твоею, и ты не хочешь подождать полчаса! Каково-жъ мнѣ, вообрази, мой другъ! Въ кои-то вѣки вздумалъ я влюбиться въ прелестную милую дѣвушку, — и черезъ двѣ недѣли она выходитъ замужъ за другого.

Князь. Ага, пріятель, такъ и ты попался!

Болеславскій. Чтожъ дѣлать, мой другъ: видно уже такъ написано было въ книгѣ судебъ. Вышедши въ отставку, я пріѣхалъ сюда, познакомился съ Волгинымъ, влюбился въ его дочь, и только третьяго дня узналъ, что онъ намѣренъ ее выдать замужъ за своего пріятеля Ландышева.

Князь. А что за человѣкъ этотъ Ландышевъ?

Болеславскій. Вотъ то-то и досадно, мой милый! Ужъ пускай-бы онъ былъ человѣкъ, а то животное, какой-то деревенскій философъ, въ которомъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла.

Князь. Это въ самомъ дѣлѣ досадно. Да нельзя-ли какъ-нибудь помочь твоему горю? Послушай! увези ее; я помогу.

Болеславскій. Нѣтъ, князь, она на это никакъ не рѣшится; а признаюсь, другого средства я и самъ не вижу. Но кто-то идетъ: кажется... такъ точно Ленская.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Ленская.

Ленская. Боже мой! Князь! вы-ли это?

Князь (*цѣлуя у нея руку*). Да, сударыня, это я, вашъ страстный, нѣжный и вѣрный любовникъ!

Ленская. Какъ вы меня испугали и обрадовали: я никакъ не ожидала такъ скоро васъ увидѣть.

Князь. И вы могли думать, что я рѣшусь цѣлый мѣсяцъ быть съ вами розно?

Ленская. Какъ вы милы, князь! (*Увидѣвъ Болеславскаго*). Ахъ, Боже мой, вы здѣсь!

Князь. Не бойтесь ничего: это мой сослуживецъ и старинный пріятель! онъ знаетъ все.

Ленская. Какъ, сударь! Такъ вы забыли ваше обѣщаніе!

Князь. Боже сохрани! Да я пошлюсь на него. Я только намекнулъ, что пріѣхалъ сюда жениться,—а онъ тотчасъ и отгадалъ, что на васъ.

Болеславскій. И признаюсь, отгадать было очень трудно.

Князь. Теперь ничто въ мірѣ не заставитъ меня разстаться съ вами. Сегодня мы отправимся въ нашу деревню, завтра обвѣнчаемся...

Ленская. А послѣ завтра поѣдемъ опять въ Москву, не такъ-ли?

Князь. Въ Москву, или въ Сибирь, въ Петербургъ, или въ Камчатку,—куда вамъ угодно, хотя на край свѣта, только вмѣстѣ съ вами.

Ленская. И вы рѣшитесь оставить безъ всякой помощи Болеславскаго? Я увѣрена, онъ успѣлъ уже разсказать вамъ о своемъ горѣ.

Князь. Какъ-же!—бѣдняжка влюбленъ.

Болеславскій. И безъ всякой надежды.

Ленская. Чтожъ дѣлать! Я никакъ не могу уговорить Лизу сказать на-отрѣзъ своему жениху, что она терпѣть его не можетъ: Лиза такъ робка, привыкла съ такою покорностію выполнять приказанія своего батюшки, что скорѣй рѣшится молчать и умереть отъ отчаянія, чѣмъ сказать одно слово и выдти замужъ за человѣка, котораго любитъ больше всего на свѣтѣ.

Digitized by Google

Князь. А что этотъ Ландышевъ не молодой ужъ человѣкъ?

Ленская. Нельзя сказать,—ему лѣтъ за пятьдесятъ.

Князь. Такъ поэтому онъ очень богатъ?

Болеславскій. Да—у него безъ малаго сорокъ душъ.

Князь. А, понимаю: онъ человѣкъ чиновный.

Ленская. Какъ-же: отставной титулярный совѣтникъ.

Князь. Тьфу пропасть! Что-же въ немъ нравится вашему Волгину?

Болеславскій. Что нравится? Да ты не знаешь: Ландышевъ великій человѣкъ:

Онъ родился хоть незнатнымъ,
Но за то какой мудрецъ,
Сочинитель и дѣлецъ!
Языкомъ для всѣхъ понятнымъ
Двухъ не скажетъ сряду словъ;
И хоть даже не асессоръ,
Но въ политикѣ профессоръ
И ужасный философъ.

Князь. Все это хорошо; но я никакъ не понимаю...

Болеславскій. А вотъ послушай! Надобно тебѣ сказать: этотъ Ландышевъ, тому лѣтъ двадцать назадъ, издалъ въ свѣтъ какую-то политическую книгу, въ которой онъ доказываетъ, что отечество безъ него обойтись никакъ не можетъ; неблагодарное отечество не обратило на это никакого вниманія,—онъ разсердился, вышелъ въ отставку...

Ленская. И, потерявъ всю надежду сдѣлаться человѣкомъ государственнымъ, рѣшился быть философомъ, то есть, презирать славу, почести и чины.

Болеславскій. Его деревня отсюда въ двухъ верстахъ. Хозяинъ здѣшняго дома, г. Волгинъ, имѣетъ также слабость считать себя великимъ политикомъ, и, чтобъ доказать это на самомъ дѣлѣ, пишетъ безпрестанно проекты: натурально, они познакомились.

Ленская. Ландышевъ, который въ глазахъ Волгина, какъ философъ и сочинитель политической книги, есть нѣчто очень важное, успѣлъ завладѣть имъ совершенно, сталъ поправлять его проекты, и скоро сдѣлался для Волгина столь необходимымъ...

Болеславскій. Что онъ, желая еще болѣе привязать его къ себѣ, рѣшился выдать за него свою дочь.

Князь. Бѣдненькая! Да чѣмъ-же она виновата?

Болеславскій. Вотъ то-то и есть! А признаюсь, еслибъ Ландышевъ не былъ моимъ соперникомъ, то я отъ всей бы души надъ ними смѣялся. Я не знаю ничего забавнѣе этого чудака! Онъ, какъ философъ, презираетъ богатство и беретъ двойной оброкъ съ своихъ крестьянъ; говоритъ съ пренебреженіемъ о знатныхъ и готовъ рѣшиться на все, чтобъ только заслужить благодарную улыбку какого-нибудь вельможи.

Ленская. Да вотъ не далѣе, какъ вчерась, онъ получилъ письмо изъ Петербурга. Не знаю, кто-то пишетъ къ нему, что одинъ отмѣнно знатный человѣкъ отправился подъ чужимъ именемъ путешествовать по Россіи и, вѣроятно, на этихъ дняхъ будетъ проѣзжать чрезъ нашу губернію; вы не можете представить, какъ эта новость его взволновала: цѣлый день онъ только о томъ и говорилъ.

Князь. Знаешь-ли что? Легко быть можетъ, что меня здѣсь примутъ за этого знаменитаго путешественника: вѣдь и я ѣду подъ чужимъ именемъ.

Ленская. Неужели? Да для чего же?

Князь. Ужъ точно по неволѣ. Пріятелю моему Пронскому нужно было побывать въ здѣшней губерніи; онъ взялъ подорожную на свое имя, и мы поѣхали вмѣстѣ. На половинѣ дороги повстрѣчался съ нами его дядя, къ которому онъ ѣхалъ; Пронскій воротился съ нимъ въ Москву, а я подъ его именемъ,—то-есть съ его подорожною отправился далѣе.

Болеславскій. Что, еслибъ въ самомъ дѣлѣ... Постой! какая счастливая мысль!—Такъ, мой другъ, ты долженъ быть и будешь этимъ знатнымъ путешественникомъ.

Князь. Я, мой милый?

Болеславскій. Да, князь, ты. И если только мы успѣемъ увѣрить въ этомъ Ландышева, то, можетъ быть, дѣла мои поправятся.

Князь. Я тебя не понимаю.

Ленская. А я такъ догадываюсь.

Князь. Изволь, мой другъ! Если тебѣ надобно, я знатнаго представить готовъ; впрочемъ, это не очень и трудно: должно только быть отмѣнно вѣжливымъ, любезнымъ...

Ленская. И, князь, какъ примѣтно, что вы не живали въ провинціи и не знаете, какое понятіе имѣютъ здѣсь о знатныхъ. Повѣрьте, чѣмъ менѣе вы будете походить на истиннаго вольможу, тѣмъ скорѣе васъ за него примутъ.

Быть разсѣяннымъ старайтесь,
Гордый вкругъ бросайте взглядъ,
Безъ причины улыбайтесь,
Отвѣчайте невпопадъ,
Говорите вздоръ и дѣло
Съ видомъ важнымъ всякій разъ,—
И тогда, надѣйтесь смѣло,
За вельможу примутъ васъ.

* *
*

На диванѣ какъ въ постелѣ
Развалитесь безъ стыда;
Если рѣчь зайдетъ о дѣлѣ,
Задремлите иногда,
Будто-бъ вамъ ужъ надоѣло
Говорить и слушать насъ,—
И тогда, надѣйтесь смѣло,
За вельможу примутъ васъ.

Князь. О, если такъ, — не безпокойтесь, я сыграю мастерски мою роль.

Болеславскій. Идя сюда, ты никого не встрѣтилъ?

Князь. Ни одной души.

Болеславскій. Тѣмъ лучше. Теперь я проведу тебя садомъ въ деревню; а чрезъ полчаса ты придешь сюда опять этими воротами.

Князь. Не пріодѣться-ли мнѣ?

Болеславскій. Нѣтъ, нѣтъ, въ дорожномъ платьѣ. Пойдемъ скорѣе; здѣсь могутъ насъ застать вмѣстѣ,—а это совершенно разстроитъ нашъ планъ.

Князь. Но я еще ничего не знаю.

Болеславскій. Дорогой я разскажу тебѣ все. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ленская (*одна*)

Какъ бы я желала, чтобъ наши чудаки приняли его за знатнаго барина; тогда ему не

Digitized by Google

трудно будетъ помочь своему пріятелю. Я воображаю: онъ скажетъ два-три ласковыя слова Волгину,—и Волгинъ будетъ внѣ себя отъ радости; приласкаетъ Ландышева,—и Ландышевъ сейчасъ сойдетъ съ ума, то-есть сдѣлается еще глупѣе, хоть это кажется и трудно. Онъ такой несносный, нестерпимый дуракъ, что я не могу никакъ понять, какъ Лиза не рѣшится на все, чтобъ только избавиться отъ этого урода. Но что я говорю! Я и сама точно такъ же вышла за покойнаго моего мужа. Онъ былъ вовсе не любезенъ, и къ тому-жъ мнѣ было шестнадцать, а ему шестьдесятъ лѣтъ.

Я въ первый день рвалась, рыдала,
Родныхъ винила, цѣлый свѣтъ,
Сто разъ съ досадой повторяла:
Скажу на зло при всѣхъ я: нѣтъ!
Когда-жъ приданое поспѣло,
Послушнѣй стала я тогда,
И тѣмъ окончилось все дѣло,
Что въ третій день сказала: да!

Правда, я не была влюблена, а Лиза истинно любитъ Болеславскаго.—Но вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ленская и Лиза.

Ленская. Здравствуй, милая! Боже мой! какъ ты блѣдна! Здорова-ли ты?

Лиза. Къ несчастью, очень здорова.

Ленская. Глаза заплаканы...

Лиза. Да, я проплакала всю ночь; но за то теперь очень весела, и знаете-ли отчего?

Ленская. Нѣтъ, не знаю.

Лиза. Пусть батюшка сердится на меня, какъ хочетъ, а я рѣшилась...

Ленская. Сказать, что не можешь терпеть Ландышева?

Лиза. Нѣтъ; я рѣшилась молчать.

Ленская. Только-то?

Лиза. Пускай батюшка прикажетъ мнѣ теперь сказать Ландышеву, что я его люблю,—ни за что не скажу.

Ленская. Въ самомъ дѣлѣ?

Лиза. Буду молчать, какъ убитая.

Ленская. Послушай, мой другъ, тебѣ не молчать, а говорить надобно. Почему знать? Скажи откровенно своему батюшкѣ, что ты любишь Болеславскаго,—такъ можетъ быть онъ посердится, посердится а, наконецъ, и согласится выдать тебя за него замужъ.

Лиза. О, нѣтъ, я на это никакъ не рѣшусь.

Ленская. Право? А я думала, что ты его любишь.

Лиза. Ахъ, Боже мой! да развѣ я не люблю его?

Ленская. Разумѣется, нѣтъ. Если-бы ты истинно его любила, то давно-бы сказала объ этомъ своему батюшкѣ.

Лиза. Я не люблю Болеславскаго?—и вы можете это думать? Боже мой! я не люблю его? И вамъ не стыдно это говорить? Такъ знайте-же: я готова на все рѣшиться! Я скажу батюшкѣ, что не терплю Ландышева, что люблю Болеславскаго, что сойду съ ума отъ отчаянія... что я... что я... умру, если онъ не сжалится надо мною... что я... да, да, сударыня, я все это скажу, и при васъ, слышите ли,—при васъ.

Не только батюшкѣ готова
Теперь, когда на то пошло
Все это повторить до слова,
Но вамъ сударыня, на зло,
Объ этомъ завтра-жъ, если надо,
Узнаетъ вся моя родня...

Ленская (*оканчивая куплетъ*).

Тѣмъ лучше, милая, я рада,
Сердись побольше на меня.

Лиза. Я не люблю его!

Ленская. Ну, хорошо, согласна, мой другъ, —ты его любишь, очень любишь; только надобно доказать это на самомъ дѣлѣ.

Лиза. А вотъ увидите—я скажу батюшкѣ:

Ничто на свѣтѣ не принудитъ
Меня забыть любовь мою;
Мнѣ мужемъ Ландышевъ не будетъ,
При васъ я клятву въ томъ даю:
Другого сердцемъ обожаю,
Люблю душой и почитаю;
Моей достоинъ онъ руки.
И если вы не согласитесь,
То съ дочерью проститесь:
Умретъ она съ тоски.

Ленская. Тише, сюда идутъ.

Лиза. Ахъ, Боже мой! батюшка!

Ленская. И твой женихъ. Смотри же, милая, не робѣй.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Ландышевъ, Волгинъ и Иванъ.

Волгинъ (*Ивану*). Такъ ты не спросилъ, кто эти пріѣзжіе?

Иванъ. Нѣтъ, сударь; я видѣлъ только коляску.

Волгинъ. Бѣги же на почтовый дворъ и узнай отъ смотрителя, кто мѣняетъ здѣсь лошадей.

Иванъ. Слушаю, сударь! (*Уходитъ*).

Ландышевъ. Да что это васъ такъ тревожитъ?

Волгинъ. Такъ, братецъ,—одно любопытство; а впрочемъ, почему знать,—можетъ быть это...

Ландышевъ. Тотъ знатный путешественникъ, о которомъ мнѣ писали? Не стыдно-ли! онъ не выходитъ у васъ изъ головы.

Волгинъ. Да и ты о немъ что-то часто поговариваешь.

Ландышевъ. Я? Стану я думать о такой мелочи! Знатный путешественникъ! Да какое намъ до него дѣло?

Волгинъ. Конечно, конечно!

Ландышевъ. Знайте, сударь, что истинный философъ, кто-бы онъ ни былъ, важнѣе для меня всякаго знатнаго человѣка.

Волгинъ. Безъ сомнѣнія.

Ландышевъ. Знатность есть ничто иное, какъ мишурная оболочка, ослѣпляющая однихъ глупцовъ.

Волгинъ! Прекрасная сентенція! — Какъ бишь, мишурная оболочка...

Ландышевъ. Ослѣпляющая однихъ глупцовъ.

Волгинъ. Точно, точно, мой милый! (*Увидя Ленскую*). А, здравствуйте, сударыня! Вы ужъ въ саду? Здорова, Лизанька! Что-жъ ты не кланяешься жениху? (*Лиза приседаетъ*). А ты что стоишь, братецъ; подойди, да поговори съ нею.

Digitized by Google

Ландышевъ (*подойдя къ Лизѣ*). Вы нынче рано встали, сударыня?

Лиза. Да-съ.

Ландышевъ. Часу въ седьмомъ?

Лиза. Да-съ.

Ландышевъ. И давно въ саду?

Лиза (*присѣдая*). Да-съ.

Волгинъ. Тьфу пропасть, что это за разговоръ. Развѣ такъ отвѣчаютъ своему жениху?

Ландышевъ (*отводя его прочь*). И, полноте; вы пуще ее испугаете.

Къ чему такое нетерпѣнье!
Прошу васъ слушать издали.
(*Лизѣ*) Позвольте взять мнѣ дерзновенье
Узнать, какъ ночь вы провели?

Ленская. Очень худо!—я за нее могу вамъ отвѣчать.

Ландышевъ.

Конечно васъ перепугали
Дурные сны?—признайтесь мнѣ!

Лиза.

Вы точно, сударь, отгадали,
Все васъ я видѣла во снѣ.

Ландышевъ. То-есть, вы видѣли во снѣ, что я боленъ — умираю — не такъ-ли?

Волгинъ. Или, можетъ быть, что ты женишься на другой. Да небось, Лизанька, онъ отъ насъ не ускользнетъ! Чрезъ двѣ недѣли я васъ обвѣнчаю — такъ дѣло и кончено.

Лиза. Ахъ, батюшка!...

Волгинъ. Что такое?

Ленская (*тихо*). Смѣлѣй, милая!

Волгинъ. Ну, что же, говори!

Лиза. Неужели моя свадьба чрезъ двѣ недѣли?

Волгинъ. Да, сударыня! А что ты хочешь этимъ сказать?

Лиза (*испугавшись*). Ничего-съ.

Ленская (*тихо*). Рѣшись!

Лиза. Ахъ, батюшка! я безъ ужаса и подумать не могу объ этомъ.

Волгинъ. Ба, ба, ба! — что это значитъ? Ужъ не упрямиться-ли ты хочешь? Боже тебя сохрани!

Лиза. Ахъ нѣтъ-съ... я...

Волгинъ. Такъ чего-жъ ты боишься? А, понимаю: тебѣ ужъ наскучило быть невѣстою, не правда-ли? Хорошо, хорошо, мой другъ, свадьба твоя не черезъ двѣ недѣли, а послѣзавтра.

Ленская (*въ сторону*). Прекрасно!

Волгинъ. Ты молчишь, плутовка? Добро, ступай-ка, да примѣрь свое подвѣнечное платье; я посмотрю его на тебѣ самъ.

Ленская (*тихо Лизѣ*). Какое малодушіе! Не стыдно-ли тебѣ?

Лиза. Ахъ, милая! я едва дышу отъ страха (*Уходитъ*).

Ленская (*идя за нею, въ сторону*). Бѣдный Болеславскій!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Волгинъ и Ландышевъ.

Волгинъ. Ну, любезный, мы теперь одни; при барыняхъ я не люблю говорить о дѣлѣ. Какъ ты думаешь? Я нынче писалъ всю ночь и кончилъ мой проектъ объ устроеніи водянаго сообщенія между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ.

Ландышевъ. Неужели кончили?

Волгинъ. И переписалъ на-бѣло.

Ландышевъ. Да вы убиваете себя.

Волгинъ. Что-жъ дѣлать, милый! Кто хочетъ быть полезенъ своему отечеству, тотъ долженъ забывать самого себя.

Ландышевъ. Это очень похвально; но...

Волгинъ. Нѣтъ, нѣтъ, любезный; для блага общаго можно и должно жертвовать собою.

Ландышевъ. Не спорю; однакожъ...

Волгинъ. Подумать не могу безъ восхищенія: соединить два моря, — какое великое дѣло! А для торговли-то сколько выгодъ, мой другъ!...

Чтобы подробно ихъ исчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Безъ восторга и помыслить,
Не могу объ этомъ я.
Персіяне и китайцы,
Кашемирцы и бухарцы
Приплывутъ въ Одессу къ намъ.
Мы соболью бросимъ ловлю,
А индѣйскую торговлю
Приберемъ тогда къ рукамъ.

***

Одного лишь опасаться,
Я, мой другъ, сегодня сталъ,
Что едва-ли согласятся
Въ триста верстъ провесть каналъ.

Ландышевъ.

И къ тому же есть другое
Затрудненье небольшое.

Волгинъ.

Да пустое, братецъ, вздоръ!
Чтобъ свершить мое желанье...

Ландышевъ (*перерывая*).

Нужно срыть до основанья
Сотни двѣ кавказскихъ горъ.

Волгинъ. Эхъ, милый! Ну, конечно, съ перваго взгляда это какъ будто-бы и страшно; а впрочемъ пустое,—были-бы только руки. Да вотъ постой, я прочту тебѣ мой проектъ, такъ ты самъ увидишь.

Ландышевъ (*въ сторону*). Ахти, бѣда!

Волгинъ. Слушай! кой чортъ! да это простая бумага!... Видно я захватилъ ее вмѣстѣ съ проектомъ.—Постой!... (*перебираетъ бумаги*).

Ландышевъ (*въ сторону*). Уморитъ онъ меня!

Волгинъ. А, нашелъ, вотъ онъ. (*Читаетъ*). „Проектъ о соединеніи посредствомъ канала двухъ морей, Каспійскаго и Чернаго“ (*откашливается*). Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Иванъ (*входитъ скоро*).

Волгинъ. Что ты?

Иванъ. Я, сударь, по вашему приказу былъ сейчасъ на почтовомъ дворѣ.

Волгинъ. Ну, кто этотъ пріѣзжій?

Иванъ. А Богъ его знаетъ, сударь.

Волгинъ. Что ты врешь?

Digitized by Google

Иванъ. Да, точно такъ-съ. Почталіонъ сказалъ мнѣ, что ему этотъ господинъ отмѣнно подозрителенъ.

Волгинъ. Подозрителенъ.

Иванъ. Да, сударь! Въ подорожной онъ названъ просто какимъ-то Пронскимъ, а слуга говоритъ ему: ваше сіятельство.

Волгинъ. Что это значитъ, братецъ?

Ландышевъ. Странно, очень странно!

Волгинъ. Ужъ не тотъ-ли это знатный путешественникъ?...

Ландышевъ. Быть можетъ.

Волгинъ. Какъ ты думаешь, не пригласить-ли его?

Ландышевъ. Зачѣмъ?

Волгинъ. Какъ, зачѣмъ? а если онъ знатный человѣкъ?

Ландышевъ. Такъ чтожъ! Эхъ, Николай Иванычъ! вовсе нѣтъ въ васъ философіи! Ну, что вамъ за дѣло, что онъ знатный человѣкъ?

Волгинъ. А что и въ самомъ дѣлѣ, изъ чего хлопотать: пусть сидитъ себѣ въ избѣ. (*Ивану*). Ступай!

Ландышевъ. Постой, постой! Конечно, онъ ни на что намъ не нуженъ, однакожъ, гостепріимство есть философическая добродѣтель.

Волгинъ. Не спорю, братецъ. Да не подумалъ-бы онъ, что мы это дѣлаемъ изъ подлости.

Ландышевъ. А что вы думаете: быть можетъ. Нѣтъ, не надобно его звать.

Волгинъ. Не надобно. Ступай!

Ландышевъ. Погоди! А если онъ, бѣдняжка, усталъ и желалъ-бы отдохнуть; послушайте: вѣдь и къ знатнымъ надобно имѣть состраданіе, они такіе-же люди.

Волгинъ. Такъ ты мнѣ совѣтуешь...

Ландышевъ. Пригласите его.

Волгинъ (*Ивану*). Бѣги-же скорѣй и проси его сюда.

Ландышевъ. Постой, постой! Что вы дѣлаете! Почему-жъ и предъ знатнымъ человѣкомъ не быть вѣжливымъ? Пригласите его сами.

Волгинъ. Правда, правда. (*Хочетъ идти*).

Иванъ. Не извольте безпокоиться: вонъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и князь Зарѣцкій.

Князь (*весьма холодно и отрывисто*). Позвольте узнать, кто хозяинъ здѣшняго дома?

Волгинъ (*кланяясь*). Я, милостивый государь.

Князь (*приподнявъ шляпу*). Извините! Я спѣшу ѣхать: на почтовомъ дворѣ всѣ лошади въ разгонѣ: надѣюсь, вы прикажете мнѣ дать обывательскихъ.

Волгинъ. Съ величайшею охотою! Мои лошади и я самъ къ вашимъ услугамъ.

Князь. Очень благодаренъ. Впрочемъ, мнѣ нужны однѣ лошади.

Ландышевъ (*въ сторону*). Какъ онъ отвѣчаетъ! о, онъ точно знатный человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Болеславскій.

Болеславскій (*не замѣчая князя*). Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Вы нынче поздно встали, а я ужъ успѣлъ... Боже мой! не ошибаюсь-ли я!... (*Подходя почтительно къ князю*). Какой случай доставилъ намъ счастіе...

Князь. А, любезный Болеславскій! очень радъ васъ видѣть. (*Волгину*).. Это старинный мой пріятелль.

Болеславскій. Возможно-ли! такая честь!... Ахъ, ваше сія...

Князь (*дѣлаетъ знакъ Болеславскому*). Тсъ! Какъ мы давно съ вами не видались!

Болеславскій. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ счастіе служить...

Князь. (*прерывая*). Вмѣстѣ со мною. (*Волгину*). Вашъ садъ, кажется, недуренъ.

Волгинъ. Вы очень милостивы!

Князь. И даже, сколько можно замѣтить, расположенъ съ нѣкоторымъ вкусомъ. (*Осматривается кругомъ*).

Волгинъ (*тихо Болеславскому*). Кто этотъ господинъ?

Болеславскій. Неужели вы не знаете?

Волгинъ. Скажи скорѣе!...

Болеславскій. Такъ знайте же...

Князь. Болеславскій!

Болеславскій (*подбѣгая*). Чего изволите?

Князь (*съ разсѣяннымъ видомъ*). Такъ, ничего.

Болеславскій (*кланяясь*). Слушаю!

Князь. Да, да!... я хотѣлъ вамъ сказать... (*говоритъ съ нимъ тихо*).

Волгинъ. (*Ландышеву*). Теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: этотъ тотъ знатный вояжеръ, о которомъ тебѣ писали.

Ландышевъ. Я и самъ тоже думаю.

Волгинъ. Правда, онъ очень молодъ.

Ландышевъ. Что вы? помилуйте; онъ только моложавъ.

Князь (*тихо Болеславскому*). Не бойся, я не забуду своей роли; а моя невѣста?

Болеславскій. Я ужъ съ ней переговорилъ (*громко и кланяясь*), смѣю васъ въ этомъ увѣрить.

Князь. (*также*). Я полагаюсь на вашу скромность. (*Волгину*). Позвольте узнать: я скоро буду имѣть лошадей?

Волгинъ. Сію же минуту. Но еслибъ вамъ угодно было сдѣлать мнѣ честь у меня откушать.

Князь. Очень бы радъ, но я такъ тороплюсь.

Ландышевъ. Осмѣлюсь-ли спросить, куда вы изволите ѣхать?

Князь. Я, сударь? Я, право, не могу вамъ сказать; я путешествую.

Ландышевъ (*тихо Волгину*). Слышите?

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Ленская.

Князь. Мнѣ давно хотѣлось объѣхать нѣкоторую часть Россіи.

Волгинъ. Прекрасное намѣреніе!

Ленская. (*тихо Ландышеву*) Кто это?—Лицо мнѣ что-то знакомо.

Ландышевъ. Быть можетъ.

Князь (*Волгину*). Не ошибаюсь-ли я: это г-жа Ленская?

Волгинъ. Точно такъ.

Князь (*подходитъ къ ней*). Вы не узнали меня, сударыня?

Ленская. Ахъ, князь!... извините!

Ландышевъ (*тихо Волгину*). Слышите,—князь.

Digitized by Google

Ленская. Какъ могло мнѣ придти въ голову, что я буду имѣть честь...

Князь (*прерывая*). Признаюсь, я и самъ не ожидалъ васъ такъ скоро увидѣть. Въ послѣдній разъ, если не ошибаюсь, я имѣлъ удовольствіе быть вмѣстѣ съ вами у пріятеля моего...

Ленская. Его свѣтлости князя Знатова.

Князь. Точно такъ.

Ленская (*въ сторону*). У князя Знатова?— Онъ случайный человѣкъ.

Волгинъ. Осмѣлюсь вторично просить васъ сдѣлать мнѣ честь, откушать у меня сегодня.

Князь. Я право не знаю.

Ленская. Позвольте присоединить и мою просьбу.

Князь. О, если вамъ это угодно, то я согласенъ. Я не привыкъ отказывать такимъ любезнымъ просительницамъ.

Ландышевъ (*въ сторону*). Просительницамъ? Онъ министръ. (*Входитъ Иванъ*).

Иванъ. Вашъ человѣкъ здѣсь дожидается.

Князь. Сейчасъ! Извините. Чрезъ двѣ минуты я вашъ. (*Уходитъ въ ворота*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ князя.

Волгинъ (*Болеславскому*). Скажи скорѣе, братецъ, кто онъ такой? Неужели въ самомъ дѣлѣ Пронскій?

Ленская. Пронскій?... какой вздоръ!

Волгинъ. Кто-же онъ?

Ленская. Прекрасно! такъ вы не знаете?..

Болеславскій (*стараясь прервать*). Послушайте!...

Ленская. Онъ князь...

Болеславскій. Бога ради!... (*Говоритъ ей на ухо*).

Ландышевъ. (*Волгину*). Слышите?

Ленская (*съ удивленіемъ*). Въ самомъ дѣлѣ? Я этого не знала.

Волгинъ. Такъ онъ не Пронскій?

Ленская. (*съ смущеніемъ*). Это правда... онъ ѣдетъ подъ чужимъ именемъ; онъ точно князь...

Волгинъ. Да какой?

Болеславскій. Какой?... Постойте! да.. онъ князь Зарѣцкій...

Ландышевъ. Ха, ха, ха! откуда изволили выкопать эту фамилію?

Волгинъ. Но его званіе, чинъ?

Болеславскій. Кажется, онъ... точно,— отставной ротмистръ.

Ландышевъ. Отставной ротмистръ! ха, ха, ха!

Не хотите вы сознаться
И его сказать намъ чинъ;
Но не трудно догадаться,
Что большой онъ господинъ—
Ошибиться невозможно,
Онъ на знатнаго похожъ.

Ленская (*доканчивая куплетъ*).

Для меня признаться должно,
Онъ важнѣе всѣхъ вельможъ.

Ландышевъ. Неужели?

Болеславскій (*Ленской*). Перестаньте!

Ленская. Я больше ничего не скажу.

Волгинъ (*Болеславскому*). Да полно, братъ. секретничать! Ну, чего ты боишься?

Ты слишкомъ, милый, остороженъ,
Вѣдь дѣло все лишь въ двухъ словахъ.

Болеславскій.

Бояться я къ несчастью долженъ;
Судьба моя въ его рукахъ.
И то, къ чему душей стремился,
Теперь зависитъ отъ него.

Волгинъ.

Я видно толку не добьюсь;
Понять нельзя тутъ ничего.

Болеславскій. Да сударь, отъ него зависитъ все мое счастіе.

Ландышевъ. Все ваше счастіе,—и онъ отставной ротмистръ!—ха, ха, ха!

Ленская. Вотъ, кажется, и онъ.—Прощайте: я пойду кончить мой туалетъ. Признаюсь, при вашемъ гостѣ я хочу быть какъ можно наряднѣе. (*Уходитъ*).

Болеславскій. И я также не намѣренъ остаться въ сюртукѣ; побѣгу скорѣй одѣться. (*Уходитъ; князь показывается за рѣшеткою*).

Ландышевъ. Посмотрите: ну, похожъ-ли онъ на отставного ротмистра?

Волгинъ. Какой важный видъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Князь (*выходитъ на сцену, Ландышевъ и Волгинъ идутъ къ нему навстрѣчу*).

Князь. Представьте мою досаду: коляска изломана, и я долженъ пробыть здѣсь цѣлыя сутки.

Волгинъ. Эта непріятность весьма пріятна для хозяина, потому что доставитъ ему честь и пріятность.

Князь (*къ Ландышеву*). Далеко ли отсюда губернскій городъ?

Ландышевъ. Верстъ пятьдесятъ;—вы изволите туда торопиться?

Князь. Да, мнѣ нужно кой о чемъ поговорить съ губернаторомъ, и между прочимъ узнать отъ него, гдѣ живетъ въ здѣшней губерніи одинъ почтенный человѣкъ, съ которымъ я отмѣнно хочу познакомиться.

Волгинъ. Смѣю-ли спросить: кто эта знаменитая особа?

Князь. О, сударь, совсѣмъ не знаменитая: онъ человѣкъ не знатный, но одаренъ такими необычайными способностями, такимъ великимъ геніемъ...

Ландышевъ (*въ сторону*). Что это значитъ?

Князь. Еслибъ онъ согласился посвятить свои таланты отечеству, то безъ всякаго сомнѣнія обратилъ бы на себя вниманіе всей Европы.

Ландышевъ (*въ сторону*). Я начинаю догадываться.

Князь. Мнѣ удалось прочесть одно изъ его сочиненій, которое, къ стыду нашему, оставалось до сихъ поръ въ неизвѣстности. Какая глубокая политика!—какія соображенія!..

Ландышевъ (*въ сторону*). Точно, это я!

Волгинъ. Позвольте спросить: его фамилія?..

Князь. Весьма обыкновенная.— Имя его я не знаю, а по фамиліи онъ—Ландышевъ.

Волгинъ. Ландышевъ!

Ландышевъ (*князю*). Вы видите его передъ собою.

Digitized by Google

Князь. Возможно-ли! вы—г-нъ Ландышевъ! позвольте обнять себя! Какъ, сударь, это вы сочинитель книги или разсужденія?..

Ландышевъ. О политическомъ состояніи европейскихъ государствъ.

Князь. Точно такъ! Теперь я не жалѣю, что моя коляска изломалась.

Волгинъ (*въ сторону*). Я зналъ, что рано или поздно, а отдадутъ ему справедливость.

Князь. Я весьма-бы желалъ поговорить съ вами откровенно.

Ландышевъ. Съ величайшею охотою! (*тихо Волгину*). Оставьте насъ однихъ!

Волгинъ (*князю*). Мнѣ нужно кой-что распорядить—и такъ, позвольте!..

Князь. Сдѣлайте милость...

Волгинъ (*отведя Ландышева къ сторонѣ*). Послушай-ка, милый! Вотъ мой проектъ; постарайся его прочесть князю.

Ландышевъ. И, сударь, къ чему это!

Волгинъ. Пожалуйста! нельзя-ли какъ-нибудь!

Ландышевъ. Ну, хорошо, хорошо!—ступайте. (*Беретъ бумагу и кладетъ ее въ карманъ*). Какъ надоѣли мнѣ эти проекты! (*Волгинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Князь и Ландышевъ.

Князь. Очень радъ, что мы остались одни. Я надѣюсь, вы будете со мною откровенны.

Ландышевъ. Повѣрьте, ваше сіятельство...

Князь. Какъ, сударь! что это значитъ?..

Ландышевъ. Можетъ быть я поступаю не скромно—вамъ угодно скрывать ваше имя; но мы здѣсь одни.

Князь. Прошу васъ, оставьте это. Завтра, а можетъ быть и сегодня вы узнаете все; но теперь поговоримте о другомъ. Неужели вы навсегда рѣшились предпочитать свободу славѣ и почестямъ, которыя ожидаютъ васъ въ службѣ?

Ландышевъ. Повѣрьте, ваше сіятельство, слава и почести...

Князь. Ничто въ глазахъ истиннаго философа — не спорю. Но быть полезнымъ своимъ согражданамъ, заслужить всеобщую благодарность... вы колеблетесь?..

Ландышевъ. Я право не знаю...

Князь. Г-нъ Ландышевъ! Отечество васъ призываетъ!

Ландышевъ. Отечество!—О, послѣ этого мнѣ ничего не остается сказать! Ваше сіятельство, располагайте мною.

Князь. Да я тутъ совершенно ничего; это одинъ дружескій совѣтъ.

Ландышевъ. Я принимаю его съ должнымъ уваженіемъ.

Князь. Какъ вы думаете: если какой-нибудь вельможа, государственный человѣкъ... вы меня понимаете?

Ландышевъ. Понимаю, ваше сіятельство.

Князь. Предложитъ вамъ на первый случай мѣсто правителя канцеляріи;—что вы на это скажете?

Ландышевъ. Я за счастіе почту...

Князь. Нѣтъ, нѣтъ, виноватъ, способности ваши требуютъ обширнѣйшаго театра, и я думаю... точно такъ, вамъ должно служить по дипломатической части. Надѣюсь, вы не женаты?

Ландышевъ. Нѣтъ еще, ваше сіятельство.

Князь. Тѣмъ лучше.

Ландышевъ. Но я уже помолвленъ.

Князь. Въ самомъ дѣлѣ? Это жаль, очень жаль!

Ландышевъ. Впрочемъ, женитьба не помѣшаетъ мнѣ быть полезнымъ моему отечеству.

Князь. Не помѣшаетъ, сударь? Да знаете ли, что государственный человѣкъ долженъ совершенно посвятить себя службѣ и не имѣть никакихъ другихъ обязанностей.

Ландышевъ. Конечно, ваше сіятельство конечно; однакожъ много есть примѣровъ.

Князь (*значительно*). По крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Ландышевъ. О, когда вы изволите это думать, то безъ всякаго сомнѣнія... и если ваше сіятельство полагаете это нужнымъ...

Князь. Необходимымъ, сударь, по крайней мѣрѣ для того, кто начинаетъ служить.

Ландышевъ. Я не смѣю сказать утвердительно; но можетъ быть, жертвуя собой общей пользѣ и выполняя желанія вашего сіятельства, рѣшусь...

Князь. Договаривайте.

Ландышевъ. Отказаться отъ моей невѣсты.

Князь (*съ радостію*). Отказаться? — Дайте мнѣ вашу руку! Вотъ истинный сынъ отечества! Такъ, вы заслуживаете всю мою довѣренность, и скоро, очень скоро узнаете меня короче. Повѣрьте, г. Ландышевъ, я кажусь вамъ совсѣмъ не тѣмъ, что я есть въ самомъ дѣлѣ.

Ландышевъ. Почему-же вашему сіятельству не угодно теперь удостоить меня своей довѣренности?

Князь. О, я имѣю на это весьма важныя причины.

Ландышевъ. Впрочемъ, если-бы я смѣлъ догадываться...

Князь (*съ важностію*). Я васъ прошу быть недогадливымъ.

Ландышевъ. Слушаю, ваше сіятельство!

Князь (*въ сторону*). Начало сдѣлано; теперь надобно посовѣтоваться съ Болеславскимъ. (*Громко*). Извините; мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ Болеславскому. (*Идетъ въ домъ*).

Ландышевъ. Позвольте мнѣ проводить васъ...

Князь. Не бозпокойтесь!

Ландышевъ. Сдѣлайте милость...

Князь (*съ важностію*). Я васъ прошу остаться.

Ландышевъ. Слушаю, ваше сіятельство. (*Князь уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Ландышевъ (*одинъ*).

Слава Богу! наконецъ и я могу выдти въ люди. Одно только досадно: неужели въ самомъ дѣлѣ я долженъ отказаться отъ моей невѣсты?.. Ну, да объ этомъ еще подумаемъ. Смотри, Ландышевъ, не упускай своего счастія! Что этотъ князь знаменитый вельможа, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Что онъ отъ меня безъ памяти, это также очень примѣтно. И такъ рѣшено: я служу... стараюсь всячески угождать князю; награды и чины польются на меня рѣкою, и вскорѣ, можетъ быть, имя мое сдѣлается повсюду извѣстнымъ.

О восторгъ, о восхищенье!
Какъ пріятно знатнымъ быть!

Digitized by Google

Я имъ буду безъ сомнѣнья;
Нужно только мнѣ служить.
До чиновъ большихъ добраться
Можно будетъ безъ труда;
Стану ниже нагибаться,
И одно твердить всегда:

точно такъ, ваше сіятельство! справедливо, ваше сіятельство!—очень справедливо! и прочее и прочее. Его сіятельство улыбается, это значитъ: поздравляю васъ съ чиномъ; потреплетъ меня по плечу, то есть завтра вы получите новое мѣсто. Я удвою мои ласкательства, и можетъ быть... почему-же нѣтъ?—лѣтъ черезъ шесть или семь сдѣлаюсь и самъ большимъ бариномъ. О, тогда-то узнаютъ, каковъ Ландышевъ! У меня будутъ каждое утро

Толпы просителей въ прихожей,
Въ пріемной залѣ господа.
Не хуже многихъ изъ вельможей
Я стану бариться тогда.
Съ однимъ вступаю въ разговоры,
Кивну другому головой;
А на того лишь кину взоры,
И тотъ-же часъ къ нему спиной.

Я слышу со всѣхъ сторонъ: Ваше превосходительство! будьте защитникомъ и благодѣтелемъ!—Ваше превосходительство! отъ васъ зависитъ мое счастіе! Судьба моя въ рукахъ вашего превосходительства!

Вы защита всѣхъ несчастныхъ,
Покровитель и отецъ!

Будьте покойны, сударь,—надѣйтесь.

Отъ прижимокъ я ужасныхъ
Разорюсь безъ васъ въ конецъ!

Хорошо, голубчикъ, мы это разсмотримъ.

Къ вашимъ я ногамъ готова,
Благодѣтель мой упасть.
Ахъ, отецъ! скажите слово
И не дайте мнѣ пропасть!

Довольно, довольно!—Ступайте. (*Музыка перваю куплета*).

О восторгъ, о восхищенье!
Какъ пріятно знатнымъ быть!
Я имъ буду безъ сомнѣнья,
Стоитъ только мнѣ служить.
Философію забуду;
Мудрость бѣднымъ лишь нужна;
Безъ нея извѣстнымъ буду,—
Такъ на кой-же чортъ она?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Ландышевъ и Волгинъ.

Волгинъ. Ну что, милый?

Ландышевъ (*съ нѣкоторою важностію*). А! это вы?

Волгинъ. О чемъ ты поговорилъ съ княземъ.

Ландышевъ. Его сіятельство предлагалъ мнѣ мѣсто правителя канцеляріи.

Волгинъ. Правителя канцеляріи.

Ландышевъ. Да, правителя канцеляріи;—но я на это не согласился.

Волгинъ. Что ты, братецъ, въ умѣ-ли?

Ландышевъ. Онъ упрашивалъ меня самымъ убѣдительнымъ образомъ, и, наконецъ, я рѣшился служить по дипломатической части.

Волгинъ. При какомъ-нибудь посольствѣ?

Ландышевъ. Нѣтъ, лично при его особѣ.

Волгинъ. Поздравляю, милый, поздравляю—очень радъ! А что его сіятельство сказалъ о моемъ проектѣ?

Ландышевъ. О вашемъ проектѣ?

Волгинъ. Ты обѣщалъ прочесть его князю.

Ландышевъ. (*въ сторону*). Какъ-бы отъ него отдѣлаться. (*Громко*). Да, я докладывалъ его сіятельству.

Волгинъ. Чтожъ онъ изволилъ сказать?

Ландышевъ. Онъ на этотъ счетъ не совсѣмъ еще изъяснился: но, сколько можно замѣтить, князь отмѣнно имъ доволенъ.

Волгинъ. Неужели? А какъ ему показалось вступленіе?

Ландышевъ. Вступленіе?—Гмъ!.. Вступленіе показалось ему нѣсколько неяснымъ.

Волгинъ. Неяснымъ? Такъ поэтому конецъ...

Ландышевъ. Да, да, конецъ-то болѣе всего и понравился.

Волгинъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Ландышевъ. Впрочемъ, я совѣтую вамъ говорить ничего объ этомъ князю.

Волгинъ. Но я желалъ-бы кой-что пояснить...

Ландышевъ. Положитесь въ этомъ на меня.

Волгинъ. Послушай-ка, любезный! Если уже его сіятельство такъ ко мнѣ благосклоненъ, то нельзя-ли какъ-нибудь ему намекнуть, что я желаю... то-есть... что я, въ угодность ему, готовъ согласиться занять какое-нибудь мѣсто.

Ландышевъ. Помилуйте, Николай Иванычъ!—служить въ ваши лѣта!

Волгинъ. Послужу еще, не безпокойся!

Ландышевъ. Съ вашими болѣзнями!

Волгинъ. Эхъ, братецъ! — Ну, да если я хочу пожертвовать собою...

Ландышевъ (*насмѣшливо*). Для блага общаго.

Волгинъ. Разумѣется.

Ландышевъ. А не вы-ли сегодня поутру мнѣ говорили:

„Завидовать я знатныхъ долѣ
Не вижу пользы никакой.
Служить лишь можно по неволѣ
Тому, кто любитъ свой покой,
Чины, мѣста и награжденье
Пустое все, мой другъ—повѣрь!“

Волгинъ (*доканчивая куплетъ*).

Такъ чтожъ? За то большое рвенье
Я къ службѣ чувствую теперь.

Да я-же, братецъ, большого и не добиваюсь—на первый случай хоть въ губернаторы, а тамъ...

Ландышевъ (*насмѣшливо*). И въ министры?

Волгинъ. Я не говорю этого, — что Богъ дастъ.

Ландышевъ (*въ сторону*). Онъ повредился.

Волгинъ. Ну чтожъ, мой милый? Хочешь-ли взять на себя трудъ поговорить объ этомъ съ княземъ; а не то пожалуй я и самъ скажу.

Ландышевъ (*въ сторону*). Чего добраго: отъ этого дурака все станется. (*Громко*). Хорошо, хорошо, будьте спокойны.

Волгинъ. Я заготовилъ на всякій случай записку, что такой-то, желая вступить въ служ-

Digitized by Google

бу, покорнѣйше просить о томъ и о томъ-то. Вотъ она; послушай, я прочту. (*Развертываетъ*). Что это? возможно-ли?

Ландышевъ. Что съ вами сдѣлалось?

Волгинъ. Да это мой проектъ.

Ландышевъ. Проектъ.

Волгинъ. Да, да, мой проектъ.

Ландышевъ. Такъ видно вы отдали мнѣ копію. (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу*).

Волгинъ. Подай!...—Боже мой! простая бумага!

Ландышевъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Волгинъ (*осматривая бумагу кругомъ*). Ни одной строчки, ни одного слова!.. Чтожъ ты читалъ князю?

Ландышевъ. Но я не могу понять...

Волгинъ. И я также.

Ландышевъ. Какимъ образомъ...

Волгинъ. Вы прочитали мой проектъ князю?—Вотъ это-то и чудно! А еще страннѣе, что вступленіе показалось ему неяснымъ, а конецъ очень понравился.—Ну, чтожъ вы, сударь, молчите? Растолкуйте мнѣ это!

Такъ нагло можно-ль и безстыдно
Ко мнѣ почтенье все забыть!
Нѣтъ, это слишкомъ ужъ обидно,
И мнѣ-ль игрушкой вашей быть?

Ландышевъ.

Да кто-жъ велѣлъ вамъ ошибаться;
Вы сами этому виной.

Волгинъ.

Надъ тестемъ будущимъ смѣяться,
Шутить такъ дерзко надо мной!

Ландышевъ.

Все это ничего не значитъ;
Прошу васъ только не кричать.

Волгинъ.

Какъ смѣли вы меня дурачить!
Извольте, сударь, отвѣчать!

Ландышевъ. Да чтожъ въ самомъ дѣлѣ вы пристали? Ну, не читалъ, такъ не читалъ,—да и читать не буду.

Волгинъ. А почему-бы такъ?

Ландышевъ. А потому, что если-бы князь взглянулъ на вашъ проектъ, то счелъ-бы васъ за сумасшедшаго.

Волгинъ. За сумасшедшаго? Ба, ба, ба! Господинъ философъ! такъ вы этакъ-то поговариваете?

Ландышевъ. Да, сударь, я философъ и льстить не люблю.

Волгинъ. Такъ знайте-же, господинъ полоумный философъ, что вамъ не видать моей дочери, какъ своихъ ушей.

Ландышевъ. Тише, тише, сударь!—я самъ отъ нея отказываюсь.

Волгинъ. О, если такъ, то милости просимъ,—вотъ двери!

Ландышевъ. Потише, сударь, потише!

Волгинъ. Сей-же часъ вонъ изъ моего дома!

Ландышевъ. Не горячитесь! Я теперь нахожусь при его сіятельствѣ и не иначе какъ вмѣстѣ съ нимъ оставлю вашъ домъ.

Волгинъ. А вотъ увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Ленская и Лиза.

Волгинъ. Ты здѣсь, Лизанька? Поди сюда! Да къ чему изволила такъ нарядиться?

Лиза. Вы сами приказали мнѣ надѣть подвѣнечное платье.

Волгинъ. Подвѣнечное платье! — Слышишь-ли? чтобъ я тебя въ немъ не видалъ!—Подвѣнечное платье!... (*Лиза хочетъ идти*). Нѣтъ, нѣтъ, постой! посмотри хорошенько на этого человѣка! Если ты когда-нибудь осмѣлишься о немъ подумать, такъ я тебѣ со свѣту сживу.

Лиза. Какъ, батюшка?

Волгинъ. Да, да! забудь какъ, его зовутъ.

Лиза. Какъ я рада!

Волгинъ. Рада ты, или нѣтъ, только знай, что онъ никогда не будетъ твоимъ мужемъ.

Лиза. Какое счастье!

Ландышевъ. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, о чемъ вамъ горевать: вы такая выгодная невѣста, а жениховъ здѣсь такъ много...

Волгинъ. И онъ еще насмѣхается! Ужъ не думаете-ли вы, что у Лизаньки безъ васъ и жениховъ не будетъ? Ахъ, Боже мой!... еслибъ теперь навернулся какой-нибудь женихъ, то я на зло-бы ему сейчасъ сдѣлалъ помолвку.

Ленская. За этимъ дѣло не станетъ; у насъ есть женихъ.

Волгинъ. Женихъ? Какой женихъ?

Ленская, Да вотъ онъ налицо.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, князь и Болеславскій.

Князь. Я имѣю до васъ большую просьбу, Николай Ивановичъ!... Болеславскій признался мнѣ, что любитъ вашу дочь; она также къ нему неравнодушна: согласитесь на ихъ счастье...

Волгинъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ?

Князь. Я знаю, дочь ваша помолвлена за г. Ландышева: но я увѣренъ, онъ откажется.

Волгинъ. Откажется, ваше сіятельство. Да ужъ ему отказано.

Ландышевъ (*тихо князю*). Вы сами изволите видѣть, какъ я поспѣшилъ выполнить ваше приказаніе,

Князь. Очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь, теперь нѣтъ никакого препятствія.

Волгинъ. Ни малѣйшаго. Онъ мой сосѣдъ, я его уважаю, и если Лизанька согласна...

Лиза. Отъ всего сердца!

Волгинъ. Такъ дѣло и кончено,—по рукамъ! Послѣ завтра и свадьба!

Болеславскій. Какое благополучіе! а я не смѣлъ и надѣяться!...

Ленская. И я не ожидала такой удачной развязки.

Князь. Какъ пріятно смотрѣть на счастливыхъ любовниковъ!—Не правда-ли, сударыня?

Ленская. О, конечно!

Князь. Какъ вы думаете? Не сдѣлать-ли и намъ того-же?

Ленская. Почему-же нѣтъ? (*Беретъ князя за руку*). Имѣю честь рекомендовать вамъ моего жениха.

Ландышевъ. Что это значитъ?

Волгинъ. Возможно-ли! его сіятельство...

Ленская. Давно уже на мнѣ помолвленъ.

Ландышевъ. Помолвленъ?—на васъ?

Digitized by Google

Ленская. Да что-же тутъ страннаго; это тотъ женихъ, котораго я сюда ожидала.

Волгинъ. Такъ поэтому вы не знатный?

Князь. Нѣтъ, сударь.

Ландышевъ. Да кто-же вы, если смѣю спросить?

Ленская. Отставной ротмистръ князь Зарѣцкій.

Волгинъ. Уфъ! какъ гора съ плечъ!—какъ я радъ!

Ленская. Чему-жъ вы радуетесь?

Волгинъ. А тому, сударыня, что если князь отставной ротмистръ, то и этотъ негодяй останется вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ.

Ландышевъ. Что это значитъ? Такъ я въ дуракахъ?

Ленская. Насилу догадались.

Ландышевъ (*Волгину*). Вы видите, Николай Ивановичъ, какъ я былъ обманутъ.

Волгинъ. Вижу, братецъ, и душевно радуюсь.

Болеславскій. Да васъ никто не обманывалъ.

Ландышевъ. Никто не обманывалъ?...

Болеславскій. Конечно. Я вамъ говорилъ, что онъ отставной ротмистръ Зарѣцкій,—вольно-жъ вамъ былъ не вѣрить.

Ландышевъ. А вы, сударыня, не постыдились сказать, что онъ важнѣе всѣхъ вельможъ?

Ленская. Для меня, разумѣется,—вѣдь онъ мой женихъ.

Ландышевъ. Какой гнусный обманъ! какое безстыдство!

Князь. Не горячитесь, г. философъ: это вовсе не пристало тому, кто имѣетъ счастіе служить лично при моей особѣ.

Ландышевъ. И вы еще смѣете... Я задыхаюсь отъ бѣшенства! Прощайте, г-нъ безыменный князь! прощайте, вы скоро обо мнѣ услышите! (*Уходитъ*).

Волгинъ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Милости просимъ на свадьбу.—И этотъ мерзавецъ называетъ себя философомъ! (*Князю*). Ну, батюшка, какъ вы его одурачили! Да скажите, что это вамъ вздумалось?

Болеславскій. Мы все подробно разскажемъ вамъ за столомъ.

Волгинъ. И то дѣло; кушанье уже подано. Ну, князь, нечего сказать, вы такъ хорошо представляли знатнаго, что ужъ пускай Ландышевъ, а то и я чуть-чуть было не повѣрилъ.

Ленская. А что и въ самомъ дѣлѣ, его можно похвалить: онъ игралъ очень недурно свою роль.

Болеславскій. Конечно недурно, а еще бы лучше,

Еслибъ зрители сказали:
Всѣхъ васъ можно похвалить;
Мы-бъ за счастье почитали,
Что могли имъ угодить.

Ленская (*къ зрителямъ*).

Если жъ въ этомъ не успѣли,
Не судите строго насъ:
Мы отъ всей души хотѣли
Быть угодными для васъ.

Хоръ.

Мы отъ всей души хотѣли
Быть угодными для васъ.

конецъ.

(*1822 г.—Представлена въ первый разъ въ Московскомъ Императорскомъ театрѣ 1 января 1823 г.*).

День перваго представленія новой пьесы.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кабинетъ Сурскаго. (*Входитъ Людмилъ*).

Сурскій. А! здравствуй, мой другъ! Что такъ рано?

Людмилъ. Мнѣ нельзя было заѣхать къ вамъ позднѣе: сегодня я все утро былъ занятъ.

Сурскій. Я такъ давно у васъ не былъ. Что? Всѣ твои здоровы?

Людмилъ. Слава Богу! — Сегодня даютъ въ первый разъ...

Сурскій. Воротился-ли изъ деревни батюшка?

Людмилъ. Нѣтъ еще.—Сегодня въ первый разъ...

Сурскій. Мнѣ сказывали, что вы купили домъ?

Людмилъ. Да-съ! — Сегодня въ первый разъ...

Сурскій (*улыбаясь*). Даютъ твою комедію? Знаю, мой другъ, и, можетъ быть, завтра поздравлю тебя съ успѣхомъ.

Людмилъ. Я надѣюсь, публика будетъ снисходительна къ первому опыту.

Сурскій. Да, если этотъ *первый опытъ* доставитъ ей удовольствіе.

Людмилъ. Но я имѣю право надѣяться... Мнѣ кажется... Я думаю...

Сурскій. Ты думаешь, что твоя комедія не можетъ упасть: не правда-ли?

Людмилъ. О, нѣтъ! я никогда этого не думалъ: легко быть можетъ, что первое представленіе моей комедіи будетъ и послѣднимъ.

Сурскій. И эта мысль тебя не пугаетъ?

Людмилъ. Ни мало. — Расинова Федра и Мольеровъ Мизантропъ не имѣли успѣха.

Сурскій. Понимаю! Потомство отдастъ тебѣ справедливость; не спорю, эта мысль утѣшительна для старика, который не живетъ уже въ здѣшнемъ мірѣ; но ты еще молодъ и долженъ, можетъ быть, въ ожиданіи лавровъ, коими нѣкогда украсятъ твою гробницу, переносить съ терпѣніемъ всѣ непріятныя послѣдствія неудачнаго опыта. Положеніе автора освистаной пьесы ужасно. Представь себѣ радость глупыхъ насмѣшниковъ, которые могутъ шутить насчетъ твоей комедіи; обидные отзывы журнальныхъ критиковъ; совѣты безграмотныхъ любителей словесности и торжество соперниковъ, *которые въ глубокомъ трауръ, но съ радостной душою* пріѣдутъ утѣшать не-

Digitized by Google

счастнаго своего собрата,—и чрезъ нѣсколько дней напишутъ на него дюжины двѣ эпиграммъ.

Людмилъ. А я выучу ихъ наизусть, если онѣ будутъ остры и забавны.

Сурскій. Въ самомъ дѣлѣ? Очень радъ, мой другъ. Признаюсь, я боялся, что ты не перенесешь съ благоразумною твердостью неудачу, которая тебя ожидаетъ.

Людмилъ. Возможно-ли? Моя комедія?

Сурскій. Не будетъ имѣть успѣха.

Людмилъ. Но почему-же вы это думаете?

Сурскій. Такъ! Я имѣю причины опасаться. Комедія твоя многимъ не нравится.

Людмилъ. Неужели?

Сурскій. Говорятъ о какихъ-то личностяхъ.

Людмилъ. Личности?—Въ моей комедіи?

Сурскій. Увѣряютъ, что всѣ дѣйствующія лица твоей пьесы списаны съ натуры и что ты не пощадилъ даже твоего благодѣтеля графа Знатова.

Людмилъ. Какая клевета!

Сурскій. Болѣе всѣхъ сердится на тебя Лидинъ; онъ увѣряетъ, что глупый нѣмецкій баринъ твоей комедіи, какъ двѣ капли воды, походитъ на искренняго его друга барона Штейнкопфа.

Людмилъ. Помилуйте! Я въ первый разъ слышу объ этомъ баронѣ.

Сурскій. Извѣстные литераторы, Теоровъ и Кастальскій, также не очень хвалятъ тебя и твое сочиненіе. Они говорятъ, что комедія скучна, безъ связи, наполнена общими мѣстами, что ты упрямъ, самолюбивъ, не принимаешь ничьихъ совѣтовъ.

Людмилъ. Да знаете-ли, что они мнѣ совѣтовали? Теоровъ убѣждалъ меня прибавить нѣсколько любовныхъ сценъ, а Кастальскій требовалъ, чтобы я выкинулъ всю любовь изъ моей комедіи. Ну какъ-же я могъ послушаться ихъ обоихъ?

Сурскій. А за то, что не послушался ни того, ни другого, они оба противъ тебя.

Людмилъ. Злодѣи!...

Сурскій. Ты знаешь, что мнѣнія ихъ весьма уважаются, у нихъ много пріятелей, друзей.

Людмилъ. Боже мой! зачѣмъ я читалъ имъ мою комедію!

Сурскій. Да! лучше, если-бы ты этого не дѣлалъ.

Людмилъ. Но кто-бы могъ подумать? Впрочемъ, что за бѣда? Если я написалъ хорошую комедію, то рано или поздно... и вы точно слышали, что она многимъ не нравится?

Сурскій. Да, мой другъ.

Людмилъ. И послѣ этого трудись, пиши для этихъ варваровъ! Но я докажу имъ, что для человѣка съ талантомъ мнѣніе безсмысленной толпы ничего не значитъ; что онъ находитъ награду трудамъ своимъ въ самомъ себѣ; что онъ... Но неужели вы думаете, что зрители станутъ шикать?

Сурскій. Можетъ быть.

Людмилъ. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ я же васъ увѣряю, что этого не будетъ. Прощайте!

Сурскій. Куда ты, Людмилъ?

Людмилъ. Въ театръ. Я потребую назадъ мою комедію и ничто въ свѣтѣ не заставитъ меня согласиться... Злодѣи!...

Сурскій. Постой, мой другъ.

Людмилъ. Нѣтъ, нѣтъ! рѣшено, ее играть не будутъ.

Сурскій. Да успокойся! не всѣ возстаютъ противъ твоей комедіи; у тебя найдутся и защитники.

Людмилъ. Но Лидинъ и его пріятели?...

Сурскій. Я доказалъ имъ, что ты никогда не видалъ барона, слѣдовательно не могъ вывесть его на сцену.

Людмилъ. А Теоровъ и Кастальскій?...

Сурскій. Оба не будутъ въ театрѣ.

Людмилъ. Боитесь-ли вы Бога? За чтожъ вы меня перепугали?

Сурскій (*улыбаясь*). Извини, мой другъ! Я хотѣлъ полюбоваться твоимъ философическимъ равнодушіемъ и испытать, не сильнѣе-ли подѣйствуетъ на тебя моя проза, чѣмъ стихи общаго нашего пріятеля?

Людмилъ. Который убѣждалъ меня не писать для театра? Но вы говорите не шутя, а посланіе къ Людмилу одна только шутка?

Сурскій. Въ самомъ дѣлѣ. И такъ всѣ непріятности и досады, коимъ подвергается драматическій писатель: несправедливыя критики журналистовъ, зависть соперниковъ и неблагодарность публики, описанныя въ посланіи нашего пріятеля, есть ничто иное, какъ піетическій вымыселъ?

Людмилъ. Я не говорю этого. Конечно, драматическій сочинитель долженъ запастись большимъ терпѣніемъ, одни совѣты заботливыхъ пріятелей сведутъ его съ ума; одинъ находитъ, что его экспозиція слишкомъ сжата, другой, что она растянута, третій предлагаетъ перемѣнить весь ходъ пьесы, то-есть, хочетъ доказать, что онъ въ полчаса обдумалъ планъ комедіи гораздо лучше, чѣмъ авторъ, который нѣсколько лѣтъ надъ нею трудился,—словомъ, каждый думаетъ, что замѣчанія его справедливы, и что онъ одинъ не можетъ ошибаться. Все это весьма непріятно, но за то какая награда ожидаетъ сочинителя. Авторъ пьесы, заслужившій общее одобрѣніе, можетъ смѣло сказать, что онъ произвелъ чудо; заставить двухъ человѣкъ мыслить совершенно одинаковымъ образомъ есть уже дѣло весьма трудное; но согласить мнѣніе двухъ тысячъ особъ, увлечь силою своего таланта всѣ сердца, слить помышленія и чувства всѣхъ зрителей въ одну и ту же душу, въ одинъ и тотъ же восторгъ: о, это такое торжество!... такая блаженная минута!

Сурскій. Потише мой другъ—не горячись! Ты забылъ, что мы живемъ не въ Аѳинахъ и что у васъ большая часть зрителей пріѣзжаютъ въ театръ совсѣмъ не для того, чтобы слушать и восхищаться. Во первыхъ одинъ раекъ имѣетъ привилегію приходить въ восторгъ, а люди *порядочные* должны въ русскомъ театрѣ или зѣвать, или, по крайней мѣрѣ, не слушать, что говорятъ актеры, и находить почти все дурнымъ. Впрочемъ, крики, вызовы и хлопанье зрителей, сидящихъ подъ самымъ плафономъ, должны столь мало льстить самолюбію автора, сколь мало огорчать его всегдашнее равнодушіе тѣхъ, которые сидятъ внизу. Одни по невѣжеству вызываютъ одинаковымъ образомъ и автора хорошей комедіи и переводчика посредственнаго водевиля: другіе изъ шалости, или по привычкѣ дѣлаютъ тоже самое,—словомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей драматическаго искусства, нашу театральную публику можно раздѣлить на два рода посѣтителей: одни совершенно равнодушны ко всему русскому, слѣдовательно *должны* находить все посредственнымъ или дурнымъ, а другіе хлопаютъ и кричатъ *браво*, потому что это не запре-

Digitized by Google

щено, и стали-бы свистать, еслибъ это было позволено, для того, чтобы надѣлать болѣе шуму.

Людмилъ. Мнѣ кажется, вы очень строго судите нашу публику.

Сурскій. Быть можетъ, завтра сужденіе мое покажется тебѣ слишкомъ умѣреннымъ.

Людмилъ. Какъ бы то ни было, а я надѣюсь, что это равнодушіе...

Сурскій. Не устоитъ противъ твоей комедіи? Желаю, мой другъ, чтобы ты былъ вторымъ Пигмаліономъ.

Людмилъ. Смѣйтесь, смѣйтесь! А я между тѣмъ отправлюсь на репетицію; надобно какъ можно лучше сладить послѣднее дѣйствіе, и тогда мы увидимъ. Прощайте.

конецъ.

(1826 г.).

Репетиція на станціи

ИЛИ ДОБРОМУ СЛУЖИТЬ СЕРДЦЕ ЛЕЖИТЪ

Аналогическій водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Другъ человѣчества и твердый другъ закона,
Смиренный въ почестяхъ и скромный средь похвалъ,
Предстатель ревностный за древній градъ у трона,
Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
Любовь высокую къ святой землѣ отчизны,
Самозабвеніе и непрерывный трудъ;
Въ день брани—мужество, въ дни мира—правый судъ,
И чистоту души, и жизнь безъ укоризны....
Вельможа—гражданинъ! Тебѣ—въ потомствѣ мзда;
И завести въ упрекъ, уже сіяетъ снова
Знакомая Москвѣ безсмертія звѣзда
Еропкина и Чернышева!

Ж.

Ты жилъ въ заботахъ,
Но Москва—твой вѣчный монументъ!

Глинка.

Посвященіе княгинѣ С. С. Щербаковой.

Милостивая Государыня!

Много лѣтъ уже прошло, какъ люди, преданные достойно уважаемому князю Дмитрію Владиміровичу, влеченные не пристрастіемъ или какими видами, но по чувству души и сердца, собирались подъ гостепріимный кровъ его помѣстья, участвовать въ семейныхъ торжествахъ; время это для нихъ такъ драгоцѣнно, что эти люди желали оживить воспоминаніе давно минувшаго прекраснаго событія.

Вамъ, княгиня, болѣе чѣмъ кому либо, извѣстна, частная жизнь незабвеннаго для нихъ человѣка, ознаменованная высокими добродѣтелями, независимо отъ государственныхъ его заслугъ, и вамъ же, по родству и чувству близкому покойному, судьба, въ утѣшеніе несчастныхъ, опредѣлила заступить мѣсто той благотворительницы въ Москвѣ, которой память живетъ и никогда не угаснетъ въ сердцахъ людей, исполненныхъ благодарности.

Позвольте, чтобъ это небольшая піеса, какъ свидѣтель любви и уваженія къ общественной заслугѣ князя Дмитрія Владимировича, украсилась вашимъ именемъ и примите ее съ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, какое покойный, свѣтлѣйшій князь, оказывалъ учавствовавшимъ въ Рождественскомъ праздникѣ.

А.

Его забота объ одномъ:
О пользѣ родины и вѣка!
Въ Москвѣ, вельможу любятъ въ немъ,
Въ деревнѣ—человѣка!

Писаревъ.

Москва знаетъ и хранитъ глубоко въ памяти высокія заслуги, ей оказанныя въ продолженіе четверти вѣка свѣтлѣйшимъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, но немногимъ изъ ея жителей, можетъ быть, извѣстна частная жизнь этого знаменитаго вельможи — гражданина; она была столь же прекрасна относительно общества его знакомыхъ и имѣвшихъ счастье находиться подъ его высокимъ покровительствомъ, какъ его дѣянія на поприщѣ государственномъ, какъ величественная наружность и кроткая улыбка, которую онъ превлекалъ къ себѣ каждаго. Князь Дмитрій Владиміровичъ имѣлъ обыкновеніе проводить время своего отдыха отъ заботъ и трудовъ въ любимомъ своемъ Рождественѣ, селѣ, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы; тамъ, нерѣдко лѣтомъ, и даже въ глубокую осень, въ домѣ, убранномъ съ изящною простотою, окруженнымъ террасами и роскошнымъ тѣнистымъ садомъ, собирался тѣсный кругъ его знако-

Digitized by Google

хотѣли сюда всѣ съѣхаться, уговориться сдѣлать сюрпризъ князю, ты взялся написать стихи—и никого нѣтъ, ничего не готово! А кажется всѣ отъ добраго сердца взялись за это, всѣ на перерывъ хотѣли участвовать въ этомъ праздникѣ.

П. Чтожъ дѣлать: молоды—вѣтрены.

Б. Молоды! молоды! я и самъ человѣкъ не старый, однакожъ не вѣтреничаю!—Ахъ, Боже мой!—когда мы успѣемъ все это уладить.

П. Да чтожъ наши помощники?

Б. Хороши помощники! Посовѣтоваться не съ кѣмъ. Д.*** все молчитъ, шепчетъ только про себя chère Anne! adorable amie! а объ нашемъ дѣлѣ ни слова.—Хотѣлъ поговорить съ З.***. такъ приступу нѣтъ:онъ пишетъ какую-то оперу, въ которой чортъ главное дѣйствующее лицо, и такъ занятъ этимъ вздоромъ, что бредитъ какъ полоумный. В.***, такъ-же въ горячкѣ съ пятнами, пишетъ музыку къ этой оперѣ; ну, словомъ, всѣ наши будто-бы согласились ничего не дѣлать.

П. Нельзя-ли какъ-нибудь отложить этотъ сюрпризъ?

Б. Вотъ то-то и бѣда, что не можно! и кто просилъ князя родиться въ субботу—почему-бы не въ воскресенье?

Иначе невозможно
Поспѣть намъ; потому
Что въ праздникъ было должно
Родиться-бы ему,
И выбрать воскресенье
По мнѣ ничуть не грѣхъ,
Когда его рожденье
День праздничный для всѣхъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Д.***

А. Б. К—чъ! на силу пріѣхалъ. ну, что? А Щ—ва то все еще нѣтъ?

Д. Слава Богу! она здорова!

Б. Не о томъ рѣчь—надѣешься ли ты...

Д. Какъ-же! я сегодня ее увижу.

Б. Эхъ, милый!—ты долженъ сегодня...

Д. Да, сегодня я буду танцовать съ нею.

Б. Тьфу, чортъ возьми! — я говорю тебѣ о нашемъ сюрпризѣ.

Д. А! знаю! Да, конечно, сюрпризъ будетъ хорошъ;—chère amie!

Б. Ну, вотъ толкуй съ этимъ народомъ! Я спрашиваю тебя, скоро ли всѣ сберутся?

Д. Да кстати! Никто изъ нашихъ пріятелей не можетъ сюда пріѣхать.

Б. Какъ никто?—а нашъ сюрпризъ?

Д. (*не слушая*). Adorab...

Б. Да полно смотрѣть по сторонамъ, когда я съ тобой говорю, скажи, что мы будемъ теперь дѣлать?

Д. Я право не знаю.

Въ сюрпризѣ этомъ, признаюся,
Я вамъ ничѣмъ не помогу,
Играть и пѣть въ немъ не берусь;
Любить, вотъ все, что я могу!
Какое въ свѣтѣ выраженье
Сравниться можетъ съ чувствомъ къ ней?
Ахъ! только къ князю уваженье
Равно съ любовію моей.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и Макарони (*входитъ во время пѣнія*).

Макарони. Браво! брависимо!

Б. Что это значитъ?

Макарони. Пердонате! Синьере такъ прекрасно пѣлъ, что я не могъ удержаться.

Б. Если не ошибаюсь, вы италіянецъ?

Макарони. Си, синьере.

Б. И вѣрно пѣвецъ?

Макарони. Си, сеньере.

Б. Вы ѣдете въ Москву?

Макарони. Си, синьере! я желаитъ дать тамъ нѣсколько представленій.

Б. Въ такомъ случаѣ я могу васъ рекомендовать пріятелю моему, члену театральной дирекціи З.***, онъ чрезвычайно любитъ италіянскую оперу.

Макарони. О, фортуна бенедита! Екселенца! чѣмъ могу я заслужить...

Б. Останьтесь сегодня вмѣстѣ со мною и украсьте вашимъ талантомъ праздникъ, который мы даемъ не далеко отсюда!

Макарони. Съ величайшею охотою.

Б. Такъ пропойте намъ что-нибудь на пробу.

Макарони. Съ удовольстви! изволитъ слушай. (*Поетъ арію*).

Б. Брависимо! Б. К—чъ, прикажи переложить его чемоданъ въ коляску.

Макарони. Но, но! Синьере! я ѣдитъ налегкѣ, со мною нишего нѣтъ.

Д. А не хотите-ли вы позавтракать?

Макарони. Си, синьере, си, синьере!

Д. Пойдемте-же со мною! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Б.*** и П.*** (*вскорѣ*) трактирщикъ и Реутовъ.

П. Вамъ счастье помогаетъ, вотъ одного и завербовали.

Б. Не мудроно, братецъ.

Мнѣ усердье ихъ понятно.
И могло-ль иначе быть?
Самъ ты знаешь, какъ пріятно
Добродѣтельнымъ служить;
Въ комъ съ любезностью прямою
Страсть къ добру всегда живетъ,
Тотъ къ себѣ, своей душою,
Какъ магнитомъ, всѣхъ влечетъ.

Трактирщикъ (*въ дверяхъ*). Куда лѣзешь—назадъ.

Реутовъ (*въ дверяхъ*). Да пустите, батюшка, отдохнуть.

Трактирщикъ. Пошелъ отдыхать въ харчевню. Видишь какой! пришелъ пѣшкомъ, а лѣзетъ въ ресторацію.

Реутовъ (*врываясь насильно*). Большая невидаль, ресторація! мы, батюшка, люди московскіе!—Здравія желаю, господа.

Б. Мнѣ что-то это лицо знакомо; кто ты, голубчикъ?

Реутовъ. Отставной артистъ, если позволите.

Б. Артистъ!

Реутовъ. Точно такъ-съ, я двадцать лѣтъ былъ хористомъ при московскомъ театрѣ, и если-бъ не имѣлъ несчастья поссориться съ регентомъ, то пѣлъ-бы и теперь—

Прославимъ, прославимъ!
Господъ молодыхъ!

Digitized by Google

Вы, господа, не можете представить, какъ безпокойно и хлопотливо служить при театрѣ.

Съ утра до вечера у насъ
Полна просителей контора,
Тамъ смѣхъ, тутъ слезы, или ссора.
И нѣтъ покоя ни на часъ.
Актеръ тамъ ссорится съ суфлеромъ,
Въ жару трагическомъ кричитъ;
Суфлеръ бранится съ бутафоромъ,
А всѣхъ ихъ публика бранитъ.
Повсюду страшный шумъ и крикъ:
Иному дайте вы прибавку,
Любовникъ просится въ отставку,
И въ службу просится старикъ;
Здѣсь, роль проходитъ сочинитель,
Съ Пиладомъ ссорится Орестъ;
А тамъ сажаетъ нашъ смотритель
За пьянство чорта подъ арестъ!
У балетмейстера за то
Тамъ съ машинистомъ вышла сцена,
Что сдѣлалъ море по колѣна
И не похоже ни на что!
Всѣ безпрестанно суетятся,
Одинъ молчитъ, другой кричитъ,
Хлопочутъ, ссорятся, бранятся,
А всѣхъ ихъ публика бранитъ.

П. Куда-же ты пробираешься?

Реутовъ. Да хочется въ Тверь. Говорятъ, въ тамошнемъ театрѣ недостаетъ перваго опернаго любовника.

Б. А что! и этотъ можетъ пригодиться; послушай-ка, братъ! во-первыхъ, гей кто-нибудь! рюмку настойки.

Реутовъ. Чувствительно благодарю!

Б. Во-вторыхъ, хочешь-ли пообѣдать даромъ и взять синенькую?

Реутовъ. Помилуйте-съ, какъ не хотѣть!

Б. Ты точно пѣвалъ на театрѣ?

Реутовъ. Въ двухъ-стахъ пятидесяти четырехъ операхъ русскихъ; да помнится въ шестидесяти двухъ операхъ французскихъ.

Б. Даже и во французскихъ.

Реутовъ. Какже, сударь; какъ теперь помню: я пѣлъ въ одной французской оперѣ теноромъ: Ешпантонъ съ серебромъ на бульваръ тащилъ.

П. То-есть chentons, célébrons la gloire d'Achille.

Реутовъ. Точно такъ-съ!

Б. А пѣвалъ-ли ты соло?

Реутовъ. Помилуйте, сколько разъ! Даже французскіе романсы пѣлъ, напримѣръ:

Лѣплю вербу въ хату!

Б. Что это за дичь?

П. Постойте—вѣрно: le plus vert bocage

Реутовъ. Точно такъ-съ!

Б. А русскіе пѣвалъ?

Реутовъ. Если прикажете, и т[illegible] для

Д. Не знаешь-ли ты куплеты, к[illegible] однажды въ Петровскомъ; може[illegible] былъ въ числѣ хористовъ?

Реутовъ. Былъ, сударь[illegible], что ма- этого надобно передразнить[illegible]).

П. Такъ что-жъ: передр[illegible]

Реутовъ. И вы сам[illegible]стификація? стерски. (*Скидаетъ пар*[illegible]

Всѣ. Возможно-ли!

В. Что, господа, к[illegible] или В—ой, все дол-

Всѣ. Безподобн[illegible]щанные куплеты.

П. Однакожъ, х[illegible] и съ такимъ-же удоволь- женъ намъ про[illegible] ты писалъ ихъ.

В. Изволь, п[illegible] ствіемъ, съ к[illegible]

Счастливъ, кто можетъ наслаждаться
Плодами добрыхъ дѣлъ своихъ,
И только объ одномъ стараться,
Чтобъ быть полезнымъ для другихъ.
Кого одна боязнь тревожитъ,
Чтобъ даромъ дня не потерять,
И кто, подобно князю, можетъ
Добромъ всѣ дни свои считать.
Счастливъ, кто могъ себѣ дѣлами
Отъ всѣхъ почтенье заслужить,
И благодарности слезами
Несчастья слезы замѣнить;
Къ кому съ надеждой шелъ невинный,
Кого виновный трепеталъ,
И кто справляетъ именины
При шумѣ праведныхъ похвалъ!

Б. Все это хорошо, да нынче не именины, а рожденье.

П. Знаю. В—ой пропоетъ третій, новый куплетъ, на тотъ-же голосъ.

В. Куплетъ новый, а чувства къ князю вс прежнія; слушайте-жъ.

Давно вошло въ обыкновенье,
Кого мы любимъ, тѣхъ хвалить,
И похвалою въ день рожденья
Новорожденнаго дарить;
Но безъ того давно ужъ слава
Ему даръ этотъ поднесла,
И похвала съ нимъ будетъ п[illegible]
А правда будетъ похвала!

ЯВЛЕНІЕ II[illegible]

Тѣ-же и лор[illegible]

Лордъ (*въ дверях*[illegible]
рядно, скверно [illegible]
прошь! годдемъ! [illegible]
трактирщикъ! [illegible]
Трактир[illegible]
дно?
Лордъ [illegible]
но, ошен[illegible]
Тра[illegible]
Лор[illegible]
шел[illegible]
су[illegible]
[illegible] Москву?
[illegible] Да!
[illegible] коммерческимъ дѣламъ?
[illegible]дъ. Но.
Такъ вы путешественники?
Лордъ. Да!
Б. И вѣрно хотите пробраться въ Азію?
Лордъ. Но.
П. Вы долго намѣрены прожить въ Москвѣ?
Лордъ. Ошень дофольно много! я желаитъ фидѣть въ Москвѣ акрономическа обществъ.
Б. Такъ вы для этого ѣдете въ Москву?
Лордъ. Да! я шрезвышайно, ошень шелайтъ былъ знакомъ съ президентъ эта обществъ.

Я слышалъ, онъ за край родной
Какъ русскій бился въ полѣ брани,
Въ дни мира, позабывъ покой,
Идетъ стезей благодѣяній;
Держа Ѳемидины вѣсы,
Къ одной лишь правдѣ ихъ склоняетъ,

Digitized by Google

И, даже отдыха въ часы,
О земледѣльцахъ помышляетъ.

Б. По этому описанію я узнаю князя Дмитрія Владиміровича Голицына; такъ вы съ нимъ хотите познакомиться?

Лордъ. Мнѣ фсе равно!—я слышалъ, што обществъ нашолъ фашна секретъ.

П. Да, труды его достойны всякаго уваженія!

Лордъ. Я ошенъ знайть, што обществъ имѣй секретъ: изъ овса, когда онъ посѣйтъ, дѣлайтъ пшенисъ!

Б. (*смѣясь*). Полно, такъ-ли?

Лордъ. Годдемъ!—я снай, что снай! я самъ большой астрономъ;—годдемъ!

П. Не сердитесь, милордъ; если вы хотите ...иться съ президентотъ общества, то ... съ нами вмѣстѣ: мы сегодня будемъ

...акъ онъ не въ Москва?

... своей деревнѣ, недалеко отсюда. ...нь его рожденія и мы хотимъ ...призъ: не хотите-ли и вы уча-

...нцовать?

... Лордъ — Буль-догъ — ...трисъ и тансуй какъ

Объ...

Что я...

Что я гр...

Б. И такъ вы ...

Лордъ. Нѣтъ! ... вышайно ошень люб... шайтъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬ...

Тѣ-же безъ ло...

П. А что вы думаете? этотъ а... стоитъ хорошаго сюрприза!

Б. Пусть онъ будетъ нашимъ аван...

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, Д.*** и Макарони.

Д. Когда-жъ мы ѣдемъ?

Б. Надобно прежде сдѣлать какую-нибудь репетицію.

Макарони. Я готовъ, екселенца.

П. То-есть вы ужъ сыты.

Д. Посмотрите: карета! коляска! бричка!

Фондуклейкина (*за кулисами*). Я васъ, негодные! Лошадей!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Трактирщикъ *вводитъ* Фондуклейкину, (*за нею двѣ дѣвки съ узлами*).

Трактирщикъ. Пожалуйте сюда!

Фондуклейкина (*оборотясь къ дверямъ*). Филька! Антошка! смотрите, у меня не зѣвать.

Трактирщикъ. Не прикажете-ли, ваше благородіе?

Фондуклейкина. Благородіе! за кого ты меня принимаешь, душенька?

Умѣй съ высокородной
Учтивымъ быть во всемъ,
Мой мужъ былъ благородный.
И бригадиръ при томъ;
Объ немъ въ газетахъ было,
Что выѣхалъ въ Ростовъ:
И такъ—я стою, милый,
Одна шести скотовъ!

Трактирщикъ. Не прикажете-ли покушать, ваше высокородіе?

Фондуклейкина. Да! голубчикъ! вели мнѣ подать молочной каши и кислыхъ щей! Дунька, шаль! (*дѣвка надѣваетъ шаль*).

Б. Не ошибаюсь-ли я? такъ точно, это Фондуклейкина. (*Подходитъ къ ней*). Матрена Саввишна!

Фондуклейкина. Ахъ, батюшка А. — А--чъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Б. Какъ я радъ, что имѣю удовольствіе...

Фондуклейкина. Смотри пожалуй! совсѣмъ не перемѣнился, точь въ точь, какъ былъ, такой-же шаркунъ; рада, батюшка, что тебя вижу; мы старинные знакомые, помнишь-ли, какъ ты былъ поручикомъ гвардіи лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ.

Б. Помилуйте! не вѣрьте ей, господа, она вретъ.

Фондуклейкина. Какой ты былъ весельчакъ. (*Роняетъ платокъ*). Фенька! подыми платокъ! (*Дѣвки исполняютъ приказаніе*). Я сама была затѣйница,—а теперь дѣла, процессы съ ума свели; Дунька! открой табакерку! (*нюхаетъ табакъ*). Охъ! вдовье дѣло, бѣда! всѣ обижаютъ. Фенька! поправь шаль! Да, батюшка, у меня каждый годъ процессъ за процессомъ. замучили по судамъ!

Б. Такъ у васъ есть тяжебныя дѣла?

Фондуклейкина. Какъ-же, мой отецъ, меня дѣла съ братомъ, съ двумя сестрами, ...вотчимомъ, золовкою, племянникомъ, па...омъ, съ тремя зятьми и одной невѣсткою. ...-есть со всею роднею.

...уклейкина. О, охъ-ти мнѣ! что ...лъ-имѣнья протягала; да и я же ихъ ...ѣду, пойдутъ голубчики по-міру. ... дѣло перешло въ Москву — такъ ...а хлопотать, своеручно подамъ та...ину генералъ-губернатору. ...родн...еперь въ городѣ. ...хоть в...ина. А гдѣ же онъ? ...судъ и ...да, въ своей деревнѣ.

Б. Вы м...а. Ахъ, батюшки мои! ...титься, онъ его найду; нѣтъ, мой ...дѣлается: гдѣ хочетъ. Фондукл... здѣсь на прост... городѣ, а давай мнѣ сказала.

Б. Да, еслибъ он... и здѣсь встрѣ... этой станціи.

Фондуклейки...ъ было хорошо! ...ка, ему меня и не вы...а-бы мои раз...

Б. А вотъ почему: он... всякаго, готовъ вступить... ...шать. ...наго, подать руку помощи ... батюш... только вотъ что худо — онъ ... ябедниковъ.

...ушать ...евин... ...да ...тъ

Digitized by Google

Фондуклейкина. А кого-ты, батюшка, называешь ябедниками?

Б. Не васъ, сударыня, Боже упаси!

Фондуклейкина. То-то не меня! я вѣдь, батюшка, сама бригадирша и за обиду моей чести со мной добромъ не раздѣлаешься.

Б. Неужели вы могли подумать...

Фондуклейкина. И, родной мой! да развѣ нынче дружбу помнятъ? хоть ты, А.—А-чъ, небось все забылъ, что было? Понимаешь-ли ты, какъ однажды въ Москвѣ, въ благородномъ собраніи, танцовалъ ты со мной; какъ теперь гляжу, ты былъ такъ авантаженъ: въ свѣтлорозовомъ атласномъ кафтанѣ, въ шитомъ камзолѣ, причесанъ а лель де пижонъ; весь вечеръ ты не спускалъ съ меня глазъ, смотрѣлъ на меня такъ нѣжно, такъ умильно.

Б. Не вѣрьте, господа, она лжетъ!

Фондуклейкина. Все прошло! и Матрена Саввишна стала ужъ не та! охъ! прости Господи мое прегрѣшенье, заболталась окаянная! пойти-ка да посмотрѣть, скоро-ли лошади будутъ готовы. (*Дѣвкамъ*). Что вы бѣльмы-то выпучили? ступайте! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же безъ Фондуклейкиной.

Б. Уфъ! какъ гора съ плечъ! Ну, теперь, господа, подумаете, въ чемъ будетъ состоять нашъ сюрпризъ?

В. Я думаю, что можно спѣть романсъ.

Макарони. Не лучше-ли бравурная арія?

П. И, полноте, что за романсы? всего приличнѣе пропѣть куплеты.

Д. А мнѣ кажется, лучше протанцовать что-нибудь.

Б. Если каждый будетъ говорить свое, то мы ничего не сдѣлаемъ.

В. Я стою за романсъ.

П. А я за куплеты.

Д. А я за танцы.

Макарони. Екселенца! безъ бравурной аріи сюрпризы быть не мошна.

Б. Эй, уймитесь, господа? если мы будемъ спорить, то ничего путнаго не выйдетъ.

В. Я не отступлюсь отъ своего мнѣнія.

П. И я.

Д. И я.

Б. Что будешь дѣлать! толкуй съ ними, а время идетъ да идетъ!

Щепкинъ (*за кулисами*). Проворнѣй лошадей! дамъ на водку!

П. Знакомый голосъ! Неужели? Точно такъ— Щепкинъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Щепкинъ.

Б. А! любезнѣйшій!

В. Михайла Семеновичъ!

Щ. Здравствуйте, господа!

Б. Какъ ты попалъ сюда?

Щ. Ѣду въ Петербургъ.

Б. Зачѣмъ?

Щ. Сыграть нѣсколько разъ на тамошнемъ театрѣ и взять бенефисъ.

П. Вы выѣхали сегодня?

Щ. Нѣтъ, вчера, тотчасъ послѣ спектакля.

Б. А что давали?

Щ. Драму „Эдуардъ въ Шотландіи“: я игралъ въ ней полковника.

Трактирщикъ (*входитъ*). Смѣю спросить—извините, имя и званіе ваше не имѣю честь знать.

Щ. Не знаю, душенька, что сегодня, а вчера былъ полковникомъ.

Трактирщикъ. Ахъ, извините, ваше высокоблагородіе! не угодно-ли вамъ что-нибудь покушать.

Щ. Спасибо! не хочу.

Б. Голубчикъ Михайла Семеновичъ, помоги нашему горю!

Щ. О чемъ вы хлопочете?

Б. Во-первыхъ, ты останешься сегодня съ нами.

Щ. Невозможно—я тороплюсь.

Б. Для того, чтобъ сдѣлать сюрпризъ князю Дмитрію Владиміровичу: сегодня его рожденье.

Щ. Вотъ это другое дѣло — извольте, — остаюсь!

Всѣ мы готовы съ восхищеньемъ
Тому начальнику служить,
Кто просвѣщеннымъ управленьемъ
Умѣлъ театръ возстановить.
Изъ рукъ его благотворенья
Москвѣ и намъ всегда лились,
И князю сдѣлать угожденье —
Вотъ самый лучшій бенефисъ!

Б. Правда, придумай-же, что намъ сдѣлать? Мы до сихъ поръ не можемъ согласиться между собой.

Щ. И, господа! да тутъ, мнѣ кажется, и спорить не о чемъ! Вы хотите сдѣлать сюрпризъ, вопросъ: какого рода?—сентиментальный или комическій?

Б. Комическій!

Щ. Слѣдовательно позабудьте объ умѣ—умъ хорошо, да только онъ не всегда бываетъ забавенъ, а вы вѣрно хотите, чтобъ всѣ смѣялись!

Всѣ. Разумѣется.

Щ. И такъ побольше глупостей — вы, ваше превосходительство! поете плохо—за то хорошо говорите, вы должны произнести рѣчь.

Б. Да что я за импровизаторъ? Я буду врать.

Щ. Тѣмъ лучше будутъ смѣяться (*Д.****) Вы сочините куплеты (*В.****) а вы ихъ пропоете! (*Д.****) а вы...

Д. Я хочу танцовать.

Щ. Резонъ! вы съ его превосходительствомъ протанцуете pas de deux à l'écho; да дѣлайте почаще пируэты à tir-bouchon; теперь бы въ заключеніе какую-нибудь великолѣпную глупость.

Макарони. Я пропою бравурную арію.

Щ. Брависимо! прекрасная музыка—глупыя слова—чего-же лучше! теперь кажется все улажено.

П. Нельзя-ли прорепетировать?

Щ. И можно и должно. (*Б.****) Извольте говорить рѣчь!

Б. Хорошо! хорошо! Михайла Семеновичъ! садись здѣсь—представляй ты князя.

Щ. (*садится*).

Б. (*Начинаетъ съ важностію, въ это время входитъ Фондуклейкина*). Ваше сіятельство...

Фондуклейкина. Что я слышу!

Б. Ваше сіятельство! Вы видите предъ собою людей, которыхъ души наполнены одними и тѣми же чувствами! Занимая знаменитый постъ градоначальника московскаго, вы всегда пеклись...

Фондуклейкина. Такъ точно! это генералъ-губернаторъ! — Батюшка! ваше сіятельство.

Digitized by Google

Щ. (*вскакиваетъ*). Что это значитъ?

Фондуклейкина. Вы здѣсь инкогнито—но это все равно!

Щ. Я не князь, сударыня!

Фондуклейкина. Вы напрасно хотите скрывать свое достоинство: этотъ важный видъ, величественный ростъ,—все доказываетъ...

Щ. Что я человѣкъ не простой! быть можетъ, конечно, мои товарищи носятъ иногда порфиру и корону, но я право совсѣмъ не тотъ, за кого вы меня принимаете.

Фондуклейкина. (*Б****) Отецъ мой, А. А., попроси, чтобъ онъ меня выслушалъ.

Б. А что и въ самомъ дѣлѣ. (*Тихо Щепкину*). Послушай, сыграй роль князя,—эта женщина ужасная ябедница,—отдѣлай ее хорошенько.

Щ. За этимъ дѣло не станетъ; отпущу ей сцену изъ Мольера, такъ она у меня язычокъ прикуситъ. (*Фондуклейкиной*). Что тебѣ угодно, сударыня?

Фондуклейкина. Сіятельный князь! вступись за бѣдную сироту, у меня тяжбы со всѣми родными.

Щ. Какъ тяжбы со всѣми родными! (*Тихо Б****). Скажу ей тираду изъ „Скапиновыхъ Обмановъ!“ (*Фондуклейкиной*). У тебя столько процессовъ! А думала-ли ты о всѣхъ каверзахъ правосудія? о подъячихъ, писцахъ, переписчикахъ, стряпчихъ, канцеляристахъ, регистраторахъ, засѣдателяхъ, прокурорахъ, ассессорахъ, судьяхъ?

Фондуклейкина. Думала, отецъ мой, думала!

Щ. Протоколистъ не такъ запишетъ въ протоколъ; стряпчій продастъ, регистраторъ запишетъ въ реестръ; прокуроръ пропуститъ, секретарь скрѣпитъ; судья осудитъ, засѣдатель справитъ.

Фондуклейкина. Долго-ль до грѣха!

Щ. А деньги! деньги!—онѣ нужны тебѣ будутъ на письмо, на переписку, на записку, на выписку и на расписку...

Фондуклейкина. Такъ! такъ!

Щ. Деньги! — надобно ихъ давать: за сочиненье, за явку, за справку и за выправку.

Фондуклейкина. Такъ! такъ!

Щ. Деньги! ихъ можно платить за просрочку, за неявку, за публикацію, за рукоприкладство, за штрафъ, за проторы, — убытки, волокиты и безчестье...

Трактирщикъ (*подходитъ скоро къ Щ.****) Извините! Почему, сударь, вы изволите называться полковникомъ, когда вы московскій придворный актеръ? Я себя дурачить никому не позволю.

Фондуклейкина. Какъ! онъ актеръ?

Трактирщикъ. Я самъ смотрѣлъ въ подорожной!

Фондуклейкина. Ахъ ты, негодный скоморохъ! Да какъ ты осмѣлился! (*Всѣ смѣются*). Смѣйтесь, смѣйтесь! Я сейчасъ ѣду къ князю: я и въ деревнѣ его найду, отъ меня не спрячется, я буду просить—настою, потребую—смѣяться надъ бригадиршей!—Лошадей! сейчасъ лошадей! (*Уходитъ*).

Щ. Ну, господа! мнѣ за шутку досталось—не на шутку! Теперь за репетицію!

П. (*Б.****) Я хотѣлъ послушать, какъ вы импровизируете, а рѣчь-то есть готовая, ее написалъ Ѳ. Ѳ. К—нъ; а такъ какъ ему самому нельзя пріѣхать, то онъ просилъ отдать ее вамъ.

Б. Чтожъ ты молчишь, разбойникъ? Давай проворнѣй!

П. А вотъ вамъ, господа, по куплету.

В. Какъ! ужъ и готовы!

П. Когда сердце водитъ перомъ, то стихи пишутся скоро!

Щ. Ну, начинайте, господа!

Б. (*говоритъ рѣчь*):

Обычай съ давнихъ лѣтъ ведется у людей
День праздновать рожденья
Въ кругу семейства и друзей;
И что отраднѣе сего обыкновенья!
Конечно, скажутъ мнѣ, однако, не для всѣхъ.
Иныхъ пріѣздъ на здѣшнюю планету
Семейству—безъ утѣхъ,
Безъ пользы—свѣту,
А часто и къ бѣдѣ; такъ тѣхъ
Рожденье праздновать, признайтесь, право, грѣхъ.
Нерѣдко—лишь храня приличія условье,
Наморщившись, ихъ пьютъ здоровье,
Нерѣдко ближній и чужой,
Предлогомъ случай взявъ пустой,
На пиръ рожденнаго всегда не поспѣваетъ.
И скуки и бѣды избавясь такой,
Бокаломъ пѣнистымъ себя лишь поздравляетъ.
Кто-жъ станетъ спорить въ томъ, моя о томъ-ли рѣчь.
И долго-ль истину изъ этого извлечь.
Растетъ къ несчастію и на лугахъ душистыхъ
Между цѣлебныхъ травъ негодная трава,
И мутный токъ течетъ близъ водъ прозрачныхъ, чистыхъ;
Такъ смертнымъ Богъ даетъ различныя права,
И чтожъ торжественнѣй, какъ праздникъ для рожденья—
Того, кто, даръ благихъ небесъ,
Съ младенчества въ семьѣ причиной сладкихъ слезъ,
Слезъ радости и восхищенья,
А въ юности предметъ любви и уваженья;
На то лишь посвятилъ всѣ дни своей весны,
Чтобъ, въ добродѣтеляхъ гражданскихъ успѣвая,
Содѣлаться щитомъ отечественна края
И славою родной страны!
Кто, съ поприща сошедъ священныя войны,
Довѣріемъ монарховъ отличенный,
Святымъ усердіемъ къ престолу вдохновенный,
Всѣмъ жертвуетъ, чтобъ долгъ священный
Начальника, правдиваго судьи,
Исполнить въ точности, ко благу всѣхъ сословій,
И сердца слухъ на стонъ склоняя вдовій,
На жалобу сиротъ, минуты всѣ свои
На благо общее, на пользу посвящаетъ,
Участіемъ своимъ науки ободряетъ,
И славу родины пріемля лишь въ предметъ,
Лелѣетъ всѣ полезныя искусства,
Распространяя вкругъ благихъ познаній свѣтъ,
Къ кому признательныя чувства
Глубоко врѣзаны въ сердца,
Въ комъ видятъ добрые добрѣйшаго отца,
Чей кроткій нравъ и взоръ привѣтный,
Отраду вкругъ лія,
Хранятъ притомъ и правды долгъ завѣтный,
Кому сограждане—полезные друзья,
Всѣ честные—своя семья!
О! кто въ чертахъ сихъ не узнаетъ
Въ сей день рожденнаго на свѣтъ,
Кто благъ ему не пожелаетъ?
Кто въ сердцѣ не творитъ обѣтъ
Да трудъ его тяжелый услаждаетъ,
Во всемъ благій успѣхъ, въ теченьи долгихъ лѣтъ.

КУПЛЕТЫ.

Б.

Кто, жизни не щадя, разилъ
Врага Европы и отчизны?
Кто мечъ отцовъ своихъ носилъ

Digitized by Google

Безъ трепета и укоризны?
До сей поры солдатъ о комъ
Безъ сладкихъ слезъ не вспоминаетъ,—
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

А.

Кто, возвратившись на покой,
Объ общемъ думаетъ покоѣ,
Кто твердою своей рукой
Хранитъ достоинство прямое?
Кто проницательнымъ судомъ
Любить законы заставляетъ?
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

В.

Кто, правя древнею Москвой,
Ее воздвигъ отъ разрушенья?
Кто смылъ заботливой рукой
Слѣды враговъ и расхищенья?
Кто градъ престольный съ каждымъ днемъ
Красою новой украшаетъ?...—
Того мы здѣсь не назовемъ...
Но всякій самъ его узнаетъ.

Д.

Кто, добродѣтели любя,
Себя за нихъ любить заставилъ?
Кто благостью вокругъ себя
Покой и радость всѣмъ доставилъ,
Кто всѣхъ въ кругу своемъ родномъ
Семейнымъ счастьемъ надѣляетъ?—
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

Щ.

Кто подчиненныхъ породнилъ
Благотвореніемъ съ собою,
Кто столько милостей излилъ
На нихъ правдивою рукою?
Служить отечеству при комъ
Съ восторгомъ каждый пожелаетъ,—
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

К.

Кто все прекрасное постигъ,
Умомъ разборчивымъ и чувствомъ,
Кто здѣсь убѣжище привыкъ
Давать артистамъ и искусствамъ;
Кто, бывъ надежнымъ ихъ щитомъ,
Свой отдыхъ ими услаждаетъ?—
Того мы здѣсь не назовемъ,
Но всякій самъ его узнаетъ!

П. Ба! Милордъ! вы воротились?

Лордъ. Я не нашелъ дорогъ, зашелъ въ болото, и ошень много увязъ.

Д. Такъ вы поѣдете съ нами?

Лордъ. Есъ! но вы все пѣлъ!— годдемъ!— и я кашу пѣлъ.

П. А вы умѣете пѣть?

Лордъ. Ошень много умѣетъ.

П. А я не умѣю: пропойте за меня.

Лордъ (*поетъ*):

Новорожденнаго для васъ
Поэзія изобразила,
И подивитесь на этотъ разъ
Она ни крошечки не льстила,
Ей только стоило писать,
Что зрители давно ужъ знали;
И вамъ не нужно называть —
Кого вы сердцемъ угадали!

Трактирщикъ. Господа! не прогнѣвайтесь: впрочемъ, я вовсе не виноватъ: ея высокородіе накушалась молочной каши, да и захватила всѣхъ лошадей.

В. Какъ-же быть?...

П. Моя тройка, я думаю, выкормилась; чтобъ сюрпризъ былъ смѣшнѣе, поѣдемте верхами.

Б. Помилуй! насъ семеро, а лошадей только три.

П. По двое на лошадь, ваше превосходительство: возьмите ресторатора: онъ покажетъ дорогу Б.*** повезетъ итальянца въ торокахъ, а я сяду съ Щепкинымъ.

Лордъ. А я со всѣми вами...

П. Нѣтъ, вы пойдете пѣшкомъ: это будетъ похоже на капитана Кокрена.

Лордъ. Ошень много хорошъ!

Всѣ. Ѣдемъ! ѣдемъ!

Лордъ. А я идемъ.

Кн. Щ. (*входя*). Куда вы, господа?

Б. Къ князю.

Кн. Щ. Такъ поѣдемте вмѣстѣ: я везу фейерверкъ.

Б. И прекрасно!

Всѣ. Въ Рожествено! въ Рожествено!

КОНЕЦЪ.

(*1827 г.—Представлена въ первый разъ въ селѣ Рожествѣ, въ имѣніи князя Голицына, 29 октября, 1827 года.—Въ этой пьесѣ идея ея и проза принадлежатъ М. Н. Загоскину, а куплеты писаны А. И. Писаревымъ*).

Digitized by Google

Благородный театръ

КОМЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

C'est à qui sera jeune, amant, prince ou princesse
Et la troupe est souvent un beau sujet de pièce.
Delille.

ДѢЙСТУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г. Любскій, дядя Оленьки	*Г. Щепкинъ.*
Г-жа Любская жена его	*Г-жа Кавалерова.*
Оленька, племянница ихъ	*Г-жа Н. Рѣпина.*
Вельскій, влюбленный въ Оленьку	*Г. Мочаловъ.*
Честоновъ, братъ Любскаго отъ другого отца	*Г. Соколовъ.*
Волгинъ, дядя Вельскаго	*Г. Третьяковъ.*
Посошковъ, женихъ Оленькинъ	*Г. Сабуровъ.*
Кутермина, знакомая Любскихъ	*Г-жа Лисицына.*
Лилѣевъ, Бирюлькинъ — Актеры благородной труппы.	*Г. Живокини.* / *Г. Воеводинъ.*
Извѣдовъ, отставной придворный актеръ	*Г. Рязанцевъ.*
Наташа, горничная Оленьки	*Г-жа Нагаева.*
1-я племянница, 2-я племянница — Кутерминой	*Г. Сочнева.* / *Г-жа Н. Сабурова.*
1-й племянникъ, 2-й племянникъ — Кутерминой	*Г. Тихомировъ.* / *Г. В. Ребристовъ.*
1, 2 — Слуги Любскаго	*Г. Копыловъ.* / *Г. Д. Ивановъ.*
4 дѣвочки, 2 мальчика, Учитель, Гувернантка, Нянюшка — Безъ словъ.	

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ, въ домѣ Любскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ гостиную, съ лѣвой стороны отъ зрителей большое зеркало, съ правой столъ, по бокамъ и въ срединѣ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Любская, Оленька, Наташа, Любскій. Посошковъ, Вельскій и Извѣдовъ (*всѣ сидятъ, выключая Извѣдова и Наташи*).

Любскій.

И такъ, мои друзья, спектаклю должно быть
Сегодня къ вечеру;—прошу не позабыть,
Что ровно въ семь часовъ начнется представленье;
Потомъ дадимъ мы балъ; и вѣрно угощенье
Весь городъ удивитъ.—Не правда-ли, жена?

Любская.

Конечно, удивитъ.—Ну, тѣ-ли времена,
Чтобъ праздники давать.

Любскій.

Опять браниться стала!

Любская.

Да, да! рублей пятьсотъ какъ будто-бъ не бывало;
Къ чему, сударь? Зачѣмъ? Большая вѣдь нужда...

Любскій.

И, полно, матушка!...—Ну, что-же, господа?
Пора-бы, кажется, за пробу приниматься.

Извѣдовъ.

Конечно-бы пора: но должно всѣмъ собраться.

Посошковъ.

Слуги и дяди нѣтъ.

Любскій.

Да что за чудеса!
Ихъ вѣчно нѣтъ, какъ нѣтъ.

Вельскій.

А скоро два часа.

Посошковъ.

Мнѣ кажется, въ такихъ дѣлахъ единодушно

Digitized by Google

Всѣ дѣйствовать должны; а это ужъ и скучно,
Все я, да я: толкуй, показывай, учи.
Піесу сочиняй, со всѣми хлопочи;
За что?

Любскій.

Охъ эти мнѣ Бирюлькинъ и Лилѣевъ!
Всегда послѣдніе.

Посошковъ.

Отъ этихъ намъ злодѣевъ
Житья ужъ вовсе нѣтъ; играютъ хуже всѣхъ...

Любскій.

Сердись на нихъ, брани,—а имъ лишь только смѣхъ.

Посошковъ.

Послѣдней не хотятъ порядкомъ сдѣлать пробы.

Любскій.

Изволь ихъ ждать! Да что за важныя особы?
Ужъ имъ опаздывать! Бирюлькинъ, напримѣръ,
Вѣдь баринъ не большой,—въ отставкѣ землемѣръ,
Актеръ весьма плохой и человѣкъ прескучный;
По милости моей имѣетъ хлѣбъ насущный;
И еслибъ только я хотѣлъ его прижать...

Любская.

Вотъ то-то, батюшка, всѣхъ хочешь одолжать:
Готовъ хоть все отдать за пару комплиментовъ,
Онъ годъ по векселю не платитъ и процентовъ,
А ты, сударь, молчишь.

Любскій.

Ну, да, теперь молчу;
За то ужъ послѣ я порядкомъ проучу,
И если вечеромъ по нашему желанью
Піеса не пойдетъ, такъ вексель ко взысканью.

Вельскій.

Онъ боленъ, можетъ быть.

Любскій.

И это не резонъ;
Ужъ мнѣ наскучило терпѣть.

Посошковъ.

Да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Бирюлькинъ.

Любскій.

Помилуй, батюшка! на что это похоже!

Бирюлькинъ.

Простите, виноватъ!

Посошковъ.

Всегда одно и то-же!

Бирюлькинъ.

Дѣлишки завелись: сейчасъ въ палатѣ былъ;
Насилу вырвался.

Любскій.

А это позабылъ,
Что ты еще путемъ своей не знаешь роли?

Бирюлькинъ.

Не смѣя выступить никакъ изъ вашей воли,
Я всячески твержу, учусь, измученъ весь,
И еслибъ не дѣла...

Любскій.

Дѣла-то, сударь, здѣсь.

Посошковъ.

Не знаете-ль, куда Лилѣевъ нашъ дѣвался?

Бирюлькинъ.

Гуляетъ, кажется; сейчасъ лишь мнѣ попался.

Любскій.

Гуляетъ! Боже мой!

Посошковъ.

Ну, есть-ли совѣсть въ немъ!
Ужъ скоро третій часъ, когда-же мы начнемъ?
(*Любскому*). Хоть этотъ разъ его порядкомъ побраните.

Любскій.

Все это, братецъ, ты.

Посошковъ.

За чтожъ меня вините?

Любскій.

За то, что безъ тебя, мнѣ въ умъ-бы не пришло
Театры заводить.

Посошковъ.

Когда на то пошло,
Позвольте-жъ вамъ сказать, и вы не слишкомъ правы:
Театръ мы завели для собственной забавы,
Такъ вамъ-бы пригласить порядочныхъ людей;
На что Лилѣевъ вамъ?

Любскій.

Ужъ подлинно злодѣй!
И какъ смѣлъ думать онъ, что можетъ насъ дурачить?
Откуда спесь взялась? и что онъ въ свѣтѣ значитъ?
Безпутный мотъ, давно извѣстный за глупца,
Сѣдой столѣтній франтъ, плѣняющій сердца,
Всемірный шутъ, нахалъ, болтунъ и лжецъ безстыдный!

Digitized by Google

Посошковъ.

А сверхъ того талантъ ни мало незавидный;
Бормочетъ прозою, коверкаетъ стихи,
Ну, словомъ, истинно, актеръ онъ за грѣхи.

Любскій.

Какой актеръ! Пустой актеришка, — превздорный!

Вельскій.

Т-съ! тише, онъ идетъ.

Любскій.

Такъ чтожъ?...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Лилѣевъ.

Лилѣевъ (*кланяясь*).

Слуга покорный!

Посошковъ.

Насилу дождались.

Любскій.

Здорово, милый мой!
А я было хотѣлъ послать къ тебѣ домой.
Скажи пожалуйста, боишься-ли ты Бога!...

Лилѣевъ.

А что?

Любскій.

Ужъ третій часъ.

Лилѣевъ.

Я опоздалъ немного:
Ну, что-же? не бѣда.

Посошковъ.

Конечно, не бѣда.
И это можетъ быть со всякимъ—иногда:
Но каждый разъ...

Любскій.

Мы всѣ сносили терпѣливо;
Теперь позволь сказать: вѣдь это неучтиво
Заставить ждать...

Лилѣевъ.

Такъ чтожъ? вина не велика;
Къ тому-жъ, вы знаете, я ролю старика
Взялся играть у васъ единственно изъ дружбы.

Посошковъ.

Но вы...

Лилѣевъ.

Ахъ, Боже мой! да это хуже службы!
Неужто долженъ я, для вашихъ всѣхъ затѣй,
Забыть родныхъ своихъ, знакомыхъ и друзей,
Съ утра до вечера ничѣмъ не заниматься,
Отъ всѣхъ веселостей охотой отказаться—
И даже не гулять? Нѣтъ, нѣтъ, благодарю!
Да этакъ я себя въ недѣлю уморю.

Посошковъ.

Зачѣмъ брались...

Лилѣевъ.

Зачѣмъ?... Вы, точно, сударь, правы:
Не должно-бы никакъ, для собственной мнѣ славы
Вездѣ любовниковъ играя молодыхъ,
Показывать себя въ такихъ роляхъ пустыхъ.
Возьмите, вотъ она!

Любскій.

И какъ тебѣ не стыдно!

Лилѣевъ.

Да чтожъ, помилуйте! Мнѣ это ужъ обидно:
Я жертвую собой, хочу вамъ угодить,
Меня-жъ бранятъ.

Любскій.

Ну, вотъ! нельзя и пошутить.

Лилѣевъ (*Посошкову*).

Я, кажется, отъ васъ ни мало не завишу.

Любскій.

И, полно, братъ!

Извѣдовъ.

Прочесть позволите-ль афишу?

Любскій.

А что, затѣйлива?

Извѣдовъ.

Старался сколько могъ.

Посошковъ.

Напрасно не сказалъ, а то-бы я помогъ.
Ужъ вѣрно хороша! Онъ былъ актеръ придворный
И малый умница,—досужій и проворный.

Извѣдовъ (*кланяясь*).

Помилуйте!

Лилѣевъ.

Да, да! и ловокъ и остеръ.

Посошковъ.

Къ тому-жъ, при немъ скажу, отличнѣйшій суфлеръ.

Извѣдовъ (*читаетъ афишу*).

„Сегодня, въ пятницу, въ домѣ Степана Ивановича Любскаго, обществомъ любителей театра представлена будетъ въ первый разъ: Осмѣянный опекунъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе г. Посошкова“...

Посошковъ.

Нельзя-ли это вонъ?

Любскій.

Зачѣмъ, сударь? Напрасно!
Комедія твоя написана прекрасно.

Digitized by Google

Посошковъ.

Но я бы не хотѣлъ...

Любскій.

И, полно, братецъ, вздоръ!
Пусть знаютъ всѣ, что ты и авторъ и актеръ.

Извѣдовъ (*читаетъ*).

„Дѣйствующія лица: Г. Сундуковъ, опекунъ Лизы—Авдѣй Михайловичъ Посошковъ; Лиза, богатая сирота—Ольга Дмитріевна Любская"...

Любскій.

Смотри, племянница, всю ролю знать до слова!

Оленька.

Она ужъ у меня недѣли двѣ готова.

Извѣдовъ (*читаетъ*).

„Эрастъ, влюбленый въ Лизу—Андрей Степановичъ Вельскій"...

Посошковъ (*Вельскому*).

Вотъ истинный талантъ! Отъ васъ я безъ души,
Въ любовныхъ сценахъ вы отлично хороши:
Натура чистая!

Извѣдовъ (*читаетъ*).

„Сурскій, дядя лизы—Сергѣй Ивановичъ Лилѣевъ; Антропка, Эрастовъ слуга — Максимъ Петровичъ Бирюлькинъ; Машенька, служанка Лизы—госпожа... госпожа"...
Признаться откровенно,
Объ васъ не сказано.

Посошковъ.

А должно непремѣнно.

Извѣдовъ.

Конечно, такъ: но я ужасно затрудненъ:
Не знаю, какъ назвать.

Любскій.

Ты, право, мнѣ смѣшонъ;
Неужто позабылъ? Она питомка наша,
Дочь крестная моя, по имени Наташа;
Ну, вотъ тебѣ и все!

Извѣдовъ.

Я это знаю самъ,

Любскій.

Такъ чтожъ еще?

Извѣдовъ.

Нельзя-жъ актрисъ по именамъ
Въ афишѣ называть,—вѣдь это неучтиво:
Фамилія нужна.

Любскій.

Она, братъ, не спесива,
Какъ хочешь назови. Отецъ ея Панфилъ
Былъ управителемъ, а чванства не любилъ;
Служилъ мнѣ по просту, и вѣренъ былъ до гроба;
За то и дочь его люблю.

Посошковъ.

Когда-же проба?
Мы вѣчно не начнемъ.

Извѣдовъ.

Позвольте дочитать.
(*Читаетъ*). „Начало въ 7 часовъ. Всѣ гости равно любезны хозяину, — слѣдовательно, и мѣста всѣ равныя; плата за оныя—дружба и снисхожденіе зрителей: это отмѣнно дорого, но хозяинъ дешевле уступить не можетъ".

Любскій.

Прекрасно, милый мой!

Извѣдовъ.

Такъ можно и въ печать?

Любскій.

Пошли скорѣй. Смотри, чтобъ къ вечеру поспѣла.

Посошковъ.

Теперь все кончено; пора-бы намъ за дѣло.

Любскій.

А что, позавтракать у васъ охоты нѣтъ?

Любская.

И, батюшка! къ чему! Испортите обѣдъ.

Любскій.

Все лучше закусить.

Бирюлькинъ.

И я такой-же вѣры.

Любскій.

Пойдемте-же господа,—по рюмочкѣ мадеры,
А тамъ и на театръ.
(*Уходятъ всѣ. Извѣдовъ останавливаетъ Наташу*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Извѣдовъ и Наташа.

Извѣдовъ.

Постой, моя душа!

Наташа.

Ну что?

Извѣдовъ.

Сегодня ты какъ ангелъ хороша.

Наташа.

Благодарю. (*Хочетъ идти*).

Извѣдовъ.

Куда-жъ?

Наташа.

Съ тобой болтать пустого
Мнѣ некогда; прощай!

Извѣдовъ.

Позволь сказать два слова.

Digitized by Google

Наташа.

Какой привязчивый!—Чего-же хочешь ты?
Ну, говори скорѣй.

Извѣдовъ.

О, чудо красоты!
Соборъ всѣхъ прелестей и горничныхъ царица!
Скажи, доколь судьбы жестокая десница,
Или, яснѣй сказать, свирѣпая рука...

Наташа.

Ты что-то говоришь не кстати свысока.

Извѣдовъ.

Служивъ пять мѣсяцевъ съ успѣхомъ Мельпоменѣ,
Я точно такъ всегда говаривалъ на сценѣ.

Наташа.

Да здѣсь вѣдь не театръ, и ты ужъ не актеръ.

Извѣдовъ.

За то артистъ въ душѣ — и страшный аматеръ.
Но дѣло не о томъ: когда-же наша свадьба?
Ты знаешь, у меня прекрасная усадьба
И домикъ щегольской; есть деньги — по рукамъ
И, если крестный твой отецъ поможетъ намъ,
Откроемъ здѣсь театръ; лишь надобно терпѣнье,
А труппу заведемъ безъ всякаго сомнѣнья:
Ты будешь представлять царицъ, а я царей.
Ну, что-же, ангелъ мой, рѣшайся поскорѣй;
Тутъ думать нечего.

Наташа.

Прошу не торопиться.
Во-первыхъ, баринъ мой...

Извѣдовъ.

Онъ вѣрно согласится.

Наташа.

Все такъ; но признаюсь, мнѣ свадьба въ умъ нейдетъ:
Какъ вспомню барышню, такъ сердце и замретъ.
Вотъ, милый, каково остаться сиротою!
Что къ Вельскому она привязана душою,
Ты это знаешь самъ, а что еще вѣрнѣй—
Несносный Посошковъ всего противнѣй ей;
И, несмотря на то, ему ужъ слово дали!

Извѣдовъ.

Неужто Вельскому сегодня отказали?

Наташа.

О, нѣтъ еще: теперь онъ надобенъ для насъ.

Извѣдовъ.

Такъ завтра поутру...

Наташа.

Рѣшительный отказъ.

Извѣдовъ.

А все, чай дядюшка! Да какъ ему не стыдно,
Губить племянницу!—Подумать-то обидно:
Ну, этотъ Посошковъ годится-ль ей въ мужья?

Наташа.

На мѣстѣ Вельскаго на все-бъ рѣшилась я.

Извѣдовъ.

Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ онъ очень жалокъ:
Влюбленъ, надежды нѣтъ, и къ этому вдобавокъ
Сегодня долженъ съ ней любовника играть—
Не больно-ли, скажи?

Наташа.

Ужъ нечего сказать!
Повѣришь-ли? На нихъ измучилась я глядя.

Извѣдовъ.

А что, мой другъ, вѣдь ей Честоновъ также дядя:
Неужели и онъ не хочетъ ей помочь?

Наташа.

О, нѣтъ! онъ барышню любилъ всегда, какъ дочь,
И этой свадьбою не можетъ быть доволенъ:
Но онъ теперь въ Москвѣ, два мѣсяца какъ боленъ
И—объ закладъ побьюсь—не знаетъ ничего.

Извѣдовъ.

Нельзя-ли какъ-нибудь увѣдомить его?
Что еслибъ ты къ нему объ этомъ написала?

Наташа.

Недолго написать, да пользы будетъ мало.

Извѣдовъ.

А я такъ думаю, что онъ поможетъ намъ.

Наташа.

Охъ, трудно, милый мой! Старикъ нашъ такъ упрямъ,
Что Вельскому помочь нѣтъ средства никакого.

Извѣдовъ.

Постигнуть не могу! И какъ для Посошкова
Рѣшиться отказать такому молодцу!

Наташа.

Молчи! Мнѣ кажется, подъѣхали къ крыльцу...
Ну, такъ и есть. (*Хочетъ идти*).

Извѣдовъ.

Постой! чего-жъ ты испугалась?

Наташа.

Пусти! И такъ съ тобой я слишкомъ заболталась.
Прощай! (*убѣгаетъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Извѣдовъ (*одинъ, глядя вслѣдъ за Наташей*).

Вотъ золото! Рѣшительно скажу:
Женясь на ней, театръ я смѣло завожу;
Съ такой актрисою мнѣ нечего бояться:
Ей только надобно на сцену показаться,
А то сведетъ съ ума всю нашу молодежь.
И подлинно, такой субретки не найдешь,
Хоть изъ конца въ конецъ объѣзди всю Европу;
А здѣсь въ губерніи — сыграетъ и Меропу!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Извѣдовъ и Честоновъ.

Извѣдовъ.

Возможно-ль! Николай Степанычъ — это вы!

Честоновъ.

Извѣдовъ! здравствуй, братъ!

Извѣдовъ.

Давно-ли изъ Москвы?

Честоновъ.

Вчера пріѣхалъ въ ночь.

Извѣдовъ.

Вы насъ совсѣмъ забыли.

Честоновъ.

Я боленъ былъ; къ тому-жъ мнѣ голову вскружили,
Измучили совсѣмъ проклятыя дѣла.
Ну, что племянница? Здорова, весела?

Извѣдовъ.

О, нѣтъ, сударь! Она теперь...

Честоновъ.

Степеннѣй стала?
Тѣмъ лучше для нея.

Извѣдовъ.

Вы помните, бывало
Смѣется цѣлый день, а нынче иногда...

Честоновъ.

Не рѣзвится? Такъ чтожъ? На все свои года,
И рѣзвость прежняя была-бы не у мѣста:
Ей скоро двадцать лѣтъ, къ тому-жъ она невѣста...

Извѣдовъ.

Такъ вы ужъ знаете?...

Честоновъ.

Сегодня поутру
Узналъ я все. Какъ жаль покойную сестру!
Какая-бъ радость ей! Но жалобы напрасны:
Ее не воскресишь!

Извѣдовъ (*съ удивленіемъ*).

Такъ вы, сударь, согласны?

Честоновъ.

На что?... На свадьбу ихъ? А почему-жъ не такъ?

Извѣдовъ (*въ сторону*).

Возможно-ли! И вы!... Попался я впросакъ.

Честоновъ.

И что тутъ страннаго! Что Оленька счастлива,
Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ. Хоть очень прихотлива
На выборъ жениховъ покойница была;
А лучше-бъ мужа ей, конечно, не нашла:
Онъ добръ, уменъ; хотя фамиліи не знатной,
Но старый дворянинъ; наружности пріятной...

Извѣдовъ.

Помилуйте!

Честоновъ.

Къ тому-жъ отмѣнно скроменъ, тихъ...

Извѣдовъ.

Кто? Онъ, сударь?

Честоновъ.

Ну, да! Племянницынъ женихъ.

Извѣдовъ.

Такъ вы найдете въ немъ большую перемѣну.
Позвольте вамъ сказать...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Бирюлькинъ.

Бирюлькинъ (*Извѣдову*).

Васъ ждутъ давно на сцену.

Извѣдовъ.

Начните безъ меня.

Бирюлькинъ.

Безъ васъ нельзя никакъ.
(*тихо*).
Кто этотъ господинъ? Честоновъ, точно такъ!
Позвольте, батюшка, съ пріѣздомъ васъ поздравить.

Честоновъ.

А, старый другъ!

Бирюлькинъ.

Во снѣ не могъ себѣ представить
Такой я радости,—я вижу наяву.

Честоновъ.

Какъ поживаешь, братъ?

Бирюлькинъ.

Да такъ, кой-какъ живу.
(*Извѣдову*).
Ступайте-же!

Digitized by Google

Извѣдовъ.

Мы васъ должны оставить оба:
На пробу насъ зовутъ.

Честоновъ.

Да что у васъ за проба?

Извѣдовъ.

Сегодня здѣсь театръ.

Честоновъ.

Театръ?

Извѣдовъ.

А послѣ балъ.

Честоновъ.

Театръ? Вотъ этого никакъ не ожидалъ!
Кой чортъ! Да кто-жъ у васъ? Хозяинъ самъ актеромъ.

Извѣдовъ.

О, нѣтъ, сударь!

Честоновъ.

Такъ вы?

Извѣдовъ.

Я только что суфлеромъ;
А вотъ одинъ артистъ.

Честоновъ.

Бирюлькинъ! Что ты, братъ!
Въ своемъ-ли ты умѣ!

Бирюлькинъ.

Отецъ! и самъ не радъ,
(Извѣдову)
Да дѣлать нечего. Ужъ вамъ прочтутъ рацею!
Ступайте поскорѣй!

Извѣдовъ.

А вы, сударь?

Бирюлькинъ.

Успѣю;
Я въ первомъ дѣйствіи совсѣмъ не выхожу.

Извѣдовъ (*Честонову*).

Позвольте мнѣ! Объ васъ я братцу доложу.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Бирюлькинъ и Честоновъ.

Честоновъ (*улыбаясь*).

Такъ вы, сударь, актеръ? Неужто въ самомъ дѣлѣ?

Бирюлькинъ.

Эхъ, батюшка! Чуть, чуть душа осталась въ тѣлѣ!
Совсѣмъ замучили! Пускай-бы два стиха;
Нѣтъ, сотню выучи!... А память-то плоха.
Твердить примусь — бѣда: начнетъ душить зѣвота;
Къ тому-же у меня и кашель и перхота—
Ну, что я за актеръ!

Честоновъ.

Нельзя-же безъ труда
Актеромъ быть. Когда старикъ въ твои года
Захочетъ въ рѣзвостяхъ тягаться съ молодыми,
Такъ долженъ все сносить.

Бирюлькинъ.

Конечно, такъ—кто съ ними
Проказитъ за одно; а я, почтенный мой,
И знать ихъ не хочу: мнѣ надобенъ покой.

Честоновъ.

Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Бирюлькинъ.

Зачѣмъ! Возьмешься поневолѣ,
Когда на старости пугнутъ тебя судомъ.

Честоновъ.

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему еще въ запрошломъ лѣтѣ.
Имѣя на бѣду покупочку въ предметѣ,
Рублей до тысячи, я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей неважный капиталъ,
Но такъ какъ у меня весь хлѣбъ побило градомъ,
А что осталося, пришлось продать съ накладомъ:
Къ тому-же мужички не выслали оброкъ:
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зоветъ меня сосѣдомъ
И жалуетъ; ну, вотъ однажды за обѣдомъ
Изволитъ говорить: „Послушай-ка, сосѣдъ.
Заводимъ мы театръ; въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
Однакожъ, такъ и быть, ступай и ты въ актеры".
Вотъ я было и прочь! Куда-те! Хоть до ссоры!
Какъ крикнетъ, батюшка: „Со мною не шути!
Прошу играть, не то—по векселю плати!"
Да что я за актеръ? Вѣдь мнѣ шестой десятокъ.
„Не хочешь, такъ плати!" — Дождитеся хоть святокъ!
Я все съ процентами сполна вамъ заплачу.—
„Нѣтъ! Въ судъ!" — Помилуйте!—„И слышать не хочу!
А, впрочемъ, не играй—вѣдь я, братъ, не неволю".
Что дѣлать? Замолчалъ. Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали...

Честоновъ.

И жалко и смѣшно.

Бирюлькинъ.

Дурачить такъ меня, ей, ей, отецъ, грѣшно!
Во мнѣ-же вовсе нѣтъ способностей природныхъ.

Честоновъ (*улыбаясь*).

А вѣрно ты попалъ на роли благородныхъ
Отцовъ, а можетъ быть, и знатный господинъ?...

Digitized by Google

Бирюлькинъ.

И должно-бъ такъ: вѣдь я природный дворянинъ,
Такъ нѣтъ, сударь. Меня упрятали въ хлопы,
Ну, легче-бъ, кажется, идти мнѣ въ рудокопы—
А дѣлать нечего: хоть плачь, а будь актеръ.
Вѣкъ съ честію служилъ, ужъ двадцать лѣтъ маіоръ—
И мнѣ лакеемъ быть!...

Честоновъ.

По чести, это больно.

Бирюлькинъ.

Вѣстимо, батюшка! да дѣло-то невольно.
Одно изъ двухъ: плати—не то играй слугу;
Попробуй отказать, такъ онъ согнетъ въ дугу,

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же, Любскій, Любская и Оленька.

Любскій (*обнимается*).

Насилу Богъ принесъ! Какими, братъ, судьбами?

Честоновъ.

Хотѣлось поскорѣй увидѣться мнѣ съ вами.

Оленька.

Любезный дядюшка!

Честоновъ (*обнимая ее*).

Здорово, милый другъ.

Любскій.

Ты здѣсь? Послушай, братъ! Теперь ей недосугъ.
Позволь...

Оленька.

Ахъ, дядюшка! А я было хотѣла...

Любскій.

Ступай, сударыня!

Честоновъ.

Зачѣмъ?

Любскій.

Да такъ, есть дѣло.
(*Бирюлькину*). А ты что здѣсь?

Бирюлькинъ.

Охти! попался я въ бѣду!

Любскій.

Ну, что стоишь! пошелъ!

Бирюлькинъ.

Иду, сударь, иду!
(*Бирюлькинъ и Оленька уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Бирюлькина и Оленьки.

Любская.

Какъ это, батюшка, пустился ты въ дорогу?
Проѣзду вовсе нѣтъ.

Честоновъ.

Однакожъ, слава Богу,
Доѣхалъ какъ-нибудь.

Любскій.

Ты вѣрно, братъ, усталъ?
Но дѣлать нечего: у насъ сегодня балъ,
Какъ хочешь, а прошу со мною веселиться.

Честоновъ.

Нельзя-ль помиловать?

Любскій.

Вотъ это не годится.
Въ столицѣ побывалъ, такъ съ нимъ не говори,
Нашъ городъ не Москва, однакожъ, посмотри,
Какъ мы пируемъ здѣсь — не хуже вашей знати!

Любская.

Охъ, эти мнѣ пиры! Совсѣмъ-бы намъ не кстати!
Доходовъ нѣтъ...

Любскій.

Ну, такъ! Одно все въ головѣ!
(*Честонову*). Да полно, матушка! Услышатъ и въ Москвѣ,
Какъ мы живемъ. Ни въ чемъ не будетъ упущенья:
И танцы и театръ,—а что за угощенье!
Какого подадутъ отличнаго вина!...

Любская.

И вѣрно выпьютъ все!

Любскій.

Уймешься-ль ты, жена!
(*Честонову*). Послушай, милый мой, сказать-ли по секрету?
Есть свадебка у насъ.

Честоновъ.

Да я ужъ новость эту
Узналъ и безъ тебя, и всей душою радъ.
Женихъ мнѣ по сердцу.

Любскій.

Не правда-ли, что кладъ?

Любская.

Живетъ разсчетисто, богатъ и здѣшній житель.

Любскій.

Преумный человѣкъ! Актеръ и сочинитель.

Честоновъ.

Я этого не зналъ.

Digitized by Google

Любскій.

Да это ничего:
Здѣсь въ обществахъ и жить не могутъ безъ него;
На все готовъ: завесть игру, затѣять фанты...

Честоновъ.

Такъ Вельскій отъ меня скрывалъ свои таланты.

Любская.

Что, что?

Честоновъ.

По чести! Я совсѣмъ не зналъ объ нихъ.

Любскій.

Какъ Вельскій? Что за вздоръ!

Честоновъ.

Кто-жъ Оленькинъ женихъ?

Любскій.

Да развѣ жениха не можетъ быть другова?
Съ чего ты взялъ?

Любская.

Она идетъ за Посошкова.

Честоновъ.

Возможно-ли?

Любская.

Женихъ, надѣюсь, не худой!

Честоновъ.

Старикъ!...

Любская.

Какой старикъ! Онъ малый молодой.

Честоновъ.

Ему за пятьдесятъ...

Любскій.

Но всѣ единогласно
Со мною повторятъ, что можно даже страстно
Въ него быть влюблену; племянница сама...
Со временемъ его полюбитъ безъ ума.

Честоновъ.

Когда со временемъ, такъ видно это значитъ...

Любская.

Что, можетъ быть, теперь немного и попла-четъ,
Да слюбится впередъ.

Честоновъ.

Эй! на душу грѣха
Не должно брать.

Любскій.

И къ этому придачи
Шестьсотъ наличныхъ душъ, луга, лѣсныя дача...

Честоновъ

И десять тысячъ душъ, безъ собственной души,
Не значатъ ничего.

Любская.

Эй, братецъ, не грѣши!
Не значитъ ничего богатое имѣнье!

Честоновъ.

Богатство при слезахъ—плохое утѣшенье;
Оно должно быть здѣсь! Повѣрь, кто сердцемъ чистъ...

Любская.

Ты судишь, батюшка, какъ сущій атеистъ:
Вѣдь деньги Божій даръ.

Честоновъ.

А чаще—наказанье.
Но дѣло не о томъ. При первомъ я свиданьи
Намѣренъ Волгина порядкомъ побранить:
Онъ дядя Вельскому и, кажется, шутитъ
Насчетъ племянника ему-бы неприлично...

Любскій.

Какъ! Волгинъ здѣсь?

Честоновъ.

Да, здѣсь! и говоритъ публично
О свадьбѣ Вельскаго.

Любскій.

Съ чего-жъ онъ это взялъ?
Хоть Вельскій сватался...

Честоновъ.

Но ты вѣдь отказалъ?

Любскій.

Не то чтобъ отказалъ... однако, не далъ слова.

Честоновъ.

Но если Оленька идетъ за Посошкова,
Такъ должно отказать.

Любскій.

Я это знаю самъ.

Честоновъ.

Зачѣмъ-же ты молчишь?

Любскій.

Отвѣтъ я завтра дамъ.
Все кончу поутру.

Честоновъ.

А чтожъ тебѣ мѣшаетъ
Сказать теперь?

Любскій (*вполголоса*).

Нельзя! сегодня онъ играетъ.

Честоновъ.

Сегодня? У тебя?

Digitized by Google

Любскій.

Вотъ то-то и бѣда!
Пришлось молчать; зато ужъ послѣ никогда
Я Вельскому къ себѣ и ѣздить не позволю.
Лишь нынче-бъ какъ-нибудь сыгралъ свою онъ ролю,
А завтра, кончено! Рѣшительный отказъ!

Честоновъ.

Я, право, отъ тебя не ждалъ такихъ проказъ.
Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ и тѣни нѣтъ разсудка.

Любскій.

И, полно! Шутишь, братъ.

Честоновъ.

Какая это шутка!
Ну, пусть племянница идетъ за старика,
За чтожъ изъ Вельскаго вамъ дѣлать дурака?

Любскій.

Но мой театръ...

Честоновъ.

Скажи! походитъ-ли на дѣло?
По милости твоей, теперь онъ можетъ смѣло,
Съ утра до вечера, съ ней роли проходить;
Шептать ей на ухо, о страсти говорить;
И это все сносить ты долженъ терпѣливо.

Любскій.

Конечно, такъ, мой другъ! Ты судишь справедливо:
Да какъ-же мой театръ?...

Честоновъ.

Эй, братецъ, не шути!
Ну, если Оленька задумаетъ уйти?...
Хотя племянница во всемъ тебѣ послушна;
Но если къ Вельскому она неравнодушна...

Любская.

Не долго до грѣха!

Любскій.

Ты точно, милый, правъ!
И еслибъ не театръ...

Честоновъ.

Какой несносный нравъ!
Кой чортъ! Да что тебя къ театру привязало?

Любскій.

Меня?... По мнѣ его хоть вѣкъ-бы не бывало;
Но дѣлать нечего—и плачу, да люблю:
Вѣдь я, мой другъ, одинъ весь городъ веселю;
Такъ хочешь, или нѣтъ, а разсылай билеты.

Любская.

Да, батюшка! Что день, то новые банкеты...

Любскій.

Молчи, жена!

Любская.

Ну, вотъ! Всегда одинъ отвѣтъ.
Помилуй, мой отецъ! Расходамъ счету нѣтъ.
Ужъ этотъ насъ театръ доѣдетъ непремѣнно.

Любскій.

Пустое! Вздоръ! Хотя, признаться откровенно,
Онъ нѣсколько и мнѣ становится тяжелъ.
Что грѣхъ таить! Съ тѣхъ поръ, какъ я его завелъ,
Покою нѣтъ; когда-жъ дойдетъ до представленья,
Вотъ тутъ-то, братъ, вертись: костюмы, освѣщенье...
Ну, словомъ: голова у всѣхъ пойдетъ кругомъ.

Любская.

Весь домъ въ послѣдній разъ поставили вверхъ дномъ;
А сколько извели холстины на кулисы!...

Любскій.

Спасибо, что теперь домашнія актрисы,
А то—хоть изъ дому бѣги! Съ ума сойдешь:
Бывало никого на пробу не сберешь:
То некогда придти, то роля не готова,
Та на вечеръ звана, другая нездорова...
Повѣришь-ли? Тоска! Подчасъ хоть въ петлю радъ.
Сегодня, напримѣръ, хоть все идетъ на ладъ,
А, несмотря, на то, дрожу, боюсь...

Честоновъ.

Чего-же?

Любскій.

Ну, если мой театръ,—чего избави Боже! —
На выворотъ пойдетъ? Что дѣлать мнѣ тогда?

Честоновъ.

А что! И подлинно, большая вѣдь бѣда!

Любскій.

Шути себѣ, шути! а я межъ тѣмъ увѣренъ,
Что если-бы и ты...

Честоновъ.

Я спорить не намѣренъ,
А просто мнѣніе мое тебѣ скажу:
Что ты завелъ театръ, ни мало не тужу;
Я самъ любилъ играть, но только не для славы.
Бывало—въ два часа, для собственной забавы,
Готовъ я вытвердить хоть дюжину страницъ,
Но если эта страсть выходитъ изъ границъ:
То вѣрь, мой другъ, придетъ съ веселостью проститься
И скуки ждать одной. Тотъ худо веселится,
Кто, смыслу здравому идя напереломъ,
Забаву дѣлаетъ какимъ-то ремесломъ.
Вотъ самъ ты, напримѣръ, скажи мнѣ ради Бога...

Любскій.

Да ты не знаешь, братъ: судить-то будутъ строго.

Digitized by Google

Здѣсь много знатоковъ, не долго до бѣды:
Распишутъ такъ...

Честоновъ.

И вотъ тщеславія плоды!
Чтобъ только твой театръ хорошимъ называли,
Готовъ ты уморить племянницу съ печали,
Замучить самъ себя, имѣнье разорить...

Любская.

Ну, слышишь, батюшка?

Честоновъ.

Да что тутъ говорить!
Бывало въ старину мы рѣзвимся для смѣха,
А нынче завели театръ—пошла потѣха!
Волненье страшное, тревога, кутерьма!
Хозяева въ чаду, актеры безъ ума;
Тотъ пламенной игрой и чувствомъ удивляетъ:
Забытаго дѣтьми Эдипа представляетъ,
А самъ дѣтей своихъ давно уже забылъ.
На сценѣ, для другой, одинъ супругъ лишь милъ,
Имъ дышитъ, имъ живетъ — тогда какъ въ самомъ дѣлѣ
Дѣйствительный супругъ лежитъ больной въ постелѣ.
Интригамъ нѣтъ конца; насмѣшки, сплетни, лесть...
А ссоры вздорныя нельзя и перечесть:
Одинъ желаетъ быть отцомъ, другой тираномъ;
Тотъ ролю выплакалъ, тотъ взялъ ее обманомъ;
Та теткой хочетъ быть, тотъ просится въ слуги,
Тому любовника давай—ну, вонъ бѣги!
И, словомъ, труппа вся, признаться должно въ этомъ,
Прекраснымъ можетъ быть комическимъ сюжетомъ.

Любскій.

Все это пустяки, мой другъ, одни слова!
Хоть въ этомъ мнѣ повѣрь; я труппѣ всей глава,
Такъ дѣло вѣдь мое, чтобъ жили мы согласно.

Честоновъ.

Не вѣрю, милый мой.

Любскій.

Зачѣмъ судить пристрастно.
Ты прежде посмотри, а послѣ ужъ брани.

Честоновъ.

И вы не ссоритесь?

Любскій.

О! Боже сохрани!
И знать не знаемъ мы, что есть на свѣтѣ ссоры.

— — —

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Наташа.

Любскій (*Наташѣ*).

Зачѣмъ?

Наташа.

Бѣда, сударь! Поссорились актеры.

Любскій.

Охти! За что?

Наташа.

А вотъ спросите сами ихъ.

— — —

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Посошковъ, Лилѣевъ, Бирюлькинъ, Вельскій, Извѣдовъ и Оленька.

Лилѣевъ.

Я вамъ, сударь, сказалъ, что грубостей такихъ
Сносить я не хочу.

Посошковъ.

Играть изволитъ франта,
Тогда какъ надобно...

Лилѣевъ.

Такъ нѣтъ во мнѣ таланта?

Посошковъ.

Я это говорилъ, еще вамъ говорю
И буду говорить.

Любскій (*Честонову*).

Сейчасъ ихъ помирю.
Стыдитесь, господа! На что это похоже!
За что вы ссоритесь?

Лилѣевъ.

Мнѣ честь всего дороже
И я не дамъ себя обидѣть никому!

Любскій.

Да что скажите мнѣ!

Лилѣевъ.

Прилично-ли тому,
Кто самъ плохой актеръ...

Любскій.

И какъ тебѣ не стыдно!

Посошковъ.

Торжественно скажу, онъ хочетъ очевидно
Испортить все.

Любскій.

Да что? Добьюсь-ли толку я?
О чемъ вы спорите?

Посошковъ.

Такъ будьте-жъ вы судья!
Онъ ролю старика взялся безъ принужденья,
Охотой, самъ, играть...

Digitized by Google

Лилѣевъ.

Ну, да! Изъ снисхожденья.

Посошковъ.

И чтожъ играетъ онъ? Терпѣнья, право, нѣтъ!
На мѣсто старика—мальчишку въ двадцать лѣтъ.

Лилѣевъ.

За чтожъ винить меня? Вините въ томъ натуру,
Которая дала такую мнѣ фигуру.

Посошковъ.

Такъ знайте жъ, господинъ столѣтній селадонъ...

Лилѣевъ.

Столѣтній!...

Любскій.

Ну, бѣда!

Лилѣевъ.

Что значитъ этотъ тонъ?

Любскій.

Послушайте!

Лилѣевъ.

Кому вы это говорите?

Посошковъ.

О, вѣрно ужъ не вамъ! Вотъ зеркало, взгляните!

Лилѣевъ.

Насмѣшки, дерзости... но я вамъ отплачу;
Извольте ролю взять, играть я не хочу.

Любскій.

Какъ! Что! Помилуй, братъ! Сегодня представленье,
А ты...

Лилѣевъ.

Чтобъ я сносилъ такія оскорбленья!

Любскій.

Позволь...

Лилѣевъ.

Я вамъ сказалъ, что честь мнѣ дорога.

Любскій.

Да выслушай!...

Лилѣевъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Покорный вашъ слуга.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Лилѣева.

Любскій (*бѣжитъ за Лилѣевымъ*).

Въ умѣ ли ты! Постой!

Посошковъ.

О, глупое созданье!
Повѣрьте мнѣ, въ немъ нѣтъ и капли дарованья.

Любскій (*возвращаясь съ отчаяніемъ*).

Ушелъ! Совсѣмъ ушелъ!

Посошковъ.

Тѣмъ лучше, очень радъ!

Любскій.

Зарѣзалъ безъ ножа!

Посошковъ.

Я бьюся объ закладъ,
Что онъ и смолоду прескверномъ былъ актеромъ;
Ему подъ шестьдесятъ, а хочетъ быть Линдоромъ.

Любскій.

Что дѣлать мнѣ теперь? Весь городъ приглашенъ,
А нашъ театръ...

Посошковъ.

Никакъ попасть не можетъ въ тонъ.
Гдѣ должно говорить съ душой—одни лишь крики.

Любскій.

Эхъ, братецъ!..

Посошковъ.

Никогда не ждетъ своей реплики.

Любскій.

Несносный человѣкъ!

Посошковъ.

Что скажетъ, то совретъ.

Любскій.

Да слышишь-ли, злодѣй! Театръ нашъ не пойдетъ!

Посошковъ.

И, что вы! Для него? Да это ужъ безбожно
Неужто замѣнить Лилѣева не можно?

Любскій.

Посмотримъ! Говори! Кого ты назовешь?

Посошковъ.

Хоть это не легко...

Извѣдовъ.

Не вдругъ теперь найдешь.

Любскій.

Ну, что молчишь? Скорѣй зарѣжь однимъ ужъ разомъ!

Любская.

Послать-бы, батюшка, скорѣе ко всѣмъ съ отказомъ.

Digitized by Google

Любскій.

Съ отказомъ? Боже мой! Вотъ дожилъ до чего!

Вельскій.

Позвольте... точно такъ! Я знаю одного
Охотника играть; старинный мой пріятель
И дальній родственникъ... Уѣздный засѣдатель...

Посошковъ.

Да кто такой?

Вельскій.

Андрей Степанычъ Прямиковъ:
Онъ былъ всегда въ числѣ хорошихъ знатоковъ
И мастеръ самъ играть.

Любскій.

Ахъ, сдѣлай одолженье!

Посошковъ.

Возьмется-ль выучить?

Вельскій.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Любскій.

И! Роля ничего! Рѣшился бъ только взять.!.

Посошковъ.

Она жъ не велика, всего страничекъ пять.

Любскій.

Ступай-же поскорѣй!

Вельскій.

Я не прощаюсь съ вами.

Честоновъ (*Вельскому*).

И я съ тобой.

Любскій.

А ты куда? Обѣдай съ нами.

Честоновъ.

Нельзя; мнѣ надобно кой-что распорядить.
(*тихо Вельскому*).
Съ тобою долженъ я о многомъ говорить.
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Вельскаго и Честонова.

Любскій.

Охъ, этотъ мнѣ театръ! Прекрасная забава!
Ложись, да умирай!

Извѣдовъ.

Зато какая слава!

Посошковъ.

Кто этотъ Прямиковъ? Я здѣсь живу давно,
А что-то не слыхалъ.

Любскій.

Эхъ, братецъ, все равно!
Ну, что тутъ спрашивать? Актера нѣтъ другого.
Пойдемте, господа! Чай, кушанье готово.

Посошковъ.

Придется попозднѣй сегодня намъ начать.

Любскій (*уходя Посошкову*).

Добро, мой другъ! За все ты будешь отвѣчать.
(*Всѣ уходятъ въ боковыя двери*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Извѣдовъ (*одинъ*).

Мы нынче, кажется, обѣдали по модѣ.
(*Смотритъ на часы*).
Ну, такъ и есть! Легко-ль! Четвертый часъ въ исходѣ,
А Вельскаго все нѣтъ, какъ нѣтъ! Эй, быть бѣдѣ!
Такого удальца не сыщетъ онъ нигдѣ,
Кто-бъ ролю выучилъ серьезно, не для шутки,
Не только въ нѣсколько часовъ, но даже въ сутки.
Ужъ я-ли въ старину не дѣлалъ чудеса?
Бывало выучить придется въ два часа
Осьмушекъ до шести: а все играть какъ станутъ,
Такую дичь начнешь пороть, что уши вянутъ.
Нѣтъ! Видно по всему, театру не бывать;
А, право, жаль! Старикъ нашъ будетъ горевать.
Что еслибъ мнѣ?.. А чтожъ? Чѣмъ хуже я другова? —
Лилѣевъ дворянинъ—объ этомъ я ни слова:
За то какой актеръ, послѣдней ужъ руки;
А я, сомнѣнья нѣтъ, сыграю мастерски,
И мой талантъ...

— —

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тотъ-же, Посошковъ, Оленька и Наташа.

Посошковъ (*Оленькѣ*).

Да, да! Вамъ съ Вельскимъ должно вмѣстѣ
Всю сцену повторить. Ну, что! Какія вѣсти?

Извѣдовъ.

Покуда никакихъ.

Посошковъ.

Такъ Вельскій не бывалъ?

Извѣдовъ.

И слуху нѣтъ о немъ.

Digitized by Google

Посошковъ.

Куда же онъ пропалъ?
Не стыдно-ли ему! Онъ далъ честное слово,
Какъ можно поскорѣй привесть къ намъ Прямикова...

Извѣдовъ.

Да врядъ-ли приведетъ.

Посошковъ.

И, что ты, братецъ! Вздоръ!

Извѣдовъ (*глядя въ окно*).

Постойте! Вотъ и онъ въѣзжаетъ къ намъ на дворъ.

Посошковъ.

Одинъ?

Извѣдовъ.

Одинъ, сударь.

Посошковъ.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?
(*Бѣжитъ къ нему навстрѣчу*).
Ну, что? Ахъ, Боже мой! Войдите хоть въ шинели,
Да только поскорѣй!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Вельскій.

Посошковъ.

Скажите, отчего
Не съ вами Прямиковъ?

Вельскій.

Нѣтъ въ городѣ его.

Посошковъ.

Нѣтъ въ городѣ!... Такъ мы остались безъ актера?

Извѣдовъ (*кланяясь*).

Когда позволите, такъ я...

Вельскій (*прерывая*).

Онъ очень скоро
Воротится домой, навѣрно въ пять часовъ.

Извѣдовъ (*съ досадою*).

Да въ роли у него не десять только словъ:
Когда-жъ успѣть ему...

Вельскій.

Я вамъ ручаюсь смѣло,
Что онъ...

Извѣдовъ.

Сыграетъ какъ-нибудь.

Посошковъ.

Да что за дѣло?
Лишь только-бы сыгралъ; но точно-ль будетъ онъ?

Вельскій.

Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ.

Извѣдовъ.

Попасть какъ должно въ тонъ,
Реплики выучить,—все это не бездѣлки.

Посошковъ.

И, вздоръ!

Извѣдовъ (*въ сторону*).

Охъ, эти мнѣ актеры скороспѣлки!
Вездѣ отъ нихъ бѣда.

Посошковъ (*Вельскому*).

Такъ ровно черезъ часъ
Онъ будетъ здѣсь?

Вельскій (*тихо Оленькѣ*).

Теперь, сударыня, отъ васъ
Зависитъ все.

Посошковъ (*Вельскому*).

И вы увѣрены, что можетъ
Онъ къ вечеру поспѣть?

Вельскій.

Старанье все приложитъ,
Ручаюсь за него.

Наташа (*стараясь отвлечь Посошкова*).

Позвольте васъ спросить:
Здѣсь въ роли у меня должны ошибки быть,—
Вотъ тутъ?

Посошковъ.

Посмотримъ. Гдѣ?

Наташа (*показывая рукою*).

Внизу.

Вельскій (*тихо Оленькѣ*).

Мнѣ очень нужно
Сказать вамъ слова два.

Посошковъ (*читаетъ роль*).

„Съ нимъ жить я стану дружно".

Наташа.

А, дружно? Точно такъ.

Вельскій (*тихо Оленькѣ*).

Мнѣ съ вами говорить
Теперь нельзя, но я...

Посошковъ (*Вельскому*).

А чтобъ намъ повторить...

Наташа (*показывая свою роль*).

Позвольте! Вотъ еще тутъ что-то непонятно.

Посошковъ (*читаетъ роль*).

„Какъ этихъ стариковъ обманывать пріятно!
„Ну, имъ-ли женщинъ быть умнѣе и хитрѣй".
Помилуй, матушка! Чтожъ этого яснѣй?
(*Вельскому*).

Digitized by Google

Андрей Степановичъ! За чѣмъ же дѣло стало?
Пройдемте сценки двѣ.

Наташа.

Не лучше-ли сначала
Заняться вамъ со мной?

Посошковъ.

На что же намъ однимъ?
Мы сцены двѣ, иль три всѣ вмѣстѣ повторимъ.
(*Вельскому*). Не правда-ли?

Вельскій.

Отъ всей души.

Посошковъ (*Оленькѣ*).

А вы?

Оленька.

Извольте.

Посошковъ.

Съ чего-бы намъ начать?

Вельскій.

Мнѣ кажется...

Посошковъ.

Постойте!
(*Смотритъ въ тетрадь*).
Явленье пятое... да! Точно съ этихъ поръ
Мы можемъ повторить. А гдѣ-же нашъ суфлеръ?

Извѣдовъ.

Я здѣсь, сударь.

Посошковъ.

Вотъ стулъ, прошу садиться.
Возьми комедію... Да, чуръ не торопиться.
(*Вельскому*). Вы въ этомъ дѣйствіи отмѣнно хороши:
(*Оленькѣ*). А въ васъ-бы я желалъ поболѣе души.
Натура и душа!—безъ этихъ двухъ условій
Искусство ничего.

Извѣдовъ (*въ сторону*).

Нельзя безъ предисловій.
Прикажите начать?

Посошковъ.

Да, душенька, начни.

Извѣдовъ.

Явленье пятое. Сначала вы одни,
Потомъ Эрастъ.

Посошковъ.

Живѣй какъ можно эту сцену!

Извѣдовъ (*Наташѣ*).

Извольте. Вамъ.

Наташа (*Оленькѣ*).

„Я въ васъ большую перемѣну
„Сегодня нахожу.
„Быть можетъ васъ я этимъ разсержу:
„Но, право, мнѣ смѣшно: вы плакали въ постелѣ,
„Теперь вздыхаете... неужто въ самомъ дѣлѣ
„Боитесь вы"?...

Оленька.

„Всего!
„Ахъ, Машенька! Я такъ люблю его!
„И вотъ ужъ пятый день"...

Наташа.

„Къ окну онъ не подходитъ.
„Такъ это-то съ ума васъ сводитъ?
„Да онъ ужъ не живетъ напротивъ насъ".

Оленька.

„Возможно-ли? Эрастъ"...

Наташа.

„Изъ нашего сосѣдства
„Давно ужъ выѣхалъ, и вѣрно ищетъ средства
„Увидѣть ближе васъ,
„Вашъ опекунъ хитеръ, а онъ еще хитрѣе
„И, можетъ быть"...

Оленька.

„А мнѣ такъ кажется вѣрнѣе,
„Что онъ уѣхалъ изъ Москвы".

Наташа.

„Да вотъ онъ на лицо".

Оленька.

„Возможно-ль! это вы?"

Посошковъ.

Не то, совсѣмъ не то! Простое удивленье
Не значитъ ничего. Гдѣ-жъ радость, восхищенье?
Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! Вы слишкомъ холодны...
Не правда-ль, что въ него вы страстно влюблены?

Наташа.

Конечно, такъ.

Посошковъ.

Что съ нимъ и видѣться хотѣли?
Что онъ любовникъ нашъ... Ну, вотъ и покраснѣли!
Охъ, эта скромность мнѣ! Пора вамъ быть смѣлѣй.

Наташа.

Я то-же говорю.

Посошковъ.

Скажите веселѣй:
„Возможно-ль! Это вы!" Ну, что же! Говорите!

Оленька.

„Возможно-ль! Это вы?..."

Посошковъ.

Куда-же вы глядите?
Смотрите на него; онъ главный персонажъ.

Digitized by Google

Вельскій.

„Да, Лиза, это я—любовникъ вѣрный вашъ!
„Я съ вами, вижу васъ... и все теперь, разлуку,
„Печаль, тоску... все, все забылъ!“

Посошковъ (*Вельскому*).

Цѣлуйте руку!

Оленька.

„Вы здѣсь, Эрастъ! И вы пять дней могли
„Не видѣться со мной!“

Наташа.

„Да будьте-жъ съ нимъ построже:
„Легко-ль, пять дней! На дѣло не похоже!
„Мы чуть было отъ васъ въ постелю не слегли;
„Съ утра до вечера, все плакали, грустили“...

Вельскій.

„Я ѣздилъ изъ Москвы“.

Наташа.

„Вы ѣздили?

Вельскій (*Оленькѣ*).

„Но вы вездѣ со мною вмѣстѣ были!
„Вы здѣсь и навсегда!“

Оленька (*Наташѣ*).

„Ахъ, какъ онъ милъ!“

Вельскій.

„Я съ вами разставался
„Затѣмъ, чтобъ вѣчно вашимъ быть:
„Я ѣздилъ къ дядюшкѣ, во всемъ ему признался,
„Клялся ему васъ вѣкъ любить:
„Кто чувствуетъ, какъ я—тому краснорѣчивымъ
„Не трудно быть: я всѣ сомнѣнья превозмогъ,
„Онъ мнѣ позволилъ быть счастливымъ.
„Теперь я здѣсь, у вашихъ ногъ!
„Отъ вашего зависитъ приговора
„Все счастье, жизнь моя“...

Посошковъ.

Ахъ, если-бы актера
Еще такого намъ!

Вельскій.

„Скажите только: да!
„И я, навѣки, навсегда
„Любовникъ вашъ, супругъ“...

Посошковъ.

Прекрасно, превосходно!
Вотъ истинный талантъ!

Оленька.

„Притворство мнѣ не сродно...
„Я васъ люблю“...

Посошковъ.

Нѣжнѣй, сударыня, нѣжнѣй!

Оленька.

„Я васъ люблю, Эрастъ“!..

Посошковъ (*Вельскому*).

Подвиньтесь ближе къ ней.

Оленька.

„Но я, къ несчастію, свободы не имѣю
„Располагать собой“.

Наташа.

„Я васъ не разумѣю“.

Оленька.

„Мой опекунъ“...

Наташа.

„Да что онъ за указъ?
„И есть-ли что-нибудь съ нимъ общаго у васъ?
„Онъ старъ, вы молоды; онъ дуренъ, вы прекрасны“.

Вельскій.

„Что значитъ власть опекуна,
„Когда вы будете согласны
„Супругой быть моей“?

Оленька.

„Такъ я должна“...

Наташа.

„Должны, какъ слѣдуетъ, сначала колебаться,
„Твердить о томъ, о семъ,
„Поплакать и потомъ—
„Сегодня убѣжать, а завтра обвѣнчаться“.

Оленька.

„Что ждетъ меня? Насмѣшки, клеветы...
„Ахъ! Участь сироты
„Достойна сожалѣнья!“

Вельскій.

„Рѣшитесь быть моей, и мы сегодня въ ночь
„Уѣдемъ къ дядюшкѣ; онъ приметъ васъ, какъ дочь“...

Оленька.

„Но, какъ рѣшиться мнѣ? Какое положенье!
„Предметомъ сдѣлаться злословья, клеветы...
„Нѣтъ, нѣтъ, Эрастъ!“

Вельскій.

„О, если все напрасно,
„И просьбы и любовь“...

Наташа.

„Чего-жъ хотите вы?
„Не вдругъ же ей сказать:—Извольте! я согласна!“

Вельскій.

„Какъ долго я обманывалъ себя!
„Васъ пламенно любя,
„Я смѣлъ мечтать, что тѣ же чувства
„Понятны и для васъ;
„Что съ сердцемъ искреннимъ, безъ всякаго искусства,
„Сказавъ: люблю! мнѣ въ первый разъ,
„На вѣкъ вы сдѣлались моею“...

Digitized by Google

Оленька.

„Вы сердитесь“?...

Вельскій.

„О, нѣтъ! Я холоденъ какъ ледъ;
„Упреки дѣлать вамъ я права не имѣю,—
„Его любовь даетъ.
„А вы“...

Наташа.

„Помилуйте! Ну то-ли
„Вамъ должно говорить?“

Оленька.

„Но я не вѣкъ остануся въ неволѣ:
„Быть можетъ, черезъ годъ...“

Вельскій.

„Безъ васъ годъ цѣлый жить!
„Безъ васъ! Ахъ, Боже мой! Кто можетъ быть порукой
„Что я, измученный тоской и скукой,
„Еще годъ цѣлый проживу?“

Наташа.

„И больше проживете“.

Вельскій.

„Нѣтъ! Лучше навсегда оставлю я Москву;
„Тогда вы вѣрно предпочтете
„Моей любви вашъ собственный покой;
„Тогда соперникъ мой“...

Оленька.

„Соперникъ вашъ?... Какой“?

Вельскій.

„Вашъ милый опекунъ“...

Наташа.

„Ну, есть кого бояться!“

Вельскій.

„Быть можетъ, наконецъ, ему повиноваться,
„Рѣшитесь вы, и цѣлый свѣтъ
„Васъ будетъ прославлять—онъ самъ... нѣтъ.
„Лиза, нѣтъ!
„Ему-ль понять блаженство
„Супругомъ вашимъ быть“!...

Посошковъ.

Какое совершенство!
Ну, Вельскій, признаюсь, отъ васъ я безъ ума.

Вельскій.

Недурно я сыгралъ?

Посошковъ.

Какъ Гаррикъ, какъ Тальма,
Почти какъ я!

Вельскій.

О, нѣтъ! Ужъ это слишкомъ много.

Посошковъ.

Повѣрьте мнѣ, я васъ сужу отмѣнно строго;
Да иначе судить васъ было-бы грѣшно:
Вѣдь вы талантъ! Вамъ все натурою дано.
Наружность славная, органъ отлично гибокъ
Конечно есть кой что—нельзя-же безъ ошибокъ:
Подчасъ играете вы слишкомъ горячо:
Руками машете, да лѣвое плечо
Немножечко шалитъ.

Извѣдовъ.

Нѣтъ, это ужъ нападки:
Позвольте вамъ сказать, всѣ эти недостатки
Такъ мелочны, что ихъ смѣшно и замѣчать.

Посошковъ.

Да Вельскому нельзя и мелочи прощать—
Онъ истинный артистъ.

Извѣдовъ.

Все такъ, но разсудите...

Посошковъ.

Намъ спорить некогда! Извольте! Повторите
Послѣднія слова.

Вельскій.

Послѣднія?... Да, да!
„Супругомъ вашимъ быть“.

Наташа.

„Ну, барышня, бѣда!
„Намъ нѣтъ спасенья никакого“.

Извѣдовъ (*суфлируя*).

„За сценой голосъ Сундукова“.

Посошковъ (*начиная играть свою роль*).

„Эй, люди! Дурачье? Да слышите-ль! Кто тамъ!“

Оленька.

„Ахъ, Боже мой! Куда дѣваться намъ“.

Посошковъ.

„Я васъ, разбойники!“

Наташа.

„Пропали мы!“

Вельскій.

„Пустое!
„Не бойтесь ничего!“

Извѣдовъ (*суфлируя*).

„Явленіе шестое;
„Лишь только я съ двора“...

Посошковъ.

Эхъ, братецъ! Не спѣши!
„Лишь только я со двора, такъ въ домѣ ни души...
„Кой чортъ! Да здѣсь проѣзжая дорога“.

Оленька.

„Ахъ, ради Бога,
„Уйдите поскорѣй!“

Посошковъ.

„Ворота на запоръ! Ключи отъ всѣхъ дверей
„Принесть ко мнѣ. Ужъ я тебя, скотина!
„Шататься все, а нѣтъ, чтобъ дворъ подмести...

Digitized by Google

„Пошелъ, болванъ!... Эге! Да здѣсь и гости есть!
„Возможно-ли—мужчина!
„Вы кто, сударь? Зачѣмъ и почему?
„Кого вамъ надобно?“

Вельскій.

„Извините!
„Я только, что взошелъ“.

Посошковъ.

„Взошли... Къ кому?...
„Что вижу къ вамъ?... Вотъ я васъ! Погодите!
„Взошли!... Зачѣмъ, сударь? Да развѣ здѣсь корчма?
„Взошли, когда хозяина нѣтъ дома“...

Вельскій.

„Вы все узнаете изъ этого письма“.

Посошковъ.

„Рука, мнѣ кажется, знакома“.

Вельскій.

„Отъ дяди моего“.

Посошковъ.

„Да это все равно,
„Письмо—письмомъ, а вамъ бы не мѣшало
„Безъ спроса не входить“.

Вельскій.

„Вы дружны съ нимъ давно.
„Степанъ Кондратьевичъ Окновъ“.

Посошковъ.

„Окновъ? Такъ стало
„Онъ живъ еще?
(*Читаетъ*). „Любезный другъ! Податель сего племянникъ мой Сурскій“...
„Вы Сурскій? Очень радъ!
„Покойный вашъ отецъ со мною знакомъ былъ лично;
„А все скажу, что вовсе неприлично
„Вломиться силой въ домъ“.

Вельскій.

„Чтожъ дѣлать виноватъ!“

Посошковъ (*читаетъ*).

„Онъ любитъ одну весьма достойную дѣвицу но, къ несчастію, у него есть соперникъ. Я стараюсь уладить это дѣло, а между тѣмъ, боясь, чтобъ онъ не надѣлалъ дурачествъ, отправилъ его въ Москву; не оставляйте его вашими совѣтами. Надѣясь на дружбу вашу, я увѣренъ и проч., и проч.“
„Такъ вы намѣрены жениться?
„Вотъ это хорошо! Я съ вами подружиться
„Душою радъ.. Да только вотъ бѣда!
„Вы ѣздить будете напрасно—
„Меня нѣтъ дома никогда.
„И такъ вы любите? И очень страстно?“

Вельскій (*глядя на Оленьку*).

„И сердце и душа“.
„Все ей принадлежитъ,—

Посошковъ.

„Ужъ вѣрно хороша?
„И спрашивать не надо“.

Вельскій.

„Всѣ въ мірѣ женщины ея не стоятъ взгляда“.

Посошковъ.

„Похвально! Хорошо! Прошу ко мнѣ впередъ!
„А что, соперникъ вашъ и молодъ и прекрасенъ?“

Вельскій.

„О, нѣтъ! Онъ вовсе не опасенъ:
„Сѣдой старикъ, скупецъ, животное, уродъ...“

Посошковъ (*своимъ голосомъ*).

Эхъ, батюшка, не то! Вамъ должно обозначить
Насмѣшку тутъ: вѣдь вы должны меня дурачить.

Наташа.

Да онъ, мнѣ кажется, и такъ дурачитъ васъ.

Посошковъ.

Побольше тонкостей! Играя въ первый разъ,
Ихъ всѣ нельзя схватить, а вы, сударь, не вновѣ:
Вамъ стыдно ихъ не знать.—„Уродъ!“—При этомъ словѣ
Взгляните на меня.

Вельскій (*повторяя*).

Сѣдой старикъ! скупецъ!...

Посошковъ.

Вотъ, такъ!

Вельскій.

„Уродъ!“

Посошковъ.

Брависсимо!

Вельскій.

„Глупецъ!“

Посошковъ.

Отлично! Хорошо!

Вельскій.

„А сверхъ того...“

Посошковъ (*начинаетъ опять играть*).

„Увольте!...“
(*Наташѣ и Оленькѣ*).
„Я брани не люблю. Ступайте вонъ!“

Наташа.

„Позвольте
„Сказать вамъ слова два“.
(*Отводитъ Посошкова къ сторонѣ, а между тѣмъ Вельскій и Оленька говорятъ тихо*).

Посошковъ.

„Ну, что-же, говори!“

Наташа.

„Хотите-ли держать пари,
„Что этотъ господинъ пріѣхалъ къ вамъ не даромъ?“

Посошковъ.

„Неужели?“

Digitized by Google

Наташа.

„Тутъ что-нибудь да есть—
„Замѣтили-ль, съ какимъ онъ жаромъ
Описывалъ любовь свою, а между тѣмъ
„Смотрѣлъ на барышню?“

Посошковъ.

„Смотрѣлъ? Зачѣмъ?“

Наташа.

„Я этихъ сорванцевъ ужасно ненавижу:
„Отъ нихъ того и жди...“

Посошковъ (*своимъ голосомъ*).

Да стань сюда! Я вижу:
Закрой побольше ихъ! Ахъ, нѣтъ! Еще впередъ;
(*Вельскій отдаетъ записку Оленькѣ*).
Все вижу, матушка: записку отдаетъ,
Вотъ шепчетъ на ухо!

Вельскій (*тихо Оленькѣ*).

Прочтите поскорѣе;

Посошковъ (*Вельскому*).

(*Беретъ у Оленьки записку*).
Не такъ! Позвольте мнѣ! Проворнѣй и хитрѣе:
Смотрите на меня! Совсѣмъ не тотъ пріемъ;
(*Отдаетъ записку Оленькѣ*).
Мы вотъ какъ, батюшка, записки отдаемъ.
(*Наташѣ, продолжая играть свою роль*).
„Итакъ мнѣ должно опасаться?“

Наташа.

„Большой опасности тутъ нѣтъ“.

Посошковъ.

„Все можетъ статься.
„Эхъ, Машенька, не долго до грѣха...“

Извѣдовъ.

Позвольте! У меня послѣдняго стиха
Въ піесѣ нѣтъ.

Посошковъ (*беретъ тетрадь и смотритъ*).

Ну, такъ! Впередъ я самъ засяду
И буду списывать. Тутъ двѣ ошибки сряду.
Кто списывалъ ее?

Наташа.

Ѳома, буфетчикъ нашъ.

Посошковъ (*Извѣдову*).

Охъ, эти мнѣ писцы!—Подай мнѣ карандашъ!

Вельскій.

Угодно мой?
(*Подаетъ ему. Посошковъ дѣлаетъ поправки, а между тѣмъ Оленька въ полголоса читаетъ письмо*).

Оленька (*читаетъ*).

„Я боялся, что не найду свободной минуты переговорить съ вами, и для того заготовилъ это письмо. Почтенный благодѣтель мой, вашъ дядюшка Честоновъ и слышать не хочетъ, чтобъ вы были за Посошковымъ; онъ далъ слово помогать намъ, и если вы согласитесь...“
(*Прячетъ письмо*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Любскій, Любская и Бирюлькинъ.

Любскій.

Ну, вотъ они! А мы искали
Васъ цѣлый часъ въ саду.

Наташа.

Мы роли повторяли.

Посошковъ (*перевертывая листы въ тетради*).

Постой, еще! Да тутъ премножество грѣховъ!

Любскій.

Ага! И Вельскій здѣсь? Ну, что твой Прямиковъ?

Вельскій.

Уѣхалъ за городъ; однакоже, къ обѣду
Хотѣлъ онъ быть домой.

Любскій.

Такъ что-же ты?

Вельскій.

Я ѣду
Опять къ нему.

Любскій.

Боюсь, откажется злодѣй!

Вельскій.

О, вѣрно нѣтъ!

Любскій.

Да ты узналъ-бы отъ людей,
Куда уѣхалъ онъ.

Вельскій.

Теперь его застану:
Ужъ скоро пятый часъ.

Любскій.

А если нѣтъ?

Вельскій.

Такъ стану
Искать его вездѣ и гдѣ-нибудь найду.
(*Тихо Оленькѣ*). Вы все прочли?...

Любскій.

Ступай скорѣй!

Вельскій.

Сейчасъ, иду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Вельскаго.

Любскій.

Да этотъ Прямиковъ, какъ кладъ, намъ не дается.

Любская.

Эй, батюшка, повѣрь, намъ вечеромъ придется
Съ отказомъ посылать ко всѣмъ...

Digitized by Google

Любскій.

Молчи, жена!
(*Посошкову*). И безъ тебя тоска! А все твоя вина.
Не знать навѣрное—да это хуже пытки!
Одинъ бы ужъ конецъ.

Любская.

Напрасные убытки,
Расходы, хлопоты и больше ничего.

Любскій (*Посошкову, который смотритъ въ окно*).

Ну, что?

Посошковъ.

Отправился.

Любская.

Нельзя-ли безъ него
Кой-что пройти? Вѣдь онъ не нуженъ вамъ?

Посошковъ.

Ни мало;
Мы можемъ повторить весь первый актъ сначала.

Любскій.

Такъ что-же? Повтори.

Посошковъ (*беретъ тетрадь у Извѣдова*).

Извольте по мѣстамъ.
(*Оленькѣ*). Явленье первое. Када-же вы? Не тамъ.
(*Наташѣ*). Вы здѣсь должны сидѣть. А вы сюда поближе.
(*Оленькѣ*). Держите голову немножечко пониже.
Да кто-же въ горести такъ весело глядитъ?
Задумайтесь! Вотъ такъ! Еще печальнѣй видъ,
Чтобъ тотчасъ-же была замѣтна горесть ваша.
Явленье первое...

Любскій.

Постой, постой! Наташа,
Подвинься-ка впередъ — еще лѣвѣй! Вотъ такъ.

Слуга (*входитъ и говоритъ громко*).

Матрена Саввишна Кутермина.

Любскій.

Дуракъ!
Скажи, что дома нѣтъ.

Слуга.

Докладывалъ.

Любскій.

Такъ что-же?

Слуга.

Изволитъ все идти.

Любскій.

Ну, вотъ! На что похоже!
Ступай, животное! Скажи, что я...

Любская.

Молчи!
Она идетъ.

Любскій.

Что мы...

Любская.

Да полно, не кричи!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Кутермина, 1-я племянница и 2-я племянница.

Кутермина.

(*Любской*). Здорово, матушка! (*Любскому*). А, здравствуй, Ѳедоръ Львовичъ!
(*Бирюлькину*). Каковъ ты, мой отецъ? Ты здѣсь, Максимъ Петровичъ?
Не стыдно-ли! Совсѣмъ изволилъ насъ забыть.
(*Любской, представляя племянницъ*).
Племянницы мои! Прошу ихъ полюбить.
Они сбирались къ вамъ вчера, да поздно встали:
На дежёне дансанъ всю ночь протанцовали;
Прыгуньи страшныя.

Любская.

Давно-ли здѣсь?

Кутермина.

Дней пять.

Любская.

Повѣрите-ль. Гляжу и не могу понять,
Какъ можно вырость такъ.

Кутермина.

А что, вѣдь не узнаешь.
Вотъ Софья, старшая. Ну, чтожъ не присѣдаешь!
Вся въ матушку свою, привычками, лицомъ.
Ну, словомъ: сходства нѣтъ съ покойникомъ отцомъ.
Предобрая! А вотъ меньшая, Катерина,
Не правда-ль, что въ отца? Красавецъ былъ мужчина.
А дочка вся въ него.

1-я племянница.

И, полноте, ma tante!

Кутермина.

Когда-бы знали вы, какой у нихъ талантъ?
Да вотъ, на этихъ дняхъ, заѣдемъ къ вамъ пораньше
И вы услышите! Большія музыкантши:
Вездѣ отъ пѣнья ихъ всѣ были безъ ума;
Объ этомъ изъ Москвы писала мнѣ кума
Глафира Саввишна, а кумушка не лгунья;
Ты знаешь, чай, ее?

Любскій (*въ сторону*).

Проклятая болтунья!
(*Громко*). Я звалъ васъ на вечеръ и очень буду радъ...

Кутермина.

А, кстати! Что у васъ сегодня? маскарадъ?...

Любскій.

Театръ, сударыня.

Digitized by Google

Кутермина.

Да, точно виновата!
Не знаю отъ кого, а, помнится, отъ свата
Андрея Карпыча я слышала... иль нѣтъ!
Отъ Ленской, кажется, что вы, не то балетъ,
Не то трагедію, а что-то дать хотите.
Да дѣло не о томъ—племянницы, просите,
Чтобъ мнѣ позволили и васъ съ собой привесть.

Любскій (*въ сторону*).

Ну, такъ! Я это зналъ!...
(*Громко*).
Мы вѣрно-бы за честь
Почли себѣ... и намъ конечно... очень лестно,
Что вы... Но, я боюсь, не будетъ-ли имъ тѣсно...

Кутермина (*Любской*).

Я васъ, мои друзья, считаю за родныхъ;
Однакожъ, все-таки хотѣла прежде ихъ
Представить вамъ сама.

Любская.

Напрасно вы трудились.

Кутермина.

Помилуй, матушка! На чтобъ онѣ годились,
Когда-бъ учтивости не стали наблюдать?
А нынче, нечего—лишь стоитъ волю дать,
Тотчасъ нагрянутъ всѣ, и даже есть нахалы,
Которые вездѣ втираются на балы,
Хоть не были-бъ никѣмъ туда приглашены.
Вотъ я, такъ нѣтъ! Люблю держаться старины
И долгъ мой не считать за вѣжливость пустую.
Всегда, какъ слѣдуетъ, сперва рекомендую,
А тамъ и привезу—и трудно-ль въ первый разъ
Съ визитомъ побывать? Сегодня я приказъ
Моимъ племянникамъ дала, и очень строго,
Чтобъ имъ... Ты знаешь ихъ?

Любскій.

У васъ родныхъ такъ много...

Кутермина.

Отецъ ихъ, Пустельгинъ, двоюродный мой братъ.
Я знала напередъ, что ты имъ будешь радъ;
Однакоже, сюда пріѣхать имъ велѣла.

Любскій.

Помилуйте! На что?

Кутермина.

Я просто-бы не смѣла
Ихъ на вечеръ привесть.

Любскій (*въ сторону*).

Да что-же я молчу?
(*Громко*).
Позвольте вамъ сказать...

Кутермина.

И слушать не хочу!

Любскій.

Вы безпокоили племянниковъ напрасно.

Кутермина.

Эхъ, батюшка, повѣрь, ихъ баловать опасно:
Какъ разъ зазнаются, повадку только дай!
Нѣтъ! Дружба дружбою, а долгъ свой наблюдай!

Любскій.

Не спорю, матушка, все это справедливо...

Кутермина.

О, я на этотъ счетъ отмѣнно щекотлива,
Невѣжу не пущу къ себѣ на полдвора.
Да чтожъ они? Давно-бъ пріѣхать имъ пора
Мнѣ кажется: я къ нимъ сегодня до разсвѣта
(*Смотритъ въ окно*).
Отправила слугу... А вотъ и ихъ карета!
Пріѣхали (*Идетъ къ дверямъ*).

Любскій (*Посошкову*).

Въ ней нѣтъ и на волосъ стыда.

Посошковъ.

Какой въ ней стыдъ!

Кутермина.

Сюда, голубчики! Сюда!

Любскій.

Ну, можно-ль быть кому безстыднѣй и наглѣе!

Кутермина.

Андрюша, Ваничка! Ступайте-же скорѣе!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, 1-й племянникъ и 2-й племянникъ.

Кутермина.

Вотъ, батюшка, они! Съ рукъ на руки сдаю.
Племянникъ мой, Андрей, отъ васъ не потаю,
Отцовскій фаворитъ.

Любскій.

О, въ этомъ я увѣренъ!

Кутермина.

Да то бѣда, служить онъ въ конницѣ намѣренъ,
И вотъ, какъ видите, усы ужъ отпустилъ.
Охъ, эта молодежь! Отецъ его просилъ,
Мы всѣ: „Андрюшенька, убьютъ!“ Такъ нѣтъ! Все даромъ.
Рѣшительно сказалъ, что хочетъ быть гусаромъ,
И служба статская ему какъ острый ножъ.
Вотъ Ваничка совсѣмъ на брата не похожъ,
Ученый человѣкъ и даже былъ студентомъ.
Племянникъ не сочтетъ, конечно, комплиментомъ.
Когда при всѣхъ ему скажу въ глаза, что онъ
Чуть-чуть не философъ, ученъ, переученъ:
Науки нѣтъ такой, гдѣ-бъ онъ не отличился,
Все знаетъ, мой отецъ, и физикѣ учился.

Digitized by Google

Посошковъ.

Да этой болтовнѣ не будетъ и конца.

Кутермина.

Со свѣчкой поискать такого мудреца.

Посошковъ (*тихо Любскому*).

Отдѣлайтесь скорѣй!

Любскій,

Я крайне сожалѣю,
Что не могу никакъ... и даже ихъ не смѣю
Сегодня пригласить. Я очень бы желалъ
Имѣть ихъ у себя; но нашъ театръ такъ малъ,
Ко мнѣ-же назвалось гостей, конечно, вдвое,
Чѣмъ могъ я ожидать...

Кутермина.

И, батюшка, пустое!
Два гостя лишніе не значатъ ничего.

Любскій.

Клянусь вамъ, не могу...

Кутермина.

Я-жъ мѣста одного
(*Показывая на другого племянника*)
Для Ванички прошу; объ этомъ, мой почтенный,
Прошу не хлопотать: вѣдь онъ полувоенный—
Протрется какъ-нибудь.

Посошковъ (*Любскому*).

Охота жъ время длить!
Рѣшитесь поскорѣй.

Любскій.

Извольте, такъ и быть!

Кутермина (*племянникамъ*).

Спасибо, мой отецъ! Ну, чтожъ? Благодарите!

Любскій.

Быть можетъ, господа, въ дверяхъ вы постоите—
Впередъ вамъ говорю.

Кутермина.

Взойти-бы только въ дверь,
А тамъ ужъ ихъ бѣда.

Любскій.

Позвольте намъ теперь
Заняться пробою, намъ право недосужно.

Кутермина.

Сейчасъ, почтенный мой, сейчасъ! мнѣ только нужно (*Племянникамъ*).
Минутки двѣ. При мнѣ карету запрягли,
Такъ чтожъ они?

1-й племянникъ.

Въ одну усѣстся не могли.

Любскій.

Ахъ, Боже мой! Еще? Нѣтъ, это ужъ злодѣйство!

Кутермина.

Да, да! Еще кой-кто изъ нашего семейства:
Сейчасъ представлю вамъ, сейчасъ!

Любскій.

Напрасный трудъ!
Я вамъ ужъ объяснилъ.

Кутермина.

Ихъ тотчасъ привезутъ.
Чтожъ дѣлать, мой отецъ! Ужъ я дала имъ слово!
Къ тому-же все свои, ни одного чужого:
Мусье Ле-Гро, жена его, мадамъ Адель,
Отличный человѣкъ; нѣмецкая мамзель,
Шарлотта Карловна, немножечко болтлива,
За то ужъ какъ добра, тиха, неприхотлива!
Какъ ходитъ за дѣтьми! На шагъ не отстаетъ;
Старательна, умна и дешево беретъ.
А тамъ еще кой-кто; но этою бездѣлкой
Не стоитъ затруднять тебя — народъ все мелкій.
Послушай, душенька, голубчикъ, золотой!
Потѣшь моихъ внучатъ! Всего-то ихъ... постой!
Танюшка, Вѣрочка, Акулинька и Глаша,
Да, кажется, еще...

Любскій.

Еще? Нѣтъ воля ваша...

Кутермина (*бѣжитъ къ дверямъ*).

Пріѣхали. Сюда, мусье, ведите ихъ!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, учитель, гувернантка, нянюшка, четыре дѣвочки и два мальчика.

Любскій.

Что вижу! Боже мой! Весь родъ Кутерминыхъ!

Кутермина.

Позволь имъ, батюшка! Ты этимъ мнѣ докажешь,
Кто истинный мой другъ! Неужели откажешь?

Любскій.

Да чтожъ, помилуйте! Вѣдь домъ мой не трактиръ.

Кутермина.

И! Что ты, мой отецъ!

Любскій.

Вы этакъ цѣлый міръ
Готовы привести.

Кутермина.

Но ты мнѣ самъ позволилъ...

Digitized by Google

Любскій.

Гдѣ видано...

Кутермина.

За что разгнѣваться изволилъ?

Любскій.

За что? Да вы ко мнѣ пристали, какъ съ ножомъ.

Кутермина.

Ахъ, батюшки! И вѣкъ не загляну въ твой домъ,
А съ горя не умру. Ступайте вонъ!... Ну, что-же!
(*Учитель, гувернантка и дѣти уходятъ*).
Не знала, батюшка, что вамъ театръ дороже
Такихъ друзей, какъ я! Возможно-ль! Отказать
Въ такой бездѣлицѣ! А правду-то сказать:
Чего смотрѣть?

Посошковъ.

Чего? Нѣтъ, это ужъ безстыдство
Изъ мѣры вонъ!

Кутермина.

Да, да! И что за любопытство?
Большая невидаль — театръ! Ахъ, Боже мой!
(*Племянницамъ*)
Вы съ братьями сейчасъ въ карету и домой!
(*Племянницы и племянники уходятъ*).

Посошковъ.

Позвольте доложить! Вы сердитесь напрасно...

Кутермина.

За вѣжливость мою наказана прекрасно!
(*въ сторону*)
Добро, ты, грубіянъ!

Любскій.

Мнѣ, право, очень жаль...

Кутермина.

Конечно, и для насъ ужасная печаль!
Я знаю, вашъ театръ — восьмое въ свѣтѣ чудо.

Посошковъ (*тихо Любскому*).

Мы цѣлый день ее не выживемъ отсюда;
Уйдемте поскорѣй.

Кутермина (*въ сторону*).

О, еслибъ я могла
Порядкомъ отплатить!

Любскій (*Кутерминой*).

У насъ свои дѣла,
И такъ позвольте намъ...

Кутермина.

Кто держитъ васъ? Идите.

Посошковъ.

На пробу намъ пора.

Любскій.

Прошу васъ, не взыщите.
Что мы оставимъ васъ однѣхъ. Пойдемъ, жена!

Любская.

Позволь хоть мнѣ...

Любскій.

И, вздоръ! Пускай сидитъ одна!
(*Всѣ уходятъ; Кутермина останавливаетъ Бирюлькина*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Кутермина и Бирюлькинъ.

Кутермина.

Два слова, душенька! Но только съ уговоромъ:
Всю правду мнѣ скажи! Ты также здѣсь актеромъ?

Бирюлькинъ.

Кто, я-съ? Что грѣхъ таить! Ужъ видно такъ судьбѣ
Угодно, матушка...

Кутермина.

Не стыдно-ли тебѣ,
Проживши столько лѣтъ, на старости срамиться!

Бирюлькинъ.

Такъ, такъ, сударыня!

Кутермина.

Ну, можно-ль согласиться?..

Бирюлькинъ.

Все знаю, матушка! Меня, какъ на убой,
Ведутъ...

Кутермина.

Они въ глаза смѣются надъ тобой.

Бирюлькинъ,

А что! И подлинно!

Кутермина.

Да это очевидно.
Эхъ, батюшка Максимъ Петровичъ! Какъ не стыдно
Хотѣть въ твои лѣта нарядным шутомъ быть!

Бирюлькинъ.

Такъ, такъ!

Кутермина.

Эй, будешь ты въ бубенчикахъ ходить!
Ну, ежели они тебя одѣнутъ франтомъ?

Бирюлькинъ.

Навѣки осрамятъ.

Digitized by Google

Кутермина.

Добро бъ ты былъ съ талантомъ,
А то—подумай самъ! Ну, что ты за актеръ?

Бирюлькинъ.

Охъ, точно такъ! Бѣда! Безчестье и позоръ!

Кутермина.

Да что ты охаешь? Къ чему всѣ эти вздохи?
Не самъ-ли ты пошелъ охотой въ скоморохи?

Бирюлькинъ.

Охотой, матушка? Да кто-бы мнѣ велѣлъ!
Помилуйте, за что?

Кутермина.

Такъ ты, сударь, хотѣлъ
Всѣмъ разомъ угодить?

Бирюлькинъ.

Какое угожденье!
Я Любскаго боюсь: опишетъ все имѣнье.

Кутермина.

Опишетъ? Почему?

Бирюлькинъ.

Вѣдь я его должникъ.

Кутермина.

Должникъ?

Бирюлькинъ.

По векселю; хоть долгъ мой не великъ,
Но я уплатою отмѣнно озабоченъ.

Кутермина.

И срокъ уже прошелъ?

Бирюлькинъ.

Давнымъ-давно просроченъ.
Какъ-разъ потянетъ въ судъ.

Кутермина.

Смотри, какой злодѣй!
А сколько долженъ ты?

Бирюлькинъ.

До тысячи рублей...
Повѣрите-ль, какой терплю я недостатокъ:
Копѣйки въ домѣ нѣтъ. Вотъ если-бы до святокъ
Хотѣлъ онъ подождать, иль только до зимы...

Кутермина.

Послушай! Такъ и быть! Я дамъ тебѣ взаймы,
Но только съ тѣмъ, чтобъ ты отъ роли отказался.

Бирюлькинъ.

Ахъ, Боже мой! Да какъ?

Кутермина.

Чего-жъ ты испугался?

Бирюлькинъ.

А Любскій, матушка? Бѣда! Вѣдь онъ презлой!

Кутермина.

Такъ хочешь ты, чтобъ всѣ смѣялись надъ тобой,
Не только взрослые, но даже и ребята?
Подумай, у тебя давно ужъ есть внучата;
Хоть ихъ-то не срами!

Бирюлькинъ.

Все такъ... я знаю самъ...

Кутермина.

Послушай, душенька! Вѣдь я отсрочку дамъ
Еще на цѣлый годъ.

Бирюлькинъ.

О, если такъ—извольте!

Кутермина.

Нельзя-ль еще кого?.. Да много-ль васъ?

Бирюлькинъ.

Постойте!
Во-первыхъ я, потомъ какой-то Прямиковъ,
Котораго всѣ ждутъ; тамъ Вельскій, Посошковъ...

Кутермина.

И этотъ Вельскій здѣсь? Мальчишка преупрямый,
Племянникъ Волгина?

Бирюлькинъ.

Да, матушка, тотъ самый.

Кутермина.

Что еслибъ мнѣ?.. А чтожъ? Попытка не бѣда:
Отправлюсь къ Волгину. А ты ступай туда,
Молчи, и въ пять часовъ иль около шестого
Явись ко мнѣ домой. Да слышишь-ли,—ни слова!
Чтобы никто не зналъ...

Бирюлькинъ.

Когда угодно вамъ,
Такъ я, сударыня, и виду не подамъ.

Кутермина.

Ну то-то-же, ступай! (*Бирюлькинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Кутермина (*одна*).

Теперь-то постараюсь!
Добро, мой другъ! Ужъ я съ тобою расквитаюсь;
Всѣ мерзости твои на дѣлѣ докажу:
Поѣду къ Волгину, о всемъ ему скажу,
Раскрашу, распишу, гдѣ надобно прибавлю,
Взбѣшу его—и вашъ театръ вверхъ дномъ поставлю. (*Уходитъ*).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Та-же комната).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вельскій и Извѣдовъ.

(входятъ на сцену изъ среднихъ дверей).

Извѣдовъ.

И такъ спектакль нашъ придется отложить?

Вельскій.

Чтожъ дѣлать! Прямиковъ...

Извѣдовъ.

Неужто упросить
Его нельзя никакъ?

Вельскій.

Къ несчастію—нѣтъ средства;
На-дняхъ онъ получилъ какое-то наслѣдство
И ѣдетъ за сто верстъ.

Извѣдовъ.

Когда?

Вельскій.

Сегодня въ ночь.

Извѣдовъ.

Такъ горю вашему придется мнѣ помочь;
Отдайте ролю мнѣ, я дѣло все поправлю.

Вельскій.

Ты хочешь самъ играть?

Извѣдовъ.

За счастіе поставлю.
Не спорю—эта честь отмѣнно велика;
За то ручаюсь вамъ, что въ ролѣ старика
Увидите вполнѣ отличнаго актера.

Вельскій.

Все такъ, но какъ-же намъ остаться безъ суфлера?

Извѣдовъ.

Да развѣ приказать не можно никому?
Заставьте, напримѣръ, буфетчика Ѳому.
Онъ малый грамотный: не только что свободно,
Читаетъ мастерски—а впрочемъ какъ угодно,
Принять и не принять вольны вы мой совѣтъ,
А только, вѣрьте мнѣ, другого средства нѣтъ.

Вельскій.

Ступай-же поскорѣй, узнай отъ Посошкова...

Извѣдовъ.

Сейчасъ, сударь, иду! Одно лишь только слово:
Скажите мнѣ, что вамъ Честоновъ говорилъ?
За васъ онъ, или нѣтъ?

Вельскій.

Онъ жизнь мнѣ возвратилъ.

Извѣдовъ.

Такъ онъ не противъ васъ?

Вельскій.

Ни мало.

Извѣдовъ.

Что за диво.
Къ чему-жъ онъ говорилъ: „Племянница счастлива:
Женихъ мнѣ по сердцу; онъ скроменъ, тихъ, съ умомъ...“

Вельскій.

Да знаешь-ли, кого считалъ онъ женихомъ?

Извѣдовъ.

Кого? Неужто васъ?

Вельскій.

Насилу догадался!

Извѣдовъ.

Вотъ что! Ахъ, я дуракъ! Чего-же я боялся?
Хоть дядя противъ васъ, но это пустяки.
Ура, сударь! Когда Честоновъ вамъ съ руки,
Бояться нечего: теперь намъ все возможно.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Честоновъ.

Честоновъ *(Вельскому)*.

Скорѣй, мой другъ, скорѣй! Тебѣ сейчасъ-же должно
Отправиться домой. Ужасная бѣда!

Вельскій.

А что?...

Честоновъ.

Твой дядюшка сбирается сюда.

Вельскій.

Сюда?...

Честоновъ.

Не знаю, кто изволилъ потрудиться
И все ему сказать: онъ хочетъ объясниться.
Отъ Любскихъ получить рѣшительный отвѣтъ;
Кричитъ, что совѣсти ни на волосъ въ нихъ нѣтъ.
Что онъ никакъ не дастъ племянника дурачить,
Что свадьбы день должны сегодня-же назначить,
Что быть игрушкой ихъ никто не сотворенъ;
Браниться весь свѣтъ, шумитъ и, словомъ, такъ взбѣшенъ,
Что съ братомъ онъ тебя поссоритъ непремѣнно.

Вельскій.

Ахъ, Боже мой! Онъ все испортитъ совершенно,
Разсердитъ Любскаго...

Честоновъ.

И нашъ растроитъ планъ.

Digitized by Google

Вельскій.

А скоро будетъ онъ?

Честоновъ.

При мнѣ надѣлъ кафтанъ,
И я его почти оставилъ за порогомъ.

Вельскій.

Чтожъ дѣлать мнѣ?

Честоновъ.

Скачи домой и подъ предлогомъ
Какимъ-нибудь его старайся удержать.

Вельскій.

Но вотъ бѣда: пѣшкомъ придется мнѣ бѣжать.
Я дрожки отпустилъ.

Честоновъ.

Ступай въ моей каретѣ,
А я къ своимъ пойду.

Извѣдовъ.

Вашъ братецъ въ кабинетѣ.
(*Показывая куда идти*).
Вотъ здѣсь! (*Уходитъ вмѣстѣ съ Честоновымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вельскій и потомъ Посошковъ (*во французскомъ шитомъ кафтанѣ*).

Вельскій.

Ну, если онъ?... И вздумать не могу!
(*Хочетъ идти, но въ дверяхъ встрѣчается съ Посошковымъ*).

Посошковъ (*оборотясь назадъ*).

Я завтра съ деньгами пришлю къ нему слугу.
Что, что?... И, вздоръ! Ужъ мы условились о платѣ
Съ хозяиномъ твоимъ; ступай! А, Вельскій! Кстати!
Я уважалъ всегда вашъ тонкій вкусъ и умъ—
Извольте-ка взглянуть! Каковъ, сударь, костюмъ?

Вельскій.

Хорошъ...

Посошковъ.

Не правда-ли? Ужъ мы не ошибемся.
Ну, что вашъ дядюшка? Когда его дождемся?

Вельскій (*съ удивленіемъ*).

Такъ вы ужъ знаете, что будетъ онъ сюда?

Посошковъ.

Да это знаютъ всѣ.

Вельскій.

Ахъ, Боже мой! (*Хочетъ идти*).

Посошковъ (*удерживая*).

Куда?
Позвольте васъ спросить: онъ родственникъ вамъ дальній?

Вельскій.

Кто? дядя мой?

Посошковъ.

Ну, да! Вашъ Дядя театральный,
Вотъ этотъ—какъ его? Не помню...

Вельскій.

Прямиковъ?

Посошковъ.

Да, точно такъ! А что, онъ роли стариковъ
Всегда игралъ?

Вельскій (*съ нетерпѣніемъ*).

Всегда. (*Хочетъ идти*).

Посошковъ (*удерживая*).

Да что за нетерпѣнье?
Куда спѣшите вы? Итакъ — ужъ нѣтъ сомнѣнья.
Спектакль нашъ пойдетъ?

Вельскій.

Пойдетъ! Я слышу стукъ!

Посошковъ.

И вы увѣрены...

Вельскій.

Мнѣ, право, недосугъ! (*Смотритъ въ окно*).
Такъ точно! Дядюшка!

Посошковъ.

А можете-ль ручаться,
Что скоро будетъ онъ?

Вельскій.

Сейчасъ! Куда дѣваться?

Посошковъ.

Смотрите-же!

Вельскій (*въ сторону*).

Пошлю Честонова скорѣй!
(*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Посошковъ (*одинъ*).

Куда же вы? Чуть, чуть не изломалъ дверей.
Да что съ нимъ сдѣлалось? О чемъ онъ такъ хлопочетъ?
Когда ужъ и меня онъ выслушать не хочетъ,
Такъ видно чѣмъ-нибудь, а занятъ не шутя.
(*Смотритъ въ зеркало*).
Какой костюмъ! Я радъ и веселъ, какъ дитя!
Когда подумаешь, какъ мода прихотлива!
Что лучше этого? И прочно и красиво.
Такъ нѣтъ! Дай выдумать — и чтожъ? Дурацкій фракъ...
Ну, можно-ли сравнить?..

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Посошковъ и Волгинъ.

Волгинъ (*говоритъ человѣку, который за нимъ входитъ*).

Какъ нѣтъ? Ты врешь, дуракъ!
Я видѣлъ ихъ въ окно. (*Человѣкъ уходитъ*).

Посошковъ (*продолжаетъ смотрѣться въ зеркало, не замѣчая Волгина*).

Хоть въ этомъ я нарядѣ
Постарѣе кажусь, зато при первомъ взглядѣ
Замѣтенъ ужъ актеръ; во всѣхъ движеніяхъ жаръ,
Экспрессія, душа!...

Волгинъ (*глядя съ удивленіемъ на Посошкова*).

Что это за фигляръ?

Посошковъ.

Прочесть бы мнѣ теперь тирады двѣ изъ доли.
Во фракѣ все не то: нельзя и третьей доли
Таланта показать, всего важнѣй костюмъ.
(*Декламируя*).
Постой! — да, да! „Тебѣ наскучилъ этотъ шумъ,
„Такъ знай, сударыня, скажу тебѣ заранѣ,
„Что я...“—Опять забылъ!
(*Вынимаетъ роль*).

Волгинъ.

Въ узорчатомъ кафтанѣ...
Бормочетъ про себя... Такъ точно! это шутъ.

Посошковъ (*читая по роли*).

„Всѣ хитрости твои къ чему тебя ведутъ?
Что прибыли тебѣ въ увертюрѣ безполезной?
Скажи, безстыдная“...

Волгинъ (*ударивъ по плечу Посошкова*).

Послушай-ка, любезный!

Посошковъ.

Чего хотите вы? Кто-бъ это былъ таковъ?

Волгинъ.

Скажи пожалуйста...

Посошковъ.

Неужто Прямиковъ?
Кого намъ надобно?

Волгинъ.

Хозяина мнѣ нужно.

Посошковъ.

Хозяина? На что?

Волгинъ.

Мнѣ, право, не досужно
Ступай и доложи ему...

Посошковъ.

Какой чудакъ!
Конечно, Вельскій васъ сюда...

Волгинъ.

Да, точно такъ,
Я здѣсь для Вельскаго.

Посошковъ

Теперь я понимаю.

Волгинъ.

Ты хочешь знать, кто я таковъ?

Посошковъ.

Все знаю.
Мы ждали васъ...

Волгинъ.

Меня?

Посошковъ.

Ну, да! конечно, васъ;
Хоть съ вами видимся мы въ первый разъ.
Но я наслышался о вашемъ дарованьи;
Давно хотѣлъ васъ знать: теперь мое желанье
Исполнилось и я..

Волгинъ (*въ сторону*).

Какъ Тришка мой, точь въ точь!

Посошковъ.

Надеждой льщу себя... (*подаетъ Волгину руку*).

Волгинъ (*подавая ему также руку*).

Пожалуй! Я не прочь.
До вашей братьи я охотникъ пресмертельный,
Да ты-жъ, мнѣ кажется, и вовсе неподдѣльный,
Съ природы такъ. Давно-ль ты къ Любскому попалъ?

Посошковъ (*въ сторону*).

Ужъ не ошибся-ль я? Чтожъ это за нахалъ?
Спрошу!..

Волгинъ (*въ сторону*).

Ну, можно-ли, на эту рожу глядя,
Не треснуть со смѣху?..

Посошковъ.

Вѣдь вы должны быть дядя?...

Волгинъ.

Конечно, я! И что я этимъ дорожу,
Сегодня же при всѣхъ на дѣлѣ покажу.

Посошковъ.

Такъ точно—это онъ!

Волгинъ.

Мнѣ доказать не трудно...

Посошковъ.

Хоть изъясняетесь вы нѣсколько и чудно.
Но вашимъ истинно любуюсь я лицомъ;
Вы рождены, чтобъ быть комическимъ отцомъ.

Волгинъ.

Какимъ?

Посошковъ.

Комическимъ, и точно есть надежда,
Что въ вашемъ амплуа...

Волгинъ.

Что, что?

Digitized by Google

Посошковъ (*въ сторону*).

Да онъ невѣжда!

Волгинъ.

О чемъ ты говоришь?

Посошковъ.

Я говорю о томъ,
Что вы...

Волгинъ.

И я хорошъ, связался съ дуракомъ.
Послушай, братъ! Съ тобой я только время трачу,
А мнѣ-бы надобно...

Посошковъ.

Пущуся на удачу!—
Позвольте прежде мнѣ кой-что вамъ пояснить.
Характеръ вашъ: его не трудно вамъ схватить?
Онъ простъ; за то на васъ племянникъ не походитъ
И дядю, то-есть васъ, порядкомъ за носъ водитъ.

Волгинъ.

Ну такъ! Я это зналъ.

Посошковъ.

Племянникъ вашъ влюбленъ.
Такъ васъ обманывать невольно принужденъ.

Волгинъ.

Вотъ что! Прекрасную-жъ играть я долженъ ролю.

Посошковъ.

Да, роля хороша!...

Волгинъ.

И я себя позволю...

Посошковъ.

Послушайте! Когда я вмѣстѣ васъ свожу,
Вы скажете ему...

Волгинъ.

Я знаю, что скажу:
(*съ жаромъ*).
Безсовѣстный! Тебя какъ сына я родного,
Съ ребячества любилъ! Пусть дядю-бъ ты другого
Не ставилъ въ грошъ; а то, кого-жъ?—Меня, злодѣй:
Обманывать, срамить, и всѣхъ честныхъ людей
Заставить надо мной почти въ глаза, смѣяться!

Посошковъ.

Ого! Какой талантъ!

Волгинъ.

Прошу со мной не знаться!
Когда намѣренье тобою принято
Дурачить старика...

Посошковъ.

Прекрасно,—а не то!
Горячій этотъ тонъ вамъ вовсе не приличенъ.

Волгинъ.

Таковъ характеръ мой...

Посошковъ.

Онъ тѣмъ-то и отличенъ,
Что вы другихъ во всемъ гораздо холоднѣй.

Волгинъ.

Съ чего ты это взялъ?

Посошковъ.

Кому-же знать вѣрнѣй?
Вы смирный человѣкъ, ни бѣдны, ни богаты,
Не дальняго ума и даже глуповаты...

Волгинъ.

Кто? Я?

Посошковъ.

Ну, да! Вотъ весь характеръ вашъ.

Волгинъ.

Ты врешь!

Посошковъ.

Я вру? Какъ смѣли вы?...

Волгинъ.

Да что ты пристаешь?
Пошелъ, дуракъ!

Посошковъ.

Дуракъ! На что это похоже?
Позвольте вамъ сказать — за это бьютъ по рожѣ.

Волгинъ.

Эй, слушай, братъ, отстань!

Посошковъ.

Зажмите, сударь, ротъ!
Да, знаете-ль, кто вы? Вы сущій готтентотъ!
Вы варваръ, вы мужикъ, вы въ лицахъ вѣкъ прошедшій...

Волгинъ.

Эге! Да онъ не шутъ, а просто сумасшедшій.

Посошковъ.

Возможно ли! И какъ вамъ въ голову взошло!...
Какъ смѣли вы сказать...

Волгинъ.

Чтобъ худо не пришло,
Убраться поскорѣй!

Посошковъ.

Нѣтъ, кончено! Вамъ роли
Въ піесѣ не даю.

Волгинъ.

Ну, можно-ли по волѣ
Пускать такихъ людей?
(*Хочетъ идти*).

Посошковъ.

И кто вамъ право далъ!
Я васъ не выпущу. Куда!

Digitized by Google

Волгинъ.

Вотъ чортъ присталъ!

Посошковъ.

Не думаете-ль вы, что важную находку
Мы въ васъ нашли?

Волгинъ.

Ну, ну! Я дамъ тебѣ на водку,
Лишь только отвяжись! На, гривенникъ, возьми!

Посошковъ.

Какъ, гривенникъ! Кому!

Волгинъ.

Да полно, не шуми!
Я дамъ еще.

Посошковъ.

Какъ! что! Такъ дерзко насмѣхаться!
Да знаете-ль, что я...

Волгинъ.

Ахти! Онъ хочетъ драться?

Посошковъ.

Куда, сударь! Я васъ заставлю отвѣчать!

Волгинъ.

Ахъ, батюшки! Да онъ презлой! Пришлось кричать!
(*Бѣжитъ къ дверямъ и кричитъ*).
Послушайте!

Посошковъ (*становится въ дверяхъ*).

Я васъ не подпущу къ порогу.

Волгинъ (*кричитъ*).

Эй, кто-нибудь! Сюда!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Честоновъ.

Волгинъ.

Честоновъ! Слава Богу.

Посошковъ.

Ага! Вы струсили теперь!

Честоновъ.

Что здѣсь за шумъ?

Волгинъ.

Поди сюда, скорѣй!

Честоновъ.

Ба, ба, любезный кумъ!
Давно-ли здѣсь?

Волгинъ (*прячется за него*).

Постой! Дай отдохнуть немного.

Честоновъ.

Что сдѣлалось съ тобой?

Волгинъ.

Боитесь-ли вы Бога!
Къ чему держать такихъ опасныхъ дураковъ!

Посошковъ (*отводя Честонова*).

Позвольте васъ спросить—вѣдь это Прямиковъ?

Честоновъ (*въ сторону. Громко*).

Вотъ кстати!—Точно такъ.

Посошковъ.

Предерзкое творенье!
Какой трактирный тонъ, какое обращенье!
Такихъ людей, какъ онъ, животными зовутъ.

Волгинъ (*тихо Честонову*).

Скажи, пожалуйста! Безумный онъ, иль шутъ?

Честоновъ (*такъ-же*).

Да какъ тебѣ сказать? Я думаю—все вмѣстѣ.

Посошковъ (*Честонову*).

Я вовсе не бретеръ, но ежели до чести
Коснется кто моей, то, Боже сохрани!
Я этимъ не шучу.

Волгинъ (*Честонову*).

Эхъ, братецъ! Прогони
Его!

Посошковъ (*Честонову*).

Чтобъ я спустилъ такому грубіяну!
Во-первыхъ, съ нимъ играть рѣшительно не стану;
Хоть, правда, безъ него придется худо намъ,
Но, такъ и быть!

Честоновъ.

Да онъ совсѣмъ не нуженъ вамъ.

Посошковъ.

Вотъ то-то и бѣда! Актера нѣтъ другого.

Честоновъ.

Напротивъ, вашъ театръ идетъ безъ Прямикова.

Посошковъ.

Нѣтъ, шутите?

Волгинъ (*Честонову*).

Ну, чтожъ! Спровадь скорѣй его.

Честоновъ.

И чтобъ уладить все, ждутъ васъ лишь одного.

Посошковъ (*Волгину*).

Иду, бѣгу, сейчасъ! Мнѣ должно бы отчета
Отъ васъ потребовать...

Честоновъ (*отводя Посошкова*).

И, что вамъ за охота!
Онъ человѣкъ простой, къ тому же мнѣ родня...

Посошковъ.

Ну, если-бы не вы — узналъ-бы онъ меня!
(*Уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Волгинъ и Честоновъ.

Волгинъ.

Тьфу, чортъ его возьми! Насилу провалился!
Когда-бъ послушалъ ты, какъ онъ со мной бранился!
Сначала все шутилъ, да вдругъ передъ концомъ
И ну ругать меня: комическимъ отцомъ,
Невѣжой, мужикомъ,—вотъ такъ и лѣзъ на драку.
Охота же держать такого забіяку!
Нѣтъ! Тришка мой хоть золъ, а все-таки смирнѣй:
Съ нимъ можно пошутить, а этого не смѣй
Назвать и дуракомъ...

Честоновъ.

А ты назвалъ?

Волгинъ.

Такъ что-же!
По моему: дуракъ и шутъ—одно и то же.

Честоновъ.

Да, что онъ говорилъ съ тобой?

Волгинъ.

Какой-то вздоръ.
О ролѣ мнѣ твердилъ, какъ будто-бъ я актеръ;
Да это ничего — изъ этихъ словъ лишь видно,
Что вовсе онъ дуракъ; а вотъ что, братъ, обидно,
Что я теперь и самъ попался въ дураки.

Честоновъ.

Попался! Какъ?

Волгинъ.

А что? Чай, скажешь пустяки?
Вотъ этотъ глупый шутъ, и тотъ, сударь, находитъ,
Что дядю своего племянникъ за носъ водитъ:
А дядя-то вѣдь я!

Честоновъ.

Охота-жъ о пустомъ
Такъ долго толковать. Да дѣло не о томъ!
Зачѣмъ пріѣхалъ ты?

Волгинъ.

Зачѣмъ? Чтобъ изъясниться,
Ты это знаешь самъ.

Честоновъ.

Эхъ, братецъ! Торопиться
Не должно бы.

Волгинъ.

Я ждалъ и такъ четыре дня;
И буду ждать еще?

Честоновъ.

Да выслушай меня!
Не лучше-ль подождать и, выбравъ часъ свободный...

Волгинъ.

Чтобъ я, премьеръ-маіоръ и дворянинъ природный,
Позволилъ надъ собой шутить?

Честоновъ.

Съ чего ты взялъ?...

Волгинъ.

Съ чего? Такъ слушай-же! Племянникъ мнѣ писалъ,
Что онъ посватался, что все идетъ порядкомъ:
Дѣвица умная, хорошая, съ достаткомъ;
Что ей онъ нравится, и самъ въ нее влюбленъ;
Обласканъ дядею, родными ободренъ
И прочее. Вотъ я, ну! шить скорѣй наряды;
Домашнія дѣла: покосъ, жнитво, подряды —
Бросаю все, скачу,—пріѣхалъ наконецъ,
„Здорово, братъ! Ну, что! Когда же подъ вѣнецъ?
„Я мѣшкать не люблю, и на твоемъ-бы мѣстѣ
„Все мигомъ повернулъ. Вези меня къ невѣстѣ.
—„Ахъ, дядюшка, нельзя! Вѣдь Оленька больна.
„А Любскій?“—Нездоровъ.—„Такъ Любскаго жена“?...
—Могла-бы васъ принять, но также нездорова.
„Помилуй! Что за моръ? Неужто дали слово
„Всѣ разомъ захворать? Весь домъ въ постелю слегъ.
„Ну, такъ и быть! Я-жъ самъ съ дороги занемогъ:
„Такъ не-хотя пришлось мнѣ дома оставаться“.
Сегодня, лишь успѣлъ со мной ты распрощаться,
Вдругъ шасть ко мнѣ на дворъ—и кто-жъ! Кутермина!

Честоновъ.

Матрена Саввишна?

Волгинъ.

Ты знаешь, что она
Болтунья страшная.

Честоновъ.

За ней одно лишь дѣло:
Злословить всѣхъ.

Волгинъ.

А тутъ какъ будто онѣмѣла.
Я то, я се—молчитъ. Конечно, есть печаль,—
Подумалъ я. Спросилъ: „Да, батюшка, мнѣ жаль“.
—Кого, сударыня?—„О! если непремѣнно
„Ты хочешь знать—тебя! Признайся откровенно:
„Зачѣмъ ты прискакалъ?“—Племянника женить.
„Охота-же себя на старости срамить!“
—Какъ такъ? — „Да такъ! Тебя съ племянникомъ дурачатъ“.
—Но онъ ко мнѣ писалъ.—„Что эти письма значатъ!
„Пустое, вздоръ! Его бѣдняжку завели.
„Не вѣришь мнѣ? Такъ чтожъ! Попробуй и вели

Digitized by Google

„Узнать ему: когда его судьба рѣшится?
„А лучше и того, ступай-ка изъясниться
„И Любскихъ самъ спроси".—Спросить-то я
готовъ,
Да только у кого? Вѣдь Любскій нездоровъ,
Жена его больна, племянница въ постелѣ.—
„Какъ! Любскій нездоровъ? Неужто въ са-
момъ дѣлѣ?"
—Добро-бъ одинъ, а то, какъ на смѣхъ, вся
семья!—
„Давно-ли, мой отецъ?" — Объ этомъ слы-
шалъ я
Дня три тому назадъ.—„Дня три! Ахъ, мой
Создатель!
„Вчерась ихъ угощалъ гражданскій предсѣ-
датель,
„А нынче былъ у нихъ губернскій прокуроръ.
„Ну, видишь-ли теперь, что это все подборъ,
„И Любскіе тобой, какъ пѣшкою, играютъ".
—Какъ пѣшкою! Меня за пѣшку почитаютъ!
И послѣ этого прикажешь мнѣ молчать?
Молчать! Нѣтъ, чортъ возьми! Да я готовъ
кричать
Не только здѣсь, вездѣ—въ Москвѣ на лоб-
номъ мѣстѣ,
Что въ Любскихъ нѣтъ стыда, ни совѣсти,
ни чести,
Что братецъ твой...

Честоновъ.

Злодѣй! Что вся его семья,
Весь Любскихъ родъ: всѣ братья, сваты,
кумовья,
Сестрицы, тетушки въ двѣнадцатомъ колѣнѣ,
Всѣ внуки, правнуки и даже предковъ тѣни,
Тобой рѣшительно, навѣки прокляты—
Довольно, кажется? Теперь спокоенъ ты?

Волгинъ.

Да! Смѣйся, братъ! Куда смѣшно! Умора!

Честоновъ.

Мы долго продолжать не можемъ разговора
И такъ прошу мнѣ дать рѣшительный отвѣтъ,
Но только въ двухъ словахъ: ты хочешь,
или нѣтъ,
Чтобъ Вельскій былъ женатъ?

Волгинъ.

Хочу-ль, чтобъ онъ женился!
Да развѣ двѣсти верстъ я даромъ прока-
тился?
Нѣтъ, вздоръ! Хоть плачь, а мнѣ невѣсту
подавай!

Честоновъ.

Такъ дѣло кончено. Теперь, мой другъ, ступай
Скорѣй домой!

Волгинъ.

Домой?

Честоновъ.

Ты можешь быть спокоенъ:
Мнѣ Вельскій по сердцу, онъ Оленьки до-
стоенъ
И будетъ мужемъ ей—за это я берусь.

Волгинъ.

Нѣтъ, милый, извини! Пока не изъяснюсь,
Я съ мѣста не сойду.

Честоновъ.

Но это изъясненье
Поссоритъ васъ.

Волгинъ.

Такъ чтожъ?

Честоновъ.

Да, сдѣлай одолженье,
Послушайся меня! Ступай скорѣй домой!

Волгинъ.

И слышать не хочу.

Честоновъ.

Такъ знай, любезный мой,
Ты этой скоростью племянника погубишь.

Волгинъ.

Мнѣ все равно.

Честоновъ.

Равно? Такъ ты его не любишь?

Волгинъ.

Вотъ то-то и бѣда! Къ несчастію, люблю.
Ну, такъ и быть, изволь! Сегодня потерплю,
Но завтра ни за что; я больше не намѣренъ
Минуты ждать одной.

Честоновъ.

Сегодня-жъ, я увѣренъ,
Все будетъ кончено.

Волгинъ.

Ну, то-то-же, смотри!
Помолвка черезъ день, а свадьба черезъ три—
Даешь-ли слово мнѣ?

Честоновъ.

Да, да, мой другъ! Согласенъ.
Ступай!

Волгинъ (*идетъ и возвращается назадъ*).

Чтобъ былъ отвѣтъ рѣшителенъ и ясенъ,
Иль да, иль нѣтъ...

Честоновъ.

Я все порядкомъ поведу,
Лишь только уѣзжай скорѣй.

Волгинъ (*уходя*).

Иду, иду!
(*Возвращаясь*).
Смотри! Чтобъ Вельскому сегодня-жъ слово
дали:
Не то—въ кибитку съ нимъ, и поминай какъ
звали!

Честоновъ.

Уйдешь-ли ты?

Волгинъ.

Вѣдь я на это молодецъ,
И если ужъ рѣшусь...

Честоновъ.

Да будетъ-ли конецъ!

Digitized by Google

Волгинъ.

Иду! Но слушай, братъ, ты далъ мнѣ обѣщанье
(*Честоновъ показываетъ большое нетерпѣніе*).
И я... Ну, ну! Прощай покамѣстъ, до свиданья!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Честоновъ (*одинъ*) и потомъ Вельскій.

Честоновъ.

Уйдетъ-ли онъ? Ахти! Никакъ идетъ назадъ!
Ну, если какъ-нибудь съ нимъ встрѣтится мой братъ?
Бѣда! Нѣтъ! Кажется, уѣхалъ. Слава Богу!

Вельскій (*выглядывая изъ боковыхъ дверей*).

Что дядюшка?

Честоновъ.

Ушелъ. (*Вельскій выходитъ*). Надѣлалъ онъ тревогу!
Съ нимъ былъ соперникъ твой.

Вельскій.

Я это ожидалъ.

Честоновъ.

И если-бы меня позвать ты опоздалъ,
То плохо-бы ему пришлось отъ Посошкова.
Онъ дядю твоего почелъ за Прямикова,
А тотъ его назвать изволилъ дуракомъ —
Чуть, чуть не подрались. Но дѣло не о томъ:
Мнѣ Оленька во всемъ призналась откровенно;
Я нашъ открылъ ей планъ и должно непремѣнно
Сегодня кончить все. Какой сюрпризъ для всѣхъ!
И смѣло можно-бы ручаться за успѣхъ,
Да то бѣда—она ужасно боязлива.
Послушай, милый мой! Любовь краснорѣчива —
Повѣрь, одинъ твой взглядъ подѣйствуетъ сильнѣй,
Чѣмъ всѣ мои слова; а чтобъ успѣть вѣрнѣй,
Рѣшительно скажи, что средства нѣтъ другого.

Вельскій.

Она сюда придти сейчасъ дала мнѣ слово,
И, чтобъ склонить ее, я все употреблю.
Ахъ! Еслибъ знали вы, какъ я ее люблю!

Честоновъ.

Тѣмъ лучше, милый другъ! На свѣтѣ все непрочно;
Но добрая жена... Идутъ! Она? Такъ точно!
Смотри, не опоздай! У задняго крыльца
Карета въ шесть часовъ, а въ восемь отъ вѣнца.
Прощай, мой другъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вельскій и Оленька.

Вельскій (*идя навстрѣчу Оленькѣ*).

Съ какимъ я ждалъ васъ нетерпѣньемъ!
Все кончено! Одно осталось намъ спасеньемъ,
И если ужъ ничто не можетъ тронуть васъ,
Такъ знайте-же, что мы теперь, въ послѣдній разъ,
Не только говоримъ, но видимся другъ съ другомъ;
Что нынче-жъ вы должны назвать меня супругомъ
Иль, можетъ быть, со мной разстаться навсегда.

Оленька.

Разстаться? Боже мой! Нѣтъ, Вельскій! Никогда!

Вельскій.

А если завтра-же откажутъ мнѣ отъ дому?

Оленька.

Хотя рука моя обѣщана другому,
Хоть сердцемъ я могу лишь вамъ принадлежать,
Но долгъ забыть къ роднымъ, рѣшиться убѣжать...

Вельскій.

Такъ будьте-жъ имъ во всемъ, сударыня, послушны,
Когда къ судьбѣ моей вы вовсе равнодушны...

Оленька.

Ахъ, нѣтъ! Я вамъ клянусь!..

Вельскій.

Что значатъ всѣ слова?
Что клятвы всѣ! Когда священныя права
И дружбы и любви и все—забыто вами!
Любви, въ которой мнѣ сто разъ клялись вы сами,
Мечтая съ радостью о томъ счастливомъ днѣ,
Когда я буду вашъ на вѣкъ! Ахъ! Вѣрьте мнѣ,
Что счастіе мое, а можетъ быть и ваше
Въ рукахъ теперь у васъ. Я все сказалъ Наташѣ.
Сегодня въ шесть часовъ насъ будетъ ждать къ себѣ
Вашъ дядюшка. Когда и онъ въ моей судьбѣ
Участіе беретъ (*бросаясь на колѣно*) такъ вы-ли захотите...

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, Любскій и Посошковъ.

Любскій.

Что вижу! Боже мой!...

Посошковъ.

Эхъ! Тише, не шумите!

Вельскій (*не видя Любскаго и Посошкова*).

Минуты дороги—рѣшайтеся скорѣй!

Любскій.

Возможно-ли! Одна!..

Посошковъ.

Такъ чтожъ?

Digitized by Google

Любскій.

И Вельскій съ ней...

Посошковъ.

Да какъ-же иначе? Они проходятъ роли.

Вельскій.

И вы колеблетесь! Когда отъ вашей воли
Зависитъ все...

Любскій.

Какъ смѣть!....

Посошковъ.

Еще! Какой болтунъ!

Вельскій.

Рѣшитесь быть моей!...

Посошковъ (*Любскому*).

Тутъ входитъ опекунъ.
(*Подходитъ къ Вельскому и Оленькѣ*).
Ага, сударыня! Попались!

Оленька.

Ахъ, Боже мой!

Вельскій (*въ сторону*).

Ай, ай.

Посошковъ.

„Чего-жъ вы испугались?
„Вѣдь я не мужъ, а только что женихъ.
„Гдѣ видано! Застать вдвоемъ—однихъ!
„Да какъ вы смѣли!
„Къ чему, сударыня, зачѣмъ онъ съ вами былъ?
„Что матушка! Я вижу, онѣмѣли"!...
„А васъ, сударь... А васъ"... Кой чортъ! Опять забылъ.
(*Вынимаетъ роль и читаетъ по ней*).
„А васъ, сударь велю"...
(*Вельскому*). Подвиньтеся немножко!
„Велю сейчасъ я выкинуть въ окошко!
„И этотъ сорванецъ, и этотъ глупый франтъ
„Подумать смѣлъ, что я"... (*Любскому*). Вотъ, батюшка, талантъ!
Вотъ геній истинный! Смотрите, удивляйтесь!
Каковъ испугъ?

Любскій (*съ досадою*).

Хорошъ.

Посошковъ.

Да что-же! Восхищайтесь!
Взгляните на него! Какъ истуканъ стоитъ!
(*Оленькѣ*). И вы? Брависсимо! Какой смущенный видъ!
Вотъ это мимика! Смотрите, поблѣднѣла!
Давно-ль двухъ словъ сказать порядкомъ не умѣла?
А все вѣдь я!... (*Вельскому*). Одно замѣтить должно вамъ,—
Напрасно вы къ ея бросаетесь ногамъ,—
Оно не худо-бы, да слишкомъ театрально.
Но испугались вы...

Любскій (*поглядывая на Вельскаго*).

Да! Очень натурально.
(*Тихо Оленькѣ*).
Сто разъ я говорилъ, не быть наединѣ!
Негодная! (*Громко*). Ступай въ гостиную, къ женѣ. (*Оленька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Оленьки. Извѣдовъ (*входитъ изъ среднихъ дверей*).

Любскій (*Извѣдову*).

Ну, что? Ты былъ въ саду?

Вельскій.

Обѣгалъ всѣ дорожки:
Его тамъ нѣтъ.

Любскій.

Вели запречь скорѣе дрожки
И съѣзди самъ къ нему. (*Извѣдовъ уходитъ и тотчасъ возвращается*).
Бирюлькинъ нашъ пропалъ.

Посошковъ.

Да что съ нимъ сдѣлалось? На пробѣ онъ все спалъ.
Забылъ всѣ выходы, разъ двадцать ошибался...

Любскій.

Вотъ я его пугну! Совсѣмъ избаловался (*Вельскому*).
А что-же твой Андрей Степанычъ Прямиковъ?

Вельскій.

Ушелъ домой.

Любскій.

Эхъ, жаль!

Посошковъ.

Я повторить готовъ
Въ немъ есть талантъ; но съ нимъ играть,—слуга покорный!
Онъ страшный грубіянъ и человѣкъ превздорный.
Къ тому-жъ и безъ него у насъ охотниковъ есть:
(*Извѣдову*). Ты, кажется, взялся?

Извѣдовъ (*кланяясь*).

Я чувствую всю честь
Актеромъ въ труппѣ быть, гдѣ важныя особы...

Посошковъ.

Я думаю, что ты сыграешь и безъ пробы?

Извѣдовъ.

Извольте, я готовъ.

Любскій.

Смотри, не осрамись!

Извѣдовъ.

Кто? Я, сударь?

Любскій.

Да, ты! Не больно, братъ, храбрись!
Я что-то за тебя ужасно какъ робѣю.

Извѣдовъ.

Но ролю выучить я къ вечеру поспѣю.

Digitized by Google

Посошковъ.

И! Какъ не выучить! Она не велика. (*Входитъ слуга*).

Слуга (*подавая Любскому письмо*).

Письмо, сударь!

Любскій.

Подай! Знакомая рука...
Бирюлькинъ! Что за вздоръ!... Какъ! Что!...
Ахъ, мой Создатель!
Возможно-ли! Злодѣй! Разбойникъ и предатель!

Вельскій.

Что съ вами сдѣлалось?

Любскій.

Что сдѣлалось! Нѣтъ силъ!
(*Подаетъ письмо Посошкову*).
Прочти!

Посошковъ (*читаетъ*).

„Милостивый государь и благодѣтель! Убѣдясь просьбами всѣхъ моихъ знакомыхъ и чувствуя самъ, что въ мои лѣта не прилично быть актеромъ, я рѣшился не играть сегодня и возвращаю при семъ мою роль. Должные мною тысячу рублей по векселю, съ глубочайшей моей благодарностію, завтрешняго числа не премину къ вамъ доставить. — По гробъ обязанный вами и всепокорнѣйшій слуга Максимъ Бирюлькинъ".

Любскій.

Что скажешь, братъ?

Посошковъ.

Да кто его подбилъ?

Любскій.

Весь городъ—всѣ!

Посошковъ.

И, нѣтъ! Какой-нибудь проказникъ
Не кстати пошутилъ...

Любскій.

Чтобъ нашъ испортить праздникъ!
И послѣ этого театры затѣвай!
Придумывай, трудись, здоровье убивай,
Тѣшь этихъ неучей! Давай пиры и балы!
О, варвары! Мордва!... Чуваши!... Камчадалы!...
Вамъ хочется самимъ? Извольте, господа!
Театръ мой не пойдетъ.

Вельскій (*въ сторону*).

Вотъ новая бѣда!

Любскій.

Неблагодарные!

Вельскій.

За чтожъ на всѣхъ сердиться?

Любскій.

Посмотримъ, безъ меня какъ станутъ веселиться!

Посошковъ.

Повѣрьте мнѣ—всему виной Кутермина.

Любскій.

Матрена Саввишна?

Посошковъ.

Она сотворена
На эти мерзости.

Любскій.

Ну, такъ! Она хотѣла
Сгубить меня за то, что я... Да что за дѣло!..
Она, иль нѣтъ—теперь и самъ я не хочу:
Велю сломать театръ, въ деревню ускачу...

Посошковъ.

Постойте! Точно такъ! Театръ мы не отложимъ.

Любскій (*съ радостью*).

Неужели?...

Посошковъ.

Да, да! Мы все поправить можемъ:
Но мѣры сильныя теперь намъ должно брать:
Извѣдовъ можетъ роль Бирюлькина сыграть,
И очень будетъ милъ въ Антропкиномъ нарядѣ;
А вы попробуйте,—сыграйте ролю дяди.

Любскій.

Кто? Я? Въ умѣ ли ты? Съ чего ты взялъ?
Да я и съ молоду актеромъ не бывалъ.

Вельскій.

Всему начало есть.

Посошковъ.

Попробуйте, начните!

Любскій.

Нѣтъ, братецъ! Ни за что!

Посошковъ.

Такъ вы себя вините,
Что нашъ театръ нейдетъ; я средство вамъ даю.

Любскій.

Я знаю наизусть комедію твою
И могъ-бы, кажется мнѣ роль учить не надо...
Да нѣтъ! Нельзя никакъ!

Посошковъ.

Ужъ какъ-же будетъ рада,
Матрена Саввишна! Начнетъ по всѣмъ домамъ
Скакать, разсказывать, шутить—заѣдетъ къ вамъ...

Любскій.

Ко мнѣ? Нѣтъ, душенька! И носу не покажетъ.

Посошковъ.

Куда бы ни взошла—поклонъ и тотчасъ скажетъ:
„Что, матушка, каковъ вчерась спектакль былъ?
„Ужъ вѣрно Любскій васъ отлично угостилъ;
„Сбирался цѣлый годъ: такъ диво-ли?...

Digitized by Google

Любскій.

Злодѣйка!

Посошковъ.

„Вѣдь у него ребромъ послѣдняя копѣйка.
—Театра не было. — „Такъ что-же онъ кричалъ?
„Зачѣмъ такъ чванился?—По выбору всѣхъ звалъ?
„Къ чему?—Да онъ и тѣмъ быть долженъ благодаренъ,
„Что ѣздили къ нему!—Ну, что за важный баринъ?
„Съ его-ль имѣньишкомъ мотать?...“

Любскій.

Ахъ! Чортъ возьми!...

Посошковъ.

„Пусть это водится межъ знатными людьми;
„А онъ-то что?...“

Любскій.

Какъ, что!

Посошковъ.

„На дѣло не похоже!
„А ужъ хвастунъ какой! Хвастунъ—избави Боже!
—„Сегодня принимать гостей я не велю—
„Я такъ усталъ! Одинъ весь городъ веселю,
„Театры завожу, актеровъ набираю...
—„Анъ, вотъ вашъ и театръ!“

Любскій.

Такъ вретъ она! Играю!

Посошковъ.

Рѣшились наконецъ! Теперь мы спасены.

Любскій.

Я знаю, мнѣ житья не будетъ отъ жены:
Да такъ и быть! Пойдемъ!

Посошковъ.

Я думаю на сцену?
Тамъ лучше роль пройти.

Любскій.

А что-же я надѣну?

Посошковъ.

Кафтанъ, большой парикъ...

Любскій.

Да въ немъ на дурака
Я буду походить! Нельзя-ль безъ парика?

Посошковъ.

Никакъ нельзя: таковъ характеръ вашей роли.

Любскій.

Хорошъ же буду я! Куда красивъ! Въ камзолѣ,
Въ косматомъ парикѣ... въ узорчатыхъ чулкахъ...

Вельскій.

За то, подумайте! Кто будетъ въ дуракахъ!

Посошковъ.

Что этой можетъ быть пріятнѣе награды:
Матрена Саввишна задохнется съ досады!

Извѣдовъ.

Да, ништо ей! А мы поставимъ на своемъ.

Любскій.

Такъ пусть задохнется! Негодная!... Пойдемъ! (*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ комнату позади домашняго театра, на правой и лѣвой сторонѣ двери; прямо небольшая лѣсенка, приставленная къ дверямъ, которыми входятъ на сцену; нѣсколько креселъ, два стола и большое зеркало.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Любскій (*сидитъ*), Посошковъ (*растираетъ ему лицо*), парикмахеръ (*держитъ парикъ*). Слуга.

Любскій (*одному слугѣ*).

По окнамъ шкалики, а плошки на крыльцо:
Ступай! (*Слуга уходитъ*). Эхъ, полно, братъ!
Испачкалъ все лицо.
Да будетъ-ли конецъ?

Посошковъ.

Еще одну морщину;
Вѣдь вы играете не среднихъ лѣтъ мужчину,
Вамъ должно походить лицомъ на старика.
Взгляните на меня! Да, лѣвая щека
Блѣднѣй; а вотъ сейчасъ мы разомъ подрумянимъ.
Сидите-же смирнѣй! Вотъ такъ! Теперь мы станемъ
Прилаживать парикъ! Подай!
(*Беретъ парикъ и надѣваетъ на Любскаю*).

Любскій.

Ну что, надѣлъ?

Посошковъ.

Постойте! Надобно, чтобъ ловко онъ сидѣлъ.

Любскій.

Ай! Волосы дерешь! Терпѣнія не стало!

Посошковъ.

Мнѣ кажется парикъ напудренъ очень мало—
(*Парикмахеру*). Вотъ съ этой стороны!

Любскій.

Да полно! Не тирань!
Пусти меня!

Посошковъ.

Сейчасъ!
(*Парикмахеръ пудритъ Любскаю*).

Digitized by Google

Любскій (*вспрыгиваетъ съ кресель*).

Довольно! Перестань!

Посошковъ (*парикмахеру*).

Пошли Извѣдова.

Любскій (*смотрясь въ зеркало*).

Ну, такъ! Уродъ уродомъ!
И кто могъ слѣдовать такимъ дурацкимъ модамъ?
Какой нечистый духъ придумалъ парики!
Да ништо мнѣ! Пошелъ охотой въ дураки...

Посошковъ.

А мнѣ такъ кажется, что въ этомъ вы нарядѣ...

Любскій.

Да, батюшка, красивъ! И спереди и сзади
Святочной пугало.

Посошковъ.

Охота-жъ вамъ терзать
Самихъ себя...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Извѣдовъ (*изъ среднихъ дверей*).

Извѣдовъ (*Посошкову*).

Что вамъ угодно приказать?

Посошковъ.

Готово-ль у тебя?

Извѣдовъ.

На сценѣ все готово.

Любскій.

А что, который часъ?

Извѣдовъ.

Три четверти седьмого.

Любскій.

Чтожъ Оленька нейдетъ?

Посошковъ.

Я къ ней сейчасъ послалъ;
А Вельскій гдѣ? И онъ опаздывать ужъ сталъ,
Я прежде не зналъ за нимъ привычки этой.

Извѣдовъ.

Онъ изъ дому хотѣлъ совсѣмъ уже одѣтый
Пріѣхать въ шесть часовъ.

Посошковъ.

Нельзя жъ ему забыть,
Что ровно въ семь часовъ на сценѣ должно быть.
(*Входитъ слуга*).

Любскій.

Ну, что ты?

Слуга.

Доложить, что начали съѣзжаться.

Любскій.

Ухъ! Сердце замерло! Хоть вовсе отказаться.

Посошковъ.

Помилуйте!

Любскій.

Да я навѣрно осрамлюсь,
Я знаю наперед, лишь только появлюсь,
Всѣ лопнутъ со смѣху.

Посошковъ.

Ахъ, какъ вы малодушны!
Не стыдно-ли?

Любскій.

Боюсь!

Посошковъ.

Да будьте же послушны
Разсудку вашему. Чего бояться вамъ?
(*Слуга*). Ступай! Проси сюда скорѣе нашихъ дамъ.

Любскій.

Эй, братецъ, быть бѣдѣ! Не даромъ лихорадка
Меня трясетъ.

Посошковъ.

Да вы сыграете...

Любскій.

Прегадко!
Я-жъ въ этомъ парикѣ на чучелу похожъ...
Ахъ, батюшки мои! То броситъ въ жаръ, то въ дрожь!

Посошковъ.

Неужели на васъ не дѣйствуютъ примѣры?
Ну вотъ, боюсь-ли я?

Любскій.

Не выпить-ли мадеры?

Посошковъ.

Помилуйте! Зачѣмъ? Чтобъ ролю позабыть?

Любскій.

Хоть рюмочку одну

Посошковъ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Любскій.

Да какъ-же быть!
Смотри, я весь дрожу.

Посошковъ.

Вамъ это не поможетъ.
И что, скажите мнѣ, такъ сильно васъ тревожитъ?
Вы знаете, у насъ партеръ не прихотливъ,
Сыграйте какъ-нибудь!

Любскій.

Ты видишь, я чуть живъ.

Посошковъ.

Добро, останьтесь здѣсь; а я пойду на сцену.

Digitized by Google

Любскій.

Нѣтъ, вѣчно не прощу Бирюлькину измѣну!
По милости его теперь я въ западнѣ.

Посошковъ.

Когда сберутся всѣ, махните только мнѣ,
И я ведю начать тотчасъ же увертюру.

Любскій (*смотрясь въ зеркало*).

И эту глупую, несчастную фигуру
Я долженъ выставить сегодня на показъ!
Добро-бъ я былъ талантъ.

Посошковъ.

Таланта много въ васъ.
Хотя замѣтна въ немъ какая-то незрѣлость,
Но это ничего: вы знаете, что смѣлость
Береть и города. Смѣлѣй, сударь, смѣлѣй!
(*Уходитъ на сцену*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, безъ Посошкова.

Любскій.

Да, да! Толкуй! А все по милости твоей.
Нѣтъ, душенька! Впередъ театра не затѣешь! (*Извѣдову*).
Признайся, братъ! И ты немножечко робѣешь?

Извѣдовъ.

Кто! Я-съ?

Любскій.

Чай, скажешь, нѣтъ?

Извѣдовъ.

Такъ это въ первый разъ,
Помилуйте! Ну, что за публика у васъ?
Кого робѣть? друзья, пріятели, старушки,
Полъ-дюжины дѣтей. Да это что! Игрушки!
И роля-то моя всего странички двѣ.
Нѣтъ, сударь! Въ старину, какъ я игралъ въ Москвѣ,
Такъ есть чего робѣть: не мало и не много
Три тысячи персонъ. А судятъ-то какъ строго!
Ужъ милости отъ нихъ не жди и не проси:
Какъ шикать примутся, такъ Боже упаси.
Бѣда! Не такъ, какъ здѣсь: тамъ публика
Соврать не смѣй!

Любскій.

А вотъ идетъ сюда Наташа.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Наташа (*входитъ съ лѣвой стороны и бѣжитъ на сцену*).

Наташа (*не видя Любскаго*).

Гдѣ Федоръ Львовичъ? Гдѣ?

Любскій.

Куда бѣжишь? Куда?
Я здѣсь.

Наташа.

Ахъ, Боже мой!

Любскій.

Кто сдѣлалось?

Наташа.

Бѣда!

Любскій.

Ахти! Спектакль нашъ нейдетъ?

Наташа.

Ахъ, сударь! Хуже!
Вѣдь Ольга Дмитріевна...

Любскій.

Племянница? Да ну-же!
Злодѣйка, говори!

Наташа.

Она...

Любскій.

Я жду всего!...
Съ ней дурно сдѣлалось?

Наташа.

Охъ! это-бъ ничего:
А то какъ вздумаю... Какое приключенье!
Какой ударъ!

Любскій.

Ну, вотъ, прошу имѣть терпѣнье!
Негодная! Да, что?

Наташа.

Она...

Любскій.

Занемогла?

Наташа.

Нѣтъ, хуже...

Любскій.

Что за вздоръ?

Наташа.

Она, сударь... Ушла!

Любскій.

Ушла?... Куда?... Зачѣмъ?... Не можетъ статься

Извѣдовъ (*тихо Наташѣ*).

Такъ барышня твоя...

Наташа (*также*).

Уѣхала вѣнчаться.

Любскій.

Ушла?... Нѣтъ, нѣтъ! Ты врешь!

Наташа.

Я все вамъ разскажу:
Вотъ съ часъ тому назадъ, въ уборной я сижу,
И барышня со мной, совсѣмъ уже одѣта:
Вдругъ, къ заднему крыльцу подъѣхала карета...

Любскій.

Ну, ну!

Digitized by Google

Наташа.

Дверь скрипнула и кто-то на крыльцо
Тихонечко взошелъ; глядь барышнѣ въ лицо,
Она—какъ смерть!

Любскій.

Ну, ну.

Наташа.

Заплакала, вскочила,
Накинула платокъ и въ дверь...

Любскій.

А ты пустила?...

Наташа.

Эхъ, сударь! Слушайте!

Любскій.

Ну, ну!

Наташа.

Я вслѣдъ за ней.
Выходимъ на крыльцо; гляжу—въ сѣняхъ лакей,
Онъ подъ руку ее; тутъ барышня взглянула
Такъ жалко на меня, платочкомъ мнѣ махнула,
Въ карету прыгъ! И слѣдъ простылъ...

Любскій.

А ты?—Ну, ну!

Наташа.

Не вспомнилась.

Любскій.

И ты не кликнула жену,
Людей, весь домъ?...

Наташа.

Безъ чувствъ я цѣлый часъ лежала,
А послѣ кажется—да, точно такъ—кричала.

Любскій.

Злодѣй-то кто?

Наташа.

Да какъ увидѣть въ темнотѣ?
Помилуйте!

Любскій.

Ты врешь! Нѣтъ, душенька! Не тѣ
Уловки у тебя! Ты знала шашни эти.

Наташа.

Кто? Я-съ?

Любскій.

Да, ты! Сейчасъ скажи, кто былъ въ каретѣ?

Наташа.

Сказать навѣрное не смѣю я никакъ,
А Вельскій кажется...

Любскій.

Ахъ, старый я дуракъ!
Такъ точно! Это онъ.

Наташа.

Я, впрочемъ, не ручаюсь.

Любскій.

Молчи, негодная! Чего-жъ я дожидаюсь?
Пошлю!—Пойду!—Куда?—Я вовсе безъ ума...
(*Наташѣ*). Пошли жену!

Наташа.

Да вотъ она идетъ сама.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Любская.

Любская.

Ахъ, я несчастная! Ну, сгибла да пропала!
Вотъ грѣхъ какой!

Любскій.

Ага! Теперь ты плакать стала,
Безумная!

Любская.

Кричи, сударикъ мой, кричи!

Любскій.

Чего смотрѣла ты?

Любская.

А ты, сударь?

Любскій.

Молчи!

Любская.

Чтобъ стала я молчать! Нѣтъ, батюшка, довольно!
Вѣкъ цѣлый поступать ты хочешь самовольно,
А я должна...

Любскій.

Жена!

Любская.

Такъ нѣтъ, не замолчу!
Терпѣть не буду я, не стану, не хочу!
Все выскажу...

Любскій.

Жена!

Любская.

Ну, вотъ твои затѣи,
Вотъ глупый твой театръ! Актеры всѣ — злодѣи,
Губители твои, и даже Посошковъ.
Кого ты набралъ въ домъ? — Фигляровъ, дураковъ;
Срамилъ себя, моталъ, разстроилъ все имѣнье.
Что праздники твои? — Безпутство, разоренье!
А твой театръ...

Любскій.

Жена!

Любская.

Разбойничій вертепъ!
Скажи мнѣ, батюшка, иль вовсе ты ослѣпъ

Digitized by Google

Бывало, при тебѣ, шушуканье, безстыдство
Одно лишь на умѣ, амуры, волокитство,—
И съ кѣмъ? — Съ племянницей! Чтожъ вышло, наконецъ?
Она изъ-за кулисъ бѣжала подъ вѣнецъ.
Не я-ль сто разъ одно и то-же говорила...

Любскій.

Ты только объ одномъ, сударыня, вопила,
Что деньги трачу я...

Любская.

А кто твердилъ о томъ,
Что должно запереть отъ Вельскаго нашъ домъ
И выдать поскорѣй племянницу—злодѣйку!
Да я-бы отдала послѣднюю копѣйку,
Лишь только-бъ этотъ срамъ поправить чѣмъ-нибудь,
Лишь только-бъ этотъ грѣхъ... Нѣтъ силъ! Стѣснило грудь!
(*Падаетъ на кресло*).

Наташа.

Пойдемте къ вамъ...

Любская.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Пускай умру при мужѣ!
Ахъ, душно!—Смерть моя!

Любскій.

Часъ отъ часу все хуже!

Наташа (*ищетъ въ карманахъ*).

Куда дѣвался спиртъ?

Извѣдовъ (*подавая бутылку со стола*).

Вотъ здѣсь ло-де-лаванъ.

Наташа.

Подай сюда!
(*Льетъ Любской на голову и третъ виски*).

Любскій (*кричитъ*).

Воды! Скорѣй воды стаканъ!

Любская (*хватаетъ себя за голову и вскакиваетъ*).

Ахъ, Боже мой! Ты вѣкъ останешься скотиной!
Ну, что ты, дура, льешь! Бутылка два съ полтиной.
Подай! (*Беретъ бутылку и прячетъ въ ридикюль*).

Любскій (*глядитъ въ окно*).

Смотрите-ка! Полнехонекъ весь дворъ!
Каретъ до двадцати!

1-й слуга.

Пріѣхалъ прокуроръ!
(*Уходитъ*).

Любскій.

Зачѣмъ я звалъ его! Вѣдь онъ московскій житель,
Насмѣшникъ, зубоскалъ!

2-й слуга.

Губернскій предводитель.
(*Уходитъ*).

Любскій.

И вѣрно не одинъ, съ невѣсткой и женой!
Съѣзжайтесь, господа! Потѣшьтесь надо мной!

3-й слуга (*вбѣгаетъ запыхавшись*).

Его сіятельство!..

Любскій.

Гражданскій губернаторъ!

3-й слуга.

И съ нимъ пріѣзжій князь. (*Уходитъ*).

Любскій.

Возможно-ли! Сенаторъ!
Зачѣмъ?

Наташа.

Его Авдѣй Михайлычъ пригласилъ.

Любскій.

Негодный Посошковъ! И кто его просилъ!
Подай его!

Извѣдовъ (*подходитъ къ среднимъ дверямъ и кричитъ*).

Авдѣй Михайловичъ! Два слова!

Наташа (*Любскому*).

Онъ сдѣлать вамъ сюрпризъ хотѣлъ.

Посошковъ (*показываясь въ дверяхъ*).

Что? Все готово?
Сейчасъ! (*Уходитъ*).

Любскій.

Постой! Постой! Куда бѣжишь? Зачѣмъ?
(*За кулисами начинаютъ играть увертюру*).
Что слышу! Музыка!.. Прирѣзали совсѣмъ!
Все кончено! Погибъ! Куда себя я дѣну?
Гдѣ спрятаться?..

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Посошковъ (*сходитъ постепенно внизъ*).

Посошковъ.

Ну, что нейдете вы на сцену?

Любскій.

Идти? Куда идти?... На что?... Зачѣмъ?... Къ чему?
Ну! что молчишь?

Посошковъ.

Играть пора.

Любскій.

Играть?.. Кому?
Играй, голубчикъ мой! Играй! И точно кстати!
Не хочешь-ли одинъ попрыгать на канатѣ?

Посошковъ.

Что съ вами сдѣлалось?

Digitized by Google

Любскій.

Со мною?... Ничего!
Я здѣсь... а Вельскій гдѣ?

Посошковъ.

Неужто нѣтъ его?

Любскій.

А гдѣ племянница?...

Посошковъ.

Какъ гдѣ?

Любскій.

Я жду отвѣта.
Ну, что-же? Говори!

Посошковъ.

Она была одѣта—
Я это видѣлъ самъ.

Наташа.

И даже прежде всѣхъ.

Посошковъ.

Что съ нею сдѣлаться могло?

Любская.

Такой-то грѣхъ,
Что вымолвить нельзя!

Любскій.

Ступай къ своей невѣстѣ!
Ступай! Ищи ее!... Она и Вельскій вмѣстѣ.

Посошковъ.

Какъ вмѣстѣ? Гдѣ? — Такъ чтожъ! Зовите ихъ сюда.

Любскій.

Такъ знай: племянница ушла.

Посошковъ.

Ушла? Куда?
Возможно-ль! Какъ ушла?

Наташа.

Да такъ, какъ всѣ уходятъ.

Любскій.

Что, видишь-ли теперь? — Вотъ роли какъ проходятъ!

Посошковъ.

Уйти... когда гостей полнехонекъ весь дворъ!

Любская.

Когда назначены помолвка и сговоръ!

Посошковъ.

Какъ будто-бъ убѣжать и завтра не успѣла!
Ахъ, Боже мой!

Любскій.

Тебѣ, голубчикъ мой, за дѣло!

Посошковъ.

Да я чѣмъ виноватъ?

Любскій.

Кто въ петлю-то втащилъ
Себя, меня, всѣхъ насъ — зарѣзалъ, погубилъ?
Злодѣй! Не ты-ль завелъ всѣ эти представленьи?
По милости твоей въ какомъ мы положеньи?
Что дѣлать намъ?

Посошковъ.

Театръ вамъ должно отказать.

Любскій.

Но какъ и для чего?

Посошковъ.

Вы можете сказать,
Что Оленька больна.

Любскій.

И всѣ единогласно
Начнутъ кричать...

Любская.

Къ чему убытчиться напрасно!
Отказывай скорѣй!

Любскій.

Эхъ, матушка! Молчи!

Любская (*Извѣдову*).

Ступай, вели гасить всѣ лампы и свѣчи!

Любскій.

Зачѣмъ, сударыня! Все думаешь о вздорѣ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Честоновъ.

Любскій (*идя къ нему навстрѣчу*).

Ты здѣсь? Поди сюда! Ты слышалъ наше горе?

Честоновъ.

Какое горе?

Любскій.

Какъ! Не знаешь ничего?
Вѣдь Оленька...

Честоновъ.

Ушла.

Любскій.

Ты слышалъ? Отъ кого?

Честоновъ.

Я видѣлъ ихъ.

Любскій.

Ага, голубчики! Попались!
Ну, гдѣ-жъ они? Пойдемъ!

Честоновъ.

Они при мнѣ вѣнчались.

Любскій.

Возможно-ли! Они вѣнчались при тебѣ?...
И ты?...

Digitized by Google

Честоновъ.

Послушай, братъ! Противиться судьбѣ
Не должно и нельзя.

Любскій.

Эге, сударь! Такъ стало
Вы были за одно?

Честоновъ.

Сердиться пользы мало:
Они обвѣнчаны. — Что думать, братъ, рѣшись!

Любскій.

Простить племянницу?

Честоновъ.

Да полно, не сердись.
Что сдѣлано, того поправить невозможно.

Любскій.

Чтобъ я простилъ ее! Она, сударь, безбожно,
Злодѣйскимъ образомъ зарѣзала меня.
Представь себѣ, пойдетъ какая болтовня:
Прибавки, выдумки, разспросы, пересуды!
И завтра же ко мнѣ пріятели—Іуды
Нагрянутъ всѣ! А что мнѣ будетъ отъ старухъ!
Начнутъ терзать меня не шопотомъ, а вслухъ;
Питать мораль, бранить, ругать, давать совѣты;
Засудятъ, заказнятъ; а здѣшнія газеты—
Матрена Саввишна!... Нѣтъ! Вѣчно не прощу!

Честоновъ.

Но выслушай!...

Любскій.

Нѣтъ, нѣтъ!

Честоновъ.

Пожалуй, замолчу.
А жаль! Они теперь сыграли-бъ превосходно.

Любскій.

Что, что?

Честоновъ.

Такъ, братецъ, вздоръ! Вамъ это неугодно—
Такъ чтожъ и говорить.

Любскій.

Ты холоденъ, какъ ледъ,
Тогда какъ я—твой братъ...

Честоновъ.

Спектакль вашъ пойдетъ,
И даже не съ тобой, мой другъ! Съ другимъ актеромъ.

Любскій.

Неужели пойдетъ?

Честоновъ.

Но только съ уговоромъ:
Прости племянницу.

Любскій.

Нѣтъ, братецъ! Ни за что!

Честоновъ.

О, если такъ! Прощай! (*Хочетъ идти*).

Любскій.

Постой! Да я не то
Хотѣлъ сказать... Злодѣй! Какъ онъ меня терзаетъ!
Добро! Ужъ такъ и быть... пускай она играетъ.

Честоновъ.

Такъ ты прощаешь ихъ? Ну, милый, очень радъ!

Любскій.

Да, да! Я.... завтра ихъ прощу.

Честоновъ.

Нѣтъ, шутишь, братъ!
Теперь, иль никогда.

Любскій.

Такъ вздоръ! Я не намѣренъ...

Честоновъ.

О, если такъ... (*Хочетъ идти*).

Любскій.

Постой! Да точно-ль ты увѣренъ,
Что нашъ театръ...

Честоновъ.

Пойдетъ.

Любскій.

Что-жъ выкупитъ меня?

Честоновъ.

Найдемъ кого-нибудь.

Любскій.

Кого? Моя родня,
Пріятели, весь свѣтъ составленъ изъ злодѣевъ.

Честоновъ.

А прежній другъ — Сергѣй Ивановичъ Лилѣевъ?

Любскій.

Возможно-ли?

Честоновъ.

Я съ нимъ объ этомъ говорилъ.
Вы съ нимъ поссорились, но я васъ помирилъ.

Любскій.

Да точно-ли?...

Честоновъ.

Ужъ я за это отвѣчаю.

Любскій.

Ну! Дѣлать нечего! Изволь, мой другъ!.. Прощаю!
Давай-же ихъ окорѣй!

Любская.

А я такъ не прощу.

Digitized by Google

Любскій,

Вотъ выскочка! Когда ужъ я простить хочу,
Такъ кстати-ли тебѣ!..

Честоновъ.

Сестра! Побойся Бога!
Вѣдь ты ихъ уморишь!

Любская.

Туда имъ и дорога!

Любскій.

Жена!

Любская.

Ну, слыхано-ль! Невѣстѣ уходить!

Честоновъ.

А что-бъвамъ стоило ихъ свадьбу снарядить?
Скромненько обвѣнчать нельзя: не тѣ ужъ годы.
Какіе бы тогда пошли у васъ расходы,
На мелочи, на вздоръ послѣдній рубль отдашь;
Подумай-ка, сочти!—Нарядный экипажъ,
Четверка вороныхъ, богатыя ливреи,
Кафтаны кучерамъ и прочія затѣи,
Которымъ нѣтъ конца...

Любская.

Такъ, батюшка! Ты правъ.
Бѣда!

Честоновъ.

Вотъ то-то же! Ты знаешь братнинъ нравъ:
Что вышло-бъ у него на разные предметы?
Чего-бы стоили сюрпризы и конфекты,
Одинъ вечерній столъ, десертъ, питье, ѣда,
Шампанское вино...

Любская.

Охъ, подлинно, бѣда!

Честоновъ.

Вотъ то то-же! А тамъ визиты, посѣщенья,
Обѣды, вечера, театры, угощенья...
Да, Боже сохрани! Онъ сряду-бъ цѣлый годъ
Пиры давалъ.

Любская.

Такъ, такъ!

Честоновъ.

Теперь-же безъ хлопотъ:
Они обвѣнчаны безъ всякаго парада—
Эхъ, матушка, прости! Приданаго не надо!

Любская.

Пришлось простить.

Честоновъ.

Такъ дѣло и съ концомъ!

Посошковъ.

А я-то, сударь, что?

Честоновъ.

Вы были женихомъ...

Посошковъ.

И точно былъ любимъ.

Честоновъ.

Не Оленькой, а братомъ.

Посошковъ.

Да что-же я теперь?

Любскій.

Остался, братъ, за штатомъ.

Посошковъ.

Такъ я же не одинъ останусь въ дуракахъ.

Любскій.

Что, что еще?

Посошковъ.

Теперь вы всѣ въ моихъ рукахъ:
Театръ вашъ не пойдетъ.

Любскій.

Ну, такъ! Недоставало,
Чтобъ онъ еще!.. Злодѣй! Безсовѣстный! Такъ стало...
Да, нѣтъ! Ты шутишь, братъ!..

Посошковъ.

Повѣрьте, не шучу.
Играть не буду я.

Любскій.

Не хочешь?

Посошковъ.

Не хочу.

Честоновъ (*Посошкову*).

Авдѣй Михайловичъ! Мы всѣ молчимъ покуда,
А какъ разсердимся, такъ не было-бъ вамъ худо:
Сыграютъ и безъ васъ.

Посошковъ (*въ сторону*).

Не хочетъ-ли ужъ онъ...

Честоновъ.

Намъ стоитъ выкинуть всю ролю вашу вонъ.

Любскій.

Но какъ!..

Извѣдовъ.

Помилуйте! Да это сплошь бываетъ.

Любскій.

Неужели?

Извѣдовъ.

Одинъ лишь авторъ пострадаетъ,
А мы свое возьмемъ.

Посошковъ.

Но авторъ-то вѣдь я!

Любскій.

Твоя комедія и такъ галиматья:
Такъ все равно! (*Извѣдову*). Марай.

Посошковъ.

Но я вамъ не позволю...

Digitized by Google

Любскій.

Да! Стану я смотрѣть! (*Извѣдову*). Вымарывай всю ролю!

Посошковъ.

Помилуйте!

Любскій.

Ступай!

Честоновъ (*подавая карандашъ*).

А вотъ и карандашъ.

Посошковъ.

Какъ можно выкинуть главнѣйшій персонажъ?

Любскій.

А вотъ увидишь какъ!

Посошковъ.

Совсѣмъ не будетъ связи:
За чтожъ срамить меня при публикѣ, при князѣ...

Любскій.

Все это, душенька, зависитъ отъ тебя—
Играй!

Честоновъ (*Посошкову*).

Послушайте! Васъ искренно любя,
Я долженъ вамъ сказать, что это представленье...

Посошковъ.

Убьетъ комедію!...

Честоновъ.

Безъ всякаго сомнѣнья.
Вы знаете, кому охота разбирать,
Кто правъ, кто виноватъ...

Любскій (*Посошкову*).

Ну, что?

Посошковъ.

Пришлось играть!

Любскій.

Вотъ такъ-то лучше, братъ!

Посошковъ.

Но будьте справедливы.
Легко-ли мнѣ сносить! Они теперь счастливы,
А я...

Любскій.

А ты кричать: „Имъ надо роль пройти!
„Не троньте ихъ!"...

Честоновъ (*въ боковыя двери*).

Теперь вы можете взойти.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, Вельскій, Оленька и Лилѣевъ (*въ костюмѣ*)

Оленька.

Ахъ, дядюшка!

Честоновъ (*Оленькѣ*).

Смѣлѣй! Все кончилось прощеньемъ.

Вельскій (*Любскому*).

Одна любовь моя мнѣ служитъ извиненьемъ...

Любскій.

Добро! Ужъ такъ и быть.

Любская.

И я прощаю васъ.

Честоновъ (*подводя къ Любскому Лилѣева*).

А вотъ вамъ и актеръ!

Любскій (*Лилѣеву*).

Надѣлалъ ты проказъ!
Не стыдно-ли тебѣ!

Лилѣевъ.

Забудемте объ этомъ!

Честоновъ.

Ему не надобно сидѣть за туалетомъ:
Какъ видишь, онъ готовъ.

Посошковъ (*Извѣдову*).

Совсѣмъ не старикомъ
Одѣтъ.

Любскій.

Такъ я могу разстаться съ парикомъ!
Долой его! (*Сбрасываетъ парикъ*). Теперь играйте какъ хотите!

Посошковъ (*Оленькѣ*).

Ну, Ольга Дмитревна!...

Оленька (*присѣдая*).

Чтожъ дѣлать! Извините!

Любскій (*женѣ*).

А ты, сударыня, ступай теперь къ гостямъ.
(*Любская уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Любской.

Любскій.

Ну, что-же, господа!

Извѣдовъ (*подводя Наташу*).

Позвольте ужъ и намъ...

Любскій.

На всѣхъ пошло! И вы жениться захотѣли?

Извѣдовъ.

Когда позволите, на будущей недѣлѣ.

Digitized by Google

Любскій.

Хоть завтра поутру; лишь только не теперь.
Гей, малый! Кто-нибудь! (*Входитъ слуга*). Смотри, чтобъ въ эту дверь
Никто не проходилъ! (*Показываетъ направо*).

Посошковъ (*Вельскому и Оленькѣ*).

Подите, подрумяньтесь:
Вамъ такъ играть нельзя.

Извѣдовъ (*отворяя дверь налѣво*).

Пожалуйте!

Лилѣевъ (*Извѣдову*).

Останьтесь!
Я это сдѣлаю.

Посошковъ (*съ насмѣшкою*).

И вѣрно лучше всѣхъ.
Кто опытенъ, какъ вы...

Лилѣевъ.

Что значитъ этотъ смѣхъ?

Любскій.

Эхъ, полноте! (*Лилѣеву*). Ступай! (*Вельскій, Лилѣевъ и Оленька уходятъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Лилѣева, Оленьки и Вельскаго, а вскорѣ Волгинъ.

Извѣдовъ.

Онъ сердится.

Любскій.

Вотъ то-то!
Къ чему шутить! И что за смертная охота
Дразнить Лилѣева!

Волгинъ (*за кулисами съ правой стороны*).

Прошу-же не толкать!

Слуга (*за кулисами*).

Нельзя, сударь!

Волгинъ (*врываясь насильно*).

Пусти!

Слуга.

Не велѣно пускать!

Посошковъ.

Возможно-ль! Прямиковъ!

Любскій.

Какъ, этотъ засѣдатель,
Кто къ намъ въ актеры-то хотѣлъ?

Волгинъ (*Честонову*).

Ага, пріятель!
Ты спрятался! Да вздоръ! Тебя вездѣ найдутъ.
Скажи-ка мнѣ... (*Увидя Посошкова*). Ахти! Опять проклятый шутъ!
И кажется хмѣленъ...

Посошковъ.

Да чтожъ онъ въ самомъ дѣлѣ!
Вотъ я его (*Кричитъ Волгину*). Зачѣмъ вы здѣсь? И какъ вы смѣли?
Ступайте, сударь, вонъ!

Волгинъ.

Ну, такъ! Совсѣмъ готовъ! (*Увидя Извѣдова и Любскаго въ костюмахъ*).
Ахъ, батюшки! Да здѣсь коллекція шутовъ!
Одинъ, два... три!

Посошковъ (*подходя ближе къ Волгину*).

Вы что!—Упрямы или глупы?
Вамъ, сударь, сказано, что вы для нашей труппы
Не надобны,—и вамъ актеромъ не бывать!
Ступайте вонъ сейчасъ!

Волгинъ.

Прошу не приставать!
Послушай, братъ! Вѣдь я сердитъ! Эй, будетъ схватка! (*Честонову*).
Уйми его! Кой чортъ! Присталъ, какъ лихорадка!

Честоновъ.

Не трогайте его!

Волгинъ.

Пожалуйста отстань!
Поди-ка братъ, сюда! Вотъ такъ, поближе стань!

Честоновъ.

Что значитъ твой пріѣздъ?

Волгинъ.

А это, сударь, значитъ,
Что Волгина никто никакъ не одурачитъ.
Ты что мнѣ обѣщалъ? Твердилъ и то и се...
Нѣтъ, шутишь, душенька! Теперь я знаю все.
Подай племянника! подай!

Честоновъ.

А что ты знаешь?

Волгинъ.

Что ты со мной и съ нимъ прескверно поступаешь;
Что всѣ вы за одно,—твой братъ, его жена
И даже Оленька. Сейчасъ Кутермина,
Матрена Саввишна, мнѣ все пересказала.
Вотъ дѣло въ чемъ: у васъ актера не достало—
Такъ вы племянника ласкали для того,
Чтобъ онъ игралъ. Теперь вы держите его
Для вашихъ нуждъ, игры, комиссій и разсылокъ;
А послѣ этого забрѣете затылокъ?

Честоновъ.

Но выслушай меня!...

Волгинъ.

Нѣтъ! Я вѣдь не дуракъ...
Подай племянника!

Честоновъ.

Да онъ женатъ!

Digitized by Google

Волгинъ.

Кто!... Какъ!...
На комъ?

Честоновъ.

На Оленькѣ.

Волгинъ.

Когда-жъ они успѣли?

Честоновъ.

Сейчасъ лишь отъ вѣнца.

Волгинъ.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Вельскій, а вскорѣ Лилѣевъ и Оленька (*выходятъ изъ среднихъ дверей*).

Вельскій.

Ахъ, дядюшка! Вы здѣсь!

Волгинъ.

Поди сюда, пострѣлъ!
Такъ ты меня позвать на свадьбу не хотѣлъ?
Онъ женится, а я себѣ и въ усъ не дую.

Честоновъ.

Гдѣ Оленька? (*Лилѣевъ и Оленька входятъ*).

Вельскій.

А вотъ она. (*Подводитъ ее къ Волгину*).
Рекомендую!

Честоновъ.

Его жена, мой другъ.

Волгинъ.

Я очень, очень радъ!
Прошу любить меня!... (*Вельскому*). Да точно-ль ты женатъ?
Смотри!

Честоновъ.

О! Въ этомъ нѣтъ сомнѣнья никакого.

Посошковъ.

Что это значитъ все? (*Любскому*). Вы поняли?

Любскій.

Ни слова!

Честоновъ (*Волгину, подводя его къ Любскому*).

А вотъ мой братъ.

Волгинъ (*Любскому*).

Съ тобой мы слишкомъ сорокъ лѣтъ
Не видѣлись...

Любскій.

Такъ вы?...

Волгинъ.

Гусарскій тожъ корнетъ,
Проказникъ, балагуръ, твой старый сослуживецъ,
Ну—Волгинъ!

Любскій.

Какъ?

Волгинъ (*обнимая его*).

Да, да! Ты былъ всегда счастливецъ
И въ картахъ и въ любви: теперь, чай, не таковъ?

Честоновъ (*подводя Посошкова*).

Пріятель нашъ, Авдѣй Михайлычъ Посошковъ.

Волгинъ.

Неужели?

Честоновъ.

Вы съ нимъ немного посчитались...

Волгинъ.

Такъ вы, сударь, не шутъ?

Посошковъ.

Мы оба ошибались,
И я васъ принимать совсѣмъ не за того.

Волгинъ.

Мнѣ, право, совѣстно...

Посошковъ.

И, сударь! Ничего!

Любскій.

А что—который часъ?

Извѣдовъ.

Безъ малаго ужъ восемь.

Любскій.

Пора-бы начинать.

Посошковъ.

Сейчасъ! (*Къ другимъ актерамъ*). Покорно просимъ!

Честоновъ (*Волгину*).

Пойдемъ-ка, милый мой! Посмотримъ молодыхъ.

Волгинъ.

Вотъ такъ-то бы всегда, безъ вычуровъ пустыхъ,
Женились, да и все! А то, глядишь, бѣдняжки
Прождали-бъ цѣлый годъ. Отстрочки, да оттяжки!
А все вѣдь я, мой другъ, ихъ свадьбой повернулъ.

Честоновъ.

Конечно, ты! Пойдемъ! (*Уходитъ*).

Волгинъ.

Насилу отдохнулъ.
Ступайте-же! (*Уходитъ на сцену*).

Посошковъ (*Лилѣеву*).

Я васъ прошу: не молодитесь?
Играйте старика!

Digitized by Google

Лилѣевъ.

Тьфу, пропасть! Отвяжитесь!
Я знаю лучше васъ, какъ должно мнѣ играть.
(Уходитъ).

Посошковъ.

Ну, вотъ увидите! Онъ точно будетъ врать!
(Всѣ уходятъ на сцену, кромѣ Наташи и Извѣдова).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Извѣдовъ и Наташа.

Извѣдовъ.

Я счастья своего никакъ не постигаю:
Афишку сочинилъ, женюсь—и самъ играю!

Наташа.

Все это хорошо; однако-же пойдемъ!

Извѣдовъ.

Теперь сомнѣнья нѣтъ, театръ мы заведемъ.
И, вѣрно, съ честію поддержимъ наше званье!

Наташа.

Ну, чтожъ! Пойдемъ!

Извѣдовъ.

Постой! Еще одно желанье:
Безъ этого, мой другъ, все прочее хоть брось:
А признаюсь, когда-бъ и это удалось—
Афишку бы тогда я въ рамочки повѣсилъ...

Наташа.

Чтожъ надобно?

Извѣдовъ.

Чтобъ намъ похлопали изъ креселъ!

Конецъ.

(1827. — Представлена первый разъ 28 декабря 1827 г.).

ПАНЪ ТВАРДОВСКІЙ

РОМАНИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ХОРАМИ И ТАНЦАМИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Панъ Твардовскій.
Болеславскій, отецъ Юліи.
Юлія, невѣста Твардовскаго.
Красицкій, влюбленный въ Юлію.
Марія, подруга Юліи.
Янъ, служитель Твардовскаго.
Артуръ, старый конюшій Твардовскаго.
Гикша—цыганъ.
Привидѣніе.
Злой духъ.
1-й крестьянинъ.
2-й крестьянинъ.
1-я крестьянка.
2-я крестьянка.
Цыгане и цыганки, крестьяне и крестьянки, слуги Твардовскаго, духи.

Дѣйствіе происходитъ въ Галиціи въ 16-мъ столѣтіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Ночь, театръ представляетъ дремучій лѣсъ. Буря,—при свѣтѣ молніи видны съ лѣвой стороны отъ зрителей пещера, у входа которой древняя гробница.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Красицкій, Гикша и толпа цыганъ и цыганокъ.

(входятъ съ правой стороны на сцену).

№ 1-й.

Х О Р Ъ.

Громы бушуютъ,
Вихри ревутъ,
Клонятъ деревья,
Скалы трещатъ.
Нѣтъ намъ пріюту.
Всюду бѣда.
Черныя тучи
Скрыли луну;
Ливень рѣкою
Топитъ поля;

Digitized by Google

Нѣтъ намъ пріюту.
Всюду бѣда.

Гикша. Ай да гроза—я не трусливаго десятка, а признаюсь...

Красицкій. Мы сбились съ дороги!

Гикша. Въ этомъ дремучемъ лѣсу и днемъ заплутаешься... ухъ! Помилуй Господи! что за молнія!

Красицкій. Товарищи! не переждать-ли намъ здѣсь грозу, а то не равно забредемъ въ какой-нибудь оврагъ...

Гикша. Ну, нечего сказать—я природный цыганъ и люблю кочевую жизнь, а еще двѣ или три такія ночи, такъ я навсегда распрощаюсь съ нашимъ таборомъ. Нѣтъ! Чортъ возьми и волю, когда въ такую бурю придется ночевать подъ открытымъ небомъ.

Цыганъ (*входитъ съ правой стороны*). Эй! товарищи, сюда!

Гикша. Что ты? нашелъ дорогу?

Цыганъ. Нѣтъ, не дорогу, а пустую избу, мы можемъ въ ней переночевать.

Гикша. И то хорошо! пойдемте, ребята!

Цыганъ. Сюда! сюда! налѣво! (*всѣ, кромѣ Красицкаго, уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Красицкій (*одинъ послѣ краткаго молчанія*). Все кончено!... послѣднее утѣшеніе несчастнымъ надежда! и ты меня покидаешь! (*осматриваясь кругомъ*) какая мрачная пустыня... Что я вижу? Гробница!... Пещера! и такъ, вотъ то мѣсто, гдѣ я въ первый разъ поклялся Юліи въ вѣчной любви!... и въ этомъ страшномъ жилищѣ духовъ, котораго убѣгаютъ всѣ здѣшніе жители- у самой этой гробницы, она обѣщалась не принадлежать никому, кромѣ меня; счастливыя минуты! Вы протекли, какъ сонъ... Юлія... невѣста богатаго вельможи, а я... я принадлежу къ шайкѣ презрѣнныхъ цыганъ!

№ 2.

АРІЯ.

О, дни счастливыхъ заблужденій,
Безпечной юности моей!
Когда надежды свѣтлый геній
Сулилъ мнѣ счастье и друзей!
Тогда со мной не разставались
Любовь и дружества привѣтъ;
Но вы какъ бурный токъ промчались,
И я погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Увы! любовь мнѣ измѣнила,
Въ однихъ мечтахъ я былъ счастливъ,
Друзей похитила могила,
И я одинъ остался живъ,
И жду, скитаясь сиротою,
Когда убьетъ меня тоска,
И кости странника землею
Покроетъ чуждая рука.
Ихъ вьюга занесетъ сугробомъ,
О нихъ и память пропадетъ,
И надъ моимъ забытымъ гробомъ
Никто поплакать не придетъ!...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Красицкій и Гикша.

Гикша. [illegible]

Насилу я тебя нашелъ!... Что ты здѣсь дѣлаешь? Мы развели огонь, ступай обогрѣйся!...

Красицкій. Мнѣ не холодно.

Гикша. Такъ поѣшь что-нибудь... ужинъ готовъ.

Красицкій. Я не хочу ѣсть.

Гикша. Послушай, товарищъ! мнѣ давно хотѣлось тебѣ сказать: ты присталъ къ нашему табору, а похожъ-ли ты на цыгана?... Мы всегда веселы, пляшемъ, поемъ, а ты?...

Красицкій. Если-бъ ты зналъ, какъ я несчастливъ!

Гикша. Разскажи, такъ узнаю.

Красицкій. Когда я присталъ къ вамъ, вы даже не спросили, какъ меня зовутъ.

Гикша. Мы народъ не любопытный.

Красицкій. Я природный дворянинъ—Красицкій.

Гикша. Вотъ-те на! какая честь нашему табору.

Красицкій. Я здѣшній уроженецъ. Отецъ не оставилъ мнѣ ничего, кромѣ честнаго имени.

Гикша. Не завидное наслѣдство.

Красицкій. Къ несчастію, не одни цыгане такъ думаютъ. Я влюбился въ дочь моего сосѣда Болеславскаго; отецъ ея, человѣкъ также небогатый, но жадный къ богатству, не хотѣлъ никакъ выдать ее за бѣдняка. Межъ тѣмъ турки намъ объявили войну, тысячи моихъ единоземцевъ гибли, но нѣкоторые возвращались съ богатой добычею. Я рѣшился искать смерти или богатства. Война кончилась и несчастный Красицкій возвратился на родину съ нѣсколькими ранами и прежней бѣдностію. Въ отчаяніи, не зная куда приклонить голову,— я повстрѣчался съ вами, ваша беззаботная, кочующая жизнь, дикіе нравы и даже самая нищета, мнѣ полюбились. Я присталъ къ вамъ... Переходя изъ мѣста въ мѣсто, мы пришли вчера на мою родину; сегодня я узналъ отъ одного крестьянина, что Болеславскій живъ и что Юлія выходитъ за знатнаго пана Твардовскаго.

Гикша. Котораго замокъ выстроенъ не далеко отсюда, на берегу большого озера, говорятъ, онъ очень богатъ.

Красицкій. Говорятъ также, что онъ обязанъ за несчетныя свои богатства чародѣйству.

Гикша Да, это молва о немъ идетъ.

Красицкій. Я не очень вѣрю суевѣрнымъ слухамъ, но если это правда...

Гикша. Тсъ! тише!... я слышу шорохъ... Смотри, смотри, вотъ блеснулъ огонекъ! ужъ не дозоръ-ли обходитъ здѣшній лѣсъ...

Красицкій. Такъ чтожъ? Мы не разбойники.

Гикша. Оно такъ! Да время ночное—теперь и честнаго человѣка схватятъ какъ вора, и здѣсь, говорятъ, такой обычай, прежде отколотятъ палками, а тамъ станутъ разбирать... Не лучше-ли по добру по здорову...

Красицкій. Нѣтъ! Я останусь здѣсь.

Гикша. Ну, какъ хочешь... (*уходитъ*).

Красицкій. Точно, сюда идутъ... и только двое.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Красицкій, Янъ (*несетъ ящикъ*) и Твардовскій (*въ черномъ плащѣ съ фонаремъ*).

Янъ (*показываясь изъ-за кулисъ, кричитъ робкимъ голосомъ*). Панъ Твардовскій! Панъ Твардовскій!

Digitized by Google

Твардовскій. Я здѣсь!

Красицкій. Возможно-ли? Твардовскій?... очью въ этомъ дремучемъ лѣсу!... какая ысль!... Постараемся проникнуть эту тайну *рячется за кустъ*).

Янъ. Ай, ай, а!

Твардовскій. Да замолчишь-ли ты?

Янъ. Ухъ, батюшки! это пенекъ, а я ду-аю, что лѣшій.

Твардовскій. Трусъ!

Янъ. Помилуй, государь!... да какъ не тру-ить! Зги Божіей не видно... въ этомъ захо-устьѣ чертямъ да лѣшимъ только и водиться.

Твардовскій. Если ты скажешь еще од-о слово!... Стой здѣсь и молчи! (*поднимаетъ верху фонарь и смотритъ кругомъ*). Такъ точно! не ошибся! Вотъ древняя гробница!

Янъ. Какъ? Что?... Гробница? Ну, пропали ы (*хочетъ бѣжать*).

Твардовскій. Ни съ мѣста.

Янъ. Ухъ! Батюшки! Помилуй! Здѣсь при-онъ всѣхъ нечистыхъ духовъ! Добрые люди е смѣютъ и днемъ сюда заходитъ.

Твардовскій. Да, такіе-же трусы, какъ ы. Подай ящикъ!

Янъ (*подаетъ ему ящикъ и осматриваясь кру-омъ*). Нѣтъ силъ! (*садится на камень*). Ноги одкосились.

Твардовскій (*вынимаетъ изъ ящика маги-ческій жезлъ и книгу въ черномъ переплетѣ*). Те-перь ты болѣе не нуженъ! (*Дотрогивается до-ею жезломъ*). Спи!

Янъ. Какъ? Чтобъ я заснулъ?... ахти! и прямь меня сонъ клонитъ! (*зѣваетъ*). Такъ очно, я хочу... (*Зѣваетъ*).

Твардовскій (*раскрываетъ книгу и кладетъ е на землю. Молчаніе*). Еще одинъ шагъ и всѣ мечты мои исполнились. (*Молчаніе*). Желаніе стать выше законовъ природы наполняетъ всѣ мои помышленія—оно, какъ неотступный при-зракъ, преслѣдуетъ меня повсюду! Переступить черту, отдѣляющую меня отъ міра, не-ещественную разорвать завѣсу, скрывающую отъ меня тайны природы, вотъ что требуетъ, жаждетъ душа моя! (*молчаніе*). Какая неизъ-снимая тоска гложетъ мое сердце! Такъ мнѣ душно, мнѣ тѣсно въ здѣшнемъ мірѣ! Пре-зрѣніе ко всему земному, стремленіе къ чему-то неизвѣстному, все говоритъ мнѣ, что я не рожденъ для того, чтобъ пресмыкаться, по-добно другимъ. Сама любовь не можетъ за-глушить сихъ таинственныхъ призывовъ души, желающей проникнуть мракъ, ее окружающій (*молчаніе*). Но если я погибну въ сей ужасной борьбѣ? Твардовскій! ты знаменитый вельможа, сокровища твои несмѣтны и завтра Юлія бу-детъ твоею...

№ 3.

АРІЯ.

Чего-жъ о, сердце, ты желаешь?
Какихъ еще ты ищешь благъ?
О чемъ тоскуешь и страдаешь?
Чего ты хочешь, бренный прахъ?
Что жизнь твоя? Одно мечтанье,
Минутный призракъ, тяжкій сонъ!
Зачѣмъ высокія познанья
Тому, кто къ смерти обреченъ?

(*Молчаніе—музыка изображаетъ волненіе души его и переходитъ въ другой мотивъ*).

Нѣтъ, нѣтъ! ничто въ подлунномъ мірѣ
Моей тоски не утолитъ;
На пышномъ тронѣ и порфирѣ
Она мнѣ сердце изсушитъ!
Смѣлѣй! Земли ничтожный житель!
И будь изъ смертныхъ ты одинъ
Духовъ незримыхъ повелитель
И всей природы властелинъ.

Такъ! мой жребій брошенъ! или ничтожество, или то, о чемъ тоскуетъ душа моя! Начнемъ!,.. (*обращается къ гробницѣ*). О ты, чей прахъ покоится въ сей древней гробницѣ — мудрецъ, котораго могущественный голосъ заставляетъ трепетать незримыя существа, наполняющія всѣ стихіи силою словъ, рукой твоей въ сей книгѣ начертанныхъ—заклинаю тебя явиться предо мною! (*молчаніе*). Повинуйся!

№ 4.

ХОРЪ (*невидимыхъ духовъ*).

Мощный голосъ отозвался
Въ мрачной области духовъ;
Стонъ погибшихъ перервался,
Онъ спѣшитъ на грозный зовъ.

Твардовскій (*сильнѣй*). Повинуйся!

ХОРЪ.

Сонъ непробудный
Прочь отлетѣлъ,
Прахъ оживился,
Мертвый встаетъ...

(*Ударъ грома — гробница распадается на-двое и посреди ея является старецъ съ длинной, сѣдою бородою въ бѣлой одеждѣ, опоясанный золотой змѣею, въ правой рукѣ онъ держитъ кубокъ*).

Привидѣніе. Чего ты отъ меня требуешь?

Твардовскій. Я хочу быть твоимъ преемникомъ.

Привидѣніе. Несчастный! ты стремишься къ собственной погибели.

Твардовскій. Я томлюсь желаніемъ познать тайны чародѣйства. Одно оно можетъ утолить тоску души моей.

Привидѣніе. Безсмысленный! обратись къ Тому, Кто положилъ предѣлы власти человѣческой, и спокойствіе сойдетъ на твою душу.

Твардовскій. Я не имѣю нужды въ твоихъ совѣтахъ; отдай мнѣ сей сосудъ, въ немъ заключается предметъ моихъ желаній.

Привидѣніе. Остановись, Твардовскій! Еще время!... Получивъ сей драгоцѣнный сосудъ, ты можешь вызвать повелителя духовъ изъ мрачнаго его жилища, но тебя ожидаетъ погибель...

Твардовскій. Умолкни и повинуйся!...

Привидѣніе. Я долженъ повиноваться!... Возьми (*отдаетъ ему кубокъ*), но знай...

Твардовскій. Если въ минуту твоихъ заклинаній ты поколеблешься!.. Если страхъ проникнетъ въ твою душу, то временная погибель твоя неизбѣжна, призванный тобою духъ будетъ не рабомъ, но повелителемъ твоимъ, наполнитъ бѣдствіями всю здѣшнюю страну и прежде, чѣмъ солнце вторично взойдетъ на небеса, ты сдѣлаешься жертвою его злобы, не собственнаго своего отчаянія. (*Ударъ грома, привидѣніе исчезаетъ*)

Твардовскій. Все свершилось—я достигъ моей цѣли... но та же тоска тѣснитъ мое сердце... Неужели предчувствіе говоритъ мнѣ?... Малодушный!... тебѣ-ли трепетать, когда весь адъ тебя трепещетъ! исчезни мрачное пред-

Digitized by Google

чувствіе! (*подходитъ къ Яну и дотрогивается желѣзомъ*). Пробудись!...

Янъ (*вскакивая*). Чуръ меня! Чуръ меня! Гдѣ я? Что со мною было?

Твардовскій (*отдавая ему книгу*). Возьми и ступай за мною!

Янъ. Такъ я еще живъ?

Твардовскій. Дѣлай то, что я тебѣ приказываю.

Янъ. Но позволь спросить...

Твардовскій. Молчи!... (*Беретъ фонарь и уходитъ вмѣстѣ съ Яномъ*).

Красицкій (*выбѣгая изъ-за куста*). Что я видѣлъ?... Что я слышалъ?... Боже мой! и этотъ чернокнижникъ будетъ супругомъ Юліи! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! я погибну или спасу ее... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Готическая зала въ замкѣ Твардовскаго.

Юлія и Марія (*входятъ, впереди слуга съ факеломъ*).

Слуга. Панъ Твардовскій возвращается, пожалуйте сюда... Здѣсь окна въ садъ и не такъ видна молнія. (*Уходитъ*).

Марія. Я не помню такой ужасной бури! (*Юліи*). Для тебя все равно... ты ничего не боишься?

Юлія. Я люблю слушать громъ.

Марія. И ты не боишься, что тебя убьетъ?

Юлія. Не безпокойся, мой другъ! кто желаетъ смерти, къ тому она придетъ.

Марія. Ты все еще грустишь о Красицкомъ.

Юлія. И никогда не перестану грустить о немъ.

Марія. Но, кажется, наканунѣ твоей свадьбы, съ богатымъ и знатнымъ паномъ Твардовскимъ, ты могла бы быть повеселѣе.

Юлія. Отецъ мой требуетъ, чтобы я отдала ему руку мою... но еслибъ я могла располагать собою...

Марія. То не пошла-бы ни за кого замужъ?... Полно, Юлія, не вѣкъ-же тосковать о твоемъ прежнемъ любовникѣ. Чтожъ дѣлать, отецъ твой ему отказалъ, онъ пошелъ на войну, его убили, все это очень грустно, не спорю, но...

Юлія. Батюшка увѣрялъ меня, что онъ убитъ, но, можетъ быть, это одна хитрость.

Марія. Ты напрасно надѣешься, Юлія. Вотъ ужъ третій годъ, какъ война кончилась, и о Красицкомъ нѣтъ никакого извѣстія,—гдѣ-же онъ,—въ плѣну? но говорятъ, что турки въ плѣнъ не берутъ... и такъ, нѣтъ сомнѣнія...

Юлія. Несчастный! отказъ моего отца причиною его смерти... Но я увѣрена, что Красицкій, умирая, простилъ моего родителя.

№ 5-й.

ДУЭТЪ.

Юлія.

Онъ погибъ на полѣ чести,
Примирясь съ моимъ отцомъ.

Марія.

Но прилично-ли невѣстѣ
Такъ грустить передъ вѣнцомъ?

Юлія.

Съ нимъ прошла моя вся младость,
Съ нимъ мы жили и росли,
Вмѣстѣ съ нимъ погибла радость
И все счастье на землѣ.

Марія.

Полно думать о бываломъ,
Завтра будешь ты съ другимъ
Подъ вѣнчальнымъ покрываломъ.

Юлія.

Иль покровомъ гробовымъ!

Марія.

Перестань, мой другъ, напрасно
Душу горестью томить,
И что пользы ежечасно
О прошедшемъ говорить.

Юлія.

Ты стараешься напрасно
Горесть сердца утолить.
И могу-ль, любивши страстно,
Вѣчно слезъ о немъ не лить.

Марія. Полно! Перестань! ты и на меня тоску наводишь. Но сюда идутъ! вѣрно твой женихъ.

Юлія. Нѣтъ, это батюшка!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Болеславскій.

Болеславскій. Твардовскій еще не воротился... онъ пригласилъ насъ сегодня и вотъ уже болѣе четырехъ часовъ, какъ мы въ его замкѣ.

Марія. Его сокольничій сказалъ мнѣ, что онъ за нѣсколько минутъ до нашего прихода вышелъ изъ замка и хотѣлъ скоро воротиться.

Болеславскій. Если эта ужасная буря застала его въ лѣсу...

Марія. Онъ вѣрно нашелъ отъ нея какой-нибудь пріютъ и дожидается, пока она совсѣмъ пройдетъ.

Болеславскій. Я самъ тоже думаю. (*Юліи*). Неужели ты съ этимъ грустнымъ лицомъ встрѣтишь своего жениха?

Юлія. Ахъ, батюшка!

Болеславскій (*сурово*). Юлія! я надѣюсь, что эта печаль пройдетъ?...

Юлія. Но могу-ли я забыть...

Болеславскій. Ты должна забыть и имя того, къ кому отецъ твой поклялся въ вѣчной ненависти.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, четыре слуги (*входятъ съ факелами*), за ними Твардовскій и Янъ (*позади еще нѣсколько слугъ, Твардовскій безъ плаща въ простомъ платьѣ*).

Твардовскій. Прекрасная Юлія! прости, что я заставилъ тебя дожидаться... Извини меня и ты, почтенный другъ мой! Буря застала меня въ лѣсу, я заплутался и едва нашелъ опять дорогу къ моему замку.

Болеславскій. Твое долгое отсутствіе начинало насъ тревожить.

Digitized by Google

Твардовскій. Я потерялъ болѣе всѣхъ васъ... вмѣсто того, чтобы провесть съ вами сегодняшній вечеръ, я провелъ его, плутая въ дремучемъ лѣсу,—и теперь не смѣю васъ болѣе удерживать. Надѣюсь, прелестная Юлія, что мы разстаемся въ послѣдній разъ и что завтра восходящее солнце освѣтитъ счастливѣйшій день въ моей жизни.

№ 6.

ФИНАЛЪ.

Твардовскій.

Теперь прощайте, до свиданья!
(*въ сторону*).
Наступитъ скоро страшный часъ.

Болеславскій.

Мы всѣ уходимъ въ ожиданьи,
Что завтра будешь ты у насъ.

Твардовскій.

И завтра-жъ Юліи прекрасной
Я клятву въ вѣрности приму.

Юлія.

Увы! Мой стонъ напрасный
Не внятенъ никому.

Твардовскій.

Я обогащу деревню вашу.

Марія.

А я подругъ моихъ сберу,
Цвѣтами домъ украшу.

Юлія.

Нѣтъ! нѣтъ! я въ горести умру.

Твардовскій.

Но сонъ смыкаетъ ваши очи,
Вамъ время отдохнуть.
(*въ сторону*).
Пора!.. Ужъ близокъ часъ полночи!..

Юлія.

Когда-бъ сномъ вѣчнымъ мнѣ уснуть!..

Твардовскій (*слугамъ*).

За ними вслѣдъ ступайте,
Мою невѣсту охраняйте!

ХОРЪ.

За ними вслѣдъ пойдемъ,
Огни съ собой возьмемъ
И мракъ разсѣемъ ночи.

Твардовскій (*въ сторону*).

Пора!.. ужъ близокъ часъ полночи!
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Твардовскаго и Яна*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Твардовскій (*даетъ знакъ ему, чтобъ онъ удалился*).

Янъ. Какъ, государь! Развѣ ты сегодня не ляжешь спать?

Твардовскій. Нѣтъ! Оставь меня. (*Онъ уходитъ*).

МЕЛОДРАМА.

Твардовскій (*прислушиваясь*). Все умолкло!... Полночь!... (*часы бьютъ*). Что представляетъ мнѣ унылый звонъ колокола? Торжество или погибель? (*задумывается и вдругъ рѣшительно*). Иду! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Театръ представляетъ подземные своды, по обѣимъ сторонамъ ряды гробницъ, прямо стѣна, сложенная изъ крупныхъ камней, посреди ея изображена мертвая голова, напротивъ — родъ жертвенника изъ дикаго камня, на немъ стоитъ жаровня. Посреди свода виситъ лампада, которая слабо освѣщаетъ все подземелье, съ правой стороны отъ зрителей другая лѣстница, ведущая вверхъ. Твардовскій показывается на верху лѣстницы—въ одной рукѣ у него фонарь, въ другой золотой кубокъ, онъ медленно сходитъ внизъ, ставитъ фонарь наземь, беретъ съ жертвенника жезлъ, прикасается имъ къ жаровнѣ,—изъ нея показывается пламя.

ХОРЪ (*духовъ*).

Ну, раздался вѣщій громъ,
Потряслись подземные своды.
Адскій духъ взмахнулъ крыломъ:
Близокъ часъ его свободы.

(*Твардовскій высыпаетъ въ огонь составъ изъ кубка, отъ котораго пламя увеличивается,—потомъ отступаетъ къ лѣвой сторонѣ отъ зрителей, очерчиваетъ около себя кругъ и начинаетъ заклинаніе*)

МЕЛОДРАМА.

Верховный вождь существъ незримыхъ,
Духовъ ничѣмъ неукротимыхъ,
Но вмѣстѣ и рабовъ, безсмертныхъ чадъ земли,
Словамъ таинственнымъ съ покорностью внемли.

ХОРЪ.

Онъ спѣшитъ сюда могучій,
Вкругъ него палящій зной,
Онъ летитъ одѣтый въ тучи,
Вихри вьются надъ главой.

(*Средній сводъ и стѣна принимаютъ видъ раскаленнаго жезла, Твардовскій останавливается, потомъ продолжаетъ голосомъ нѣсколько твердымъ*).

Оставь подземныхъ странъ туманную обитель,
Тебя зоветъ твой грозный повелитель!
(*Пламя на жертвенникѣ исчезаетъ*).
Въ покровъ эфирный облекись,
Прими прелестный видъ!
(*Молчаніе*).
Покорствуй мнѣ, явись!

(*Въ стѣнѣ дѣлается отверстіе, изъ-за призрачныхъ тумановъ является существо въ видѣ прелестнаго генія; въ продолженіе заклинанія оно дѣлается постепенно виднѣе и какъ будто-бы приближается*).

Заклинанія мои дѣйствуютъ,
Но ужасъ доселѣ мнѣ неизвѣстный...
Ободрись, Твардовскій!
(*продолжаетъ медленно*).

Digitized by Google

Отнынѣ гордый духъ моей послушный волѣ
Ты будешь мнѣ служить дотолѣ.

(*Глухой подземный громъ*).

Колеблется земля!... мой голосъ трепещетъ.

(*Продолжаетъ прерывающимся голосомъ*).

Ты будешь... мнѣ... служить дотолѣ,
И съ трепетомъ... мои... велѣнія исполнять.

(*Громъ усиливается и всѣ подымаются тѣни*).

Пока... пока, я самъ...
Я изнемогаю!... уста мои нѣмѣютъ...
О! ужасъ! я не могу продолжать болѣе.

(*Ударъ грома, отверстіе въ стѣнѣ исчезаетъ и въ то же мгновеніе является передъ Твардовскимъ злой духъ въ видѣ ужаснаго страшилища,—онъ показываетъ ему свитокъ, на которомъ начертано крупными словами: „Ты погибъ“*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе въ лѣсу, съ правой стороны отъ зрителей высокія, поросшія кустарникомъ, скалы, на одной изъ нихъ большая сосна; съ лѣвой стороны—полуразвалившаяся изба, подлѣ которой дерево съ дикими плодами, изъ одной скалы бьетъ ключъ, на авансценѣ съ правой стороны камень; при поднятіи занавѣси, цыгане и цыганки пляшутъ подъ хоръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гикша, цыгане и цыганки.

ХОРЪ ЦЫГАНЪ.

Гей, ребята! На лужокъ!
Выпьемъ круговую.
Ну-ка, други, всѣ въ кружокъ,
Грянемъ плясовую!

(*По окончаніи хора цыане садятся въ кружокъ и пьютъ*).

Гишка (*подыгрывая на бандурѣ*).

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ;
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И цыгане молодцы
Ни о чемъ не тужатъ.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо веселѣе!

Мы на горе не глядимъ,
Все съ весельемъ сносимъ,
Хоть по суткамъ не ѣдимъ,
Но ни жнемъ ни косимъ.
Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ
Для дневной работы.
Лишь проснувшись поѣдимъ,
Нѣтъ у насъ заботы:
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣе!

У цыгановъ круглый годъ—
Праздникъ, новоселье,
Имъ покровъ—небесный сводъ,
А земля постелью,
Зимній холодъ не бѣда,
Вкругъ огня запѣли,
И не страшны намъ тогда,
Вьюги и мятели.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣе!

Гикша. Славно, ребята! Славно! мы расшотѣшимъ пана Твардовскаго; сегодня онъ женится—и вѣрно захочетъ позабавить себя и гостей своихъ.

Цыганъ. Да, братъ,—не ровны гости: какъ онъ покличетъ ихъ съ того свѣта, такъ и намъ будетъ не до плясокъ.

Гикша. Неужели ты думаешь, что онъ въ самомъ дѣлѣ колдунъ?...

Цыганъ. Послушай-ка, что о немъ говорятъ.

Гикша. Не всякому слуху вѣрь—мало ли что говорятъ; я вчера слышалъ презабавную о немъ штуку.

Нѣкоторые изъ цыганъ. Разскажи, пожалуйста!

Гикша. Пожалуй, разскажу! (*Цыане дѣлаютъ около него кружокъ*). Надобно вамъ сказать, что ясновельможный панъ Твардовскій узналъ чрезъ свое колдовство, такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, что если онъ пріѣдетъ въ Римъ, то злые духи утащатъ его въ преисподнюю. Вотъ Твардовскій живетъ да живетъ, а въ Римъ ни ногою: однажды, на охотѣ, отбился отъ своей свиты и заѣхалъ отдохнуть въ корчму; лишь только принялся за первую кружку вина, глядь, а потолка на корчмѣ какъ не бывало и нечистая сила, словно рой, гудитъ и вьется надъ комнатой. Какъ зовутъ эту корчму? закричалъ Твардовскій. „Ее зовутъ, — отвѣчалъ хозяинъ,—Римомъ“.

Цыганъ. Ахти бѣда! какъ-же онъ вывернулся?

Гикша. А вотъ какъ: пока сатана съ причетомъ изволилъ церемониться, да придумывать, какъ-бы ловчѣе за него взяться, Твардовскій схватилъ уголекъ, начертилъ на мѣстѣ лошадь и вспрыгнулъ на нее, порхнулъ въ окно и поминай какъ звали! (*Злой духъ показывается на скалѣ, потомъ исчезаетъ*).

Цыганъ. А злые духи?

Гикша. Остались въ корчмѣ съ предлинными носами.

Цыгане (*смѣются*). Ай да молодецъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Красицкій (*поспѣшно входитъ*).

Красицкій (*Гикшѣ*). Одно слово. (*Отводитъ его къ сторонѣ*). Хочешь-ли ты мнѣ доказать свою дружбу?

Гикша. Говори!

Красицкій. Я сейчасъ былъ въ деревнѣ, гдѣ живетъ Болеславскій, но не могъ никакъ видѣться съ Юліей, пойдемъ со мною.

Гикша. Зачѣмъ?

Красицкій. Мнѣ нуженъ товарищъ.

Гикша. Что ты затѣваешь?

Красицкій. Я долженъ говорить съ нею.

Гикша. Да что тебѣ за охота говорить съ невѣстою пана Твардовскаго! Послушай, братъ...

Красицкій. Хотя-бы мнѣ стоило жизни—

Digitized by Google

а я долженъ и буду говорить съ нею,—дорогою я разскажу тебѣ все.

Гикша. Смотри... чтобъ намъ не досталось.

Красицкій. Я за все отвѣчаю... Идешь-ли ты?

Гикша. Ну, дѣлать нечего, пойдемъ, товарищъ! Мы идемъ поразвѣдать, будетъ-ли намъ сегодня пожива,—а вы между тѣмъ пляшите, чтобъ знать хорошо свое дѣло, должно почаще зады повторять... (*Уходитъ съ Красицкимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Гикши и Красицкаго.

Цыганъ. Ну-ка, красныя дѣвицы, подъ мою бандуру! (*Играетъ, цыане и цыганки пляшутъ. Злой духъ снова появляется на скалѣ, смотритъ на танцующихъ и потомъ бросаетъ въ нихъ большими камнями; танцы прерываются*).

Цыганъ. Пой чортъ! кто это швыряетъ въ насъ такими камешками? (*Цыане съ удивленіемъ смотрятъ на скалу, но не видятъ ничего. Злой духъ переламываетъ сосну и она съ трескомъ падаетъ на сцену*).

ХОРЪ ЦЫГАНЪ.

Смотрите, глядите, нѣтъ бури, все тихо,
А сосны ломаетъ и камни летятъ!

(*Духъ бросаетъ въ нихъ осколкомъ скалы, который пролетаетъ поверхъ ихъ головъ черезъ всю сцену*).

ХОРЪ.

Бѣгите, спасайтесь
Здѣсь духи живутъ!

(*Уходятъ въ безпорядкѣ. Музыка продолжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Твардовскій (*вбѣгаетъ съ правой стороны, лицо его блѣдно, волосы растрепаны*).

Оставь меня, злой духъ! исчезни, удалися.
А ты, природы всей краса,
О, солнце ясное, затмися!...
Покройтесь мракомъ небеса!
Вашъ видъ для всѣхъ прекрасный,—
Несносенъ для меня!

(*Бросается на каменъ, злой духъ появляется позади его, Твардовскій вскакиваетъ*).

Онъ здѣсь! О, духъ ужасный!
Скажи! Средь страшнаго огня
Среди мученій ада—
Избѣгнулъ твоего мертвящаго я взгляда,

(*Духъ исчезаетъ*).

Исчезъ! Но ахъ! какъ тѣнь,
Онъ слѣдуетъ за мною;
Мнѣ мука—свѣтлый день
И ночью нѣтъ покою.

(*Духъ показывается на скалѣ*).

Онъ здѣсь опять! греми, небесный громъ,
Рази!... мнѣ смерть одна отрада.
Ликуйте, духи ада!
Я вашимъ сталъ рабомъ!

Такъ жизнь становится для меня несносною. Этотъ неподвижный адскій взглядъ преслѣдуетъ меня повсюду! Онъ исчезъ, но его ужасный образъ тутъ! Въ душѣ моей! Силы меня оставляютъ... Я томлюсь жаждою. Вотъ ручей! Ахъ, еслибъ онъ потушилъ пламя, пылающее въ груди моей (*подходитъ къ ручью, вода перемѣняетъ теченіе*). Что я вижу, вода исчезла... Несчастный! все въ природѣ противъ тебя! Вотъ дикіе плоды! быть можетъ они освѣжатъ изсохшія уста мои! (*Подходитъ къ дереву, оно перемѣняется въ огромный сухой пень, изъ дупла котораго показывается злой духъ*). Ты здѣсь! такъ преслѣдуй, губи меня, я вызвалъ тебя изъ страшнаго жилища твоего, я заразилъ тобою здѣшній воздухъ! пусть я одинъ и погибаю. (*Духъ исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Твардовскій, Янъ и нѣсколько слугъ.

Янъ. Ты здѣсь, государь? Вотъ уже цѣлый часъ какъ мы тебя ищемъ, ты хотѣлъ идти къ твоей невѣстѣ.

Твардовскій. Къ моей невѣстѣ?... такъ это одно средство... въ объятіяхъ невинной и добродѣтельной супруги я найду то, что искалъ такъ тщетно. Найду погибшее мое спокойствіе,—она умолитъ небеса за преступнаго своего супруга, и адскій духъ не посмѣетъ нарушить спокойствія нашего. Пойдемъ! (*Одному слугѣ*). А ты ступай и чтобъ все было готово къ брачному торжеству. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ веселое мѣстоположеніе, на авансценѣ съ лѣвой стороны отъ зрителей домъ Болеславскаго, напротивъ его хижины поселянъ, изъ-за которыхъ видно обширное озеро.

(*Марія выходитъ съ правой стороны, за нею крестьяне и крестьянки съ гирляндами, вѣнками и букетами цвѣтовъ*).

Марія. Ну, друзья! принимайтесь за работу: межъ тѣмъ, какъ вы будете украшать домъ цвѣтами, я пойду и посмотрю, что дѣлаетъ Юлія (*входитъ въ домъ*).

ХОРЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Мы невѣстѣ домъ цвѣтами
Весь украсимъ поскорѣй;
Ей не жить ужъ вмѣстѣ съ нами,
Мы должны разстаться съ ней!

(*Во время хора входятъ Гикша и Красицкій*).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тѣ-же, Гикша и Красицкій.

Красицкій. Вотъ домъ Болеславскаго.

Гикша. Такъ поэтому-то около него такъ и хлопочутъ? Сегодня свадьба?

Красицкій. Нѣтъ! — сегодня свадьбы не будетъ.

Гикша. Тсъ! тише! что ты кричишь.

1-я крестьянка. Это, кажется, цыгане?

Гикша. Да, красная дѣвица! Хочешь поворожу?

1-я крестьянка. Нѣтъ, не хочу!

Гикша. Да небось, даромъ, я съ красавицъ ничего не беру.

Digitized by Google

2-я крестьянка (*Подавая ему руку*). Нука поворожи.

Гикша (*смотритъ на руку*). Ага!

2-я крестьянка. Что такое?

Гикша. Да ты еще красавица молода, тебѣ семнадцать, восемнадцать, девятнадцать лѣтъ.

2-я крестьянка. Отгадалъ девятнадцать.

Гикша. Ого!

2-я крестьянка. Ну, что?

Гикша. У тебя въ сердцѣ есть заэнобушка.

2-я крестьянка. Неправда.

Гикша. Погляди-ка на меня, чернобровая! Ты любишь молодого парня!

2-я крестьянка (*1-й крестьянкѣ*). И это отгадалъ.

Гикша. А скоро-ли свадьба?

2-я крестьянка (*Печально*). Ахъ! не знаю.

Гикша. Ей, постой, постой, вотъ-те разъ: старики ваши не ладятъ.

2-я крестьянка. Ахти! да онъ колдунъ! Все знаетъ.

Нѣсколько крестьянъ. Поворожи намъ.

Гикша. Пожалуй! да чуръ за правду не сердиться! (*Подходитъ къ нимъ, около него становятся кружкомъ, во все это время Красицкій смотритъ съ безпокойствомъ на окна дома*).

Красицкій. И нигдѣ ея не вижу!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же, Марія и Юлія.

Марія. Да выдь хоть на минуту.

Красицкій. Это она, но какъ ей показаться? Еслибъ можно было ее приготовить! (*Прячется за уголъ дома*).

Юлія. Не знаю, отчего-то сердце мое предчувствуетъ что-то необыкновенное!

Марія. Ужъ не дурно-ли тебѣ опять, сядемъ здѣсь! (*Садятся у дверей*).

Юлія. Ахъ, какъ тоска моя увеличивается безпрестанно... Посмотри, какъ бьется мое сердце... ахъ! мой другъ, точно такъ-же оно билось и замирало всякій разъ, когда я должна была видѣть Красицкаго! Это чувство никогда меня не обманываетъ и еслибъ я не была увѣрена, что его нѣтъ на свѣтѣ...

Красицкій. Она не забыла меня?

Марія. Послушай, Юлія! говорятъ, что тоска отъ пѣнія проходитъ, спой что-нибудь, хоть этотъ романсъ, который ты такъ любишь.

Юлія. Пожалуй! если ты хочешь... какъ часто я пѣвала его вмѣстѣ съ Красицкимъ... а теперь...

№ 12.

РОМАНСЪ.

Я иду противъ невѣрныхъ,
Клятвы выслушай мои.
Такъ, съ любезной разставаясь,
Юный витязь говорилъ:
Если я тебя забуду,
Пусть безъ славы я паду.
Пусть увяну, умирая,
Супостатовъ торжество.
Пусть ихъ жены надѣваютъ
Мой поруганный доспѣхъ,
И мечомъ моимъ булатнымъ
Станутъ дѣти ихъ играть;
Пусть живой отдамся въ руки
Я отечества врагамъ,
И рѣшусь въ постыдномъ рабствѣ
Жизнь окончить старикомъ.

Марія. Ты мнѣ сказывала, что есть третій куплетъ, для чего же ты никогда не поешь его?

Юлія. Этотъ куплетъ сочинилъ Красицкій прощаясь со мною. Онъ умеръ и никто въ цѣломъ мірѣ не услышитъ и не будетъ пѣть его.

Красицкій (*начинаетъ пѣть*).

Я еще прибавлю клятву,
Всѣхъ ужаснѣе она,
Если я хотя минуту
Позабуду о тебѣ!

Юлія.

Боже мой!

Красицкій.

Пусть тогда, покрытый славой,
Возвращуся я домой
И въ объятіяхъ другого
Мою Юлію найду!

Юлія.

Онъ живъ? онъ здѣсь?

Красицкій (*показываясь*). Юлія! я умру, иль спасу тебя!

Марія. Сюда идутъ! Твой отецъ! (*Красицкій прячется*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Болеславскій.

Болеславскій. Ты здѣсь, дочь моя?

Марія. Ей сдѣлалось дурно, и мы вышли на воздухъ...

Болеславскій. Женихъ твой скоро будетъ здѣсь... ступай въ свою комнату, постарайся успокоиться, и не забывай, что невѣста пана Твардовскаго не можетъ и не должна грустить.

Юлія. Батюшка!...

Болеславскій. Повинуйся!

Юлія (*Маріи*). Боже мой! Красицкій здѣсь... что съ нимъ будетъ!

Марія. Положись во всемъ на Бога (*уходятъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же безъ Юліи и Маріи.

Болеславскій (*крестьянамъ*). Благодарю васъ, добрые люди, за ваше усердіе, мнѣ весьма пріятно видѣть, что вы всѣ принимаете участіе въ моей радости. (*Уводя Гикшу и Красицкаго*). Вы вѣрно цыгане? Кстати пожаловали сегодня, у насъ большое веселье...

Гикша. А гдѣ веселье, тамъ и мы. Не прикажешь-ли себя позабавить и спѣть что-нибудь?

Болеславскій. Хорошо, посмотримъ, знаешь-ли свое дѣло.

Гикша. А вотъ увидишь! (*Болеславскій садится у дверей, крестьяне, крестьянки окружаютъ Гикшу, который начинаетъ пѣть, аккомпанируя себѣ на гитарѣ*).

Digitized by Google

БАЛЛАДА.

Въ древнемъ замкѣ жилъ бояринъ
Знаменитый Ритаборъ,
Шла о немъ молва худая—
Чернокнижникомъ онъ слылъ.
Люди добрые боялись
Близко къ замку подходить,
И вокругъ въ лѣсу дремучемъ
Не охотился никто.
Вотъ задумалъ онъ жениться
На Свѣтланѣ молодой;
Онъ прельстилъ отца богатствомъ
И согласье получилъ.
Но родные отступились,
И никто изъ всѣхъ подругъ
У рыдающей Свѣтланы
Русу косу не расплелъ.

Болеславскій. Какая вздорная пѣсня!
Гикша. Конецъ-то хорошъ (*продолжаетъпѣть*).

Тихо ночью обвѣнчались
Безъ свидѣтелей они,
И какъ вихрь помчались кони,
Мигомъ къ замку принеслись.
Вотъ взошли и чтожъ Свѣтлана
Видитъ вдругъ передъ собой:
За столомъ ея подруги
И родные всѣ сидятъ;
Но ихъ буйное веселье
Не походитъ ни на что:
Громкій хохотъ ихъ ужасенъ,
Что-то дикое въ глазахъ.
Вотъ Свѣтлана по привычкѣ
Крестно знаменье творитъ,
Хочетъ сѣсть и, вдругъ, о! ужасъ!
Свѣчи тухнутъ—страшный вой!
Гдѣ подруги? Гдѣ родные?
Вдругъ сидятъ лишь мертвецы;
Чтожъ Свѣтлана? Помертвѣла,
Сердце кровью облилось
И ея прелестны очи...
(*останавливается*).

Крестьянинъ. Чтожъ ты не допѣваешь?
Гикша. Забылъ конецъ... а помню какъ сквозь сонъ, покойный мой дѣдушка разсказывалъ, что бездушный отецъ, который прельстился на богатство, сгубилъ дочь свою, умеръ отъ отчаянія и никто не пожалѣлъ о его участи.
Болеславскій. Какой вздоръ!... ты говоришь, какъ будто-бы это въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь случилось.
Красицкій (*выступая впередъ*). Нѣтъ! но можетъ случиться!...
Болеславскій (*вскакивая*). Что это значитъ?
Красицкій. А то, что гнусный чернокнижникъ не бояринъ Ратиборъ, но панъ Твардовскій!
Крестьяне (*съ ужасомъ*). Твардовскій!
Красицкій. А ты тотъ бездушный отецъ, который продалъ, погубилъ дочь свою.
Болеславскій (*съ бѣшенствомъ*). Дерзкій цыганъ! Возьмите его!...
Красицкій. Остановитесь! ты ошибаешься, Болеславскій! Кровь благородныхъ предковъ течетъ въ моихъ жилахъ—и я съ оружіемъ въ рукахъ готовъ доказать Твардовскому, что обвиненіе мое справедливо, — узнаешь-ли ты меня?
Болеславскій. Какое сходство! Возможно-ли?
Красицкій. Такъ! Я Красицкій!

ФИНАЛЪ.

Хоръ крестьянъ.

Красицкій живъ, онъ возвратился,
Его-ль мы видимъ предъ собой?

Болеславскій.

Красицкій живъ, онъ возвратился.
Его-ль мы видимъ предъ собой?

Красицкій.

Давно я съ родиной простился,
Гонимый свѣтомъ и судьбой;
Я смерть искалъ на полѣ чести!..

Болеславскій.

Ты здѣсь ее найдешь!

Хоръ крестьянъ.

Бѣги, Красицкій! Ты умрешь.

Болеславскій.

Моей правдивой мести
Тебя я въ жертву принесу!

Красицкій.

Умру, но Юлію спасу,
Иль я погибну отъ злодѣя,
Или супругой чародѣя
Она не будетъ никогда.

Болеславскій.

Умри-жъ! исчезни навсегда!

(*Бросается на него съ обнаженной саблею, крестьяне его удерживаютъ*).

Хоръ крестьянъ (*Красицкому*).

Бѣги, спасай себя скорѣй!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Твардовскій (*въ великолѣпномъ платьѣ, за нимъ служители и воины*).

Твардовскій.

Что я вижу! Кто дерзкій сей пришлецъ?
Тебя-ли оскорбить, о, Юліи отецъ,
Посмѣлъ сей рабъ презрѣнный?

Красицкій.

Ты здѣсь, соперникъ мой надменный!

Твардовскій.

Соперникъ мой! Что слышу я!

Красицкій.

Узнай, что Юлію, душою всей любя,
Ее отъ гибели спасаю,
И въ чародѣйствѣ я тебя
Передъ всѣми обвиняю!

Хоръ служителей Твардовскаго.

Что слышимъ мы? О страхъ!
Какое дерзновенье!

Болеславскій.

Что слышу я? О страхъ!
Какое дерзновенье!

Digitized by Google

Твардовскій.

Соперникъ мой въ моихъ рукахъ
И нѣтъ ему спасенья!

Хоръ крестьянъ.

Бѣги, его ужасно мщенье!

Красицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! Пусть судитъ провидѣнье
Меня, о, лютый врагъ, съ тобой!
Тебя зовутъ на смертный бой!

(*вынимаетъ саблю*).

Твардовскій (*воинамъ*).

Въ темницу мрачную злодѣя заключите!

(*Воины схватываютъ и обезоруживаютъ Красицкаго*).

Красицкій.

О, небеса! Несчастную спасите!

Гикша (*въ сторону*).

Ахти! попался онъ въ бѣду!

Хоръ служителей Твардовскаго.

Скорѣй, скорѣй его влеките!

(*Воины уводятъ Красицкаго*).

Гикша.

За нимъ во слѣдъ пойду,
Его спасу, во чтобъ ни стало! (*уходитъ*)

Хоръ крестьянъ.

Погибло все, пропало,
Въ оковахъ онъ умретъ,
Его ничто ужъ не спасетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же Юлія и Марія.

Болеславскій.

Приди о, дочь моя!... Тебя вручаю
Супругу твоему.

Юлія (*въ сторону*).

Увы! прибѣгну я къ кому?

Твардовскій.

Тебѣ быть вѣрнымъ обѣщаю,
Тебя клянусь я вѣкъ любить...

Юлія (*Маріи*).

Но я нигдѣ Красицкаго не вижу!

Марія.

Молчи!... Его ты можешь погубить.

Твардовскій.

Скорѣй себя возненавижу,
Чѣмъ клятвамъ измѣню моимъ,
Пусть буду я судьбой гонимъ,
Когда минутную разлуку
Съ тобой рѣшусь я перенесть.

Болеславскій.

Приблизься, дочь! Подай мнѣ руку!
Клянись, что предковъ славныхъ честь
Поддержится тобою.

Юлія.

Ахъ! сжалься надъ моей судьбою,
И дочь свою ты пощади!

Твардовскій.

Любовь мою согласьемъ награди,
И замокъ мой укрась собою!

Хоръ служителей Твардовскаго.

Любовь согласьемъ награди,
И замокъ нашъ укрась собою!

Марья и хоръ крестьянъ.

Ахъ сжалься надъ ея судьбою
И дочь свою ты пощади!

Юлія.

Ахъ, сжалься надъ моей судьбою
И дочь свою ты пощади

Болеславскій.

Нѣтъ, нѣтъ! Напрасно все!

Юлія.

Родитель мой!

Болеславскій. Иди! (*подводитъ ее насильно къ Твардовскому, онъ хочетъ взять ея руку. Ударъ въ тамтамъ—между Твардовскимъ и Юліей является злой духъ, въ одной рукѣ держитъ онъ свистокъ, на которомъ написано: „Ты погибъ!“ другою показываетъ на сіи слова*).

Твардовскій. О, небеса!... Это сонъ! Чудовище! чего ты хочешь отъ меня!

Болеславскій. Что съ тобою сдѣлалось!

Твардовскій. Вы видите его?...

Янъ. Кого, государь? Мы ничего не видимъ!

Твардовскій. Ахъ, куда скрыться отъ адскаго убійственнаго взгляда? Несчастный! Кто спасетъ меня!... (*Закрываетъ руками лицо и поспѣшно уходитъ, вся свита за нимъ-же уходитъ. Духъ исчезаетъ*).

Хоръ крестьянъ.

Отъ кого ему спасаться?
Тамъ невѣста съ нимъ одна;
Нѣтъ сомнѣнья! тутъ скрываться
Тайна страшная должна!

Болеславскій. Что это значитъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ... (*Юліи и Маріи*). Ступайте за мною (*входитъ въ домъ*).

Крестьянинъ (*вбѣгаетъ запыхавшись*). Что вы здѣсь стоите! Посмотрите, что дѣлается на озерѣ... (*Злой духъ появляется на плотинѣ*).

Крестьяне. Что такое?

Крестьянинъ. На дворѣ тихо, а озеро надулось и волнуетъ, какъ въ страшную бурю того и гляди, что изъ береговъ выйдетъ.

(*Злой духъ вырываетъ часть плотины*). Ахти! Посмотрите. какъ коверкаетъ плотину! (*Вода прорывается, съ ужаснымъ шумомъ стремится черезъ плотину и въ одну минуту заливаетъ всю сцену, хижины, подмытыя водою, заливаются, Болеславскій выходитъ на балконъ своего дома*).

Болеславскій. Какой ужасный шумъ! Боже мой, что я вижу!

Хоръ крестьянъ (*вода захватываетъ со всѣхъ сторонъ*).

Digitized by Google

Ахъ, спасите, погибаемъ!
Волны хлынули рѣкой,
Нѣтъ надежды никакой,
Помогите, утопаемъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ часть замка Твардовскаго; съ лѣвой стороны отъ зрителей огромная круглая башня съ однимъ окномъ, укрѣпленнымъ желѣзною рѣшеткою; съ правой стороны и въ глубинѣ театра лѣсъ, — лунный свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гикша (*съ толпой цыганъ входитъ съ правой стороны*).

Гикша (*вполголоса*).

Тише, тише, не шумите!
Ближе къ башнѣ подходите!

Хоръ цыганъ (*вполголоса*).

Мы луной освѣщены,
Здѣсь укрыться невозможно.

Гикша.

Потихоньку, осторожно
Пробирайтесь вдоль стѣны.

Хоръ.

Потихоньку, осторожно
Проберемся вдоль стѣны.

Гикша и хоръ.

Тише, тише не шумите,
Ближе къ башнѣ подходите!...

Гикша. Стойте тутъ, товарищи! да тише, не шевелиться.

1-й цыганъ. Точно-ли ты знаешь, что онъ въ этой башнѣ?

Гикша. Кажется въ этой; когда Красицкаго схватили и повели въ замокъ, я шелъ вслѣдъ за нимъ до самыхъ воротъ, тутъ меня замѣтили, и я чуть-чуть успѣлъ навострить лыжи; идя мимо этой башни, я остановился на минуту, въ ней не было огня, вдругъ она освѣтилась, я сталъ присматриваться, зазвенѣли цѣпи, застучали запоры, потомъ все утихло и свѣтъ пропалъ... Изъ всего этого я заключаю...

1-цыганъ. Положимъ, что такъ, но для чего мы подвергаемъ себя опасности?

Гикша. Какъ для чего? Для того, чтобъ спасти Красицкаго!

1-й цыганъ. Да что такое этотъ Красицкій? Добро-бъ онъ былъ нашъ братъ!

Гикша. Не стыдно-ли тебѣ?... Если онъ не цыганъ, такъ достоинъ быть цыганомъ: не раздѣлялъ-ли онъ съ нами холодъ, голодъ и нужду? Не отдалъ-ли онъ въ артель всѣ свои деньги?

1-й цыганъ. Что правда, то правда.

Гикша. И если ему не посчастливилось родиться цыганомъ, такъ развѣ онъ въ этомъ виноватъ?

1-й. Конечно такъ! не спорю.

Гикша. Тсъ! тише! мнѣ слышалось... точно такъ... (*Подходитъ къ окну*), смотрите, никто ни гугу!..

Красицкій (*у окна*). И такъ я долженъ умереть въ темницѣ и смерть моя не спасетъ Юлію? О, мысль ужасная!

АРІЯ.

Все погибло!... И спасенья
Нѣтъ для Юліи моей!
Я готовъ среди мученья
Провести остатокъ дней,
И въ оковахъ здѣсь, страдая,
Смерть ужасную снести,
Если-бъ только, погибая,
Могъ тебя, мой другъ, спасти!

Гикша. Такъ точно! Это онъ! давайте лѣстницу... Живѣй, рябята!.. (*Подставляютъ лѣстницу. Гикша по ней влѣзаетъ къ окну*). Красицкій!

Красицкій. Что я вижу.

Гикша. Твоихъ друзей и товарищей. (*Подаетъ ему пилу*). Возьми и помогай мнѣ перепилить рѣшетку (*цыганамъ*). А въ глядите по сторонамъ и если кто-нибудь покажется...

1-й цыганъ. Такъ мы попросимъ его побесѣдовать съ нами... (*Половина цыганъ, составляющихъ второй хоръ, отходитъ въ глубину театра, другая остается подлѣ башни*).

Первый хоръ цыганъ.

Не слышенъ-ли шорохъ,
Нейдетъ-ли дозоръ?
Чу! тише!... тамъ шелесть
Раздался въ лѣсу.

Второй хоръ цыганъ.

Не бойтесь, все тихо
Спокойно кругомъ,
Лишь совы летаютъ
И филинъ кричитъ.

Гикша. Ну, братъ, проворнѣй! подбери цѣпь и вылѣзай въ окно. (*Красицкій и Гикша спускаются внизъ по лѣстницѣ*).

Красицкій. Возможно-ли? я свободенъ! (*Цыгане сбиваютъ съ него цѣпь*).

Гикша (*нѣкоторымъ изъ цыганъ*). Ступайте впередъ... и если наткнетесь на дозорныхъ, такъ подайте условный знакъ.

Красицкій. Говори скорѣй! Юлія замужемъ?

Гикша. Ты все еще бредишь любовью? Подумай, вѣдь твоя жизнь была на волоскѣ.

Красицкій. Что мнѣ въ жизни и свободѣ, если она погибла.

1-й цыганъ. Сегодня свадьбы не было.

Красицкій. Не было... Отдыхаю!

Гикша. Ахъ! ты, полоумный!!... да развѣ тебѣ отъ этого легче?... Не сегодня, такъ завтра... Эхъ, братецъ полно думать объ этомъ вздорѣ! Пойдемъ! (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ мѣстоположеніе послѣдняго явленія второго дѣйствія, плотина до половины починена, въ двухъ мѣстахъ льется вода, наверху пролома положено нѣсколько досокъ, по нѣкоторымъ ходятъ рабочіе,—кругомъ толпа крестьянъ, занятыхъ починкою плотины.

1-й крестьянинъ (*второму крестьянину*). Ну, выдался денекъ... Еще Богъ помиловалъ, дешево отдѣлались.

Digitized by Google

2-й крестьянинъ. Да, если-бъ не захватили, то всю-бъ плотину своротило.

1-й крестьянинъ. Гдѣ-бъ намъ сладить... когда-бъ не пустынникъ, — знаешь, вотъ, что живетъ въ лѣсу по ту сторону озера, говорятъ, лишь только онъ подошелъ къ берегу, такъ вода и начала сбывать.

2-й крестьянинъ. Охъ худо, братъ! во всей здѣшней сторонѣ только и слышишь, что бѣда за бѣдой: у арендатора Яна, — градомъ весь хлѣбъ выбило, у пана Казиміра Тарантая — табунъ и всѣ лошади разбѣжались, въ ближнемъ селѣ вдругъ въ пяти мѣстахъ загорѣлось; мы всѣ чуть-чуть не потонули, ну, словомъ, какъ будто-бъ вся нечистая сила опрокинулась на нашъ околотокъ!..

1-й крестьянинъ. А что ты думаешь? Подлинно нечистая сила, а гнѣздо-то ее вотъ тамъ въ замкѣ, понимаешь?

2-й крестьянинъ. Тсъ! тише! что ты кричишь! Вѣдь панъ Твардовскій шутить не любитъ.

1-й крестьянинъ. Да и шутки-то его хороши, не даромъ говорятъ, что тотъ, кто съ чертями сведетъ дружбу...

2-й крестьянинъ. Полно! полно! перестань, пойдемъ мы лучше, примемся за работу опять. (*Подходятъ къ другимъ крестьянамъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, Красицкій и Гикша (*выходятъ съ правой стороны*).

Гикша. Что тебя какъ магнитомъ сюда тянетъ! Ей, Красицкій!..

Красицкій. Можетъ быть мнѣ удастся еще разъ ее увидѣть!

Гикша. Да что ты, головы что-ль моей ищешь? и какой чортъ привязалъ меня къ этому сумасброду!.. того и гляди, что вмѣстѣ съ нимъ повѣсятъ на первой осинѣ! Слушай, братъ! если ты о двухъ головахъ, такъ у меня только одна,—и хотя она подъ-часъ не лучше твоей, а все еще мнѣ не надоѣла.

Красицкій. Ахъ, другъ мой! позволь еще разъ увидѣть Юлію, проститься съ нею и тогда...

Гикша. Я, братъ, знаю эти прощанья!.. сегодня ты простишься, а завтра опять захочешь прощаться. Между тѣмъ всѣ наши товарищи собрались въ дорогу, — ты вздумаешь остаться, я не хочу тебя покинуть...

Красицкій. Оставь меня одного!

Гикша. Вотъ то-то и бѣда, что не могу! Тьфу ты пропасть, видно уже мнѣ на роду написано пропадать вмѣстѣ съ тобою!.. Постой, постой! Смотри, двери отворяются, спрячемся за кусть! (*Гикша и Красицкій прячутся*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Юлія и Марія.

Марія. Слава Богу! кажется, вся опасность миновалась.

Юлія. Что сдѣлалось съ Красицкимъ?

Марія. Онъ вѣрно недалеко отсюда (*въ сторону*), несчастная, она не знаетъ...

Юлія. Для чего-жъ онъ не старается увидаться со мною! (*Красицкій показывается, изъ дому выходитъ Болеславскій. Красицкій прячется опять*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Болеславскій.

Болеславскій. Вы здѣсь? Зачѣмъ вы вышли изъ дому?

Марія. Мы боялись разговоромъ нашимъ помѣшать твоему сну.

Болеславскій. Ахъ! Сонъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ! Непонятный страхъ Твардовскаго, его виданный уходъ, ужасное бѣдствіе, насъ постигшее, все заставляетъ меня думать, что народная молва справедлива.

Юлія. Ахъ, позволь мнѣ надѣяться?

Болеславскій. Успокойся, Юлія. Если я буду убѣжденъ въ ужасной истинѣ, то скорѣй рѣшусь умереть, чѣмъ видѣть дочь моею супругой чародѣя! Но ты также не должна ласкать себя надеждой—Красицкій никогда не будетъ моимъ зятемъ; теперь прощайте! я иду въ замокъ...

Юлія. Что я слышу?... Ночью въ замокъ?..

Болеславскій. Я хочу и долженъ говорить съ Твардовскимъ.

Марія. Но развѣ ты не можешь подождать до утра!

Болеславскій. Нѣтъ! Участь дочери моей должна рѣшиться сегодня. Не бойтесь ничего, чрезъ часъ я буду опять съ вами. (*Идетъ къ плотинѣ. Когда онъ входитъ на нее, на противоположномъ краю показывается злой духъ. Въ ту самую минуту, какъ Болеславскій проходитъ по доскамъ, которыя служатъ мостомъ, злой духъ дѣлаетъ знакъ рукою, доски съ трескомъ ломаются и Болеславскій падаетъ въ воду. Духъ исчезаетъ*).

Хоръ крестьянъ.

Бѣгите, спѣшите,
Спасайте его!

Юлія. Онъ погибъ. (*Падаетъ безъ чувствъ въ объятія Маріи. Красицкій и Гикша выбѣгаютъ на сцену и бросаются съ плотины въ воду*).

Хоръ крестьянъ.

Несчастный погибъ!
Волнами покрытый,
Въ пучинѣ кипящей
Онъ скрылся на вѣкъ.

(*Красицкій и Гикша выносятъ на сцену Болеславскаго*).

Красицкій. Онъ живъ!

Юлія. Онъ живъ! родитель мой! (*Бѣжитъ къ нему навстрѣчу, крестьяне помогаютъ Красицкому и Гикшѣ положить Болеславскаго на скамью передъ его домомъ*).

Болеславскій (*приходя въ себя*). Какое чудо спасло меня? Гдѣ мой избавитель?

Гикша (*показывая на Красицкаго*). Вотъ онъ! передъ тобою.

Болеславскій, Юлія и Марія.—Красицкій!

Красицкій. Благодарю Провидѣніе! мнѣ удалось, спасти тебя.

Болеславскій. Но ты самъ былъ во власти твоего соперника?..

Красицкій. Вотъ вѣрный другъ, который, презирая смерть, разорвалъ мои оковы: я обязанъ ему болѣе чѣмъ жизнію: если-бъ не возвратилъ мнѣ свободу, то я не могъ бы спасти отца моей Юліи...

Болеславскій. Великодушный юноша!.. Я искалъ твоей погибели, а ты...

Гикша. А онъ чуть самъ не утонулъ, вытаскивая тебя изъ воды.

Digitized by Google

Болеславскій. Чѣмъ могу я доказать тебѣ мою благодарность?

Красицкій. Болеславскій! Не губи своей дочери... вотъ одна награда, которой я требую; я обѣщаюсь навсегда мою родину покинуть. Пусть Юлія отдастъ другому свою руку,—пускай забудетъ обо мнѣ. Ахъ! видѣть ее спокойной и счастливой—вотъ все, чего я желаю; но гнусный чернокнижникъ, злодѣй Твардовскій... достоинъ-ли быть ея супругомъ?

Болеславскій. Я и самъ начинаю тоже думать! Послѣ долгой разлуки, я приглашаю тебя, какъ прежде, взойти въ мой домъ.—Красицкій! Я не обѣщаю тебѣ ничего. Но вотъ рука моя, что отнынѣ вѣчная благодарность и дружба замѣняетъ въ душѣ моей ненависть, которую столь долго я питалъ къ благороднѣйшему изъ людей! (*Всѣ уходятъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Театръ представляетъ готическую комнату въ замкѣ Твардовскаго.

Твардовскій (*выходитъ съ лѣвой стороны отъ зрителей*). Наконецъ успѣхъ увѣнчалъ мои надежды! Заклинанія мои подѣйствовали, а могущественный голосъ мой заставляетъ трепетать злого духа! Ты смирился передъ своимъ повелителемъ, гордый духъ! исчезъ грозный твой образъ и одно мое слово, одно помышленіе, и ты въ видѣ прелестнаго существа являешься съ покорностію раба исполнять всѣ мои желанія! Я одержалъ побѣду, но силы мои истощились, мнѣ нужно подкрѣпить себя. Послѣдній изъ рабовъ моихъ, ты долженъ отгадывать всѣ мои желанія! Повинуйся! (*Является богато убранный столъ, подлѣ котораго стоитъ злой духъ, въ образѣ молодого генія съ поникнутой головой и видомъ величайшей покорности*). Ты трепещущій злобный духъ? Трепещи! Ты дорого заплатишь за минутное торжество твое! Исчезни! (*Исчезаетъ; входитъ служитель*). Я не звалъ тебя!

Служитель. Государь! твой старикъ-конюшій, Артуръ, проситъ позволенія взойти къ тебѣ.

Твардовскій. Что хочетъ отъ меня этотъ дряхлый старикъ? Пусть онъ взойдетъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Твардовскій, Артуръ и служитель.

Артуръ. Государь! Прости усердію твоего вѣрнаго слуги; я долженъ говорить съ тобою наединѣ. (*Служитель, по знаку Твардовскаго уходитъ*).

Твардовскій. Говори.

Артуръ. Я служилъ вѣрой и правдой отцу твоему; нянчилъ тебя на рукахъ моихъ и привыкъ, не прогнѣвайтесь, государь! привыкъ любить тебя, какъ родного сына!

Твардовскій. Къ чему все это?

Артуръ. Ахъ! Если-бъ мой слабый голосъ, если-бъ слезы мои могли тронуть твое сердце.

Твардовскій. Говори скорѣй, старикъ! чего ты отъ меня хочешь?

Артуръ. Ты знаешь пустынника, который живетъ въ лѣсу на томъ концѣ озера?

Твардовскій. Да! я слышалъ о немъ.

Артуръ. Съ полчаса тому назадъ я повстрѣчался съ нимъ у воротъ замка.

Твардовскій. Ночью подлѣ моего замка?

Артуръ. Да, государь! Онъ пришелъ для того, чтобъ сказать мнѣ... Ахъ! и теперь еще сердце мое замираетъ отъ ужасныхъ его словъ...

Твардовскій. (*Смотря съ презрѣніемъ на Артура*). Жалкое созданье!

Артуръ. „Ступай!...—сказалъ мнѣ сей праведный мужъ,—скажи своему господину, что правосудіе небесное не дремлетъ, что близокъ часъ безплоднаго раскаянія, скажи, что въ гордости своей, обольщенный преступною надеждой, онъ не видитъ пропасти, готовой поглотить его".

Твардовскій. И тебя испугали слова этого безумца.

Артуръ. „Скажи ему, погибающему,—продолжалъ пустынникъ,—скажи ему, чтобъ онъ не отвращалъ своего слуха отъ гласа милосердыхъ небесъ, призывающихъ его къ покаянію. Еще время, пусть Твардовскій откажется на всегда отъ преступныхъ своихъ замысловъ; пускай, смирясь въ душѣ своей передъ Тѣмъ, Что одинъ всемогущъ и всесиленъ, онъ сознается въ своихъ ничтожествахъ, и я примирю его съ небесами"...

Твардовскій. Онъ примиритъ меня съ небесами!... Меня?... Продолжай.

Артуръ. „Но горе несчастному!—прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Горе ему! если онъ отвергнетъ сей послѣдній призывъ Того, Кто простираетъ свои объятія кающемуся грѣшнику и казнитъ гордаго нечестивца, вѣчная погибель его неизбѣжна, раскаяніе не коснется ожесточенной души его; безсильная злоба и отчаяніе наполнятъ его сердце и минутный повелитель духовъ содѣлается на всегда послѣднимъ изъ рабовъ ихъ". Государь! вотъ слова пустынника—они ужасны, но вмѣстѣ и справедливы.

Твардовскій. Поди, добрый Артуръ, успокойся—я знаю, что долженъ дѣлать.

Артуръ. Государь! позволь мнѣ привести къ тебѣ пустынника.

Твардовскій. Старикъ! я не охотно повторяю мои приказанія. Оставь меня! (*Артуръ медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Твардовскій (*одинъ*).

Твардовскій. Итакъ, я могу еще примириться съ небесами, но могу-ли я забыть прошедшее? Могу-ли снова задернуть завѣсу, которая скрывала отъ глазъ моихъ таинства природы, и съ равнодушіемъ раба, привыкшаго къ своимъ оковамъ, ожидать спокойно конца ничтожной моей жизни. Какой внутренній голосъ повторяетъ мнѣ слова пустынника; онъ напоминаетъ мнѣ о будущемъ, онъ говоритъ о душѣ моей. Несчастный! Еще одна минута, и ничто уже не спасетъ тебя! Кто шепчетъ мнѣ: Твардовскій, ты властелинъ всей природы, всѣхъ стихій, и хочешь снова пресмыкаться въ толпѣ людей обыкновенныхъ. Ахъ! зачѣмъ я не могу зопрошать будущее и для чего оно закрыто отъ глазъ моихъ? такъ душа моя жаждетъ спокойствія,—но признаться въ моемъ ничтожествѣ, заключить свой умъ въ тѣсные предѣлы рабскаго повиновенія и могущества, на всегда отъ нихъ отказаться... (*Рѣшительно*). Нѣтъ! нѣтъ... никогда! (*Ударъ грома. Столъ превращается въ гробницу, на которой написано блестящими буквами имя Твардовскаго. Злой духъ, въ прежнемъ своемъ видѣ, стоитъ*

Digitized by Google

подлѣ гробницы, въ одной рукѣ онъ держитъ свернутую рукопись, другой показываетъ надпись). Что я вижу! моя гробница!

Невидимый хоръ (*за кулисами*).

Небесъ отвергнуто призванье,
Отъ нихъ ты взоръ свой отвратилъ!

Твардовскій. Все свершилось! Я погибъ!

Невидимый хоръ.

Пришла минута покаянья,
Твой часъ, Твардовскій, наступилъ!

Твардовскій. Ты обольстилъ меня ложной покорностью, коварный духъ! Несчастный, я могъ спасти себя!... (*Злой духъ развертываетъ свитокъ и показываетъ слова: Ты погибъ*)!

Невидимый хоръ.

Пришла минута покаянья,
Твой часъ, Твардовскій, наступилъ!

Твардовскій. Такъ—мой часъ наступилъ! Исчезни! а слѣдую за тобою (*злой и гробница исчезаютъ*). Сердце мое каменѣетъ, какъ бурный потокъ,—адское отчаяніе врывается въ мою душу! Ты наступаешь для меня, безнадежная вѣчность, ахъ! какая непреоборимая сила увлекаетъ меня! Я гибну! Но участь моя останется неизвѣстною... пусть вихри буйные развѣютъ мой прахъ по воздуху! Внимайте мнѣ, послушныя стихіи! Разорвите свои оплоты! Потрясись земля. Разрушьтесь, стѣны! А ты пролейся съ небесъ, всепожирающее пламя... истреби жилище злодѣя и вмѣстѣ съ нимъ память о Твардовскомъ! (*Ужасный трескъ; буря и громъ усиливаются*).

1-й служитель (*входитъ поспѣшно*). Государь! Весь замокъ въ тревогѣ, по всѣмъ переходамъ раздается дикій хохотъ, въ воздухѣ слышны ужасные крики, всѣ служители твои бѣгутъ вонъ изъ замка.

2-й служитель. Государь! Молнія упала на западную башню, она обрушилась и увлекла съ собой большую часть стѣны.

Янъ (*вбѣгаетъ*). Спасайся, государь! замокъ горитъ!

Твардовскій. О, радость! послѣдняя воля моя исполняется.

Янъ. Спасай себя! Еще нѣсколько минутъ— и ты погибнешь.

Твардовскій. Ты обманулся въ своей надеждѣ, злобный духъ! Твардовскій торжествуетъ! такъ! Я иду и на развалинахъ моего замка умру твоимъ повелителемъ (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе, съ правой стороны въ глубинѣ театра по берегу озера видна башня и часть стѣны, за которой пылаетъ пламя. Замокъ Твардовскаго— ближайшая часть озера къ замку—отсвѣчиваетъ зарево пожара, крестьяне и цыгане выбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ на сцену; прежде окончанія перваго хора выходятъ

Марія, Юлія, Болеславскій, Красицкій и Гикша.

ФИНАЛЪ.

Хоръ крестьянъ.

О, ужасъ, смотрите,
Весь замокъ въ огнѣ,
Пылаютъ всѣ стѣны
И башни горятъ.

Болеславскій. Что я вижу!

Красицкій.

Небесный судъ
Надъ извергомъ свершился...

Гикша.

Съ духами злыми онъ дружился,
Такъ пусть они его спасутъ.

Хоръ.

Онъ Провидѣніе злословилъ,
Онъ чернокнижникъ и злодѣй!

Болеславскій.

Какую участь я готовилъ
Несчастной дочери моей.

(*Ужасный ударъ грома, башня разваливается. Злой духъ вылетаетъ изъ нея, держа Твардовскаго и, поднявшись надъ срединою озера, бросаетъ его въ воду, изъ которой показывается пламя*).

Болеславскій. О небо, Твардовскій.

Юлія и Марія. Какой ужасъ!

Красицкій. Вѣчное правосудіе! Кто избѣгнетъ Твоего мщенія!

Общій хоръ.

Страшенъ гнѣвъ небесъ правдивыхъ,
Грозенъ судъ Твой, о, Творецъ!
Ты караешь нечестивыхъ,
Злодѣяньямъ есть конецъ.

(*Буря утихаетъ, тихая, очаровательная мелодія раздается въ воздухѣ. Сцена освѣщается*).

Красицкій. Какой свѣтъ разливается повсюду.

Юлія. Какіе очаровательные звуки раздаются въ воздухѣ!

Болеславскій. Сами небеса возвѣщаютъ, что бѣдствія наши прекратились! Твардовскій погибъ и спокойствіе возвратится снова въ здѣшней странѣ. Приди въ мои объятія, Красицкій, ты спасъ мнѣ жизнь, сдѣлай еще и болѣе—замѣни для меня потерю сына, котораго я столь долго оплакивалъ.

Хоръ крестьянъ.

Наше горе прекратится,
Мы спокойно станемъ жить.

Красицкій (*Юліи*).

Могу-ли я надеждой льститься
Твою руку получить!

Марія.

Ваши дни въ счастливой долѣ
Среди веселья пролетятъ.

Хоръ.

Духи адскіе ужъ болѣ
Нашъ покой не возмутятъ.

Болеславскій (*Красицкому*).

Судебъ исполняется желанье
Въ тебѣ найду я сына вновь.
(*Подводитъ къ Юліи*).

Digitized by Google

Прими Красицкій, воздаянье
За безкорыстную любовь!

Марія и хоръ.

Прими, Красицкій, воздаянье
За безкорыстную любовь!

Общій хоръ.

Напрасно кичливый въ безумствѣ мечтаетъ
Небесъ раздраженныхъ избѣгнуть суда,
ТворецъВсемогущій,защитникъ невинныхъ...
Онъ милуетъ добрыхъ, злодѣевъ казнитъ.

(*Занавѣсъ*).

КОНЕЦЪ.

(*1828 г.*).

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

РОМАНИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Неизвѣстный.
Торопка-головань, гудочникъ.
Всеславъ, княжескій отрокъ.
Алексѣй, старый рыбакъ.
Надежда, дочь его.
Вышата, княжескій ключникъ.
Фрелафъ, варяжскій мечникъ.
Стемидъ, княжескій стремянный.
Простѣнъ, княжескій гридня.
Якунъ, Икморъ, Руальдъ, Эрикъ, Арнульфъ, } воины варяжской дружины.
Остроміръ, княжескій сокольничій.
Фенкалъ, варяжскій скальдъ.
Вахрамѣевна, кіевская вѣдьма.
Садко, Юрка, Пленко, Чурила, } служители села Предиславина.
Старуха.
Буслаевна, нянюшка.
Любаша, молодая кіевлянка.
Часовой.
1-й, 2-й } рыбаки.
Кіевляне и кіевлянки.

Славянская и варяжская дружины князя Святослава, слуги и служительницы въ селѣ Предиславинѣ, рыбаки и хоръ адскихъ духовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Разсвѣтъ. Дикое мѣстоположеніе на берегу Днѣпра, который занимаетъ большую часть глубины сцены; вдали, по всей нагорной сторонѣ рѣки, живописные холмы, усѣянные зданіями, изъ средины которыхъ подымается дворецъ великокняжескій съ высокими теремами. Съ правой стороны отъ зрителей, рыбачья хижина съ навѣсомъ. Кругомъ развѣшаны невода.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Надежда (*выходя изъ хижины*).

Вотъ скоро солнышко проглянетъ, а милаго все нѣтъ!... Какъ чисты небеса!... Какъ свѣжъ, прохладенъ вѣтерокъ!... О! какъ прекрасенъ Божій свѣтъ!... Чу!... Что за шорохъ тамъ въ кустахъ? Ужли Всеславъ? Ахъ, нѣтъ!...

АРІЯ.

Гдѣ ты, женихъ мой ненаглядный,
Всеславъ, мой вѣрный, милый другъ?

Digitized by Google

Всеславъ, души моей любимецъ!
Спѣши, спѣши обрадовать меня!
Мы вмѣстѣ каждый день съ тобою
Встрѣчаемъ солнечный восходъ
И вмѣстѣ надъ Днѣпромъ широкимъ
Внимаемъ громкимъ пѣснямъ соловья.

* * *

Но ты нейдешь—я жду напрасно...
Изныло сердце все во мнѣ!
Приди, приди, мой ненаглядный!
Спѣши, спѣши обрадовать меня!
Въ тебѣ одно мое все счастье.
Въ тебѣ всѣ радости мои!
Приди, приди ко мнѣ скорѣе,
Всеславъ, мой нѣжный, милый другъ.

Но вотъ, кажется... О! какъ забилось мое сердце! Такъ точно... это онъ! это Всеславъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Надежда и Всеславъ.

Надежда (*идя навстрѣчу къ Всеславу*). Какъ ты опоздалъ сегодня, мой суженый! Ужъ я ждала, ждала!...

Всеславъ. Прости меня, Надежда! Я давно-бы ужъ былъ здѣсь, но со мной на берегу Днѣпра повстрѣчался какой-то неизвѣстный... Ахъ! если-бы ты знала, что говорилъ со мною этотъ таинственный незнакомецъ!... И теперь еще вся кровь волнуется въ моихъ жилахъ! Онъ сказалъ мнѣ... Но я поклялся молчать объ этомъ.

Надежда. О, мой другъ! слова твои приводятъ меня въ ужасъ!

Всеславъ. Не бойся, Надежда! тайна, которую я узнаю сегодня, быть можетъ, сдѣлаетъ меня, безроднаго сироту, счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ... Но что говорить объ этомъ! Я вмѣстѣ съ тобою, я твой суженый, твой Богъ будетъ скоро моимъ Богомъ—чего же мнѣ желать еще болѣе?

Надежда. Да, Всеславъ: скоро всѣ христіане станутъ звать тебя своимъ братомъ, а я моимъ супругомъ и повелителемъ. Но ты и теперь ужъ не язычникъ: ты молишься вмѣстѣ съ нами и не любишь боговъ своихъ. Не правда-ли, Всеславъ, ты будешь жить съ нами въ этой хижинѣ? Здѣсь такъ хорошо... такъ весело!... Да чтожъ ты молчишь и смотришь все на меня?

Всеславъ. А на что-же мнѣ и смотрѣть, какъ не на тебя, мой безцѣнный, милый другъ?

Надежда. Какъ на что? Видишь-ли ты тамъ, на зеленомъ лугу, словно снѣжокъ бѣлѣются душистые ландыши?

Всеславъ. Ты во сто разъ бѣлѣе ихъ, моя ненаглядная!

Надежда. А вонъ, посмотри, тамъ на полянѣ, какіе яркіе малиновые цвѣты!

Всеславъ. Твои алыя уста милѣе ихъ!

Надежда. А эти свѣтлыя, лазурныя небеса?

Всеславъ. Они темнѣе твоихъ голубыхъ очей, моя суженая!

Надежда. Да полно меня хвалить, Всеславъ!... Мнѣ, право, стыдно!

Всеславъ. Ты краснѣешь!... Краснѣй, моя радость! О, какъ ты хороша, Надежда! Заговоришь-ли ты—словно горлинка застонетъ! Улыбнешься — словно солнышко проглянетъ!... Да посмотри на меня, радость дней моихъ! Скажи: любишь-ли ты меня?

Надежда. Люблю-ли я тебя! О, Всеславъ, Всеславъ! и ты можешь меня объ этомъ спрашивать!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Алексѣй.

Алексѣй, (*выходя изъ хижины*). Здравствуйте, дѣти!

Всеславъ. Здоровъ ли ты, добрый Алексѣй?

Алексѣй. Слава Богу, молодецъ! Брожу еще, пока Господь грѣхамъ терпитъ. Я думалъ, Надежда, что ты ужъ давно ушла навѣстить твою больную крестную мать.

Надежда. Я дожидалась его, батюшка; онъ меня проводитъ!

Всеславъ. Да, Алексѣй, я провожу ее: вѣдь это не близко отсюда.

Алексѣй. Да не такъ чтобы очень, близъ самой Кучинской горы. Ты пробудешь у своей крестной матери цѣлый день, Надежда, да смотри, не выходи на улицу—вѣдь сегодня весь Кіевъ сойдетъ съ ума.

Всеславъ. Въ самомъ дѣлѣ! Кажется, сегодня Усладовъ праздникъ.

Алексѣй. Вотъ то-то и есть! Ступайте-же скорѣе, пока толпы народа и ратные люди не высыпали за городъ, чтобъ предаваться своимъ буйнымъ забавамъ и потѣхамъ.

Всеславъ. Прощай, Алексѣй! Пойдемъ, Надежда! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Алексѣй и вскорѣ рыбаки.

Алексѣй. Бѣдные кіевляне! Доколѣ вы будете въ слѣпотѣ вашей величать богами бездушныхъ истукановъ? Сегодня вы станете весь день гнѣвить Господа; а мы, христіане, будемъ всю ночь молить его, да просвѣтитъ Онъ души ваши свѣтомъ истинныя вѣры!... О, доживемъ-ли мы когда-нибудь до того времени, когда наша родина, нашъ великій Кіевъ огласится святыми пѣснями въ честь истиннаго Бога! (*Задумывается. За кулисами начинается хоръ рыбаковъ*). А! вотъ, кажется, и мои ребята!... *Большая лодка съ рыбаками показывается на самомъ дальнемъ планѣ рѣки, проѣзжаетъ черезъ всю сцену, исчезаетъ за кулисами, потомъ снова появляется на ближнемъ планѣ рѣки и, доѣхавъ до рыбачьей избушки, причаливаетъ къ берегу.*

Хоръ рыбаковъ.

Гой ты Днѣпръ-ли мой широкій!
Лейся быстрою волной!
Днѣпръ широкій и глубокій!
Ты кормилецъ нашъ родной!
Я забылъ свою кручину
На волнахъ твоихъ сѣдыхъ;
Горемыку—сиротину
Ты укачивалъ на нихъ!

* * *

Безпріютный, одинокій
Я живу однимъ тобой!
Гой ты Днѣпръ-ли мой широкій!
Ты кормилецъ мой родной!

По окончаніи хора, рыбаки выходятъ на берегъ. Одни изъ нихъ начинаютъ снимать невода, а другіе подходятъ къ Алексѣю).

Digitized by Google

Алексѣй. Здравствуйте, дѣтушки! Что такъ поздно выѣхали сегодня на работу?

Первый рыбакъ. Да что, дѣдушка, изъ чего биться-то? Бывало, не успѣешь вытащить невода, мигомъ всю рыбу заберутъ для княжескаго стола; а теперь продавай по мелочи горожанамъ!

(*Незнакомый появляется на челнокѣ, причаливаетъ къ берегу и, облокотясь на весло, вслушивается въ разговоръ рыбаковъ*).

Второй рыбакъ. Да что это, въ самомъ дѣлѣ, ребята! Вотъ ужъ близко десяти дней, какъ нашего великаго князя видомъ не видать, слыхомъ не слыхать? Ужъ здоровъ-ли онъ, нашъ батюшка? Бывало, не пройдетъ двухъ дней безъ пированія и всякихъ потѣхъ: то пиръ горой, то игрушки богатырскія...

Алексѣй. Не все пировать, дитятко. И княжескія яства пріѣдаются и сладкій медъ припивается.

Первый рыбакъ. Мнѣ-бы, дѣдушка не припился.

Алексѣй. Да и то сказать, нельзя же каждый день быть подъ хмѣлькомъ! Дѣло его княжеское: надо рядить, судить, давать всѣмъ расправу. Тутъ варягъ ограбилъ руссина; тамъ, глядишь, нашъ братъ кіевлянинъ.

Неизвѣстный (*прерывая*). Что?... Чай, обидѣлъ варяга?

(*Всѣ рыбаки оглядываются и смотрятъ съ удивленіемъ на неизвѣстнаго, который, оставивъ весло въ челнокѣ, выходитъ на берегъ*).

Второй рыбакъ. Ахъ, лѣшій его побери! Какъ онъ подкрался!

Алексѣй. Что тебѣ надобно, молодецъ? Не хочешь-ли рыбки купить?

Неизвѣстный. Спасибо, старинушка!

Первый рыбакъ. Иль не приказешь-ли на твое счастье закинуть?

Неизвѣстный. Нѣтъ, любезный! Я такъ присталъ къ берегу, чтобъ отдохнуть немного. Да о чемъ вы здѣсь, ребята, растабарывали?

Первый рыбакъ. Такъ, кой о чемъ.

Неизвѣстный. Кажись, рѣчь шла о Святославѣ?

Алексѣй. О какомъ Святославѣ? Если ты говоришь о нашемъ государѣ, молодецъ, такъ его не зовутъ просто Святославомъ, а величаютъ великимъ княземъ кіевскимъ.

Неизвѣстный (*насмѣшливо*). Кіевскимъ! Кіевскимъ!... Отецъ его былъ когда-то и княземъ древлянскимъ, да вѣдь недолго накняжилъ. Слыхалъ-ли ты, старикъ, пословицу „что чужое добро въ прокъ нейдетъ“?

Алексѣй. Чужое добро?... Что ты, что ты, молодецъ! Развѣ Кіевъ не отчина великаго князя? развѣ мы всѣ не его?

Неизвѣстный. А ваши-то отцы и дѣды служили кому? То-то и есть! Недаромъ говорятъ, что у народа память коротка: а, кажись, есть чѣмъ старину вспомянуть. То ли дѣло, подумаешь: теперь намъ отъ однихъ варяговъ житья нѣтъ—эти поморяне того и норовятъ, чтобъ послѣднюю одежонку съ насъ стащить: „мы, дескать, великокняжеская дружина—такъ, что его, то наше“. Нѣтъ, братцы, не то было при старыхъ князьяхъ вашихъ! Довольство-то какое во всемъ было! Житье-то какое привольное! Ну, что вы, ребята, на меня такъ установились? Коли вы сами не видали этихъ временъ, то вѣрно слыхали объ нихъ отъ отцовъ и матерей?

Первый рыбакъ. Слыхать-то слыхали: въ пѣсняхъ поется, что въ старину и рѣки текли сытою, а берега были кисельные,—да вѣдь это давно ужъ было.

Неизвѣстный. Не такъ что-бы давно. Знаете-ли вы, братцы, кто былъ Аскольдъ?... Что?... видно, нѣтъ? Да неужли-то вамъ и отцы никогда не говаривали о вашемъ прежнемъ законномъ государѣ?

Алексѣй. Что ты, что ты, господинъ честной!... Не слушайте его, ребята! Нашъ законный государь князь Святославъ Игоревичъ... Эхъ, молодецъ! Чести твоей мы не порочимъ: Богъ вѣсть, кто ты такой; а не пригоже ни тебѣ говорить такія рѣчи, ни намъ ихъ слушать!

Неизвѣстный. Ой-ли, старинушка? Ну, коли нельзя говорить, такъ чай пѣть можно? Хотите-ли, братцы, я вамъ спою пѣсенку?... Да не бойся, дѣдушка, въ ней о вашемъ князѣ и рѣчи не будетъ. Слушайте-ка, братцы!

ПѢСНЯ.

Въ старину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучатъ:
Какъ простую пили воду
Медъ и крѣпкое вино!
Веселились, потѣшались,
Пировали круглый годъ;
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Хоръ рыбаковъ.

Ну вотъ, слышите-ль, ребята,
Какъ живали въ старину?

Неизвѣстный.

Люди ратные не смѣли
Брать все даромъ на торгу,
И лишь грековъ обижали
И заѣзжихъ поморянъ;
Въ поясъ кланялись народу
И честили горожанъ;
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Хоръ рыбаковъ.

Ну вотъ, видите-ль, ребята.
Какъ живали въ старину?

Неизвѣстный.

Безъ варяговъ управлялись
Съ печенѣгской мы страной,
И Византію громили,
И съ косоговъ брали дань;
И всѣхъ били кіевляне,
Какъ ихъ бьютъ теперь самихъ;
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Хоръ рыбаковъ,

Ну вотъ, слышите-ль, ребята,
Какъ живали въ старину?

Неизвѣстный. Ну что, товарищи! Любали вамъ моя пѣсенка?

Алексѣй. Пѣсня хороша, молодецъ, да слова-то не ладны, пѣлъ бы ты ее про себя! Ну что вы, дурачье, рты-то разинули? мало-ли что было въ старину — всего не переслушаешь!...

Первый рыбакъ. Да о какомъ это, ребята, онъ все толкуетъ Аскольдѣ?

Digitized by Google

Второй рыбакъ. Неужели не знаешь? Ну вотъ, что похороненъ тамъ, близъ мѣста Угорскаго, надъ самой рѣкою.

Первый рыбакъ. А кто онъ былъ таковъ?

Второй рыбакъ. Прахъ его знаетъ! Такъ, какой нибудь ледящій княжища! Чай, при немъ лѣнивый не обижалъ Кіева... То-ли дѣло теперь! и подумать-то никто не смѣетъ! Вотъ недавно, завозились было ятвиги и радимичи—много взяли! Лишь только нашъ удалой князь усомъ повелъ, такъ они мѣста не нашли!... Что тутъ говорить! Да бывалъ-ли когда на Руси такой могучій государь? Да летать-ли когда по поднебесью такой ясный соколъ, какъ нашъ батюшка, князь Святославъ Игоревичъ?

Первый рыбакъ. А какъ выѣдетъ нашъ кормилецъ на борзомъ конѣ своемъ, впереди своихъ витязей—что за молодецъ такой! Такъ, глядя на него, сердце и запрыгаетъ отъ радости.

Алексѣй. Да какъ сердцу и не радоваться? Вѣдь онъ нашъ родной; ему честь — намъ честь!

Второй рыбакъ. Вѣстимо! Чего-жъ намъ еще. Живи только, да здравствуй нашъ батюшка великій князь, наше красное солнышко!

Неизвѣстный. Хорошо солнышко! Лѣтомъ печетъ, а зимой не грѣетъ.

Первый рыбакъ. Дѣдушка, а дѣдушка! что это онъ пострѣлъ говорить? Ужъ не ятвиги-ли подослали его мутить народъ?

Второй рыбакъ. Да не диво, братъ, станется!

Алексѣй. Вотъ то-то и есть, дѣтушки! Чтобъ и намъ съ нимъ въ бѣду не попасть... Эй, ребята, будетъ растабарывать, пора на работу! (*Рыбаки начинаютъ убирать невода и усаживаться на лодку*).

Ну-те, братцы, поскорѣе
Забирайте невода!
Мы, при помощи Перуна,
Лодку рыбой нагрузимъ,
И наловимъ для продажи
Золотистыхъ осетровъ...
Ну-те, братцы, поскорѣе
Забирайте невода!

(*По окончаніи хора, Алексѣй и всѣ рыбаки, помѣстясь въ лодкѣ, уѣзжаютъ наѣво*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Неизвѣстный и вскорѣ Таропъ.

Неизвѣстный. Глупое стадо! Вотъ, посмотримъ, что-то вы заговорите тогда, какъ съ одной стороны печенѣги, а съ другой греки приступятъ къ Кіеву и бранный крикъ сей безчисленной рати сольется въ одно общее восклицаніе: „да погибнетъ Святославъ и да княжитъ въ Великомъ Кіевѣ потомокъ знаменитаго Аскольда!“ (*Задумывается, съ правой стороны слышна хороводная пѣсня и голосъ поющаго Таропа*). Но, мнѣ кажется... Такъ точно! это голосъ моего слуги Таропа!

Таропъ (*выходя на сцену и продолжая пѣть*).

Свѣтелъ, свѣтелъ мѣсяцъ во полуночи
Ясно, ясно солнышко въ весенній день;
А яснѣе чиста мѣсяца,
А свѣтлѣе ясна солнышка
Нашъ Великій Князь!...

Неизвѣстный (*идя къ нему навстрѣчу*). Таропъ! пристало-ли тебѣ пѣть такую пѣсню и величать нашего злодѣя!

Таропъ. А! это ты, бояринъ?... Не погнушайся! Я вечоръ перенялъ эту пѣсенку у Соловья Будимировича, любимаго пѣвца Великокняжескаго. Ахъ, бояринъ, что за пѣсня такая! послушай-ка...

Неизвѣстный. Молчи!... Развѣ ты для того живешь въ Кіевѣ, чтобъ перенимать глупыя пѣсни?

Таропъ. А чтожъ, бояринъ? Таропка-голованъ пѣсенки попѣваетъ, а дѣла не забываетъ, вѣдь я все провѣдалъ, что тебѣ было надобно. Ну, что, говорилъ ты сегодня со Всеславомъ.

Неизвѣстный. Да, говорилъ: но не открылъ ему тайну его рожденія; онъ узнаетъ ее сегодня, когда, по обѣщанію своему, придетъ въ полночь на могилу Аскольда.

Таропъ. Но точно-ли, бояринъ, знаешь, что княжескій отрокъ Всеславъ тотъ самый безродный сирота, котораго ты отыскивалъ?

Неизвѣстный. Да, это точно онъ. Золотая гривна, которую Всеславъ носитъ на груди своей; его собственный разсказъ, какъ онъ найденъ былъ воинами Игоря въ дремучемъ лѣсу, въ избушкѣ, въ которой я скрывался отъ преслѣдованій враговъ моихъ—все подтверждаетъ эту истину. О, если-бы боги помогли мнѣ свершить заповѣданное мнѣ отцомъ и дѣдомъ! Если-бъ я могъ отомстить за смерть ихъ государя и возвратить правнуку Аскольда его законное наслѣдіе!... Но я опасаюсь, Таропъ: привязанность этого юноши къ Святославу, его любовь къ какой-то христіанкѣ...

Таропъ. А! знаю, знаю, бояринъ!... Это дочь стараго рыбака Алексѣя; ее зовутъ Надеждою, она живетъ вотъ здѣсь, въ этой избушкѣ.

Неизвѣстный. Здѣсь?

Таропъ. Да, бояринъ. Я шелъ къ ней, когда мы повстрѣчались. Всеславъ раза три приводилъ меня съ собою, чтобъ позабавить ее моими пѣсенками. Я, аномнясь, обѣщалъ ей принести росписное веретено моего рукодѣлья—вотъ оно. Да только, кажется, ни ея, ни Алексѣй дома нѣтъ... Ну, такъ и есть!—двери заперты.

Неизвѣстный. А хороша ли собою эта дѣвушка?

Таропъ. Да такъ-то хороша, бояринъ, что я надивиться не могу, какъ она до сихъ поръ не попала въ село Предиславино. Тамъ много есть пригожихъ, а ни одной нѣтъ такой красавицы, какъ она.

Неизвѣстный. А развѣ ты бывалъ въ селѣ Предиславинѣ?

Таропъ. Какъ-же!... Бояринъ Вышата не разъ призывалъ меня туда, чтобъ потѣшить моими пѣснями тамошнихъ затворницъ. Вѣдь онъ отъ Великаго Князя поставленъ надъ ними набольшимъ.

Неизвѣстный. Вышата?... Ближній ключникъ Великокняжескій?

Таропъ. Ну, да! вотъ тотъ самый, который ѣстъ за десятерыхъ, а домочадцевъ своихъ моритъ голодомъ. Не даромъ про него сложена пѣсенка:

А и тученъ нашъ Вышата господинъ,
А и тощи его слуги вѣрные!
Ужъ какъ примется нашъ батюшка
Онъ глотать по цѣлому быку...

Digitized by Google

Неизвѣстный. Да перестанешь-ли ты пѣть! Скажи мнѣ, Всеславъ очень любитъ эту Надежду?

Таропъ. Какъ-же!... Вѣдь онъ хочетъ на ней жениться.

Неизвѣстный. Жениться?... Ну, а если-бъ кто-нибудь похитилъ его невѣсту?

Таропъ. Да сохранитъ Перунъ всякаго и подумать объ этомъ! Говорятъ, у Всеслава рука тяжела; а что она подымется на каждаго, кто только осмѣлится разлучить съ Надеждою, за это, бояринъ, я тебѣ порукою.

Неизвѣстный. Въ самомъ дѣлѣ!.. Такъ... если слова мои не подѣйствуютъ... Таропъ, повидайся съ бояриномъ Вышатою и скажи ему, что сегодня, около полудня, будутъ его дожидаться на Подолѣ, близъ Велесовой божницы, чтобъ открыть ему одну важную тайну.

Таропъ. Слушаю, бояринъ!.. Чу!.. Ну, такъ и есть!

Неизвѣстный. Что такое?

Таропъ. Сюда идетъ цѣлая ватага молодыхъ кіевлянокъ; я обогналъ ихъ не такъ чтобъ далеко отсюда. Вѣдь сегодня Усладовъ праздникъ: такъ съ утра до самой ночи народъ будетъ веселиться за городомъ... Э!... да никакъ за ними увязался Стемидъ!... Знатный дѣтина! Гуляка, весельчакъ!

Неизвѣстный. Кто этотъ Стемидъ?

Таропъ. Любимый стремянный великаго князя и задушевный другъ Всеслава... Ого! да онъ не одинъ! Кто это съ нимъ? Что за воронье пугало!.. Ну, такъ и есть Фрелафъ!

Неизвѣстный. Какой Фрелафъ?

Таропъ. Варяжскій мечникъ, такой задоришка, да самохвалъ, что и сказать нельзя! Не только Стемидъ, да и товарищи его, варяги, всѣ надъ нимъ смѣются.

Неизвѣстный. Я усталъ и мнѣ далеко еще надо ѣхать, такъ я прилягу за этой избой, да отдохну; быть можетъ, послѣ полудня, я опять ворочусь сюда и, если застану дома эту Надежду... Таропъ, отдай мнѣ свое веретено,—я скажу, что принесъ отъ тебя.

Таропъ *(отдавъ веретено, которое неизвѣстный кладетъ за пазуху)*. На, бояринъ, вотъ оно.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Множество горожанъ и горожанокъ, Стемидъ, Фрелафъ, Таропъ и Неизвѣстный *(на авансценѣ за избою. Когда хороводная пѣсня кончится, дѣвушки начинаютъ играть въ разныя игры)*.

Фрелафъ. Да что мы, Стемидъ, ходимъ за ними разиня ротъ? Кто намъ заказалъ подойти поближе къ этимъ красавицамъ?

Стемидъ. Въ самомъ дѣлѣ, подойдемъ!

Пожилой кіевлянинъ. Нѣтъ, молодецъ, не трогайте нашихъ дѣвушекъ: вы ихъ распугаете.

Фрелафъ. Распугаемъ! Ахъ, ты, старый дуракъ! Да что мы, печенѣги, что-ль?

Пожилой кіевлянинъ *(кланяясь)*. Кто говоритъ, господинъ милостивый! Вы, господа честные, витязи великокняжескіе, да не пригоже нашимъ сестрамъ и дочерямъ водиться съ людьми ратными.

Фрелафъ. А съ кѣмъ-же?—Чай съ вашей братьею, торгашами кіевскими?

Таропъ. Да не во гнѣвъ будь сказано твоей милости, съ торгашами-то кіевскими водиться прибыльнѣе, чѣмъ съ вами, господа, храбрые витязи. Недаромъ сложена пѣсенка:

Ой ты гой еси, богатый гость,
Ты богатый гость, сынъ купеческій!
Не красивъ, не пригожъ ты, мой батюшка,
А красивы, а пригожи твои денежки!

Стемидъ. Ба, ба, ба! Таропка-голованъ! Зачѣмъ сюда пожаловалъ? Ужъ не хочешь-ли отбить у меня красныхъ дѣвушекъ?

Таропъ. И, ваша милость, гдѣ намъ! Правда, если и у тебя въ карманѣ-то не побрякиваетъ, такъ не много же и ты возьмешь, бояринъ!

Фрелафъ. Да чтожъ ваши красавицы такія не податливыя? Ну, сторонка! Нѣтъ! на моей родинѣ, не только дѣвушки, да и жены молодыя не походятъ на вашихъ кіевлянокъ. У насъ по всему Поморью только и житье, что ратнымъ людямъ. Клянусь Офономъ! бывало ни одна красавица не повстрѣчается съ молодцомъ Фрелафомъ безъ того, чтобъ не взглянуть на него умильно, иль не промолвить слова ласковаго.

Стемидъ. Ну, чтожъ ты, Фрелафъ, расхвастался! Послушай-ка, братъ, случалось-ли тебѣ когда-нибудь въ тихую погоду припадать лицомъ къ рѣкѣ, чтобы напиться водицы?

Фрелафъ. Какъ не случаться!..

Стемидъ. Такъ вспомни-ка хорошенько: чай, всякій разъ тебѣ казалось, что самъ дѣдушка водяной выглядывалъ на тебя изъ омута. Ну, съ твоимъ-ли краснымъ носомъ и рыжими усами приглянуться молодой дѣвушкѣ!...

Фрелафъ. Такъ чтожъ? — Развѣ надобно витязю походить на дѣвчонку, какъ товарищу твоему Всеславу?

Стемидъ. Всеславу?... Да, Фрелафъ, онъ покрасивѣе тебя и помоложе; а попытайся-ка съ нимъ схватиться!.. Всеславъ и не такихъ молодцовъ, какъ ты, за поясъ затыкалъ.

Фрелафъ. Какъ!.. Чтобъ этому мальчишкѣ неудалому досталось помѣриться съ такимъ молодцомъ, какъ я!... Да знаешь-ли, что я— Фрелафъ, сынъ Руслава, внукъ Руальда и правнукъ Ингелота, поборника себѣ не знаю; что я...

Стемидъ. Постой, постой, храбрый витязь! вонъ, кажется, дѣвушки собрались въ кружокъ: вѣрно какая-нибудь красавица хочетъ спѣть пѣсенку. Послушаемъ.

Фрелафъ. А я клянусь Гелою, что если эта пѣвунья будетъ стоить Фрелафова поцѣлуя, такъ я ее поцѣлую.

Стемидъ. А если она чья-нибудь невѣста?

Фрелафъ. Такъ чтожъ! Пусть онъ смотритъ да облизывается.

Стемидъ. А если у нея женихъ малый плечистый и не любитъ, чтобъ невѣсту его цѣловали?

Фрелафъ. Да мнѣ-то какое до этого дѣло?

Стемидъ. Полно хвастать, Фрелафъ. Ты только боекъ на словахъ, а какъ дойдетъ дѣло до кулаковъ, то первый за кустъ спрячешься.

Фрелафъ. Кто?.. Я?.. Я, природный варягъ, побоюсь вашихъ русскихъ кулаковъ?.. Такъ я же тебѣ покажу, какъ у насъ за моремъ цѣлуютъ красныхъ дѣвушекъ!

ФИНАЛЪ.

Хоръ.

При долинушкѣ береза

Digitized by Google

Бѣлая стояла,
При березушкѣ дѣвица
Плакала, рыдала.
Ай, калина!
Ай, малина!

Одна изъ кіевлянокъ.

Для кого-жъ я садъ садила,
Берегла, холила!
Не для кого иного—
Для дружка милаго.
Ай, калина!
Ай, малина!

* * *

Для чего-жъ въ моемъ садочкѣ
Пташки распѣваютъ?
Все объ немъ, дружечкѣ,
Мнѣ воспоминаютъ!
Ай, калина!
Ай, малина!

* * *

Залеталъ мой соколъ ясный,
Молодецъ прекрасный,
Запропалъ въ кручинѣ,
Безъ вѣсти въ чужбинѣ!
Ай, калина!
Ай, малина!

Хоръ.

Я посѣю молоденька
Цвѣтиковъ маленько,
Стану съ зоренькой вставати
Цвѣты поливати.
Ай, калина!
Ай, малина!

(*Фрелафъ подходитъ къ той, которая пѣла и цѣлуетъ ее*).

Дѣвушка.

Ахъ, что ты! отвяжися!
Да полно! не балуй!

Фрелафъ.

Куда? Не торопися!
Хоть разикъ поцѣлуй!

Хоръ кіевлянокъ.

Эй, витязь! Не пригоже!
Пусти ее, отстань!

Дѣвушка.

Я закричу!

Фрелафъ.

Такъ что-же?—

Хоръ кіевлянокъ.

На что это похоже!
Эй, витязь, перестань!

Дѣвушка вырывается и бѣжитъ къ избѣ. Фрелафъ догоняетъ ее и схватываетъ опять за руку).

Фрелафъ.

Постой! Тебя возьму я съ бою.

Неизвѣстный.

А вотъ посмотримъ, какъ возьмешь!
(*Выходитъ на сцену*).

Оставь ее, иль я съ тобою
Управлюся, буянъ!

Фрелафъ.

Ты врешь!
Кто ты?—И какъ ты, дерзкій, смѣешь
Такъ грубо говорить?

Неизвѣстный (*освобождая дѣвушку*).

Ступай!
(*Фрелафу*). Коль ты желаніе имѣешь
Узнать, кто я—такъ знай:

* * *

Широкій Днѣпръ—моя постеля
И вся святая Русь—мой домъ.
Я всѣхъ варяговъ ненавижу,
Надъ ними вслухъ всегда смѣюсь,
Угрозъ ихъ не боюсь
И не люблю точить имъ баловъ,
А цѣлый вѣкъ стою на томъ,
Чтобы заморскихъ всѣхъ нахаловъ
Знакомить съ русскимъ кулакомъ.

Хоръ.

Чтобы заморскихъ всѣхъ нахаловъ
Знакомись съ русскимъ кулакомъ.

Стемидъ.

Ну что, братъ, твой любовный пламень
Погасъ?

Таропъ.

Нашла коса на камень!

Фрелафъ.

Что я остался не причемъ!
(*Вынимая мечъ*).
Постой...

Неизвѣстный (*вырывая у него мечъ*).

Тебѣ-ль владѣть мечомъ!
Пошелъ, сиди за прялкой!
(*Уходитъ*).

Хоръ кіевлянъ.

О, витязь жалкій!
Ступай, сиди за прялкой!

Фрелафъ.

Онъ ушелъ съ моимъ мечомъ!...
Ловите! Держите!

Кіевляне и Таропъ.

Онъ ушелъ съ его мечомъ!

Фрелафъ.

Ловите! Держите!
Подайте его!
Разбойникъ! буянъ
Узнаешь Фрелафа,
Узнаешь, кто я,
Воришка проклятый!
Ищите, ловите,
Подайте его!

Неизвѣстный (*появляясь на своемъ челнокѣ*).

Я здѣсь!

Хоръ.

Онъ здѣсь!

Digitized by Google

Фрелафъ,

Буянъ проклятый!
Отдай мой мечъ!

Неизвѣстный.

Твой мечъ? Изволь!
Я мечъ отдамъ, тебя достойный...
Вотъ онъ, возьми его! Прощай!

(*Бросаетъ на берегъ веретено и уѣзжаетъ*).

Фрелафъ (*подбѣгая*).

Мой мечъ!... Что вижу!... Веретено!

Хоръ.

Такъ точно, веретено!

Таропъ (*поднимая ею*).

Да какъ раскрашено оно!

Хоръ.

О, витязь жалкій!
Ступай, сиди за прялкой!

Фрелафъ.

Вотъ, я васъ палкой!
Чему смѣетесь, дурачье?—

Таропъ (*подавая веретено Фрелафу*).

Свершилъ ты подвигъ ратный—
Убилъ злодѣя своего...
Возьми свой мечъ булатный!

Фрелафъ.

Молчи!

Стемидъ.

И, полно! Ничего!
Не ты, такъ я возьму его!

(*Беретъ веретено*).

Скажи, что ты дрался съ русалкой
И съ боя взялъ его.—Пойдемъ! (*Уходитъ*).

Хоръ.

Прощай, нашъ витязь жалкій!
Ступай, сиди за прялкой!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ внутренность обширнаго терема; большой накрытый столъ, за которымъ сидятъ и пируютъ витязи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Простѣнъ, Всеславъ, Фенкалъ, Остромiръ, Якунъ, Фрелафъ, Нкморъ, и множество другихъ варяжскихъ и русскихъ воиновъ.

Хоръ.

Медъ искрометный
Въ кубкахъ шипи!
Въ чаши рѣкою
Лейся вино!

Фенкалъ.

Мы пьемъ въ честь Услада,
Въ честь русской земли,
За здравье красавицъ,
На радость друзьямъ,
На гибель крамольнымъ,
Врагамъ на бѣду!

Хоръ.

На гибель крамольнымъ,
Врагамъ на бѣду!

Фенкалъ.

Кто пьетъ, не пьянѣетъ,
Кто любитъ добро,
Кто счастливъ съ красоткой,
Безстраженъ въ бою—
Тотъ истинный витязь,
Тотъ другъ намъ и братъ!

Хоръ.

Тотъ истинный витязь,
Тотъ другъ намъ и братъ!

Простѣнъ. Вотъ такъ, друзья! За мной! кубки къ верху! Въ честь Услада, въ честь русской земли!

Фрелафъ (*выпивая свой кубокъ*). И во славу варяжскихъ витязей!

Остромiръ. Ага! заговорилъ и ты, Фрелафъ! А я ужъ думалъ, что у тебя языкъ отнялся.

Якунъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ что-то сегодня не больно поговариваетъ... Да и у тебя, Всеславъ, лицо-то совсѣмъ не праздничное.

Всеславъ. Мнѣ что-то нездоровится.

Простѣнъ. И, полно! Повеселись-ка съ нами до утра, такъ все пройдетъ.

Всеславъ. Нѣтъ, товарищи, вы обѣщали отпустить меня прежде полуночи.

Простѣнъ. Да, если Стемидъ придетъ тебѣ на смѣну.

Фрелафъ. Да что вамъ дался этотъ Стемидъ? Иль безъ него намъ и пировать не можно? И что въ немъ хорошаго? Мальчишка! взглянуть не на что? Ни росту, ни дородства, въ щекахъ дѣвичій румянецъ, а въ головѣ бабій разумъ!

Простѣнъ. Да въ рукахъ-то, братъ, у него не веретено.

Фрелафъ. Веретено?.. Что за веретено?... Какое веретено?...

Простѣнъ. Какое? Вѣстимо, какое! Стемидъ съ лица только походитъ на красную дѣвушку, а въ ратномъ дѣлѣ такой молодецъ, что и сказать нельзя!

Остромiръ. Я самъ видалъ, какъ одинъ на медвѣдя ходитъ.

Фрелафъ. Эко дѣло!... Удалось когда-то этому мальчишкѣ пропороть рогатиной сонnаго медвѣдя, такъ вы надивоваться не можете! Я не говорю про себя, а мой прадѣдъ Ингелотъ схватился однажды съ медвѣдемъ-то бороться!...

Якунъ. И одолѣлъ?

Фрелафъ. Вотъ диковинка... Одолѣть ничего—я знаю по себѣ.

Простѣнъ. Такъ что-же онъ сдѣлалъ?

Фрелафъ. Что сдѣлалъ?... Съ живого шкуру снялъ?

Простѣнъ. И медвѣдь не пикнулъ?

Фрелафъ. Ну вотъ, ужъ и не пикнулъ! Вѣстимо ревѣлъ, да не отревѣлся!

Digitized by Google

Якунъ. Полно, братъ, потѣшаться надъ нами! (*Входитъ Стемидъ и становится, никѣмъ не примѣчаемый, за Фрелафомъ*).

Фрелафъ. Чтожъ ты думаешь, я лгу? Да у меня и теперь еще шкура-то цѣла; она вмѣстѣ съ мечомъ досталась мнѣ отъ прадѣда по наслѣдству. А знаете-ли вы, товарищи, что это за мечъ такой?... И теперь еще на моей родинѣ поговорка: „не бойся ни моря бурнаго, ни грома небеснаго, а меча Ингелова". Бывало, хоть два закаленные шелома надѣнь, какъ хвачу по маковкѣ, такъ до самаго пояса; а на мечѣ—повѣрите-ли, братцы, — ни зазубринки!

Стемидъ. Какъ не повѣрить! Вѣдь ты въ мечахъ толкъ знаешь.

Фрелафъ. А! это ты, Стемидъ?

Простѣнъ. Милости просимъ!... Садись, товарищъ!...

Стемидъ. Постойте, братцы! У васъ шла рѣчь о какомъ-то мечѣ; хотите-ли, я вамъ покажу такой диковинный мечъ, какого сродясь вы и не видывали?

Витязи. Покажи, покажи!

Стемидъ. А ты что, Фрелафъ, молчишь? Иль не хочешь полюбоваться моимъ мечомъ-самосѣкомъ?

Фрелафъ. Полно, Стемидъ! Что за шутки такія!

Стемидъ. Я не шучу... Ну что, показывать что-ль?

Фрелафъ (*вставая*). Э, братъ! Постой-ка, Мнѣ надо еще съ тобой словца два перемолвить. (*Отводя къ сторонѣ Стемида*). Пожалуйста, не разсказывай никому объ этомъ проклятомъ веретенѣ!

Остромiръ. О чемъ вы тамъ перешептываетесь?

Стемидъ. Такъ, ничего! Вотъ, видите, товарищи, прежде, чѣмъ я покажу вамъ этотъ диковинный мечъ, мнѣ должно разсказать, какъ онъ попался въ мои руки.

Фрелафъ (*тихо*). Да полно, братецъ!

Стемидъ (*не слушая его*). Сегодня по-утру пошли мы вмѣстѣ съ Фрелафомъ смотрѣть на хороводъ красныхъ дѣвушекъ...

Фрелафъ. Эй, Стемидъ! Я терпѣливъ, но если ты осмѣлишься...

Стемидъ. Ужъ не хочешь-ли ты запугать меня? Полно, братъ! вѣдь Ингелотовъ-то мечъ за пазухой.

Фрелафъ. Да чтожъ ты, въ самомъ дѣлѣ!... Смотри, краснобай! У меня какъ разъ язычекъ прикусишь!...

Стемидъ. Ой-ли?... Такъ слушайте-же, товарищи...

Фрелафъ (*хватаясь за ручку своего меча*). Вынимай свой мечъ, зубоскалъ проклятый!

Стемидъ (*выхватывая изъ-за пазухи веретено*). Изволь! (*Всѣ витязи смѣются*).

Простѣнъ. Ахъ, онъ балагуръ!... Смотрите-ка, братцы, веретено!

Остромiръ. Дайте поле молодцамъ! Да чуръ драться не на животъ, а на смерть.

Стемидъ. Ну, чтожъ, могучій богатырь, выходи!

Всѣ. Выходи, Фрелафъ!

Фрелафъ (*садясь опять на скамью*). Ты не стоишь, молокососъ, что-бъ я маралъ объ тебя мой булатный мечъ! Говори, говори, мальчишка! болтай, забавляй честную бесѣду, хвастунишка проклятый! Гусляръ! Скоморохъ!

Стемидъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, не мѣшало-бы намъ залучить сюда какого-нибудь гусляра; здѣсь и позабавить-то насъ некому. У Фенкала, чай, языкъ ужъ плохо пошевеливается, да и Фрелафъ-то скоро на ногахъ стоять не будетъ... Э!... постойте-ка!

Таропъ (*поетъ за кулисами*).

Ахъ, ты море, море синее!...

Стемидъ. Такъ точно, это онъ! Погодите, товарищи, будетъ и намъ потѣха! (*Убѣгаетъ*).

Фрелафъ. Въ кого еще онъ тамъ возрился? Мальчишка! На кифарахъ-бы ему играть, а не съ мечомъ ходить, поганому судочнику!

Всеславъ. И, Фрелафъ, не стыдно-ли тебѣ за шутку сердиться? Ну, чѣмъ онъ тебя обидѣлъ?

Фрелафъ. Еще-бы обидѣлъ!... Нѣтъ, братъ, не досталось обижать орла приморскаго ни ясному соколу, ни бѣлому кречету, такъ этой-ли воронѣ разнокрылой обидѣть меня, молодца? Дай-ка, братъ, Простѣнъ, эту флягу съ виномъ. (*Пьетъ*). Не хочется только себя срамить; а посажу на одну ладонь, другой прихлопну—такъ и поминай какъ звали!

Простѣнъ. Ну что, братецъ, нынче день Усладовъ—ссориться не должно.

Фрелафъ. Да что мнѣ за дѣло до вашего Услада? Я и знать-то его не хочу!... А ужъ коли на то пошло, такъ проучу-же этого буянишку! (*Пьетъ*). Хотите-ли, ребята, я сей-жъ мигъ при васъ сверну ему шею! (*Пьетъ*). Изковеркаю!... Въ баранiй рогъ согну!... Узломъ завяжу!... (*Вскакиваетъ*). Хотите-ли?... (*Стемидъ входитъ; Фрелафъ садится опять*). Ну, счастливъ ты! Благодари боговъ, что мнѣ вставать-то не хочется!

Стемидъ (*оборотясь къ дверямъ*). Ну, чтожъ ты?... Войди!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Таропъ.

Остромiръ. Что это за Полканъ-богатырь?... Эка рожа? Ну братъ, красивъ ты!

Таропъ (*кланяясь*). И красные дѣвушки тоже говорятъ, добрый молодецъ.

Стемидъ. Прошу любить да жаловать! Этотъ парень задушевный мой пріятель и хоть не въ такой чести, какъ нашъ вѣщій баянъ Соловей Будимiровичъ, а пропоетъ и проиграетъ на кифарахъ не хуже его.

Фрелахъ. Эка образина!... А голова-то, голова-то... словно добрый чанъ!

Таропъ. Какова ни есть, молодецъ, а покрѣпче твоей буйной головушки держится на плечахъ.

Фрелахъ. Что это?... Ахъ, ты тмутараканскій болванъ? да развѣ я пьянъ?

Простѣнъ. Полно, Фрелафъ! Пей и молчи. А ты, Таропъ, чего хочешь: вина или меду?

Таропъ. И вина хлебнемъ, господинъ честный, и отъ меду не откажемся... Прикажите поднести, такъ мы станемъ пить, а хозяину слава! (*Ему подносятъ кубокъ*). Веселаго пира, молодцы! Легкаго похмѣлья! (*Пьетъ*). Вамъ веселиться, а намъ крошки подбирать.

Стемидъ. Ну-ка, Таропушка, повесели насъ!

Таропъ. Что позволишь, батюшка!... Рад потѣшить вашу милость. Да не въ угоду-ли вамъ будетъ, я разскажу вамъ сказочку съ припѣвомъ о томъ, что подѣлалось однажды съ добрымъ молодцемъ, въ лѣсу, за горой Щековицею? Это было въ Русалкинъ день

Digitized by Google

давнымъ давно, еще при князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ.

Простѣнъ. Такъ это не сказка?

Таропъ. Какъ-бы вамъ сказать, господа честные, да только не промолвиться: сказка не сказка, быль не быль, а старухи говорятъ, что правда.

Всѣ. Разсказывай, разсказывай!

Таропъ (*откланивается и начинаетъ*). Не забывать-бы добру молодцу часъ полуночный, не ходить-бы ему по лѣсу дремучему въ Русалкинъ день! Жилъ-бы храбрый витязь Звѣнославъ, по прозванію Безстрашный; любилъ онъ красную дѣвицу—ее звали Милосвѣтою. Тотъ, однажды, весною, въ Русалкинъ день, промолвился онъ своей суженой, что идетъ въ дремучій лѣсъ потѣшиться охотою. Милосвѣта ахнула, да и было отъ чего — кого въ Русалкинъ день заставала полночь въ лѣсу, тотъ назадъ не приходилъ. „Если ты не приедешь прежде полуночи", сказала дѣвица, „то ищи меня на несчастномъ днѣ озера Долобскаго!" Приду, шепнулъ Звѣнославъ, и отправился въ путь-дороженьку.

БАЛЛАДА.

Ужъ солнца поздняго лучами
Позолотился край небесъ,
А Звѣнославъ все шелъ полями...
И вотъ—предъ нимъ дремучій лѣсъ...
И что-же онъ въ лѣсу находитъ?...
Подъ дубомъ дѣвица сидитъ;
Она встаетъ, къ нему подходитъ
И за собой его манитъ...
И, Звѣнославъ, въ мечтахъ влюбленныхъ,
Русалки въ ней не узнаетъ;
Не видитъ онъ волосъ зеленыхъ...
И вслѣдъ за дѣвицей идетъ...
Помни, витязь, часъ урочный!
Помни, помни часъ полночный!...

* * *

И вотъ надъ самою рѣкою
Чертоги пышныя стоятъ;
Изъ нихъ красавицы толпою
Навстрѣчу витязю спѣшатъ.
И всѣ онѣ его ласкаютъ
И въ свѣтлый теремъ свой ведутъ,
Виномъ и медомъ угощаютъ
И пѣсни сладкія поютъ...
Давнымъ давно ужъ солнце сѣло,
А витязь ухомъ не ведетъ...
Вдругъ... вѣтеръ свистнулъ... загремѣло...
Раздался хохотъ... полночь бьетъ!..
Помни, витязь, часъ урочный!
Помни, помни часъ полночный!..

* * *

Проходитъ день, прошла недѣля,
Ужъ началъ блекнуть въ полѣ цвѣтъ,
Прошелъ день Лады и Полеля...
А Звѣнислава нѣтъ какъ нѣтъ!
И вотъ ужъ осень на исходѣ,
Давно съ деревьевъ листъ опалъ...
Давно ужъ слухъ идетъ въ народѣ,
Что витязь безъ вѣсти пропалъ...
И вотъ... однажды... поселяне
Идутъ и видятъ: подъ кустомъ
Лежитъ Безстрашный на полянѣ
И спитъ онъ непробуднымъ сномъ...
Помни, витязь, часъ урочный!
Помни, помни часъ полночный!..

Простѣнъ. А съ невѣстой-то его что сдѣлалось?

Таропъ. А вотъ что, господинъ честной. Старики разсказываютъ, что она кинулась въ Долобское озеро... Говорятъ, съ той поры, по ночамъ, это озеро реветъ, какъ дикій звѣрь, и въ самую полночь изъ омута выходитъ дѣва въ бѣломъ покрывалѣ, садится на берегъ и вопитъ такъ, что земля дрожитъ... Говорятъ также, что будто бы она приговариваетъ: „веселился бы ты, добрый молодецъ, да не забывалъ бы часъ полуночный!" (*Всеславъ встаетъ*).

Остромiръ. Что ты, Всеславъ? Куда?

Всеславъ. Мнѣ что-то нездоровится.

Стемидъ. И подлинно! У тебя и глаза-то вовсе не людскіе!.. Не троньте его, братцы! Пусть себѣ идетъ отдохнуть. Да выпей что-нибудь на сонъ грядущій.

Всеславъ. Нѣтъ, Стемидъ, не хочу! Прощайте, товарищи! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, безъ Всеслава.

Простѣнъ. Видно онъ въ самомъ дѣлѣ прихворнулъ! Сидѣлъ все молча, какъ убитый, а въ винѣ-то и усовъ не обмочилъ.

Фрелафъ (*поглаживая свои усы*). Усовъ? А гдѣ-бы онъ ихъ взялъ? Не доросъ еще, молоденекъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Вышата.

Простѣнъ. А, гость нежданный! Г. ключникъ Вышата, милости просимъ.

Вышата. Хлѣбъ да соль, добрые молодцы! Ну, что подѣлываете? Всѣмъ ли довольны? Не подкатить-ли вамъ еще боченокъ другой медку?

Фрелафъ. Давай сюда, бояринъ! Много-ли только у тебя въ погребку-то? А за нами дѣло не станетъ!

Вышата. Полно, такъ-ли?.. Не знаю, какъ другіе, а въ тебя Фрелафушка, я вижу, и воронкой ужъ немного нальешь.

Остромiръ. Гдѣ, бояринъ, погулялъ сегодня?

Вышата. Мало-ли гдѣ! Былъ на Подолѣ: смотрѣлъ, какъ наши горожане и горожанки справляли Усладовъ день. Эхъ, дѣтушки, не старыя времена; подобрались всѣ кіевскія красавицы! — Повѣрите-ль! Ни одного смазливаго личика не видалъ! Обѣщалъ мнѣ одинъ молодецъ показать какую-то красавицу, да плохо вѣрится... Э! Таропка-голованъ! И ты, братъ, здѣсь? Послушай-ка, любезный! Ты вездѣ шатаешься,—не видалъ-ли хоть ты какой-нибудь красоточки? Потѣшь, скажи! А то, право, горе беретъ! Неужели-то онѣ вовсе перевелись?

Таропъ (*кланяясь*). Гдѣ намъ, государь, знать объ этомъ! Мы люди темные; вотъ твоя милость—дѣло другое: ты на томъ стоишь.

Вышата. А ты на чемъ стоишь, дурацкая чучела? Что-бъ чужаго винца хлебнуть, да пѣсенку спѣть?

Таропъ. Вѣстимо, батюшка!

Вышата. Э!.. Знаете-ли что, дѣтушки? Мнѣ сейчасъ сказывали, что христіане собрались также справлять по своему Усладовъ день въ старой своей божницѣ. вотъ, что близъ мѣста Угорскаго, подлѣ самой Аскольдовой могилы.— Да видно они посмышленѣе васъ, ребятушки: пируютъ всѣ вмѣстѣ—и мужья и холостые, и

Digitized by Google

жены, и красныя дѣвушки. Ну что, молодцы?.. Не отправиться-ли намъ къ нимъ въ гости?.. Ась?..

Фрелафъ. Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте, братцы!

Остроміръ. А что ты думаешь? и впрямь! Идемте, ребята!

Всѣ (*кромѣ Стемида*). Идемъ!

Стемидъ. Что вы, что вы, товарищи! Иль забыли, что намъ заказано отъ великаго князя обижать простой народъ?

Фрелафъ. Да то народъ, а вѣдь это христіане!..

Остроміръ. Вѣстимо! Они злодѣи нашего государя.

Простѣнъ. Рабы хитрыхъ грековъ.

Якунъ. Не чтятъ ни вашего Перуна, ни нашего Одена.

Таропъ. Не любятъ ни пѣть, ни веселиться.

Вышата. И держатъ въ заперти своихъ дочерей.

Фрелафъ. А вотъ мы ихъ поразсмотримъ!

Вышата. Слушайте, дѣтушки! Зайдемте-ка прежде ко мнѣ: я васъ поподчую такимъ винцомъ, какого вы сродясь не пивали: а тамъ всей гурьбой на Аскольдову могилу. Ну, что? Любо что-ль! такъ?

Всѣ. Любо! любо!

Вышата. Да пойдемте съ пѣснями ребята! Эй, Таропка-голованъ! Затягивай Усладову пѣсню, а мы тебѣ подтянемъ. Ну, чтожъ ты переминаешься? Начинай!

Таропъ. Сейчасъ, бояринъ, дай горло промочить!

(*Беретъ кубокъ съ виномъ, пьетъ, и держа его въ рукѣ, начинаетъ*):

1.

Богамъ во славу, князю въ честь!
Въ честь богу радости—Усладу!
Мы цѣлый день гулять, и ѣсть,
И пить всѣ станемъ до упаду.
Кто пить вино не будетъ радъ?
Друзья! вино не злое зелье.
Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

Хоръ.

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

Таропъ.

2.

Всѣ наши дѣды и отцы
Обрядъ сей свято сохраняли—
Такъ пейте-жъ больше, молодцы,
Чѣмъ ваши прадѣды пивали!
Сегодня мы свершимъ обрядъ,
А завтра будемъ пить съ похмѣлья.
Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

Хоръ.

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

(*Послѣ пѣсни Усладовой, [illegible]. Вышата остановляетъ [illegible]*)

Вышата. Постой-ка. [illegible] мнѣ надо съ тобою словечко [illegible].

Простѣнъ. О чемъ, [illegible]

Вышата. А вотъ что, дитятко: я не даромъ васъ веду на Аскольдому могилу. Почему знать! можетъ статься, какая-нибудь изъ этихъ полунощницъ кинется мнѣ въ глаза. Худо, Простѣнушка, худо! Нашему великому князю все не по нраву стало! Кабы приглянулась ему теперь какая ни есть новая красотка,—такъ дѣло-то было-бы ладнѣе. Возьми-ка съ собой на всякій случай человѣкъ пять—шесть воиновъ изъ дворцовой стражи: неравно придется отправить кого-нибудь въ село Предиславнино, такъ было-бы съ кѣмъ.

Простѣнъ. Слушаю, бояринъ!

Вышата. Ну, такъ ступай-же, Простѣнушка. Я позадержу гостей у себя, а ты сдѣлай свое дѣло да и приходи скорѣй роспить съ нами краснаго медку. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ берегъ Днѣпра. Въ глубинѣ, съ правой стороны отъ зрителей, сквозь рѣдкія деревья, на самомъ берегу рѣки, виднѣются развалины христіанскаго храма. Большая часть его почти совсѣмъ разрушена. На ближайшемъ планѣ, съ лѣвой стороны, высокій холмъ; кругомъ дичь, за рѣкой луговая сторона Днѣпра. Полный мѣсяцъ отражается въ водѣ. При поднятіи занавѣса Неизвѣстный стоитъ у подошвы кургана и смотритъ вдаль. Въ глубинѣ, по берегу рѣки, робко пробираются мужчины въ простыхъ одеждахъ, а женщины въ покрывалахъ; они исчезаютъ въ развалинахъ церкви. Въ продолженіи аріи Неизвѣстнаго, окна разрушеннаго храма освѣщаются.

Неизвѣстный (*облокотившись на сѣкиру*).

Скоро, скоро, мѣсяцъ ясный,
Твой потухнетъ чистый свѣтъ ..
Скоро полночь — часъ ужасный!
А Вселава нѣтъ, какъ нѣтъ!
(*Останавливается*).

Хоръ (*едва слышный въ развалинѣ*).

Боже! Боже милосердый!
Ты храни своихъ дѣтей!

Неизвѣстный.

Вотъ ужъ скоро разольется
Яркимъ заревомъ развѣтъ,
Скоро Кіевъ весь проснется,
А Всеслава нѣтъ, какъ нѣтъ!

Хоръ.

Будь, Всевышній, намъ покровомъ
И прибѣжищемъ отъ бѣдъ!

Неизвѣстный.

Умолкни сердца вѣщій голосъ!
Зачѣмъ грозишь ты мнѣ бѣдой?
Зачѣмъ вливаешь ты сомнѣнье
Въ мою истерзанную грудь?
Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе Днѣпръ широкій
Струиться будетъ ручейкомъ,
Скорѣй средь дня померкнетъ солнце
И звѣзды на землю падутъ,
Чѣмъ правнукъ храбраго Аскольда
Захочетъ вѣчно быть рабомъ!

Чу!.. Кто-то идетъ!.. Такъ точно, это Всеславъ!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Неизвѣстный и Всеславъ.

Неизвѣстный (*идя къ нему навстрѣчу*). Насилу я дождался тебя! Ну, молодецъ, не очень-же ты торопишься знать, кто были твои родители!

Всеславъ. Я не могъ придти ранѣе; но если-бы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ...

Неизвѣстный (*прерывая*). Ты желаешь знать родъ, отъ котораго происходишь? О, Всеславъ, Всеславъ! было время—и твой древній родъ, какъ гордый дубъ, красовался предъ всей землей русской; злодѣи подсѣкли его у самаго корня; онъ палъ—и вѣтры буйные разметали по свѣту его изломанныя вѣтви!

Всеславъ. Ну кто-жъ я?

Неизвѣстный. Покамѣстъ слуга и рабъ Святослава... Слуга и рабъ!... Но, погоди, Всеславъ! Скорѣе свѣтлый Донъ покатитъ вспять серебряныя струи свои и станутъ мощнаго орла называть синицею, чѣмъ величать тебя слугою Святослава!... Ты знаешь, надъ кѣмъ насыпанъ сей высокій курганъ?

Всеславъ. Это могила Аскольда.

Неизвѣстный. А знаешь-ли ты, что онъ былъ княземъ великаго Кіева? Что убитый измѣною, онъ палъ подъ ударами гнусныхъ предателей, и что неоплаканная и неотомщенная тѣнь его требуетъ крови? Всеславъ! сей несчастный князь твой прадѣдъ, а его убійцы отецъ и дѣдъ твоего государя и повелителя.

Всеславъ. Возможно-ли?...

Неизвѣстный. Да! ты единственная отрасль сего знаменитаго рода, и я, внукъ вѣрнаго слуги твоего прадѣда, первый привѣтствую тебя, Всеславъ, законный государь и князь великаго Кіева!

Всеславъ. Несчастный! Что ты говоришь? Мнѣ быть княземъ великаго Кіева! Мнѣ возстать противъ моего государя и благодѣтеля!...

Неизвѣстный. Твоего благодѣтеля?

Всеславъ. Да! моего благодѣтеля! Не Святославъ-ли призрѣлъ меня въ младенчествѣ? Не онъ-ли вспоилъ и вскормилъ безроднаго сироту?

Неизвѣстный. Безсмысленный! Называй благодѣтелемъ того, кто, похитивъ законное твое наслѣдіе, бросаетъ тебѣ, какъ голодному псу, кусокъ хлѣба, омоченный въ крови твоихъ предковъ! О, Всеславъ, Всеславъ! О, дитя несчастія, взлелеянное на рукахъ моихъ! Неужели разгнѣванные боги обрекли въ тебѣ одномъ на вѣчное рабство весь родъ Аскольдовъ?... Нѣтъ, нѣтъ! Я вижу, въ этихъ благородныхъ взорахъ вспыхнулъ огонь мщенія!... такъ, Всеславъ! Часъ мести наступилъ, твой мечъ занесенъ... Гибель за гибель! Кровь за кровь!

Всеславъ. Нѣтъ! никогда!

Неизвѣстный. Никогда!... О! да будетъ проклятъ часъ, въ который ты сталъ слугою Святослава! Да будутъ прокляты воспитавшіе тебя подлымъ рабомъ!... Да будутъ прокляты сами боги, ожесточившіе твое сердце!... Да! я проклинаю ихъ!

Хоръ (*въ развалинахъ*).

Благословенъ Господь, когда караетъ!
Благословенъ, когда спасаетъ насъ!

Неизвѣстный. Что это?...

Всеславъ. Развѣ не слышишь?... Ты проклинаешь своихъ боговъ, а они благословляютъ своего Господа—это христіане!

Голосъ Надежды.

Благословенъ Господь, когда караетъ!
Благословенъ, когда спасаетъ насъ!

Всеславъ. Такъ точно! Это голосъ Надежды! (*бѣжитъ къ развалинамъ*).

Неизвѣстный. Безумный! куда ты?

Всеславъ. Оставь меня, демонъ-соблазнитель! Здѣсь, предъ храмомъ истиннаго Бога, я отказываюсь навсегда отъ правъ моихъ и клянусь служить вѣрой и правдой моему благодѣтелю и быть супругомъ Надежды... Вотъ все, чего жаждетъ душа моя... Прощай! (*уходитъ въ развалины*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Неизвѣстный и вскорѣ Вышата.

Неизвѣстный. Онъ ушелъ!... Недостойный сынъ злополучной Судиславы! И такъ нѣтъ другого средства!... Хорошо! Мы посмотримъ, назовешь-ли ты благодѣтелемъ и захочешь-ли остаться вѣрнымъ слугою того, кто похититъ твою невѣсту. (*Подходитъ къ развалинамъ и смотритъ въ окно*). Вотъ она!... Подлѣ него... въ голубомъ покрывалѣ... О, какъ она прекрасна!

Вышата (*обращаясь назадъ*). Сюда, ребятушки, сюда! Экъ они отстали! А народъ, кажется, молодой!... Ба, ба, ба!... это кто? Постойка! Да это никакъ тотъ самый дѣтина, что сегодня у Велесовой божницы обѣщалъ мнѣ... такъ точно! Это ты, молодецъ?

Неизвѣстный. Я, бояринъ.

Вышата. Ну, что, голубчикъ? когда же ты сдержишь свое слово и покажешь мнѣ это диво-дивное, передъ которымъ всѣ наши предиславинскія красавицы, какъ звѣзды, потухнутъ передъ краснымъ солнышкомъ?

Неизвѣстный. Когда?... Да если хочешь, такъ сейчасъ-же.

Вышата. Какъ не хотѣть!... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Да гдѣ-жъ она?

Неизвѣстный (*показывая на развалины*). Вотъ здѣсь.

Вышата. А, а! Такъ она христіанка?

Неизвѣстный (*подводя его къ развалинамъ*). Видишь-ли эту дѣву, въ голубомъ покрывалѣ?

Вышата. Вижу, вижу! Ну, братъ, въ самомъ дѣлѣ нещечко! Ай-да красавица! Да чтожъ нейдутъ мои молодцы!

ФИНАЛЪ.

Хоръ (*въ развалинахъ*).

Хвала, хвала Тебѣ, Всевышній!
Защита наша и покровъ!
Хвала Тебѣ, о, Вседержитель!
Творецъ и неба и земли!

Хоръ воиновъ (*за кулисами*).

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

Вышата (*идя къ нимъ навстрѣчу*). Ступайте поскорѣе!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Всѣ дѣйствующія лица перваго явленія, исключая Стемида.

Таропъ.

Сегодня мы свершимъ обрядъ,
А завтра будемъ пить съ похмѣлья.

Хоръ воиновъ.

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладъ!

Хоръ (*въ развалинахъ*).

Хвала, хвала Тебѣ Всевышній!
Защита наша и покровъ!

Фрелафъ.

Я всѣхъ васъ удалѣе,
За мною всѣ впередъ!
А тотъ, кто отстаетъ,
Тому да будетъ стыдно!

Хоръ.

А тотъ кто отстаетъ,
Тому да будетъ стыдно!

Фрелафъ.

А чтобы не было завидно,
Мы разомъ всѣ пойдемъ...
За мной, друзья, ступайте смѣло!

Вышата.

Куда?... Испортите все дѣло!
Мы этакъ пташечекъ спугнемъ.

Фрелафъ.
За мной, друзья, ступайте смѣло,
Отъ насъ красотки не уйдутъ!
Хоръ.
За нимъ, друзья, пойдемте смѣло,
Отъ насъ красотки не уйдутъ!
} вмѣстѣ.

(*Изъ развалинъ показываются мужчины и женщины*).

Вышата.

Да тише! Не шумите!
Ну, вотъ ужъ посмотрите
Услышали, бѣгутъ!

Хоръ и Фрелафъ.

Ребята, смотрите!
Смотрите, бѣгутъ!...
Скорѣе въ погоню,
Ловите, ловите!

(*Фрелафъ и половина воиновъ убѣгаютъ на берегъ Днѣпра за уходящими изъ храма*).

Вышата (*про себя*).

А мы сторонкой обойдемъ;
Авось, что ищемъ, то найдемъ.
(*Воинамъ*).
Тише, тише! Не шумите!
Потихоньку обходите!

Хоръ.

Тише, тише! Не шумите!
Потихоньку обходите!

Вышата (*тихо Простѣну*).

Тебѣ при всѣхъ отдамъ приказъ
И ты хватай ее сейчасъ!

Общій хоръ.

Тише, тише! Не шумите!
Потихоньку обходите!

(*Уходятъ налѣво и скрываются въ развалинахъ*).

Неизвѣстный (*выходя изъ-за кургана, за которымъ онъ скрывался*).

Они ушли!... Теперь посмотримъ, молодецъ
Какое имя дашь ты князю Святославу!

Простѣнъ (*въ развалинахъ*).

По волѣ князя...

Всеславъ (*тамъ-же.*)

Прочь!

Неизвѣстный.

Я слышу звукъ мечей.
Вотъ такъ!... Дерись, Всеславъ, дерись!

Всеславъ (*въ развалинахъ.*)

Умри злодѣй!

Хоръ воиновъ (*тамъ-же*).

Хватайте убійцу!
Держите Всеслава!

Хоръ женщинъ (*тамъ-же*).

Спѣшите! Бѣгите!
Спасенья вамъ нѣтъ!

Всеславъ (*выбѣгаетъ изъ развалинъ съ мечомъ въ рукѣ*).

Убійца я!... Мою невѣсту увлекли!
Погибло все!...

Неизвѣстный (*схвативъ его за руку*).

Не все!... Ты живъ—и мы Надежду
Спасемъ!

Всеславъ.

Возможно-ли?

Неизвѣстный.

Да, да! (*Въ сторону*). Теперь ты мой!

Таропъ (*вбѣгая поспѣшно*).

Спасайтесь! Спасайтесь!
Бѣгите скорѣй!

(*Всеславъ и Неизвѣстный уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Всѣ прежнія дѣйствующія лица.

Вышата.

Ступайте направо,
Бѣгите налѣво,
Ловите злодѣя,
Ищите его!

Digitized by Google

Хоръ.

Убійцу Простѣна
Отыщемъ, друзья,
И къ князю, не медля,
Представимъ его!

Фрелафъ.

Разбойникъ! мальчишка!
Буянъ! сорванецъ!

Вышата.

Отмстимъ мы за Простѣна,
Убійцу мы найдемъ...
Что-бъ завтра-жъ на плахѣ
Онъ умеръ чѣмъ свѣтъ!

Хоръ.

Отмстимъ мы за Простѣна,
Убійцу мы найдемъ...
Что-бъ завтра-жъ на плахѣ
Онъ умеръ чѣмъ свѣтъ!

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ внутренній дворъ села Предславина. Въ глубинѣ сцены огромное зданіе съ теремами, крытыми переходами и вышками. Почти все протикабельно. Съ лѣвой стороны протикабельный домъ на первомъ планѣ: одна сторона его выходитъ въ рощу, отдѣленную отъ двора каменной стѣною, по которой ходитъ часовой. При открытіи занавѣса, въ одномъ изъ среднихъ зданій, на помостѣ, сидятъ и стоятъ множество дѣвушекъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣвушки, вскорѣ Буслаевна и Надежда.

Хоръ.

Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Круглый годъ жить въ заперти!
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля!...
Намъ и пѣсни не веселье:
Отъ тоски мы ихъ поемъ!

* * *

Къ однѣмъ горестямъ привычныя,
Мы скучаемъ съ юныхъ лѣтъ!
И зачѣмъ мы, горемычныя,
Родились на бѣлый свѣтъ!
Намъ и пѣсни не веселье:
Отъ тоски мы ихъ поемъ!

(*Выходятъ изъ передняго дома Буслаевна и Надежда*).

Буслаевна. Ступай-же, моя лебедь бѣлая, ступай! провѣтрѣй немножко!... Да полно кручиниться-то, моя касаточка! Говорятъ, что государь великій князь скоро сюда пожалуетъ потѣшиться соколиною охотою, и какъ онъ тебя увидитъ, такъ ужъ навѣрно ты его, моя красавица, совсѣмъ заполонишь.

Надежда. Какъ! вы покажете меня князю Святославу?

Буслаевна. А ты думала, что мы станемъ тебя отъ него прятать? Ахъ, ты простота, простота! да развѣ тебя затѣмъ привезли сюда, въ село Предславино, чтобы никому не показывать? Нѣтъ, моя радость! Клады въ землю закапываютъ, да только не такіе.

Надежда. Милосердный Боже!

Буслаевна. Что ты, что ты, дитятко!... въ умѣ-ли ты!... Плакать о томъ, что тебя хотятъ показать великому князю!... Полно, моя лапушка! Почему ты знаешь, ну какъ въ самомъ дѣлѣ ты придешь по сердцу нашему государю, и онъ удостоитъ наименовать тебя своей супругой?... Если прикажутъ называть тебя нашей великой княгинею...

Надежда. О! я не хочу ничего! Матушка! матушка! возьми меня къ себѣ!

Буслаевна. Послушай, моя красавица! Если ты хочешь, такъ мы и матушку твою суда привеземъ... скажи только, гдѣ она?

Надежда. Она?... О! она тамъ, гдѣ нѣтъ ни горести, ни плача, ни страданій... гдѣ никто не помѣшаетъ мнѣ любить Всеслава!..

Буслаевна. Всеслава!... Смотри пожалуй! Всеслава!... Ахъ, ты, вранная дѣвчонка! Да долго-ли мнѣ тебѣ говорить, чтобъ ты не смѣла и думать объ этомъ сорванцѣ, который осмѣлился поднять руку на десятника дворцовой дружины и дерзнулъ противиться—да еще кому?... первому сановнику великаго князя—нашему боярину Вышатѣ!... Слушай ты, блажная! коли ты не уймешься ревѣть, да будешь впередъ говорить такія непригожія рѣчи, такъ мы упрячемъ тебя, моя голубушка, знаешь куда? На поварню, или прачешную. Не хочешь сама быть боярыней, такъ мы сдѣлаемъ тебя холопкой.

Надежда. О! будь милостива! исполни свое обѣщаніе: сошли меня куда хочешь, заставь служить кому угодно, я знаю разныя рукодѣлья, умѣю вышивать шелками и золотомъ; я буду дѣлать все, что мнѣ прикажутъ, стану работать съ утра до вечера, прясть по ночамъ; сдѣлаюсь рабою рабынь вашихъ: только не показывайте меня Святославу... О! будь великодушна! не откажи мнѣ въ этомъ— и я вѣчно стану молить за тебя Бога!..

Буслаевна. Сердечная!... Ну, видно, она съ испуга-то вовсе рехнулась!... Полно, полно моя заунывная пташечка! Вотъ, погоди, какъ привыкнешь къ нашему житью-бытью, такъ самой слюбится. Эхъ! нечѣмъ мнѣ тебя, мою кукушечку горемычную, пораспотѣшить!... Постой-ка, постой!... (*Слышенъ голосъ поющаго Таропа*). Никакъ это нашъ баляснякъ? Ну, такъ и есть!... Подожди-ка здѣсь, моя красавица! Вотъ я приведу къ тебѣ такого пѣвуна, что ты заслушаешься! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Надежда (*одна*).

И такъ, всѣ мои надажды изчезли какъ сонъ!... Я давно уже свыклась съ горемъ... но разстаться на всегда съ тобой, мой суженый!... О! Всеславъ, Всеславъ!... зачѣмъ я тебя узнала!...

АРІЯ.

Свѣтитъ, свѣтитъ солнце ясное,
Пригрѣваетъ всѣхъ людей:

Digitized by Google

Только я одна несчастная
Не видала ясныхъ дней!

* * *

Весь вѣкъ мой пройдетъ
Въ тоскѣ безотрадной:
Мой другъ ненаглядный
Ко мнѣ не придетъ!
И радостной встрѣчи
Ужъ мнѣ не знавать!
И ласковой рѣчи
Ужъ мнѣ не слыхать!
Напрасно я льстилась
Счастливой судьбою:
Простилась, простилась
Я, другъ мой, съ тобою!

* * *

При одномъ воспоминаньи
Какъ я счастлива была,
Я забыла все страданье
И душою ожила!
Хоть судьба насъ разлучила,
Но, мой другъ, я все твоя;
Ни одна такъ не любила,
Какъ тебя любила я!...
Чтожъ теперь судьба моя?

* * *

Весь вѣкъ мой пройдетъ
Въ тоскѣ безотрадной:
Мой другъ ненаглядный
Ко мнѣ не придетъ!
И радостной встрѣчи
Ужъ мнѣ не знавать!
И ласковой рѣчи
Ужъ мнѣ не слыхать!
Напрасно я льстилась
Счастливой судьбою:
Простилась, простилась
Я, другъ, мой, съ тобою!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Надежда, Буслаевна и Таропъ.

Буслаевна. Ступай, ступай сюда, мой сизый голубочекъ!

Надежда (*увидя Таропа*). Ахъ! (*Таропъ дѣлаетъ ей знакъ, чтобы она молчала*).

Буслаевна. Что ты, моя красавица?

Надежда. Такъ, ничего, бабушка... Вы вдругъ подошли—такъ я испугалась.

Буслаевна. Ну вотъ, Таропушка, наша новая гостья! Спой что-нибудь, да развесели ее; только смотри, голосистый соловьюшка, не ударь себя лицомъ въ грязь!

Таропъ. Изволь матушка Буслаевна, споемъ; и если ты, красная дѣвица—имени-отчества твоего не вѣдаю,—до удалыхъ пѣсенекъ охотница, такъ авось мое мурлыканье придетъ тебѣ по сердцу... Что-бы вамъ спѣть-то?... Да!... (*Поетъ*).

Ты не плачь, не плачь, моя голубушка!
Не слези свое лицо бѣлое:
Не загибъ, не пропалъ твой сердечный другъ...

Буслаевна. И, полно! Что это за пѣсня!... Да отъ нея тоска возьметъ... Не правда-ли, моя красавица?

Надежда. Нѣтъ, бабушка, пѣсня хороша.

Таропъ. Да изволь, Буслаевна, споемъ тебѣ другую, только смотри, ужъ не мѣшай а не то я вовсе пѣть не стану. Ну, слушайте

ПѢСНЯ.

Ужъ какъ вѣетъ, вѣетъ вѣтерокъ,
Пробираясь по лѣсу,
По кусточкамъ онъ шумитъ,
По листочкамъ шелеститъ,
По лужечкамъ перепархиваетъ...
То запашетъ онъ прохладою,
То засвищетъ соловьемъ;
Онъ несетъ къ дѣвицѣ вѣсточку
Отъ сердечнаго дружка,
Онъ ей шепчетъ на ухо:

* * *

„Тяжко, тяжко было молодцу,
„Да товарищъ выручилъ!
„Ты не бойся, моя радость,
„Не грусти, моя краса...
„Не найдутъ меня злодѣи,
„Не отыщутъ мой пріютъ“...

Буслаевна. Полно, Таропушка, перестань! И это пѣсня мнѣ не по-сердцу... Ну что въ ней хорошаго?

Надежда (*въ сторону*). Онъ живъ!... О! благодарю Тебя, Всевышній!

Таропъ. Что въ ней хорошаго!... Ой-ли!... Такъ пой-же сама, коли лучше знаешь!

Буслаевна. Ну вотъ и разсердился.

Таропъ. Разсердился, не разсердился, а ужъ пѣть больше не стану.

Буслаевна. И, что ты, мое красное солнышко!... Ну добро, добро, допѣвай хоть эту

Таропъ. Нѣтъ, бабушка, пой сама.

ТРІО.

Буслаевна.

Полно, свѣтикъ, не сердися!
Пой, что хочешь, я молчу.

Таропъ.

Нѣтъ, и слушать не хочу!

Буслаевна.

Эй, голубчикъ!...

Таропъ.

Отвяжися!

Надежда (*въ сторону*).

Я робѣю, трепещу!

Буслаевна.

Я люблю тебя сердечно!

Таропъ.

Благодаренъ буду вѣчно;
Только пѣть я не хочу!

Надежда (*въ сторону*).

Ты спасенъ, мой ненаглядный!...
Слава вѣчному Царю!

Буслаевна.

Я кафтанъ тебѣ нарядный
Золотистый подарю!
Ты одѣнешься, какъ баринъ,
Въ византійскую парчу!

Digitized by Google

Таропъ.

Очень много благодаренъ;
Только пѣть я не хочу!

Буслаевна.

Накормлю тебя я кашей,
Браги крѣпкой насычу...

Таропъ.

Очень много ласки вашей;
Только пѣть я не хочу!

Буслаевна.

Полно, свѣтикъ, не сердися!
Спой, голубчикъ!..

Таропъ.

Отвяжися!

Буслаевна.

Я тебя вѣдь не учу—
Пой, что хочешь...

Таропъ.

Не хочу.
Такъ зачѣмъ-же ты мѣшала,
Коли пѣсня хороша?

Буслаевна.

Виновата! Вздоръ сказала!
Твоя пѣсня хороша.

Надежда.

Ахъ! какою вдругъ надеждой
Вся наполнилась душа!

Вмѣстѣ.

Буслаевна. Да полно! спой что-нибудь!

Таропъ. Нѣтъ, нѣтъ! ни за что!

Буслаевна. Экій, лѣшій упрямый!

Таропъ. Не прогнѣвайся, родомъ такъ. А пѣсня-то какая знатная! Я вѣдь пропѣлъ вамъ только начало, а тамъ поется, какъ красная дѣвица сидитъ у окна касащатаго и поджидаетъ своего суженаго; какъ онъ явится подъ вечерокъ къ ней на вырочку: какъ выхватитъ ее изъ высокаго терема и умчится съ ней за тридевять земель... А конецъ-то какой! — конецъ!.. Ну, да что тутъ говорить! Сама не захотѣла слушать.

Буслаевна. Да кто-жъ зналъ, что ты такой уродъ неотесанный!.. И то сказать—большая невидаль твои пѣсни! Туда-жъ, ломается, какъ будто-бы Соловей Будиміровичъ какой! А что твои пѣсни-то?.. Дрянь!.. Пойдемъ, голубка! вотъ и солнышко совсѣмъ закатилось—пора по домамъ... Вишь, бояринъ какой! Слушать не хочетъ!.. Ну, что зубы-то скалишь? Много васъ этакихъ гудочниковъ здѣсь шатается!.. Что стала? Ступай, матушка! Да у меня, смотри, не вздумай опять ревѣть, а не то вѣдь я тебя какъ-разъ донцемъ поподчую! (*Уходитъ съ Надеждой*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Таропъ и Часовой (*на стѣнѣ*).

Таропъ. Чай Всеславъ давно ужъ въ этой рощѣ... Ну, заварили мы съ нимъ брагу, какъ-то расхлебаемъ!.. Кажется, Надежда поняла меня... Да вотъ этотъ проклятый сторожъ... словно бѣльмо на глазу!.. Эй, товарищъ!

Часовой (*на стѣнѣ*). Что тебѣ надобно?

Таропъ. Такъ, любезный! Хотѣлъ спросить: неужели тебѣ не надоѣло сновать взадъ и впередъ по этой стѣнѣ?

Часовой. Такъ приказано.

Таропъ. И ночью также?

Часовой. А ночью-то насъ ходятъ двое.

Таропъ. Вотъ что!.. Ой, худо! (*вынимая изъ кармана флягу*). Кабы ты, товарищъ, сошелъ сюда на часокъ, такъ мы бы съ тобою винца хлебнули.

Часовой. Спасибо! Я не пью.

Таропъ. Не пьешь!.. Ой, худо!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Вышата, Садко, Юрка, служители, работники и работницы, въ числѣ послѣднихъ нѣсколько старухъ.

Вышата (*служителямъ*). Слушайте, братцы! И вы всѣ, мамки, няньки и работницы! Завтра, чѣмъ свѣтъ, пожалуетъ къ намъ, въ село Предиславино, повеселиться соколиною охотою, нашъ государь, великій князь Святославъ Игоревичъ: смотрите, чтобъ все было въ порядкѣ, чисто прибрано, чтобы пылинки ни на чемъ не было... Э!.. Таропка-голованъ! Ты здѣсь?.. Зачѣмъ изволилъ пожаловать?

Таропъ. Да соскучился, батюшка! Давно не видалъ вашей милости.

Вышата. Спасибо, братъ!.. Поди-ка сюда (*выходитъ вмѣстѣ съ Таропомъ впередъ*). Послушай, Таропушка! Ты, чай, слышалъ, какихъ дѣлъ надѣлалъ княжескій отрокъ Всеславъ?

Таропъ. Слышалъ, бояринъ, и подивился!.. Экій сорви голова, подумаешь!..

Вышата. Вотъ ужъ его цѣлыя сутки ищутъ, да найти не могутъ... Ты вездѣ шатаешься, Таропушка, не слышалъ ли ты отъ кого-нибудь, куда онъ спрятался?

Таропъ. Нѣтъ, бояринъ, я никогда объ немъ не спрашивалъ... да и что мнѣ за дѣло до этого!

Вышата. Ой-ли? кой прахъ! Да вѣдь ты, кажется, любилъ его?

Таропъ. А вотъ, какъ бы сказать твоей милости... не любить мнѣ его было не за что, да и добромъ-то не чѣмъ вспомянуть; пѣсенъ моихъ онъ не жаловалъ—и я сродясь отъ него ласковаго слова не слышалъ. И то сказать, мы за этимъ не гоняемся: кто богатъ да тароватъ — наши пѣсенки слушаетъ да казны своей не жалѣетъ, тотъ и до насъ ласковъ, а кто ласковъ, того и любимъ.

Вышата. Эко дѣло, подумаешь!.. Словно сквозь землю провалился!.. Да не уйдетъ-же онъ, разбойникъ! По всѣмъ дорогамъ разосланы гонцы; а если онъ гдѣ-нибудь около Кіева придерживается, такъ мы его какъ-разъ сослѣдимъ. У меня есть пріятельница-старушка, по прозванію Вахрамѣевна; говорятъ, будто она вѣдьма, да и я тоже думаю... всю подноготную знаетъ!.. Коли этого Всеслава не поймаютъ сегодня, такъ завтра я самъ къ ней пойду, ударю ей челомъ—и она мнѣ укажетъ пальцемъ, гдѣ онъ спрятался, хотя-бы это было на днѣ морскомъ... Э! да солнышко-то совсѣмъ сѣло. Пойдти посмотрѣть, все-ли прибрано въ княжеской опочивальнѣ. Кто знаетъ, неравно государь великій князь переночевать

Digitized by Google

Digitized by Google

И стоять посмирнѣе,
Не мѣшать, не шумѣть!

Таропъ. Добрый молодецъ озирается кругомъ... все тихо! Онъ подходитъ къ окну и даетъ условный знакъ—вотъ такъ: разъ, два, три! (*Бьетъ въ ладоши, и въ эту самую минуту на стѣной показывается Всеславъ, приставляетъ къ терему лѣстницу. Надежда спускается изъ окна; Всеславъ ее принимаетъ, вмѣстѣ съ ней сходитъ внизъ и исчезаетъ за деревьями. Все это происходитъ въ то время, какъ Таропъ допѣваетъ свою пѣсню*). Слушайте! Слушайте.

Вдругъ, откуда не взялися,
Двое витязей другихъ...
Разомъ лѣстницу къ окошку,
Приставляютъ молодцы.
Чтожъ бояринъ? Почиваетъ.
Его слуги? Также спятъ...
Одинъ стражъ стоитъ на вышкѣ
И мурлычитъ про себя.

* * *

Вотъ залаяли собаки
И проснулся Карачунъ...
Вотъ хватился онъ Любаши...
Ея нѣтъ... Ахти, бѣда!
Всѣ на коней—и въ погоню...
Да ужъ поздно—нѣтъ слѣда!

* * *

Спустя лѣто, по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда.

Хоръ.

Что за сказка! Хоть куда!
Да, да!
Спустя лѣто, по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда!

Юрка.

И такъ они ушли въ окошко?

Таропъ.

Ушли.

Садко.

И стражъ ихъ не видалъ?

Таропъ.

Да, онъ ихъ прозѣвалъ.

Часовой.

Вотъ это чудно мнѣ немножко!
Такъ, стало быть, онъ былъ дуракъ?

Таропъ.

Ужъ вѣрно такъ!

Юрка.

Ну, а конецъ какой случился?

Таропъ.

Вѣстимо ужъ какой: Всеславъ на ней женился.
Привезъ ее домой,
Созвалъ свою родню—и задалъ пиръ горой!

(*Приплясываетъ*).

Заходили чарочки по столицу!
Заплясали молодцы по горенкѣ!
Гей! жги, говори,
Договаривай!

Хоръ.

Гей! жги, говори,
Договаривай!

Таропъ.

Старые дѣды въ присядку пошли,
А старухи подрумянились!
Гей! жги, говори,
Договаривай!

Хоръ.

Гей! жги, говори,
Договаривай!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Буслаевна.

Буслаевна.

Погибла я! погибла!
Прощайся съ головой!

Хоръ.

Скажи, скажи скорѣе,
Что сдѣлалось съ тобой?

Буслаевна.

Пропала я! Совсѣмъ пропала!

Хоръ.

Да что?

Буслаевна.

Надежда убѣжала!

Хоръ.

Надежда убѣжала!

Буслаевна.

Ушла! Совсѣмъ ушла!

Хоръ.

Ахти, бѣда! Ахти, ребята!
Приходитъ нашъ послѣдній часъ!
И злой бояринъ нашъ Вышата
Прикажетъ всѣхъ повѣсить насъ!

Таропъ (*въ сторону*).

Ахти, бѣда! Охъ, плоховато!
Они найдутъ ее какъ разъ!

(*вслухъ*).

Она съ ума сошла, ребята!
И просто всѣхъ морочитъ насъ!

Вмѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Вышата.

Вышата.

Что здѣсь за шумъ? Мнѣ нѣтъ покоя!

Хоръ.

Бѣда! Ужасная бѣда!

Вышата.

Да что случилось?... Что такое?

Digitized by Google

Хоръ.

Мы всѣ пропали навсегда!

Вышата (*Буслаевнѣ*).

Да отвѣчай хоть ты, старуха,
О чемъ вы вздумали кричать?

Буслаевна.

Нѣтъ! у меня не станетъ духа
Тебѣ, бояринъ, отвѣчать!

Вышата.

Скорѣй, сейчасъ все дѣло мнѣ сказать!
Не то, велю васъ всѣхъ перевязать!

Хоръ.

Что, братцы, прибыли молчать?
Узнай... Узнай... Надежда убѣжала!

Вышата (*пораженный*).

Надежда убѣжала!...

Буслаевна (*на колѣняхъ, съ воплемъ*).

Погибла я! Пропала!

Хоръ.

Бѣда! Пропали мы!

Таропъ.

Ахти, бѣда! Охъ, плоховато!
Они найдутъ ее какъ разъ!

Вышата (*въ бѣшенствѣ*).

А, а! теперь ты завизжала!
(*Работникамъ*).
Сейчасъ ее найти, коль жизнь вамъ дорога!
Вы знаете меня: я милости не знаю!
(*Буслаевнѣ*).
Тебя-же, старая корга,
Живую въ землю закопаю!

Хоръ.

Пойдемте скорѣе, пойдемте, ребята!
Пойдемъ искать ее сейчасъ!
Не то, бояринъ нашъ Вышата,
Прикажетъ всѣхъ повѣсить насъ!

Вышата.

Сыщите мнѣ ее, ребята!
И я вамъ денегъ дамъ сейчасъ...
Не то другая будетъ плата—
Всѣхъ прикажу повѣсить васъ!

} Вмѣстѣ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ внутренность ветхой избы; въ одномъ углу стоитъ большая метла; на полкѣ [illegible] на столѣ мохнатый [illegible] надъ желѣзной жаровнею [illegible] передъ нимъ стоитъ Вахрамѣевна и мѣшаетъ длиннымъ ковшомъ.

— —

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Варись, варись зелье
На бѣду людей!
Будь чужимъ отравой,
Своихъ не губи!

МЕЛОДРАМА.

Вахрамѣевна.

Чуръ меня! Чуръ!
Есть у меня сто словъ
Съ приговорками,
А изъ тѣхъ-ли словъ
Три слова заповѣдныя...
Какъ шепну одно—
Ходуномъ земля пойдетъ;
Какъ другое скажу—
Звѣзды ясныя запрядаютъ,
А какъ третье вымолвлю,
Да перекинуся
Чрезъ двадцать ножей,—
Такъ и солнце затуманится!

* * *

Чуръ меня! Чуръ!

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Варись, варись зелье
На бѣду людей!
Будь чужимъ отравой,
Своихъ не губи!

Вахрамѣевна. Ну вотъ, почти готово! Будетъ чѣмъ полъ-Кіева испортить! Милости просимъ!... Кто хочетъ приходи—рада служить нашимъ свадобьемъ! Теперь понашептать, такъ и дѣло съ концомъ!

А кто выпьетъ, тому худо!
Чтобъ не спалось ему и не ѣлося;
Чтобъ черная немочь его,
Какъ осину горькую, скоробила;
Чтобъ сухота, какъ могильный червь,
Источила его заживо,
А лиходѣйка-тоска сердце выѣла;
Чтобъ засохъ онъ, какъ былиночка,
И зачахъ, какъ голодный песъ;
Чтобъ сестрицы мои
Поплясали и потѣшились
Надъ его могилою,
Повалялися, покаталися
На его бѣлыхъ косточкахъ!

Хоръ духовъ.

Мы попляшемъ и потѣшимся
Надъ его могилою!
Поваляемся, покатаемся
На его мы косточкахъ!

(*Ударъ въ тамтамъ. Жаровня проваливается*).

Вахрамѣевна. Чу! сторожевой вѣсточку подаетъ... Эй, вы, сволочь! Молчать!... Ого... русскимъ духомъ запахло!... Да это никакъ бояринъ Вышата? (*Котъ сгибается въ дугу и машетъ хвостомъ, сова хлопаетъ крыльями и у обоихъ глаза начинаютъ сверкать*). Шу, шу, вы.... Смирно!... Своихъ не трогать!

— —

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вахрамѣевна и Вышата.

Вышата. Здравствуй! бабушка!

Вахрамѣевна. Милости просимъ, батюшка! Присядь, кормилецъ, отдохни!

Вышата. Ну, Вахрамѣевна! Насилу я дотащился!

Digitized by Google

Вахрамѣевна. А что, мое солнышко вереннее, зачѣмъ изволилъ пожаловать! Иль есть нуждица какая!

Вышата. Есть, бабушка, есть!...

Вахрамѣевна. А что? Ужъ не приглянулась-ли тебѣ какая красоточка? Такъ чтожъ? Попытаемся... Ее не приворожу, такъ авось тебя отшепчу.

Вышата. Эхъ, нѣтъ, Вахрамѣевна!

Вахрамѣевна. А чтожъ, кормилецъ? Чѣмъ себя губить, такъ лучше горю пособить.

Вышата. Не въ томъ дѣло! У насъ вчера, въ селѣ Предиславинѣ, сдѣлалась пропажа.

Вахрамѣева. Вотъ что!

Вышата. Что ни лучшая жемчужина изъ сокровища великокняжескаго сгибла да пропала!

Вахрамѣевна. Какъ такъ?

Вышата. Да, бабушка; нынче ночью убѣжала наша первая красавица, и сманилъ-то ее опальный молодецъ, котораго теперь вездѣ ищутъ.

Вахрамѣевна. Эка притча, подумаешь!... Сманить красавицу изъ села Предиславина... Ну! видно этотъ опальный дѣтина заливная головушка!...

Вышата. Не отгадаешь-ли, бабушка, гдѣ онъ теперь съ нашей бѣглянкою?

Вахрамѣевна. А какъ ее зовутъ, боярынъ?

Вышата. Надеждою.

Вахрамѣевна. Надеждою?... Такъ она не нашей вѣры?

Вышата. Нѣтъ, она закона греческаго.

Вахрамѣевна. Охъ, худо!

Вышата. А что, бабушка?

Вахрамѣевна. Да такъ!... Христіанка!... Эхъ неладно!... Ужъ это не на водицу шептать; придется старшаго потревожить!... А вѣдь не равенъ часъ: какъ онъ расходится — такъ ой, ой, ой!

Вышата. Какого старшаго?

Вахрамѣевна. Не твое дѣло, батюшка! И то сказать—двухъ смертей не бывать, одной не миновать... Ну, такъ и быть!... Попытаюсь!... (*Беретъ со стола уголь и очерчиваетъ на полу кругъ*). Войди-ка въ этотъ кругъ, бояринъ!... Вотъ такъ! Да смотри, чтобъ тебѣ ни почудилось, а ты за черту ни ногой!

Вышата (*начиная трусить*).

Охъ, Вахрамѣевна! Меня что-то страхъ беретъ!

Вахрамѣевна. Небойсь, бояринъ! Коль ты будешь стоять сморно, не шевелиться и ни о чемъ не спрашивать, такъ съ тобою ничего не будетъ. Старшой не тронетъ, а всѣ мелкіе его слуги подъ моей рукой.

Вышата. Ну, то-то же, бабушка, смотри!

Вахрамѣевна. Говорятъ тебѣ, небойсь!

Вышата. Да ужъ полно, ворожить-ли намъ?...

Вахрамѣевна. Тсъ!...

О, ты, кого зовемъ мы Чернобогомъ,
Могучій князь, владыка вѣчной тьмы,
Кого никто безъ трепета не можетъ
Въ тиши ночной по имени назвать!
Къ мольбѣ моей ты долженъ преклониться...
Услышь меня! Яви свою намъ мочь:
Пусть солнца свѣтъ немедленно затмится
И мрачная для насъ наступитъ ночь!

(*Молчаніе. На сценѣ становится темно*).

Пусть бури гласъ средь тучъ намъ скажетъ,
Что ты для насъ оставилъ свой чертогъ,
И пусть твой перстъ намъ истину укажетъ...
Спѣши, спѣши, о грозный Чернобогъ!

(*Ударъ грома. Тихая гармоническая музыка.*)

Невидимыхъ хоръ.

Вы исчезните, преграды!
Ты откройся взорамъ, даль!
Вѣтеръ буйный пусть доноситъ
Къ намъ завѣтныя слова!

(*Задняя стѣна избы исчезаетъ и сквозь флеръ открывается взорамъ дикое мѣстоположеніе на берегу Днѣпра. Вдали Кіевъ. У подошвы высокой скалы Всеславъ и Надежда.*)

Вышата. Что я вижу!

Вахрамѣевна. Тсъ!...

Всеславъ (*за флеромъ*).

Нѣтъ, не близокъ часъ спасенья—
Избавитель вашъ нейдетъ!

Надежда.

О, не бойся! Провидѣнье
Насъ отъ гибели спасетъ!

Всеславъ.
Ахъ, надежду всю теряю—
Нашимъ нѣтъ конца бѣдамъ!

Надежда.
Я на Бога уповаю—
Онъ не дастъ погибнуть намъ!

} Вмѣстѣ.

(*Ударъ грома. Видѣніе исчезаетъ. Громъ продолжаетъ гремѣть и буря часъ-отъ-часу усиливается*).

Вахрамѣевна. Ну что, бояринъ? Они ли?

Вышата. Они, бабушка, они!

Вахрамѣевна. Мѣсто-то хорошо-ли ты замѣтилъ?

Вышата. Какъ-же бабушка! Урочище знакомое: близехонько отъ Аскольдовой могилы.

Вахрамѣевна. Такъ отправляйся-же скорѣе за ратными людьми, да не мѣшкай, бояринъ, а не то они какъ разъ у тебя межъ пальцевъ проскользнутъ!

Вышата. Иду, иду! Ой! да какая гроза, бабушка! Свѣта бѣлаго не видно!

Вахрамѣевна. Вѣдь я говорила тебѣ: потревожишь старшаго, да какъ онъ расходится, такъ только держись!

Вышата. А до села Предиславина не близко.

Вахрамѣевна. Постой, кормилецъ! Пойдемъ со мною—я выпровожу тебя на тропиночку, по которой ты мигомъ дойдешь до Предиславина.

Вышата. Пойдемъ, бабушка, пойдемъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе на берегу Днѣпра, часть которая видна была сквозь флеръ. Всеславъ и Надежда стоятъ подлѣ скалы, на вершинѣ которой стоитъ Таропъ.

Всеславъ. Ну что, Таропъ?

Таропъ. Ѣдетъ, ѣдетъ! Вотъ, приставъ къ берегу... Идетъ!... (*Сходитъ со скалы*).

Digitized by Google

Всеславъ. Хвала Творцу! Мы спасены!
Надежда. Но мой отецъ...
Всеславъ. О! Мы увидимся съ нимъ, Надежда! Онъ найдетъ наше убѣжище и навсегда останется жить съ нами.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Неизвѣстный (*выходя изъ-за скалы*).

Неизвѣстный. Скорѣй, Всеславъ, скорѣй!.. За Днѣпромъ дожидается насъ вѣрная дружина и черезъ нѣсколько дней мы будемъ въ станѣ печенѣговъ.
Всеславъ. Поспѣшимъ, Надежда!
Неизвѣстный. Постой! Ты долженъ прежде поклясться, что возстанешь на Святослава и покинешь законъ, который превратилъ тебя, удалого витязя, въ робкаго младенца.
Надежда. Милосердный Боже!
Всеславъ. Какъ! Чтобъ я поднялъ мечъ на моего государя и благодѣтеля!.. Чтобъ я отрекся отъ Господа!..

Неизвѣстный.

Да, да! возстань на Святослава
И греческій покинь законъ.

Всеславъ.

На что мнѣ русская держава?
Зачѣмъ? Пусть ей владѣетъ онъ.

Неизвѣстный.

О, стыдъ!

Всеславъ.

И можно-ль мнѣ рѣшиться
Его всѣ милости забыть!...

Неизвѣстный.

Но кровь за кровь должна пролиться
Всеславъ! Ты долженъ отомстить!...

Надежда (*Всеславу*).

О, милый другъ! Онъ насъ прельщаетъ!...
Не вѣрь ему—онъ нашъ злодѣй!
Его устами намъ вѣщаетъ
Врагъ Господа и врагъ людей!

Неизвѣстный.

Для васъ нигдѣ не будетъ мѣста,
Не будетъ радости былой.
Погибнешь ты! Твоя невѣста,
Съ тоски умретъ въ неволѣ злой.
Отмсти и будешь ты на тронѣ
И станешь въ Кіевѣ княжить!

Надежда.

Всеславъ! Всеславъ! будь твердъ въ законѣ!
И помни—намъ не вѣчно жить!

Неизвѣстный.

Тебя погибель ожидаетъ...
Всеславъ, ты самъ себѣ злодѣй!

Надежда.

Какъ злобный духъ онъ обольщаетъ,
Не вѣрь ему, онъ нашъ злодѣй!

Всеславъ.

Невинныхъ Богъ одинъ спасаетъ,
Имъ нѣтъ защиты у людей.

(Вмѣстѣ.)

Таропъ (*выбѣгая изъ-за кулисъ*).

Бѣгите, бѣгите скорѣе!
Вышата съ дружиной идетъ!

Всеславъ и Надежда.

Погибли мы!

Таропъ.

Спасайтесь!

Всеславъ и Надежда.

Спѣши за мной!

Неизвѣстный (*останавливая*).

Куда?
Надеждой не ласкайтесь:
Васъ гибель всюду ждетъ!

Таропъ (*смотря въ даль*).

Бѣгите!... Онъ идетъ!

Неизвѣстный.

Еще одно мгновенье
И нѣтъ для васъ спасенья!

Всеславъ и Надежда.

Еще одно мгновенье
И нѣтъ для насъ спасенья!

Неизвѣстный.

Въ послѣдній разъ: иль смерть, иль тронъ?
Пойдешь-ли ты на Святослава
И свой оставишь-ли законъ?

Надежда.

О, Боже! Укрѣпи Всеслава!

Хоръ (*за кулисами*).

Сюда, товарищи, сюда!
Скорѣй къ Аскольдовой могилѣ!

Неизвѣстный.

Ты слышишь ихъ?

Таропъ.

Ахти! бѣда!

Неизвѣстный.

Спасти тебя одинъ я въ силѣ...
Скорѣй рѣшительный отвѣтъ:
Идешь-ли ты со мною?

Всеславъ.

Нѣтъ!
Царю Небесному послушный,
Я не преступлю Его завѣтъ.

Неизвѣстный.

Такъ будь же проклятъ, малодушный!
Умри! Тебѣ спасенья нѣтъ!

(*Уходитъ*).

Хоръ (*за кулисами*).

Сюда, товарищи, сюда!
Скорѣй къ Аскольдовой могилѣ!

Надежда. Мы погибли! Но ты устоялъ, Всеславъ—благодарю Всевышняго!
Всеславъ. Взбѣжимъ на этотъ утесъ, и если намъ не останется никакого спасенія, то

Digitized by Google

бросимся въ Днѣпръ: быть можетъ Господь поможетъ намъ; быть можетъ я спасу тебя, Надежда!

Надежда. А если нѣтъ... Такъ чтожъ, мой ненаглядный?.. Лучше смерть, чѣмъ позоръ и разлука съ тобою! (*Входятъ на утесъ. Буря усиливается*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тѣ-же, Вышата и воины.

Вышата. Стойте, ребята, вотъ они!

Надежда. Скорѣй, мой другъ! Скорѣй!... Мы обвѣнчаемся тамъ (*указывая на Днѣпръ*). И Днѣпръ будетъ наше брачное ложе!

Вышата. Сдавайся, разбойникъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Стемидъ, за нимъ Алексѣй, рыбаки и всѣ христіане и христіанки.

Стемидъ (*Вышатѣ и воинамъ*). Именемъ великаго князя—остановитесь!

Алексѣй. Надежда! Дочь моя!

Стемидъ. Всеславъ! Ты прощенъ!

Всеславъ (*сходя съ Надеждою съ утеса*). Возможно-ли?

Стемидъ. И государь великій князь дозволяетъ тебѣ жениться на твоей невѣстѣ.

Вышата. Какъ?... Что?...

Стемидъ. А вотъ какъ, бояринъ: я бросился къ ногамъ великаго князя, разсказалъ ему все. Онъ тронулся моими слезами, простилъ Всеслава и уступилъ ему Надежду.

Вышата. Вотъ тебѣ разъ!.. Да полно, правда-ли это?

Стемидъ. Я не въ тебя, бояринъ: лгать не люблю.

Вышата. Ну, если такъ, то намъ здѣсь и дѣлать нечего; да видишь, и погода-то какъ расходилась! По домамъ, ребята! (*Вышата и воины уходятъ*).

Алексѣй (*обнимая Надежду и Всеслава*). Надежда! Всеславъ! мы опять вмѣстѣ!... опять счастливы!... (*Неизвѣстный показывается на челнокѣ среди рѣки. Ужасная буря*).

Первый рыбакъ. Посмотрите-ка, что это тамъ, на Днѣпрѣ?

Второй рыбакъ. Кажись, кто-то въ челнокѣ!... Эва какъ его покачиваетъ!... Ну! быть бѣдѣ!

Первый рыбакъ. Да это никакъ тотъ самый... помнишь, что разсказывалъ намъ все про Аскольда?

Второй рыбакъ. Да, да! онъ и есть!... Ну, парень, не сдобровать ему!

Таропъ. Ахти! это мой бояринъ!

Всеславъ и Надежда. Это онъ!

Таропъ.

Ахти, мой бояринъ!
Погибъ ты совсѣмъ!

Всеславъ.

Такъ точно! Несчастный!
Онъ тонетъ въ рѣкѣ!

} Вмѣстѣ.

Надежда и Алексѣй.

О, Боже! помилуй
И казнь удержи!

Хоръ и всѣ.

Смотрите, смотрите,
Какъ хлещетъ вода,
Какъ страшно бросаетъ
Волною челнокъ!
Напрасны усилья,
Погибель близка...

(*Молнія падаетъ на челнокъ; онъ исчезаетъ въ волнахъ*).

Глядите, онъ тонетъ!
Несчастный погибъ!

Надежда (*Всеславу*).

Онъ погибъ, а мы счастливы!
О, Всеславъ, Великъ Господь!

Алексѣй.

Онъ великъ—Ему и слава!
Ниспошлетъ Онъ вѣры свѣтъ
На потомство Святослава,—
И хранить Его завѣтъ
Станетъ русская держава!

Общій хоръ.

Спаси, Господи, своихъ людей!
Храни Царя, храни державу!
Да не наступитъ нашъ злодѣй
На русскій мечъ, на нашу славу!

конецъ.

(*1835 г.—Представлена въ первый разъ въ Москвѣ 15-го сентября 1835 г.*).

Digitized by Google

НЕДОВОЛЬНЫЕ

комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Иванъ Ильичъ Радугинъ	*Г. Щепкинъ.*
Анисья Дмитріевна Камская, его теща	*Г-жа Н. Сабурова.*
Владиміръ, его сынъ	*Г. Ленскій.*
Княжна Наташа, его дочь	*Г-жа Панова.*
Глинскій, знакомый князя Радугина	*Г. Потанчиковъ.*
Запяткинъ, пріятель Владиміра	*Г. В. Степановъ.*
Анюта, фаворитка Анисьи Дмитріевны	*Г-жа Орлова.*
Шумиловъ, повѣренный князя Радугина	*Г. Соколовъ.*
Жоховъ, камердинеръ князя Радугина	*Г. Барановъ.*
Княгиня Глафира Саввишна Дутикова	*Г-жа Кашина.*
Пустельгинъ	*Г. Живокини.*
Сундуковъ	*Г. П. Степановъ.*
Ѳедосья Львовна Полканова	*Г-жа Божановская*
Котомкинъ	*Г. Никифоровъ.*
Графъ Мишурскій	*Г. Щепинъ.*
Баронъ Турухтановъ	*Г. Орловъ.*
Молодой человѣкъ	*Восп. Максинъ 2-й.*
Федотъ, Иванъ, слуги князя Радугина	*Г. Смоляниновъ.* / *Г. Миняевъ.*
Аѳонька, Михей, слуги Анисьи Дмитріевны	*Г. Сахаровъ.* / *Г. Богдановъ 2-й.*
Слуга на искусственныхъ минеральныхъ водахъ	*Г. Петровъ.*

Посѣтители и посѣтительницы искусственныхъ минеральныхъ водъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ Анисьи Дмитріевны.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анюта (*входитъ изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей; за ней служанка несетъ чайный приборъ*).

Поставь сюда!.. да тише! не разлей!
Подвинь же столъ къ дивану...
Ахъ, какъ ты неловка! Впередъ сама я стану
Готовить чай!.. Подай побольше кренделей—
Вотъ тѣхъ, что принесли вчера намъ отъ графини!..

Глинскій (*за дверьми*).

Что, дома князь?

Михей (*входя за Глинскимъ на сцену*).

На этой половинѣ
Ихъ матушка изволитъ жить.

Глинскій.

Анисья Дмитріевна?.. Нельзя-ли доложить
Хоть ей...

Анюта (*подходитъ къ Глинскому*).

Иванъ Степановичъ!.. Вы-ль это?
(*Михей уходитъ*).

Глинскій.

Что вижу? Боже мой!.. Неужели Анюта?..
Да нѣтъ, не можетъ быть!

Анюта.

Такъ точно, это я.

Глинскій.

Да мы съ тобой старинные друзья.

Анюта.

Въ моемъ ребячествѣ я счастіе имѣла,
Что вы...

Глинскій (*перерывая*).

Какъ выросла и какъ похорошѣла!
Ну что, мой другъ! Ты здѣсь по-прежнему въ чести?
Попрежнему ты въ званьи фаворитки?
Должна держать себя въ струнѣ, ходить по ниткѣ,
Сидѣть въ углу и кружева плести?

Анюта.

О, нѣтъ! я всѣмъ хозяйствомъ управляю,
Анисью Дмитревну стараюся занять,
Играю съ ней въ лото...

Глинскій.

Такъ вотъ что? Поздравляю!
А что ея почтенный зять,
Князь Радугинъ?

Digitized by Google

Анюта.

Его дѣла не хороши.

Глинскій.

Неужели нашелъ онъ средство,
Недавно получа въ наслѣдство
Пять тысячъ душъ...

Анюта.

Остаться безъ души?—
Такъ это вамъ и чудно?
Помилуйте! У насъ въ Москвѣ не трудно
И вчетверо прожить. Одинъ Кузнецкій мостъ
Доѣдетъ хоть кого. По мясоѣдамъ балы,
Концерты въ постъ;
А эти господа, честные объѣдалы,
Которымъ все не въ честь...
Вы знаете, князь жалуетъ поѣсть:
Зимою кушаетъ малину
И свѣжіе въ Крещенье огурцы;
То тысячъ пятьдесятъ заплатитъ за картину,
То самъ пойдетъ въ купцы,
Начнетъ мѣнять, даетъ придачи,
Въ Москвѣ разводитъ садъ, а самъ живетъ на дачѣ...
Ну, послѣ этого прошу сводить концы!

Глинскій.

Да, это не легко! Такъ, видно, имъ придется...

Анюта.

Въ деревню поскорѣй.
За то ужъ какъ Россіи достается:
„Жилище варваровъ, звѣрей;
Земля, гдѣ головы всѣ пусты,
Гдѣ, кромѣ огурцовъ, да кваса и капусты,
Не знаютъ ничего“.—Ну, словомъ — день и ночь
Кричатъ одно и батюшка и дочь,
А пуще сынъ...

Глинскій.

А! этотъ парижанинъ,
Полуфранцузовъ всѣхъ наставникъ и герой?

Анюта.

Онъ на дуэли былъ слегка недавно раненъ;
Поссорился за карточной игрой.

Глинскій.

Такъ онъ игрокъ?

Анюта.

О, нѣтъ! Одно лишь наслажденье
Имѣетъ онъ въ виду. Запяткинъ, другъ его,
Мнѣ изъяснилъ, что онъ играетъ для того,
Чтобъ чувства приводить въ волненье
И нервы потрясать.

Глинскій.

Запяткинъ?... Это кто?

Анюта.

Да какъ-бы вамъ сказать?...
Онъ не въ большихъ чинахъ, не знатенъ онъ по роду,
Не служитъ онъ, затѣмъ что любитъ страхъ свободу,
И потому на счетъ другихъ живетъ;
Все русское клянетъ,
Злословьемъ князя забавляетъ;
Чужіе знаетъ всѣ грѣхи;
Въ журналы отдаетъ безденежно стихи,
А деньги въ карты промышляетъ.

Глинскій.

Скажи, мой другъ, а часто-ли у васъ
Племянникъ мой?

Анюта.

Андрей Иванычъ Лидинъ?

Глинскій.

Ну, да?

Анюта.

Онъ каждый день у насъ.
Прекрасный молодецъ, собою очень виденъ,
Привѣтливъ, добръ—а какъ уменъ!
Ну, право, лучше я мужчины
Не знаю здѣсь.

Глинскій.

И онъ къ вамъ ѣздитъ безъ причины?

Анюта.

Не думаю.

Глинскій.

А что?

Анюта.

Онъ, кажется, влюбленъ.

Глинскій.

Влюбленъ!... Въ княжну?

Анюта.

Помилуйте, въ кого-же?
Неужто въ бабушку? Вѣдь внучка помоложе.

Глинскій.

А что она?

Анюта.

Быть можетъ, и она
Немножко влюблена,
А, впрочемъ, не ручаюсь:
Я мало съ ними обращаюсь,
Такъ истинно не знаю и сама.
Вотъ если-бы онъ былъ не просто дворяниномъ,
А графъ, иль князь, хотя бъ съ хорошимъ чиномъ,
То вѣрно-бъ свелъ ее съ ума:
Но онъ похвастаться не можетъ знатнымъ саномъ,
Не князь, и служитъ капитаномъ...

Глинскій.

И такъ, ты думаешь...

Анюта.

Да, года три назадъ,
Ему-бъ навѣрно отказали...

Глинскій.

Три года!... А теперь?

Digitized by Google

Анюта.

Теперь смирнѣе стали.
Княжнѣ лѣтъ подъ-тридцать, Андрей Ивановичъ богатъ;
Хоть ей не хочется съ сіятельствомъ разстаться,
Да дѣлать нечего, когда пришла бѣда.
Вѣдь капитаншей быть все менѣе стыда,
Чѣмъ отъ долговъ въ деревню закопаться.

Глинскій.

Ну, жаль-же мнѣ его!

Анюта.

И я о немъ тужу.
Что если-бъ вы...

Глинскій.

Оставимъ это.
Могу-ли я твою увидѣть госпожу?

Анюта.

Анисья Дмитревна давно уже одѣта
И въ эту горницу придетъ сейчасъ.
Она здѣсь чай изволитъ кушать,
Приказы отдавать и рапорты всѣ слушать.

Глинскій.

Какъ рапорты?..

Анюта.

Да такъ — своя полиція у насъ:
Анисья Дмитревна Покровкой управляетъ.

Глинскій.

Покровкой!.. Что за вздоръ.

Анюта.

Васъ это удивляетъ?
Ну, видно, что давно вы не были въ Москвѣ.
Побудьте-ка у насъ недѣльки двѣ,
Такъ мы васъ [illegible] — побесѣдуйте-ка съ сосѣдомъ.
Кто женится, или кто помолвитъ дочь,
Иль выпьетъ лишнее за дружескимъ обѣдомъ,
Иль въ карты проиграетъ ночь,
Съ женою мужъ-ли побранится,
Иль кто задумаетъ жениться,
[illegible]
И горе всякое, и всякій слухъ,
И, словомъ, все, что здѣсь случится,
Мы знаемъ прежде всѣхъ.

Глинскій.

Ну, ничего! [illegible]
[illegible]

Анюта.

[illegible]

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Анисья Дмитріевна.

Анисья Дмитріевна (*не замѣчая Глинскаго*).

Въ диванной два стекла разбиты,
Гостиная совсѣмъ не убрана,
Въ присадникѣ потоптаны всѣ грядки...

Анюта.

Анисья Дмитревна!

Анисья Дмитріевна.

Молчи!.. Садовникъ пьянъ.

Анюта.

Сударыня!..

Анисья Дмитріевна.

Ну, вотъ какіе безпорядки!
Держи людей!.. Отъ нихъ убытки да изъянъ,
А проку ни на грошъ! — Одинъ [illegible]
Другой лѣнивъ какъ баринъ,
Тотъ пьяница, тотъ воръ!
Да вотъ постой! Лишь только-бы [illegible] —
Въ солдаты всѣхъ!..

Анюта.

Взгляните, передъ вами...

Анисья Дмитріевна (*увидѣвъ Глинскаго*).

Иванъ Степановичъ!.. Какими чудесами!

Глинскій цѣлуетъ у нея руку.

Давно-ли здѣсь?

Глинскій.

Вчера пріѣхалъ поутру.

Анисья Дмитріевна.

Прошу покорнѣйше садиться!

Анисья Дмитріевна садится на кресла, Глинскій на стулъ. Анюта стоитъ возлѣ Анисьи Дмитріевны, которая, [illegible]

Ну, можно-ли такъ мало измѣниться!
Ахъ, батюшка, постой... Очки протру...
Да ты нисколько, [illegible]
[illegible] не постарѣлъ.
[illegible] кажется, немного загорѣлъ.
[illegible]
[illegible] Москвы?
Здоровъ-ли онъ?

Глинскій.

Здоровъ [illegible]

Анисья Дмитріевна.

[illegible]

Глинскій.

[illegible]

Digitized by Google

Анисья Дмитріевна.

А, кажется, сложенія сырого,
И сверхъ того однихъ со мною лѣтъ...
И то сказать: нельзя всѣхъ мѣрить въ свою мѣрку,
Кому что дастъ Господь! (*Анютѣ*). Открой мнѣ табакерку!
Да ты то, батюшка, каковъ? Ну, что твой бокъ?

(*Анюта подаетъ открытую табакерку; Анисья Дмитріевна нюхаетъ*).

Глинскій.

Болитъ попрежнему.

Анисья Дмитріевна.

Болитъ? Охъ, это худо!
Да вотъ постой! У насъ въ Москвѣ есть докторъ—чудо!
Иванъ Фомичъ—я васъ сведу (*Анютѣ*). Подай платокъ!
Онъ нѣмецъ, батюшка!

Глинскій.

Теперь хорошихъ много
И русскихъ докторовъ.

Анисья Дмитріевна.

И—полно, ради Бога!
Гдѣ русскимъ докторамъ лѣчить!
Ну, ихъ-ли это дѣло?
Пожалуй и меня племянница хотѣла
Увѣрить, что въ Москвѣ умѣютъ ихъ учить;
Да вздоръ! Умны ужъ больно стали;
Объ этомъ въ старину слыхомъ мы не слыхали.
Эй, батюшка, возьми Ивана Фомича!
Я ревматизмомъ годъ страдала отъ плеча,
Онъ вылѣчилъ.

Глинскій.

Да я лѣчиться не намѣренъ;
А, можетъ быть, попью искусственныхъ здѣсь водъ...

Анисья Дмитріевна.

Что на Остоженкѣ? Гдѣ модный весь народъ
Баклуши бьетъ?

Глинскій.

Ну, да! и я почти увѣренъ,
Что облегченье получу.

Анисья Дмитріевна.

О, Господи!... но спорить не хочу:
Вѣдь всѣ съ ума сошли, у всѣхъ одно и то-же:
Володенька, княжна, и князь Иванъ Ильичъ,
И, словомъ, всѣ такую порятъ дичь,
Что истинно на дѣло не похоже!
Ну, пусть-бы молодежь, а то и старики
Туда-жъ кричатъ: не воды, чудо!
А знаешь-ли, берутъ откуда
Это чудо?
Да просто изъ Москвы-рѣки!

Глинскій (*улыбаясь*).

Нѣтъ, шутите!

Анисья Дмитріевна.

Смотри пожалуй, онъ хохочетъ!
Ахъ, мой Творецъ! Какъ всѣ ослѣплены!
Какъ будто-бы объѣлись бѣлены:
Никто и вѣрить мнѣ не хочетъ.
Вотъ также и вчера часъ битый Вельскій вралъ...
А, кстати! Знаете-ль? Вѣдь онъ ужъ генералъ!...

Глинскій.

Кто?... Вельскій?

Анисья Дмитріевна.

Да.

Глинскій.

Такъ чтожъ?

Анисья Дмитріевна.

Какъ что? Мальчишка!
Давно-ли у него былъ маленькій чинишка?...

Глинскій.

Онъ въ службѣ тридцать лѣтъ; такъ, право, не грѣшно...

Анисья Дмитріевна.

Ужъ Вельскій генералъ!... Подумать-то смѣшно!...
Я помню, въ курточкѣ ходилъ!... и какъ не стыдно...

Глинскій.

За что-же обходить служащихъ безъ вины?
И если всѣмъ даютъ за выслугу чины...

Анисья Дмитріевна.

Чины!—Кому?... Подумать-то обидно!
Да ты не знаешь видно,
Что Вельскому отцомъ роднымъ
Былъ просто сдаточный, а дѣдъ былъ крѣпостнымъ.

Глинскій.

Такъ чтожъ! Тому и больше чести,
Кто самъ собой, безъ происковъ и лести,
Безъ знатнаго родства, однимъ своимъ умомъ,
Талантомъ, иль трудомъ
Проложитъ для себя блестящую дорогу.

Анисья Дмитріевна.

Помилуй, батюшка, да этимъ понемногу...

Глинскій.

Не бойтеся, не всѣмъ талантъ Господь даетъ.

Анисья Дмитріевна.

Да всѣмъ даютъ чины. Давно я замѣчаю,
Что все у насъ навыворотъ идетъ:
Купцы не пьютъ вина, давай имъ чаю;
Мѣщане лѣзутъ въ господа,
А господа идутъ въ студенты;
Ужъ первый чинъ схватить неможно безъ труда—
На все ученье, да патенты!
Ужъ стали грамотѣ учить простой народъ,
И всякій лавочникъ толкуетъ про балансы!..
Въ Москвѣ шоссе да дилижансы,
А въ Питерѣ какой-то пароходъ,
Лихія болѣсти да выдумки пустыя!

Digitized by Google

Ну, словомъ—все поставили вверхъ дномъ...
Мы люди, батюшка, простые,
Такъ просто говоримъ.

Глинскій.

Позвольте мнѣ въ одномъ
Немножечко поспорить съ вами.
Дурнымъ хорошее не надо называть.
У насъ есть также люди съ головами,
Такъ стыдно отъ другихъ въ полезномъ отставать:
Художества, искусства и науки
Для пользы общей созданы,
Они идутъ впередъ, и если всѣмъ даны
И здравый смыслъ и руки—
Такъ почему-жъ и намъ...

Анисья Дмитріевна.

Мы знаемъ эти штуки!
Разсказывай!... Какія здѣсь науки?
Ужъ намъ хитрить!... да съ нашимъ-ли умомъ?
Мы развѣ иностранцы?
Мы русскіе!...

Глинскій.

Подчасъ и въ этомъ самозванцы,
Но, къ счастію, не всѣ.

Анисья Дмитріевна.

Подумали-бъ о томъ,
Что все пришло въ забвенье,
Что даже и въ Москвѣ ни къ роду, ни къ лѣтамъ
Нѣтъ должнаго почтенья:
Все разночинцы по мѣстамъ...
Кому житье?—Однимъ повѣсамъ.
Бывало, въ старину, отецъ въ чести и съ вѣсомъ,
Такъ сынъ въ пеленкахъ офицеръ;
Чтожъ нынче, напримѣръ?
Чиновный человѣкъ — посмотришь: что за рожа!
Откудова взялся! и даже не москвичъ!
А столбовой, хоть князь Иванъ Ильичъ,
Безъ мѣста, батюшка, а чѣмъ онъ не вельможа?
Открытый дворъ, шпалеры на стѣнахъ,
Сервизъ серебряный, услуга въ галунахъ,
Всегда пріѣздъ—и чтожъ? Вотъ ровно три недѣли
Писалъ онъ въ Петербургъ, а все отвѣту нѣтъ.

Глинскій.

Такъ хочетъ онъ служить?

Анисья Дмитріевна.

Да! принялъ мой совѣтъ.
Ахъ, батюшка: когда-бъ цѣнить людей умѣли,
Такъ вотъ министръ! Осанка, видъ, пріемъ,
Все барское—ума палата.

Глинскій.

О, спору нѣтъ! Талантовъ много въ немъ,
Да жаль что онъ служилъ всегда сверхъ штата,
И, кажется, былъ вѣчно въ отпуску.

Анисья Дмитріевна.

Такъ что-же, батюшка?

Глинскій.

Кто быть министромъ хочетъ,
Тотъ долженъ послужить.

Анисья Дмитріевна.

Ну, вотъ о чемъ хлопочетъ!
Ты этой службою нагонишь мнѣ тоску!
И развѣ онъ на службѣ не считался?
Онъ ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ нужно потолкался.
Гдѣ слѣдуетъ, друзей умѣлъ нажить...

Глинскій.

Охота есть, толкайтеся въ прихожей:
Но чтобъ достойнымъ быть вельможей
Такъ надобно служить.
(*Вставая*).
Да я никакъ ужъ слишкомъ заболтался.
Пора!

Анисья Дмитріевна.

Куда спѣшишь? Обѣдать бы остался...

Глинскій.

Мнѣ ѣхать надобно сейчасъ такую даль,
Что я...

Анисья Дмитріевна.

Ну, Богъ съ тобой!

Глинскій (*откланиваясь*).

Мнѣ, право, очень жаль...

Анисья Дмитріевна (*провожая*).

И, батюшка! Не ты, а мы въ потерѣ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Глинскаго, а вскорѣ Аѳонька и Михей.

Анисья Дмитріевна (*садится за столомъ и наливаетъ себѣ чай*).

Хорошъ и этотъ гусь!... И онъ туда же вретъ.
Что все идетъ у насъ впередъ.
Другіе хоть и врутъ, да все, по крайней мѣрѣ,
Не хвалятъ нашъ дурацкій вѣкъ:
А этотъ добрый человѣкъ—
Голубчикъ мой! всѣмъ, батюшка, доволенъ!
Эхъ, жаль, что князь Андрей Петровичъ боленъ:
Ужъ онъ бы доказалъ ему,
Что нынче всѣ негодны ни къ чему:
Что наша молодежь...
(*увидя вошедшихъ Аѳоньку и Михея*).
Вы здѣсь?... Ну, чтожъ вы стали?
Что видѣли вчера? О чемъ узнали?
Начни хоть ты, Михей!

Михей (*низко поклонясь*).

Сейчасъ я былъ по вашему приказу
У Фрындиной: она больна.

Анисья Дмитріевна.

И вѣрно съ глазу?
Куда глупа, Богъ съ ней!

Михей.

Не съ глазу, матушка, а развѣ отъ досады

Digitized by Google

На всѣхъ прогнѣвалась, позоритъ безъ пощады,
А пуще барина и дочь.

Анисья Дмитріевна.

За что?

Михей.

Да такъ! Мусью французъ отходитъ прочь.

Анисья Дмитріевна.

Неужели?

Михей.

Его Бирюлькина сманила.

Анисья Дмитріевна.

Ну, такъ, я знала напередъ!
Ужъ то-то, чай, ему и то и се сулила;
Да съ нею онъ не долго наживетъ,
У ней вѣдь каждый годъ обновка,
То нѣмецъ, то французъ. А что ея золовка?

Михей.

Матрена Власьевна? Не очень весела:
Вчера послѣднюю деревню продала.

Анисья Дмитріевна.

Негодная мотовка!
Пустила по міру и мужа и дѣтей,
Да ништо ей!
Теперь, я думаю, потише стала:
Не чванится, а то бывало
Швыряетъ деньгами, ну, вотъ ни дать, ни взять,
Какъ князь Иванъ Ильичъ, почтеннѣйшій мой зять.
Нѣтъ, матушка! За нимъ тягаться-то накладно.
А что его дѣла?

Михѣй.

Ходилъ въ надворный судъ
И спрашивалъ...

Анисья Дмитріевна.

Ну, что?

Михей.

Да мало-ли что врутъ.
И то и се, а, кажется, не ладно.

Анисья Дмитріевна.

Вотъ то-то же! Эхъ, князь Иванъ Ильичъ!
Уменъ ты на словахъ, а тамъ, глядишь по справкѣ,
Анъ вышло — сглуповалъ! Ну, трудно-ли постичь,
Что быть въ долгахъ и жить въ отставкѣ
Нельзя никакъ: таковъ ужъ нынче свѣтъ,
Никто по векселю и на годъ не отсрочитъ.
Теперь о мѣстѣ онъ хлопочетъ,
А мѣста нѣтъ, какъ нѣтъ!
Да вотъ авось-либо получитъ онъ отвѣтъ;
А нечего сказать, пора добиться толку,
Вѣдь зубы положить не весело на полку,
Ѣсть надобно. Ну, что?... Еще чего-нибудь
Не знаешь-ли? Смотри не позабудь!

Михей.

Кой-что, сударыня, все сущія бездѣлки:
У Ольгиной въ дому большія передѣлки;
Атуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псаря
На двухъ борзыхъ. Еще-жъ подъячій изъ палаты
Мнѣ сказывалъ, что ихъ секретаря
Со свѣту гонитъ предсѣдатель,
За взятки будто-бы.

Анисья Дмитріевна.

Ахъ, мой Создатель!
Каковъ же онъ! Другимъ ворамъ
Потачки нѣтъ, а самъ-то, мой кормилецъ,
Безсовѣстный! Къ нему, чай, съ заднихъ крылецъ
Просители не ходятъ по утрамъ?
Вотъ такъ-то всѣ: къ чужимъ грѣхамъ
Въ насъ нѣтъ ни мало снисхожденья.
О, Господи! Прости намъ прегрѣшенья!
Мы всѣ на томъ стоимъ:
Другихъ ругаемъ и бранимъ,
А насъ попробуй—тронь-ка!
Такъ Боже упаси!... Ну, что молчишь, Аѳонька!
Разсказывай! Что новаго узналъ,
Гдѣ былъ?

Аѳонька.

У Волгиныхъ въ гостяхъ, и такъ былъ встрѣченъ,
Что еле живъ теперь: насилу всталъ.

Анисья Дмитріевна.

Что сдѣлалось съ тобой?

Аѳонька.

Я вовсе изувѣченъ
И какъ еще на Божій свѣтъ гляжу!

Анисья Дмитріевна.

Но кто и какъ?

Аѳонька.

И все въ подробность доложу.
Вчера послали вы меня узнать отъ Сицкой,
Поѣдетъ ли она въ Орелъ на этихъ дняхъ;
Вотъ я иду тихонько по Мясницкой,
Гляжу, у Волгиныхъ весь домъ горитъ въ огняхъ.
„Какой банкетъ они справляютъ?“
Подумалъ я; „не худо-бъ заглянуть.“
Пойти нельзя, меня въ дому ужъ знаютъ,
А окна высоки. Самъ чортъ никакъ шепнуть
Мнѣ вздумалъ на-ухо! За лѣстницей бѣгомъ,
Сыскалъ, принесъ... взглянулъ кругомъ:
Прохожихъ нѣтъ. Я ну-ка помаленьку,
Тихонько, да ползкомъ
Придвинулъ лѣстницу, поставилъ подъ окномъ,
И только лишь ступилъ на первую ступеньку,
Какъ двери хлопъ — и Волгинъ самъ какъ тутъ.
„Ага! ты здѣсь?... Попался плутъ!
Постой!“ Вотъ я туда—сюда, не тутъ-то было!
Народу куча привалила,
Схватили молодца.
„Зачѣмъ стоишь у нашего крыльца?“
— Я мимо шелъ, увидѣлъ плошки

Digitized by Google

И только что взглянулъ.—„Зачѣмъ смотрѣлъ
въ окошки?“—
—Вы видите, какая грязь,
Я шелъ сторонкою. — „Вотъ я тебѣ!“—По-
звольте,—
Сказалъ я, прибодрясь,—
Хоть я не кто другой, а драться не из-
вольте.
„Ты плутъ, шпіонъ!“—Анъ нѣтъ, сударь,
совсѣмъ не то!—
Какъ вдругъ онъ, матушка, снаскоку,
Брякъ въ щеку!—
— Помилуйте, за что?
„А вотъ за что“!—Да хлысть въ другую...

Анисья Дмитріевна.

Ахъ, батюшки! Съ чего онъ волю взялъ
такую,
И какъ онъ смѣлъ?...

Аѳонька.

Ужъ онъ меня каталъ, каталъ!
Натѣшился, отсталъ,
Людишки приняли... Ну, вѣрите-ль, не зналъ,
Какъ вырвался, какъ до дому добрелъ...

Анисья Дмитріевна.

Ужъ я-жъ его, мерзавца, доконаю!
Съ ума что-ль онъ сошелъ?
Кого онъ смѣлъ обидѣть?
Лишь только-бъ Богъ привелъ
Его хоть гдѣ-нибудь увидѣть:
Все разомъ отпою.—Смотри, какой буянъ!
И кто онъ самъ таковъ? Давно-ль завелъ
крестьянъ?
Давно ли дворяниномъ?
Вѣдь дѣдушка его былъ здѣшнимъ мѣща-
ниномъ,
А мать купчихою; хоть это не порокъ,
А нечѣмъ хвастаться; — онъ самъ антикъ
ходячій,
Воришка, взяточникъ, подъячій;
И братцы хороши: меньшой игрокъ,
А старшій пьяница, жена его болтунья,
Невѣстка сплетница, золовка лгунья;
Изъ двухъ зятьевъ
Одинъ дуракъ, всѣ дочери кривляки,
А сыновья—невѣжи, забіяки...

Аѳонька.

Да у него нѣтъ вовсе сыновьевъ.

Анисья Дмитріевна.

Какъ нѣтъ? Да все равно! Лишь только-бы
родились,
А то ужъ будутъ сорванцы,
За это я берусь.

Михей.

Я, чай, у нихъ гонцы
Разосланы вездѣ; они давно хвалились,
Кто отъ своихъ отучатъ насъ дверей.

Анисья Дмитріевна.

Хвалились? Боже мой!... За докторомъ ско-
рѣй!
Охъ, душно!... Хвалились!

Анюта.

Онъ вретъ, не можетъ статься...

Анисья Дмитріевна.

Молчи! Такой афронтъ ужасный получи
Нельзя мнѣ въ люди показаться!
Охъ, батюшка!... Скорѣй Ивана Фомича!

Анюта.

Поступокъ Волгиныхъ, не спорю я, оби
денъ,
Но стоятъ ли они...

Слуга (*входя въ комнату*).

Андрей Иванычъ Лидинъ.

Анисья Дмитріевна.

Сегодня никого я видѣть не хочу!
Хвалилися!... И кто-жъ? Добро-бы люди!...
Охъ, спазмы!... Здѣсь!.. У самой груди!..

Анюта.

Пойдемте къ вамъ!

Анисья Дмитріевна.

Пойдемъ!... Ужъ я-жъ имъ отплачу

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату на половинѣ князя Радушина. Вечеръ. Въ простѣнкахъ горятъ лампы. На авансценѣ: столикъ, канапе и нѣсколько креселъ—Въ серединѣ и по бокамъ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Владиміръ и Запяткинъ (*входятъ изъ среднихъ дверей*).

Владиміръ (*смотритъ на часы*).

Девятый часъ!... Я думалъ, что позднѣе.
(*Зѣваетъ*).
Сегодня, кажется, отъ скуки я умру.

Запяткинъ.

Да развѣ мы не ѣдемъ на игру?

Владиміръ.

Нѣтъ, cher ami! Соснуть гораздо бы умнѣе:
Я такъ изломанъ, такъ усталъ!

Запяткинъ.

Какъ хочешь, князь! я въ общество попалъ
Чудесное, мой другъ! Есть партія для вин-
ста,
И банчикъ есть, и даже есть бостонъ:
Всѣ съ деньгами, играютъ чисто,
У всѣхъ прекрасный тонъ,
Хозяйка милая, и—что отмѣнно рѣдко,—
Въ ней русскаго ни крошки нѣтъ!
Ловка, умна, немножечко кокетка,
Жила въ Италіи пять лѣтъ
И вышла замужъ тамъ, да что-то ей съ су-
пругомъ
Не очень пожилось, такъ онъ налѣво кру-
гомъ.
Въ Италію назадъ — теперь и слѣдъ про-
стылъ.
А жаль! Онъ малый добрый былъ
И смиренъ какъ ягненокъ.

Digitized by Google

Владиміръ.

Да что она, стара?

Запяткинъ.

Конечно, не ребенокъ;
За то, мой другъ, талантами беретъ.
Рисуетъ какъ Вандикъ, танцуетъ всѣмъ на диво,
И *tanti palmati* ужасно какъ поетъ.

Владиміръ.

Поетъ?...

Запяткинъ.

Теперь немножечко фальшиво,
А славно пѣла въ старину!

Владиміръ.

Чтожъ бѣдный мужъ?

Запяткинъ.

Найдетъ себѣ жену—
Въ Неаполѣ ихъ много.
Поѣдемъ, душенька!

Владиміръ.

Ну, такъ и быть, изволь!
Но только въ часъ домой.

Запяткинъ.

Ужъ въ часъ? Къ чему такъ строго?
А ужинать?

Владиміръ.

О, нѣтъ, отъ ужина уволь!
Я воды пью.

Запяткинъ.

Охъ, эти воды.
Ты пьешь—зачѣмъ?

Владиміръ.

Да такъ!

Запяткинъ.

Для моды?

Владиміръ.

Вотъ вздоръ какой! Я пью затѣмъ, чтобъ пить,
Чтобъ время какъ-нибудь убить.

Запяткинъ.

И только-то?

Владиміръ.

О, нѣтъ! Причина остальная
Сильнѣе всѣхъ... Тамъ есть одна больная...
Она пьетъ Спрудель, я Нарзанъ...
Она больна—и я страдаю отъ недуга...
А какъ мила!... Лицо, походка, станъ,
Прелестно все! Въ глазахъ весь пламень юга,
Въ улыбкѣ тьма восточныхъ думъ...
А что за взглядъ!... Какая ножка!
Какіе волосы, мой другъ!... Глупа немножко,
Да что до этого? Къ чему для женщинъ умъ?

Запяткинъ.

Чтобъ быть еще милѣй.

Владиміръ.

Какое заблужденье!
Да женщины съ умомъ прескучныя творенья.

Запяткинъ.

Такъ чтожъ онѣ?

Владиміръ.

Сейчасъ рѣшу вопросъ,
Но только чуръ нейти въ доносъ!
Всѣ женщины, мой другъ, какъ дѣти:
Ихъ надо забавлять, имъ должно льстить,
Побольше подличать, поменьше ихъ любить,
И вещи брать, какъ есть онѣ на свѣтѣ,
А то себя и ихъ со скуки уморишь.
Люблю за это я Парижъ—
Для всѣхъ хорошенькихъ пріятнѣй нѣтъ столицы:
Мужчины тамъ рабы, а женщины царицы,
Ихъ воля—нашъ законъ; имъ это говорятъ,
Ихъ тѣшатъ какъ дѣтей, какъ куколъ наряжаютъ,
И если женщинъ тамъ не очень уважаютъ,
За то боготворятъ.

Запяткинъ.

Во мнѣ такъ жребій ихъ заведенъ;
Но если-бы услышалъ это Лидинъ?...

Владиміръ.

О, Боже сохрани! Вчера онъ по-утру
Часъ битый увѣрялъ бѣдняжечку сестру,
Что будетъ уважать жену свою, какъ друга;
Что добрая и *кроткая* супруга
Должна для мужа только жить;
Что онъ одной женою будетъ занятъ,
Но боготворить ея не станетъ,
А будетъ вѣкъ любить,
И прочее.

Запяткинъ.

Ну, чтожъ твоя сестрица?

Владиміръ.

Отдѣлала!

Запяткинъ.

Она на это мастерица.
А Лидинъ что?

Владиміръ.

Совсѣмъ погибъ!
Сестра такъ тѣшилась надъ *кроткою* женою,
Что бѣднаго холодный потъ прошибъ.

Запяткинъ.

Я думаю,—шутить невыгодно съ княжною.
Да-что онъ за чудакъ!

Владиміръ.

Онъ вовсе не орелъ, однакожъ, не дуракъ,
И есть какъ будто-бъ просвѣщенье;
Но что за пошлыя сужденья!
Что скажетъ, то совретъ,

Digitized by Google

Смѣшной онъ патріотъ,
Ужасный староверъ, невѣжда запоздалый...
А, впрочемъ, добрый малый.

Запяткинъ.

Да что въ немъ добраго?—Солдатъ изъ подъ ружья!
На что годится онъ?

Владиміръ.

И, душенька! въ мужья;
На что онъ отмѣнно какъ пригоденъ.
Да кстати, cher ami! Поздравь, вѣдь я свободенъ.

Запяткинъ.

Свободенъ? Какъ?...

Владиміръ.

Я больше не служу.

Запяткинъ.

Давно-ли ты въ отставку вышелъ?

Владиміръ.

Вчера. Объ этомъ здѣсь никто еще не слышалъ,
И даже мой папа. Я все тебѣ скажу:
У должности я не былъ три недѣли,
Нелюбезно меня трактуютъ какъ писца,
Мнѣ выговоръ!

Запяткинъ.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

Владиміръ.

Начальникъ мой ты знаешь этого глупца—
При всѣхъ сказалъ, что стыдно мнѣ шататься,
Что должно дѣломъ заниматься,
А дѣло что? Бессмыслица и вздоръ!
Вотъ я вступилъ съ нимъ въ жаркій споръ
И доказалъ ему, что вретъ онъ очевидно.
Чтожъ онъ, мой другъ?—И вспомнить-то обидно!—
Молчать велѣлъ!

Запяткинъ.

Какой ужасный деспотизмъ!

Владиміръ.

„Къ чему-жъ", примолвилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой,
„У васъ на всякой строчкѣ галлицизмъ,
„И слово каждое съ ошибкой.
„Учитесь грамотѣ". Такой обидный тонъ
Взбѣсилъ меня! Когда-жъ онъ къ этому въ прибавку,
Осмѣлился сказать: „Подите, сударь, вонъ!"—
Я тотчасъ объявилъ, что подаю въ отставку;
Что въ руки не возьму пера;
Что служить у васъ лишь только тотъ доволенъ,
Въ комъ нѣтъ души. И чтожъ! Вѣрнѣ узналъ вчера,
Что я отъ службы ужъ уволенъ,
И что мнѣ выдадутъ [illegible] аттестатъ.
Самъ [illegible] очень радъ.
Я [illegible]

Толпой невѣждъ, глупцовъ, и докажу.
Какъ мало дорожу
Ихъ вздорной похвалою.

Запяткинъ.

Брависсимо, мой другъ! Позволь себя об-нять!
Ну, какъ, подумаешь, судьбу не обвинять:
Съ такими чувствами, съ такой душою
Почти турецкимъ быть пашою,
Быть русскимъ!... Боже мой!

Владиміръ.

Судьба, mon cher, слѣпа.
Могло-бъ и хуже быть. Да вотъ и нашъ папа.
Съ повѣреннымъ своимъ и, кажется, не въ духѣ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же, князь, Радугинъ и Шумиловъ (*выходятъ изъ боковыхъ дверей*).

Князь (*Шумилову*).

Все это вздоръ, одни пустые слухи;
И что мнѣ твой надворный судъ?

Шумиловъ.

Я вашему сіятельству не смѣю
Пустое говорить; возьмите сами трудъ,
Извольте посмотрѣть!
(*Подаетъ ему бумаги*).

Князь.

Отстань! (*Увидя Запяткина*). А! честь имѣю!
Запяткинъ! Здравствуйте!
(*Подаетъ ему руку*).

Шумиловъ.

Одно изъ вашихъ дѣлъ
Ужъ кончено и, кажется, рѣшенье
Надворнаго суда, чтобъ ваше все имѣнье
Въ Орловской волости...

Князь.

Эхъ, братецъ, надоѣлъ!

Шумиловъ.

Село Борисовку, Котлы...

Князь.

Спроси газеты:
Да если съ почты есть пакеты,
Вели подать. Ну, что стоишь? Пошелъ! (*Шумиловъ уходитъ. Запяткину*).
Вы нынче, кажется, обѣдали не въ клубѣ?

Запяткинъ.

Не могъ: я обѣщалъ давно одной особѣ...

Князь (*грозя пальцемъ*).

И вѣрно женщинѣ!...

Запяткинъ (*заминая рѣчь*).

А что хорошъ былъ столъ?

Князь (*съ [illegible]*).

Да такъ! Вѣдь лучшій поваръ боленъ.

Digitized by Google

И я жаркимъ былъ очень недоволенъ,
За то подъ соусомъ телячія ушки,
А лучше и того съ вареньемъ пирожки
Отличные! Одни могли бы быть еще послаще,
И масла, кажется, пропорція мала,
Но, впрочемъ, хорошо. Чтобъ ихъ готовить чаще,
И подалъ голосъ мой. Какъ встали изъ стола,
Объ этомъ начались сужденья,
Различныя явились мнѣнья—
Пошли на голоса,
И цѣлыхъ два часа
Такія были пренья,
Что я отъ крику онѣмѣлъ.
Князь Викторъ пуще всѣхъ шумѣлъ;
Но я убилъ его однимъ вопросомъ.

Запяткинъ.

А что?

Князь.

Да такъ! Спросилъ: обѣдалъ онъ иль нѣтъ?
А онъ, чтобъ не платить бездѣлки за обѣдъ,
Лишь только завтракалъ.

Запяткинъ.

Такъ князь остался съ носомъ?

Князь.

И мигомъ прикусилъ языкъ. (*Входитъ слуга и подаетъ князю газеты*).

Запяткинъ (*тихо Владиміру*).

Да тамъ дѣла
Не въ шутку важныя.

Владиміръ.

Какія, братецъ, шутки?
Вѣдь дѣло-то идетъ объ ихъ желудкѣ.

Князь (*пересматривая газеты*).

Журналъ „Франкфуртскій“ и „Пчела“...
Начнемъ съ „Франкфуртскаго“ журнала...
Опять онъ хвалитъ насъ!... Ну, право, скучно стало;
Побольше-бъ насъ бранилъ, такъ меньше-бы онъ вралъ!

Запяткинъ (*тихо Владиміру*).

Ого! Да твой папа ужасный либералъ!

Владиміръ.

И онъ годится на безлюдьи.

Князь.

Ну, вотъ парижскіе гораздо строже судьи,
И дѣло говорятъ.

Запяткинъ (*Владиміру*).

Онъ мыслитъ хоть куда.

Владиміръ.

За то, мой другъ, какого стоило труда
Мнѣ просвѣтить его!

Запяткинъ.

Безъ всякаго сомнѣнья.
Вѣдь это старое упрямо поколѣнье.

Владиміръ.

Да! наши старики
Смѣшны. Они надѣли парики,
Въ нѣмецкіе кафтаны нарядились,
Обрили бороды, да только не умылись;
И если имъ объ этомъ намекнешь,
Такъ, Боже упаси! Отъ вздорной ихъ морали
Въ Камчаткѣ мѣста не найдешь.

Запяткинъ.

За то ужъ мы съ тобой отъ вѣка не отстали;
И если-бы судьба въ Парижѣ насъ свела,
Ужъ то-то-бъ пожили!

Владиміръ.

А что, и въ самомъ дѣлѣ!

Князь (*читаетъ газеты*).

Опять испанскія дѣла!
До смерти надоѣли!
Посмотримъ-ка „Пчелу“.

Владиміръ.

Когда-бъ ты зналъ Парижъ!
Вотъ жизнь, мой другъ! У насъ все гладь да тишь,
И мы спокойно всѣ отъ скуки умираемъ,
Волочимся тайкомъ, украдкою играемъ,
Въ театрѣ спимъ,
А въ клубѣ англійскомъ ѣдимъ,
Растемъ въ Москвѣ, или въ деревнѣ прозябаемъ:
А тамъ все жизнію кипитъ! И всѣ въ чаду—
Старикъ и юноша, глупецъ и геній.
Всѣ пьютъ равно изъ чаши наслажденій!
И если ты съ фортуною въ ладу...

Запяткинъ.

А если нѣтъ?

Владиміръ.

Такъ чтожъ? И это предразсудки:
Счастливо прожилъ сутки,
А тамъ—хоть пулю въ лобъ!

Запяткинъ.

Ай, ай! Нѣтъ, лучше жить въ Москвѣ и ѣздить въ клубъ!

Владиміръ.

Ахъ, сколько въ этой буйной жизни
Поэзіи, мой другъ! А въ нашей-то отчизнѣ,
И съ нашей прозаической зимой,
Прошу поэтомъ быть.

Князь (*читая газеты*).

Что вижу! Боже мой!
Возможно-ли?

Владиміръ (*князю*).

Да что такое
Вы тамъ нашли?

Князь.

Въ четвертый классъ!
Кого?... за что?... И разомъ двое:
Умковъ и Зоринскій!... Вотъ такъ-то все у насъ.

Digitized by Google

Донна Розалія (*съ гнѣвомъ*).

Сеньоръ кабалеро,
Забудьте меня,
Со мною встрѣчаться
Не смѣйте нигдѣ,
Мнѣ видъ вашъ несносенъ:
Вы варваръ, злодѣй!

Завольскій.

Чтобъ дружбѣ быть вѣрнымъ
И честь сохранить
Я долгъ свой исполнилъ,
И въ жертву ему
Всю радость земную
И счастье принесъ.

Пахита (*Розаліи*).

Пойдемте скорѣе,
Оставьте его.
И онъ дворяниномъ
Себя называлъ!
Какой онъ гидальго,
Онъ хуже слуги!

(*Розалія и Пахита уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Завольскій.

Розалія! постойте,
Вашъ гнѣвъ ужасенъ для меня.
Она ушла! А я средь свѣта
Опять остался сиротой,
Не слышать мнѣ любви привѣта,
Не знать и дружбы мнѣ святой.
И снова я начну скитаться,
Опять пущусь въ далекій путь,
Пора мнѣ съ жизнію разстаться,
Пора мнѣ вѣчнымъ сномъ заснуть!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕРЕМѢНА КАРТИНЫ.

(Дикое мѣстоположеніе на берегу моря, съ одной стороны густой лѣсъ, съ другой на скалѣ мавританскій замокъ, прямо открытое море и горизонтъ. Къ берегу пристаетъ катеръ съ матросами; они выходятъ на берегъ).

Хоръ матросовъ.

1-й куплетъ.

Ну, братцы, здѣсь можно
Часокъ отдохнуть;
Хватить на просторѣ
По чаркѣ вина.
Скорѣй подъ деревья
Сюда въ холодокъ.
На шелковой травкѣ
Мы лежа попьемъ,
Ужъ то-то раздолье,
Дружнѣе, ребята.
Ура!

(*Располагаются подъ деревьями*).

2-й куплетъ.

А что, вѣдь по правдѣ
Не худо здѣсь жить?
Тепло и привольно
И вдоволь всего,
А все-таки лучше
У насъ на Руси!
Мы первую чарку
Начнемъ за Царя,
За здравье родного!
Дружнѣе ребята.
Ура!

(*Пьютъ и чокаются стаканами*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Никаноръ.

Никаноръ (*не видя матросовъ*).

Куда онъ дѣвался,
Нигдѣ не сыщу.
Охъ, баринъ! Не ловко
Того и гляжу,
Что этотъ донъ Педро
Уходитъ тебя.

Хоръ.

Вторую мы чарку
За матушку-Русь
Хлебнемъ за святую!
Дружнѣе, ребята.
Ура!

Никаноръ. Ахъ, батюшки! Да это никакъ земляки... Здравствуйте, ребята! Что вы, русскіе что-ли?

Лоцманъ. Русскіе.

Никаноръ. И я русскій. Какъ это васъ Господь сюда занесъ?

Лоцманъ. Да пріѣхали съ нашего фрегата. Капитанъ сошелъ на берегъ погулять вонъ тамъ по рощѣ, а мы здѣсь пріютились. Да ты-то, братъ, какъ сюда попалъ?

Никаноръ. Я здѣсь съ моимъ бариномъ. Ну, что, куда путь-дорогу держите?

Лоцманъ. Да во-свояси, любезный, въ Кронштадтъ.

Никаноръ. Ахъ, ты, Господи Боже мой! Что еслибъ баринъ-то... Да нѣтъ! Онъ и слышать не хочетъ. Поклонитесь, братцы, отъ меня матушкѣ святой Руси. Эхъ ты, моя родимая! не видать мнѣ тебя, горемычному!

Лоцманъ. Полно, братъ, кручиниться! не хочешь-ли лучше хлебнуть съ нами винца?

Никаноръ. Винца? Какого?

Лоцманъ. Вѣстимо какого! Эй, ребята, дайте-ка сюда штофъ!

(*Наливаетъ стаканъ и подноситъ Никанору*).

Никаноръ. Ахти! Да это никакъ пѣнное (*пьетъ*). Фу ты, батюшка, какъ масломъ по сердцу, на силу-то душу отвелъ. Что здѣшнее вино—дрянь; дай-ка еще стаканчикъ.

Лоцманъ. Изволь, братъ (*наливаетъ и подаетъ*).

Никаноръ (*выпивъ*). Важно!

Лоцманъ. Да что твой баринъ, не русскій что-ли?

Никаноръ. Что ты, любезный! Русскій, пере-русскій и баринъ знатный! Упрямъ только. И самъ тоскуетъ по родной сторонѣ, да нѣтъ, уперся: „Не хочу ѣхать назадъ да и только".

Лоцманъ. Вотъ что!

Никаноръ. Ужъ у него обычай такой. Конечно, если-бы его какъ-нибудь этакъ порасшевелить—напомнить о родной сторонѣ, такъ можетъ статься... случай важный. Знаете-ли

Digitized by Google

что, братцы? Баринъ мой объ эту пору всегда здѣсь гуляетъ; вотъ если-бы вы сѣли здѣсь, въ этомъ лѣску, да сначала потихоньку, а тамъ и гаркнули-бы: „Какъ по матушкѣ по Волгѣ“ — это была въ старину любимая его пѣсенка — такъ авось-бы сердце-то въ немъ екнуло; вѣдь онъ таковъ: какъ закипитъ ретивое, такъ тотчасъ и подавай! Захотѣлъ ѣхать, а корабликъ вашъ и тутъ!

Лоцманъ. Пожалуй, братъ, почему не пропѣть. (*Завольскій показывается на скалѣ*).

Никаноръ. Постойте-ка! Да вотъ и онъ! Ну, ребята, пойдемте-же скорѣй! Коли онъ васъ увидитъ, такъ мы все дѣло испортимъ. (*Уходятъ всѣ за деревья*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Завольскій (*сходитъ со скалы*).

Да, я долженъ отсюда уѣхать, я отправлюсь въ другую часть свѣта, разстанусь навсегда съ Европой и забуду даже, что на ея сѣверѣ есть могучее царство, которое я называлъ нѣкогда моимъ отечествомъ... Забуду!... Да развѣ это можно? Да развѣ кровь, которая течетъ въ моихъ жилахъ, не русская кровь? О, нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ-бы я ни былъ, хоть на краю свѣта, но пока я живъ, я стану за одно горевать и радоваться съ тобою, мое отечество! Твоя слава—моя слава, твоя честь—моя честь! Гдѣ-бъ я ни былъ, вездѣ злодѣй и хулитель моей родины найдетъ во мнѣ врага, вездѣ я протяну братскую руку свою, кто скажетъ доброе слово о святой Руси!... Охъ, Софья, Софья! Для чего ты меня обманула! Я и такъ былъ сиротою, такъ зачѣмъ ты отняла послѣднюю отраду сироты — надежду умереть на своей родинѣ и лечь костьми подлѣ отца своего и матери. (*Задумывается, вдали раздаются едва слышные звуки русской пѣсни, которые становятся постепенно слышнѣе*). Что это?... Мнѣ кажется вдали поютъ хоромъ... Да! Но въ этомъ напѣвѣ нѣтъ ничего испанскаго!... Это не андалузская пѣсня... Нѣтъ! Въ этихъ звукахъ есть что-то знакомое, родное!... (*Пѣсня становится слышнѣе*). Нѣтъ, это обманъ моихъ чувствъ!... Но отчегожъ такъ сердце мое сильно бьется!... (*Прислушивается*). Возможно ли! Это та пѣсня, съ которой я свыкся еще въ ребячествѣ; они поютъ... Боже мой, Боже мой! Они поютъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. (*Слушаетъ съ нѣмымъ восторгомъ; хоръ умолкаетъ*). Русскіе, русскіе!... Здѣсь, подлѣ меня. (*Хочетъ идти въ ту сторону, гдѣ слышно пѣніе*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Завольскій и Діего (*вмѣстѣ съ товарищами показывается изъ-за деревьевъ и съ кинжаломъ въ рукѣ*).

№ 11.

Діего.

Ни слова!

Завольскій.

Убійцы!... (*Отступаетъ*).

Хорде (*показывается съ товарищами съ противоположной стороны*).

Назадъ!

Завольскій.

Чего вы отъ меня хотите?

Хоръ.

Тебя скорѣй отправить въ адъ.

Завольскій.

О, русскіе, гдѣ вы, спасите!

Хоръ.

Молчи, молчи!

Завольскій.

Друзья, спасите!

Хоръ.

Нѣтъ! нѣтъ! И такъ ты долго жилъ!
Твой часъ послѣдній наступилъ.

Завольскій.

За чтожъ вы сдѣлались врагами?
Убить хотите для чего?
Чѣмъ я виненъ передъ вами:
Я васъ не знаю никого.

Вмѣстѣ.

Хоръ.

Ты окруженъ теперь врагами,
Не жди на помощь никого,
Ты долженъ расквитаться съ нами,
Тебя спасти не можетъ ничего.

Завольскій.

Коль нѣтъ въ васъ сожалѣнья,
Такъ знаете: это преступленье
Вамъ даромъ не пройдетъ.

Хоръ.

О нѣтъ!

Мы скрыть умѣемъ слѣдъ.
Друзья, его оттащимъ къ морю,
Убьемъ, и въ воду всѣ концы.
Да, да, его оттащимъ къ морю,
Убьемъ, и въ воду всѣ концы.
(*Влекутъ его къ морскому берегу*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и донъ Павло.

Донъ Пабло.

Постойте, друзья,
Убить мы успѣемъ:
Съ нимъ прежде мнѣ должно
Два слова сказать.

Хоръ.

Къ чему разговоры?
Тащите его,
Убьемъ и въ море,
Такъ дѣло съ концомъ.

Донъ Пабло.

Нельзя-же въ дорогу
Отправить ни съ чѣмъ.
(*Завольскому*).
Молился-ль ты Богу?

Завольскій.

Что вижу? Злодѣи!
Пріятель донъ Педро!

Digitized by Google

Донъ Пабло.

И мститель его.

Хоръ.

Къ чему разговоры?
Тащите его,
Зарѣжемъ и въ морѣ,
Такъ дѣло съ концомъ.

Донъ Пабло.

Ну, кайся, невѣрный!
Твой часъ наступилъ.

Завольскій.

Давно ужъ простился
Я съ счастьемъ навѣкъ,
И жизнь мнѣ не радость
И смерть не страшна!

Хоръ.

Да что съ нимъ напрасно
Лишь время терять,
Намъ мѣшкать не можно,
Скорѣе къ концу.

} Вмѣстѣ.

Донъ Пабло.

Что, русскій?—Дрожишь!

Завольскій.

Я къ смерти готовъ,
Но грустно погибнуть
Отъ подлыхъ убійцъ.

Донъ Пабло.

Молчи, руссіано!

Завольскій.

Ты, Пабло, разбойникъ.

Хоръ.

Молчи!

Завольскій.

Предатель, подлецъ!

Хоръ.

Молчи!

Завольскій.

Я васъ презираю!

Донъ Пабло и хоръ.

Умри-же, гордецъ!

(Донъ Пабло хочетъ поразить его кинжаломъ, съ правой стороны отъ зрителей раздается выстрѣлъ, донъ Пабло падаетъ на руки къ своимъ сообщникамъ).

Хоръ убійцъ.

Спасайтесь! Измѣна!

(Убѣгаютъ и уносятъ съ собою донъ Пабло).

Хоръ (*за кулисами*).

Скорѣе сюда!
Проворнѣй, ребята.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Завольскій, Красноярскій (*съ пистолетомъ въ рукѣ*) Никаноръ, лоцманъ, матросы.

Хоръ.

Хватайте злодѣевъ,
Ловите убійцъ.

Никаноръ (*подбѣгая къ Завольскому*).

Вы живы?

Завольскій.

Ты видишь.

Никаноръ.

Не ранены?...

Завольскій.

Нѣтъ.

Никаноръ.

Ну, кстати поспѣли
На выручку васъ;
Безъ насъ бы навѣрно
Не быть вамъ живымъ!

Хоръ.

Еще бы минуту,
Такъ худо-бъ ему,
Безъ насъ бы навѣрно
Убили его!

} Вмѣстѣ.

Завольскій (*подходя къ Красноярскому*).

Кому я обязанъ
Спасеньемъ моимъ?

Красноярскій.

Мой выстрѣлъ удачный
Убійцу сразилъ.

Завольскій (*въ сторону*).

Возможно-ль? Что вижу?

Красноярскій (*лоцману*).

Ты въ городъ ступай,
Увѣдомь начальство
И тотчасъ назадъ!

(Лоцманъ и нѣсколько матросовъ уходятъ).

Завольскій (*въ сторону*).

Опять Красноярскій.

Хоръ.

Смотрите, ребята,
Когда бы не мы,
Пропалъ бы задаромъ
Такой молодецъ!

Завольскій. Красноярскій! И такъ, мнѣ суждено видѣть всегда въ немъ моего избавителя! Но можетъ быть это одно сходство... (*Красноярскому*). Если не ошибаюсь, вы Александръ Михайловичъ Красноярскій?

Красноярскій (*съ удивленіемъ*). Да, точно! Но почему вы это знаете? Кажется, я въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть?

Завольскій. Вы забыли мое лицо, но я

Digitized by Google

никогда не забуду вашего. Вы давно уже изъ Россіи?

Красноярскій. Шестой мѣсяцъ. Теперь я на возвратномъ пути.

Завольскій (*запинаясь*). Вы, я думаю, давно уже не получали извѣстія о вашихъ.

Красноярскій. На прошлой недѣлѣ я получилъ письмо въ Неаполѣ отъ моей жены.

Завольскій (*въ сторону*). Отъ его жены!... (*Красноярскому*). Ну, что, здорова-ли Софья Николаевна?

Красноярскій. Сестра моя?...

Завольскій. (*почти обезумѣвъ отъ удивленія*). Сестра?... Какъ сестра?... Чья сестра?...

Красноярскій. Чья сестра?—моя; вѣдь вы говорите о Софьѣ Николаевнѣ Лидиной?

Завольскій. Но вѣдь вы ея мужъ!... Вы видѣлись съ нею ночью... подлѣ китайской бесѣдки?

Красноярскій. Подлѣ китайской бесѣдки?... Такъ это вы? Боже мой, Боже мой! Сколько напраснаго горя! Вѣдь вы Владиміръ Сергѣевичъ Завольскій?

Завольскій. Да! Я писалъ къ ней, что уступаю ее вамъ.

Красноярскій. Мнѣ!—Да развѣ вы не слышите? Она сестра моя, поймите хорошенько, родная сестра.

Завольскій. Родная сестра!—Да вѣдь вы...

Красноярскій. Ну, да? Я Александръ Михайловичъ Красноярскій, а она Софья Николаевна Лидина—мы братъ и сестра отъ разныхъ отцовъ; Софья не замужемъ, она любитъ—она ждетъ васъ!

Завольскій. Возможно-ли!

Красноярскій. Я былъ влюбленъ въ пріятельницу сестры моей Любовь Дмитріевну Хопрову, и теперь на ней женатъ. Письмо, которое вы нашли въ ридикюлѣ, было писано къ ней! Злая тетка хотѣла выдать ее насильно замужъ за какого-то старика! Въ эту несчастную ночь, когда вы видѣли меня съ Софьей у китайской бесѣдки, я прискакалъ изъ Петербурга для того только, чтобъ увезти Любовь и обвѣнчаться съ нею. Теперь все для васъ ясно?

Завольскій. О! Все ясно!—Она меня любитъ, она ждетъ меня!

Красноярскій. Ну, что, Владиміръ Сергѣевичъ, теперь въ Россію?

Завольскій. Сегодня же, сію минуту!

Красноярскій. Вы можете завтра перебраться на мой фрегатъ.

Завольскій. Нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ переѣду на вашъ корабль—тамъ мнѣ будетъ казаться, что я уже въ Россіи—тамъ всѣ станутъ говорить со мною по-русски. О! Бога ради! возьмите меня къ себѣ!

Красноярскій. Съ большимъ удовольствіемъ.

Никаноръ. (*который слушалъ этотъ разговоръ*). Ахъ, батюшка! Такъ вотъ отчего вы ускакали тогда изъ подмосковной? Вы заподозрили Софью Николаевну, да и давай Богъ ноги! За тридевять земель въ тридесятое государство. Эхъ, господа, господа! Вотъ то-то и есть, сударь! Не заглянувъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ!... Нѣтъ, по нашему не такъ: заподозрилъ, такъ тутъ же на свѣжую воду, „что такъ, для чего? и почему?“ Анъ, глядишь, и вышли пустяки! Ну, конечно, можетъ статься, съ горяча-то и поколотишь, да вѣдь это все не то—помилуйте.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же Корехидоръ, благородные испанцы и народъ.

(*Вдали показывается фрегатъ*).

№ 12.

Хоръ (*народа*).

Что такое здѣсь случилось,
Кто хотѣлъ убить его?
Вотъ онъ здѣсь! Ну, слава Богу!
Онъ и живъ и невредимъ!

Корехидоръ (*Завольскому*).

Вы замѣтили-лъ злодѣевъ?
Вы ихъ знаете, или нѣтъ?

Завольскій.

Я прощаю имъ охотно,
Вѣдь для насъ просторенъ свѣтъ.

Корехидоръ.

Ихъ найти я обѣщаю
И отомстить за васъ клянусь.

Завольскій.

Ихъ нигдѣ не повстрѣчаю,
Ихъ кинжаловъ не боюсь,
Я въ Россію уѣзжаю!

Корехидоръ.

Такъ мы съ вами разстаемся?

Завольскій.

И, надѣюсь, навсегда!

(*Выстрѣлъ съ фрегата*).

Красноярскій, Завольскій и Никаноръ. (Вмѣстѣ.)

Вотъ подняли якорь,
Фрегатъ нашъ готовъ—
Въ Россію, въ Россію!
Прощайте, друзья!

Матросы. (Вмѣстѣ.)

Вотъ подняли якорь,
Фрегатъ нашъ готовъ—
Въ Россію, въ Россію!
На отдыхъ скорѣй!

Хоръ испанцевъ.

Прощайте, прощайте!
И помните насъ!

Красноярскій (*матросамъ*).

На катеръ, ребята!

(*Матросы садятся на катеръ, съ ними Красноярскій, Завольскій и Никаноръ*).

Хоръ испанцевъ.

Пусть вѣтеръ попутный
Къ роднымъ берегамъ
Могучей Россіи
Васъ быстро несетъ,
Пусть бури не смѣютъ
Коснуться до васъ,
И волны морскія

Digitized by Google

Самъ Богъ укротитъ!
И ваше свиданье,
Разлуки конецъ,
Съ семьей и друзьями
Наступитъ скорѣй.

(Въ продолженіе этого хора слышенъ на катерѣ русскій рожокъ. Въ ту самую минуту, какъ хоръ испанцевъ перестаетъ, матросы подхватываютъ хоромъ русскую пѣсню. Начинаютъ грести, катеръ отваливаетъ отъ берега, Завольскій и Никаноръ машутъ платками остающимся на берегу испанцамъ, которые также прощаются съ ними знаками.

(Занавѣсъ медленно опускается).

КОНЕЦЪ ОПЕРЫ.

(1839 г.—Представлена въ первый разъ въ Москвѣ 31 августа 1839 г.).

УРОКЪ МАТУШКАМЪ

РУССКАЯ ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ БЫЛЬ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анна Степановна Слукина		*Сабурова.*
Варенька, падчерица Слукиной		*Панова.*
Николай Ивановичъ Холминъ, крестный отецъ Вареньки		*Щепкинъ.*
Князь Верхоглядовъ	влюбленные въ Вареньку.	*Живокини.*
Иванъ Ѳедоровичъ Вельскій		*Ленскій,*
Алексѣй Андреевичъ Зоринъ		*Потанчиковъ.*
Александръ Михайловичъ Тонскій		*Самаринъ.*
Княгиня Ландышева, молодая вдова		*Орлова.*
Глафира Филипповна Гореглядова	ея знакомыя.	*Ленская.*
Ольга Дмитріевна Зарѣцкая		*Синецкая.*
Ѳома Ѳомичъ Фонъ-Дахъ, губернскій докторъ		*Никифоровъ.*
Губернаторъ		*Соколовъ.*
Гебернскій предводитель		*Волковъ.*
Аксинья, ключница	Слукиной.	*Кашина.*
Кондратьевна, нянюшка		*Богославская.*
Даша, горничная		*Златопольская.*
1-я дѣвушка		*Акимова.*
2-я дѣвушка		*Григорьева.*
Маленькая дѣвочка		*Лаврентьева.*

Мальчикъ князя Верхоглядова.
Слуги князя Верхоглядова.
Слуги Слукиной.
Гости обоихъ половъ на балѣ у княгини Ландышевой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Слукиной, обитую старинными обоями; по стѣнамъ развѣшаны фамильные портреты; мебель ветхая, стараго фасона.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Слукина, Холминъ и Варенька. (*Слукина сидитъ за ломбернымъ столомъ и раскладываетъ гранъ-пассіансъ; Холминъ также сидитъ подлѣ нея на стулѣ; Варенька стоитъ у растворенная окна).*

Слукина (*отталкнувъ съ досадою карты*). Опять не вышло!... А все этотъ проклятый валетъ; нейдетъ, какъ нейдетъ!... Эй, дѣвка!... Дашка!... (*Входитъ горничная*). Возьми, положи карты въ комодъ, въ третій ящикъ!... Да что это, мать моя?... Никакъ въ корсетѣ?... Смотри пожалуй!... И онѣ ужъ стали затягиваться!... Варенька!...

Варенька (*оборачиваясь торопливо*). Что вамъ угодно, маменька?

Слукина. Ну, что?... Дождикъ пересталъ?

Варенька. Кажется, пересталъ, маменька.

Слукина. Такъ на дворѣ прочищается?

Варенька. Кажется, прочищается.

(*Въ эту минуту слышенъ большой шумъ отъ дождя*).

Слукина. Чу!... Помилуй, матушка! Дождь ливмя льетъ, а ты говоришь... Да что ты—ослѣпла, что-ль?... Эй, человѣкъ... человѣкъ!... (*Человѣкъ входитъ*). Ну, что стоишь?... Слышишь, протекло въ гостиной!... Ведро! (*Слуга уходитъ*). Да вѣрно на чердакѣ ушатовъ нѣтъ: вотъ я васъ, разбойники!... Смотри пожалуй, дождь нейдетъ!... прочистилось!... Да чего-жъ ты въ окно-то смотрѣла, сударыня?... Ужъ не на этого-ли молодчика?...

Холминъ. На кого это, матушка Анна Степановна, на кого?

Слукина. Да вотъ недавно отвели квар-

Digitized by Google

тиру, противъ нашего дома... терпѣть не могу этого усача! Ну, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзетъ... Куда ужъ я не люблю этихъ подлипалъ!

Варенька. А онъ очень васъ любитъ и уважаетъ, маменька.

Слукина. Право? И что мнѣ, матушка, въ его любви?... И на какую потребу уваженіе этого нищаго? Я и сама замѣчаю это; онъ что-то умильно на меня посматриваетъ; ужъ не хочетъ-ли денегъ взаймы попросить—чего добраго! Вѣдь эта голь хитра на выдумки: на обухѣ рожь молотитъ.

Варенька. Вы напрасно, маменька, такъ дурно о немъ думаете: онъ, право, честный и хорошій человѣкъ.

Слукина. Ась?... Что, мать моя?

Варенька. Я говорю, что онъ хорошій человѣкъ.

Слукина. Право?... Да что ты за него такъ заступаешься?... Что это значитъ, сударыня?

Варенька. Такъ, маменька, ничего.

Слукина. То-то ничего; у меня смотри!...

Холминъ. Да о комъ вы, матушка, говорите?

Слукина, Вотъ объ этомъ гусарскомъ офицеришкѣ... какъ бишь его... дай Богъ память... Да!... Тонскій!

Холминъ. Александръ Михайловичъ?... Ну чтожъ!.. Онъ точно отличный молодой человѣкъ.

(*Во время этого разговора Варенька потихоньку отходитъ прочь и становится опять у окна*).

Слукина. И, батюшки! Да что въ немъ отличнаго... Ну, конечно, собой онъ молодецъ изрядный; говорятъ, не пьетъ, въ карты не играетъ—да и то сказать,—что ему сердечному проигрывать? Вѣдь голъ, какъ соколъ; а какъ поглядишь иногда—Господи Боже мой!—весь облитъ золотомъ: фунта три выжиги будетъ; а, чай, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть: служилъ-бы себѣ да служилъ въ пѣхотѣ; такъ нѣтъ,—всякая стрень-брень въ гусары лѣзетъ.

Холминъ. Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете; его дядя оставилъ ему небольшое, но прекрасно-устроенное имѣніе.

Слукина. Право?... А сколько душъ, батюшка?

Холминъ. Конечно, немного: душъ тридцать...

Слукина. Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, зовешь это имѣніемъ.

Холминъ. Нельзя-же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячъ пятьдесятъ въ годъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами Тонскій бѣденъ, но за то какой добрый, вѣжливый молодой человѣкъ...

Слукина. Да, Николай Ивановичъ! Что правда, то правда: и вѣжливъ и услужливъ; прошлое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною; на рукахъ вынесъ изъ губернаторской столовой.

Холминъ. А что такое съ вами было?

Слукина. Вотъ что, батюшка Николай Ивановичъ: я прошлое воскресенье была у губернатора въ благородномъ театрѣ. Какъ вошла я въ этотъ театръ, гляжу: на заднихъ скамеечкахъ просторно, но зато на передней, вотъ такъ человѣкъ на человѣкѣ и сидятъ. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ сидѣть сзади, и Богъ вѣсть подлѣ кого. Вотъ я, гдѣ бочкомъ, гдѣ локотками, продралась, и сѣла впереди. Тѣсно, батюшка, душно,—а дѣлать нечего—сижу! Вотъ, подъ конецъ, голова стала у меня кружиться и начало въ глазахъ зеленѣть,—а я все-таки сижу! Когда театръ кончился, я встала вмѣстѣ съ другими, а что-то плохо! Вошла въ гостиную, мнѣ какъ будто бы получше. Вотъ поднялись всѣ, чинъ чиномъ, въ столовую къ ужину; я, пропустя мимо себя губернаторшу, хотѣла было, по моему чину, вслѣдъ за нею, какъ вдругъ, откуда ни возьмись дворянская предводительница—шмыгъ изъ подъ меня, да шасть первая къ столу!... Коллежская асессорша!... Ну, батюшка, хотя я и беззащитная вдова, хотя за меня, круглую сироту, вступиться некому, а ужъ не стерпѣла бы такого афронта, и если-бъ это не было у губернатора, подняла бы такую кутерьму, что и Божи упасти! А тутъ дѣлать нечего—смолчала! Да ужъ каково-то было моей душенькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удушье, и если-бъ не подвернулся этотъ Тонскій—дай Богъ ему здоровья!—то я бы со всѣхъ ногъ грянулась о полъ.

Холминъ. Скажите пожалуйста! Подлинно спасибо ему!... А знаете-ли, Анна Степановна, что если-бъ Тонскій былъ побогаче, такъ этого жениха поискать?

Слукина. Да! Если-бъ у него было тысячъ тридцать въ годъ доходу.

Холминъ. Погодите, будетъ и больше Онъ отличный офицеръ, служитъ охотникъ и пойдетъ далеко.

Слукина. Статься можетъ, батюшка,—да вѣдь это еще буки.

Холминъ. Я увѣренъ, что и теперь любая невѣста въ нашемъ городѣ за него пойдетъ.

Слукина. Любая, не любая, а, можетъ быть, и найдутся охотницы. Вѣдь дураковъ и дуръ вездѣ много. Николай Ивановичъ, ихъ не орутъ, не сѣютъ, сами родятся.

Холминъ. Ну, нѣтъ!—по мнѣ Тонскій хоть кому женихъ.

Слукина. Что это, батюшка? Ужъ не мѣтишь ли ты на Вареньку?... Да сохрани ее Господи!... Да если-бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!... Добро-бъ еще этотъ Тонскій былъ въ чинахъ, статскій совѣтникъ или пятаго класса, а то простой офицеришка, нищій... Чему же ты смѣешься, батюшка?

Холминъ. Да какъ не смѣяться? Эхъ, матушка Анна Степановна! Ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ свататъ не-шутя вашу падчерицу, мою крестную дочь, за какого-нибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревизскими душами, потому только, что онъ уменъ, молодецъ собой и добрый малый?

Слукина. Ну то-то же, мой отецъ. А, то было я совсѣмъ перепугалась. Да и я дура! Какъ будто не знаю, что ты всегда подшучиваешь... А мнѣ бы надобно съ тобой о серьезномъ дѣлѣ поговорить, батюшка,—да вотъ видишь ты какой: опять начнешь балагурить!... Варенька!... Чтожъ ты, мой другъ, иль позабыла, что намъ пора ѣхать? Ступай одѣваться. (*Варенька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же кромѣ Вареньки.

Холминъ. Куда вы сбираетесь?

Слукина. Теперь съ визитами, а тамъ прямо на балъ къ княгинѣ Ландышевой.

Холминъ. И я также приглашенъ. Говорятъ, она зазвала весь городъ. Ну, тѣсно-же будетъ въ ея домикѣ.

Digitized by Google

Слукина. Да вѣдь она даетъ балъ въ домѣ своего родственника, князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

Холминъ. Ну, это другое дѣло; у него домъ настоящія палаты.

Слукина. Теперь, Николай Ивановичъ, мы остались одни; поговоримъ-ка о дѣлѣ.

Холминъ. Поговоримте, матушка.

Слукина. Ты человѣкъ умный, мой батюшка, посовѣтуй!—Что ты, родной скажешь, такъ тому и быть.

Холминъ (*улыбаясь*). То есть, когда мой совѣтъ будетъ согласенъ съ вашей волею?

Слукина. И, батюшка! Да развѣ у меня есть какая-нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и дѣлаю. Вотъ, изволишь видѣть: твоя крестная дочка ужъ на возрастѣ.

Холминъ. А что? Развѣ вы хотите выдать ее замужъ?

Слукина. Пора, мой отецъ, вѣдь ужъ ей скоро семнадцать лѣтъ.

Холминъ. Да это что еще за года, Анна Степановна.

Слукина. Полно, полно, Николай Ивановичъ, я сама по четырнадцатому году за перваго мужа вышла замужъ, такъ что тутъ говорить; да и не о томъ рѣчь.

Холминъ. А что, развѣ кто-нибудь сватается?

Слукина. Кто-нибудь?... Нѣтъ, батюшка, женишки-то давно ужъ около насъ увиваются, и въ-старину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было; вотъ теперь дѣло другое, за это ремесло взялись наши сестры, дворянки, да полно, лучше-ли? Бывало, отъ свахи узнаешь всю подноготную, отберешь все до копеечки, и коли замѣтишь, что она начала лисой лисить да переминаться, такъ ее, голубушку мою, въ три шеи со двора долой.—Вѣдь дѣло-то было торговое, а теперь — прошу покорно! Сама губернаторша пріѣдетъ сватать, съ ней много говорить не станешь; вѣрь на честное слово: „У такого-де, сударыня, тысяча душъ, да столько-то доходу, да то, да се“! А попробуй сказать: „Нельзя ли, матушка ваше превосходительство, документики сообщить?“—такъ пойдутъ исторіи, претензіи, разстанешься домами; нашей сестрѣ, беззащитной вдовѣ, отъ этой губернаторши и всѣхъ ея прихвостницъ житья не будетъ.

Холминъ. А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ предложеніе?...

Слукина. Вотъ то-то и есть, батюшка: она говорила мнѣ о своемъ племянникѣ.

Холминъ. Объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Вельскомъ.

Слукина. Да, Николай Ивановичъ. Я ужъ давно замѣтила, что этотъ отставной камеръюнкеръ имѣетъ виды на мою Вареньку. Конечно, онъ человѣкъ порядочный, слишкомъ тысяча душъ, прекрасный домъ, отличная услуга, музыка—все это хорошо, да говорятъ, что у него до пятисотъ тысячъ рублей долгу, такъ это почти все равно, что онъ ничего не имѣетъ.

Холминъ. Слѣдовательно, вы ему отказали?

Слукина. Ужъ тотчасъ и отказать! Погоди, батюшка, пусть посватается порядкомъ. Вотъ, какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варенькѣ, такъ успѣю и тогда. Небольшая бѣда, если станутъ говорить: у нея много жениховъ было.

Холминъ. Такъ какого-же, матушка, вы просили у меня совѣта?

Слукина. А вотъ постой, мой отецъ: еще одинъ женихъ.

Холминъ. А кто-жъ другой?

Слукина. Алексѣй Андреевичъ Зоринъ.

Холминъ. Предсѣдатель гражданской палаты?

Слукина. Да, батюшка!

Холминъ. Пожилой вдовецъ.

Слукина. Да, батюшка!

Холминъ. Съ большой семьей.

Слукина. Такъ чтожъ?

Холминъ. Да кстати-ли ему свататься за Вареньку? Она ему въ меньшія дочери годится!

Слукина. Это ничего, Николай Ивановичъ! И мой покойникъ былъ вдвое меня старѣе; а вотъ что худо: у Зорина наслѣдственнаго имѣнія нѣтъ, а все благопріобрѣтенное: куплено было на имя жены, такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть много, много душъ сто. Конечно, онъ человѣкъ умный, нажилъ-бы еще, да времена-то не тѣ, батюшка: ко всему придираются. Судья возьметъ по дружбѣ какой ни есть подарочекъ, а его назовутъ взяточникомъ; не бери ничѣмъ: ни деньгами, ни натурой. Да этакъ скоро вовсе служить нельзя будетъ.

Холминъ. И, матушка Анна Степановна. Ну, что Господа Бога гнѣвить! И теперь еще такъ-то себѣ деревеньки и домики наживаютъ, что на-поди!

Слукина. Да! Небось ты скопилъ имѣньице? Шесть лѣтъ былъ дворянскимъ предводителемъ, сколько разъ засѣдалъ въ рекрутскомъ присутствіи, а что нажилъ?

Холминъ. Да покамѣстъ честное имя, Анна Степановна.

Слукина. Честное имя! Да вѣдь честное имя доходу не даетъ; его ни продать, ни въ опекунскій совѣтъ заложить нельзя, такъ съ нимъ далеко не уѣдешь; а сверхъ того вы всѣ, честные люди, гордецы, а гордымъ Богъ противится—ну, что ухмыляешься?

Холминъ. Радуюсь, матушка Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и такъ ловко толкуете священное писаніе.

Слукина. Да что объ этомъ говорить; всякій молодецъ на свой образецъ. Скажи-ка лучше, что мнѣ дѣлать? И сама вижу, что Зоринъ не женихъ Варенькѣ.

Холминъ. Такъ откажите ему.

Слукина. А про мое тяжебное дѣло ты вѣрно забылъ, Николай Ивановичъ.

Холминъ. Нѣтъ, помню,—такъ чтожъ?

Слукина. А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ вѣсть, поправятъ-ли въ Москвѣ. Нѣтъ, мой отецъ! Успѣю ему отказать и тогда, какъ дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

Холминъ. Ну вотъ уже два жениха забраковано, нѣтъ-ли еще третьяго?

Слукина. Есть, Николай Ивановичъ,—есть женишокъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ слажено.

Холминъ. Вотъ что? Какъ-же мнѣ Варенька ничего объ этомъ не намекнула?

Слукина. Да она еще сама не знаетъ.

Холминъ. Право? Такъ вы заранѣе увѣрены, что этотъ женихъ ей понравится?

Слукина. Какъ ему не понравиться, батюшка? Вѣдь у него, легко вымолвить,—четыре тысячи душъ.

Холминъ. Четыре тысячи? Такъ это...

Digitized by Google

Слукина. Князь Владиміръ Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишокъ?

Холминъ. Да хорошо-ли вы знаете этого человѣка?

Слукина. Я знаю навѣрное, что у него четыре тысячи душъ, и ни копѣйки долгу.

Холминъ. Конечно, послѣ этого и говорить нечего. Вотъ если-бы у него не было ста тысячъ въ годъ доходу...

Слукина. Полтораста, батюшка!

Холминъ. Неужели? Прошу покорно! Такъ чтожъ это говорятъ, будто онъ самый пустой человѣкъ; что у него нѣтъ никакихъ правилъ; что онъ на словахъ ужасный филантропъ, а на дѣлѣ трехъ-бунчужный паша; что онъ толкуетъ бездрестанно о потребности вѣка, высшихъ взглядахъ, правахъ человѣчества и разоряетъ своихъ крестьянъ; что у него давно ужъ умъ за разумъ зашелъ, и что рано или поздно, а ему не миновать опеки!

Слукина. И, что ты, мой отецъ! Да развѣ отдаютъ подъ опеку людей, у которыхъ полтораста тысячъ въ годъ доходу и ни копѣйки долгу?

Холминъ. Вотъ то-то и есть: говорятъ также, что будто-бы у него такой причудливый характеръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ никакой возможности.

Слукина. Вздоръ, батюшка, вздоръ! То-же самое говорили и про моего перваго мужа, да вѣдь жили-же кое-какъ? Ну, конечно, какъ безъ того—бывало пошумимъ, погрыземся, а все-таки онъ, дай Богъ ему царство небесное!—сдѣлаетъ, такъ сдѣлаетъ по моему. Нравный мужъ не бѣда, мой отецъ. Лишь только не поддавайся да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

Холминъ. Правда! Анна Степановна, правда! Это самый лучшій способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака запугаешь, умному не до насъ, такъ и тотъ и другой будутъ поневолѣ дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варенька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самаго кроткаго нрава.

Слукина. Перемѣнится, мой отецъ, перемѣнится! Вѣдь нужда чему не научитъ?

Холминъ. Конечно, Анна Степановна, конечно! Да и материнскіе ваши совѣты, быть можетъ, на нее подѣйствуютъ. И такъ это дѣло конченое: племяннику губернаторши Вельскому...

Слукина. Я ничего рѣшительнаго не сказала; однакожъ, признаюсь, надеждой польстила...

Холминъ. Предсѣдателю палаты Зорину...

Слукина. Его поневолѣ приголубливаю, батюшка! вотъ такъ, изрѣдка намеки дѣлаю, обинячки говорю.

Холминъ. А князю Владиміру Ивановичу?...

Слукина. И ему еще формальнаго слова не давала.

Холминъ. То-есть вы обнадежили разомъ трехъ женіховъ.

Слукина. Эхъ, батюшка, батюшка! Да когда-же мнѣ и поломаться-то, какъ не теперь. Пока я не совсѣмъ еще порѣшилась, такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри—въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ? Одинъ слугу отыщетъ, другой салопъ подастъ, третій съ лѣстницы сведетъ; не успѣваешь раскланиваться. А какъ въ вистикъ-то съ ними засяду, батюшка, въ вистикъ! Житье да и только! Ренонсъ сдѣлаю, никто не видитъ; безъ двухъ фигуръ сочту четыре онера—молчатъ. И даже этотъ скопидонъ Зоринъ не заикнется сказать, что я ошиблась. А ужъ о томъ не говорю, сколько другихъ, прочихъ, мелкихъ женишковъ въ глаза-то мнѣ забѣгаютъ. Ну, такъ и рвутся одинъ передъ другимъ, чтобъ мнѣ услужить.

Холминъ. Ну, да! Теперь хорошо, а когда они узнаютъ, что вы ихъ дурачили?

Слукина. Такъ чтожъ, батюшка?—Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ могъ-бы мнѣ хлопотъ надѣлать, да, къ счастью, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣлѣ,—а ты знаешь, батюшка, резолюцію перемѣнить нельзя.

Холминъ. Разсчетъ вѣрный, Анна Степановна! Вы забыли только одно, что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей падчерицы. Станутъ говорить, что она заводила женіховъ, кокетничала, обманывала съ вами заодно...

Слукина. Помилуй! Да съ чего-бы это взяли?

Холминъ. Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и на волосъ не будетъ правды; но зачѣмъ давать поводъ къ злословію? Вѣдь клевета, какъ уголь, не обожжетъ, такъ замараетъ.

Слукина. И полно, мой отецъ! Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей. Да мало-ли что и про меня говорили: и обобрала-то я покойнаго моего мужа, и пустила по міру роднаго брата, да и Богъ вѣсть что! Всего не переслушаешь. А вотъ и Варенька! (*Варенька входитъ*). Побудь покамѣстъ съ твоимъ крестнымъ, а я пойду и сама принаряжусь; да если кто заѣдетъ, такъ извините меня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, кромѣ Слукиной.

Варенька (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Послушайте, крестный папенька, вы, кажется, говорили съ Анной Степановной?

Холминъ (*улыбаясь*). О чемъ, мой другъ?

Варенька. Ну!... О немъ!...

Холминъ. Говорилъ.

Варенька. Чтожъ она!

Холминъ. Твоя мачиха! Она рѣшилась выдать тебя замужъ.

Варенька (*съ радостью*). Возможно-ли?

Холминъ. За князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

Варенька (*съ ужасомъ*). Что вы говорите?

Холминъ. Чтожъ ты испугалась? Не бойся, мой другъ, на святой Руси насильно никого не вѣнчаютъ. Послушай, моя душа! Ты ужъ не ребенокъ и должна подумать о будущемъ. Ты любишь Тонскаго, и онъ достоинъ этого счастья; но у князя полтораста тысячъ въ годъ доходу, а Тонскій почти ничего не имѣетъ; ты также, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или—что почти одно и тоже—оно совершенно зависитъ отъ твоей мачихи. Покойный твой отецъ былъ человѣкъ истинно добрый, но подъ старость такъ ослабѣлъ и тѣломъ и душою, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли. Ты знаешь, Варенька, всѣмъ его имѣніемъ владѣетъ Анна Степановна, и хотя по духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячу душъ, но только тогда, когда выйдешь

Digitized by Google

замужъ съ ея согласія; въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возвратить тебѣ это право. Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя ничего нѣтъ; Анна Степановна никогда не согласится выдать тебя замужъ за Тонскаго, и никогда не проститъ, если ты выйдешь за него противъ ея воли!

Варенька. Ахъ, Боже мой! Да какая ей прибыль, если я выйду за этого князя?

Холминъ. Пребольшая, мой другъ. Засадить тебя вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ, это было-бы слишкомъ явнымъ доказательствомъ ея жадности; ты сирота, правительство можетъ взять тебя подъ свою защиту, а сверхъ того, и самые бездушные люди боятся общаго мнѣнія. Я узналъ нечаянно, но отъ вѣрнаго человѣка, что князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебя безъ приданаго, и сдѣлалъ даже какую-то бумагу, которая обезпечиваетъ на этотъ счетъ твою мачиху. Теперь видишь-ли, мой другъ?

Варенька (*съ живостью*). Такъ чтожъ? Неужели вы думаете, что Тонскій не откажется также отъ моего приданаго?

Холминъ. О, я не сомнѣваюсь въ этомъ.

Варенька. И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастіе?

Холминъ. Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтораста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебя и на волосъ счастливѣе.—Но бѣдность! Ахъ, Варенька, Варенька! Мы живемъ не въ Аркадіи; кустъ розановъ, шалашъ и милый другъ—все это прекрасно въ романсѣ, который ты поешь, сидя за фортепіано; но въ шалашѣ и холодно и тѣсно; розаны цвѣтутъ только весною; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебя: онъ захочетъ ѣсть, ты также, а тамъ семья, дѣти!... Нѣтъ, мой ангелъ, если счастье наше не всегда бываетъ слѣдствіемъ хорошаго состоянія, то, по крайней мѣрѣ, оно помогаетъ намъ сносить терпѣливѣе всѣ житейскія горести и напасти, которыя при бѣдности становятся еще несноснѣе. Подумай хорошенько: если ты выйдешь за князя, то всѣ желанія твои, всѣ прихоти будутъ исполняться: ты молода, мой другъ, тебя вѣрно еще плѣняютъ и щегольской экипажъ, и модныя платья, и тысяча другихъ блестящихъ бездѣлушекъ, которыя стоятъ такъ дорого и не служатъ ни къ чему; пока еще года и горькій опытъ не отучатъ тебя забавляться этими игрушками взрослыхъ людей, ты станешь тосковать о нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и досады, сравнивая свой простенькій московскій [illegible]-де-суа съ какимъ-нибудь ко[illegible]вымъ платкомъ или турецкою шалью прежней твоей подруги! Встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ, которые станутъ давить тебя своимъ богатствомъ и роскошью, ты по неволѣ [illegible]тельною; дружба богатыхъ [illegible] будетъ тебѣ казаться обиднымъ покро[illegible], а каждое [illegible] слово мило[illegible] изъ сострадания. [illegible] самолюбіе [illegible] себѣ [illegible] прежнюю любовь [illegible] о томъ, [illegible] князя, и бѣдный [illegible] причину этой [illegible]

Варенька [illegible] Мужъ мой! Т[illegible] [illegible] мой!... Да, я стала-бы плакать о турецкой шали, если-бы могла въ ней показаться милѣе моему мужу... Но желать ее для себя, горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу—да, да! ненавижу.

Холминъ (*улыбаясь*). Да за что-же мой другъ?

Варенька. За то, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ. И вы могли мнѣ совѣтовать!

Холминъ. Да полно, не гнѣвайся! Послушай, мой другъ. Прежде чѣмъ ты еще рѣшилась отказаться отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ всѣ невзгоды замужества съ человѣкомъ небогатымъ; я исполнилъ мою обязанность, и если бѣдность тебя не пугаетъ, то вотъ рука моя: ты будешь женою Тонскаго. Я не богатъ, Варенька; но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ. Не благодари меня, мой другъ!... У меня нѣтъ дѣтей, а живя съ вами, я забуду объ этомъ. Да и зачѣмъ отчаяваться? Почему знать? Быть можетъ, ты выйдешь за Тонскаго и не потеряешь своего состоянія.

Варенька. Но вы сами говорили, что Анна Степановна никогда не согласится.

Холминъ. Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится; но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоей посаженой матерью, а лишь только бы послѣ свадьбы-то васъ простила... У меня кой-что бродитъ въ головѣ... Что, если-бы?... Почему-же нѣтъ?... А какъ-бы это было забавно!... Только смотри, Варенька! Слушаться меня во всемъ.

Варенька. О, въ этомъ можете быть увѣрены.

Холминъ. Постой! Кажется, кто-то пріѣхалъ. (*Смотритъ въ окно*). Вельскій! Вотъ кстати. Поди, мой другъ, къ себѣ въ комнату. (*Варенька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Холминъ и Вельскій.

Холминъ (*идя навстрѣчу Вельскому*). Анна Степановна дома, но проситъ васъ извинить ее: она сейчасъ ѣдетъ съ визитами.

Вельскій. Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Очень радъ, что васъ вижу.

Холминъ. Да присядьте хоть на минутку, Иванъ Ѳедоровичъ. Позвольте мнѣ похозяйничать. (*Садятся*).

Вельскій. Покорнѣйше васъ благодарю! И признаюсь, мнѣ надо отдохнуть: я такъ усталъ! У тетушки обѣдалъ Зоринъ, и я имѣлъ дурачество съ нимъ сѣсть въ карты. Ахъ, какой злодѣй! Полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мѣняетъ—измучилъ!

Холминъ. А что вы сдѣлали?

Вельскій. Проигралъ.

Холминъ. Немного?

Вельскій. Бездѣлицу! Рублей полтораста или двѣсти—не помню.

Холминъ. Вы, кажется, всегда проигрываете?

Вельскій. Почти.

Холминъ. Такъ зачѣмъ вы играете?

Вельскій. А чтожъ прикажете мнѣ дѣлать? У насъ въ провинціи, если васъ не посадятъ за карты, такъ смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ день? Говорить?—О чемъ? съ кѣмъ? Съ Хапровой, что ея горничная дѣ-

Digitized by Google

вушка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ лакеемъ; съ Елецкимъ, что у него взбѣсился борзый кобель и перекусалъ всю стаю; съ губернскимъ докторомъ Ѳомою Ѳомичемъ фонъ-Дахомъ, что онъ дѣлаетъ изъ своего табаку отличный кнастеръ; съ Вельдизевой, что у нея сманили третью мадамъ... Конечно, все это имѣетъ свою забавную сторону—въ первые три дня, но круглый годъ и всякій день одно и то-же!... Нѣтъ, Николай Ивановичъ! Холостому человѣку невозможно жить въ провинціи; а если ему придется, по своимъ обстоятельствамъ, заживо схоронить себя въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ... то онъ долженъ непремѣнно...

Холминъ. Жениться? Не правда-ли?

Вельскій. Разумѣется. Разсчетъ самый вѣрный: съ хорошей женой ему будетъ весело и дома, съ дурной онъ станетъ безпрестанно ссориться, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не умретъ отъ этой проклятой скуки, которая душитъ меня съ утра до вечера.

Холминъ. Такъ чтожъ, Иванъ Ѳедоровичъ: лѣкарство у васъ, кажется, подъ руками.

Вельскій (*значительно улыбаясь*). Вы думаете?

Холминъ. Да мало-ли у насъ невѣстъ? Вотъ, напримѣръ, Катерина Ѳедоровна Радугина: восемнадцать лѣтъ, собой недурна, воспитана...

Вельскій. Прекрасно! Двухъ словъ не умѣетъ сказать съ-ряду, и одѣвается, какъ прачка. Помилуйте! Да ее стыдно будетъ въ люди показать.

Холминъ. Я думаю, вы не скажете этого о Катинькѣ Ладиной.

Вельскій. Да! Она довольно мила, но за то... послушайте! я не хлопочу о богатствѣ... однакожъ...

Холминъ. Понимаю! Такъ вамъ бы жениться на дочери нашего виннаго заводчика Расторгуева. Конечно, Степанида Алексѣевна не красавица...

Вельскій. Что вы? Что вы? Да развѣ мой домъ кунсткамера?... Расторгуева! Побойтесь Бога! Да ее можно водить по ярмаркамъ, да за деньги показывать.

Холминъ. Ну вотъ то-то и есть! На васъ не угодишь.

Вельскій. Да вы Богъ знаетъ кого называете.

Холминъ. Какъ, Богъ знаетъ? Я назвалъ вамъ первыхъ здѣшнихъ невѣстъ.

Вельскій. А для чего-же вы ни слова не говорите о вашей крестницѣ?

Холминъ. О Варенькѣ?

Вельскій. Да, о Варварѣ Николаевнѣ.

Холминъ. Для того, что одна дѣвушка не можетъ быть невѣстою двухъ жениховъ.

Вельскій. Двухъ женіховъ? Что вы хотите сказать?

Холминъ. Не погнѣвайтесь—это еще покамѣстъ семейная тайна; по настоящему, мнѣ бы не должно было и намекать объ этомъ.

Вельскій. Ахъ, сдѣлайте милость!...

Холминъ. Послушайте, Иванъ Ѳедоровичъ. Я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу,—она почти помолвлена.

Вельскій. За кого?

Холминъ. Извините! Этого я не могу вамъ сказать.

Вельскій. Вы меня удивляете! Третьяго дня тетушка говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала большую надежду.

Холминъ. Что вы говорите?

Вельскій. Увѣряю васъ.

Холминъ. Ну, это нехорошо! Очень нехорошо!... Эхъ, Анна Степановна! Вѣчно надѣлаетъ глупостей. Ну, прилично-ли заводить, дурачить?

Вельскій (*приподымаясь невольно съ кресель*). Дурачить?... Меня?... Да нѣтъ, это невозможно. (*Садится опять*).

Холминъ. Со мною хитрить ей нечего; такъ воля ваша—мнѣ кажется, она дурачитъ васъ.

Вельскій (*вскочивъ*). Меня? O! ceci est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ я, во всякомъ случаѣ, благодаренъ, что вы мнѣ это сказали.

Холминъ. Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

Вельскій. Не безпокойтесь — я васъ не компрометирую. Но сегодня-же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно: принимаетъ-ли мое предложеніе, или нѣтъ. И если для того, чтобъ продолжать грабить свою падчерицу, она станетъ отдѣлываться отъ рѣшительнаго отзыва, то дядя мой, какъ начальникъ губерніи, и безъ сомнѣнія, нашъ предводитель дворянства вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что я имѣю право думать, что мои исканія не противны Варварѣ Николаевнѣ...

Холминъ. Въ самомъ дѣлѣ?

Вельскій. Да, да! Я имѣю этому доказательства. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ и я пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Тонскому, вотъ къ этому гусарскому офицеру—вы, кажется, его знаете?

Холминъ. Да, немного.

Вельскій. Онъ также приглашенъ былъ на балъ и просилъ меня заѣхать за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка разсказала мнѣ послѣ все. До моего пріѣзда на балъ, ваша крестница была печальна, задумчива, разсѣянна, безпрестанно смотрѣла на двери и какъ будтобы дожидалась кого-нибудь; но лишь только я показался на балѣ, то она въ ту-же самую минуту стала весела, разговорчива, словомъ, совершенно переродилась. Смѣю спросить, что это значитъ?

Холминъ. О, это явное предпочтеніе.

Вельскій. Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она поблѣднѣла, и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякій постигнетъ настоящую причину этого испуга, но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце, тотъ безъ труда пойметъ, что значитъ такая необычайная робость.

Холминъ. Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, исполать вамъ! Да, я вижу, вы настоящій профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

Вельскій (*улыбаясь, съ гордостію*). Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою, въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ... да вы вѣрно знаете французскую пословицу: a force de forger...

Холминъ. Какъ не знать!

Вельскій. Прощайте покамѣстъ! Я надѣюсь сегодня увидѣть васъ и Анну Степановну у княгини Ландышевой?

Digitized by Google

наглую ложь, я вскочила, накинула шаль и тотчасъ уѣхала изъ театра.

Княгиня. Признаюсь, и я-бъ на вашемъ мѣстѣ не усидѣла-бы спокойно.

Гореглядова. Вы меня удивляете, Ольга Дмитріевна! Такое варварство, и гдѣ-жъ? въ столицѣ!

Княгиня. И, ma chère! Чему тутъ удивляться? Да развѣ прошлаго года не были у насъ пріѣзжіе изъ Москвы? Помните этого князя Брянскаго, и еще какого-то ученаго? Ну, вотъ этихъ, надъ которыми мы такъ смѣялись, когда они объявили преважно, что путешествуютъ по Россіи! Они не хотѣли сблизиться съ нашимъ кругомъ, а съ кѣмъ были знакомы? Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ Закаменскимъ, съ этимъ педантомъ Холминымъ— помните, что они говорили: „Вотъ почтенные люди! Вотъ настоящіе русскіе дворяне! Вотъ истинно просвѣщенные помѣщики!"—Просвѣщенные!... А первый Дубровинъ говоритъ по-французски такъ, что безъ смѣха нельзя слышать.

Зарѣцкая. Ну, ma chère, я въ Москвѣ видѣла двухъ англичанъ вояжеровъ, которые еще больше Дубровина коверкаютъ несчастный французскій языкъ.

Княгиня. И, ma bonne amie! Да за то они прекрасно говорятъ по-англійски.

Гореглядова (*Зарѣцкой*). Я вижу, ma chère, намъ нечего перенимать у Москвы.

Зарѣцкая. Намъ перенимать?... Помилуйте! Не мы у Москвы, Москва должна перенимать у насъ.

Княгиня. Да, да! Не мѣшало-бы ей здѣсь поучиться хорошему тону и спросить у насъ, что значитъ образованный вкусъ.

Зарѣцкая (*которая взяла между тѣмъ со стола книгу*). Ахъ, Боже мой!... Бальзакъ!

Княгиня. Вы читали его?

Зарѣцкая. Бальзака? Какой вопросъ?... Вся Москва отъ него безъ ума.

Гореглядова. Неужели?

Княгиня. Однакожъ вѣрно Дарленкуръ...

Зарѣцкая. Фи, ma chère! Что вы говорите? Дарленкуръ!... Да его ужъ никто не читаетъ: всѣ надъ нимъ смѣются... Но Бальзакъ... Ахъ, Бальзакъ! Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которая не знала-бы его наизусть.

Княгиня. Въ самомъ дѣлѣ?

Зарѣцкая. Да ma, chère. На масляницѣ я была въ благородномъ собраніи: кто-то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ, потомъ стали говорить, что онъ въ собраніи,—Боже мой! Какъ всѣ дамы засуетились, какая пошла тревога, шумъ, распросы, и одного молодого человѣка, который съ виду походилъ на француза, совсѣмъ было задушили: къ счастью, онъ заговорилъ по-русски: это его спасло.

Гореглядова (*княгинѣ*). Ахъ, ma chère, пожалуйста возьмите у князя эти книги.

Княгиня. Да, да, ma bonne amie! Мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ. Но вотъ, кажется, Радугины!... Такъ точно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и гости (*которые входятъ одни за другими. Мужчины раскланиваются, а дамы цѣлуются съ княгинею*).

Княгиня. (*встрѣчая*). А! Софья Степановна!... Ѳедосья Степановна!... Максимъ Ивановичъ!... Кирилла Семеновичъ!... (*Гореглядовой*). Похлопочи, ma chère, раздай карточки. (*Гореглядова составляетъ партіи и разсаживаетъ за ломберные столы гостей*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе, Слукина и Варенька.

Княгиня. Анна Степановна.

Слукина. Здоровы-ли, матушка, ваше сіятельство?

Княгиня. Какъ видите, славу Богу! Mesdames, прошу покорно въ залу!

Слукина. Я, матушка княгиня, здѣсь останусь! Да не безпокойтесь, я составлю себѣ партію; вотъ ужъ одинъ играчекъ на лицо. (*Въ задней комнатѣ показывается Вельскій*).

Княгиня (*Варенькѣ*). Пойдемте, Варвара Николаевна. (*Всѣ уходятъ; на сценѣ остается только одна Слукина и тѣ гости, которые сидятъ за картами; черезъ минуту раздается вдали музыка; она должна быть едва слышна. Въ задней комнатѣ отъ времени до времени проходятъ слуги и прохаживаются гости; музыка также поочередно перестаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Вельскій.

Слукина. Здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ! (*Вельскій вѣжливо, но очень сухо кланяется*). Ну, что ваши игрочки подъѣхали?

Вельскій. Я видѣлъ въ залѣ Алексѣя Андреевича Зорина.

Слукина. А князь?

Вельскій. Его, кажется, нѣтъ.

Слукина. Охота-жъ ему терять золотое времячко. Да не сѣсть-ли намъ, батюшка, въ троемъ? Я буду играть парти-фиксъ съ болваномъ.

Вельскій. Позвольте мнѣ прежде сказать съ вами нѣсколько словъ... Сядемте! (*Садятся*).

Слукина. А время-то идетъ, какъ идетъ!

Вельскій. Успѣете наиграться, сударыня. Слышали-ли вы, что говорятъ въ городѣ?

Слукина. А что такое, Иванъ Ѳедоровичъ?

Вельскій. Вы вѣрно забыли, зачѣмъ пріѣзжала къ вамъ третьяго дня моя тетка; вы почти дали ей слово, а несмотря на это, говорятъ, будто-бы вы имѣете какіе-то другіе виды на Варвару Николаевну. Я не хочу этому вѣрить, но согласитесь, что эти слухи очень непріятны; и такъ извините, Анна Степановна, если я попрошу васъ не откладывать моего благополучія и объявить рѣшительно, что вы принимаете мое предложеніе.

Слукина. Что вы, что вы, Иванъ Ѳедоровичъ! Подумайте, мѣсто-ли здѣсь...

Вельскій. Да я не прошу васъ сдѣлать помолвку здѣсь на балѣ, а если позволите, пріѣду къ вамъ послѣзавтра съ моею теткою.

Слукина. Послѣзавтра, то-есть: въ пятницу?... Помилуйте, что за экстра такая, и къ чему такъ спѣшить?

Вельскій. Да хотя-бы для того, сударыня, чтобъ уничтожить эти вздорные слухи, столь же обидные для васъ, сколько и для меня. Впрочемъ, я не хочу васъ женировать: извольте, я пріѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ субботу; но тогда уже попрошу у васъ позволенія извѣстить всѣхъ родныхъ и знако-

Digitized by Google

мыхъ о моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили говорить моей теткѣ, я не смѣю сомнѣваться...

Слукина. Помилуйте! Да чтожъ я такое говорила? Я сказала ея превосходительству, что для меня весьма пріятно, что я очень буду рада...

Вельскій. Слѣдовательно, вы согласны? И позвольте вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ этого, всякое съ вашей стороны затрудненіе будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы хотѣли насъ дурачить, смѣяться надо мной, надъ моей теткою, надъ всѣмъ нашимъ семействомъ... Но, виноватъ! Я вижу, что ужъ одно это обидное предположеніе васъ огорчаетъ—и такъ въ субботу!... (*Вставая*). Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если вы желаете играть въ вистъ...

Слукина. Покорнѣйше васъ благодарю.

Вельскій. Какъ вамъ угодно. (*Кланяется и уходитъ*).

Слукина. Въ субботу!... Нѣтъ, батюшка! Хоть вы и родня нашему губернатору, а не прогнѣвайтесь: своя рубашка къ тѣлу ближе.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Зоринъ.

Зоринъ (*кланяясь Слукиной*). Здравствуйте, матушка Анна Степановна, радъ сердечно, что могу съ вами словечка два перемолвить. Позвольте. (*Садится подлѣ нея*).

Слукина. Вы давно ужъ здѣсь?

Зоринъ. Съ четверть часа. Да гдѣ-же Варвара Николаевна?

Слукина. Здѣсь, батюшка Алексѣй Андреевичъ; танцуетъ,—да вотъ никакъ она ходитъ съ Расторгуевой... Варенька!... Варвара Николаевна! Поди сюда, мой другъ!... (*Варенька подходитъ*). Ну, вотъ ты все спрашивала: „Да будетъ-ли сюда Алексѣй Андреевичъ? Да пріѣдетъ-ли онъ?“ Вотъ онъ на лицо! Ну что, успокоилась! (*Варенька смотритъ съ удивленіемъ на Слукину*).

Зоринъ (*встаетъ и съ вѣжливой уклонкой*). Какъ вы изволили вспотѣть, Варвара Николаевна!... Словно розанъ раскраснѣлись! (*Варенька присѣдаетъ*). Вѣрно очень устать изволили?

Варенька. Нѣтъ-съ!

Зоринъ. Вы, какъ вижу, отмѣнно любите танцы?

Варенька. На-съ! (*Входитъ Вельскій*).

Вельскій (*Варенькѣ*). Угодно вамъ французскую кадриль?

Варенька. Извольте-съ! (*Уходитъ вмѣстѣ съ Вельскимъ*).

Зоринъ (*помолчавъ нѣсколько времени*). Сегодня, матушка Анна Степановна, я цѣлое утро занимался вами.

Слукина. Мною, Алексѣй Ивановичъ?

Зоринъ. То-есть вашей тяжбою.

Слукина. Покорнѣйше васъ благодарю!

Зоринъ. Ахъ, Анна Степановна, надѣли вы мнѣ петлю на шею.

Слукина. Какъ такъ, батюшка?

Зоринъ. Да вѣдь дѣло-то ваше больно плоховато.

Слукина. Что ты, отецъ мой! Дѣло чистое, святое.

Зоринъ. Нѣтъ, матушка Анна Степановна! Пополамъ съ грѣшкомъ. Конечно, можно-бы повернуть его иначе, да чтобъ оглядокъ не было. Вѣдь рѣшеніе уѣзднаго суда не законъ, а голословныя доказательства вашего права не документы, матушка Анна Степановна!

Слукина. Ну, Алексѣй Андреевичъ! Не ожидала я, чтобъ ты...

Зоринъ. Помилуйте! Да чтожъ мнѣ дѣлать? Я вамъ докладывалъ, что дѣло-то плоховато. Ужъ мы сегодня съ секретаремъ около него попотѣли, матушка... плохо, больно плохо! Думали и такъ, думали и этакъ... что ты будешь дѣлать! Приступу нѣтъ.

Слукина. Полно, батюшка! Захочешь помирволить, такъ натянешь какъ-нибудь, ну хоть съ грѣхомъ пополамъ—такъ чтожъ?

Зоринъ. Конечно—единъ Богъ безъ грѣха, что и говорить: какъ подчасъ не покривить душою для родного человѣка.

Слукина. Вотъ то-то и есть, батюшка!

Зоринъ. Да вѣдь мы еще съ вами не родня, Анна Степановна.

Слукина. Я тебѣ что говорила, мой отецъ? Возьми терпѣніе недѣльки на три.

Зоринъ. Терпѣніе? Что терпѣніе!... А впрочемъ, пожалуй, извольте! Только и вы, матушка, потерпите!

Слукина. Какъ потерпѣть? А не ты-ли мнѣ сказалъ, что на будущей недѣлѣ.

Зоринъ. Мало ли что говорится, сударыня. Да вѣдь я же это вамъ не передъ зерцаломъ объявилъ, мои слова въ протоколъ не записаны.

Слукина. Ну, батюшка Алексѣй Андреевичъ!... Покорнѣйше благодарю.

Зоринъ. Да что, Анна Степановна, изъ пустого въ порожнее переливать! Не угодно-ли вамъ этакъ денька черезъ три помолвку сдѣлать, такъ я за ваше дѣло примусь порядкомъ; а тамъ, какъ свадебку сыграемъ, такъ на другой день и резолюцію подмахну.

Слукина. Что ты, что ты? Черезъ три дня помолвка? Да это вѣдь не что другое: около пальца не обведешь... Черезъ три дня!... Да въ умѣ-ли ты батюшка?

Зоринъ. Какъ угодно, Анна Степановна: вашъ разумъ, ваша и воля.

Слукина. И гдѣ видано? Пристать, какъ съ ножемъ къ горлу!

Зоринъ. И, матушка! Да коли вы сами проволочекъ не жалуете, такъ за что же и мнѣ ихъ любить? Но извините! Я взялъ карточку, и, чай, меня дожидаются! Подумайте хорошенько! Денька черезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Слукина и вскорѣ князь Верхоглядовъ.

Слукина. Прошу покорно!... Да что это на нихъ нашло!... Ну, худо дѣло!... (*Князь входитъ, становится противъ Слукиной и устремляетъ на нее неподвижный взглядъ*). Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! Это вы?

Князь (*мрачнымъ и торжественнымъ образомъ*). Да, сударыня! Это я.

Слукина. Ахъ, батюшка ваше сіятельство! Да что съ вами сдѣлалось?

Князь. Ничего! Бездѣлица! Самый обыкновенный случай: я вздумалъ понтировать, и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

Слукина. Эхъ, князь, напрасно! Что вамъ далъ этотъ банкъ? Играли бы себѣ да играли въ вистикъ.

Digitized by Google

Князь. Да! Все блаженство, всѣ радости, все, что привязываетъ насъ къ жизни, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомету передернуть?.. Вы меня понимаете?

Слукина. Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

Князь. Скажите мнѣ Анна Степановна: знаете-ли вы, что такое любовь?

Слукина. Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ, я очень любила покойнаго мужа.

Князь. Любили!.. То есть поплакали, когда онъ умеръ, износили черное фланелевое платье и построили деревянный голубецъ надъ его могилою?

Слукина. Да, князь, я все это выполнила, какъ слѣдуетъ.

Князь. Какъ слѣдуетъ! почему-жъ какъ слѣдуетъ?.. Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

Слукина. О какой-же, батюшка?

Князь. О той, которая наполняетъ мою душу, о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ приличій, никакихъ условій свѣта, которая... Но я вижу, что мнѣ должно говорить яснѣе... Эта любовь, сударыня, походитъ на булатный кинжалъ черкеса; онъ гладокъ, свѣтелъ и красивъ, но имъ играть опасно... Вы меня понимаете?

Слукина. Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

Князь. Послушайте! Я люблю Варвару Николаевну и, если кто-нибудь осмѣлился забавляться этой страстію, шутить счастіемъ всей моей жизни... Еслибъ вы, Анна Степановна...

Слукина. Ахъ, батюшка ваше сіятельство, что вы, что вы?

Князь. Я васъ спрашиваю: для чего она до сихъ поръ не принадлежитъ мнѣ? Для чего всѣ эти отсрочки?.. Кажется, между нами все кончено; мы сторговались.

Слукина. Опомнитесь, князь? Что вы говорите?

Князь. Не прогнѣвайтесь, Анна Степановна: я ненавижу эту приторную вѣжливость, которая хочетъ все на свѣтѣ усыпать розами; я люблю называть вещи собственными ихъ именами и повторяю еще разъ: мы сторговались и теперь вы не имѣете никакого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торга, какъ продаютъ невольницъ на базарахъ востока—она моя.

Скукина. Тише, князь, Бога ради, тише! Что вы это?...

Князь. Скажите одно слово, и я замолчу.

Слукина. Да помилуйте, съ чего вы это взяли, что я отступлюсь отъ моего слова: но вѣдь надобно подумать и о Варенькѣ: какъ больно повернемъ, да дѣвка-то заупрямится...

Князь. О, объ этомъ не безпокойтесь!

Слукина. А Богъ вѣсть! Вѣдь она еще молода, глупа, не вдругъ пойметъ, что жениха, у котораго четыре тысячи душъ, не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

Князь. Фи!.. Что это такое! Да кто вамъ говоритъ о душахъ, Анна Степановна? Я вижу: мнѣ вѣчно не поймемъ другъ друга. Послушайте: быть можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу, но я ихъ не имѣю и говорю вамъ рѣшительно: или завтра-же вы меня примете, какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнаетъ, какъ вы торгуете вашей падчерицей.

Слукина. Завтра! Какъ завтра!

Князь. Да, да, сударыня! Я даю вамъ одни сутки (*Смотритъ на свои часы*). Завтра ровно въ одиннадцать часовъ вечеромъ, Варвара Николаевна назоветъ меня женихомъ своимъ, а вы — какъ вамъ угодно — вы можете не называть меня вашимъ сыномъ. Я объ этомъ не хлопочу. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Слукина, и вскорѣ Холминъ.

Слукина. Да чтожъ это такое?.. Что они, прости Господи! бѣлены что-ли объѣлись? Какъ они вздумаютъ столкнуться, да всѣ трое разомъ ко мнѣ пристанутъ... Ахъ, Господи...

Холминъ (*подходя къ Слукиной*). Что это вы не за картами, Анна Степановна?

Слукина. До картъ-ли мнѣ, батюшка! Поди-ка сюда, садись. (*Холминъ садится подлѣ нея*).

Холминъ. Что съ вами сдѣлалось?

Слукина. Ахъ, бѣда, кормилецъ! Сущая правда!

Холминъ. Да что такое?

Слукина. Что, батюшка, худо! Всѣ женихи мои взбѣсились.

Холминъ. Какъ такъ?

Слукина. Да такъ, словно заговоръ какой. Пристали ко мнѣ: да еще, слава Богу, что поодиночкѣ: рѣши, да рѣши! Я и такъ, и сякъ—куда-те! И слышать не хотятъ! Повѣришь-ли, никто больше трехъ дней сроку не даетъ! Этотъ франтъ-шематонъ, губернаторскій племянничекъ, такъ закидалъ меня словами, что я чуть было сама не повѣрила, что выдаю за него Вареньку. А крапивное-то сѣмя, выжига проклятая—Зоринъ, какъ будто-бы ему чортъ на ухо шепнулъ, формально объявилъ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама не порѣшусь. И даже этотъ шальной князь Владиміръ Ивановичъ, ну вотъ такъ и напираетъ, да какія рѣчи говоритъ!.. Господи Боже мой! Уши вянутъ, батюшка?

Холминъ. Ну!! Не предсказывалъ-ли я вамъ?

Слукина. Эхъ, Николай Ивановичъ, брани меня, ругай, да только выручи.

Холминъ. Выручи! Это легко сказать, Анна Степановна. Какъ ни вертись, какъ ни хитри, а надобно сказать, за кого Варенька идетъ замужъ.

Слукина. Да лишь только я объявлю, то Зоринъ и Вельскій...

Холминъ. Что и говорить, житья вамъ не будетъ, — а особливо Вельскій... и его семейство...

Слукина. Охъ, бѣда! Живую съѣдятъ.

Холминъ. Вотъ то-то и есть. Впрочемъ, что-же въ самомъ дѣлѣ, не за того, такъ за другого, а надобно выйти замужъ: посердятся, посердятся, да перестанутъ; а вотъ чего вамъ никогда не простятъ: что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за-знамо дурачили.

Слукина. Такъ, батюшка, такъ!

Холминъ. Ну, пусть Варенька выйдетъ замужъ за князя Владиміра Ивановича — это еще ничего: лишь только-бы васъ-то какъ-нибудь выгородить.

Слукина. Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ, постарайся, придумай что-нибудь.

Холминъ. Постойте-ка!.. А что?.. Въ самомъ дѣлѣ!.. Вѣдь вы тогда только будете въ отвѣтѣ, когда отдадите Вареньку замужъ! Ну! А если она убѣжитъ и обвѣнчается безъ вашего вѣдома?

Слукина. Какъ убѣжитъ?

Digitized by Google

Холминъ. Ну да! Если ее увезутъ?

Слукина. Увезутъ? Кто увезетъ?

Холминъ. Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

Слукина. А!... Понимаю!... Только, воля твоя, что ему за радость увозить Вареньку, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

Холминъ. Что за радость? Да онъ съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ образомъ. Да знаете-ли, что онъ ужъ предлагалъ Варенькѣ бѣжать.

Слукина. Неужели? Чтожъ она?..

Холминъ. Ну, разумѣется, не согласилась. Хоть она очень его любитъ...

Слукина. Въ самомъ дѣлѣ?

Холминъ. Она мнѣ сама въ этомъ призналась.

Слукина. Такъ чего-же она думаетъ?

Холминъ. Вы знаете, какъ она къ вамъ привязана; да и легко-ли скромной и невинной дѣвушкѣ рѣшиться на такой поступокъ. Вотъ, если я ей посовѣтую...

Слукина. Посовѣтуй, батюшка!

Холминъ. Ужъ такъ и быть! Я это дѣло слажу, и сегодня-же...

Слукина. Сегодня?

Холминъ. Да. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Черезъ полчаса ступайте домой, скажите, что у васъ голова болитъ, лягте почивать и строго прикажите, чтобъ васъ ни подъ какимъ предлогомъ не смѣли будить. Часу въ первомъ ночи, когда всѣ будутъ спать, Варенька выйдетъ потихоньку въ садъ; у калитки ее будетъ дожидаться коляска... Да ужъ не безпокойтесь, все будетъ сдѣлано.

Слукина. Дай Богъ тебѣ здоровья! То-то истинный родной.

Холминъ. Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго, а какъ встанете да хватитесь Вареньки, такъ и подымите штурмъ—ревите, плачьте... (*Раскрывая свою табакерку*). Да что намъ толковать—ученаго учить лишь только портить... Не прикажете-ли?

Слукина (*нюхая табакъ изъ табакерки Холмина*). И, батюшка, гдѣ намъ! Вѣдь я человѣкъ глупый; что на умѣ, то и на языкѣ... да дѣлать нечего! Попробую, прикинусь какъ-нибудь.

Холминъ. Теперь я пойду и переговорю съ Варенькой, а тамъ все улажу съ княземъ. Прощайте покамѣстъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Слукина и вскорѣ Тонскій.

Слукина. Охъ, батюшки, кабы удалось!... Дай-то Господи! Рублевую свѣчу поставлю. (*Тонскій подходитъ и кланяется Слукиной*). Здравствуйте, господинъ Тонскій!

Тонскій. Какъ ваше здоровье, Анна Степановна?

Слукина (*очень сухо и отрывисто*). Славо Богу, бабюшка, слава Богу.

Тонскій. Позвольте мнѣ рекомендовать себя вашимъ сосѣдомъ: я теперь живу напротивъ.

Слукина. Знаю, батюшка, знаю. Домишка маленькій, какъ избенка... да и на что вамъ больше—вѣдь не балы давать.

Тонскій. А гдѣ-же Варвара Николаевна?

Слукина. Здѣсь, батюшка, танцуетъ.

Тонскій. Такъ она въ залѣ?

Слукина. Ахъ, батюшки! Да неужто въ передней? Разумѣется въ залѣ. (*Тонскій кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Слукина и вскорѣ докторъ Фонъ-Дахъ.

Слукина. Да что этотъ пустокарманникъ мнѣ такъ въ глаза лѣзетъ? Зналъ-бы сверчокъ свой шестокъ! А, батюшка Ѳома Ѳомичъ!

Фонъ-Дахъ. Страстфуйте, моя матушка Анна Степанофна! Страстфуйте!... Ну што? Какъ наше сторофье?...

Слукина. Худо, отецъ мой, худо! Голова что-то очень болитъ.

Фонъ-Дахъ. Калофка палитъ.

Слукина. Смерть, батюшка! Вотъ словно молотками въ виски колотятъ.

Фонъ-Дахъ (*беретъ у нея руку*). Пасфольте!... Гмъ, гмъ!.. Калофка палитъ!... Та, та!... Сильна пульсацій... ошень сильна!... Экъ, матушка, матушка!... Все сидитъ за карточка—мала масіонъ, мнока крофъ...

Слукина. И, Ѳома Ѳомичъ! Что за много!

Фонъ-Дахъ. Ошень мнока!... Анна Степанофна! Пускаитъ крофъ, пожалуйста пускаитъ!... Посмотритъ, какъ фи красна, а класки, а класки свѣтла, ошень свѣтла.... пускаитъ крофъ, матушка, пожалуйста, пускаитъ!...

Слукина. Не хочется начинать, Ѳома Ѳомичъ.

Фонъ-Дахъ (*вполголоса*). А что скажите мнѣ... (*Начинаетъ говорить съ нею тихо*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Холминъ и Варенька.

Холминъ (*Варенькѣ*). Да, мой другъ! Въ полночь, коляска будетъ у калитки вашего сада; я стану васъ дожидаться въ моемъ селѣ: ты знаешь, оно въ двухъ верстахъ отъ города; тамъ все будетъ готово: вы обвѣнчаетесь, и я отвезу васъ въ мой городской домъ; потомъ...

Варенька. Ахъ, сердце мое обмираетъ отъ ужаса. Боже мой! И я должна рѣшиться...

Холминъ. Вотъ Тонскій! Онъ разскажетъ тебѣ все подробнѣе.

(*Музыка становится слышнѣе, на сцену входитъ длинный польскій; въ первой парѣ князь Владиміръ Ивановичъ съ княгиней Ландышевой*).

Тонскій (*Варенькѣ*). Угодно вамъ польскій? (*Беретъ ее за руку и входитъ въ середину танцующихъ, которые, обогнувъ всю сцену, уходятъ назадъ тѣми же дверьми*).

Холминъ (*подходя къ Слукиной*). Не угодно-ли и вамъ пройдтись со мною.

Слукина. Изволь, батюшка! Да смотри-же, будь молодцемъ, проведи меня хорошенько.

Холминъ. Постараюсь, Анна Степановна. (*Уходитъ вмѣстѣ съ нею, вслѣдъ за танцующими*).

Digitized by Google

ужъ вамъ сказалъ, что люблю вашего жениха, какъ родного брата, такъ будьте же со мною откровенны. Не можетъ быть, чтобъ вы не знали, почему отложена ваша свадьба!..

Оленька. Ахъ, Андрей Андреевичъ!.. Я и говорить объ этомъ боюсь.

Сурскій. Надѣюсь, однакожъ, не со мною?

Оленька. Ну, если вы хотите знать... (*вполголоса*) все это сдѣлала Марья Алексѣевна.

Сурскій. Ваша мачиха?

Оленька. Да, Андрей Андреевичъ... Сначала она уговорила батюшку отложить свадьбу для того, что это дурная примѣта, если дѣвица выходитъ замужъ въ маѣ мѣсяцѣ, что будто бы отъ этого она всю жизнь свою будетъ маяться.

Сурскій. Да ужъ теперь вѣдь іюнь.

Оленька. А теперь стала говорить, что я слишкомъ молода, что мое воспитаніе еще не окончено и что эту свадьбу можно отложить не только на годъ, но даже на два.

Сурскій. Бѣдный Александръ!.. И вашъ батюшка рѣшился на это?

Оленька. Чтожъ дѣлать—поспорилъ, поспорилъ...

Сурскій. А тамъ и согласился?.. Впрочемъ, такъ и быть должно: кого же слушаться пожилому мужу, какъ не своей молодой жены?..

Оленька. Молодой?.. Помилуйте!.. Марья Алексѣевна говоритъ, что ей только двадцать пять лѣтъ, а она старая-престарая... ей, просто, лѣтъ тридцать...

Сурскій (*улыбаясь*). Скажите пожалуйста!.. Вотъ ужъ никакъ бы не подумалъ, что она такая старуха!.. Но дѣло не въ томъ; не знаете-ли вы, Ольга Ивановна, для чего она старается разстроить или, или по крайней мѣрѣ, отдалить вашу свадьбу?

Оленька. Я думаю, всему причиною, пріятельница Марьи Алексѣевны, Хопрова.

Сурскій. Хопрова. Уже не мадамъ-ли Стефани, то есть, Степанида Никитишна?

Оленька. Ну, да!.. та самая.

Сурскій. О!.. Да она ужасная барыня! Преотчаянная туристка, эмансипированная женщина, то-есть, по-русски, вольноотпущенная и страшная мотовка! Эта мадамъ Стефани при мнѣ до того прожилась и задолжала въ Парижѣ, что ее хотѣли въ тюрьму посадить. Да чтожъ общаго между этой барыней и вашей свадьбой?

Оленька. А вотъ что, Андрей Андреевичъ: она уговорила Марью Алексѣевну уѣхать въ чужіе края.

Сурскій. Такъ и Марья Алексѣевна занемогла этой повальной болѣзнію... Ну, дѣлать нечего, видно ужъ такова участь всѣхъ нашихъ барынь. Впрочемъ, чтожъ это за помѣха вашей свадьбѣ?.. И отчего вамъ нельзя выйти замужъ, потому что ваша мачиха хочетъ ѣхать заграницу? Да неужели вы такъ необходимы для ея счастія, что она и разстаться съ вами не можетъ!

Оленька. О, нѣтъ! Марья Алексѣевна обо мнѣ тосковать бы не стала, но батюшка говоритъ, что ему никакъ нельзя въ одно и то же время и меня выдать замужъ и ѣхать заграницу.

Сурскій. Потому, что то и другое требуетъ большихъ расходовъ? Да, конечно, и дочь выдать замужъ не бездѣлица, и ѣхать заграницу не шутка, а особливо женатому человѣку; тутъ непремѣнно встрѣтятся такія издержки, о которыхъ мы, одинокіе туристы, и понятія не имѣемъ... А не знаете-ли вы также, куда Марья Алексѣевна сбирается ѣхать?

Оленька. Она говоритъ, что желала-бы пожить въ Вѣнѣ.

Сурскій. Въ Вѣнѣ?

Оленька. Потомъ съѣздить въ Парижъ, въ Италію, а тамъ опять вернуться въ Вѣну.

Сурскій. Опять въ Вѣну?... вотъ что!... А какъ вы полагаете: если Марья Алексѣевна раздумаетъ ѣхать заграницу, такъ никто не помѣшаетъ вашей свадьбѣ?

Оленька. Кажется, нѣтъ.

Сурскій. Послушайте, Ольга Ивановна, я не смѣю вамъ сказать утвердительно, однакожъ, надѣюсь, что эта поѣздка заграницу не состоится.

Оленька. Ахъ, дай-то Богъ!

Сурскій. Можетъ быть, мнѣ удастся какъ-нибудь уговорить Марью Алексѣевну не ѣхать нынѣшній годъ въ чужіе края... У меня даже есть какое-то предчувствіе, что она сама поторопится выдать васъ замужъ.

Оленька. Почему вы это думаете?

Сурскій. Такъ... Ужъ я вамъ сказалъ, какое-то предчувствіе... Какъ это счастливо, однакожъ, что я не засталъ дома Марьи Алексѣевны и успѣлъ переговорить съ вами... Прощайте, Ольга Ивановна!.. Да, сдѣлайте милость, никому обо мнѣ ни слова. Пусть всѣ думаютъ, что я еще въ Парижѣ.

Оленька. А когда вы къ намъ пріѣдете?

Сурскій. Сегодня мнѣ никакъ нельзя. Я пріѣду къ вамъ завтра по-утру и пораньше, чтобъ непремѣнно застать Марью Алексѣевну дома. Прощайте... Смотрите же не проговоритесь, что я съ вами видѣлся.

Оленька. Не безпокойтесь!... (*Сурскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Оленька (*одна*). Ахъ, еслибъ Андрей Андреевичъ уговорилъ Марью Алексѣевну не ѣхать заграницу!... Да нѣтъ!... Она такъ упряма! Ей же, Богъ знаетъ, что натолковали о чужихъ краяхъ не только Хопрова, но даже бывшая ея нянюшка, эта старая глухая нѣмка, которая такъ и бредитъ своей благословенной Германіею, а сама тридцать лѣтъ живетъ въ Россіи... Ну!.. Легка на поминѣ!...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Оленька и Шарлота Карловна.

Шарлота Карловна. Мамсель Олька Ифанофна!... Фамъ рисофальная учшитель пришла.

Оленька. Отчего такъ рано?

Шарлота Карловна. Васъ манненъзи?... Што, што?

Оленька. Я спрашиваю, отчего онъ сегодня такъ рано пришелъ?

Шарлота Карловна. Атшефо?... Русска шелофекъ аккуратна не пывай. Эта не нѣмеска насіонъ... А што, мамсель Ольга Ифанофна, фи нишефо не слыкалъ?

Оленька. А что такое?

Шарлота Карловна. Намъ скора фояшъ путетъ са кранисъ.

Оленька. Что она говоритъ?... Мы скоро поѣдемъ заграницу?

Шарлота Карловна. Та, та!... Нахъ Віене.

Digitized by Google

Оленька. То-есть въ Вѣну?... Да что это вамъ, Шарлота Карловна, такъ хочется ѣхать заграницу? Развѣ вамъ здѣсь дурно?

Шарлота Карловна. О, некарашо!... Што такой фаша Русландъ? фотъ моя Рейнская семля... Ахъ, маинъ Готъ, маинъ Готъ!

Оленька. Такъ зачѣмъ-же вы оттуда уѣхали?

Шарлота Карловна. Што, што?... васъ сагенъ-зи?

Оленька (*громко*). Я вамъ говорю: если нѣмецкая земля такъ хороша, такъ зачѣмъ же вы оттуда уѣхали?

Шарлота Карловна. Ахъ, либе фряйлаинъ!.. Несшастна апстоятельстфъ... И папушка умиралъ и матушка умиралъ... Теншокъ нѣтъ, а кушать нато...

Оленька. Вотъ то-то и есть, Шарлота Карловна, у васъ все хорошо, а кушать нечего; такъ чтожъ вы такъ хвалитесь вашей землей?

Шарлота Карловна. О, мамсель Олька Ифанофна! ваша не снаетъ нѣмеска семль... Тасъ истъ аинъ парадисъ!

Оленька. Хорошо, хорошо!... Потрудитесь сказать, чтобъ въ моей комнатѣ все приготовили для рисованія. (*Шарлота Карловна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Оленька (*одна*). (*Слышенъ стукъ подъѣзжающей кареты*). Кажется, кто-то пріѣхалъ?..! (*Подходитъ къ окну*). Вѣрно Марья Алексѣевна... такъ и есть!... и не одна!... кто это съ ней? А Степанида Никитишна Хопрова... Ну!... Теперь-то пойдутъ разговоры о чужихъ краяхъ... да еще какіе!... Уйду поскорѣе къ себѣ въ комнату.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Оленька, Вельская и Хопрова.

Хопрова. Здравствуйте, Ольга Ивановна!.. Что вы отъ насъ бѣжите?

Оленька (*очень сухо*). Извините, Степанида Никитишна!... Меня дожидается рисовальный учитель. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, кромѣ Оленьки.

Хопрова. Ахъ, Мари! Что это у твоей падчерицы какія странныя манеры!

Вельская. Да ужъ не говори, Бога ради! Я рукой махнула.

Хопрова. Какія грубыя формы!

Вельская. Чтожъ дѣлать, такъ ужъ воспитана, мой другъ!

Хопрова. Ты начала мнѣ говорить въ каретѣ...

Вельская. Да, ма шеръ, я хочу сегодня рѣшительно атаковать мужа; мы должны непремѣнно ѣхать заграницу. Здѣсь я умираю съ тоски, мнѣ душно въ этой фатальной Москвѣ.

Хопрова. Погоди, мой другъ, ты еще не то заговоришь, когда побываешь въ чужихъ краяхъ... Теперь это одно любопытство, а еслибъ ты также, какъ я, провела заграницею нѣсколько лѣтъ и воротилась опять въ нашу Россію, такъ бы еще не такъ стала тосковать.

Вельская. О, я очень это понимаю. Теперь я могу только мечтать о чужихъ краяхъ, но когда эти мечты превратятся въ воспоминанія, когда, живя въ нашей пошлой Москвѣ, я буду летѣть мыслею подъ свѣтлыя небеса Италіи, или вспоминать объ этомъ очаровательномъ Парижѣ, съ его утонченною образованностью и просвѣщеніемъ, объ этихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ удовольствіяхъ...

Хопрова. И, ма шеръ!... Конечно, все это прекрасно, восхитительно, но главное-то, мой другъ, совсѣмъ не то. — Ты еще не имѣешь никакого понятія объ этой западной европейской жизни; ты не знаешь, какою свободой мы, русскія дамы, пользуемся заграницею... Что мы здѣсь? Невольницы, рабы и, что всего хуже, мы сами этого не замѣчаемъ. Эта азіатская роскошь, къ которой насъ пріучаютъ съ ребячества, знаешь-ли, что это, Мари? — Безпрестанный надзоръ, и больше ничего... Я пойду пѣшкомъ—за мною провожатый; поѣду въ каретѣ — со мной лакей, кучеръ, форейторъ — цѣлая свита... Конечно, Мари, мы объ съ тобой не имѣемъ надобности скрывать наши поступки, но одна ужъ эта мысль, что я вѣчно подъ карауломъ, что за мной присматриваютъ, что я не могу сдѣлать шагу безъ свидѣтелей, согласись, мой другъ, что эта мысль въ высшей степени обидна.

Вельская. О, конечно!

Хопрова. Вотъ, заграницею, мнѣ захотѣлось сдѣлать доброе дѣло, — посѣтить тайно бѣднаго человѣка,—я просто отправлюсь одна пѣшкомъ, и если со мною кто-нибудь встрѣтится и спроситъ, куда я иду, мнѣ можно смѣло отвѣчать, что я гуляю, дѣлаю визиты, и даже иду куда-нибудь на вечеръ. Ну-ка, мой другъ, попробуй, скажи у насъ въ Москвѣ, что ты одна, безъ человѣка, идешь пѣшкомъ на вечеръ, или дѣлаешь визиты...

Вельская. Сохрани Господи!.. Да изъ этого наплетутъ такихъ исторій, что хоть изъ Москвы вонъ бѣги!

Хопрова. Ну, теперь понимаешь-ли, Мари, почему для насъ чужіе края—настоящая обѣтованная земля? Тамъ ничто не стѣсняетъ нашей свободы, тамъ женщина съ умомъ, съ любезностью, съ хорошимъ состояніемъ—царица!.. а здѣсь...

Вельская. Ну что, мой другъ!.. Теперь мы съ глазу на глазъ, такъ можно сказать правду: и здѣсь мы не рабы. Вотъ, хоть мой Иванъ Тихоновичъ — упрямъ немножко, любитъ поспорить, а вѣдь, право, грѣшно его назвать тираномъ. Да и твой покойный мужъ... Кажется, онъ во всемъ тебѣ повиновался...

Хопрова. Еще бы!.. Да развѣ я выходила замужъ для того, чтобъ мнѣ повиноваться мужу?.. Будетъ и того, что встарину ихъ баловали—теперь наше время! А все-таки намъ не легче. Если не мужъ, такъ дядюшки, тетушки и это такъ-называемое общественное мнѣніе, которымъ насъ пугаютъ, точно также, какъ нянюшки пугаютъ глупыхъ дѣтей букою. У насъ первое слово: „Помилуйте! Что станутъ говорить объ этомъ?..“ „Что скажутъ добрые люди?...“ Заграницею это и въ голову никому не придетъ; тамъ совсѣмъ другія понятія о вещахъ и нравы-то поумнѣе нашихъ: тамъ всякій заботится только о себѣ, а до другихъ ему и дѣла нѣтъ.

Вельская. Вотъ оно настоящее-то про-

Digitized by Google

свѣщеніе, мой другъ! Подумаешь, какъ мы отстали отъ запада; сколько у насъ этихъ нелѣпыхъ приличій, этихъ дурацкихъ предразсудковъ, надъ которыми давно уже смѣются въ чужихъ краяхъ.

Хопрова. Смѣются? Нѣтъ ма-шеръ, и смѣяться-то перестали. Да чтожъ это, Мари, я тебя не очень понимаю. Ты хочешь сегодня говорить съ мужемъ о вашей поѣздкѣ заграницу, да ужъ это кажется было рѣшено на прошлой недѣлѣ, и даже для этого отложена свадьба твоей падчерицы.

Вельская. Такъ, Стефани! Да вотъ что, въ одномъ мы еще не согласны: Иванъ Тихоновичъ ѣдетъ со мною заграницу на четыре мѣсяца...

Хопрова. Да четыре мѣсяца? Да твой Иванъ Тихоновичъ съ ума сошелъ!.. Чтожъ онъ хочетъ подразнить тебя?.. Пріѣхать на границу, да сказать: „ну, вотъ, Марья Алексѣевна, посмотри отсюда на чужіе края,—вотъ они"! Нѣтъ, Мари, не соглашайся! Ужъ если ѣхать, такъ ѣхать, по крайней мѣрѣ, на два года; вѣдь ты, кажется, намѣрена пожить въ Вѣнѣ?

Вельская. Да, я желала бы прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Хопрова. И прекрасно!.. Теперь я не могу ѣхать заграницу, а вотъ какъ перезаложу мое Саратовское имѣнье, такъ явлюсь къ тебѣ въ Вѣну, а тамъ ужъ и отправимся вмѣстѣ въ Италію, въ Парижъ...

Вельская. Ахъ, какъ бы это было хорошо!

Хопрова. Да, конечно! Лучше меня ты не найдешь себѣ цицероне; у меня же есть и въ Парижѣ и въ Италіи преинтересныя знакомства. Ну, прощай покамѣстъ.

Вельская. Куда ты?

Хопрова. Я пріѣду къ тебѣ обѣдать, а теперь мнѣ надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ. Смотри же, Мари, не уступай мужу, покажи ему, что ты женщина съ характеромъ, что у тебя есть свое воля. Адіе, монъ-анжъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вельская (*одна*).

Да! Стефани говоритъ совершенную правду! Если мы поѣдемъ только на нѣсколько мѣсяцевъ заграницу, такъ мнѣ и въ Вѣнѣ нельзя будетъ пожить. Въ Вѣнѣ!.. Ахъ, Владиміръ!.. Неужели и ты перемѣнился?.. Вотъ ужъ два мѣсяца ни одного письма. (*Задумывается*). Эй!.. человѣкъ!..

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Вельская и Яковъ.

Яковъ. Чего изволите?

Вельская. Съ почты не было писемъ?

Яковъ. Почталіонъ принесъ одно письмо къ барину.—Я положилъ его на столъ въ кабинетъ.

Вельская. А изъ чужихъ краевъ письма на имя Шарлоты Карловны не было?

Яковъ. Никакъ нѣтъ-съ! письмо-то къ барину, кажется, изъ Костромской вотчины, сударыня.

Вельская. Изъ Воропановки?... такъ что-жъ?

Яковъ. И на кувертѣ написано: „о нужномъ".

Вельская. Хорошо, хорошо, ступай! (*Яковъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Вельская (*одна*).

Шесть писемъ безъ отвѣта!... О, вѣрно онъ боленъ, или уѣхалъ изъ Вѣны... А если онъ... Боже мой!... что тогда?... У него мои письма... мой портретъ!... Ахъ, какъ мы всѣ женщины легковѣрны, неосторожны!... Да!... наше свиданіе необходимо... Другъ ли онъ мой, или врагъ—все равно—я должна съ нимъ увидѣться: отъ этого зависитъ все мое спокойствіе...

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Вельская и Вельскій.

Вельская. А! Иванъ Тихонычъ, ты пріѣхалъ?

Вельскій (*кладя на стулъ шляпу*). Фу! батюшки!... насилу добрался до дому!

Вельская. Гдѣ ты былъ, мой другъ?

Вельскій. Мало ли гдѣ! Я полъ-Москвы объѣздилъ. Въ Опекунскомъ Совѣтѣ получалъ деньги, подорожную бралъ...

Вельская. Зачѣмъ?

Вельскій. Какъ зачѣмъ?... Да если мы сегодня успѣемъ уложиться, такъ завтра въ походъ.

Вельская. Куда?

Вельскій. Ахъ, Марья Алексѣевна!... ты шутишь что-ль?

Вельская. Нѣтъ, не шучу.

Вельскій. Такъ чтожъ ты спрашиваешь!.. Ну, разумѣется, мы ѣдемъ въ Петербургъ, тамъ публикуемъ о себѣ въ газетахъ и отправимся заграницу.

Вельская. На четыре мѣсяца?...

Вельскій. Ну, да! вѣдь это ужъ кажется дѣло рѣшеное.

Вельская. Нѣтъ, Иванъ Тихонычъ, я передумала.

Вельскій. Передумала?

Вельская. Да, ѣхать заграницу на четыре мѣсяца, это людей только насмѣшить. Вотъ, другое дѣло, отправиться въ чужіе края года на два, или на три.

Вельскій. На три года!... помилуй, матушка!... Подъ силу-ли намъ дѣлать такіе расходы?... Ты сама знаешь наше состояніе.

Вельская. То есть ваше, Иванъ Тихонычъ,—у меня состоянія нѣтъ.

Вельскій. Эхъ, Марья Алексѣевна!

Вельская. Чтожъ дѣлать? Когда вамъ не угодно меня этимъ утѣшить, такъ я останусь въ Москвѣ, или, если прикажете, поѣду въ вашу Костромскую деревню. Вѣдь умирать отъ скуки все равно, что въ Москвѣ, что въ Костромѣ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Шарлота Карловна.

Шарлота Карловна. Марья Алексѣевна! Мамсель Олька Ифанофна нато рисофальная утшитель са тесятъ пилетъ тенька платитъ.

Digitized by Google

Вельская. Хорошо, сейчасъ.

Вельскій. Послушай, мой другъ, я принесу всѣ бумаги и сочту при тебѣ, сколько у насъ будетъ доходу въ нынѣшнемъ году. Посмотри сама, Марья Алексѣевна!

Вельская. Помилуйте!... Зачѣмъ это?... Ужъ я вамъ сказала, что на четыре мѣсяца не поѣду заграницу.

Шарлота Карловна. Што, што фи кафаритъ?...

Вельская. Я говорю, что мы не поѣдемъ заграницу.

Шарлота Карловна. Не поѣдемъ загранисъ?

Вельская. Нѣтъ.

Шарлота Карловна. Ахъ, майнъ Готъ, майнъ Готъ.

Вельская. Пойдемте, Шарлота Карловна! (*Уходятъ налѣво отъ зрителей*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Вельскій (*одинъ*).

Ну, вотъ и разгнѣвались!... Да что это нашимъ барынямъ дались эти чужіе края... Словно эпидемія какая!... Такъ всѣ туда и рвутся!... Ну, пускай себѣ люди знатные и богатые живутъ по цѣлымъ годамъ заграницею, имъ деньги-то дѣвать некуда... такъ нѣтъ!... и мы, ординарные дворяне, туда же за ними тянемся, а какъ вытянемся въ нитку, да придется зубы-то на полку положить, такъ небось тогда и чужіе края не взмилуются!... Эка глупость, подумаешь, эка глупость!... А дѣлать-то нечего; пойду, принесу мои счеты, пусть жена сама посмотритъ, великъ-ли нашъ доходъ. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная комната въ домѣ Вельскихъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вельскій, Вельская и Шарлота Карловна.

(*Вельскій сидитъ за столомъ, подлѣ него счеты и разныя бумаги. Вельская недалеко отъ него читаетъ про себя газеты. На 2-мъ планѣ Шарлота Карловна сидитъ на стулѣ и вяжетъ чулокъ*).

Вельская (*перелистывая газеты*). А, вотъ, наконецъ!... „Отъѣзжающіе заграницу“... какое множество!... И это еще въ одной Москвѣ!... Чтожъ должно быть въ Петербургѣ! (*читаетъ*): „князь Павелъ Николаевичъ Насѣдкинъ съ супругою княгинею Еленою Дмитріевною, съ малолѣтнею дочерью княжною Екатериною, съ находящимся при нихъ австрійскимъ подданнымъ Готлибомъ Вурманомъ, московской мѣщанкою Аксиньей Ивановою Подлипкиною и крѣпостной дворовой дѣвкою Афимьей Сыромятниковой... Въ Италію — надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Росомахинъ. — Во Францію, — полковница Скалозубова съ двумя дочерьми... Въ Карлсбадъ...“ Боже мой! что это? Иванъ Тихоновичъ! Посмотри.

Вельскій. Что такое, матушка?

Вельская. Нѣтъ, ужъ это, право, досадно!... Послушай! „Въ Карлсбадъ: коллежскій асессоръ, Артемій Николаевичъ Сусликовъ съ женою Авдотьею Нижнфоровною и двумя малолѣтними дочерьми, Софьей и Надеждою...“

Вельскій. Такъ чтожъ, мой другъ?

Вельская. Какъ что?... Всего заложенныхъ двѣсти душъ, въ Москвѣ жить нечѣмъ, а ѣдутъ заграницу.

Вельскій. И, матушка! какое намъ до этого дѣло?... У всякаго свой умъ въ головѣ.

Вельская. Нѣтъ! ужъ это ни на что не походитъ!... Горины уѣхали заграницу, Шестунова другой годъ въ Италіи... Княгиня Луцкая живетъ безвыѣздно въ Парижѣ... Запѣваловы отправились въ Швейцарію, и даже Сусликовы, которымъ перекусить нечего, и тѣ ѣдутъ въ Карлсбадъ, а мы живемъ въ Москвѣ... У насъ... то есть у васъ, Иванъ Тихонычъ, состояніе прекрасное, восемьсотъ душъ, семейство небольшое...

Вельскій. Конечно, одна только дочь; но вѣдь ее надобно замужъ выдать; да если Богъ дастъ внучатъ, такъ и имъ кусокъ хлѣба оставить.

Вельская. Прежде надобно подумать о ея воспитаніи, Иванъ Тихонычъ, а гдѣ можно лучше образовать дѣвицу, какъ не въ чужихъ краяхъ.

Вельскій. Ну, Богъ знаетъ, матушка; видалъ я русскихъ барышень: иная дома-то была и туда и сюда, все-таки хоть прилично себя держала, а вернулась изъ Парижа, такъ Господи Боже мой! Что за манеры такія!

Вельская. И, полноте, Иванъ Тихонычъ!... Ужъ если вы чего не понимаете, такъ лучше-бы о томъ и не говорили!... Да знаете-ли вы, что такое хорошія манеры?...

Вельскій. Знавалъ въ старину, матушка!

Вельская. Вотъ то-то и есть, что въ старину! Теперь надъ вашими старинными манерами всѣ смѣются. Посмотрите, какъ воспитываютъ дѣвицъ заграницею, какъ онѣ милы, свободны въ обращеніи, какъ образованы...

Вельскій. Да помилуй, Марья Алексѣевна, кажется и я ничего не жалѣю для воспитанія моей дочери; но воля твоя, надобно подумать и о томъ, чтобъ ей не пришлось съ ея воспитаніемъ идти куда-нибудь въ гувернатки.

Вельская. Ахъ, Иванъ Тихонычъ, какъ вы странны! Да неужели нельзя побывать заграницею, не разстроивъ своего состоянія?

Вельскій. Можно-то, можно... да видишь, у тебя затѣи какія. Вотъ ты не хочешь ѣхать заграницу на четыре мѣсяца, а все наровишь прожить тамъ года два или три.

Вельская. Другіе живутъ и дольше. Ну, что за радость отправиться въ чужіе края на четыре мѣсяца? Не успѣешь пріѣхать и ступай назадъ. Да по моему лучше вовсе не ѣздить.

Вельскій. А вотъ послушай, Марья Алексѣевна: я при тебѣ считалъ всѣ наши доходы; у насъ будетъ всего тридцать двѣ тысячи рублей. Казеннаго долгу на насъ было семьдесятъ тысячъ, да теперь я занялъ шестьдесятъ. Изъ нихъ я оставлю здѣсь для уплаты частныхъ долговъ тридцать тысячъ. Въ опекунскій совѣтъ намъ должно будетъ внести процентовъ и капиталу семь тысячъ восемьсотъ рублей, слѣдовательно, въ нынѣшнемъ 1832 году, чистаго дохода будетъ у насъ двадцать четыре тысячи двѣсти рублей ассигнаціями, да и то если намъ сполна заплатятъ весь оброкъ и мы продадимъ рожь не дешевле десяти рублей за четверть.

Вельская. Десяти рублей? Помилуй, Иванъ

Digitized by Google

Тихонычъ!... Ужъ на что было хуже прошлаго года—не знали куда съ хлѣбомъ дѣваться, а все-таки продали по девяти рублей четверть. А теперь слухи хорошіе, говорятъ, что во всѣхъ степныхъ губерніяхъ неурожай.

Вельскій. Нѣтъ, Марья Алексѣевна, въ Тамбовской только всходы были плохіе, да и тѣ, Богъ милостивъ, поправятся.

Вельская. Ну, очень хорошо!... Положимъ, что у насъ будетъ въ нынѣшнемъ году всего двадцать четыре тысячи рублей въ годъ доходу, и въ будущемъ не больше этого... Такъ чтожъ? Прибавь къ нимъ тридцать тысячъ, которыя останутся у тебя отъ уплаты частныхъ долговъ, этимъ, кажется, можно будетъ прожить два года заграницею, тамъ же все несравненно дешевле здѣшняго.

Вельскій. Дешевле, не дешевле, матушка, а говорятъ, что тамъ живутъ-то потѣснѣе нашего. Да это еще ничего: первый годъ мы проживемъ кое-какъ, а второй-то?...

Вельская. Второй будемъ жить новыми доходами.

Вельскій. А если новыхъ-то доходовъ не будетъ?

Вельская. Это почему?

Вельскій. Да потому, матушка, что заглазное дѣло—бѣда! Коли помѣщикъ не станетъ самъ заниматься хозяйствомъ, такъ его, какъ липку, облупятъ. Приказчикъ и староста начнутъ воровать, уборка хлѣба будетъ плохая, умолотъ бѣдный, продажа дешевая. Оброчные также станутъ утягивать, не доплачивать, до барина, дескать, далеко, онъ за моремъ!... А баринъ сиди себѣ на чужой сторонѣ, да въ кулакъ и посвистывай!

Вельская. Все это, мой другъ, одни предположенія. Я увѣрена, что хозяйство и безъ насъ пойдетъ прекрасно. Нашъ приказчикъ Терентій, человѣкъ усердный, честный...

Вельскій. Кто говоритъ: Терентій, конечно, золотой человѣкъ, и кажется на него можно бы положиться...

Вельская. Ну, такъ чтожъ?

Вельскій. Да все какъ-то страшно, матушка. Мало-ли что можетъ случиться. Теперь что? взялъ почтовыхъ, да на другіе сутки и пріѣхалъ въ Воропановку, а поди-ка изъ чужихъ краевъ скоро прискачешь въ Костромскую губернію?

Вельская. Ахъ, мой другъ! Да зачѣмъ придумывать все дурное. И что такое два, или три года? Не успѣешь оглянуться, они и прошли! Послушай, душенька, Ваничка! Да полно, мой другъ!... Перестань!... Не упрямься!... Неужели ты меньше любишь свою жену, чѣмъ этотъ Сусликовъ?... И добро бы у него жена-то была добрая... а то вѣтреница, капризная!... А онъ все-таки везетъ ее заграницу и ужъ подлинно съ грѣхомъ пополамъ!... Чай, душъ сто продалъ!... Ну, подумай, Иванъ Тихонычъ! За что ты хочешь, что-бъ я краснѣла даже передъ этой ничтожной Сусликовой?... Ты знаешь, я съ ума схожу на чужихъ краяхъ... Эта мысль преслѣдуетъ меня и днемъ и ночью... Другъ мой!... Жизненочекъ!... Душечка!... Докажи передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ты меня любишь! Поѣдемъ заграницу!

Вельскій. Что будешь съ тобой дѣлать?... Я вижу, тебя ничѣмъ не урезонишь...

Вельская. Такъ мы ѣдемъ?... (*бросается къ нему на шею*). Ваничка!... Голубчикъ мой!... Ахъ, какъ я рада!... Ну, чтожъ?... На три года?

Вельскій. На три года?... Помилуй!

Вельская. Ну, хорошо, хорошо, на два!

Вельскій. Матушка! Нельзя-ли на одинъ.

Вельская (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Иванъ Тихонычъ! Вы опять за то-же!

Вельскій. Какъ за то-же! У насъ все рѣчь шла о четырехъ мѣсяцахъ.

Вельская. Четыре мѣсяца и одинъ годъ, развѣ это не все равно? Мы и въ два года всего не осмотримъ. Вотъ Хопрова нѣсколько разъ была заграницею, и всякій разъ жила тамъ года по три...

Вельскій. Охъ, эта мнѣ Степанида Никитишна (*показывая рукою на свою маковку*). Вотъ ужъ она гдѣ у меня!

Вельская. Такъ, такъ!... Вы, Иванъ Тихонычъ, всегда ненавидите моихъ друзей.

Вельскій. Нѣтъ, матушка, люблю, люблю!

Вельская. Ужъ, видно, такая моя участь!

Вельскій. Ну, полно, не гнѣвайся! Ѣдемъ на два года.

Вельская. Такъ это рѣшено?

Вельскій. Рѣшено.

Вельская. Ну, то-то-же; смотри, мой другъ!

Вельскій. А когда мы ѣдемъ?

Вельская. Да хоть завтра! Мы сегодня все уложимъ.

Вельскій. Пожалуй, по мнѣ все равно. Мы ѣдемъ трое: ты, я и Оленька. А кого-жъ мы беремъ изъ людей.

Вельская. Ты привыкъ къ Якову—возьми его. Можно также взять и Федьку, а я возьму Матрену, и для компаніи Шарлоту Карловну.

Вельскій. Эту глухую нѣмку?

Вельская. Что ты, что ты!... Шарлота Карловна здѣсь!...

Вельскій. Не бойся, не услышитъ. Ну, скажи, Марья Алексѣевна, на что она тебѣ?

Вельская. Какъ, на что? я говорю по-нѣмецки плохо, ты вовсе не говоришь, такъ Шарлота Карловна очень намъ пригодится.

Вельскій. Конечно. Только воля твоя, надоѣстъ намъ эта нѣмка.

Вельская. Что ты, мой другъ! Шарлота Карловна такая добрая!

Вельскій. Добра-то, добра, да только больно неукладиста; посадишь ее въ каретѣ на передъ, такъ дурно дѣлается; ямщикъ затянетъ пѣсню—у нея тоска; трубку закуришь—ей тошно; остановишься въ трактирѣ—народу много; въ крестьянской избѣ—тараканы заѣли. Помнишь, матушка, какъ мы съ нею маялись, когда ѣздили въ Воронежъ?

Вельская. И, мой другъ! да вѣдь теперь мы не въ Воронежъ ѣдемъ. Заграницею совсѣмъ не то, тамъ всѣ удобства; тамъ и Шарлотѣ Карловнѣ не на что будетъ жаловаться. А какъ мы поѣдемъ, Иванъ Тихонычъ, водою, или сухимъ путемъ?...

Вельскій. Нѣтъ, ужъ сдѣлай милость, не водою. Я до морскихъ путешествій не охотникъ, матушка.

Вельская. А вѣдь это дешевле и спокойнѣе.

Вельскій. Оно такъ, Марья Алексѣевна, да вотъ изволишь видѣть: вода-то больно жидка.

Вельская. И чего ты боишься? Мы поѣдемъ изъ Петербурга на пироскапѣ.

Вельскій. Сирѣчь, на пароходѣ?... Покорнѣйше благодарю! Не утонешь, такъ тебя на воздухъ взорветъ!

Вельская. Ну, объ этомъ мы поговоримъ послѣ. А въ Петербургѣ-то какъ мы поѣдемъ?

Вельскій. Въ нашей четвероместной каретѣ: она и легка и помѣстительна.

Вельская. Только сдѣлай милость, Ва-

Digitized by Google

ничка, не бери ничего съ собою, лишь бы доѣхать до границы, а тамъ у насъ все будетъ.

Вельскій. Нельзя-же, матушка, не взять шкатулку, погребецъ, платье...

Вельская. Ну, пожалуй себѣ, бери, а я все здѣсь брошу.

Вельскій. Да вѣдь это, мой другъ, лишній расходъ.

Вельская. Ужъ какъ ты хочешь, а нашего русскаго тряпья и дряни заграницу не повезу. (*Входитъ слуга*).

Слуга. Авдотья Никифоровна Сусликова.

Вельскій. Скажи, что нѣтъ дома.

Вельская. Нѣтъ, нѣтъ, проси! (*Слуга уходитъ*). Знаешь-ли, зачѣмъ пожаловала къ намъ Сусликова?

Вельскій. Съ визитомъ, матушка.

Вельская. О, нѣтъ! Она ѣдетъ заграницу, такъ хочетъ почваниться передо мною, подразнить меня.

Вельскій. И, что ты, Марья Алексѣевна?

Вельская. Увѣряю тебя!... Она теперь начнетъ разъѣзжать по всей Москвѣ, станетъ всѣмъ колоть глаза своимъ Карлсбадомъ... Да вотъ погоди! Я спѣси-то ея поубавлю.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Сусликова.

Вельская (*идя къ ней навстрѣчу*). Авдотья Никифоровна!

Сусликова. Здравствуйте, Марья Алексѣевна! (*Цѣлуются*). Иванъ Тихонычъ! Какъ ваше здоровье?

Вельскій. Слава Богу, сударыня, слава Богу! Прошу покорно садиться! (*Садятся*).

Сусликова. Я пріѣхала проститься съ вами, Марья Алексѣевна!

Вельская. Проститься? Куда-жъ вы ѣдете? Вѣрно въ вашу Тамбовскую деревню?

Сусликова. Нѣтъ, Марья Алексѣевна, заграницу!

Вельская (*очень холодно*). Право? А куда-жъ вы ѣдете заграницу?

Сусликова. Въ Карлсбадъ.

Вельская. Чтожъ, это хорошо. Вы будете пить воды?

Сусликова. Да!... Можетъ быть одинъ курсъ.

Вельская. А потомъ?

Сусликова. Потомъ заѣдемъ на нѣсколько дней въ Дрезденъ; если успѣемъ, посмотримъ Саксонскую Швейцарію, а тамъ назадъ въ Москву.

Вельская. Такъ вы надолго изъ Москвы уѣзжаете?

Сусликова. Мѣсяца на три!

Вельская. Только-то!... Конечно, для того, чтобъ побывать въ Карлсбадѣ, да взглянуть на Дрезденъ, больше времени и не надобно... Знаете-ли что, Авдотья Никифоровна... вѣдь мы можемъ тамъ съ вами повстрѣчаться.

Сусликова. Какъ? такъ и вы ѣдете въ Карлсбадъ?

Вельская. Нѣтъ, въ Карлсбадѣ мы будемъ только проѣздомъ. Да если правду сказать, что тамъ и дѣлать? Эти Карлсбадскія воды сдѣлались такъ пошлы. Ну, право, по мнѣ все равно, что нашъ Липецкъ, что этотъ Карлсбадъ и, еслибъ мнѣ нужно было лѣчиться водами, такъ ужъ конечно я охотнѣе бы поѣхала на Кавказъ.

Сусликова. Ахъ, что вы, Марья Алексѣевна, помилуйте!

Вельская. Право! Тамъ, по крайней мѣрѣ, другая природа, другой міръ... а что такое Карлсбадъ? Ну, скажите сами: кто не былъ въ этомъ Карлсбадѣ? Да знаете-ли, ма-шеръ, что въ Петербургѣ, между порядочными людьми, поѣздка въ Карлсбадъ не считается даже путешествіемъ заграницу.

Сусликова (*съ примѣтной досадой*). Ну, нѣтъ, Марья Алексѣевна, извините... вѣдь съѣздить въ Карлсбадъ не то, что съѣздить въ Воронежъ или Пензу.

Вельская. Почти то-же.

Сусликова. Да позвольте спросить: вы-то куда изволите уѣхать?

Вельская. Сначала въ Германію, на берега Рейна, тамъ въ Швейцарію, оттуда въ Верхнюю Италію на Лаго Маджіоре, въ Венецію... О, тамъ мы непремѣнно будемъ!... Потомъ на зиму въ Римъ, а будущей весною...

Сусликова. Назадъ въ Россію?

Вельская. О, нѣтъ!... Стоитъ-ли того, чтобъ ѣхать на одинъ годъ заграницу!... Изъ Италіи мы проѣдемъ въ Парижъ...

Сусликова. Вотъ что! И долго тамъ проживете?

Вельская. До самой зимы.

Сусликова. А потомъ?

Вельская. Опять въ Италію; поживемъ въ Неаполѣ, а тамъ можетъ быть поѣдемъ въ Палермо... Представьте себѣ, Авдотья Никифоровна: въ то время, какъ вы будете здѣсь жить по уши въ снѣгу, мы станемъ прогуливаться подъ тѣнью померанцевыхъ деревьевъ!... Ахъ, ма-шеръ, ужъ то-то я вамъ поразскажу, когда мы воротимся!...

Сусликова. Покорнѣйше васъ благодарю, а мы послушаемъ, если доживемъ до этого.

Вельская. И полноте, что вы? Мы года черезъ три или четыре непремѣнно вернемся.

Сусликова. Черезъ четыре года? Ну, помогай вамъ Богъ, Марья Алексѣевна! Прожить четыре года заграницею не бездѣлица!...

Вельская. Да, конечно! Иному нельзя и году прожить заграницею; но съ такимъ состояніемъ, какъ наше...

Сусликова (*съ насмѣшливой улыбкой*). Разумѣется! большому кораблю большое и плаванье... Вѣдь у васъ, кажется, тысячи три душъ...

Вельская. Ну, хоть и не три тысячи, однакожъ и не двѣсти...

Сусликова. Вамъ бросить сто тысячъ ничего не значитъ.

Вельская. И этого сказать нельзя... Впрочемъ, конечно, сто тысячъ насъ не разорятъ. Вотъ еслибъ у насъ было восемь или десять тысячъ въ годъ доходу, такъ мы-бы, можетъ быть, съѣздили также, какъ вы, въ Дрезденъ, въ Карлсбадъ, въ Ревель, или въ Одессу, а ужъ конечно-бы заграницу не поѣхали.

Сусликова. Ахъ, Боже мой! Да развѣ Дрезденъ и Карлсбадъ — Россія, Марья Алексѣевна?

Вельская. Чтожъ дѣлать, Авдотья Никифоровна, ужъ если это такъ принято...

Сусликова. Да помилуйте! Если Дрезденъ не чужіе края, такъ по этому и Римъ и Парижъ...

Вельская. О, это другое дѣло! это ужъ не прогулка, а путешествіе; тутъ нужны и время и способы, а что такое ваша Саксонія? Да знаете-ли, Авдотья Никифоровна, что туда наши русскіе мужички съ обозами ходятъ.

Сусликова (*начиная терять терпѣніе*). Нѣтъ, это ужъ слишкомъ.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вельская и Яковъ.

Яковъ. Князь Парменъ Кириллычъ, сударыня!

Вельская. Дядюшка? Скажи, что дома нѣтъ.

Яковъ. Его сіятельство изволитъ говорить „крайняя, дескать, нужда".

Вельская. О, Боже, мой! Скажи, что я не могу принять, что я больна—лежу въ постели... пошелъ!

Яковъ. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вельская (*одна*).

Ну, такъ и есть! Иванъ Тихонычъ сказалъ правду. Отъ этихъ дядюшекъ и тетушекъ мнѣ житья не будетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Вельская и Матрена.

Вельская. Что ты?

Матрена. Прикажете укладывать блондовое платье?

Вельская. Нѣтъ, не надобно.

Матрена. А соболи?

Вельская. Ну, это дѣло другое — уложи! Вотъ одно, что мы русскіе можемъ везти заграницу... Да и то, если правду сказать, что я буду съ ними дѣлать въ Италіи? Развѣ показывать, какъ рѣдкость?... Не забудь также уложить обѣ турецкія шали: черную и бѣлую.

Матрена. А голубую?

Вельская. О, нѣтъ, зачѣмъ! эти шали буръ-де-суа заграницею ни почемъ... Кто ихъ тамъ не носитъ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Яковъ.

Яковъ. Маргарита Саввишна!

Вельская. Тетушка?... Господи Боже мой! Вѣдь тебѣ сказано, чтобъ ты всѣмъ отказывалъ.

Яковъ. Я докладывалъ, что васъ нѣтъ дома.

Вельская. Такъ чтожъ?

Яковъ. Не изволитъ вѣрить, вышла изъ кареты.

Вельская. Пошелъ, скажи, что меня точно нѣтъ дома.

Яковъ. Да помилуйте! чтожъ мнѣ, образъ что-ль со стѣны снимать?

Вельская. О, грубіянъ!... дуракъ!... Ахъ, Боже мой! Да вотъ, кажется, и она!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вельская и Маргарита Саввишна Закамская.

(*Яковъ и Матрена уходятъ*).

Закамская. Что это, Марья Алексѣевна! Ты ужь и родныхъ не хочешь принимать.

Вельская. Ахъ, тетушка! извините... Это все люди напутали... Такіе скоты, что не приведи Господи!... Какъ это можно!... Для васъ я всегда дома... Прошу покорно садиться!

Закамская (*опускается въ кресло*). Фу, батюшки!... Всю душу вытрясло!... Что это у насъ за ѣзда такая?... Ну, нечего сказать: дай Богъ здоровья московскимъ барынямъ, потрудились около Кузнецкаго моста—вовсе проѣзду нѣтъ... Снуютъ себѣ голубушки съ утра до вечера, всю мостовую исковеркали!... Что это, мой другъ! Правду-ли мнѣ сказывала Авдотья Никифоровна, что вы ѣдете съ мужемъ заграницу?

Вельская. Да, тетушка.

Закамская. И будто-бы на нѣсколько лѣтъ?

Вельская. Да, тетушка! Мы ѣдемъ на два года, а можетъ быть и на три.

Закамская. Скажите пожалуйста!... А я вѣдь поклепала ее сердечную!... Думаю про себя: лжешь, душенька! Племянница у меня женщина умная. Мужъ у нея, конечно, слабенекъ немножко, а также человѣкъ не глупый... поѣдутъ-ли они на два года заграницу?... Что они за милліонщики такіе!... Имъ только что въ пору и въ Москвѣ-то жить... Нѣтъ, думаю; озорница ты, матушка! Хочешь только про моихъ родныхъ дурную славу пустить... И такъ ужъ вся Москва говоритъ...

Вельская. И, тетушка, чего не говоритъ Москва, и что тутъ дурного, что мы ѣдемъ за границу? Кажется не мы одни...

Закамская. Да, мой другъ,—да! Всѣ перебѣсились!... Только и слышишь: „такіе-то заложили все имѣнье, да уѣхали въ чужіе края... такой-то развелся съ женою, да сбирается ѣхать заграницу... такая-то бросила мужа и дѣтей, да уѣхала въ Парижъ..." Вотъ и про васъ станутъ говорить: жена, дескать, человѣкъ молодой,— такая бойкая! А мужъ у нея простофиля... такъ плачетъ, да ѣдетъ заграницу.

Вельская. Позвольте вамъ сказать, тетушка: мой Иванъ Тихонычъ, кажется, въ совершенныхъ годахъ, и если онъ самъ этого желаетъ...

Закамская. Вотъ, что!... Ахъ, ты, голубушка моя!... Такъ это онъ злодѣй тащитъ тебя насильно въ чужіе края?

Вельская. Нѣтъ, тетушка, извините!... И меня также нельзя никуда тащить насильно и я также, благодаря Бога, не ребенокъ.

Закамская. Какой ты ребенокъ! Тридцатый годъ, матушка! Да умъ-то у тебя въ головѣ ребячій—не прогнѣвайся!

Вельская. Ахъ, Боже мой!... Да чтожъ въ самомъ дѣлѣ?... неужели намъ однимъ нельзя ѣхать заграницу, когда почти всѣ наши знакомые перебывали въ чужихъ краяхъ?

Закамская. Да не всѣ тамъ жили по нѣскольку лѣтъ, Марья Алексѣевна.

Вельская. А Катерина Дмитріевна Шестунова?

Закамская. У нее, сударыня, четыре тысячи душъ; проживаетъ двѣ, такъ все-таки двѣ останется... Послушай, мой другъ, знаешь-ли ты русскую пословицу: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней"...

Вельская. Я такихъ мужичьихъ пословицъ не знаю, тетушка.

Закамская. Напрасно, мой другъ!... Ну, коли этой не знаешь, такъ можетъ быть слыхала другую: „по одежкѣ тяни ножки", что, сударыня, и эта также не понутру?.. А вѣдь, кажется, умна!...

Digitized by Google

Вельская. Мало-ли что казалось умно въ старину, но въ нашъ вѣкъ...

Закамская. Да что вы все о своемъ вѣкѣ толкуете? Умная рѣчь всегда будетъ умна, на это вѣка нѣтъ, матушка.

Вельская. Такъ поэтому въ ваше время всѣ русскія дамы жили по этой пословицѣ?

Закамская. Нѣтъ, Марья Алексѣевна, и въ наше время были жены мотовки, вѣтренницы, кокетки,—только на нихъ всѣ пальцами указывали, да и мужья-то были поумнѣе нынѣшнихъ; не возили такихъ женъ на показъ въ чужіе края, не пускали шататься по бѣлу свѣту; мы, матушка, въ старину, не любили соръ изъ избы выносить, а теперь, послушаешь добрыхъ людей!... Господи, Боже мой! Какъ примутся разсказывать про иную путешественницу, такъ уши вянутъ, сударыня.

Вельская. Вольно-же вамъ всему вѣрить, тетушка, вѣдь у насъ чего не выдумаютъ злые люди, особливо эти записныя сплетницы, эти болтуньи старушки, отъ которыхъ въ Москвѣ никому житья нѣтъ.

Закамская. Старушки?... Какія старушки?...

Вельская. А вотъ тѣ самыя, тетушка, которыя выдумываютъ да разглашаютъ эти вздоры.

Закамская (*начиная сердиться*). Право?.. А если это не вздоръ, Марья Алексѣевна?... Да вотъ хоть ты, напримѣръ, ради чего изволишь ѣхать заграницу?.. На что?.. Зачѣмъ?.. Чтобъ людей посмотрѣть, себя показать, да мужа разорить... А ужъ о другомъ-то я не говорю...

Вельская. Что вы, что вы, Маргарита Савишна?

Закамская. Что, сударыня? Не говори правды, не теряй дружбы!.. Да ужъ воля твоя, матушка, коли дѣло пошло на чистоту, такъ не прогнѣвайся! Что нынѣшнія барыни? Волонтерки, наѣздницы!.. Начитались скверныхъ французскихъ романовъ, выучились лепетать по сорочьи, кобениться передъ мужчинами, да ужъ знать никого не хотятъ!... Вотъ иную бѣдную дѣвушку, которой перекусить было нечего, поищетъ Господь: выйдетъ она замужъ за человѣка хорошаго, съ порядочнымъ состояніемъ... матушки!... Вздернетъ кверху носъ!... Никого въ грошъ не ставитъ—всѣ родные ни по чемъ... Ну, вольный казакъ—да и только!... Чего бы, кажется, благо нашелся добрый человѣкъ, который прикрылъ ей голову—жилабы, да жила барыней,—такъ нѣтъ!... Мало ей того, что она водитъ за носъ своего мужа, что этотъ разиня мужъ смотритъ сквозь пальцы на ея пустодомство, мотовство и вѣтренность, вези онъ ее въ чужіе края!... Пусть, дескать, и тамъ посмотрятъ, какъ я ломаюсь, швыркаю за окно деньги...

Вельская. Что это, Маргарита Савишна! Вы это на мой счетъ, что ли?...

Закамская. А еслибъ и такъ, сударыня?... Не прогнѣвайся?... Я человѣкъ старый и люблю правду говорить. Нѣтъ! Въ наше время не такъ воспитывали благородныхъ дѣвицъ.

Вельская. О, конечно, не такъ! Говорятъ, въ старину русскихъ барышень ничему не учили, да и зачѣмъ?... Умѣли-бы онѣ только считать, холстъ мѣрять, варить варенье, цыплятъ выводить... Правда, я слышала, что тогда и мужчины не гонялись за наукою, но все-таки они грамотѣ учились, а ихъ жены и дочери не занимались этимъ вздоромъ.

Закамская. Что ты, что ты, матушка? Да развѣ мы были въ старину горничными дѣвками?

Вельская. О, нѣтъ, Маргарита Савишна! Тогда служанокъ одѣвали въ затрапезное платье, а барышни ходили въ ситцевомъ, такъ какъ-же можно было ошибиться и принимать ихъ за горничныхъ дѣвокъ?

Закамская. По крайней мѣрѣ, никто не принималъ насъ за переодѣтыхъ мужчинъ.

Вельская. Да, кажется, мы и теперь на мужчинъ не походимъ, а если мы стали походить на людей, такъ ужъ этому горю трудно помочь, Маргарита Савишна. Вотъ, напримѣръ, теперь дѣвица выходитъ замужъ, а тогда ее отдавали или продавали, смотря по обстоятельствамъ. Иногда случалось, сбудутъ какой-нибудь залежалый товаръ, то-есть выдадутъ пожилую барышню за стараго помѣщика — пьяницу и собачника, однакожъ человѣка чиновнаго, напримѣръ... отставного бригадира...

Закамская (*вспыльчиво*). Что, что, матушка?

Вельская. А можетъ быть и генерала — я это говорю вообще. Вотъ она и пристроена: то-есть изъ благородной горничной дѣвушки попала въ высокородныя ключницы; служитъ вѣрой и правдой своему господину и сожителю, а онъ по цѣлымъ днямъ порскаетъ за зайцами, или гуляетъ со своими пріятелями; чего-жъ лучше этой жизни? Правда, иногда, подъ пьяную руку, этотъ баринъ-мужъ захочетъ потѣшиться, то-есть поколотить свою жену,— такъ чтожъ? Она вымѣститъ это на своихъ дѣвкахъ...

Закамская. Что вы, матушка?... что вы?...

Вельская. А что, Маргарита Савишна! Развѣ это неправда? И что за важность такая? Дѣло домашнее — это же круговая порука: мужъ бьетъ жену, жена колотитъ дѣвокъ, а тамъ глядишь—Богъ милостивъ, стерпится-слюбится! Гуляка-мужъ сломитъ себѣ шею на охотѣ...

Закамская. Марья Алексѣевна!

Вельская. А можетъ быть и обопьется,— я вѣдь это говорю вообще... Ну, тогда дѣло совсѣмъ другое! Прежде покорная жена дрожала передъ мужемъ, а теперь передъ этой вдовствующей барыней никто и пикнуть не смѣетъ! Разумѣется, она переѣдетъ подъ старость на житье въ Москву, что ей въ деревнѣ дѣлать?... Тамъ нельзя ни сплетничать, ни вѣстей развозить, и что за радость бариться передъ мелкопомѣстными сосѣдями, то-ли дѣло у насъ! Здѣсь можно поступить на вакансію какой-нибудь строгой барыни, всемірной командирши, безъ которыхъ Москва жить не можетъ, для этого надобно только прослыть—умною старушкою...

Закамская. Да чтожъ вы это, сударыня?...

Вельская. А вѣдь это очень легко, Маргарита Савишна, стоитъ только все осуждать, однихъ позорить, другихъ казнить, во все мѣшаться, ко всѣмъ соваться съ совѣтами, а пуще всего говорить отъ лица Москвы. Такая-то барыня ведетъ себя очень дурно, „вся Москва это говоритъ“, то-есть я это говорю. Такому-то барину давно пора отставку, „его Москва не любитъ“. то-есть я его терпѣть не могу. Вотъ добрые люди и закричатъ: Ай да барыня; какъ она всѣмъ правду рѣжетъ. Никому спуска нѣтъ! Нечего сказать: умная старушка.

Закамская. Ай да Марья Алексѣевна! Языкъ-то у васъ хорошъ!

Вельская. Каковъ ни есть, Маргарита

Digitized by Google

другъ? Глупая, неопытная дѣвушка, я думала: выйду замужъ за этого человѣка, который вдвое меня старѣе; ужъ если всѣ мужья тираны, такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ, хоть изъ благодарности, станетъ меня баловать, любить какъ дочь родную—и чтожъ?... Этотъ мужъ, чтобъ сберечь нѣсколько тысячъ рублей, говоритъ своей умирающей женѣ: „нѣтъ, матушка, зачѣмъ тебѣ ѣхать въ теплый климатъ, ты можешь сидѣть дома: въ натопленной комнатѣ такъ-же тепло, какъ и въ Италіи. Да чахотка-то у тебя только-что начинается, къ чему торопиться? Можетъ быть и такъ пройдетъ!"

Вельскій. Эхъ, Марья Алексѣевна! Боишься-ли ты Бога!... За что ты обижаешь?... Ну, если ты непремѣнно хочешь, такъ поѣдемъ заграницу, только не на два года.

Вельская. А на сколько же, сударь?

Вельскій. Да этакъ, мѣсяца на четыре... Ну, пожалуй! такъ и быть, на шесть!

Хопрова (*тихо Вельской*). А! торгуется! не уступай!

Вельская. Нѣтъ, Иванъ Тихоновичъ, зачѣмъ? Вѣдь это не сдѣлаетъ мнѣ никакой пользы, а только больше меня разстроитъ.

Вельскій (*собравшись съ духомъ*). Такъ ты не хочешь ѣхать?

Вельская. На шесть мѣсяцевъ не хочу!

Вельскій. Ну, какъ хочешь, матушка!

Вельская. Чтожъ дѣлать?... Видно ужъ Богу угодно, чтобъ я умерла въ молодости!

Хопрова. Это ужасно!... Иванъ Тихоновичъ!...

Вельскій. И, полноте, сударыня!... Что въ самомъ дѣлѣ? Дуракъ, что-ль я вамъ достался?... Все была здорова, а тутъ вдругъ...

Вельская. Такъ вы думаете, что я васъ обманываю? Что я здорова?...

Вельскій. Я думаю, матушка, что болѣзнь твоя вовсе не такъ опасна, какъ тебѣ кажется, и что я очень глупо сдѣлаю, если совершенно разорюсь и останусь, можетъ быть, безъ куска хлѣба, потому только...

Вельская. Ну, сударь, договаривайте!

Вельскій. Потому только, что тебѣ вообразилось, что у тебя чахотка.

Вельская (*Хопровой*). Слышишь, мой другъ!... Ну, правду-ли я говорила?...

Хопрова. Нѣтъ! Это выходитъ изъ всѣхъ границъ! Вы, сударь, не человѣкъ, а чудовище!

Вельскій. Покорнѣйше благодарю!

Хопрова. Въ васъ нѣтъ ни сердца, ни души!

Вельскій. Знаю, сударыня, знаю! Не по вашему дѣлаютъ, такъ и души нѣтъ! Да съ вами не сговоришь... Хочешь-ли, Марья Алексѣвна, ѣхать на шесть мѣсяцевъ заграницу?

Вельская. Нѣтъ, сударь, не хочу!

Вельскій. Рѣшительно?...

Вельская. Рѣшительно.

Вельскій. Тамъ мы завтра же поѣдемъ въ Воропановку. Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Вельская и Хопрова.

Хопрова. О! Да какъ ты избаловала своего мужа... Онъ приказываетъ, повелѣваетъ... Владыка и господинъ!

Вельская. Ахъ, Стефани!... Я въ самомъ ужасномъ положеніи. Вообрази, мой другъ, въ то самое время, какъ Иванъ Тихоновичъ согласился ѣхать на два года заграницу, пожаловала ко мнѣ Сусликова, и знаешь-ли зачѣмъ? Похвастаться передо мною, сказать, что она ѣдетъ въ Карлсбадъ. Сусликова думала этимъ совершенно меня уничтожить; разумѣется, я сей-же часъ унизила ея гордость, и объявила ей, что ѣду также заграницу, только не на три мѣсяца, а на нѣсколько лѣтъ, и не въ этомъ пошлый Карлсбадъ, а на берега Рейна, въ Римъ, Неаполь, Парижъ... Представь-же себѣ, какое торжество будетъ для этой Сусликовой — она поѣдетъ заграницу, а я въ Воропановку.

Хопрова. Да, это досадно!

Вельская. Досадно? Нѣтъ, не досадно, а убійственно, мой другъ! Когда подумаю, какую роль станетъ играть въ Москвѣ эта Сусликова! Да мнѣ просто отъ нея житья не будетъ!... Она начнетъ при мнѣ разсказывать о чужихъ краяхъ, какъ тамъ прекрасно, удивительно, безподобно!... А я слушай, да молчи! Еще, пожалуй—да, Стефани, отъ нея станется, она привезетъ мнѣ гостинецъ изъ Карлсбада... О, я всего ожидаю отъ этой негодной женщины!...

Хопрова. Чтожъ ты намѣрена дѣлать?

Вельская. Да что, мой другъ! Ужъ не поѣхать-ли мнѣ на шесть мѣсяцевъ заграницу?

Хопрова. Что ты, что ты?... Ты могла это сдѣлать прежде, а теперь, когда мужъ осмѣлился предписывать тебѣ законы... О, нѣтъ. Мари! Покажи характеръ!...

Вельская. А если Иванъ Тихонычъ...

Хопрова. И полно, мой другъ! Что Иванъ Тихоновичъ? Иванъ Тихоновичъ мужъ, какъ и всѣ другіе. Онъ не вѣритъ, что ты больна; посмотримъ, какъ онъ не повѣритъ, если услышитъ то же самое отъ доктора.

Вельская. Да можетъ быть онъ и доктору не повѣритъ!..

Хопрова. Тамъ мы сдѣлаемъ консиліумъ. Да я надѣюсь, что до этого не дойдетъ. Кто вашъ докторъ?

Вельская. Теперь у насъ никого нѣтъ.

Хопрова. Такъ я привезу къ тебѣ моего доктора. Ѳома Ѳомичъ Дупельшнепъ прекрасный человѣкъ: всѣхъ отправляетъ заграницу.

Вельская. А если онъ такъ-же, какъ мужъ, станетъ судить по наружности, и найдетъ, что я...

Хопрова. Что ты здорова?... Сохрани Господи!... Не такой человѣкъ, мой другъ!... Какъ-бы ты не казалась здоровою, а онъ ужъ непремѣнно отыщетъ въ тебѣ зародышъ какой-нибудь болѣзни. Отличный докторъ!

Вельская. Но все я думаю, не мѣшаетъ предупредить его...

Хопрова. Не безпокойся!... Я это дѣло улажу. Да пойдемъ лучше въ твой кабинетъ, здѣсь проходная комната, а мнѣ еще надобно о многомъ поговорить съ тобой...

Вельская. Когда-жъ ты пошлешь за докторомъ?

Хопрова. Тотчасъ, послѣ обѣда! пойдемъ Мари! (*Обѣ уходятъ*).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МАТРЕНА И ДВОЕ СЛУГЪ (*которые несутъ дорожный сундукъ*).

Матрена (*съ сундукомъ въ рукахъ*). Несите скорѣе!... Барыня ужъ два раза спрашивала, все-ли уложено! (*Слуги уносятъ сундукъ въ среднія двери*). Кажется, я ничего не забыла?... соболя... шали... три платья...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАТРЕНА И ЯКОВЪ.

Яковъ (*выходитъ изъ боковыхъ дверей, на правой сторонѣ отъ зрителей; у него черезъ плечо перекинута енотовая шуба, въ рукѣ держитъ большой узелъ, подъ мышкою деревянная нога*). Матренушка!

Матрена. Что, Яковъ Ѳедотычъ?

Яковъ. Послушай, голубушка, хочу я тебя спросить, вѣдь ты въ большой милости у барыни, такъ всю подноготную знаешь.

Матрена (*охорашиваясь*). Да! барыня изволитъ со мной обо всемъ разговаривать.

Яковъ. Скажи пожалуйста! Что это вчера, зачѣмъ къ намъ трое докторовъ пріѣзжали?

Матрена. Извѣстное дѣло зачѣмъ: Марья Алексѣевна нездоровы.

Яковъ. Нездорова? Что ты, Матреша, да какъ-же мы сейчасъ ѣдемъ въ дорогу?

Матрена. Затѣмъ-то и ѣдемъ, что барыня больна. Такъ доктора присудили.

Яковъ. Вотъ что!... Такъ Степанида Никитишна Хопрова пріѣхала съ нею прощаться?

Матрена. Не надолго, она и сама туда-же поѣдетъ.

Яковъ. Туда-же? Да скажи, Матренушка, куда мы ѣдемъ, въ Питеръ, что-ль?

Матрена. Въ какой Питеръ?

Яковъ. Ну, иль по вашему, сударыня, въ Петербургъ.

Матрена. Нѣтъ, подальше Петербурга.

Яковъ. Такъ за море?

Матрена. Да, за море,—только сухимъ путемъ; баринъ водой ѣхать не хочетъ.

Яковъ. Вотъ что!... А на долго-ли?...

Матрена. Годика на два,

Яковъ. Ого!... На два года!... Ну, станетъ-же это въ копейку господамъ... Да что имъ вздумалось ѣхать чортъ знаетъ куда, иль въ Москвѣ-то тѣсно?

Матрена. А почему-жъ, Яковъ Ѳедотычъ, вѣдь за моремъ есть что посмотрѣть, тамъ всякія диковинки и житье не здѣшнее...

Яковъ. Нѣтъ, Матрена, не ради этого ѣдутъ они въ чужія земли...

Матрена. А для чего-же...

Яковъ. Отъ бездѣлья, голубушка, видитъ Богъ, отъ бездѣлья! Денегъ въ волю, дѣлать нечего, такъ имъ на мѣстѣ и не сидится. Поработали бы съ наше, такъ небось захотѣлось-бы не за море, а на печку. Что въ самомъ дѣлѣ? Иль Москва-то клиномъ сошлась?... Слава Богу! Житье-то и здѣсь привольное: чего хочешь, того просишь.

Матрена. Вотъ новости! Большая невидаль Москва!.. Да что здѣсь хорошее? Здѣсь все такое грубое, не аккуратное...

Яковъ. Вишь ты аккуратный человѣкъ!... Какъ изволитъ поговорить!... Москва не люба, за моремъ лучше!...

Матрена. Разумѣется тамъ не то, что здѣсь...

Яковъ. А чтожъ тамъ такое?

Матрена. Тамъ все лучше и деликатнѣе...

Яковъ. Въ самомъ дѣлѣ? Чтожъ тамъ, чай и по буднямъ-то всѣ калачи ѣдятъ.

Матрена. Да не прогнѣвайтесь. Вотъ въ нѣмецкой землѣ послѣдній нищій—и тотъ кушаетъ бутербродъ.

Яковъ. Сирѣчь хлѣбъ съ чухонскимъ масломъ! Да, какъ-же не такъ!... Держи карманъ, такъ тебѣ въ него лепешки совать и станутъ.

Матрена. Что вы зубы-то скалите, Яковъ Ѳедотычъ? Да, конечно, такъ! Вы-бы послушали, что говорятъ умные люди о чужихъ краяхъ.

Яковъ. Эхъ, Матрена, Матрена! Ну, что вѣришь? Славны бубны за горами... Конечно, можетъ статься, и за моремъ есть какіе-нибудь деликатесы, да только не про насъ!

Матрена. Про всѣхъ, Яковъ Ѳедотычъ, вы спросите объ этомъ у Шарлоты Карловны.

Яковъ. У Шарлоты Карловны?... Вотъ нашла человѣка!

Матрена. Да ужъ, конечно, она лучше васъ знаетъ, какъ живутъ заграницею.

Яковъ. А коли знаетъ, такъ зачѣмъ-же она съ своего нѣмецкаго бутерброда съ масломъ на нашъ русскій хлѣбецъ съѣхала?... Что? Видно посытнѣе?...

Матрена. Охъ, ужъ вы!... Лучше-бы де говорили!... Что вы, Яковъ Ѳедотычъ? Вы человѣкъ необразованный, вы ничего не знаете...

Яковъ. Гдѣ намъ, Матрена Карповна!... Мы люди темные... Мы заморской премудрости на прачешной не обучались...

Матрена. На прачешной?... Мужикъ этакой! Да что вы мнѣ Яковъ Ѳедотычъ, прачешной-то глаза колете? Я ужъ третій годъ служу при барынѣ.

Яковъ. Знаемъ, сударыня, какъ-же!... Да вы и сами-то сдѣлались такой барыней: въ шляпкахъ изволите ходить... Чай вашъ дядюшка, конюхъ Вавила, и тотъ теперь не смѣетъ васъ Матрешкой называть...

Матрена. Да что вы все врете, Яковъ Ѳедотычъ! Я съ вами и говорить-то не хочу!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, ВЕЛЬСКАЯ и ХОПРОВА (*выходятъ изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей*).

Вельская (*провожая Хопрову*). Прощай, Стефани!... Смотри-же, не забудь своего обѣщанія...

Хопрова. Не безпокойся!... Лишь только я получу деньги изъ Опекунскаго Совѣта, такъ и въ дорогу... Я думаю, мѣсяца черезъ два мы увидимся въ Вѣнѣ... Ну, что прикажешь сказать Ѳомѣ Ѳомичу Дупельшнепу?...

Вельская. Скажи ему, что онъ неоцѣненный человѣкъ!

Хопрова. Ну, то-то-же!... Я тебѣ говорила... Прощай, Мари! (*Цѣлуется; Вельская провожаетъ Хопрову за двери*).

Digitized by Google

Вельская. Покорнѣйше васъ благодарю! (*Нюхаетъ*).

Сурскій (*беретъ стулъ и садится подлѣ Вельской*). Ну, что!... Лучше?...

Вельская. Да, проходитъ!... Такъ Владиміръ Сергѣевичъ женился?... На комъ?...

Сурскій. На дочери одного вѣнскаго банкира!

Вельская. И вѣрно этотъ банкиръ очень богатъ?

Сурскій. Ужасно!.. Милліонщикъ!..

Вельская. А, такъ вотъ что!.. Понимаю!.. Эта женитьба по разсчету?...

Сурскій. О, нѣтъ! Ошибаетесь, Марья Алексѣевна!.. По любви, да еще какой!.. Владиміръ Сергѣевичъ насмотрѣться не можетъ на свою жену, и не удивительно: онъ самъ мнѣ признавался, что это первая его любовь... Ахъ, Боже мой!... Вамъ, кажется, опять дурно?... Понюхайте, Марья Алексѣевна!... Понюхайте!...

Вельская (*нюхая спиртъ*). Что это сегодня со мною дѣлается?...

Сурскій. Скажите пожалуйста!... Точно, какъ у меня: вдругъ, безъ всякой причины...

Вельская. Ну, видите, Андрей Андреевичъ: вотъ мое здоровье!...

Сурскій. Да это ничего...

Вельская. О, нѣтъ!... Я чувствую, моя грудь совершенно разстроена... Мнѣ необходимъ южный воздухъ... Впрочемъ, я думаю, для меня и вѣнскій климатъ будетъ слишкомъ суровъ... Послушайте, Андрей Андреевичъ! Ужъ правду-ли вы говорите, что эпидемія такъ сильна и во Франціи и въ Италіи?...

Сурскій. Да отъ чего-жъ я ускакалъ изъ Парижа? Неужели вы думаете, что у меня сдѣлалась тоска по родинѣ? Нѣтъ, Марья Алексѣевна! Я до Крещенскихъ морозовъ не охотникъ и терпѣть не могу русскаго квасу. Ужъ повѣрьте, я не сталъ бы вамъ совѣтовать остаться въ Москвѣ, если бы вы могли жить во Франціи, Италіи и даже Швейцаріи, но ѣхать въ эту несносную Вѣну и такъ дорого платить за скуку, когда здѣсь въ Москвѣ она ни почемъ, помилуйте!—да изъ чего?... Вотъ дѣло другое Ладогинъ, ему вездѣ весело, для него теперь и Вѣна сущій рай... А кстати, совсѣмъ было забылъ!... Вѣдь у меня есть къ вамъ посылочка отъ Владиміра Сергѣевича.

Вельская. Посылка?... Какая посылка?...

Сурскій. Довольно большой пакетъ, а что въ немъ, не могу вамъ сказать... Кажется, какъ будто бы бумаги или письма какія и что-то похожее на круглый медальонъ.

Вельская (*въ сторону*). Боже мой!... Мои письма... мой портретъ... (*Громко*). Чтожъ, вы привезли эту посылку съ собою?

Сурскій. Нѣтъ, Марья Алексѣевна.

Вельская. Да гдѣ-жъ она?

Сурскій. Теперь ужъ, я думаю, въ Костромѣ.

Вельская. Какъ въ Костромѣ?

Сурскій. Да, Марья Алексѣевна. Вотъ извольте видѣть: чтобъ самому ѣхать налегкѣ, а отправилъ вчера въ Кострому передового съ поклажею; онъ, между прочимъ, захватилъ съ собою и дорожный сундукъ, въ которомъ лежала эта посылка... а мнѣ въ голову не пришло...

Вельская. Ахъ, какъ досадно! Я такъ-бы желала знать... и вы не догадываетесь...

Сурскій. Что въ этомъ пакетѣ? Да какъ бы вамъ сказать... Я думаю, что въ немъ бумаги вовсе не дѣловыя... можетъ быть я ошибаюсь, а, кажется, эта посылка адресована къ вамъ для передачи...

Вельская. Кому?...

Сурскій. Ну, этого я не знаю; я знаю только то, что есть вещи, которыя гораздо вѣжливѣе и даже безопаснѣе возвращать черезъ посредника... Впрочемъ, если вы не отправитесь въ чужіе края, такъ вѣрно поѣдете въ костромскую вашу деревню. Я завтра самъ буду въ Костромѣ и тотчасъ явлюсь къ вамъ съ этой посылкою...

Вельская. Такъ вы думаете, что намъ лучше ѣхать заграницу въ будущемъ году?

Сурскій. Вотъ что я думаю, Марья Алексѣевна: чужіе края отъ васъ не уйдутъ, переждите это несчастное время: и къ чему вамъ торопиться?... Вы человѣкъ совершенно свободный, дѣтей у васъ нѣтъ... Падчерица ваша замужемъ?

Вельская. Кто это вамъ сказалъ?

Сурскій. Какъ? Такъ она еще не замужемъ? Чтожъ это Александръ Ильичъ писалъ ко мнѣ, что свадьба будетъ въ вашей костромской деревнѣ, тотчасъ послѣ Святой недѣли...

Вельская. Да, это правда, но мы отложили на время... Олёнька еще такъ молода... Мы же хотѣли ѣхать въ чужіе края...

Сурскій. Вмѣстѣ съ нею?

Вельская. Разумѣется,

Сурскій. Вотъ прекрасно!.. Да какъ это вамъ въ голову пришло, везти съ собою заграницу молодую дѣвушку, невѣсту, которая, вѣроятно, влюблена въ своего жениха... Хорошій товарищъ!.. Да она-бы и на васъ тоску навела...

Вельская. Въ самомъ дѣлѣ?

Сурскій. Да ужъ, конечно, такъ; она отравила-бы всѣ ваши удовольствія... Нѣтъ, Марья Алексѣевна, послушайтесь меня! Поѣзжайте въ Кострому, выдайте замужъ Ольгу Ивановну, а тамъ будущей весной и съ Богомъ! Ступайте себѣ во Францію, въ Италію, въ Швейцарію, куда вамъ угодно.

Вельская. Все это такъ, Андрей Андреевичъ, но мое здоровье.

Сурскій. И, Марья Алексѣевна! Охота вамъ вѣрить докторамъ!.. Посмотрите на себя, да вы настоящій розанъ!

Вельская (*улыбаясь*). Какъ замѣтно, что вы пріѣхали изъ Парижа...

Сурскій. Это не комплиментъ, Марья Алексѣевна,—я говорю правду... Эй, послушайте меня! Скажете послѣ спасибо.

Вельская. Ну, дѣлать нечего!

Сурскій. Такъ вы не ѣдете заграницу?

Вельская. По неволѣ, Андрей Андреевичъ... вы такъ меня напугали.

Сурскій. Слѣдовательно, мы выѣдемъ почти въ одно время. У васъ лошади готовы, а я сейчасъ пошлю за подорожною, и вѣрно догоню васъ на второй или третьей станціи...

Вельская (*вставая*). Смотрите-же, не забудьте посылку...

Сурскій. Не безпокойтесь!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Матрена (*несетъ шляпу и дорожный ридикюль*).

Вельская. Матрена! Попроси сюда Ивана Тихоновича! Онъ долженъ быть въ кабинетѣ! (*Матрена уходитъ въ боковую дверь*).

Digitized by Google

Сурскій. А вотъ кажется и Ольга Ивановна!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Оленька (*одѣтая по-дорожному*).

Оленька. Ахъ, здравствуйте, Андрей Андреевичъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Вельскій.

Вельскій. А, батюшка! Андрей Андреевичъ!

Сурскій. Здравствуйте, Иванъ Тихоновичъ. (*Обнимаются*). Вотъ и я, наконецъ, вернулся домой!

Вельская (*мужу*). Послушай, мой другъ! Ты вѣрно будешь надо мной смѣяться?.. Вѣдь я передумала ѣхать заграницу...

Вельскій. Нѣтъ, шутишь?

Вельская. Вотъ, Андрей Андреевичъ разсказалъ мнѣ такіе ужасы... тамъ вездѣ эпидемія... Нѣтъ, ужъ, мой другъ! поѣдемъ лучше въ Воропановку, а на будущій годъ...

Вельскій. И прекрасно!.. Мы выдадимъ замужъ Оленьку, устроимъ всѣ наши дѣла, такъ и ѣхать-то будетъ веселѣе... Ну, чтожъ, матушка, мѣшкать нечего, благо ужъ мы уложились и лошади готовы...

Вельская. Поѣдемъ, мой другъ!

Оленька (*тихо Сурскому*). Андрей Андреевичъ! Ужъ не волшебникъ-ли вы?

Сурскій (*также*). Да, на этотъ разъ, я поворожилъ удачно.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Яковъ (*въ дорожной курткѣ*).

(За кулисами слышенъ колокольчикъ).

Яковъ. Лошади готовы.

Вельскій. Идемъ.

Яковъ. Да, Авдотья Никифоровна Сусликова изволила пріѣзжать.

Вельская. Сусликова?... Зачѣмъ?...

Яковъ. Я доложилъ ей, что вы не принимаете, вотъ онѣ и говорятъ: „скажи своей барынѣ, я, дескать, Марья Алексѣевна, пріѣзжала вамъ сказать, что мы также съ мужемъ ѣдемъ въ Парижъ“...

Вельская. Въ Парижъ?... Сусликова ѣдетъ въ Парижъ?!... Ахъ сумасшедшая! Вотъ дурато, подумаешь... Чтожъ она хочетъ и мужа и дѣтей по міру пустить?...

Вельскій. И, матушка!... Какое намъ до нихъ дѣло—да пусть себѣ ѣдутъ хоть въ Китай!

Вельская. Вамъ это ничего, Иванъ Тихоновичъ?... Но согласитесь, что для меня очень обидно; я ѣду въ Воропановку, а Сусликова въ Парижъ...

Сурскій. Да что вы ей вѣрите?... Проживутъ мѣсяца три въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городишкѣ, а тамъ и станутъ говорить: хотѣли было проѣхать въ Парижъ, да здоровье не позволило.

Вельская. А что вы думаете? Отъ нея станется.

Сурскій. Да ужъ повѣрьте мнѣ; я знаю эту Сусликову, такая хвастунья, что не приведи Господи!

Вельскій. Ну, чтожъ, ѣдемте!

Вельская. Сейчасъ, мой другъ! (*Матренѣ*). Подай! (*Беретъ шляпу и надѣваетъ передъ зеркаломъ*).

Вельскій (*тихо Сурскому*). Ну, Андрей Андреевичъ! Исполать вамъ!... Какъ это вы уговорили мою больную?...

Сурскій. А, кстати! Какъ бишь зовутъ доктора, который приговорилъ вашу барыню къ чахоткѣ?

Вельскій. Ѳома Ѳомичъ Дупельшнепъ. А на что вамъ?

Сурскій. Да почему знать, можетъ быть и я попаду къ нему въ руки...

Вельскій. Такъ чтожъ?...

Сурскій. А вотъ что, Иванъ Тихоновичъ: если онъ скажетъ, что у меня чахотка, такъ я стану лѣчиться отъ водяной.

Вельская. Вотъ и я готова!

Сурскій (*подаетъ руку Вельской*). Позвольте васъ посадить въ карету!

Вельскій. Ступай, Оленька! (*Всѣ уходятъ въ среднія двери*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Яковъ и Шарлота Карловна (*выходитъ съ лѣвой стороны; у нея въ рукахъ огромный дорожный мѣшокъ*).

Яковъ. Ахъ, батюшки! Да мы нѣмку-то совсѣмъ забыли! Ступайте, Шарлота Карловна, барыня ужъ въ карету садится.

Шарлота Карловна (*не слыша Якова*). Ну, фотъ, наконесъ, ми поѣкаль накранисъ!

Яковъ, Нѣтъ матушка мадамъ; мы ѣдемъ не за море!

Шарлота Карловна. Самаре, что такой самаре?

Яковъ. Сирѣчь, мадамъ, мы не ѣдемъ въ нѣметчину!

Шарлота Карловна. Што, што фи кафарить?

Яковъ. Я говорю, что мы не ѣдемъ заграницу... глухая тетеря!

Шарлота Карловна. Што такой? Мы не ѣхалъ сакранисъ? Какъ не ѣхалъ?...

Яковъ. Да также!

Шарлота Карловна. Ахъ, маинъ Готъ! Маинъ Готъ! Та куташъ ми ѣхалъ?

Яковъ (*наклонясь къ ней надъ ухомъ, кричитъ очень громко*). Въ Ко-стро-му!

КОНЕЦЪ.

(*1850 г.—Представлена въ первый разъ въ Москвѣ 29 января 1850 г.*).

Digitized by Google

Женатый женихъ

комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ первомъ, второмъ и въ четвертомъ дѣйствіи въ домѣ Стародубовой, въ третьемъ—въ домѣ Выхиной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марья Саввишна Стародубская, вдова лѣтъ пятидесяти.
Любенька, ея племянница.
Владиміръ, внучатный ея племянникъ, гусарскій корнетъ.
Елена Саввишна Выхина, старшая ея сестра, дѣвица шестидесяти лѣтъ.
Князь Юрій Ѳедоровичъ Рыльскій, вотчимъ Стародубской.
Марья Дмитріевна Горенская, Арина Дмитріевна Днѣпрова } золовки Стародубской.
Мадамъ Грибушъ.
Иванъ Ильичъ Пыжовъ, двоюродный братъ Стародубской.
Ѳома Ѳомичъ Башлыковъ, зять Горенской.
Графъ Сицкій.
Никаноръ, дворецкій Выхиной.
Прасковья Минишна, экономка Выхиной.
Аксинья, Матрена } горничныя дѣвушки Выхиной.
Слуга Стародубскій.
Слуга Выхиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародубская и Владиміръ.

(*Выходятъ изъ боковыхъ дверей налѣво отъ зрителей*).

Стародубская.

Нѣтъ, нѣтъ и слушать не хочу!

Владиміръ.

Позвольте вамъ сказать...

Стародубская.

Пустыя оправданья!
Ужъ, я-ль тебя, голубчикъ, не учу,
А все ты смотришь въ лѣсъ! Совсѣмъ безъ воспитанья,
Прямой кикимора... Мы съ Любенькой вчера
Не знали дѣлать что. Всѣ пьяны кучера.
Лакеи разошлись, и мы безъ кавалера
Поѣхали на балъ. Всему есть, сударь, мѣра—
Гуляй, да во-время.

Владиміръ.

Да я на этотъ балъ
Поѣхать, тетушка, не могъ—я слово далъ...

Стародубская.

Такому же, какъ ты, быть можетъ, верхолету
Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ трактиръ
Пить пуншъ, вино, а тамъ до самаго разсвѣту
Гулять съ цыганками? Онѣ вѣдь вашъ кумиръ!
Вамъ скучно въ обществѣ съ воспитанной дѣвицей...

Владиміръ.

Ахъ, тетушка!...

Стародубская.

А что?... я правду говорю?
Да я ужъ не сержусь! А вотъ съ твоей сестрицей.
Такъ я тебя не скоро помирю.

Владиміръ.

Кузина такъ добра, она проститъ...

Стародубская.

Едва-ли!...
А какъ на этомъ балѣ
Она была прелестна и мила—
Ну, просто, восхищенье!
Повѣришь-ли, мой другъ, при нашемъ появленьи
Вся зала бальная какъ будто ожила,
И даже баловень московскихъ дамъ, счастливецъ
Графъ Сицкій...

Владиміръ.

Александръ?... мой бывшій сослуживецъ?...

Стародубская.

Ну, да!

Digitized by Google

Владиміръ.

Онъ съ вами былъ?... а я его искалъ
По всей Москвѣ, весь день промыкался напрасно,
Измучилъ лошадей... Ну, если-бы я зналъ...

Стародубская.

Такъ ты поѣхалъ бы на балъ,
Да только не для насъ?... Вотъ это ужъ прекрасно—
И очень вѣжливо!

Владиміръ.

Я съ графомъ долженъ былъ
О дѣлѣ говорить.

Стародубская.

И ты не позабылъ?

Владиміръ.

Нѣтъ, тетушка.

Стародубская.

Такъ вы, сударь, хотѣли
О важномъ говорить съ нимъ дѣлѣ?
Не вѣрю, батюшка!

Владиміръ.

А почему-же нѣтъ?

Стародубскій.

Затѣмъ, что у тебя лишь только туалетъ,
Да вздоры на умѣ—хорошенькій браслетъ
Купить, да щеточекъ, да вычурныхъ гребенокъ.

Владиміръ.

Помилуйте!... да что я за ребенокъ?

Стародубская.

Я это говорю серьезно, не шутя.
Хотя на службѣ ты и вышелъ въ офицеры,
А все-таки ребенокъ и дитя.
Вотъ графъ — совсѣмъ не то: солидныя манеры,
Степенный видъ...

Владиміръ.

Со мной онъ лѣтъ почти однихъ...

Стародубская.

А смотритъ женихомъ—и нечего: женихъ!
Зато и вся Москва какъ будто взбѣленилась;
Всѣ маменьки глядятъ ему въ глаза.
Ужъ какъ вчера моя золовушка срамилась
Съ своею Зеничкой; ну, сущая коза—
Вотъ такъ и прыгаетъ за графомъ!
Я запретила-бъ ей подъ самымъ строгимъ штрафомъ
На балы вывозить свою нахалку дочь:
Ее вчера при мнѣ какой-то франтикъ
Зоветъ на вальсъ—куда! нейдетъ отъ графа прочь!
А мать поправитъ ей цвѣтокъ, приколетъ бантикъ,
И то, и се!... Ужъ какъ ее коверкала:
Поставитъ противъ зеркала,
Начнетъ обдергивать! а графъ-то, чай, хохочетъ,
Взглянуть на нихъ не хочетъ—
Все съ Любенькой—съ одной лишь съ нею танцовалъ.
Ну, будетъ же онъ помнить этотъ балъ!

Владиміръ.

А что?

Стародубская.

Да кажется онъ Любенькой плѣнился,
А вѣдь отъ этого недолго до вѣнца;
У графа матери ужъ нѣтъ, и нѣтъ отца,
Такъ что ему? Задумалъ и женился.
А нечего сказать, нарядный женишокъ!
Наружности пріятной,
И вовсе не такой мѣшокъ
Какъ ты, мой другъ; фамиліи презнатной,
И видно по всему—примѣрный будетъ мужъ;
Въ столицѣ станетъ жить, въ московскомъ лучшемъ свѣтѣ,
А сверхъ того пять тысячъ душъ,
И только-что пятьсотъ заложены въ Совѣтѣ.

Владиміръ (*улыбаясь*).

Такъ вы ужъ знаете?

Стародубская.

А чтожъ, мой другъ—пора
Мнѣ эти вещи знать—Ѳома Ѳомичъ вчера
При мнѣ какимъ-то двумъ старухамъ
Объ этомъ говорилъ. Конечно, не всегда
Намъ должно вѣрить слухамъ...
Да вотъ не такъ давно—ты не былъ здѣсь тогда—
Я слышала, что будто-бъ на Лужницкой
Жениться хочетъ графъ... Ну, вотъ, что на Мясницкой
Живетъ у Покрова.
Бывало съ мужемъ все, безсрочнымъ генераломъ,
Таскается вездѣ по баламъ.
Теперь она вдова.

Владиміръ.

Чтожъ этотъ слухъ?

Стародубская.

Одно лишь пустословье.
Съ Лужницкой графъ когда-то былъ знакомъ,
А нынче даже о здоровьѣ
Не хочетъ справиться и къ ней не ѣздитъ въ домъ.
Ну, можетъ быть—конечно, это хуже—
Онъ съ ней любезничалъ при мужѣ.
А вѣдь теперь не то—она вдова—такъ графъ
Взялся за умъ и держится подальше
Отъ этой генеральши.
И въ этомъ онъ, конечно, правъ.
Она вѣдь чортъ! умна, хитра, а что за нравъ...
Какая наглая манера!...

Владиміръ.

Я слышалъ, что она собою хороша.

Стародубская.

Такъ чтожъ отъ этого?... Хоть будь она Венера,
А мужу все бѣда. Да знаешь-ли, душа,

Digitized by Google

Что нравная жена, не легче шпанской мухи—
До смерти надоѣстъ. Женись-ка на вострухѣ,
На русской, батюшка, Жоржъ Зандъ,
Такъ взвоешь голосомъ и милости попросишь;
Жена вѣдь не башмакъ—ее съ ноги не сбросишь.
А, вотъ и Любенька идетъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Любенька.

Любенька.

Bonjour, ma tante!

Стародубская.

Куда на ласки ты, мой другъ, не таровата:
Все теткою зовешь.

Любенька.

Ошиблась, виновата!
Bonjour, maman!

Стародубская.

Ну, какъ спала ты ночь?

Любенька.

Да вовсе не спала, а только забывалась.

Владиміръ.

Bonjour, cousine!

Любенька.

Подите, сударь, прочь!

Стародубская.

И, матушка! ему ужъ отъ меня досталось;
Не гнѣвайся!

Любенька.

Я вовсе не сержусь.
(*Владиміру*). Да не подумайте, что я безъ васъ скучала,
Спросите маменьку...

Стародубская.

Въ свидѣтели гожусь;
Немного гнѣвалась сначала,
А тамъ себя прекрасно ты вела,
Была отмѣнно весела—
Все съ графомъ Сицкимъ танцовала,
Который отъ тебя на шагъ не отходилъ.
А что, мой другъ, вѣдь графъ...

Любенька.

Уменъ и очень милъ.

Стародубская.

Не правда-ль, Любенька, что въ залѣ было тѣсно,
А несмотря на то—онъ танцовалъ...

Любенька.

Чудесно!

Стародубская.

И все, мой другъ, съ тобой!... Однакожъ, мнѣ пора...

Любенька.

Куда вы, маменька?

Стародубская.

Я ѣду со двора
Визиты сдѣлать остальные,
И надобно спѣшить. Сегодня всѣ родные
Ко мнѣ пріѣдутъ на совѣтъ.

Любенька.

Охота вамъ!

Стародубская.

Нельзя, мой другъ!—великъ отвѣтъ.
Тутъ надо поступать умно и осторожно.
Пускай поговорятъ.

Любенька.

А мнѣ послушать можно?

Стародубская.

Узнаешь послѣ все. Теперь, моя душа,
Ступай съ Володей въ паркъ.

Любенька.

Да я бы не хотѣла...

Стародубская.

А какъ-же ты вчера...

Любенька.

Вчера—другое дѣло.

Стародубская.

Охъ, трехъ-бунчужный мой паша!
Всегда по своему!

Любенька.

Да я-жъ и не одѣта.

Стародубская.

Успѣешь, матушка!

Владиміръ.

Ахъ, тетушка, она
Все сердится.

Стародубская.

Пройдетъ! (*Звонитъ въ колокольчикъ; входитъ слуга*).
Готова-ли карета?

Слуга.

Давно ужъ подана.

Стародубская.

Такъ я отправлюся—да, кстати,
Зачѣмъ вамъ ѣхать въ паркъ—тамъ очень много знати.
За то какая пыль! Ступайте лучше въ лѣсъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Стародубской.

Любенька.

Что этотъ родственный конгрессъ

Digitized by Google

Сбираютъ для меня—оно весьма понятно,
И къ этому привыкла я давно;
Ну, чтожъ! вчера мнѣ было-бъ непріятно,
Сегодня... все равно.

Владиміръ.

Ты сердишься, мой другъ—а знаешь-ли, гдѣ я
Провелъ вчерашній день?

Любенька.

Съ цыганами въ трактирѣ.

Владиміръ.

Какая клевета!

Любенька.

Нѣтъ, тетушка моя
Не лжетъ.

Владиміръ.

Она?... да есть-ли въ цѣломъ мірѣ
Такая сплетница!... Все это сущій вздоръ.
Я былъ вчера...

Любенька.

Къ чему весь этотъ разговоръ?
Конечно, я глупа. Ну, что я, въ самомъ дѣлѣ,
За что сержусь?... Отъ васъ должна я все снести;
И что тутъ важнаго? Со мной вы не хотѣли
Вчерашній вечеръ провести,
Оставили одну, покинули, забыли,
И не дивлюсь—ужъ вы ко мнѣ давно остыли;
Хотя-бъ подумали о томъ,
Что въ первый разъ я ѣду къ Сурскимъ въ домъ,
Что тамъ я сирота...

Владиміръ.

Эме, да ради Бога
Позволь сказать...

Любенька (*не слушая*).

Что тамъ бываетъ много
Любезныхъ молодыхъ людей,
Что этотъ ловеласъ, прелестникъ, чародѣй.
Графъ Сицкій, можетъ тамъ сойтись со мной,
влюбиться...
Что я сама... Нельзя вѣдь объ закладъ побиться—
Я женщина... Да нѣтъ!—вамъ это не опасно,
Вы знаете, какъ страстно,
Какъ пламенно я васъ люблю;
Такъ этимъ я себя не погублю.
Нѣтъ, нѣтъ! Вы правы, точно,
Отъ васъ должна я все сносить
И только объ одномъ просить,
Чтобъ вы позволили—и денно мнѣ, и нощно
О васъ мечтать и васъ любить—хотя заочно;
Для васъ покинуть все—родныхъ, друзей,
весь міръ.
А вы, мой будущій отецъ и командиръ,
Ужъ если ваша милость будетъ,
Не брезгайте своей женой—
Хоть такъ ее любите, мой родной,
Какъ любятъ женъ у насъ, въ простонародьи.
Простите, ваше благородье!
Сердилась я по глупости одной.

Владиміръ.

Ахъ, Любенька!

Любенька.

Повѣрите-ль, мнѣ стыдно
Взглянуть на васъ.

Владиміръ.

Да это ужъ обидно—
Я правъ, а вы смѣетесь надо мной.

Любенька.

Помилуйте! и въ мысляхъ не имѣю;
Я что? Я дѣвушка, а вы гусаръ и хватъ!
Вамъ все позволено.

Владиміръ.

Теперь ужъ я не смѣю
Напомнить вамъ...

Любенька.

О чемъ!

Владиміръ.

Что внучатый вашъ братъ,
Который съ дѣтства былъ вамъ другомъ,
Сегодня долженъ быть...

Любенька.

Ну, да! моимъ супругомъ?
Отъ этого всю ночь я не спала.

Владиміръ.

Смотри-же, Любенька! Ты слово ужъ дала.

Любенька.

А вѣдь сдержать его—совсѣмъ другое дѣло.
Конечно, еслибъ я теперь и не хотѣла
Съ тобою убѣжать, такъ послѣ захочу;
Быть можетъ, дорого за это заплачу—
Да что съ тобою?—вѣдь ты, пожалуй, такъ завоешь,
Что вонъ бѣги?... Да нѣтъ—ты этого не стоишь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же мадамъ Гривушъ.

Мадамъ Грибушъ.

Отъ Цыхлера вамъ платье принесли.

Любенька.

Отъ Цыхлера? Неужели поспѣло?
Сейчасъ! (*Владиміру*). Вы слышали, о чемъ мнѣ донесли?
Такъ не прогнѣвайтесь: для женщинъ это дѣло
Важнѣй всего. (*Уходитъ вмѣстѣ съ мадамъ Грибушъ*).

Владиміръ.

Эхъ, Любенька, нашла
Ты время... погоди!... постой, мой другъ!...

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Владиміръ (*одинъ*).

Владиміръ.

Ушла!
Охъ, эти женщины! Ну, вотъ, за что напала?
За что разгнѣвалась?... Я думаю, вчера
Мнѣ вовсе было не до бала—
Я долженъ былъ, чѣмъ свѣтъ, уѣхать со двора,
Туда сюда кидаться,
Уладить все и съ Сицкимъ повидаться...
Да чтожъ не ѣдетъ онъ?... вѣдь, кажется, пора...
Хотя мой сослуживецъ ратный
Всегда былъ человѣкъ не очень аккуратный,
Но вѣрно ужъ теперь, товарища любя,
Забудетъ о своихъ привычкахъ...
А!... вотъ и онъ!...

Гафъ Сицкій (*за кулисами*).

Владиміръ у себя?

— — —

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Владиміръ и графъ Сицкій.

Графъ Сицкій (*входя*).

Фу, батюшки!... да ты у чорта на куличкахъ
Изволишь жить!... Ужъ я тебя искалъ-искалъ!

Владиміръ.

Ну, что, мой другъ?

Графъ Сицкій.

Давай шампанскаго бокалъ!...
Иль нѣтъ: заплачь, гусаръ!... Часъ горестный и слезный
Насталъ ужъ для тебя—ты женишься, любезный!

Владиміръ.

Такъ все улажено?

Графъ Сицкій.

Да, милый, не тоскуй!
Васъ будутъ въ паркѣ ждать—и, этакъ, часу въ пятомъ
Сорвешь ты брачный поцѣлуй.
Я приказалъ моимъ ребятамъ
Лошадокъ не беречь. Дошло до кутерьмы,
Такъ не зѣвай!

Владиміръ.

А гдѣ-жъ вѣнчаться будемъ мы?

Графъ Сицкій.

Въ моей ближайшей подмосковной—
Всего лишь десять верстъ.
Послушай другъ: хоть я тебѣ не кровный,
Не родственникъ—да ты вѣдь здѣсь одинъ—какъ перстъ!
(*Кланяется*). Такъ ужъ позвольте мнѣ отцомъ быть посаженымъ.

Владиміръ (*также кланяясь*).

Помилуйте! себя почту я одолженнымъ.

Графъ Сицкій.

Да если ужъ на то пойдемъ,
Такъ посаженую и матушку найдемъ—
А барыня какая!
Красавица, мой другъ!

Владиміръ.

Да кто-жъ она такая?

Графъ Сицкій.

Моя жена.

Владиміръ.

Жена?... да развѣ ты женатъ?

Графъ Сицкій.

Другой ужъ мѣсяцъ.

Владиміръ.

Какъ?...

Графъ Сицкій.

Нѣтъ, милый, виноватъ!...
Сегодня ровно два.

Владиміръ.

Возможно-ли?... Графъ Сицкій,
Губитель всѣхъ сердецъ...

Графъ Сицкій.

Женатъ, мой другъ.

Владиміръ.

На комъ?

Графъ Сицкій.

На Софьѣ Павловнѣ Лужницкой.

Владиміръ.

На этой вдовушкѣ? и къ ней не ѣздишь въ домъ?

Графъ Сицкій.

Такъ чтожъ?

Владиміръ.

И бѣдная твоя жена не плачетъ?

Графъ Сицкій.

Напротивъ—очень весела!

Владиміръ.

Такъ вѣрно у тебя...

Графъ Сицкій.

Ни разу не была?
Зачѣмъ, мой другъ?

Владиміръ.

Чтожъ это значитъ?

Графъ Сицкій.

А вотъ, Владиміръ, что: со мною подъ вѣнецъ
Она не шла за тѣмъ, что цѣлый годъ хотѣла

Digitized by Google

Свой трауръ не снимать. Мнѣ это надоѣло.
Я къ ней приставалъ, а мнѣ помогъ ея отецъ,
И Софья Павловна рѣшилась обвѣнчаться;
Но только съ тѣмъ, чтобъ это былъ секретъ
Для всей Москвы. Чтобъ цѣлый свѣтъ
Увѣренъ былъ, что мы встрѣчаться
Другъ съ другомъ не хотимъ...

Владиміръ.

Такъ ты, несчастный мужъ,
Живешь теперь въ изгнаньи?

Графъ Сицкій.

Несчастный?... Почему-жъ?

Владиміръ.

Помилуй, Александръ, да это наказанье!
Ну, что твоя жена?... Одинъ лишь призракъ, тѣнь,
Мечта, которую во снѣ ты обнимаешь...

Графъ Сицкій.

А если наяву?

Владиміръ.

Такъ ты у ней бываешь?

Графъ Сицкій.

Ужъ я сказалъ, что нѣтъ; а вижусь каждый день!

Владиміръ.

Какой же способъ ты нашелъ?

Графъ Сицкій.

Да такъ; секретный
Въ Москвѣ художникъ есть портретный
И живописецъ не дурной;
Онъ очень коротко знакомъ съ моей женой
И занимается теперь ея портретомъ...

Владиміръ.

Такъ Софья Павловна...

Графъ Сицкій.

Бываетъ у него.
Вѣдь это, кажется, не значитъ ничего,
И обвинять ее не станутъ въ этомъ.

Владиміръ.

А что, съ художникомъ, конечно, вы друзья?

Графъ Сицкій.

Ну, да!... оно довольно вѣроятно
И даже мнѣ любить его весьма пріятно:
Вѣдь этотъ живописецъ — я!

Владиміръ.

Неужели?

Графъ Сицкій.

А что?—придумано изрядно?
Квартирка у меня, не то чтобы нарядна,
Однакожъ, недурна: картинки по стѣнамъ
Не хитрыя, и даже все безъ рамъ;
На мебели истертый плисецъ...
Да дѣлать нечего—я круглый сирота
И бѣдный живописецъ!
Въ одеждѣ у меня все та же простота;
Поношенный сюртукъ, пальто, довольно узкій
Шалоновый картузъ, съ изъянцемъ сапоги;
А ужъ объ глянцовыхъ и думать не моги!
Ну, словомъ, я художникъ русскій,
Иванъ Степанычъ Пѣтуховъ.

Владиміръ.

Все это хорошо, да только не для мужа;
Хоть слякоть на дворѣ, хоть дождь, гроза, иль стужа,
А ты ступай...

Графъ Сицкій.

Я вижу, братъ, стиховъ
Ты не писалъ и не былъ вѣкъ поэтомъ;
Да знаешь-ли, что въ этомъ
Блаженство я и счастье нахожу.
Съ законною женою секретное свиданье—
Да это кладъ, очарованье!
Я тутъ минутой дорожу,
Другимъ тоска, а мнѣ что день, то новый праздникъ!

Владиміръ.

Ты все такой же, братъ, проказникъ,
Какимъ и прежде былъ.

Графъ Сицкій.

Я, кажется, тебѣ сказать забылъ,
Что трауръ кончился и завтра же въ сословье
Счастливѣйшихъ вступаю я мужей—
Какая пища для злословья
Московскихъ сплетницъ и вралей.
Ужъ вѣрно скажутъ всѣ:—„Для дѣла, знать, плохова
„Подъ именемъ скрывался Пѣтухова
„Пріѣзжій этотъ графъ“! Придумаютъ, наврутъ;
Какъ рекрута меня поставятъ въ мѣру,
Всего по жилкамъ разберутъ,
Отправятся смотрѣть мою квартеру...

Владиміръ.

А гдѣ она!

Графъ Сицкій.

Охъ, братецъ, далеко!
Дойти въ одинъ пріемъ не можно безъ снаровки.

Владиміръ.

Да гдѣ-жъ она?

Графъ Сицкій.

Между Мясницкой и Покровки!
За то не высоко
Я въ первомъ жилъ этажѣ.
И что за домъ!... Я думаю, что гаже
Во всей Москвѣ ты не найдешь.
А, впрочемъ, домъ кирпичный
О трехъ жильяхъ и даже есть приличный
Фронтонъ съ колоннами, весь домъ биткомъ набитъ
Рабочими людьми, есть также цеховые
Сапожники, портные
И даже иногда ужасно какъ трубитъ
Какой-то тромбонистъ: отъ этого содома

Digitized by Google

Чего не можно ждать--нашлись бы удальцы,
Да есть на нихъ гроза—хозяйка дома:
Ее трепещутъ всѣ жильцы.

Владиміръ.

А кто она?

Графъ Сицкій.

Престарая дѣвица.

Владиміръ.

Дѣвица?

Графъ Сицкій.

Выхина.

Владиміръ.

Ну, такъ есть: она!
Родная тетушка и старшая сестрица,
Елена Саввишна.

Графъ Сицкій.

Вотъ, братецъ, создана
Командовать: при мнѣ случалися примѣры—
Хоть крошечку не такъ, тотчасъ долой съ квартеры.
Теперь, мой другъ, когда приходитъ все къ концу,
Позволь узнать, зачѣмъ увозишь ты кузину?

Владиміръ.

Не трудно отгадать причину.

Графъ Сицкій.

Ты вѣрно сватался, и, видно, молодцу
Забрила тетушка затылокъ?

Владиміръ.

Мнѣ свататься?... помилуй!... да тогда
Пришлось бы съ Любенькой разстаться навсегда.
Вѣдь тетушкѣ гожусь я только для посылокъ
И для комиссій лишь однихъ.
Таскаюсь вслѣдъ за ней, съ лорнеткой, съ опахаломъ.
Такой ли надобенъ для тетушки женихъ?
Добро бъ я былъ въ чинахъ—положимъ, генераломъ,
Но я корнетъ, бѣднякъ, безъ родственныхъ связей!
А этой мелкотой она всегда гнушалась.

Графъ Сицкій.

Такъ тетушка твоя...

Владиміръ.

На знати помѣшалась.
Ей графовъ подавай! сіятельныхъ князей!
А если кто ничѣмъ не свѣтитъ,
И только-что нашъ братъ армейскій офицеръ—
Такъ онъ ей ни почемъ. Вотъ ты бы, напримѣръ...

Графъ Сицкій.

А что?

Владиміръ.

Да на кого-жъ она теперь и мѣтитъ?

Графъ Сицкій.

Неужъ-то на меня?

Владиміръ.

Ну, да! Ты поводъ далъ—
Вчера ты съ Любенькой весь вечеръ танцовалъ!

Графъ Сицкій.

Такъ чтожъ?

Владиміръ.

Потомъ, когда она устала,
Ты къ ней подсѣлъ, на шагъ не отходилъ,
И, вѣрно, подъ-руку по комнатамъ водилъ.

Графъ Сицкій.

Такъ чтожъ изъ этого?

Владиміръ.

Да развѣ это мало?
Да это: знаешь-ли, ужъ дѣло на пути.
Нѣтъ, батюшка! у насъ ты этимъ не шути.
Такое, сударь, поведенье,
По-нашему, почти-что предложенье.
Вотъ я, такъ ничего, я—бѣдный Еремей;
А ты съ дѣвицами любезничать не смѣй!

Графъ Сицкій.

Что дѣлать, виноватъ!... на балѣ я плѣнился
Твоей невѣстою. Я съ ней заговорился.
Ну, прелесть какъ умна! Какой веселый нравъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Стародубская *(входитъ и останавливается позади)*.

Владиміръ *(не замѣчая тетки)*.

Не правда-ли?

Стародубская.

Что вижу!... Графъ?

Графъ Сицкій.

Головка у нее изъ Грезовой картины.
А что за талія!... да отъ твоей кузины
Я вовсе безъ ума!

Стародубская.

О-го!...

Владиміръ *(увидѣвъ Стародубскую)*.

А вотъ и тетушка сама!
(*Подводитъ къ ней графа*). Графъ Сицкій, тетушка!

Стародубская.

Я съ графомъ ужъ знакома...

Графъ Сицкій *(кланяясь)*.

Давно хотѣлъ имѣть я честь...

Стародубская.

Володя, потрудись. (*Владиміръ подвигаетъ кресла*). Прошу покорно сѣсть!

Digitized by Google

Какъ рада я, что вы меня застали дома!
(*Всѣ садятся*). А что, вы долго, графъ, пробудете въ Москвѣ?

Графъ Сицкій.

Мнѣ надобно недѣли черезъ двѣ
Отправиться въ Тамбовъ; а, впрочемъ, я увѣренъ,
Что скоро ворочусь. Я здѣсь пожить намѣренъ,
Не знаю, долго-ли...

Стародубская.

И долго не бѣда.

Графъ Сицкій.

А можетъ-быть останусь навсегда!

Стародубская.

Останьтесь, графъ!... въ Москвѣ живутъ не скучно
Особенно зимой. Въ жары немного душно,
Да кто жъ вамъ можетъ помѣшать
На дачѣ жить, въ Петровскомъ паркѣ
Открытымъ воздухомъ дышать,
Гулять, пить чай, курить сигарки...
А дачи—прелесть всѣ; одна другой милѣй!
Не даромъ же Москва слыветъ столицей.
Пожалуй, говорятъ, что будто за-границей
Живутъ гораздо веселѣй...
По мнѣ такъ нѣтъ—я это испытала:
Сначала весело, а тамъ счучать я стала;
Конечно, много тамъ всего: цѣлебныхъ водъ,
Картинныхъ галлерей, и разныхъ любопытныхъ
Предметовъ всякихъ и вещей—
Тамъ квасъ не пьютъ, и нашихъ сытныхъ
Не подадутъ вамъ щей,
За то живутъ такъ чисто и опрятно,
Что всякій кажется богатъ;
А сверхъ того какой климатъ!
Вотъ это, признаюсь, отмѣнно какъ пріятно!
Пойдешь гулять—не лѣтомъ, а зимой—
Накинешь на себя косынку,
Тепло!... а все тоска; все хочется домой.
Повѣрите-ль—вотъ такъ и тянетъ на Ордынку!
Вы скажете, что я стара,
Люблю покой. Прійдетъ и ваша, графъ, пора;
Теперь вамъ скука неизвѣстна;
Васъ все на свѣтѣ веселитъ;
Живете вы чудесно—
Къ вамъ каждый день толпа пріятелей валитъ.
Вы, вѣрно, любите художества, искусства...
Но вѣчно одному нельзя же, графъ, прожить.
Захочете себя семействомъ окружить,
Найдете по-сердцу жену—вѣдь это чувство...

Графъ Сицкій.

Весьма понятное...

Стародубская.

Оно у насъ въ крови.

Графъ Сицкій.

Конечно, иногда бываютъ неудачи,
Но еслибъ всѣ женились по любви...

Стародубская.

У насъ въ Москвѣ не женятся иначе.

Графъ Сицкій.

Жениться надобно; а если кто богатъ,
Такъ это даже долгъ.

Стародубская.

И я того же мнѣнья.
Женатый человѣкъ достоинъ уваженья
Ужъ потому, что онъ женатъ.

Графъ Сицкій.

Замѣтьте, добрый мужъ всегда здоровъ и тученъ,
А это потому, что онъ благополученъ.

Стародубская.

Вы правы, графъ!

Графъ Сицкій.

Вѣдь въ жизни лишь одно
Блаженство намъ дано:
Подруга милая, семья, родныя дѣти...

Стародубская.

Другого счастья нѣтъ на свѣтѣ.

Графъ Сицкій.

Они всегда при мнѣ, всегда со мной.
А эта жизнь...

Стародубская.

Да просто рай земной!

Графъ Сицкій.

И что за жизнь, скажите, холостого?
Съ кѣмъ задушевное подъ часъ промолвитъ слово,
Кого онъ другомъ назоветъ?
Онъ круглый сирота...

Стародубская.

А если онъ, сердечный,
До старости глубокой доживетъ?
Такъ что тогда?

Графъ Сицкій.

Да, просто—адъ кромѣшный.

Стародубская.

Ахъ, графъ, какой у васъ глубокій умъ,
Какія правила, какое разсужденье!

Графъ Сицкій.

Все это слѣдствіе моихъ сердечныхъ думъ.

Стародубская.

Всѣ женщины отъ васъ должны быть въ восхищеньи!
Да съ вами не кого поставить на ряду!
Володинька, учись! Конечно, въ твои лѣта
Жениться я тебѣ не дамъ совѣта,
А это, такъ, для переду.
Вѣдь надобно стужить при состояньи маломъ—
Я эту пѣсеньку давнымъ давно тяну:
„Служи, мой другъ!“ а вотъ какъ будешь генераломъ,
Такъ мы тогда найдемъ тебѣ жену.

Digitized by Google

Владиміръ.

Да развѣ оберъ-офицеромъ
Нельзя жениться никогда?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Любенька (*графъ встаетъ и кланяется*).

Стародубская.

А, Любенька!.. тебя съ вчерашнимъ кавалеромъ
Знакомить нечего. Садись, мой другъ, сюда!
(*Любенька садится подлѣ графа*).
Мы съ ней вчера съ больными головами
Пріѣхали домой.

Графъ Сицкій.

А я такъ не усталъ;
Я вслѣдъ отправился за вами
На раутъ къ Лидинымъ, и все еще засталъ
Премножество гостей; а это поздно было—
Часу ужъ во второмъ...

Стародубская.

Ахъ, Вольдемаръ, забыла
Спросить тебя: ты ѣздилъ ли въ Совѣтъ?

Владиміръ.

Въ Совѣтъ?.. Зачѣмъ?

Стародубская.

Одинъ билетъ
Перемѣнить, другой взять новый.

Владиміръ.

Билетъ?

Стародубская.

Ну, да! Вѣдь тамъ проценты не дарятъ.
Позвольте, графъ! (*Графъ привстаетъ и кланяется; Стародубская отводитъ къ сторонѣ Владиміра*). Какой ты безтолковый!
Пускай поговорятъ.
(*Начинаютъ говорить шопотомъ*).

Графъ Сицкій (*Любенькѣ*).

Я васъ вездѣ искалъ, старался ежедневно
Васъ встрѣтить гдѣ-нибудь.

Любенька.

Меня?

Графъ Сицкій.

Ну да, Любовь Сергѣвна.

Стародубская (*громко Владиміру*).

Смотри, въ Уѣздный Судъ заѣхать не забудь.

Графъ Сицкій.

На это есть преважныя причины.
На балѣ съ вами я бесѣдовать не могъ;
Насъ слушали со всѣхъ сторонъ—у вашихъ ногъ
Лежали всѣ мужчины;
За мной всѣ маменьки измучились въ ходьбѣ;
Теперь могу я вамъ сказать о томъ участьи,
Которое беру я въ вашемъ счастьи
И вашей будущей судьбѣ.

Стародубская (*громко Владиміру*).

Уѣздный Судъ совсѣмъ что-ль вымеръ?
Найдешь кого-нибудь.

Графъ Сицкій.

Просилъ ли васъ Владиміръ
Не отвергать моихъ услугъ?

Любенька.

Ахъ, Боже мой!.. такъ вы тотъ другъ...

Графъ Сицкій.

Который долженъ быть отцомъ на вашей свадьбѣ.
Сегодня въ пять часовъ, иль въ шесть въ моей усадьбѣ
Вы обвѣнчаетесь и къ вашей я роднѣ
Поѣду самъ просить за васъ прощенье.

Любенька.

Ахъ! что должны вы думать обо мнѣ!
И какъ рѣшилась дать Владиміру я слово—
Что будетъ мнѣ отъ всѣхъ родныхъ!

Графъ Сицкій.

Такъ вы для нихъ
Должны губить себя? И что-же тутъ дурного?
Да почему же вашъ Владиміръ не женихъ?

Любенька.

Предметомъ сталъ злословья,
Насмѣшекъ, клеветы...

Графъ Сицкій.

Да это вѣдь удѣлъ ума и красоты.

Любенька.

Москва начнетъ кричать...

Графъ Сицкій.

Такъ что-же? На здоровье,
Пускай кричитъ!... Устанетъ подъ конецъ.

Любенька.

А тетушка?

Графъ Сицкій.

Она проститъ.

Любенька.

Что подъ вѣнецъ
Осмѣлилась идти противъ ея я воли?
— О, вѣчно не проститъ!...

Графъ Сицкій.

Прощаютъ и врагу;
А вы для тетушки своей—злодѣйка, что ли?

Любенька.

Нѣтъ, нѣтъ!... На это я рѣшиться не могу!

Графъ Сицкій.

Ахъ, что вы!... Ради Бога!...

Digitized by Google

Да этимъ можно-ли шутить—
Владиміръ любитъ васъ, такъ долго-ль накутить
Ему? Подумайте немного!
Его отчаянье не будетъ знать границъ.
Да послѣ этого, отъ здѣшнихъ всѣхъ дѣвицъ,
И бѣдныхъ и богатыхъ,
Должны всѣ мы
Бѣжать какъ отъ чумы
И вамъ оставить лишь женатыхъ,
Затѣмъ, что вѣрнаго нѣтъ съ вами ничего:
То солнышко у васъ, то вдругъ, глядишь, ненастье.
Вы все Владиміру:—его кумиръ и счастье,
Блаженство, радость, жизнь, и это у него
Вы разомъ все отнять хотите!
Бѣдняжка былъ такъ счастливъ и такъ радъ!
За чтожъ вы рай ему земной сулите,
Когда готовите такой ужасный адъ!

Стародубская (*тихо Владиміру*).

Фу, батюшки! съ какимъ онъ жаромъ
Съ Любовью говоритъ!... Ну, это ужъ не даромъ:
Онъ по-уши въ нее влюбленъ.

Графъ Сицкій.

Вамъ было надобно объ этомъ думать прежде...
Теперь обманутый въ надеждѣ
На все рѣшится онъ.

Стародубская (*тихо*).

Голубушка моя! Смотри, какъ покраснѣла!
Потупила глаза!... Ну, видно дѣло
Идетъ на ладъ.

Графъ Сицкій.

Что онъ не можетъ жить безъ васъ,
Не вы-ль причиною?

Стародубская (*тихо Владиміру*).

На этотъ первый разъ
Довольно, кажется... (*Подходитъ потихоньку къ графу*).

Графъ Сицкій.

Вина во всемъ не ваша-ль!
Онъ вѣрилъ вамъ, а вы... (*Стародубская кашляетъ, графъ оглядывается*).
У васъ, я вижу, кашель?

Стародубская.

Особенно при времени сухомъ. (*Садится подлѣ графа*).
До смерти надоѣстъ. Что, графъ, вы чай нерѣдко
Гуляете?... у васъ кабріолетка
Ужъ вѣрно есть?

Графъ Сицкій.

Я ѣзжу все верхомъ.

Стародубская.

И Любенька моя большая амазонка.
Верховая ѣзда у ней теперь въ ходу;
У насъ подымется подчасъ такая гонка,
Что мы домой пріѣдемъ какъ въ чаду;
Да это ничего—мы завтра ѣдемъ снова
Въ Царицыно, въ Останкино, въ Кусково;
Гдѣ чай мы пьемъ, гдѣ сливки, молоко.
Сегодня Любенька не ѣдетъ далеко —
Въ Петровскій паркъ.

Графъ Сицкій.

И я хочу туда-же
Отправиться верхомъ.

Стародубская.

Вы ѣдете, когда—
Ужъ вѣрно вечеромъ?

Графъ Сицкій.

Нѣтъ, въ три часа—и даже
Пораньше иногда. Вѣдь модный свѣтъ примѣромъ
Не служитъ мнѣ, по мнѣ верховая ѣзда
Пріятнѣй поутру.

Стародубская.

Хотите-ль кавалеромъ
Вы быть у Любеньки?

Графъ Сицкій.

Я очень буду радъ. (*Встаетъ*).

Стародубская (*также встаетъ и говоритъ въ сторону*).

Вотъ этакъ-то скорѣй добьемся мы развязки!
(*Любенькѣ*). Съ тобою, Любенька, верхомъ поѣдетъ братъ,
За вами вслѣдъ мадамъ Грибушъ въ коляскѣ.

Графъ Сицкій.

Я кой-куда еще съ визитомъ забѣгу.
(*Любенькѣ*). Такъ въ три часа?

Стародубская.

Ее вамъ сдастъ руками
Володенька.

Графъ Сицкій (*откланиваясь*).

Я не прощаюсь съ вами!

Стародубская.

Да, этого сама терпѣть я не могу —
Прошу всегда безъ всякаго прощенья;
Когда знакомствомъ мы взаимно дорожимъ,
Такъ надо говорить: „до скораго свиданья!“

Графъ Сицкій.

О, я надѣюсь быть вамъ вовсе не чужимъ.

Стародубская (*Любенькѣ*).

Ты слышишь?... не чужимъ!... Хорошее словечко!
А онъ вѣдь графъ, мой другъ—уменъ, пять тысячъ душъ!...

Графъ Сицкій (*уходя, Владиміру, который его провожаетъ*).

Съ какой вы ѣдете гулять мадамъ Грибушъ?

Владиміръ.

Француженка—не волкъ, а сущая овечка.
Я съ ней ужъ порѣшилъ—прощай!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ графа Сицкаго.

Стародубская.

Вчера влюбился онъ, а нынче хоть вѣнчай!
Ну, этотъ графъ—женихъ примѣрный!
А что, Володенька, скажи: каковъ мой глазъ?
Тотчасъ замѣтила!

Владиміръ.

На этотъ счетъ у васъ
Всегда былъ взглядъ отлично вѣрный.

Стародубская.

О, въ этихъ случаяхъ я вовсе не глупа.
И опытъ такъ-же мнѣ полезенъ.

Любенька.

И, полноте, maman!

Стародубская.

Да развѣ я слѣпа!
Онъ былъ съ тобой такъ милъ и такъ любезенъ...
На первый разъ нельзя-же быть смѣлѣй.

Любенька.

Такъ милъ!... съ Лужницкою онъ былъ еще милѣй.

Стародубская.

Кто?... графъ?... съ Лужницкою?... Откуда это взяли?
Кто вамъ сказалъ?... когда и гдѣ?

Любенька.

Вчера, на балѣ
Объ этомъ говорилъ...

Стародубская.

Ужъ не Ѳома-ль Ѳомичъ?
Охъ, этотъ Башлыковъ! Онъ вѣчно поретъ дичь—
Болтунъ, дуракъ, разсказчикъ безконечный...

Любенька.

Нѣтъ, маменька, не онъ.

Стародубская.

А кто-жъ?

Любенька.

Иванъ Ильичъ.

Стародубская.

Почтенный братецъ мой, Пенькова другъ сердечный?
Ну, такъ и есть! Да онъ готовъ оклеветать
Не только Сицкаго—отца, родную мать!
Лишь только-бы тебя за этого Пенькова
Просватать какъ-нибудь.

Любенька.

Все это можетъ быть,
Но графу стыдно-бы забыть
Лужницкую—ему на ней жениться должно.

Стародубская.

Ну, вотъ еще! на всѣхъ жениться невозможно!
Да мало-ли кого изъ дамъ онъ посѣщалъ,
Такъ и женись на всѣхъ...

Любенька.

А если обѣщалъ?

Стародубская.

И, матушка!... мужскія обѣщанья
Подчасъ не стоятъ ни гроша.
Лужницкая была когда-то хороша,
Теперь ей тридцать лѣтъ—вдова, безъ состоянья...
Да это бы для всѣхъ престранный былъ сюрпризъ.
И прежде-то болтали все напрасно!
Какая тутъ любовь?—дурачество, капризъ!
А вѣдь тебя, мой другъ, онъ любитъ страстно.

Любенька.

Кто разъ клялся въ любви, тому влюбиться вновь
Не слѣдуетъ, maman,—онъ чести измѣняетъ

Стародубская.

И, Любенька! чего не извиняетъ
Такая страстная любовь!
Вѣдь графъ въ тебя влюбленъ, какъ сумасшедшій.

Любенька.

И этимъ вы его хотите оправдать?

Стародубская.

А какъ же, душенька? Вотъ то-то, нападать
Вы любите на вѣкъ прошедшій.
А сами что?... Въ нашъ вѣкъ, хоть не было дѣвицъ
Ученыхъ, какъ теперь—какихъ-то львовъ, да львицъ;
Въ профессоры не шли, не бредили искусствомъ,
Хоть были и тогда отличные умы,
За то мы знали страсть! Съ какимъ, я помню, чувствомъ
Прелестнѣйшій романсъ пѣвали мы:

„Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ“.

Вы нынче скажете, что это не резонъ,
Что страсть должна покорна быть разсудку,
За то любовь теперь считаете за шутку.
А, кстати, Любенька, сегодня амазонъ
Какой надѣнешь ты?

Любенька.

Я думаю зеленый.

Стародубская.

Да развѣ у тебя другого платья нѣтъ?
У этого какой-то грязный цвѣтъ,
Ни то, ни се—ну, точно запыленный.
Твой синій амазонъ и лучше, и новѣй,
Да этотъ же и цвѣтъ пріятнѣй и живѣй
Зеленаго.

Digitized by Google

Любенька.

Я въ немъ не такъ свободна—
Онъ узокъ мнѣ... а, впрочемъ, какъ угодно.

Стародубская.

Что за узокъ—ничего!... за то къ тебѣ идетъ;
Да не пора-ль тебѣ заняться туалетомъ?
Чу? слышишь-ли! двѣнадцать бьетъ...
Пора, мой другъ, что толку будетъ въ этомъ,
Когда нашъ графъ съ тоски умретъ.
Вѣдь безъ тебя ему Петровскій паркъ—пустыня!

Любенька.

Такъ я пойду, maman.

Стародубская.

Ступай, моя графиня! (*Любенька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Любеньки.

Стародубская.

Ну что, Володенька, послалъ ли ты въ манежъ?

Владиміръ.

Давно ужъ, тетушка.

Стародубская.

А лошади?

Владиміръ.

Все тѣ-жъ,
Что въ прошлый разъ—я такъ уговорился.

Стародубская.

Такъ чтожъ ихъ не ведутъ? Теперь ужъ первый часъ.

Владиміръ.

Да, тетушка, пора.

Стародубская.

Такъ ты бы потрудился
И съѣздилъ самъ, мой другъ; а то, пожалуй, васъ
Продержатъ три часа и ихъ пришлютъ къ обѣду.
Ступай, Володенька, скорѣй.

Владиміръ.

Сейчасъ поѣду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Стародубская одна.

Стародубская (*звонитъ въ колокольчикъ, входитъ слуга*).

Чужимъ всѣмъ говори, Федотъ, что дома нѣтъ,
А всѣхъ родныхъ проси въ большой мой кабинетъ.
(*Уходитъ налѣво отъ зрителей*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Кабинетъ Стародубской).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародубская и слуга (*разставляетъ кресла*).

Стародубская.

Не такъ!... подвинь впередъ!... всѣ рядомъ ставь...
Чтобъ мѣста не было пустого!...
Большія кресла тутъ!... а столикъ здѣсь оставь!
Ступай!... (*Слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Стародубская и Любенька (*въ синемъ амазонѣ и круглой шляпѣ*).

Стародубская.

А, Любенька! ужъ ты, мой другъ, готова?

Любенька.

Готова, маменька.

Стародубская.

А что же Вольдемаръ?

Любенька.

И онъ готовъ... какой сегодня жаръ.

Стародубская.

Да, время хорошо и дома оставаться
Теперь грѣшно... Позволь тобой полюбоваться!
Какъ этотъ амазонъ къ тебѣ, мой другъ, пристalъ!
Ну, жаль, что въ немъ нельзя отправиться на балъ—
Ужъ вѣрно-бъ, Любенька, ты всѣхъ заполонила...
Однако, вамъ пора, ужъ часъ давно пробило.
Послушай, Любенька: ты съ графомъ все была
Вчера любезна и мила,
Такъ будь же и теперь. Дѣвицу украшаетъ
Улыбка, взглядъ, пріятный разговоръ,
Подчасъ одинъ удачный взоръ
Ея судьбу на вѣкъ рѣшаетъ.
Вѣдь въ этихъ случаяхъ снаровочка нужна.

Любенька.

Такъ съ графомъ я кокетничать должна?

Стародубская.

Ну, чтожъ, мой другъ, — немножко не мѣшаетъ.

Любенька.

Да знаете-ль, maman, я ѣхать не хочу.

Стародубская.

Вотъ новости?... Опять за то-же?

Digitized by Google

Помилуй, матушка, на что это похоже?
Я за тебя какъ дура хлопочу,
А ты все поперекъ!

Любенька.

Да близко ли до парка,
А на дворѣ такая духота.

Стародубская.

Пустое, вздоръ!... совсѣмъ не жарко!

Любенька.

Да я жъ не выспалась, устала...

Стародубская.

Въ твои лѣта
Не устаютъ.

Любенька.

Нельзя-ль до будущей недѣли...

Стародубская.

Да чтожъ ты хочешь, въ самомъ дѣлѣ,
Компрометировать меня?
Вѣдь графа про тебя не я ль просила лично
Съ тобою ѣхать въ паркъ, а онъ вѣдь не родня
Покамѣстъ намъ—его, надѣюсь, неприлично
Мальчишкой трактовать.

Любенька.

А если я больна?

Стародубская.

Капризомъ, матушка, ты этимъ нездорова
Сегодня цѣлый день. Мы дали графу слово
И взять его назадъ теперь ты не вольна.

Любенька.

А почему-жъ не взять?

Стародубская.

Куда какъ благородно!
Ужъ то-то будешь ты примѣрная жена!

Любенька.

Ну, вотъ, подумаешь: моя-ль теперь вина?
Хоть плачь, а поѣзжай?

Стародубская.

Чтожъ, ѣхать вамъ угодно?

Любенька.

Да, дѣлать нечего—пришлось!

Стародубская.

Подайте календарь, я запишу на память,
Что нынче мнѣ переупрямить
Любовь Сергѣвну удалось.
Да этакъ я себя совсѣмъ замаю—
Что шагъ, то новый споръ:
Я лажу къ лучшему, а ты наперекоръ!

Любенька.

Послушайте, maman: я очень понимаю,
Что ваши планы всѣ отлично хороши,
Что вы отъ всей души
Устроить счастіе хотите
Своей племянницы родной;
Все это хорошо, да вы ее спросите,
Согласна-ли она быть Сицкаго женой?

Стародубская.

Согласна-ли?... Ну, это ужъ забавно!
Да чтожъ ты, матушка, смѣешься надо мной!

Любенька.

Нѣтъ, маменька.

Стародубская.

Не ты-ль сама недавно
Твердила мнѣ, что графъ отлично милъ,
Что онъ тебя вчера обворожилъ
Своей любезностью, умомъ и знаньемъ свѣта.

Любенька.

А если, несмотря на это,
Я выйти за него, быть можетъ, не хочу.

Стародубская.

И, чай, за то, что ты ему не по плечу?
Онъ только графъ? какого-жъ сана
Быть долженъ твой супругъ?
Китайскаго тебѣ, что-ль, надо Богдыхана...

Любенька.

О, нѣтъ!

Стародубская.

Да ты здорова-ли, мой другъ?
Не спрыснуть ли тебя водицею отъ глазу?
Иль это такъ, нашелъ недобрый стихъ?

Любенька.

Ахъ, маменька! любить нельзя-же по заказу.

Стародубская.

Графъ знатенъ и богатъ, чудеснѣйшій женихъ...

Любенька.

А если-бъ я влюбилась въ человѣка
Не знатнаго и даже бѣдняка?

Стародубская.

Такъ чтожъ, сударыня, на это есть опека.

Любенька.

Такъ безъ нее моя рука...

Стародубская.

Да, ей располагать еще не получили
Вы права, матушка.

Любенька.

Такъ вы-бъ насъ разлучили?

Стародубская.

Да, милая, дурачиться не дамъ.

Любенька.

А страсть-то, маменька?

Стародубская.

Тутъ вовсе не у мѣста.
Помилуй, Любенька, да это былъ-бы срамъ!

Digitized by Google

Ты первая московская невѣста—
Три тысячи невступно душъ,
Да тысяча моихъ, такъ будущій твой мужъ
Быть долженъ по тебѣ, съ богатымъ состояньемъ,
Иль графъ, иль князь...

Любенька.

Нѣтъ, мысль моя совсѣмъ не та,
Мы счастливы своимъ не можемъ быть названьемъ
И безъ любви богатство—нищета.

Стародубская.

Вотъ вздоръ какой!... Да ты, я вижу, поглупѣла?

Любенька.

Что если-бы, maman, я вамъ теперь запѣла
Любимый вашъ романсъ:

„Законы осаждаютъ
Предметъ моей любви...“

Стародубская.

Такъ я сказала-бы, что ты поешь фальшиво,
И даже не въ кадансъ.
А такъ-какъ я на это прихотлива,
Такъ повезла-бъ тебя во Францію, иль въ Римъ
Учиться музыкѣ—вѣдь мы не разоримъ
Себя поѣздкой заграницу.

Любенька.

Нѣтъ, маменька, зачѣмъ такъ далеко
Возить плохую ученицу,
Поѣду лучше въ паркъ..

Стародубская.

Охъ, ладить не легко
Съ тобой!... насилу согласилась.
Ступай-же поскорѣй!

(Любенька идетъ, потомъ останавливается въ нерѣшимости и возвращается назадъ).

Зачѣмъ ты воротилась?

Любенька *(бросается къ ней на шею и цѣлуетъ).*

Прощайте, маменька!

(Скоро уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Стародубская *(одна).*

Стародубская *(глядя вслѣдъ за Любенькой).*

Ну, съ Богомъ! въ добрый часъ!
...Куда, подумаешь, какъ все на свѣтѣ чудно!
Графъ Любеньку вчера увидѣлъ въ первый разъ,
А ужъ влюбленъ, и какъ влюбленъ, повѣрить трудно!
Вотъ такъ признаньемъ и спѣшитъ:
Хоть страстная любовь теперь совсѣмъ не въ тонѣ,
А я увѣрена, что въ этомъ амазонѣ
Она его совсѣмъ ужъ сокрушитъ.

(Слышенъ стукъ кареты).

Вотъ, кажется, съѣзжаться стали!...

(Входитъ слуга).

Слуга.

Елена Саввишна.

Стародубская *(идя навстрѣчу къ Выхиной).*

Пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стародубская и Елена Саввишна Выхина.

Выхина.

Охъ, эта скорая ѣзда!...
И я, мой другъ, и лошади устали.

(Цѣлуются и садятся).

Стародубская.

Зачѣмъ спѣшили вы?

Выхина.

Да какъ-же не спѣшить;
Я думала, что мнѣ пришлось пожаръ тушить.
„Пожалуйте скорѣй—преважное есть дѣло!“
А путь-то, матушка! далекъ:
Я мопса накормить порядкомъ не успѣла,
Дала, голубчику, одинъ лишь кренделекъ,
А онъ, вѣдь, не привыкъ, мой другъ, къ сухому хлѣбу—
Я молочкомъ всегда кормлю его.
Теперь позволь спросить: нужна я для чего
И на какую ты изволила потребу
Сегодня выписать меня?

Стародубская.

Ко мнѣ сейчасъ сберется вся родня.

Выхина.

Зачѣмъ?

Стародубская.

Я ихъ просила для совѣта.

Выхина.

Что это вздумалось тебѣ?

Стародубская.

Мы будемъ говорить о будущей судьбѣ
Моей племянницы. Вы знаете, что это
Преважный шагъ.

Выхина.

Да, нынче молодежь
Не прежняя—кого теперь найдешь,
Чтобъ видомъ походилъ на ловкаго мужчину?
Надѣли на себя угрюмую личину,
Одѣлись всѣ какъ пастухи,
Въ какихъ-то ходятъ балахонахъ
И каются въ грѣхахъ, а тѣ же все грѣхи.
Лишь только ни въ одной не видишь ихъ гостиной—
Одинъ все пьетъ, другой картежникъ записной—
Изъ клуба, матушка, не выгонишь дубиной—
Такъ гдѣ ему прожить въ ладу съ женой.

Digitized by Google

Горенская.

Къ вамъ долженъ быть сейчасъ
Князь Юрій Ѳедорычъ—онъ былъ теперь
у насъ.

Стародубская (*Днѣпровой*).

Что ваша Феничка?

Днѣпрова.

Здорова, слава Богу.

Стародубская (*Горенской*).

А ваша Зеничка?

Горенская.

Вчера зашибла ногу.

Стародубская.

И очень?

Горенская.

Да!... ступить не можетъ безъ труда,
А, впрочемъ, все все прошло безъ дальняго
вреда,
И боли нѣтъ большой: да скучно только—
И день и ночь мерещится ей полька,
А танцовать нельзя; хотѣла съ-горяча
Попробовать да нѣтъ!...

— —

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и князь Юрій Ѳедоровичъ Рыльскій.

Князь Рыльскій.

Я вѣчно опоздаю!

Стародубская.

А, князь?

Князь Рыльскій.

Что, всѣ у васъ?

Стародубская.

Я только ожидаю...

Князь Рыльскій.

Чай, братца вашего, Ивана Ильича?...

Стародубская.

Да, вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Иванъ Ильичъ Пыжовъ.

Стародубская (*Пыжову*).

Ну, это не годится—
Зачѣмъ опаздывать.

Пыжовъ.

Простите, виноватъ!
Меня позадержалъ двоюродный мой братъ
Иванъ Лукичъ.

Стародубская.

Прошу покорнѣйше садиться!

(*Всѣ садятся въ слѣдующемъ порядкѣ: съ краю налѣво отъ зрителей въ большихъ креслахъ Выхина, подлѣ нее Стародубская, потомъ князь Рыльскій, Горенская, Пыжовъ и Днѣпрова*).

Стародубская.

Я пригласила васъ сегодня на совѣтъ.
Мои почтенные и милые родные,—
Совѣты принимать, не жалуютъ иные,
А я такъ нѣтъ—люблю. Вотъ скоро двадцать
лѣтъ
Ужъ минетъ Любенькѣ — и какъ душѣ ни
больно,
А надобно разстаться съ ней;
И то сказать, я ей потѣшилась довольно,
И жить не для себя, намъ должно для дѣ-
тей.
Вотъ дѣло истинно святое!
Нашъ долгъ заботиться о нихъ,
Устроить ихъ судьбу...

Горенская.

Такъ есть у ней женихъ?

Стародубская.

И даже не одинъ.

Горенская.

А много-ли?

Стародубская.

Да трое.

Горенская.

Вотъ какъ! А Любенькѣ ужъ скоро двадцать
лѣтъ—
Ну, это счастливо!.. Такой-ли нынче свѣтъ—
Три разомъ жениха!..

Днѣпрова.

А развѣ это много?
Да вотъ хоть у меня—отбою вовсе нѣтъ;
Ну, точно, матушка, проѣзжая дорога:
Одинъ женихъ съ двора, другой тотчасъ на
дворъ.
Придется подъ-конецъ ворота на запоръ.
А Феничка моя, вы знаете, шалунья—
Ей это весело!..

Выхина (*тихо Стародубской*).

Ахъ, батюшка!.. вотъ лгунья!

Стародубская.

Теперь позвольте мнѣ назвать вамъ жени-
ховъ.

Горенская.

Да! Это очень любопытно.

Стародубская.

Одинъ давно ужъ любитъ скрытно
Племянницу...

Выхина.

А кто онъ, матушка, таковъ?

Князь Рыльскій (*привставая*).

Графъ Лидинскій — собой мужчина видный
Почтенный человѣкъ.

Digitized by Google

Днѣпровъ.

И очень пожилой.

Князь Рыльскій.

Однако-жъ не старикъ, а человѣкъ солидный;
Отличнаго ума...

Днѣпрова.

Не много отсталой.

Князь Рыльскій.

Нѣтъ, онъ всегда за вѣкомъ шелъ,
Да, у кого въ Москвѣ такой роскошный столъ,
Такой комфортъ во всемъ изысканный, блестящій?
Онъ европеецъ настоящій,
Помилуйте!

Выхина.

Постой-ка мой отецъ:
Вѣдь этотъ графъ, мнѣ кажется, вдовецъ?

Князь Рыльскій.

Вдовецъ, сударыня.

Выхина.

Такой худой и длинный,
Андрей Андреичемъ зовутъ?

Князь Рыльскій.

Да, точно такъ.

Выхина.

Онъ, жилъ, я помню, на Неглинной,
Противъ Кремля?

Князь Рыльскій.

Теперь живетъ не тутъ.

Выхина.

Не такъ чтобы давно графъ ѣздилъ на Плющиху
Почти что каждый день—онъ сваталъ тамъ купчиху...

Горенская.

Неужто за себя?

Князь Рыльскій.

Кто это вамъ сказалъ?

Выхина.

Да тотъ, кто графу отказалъ—
Отецъ ее. Знать графствомъ не плѣнился:
На дочери его простой купецъ женился.

Днѣпрова.

Вотъ какъ! такъ графъ...

Выхина.

Хотѣлъ изподтишка
Поправиться. Ну, князь! нашелъ ты женишка!
Я обращусь къ тебѣ съ вопросомъ.
Скажи по совѣсти: ему который годъ?
Помилуй, мой отецъ, да онъ почти уродъ!
Святошный пугало—съ огромнымъ краснымъ носомъ,
А сверхъ того и человѣкъ пустой.

Князь Рыльскій (*обидясь*).

Елена Саввишна!

Выхина.

Нѣтъ, батюшка, постой!
Я все скажу; его-бы надо высѣчь:
Онъ платитъ въ годъ чумичкѣ, дураку
Французу повару, безъ малаго пять тысячъ,
А нечѣмъ заплатить цѣлковый мяснику;
Да къ этому въ прибавокъ
Пороги онъ обилъ у всѣхъ мѣняльныхъ лавокъ—
Скупаетъ всякое тряпье,
Медали, мозаики,
Дрянныя статуи, да разные антики.
Тутъ купитъ древній щитъ, тамъ старое копье,
А наши торгаши куда на это хваты
И богатырскіе сейчасъ найдутъ вамъ латы,
И вмѣсто булавы изломанный безмѣнъ
Вамъ продадутъ, а тамъ пойдетъ промѣнъ
Съ придачею; да вотъ и домѣнялся
Богатый баринъ до того,
Что вовсе безъ куска остался!

Князь Рыльскій.

Кто вамъ сказалъ—и взяли вы съ чего?..

Выхина.

А вотъ съ чего: онъ вѣкъ мотадъ и билъ баклуши,
Имѣнье прожилъ все покойницы жены...

Князь Рыльскій.

Да у него семьсотъ есть душъ...

Выхина.

Что эти души?
Чай, всѣ давно заложены?
На долго-ли ему семьсотъ душонокъ станетъ!..
Шесть тысячъ прожилъ душъ — мотать не перестанетъ!
Теперь еще онъ страстью зараженъ...
Забыла я къ чему... охъ, больно я старѣю.
А! вспомнила: я слышала, что онъ
Картинную заводитъ галлерею
И залу для нее совсѣмъ отдѣлалъ вновь,

Горенская.

Его понятна мнѣ къ художеству любовь—
Онъ въ Римѣ былъ.

Выхина.

И папу видѣлъ.
Такъ какъ ему не собирать картинъ!
Вѣдь онъ не кто другой: умомъ Господь обидѣлъ,
Зато онъ знатный дворянинъ!

Князь Рыльскій.

И графъ, сударыня.

Выхина.

А все въ мѣшкѣ, вѣдь, шила
Не утаишь—дуракъ!

Князь Рыльскій.

Чтожъ, это, наконецъ,—
Ругательство и брань?

Digitized by Google

Выхина.

Что дѣлать, согрѣшила—
Сказала правду, мой отецъ.

Пыжовъ.

Ну, бѣдный графъ—попался!

Горенская.

А мнѣ такъ жаль его—не самъ онъ промотался;
Его по откупамъ поддѣлъ какой-то грекъ,
Запуталъ все, а онъ прекрасный человѣкъ.
Былъ вреденъ для себя...

Выхина.

И вовсе не полезенъ
Другимъ.

Горенская.

А какъ любезенъ!

Днѣпрова.

Да, нечего сказать, отмѣнно милъ,
На Феничку мою имѣлъ онъ виды
И этимъ графъ меня, признаться, изумилъ.
Для Фенички тутъ не было обиды,
А все-таки я съ нимъ разсталась навсегда

Горенская.

За что?

Днѣпрова.

Отказывать не стану безъ причины:
Ему за пятьдесятъ...

Горенская.

Такъ что-же за бѣда?
И больше этого для виднаго мужчины
Не значитъ ничего. Мы такъ ужъ созданы,
Что долженъ мужъ всегда быть старѣе жены.

Выхина.

Однакоже, не втрое.

Горенская.

Да что года!—повѣрьте мнѣ—пустое!
Лишь былъ-бы человѣкъ.

Выхина.

А если онъ, какъ графъ,
Ужасный мотъ и прожилъ все имѣнье?

Горенская.

У знатныхъ баръ на это свой уставъ,
Елена Саввишна; нельзя-жъ свое рожденье
И графскій санъ ничѣмъ не поддержать;
Большому барину нельзя не задолжать.

Выхина.

Такъ ты бы, матушка, ему не отказала.

Горенская.

Конечно, нѣтъ.

Выхина.

Зачѣмъ же дѣло стало—
А Зеничка твоя?—она по немъ какъ разъ...
Въ лѣтахъ...

Горенская (*отходитъ*).

Прошу покорно васъ
Оставить Зеничку въ покоѣ
У васъ другихъ рѣчей со мною нѣтъ—
Все Зеничка...

Выхина.

Да чтожъ такое?
Я только-что даю совѣтъ.

Горенская.

Въ лѣтахъ!—Дѣвица вашихъ лѣтъ
Ей въ бабушки годится...

Днѣпрова (*тихо Горенской*).

Сестра!

Горенская.

У васъ все злость на языкѣ

Днѣпрова (*тихо Горенской*).

Охота же тебѣ сердиться!

Горенская (*тихо Днѣпровой*).

А что прикажете? иль подойти къ рукѣ
И ножки цѣловать у этой мнѣ старухи?

Стародубская.

И, полноте! (*тихо Выхиной*). У васъ какой-то даръ
Сердить ее. (*Громко*). Положимте, что слухи
О графѣ — клевета; а все онъ слишкомъ старъ.
Вотъ жениха нашелъ и также предлагаетъ
Двоюродный мой братъ, Иванъ Ильичъ.

Днѣпрова (*тихо Горенской*).

По всей Москвѣ, чай, кликнулъ кличъ!

Выхина.

Кто, батюшка, такой?

Пыжовъ.

Мой искренній пріятель,
Андрей Андреевичъ Пеньковъ.

Князь Рыльскій.

Ахъ, мой создатель!
Вотъ имячко!... Пеньковъ!

Пыжовъ.

Не лицемѣръ,
И очень онъ богатъ.

Выхина.

Какого чина?

Пыжовъ.

Да какъ бы вамъ сказать!... Онъ оберъ-офицеръ...

Выхина.

Ну!—вѣрно прапорщикъ.

Пыжовъ.

Прекраснѣйшій мужчина,

Digitized by Google

Въ Парижѣ былъ и тамъ успѣлъ кой-что занять,
Ему тридцатый годъ.

Днѣпрова.

Побольше; тридцать пять.

Пыжовъ.

А развѣ у него были на крестинахъ?

Днѣпрова.

Для этого я слишкомъ молода.

Пыжовъ.

Позвольте знать ужъ мнѣ его года. (*Обращаясь снова къ Выхиной*).
Онъ принятъ въ лучшихъ здѣсь гостиныхъ,
И связи есть.

Князь Рыльскій.

Ну, можно-ль безъ стыда
Какимъ-нибудь Пеньковымъ называться?
Пеньковъ!...

Пыжовъ.

Помилуйте! чему тутъ удивляться!
Пеньковыхъ много есть.

Князь Рыльскій.

Не слышалъ никогда!
Пеньковъ!...

Пыжовъ.

Мой другъ не княжескаго дома,
Не графъ и не баронъ,
Однакожъ, дворянинъ.

Выхина.

Фамилія знакома...
Пеньковъ?... военный, что-ль?

Пыжовъ.

Теперь въ отставкѣ онъ.

Выхина.

Съ мундиромъ?

Днѣпрова.

Нѣтъ! съ одними лишь усами.

Стародубская (*Выхиной*).

На дняхъ онъ у меня обѣдалъ вмѣстѣ съ вами.
Ну, помните—вотъ тотъ, что ищетъ все невѣстъ.

Выхина.

Такъ это онъ?... такой прямой какъ шестъ?
Ну, точно проглотилъ полѣно!
Съ косматой головой—усищи по колѣно,
И за версту разитъ прескверным табакомъ!...
Ни дать, ни взять, мой кучеръ Сенька!

Пыжовъ.

Хорошій человѣкъ!...

Выхина.

А онъ служилъ въ какомъ Полку?...

Пыжовъ.

Не помню хорошенько.

Днѣпрова.

Въ гусарахъ, кажется, но только не служилъ,
А все гулялъ, да дома жилъ.
И, наконецъ, отставленъ по неявкѣ
Въ свой полкъ...

Пыжовъ.

Такъ чтожъ?... Не жалко ли его?
Онъ боленъ былъ.

Выхина.

Такъ вотъ онъ для чего
И къ носу припустилъ такія двѣ піявки,
А я вѣдь думала, что это для красы
Онъ оттянулъ себѣ аршинные усы.
Ну, Любенька нашла бы въ этомъ мужѣ
Не много радости! Да онъ и графа хуже.
А ты хотѣлъ съ такимъ пострѣломъ
Насъ, грѣшныхъ, породнить!... Спасибо, мой отецъ!

Пыжовъ.

Онъ въ возрастѣ теперь давно ужъ зрѣломъ
И сталъ совсѣмъ другой.

Выхина.

Такой же сорванецъ.

Пыжовъ.

О, нѣтъ!... въ его года...

Выхина.

Года!... Не въ этомъ сила!
Горбатаго исправитъ лишь могила.
Да я бы отъ него все пряталась за стулъ...

Пыжовъ.

Помилуйте!

Выхина.

Кричала-бъ караулъ!

Пыжовъ.

Позвольте вамъ сказать, вѣдь это ужъ нападки.

Выхина.

Что дѣлать, мой отецъ,—винюсь!
Я этихъ усачей до смерти какъ боюсь;
У нихъ всегда прескверныя повадки...

Стародубская.

Да что тутъ говорить—
Получше есть женихъ—ужъ этого корить
Не станете. Собой весьма не дуренъ
И обвинять его не можно въ удальствѣ.
Родство отличное—со всѣми онъ въ свойствѣ
Первѣйшими людьми. Отцу его былъ шуринъ
Князь Вихринскій, племянникъ онъ родной
Графинѣ Дулиной...

Выхина.

Да Любенька женой
Не будетъ всей роднѣ; родня—пустое дѣло.
Его бы знать короче я хотѣла.

Digitized by Google

Стародубская.

И самъ онъ также графъ.

Днѣпрова (*съ безпокойствомъ*).

Какой-же это графъ?

Стародубская.

Онъ молодъ и уменъ, а что за милый нравъ—
Двухъ словъ не скажетъ онъ безъ ласки и привѣта...

Выхина.

Богатъ?

Стародубская.

Пять тысячъ душъ.

Горенская.

Ахъ, Боже мой!... такъ это...

Стародубская.

Графъ Сицкій.

Выхина.

Жениховъ московскихъ всѣхъ краса?
Я слышала объ немъ.

Горенская.

Да это чудеса!
Вчера онъ въ первый разъ на балѣ
Увидѣлъ Любеньку. Они протанцовали
Одну кадриль...

Стародубская.

Нѣтъ, цѣлыхъ три.

Горенская.

Да если бы и триста—
Такъ что изъ этого?... Хоть Любенька рѣчиста,
А вдругъ свести съ ума...

Выхина.

На это не смотри:
Влюбиться долго-ли, подчасъ одна минута.
Вотъ, помнится, твоя меньшая дочь Анюта...

Горенская.

Опять!... прошу моихъ не трогать дочерей!

Выхина.

Да чѣмъ я трогаю?... Я только для примѣра
Хотѣла вамъ сказать...

Горенская.

Уѣду поскорѣй!

(*Встаетъ, всѣ также встаютъ*).

Выхина.

Куда ты, матушка, спѣшишь?

Горенская.

Всему есть мѣра,
Елена Саввишна.

Стародубская (*Горенской*).

Ахъ, Боже мой! да вы
Никакъ ужъ сердитесь?

Горенская.

Всю ночь отъ головы
Страдала я. Adieu, ma chère!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, безъ Горенской.

Выхина (*тихо Стародубской*).

Она не хочетъ
Племянницу твою графиней называть,
И графа, кажется...

Стародубская.

Для Зенички все прочитъ.

Выхина (*громко*).

Вотъ этого нельзя забраковать—
Женихъ!... Не правда-ль, князь?

Князь Рыльскій.

Помилуйте—мальчишка!

Стародубская.

Онъ молодъ по лѣтамъ, да старъ ужъ по уму.

Князь Рыльскій.

А я такъ думаю, ребячій въ немъ умишка.
Ему любовную завесть бы только связь.
На что ему жена?

Днѣпрова.

Вы, точно, правы, князь.
Графъ любитъ заводить—всегда стоялъ на томъ.
Онъ, ради Фенички, ко мнѣ втирался въ домъ...

Стародубская (*улыбаясь*).

Да вы ему, конечно, отказали?

Днѣпрова.

Тотчасъ!

Пыжовъ (*Стародубской*).

Теперь въ Москвѣ живетъ вдова—
На графа у нея большія есть права...

Стародубская.

Все это вздоръ!

Пыжовъ (*вполголоса Стародубской*).

Да этотъ безпорядокъ
Извѣстенъ всѣмъ.

Стародубская.

Пустыя все слова!

Пыжовъ.

Смотрите, матушка, чтобъ не было оглядокъ.

Стародубская.

Такихъ, какъ вашъ Пеньковъ, найдется на Руси
Довольно жениховъ—за этимъ бы не стало:
А этакихъ, какъ графъ...

Digitized by Google

Выхина.

Конечно, очень мало.
А все-таки объ немъ порядкомъ разспроси;
А тамъ, какъ все узнаешь напослѣдокъ,
Такъ легче будетъ для самой.
Прощай!

Пыжовъ.

Вы ѣдете домой?

Выхина.

Да, батюшка.

Пыжовъ.

А что, застану васъ я этакъ
Часа хоть въ два?

Выхина.

Покорнѣйше прошу!
(*Стародубской*). Прощай, мой другъ!

(*Уходитъ; Пыжовъ кланяется и уходитъ вслѣдъ за нею*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Пыжова и Выхиной.

Днѣпрова.

И я спѣшу—
Уроки Феничка моя беретъ въ манежѣ.

Стародубская.

И часто?

Днѣпрова.

Каждый день.

Стародубская.

Не падаетъ?

Днѣпрова.

Порѣже,
Чѣмъ прежде падала. Вѣдь учится пять лѣтъ
И правитъ мастерски—балансу только нѣтъ,
А удальство и смѣлость въ ней все тѣ-же.
Хотѣла я кой-что о графѣ вамъ сказать,
Да пользы въ этомъ нѣтъ: вы графу, вѣроятно,
Надежду подали, такъ какъ вамъ отказать?
Оно же, признаюсь, ужасно непріятно!
Спросите у меня!... Прощайте!

Стародубская.

До свиданья!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Стародубская и князь Рыльскій.

Князь Рыльскій.

Ну, Марья Саввишна, сестрица хороша
У васъ!... Какъ вѣжлива! какое воспитанье!
И что за тонъ!

Стародубская.

За то предобрая душа.

Князь Рыльскій.

И это, кажется мнѣ, ложно;
Вотъ съ вами говорить и спорить даже можно,
А съ ней нельзя—ну, такъ и лѣзетъ съ кулакомъ!
Позвольте завернуть сегодня вечеркомъ—
Мнѣ васъ одну застать бы надо;
Да только ужъ для всѣхъ заприте вашу дверь.

Стародубская.

Я буду очень рада.

Князь Рыльскій.

Такъ можно мнѣ отправиться теперь.

Стародубская.

Прощайте, князь!

(*Князь Рыльскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Стародубская (*одна*).

Стародубская (*глядя вслѣдъ за княземъ*).

Нѣтъ, батюшка! Повѣрь,
Что ты хлопочешь изъ пустого:
Твой старый графъ не стоитъ молодого.
(*Уходитъ налѣво отъ зрителей*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Комната въ домѣ Выхиной).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(*Съ лѣвой стороны отъ зрителей Выхина сидитъ на диванѣ, передъ нею столъ, на которомъ она гадаетъ въ карты. Прасковья Минишна сидитъ въ двухъ шагахъ отъ нея на табуретѣ и вяжетъ чулокъ; съ правой стороны отъ зрителей сидятъ за пяльцами Матрена и Аксинья; подлѣ Выхиной на диванѣ лежитъ моська*).

Выхина (*раскладывая карты*).

Что это у меня престранно какъ выходитъ...
Все трефовый король одинъ,
А графъ, я слышала, блондинъ...
Да это ни на что ужъ вовсе не походитъ.
(*Мѣшаетъ карты*).
Возьми-ка, Минишна, сними:
Не лучше-ли пойдетъ!
(*Прасковья снимаетъ.—Выхина опять начинаетъ раскладывать*).
Опять!—Ну, право, тошно!...
Проклятыя! (*Бросаетъ карты*). Какъ будто-бы нарочно!...
Аксютка! карту подыми!...
Ну, что ты, мопсенька?... Мопсурушка... бѣдняжка!...
Прасковья Минишна... что это онъ такъ тяжко
Сегодня дышитъ и хрипитъ?

Digitized by Google

Пошелъ къ себѣ въ жилетку,
Пошарилъ, вытащилъ лорнетку,
Воткнулъ ее какъ разъ
Въ свой правый глазъ
И смотритъ на меня, какъ-будто-бъ я картина.

Прасковья.

Ахъ онъ дуракъ!

Выхина.

Животное, скотина!
Сегодня поутру
Я ѣду навѣстить сестру,
Карету мнѣ подать замѣшкались немножко—
Я, гладь—стоитъ проклятый у окошка,
Да какъ? совсѣмъ почти раздѣтъ:
Разстегнутый жилетъ,
Ермолка набекрень, безъ галстука, въ халатѣ,
Да и какой халатъ: заплата на заплатѣ!
Другой бы спрятался—и тутъ бы на него
Могла сердиться я за вѣтренность такую;
А этотъ дуралей какъ будто-бъ ничего!
Куритъ свою сигарку грошевую
И прямо смотритъ мнѣ въ глаза!

Прасковья.

На этихъ неучей ужъ вы ли не гроза?!
Такъ какъ онъ смѣлъ, дуракъ, забыть къ вамъ уваженье!

Выхина.

Вотъ то-то, Никаноръ, твое все несмотрѣнье!
Такому можно-ли жильцу
Квартиру отдавать.

Никаноръ.

Узнать-то по лицу
Нельзя, сударыня.

Выхина.

Въ тебѣ нѣтъ вовсе смѣтки;
Вѣдь стоитъ лишь взглянуть, такъ видно, что подлецъ!

Никаноръ.

А гдѣ найдешь, чтобъ былъ такой жилецъ,
Какъ живописецъ нашъ—такіе люди рѣдки.

Выхина.

Да, этотъ Пѣтуховъ совсѣмъ не такъ глядитъ;
Такой пріятный видъ!
Мы съ нимъ встрѣчались очень близко,
Всегда поклонится такъ низко!...
Прекрасный человѣкъ!... вотъ тотъ, какъ взглянешь, срамъ—
Одѣтъ лоскутникомъ!... У этого въ нарядѣ
Все чисто, хорошо!... Вѣдь онъ лишь по утрамъ
Бываетъ здѣсь?

Никаноръ.

Живетъ на хлѣбахъ онъ у дяди,
А къ нимъ приходитъ рисовать;
У дяди можетъ онъ лишь только ночевать—
Тамъ некуда ему дѣваться съ инструментомъ;
Ему же надобенъ и чистенькій покой;
Вѣдь онъ не то, чтобы маляръ какой—
Онъ въ школахъ разныхъ былъ и выпущщенъ съ патентомъ.
У дяди-жъ, говоритъ, семья, народъ всегда,
А къ намъ вѣдь ходятъ господа;
Они не жалуютъ подчасъ публичность эту,
Вотъ и теперь, дескать, снимаю по секрету
Съ одной я барыни портретъ...

Выхина.

Къ чему же тутъ секретъ?
Ужъ нѣтъ ли тутъ дурной причины?

Никаноръ.

Желаетъ мужа въ именины
Потѣшить, матушка.

Выхина.

По-нашему—сюрпризъ.
Что эта барыня, не та-ли,
Что въ черной ѣздитъ все вуали?

Никаноръ.

Та самая.

Выхина.

Сойди теперь же внизъ
И если здѣсь она...

Никаноръ.

Ея давно карета
Стоитъ у насъ.

Выхина.

Узнай, кто дама эта.

Никаноръ.

Я кучера пыталъ, да онъ какой-то сычъ—
Молчитъ себѣ!

Выхина.

Попробуй поднеси—
Авось заговоритъ. (*Входитъ слуга*). Ну, что!...

Слуга.

Иванъ Ильичъ.

Выхина.

Ступайте, Никаноръ. (*Слугѣ*). Проси! (*Слуга и Никаноръ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же безъ Никанора.

Выхина.

Едва-ли по секрету станетъ
Для мужа свой портретъ писать жена.
Не тѣ ужъ времена—
Она какъ-разъ, голубушка, устанетъ
Вставать для этого чѣмъ свѣтъ...
А развѣ есть какой-нибудь предметъ...
Ужъ вѣрно такъ!—Должно-быть озорница!

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Пыжовъ.

Пыжовъ.

Я, кажется, сестрица,
Явился къ вамъ въ урочный часъ?

Выхина.

Садись, мой другъ! (*Пыжовъ садится*).

Пыжовъ.

Ну, что у васъ—
Здорово-ль все?... У вашей фаворитки
Я слышалъ—корь?

Выхина.

И такъ сильна,
Что жизнь ея была на ниткѣ.

Пыжовъ.

Бѣдняжечка!... А мопсинька здоровъ?

Выхина.

И онъ ужъ плохъ.

Пыжовъ.

Для васъ другой готовъ,
Да и какой!... уродъ—претолстый, какъ подушка—
Почти не видно ногъ—ну, сущая лягушка!
Я безобразнѣе не видѣлъ ничего,
Чудесный мопсъ!... я къ вамъ пришлю его.

Выхина.

Спасибо, другъ сердечный.

Пыжовъ.

О графѣ Сицкомъ я хочу поговорить;
Мнѣ нужно васъ, сестрица, предварить.
Вѣдь Марьѣ Саввишнѣ не надо быть поспѣшной—
Не долго обвѣнчать, а тамъ и плачь весь вѣкъ.

Выхина.

Да развѣ этотъ графъ?..

Пыжовъ.

Бѣдовый человѣкъ!
И даже, говорятъ, опасный.

Выхина.

А что?

Пыжовъ.

Во-первыхъ, мотъ неслыханный, ужасный...

Выхина.

Кто молодъ не былъ—и ты, чай, въ старину
Поматывалъ, а какъ завелъ жену,
Такъ началъ жить примѣрно.

Пыжовъ.

Картежникъ записной, буянъ...

Выхина.

Вотъ это скверно!

Пыжовъ.

Нетрезвый человѣкъ...

Выхина.

Такъ онъ еще и пьетъ?

Пыжовъ.

Конечно, не всегда, а если пить начнетъ,
Такъ нѣтъ конца. Онъ пьетъ запоемъ!

Выхина.

Такъ этакъ-то судьбу мы Любеньки устроимъ!
Какіе нынче женихи!...
Ну, послѣ этого не лучше-ль быть дѣвицей?...

Пыжовъ.

Да, это что?... за нимъ такіе-ль есть грѣхи.
Я слышалъ, будто заграницей
Онъ былъ на трехъ женахъ женатъ.

Выхина.

Живыхъ?

Пыжовъ.

Ну, да!

Выхина.

Чтожъ, эти жены?
Я, чай, и такъ на это есть законы.

Пыжовъ.

Помилуйте—богатъ!... къ тому-жъ
И счастливо случилось;
У первой, говорятъ, нашелся прежній мужъ;
Одна жена, я слышалъ, утопилась—
Недолго съ нимъ жила;
Другая съ горя умерла,
А третья, кажется...

Выхина.

Довольно!
Ты этакъ четырехъ начтешь... Хоть мнѣ и больно
Въ глаза тебѣ сказать, а все-таки скажу—
Пересолилъ!

Пыжовъ.

Не я—я также нахожу,
Что эта дерзость непонятна!
Конечно, графъ разбойникомъ глядитъ...
А все невѣроятно.
Однакожъ, говорятъ...

Выхина,

Но кто же говоритъ?

Пыжовъ.

Никто и всѣ. Вотъ я теперь на сцену вышелъ,
А гдѣ и отъ кого о графѣ слышалъ—
Рѣшительно забылъ!... Намъ Любенька родня,
Такъ мы должны...

Выхина.

На свой аршинъ всѣхъ мѣрить,
И что ни скажутъ намъ, тотчасъ всему повѣрить?

Digitized by Google

Пыжовъ.

Да развѣ дымъ бываетъ безъ огня?
Ужъ если говорятъ, такъ видно есть причина.

Выхина.

Конечно, какъ не быть. Вотъ у тебя кручина—
Твой другъ Пеньковъ.
Ты былъ совсѣмъ готовъ
Его пристроить къ мѣсту—
Нашелъ богатую невѣсту,
А графъ какъ-тутъ—души его!

Пыжовъ.

Такъ вы не вѣрите?

Выхина.

Не вѣрю оттого,
Что графа слишкомъ ты позорилъ—
Картежникъ, пьяница, нигодный ни къ чему...

Пыжовъ.

Да если онъ...

Выхина.

Ужъ какъ бы ты ни спорилъ,
А это клевета...

Пыжовъ.

Повѣрьте хоть тому,
Что графъ въ Лужницкую влюбленъ; что онъ жилъ въ Ригѣ
Два года для нея: что свелъ ее съ ума;
Что здѣсь она теперь и съ нимъ въ интригѣ.

Выхина.

Не вѣрю, батюшка,—я слышала сама,
Что эта барыня ведетъ себя отлично.
Хоть я ее не знаю лично,
А знаю, что объ ней и сплетникъ промолчитъ...

Пыжовъ.

Помилуйте! Да вся Москва кричитъ...

Выхина.

Москва?... Кого Москвой-то вы зовете?
Чай, вашъ приходъ?
Глядишь—десятка два людей и наберешь.
Чего-жъ еще?—и это вѣдь народъ!
Найдутся сплетницы-старухи,
Которыя давно ужъ бредятъ наяву.
Начнутъ выдумывать, потомъ распустятъ слухи
И свалятъ все на матушку Москву.
А бѣдная Москва ни въ чемъ не виновата.
Вотъ ваша-то Москва, такъ сплетнями живетъ—
Она людьми хоть не богата,
За то съ утра до вечера плететъ...

Пыжовъ.

Позвольте доложить, сестрица...

Выхина.

Да, нечего сказать, такая кружевница,
Что Боже упаси!
(*Входитъ слуга*).

Слуга.

Ѳома Ѳомичъ.

Выхина.

Проси!
(*Пыжову*). Предобрый человѣкъ, да только очень нравенъ—
То ѣздитъ каждый день, то вдругъ не видишь годъ.
А надобно сказать—забавенъ!
И только что раскроетъ ротъ...

Пыжовъ.

Такъ глупости рѣкой польются.

Выхина.

И новости, мой другъ,—со всѣми онъ знакомъ.

Пыжовъ.

И всѣ надъ нимъ смѣются.

Выхина.

Онъ знаетъ все, къ нему всѣ ѣздятъ въ домъ.

Пыжовъ.

Къ нему—отмѣнно рѣдко:
А ѣздятъ всѣ къ его женѣ—она кокетка,
Умѣетъ нравиться, сводитъ мужчинъ съ ума...

Выхина.

У матери ея была замашка та-же.

Пыжовъ.

А этотъ Башлыковъ, смѣшно и жалко даже—
Не вѣритъ ничему, не видитъ ничего...

Выхина.

Да! въ верхнемъ-то этажѣ
Пустенько у него.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Башлыковъ.

Выхина.

А! рѣдкій гость!

Башлыковъ.

Что дѣлать! Виноватъ,
Елена Саввишна,—дѣла!...

Выхина.

Прошу садиться.

Башлыковъ (*раскланиваясь съ Пыжовымъ*).

Иванъ Ильичъ!
(*Садится*).

Выхина.

Съ тобой нельзя не побраниться:
Добро-бъ чужой, а ты мнѣ сватъ.
Вотъ скоро о тебѣ шесть мѣсяцевъ нѣтъ слуху;
Не стыдно-ль, батюшка, забылъ
Совсѣмъ меня, старуху!

Digitized by Google

Башлыковъ.

Я все въ разъѣздахъ былъ,
Три мѣсяца я ровныхъ
Въ Саратовѣ провелъ; былъ въ разныхъ подмосковныхъ;
Съ полдюжины отпраздновалъ крестинъ;
Посредникомъ я былъ при трехъ дворянскихъ спорахъ;
На свадьбахъ былъ—на двухъ сговорахъ...
Вчера отъ Троицы...

Выхина.

Что, ѣздилъ ты одинъ?

Башлыковъ.

О, нѣтъ, насъ ѣздила хорошая семейка—
Двѣнадцать человѣкъ господъ и поваръ нашъ...

Выхина.

А въ чемъ вы ѣздили?

Башлыковъ.

Прекрасный экипажъ!
Аеріенъ.

Выхина.

Что, что?

Башлыковъ.

Фрадцузская линейка.
Куда на все французы мастера.
Намъ это перенять давно-бы ужъ пора.
Что наши всѣ дорожныя коляски?
Онѣ не такъ, конечно, тряски,
Да это ничего. А вотъ что жаль,
Что стѣнки намъ мѣшаютъ
Спокойно сѣсть;—и если ѣдешь въ даль,
Такъ ноги очень затекаютъ—
Никакъ нельзя ихъ протянуть;
Трудненько и заснуть—
Для этого нужна особая сноровка;
А сверхъ того и то не очень ловко,
Что вовсе нѣтъ мѣстечка для поклажи,
Да худо въ дождь, за то въ хорошую погоду
Ужасно весело—премножество народу...
Да! нечего сказать, пріятный экипажъ!

Выхина.

И только, батюшка! Ну, чѣмъ тутъ восхищаться!
За этотъ экипажъ я двухъ грошей не дамъ!
Скажи-ка лучше намъ,
Что слышно новаго?

Башлыковъ.

Да нечѣмъ утѣшаться—
Такія новости..

Выхина.

А что?

Башлыковъ.

Хопровыхъ дочь вѣнчалася вчера.

Выхина.

Ну, что-же, батюшка? пора—
Ей тридцать лѣтъ!

Башлыковъ.

Да съ кѣмъ?

Пыжовъ.

Какой-то иностранецъ.

Выхина.

Французскій, кажется, баронъ.

Башлыковъ.

А знаете-ль, что онъ
Мошенникъ, воръ и вѣрно самозванецъ!

Пыжовъ.

Возможно-ли?

Башлыковъ.

Ну, да! я это докажу.
Онъ, точно, воръ!

Выхина.

Скажите Бога ради!

Башлыковъ.

Послушайте: я все вамъ разскажу.
Мы были прошлый годъ съ Пашетою въ Карлсбадѣ.
Извѣстно, на воды всегда со всѣхъ сторонъ
Наѣдутъ шулера и плуты,
И если вы хотите быть надуты—
Тотчасъ потѣшутъ васъ, и этотъ плутъ-баронъ
Былъ также тамъ. На немъ всегда перчатки
И шляпа модная, отличный палето,
И золотой лорнетъ, а что-то все не то—
Такія странныя ухватки!
Вотъ такъ и смотритъ подлецомъ.
Собою очень занятъ—
Все вмѣстѣ съ дамами, ужасно куртизанитъ,
Особенно съ моей женой;
За это бы сердиться сталъ иной,
А я такъ нѣтъ!—съ Пешетою не много
На этотъ счетъ возьмешь—
Она ведетъ себя отмѣнно строго.
А если любитъ молодежь,
Такъ это такъ—для танцевъ, для забавы,
Вѣдь наши женщины — у насъ такіе нравы—
Толпою волокитъ всегда окружены.
Однажды нашъ московскій баринъ,
Князь Дмитрій Юрьевичъ Казаринъ,
Который былъ тогда въ Карлсбадѣ для жены,
Зоветъ меня на вистъ и ужинъ.
Я былъ съ нимъ очень друженъ
И мы видались каждый день.
Ученый человѣкъ—онъ написалъ два тома
И прозы, и стиховъ. Жена осталась дома:
У ней ужасный былъ мигрень
И нервные припадки.
Вотъ я велѣлъ за мной пріѣхать на лошадкѣ,
А самъ пошелъ пѣшкомъ — съ хозяиномъ втроемъ
Играть сѣлъ въ вистъ. Со мной онъ партенеромъ...
Гляжу: мы взятки отдаемъ—
Играетъ страннымъ онъ манеромъ—

Digitized by Google

Стародубская.

А что?

Днѣпрова.

Да такъ! Мнѣ нужно-бы сначала
Кой что узнать. Я отъ сестры сейчасъ.
У ней карета ужъ готова,
Сестра пріѣдетъ къ вамъ съ Иваномъ Ильичемъ.
Позвольте васъ спросить...

Стародубская.

О чемъ?

Днѣпрова.

Что ваша Любенька, здорова?

Стародубская.

А развѣ съ ней случилось что-нибудь?
Упала съ лошади она?... разбила грудь?...

Днѣпрова.

О, нѣтъ, совсѣмъ не то! а только очень чудно—
Повѣрить даже трудно...

Стародубская.

Да что?...

Днѣпрова.

Она вѣдь, кажется, съ утра
Поѣхала гулять—и вѣрно съ Вольдемаромъ?

Стародубская.

Такъ чтожъ?

Выхина (*въ сторону*).

Ну, видно я пророчила не даромъ!

Днѣпрова.

Да вотъ ужъ лучше все разскажетъ вамъ сестра.

Стародубская.

Охъ, сердце такъ и ноетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Горенская и Пыжовъ.

Стародубская (*бѣжитъ навстрѣчу къ Горенской*).

Что съ Любенькой?

Горенская.

А дома нѣтъ ея?

Стародубская.

Вотъ это-то меня и безпокоитъ.

Горенская.

Такъ видно, что извѣстіе мое
Довольно справедливо.

Стародубская.

Да что съ ней сдѣлалось?

Горенская.

Надѣюсь, ничего.

Стародубская.

Но что вы слышали?... о чемъ? и отъ кого?

Горенская.

Да! дѣло-то немножко щекотливо!
И еслибъ былъ у Любеньки отецъ,
Иль братъ...

Стародубская.

Ахъ, Боже мой! узнаю-ль, наконецъ?...

Горенская.

Возьмите же терпѣнье!
Я все перескажу. Приказчикъ мой, Федотъ.
Изъ нашего отправился имѣнья
Сегодня поутру. Тамъ есть у насъ заводъ;
Отъ графа Сицкаго селенья
Верстахъ въ семи—его тамъ знаютъ всѣ.
Вотъ видитъ мой Федотъ, что мчится по шоссе
Коляска четверней, и въ этомъ экипажѣ
Съ Любовь Сергѣвною сидитъ племянникъ вашъ.
Федотъ замѣтилъ даже,
Что этотъ экипажъ
На ваши не походитъ,
И долженъ быть чужой.

Стародубская.

Чужой?

Горенская.

Приказчикъ мой къ вамъ очень часто ходитъ,
Такъ какъ ему не знать.

Стародубская.

Ахъ, Боже мой!

Горенская.

Какъ Любенька увидѣла Федота,
Такъ, говоритъ, ее вотъ такъ и повело!
Накинула вуаль—да вдругъ у поворота
Свернули въ сторону, и въ графское село,
Какъ будто-бы шальные,
Во всю пустились прыть.

Пыжовъ.

Ну, нечего сказать, поступки удалые!

Стародубская.

Возможно-ль? къ Сицкому?...

Горенская.

Къ нему.

Стародубская.

Не можетъ быть!

Горенская.

Конечно, это очень смѣло,
А, впрочемъ, почему-жъ?
Вѣдь съ Любенькой какая-то сидѣла
Въ коляскѣ госпожа — я, чай, мадамъ Грибушъ.

Digitized by Google

Пыжовъ.

Нѣтъ, Марья Дмитревна, скажу вамъ безъ ошибки,
Что это не она. Сегодня невзначай
Попалъ я въ паркъ—гляжу, вонъ тамъ, гдѣ пьютъ все чай,
Ну, знаете—растутъ гдѣ липки,
Сидитъ мадамъ Грибушъ и вяжетъ кошелекъ.
Коляска же стоитъ въ аллеѣ,
А кучеръ и лакеи
Сидятъ подъ липками, да такъ-то пьютъ чаекъ.
(*Входитъ слуга*).

Слуга.

Графъ Сицкій.

Стародубская.

Графъ? Его-то намъ и надо!
Проси скорѣй!... Авось узнаемъ, наконецъ.

Выхина.

Я также очень рада.
(*Пыжову*).
Коль этотъ графъ не мой жилецъ,
Такъ вы меня, Иванъ Ильичъ, не осудите—
За вами, кажется, довольно есть грѣховъ,
Я разомъ всѣ сочту.

Пыжовъ.

Да вотъ и онъ—смотрите!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и графъ Сицкій.

Выхина.

Ахъ, батюшки! Иванъ Степанычъ Пѣтуховъ!

Стародубская (*встрѣчая графа*).

Скажите, графъ...

Выхина (*прерывая*).

Нѣтъ, матушка, сестрица
Рѣчь впереди твоя! (*Графу*). Осмѣлюсь васъ спросить:
Вы кто, сударь?... Не знаю, какъ честить
Я васъ должна. Вѣдь я не мастерица
Подъ маской узнавать людей.

Стародубская.

Елена Саввишна.

Выхина (*не слушая*).

Вы, вѣрно, чародѣй,
Волшебникъ и колдунъ? У насъ вы, на Мясницкой,
Художникъ Пѣтуховъ, а здѣсь вы кто?

Графъ Сицкій (*кланяясь*).

Графъ Сицкій.

Выхина.

Такъ вы, сударь, маляръ и графъ?

Пыжовъ (*Горенской*).

Ну, если-бъ дать теперь ей палку,
Такъ худо-бы ему.

Графъ Сицкій.

Я вамъ кажусь не правъ.

Выхина.

Да вамъ-бы на театръ! Ужъ то-то бы русалку
Сыграли вы!

Стародубская (*Выхиной*).

Сказать позвольте съ нимъ
Пять словъ...

Выхина (*не слушая*).

Да это, вся Москва единогласно
Со мною повторитъ.

Графъ Сицкій.

Вы сердитесь напрасно.

Выхина.

Стыдитесь, графъ! не вы-ль, подъ именемъ чужимъ,
Забывши честь и ваше званье,
Осмѣлились давать любовныя свиданья...

Графъ Сицкій.

Давалъ, сударыня, такъ чтожъ?

Выхина.

Какъ, что? Вопросъ хорошъ!
Да вы, сударь, наглецъ!

Графъ Сицкій.

Угодно
Самъ выслушать меня?...

Выхина.

Въ моемъ дому
Свиданья назначать!

Графъ Сицкій.

Да знаете-ль, кому?

Выхина.

Лужницкой, батюшка—я это всенародно
На площади скажу.

Графъ Сицкій.

Ударьте хоть въ набатъ—
Мнѣ все равно; вѣдь я на ней женатъ!

Выхина.

Что, что?

Горенская.

Возможно-ли?

Пыжовъ.

Ну, свахи всѣ и сваты
Сойдутъ съ ума теперь!

Стародубская.

Такъ вы, сударь, женаты?

Выхина.

Эхъ, матушка, не вѣрь:
Онъ выдумалъ нарочно сказку эту;

Digitized by Google

На это сочинить не худо бы стихи—
Вѣдь это-бы нашли весьма замысловатымъ.
Гонялись маменьки за женихомъ женатымъ,
И сватали невѣсту женихи...

Башлыковъ.

Замужнюю?

Пыжовъ.

Почти!

Башлыковъ.

Да это непонятно,
Скажите пояснѣй.

Пыжовъ.

Мнѣ было бы пріятно
Все это вамъ подробно разсказать,
Да ѣхать мнѣ пора...

Башлыковъ (*останавливая Пыжова*).

Прошу васъ, погодите!
Ну, сами разсудите—
Нельзя-жъ мнѣ этого не знать.

Пыжовъ.

Узнаете!

Башлыковъ.

Когда?

Пыжовъ.

Я думаю, что скоро
Объ этомъ всѣ заговорятъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Башлыковъ (*одинъ*).

А я то что? Останусь заурядъ!
Всѣ будутъ говорить, а мнѣ и разговора
Нельзя объ этомъ повести.
И что онъ мнѣ за дичь изволилъ наплести?...
Женихъ женатый...
Невѣста замужемъ... Ну да, сюжетъ богатый
Для стиховъ.
Да кто женихъ таковъ?
И что за сватовство такое?...
Постой!... Неужели?... Нѣтъ, кажется, пустое!
У Лидиныхъ публичный былъ сговоръ!...
Не можетъ быть!.. Да чтожъ я голову ломаю!...
Вотъ это что!... Охъ, нѣтъ— и это вздоръ!...
Тьфу пропасть! хоть убей, никакъ не понимаю!

(*Занавѣсъ опускается*).

конецъ.

(*1851*).

Столичные жители въ провинціи

отрывокъ изъ комедіи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Наташа (*входитъ изъ боковыхъ дверей, за ней служанка выноситъ чайный приборъ*).

Поставь сюда! Да тише, не разлей!
Придвинь-же столъ къ дивану!
Ахъ, какъ ты не ловка! Впередъ сама я стану
Готовить чай. Спроси московскихъ кренделей.
Ступай! Вотъ здѣшнія служанки:
Безъ толку, безъ ума; ну, сущія крестьянки!
А слуги... Боже мой!
Въ Москвѣ и нищіе красивѣй ихъ одѣты;
На все прегрубые отвѣты!
Зовутъ тебя то теткой, то кумой,
Въ лакейской спятъ, дерутся отъ бездѣлья,
И каждый день съ похмѣлья;
Ахъ, мой Творецъ!
И надобно-жъ случиться
Въ то время, какъ въ Москвѣ хотѣлъ на мнѣ жениться
Преловкій молодецъ,
Чтобъ барышня...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Наташа и Иванъ.

Иванъ (*входя*).

Извините!
Въ лакейской нѣтъ людей! прошу васъ, доложите
Матренѣ Саввишнѣ; князь Холмскій, баринъ мой,
Прислалъ... узнать... Кой чортъ! Не можетъ статься!

Наташа.

Что вижу? Это онъ!

Иванъ (*въ сторону*).

Она! боюсь вклепаться.
(*Громко*).
Мнѣ кажется въ Москвѣ, прошедшею зимой,
Въ угольномъ домѣ...

Наташа.

На Петровкѣ?

Иванъ.

У модной помнится торговки...

Наташа.

Мадамъ Легро?...

Digitized by Google

Иванъ.

Возможно-ль, это вы?

Наташа.

Такъ точно, это я-съ.

Иванъ.

Вы здѣсь? Я вмѣстѣ съ вами!
Ахъ, Боже мой! какими-же судьбами
Въ губернскій городъ вы попали изъ Москвы?

Наташа.

Чтожъ дѣлать? по неволѣ.

Иванъ.

Да ваши господа рехнулись что-ли?
Увесть въ провинцію такую красоту!

Наташа.

И полноте.

Иванъ.

Вы здѣсь съ тоски умрете:
Вѣдь здѣсь не кинули еще носить фату,
Шумунъ, коты...

Наташа.

И! что вы врете?
Хоть моды здѣшнія не очень хороши...

Иванъ.

Чему и быть въ такой глуши?
Народъ порядочный живетъ въ столицахъ.
А здѣсь? помилуйте!... Кунсткамера вся въ лицахъ.

Наташа.

Что дѣлать? Барышня... семейныя дѣла...

Иванъ.

Давно вы изъ Москвы?

Наташа.

Вотъ мѣсяцевъ ужъ восемь
Живемъ у тетушки и скуку переносимъ,
Она съ ребячества въ провинціи жила.

Иванъ.

Да пусть она, а вы зачѣмъ сюда забились?
Вѣдь вы московскія?

Наташа.

Ахъ нѣтъ, мы здѣсь родились,
А были съ барышней въ Москвѣ.
Я слишкомъ годъ жила въ французскомъ магазинѣ,
А Софья Дмитревна недѣли двѣ
Гостила у своей кузины.

Иванъ.

Да! то-есть у своей двоюродной сестры?

Наташа.

Вы все по прежнему, такъ смѣтливы, остры.

Иванъ.

Со мною говорить прошу васъ смѣло.
Мы все поймемъ, столичное вѣдь дѣло!
Потерлись кое-гдѣ: къ пріятелямъ, къ друзьямъ,
То въ ресторацiяхъ, то тамъ, то сямъ...
Къ тому-же просвѣщенье...
Вы сами знаете.

Наташа.

Слыхала иногда.
Но вы какъ здѣсь?

Иванъ.

Намъ здѣсь досталося имѣнье:
Такъ мы пріѣхали сюда
Кой что на первый разъ устроить:
Одно продать, другое заложить,
Поправить мужичковъ, оброки всѣ удвоить;
Хоть этой мелочью намъ стыдно дорожить,
Но баринъ мой, скажу вамъ по секрету,
Имѣетъ здѣсь преважныя дѣла.

Наташа.

Преважныя?

Иванъ.

Я вамъ открою тайну эту:
Меня плѣнили вы, его-жъ съ ума свела...

Наташа.

Неужто барышня?

Иванъ.

Такъ точно. Отгадали...

Наташа.

Но какъ и гдѣ?

Иванъ.

Въ Москвѣ у князя есть родня:
Они тамъ встрѣтились, другъ друга увидали
И князь въ четыре дня
Успѣлъ...

Наташа.

Понравиться?

Иванъ.

Безъ памяти влюбиться.

Наташа.

А барышня?

Иванъ.

Объ этомъ изъясниться
Онъ время не имѣлъ.

Наташа.

А стоило-бъ труда.
Вѣдь барышня невѣста хоть куда:
Пять тысячъ душъ...

Иванъ.

Такъ чтожъ такое?
Пять тысячъ душъ...

Наташа.

Какъ что?

Иванъ.

Да если бы и вдвое,
Насъ этимъ не прельстишь. А сверхъ того

Digitized by Google

Наташа.

Но барышня моя
Изволитъ знать... что онъ... что я...

Линская.

Добро! я знаю васъ, московскія красотки!
Ступай, голубушка! буфетчику скажи,
Чтобъ подалъ къ завтраку графинъ имбирной водки,
Къ столу хрусталь, да новые ножи
Въ оправѣ изъ слоновой кости,
Сервизъ серебряный и зеркальный плато,
Скажи, что ровно въ два часа пріѣдутъ гости,
И тотъ же часъ за столъ, не то...
Онъ знаетъ вѣдь меня! Ступай-же поскорѣй,
Да позови ко мнѣ Аѳоньку и Михея.

(*Наташа уходитъ въ боковыя двери, а Линская садится за столъ и наливаетъ себѣ чай*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Линская и вскорѣ Афонька и Михей. (*Афонька и Михей входятъ изъ боковыхъ дверей, становятся рядомъ и низко кланяются Линской, которая ихъ сначала не замѣчаетъ*).

Линская.

Охъ эти знатные! Въ нихъ вовсе толку нѣтъ,
Большая честь обѣдать съ нимъ приватно!
Да вздоръ! когда въ Москву поѣдетъ онъ обратно,
Такъ я прощальный дамъ обѣдъ
И всю губернію сберу. Вы здѣсь! Ну чтожъ вы стали?
Что видѣли вчера, о чемъ узнали?
Начни хоть ты, Михей.

Михей.

По вашему господскому приказу
Я былъ у Фрындиной. Она больна.

Линская.

И вѣрно съ глазу?
Куда глупа, Богъ съ ней!

Михей.

Не съ глазу, матушка, а развѣ отъ досады;
На всѣхъ прогнѣвалась, позоритъ безъ пощады,
А пуще барина и дочь.

Линская.

За что?

Михей.

Да такъ! Мусье французъ отходитъ прочь.

Линская.

Неужели?

Михей.

Его Бирюлькины сманили.

Линская.

Ну такъ! я знала напередъ;
Ужъ то-то чай ему и то и се сулили!
Да съ ними онъ не долго наживетъ!
У нихъ вѣдь каждый годъ обновка:
То нѣмецъ, то французъ. Ну что моя заловка?

Михей.

Алена Дмитревна? Здорова, говорятъ.

Линская.

И вѣрно весела?

Михей.

Охъ, матушка, наврядъ:
Она смѣется вслухъ, а плачетъ въ тихомолку.

Линская.

Вотъ то-то-же! Все лѣзли въ знатный кругъ,
Имѣнье прожили безъ толку...

Михей.

А свой товаръ не сходитъ съ рукъ.

Линская.

Да дочки у нея ужъ взрослыя дѣвицы;
Не даромъ изъ столицы
Изволили пріѣхать къ намъ.
По ярмаркамъ повозятъ ихъ, а тамъ
На выборы, да къ Липецкимъ водамъ
Затѣютъ вечера, театры, фанты;
А наши-то всѣ франты
Гурьбою къ нимъ, и вдругъ глядишь изподтишка...
Да дай, Господь, имъ женишка!

Михей.

Дай, Господи.

Линская.

Не знатнаго хоть родомъ.
Лишь только-бъ былъ богатъ.

Михей.

Я нынче мимоходомъ
Кой-что повывѣдалъ: дней пять тому назадъ
Они ужъ ѣхали совсѣмъ, и въ путь не ближній.

Линская.

Куда?

Михей.

На ярмарку сбирались въ Нижній.

Линская.

Такъ чтожъ?

Михей.

Отдумали.

Линская.

Зачѣмъ?

Михей.

Имъ по сердцу пришелъ, какъ видно, всѣмъ.
Андрей Степанычъ Лидинъ.

Линская.

Да этотъ женишокъ завиденъ,
Но только не для нихъ.

Михей.

Такъ свадьбы не бывать?

Digitized by Google

Линская.

Ни свадьбы, ни сговору.

Михей.

Осмѣлюсь доложить, по мнѣ такой женихъ
Хоть Софьѣ Дмитревнѣ такъ въ пору;
И слухъ было прошелъ, да что-то стихъ...

Линская.

Молчи, дуракъ! заврался.
Ну что сегодня ты справлялся,
Здоровъ-ли братъ?

Михей.

Ходилъ чѣмъ свѣтъ.

Линская.

О князѣ знаетъ онъ, иль нѣтъ?

Михей.

Изволитъ знать, я тотчасъ догадался,
Лишь только что взошелъ къ нему:
Какъ въ новый годъ одѣтъ: въ мундирѣ шитомъ,
При шпагѣ, въ башмакахъ, и видно по всему,
Къ его сіятельству отправился съ визитомъ.
А въ домѣ-то идетъ такая кутерьма,
Биткомъ набито все: заводчикъ, управитель,
Два лѣкаря, бурмистръ, учитель,
И всякаго народа тьма,
Ну словомъ свѣту представленье.

Линская.

Къ чему такая сцена?
Пора-бы, кажется, въ его лѣта
Смиренно жить.

Михей.

Свои онъ хочетъ заведенья
Показывать.

Линская.

Показывать. Кому?
Не князю-ли?

Михей.

Да, матушка, ему.
И школу, и заводъ, машинную теплицу!
А пуще-то всего больницу.

Линская.

Ну этимъ хвастаться не вижу я причинъ.
Народъ вездѣ приставленъ вольный,
Заводъ построенъ изъ лучинъ,
Больница изъ застольной...

Михей.

Нѣтъ, матушка, изъ двухъ оранжерей,
И стараго каретнаго сарая.

Линская.

Небось мой братецъ умирая
Своихъ не спроситъ лѣкарей.
Я гроша-бъ не дала всѣмъ этимъ объѣдаламъ:
Одинъ изъ нихъ былъ гдѣ-то коноваломъ,
Другой... да что тутъ говорить,
Спасибо некого морить.

Михей.

Конечно такъ! Охотниковъ немного.
Хоть лѣчутъ иногда.

Линская.

И полно ради Бога!
Гдѣ русскимъ лѣкарямъ лѣчить.
Ну ихъ-ли это дѣло?
Пожалуй и меня племянница хотѣла
Увѣрить, что въ Москвѣ умѣютъ ихъ учить;
Да вздоръ! Умны ужъ больно стали,
Объ этомъ въ старину слыхомъ мы не слыхали.
Ну что? не видѣлъ-ли еще кого-нибудь?
Не слышалъ-ли чего? Смотри, не позабудь.

Михей.

Кой-что, сударыня, все сущія бездѣлки:
У Ольгиной въ дому большія передѣлки:
Кирбитова послѣдняго слугу
Въ солдаты отдала—Панкратьича, гуслиста,
Да два семинариста,
Ушиблись на бѣгу.

Линская.

И ништо имъ: они всѣ хваты.

Михей.

Атуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псаря
На двухъ борзыхъ: еще-жъ подьячій изъ палаты
Мнѣ сказалъ, что ихъ секретаря
Со свѣту гонитъ предсѣдатель,
За взятки будто-бы...

Линская.

Ахъ, мой Создатель!
Каковъ-же онъ! Другимъ ворамъ
Потачки нѣтъ, а самъ-то, мой кормилецъ,
Безсовѣстный! Къ нему, чай, съ заднихъ крылецъ
Просители не ходятъ по утрамъ?
Вотъ такъ-то всѣ: къ чужимъ грѣхамъ
Въ насъ нѣтъ нимало снисхожденья.
О, Господи, прости намъ прегрѣшенья!
Мы всѣ на томъ стоимъ,
Другихъ ругаемъ и бранимъ,
А насъ самихъ, попробуй, тронь-ка?
Такъ, Боже, упаси! Ну, что молчишь, Аѳонька?
Разсказывай, что новаго узналъ?
Гдѣ былъ?

Аѳонька.

У Волгиныхъ въ гостяхъ, и такъ былъ встрѣченъ,
Что еле живъ теперь, насилу всталъ.

Линская.

Что сдѣлалось съ тобой?

Аѳонька.

Я вовсе изувѣченъ
И какъ еще на Божій свѣтъ гляжу!

Линская.

Но кто, и какъ?

Аѳонька.

Я все въ подробность доложу.

Digitized by Google

— Я на все согласенъ.

— Если такъ, то не давай больше баловъ, это будетъ началомъ испытанія.

— Ха, ха, ха! Прекрасное испытаніе! И ты думаешь... — Хорошо, мой другъ, я объявлю всѣмъ, что у меня болѣе дня не будетъ. Я увѣренъ, жена моя будетъ этому безъ памяти рада.

— Теперь прощай! Мнѣ пора домой.—Извини, если я къ тебѣ не буду ѣздить: я заваленъ дѣлами.

— Нѣтъ нужды, мой другъ, на будущей недѣлѣ я самъ къ тебѣ заѣду. До свиданія!

Ровно черезъ три недѣли послѣ сего разговора Мирославскій пріѣхалъ къ своему пріятелю. Извини, мой другъ,—сказалъ онъ,—я не сдержалъ своего слова: цѣлыя двѣ недѣли я чувствовалъ себя нездоровымъ и дней пять не вставалъ съ постели.

— Право! Но, я думаю, тебѣ не было скучно; пріятели твои...

— Не говори о нихъ, мой другъ! Они не стоютъ сего названія. Повѣришь-ли, никто изъ тѣхъ, которые бывали у меня каждую недѣлю на балѣ, не хотѣлъ заѣхать узнать о моемъ здоровьѣ. Кромѣ четырехъ друзей, о которыхъ я тебѣ сказывалъ, ни одинъ человѣкъ у меня не былъ, но зато они не пропускали ни одного дня.

— Тѣмъ лучше! Что значитъ толпа церемонныхъ гостей передъ обществомъ, составленнымъ изъ четырехъ искреннихъ друзей и доброй жены...

— Кстати о моей женѣ! Я не знаю, что съ ней сдѣлалось: она удивительно перемѣнилась. Вообрази, мой другъ, не смотря на свое отвращеніе къ танцамъ, жена цѣлую недѣлю сердилась на меня за то, что я пересталъ давать балы.

— Это оттого, мой другъ, что принуждаешь ее покупать наряды, когда ей теперь нѣтъ въ нихъ никакой нужды.

— Въ самомъ дѣлѣ ты правъ! Вчерась еще, желая по обыкновенію своему угодить мнѣ, она заказала себѣ пикинетовое платье, которое придется ей запереть въ комодъ, потому что она никуда не выѣзжаетъ, а у насъ почти никто не бываетъ. Точно, точно! Ей досадно по пустому бросать деньги, и если я скажу, что не хочу болѣе видѣть ее нарядною, то она вѣрно не будетъ жалѣть о балахъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Однакожъ, мой другъ, что-же твое испытаніе? — Правда, большая часть моихъ знакомыхъ меня забыли, но истинные друзья остались попрежнему друзьями.

— Посмотримъ, на долго-ли. Это было начало испытанія; теперь перемѣни своего повара, возьми самаго простого, давай какъ можно менѣе денегъ на кушанье и вмѣсто шато-марго вели подавать къ столу обыкновенный медокъ.

— Изволь, я тебя послушаюсь. Только къ чему это?

— Подожди нѣсколько дней и тогда ты самъ догадаешься, а теперь извини меня, я ѣду по своимъ дѣламъ.

— Что новаго? — спросилъ Здравомысловъ, увидя входящаго къ себѣ Мирославскаго,—мы съ тобой три недѣли не видались. Что твои друзья?

— Ихъ осталось только трое,—отвѣчалъ съ печальнымъ видомъ Мирославскій. — Баронъ пересталъ ко мнѣ ѣздить. Признаюсь, я не ожидалъ этого! Бывало лишь только ударитъ три часа, баронъ и въ двери; а теперь онъ каждый день у одного откупщика, который нанялъ прежняго моего повара, а ко мнѣ ни ногою.

— А что говорятъ о перемѣнѣ твоего стола остальные пріятели?

— Ни слова. Они также ко мнѣ привязаны, какъ прежде. Надобно сказать правду, безъ нихъ-бы я сошелъ съ ума. Мы играемъ каждый день въ бостонъ и пока я сижу за картами, жена оставляетъ меня въ покоѣ.

— Что ты хочешь сказать? Жена твоя...

— Совершенно перемѣнилась. Безпрестанно сердится, поминутно въ истерикѣ; кричитъ, что она пренесчастная женщина, сбирается умереть, и мнѣ пришлось-бы бѣжать, если-бы не князь Лестовъ, онъ одинъ только можетъ развеселить ее. Клеонъ и Эрастъ играютъ со мной въ карты, а князь разговариваетъ съ женою и такимъ образомъ иногда проходитъ цѣлый день безъ жалобъ и истерики. Теперь видишь-ли, мой другъ, что эти три человѣка истинно меня любятъ. Они жертвуютъ всѣми удовольствіями городской жизни для того только, чтобы дѣлить время съ однимъ мною. О, они точно меня любятъ!

— Даже и тогда, когда ты выигрываешь?

— Какое подозрѣніе! Не стыдно-ли тебѣ, мой другъ. Нѣтъ, ты уже слишкомъ недовѣрчивъ.

— Можетъ быть. Однакожъ, послушайся меня: перестань играть на нѣсколько времени.

— Такъ и быть. Но признаюсь тебѣ, мнѣ уже становится скучно.

— Еще двѣ недѣли и если друзья твои не перемѣнятся, я признаю себя побѣжденнымъ.

Лишь только назначенный срокъ кончился, Мирославскій явился къ своему пріятелю.

— Ну, г. мизантропъ!—вскричалъ онъ входя въ комнату.—Испытаніе кончено и ты побѣжденъ!

— Неужели!

— Въ этомъ могу тебя увѣрить.

— Ты не даешь баловъ, худо кормишь, не играешь въ карты, и друзья твои не перемѣнились?

— Не друзья, а другъ: Клеонъ и Эрастъ меня оставили, но князь Лестовъ,—по крайней мѣрѣ я въ немъ не ошибся, онъ сталъ ѣздить ко мнѣ чаще прежняго: это еще ничто передъ тѣмъ, что князь для меня сдѣлалъ: дружескіе его совѣты исправили жену мою: она стала по прежнему настоящимъ ангеломъ. Ты себѣ представить не можешь, какъ она его уважаетъ!

Въ то время, какъ Мирославскій договаривалъ сіи слова, вошелъ человѣкъ и подалъ ему письмо отъ жены.

— Ты увидишь, любезный Здравомысловъ,— сказалъ онъ распечатывая оное,—жена вѣрно пишетъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ на дачу: она еще вчерась туда отправилась. Съ нѣкотораго времени жена моя сдѣлалась такъ нѣжна, такъ ласкова, такъ... Боже мой! Что это значитъ?

— Что съ тобой сдѣлалось? — спросилъ Здравомысловъ.—Ты поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Посмотри, мой другъ, жена моя пишетъ, что не намѣрена жить со мною, и для этого рѣшилась уѣхать навсегда въ чужіе края!

Digitized by Google

— Возможно - ли? Госпожа Мирославская уѣхала въ чужіе края! И одна...

— Никакъ нѣтъ!—сказалъ слуга, принесшій письмо.—Человѣкъ князя Лестова сказывалъ мнѣ, что баринъ ихъ поѣхалъ съ нею вмѣстѣ.

3.

Неравный бракъ.

Лиза была молода, прекрасна и любезна, г. Славолюбскій былъ старъ, скупъ и дуренъ. Она любила городскую жизнь, балы, театры и всѣ шумныя удовольствія, онъ любилъ деньги, малый расходъ, холмогорскихъ быковъ и голландскихъ коровъ. Ей было не болѣе 18 лѣтъ, ему около шестидесяти. Кто не пожалѣетъ о бѣдной Лизѣ? Она была его женою! Вообразите фигуру уродливаго карлы; представьте себѣ лицо, на которомъ время напечатлѣло неизгладимыми чертами полные 60 л.—вотъ Славолюбскій. Видали-ли вы когда-нибудь богиню красоты, написанную рукою искуснаго художника: вотъ портретъ Лизы. Странно покажется, что Лиза вышла за такого урода. На это есть небольшая причина, о которой я позабылъ упомянуть. Г. Славолюбскій имѣлъ нѣсколько сотъ тысячъ и три или четыре подмосковныя. Но возможно-ли, чтобъ молодая, любезная дѣвица была такъ привязана къ богатству? Конечно нѣтъ. Но 18-лѣтняя дѣвушка не можетъ располагать сама собою, а какому батюшкѣ не кинутся въ глаза три тысячи душъ! Какая матушка не захочетъ видѣть свою дочку осыпанную брилліантами!

Лиза воспитывалась въ Москвѣ. Тамъ увидѣла она и полюбила Эраста, молодого, любезнаго человѣка. Онъ сватался: ему отказали (Эрастъ былъ не богатъ). Бѣдная дѣвушка грустила, тосковала и въ одинъ вечеръ получила повелѣніе явиться въ кабинетъ къ своему батюшкѣ. Она взошла и увидѣла тамъ всѣхъ родныхъ своихъ, собранныхъ вмѣстѣ. Дядюшки, тетушки родные, двоюродные, внучатные и проч. и проч., всѣ они посматривали другъ на друга и перешептывались. Почтенный батюшка, подобно Іакову, сидѣлъ посреди сего многолюднаго семейства. Подозвавъ поближе изумленную Лизу, изъяснилъ онъ въ короткихъ словахъ причину сего чрезвычайнаго собранія.

— Дочь моя,—сказалъ онъ,—тебѣ извѣстно, какъ разстроено наше состояніе; ты можешь своимъ послушаніемъ вывести насъ изъ критическаго положенія, въ коемъ мы находимся: почтенный другъ нашъ, г. Славолюбскій, берется выплатить долги всей нашей фамиліи и требуетъ въ замѣну сего руки твоей. Я хочу знать, согласна-ли ты выполнить нашу волю.

Тутъ поднялъ онъ величественнымъ образомъ свои взоры и устремилъ ихъ на трепещущую Лизу.

Она молчала.

— Отвѣчай, дочь моя, согласна-ли ты?

— Батюшка,—сказала тихимъ голосомъ бѣдная дѣвушка,—онъ такъ старъ!

— Три тысячи душъ!—ворчалъ двоюродный братецъ.

— Такъ дуренъ!...

— Триста тысячъ наличными деньгами,—пищала толстая тетушка въ пятомъ колѣнѣ.

— Я никогда не буду любить г-на Славолюбскаго.

— Дурочка!—шептала ей мать.—Да кто и требуетъ этого; тебѣ говорятъ, чтобъ ты только вышла за него замужъ.

— Я умру, если вы принудите меня это сдѣлать.

— Пустое, голубушка,—сказала внучатная сестрица—дѣвушка лѣтъ подъ сорокъ,—отъ этого не умираютъ.

— Къ чему всѣ эти отговорки,—продолжалъ батюшка,—говори прямо: хочешь-ли за него выдти, или нѣтъ?

— Нѣтъ!

Тутъ маменька закричала, папенька топнулъ ногою, дядюшки и тетушки, вся внучатная и правнучатная бесѣда зашумѣла, какъ туча шмелей, бѣдная Лиза плакала, плакала и, наконецъ, обтерши слезы бѣлымъ платочкомъ и бросивъ горестный взоръ въ ту сторону, гдѣ жилъ Эрастъ, сказала: да!

На другой день Лиза имѣла свиданіе съ женихомъ своимъ; выслушала длинную диссертацію о способѣ разводить съ удобностію рогатый скотъ. На третій г. Славолюбскій нарядился въ свой праздничный кафтанъ, а вечеромъ называлъ уже Лизу своею супругою. На четвертый, при полномъ собраніи дядюшекъ и тетушекъ, сказалъ своему тестю, что чувствуетъ всю честь, ему сдѣланную, и считаетъ себя обязаннымъ подумать о приведеніи въ порядокъ его дѣлъ; потомъ, взявъ подъ руку плачущую Лизу, прошелъ сквозь длинный рядъ родственниковъ и, сѣвши въ карету, отправился въ свою подмосковную.

Бѣдные родственники! И такъ всѣ лестныя надежды ваши кончились однимъ пустымъ обѣщаніемъ.

Долго не могли они опомниться, всѣ стояли въ прежнемъ положеніи. Наконецъ заговорили въ одно время, зачали ругать Славолюбскаго.

— Я предъувѣдомляла, что отъ этого осла ничего путнаго не будетъ,—кричала одна.

— Я предсказывалъ, что мы останемся въ дуракахъ,—ворчалъ другой.

— Для чего прежде свадьбы не заставить его выполнить данное обѣщаніе,—восклицала третья.

— Зачѣмъ упустили его,—пищала тетушка въ пятомъ колѣнѣ.

Батюшка заперся въ свой кабинетъ, матушка въ уборную, а жалкіе родственники, съ наполненными горестью сердцами и пустыми карманами, разъѣхались по домамъ.

Между тѣмъ, не смотря на тысячи проклятій, которыя стремились вслѣдъ за молодымъ супругомъ, путешествіе его приходило къ благополучному окончанію. Уже можно было различать вдали деревню, которая готова была сдѣлаться темницею несчастной Лизы. Она молчала, поглядывала назадъ и слезы невольнымъ образомъ капали на прелестную грудь ея. Она оставляла позади себя друзей своихъ, Эраста, все.

Славолюбскій смотрѣлъ впередъ и улыбался: онъ радовался скорому свиданію съ своими холмогорскими быками и голландскими коровами. Съ каждымъ шагомъ впередъ, несчастная чувствовала прибавленіе своей горести, сердце ее разрывалось.

Будучи воспитана съ самаго младенчества въ кругу родныхъ своихъ, привыкши къ городскимъ веселостямъ, она видѣла передъ собою пустыню, въ которой, можетъ быть, должна была на вѣкъ погребсти себя, жить въ деревнѣ, жить въ отдаленіи отъ друзей, родныхъ своихъ, имѣть каждую минуту передъ глазами человѣка, котораго ненавидѣла

Digitized by Google

болѣе всего на свѣтѣ, который разрушилъ навсегда всѣ прелестныя мечты ея. Ахъ! такая жизнь казалась ей несноснѣе самой смерти. Предавшись глубокой задумчивости, вспоминая счастливые дни прежней жизни своей, милаго Эраста, она позабыла на нѣсколько минутъ горестное свое положеніе.

— Вотъ онъ, вотъ онъ!—вскричалъ съ восхищеніемъ Славолюбскій высунувшись до половины изъ окошка. Лиза вздрогнула; заблужденіе ея исчезло и вмѣсто пламеннаго Эраста она увидѣла своего уродливаго супруга, который въ сильныхъ конвульсіяхъ необычайной радости казалось хотѣлъ выпрыгнуть изъ окошка, продолжая кричать изо всей силы: вотъ онъ, вотъ онъ! Изумленная Лиза спросила съ нѣкоторымъ любопытствомъ:

— Что такое?

— Скотный дворъ! Я вижу его отсюда.

Лиза, не смотря на печаль свою, улыбнулась.

— Такъ, это онъ!—продолжалъ Славолюбскій:—наконецъ я опять васъ увижу, любезные мои, увижу и долго уже, долго не разстанусь съ вами.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди несчастной красавицы: она слышала приговоръ свой!

Супруги подъѣхали къ околицѣ и пронзительный колокольный звонъ раздался по воздуху. Крестьяне стояли у воротъ; старики, женщины, ребятишки—каждый горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть молодую барыню. Впереди сей толпы стоялъ земскій изъ семинаристовъ; съ важнымъ видомъ поглядывалъ онъ на шумное собраніе народа; подавая имъ знакъ рукою пребывать въ молчаніи, онъ готовился произнести поздравительную рѣчь, надъ которой потѣлъ нѣсколько ночей. Карета остановилась и Славолюбскій вышелъ вмѣстѣ съ унылою Лизою.

Ораторъ выступилъ два шага впередъ, смиренно поклонился, надулся, правая рука отдѣлилась, поднялась и латинскій текстъ вылетѣлъ изъ краснорѣчивыхъ устъ его; за онымъ послѣдовали полновѣсные періоды, въ которыхъ истощено было все краснорѣчіе сего новѣйшаго Цицерона: метафоры лились рѣкою, голосъ его дѣлался часъ-отъ-часу живѣе, жесты выразительнѣе. Онъ уподоблялъ Лизу плодовитому древу, которое должно принесть сладчайшіе плоды, и кончилъ свое поздравленіе, пропѣвши хоромъ вмѣстѣ съ тремя дьячками многія лѣта молодымъ супругамъ. Славолюбскій изъявилъ свое благоволеніе, сѣлъ снова въ карету и поѣхалъ далѣе.

Теперь да позволено мнѣ будетъ, прежде чѣмъ доѣдутъ молодые до барскаго двора, сдѣлать небольшое отступленіе. Каждый разъ, употребляя въ семъ описаніи слово карета, чувствовалъ я сколь много погрѣшалъ противъ истины, давая сіе названіе экипажу, въ коемъ ѣхали новобрачные, и каждый разъ долженъ былъ сожалѣть, что мода и обычай изгнали изъ языка нашего много такихъ словъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ необходимы, напримѣръ, слово колымага могла-бы дать совершенное понятіе о дорожномъ экипажѣ Славолюбскаго; но кто не побоялся-бы на моемъ мѣстѣ, употребляя оное, подвергнуться колкимъ насмѣшкамъ модныхъ рецензентовъ, которые назвали-бы сіе коренное русское слово низкимъ, площаднымъ, и присудили-бъ въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи къ политической смерти и автора и его сочиненіе.

Посреди обширнаго двора, заросшаго полынью и репейникомъ, обнесеннаго высокимъ заборомъ, возвышались на кирпичномъ фундаментѣ деревянныя, обитыя тесомъ, хоромы — наслѣдственное зданіе въ фамиліи Славолюбскихъ; свинцовая рука времени привела въ ничтожество большую часть тесницъ на кровлѣ сего дома; искусная рука Антипыча, приказчика Славолюбскаго, замѣнила ихъ соломою. Еруслань Лазаревичъ и храбрый Бова Королевичъ, растерзанные безъ всякаго милосердія, были прилѣплены къ окнамъ на мѣсто разбитыхъ стеколъ; сзади къ дому примыкала густая дубовая роща; спереди, противъ воротъ, стоялъ огромный скотный дворъ—средоточіе всѣхъ радостей и наслажденій г. Славолюбскаго..

На тяжкихъ вереяхъ ворота заскрипѣли,
Бичъ хлопнулъ, и—

новобрачные вышли изъ кареты. На крыльцѣ, посреди кучи слугъ, стоялъ съ толстымъ брюхомъ и подобострастною миною г. управитель.

— Честь имѣемъ поздравить!—сказалъ онъ входящей на крыльцо новобрачной четѣ. „Поздравить честь имѣемъ!“ подхватила хоромъ вся дворовая сволочь.

— Спасибо, ребята, спасибо! Что, Антипычъ, каково на скотномъ дворѣ?

— Все, сударь, въ надлежащей исправности.

— Бѣлый холмогорскій быкъ? Черная голландская корова?..

— Вчерась, сударь, изволила отелиться.

— Душенька,—сказалъ Славолюбскій, обратясь къ своей женѣ,—ступай въ свою комнату, а я забѣгу взглянуть на своихъ коровокъ.

Лиза, провожаемая кучею дворовыхъ дѣвокъ, кои осматривали поперемѣнно съ ногъ до головы то молодую барыню, то служанку ея Анюту, прошла черезъ нѣсколько комнатъ, на голыхъ стѣнахъ которыхъ видны были остатки древнихъ обой. Вошедши въ свою спальню, выслала она всѣхъ, исключая Анюты, и предалась на свободѣ своей горести.

Ахъ! Какая женщина, привыкшая съ дѣтства къ блестящему обществу, не пришла-бы въ отчаяніе, будучи на ея мѣстѣ!

— Послушай, Антипычъ! Я намѣренъ съ тобою посовѣтоваться,—сказалъ Славолюбскій, спустя три дня послѣ своего пріѣзда;—завтрашній день я хочу дать свадебный обѣдъ: надобно позвать гостей и ближнихъ моихъ сосѣдей.

— Слушаю, сударь!

— Какъ-бы, Антипычъ, придумать намъ подешевле отпраздновать: всѣ эти праздники стоютъ дорого, а проку-то отъ нихъ не много.

— Конечно, сударь.

— Однакожъ, намъ не надобно себя и лицомъ въ грязь ударить.

— Совершенно правда, сударь.

— Во-первыхъ, желалъ-бы я хорошенько иллюминовать домъ, да плошки-то нынче не путемъ стали дороги, того и гляди, что рублей пять на эту дрянь выйдетъ.

— Позвольте, сударь, я думаю, что безъ плошекъ обойтись можно: я отдамъ приказъ крестьянамъ, чтобъ они снесли на барскій дворъ всѣ старые лагуны; какъ мы ихъ запалимъ, что твои плошки. Любо-дорого посмотрѣть будетъ!

— И то дѣло! Ай да Антипычъ! Ну, право,

Digitized by Google

ты старикъ умный! Намъ надобно также достать какую-нибудь музыку. Какъ ты думаешь, Антипычъ?

— Въ городѣ, сударь, есть два скрипача, да гуслистъ; дашь имъ копѣекъ пятьдесятъ, да по рюмкѣ водки, такъ они васъ цѣлые сутки тѣшить будутъ.

— И это хорошо. Теперь надо подумать объ обѣдѣ: дичи-то настрѣлено у насъ довольно; да этого все мало будетъ. Ну, инъ такъ и быть! Пускай-же себѣ не говорятъ, что Славолюбскій угощать не умѣетъ. Черный-то быкъ лѣтъ двадцати, онъ что-то больно сталъ плохъ: ни пьетъ, ни ѣстъ, того и гляди, что издохнетъ. Антипычъ, зарѣжемъ его!

— Зарѣжемте, сударь.

— Вели разлить по бутылкамъ полведра прошлогодней наливки, да вынуть изъ погреба двѣ бутылки французскаго пить здоровье, а о дессертѣ и говорить нечего: моченыхъ яблоковъ хоть не ѣшь.

— Да и сушеныхъ грушъ у насъ довольно.

— Хорошо, это все пойдетъ въ дѣло. Теперь гдѣ-бы намъ расположить обѣденный столъ: въ залѣ у насъ вчерась обвалился потолокъ; поправить къ завтрему не успѣютъ, а другія комнаты больно тѣсны.

— Не прикажете-ли сударь, опростать каретный сарай?

— Нѣтъ, я придумалъ лучше: вели сдѣлать на скорую руку лубошную галлерею; внутри тожно ее украсить зеленью и цвѣтами, а полъ усыпать пескомъ.

— Очень хорошо, сударь! Сейчасъ же пошлю накосить воза два травы! Извольте положиться на меня, все будетъ сдѣлано.

— Теперь ступай, Антипычъ, да мимоходомъ скажи старостѣ, чтобъ онъ отпустилъ полгарнца пшеничной муки дворовымъ людямъ: они должны завтра напудриться.

Что дѣлала бѣдная Лиза въ то время, когда супругъ ея приготовлялся съ такою пышностью торжествовать свою свадьбу? Она сидѣла въ своей комнатѣ, говорила съ Анютою объ Эрастѣ, плакала, гуляла по рощѣ и перебирала листы въ одномъ томѣ экономическаго журнала, который нашла у себя на окошкѣ.

— Ну, душенька!—сказалъ Слаболюбскій, входя къ ней въ комнату,—будь повеселѣе: завтра у насъ будутъ гости; ты познакомишься съ городничихой—препочтенная дама! Во всемъ околоткѣ она одна можетъ похвастаться такими коровами, какія у меня. Да кстати, ты еще не была у меня на скотномъ дворѣ? Право, милая, есть что посмотрѣть!

— Вѣрю, сударь; но я еще прежде нашей свадьбы говорила вамъ, что не охотница до этого!

— Полюбишь, милая, полюбишь, какъ поживешь здѣсь годковъ десять...

— Ахъ, сударь! Неужели мы всегда будемъ здѣсь жить?

— Я иногда буду по дѣламъ ѣздить въ Москву, а ты, душенька, станешь оставаться дома и хозяйничать; вѣдь надобно-же тебѣ пріучаться.

О, Лиза, Лиза, для чего ты сказала да? Для чего не перенесла равнодушно упреки своихъ дядюшекъ и тетушекъ? Для чего пожертвовала ты собою? Такъ думала бѣдная Славолюбская, оставшись одна, и—о, вы, строгіе моралисты, непреклонные къ слабостямъ другихъ, снисходительные къ собственнымъ вашимъ порокамъ, осмѣльтесь осудить ее.

Весь день былъ употребленъ на приготовленіе къ торжеству: умирающій быкъ кончилъ жизнь свою отъ руки жестокаго повара; скрипачи и гуслистъ настраивали въ застольной свои инструменты; лагуны разставлены по мѣстамъ, и прежде, чѣмъ солнце скрылось за густую дубовую рощу, лубошное зданіе было окончено. Антипычъ превосходилъ самого себя. Ничто не укрывалось отъ прозорливыхъ его взоровъ: мимоходомъ замѣтилъ онъ въ одномъ углу двора старую заржавленную чугунную пушку, которая около двадцати лѣтъ лежала на одномъ мѣстѣ и была нѣкогда въ большомъ употребленіи у бабушки г-на Славолюбскаго, великой охотницы до пальбы. Читатели, я думаю, замѣтили уже, что Антипычъ былъ одаренъ отъ природы изобрѣтательнымъ и скорымъ на выдумки воображеніемъ. Чугунная пушка возродила въ немъ желаніе удивить пріятною нечаянностью своего барина; за желаніемъ слѣдовало исполненіе,—и грозное орудіе лежало уже позади лубошнаго зданія на двухъ чурбанахъ, кои лучшимъ образомъ замѣняли недостатокъ лафета; большая куча тростника, оставшагося отъ кровли, скрывала ее отъ любопытныхъ взоровъ.

— Кумъ,—сказалъ Антипычъ краснорѣчивому земскому,—я думаю, ты не оставишь въ завтрашній высокоторжественный день произнести приличное слово.

— Всеконечно, любезный куманекъ!

— Если такъ, то прошу тебя заключить оное многолѣтіемъ, потому что вмѣстѣ съ онымъ намѣренъ я произвести пушечную пальбу.

— Изрядно, куманекъ! Но нижайше прошу взять въ разсужденіе, что оной пальбѣ слѣдуетъ произойти неукоснительно при концѣ моей рацеи, дабы не прервать меня посреди одного изъ періодовъ.

— Не безпокойся, все будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ ночи кончились всѣ приготовленія. Славолюбскій, ложась спать, восхищался, воображая, сколько шуму надѣлаетъ въ околоткѣ роскошный пиръ, имъ приготовленный; болѣе всего ему нравилась безубыточная выдумка освѣщенія.—Ахъ! если-бъ онъ предчувствовалъ всѣ бѣдствія, которыя произойдутъ отъ проклятыхъ лагуновъ. Еслибъ зналъ, какихъ золъ будетъ причиною сія пагубная иллюминація.

Солнце едва еще стало показываться на горизонтѣ, какъ Антипычъ явился съ кучею крестьянокъ, обремененныхъ цвѣтами и различною зеленью; онъ приступилъ немедленно къ украшенію внутренности вновь сооруженнаго зданія. Красноглаголивый земскій изливалъ уже въ послѣднемъ періодѣ своей поздравительной рѣчи все краснорѣчіе, почерпнутое имъ въ семинаріи; крестьяне торопились на работу, чтобъ успѣть возвратиться заранѣе домой и поглядѣть на ужасное истребленіе лагуновъ своихъ; Славолюбскій примѣривалъ свой праздничный кафтанъ въ то время, когда люди его посыпали головы свои пшеничной мукой! Горе имъ! если-бъ господинъ ихъ могъ читать въ книгѣ судебъ; если-бъ какая-нибудь Сибилла предрекала ему слѣдствія злополучнаго праздника: онъ велѣлъ-бы тогда вмѣсто муки пепломъ посыпать имъ главы свои.

Не знаю, тайное-ли какое предчувствіе, или что-нибудь другое было тому причиною, что Лиза, которая, несмотря на предувѣдомленіе своего супруга, не намѣрена была для гостей

Digitized by Google

наряжаться, приказала по утру Анютѣ вынуть лучшее свое платье, и просидѣла за туалетомъ гораздо долѣе обыкновеннаго.

Анюта прикалывала послѣдній цвѣтокъ къ головному убору своей барыни, какъ г. Славолюбскій вошелъ въ ея комнату.

— Душенька,—сказалъ онъ,—одѣвайся проворнѣе, гости уже съѣхались и г-жа городничиха съ нетерпѣніемъ тебя ожидаетъ.

Лиза взглянула въ окошко; ободранныя коляски, плачевные рыдваны, безконечныя линеи и коротенькія линеечки, перемѣшанныя различнымъ образомъ, стояли въ пріятномъ безпорядкѣ посреди двора; подобно Колоссу возвышался между оныхъ огромный фаэтонъ почтенной городничихи, предметъ зависти и удивленія всѣхъ ея знакомыхъ.

Лиза окончила свой туалетъ и вошла вмѣстѣ съ супругомъ своимъ въ гостиную.

Гдѣ ты, неподражаемый Гогардъ! Оставь на минуту своихъ флегматическихъ соотечественниковъ, переселились въ мою веселую горенку, возьми свою чудотворную кисть и изобрази на холстѣ, тобою одушевляемомъ, то, чего не можетъ описать перо мое, представь со всѣмъ причтомъ г-на городничаго и высокоименитую супругу его; сдѣлай легкій эксизъ обществу, посреди котораго должна жить воспитанная въ самомъ блестящемъ кругу несчастная супруга Славолюбскаго; изобрази ее входящую въ пріемную комнату; представь весь церемоніалъ уѣздныхъ рекомендацій, какъ каррикатура за каррикатурою подходятъ съ различными ужимками, минами и тѣлодвиженіями къ смущенной Лизѣ; какъ старыя дамы въ кисейныхъ накрахмаленныхъ чепцахъ душатъ ее своими безконечными поздравленіями; какъ молодыя женщины, разодѣтыя не хуже московскихъ горничныхъ дѣвушекъ, осыпая ее поцѣлуями, пересчитываютъ всѣ складки ея платья и замѣчаютъ каждый бантикъ въ головномъ уборѣ; какъ почтенные чиновники уѣзднаго и земскаго судовъ, старые помѣщики и длинные недоросли шаркаютъ ногами и истощаютъ все краснорѣчіе въ своихъ витіеватыхъ рекомендаціяхъ; изобрази все это, неподражаемый Гогардъ, и поставь смѣло свою картину наряду съ лучшими произведеніями руки твоей.

— Ну, моя радость, — сказала, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, г-жа городничиха—толстая, короткая, краснощекая, лѣтъ подъ сорокъ дама,—какова вамъ кажется наша сторона?

— Я такъ недавно еще здѣсь, сударыня, что ничего не могу вамъ отвѣчать на это.

— Съ начала, миленькая, вамъ конечно покажется здѣсь скучнѣе московскаго, но какъ пообживетесь, то будетъ весело; я сама была воспитана въ губернскомъ городѣ, и когда, вышедши замужъ, должна была жить въ уѣздномъ, то сначала очень тосковала. Не правда-ли, мой другъ?—продолжала она, оборотясь къ своему мужу, худенькому и малорослому старичку.

— Правда, мой ангелъ! — отвѣчалъ онъ, — первые дни ты была настоящимъ дьяволомъ: сердилась на меня, дралась съ своими дѣвками; однимъ словомъ, все было не по тебѣ, все казалось противнымъ, еслибъ не посѣтила насъ на третій день любезная наша Анна Степановна, то мнѣ осталось-бы, завязавши глаза, бѣжать прямо въ воду. Ужъ истинно по милости ея гляжу я теперь на свѣтъ Божій.

— Какой затѣйникъ,—сказала исправничиха, къ которой относились послѣднія слова;— вѣчно съ своими шуточками!

Вскорѣ разговоръ обратился на другіе предметы. Одинъ изъ сосѣдей Славолюбскаго, копія Скотинина, извѣстнаго дѣйствующаго лица въ прекрасной комедіи „Недоросль", взошелъ съ нимъ въ жестокій споръ; онъ доказывалъ, что природа ни въ чемъ не показала столь много своего могущества, что творческая рука ея не создала ничего совершеннѣе большой жирной свиньи и что рогатый скотъ цѣлаго свѣта не стоитъ одного настоящаго, породистаго цуцкаго борова. Славолюбскій съ жаромъ опровергалъ его мнѣніе, городничиха взяла сторону хозяина; другіе присоединились къ его сопернику, и споръ сдѣлался общимъ.

Жалкое сіе преніе было прервано приходомъ человѣка, который прокричалъ громогласно, что пріѣхалъ Мирославскій, одинъ изъ сосѣдей Славолюбскаго. Дверь отворилась, и онъ взошелъ съ незнакомымъ молодымъ человѣкомъ.

— Рекомендую вамъ моего пріятеля!—сказалъ Мирославскій хозяину. Лиза подняла глаза, которые до того были потуплены, и кто изъяснитъ ея удивленіе! Незнакомый молодой человѣкъ былъ Эрастъ!

Ахъ! какъ запылали лилейныя щеки нашей красавицы, когда Мирославскій, подводя къ ней Эраста, сказалъ: „Кажется не нужно рекомендовать моего пріятеля; если не ошибаюсь, вы съ нимъ давно уже знакомы".

Бѣдная Лиза какъ будто онѣмѣла: она не могла выговорить ни одного слова.

— Да, сударь,—сказалъ Эрастъ, примѣтя смущеніе Лизы,—я имѣлъ счастіе пользоваться знакомствомъ почтенныхъ ея родителей.

Что можетъ укрыться отъ проницательныхъ взоровъ ревниваго мужа? Славолюбскій примѣтилъ смущеніе Лизы, ея пылающія щеки и какой-то необыкновенный взглядъ, брошенный украдкою на Эраста. Этого уже было довольно, чтобъ привести его въ ужасное безпокойство; широкій лобъ его покрылся морщинами, онъ подошелъ къ Эрасту, сказалъ ему съ холодностью нѣсколько обыкновенныхъ вѣжливостей и, отведя на другой конецъ горницы, просилъ садиться. Влюбленный человѣкъ не уступитъ въ догадливости ревнивому мужу. Эрастъ, замѣтя, что его подозрѣваютъ, сталъ разговаривать съ своими сосѣдями, не глядѣлъ на Лизу, и казалось совсѣмъ позабылъ, что она съ нимъ въ одной горницѣ. Славолюбскій успокоился; зачалъ думать, что ошибся въ своемъ подозрѣніи; что необычайная краска въ лицѣ его супруги произошла отъ одной застѣнчивости, и возобновилъ съ прежнимъ жаромъ споръ, прерванный пріѣздомъ Мирославскаго. Натурально, Эрастъ взялъ его сторону.

— Позвольте, — сказалъ онъ упорному защитнику свиней,—сдѣлать вамъ небольшое замѣчаніе: вы, унижая любимыхъ скотовъ г. Славолюбскаго, позабыли, что самъ Юпитеръ превращался для похищенія Европы въ сіе благородное животное; что древніе египтяне имѣли всегда въ числѣ боговъ своихъ одного бѣлаго быка, и что свиньи никогда и ни въ какой части свѣта не пользовались такою честью.

Все упорство г. Скотинина не могло устоять противъ сего историческаго довода; онъ не могъ опровергнуть онаго по весьма натуральной причинѣ: Эрастовы слова казались ему

Digitized by Google

китайскою азбукою. Удивляясь обширнымъ познаніямъ и глубокой его премудрости, онъ замолчалъ и уступилъ ему мѣсто сраженія.

— Браво! — вскричалъ Славолюбскій, обнимая съ восхищеніемъ побѣдителя, — нельзя лучше доказать превосходство моихъ любимыхъ животныхъ передъ всѣми прочими; я вижу, вы знатокъ и охотникъ. Смѣю васъ увѣрить, что если побываете на моемъ скотномъ дворѣ, то ваша къ нимъ привязанность чрезъ сіе нимало не уменьшится.

— Сердечно, сударь, радуюсь, что наши вкусы сходны межъ собою.

Между тѣмъ всѣ гости поднялись. Хозяинъ повелъ городничиху, супругъ ея хотѣлъ было сдѣлать эту честь Лизѣ, но Эрастъ былъ проворнѣе; онъ подалъ ей руку и пошелъ вмѣстѣ съ прочими гостями.

Быть долгое время въ разлукѣ съ любимцемъ души своей; думать, что разлука сія должна быть вѣчною, и вдругъ увидѣть его передъ собою, слышать пріятный голосъ своего возлюбленнаго, прикасаться своей рукой къ его рукѣ! О, эти чувства!... Но извините, я не знаю, какъ описать ихъ! Прекрасная читательница! Если вы никогда не любили, то спросите вашихъ милыхъ подругъ, и вѣрно многія изъ нихъ будутъ вамъ описывать то непостижимое и пріятное чувство, которое наполняетъ нашу душу, когда мы находимся въ первый разъ послѣ долгой разлуки вмѣстѣ съ милымъ, или милою своей; будутъ вамъ толковать, изъяснять, доказывать, и вы не поймете ихъ до тѣхъ поръ, пока сами въ свою очередь не узнаете по опыту того, чего никакая теорія совершенно изъяснить и доказать не можетъ.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?—шепнула Лиза голосомъ, который имѣлъ видъ упрека, и съ нѣжнымъ взоромъ, который говорилъ совсѣмъ другое. О, женщины, женщины! Вамъ лишь возможно въ одно и то же время приводить насъ въ отчаяніе и подавать лестную надежду; казаться нашими невольницами, и деспотически повелѣвать нами; однимъ словомъ, дѣлать изъ насъ все то, что вамъ угодно.

— Ахъ, сударыня!—отвѣчалъ Эрастъ,—я рѣшился на все, рѣшился видѣть торжество моего соперника; хотѣлъ узнать, заслуживаетъ-ли онъ свое благополучіе; найти васъ счастливою, и умереть, утѣшаясь мыслью, что я одинъ несчастливъ.

Вмѣсто отвѣта, Лиза взглянула на него такъ жалко, такъ жалко, что вердце бѣднаго Эраста облилось кровью. Съ горестью пожалъ онъ трепещущую руку несчастной красавицы и замолчалъ.

Все многочисленное общество вступало въ лубошную галлерею. Дамы ахнули отъ удивленія! Внутренность ея была убрана гирляндами изъ цвѣтовъ, полъ усыпанъ пескомъ и зеленью; однимъ словомъ, во всемъ виденъ былъ тонкій вкусъ Антипыча и расточительный нравъ его барина. Посреди тростниковаго потолка, на тоненькой бичевочкѣ, висѣла люстра; на концахъ, положенныхъ крестъ-на-крестъ, двухъ палокъ прилѣплены были четыре восковыя свѣчки; вся люстра была убрана зеленью и представляла вмѣстѣ съ прочими украшеніями галлереи что-то романическое и пріятное для глазъ всего восхищеннаго собранія: но когда взоры ихъ обратились на переднiй уголъ, то всеобщее браво, какъ громъ, раздалось по воздуху. Гирлянды изъ полевыхъ цвѣтовъ, изгибаясь различнымъ образомъ, образовали изъ себя вензелевое имя хозяина и его супруги; надъ ними изъ огромныхъ подсолнечниковъ была представлена корона, а внизу—рога несчастнаго двадцатилѣтняго быка, обвитые гирляндами и туго набитые цвѣтами, въ совершенствѣ представляли рога изобилія, и, казалось, предвѣщали счастливую и безмятежную жизнь молодымъ супругамъ! Прошу не погнѣваться: Антипычъ не хуже всякаго зналъ миѳологію.

Между восхищенными гостями нашелся, однакожъ, одинъ записной уѣздный насмѣшникъ (гдѣ нѣтъ этихъ господъ!), который шепталъ своимъ сосѣдямъ, что эти рога ничего путнаго не предвѣщаютъ; но никто не хотѣлъ слушать его замѣчаній. Скрипачи-виртуозы и гуслистъ затянули „При долинушкѣ стояла“; туча лакеевъ въ разнокалиберныхъ ливреяхъ, шитыхъ при Петрѣ первомъ, заняли свои посты позади стульевъ, и всѣ гости разсѣлись по старшинству чиновъ, разумѣется супруга городничаго заняла первое мѣсто.

Случай-ли былъ тому причиною, или что-нибудь другое: Эрастовъ стулъ находился прямо противъ того мѣста, гдѣ сидѣла Лиза. Онъ не спускалъ съ нея глазъ; а какъ по весьма натуральной причинѣ, тотъ, кто глядитъ не сводя глазъ въ одно мѣсто, не можетъ видѣть того, что дѣлается въ другомъ, Эрастъ не замѣчалъ подозрительныхъ взоровъ Славолюбскаго. Лиза сидѣла потупивши глаза и казалось смотрѣла на тарелку; но если-бы ее спросили въ ту минуту, какое передъ ней стоитъ кушанье, то она не знала-бы, что отвѣчать: изрѣдка глаза ея встрѣчались съ пламенными взорами Эраста: бѣдная Лиза приходила въ такое смущеніе, что брала вмѣсто ножа вилку и хотѣла ложкою разрѣзать жаркое: все это ужаснымъ образомъ заставляло хмуриться ревниваго мужа. Но безпрерывная ихъ разсѣянность была замѣчена не однимъ подозрительнымъ супругомъ; прислуга Славолюбскаго, для которой въ кругломъ году не было ни одного мясоѣда, воспользовалась безпечностію своей барыни и незнакомаго гостя: тарелки съ кушаньемъ исчезли, а на мѣсто ихъ появились пустыя; они не обращали на сіе никакого вниманія: это было также замѣчено хозяиномъ.

„Кто во время стола не спускаетъ съ чего-нибудь своихъ глазъ и позабываетъ ѣсть, тому сей предметъ милѣе ѣды; кто любитъ кого болѣе своего желудка, тотъ очень любитъ; слѣдственно Эрастъ очень любитъ мою жену, а жена моя очень любитъ Эраста“. Такъ философствовалъ Славолюбскій и часъ-отъ-часу хмурился больше.

На дворѣ смеркалось; вокругъ дома и праздничной галлереи запылали разставленные въ симметрическомъ порядкѣ лагуны; столъ приходилъ къ концу; уже начинали подавать моченые яблоки; уже двѣ бутылки стараго французскаго были раскупорены, — какъ вдругъ, толкая направо и налѣво, пробивается сквозь толпу лакеевъ, въ праздничномъ кафтанѣ, съ тетрадью въ рукѣ г. Земскій; все собраніе обратило на него свои взоры; онъ вышелъ впередъ и, сдѣлавши низкій поклонъ, зачалъ:

— Высокоименитое собраніе, и ты, о треблаженная чета!...

Вдругъ раздался громкій выстрѣлъ; дамы ахнули; мужчины выскочили съ своихъ мѣстъ. Антипычъ остолбенѣлъ; прерванный ораторъ бросалъ на него взоры, въ коихъ изображалось ужасное негодованіе.

Digitized by Google

— Что это значитъ?—спросилъ Славолюбскій.

— Пожаръ, пожаръ! — раздалось снаружи:— пожаръ, пожаръ!—закричали внутри, и вмигъ быстрый пламень охватилъ тростниковую кровлю лубошнаго зданія.

Ахъ! какъ зазвенѣли стаканы и графины, какъ загремѣлъ бѣдный фаянсовый сервизъ г-на Славолюбскаго, когда огромный столъ со всѣмъ своимъ приборомъ повалился на полъ! Вся субординація была потеряна: люди давили своихъ господъ, дамы кричали какъ сумашедшія, мужья забывали своихъ женъ, жены не думали о своихъ нарядахъ; большая часть гостей валялись посреди остатковъ обѣда, покрытые упадшимъ столомъ, который не позволялъ имъ приподняться. Злое несчастіе, которое всегда преслѣдуетъ людей, заставило миніатюрную г-жу исправничиху попасть подъ увѣсистую супругу г. городничаго. Бѣдная думала, что цѣлая свинцовая гора на нее обрушилась, она не могла кричать, не могла переводить духа; опасность умудряетъ всякаго: она вцѣпилась зубами въ тотъ предметъ, который отнималъ у нея дыханіе. Городничиха, чувствуя боль и воображая, что начинаетъ уже понемногу горѣть, кричитъ ужаснымъ голосомъ и употребляетъ тоже средство, чтобы высвободиться изъ подъ двухъ толстыхъ помѣщицъ и одного засѣдателя. Пронзительный крикъ, ужасный вой раздаются повсюду; съ трескомъ обрушивается тростниковая кровля, и все собраніе исчезаетъ посреди пылающихъ ея остатковъ.

Что дѣлалъ Эрастъ въ минуту сей ужасной суматохи? Онъ искалъ глазами Лизы;—ея не было. Эрастъ бросился вмѣстѣ съ прочими къ дверямъ и, продравшись кой-какъ сквозь толпу, очутился въ рощѣ. Первое движеніе его было искать Лизу, вдали между кустовъ мелькало бѣлое платье, онъ побѣжалъ туда: это была она.

— Ахъ, Эрастъ! вы спаслись. Боже! я вся дрожу отъ страха.

— Не бойтесь, сударыня, пожаръ не будетъ имѣть дальнѣйшихъ слѣдствій. — Ахъ! какъ много я ему обязанъ! Я могу говорить съ вами свободно, могу сказать вамъ...

— Что вы отъ меня хотите, сударь! Мы должны забыть другъ друга.

— Лиза, прелестная Лиза!

— Она должна быть для васъ госпожей Славолюбской.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы всегда останетесь для меня Лизою! Я не хочу думать о семъ ненавистномъ бракѣ. Вы та-же Лиза, та самая, которую я не переставалъ любить пламенно, которая говорила мнѣ нѣкогда: „Эрастъ, я люблю тебя, люблю болѣе самой жизни?“

— Перестаньте, сударь, не забывайте, что я принадлежу другому: вы должны забыть меня!--Ахъ, Эрастъ! я не существую для васъ болѣе!

— Мнѣ забыть васъ? Ахъ! Я живу однимъ воспоминаніемъ тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда я ласкалъ себя надеждою быть супругомъ вашимъ, одною мыслію, что Лиза меня любитъ, и вы хотите, чтобъ я забылъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно.

Тутъ Эрастъ схватилъ ея руку, осыпалъ пламенными поцѣлуями. Смущенная, трепещущая Лиза едва имѣла довольно силъ, чтобы отнять ее; громко говорила за Эраста любовь въ сердцѣ ея, но ангелъ непорочности бодрствовалъ надъ нею: потупивъ глаза, слушала она своего любовника: уже не отнимала своей руки, которую Эрастъ прижималъ къ груди своей... Но возвратимся къ нашимъ несчастнымъ гостямъ, которые валяются въ различныхъ положеніяхъ, покрытые полуобгорѣвшимъ тростникомъ и остатками великолѣпнаго пиршества.

Нѣтъ! они уже не лежатъ, не валяются кучами на полу, не кричатъ, не давятъ другъ друга; сырые лубки не стали горѣть, и пожаръ кончился вмѣстѣ съ паденіемъ кровли: гости выползаютъ понемногу изъ-подъ стола, изъясняются, говорятъ, извиняются и находятъ, что сіе ужасное приключеніе не имѣетъ весьма важныхъ слѣдствій. Два или три недоросля опалили себѣ волосы. Исправникъ разбилъ себѣ до крови носъ. Г. Скотининъ былъ облитъ съ ногъ до головы краснымъ соусомъ, и въ семъ видѣ чрезвычайно походилъ на своихъ любимыхъ животныхъ; хозяинъ, о! хозяинъ потерпѣлъ болѣе всѣхъ: весь полъ былъ устланъ остатками разбитаго сервиза, и цѣлая фалда праздничнаго его кафтана во время суматохи была оторвана. Неподвижными глазами смотрѣлъ онъ на сію картину разрушенія,— какъ вдругъ одна мысль быстрѣе молніи заставила его окинуть глазами все собраніе: Лизы нѣтъ. Онъ ищетъ глазами Эраста: — его также нѣтъ. Какъ сумашедшій бросается онъ вонъ изъ галлереи и бѣжитъ въ рощу.

Покуда онъ осматриваетъ каждый кусточикъ, я разскажу въ двухъ словахъ причину всей суматохи. Прошу припомнить, что пушка, стоявшая позади галлереи, была маскирована кучей тростника, оставшагося отъ кровли: одинъ изъ горящихъ лагуновъ, бывъ нечаянно опрокинутъ, покатился прямо въ кучу: сухой тростникъ вспыхнулъ, пламень поднялся до кровли. она запылала: — нѣсколько искръ попали въ затравку чугунной пушки и кутерьма началась.

— Милый Эрастъ! — шепталъ кто-то позади пустого орѣховаго куста. — Славолюбскій кидается туда безъ памяти и о, ужасъ! Эрастъ стоитъ на колѣняхъ передъ его супругою, покрывая горячими поцѣлуями ея руку. Если-бы тысячи громовъ, соединясь вмѣстѣ, упали къ ногамъ Лизы, то и тогда-бъ она менѣе испугалась, чѣмъ нечаяннаго появленія своего супруга, который, подобно бѣснующемуся, скрипѣлъ зубами и не могъ отъ бѣшенства произнести ни одного слова.

— Что вы здѣсь дѣлаете, сударыня!—закричалъ онъ, наконецъ, глухимъ прерывающимся голосомъ.

— Ахъ, сударь,—сказала блѣдная, трепещущая Лиза, — вы можете имѣть ужасное подозрѣніе; но увѣряю васъ...

— Молчи, негодная!

— Успокойтесь, милостивый государь!—сказалъ Эрастъ, оправясь отъ перваго замѣшательства,—клянусь вамъ честью, что подозрѣніе ваше не справедливо, — мы разговаривали...

— О! я вижу, сударь, — отвѣчалъ съ адскою улыбкою Славолюбскій,—вы разговаривали, и кажется съ большимъ жаромъ. Но прошу васъ сію же минуту отсюда убираться и не пріѣзжать болѣе разговаривать съ моей женой. Что же вы остановились, сударыня,—продолжалъ онъ, дернувъ за руку полумертвую Лизу,—не хотите-ли броситься на шею къ вашему милому Эрасту, и при мнѣ съ нимъ распрощаться?

Никто изъ дѣйствующихъ лицъ сей сцены не примѣтилъ толпу зрителей, между коихъ

Digitized by Google

находилась и супруга г-на городничаго; она стояла ближе всѣхъ и не проронила ни одного слова.

Лиза ушла въ свою спальную; гости стали разъѣзжаться, Мирославскій увезъ насильно Эраста, который хотѣлъ непремѣнно изъясниться съ хозяиномъ; а Славолюбскій заперся въ свой кабинетъ, осыпая проклятіями Эраста и свою невѣрную супругу.

— Что вы думаете о г-жѣ Славолюбской?— сказала на другой день супруга городничаго почтенной исправничихѣ.

— Она совсѣмъ безъ воспитанія; не спросила даже, почемъ куплена кисея на моемъ платьѣ!

— А послѣдняя сцена, которой мы были свидѣтелями? — Не правда-ли, Славолюбскій дурно сдѣлалъ, что женился на этой вѣтренницѣ?

— Ништо ему старому скрягѣ; мало-ли здѣсь невѣстъ! Нѣтъ! дай ему московскую модницу! Пускай-же теперь и сгуливаетъ: по дѣламъ вору и мука!

— А что вы скажете объ его обѣдѣ; не правда-ли, ничто не можетъ быть хуже?

— Я съ вами согласна: столъ былъ предурной, услуга скверная, наливка гадкая, однимъ словомъ, все никуда не годилось.

То-же самое, или почти тоже говорили въ каждомъ домѣ: ругали мужа, поносили жену, осмѣивали угощеніе, и если-бъ онъ ихъ опять позвалъ, то всѣ бы безъ исключенія опять къ нему и поѣхали.

— Ну, сударь, и вы скажете теперь, что книга ваша имѣетъ какую-нибудь моральную цѣль?

— Да, сударыня!

— Перестаньте, сударь! Чѣмъ начинается ваше сочиненіе? Невѣрностью молодой женщины, которая не успѣла еще выйти замужъ, а сдѣлала уже своего мужа... Но кто сказалъ вамъ, прекрасная читательница, что Лиза измѣнила своему супругу? Я увѣренъ, подозрѣнія ревниваго мужа не справедливы; но еслибъ оно было истинно, то согласитесь сами, что начало моей книги содержитъ прекрасный урокъ для престарѣлыхъ людей, которые, подобно Славолюбскому, имѣли дурачество жениться на 18-лѣтней дѣвушкѣ, и сумасшествіе думать, что, закопавъ ее въ деревнѣ, и лиша всѣхъ удовольствій, свойственныхъ ея лѣтамъ, могутъ они предохранить отъ всякаго посрамленія супружеское чело свое.

Ну, слава Богу; я кое-какъ отдѣлался отъ моей немилосердной рецензентики. Но что я слышу, какое множество различныхъ голосовъ! Бѣдная книга, какая ужасная буря сбирается надъ тобою!... Вывесть на сцену какого-то деревенскаго приказчика, какого-то гусляста, кучу уродовъ, глупѣй одинъ другого; писать цѣлыя страницы о коровахъ и свиньяхъ; входить въ такія мелкія, низкія подробности. Фи, какъ это все гадко, bon Dieu! и эта книга называется романомъ! Тутъ нѣтъ ни на волосъ вкуса, ни ума! Эта книга не годится ни на что, точно, ни на что!

Милостивые государи и милостивыя государыни, позвольте бѣдному сочинителю промолвить хотя одно слово въ свое оправданіе, и послѣ говорите все, что вамъ угодно. Начиная сію книгу, я намѣренъ былъ описывать свѣтъ и людей точно таковыми, каковыми они есть; я не хотѣлъ, подобно многимъ романистамъ, выводить на сцену вмѣсто обыкновенныхъ людей мечтательныя существа, имѣющія бытіе свое въ одномъ воображеніи автора, не хотѣлъ описывать характеры, которыхъ вы не встрѣтите въ нашемъ отечествѣ. Я желалъ, начиная мою книгу, взглянуть мимоходомъ, вмѣстѣ съ читателемъ, на образъ жизни богатаго и скупого помѣщика, которыхъ, скажу вамъ потихоньку, есть еще много, очень много на нашей матушкѣ святой Руси. Смѣю васъ увѣрить, я рисовалъ съ натуры, и могу скорѣе назваться живописцемъ, чѣмъ авторомъ; такъ виноватъли я, что кругъ людей, описанный мною, составленъ не изъ князей и графовъ; виноватъли я, что они вмѣсто Фильда слушаютъ какого-нибудь гусляста, а вмѣсто болонскихъ собакъ любятъ жирныхъ свиней и холмогорскихъ быковъ. Впослѣдствіи, можетъ быть, буду имѣть честь описывать и васъ, милостивые государи и государыни! Если-же и тогда вы станете осыпать меня насмѣшками и упреками, то я сравню васъ съ старою кокеткою, которая тѣмъ болѣе сердится на своего живописца, чѣмъ сходнѣе онъ изображаетъ ее на холстинѣ. Впрочемъ, я объявилъ уже въ моемъ предисловіи, что отъ васъ совершенно зависитъ читать или разорвать на папильетки мою книгу, раскурить ею трубку, или поставить на полочкѣ въ вашей библіотекѣ: однимъ словомъ, дѣлать изъ нея все то, что вамъ угодно.

— Что скажешь, Антипычъ?—спросилъ Славолюбскій своего управителя, который однимъ утромъ, спустя девять мѣсяцевъ послѣ бѣдственнаго праздника, вошелъ къ нему въ комнату.

— Я, сударь, пришелъ вамъ доложить, что барыня сдѣлалась очень нездорова.

— Пошли въ городъ за лѣкаремъ.

— Не лучше-ли, сударь, за повивальной бабкою?

Славолюбскій нахмурился.

— За повивальной бабкою!— повторилъ онъ сквозь зубы.—И такъ, она собирается родить?

— Мнѣ сейчасъ сказывала, сударь, объ этомъ ея дѣвушка.

Тутъ ревнивый старикъ вскочилъ, сталъ ходить скорыми шагами по горницѣ, дѣлая такія ужасныя гримасы, что у бѣднаго управителя волосы стали дыбомъ.

— Антипычъ!—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія, устремя на него быстрый взоръ,— на кого, думаешь ты, будетъ походить ребенокъ?—Управитель молчалъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Почему, сударь, мнѣ это знать; можетъ быть на барыню, можетъ быть на васъ.

— На меня! Скажи лучше на Эраста, старый дуракъ.

— Воля ваша, сударь, вы понапрасну изволите на нее грѣшить: вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ она сидитъ въ четырехъ стѣнахъ. Ахъ, сударь! пора бы вамъ умилостивиться. Бѣдная барыня, сколько ты потерпѣла!

— Пошелъ вонъ, старая плакса!—закричалъ Славолюбскій сердитымъ голосомъ.—Этакихъ то дураковъ, какъ ты,—прибавилъ онъ,—молодыя жены за носъ и водятъ.

Все, что ревность имѣетъ въ себѣ ужаснаго, наполняло въ сію минуту душу Славолюбскаго. Онъ представлялъ себѣ каждую минуту Эраста, стоящаго на колѣняхъ предъ своей женой; въ ушахъ его раздавалось безпрестанно то, что слышалъ онъ, подходя къ орѣховому кусту.

Не знаю, имѣлъ ли онъ какія-нибудь особенныя доказательства, или была одна ревность

Digitized by Google

тому причиною; онъ твердо былъ увѣренъ, что не будетъ имѣть никакого права называть себя отцомъ. Ахъ! какъ бы я желалъ собрать въ одно мѣсто всѣхъ стариковъ, которые, несмотря на свои сѣдые волосы, хотятъ быть мужьями молодыхъ женъ. Я показалъ-бы имъ тогда Славолюбскаго; пускай посмотрѣли бы на его лицо, обезображенное ревностію, на его помутившіеся отъ бѣшенства глаза, и если-бъ они и послѣ этого не унялись отбивать невѣстъ у своихъ правнуковъ, то... то я посовѣтовалъ-бы имъ пустить себѣ кровь и лѣчиться отъ горячки!

Послѣ праздника, который кончился столь горестнымъ образомъ, Славолюбскій походилъ болѣе на жестокаго тирана, чѣмъ на строгаго и подозрительнаго мужа. Бѣдная Лиза почти никогда не выходила изъ своей комнаты, изрѣдка позволялось ей прогуливаться по рощѣ вмѣстѣ съ своимъ мучителемъ; но и тутъ всякій разъ, когда они подходили къ извѣстному орѣховому кусту, онъ осыпалъ ее язвительными упреками, не слушая никогда ея оправданій. Въ продолженіе сего ужаснаго заключенія получила она два письма: одно отъ родственниковъ чрезъ господина Славолюбскаго, въ которомъ извѣщали ее о смерти родителя и постриженіи ея матери; другое отъ Эраста, отданное ей потихоньку Анютою. Эрастъ увѣдомлялъ въ ономъ о своей женитьбѣ и оканчивалъ письмо изъявленіемъ своего глубочайшаго почтенія, совершенной преданности, и всего того, въ чемъ обыкновенно увѣряютъ въ письмахъ, и чему также обыкновенно никогда не вѣрятъ.

Само по себѣ разумѣется, что оба сіи письма не принесли Лизѣ большого утѣшенія. Она осталась теперь совершенно сиротою. Могла-ли Лиза считать за что-нибудь толпу бездушныхъ родственниковъ, которые, если-бы могли, продали бы ее опять за нѣсколько тысячъ рублей. Бывало, случалось ей строить воздушные замки, бывало, случалось забывать на нѣсколько минутъ горестное свое положеніе; часто воображала она себя свободною, супругою Эраста, и пріятное заблужденіе исчезало не прежде, какъ съ появленіемъ ея мучителя. Теперь, ахъ! теперь она не могла уже имѣть и сего утѣшенія! Что значило письмо Эраста? Къ чему было увѣдомлять о своей женитьбѣ? И притомъ съ такою холодностію, съ такими безпрестанными увѣреніями въ своемъ почтеніи, уваженіи, преданности.

Частое повтореніе сихъ словъ походило болѣе на насмѣшку, чѣмъ на обыкновенную вѣжливость. Что почувствовала бѣдная Лиза, когда, читая и перечитывая разъ до двадцати письмо Эраста, она почти увѣрилась въ своихъ догадкахъ? Да и что могла она думать? Какая другая причина, кромѣ желанія показать ей явно, что онъ никогда ничего къ ней не чувствовалъ, заставила Эраста увѣдомить се съ такою холодностью и въ такихъ двухсмысленныхъ выраженіяхъ о своей женитьбѣ; но въ то-же время, вспоминая прежнее свое поведеніе, не могла постигнуть причины, побудившей Эраста сдѣлать сей поступокъ. Свое поведеніе! Такъ точно, любезный читатель! пора уже вывести тебя изъ заблужденія, въ которомъ ты, можетъ быть, находишься вмѣстѣ съ г. Славолюбскимъ, и сказать утвердительно, что Лиза была невинна. Въ то время, когда супругъ ея бѣгалъ, какъ бѣшенный по рощѣ, она упрашивала Эраста никогда болѣе къ нимъ не ѣздить и не напоминать о своей страсти, которая казалась уже преступною въ глазахъ супруги Славолюбскаго. Эрастъ обѣщался исполнить ея приказаніе, и ласковое слово, услышанное ревнивымъ мужемъ, было единственною наградою за его послушаніе.

Отцы и матери, и ты, о жадная толпа родственниковъ, не по душѣ, а по одному названію, пусть примѣръ несчастной Лизы послужитъ для васъ урокомъ! Не продавайте за деньги дочерей и родственницъ вашихъ: не заставляйте ихъ обманывать самого Бога и говорить предъ лицомъ Его одно, а чувствовать въ сердцѣ своемъ другое. Взгляните на бѣдную Лизу, готовую сдѣлаться матерью: взгляните на уродливаго ея супруга, вмѣняющаго ей въ преступленіе то самое названіе, которое долженствовало-бы сдѣлать для него Лизу еще любезнѣе, и не принуждайте болѣе дѣтей вашихъ, или выходите сами за женихонъ, которые вамъ нравятся!

— Кто тутъ?—вскричалъ Славолюбскій, вскоча съ постели.

— Я, сударь!—отвѣчалъ тонкій женскій голосъ.

— А, это ты, Аннушка! Зачѣмъ это вздумала въ полночь ко мнѣ пожаловать?

— Барыня изволила, сударь, сейчасъ родить.

— Надобно было меня будить для этого вздора.

Славолюбскій легъ спокойно опять въ постель и закутался въ одѣяло. Анюта подошла къ дверямъ и, постоявъ нѣсколько минутъ, опять воротилась.

— Послушайте, сударь!

— Что тебѣ надобно, безотвязное животное.

— Младенецъ очень слабъ, его сейчасъ крестить будутъ, какое прикажете дать ему имя?

— Нужно мнѣ очень назначать имена чужимъ ребятамъ, по мнѣ хоть не давайте ему никакого?

— Но, сударь...

— Убирайся къ чорту!

Анюта, не смотря на сіе вѣжливое приказаніе, постояла еще нѣсколько минутъ у дверей и наконецъ, видя, что упрямый старикъ притворился спящимъ, ушла опять въ залу, гдѣ приготовлялись крестить младенца.

— Что изволилъ приказать баринъ?—спросила Анюту повивальная бабка.

— Ничего; вмѣсто того, чтобъ назвать имя младенцу, онъ отправилъ меня къ чорту.

— Что-же мы будемъ дѣлать? Можно-бы было спросить у барыни, но она такъ слаба, что ни въ состояніи проговорить ни одного слова.

— Если такъ,—сказалъ священникъ, которому очень не нравились всѣ эти остановки,— мы дадимъ ему имя въ честь сегодняшняго святого.

Священникъ заглянулъ въ святцы—и подивитесь странному стеченію обстоятельствъ,— ребенокъ былъ названъ Эрастомъ!

Кто можетъ описать бѣшенство Славолюбскаго, когда на другой день узналъ, какое младенецъ получилъ имя! Онъ разругалъ Антипыча, перебилъ почти всѣхъ людей и, несмотря на свою скупость, коверкалъ и ломалъ все, что ни попадалось ему въ руки. Тщетно доказывали ему, что Лиза нимало въ семъ не участвовала, что лишь одинъ слѣпой случай былъ всему причиною; ничто не могло увѣрить ревниваго старика, что младенецъ окрещенъ подъ симъ именемъ не по приказанію самой Лизы. Задыхаясь отъ злости, осыпая прокля-

Digitized by Google

тіяти свою супругу, онъ пошелъ туда, гдѣ обыкновенно находилъ утѣшеніе въ своихъ печаляхъ, гдѣ часто, несмотря на ненависть свою къ Эрасту, вспоминалъ краснорѣчивыя его доказательства, показавшіяся столь убѣдительными г. Скотинину. Читатель, думаю, отгадалъ уже, что дѣло идетъ о скотномъ дворѣ.

Остановись, несчастный! Куда ведетъ тебя отчаяніе? Ты не знаешь еще всѣхъ твоихъ бѣдствій, не знаешь, что жилище твоихъ радостей, твоихъ сердечныхъ наслажденій, превратилось въ мрачную юдоль горести! Лишь только Славолюбскій сталъ подходить къ полузатвореннымъ воротамъ скотнаго двора, какъ вдругъ горестные вопли поразили его слухъ. Онъ удвоилъ шаги свои, запыхавшись вбѣжалъ въ ворота, взглянулъ, и—о ужасъ! посреди двора лежалъ любимый его быкъ; онъ испускалъ послѣднее дыханіе въ ту самую минуту, какъ господинъ его, гонимый страннымъ предчувствіемъ, перешагнулъ черезъ подворотню. Это уже было слишкомъ для Славолюбскаго. Онъ задрожалъ, поднялъ руку, чтобъ поразить несчастнаго скотника, который, проливая ручьи слезъ, вопилъ голосомъ надъ тѣломъ покойника; но вдругъ глаза его помутились и онъ упалъ безъ чувствъ подлѣ своего любимца. Два дня не приходилъ Славолюбскій въ память, бредилъ безпрестанно то объ Эрастѣ, то о любимомъ быкѣ своемъ, изрѣдка о Лизѣ. На третій, дѣйствительно-ли оттого, что не могъ выдержать столько ударовъ въ одно время, или уже такъ было написано въ книгѣ судебъ, отправился туда, куда и я, и ты, любезный читатель, когда-нибудь рано или поздно отправимся также въ свою очередъ.

Мы попросимъ нашихъ читателей вообразить, что прошло уже около шести мѣсяцевъ отъ кончины Славолюбскаго до одного утра, въ которое Лиза, сдѣлавшись опекуншею своего сына и полною начальницею имѣнья покойнаго мужа, сидѣла подлѣ окошка и перечитывала единственное письмо, которое она имѣла отъ Эраста.

Вошелъ человѣкъ и доложилъ о пріѣздѣ г. Мирославскаго.

— Давно уже, сударыня,—сказалъ онъ, взойдя въ комнату,—намѣренъ былъ я узнать о здоровьѣ вашемъ, но различныя дѣла и обстоятельства не позволяли мнѣ выполнить моего обѣщанія.

— Я слышала, сударь, вы все это время прожили въ Москвѣ?

— Точно такъ, сударыня, я былъ на свадьбѣ у одной изъ моихъ родственницъ.

— Поэтому можно васъ поздравить?

— И тѣмъ болѣе, что она вышла по любви.

Лиза вздохнула.

— Если вамъ угодно,—продолжалъ Мирославскій,—я разскажу исторію моей родственницы, въ ней есть много романическаго. Она была влюблена въ одного молодого человѣка, почти въ то время сватался за нее старикъ. Сердце моей родственницы говорило въ пользу молодого человѣка, но батюшка и матушка не хотѣли никакъ согласиться съ сердцемъ ихъ дочери: она вышла за милліонщика. Ревность была изъ числа не послѣднихъ достоинствъ стараго мужа: онъ увезъ на край свѣта молодую жену свою и держалъ ее въ заперти. Между тѣмъ увѣдомилась она чрезъ письмо отъ прежняго своего любовника, что онъ женился. Вскорѣ за этимъ пришла ревнивому мужу въ голову прекрасная мысль сдѣлать супругу свою свободною: онъ умеръ! Молодая вдова пріѣхала въ Москву, нашла своего любезнаго также свободнымъ и наградила его постоянство, отдавши ему свою руку.

— Какъ вы думаете, сударыня, хорошо-ли поступила моя родственница?

— Мнѣ кажется, — сказала Лиза съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ,—что нельзя такъ много выхвалять постоянство сего молодого человѣка; онъ былъ женатъ на другой.

— А если женитьба сія была не что иное, какъ выдумка? Если онъ увѣдомлялъ мою родственницу въ самыхъ холодныхъ выраженіяхъ для того только, чтобъ заставить скорѣй забыть себя? Если онъ старался показать себя неблагороднымъ, вѣроломнымъ, недостойнымъ ея привязанности, однимъ словомъ, пожертвовать самимъ собою, единственно для ея спокойствія?

— Бога ради!—вскричала Лиза, которая во время сего разговора находилась въ неописанномъ смущеніи,—истина-ли то, что вы разсказываете?

— О, сударыня! Если вы не вѣрите, то пускай онъ самъ поклянется въ справедливости словъ моихъ!

Двери съ шумомъ растворились и Эрастъ лежалъ уже у ногъ своей Лизы.

Черезъ три мѣсяца Эрастъ женился на Лизѣ и получилъ первый поцѣлуй наканунѣ своей свадьбы, подлѣ того самаго орѣховаго куста, гдѣ нѣкогда Лиза заплатила столь дорого за свою неосторожность. Свадебный пиръ былъ немного получше, чѣмъ два года тому назадъ. Антипычъ и семинаристъ не пропустили сего случая, чтобъ доказать усердіе свое новому барину; всѣ дѣйствующія лица бѣдственнаго праздника, описаннаго во второй главѣ, были созваны, угощены прекраснымъ образомъ, разъѣхались благополучно по домамъ, и такъ-же, какъ прежде, не успокоились до тѣхъ поръ, пока не отдѣлали по-свойски молодыхъ супруговъ и не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, ихъ угощенія; однимъ словомъ, все происходило надлежащимъ образомъ и кончилось, какъ нельзя лучше. Лиза, по разнымъ причинамъ, рѣшилась воспитывать своего сына въ деревнѣ, которая изъ ужасной пустыни превратилась для нея въ прелестное уединеніе, — счастливую обитель мира и истинной любви.

4.

РАЗГОВОРЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВЫХЪ И МЕРТВЫХЪ.

I.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ СѢНИ.

(*У дверей толпа людей всякаго состоянія*).

1-й молодой человѣкъ. Какая тѣснота! Мы никогда не продеремся сквозь эти двери.

2-й молодой человѣкъ. Твоя карета должна быть еще далеко. Отойдемъ къ сторонѣ; здѣсь такъ толкаютъ.

1-й молодой человѣкъ. Ну, теперь мы на просторѣ. Что скажешь, мой милый, о без-

Digitized by Google

конечной комедіи, которую мы сегодня видѣли?

2-й молодой человѣкъ. Я пріѣхалъ очень поздно и засталъ только послѣдніе два акта. Ты лучше моего долженъ знать.

1-й молодой человѣкъ. Я, мой милый!—Я спалъ во все представленіе. Ты знаешь, вчера я цѣлую ночь игралъ; баронъ замучилъ меня своимъ вистомъ.

2-й молодой человѣкъ. Сколько могъ я замѣтить, она не совсѣмъ дурна: въ послѣднихъ двухъ актахъ есть забавныя сцены.

1-й молодой человѣкъ. Посмотри, это, кажется, Звоновъ? Точно такъ! Спросимъ у него: онъ вѣрно не пропустилъ ни одного слова.

2-й молодой человѣкъ. Я отгадаю наперед: онъ будетъ ругать ее.

1-й молодой человѣкъ. А для чего?

2-й молодой человѣкъ. Для того, чтобъ сказать двѣ или три плоскія шуточки на счетъ автора и блеснуть своей остротою.

Звоновъ (*оборотясь къ корридору*). Благодарю васъ за доставленное удовольствіе. Посмотрите, у меня ладони покраснѣли отъ хлопанья.

1-й молодой человѣкъ. Здравствуйте, г. Звоновъ! Съ кѣмъ вы это говорили?

Звоновъ. Съ авторомъ сегодняшней комедіи.

2-й молодой человѣкъ. Такъ вы его знаете?

Звоновъ. Да... немного.

1-й молодой человѣкъ. Ну, что вы скажете про его пьесу?

Звоновъ. Гмъ! Пьеса хоть куда; развѣ вы не видѣли, какъ смѣялся партеръ?

2-й молодой человѣкъ. А вы?

Звоновъ. Я также смѣялся — надъ бѣднымъ партеромъ.

2-й молодой человѣкъ. Какъ вы язвительны, г. Звоновъ!

Звоновъ (*съ довольнымъ видомъ*). Неужели! Я, право, не хотѣлъ ничего сказать колкаго.

1-й молодой человѣкъ. Поэтому вы думаете, что эта комедія...

Звоновъ. Простой фарсъ и больше ничего. Первые три акта сухи; четвертый совершенно лишній; а пятый никуда не годится. Впрочемъ, я не говорю, чтобъ она была дурна.

2-й молодой человѣкъ. Впрочемъ, вы не говорите, что она дурна;—ну, какой-же вы насмѣшникъ, г. Звоновъ!

Звоновъ (*улыбаясь*). Помилуйте!

1-й молодой человѣкъ. А! Вотъ и общій нашъ знакомецъ — Педантинъ. Какое у него сердитое лицо!

Педантинъ. Здравствуйте, господа!

2-й молодой человѣкъ. Вы, кажется, что-то раздосадовались, любезный Педантинъ.

Педантинъ. Да есть-ли возможность не сердиться! Вообразите, я слышалъ... Вы не повѣрите мнѣ... я слышалъ самъ, что многіе хвалятъ сегодняшнюю пьесу.

2-й молодой человѣкъ. Ну такъ что-же?

Педантинъ. Какъ что? Хвалить такую пьесу, въ которой все чужое, въ которой выкрадено все изъ другихъ комедій. Въ ней есть торговка, также какъ и въ Модной лавкѣ; въ ней старикъ становится на колѣни, а въ Бригадирѣ старый совѣтникъ дѣлаетъ то-же самое; въ ней говорятъ: „*нѣтъ, дядюшка!*“ А у Мольера или Реньяра, не помню, въ какой комедіи, говорятъ: „*нѣтъ, батюшка*“.

Звоновъ. Да, да, ваша правда: *нѣтъ, батюшка*, точно, точно это есть у Мольера.

2-й молодой человѣкъ. О! Это бездѣлица!... Загляните лучше въ лексиконъ, г. Педантинъ: я увѣренъ, что изъ него выкрадена вся комедія.

Звоновъ. Шутите, шутите! А я могу васъ увѣрить, что даже глупая сцена съ французскимъ табакомъ...

Педантинъ. Да, кстати! Надобно отдать справедливость автору: въ его комедіи больше табаку, чѣмъ соли.

1-й молодой человѣкъ. Браво, браво! прекрасный каламбуръ!

Звоновъ (*съ важнымъ видомъ*). Это не дурно сказано.

2-й молодой человѣкъ. Что вы на меня глядите, г. Педантинъ? Не безпокойтесь, я смѣюсь—ха! ха! ха!—Какъ *бишь* это? Повторите еще! Да куда-же вы торопитесь?

Педантинъ. Прощайте, господа, я спѣшу. мнѣ надобно кой-куда заѣхать. (*Идетъ къ подъѣзду*).

2-й молодой человѣкъ. Сказать ваше острое словцо; въ самомъ дѣлѣ, ступайте — неравно вы его забудете.

Звоновъ. Говорите что угодно, а комедія все-таки никуда не годится.

2-й молодой человѣкъ. Однако-же зрители *апплодировали*.

Звоновъ. И, сударь! У автора есть родня, пріятели...

2-й молодой человѣкъ. И то быть можетъ; со всѣмъ тѣмъ, онъ гораздо счастливѣе васъ, г. Звоновъ: когда давали въ первый разъ вашу драму, то вамъ не помогли и пріятели. Вы ѣдете?

Звоновъ. Да, сударь; я вижу мои дрожки.—Слуга покорный!

1-й молодой человѣкъ. Вотъ и моя карета.

2-й молодой человѣкъ. Куда ты ѣдешь?

1-й молодой человѣкъ. Въ клубъ, разсказать о новой комедіи.

2-й молодой человѣкъ. Чтожъ ты скажешь?

1-й молодой человѣкъ. Что она никуда не годится.

2-й молодой человѣкъ. Да почему-же?

1-й молодой человѣкъ. Почему? Забавный вопросъ. Ее бранили двое, а хвалишь ты одинъ.—До свиданья, мой милый! (*Уходитъ*).

II.

Миносовъ судъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ подземномъ царствѣ Плутона).

Графиня Двойкина. Что я вижу! Князь, вы-ли это?

Князь Промотаевъ. Къ несчастію, вы не ошибаетесь, сударыня.

Графиня. Къ несчастію! — поэтому я обманулась, полагая, что вы, не перенеся моей кончины, умерли для того, чтобъ соединиться опять со мною?

Князь. И, графиня! Неужели вы по сихъ поръ не вышли изъ заблужденія и думаете, что сорокъ пять лѣтъ, дюжины двѣ морщинъ и пять или шесть вставленныхъ зубовъ могутъ кому-нибудь вскружить голову.

Digitized by Google

Графиня. Dieu! quelle impertinence! — И вы смѣете утверждать, что у меня вставные зубы, что мнѣ сорокъ пять лѣтъ, смѣете говорить такія дерзости?...

Князь. Не горячитесь, сударыня; вы теперь въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ каждому говорятъ правду и мстятъ только одной Прозерпинѣ.

Графиня. Мнѣ сорокъ пять лѣтъ! — И я должна слушать такія грубости!—Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу этого вынести: мнѣ дурно! спазмы! истерика!

Князь. Не трудитесь играть комедію, графиня, здѣсь нѣтъ ни услужливыхъ кавалеровъ, ни гофманскихъ капель; здѣсь можете вы цѣлое столѣтіе пролежать въ обморокѣ, и никто не плеснетъ на васъ даже и водою.

Графиня (*послѣ долгаго молчанія*). Измѣнникъ! Это-ли благодарность за мою пламенную любовь? Не ты-ли клялся мнѣ на томъ свѣтѣ, что любишь меня болѣе своей жизни? Не ты-ли твердилъ безпрестанно, что я умна, хороша, любезна?...

Князь. Не спорю!—Но также не вы-ли, сіятельнѣйшая графиня, выплачивали три раза долги мои? Не къ вамъ-ли отсылалъ я своего портного, каретника и проклятаго жида, который бралъ съ меня тройные проценты? Не на ваши-ли деньги покупалъ я шали для Анюты, этой хорошенькой танцовщицы?

Графиня. Какъ, сударь! Въ то самое время, когда я для васъ разорялась?...

Князь. Не сердитесь, сударыня!—Я разорялъ васъ; меня обирала Анюта; ее обманывалъ одинъ молодой вертопрахъ; его также кто-нибудь дурачилъ. На томъ свѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ-бы обманутъ и не обманывалъ-бы другихъ въ свою очередь. Могли-ли вы однѣ избѣгнуть общаго жребія?

Графиня. Однако-же, князь...

Князь. Тише, графиня! Сюда кто-то приближается. Видите-ли вы съ правой стороны это длинное привидѣніе, которое такъ медленно выступаетъ?

Графиня. Взгляните налѣво, князь; примѣчаете-ли вы эту низенькую тѣнь, которая двигается съ такою скоростью?

Князь. Не ошибаюсь-ли я? Это Вралевъ!

Графиня. Должна-ли я вѣрить? Это Нуліовъ! Тотъ самый Нуліовъ, который дѣлалъ такъ часто мою партію.

Нуліовъ. Вы не ошибаетесь, сударыня.

Князь. Тебя-ли я вижу, любезный Вралевъ!

Вралевъ. Да, князь, это я. — На другой день послѣ вашей смерти я поѣхалъ съ горя на званый обѣдъ къ одному богатому откупщику; у него за столомъ была прекрасная рыба. Вы знаете, князь, поѣсть я охотникъ; но люблю также поболтать,—и вообразите, какое несчастіе! Я зачалъ спорить, подавился костью и прежде, чѣмъ успѣлъ хорошенько опомниться, очутился здѣсь.

Графиня. Скажи мнѣ, миленькій Нуліовъ, ты какъ умеръ? Меня тогда не было въ городѣ.

Нуліовъ. Самымъ натуральнымъ образомъ. Я игралъ въ бостонъ и проигрывалъ уже болѣе тысячи фишъ, какъ вдругъ, къ счастію, на тридцать шестомъ турѣ сдѣлался со мною ударъ, и я прямо изъ-за бостоннаго столика явился на судъ къ Миносу. Онъ въ наказаніе за всѣ мои плутни хотѣлъ было отправить меня прямо къ тремъ адскимъ сестрицамъ, но, къ счастію, мой ростъ понравился Прозерпинѣ и она взяла меня къ себѣ въ придворные карлы.

Вралевъ. Нельзя-ли, г. Нуліовъ, и мнѣ добиться какого-нибудь мѣстечка при здѣшнемъ дворѣ. Вы знаете, я на томъ свѣтѣ былъ большимъ забавникомъ. Постарайтесь, не примутъ-ли меня здѣсь въ придворные шуты?

Нуліовъ. Имѣете-ли вы для этого довольно разума? — Мнѣ помнится, вы надоѣдали всѣмъ своими глупыми шуточками. Ну, если вы заставите зѣвать Прозерпину, которой и безъ того здѣсь очень скучно?

Князь. Послушай, любезный Нуліовъ, мнѣ хочется сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ. Здѣсь церемоніи не нужны; скажи мнѣ откровенно, какимъ способомъ тебѣ удалось на томъ свѣтѣ изъ *ничего* сдѣлаться *чѣмъ-нибудь*?

Нуліовъ. Весьма легкимъ. — Я не имѣлъ никакой природной гордости. При первомъ появленіи моемъ въ свѣтѣ, я принялся ласкать, подлизать и, такимъ образомъ, ползъ, да ползъ,—и наконецъ доползъ не до чина знатнаго человѣка, но до позволенія бывать въ хорошихъ обществахъ, оказывать *всякаго рода* услуги своимъ покровительницамъ, переносить вѣсти и составлять иногда партію въ бостонъ. Мужья, для коихъ я оказался ни мало не опаснымъ, ласкали меня изъ угожденія къ своимъ супругамъ; жены любили меня по привычкѣ. Я сдѣлался для нихъ также необходимымъ, какъ спальныя собачки, попугаи и прочіе домашніе звѣри. Но этого было еще для меня мало. Я хотѣлъ прослыть честнымъ и благороднымъ человѣкомъ: выучилъ наизусть нѣсколько тирадъ изъ драмы „Бѣдность и благородство души“, при каждомъ случаѣ употреблялъ ихъ въ разговорахъ: обижался, когда предлагали мнѣ *сто рублей* въ видѣ подарка, и занималъ у другого *тысячу*; получившій отказъ объявлялъ громогласно, что я имѣю душу благородную: десять человѣкъ, желая что-нибудь сказать, повторяли тоже самое — и горе одиннадцатому, если-бъ онъ осмѣлился быть противнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, пользуясь довѣренностью своихъ знакомыхъ, я сталъ понемножку всѣхъ обманывать. Мужья вздумали было дѣлать свои замѣчанія, но снисходительныя ихъ супруги закричали въ одинъ голосъ, что я благороденъ, добръ и честенъ. Что можетъ устоять противъ крика женскаго!—Я остался по прежнему благороднымъ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ.—Но я вижу, Миносъ идетъ сюда. Я не могу терпѣть этого несноснаго моралиста. Прощайте!

(*Миносъ входитъ, окруженный стражею изъ адскихъ духовъ, и садится на возвышенномъ мѣстѣ*).

Миносъ. Стражи! Впустите всѣ тѣни. Присутствіе началось.

(*Толпа тѣней въ разныхъ одѣяніяхъ и различныхъ націй появляется въ дверяхъ. Страшный шумъ, всѣ говорятъ вмѣстѣ различными языками*).

Адскій духъ (*въ должности экзекутора*). Тише! (*Шумъ продолжается*). Тише, говорю я!

Одна тѣнь. Боже мой! Я полная генеральша и стою возлѣ моей прачки!

Другая тѣнь. Я тайная совѣтница и сенатская регистраторша стоитъ ко мнѣ спиною!

Миносъ. Эй, стражи! Перваго, кто пошевелится или скажетъ одно слово, схватите и отдайте на завтракъ Церберу. (*Всѣ утихаютъ*).

Digitized by Google

Демонъ (*въ должности секретаря, беретъ списокъ тѣней и читаетъ*). Вралевъ, графиня Двойкина и князь Промотаевъ. (*Они подходятъ*).

Миносъ. Здѣсь не можете вы утаить истины. Вы должны отвѣчать чистосердечно на мои вопросы. Горе тому, кто подумаетъ обмануть меня!—Вралевъ?

Вралевъ (*дрожащимъ голосомъ*). Помилуйте, ваше высокопревосходительство г. Миносъ. Я самое невинное твореніе: во всю жизнь мою я не дѣлалъ ничего съ намѣреніемъ, а если кого и обижалъ, то истинно по одной только глупости.

Миносъ. Что ты дѣлалъ на томъ свѣтѣ?

Вралевъ. Отъ утра до вечера вралъ вздоръ, сочинялъ русскіе каламбуры, выдумывалъ анекдоты и выдавалъ себя за умницу, несмотря на то, что никто не хотѣлъ этому вѣрить.

Миносъ. Не оскорблялъ-ли ты кого-нибудь?

Вралевъ. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, напротивъ: всѣ, глядя на меня, смѣялись! Я не заставлялъ никого проливать слезъ; правда, однажды вздумалось мнѣ написать драму, но въ ней никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, не плакалъ; да и актеры плакали только на сценѣ, а за кулисами смѣялись не меньше зрителей.—Клянусь честью, ваше высокопревосходительство, больше этого грѣха я за собою не знаю.

Миносъ. Жалкая тварь!—Стражи! отведите его въ Елисейскія поля; пусть онъ забавляетъ своимъ враньемъ Катона и Сенеку,—этимъ угрюмымъ мудрецамъ нужно разсѣяніе.—(*Вралева уводятъ*).—Двойкина?

Графиня. Что вамъ угодно, monsieur Миносъ?

Миносъ. Думала-ли ты когда-нибудь, для чего судьба одарила тебя богатствомъ?

Графиня. Я никогда ни о чемъ не думала.

Миносъ. Въ чемъ состояли главныя твои упражненія на томъ свѣтѣ?

Графиня. Я играла въ бостонъ, бывала въ театрѣ, наряжалась, ѣздила каждый день съ визитами.

Миносъ. Случалось-ли тебѣ дѣлать добро?

Графиня. О, конечно!—Однажды у моей модной торговки украли на триста рублей блондъ: я тотчасъ заплатила ей эти деньги. Въ другой разъ торопилась я въ театръ, карета моя наскакала на слѣпого старика и переломила у него руку, я дала ему пять рублей...

Миносъ. Довольно! — Промотаевъ, твоя очередь.

Князь. Я честный человѣкъ.

Миносъ. Ты лжешь, Говори правду, или...

Князь. Г. Миносъ! Не забывайте, что вы говорите съ княземъ. Я не могу лгать...

Миносъ. А вотъ увидимъ.—Гей! Алекто, Мегера, Тизифона.

Князь (*падая на колѣни*). Виноватъ. Я бездѣльникъ.

Миносъ. Говори, въ чемъ состоятъ твои преступленія?

Князь. Я обыгрывалъ новичковъ, обманывалъ старухъ, не платилъ своихъ долговъ, выходилъ на дуэли, мстилъ однимъ, презиралъ другихъ; не имѣлъ ни одного друга и любилъ лишь одного себя.

Миносъ. Можешь-ли ты что-нибудь сказать въ свое оправданіе?

Князь. Меня нерѣдко обыгрывали самого, всѣ заимодавцы мои были настоящіе жиды, я выходилъ на поединки изъ одной необходимости: по наружности казался храбрымъ, а въ самомъ дѣлѣ умиралъ отъ страху. Тѣ, коимъ мстилъ, презирали меня, а тѣ, которыхъ пренебрегалъ, не хотѣли сами обо мнѣ думать.—Я не имѣлъ друзей, потому-что я также былъ несносенъ для всѣхъ, какъ всѣ для меня.

Миносъ. Ты кончилъ. Теперь выслушайте оба приговоръ вашъ. Преступленія ваши не заслуживаютъ вѣчнаго наказанія, и для того, чтобы совершенно отъ нихъ очиститься, вы снова должны возвратиться въ свѣтъ. — Ты, Двойкина, родишься простою крестьянкою: работая каждый день съ утра до вечера, старайся вознаградить время, проведенное въ праздности и бездѣйствіи.—Ты, Промотаевъ, всю жизнь свою будешь простымъ солдатомъ: поневолѣ сдѣлаешься полезнымъ своему отечеству, и если, сражаясь съ неустрашимостью, умрешь какъ храбрый воинъ, то Елисейскія поля будутъ твоей наградою.

Графиня и князь (*вмѣстѣ*). Мы не довольны симъ рѣшеніемъ: пускай Плутонъ подтвердитъ оное.

Миносъ. Молчите, неугомонныя творенія! здѣсь не принимаютъ апелляціонныхъ жалобъ. Стражи! возьмите ихъ и пусть они въ ожиданіи опредѣленнаго наказанія познакомятся съ Тизифоною.

5.

Знатоки, или исторія одного дня.

Ахъ! дай мнѣ отдохнуть! Я такъ измученъ, такъ усталъ!—сказалъ Эрастъ, войдя однимъ утромъ въ кабинетъ пріятеля своего Милостанова.—Ты не можешь себѣ представить,—продолжалъ онъ, бросившись на вольтеровскія кресла,—какую цѣлый день я долженъ былъ вытерпливать пытку.

Милостановъ (*сложа хладнокровно книгу, которую читалъ передъ приходомъ своего пріятеля*). Что съ тобою случилось, мой другъ?

Эрастъ. Ты знаешь, мой милый, какой я не охотникъ до людей, извѣстныхъ подъ названіемъ *знатоковъ—цѣнителей дарованій*, которые, по большей части, не зная ничего, берутся судить обо всемъ. Сегодня какъ-будто нарочно, съ самаго утра, не имѣлъ я отъ нихъ ни на минуту покоя: на каждомъ шагу встрѣчалъ я этихъ самозванцевъ-знатоковъ: цѣлый день выводили они меня изъ терпѣнія своимъ рѣшительнымъ тономъ, своими вздорными сужденіями. Я спорилъ, кричалъ, шумѣлъ, бѣсился...

Милостановъ. Тѣмъ хуже для тебя, мой другъ. Чтобъ спорить съ этими господами, надобно имѣть грудь покрѣпче твоей: ихъ можно *перекричать*, а убѣдить, разувѣрить—невозможно.

Эрастъ. Но скажи самъ, можно-ли молчать, слушая какого-нибудь двадцатилѣтняго вертопраха, который съ увѣрительнымъ видомъ судьи произноситъ смертный приговоръ надъ произведеніями лучшихъ нашихъ писателей? Можно-ли смотрѣть хладнокровно на какого-нибудь знатока, который не удостоиваетъ взглядомъ прекрасную картину оттого, что она писана русскимъ, и стоитъ полчаса въ радостномъ изступленіи передъ посредствен-

Digitized by Google

нымъ ландшафтомъ, написаннымъ въ чужихъ краяхъ?

Милостановъ. Но, мой другъ, спорить съ людьми, которые судятъ о картинахъ по надписи, а о книгахъ по наслышкѣ—было-бы и смѣшно и жалко. Да и должно-ли такъ возставать противъ слабостей другихъ? Кто не имѣетъ ихъ? Кто не думаетъ, что *знаетъ что-нибудь*? Это такое простительное самолюбіе!...

Эрастъ. Я никакъ не соглашусь съ тобою, и увѣренъ, что ты самъ, выслушавъ исторію сегодняшнихъ моихъ приключеній, перемѣнишь свое мнѣніе.

Милостановъ. Не думаю. Однакожъ разскажи все, что съ тобой случилось; я охотно буду тебя слушать.

Эрастъ. Сегодняшнее утро было прекрасно, несмотря на то, что небо было покрыто облаками. Я хотѣлъ воспользоваться хорошимъ временемъ и походить пѣшкомъ: изъ предосторожности намѣренъ былъ взять съ собою зонтикъ, но слуга мой Иванъ (который въ *своемъ родѣ* также *знатокъ*) увѣрилъ меня, что, по всѣмъ примѣтамъ, дождя не будетъ, что онъ лучше всякаго барометра можетъ предсказывать хорошую погоду, что онъ никогда не ошибался; однимъ словомъ, онъ убѣдилъ меня идти безъ зонтика. Едва только дошелъ я до большого бульвара, какъ вдругъ пошелъ проливной дождь. Прежде чѣмъ я успѣлъ войти къ Бордеро *), меня всего измочило. Я попросилъ себѣ чашку шоколада и помѣстился подлѣ стола, около котораго сидѣло четверо молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ говорилъ очень громко и съ большимъ жаромъ; прочіе слушали его съ глубочайшимъ вниманіемъ и молчали. „Нѣтъ", кричалъ громогласный разсказчикъ:—„надобно не имѣть ни малѣйшаго понятія объ архитектурѣ, чтобъ называть Петербургъ хорошо выстроеннымъ городомъ". Эти чудныя слова возбудили мое виманіе: я подвинулся ближе. „Да, милостивые государи", продолжалъ ораторъ, „я докажу вамъ въ двухъ словахъ, что здѣсь нѣтъ ни одного хорошаго зданія. Что значатъ здѣшніе каналы передъ каналами Венеціи? Что значитъ вашъ бульваръ передъ берлинскимъ *Линдсномъ* и вѣнскимъ *Пратеромъ*? Гдѣ у насъ регулярныя площади? Покажите мнѣ хотя одинъ домъ, выстроенный по всѣмъ правиламъ архитектуры"...

Я не могъ долѣе молчать. „Выдьте, сударь, на бульваръ, — сказалъ я,—и взгляните на Адмиралтейство".

— На Адмиралтейство. Ха! ха! ха!

— Чему вы смѣетесь, сударь?

— На Адмиралтейство! Позвольте спросить, не архитекторъ-ли вы?

— Къ чему это?

— Такъ! И вѣрно русскій?

— Да, сударь, я русскій, и...

— И для того изъ патріотизма хвалите то, что вѣрно вамъ самимъ не нравится. Скажите мнѣ, что значитъ безконечное стро[illegible] посреди котораго, вмѣсто величе[illegible] купола, построена башенка съ [illegible] столбиками? На что походятъ эт[illegible] ныя башнею ворота, узенькія окош[illegible] простѣнки? Но *забудемте* (если мо[illegible] *вопіющіе* недостатки: *положим*[illegible] Но и тогда, скажите мнѣ, [illegible]

изрядное зданіе въ такомъ обширномъ городѣ, каковъ Петербургъ?

— Одно, сударь? Я начту вамъ цѣлыя сотни: Биржа...

— Отнимите отъ нея колонны, и что останется? Огромное пропорціональное зданіе, обширный сарай, и больше ничего.

— Но, сударь...

— Что ни говорите, а у насъ все испорчено. Конечно, можно было-бы что нибудь сдѣлать: я хотѣлъ-бы, напримѣръ, чтобъ Зимній дворецъ не закрывалъ Неву, чтобъ на Дворцовой площади была поставлена статуя въ симметріи съ монументомъ Петра I-го, чтобъ обѣ площади были гораздо болѣе, каналы вдвое шире; я хотѣлъ-бы...

— Вы хотѣли-бы перестроить Петербургъ. Удивляюсь, что васъ для этого до сихъ поръ еще не выбрали, — сказалъ я съ досадою, схватилъ шляпу и вышелъ на бульваръ. Мнѣ казалось, что я вырвался изъ ада; я сталъ дышать свободнѣе. Разсуди самъ. Милостановъ, можно-ли было не взбѣситься, слушая такія вздорныя сужденія? И это смѣшной зоилъ имѣетъ своихъ слушателей, которые удивляются обширнымъ его познаніямъ, тонкому вкусу; которые, не вѣря собственнымъ глазамъ своимъ, соглашаются, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одного хорошаго зданія; которые, угождая ему, готовы закидать каменьями всякаго, кто осмѣлится думать иначе!

Милостановъ. Тутъ нечего сердиться, мой другъ. Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire — таковъ свѣтъ. Но продолжай свою исторію.

Эрастъ. Погода сдѣлалась лучше: толпы гуляющихъ появились на бульварѣ. Между прочими знакомыми встрѣтилъ я князя СС. Мы обошли съ нимъ раза два около Адмиралтейства. Онъ разсказывалъ мнѣ о *чудесной* четвернѣ гнѣдыхъ, которую вели ему изъ деревни. Наконецъ, посмотрѣвъ на часы, спросилъ, могу-ли я располагать своимъ временемъ?

— Совершенно! Мнѣ нечего дѣлать до самаго обѣда,—отвѣчалъ я.

— Прекрасно! Ѣдемъ же на Васильевскій островъ.

— Зачѣмъ?

— Я покажу тебѣ чудо—арабскаго жеребца, который, конечно, не имѣетъ въ цѣломъ мірѣ себѣ подобнаго! Вотъ уже двѣ недѣли какъ я его торгую и, кажется, у насъ скоро сойдется: сначала просили за него сорокъ тысячъ, теперь отдаютъ за тридцать девять тысячъ девятьсотъ рублей.

— Сорокъ тысячъ! [illegible]луй, князь! Это ни на что непохоже.

— Англичанинъ, [illegible] продаетъ его, сказывалъ, что ему да[illegible]ютъ тридцать.

— И[illegible] твоя, князь, [illegible] можетъ-ли [illegible] дорого?

[illegible]

---

*) Ресторатеръ, содержащій [illegible] бульварѣ.

лись мы на дворѣ, нетерпѣніе изображалось на всѣхъ лицахъ: наконецъ двери святилища, которое скрывало отъ насъ честь и славу всей Аравіи, отворились и два *рейтпехта* вывели на дворъ лошадь, покрытую дорогимъ персидскимъ ковромъ. Самъ хозяинъ подошелъ къ ней и съ видомъ глубочайшаго почтенія снялъ попону. Всѣ знатоки ахнули: князь въ нѣмомъ восхищеніи, уставивъ на нее свой лорнетъ, стоялъ какъ вкопаный. Признаюсь, мнѣ было стыдно: я одинъ не восхищался. Я не находилъ ничего необыкновеннаго въ этомъ чудѣ, кромѣ персидскаго ковра, которымъ оно было покрыто; онъ нравился мнѣ гораздо болѣе самой лошади.

— Какъ ты холоденъ, мой другъ,—сказалъ князь, подведя меня поближе:—можешь-ли ты смотрѣть и не удивляться? Погляди на эту шею: видѣлъ-ли ты что-нибудь подобное? Клянусь честью, она по крайней мѣрѣ двумя пальцами длиннѣе шеи моего персидскаго жеребца!

— Помилуйте, сударь!—сказалъ одинъ знатокъ,—какъ можно говорить о шеѣ, когда смотришь на такую голову? Бьюсь объ закладъ: самъ Ор...скій не нарисуетъ голову лучше этой.

— И, господа!—подхватилъ другой знатокъ,—побойтесь Бога, можно-ли говорить съ такимъ восхищеніемъ о головѣ и шеѣ, а не сказать ни слова о ногахъ?

— Да что такое! — прервалъ третій,—ноги какъ ноги; посмотрите-ка лучше на эту грудь.

Тутъ всѣ начали говорить вмѣстѣ: одинъ охуждалъ, что нравилось другому; другой восхищался тѣмъ, что критиковалъ третій, и всѣ вообще соглашались только въ томъ, что лошадь стоитъ по крайней мѣрѣ тридцать тысячъ. Я примѣтилъ изъ числа зрителей одного человѣка, пожилыхъ лѣтъ, который не говорилъ ни слова, а только изрѣдка улыбался, слушая сужденія другихъ.

— Вы конечно знатокъ?—спросилъ я у него.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ, — а только-что охотникъ.

— Вы, кажется, одни не сказали вашего мнѣнія. Какъ находите вы эту лошадь?

— Она очень не дурна.

— Только?...

— Чего-же вамъ болѣе? Если угодно, я прибавлю: она настоящей арабской породы, не старѣе семи лѣтъ, и стоитъ денегъ, которые заплатилъ за нее теперешній хозяинъ.

— А много-ли она ему стоитъ?

— Съ небольшимъ шесть тысячъ.

— Возможно-ли! Шесть тысячъ!—Точно-ли вы это знаете?

— Кажется, что такъ. Этотъ арабскій жеребецъ—моего завода.

— Какъ, сударь! Вашего завода?—И за него теперь просятъ сорокъ тысячъ!

— Да, сударь.

— Но она не стоитъ этихъ денегъ.

— Разумѣется. По моему, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ лошади, которая стоила-бы по однѣмъ статьямъ сорокъ тысячъ; но зато много есть людей, которые любятъ даромъ бросать деньги.

— Для чего-же не выведите наружу обманъ этого англичанина?

— Вы шутите. Да кто-же изъ сихъ господъ захочетъ мнѣ вѣрить?—Ну, можетъ ли лошадь, покрытая вмѣсто попоны дорогимъ персидскимъ ковромъ, стоить только шесть тысячъ?—Притомъ-же, соглашаясь со мною, они должны будутъ признаться, что были обмануты. О, сударь! я увѣренъ, каждый изъ нихъ согласится лучше заплатить вдесятеро дороже, чѣмъ отказаться отъ пріятнаго названія *знатока*. Жаль только, что деньги, вмѣсто того, чтобъ остаться въ Россіи, отправятся въ Англію; но вѣдь этому горю пособить не можно: русское тогда только хорошо, когда продаетъ его иностранецъ. Недавно одинъ молодой человѣкъ не хотѣлъ у меня купить за двѣ тысячи верховую лошадь, а заплатилъ черезъ два мѣсяца за нее-же берейтору-нѣмцу двѣнадцать. И теперь не можетъ нахвалиться ею: онъ счастливъ, благополученъ,—не оттого, что имѣетъ хорошую лошадь, но оттого, что она стоитъ ему двѣнадцать тысячъ.

Послѣ сего разговора я не могъ долѣе оставаться вмѣстѣ съ княземъ. Мнѣ жалко и досадно было смотрѣть, какъ эти смѣшные знатоки помогали англичанину ихъ обманывать.—До обѣда еще было долго: не зная, какъ убить время, вадумалъ я идти на биржу. Я нашелъ тамъ много гуляющихъ. Одни покупали вновь привезенные апельсины, другіе расхаживались по берегу и смотрѣли, какъ выгружаютъ купеческіе корабли. Проходя мимо лавокъ, я встрѣтилъ Промотаева.

— Какъ я радъ, мой милый! — вскричалъ онъ:—ты здѣсь! Пойдемъ со мной, я поподчую тебя такими устрицами...

— Благодарю: я никогда ихъ не ѣмъ.

— Пустое, мой другъ! Пустое!

— Увѣряю тебя.

— Но это необыкновенныя устрицы: сейчасъ съ корабля.

— Для меня все равно. Я ихъ терпѣть не могу.

— Что ты, мой милый! Я за тебя краснѣю. Не терпѣть устрицъ!... Совѣтую тебѣ хотя изъ пристойности не говорить этого.

Между тѣмъ мы вошли въ лавку; Промотаевъ спросилъ устрицъ, лимоновъ и портеру. Съ нимъ былъ какой-то толстый человѣкъ, который не говорилъ ни слова; но зато не ѣлъ, а глоталъ по пяти устрицъ разомъ. Промотаевъ хвалилъ ихъ съ восторгомъ самаго разборчиваго знатока и ѣлъ очень умѣренно.

— Безподобно! восхитительно!—кричалъ онъ при каждой устрицѣ и морщился, какъ будтобы принималъ лѣкарство.

— Мнѣ кажется, любезный Промотаевъ,—сказалъ я,—ты до нихъ не такой охотникъ, какимъ хочешь казаться.

— Вотъ, что забавно! Да неужели я стану ихъ ѣсть насильно?

— Признаюсь, я почти увѣренъ въ этомъ.

— Какой вздоръ! Ты судишь по себѣ. *Попробуй* только, и тогда заговоришь другимъ голосомъ. Ты не можешь себѣ представить, какое наслажденіе есть устрицы!—Не правда-ли, господинъ Объѣдаловъ?

— Совершенная правда! — отвѣчалъ толстякъ:—и для того-то я попрошу еще полсотенки.

— Кушай, мой милый, кушай! Я очень радъ, что ты одного со мною мнѣнія. О! Что можетъ сравниться съ устрицами!

Тутъ, желая показать на самомъ дѣлѣ какъ онъ ихъ любитъ, Промотаевъ началъ со всею медленностью утонченнаго лакомки жевать устрицы, которыя до того глоталъ какъ пилюли. Сначала переодолѣвалъ онъ съ катонскою твердостью свое отвращеніе: все лицо его было въ консульсіяхъ; онъ хотѣлъ улыбаться—и дѣлалъ *гримасы*; готовъ былъ задох-

Digitized by Google

нуться, и кричалъ сквозь слезы: *какой вкусъ! Какая пріятная солоноватость!*—Наконецъ глаза его совершенно помутились, и бѣдный Промомотаевъ долженъ былъ отворотиться, чтобъ выплюнуть то, чего не могъ проглотить. Я не въ состояніи былъ отъ смѣху удержаться и, не желая умножить его замѣшательство, ушелъ потихоньку изъ лавки.—Теперь скажи, Милостановъ, не смѣшно-ли, не жалко-ли видѣть человѣка, который давится, глотая устрицы, для того только, чтобъ сказать, что онъ покупалъ ихъ очень *дешево*—съ небольшимъ по сто рублей сотню?

Милостановъ. Это-то и худо, мой милый, что по сто рублей: еслибъ онѣ были по рублю сотня, то никто не сталъ бы ихъ ѣсть.—Но ты еще не совсѣмъ кончилъ исторію своихъ похожденій.

Эрастъ. О! Нѣтъ еще. Съ биржи пошелъ я обѣдать къ барону А***. Я нашелъ у него цѣлое музыкальное общество. Хозяинъ давалъ обѣдъ извѣстному капельмейстеру-фортепьянисту Шт.....ту. Большая часть гостей были *аматеры*. Во время обѣда говорили безпрестанно о музыкѣ: судили, разбирали, сравнивали, рѣшали и, говоря *о бемоляхъ и паузахъ*, забывали ѣсть. Я посреди сего музыкальнаго ареопага былъ какъ-будто на необитаемомъ островѣ: молчалъ и не понималъ десятой доли изъ общаго разговора. Мнѣ очень хотѣлось знать, кто изъ гостей тотъ знаменитый виртуозъ, коего давно уже желалъ видѣть. Судя по разговорамъ, я думалъ, что узналъ его: сидѣвшій подлѣ меня съ правой стороны распудренный мужчина говорилъ и больше и громче другихъ.—„Кто, кромѣ сего великаго музыканта", думалъ я, „можетъ говорить такъ смѣло о музыкѣ: произносить съ такою рѣшительностью свои приговоры?—О! это вѣрно Ш.....тъ!" Желая увѣриться въ справедливости своихъ догадокъ, я спросилъ сидѣвшаго подлѣ меня съ лѣвой стороны человѣка пожилыхъ лѣтъ, который также какъ я не говорилъ ни слова.—„Не это-ли г. Шт.....тъ?" — „Нѣтъ, сударь,—отвѣчалъ очень вѣжливо мой сосѣдъ, онъ имѣетъ удовольствіе говорить съ вами". У меня руки опустились отъ удивленія. Разсуди самъ, могло-ли это придти мнѣ въ голову?

Обѣдъ кончился; всѣ въ глубокомъ молчаніи сѣли въ кружокъ около фортепьянъ. Шт.....тъ заигралъ свою фантазію.—Никогда не слушалъ я музыки съ такимъ удовольствіемъ. Какое волшебное согласіе звуковъ! Какая сладостная мелодія! какіе переходы отъ быстрыхъ, подобныхъ грому звуковъ, къ тихимъ, гармоническимъ тонамъ, изображающимъ мирное блаженство жителей небесныхъ! — „Превосходно! Несравненно!" кричали всѣ слушатели, когда онъ кончилъ.—„Еще, monsieur Шт.....тъ, еще что-нибудь!" шептали дамы. Онъ послушался; но въ этотъ разъ игра его не принесла мнѣ столько удовольствія. Когда онъ игралъ свою фантазію, всѣ молчали, едва смѣли дышать; а тутъ, часто среди общаго молчанія, вырывались слова: *прекрасно! безподобно! нельзя лучше!*—Я самъ слушалъ и удивлялся искусству; но сердце мое было спокойно, воображеніе холодно, и я совсѣмъ не досадовалъ, когда онъ кончилъ.

Лишь только виртуозъ уѣхалъ, начались сужденія: его стали сравнивать съ Ф...мъ.—Какая разница,—говорилъ одинъ:—Ф...въ довелъ до совершенства *механизмъ пальцевъ*; но гдѣ въ нихъ душа?

— Гдѣ душа!—Въ каждой нотѣ, сударь,—отвѣчалъ другой.

— Погодите! — кричалъ третій:—въ Ф...вой музыкѣ столь-же мало души, сколь мало правильности въ игрѣ Шт...та.

— Помилосердуйте! — вопіялъ четвертый,—Шт...тъ играетъ неправильно? — Боже мой—Напротивъ, въ Ф...дѣ есть большіе недостатки: средній палецъ правой его руки имѣетъ гораздо менѣе силы, чѣмъ прочіе.

—Извините!—возразилъ расчесанный говорунъ, бывшій во время стола моимъ сосѣдомъ,—не средній, а указательный.—Но какъ бы то ни было,—Ф...дъ далеко останется позади Ш...та Желаю знать, напишетъ-ли онъ что-нибудь подобное концерту, который Шт..тъ игралъ послѣ своей фантазіи?

При сихъ словахъ всѣ прочіе гости взглянули другъ на друга и засмѣялись.—Чему же вы смѣетесь?—спросилъ съ досадою расчесанный знатокъ.—А вотъ посмотрите,—отвѣчалъ одинъ насмѣшникъ:—тотъ самый концертъ, который игралъ Шт...тъ, онъ сочиненъ Ф...мъ. Какъ ты думаешь, мой другъ?—Пристыженный знатокъ смутился, покраснѣлъ—ни мало. Онъ повернулся на одной ногѣ, подошелъ къ дамамъ и черезъ минуту принялся кричать громче прежняго.

Милостановъ. Это не удивительно, невѣжество и наглость бываютъ всегда неразлучны.

Эрастъ. Желая избавиться скорѣе разговоровъ, въ которыхъ не могъ брать участія, отправился я въ театръ. Сегодня давали *Игрока*, комедію не переведенную, но, къ несчастію, передѣланную съ французскаго. Мнѣ показалось, что она написана не совсѣмъ дурно; я замѣтилъ даже много хорошихъ стиховъ. Но зато бѣдный Реньяръ пострадалъ ужаснымъ образомъ: я не узналъ его Игрока. Переводчикъ забывалъ поминутно объ оригиналѣ, сочинялъ цѣлыя фразы и заставлялъ дѣйствующія лица говорить то, что вѣрно Реньяру никогда и въ умъ не входило. Роль маркиза, который такъ забавенъ во французской комедіи была совершенно убита; но слово *передѣланная* извиняло все. Большая часть зрителей остались довольны пьесою. Я не былъ изъ числа сихъ послѣднихъ. Мнѣ всегда казалось, что переводчикъ не имѣетъ никакого права передѣлывать, или, лучше сказать, портить иностранное для того, чтобы сдѣлать его русскимъ.

Лишь только занавѣсъ опустили,—*критики апологисты* и *зоили* принялись на перерывъ разбирать, хвалить и терзать сыгранную пьесу. Передо мною сидѣлъ человѣкъ небольшого роста, который во время представленія надоѣлъ мнѣ пуще всякой передѣланной комедіи. Онъ появился въ креслахъ въ половинѣ перваго акта; минутъ съ пять не садился; заслонялъ сцену для тѣхъ, которые имѣли несчастіе сидѣть позади его, и, говоря очень громко, мѣшалъ слушать тѣмъ, которые были подлѣ. Первыя два дѣйствія онъ сидѣлъ спиною къ сценѣ; третье и четвертое разговаривалъ и зѣвалъ; пятое заснулъ—или хотѣлъ казаться спящимъ; а когда кончилось представленіе, проснулся для того, чтобъ сказать:—„Скверно, дурно! Наши актеры все портятъ; по чести, я ничего не видѣлъ хуже этого".

— Ему вѣрно приснилось что-нибудь страшное,—сказалъ сидѣвшій подлѣ меня старикъ, посмотрите,—какъ онъ бредитъ.

— *Богъ мой!* Что это за переводъ,—пищалъ

Digitized by Google

позади насъ распрысканный духами модникъ,— это жалость! — Не понимаю, какъ можно *имѣть лобъ* *) переводить Игрока! — Игрока — лучшую комедію Мольера!

— Вы ошибаетесь, милостивый государь,— сказалъ какой-то глубокомысленный знатокъ:— эта комедія написана Реньяромъ. Переводъ превосходенъ; въ немъ удержаны всѣ красоты подлинника. — Стихи переведены *слово-отъ-слова*.—Хорошъ же и ты, голубчикъ,—думалъ я.—Можетъ быть,—возразилъ щеголь, вставая съ своего мѣста.—Можетъ быть... Но со всѣмъ тѣмъ—какъ-бы то ни было, переводить Игрока!... О! для этого надобно имѣть такую голову, такую голову...

— Которая не походила бы на твою, — сказалъ я, пробираясь сквозь толпу выходящихъ зрителей.

Несчастные писатели!—думалъ я, идя по бульвару,—вы ломаете себѣ головы, пишите цѣлыя ночи, трудитесь—и для чего? Для того, чтобъ отдать свое произведеніе на судъ подобныхъ знатоковъ! И что ожидаетъ васъ? Если произведеніе ваше будетъ хорошо принято, то *горе вамъ!* Дюжинные писатели составятъ противъ васъ *всеобщее ополченіе;* засыплютъ эпиграммами, придерутся къ одному слову и докажутъ *логически,* что вы не умѣете писать. Если стихи ваши не понравятся, пьеса упадетъ, то бѣгите вонъ изъ города: журналисты, для которыхъ всякое дурное произведеніе есть золотой рудникъ, не дадутъ вамъ покоя; имя ваше войдетъ въ пословицу; тогда напишите Федру, Тартюфа, напишите, если можно, что-нибудь лучше, и вы все-таки останетесь жалкими авторами, которые не могутъ сочинить ничего путнаго.

Разсуждая такимъ образомъ, я дошелъ нечувствительно до дома графа N***; у воротъ стояло много экипажей; это напомнило мнѣ, что сегодня вторникъ, день, въ который графъ принимаетъ своихъ знакомыхъ и что я давно уже у него не былъ. Послѣ минутнаго размышленія, я рѣшилъ провести у него остатокъ вечера. Въ первыхъ трехъ комнатахъ царствовало глубокое молчаніе; столахъ на десяти играли въ винтъ. Не видя нигдѣ хозяина, я пошелъ далѣе и нашелъ графа въ диванной, посреди небольшого круга избранныхъ пріятелей. Я, какъ водится, сталъ извиняться, что давно не былъ: хозяинъ какъ слѣдуетъ наговорилъ мнѣ кучу обязательныхъ упрековъ и когда это условное пустословіе кончилось, разговоръ, прерванный на нѣсколько минутъ моимъ приходомъ, возобновился съ новымъ жаромъ. Дѣло шло о литературѣ. Никто почти не слушалъ другъ друга; каждый изъ гостей выжидалъ только минуты завладѣть разговоромъ и блеснуть своими познаніями. Одинъ, кстати или не кстати, цитировалъ стихи любимаго своего поэта; другой, не имѣя времени промолвить свое словцо, торопился кивнуть прежде другого въ знакъ одобренія головою, или значительно улыбнуться. Третій, чувствуя свое невѣжество, не смѣлъ мѣшаться въ общій разговоръ, а передразнивалъ только своихъ сосѣдей: восхищался, когда восхищались другіе; качалъ головою съ видомъ неудовольствія, когда хмурились другіе, и отвѣчалъ двусмысленно, когда спрашивали его мнѣнія. Одинъ молодой человѣкъ, одаренный непостижимою гибкостью языка, успѣлъ наконецъ обратить на себя общее вниманіе: онъ вертѣлся направо и налѣво, спрашивалъ, отвѣчалъ, доказывалъ, раздроблялъ, спорилъ со всѣми, загонялъ всѣхъ и въ нѣсколько минутъ очистилъ совершенно поле сраженія. Самые упрямые спорщики должны были съ нимъ согласиться; самые неутомимые болтуны принуждены были молчать. Сначала перебралъ онъ поодиночкѣ всѣхъ древнихъ поэтовъ: однихъ хвалилъ, другихъ осуждалъ; никто не смѣлъ ему противорѣчить. „Онъ знаетъ по-гречески, и полатыни", шептали мои сосѣди; а какъ можно спорить съ человѣкомъ, который читаетъ въ подлинникѣ Гомера, и находитъ неправильные стихи въ Горацiѣ и Ювеналѣ. Уставши говорить о древнихъ, молодой литераторъ обратился къ новѣйшимъ писателямъ: далъ нѣсколько щелчковъ англичанамъ и нѣмцамъ, похвалилъ мимоходомъ Данта, поругалъ слегка Тасса—и добрался наконецъ до французовъ. О! тутъ-то началась *кровавая сѣча;* двадцатилѣтній цензоръ не щадилъ *ни пола, ни возраста.* Г-жа Дезульеръ лучше-бы сдѣлала, еслибъ вмѣсто стиховъ писала узоры; г-жа Севиньи не должна была печатать своихъ писемъ, а Жанлисъ сочинять своихъ сказокъ и романовъ; французская литература одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ; лучшіе ихъ писатели— жалкіе школьники въ сравненіи съ древними. Я слушалъ и восхищался. Этотъ молодой человѣкъ истинный *патріотъ,* думалъ я: онъ мститъ французамъ за то, что они нѣкогда были врагами нашими; унижаетъ ихъ писателей вѣрно для того, чтобъ возвысить таланты своихъ соотечественниковъ. О! надобно имѣть сильную любовь къ отечеству, чтобъ пуститься на такой великій подвигъ!

Не всѣ были одинаковаго со мною мнѣнія. Осуждать французскихъ писателей! Боже мой! Да это такое уголовное преступленіе, такая неслыханная дерзость, отъ которой самый смирный человѣкъ долженъ потерять терпѣніе. Одинъ изъ слушателей, не въ силахъ будучи скрывать долѣе своего негодованія, вступился за бѣдныхъ французовъ.

— Пощадите!—закричалъ онъ,—можно-ли говорить съ такимъ презрѣніемъ объ учителяхъ нашихъ, о писателяхъ, которые служатъ намъ образцами? Сыщите мнѣ, напримѣръ, гдѣ-нибудь другого Лафонтена!

— Лафонтена! Но чтобы онъ былъ безъ Езопа, Федра и Пильпая? Онъ всѣмъ обязанъ древнимъ.

— Буало...

— Буало никогда не былъ истиннымъ поэтомъ: онъ отдѣлывалъ стихи свои, какъ художникъ: вымѣривалъ ихъ циркулемъ, писалъ по масштабу. Онъ такъ холодно-правиленъ...

— Если вы хотите болѣе піитическаго огня, читайте Делиля.

— Делиля! Этого *сантиментальнаго* плаксу, сладкаго пастушка, который описывалъ поля и лѣса, сидя въ своемъ кабинетѣ, и ходилъ любоваться *великолѣпною* природою въ Пале-Рояльскій садъ. Нѣтъ, сударь, я не могу выносить его *заказныхъ* восторговъ, его *звуко-подражательныхъ* стиховъ, которые ничему не подражаютъ, и охотно отдалъ-бы всѣ пастушескія и метафизическія поэмы Делиля за одинъ стихъ изъ Виргилія.

— Желаю знать, что скажете вы о Расинѣ.

— Что онъ не написалъ ни одной истинной трагедіи.

— Какъ, сударь! Гофолія, Федра, Ифигенія?...

— Прежалкія трагедіи! Что такое Расиновъ

*) Avoir le front.

Digitized by Google

Ахиллесъ? Французскій петиметръ; *храбрецъ*, который безпрестанно говоритъ и дѣлаетъ *гасконады*. Береника, *сантиментальная* француженка двора Людовика XIV-го. Федра *кокетка*. О! какъ удивились-бы греки, если-бъ увидѣли, какими едѣлалъ ихъ Расинъ. Эти греческія трагедіи показались-бы имъ пародіями, — и греки были-бы правы.

— Поэтому Корнель...

— Онъ былъ-бы лучше: но что за стихи!

— Слѣдственно Вольтеръ вамъ нравится болѣе!

— Вольтеръ? Боже мой! Могутъ-ли нравиться трагедіи, въ которыхъ Магометъ философствуетъ, бредитъ метафизикою какъ Дидеротъ; а турецкій султанъ разсуждаетъ о любви, какъ страстные любовники въ романахъ г-жи Скюдери?

— Я надѣюсь, что Мольеръ...

— Онъ старался подражать Плавту; но какъ далеко оставилъ его позади себя Аристофанъ!

— Помилуйте! Лагарпъ говоритъ...

— Лагарпъ говоритъ! Прекрасное доказательство! Да что такое Лагарпъ? Кто сдѣлалъ его законодателемъ вкуса? Человѣкъ, который на каждомъ шагу дѣлаетъ самыя грубыя ошибки, котораго сужденія наполнены пристрастіемъ, котораго безконечный *курсъ литературы* заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе полезнаго, чѣмъ одинъ листъ въ Лонгиновомъ трактатѣ о превосходномъ. И этого-то человѣка вы хотите сдѣлать моимъ судьею! О, сударь! Позвольте мнѣ, не справляясь съ Лагарпомъ, отдавать справедливость древнимъ и не равнять съ ними писателей нашего времени.

Защитникъ французовъ замолчалъ. Я думалъ, что молодой литераторъ сдѣлаетъ тоже, но ошибся: поговоря еще нѣсколько минутъ объ иностранныхъ писателяхъ, онъ обратился къ отечественной словесности. Я удвоилъ вниманіе. „Наконецъ этотъ страшный Аристархъ смягчится и будетъ хвалить. Какъ можетъ русскій говорить безъ восторга о Ломоносовѣ и Державинѣ; о Душенькѣ Богдановича и басняхъ Хемницера“, — думалъ я, подвигаясь ближе—и какъ обманулся! Бѣдные мои соотечественники! Если-бъ вы слышали жестокій приговоръ этого *отрака-мудреца*... Херасковъ, Княжнинъ, Костровъ, Фонвизинъ, вы не имѣли никакого таланта. Почтенный отецъ нашей поэзіи, Ломоносовъ! Твои оды не что иное, какъ *лирическая галиматья*, уродственное подражаніе Пиндару. А вы, находящіеся еще въ живыхъ, вы, которыхъ мы по невѣжеству своему считали до сихъ поръ честію нашей словесности, плѣнительный Д***, неподражаемый К***въ, веселый В***, милый Б***, остроумный Ш***, любимецъ греческихъ музъ Г***, вы скучны, холодны, безъ души, безъ дарованій,—и наконецъ ты, избалованное дитя Аполлона, чувствительный, пламенный Ж***, ты не написалъ во всю жизнь ни одного *живого* стиха.

Я вышелъ изъ терпѣнія, сталъ спорить: но злодѣй, не давъ мнѣ выговорить двухъ словъ сряду, началъ читать наизустъ по нѣскольку дурныхъ стиховъ изъ поэтовъ, которыхъ порицалъ такимъ безбожнымъ образомъ. Сколько я ни кричалъ, что нѣсколько дурныхъ стиховъ ничего не значатъ, что во всякомъ сочиненіи найти ихъ можно,—никто не хотѣлъ меня слушать; большая часть гостей взяли сторону моего противника и я долженъ былъ замолчать поневолѣ. Разговоръ перемѣнился: стали говорить о художествахъ; молодой литераторъ пустился судить о скульптурѣ, живописи и архитектурѣ съ такою-же *благородною смѣлостью*, съ какою говорилъ о словесности. „Боже мой!—сказалъ я, сѣвши въ одномъ уголку подалѣе отъ прочихъ гостей.—Боже мой! Какъ-бы было хорошо, если-бъ этотъ молодой человѣкъ *не зналъ* чего-нибудь“. Хозяинъ, который не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ, подошелъ ко мнѣ.

— Ну! Мой милый,—спросилъ онъ,— что вы думаете объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

— Право не знаю, я не успѣлъ еще опомниться.

— Не правда-ли, онъ очень много знаетъ?

— О, слишкомъ много!

— Нельзя быть умнѣе, ученѣе...

— Но можно, кажется, быть скромнѣе и не позволять себѣ бранить то, что цѣлый свѣтъ почитаетъ.

— О! Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ право судить о писателяхъ: онъ самъ сочиняетъ и отдаетъ въ печать.

— Тѣмъ хуже, сударь, тѣмъ хуже. Если-бъ онъ находилъ въ себѣ самомъ тѣ-же недостатки, которые видитъ въ другихъ, то не сталъ-бы печатать своихъ произведеній; а такъ какъ онъ осуждаетъ всѣхъ и сочиняетъ самъ, то вѣроятно думаетъ, что онъ одинъ пишетъ хорошо. Согласитесь сами, такое самолюбіе несносно.

— Можетъ статься, вы правы. Но впрочемъ, какъ бы то ни было, а у него такіе таланты, такія дарованія! О чемъ съ нимъ ни заговори, онъ все знаетъ, и знаетъ вѣрно лучше того, съ кѣмъ говоритъ. — О! Онъ *преученый и преумный* молодой человѣкъ.

Послѣ сего *премудраго* заключенія мнѣ осталось взять шляпу и уйти. Я раскланялся съ хозяиномъ и побѣжалъ къ тебѣ. Вотъ сегодняшнія мои приключенія: кажется, они уже всѣ кончены.—Но что это такое? Опять обнова!—Какая прекрасная чашка!

Милостановъ. Я купилъ ее для тебя: завтра день твоего рожденія.

Эрастъ *(разсматривая чашку)*. Благодарю, мой милый!—Какая живопись!

Милостановъ. Очень радъ, что она тебѣ нравится; я купилъ ее...

Эрастъ. У Роленьши?

Милостановъ. Нѣтъ, мой милый.

Эрастъ. Неужели въ англійскомъ магазинѣ?

Милостановъ. Совсѣмъ нѣтъ...

Эрастъ. Это удивительно! — Она *Севрской* фабрики.

Милостановъ *(улыбаясь)*. Въ самомъ дѣлѣ!

Эрастъ. О, что касается до этого, ты знаешь, я *охотникъ до фарфора*, и, смѣло могу тебя увѣрить, различу за сто шаговъ саксонскую чашку отъ севрской; а за версту узнаю нашу *топорную* русскую.

Милостановъ. Помилуй, мой другъ! Давно-ли ты бралъ сторону своихъ согражданъ, а теперь...

Эрастъ. О! Это другое дѣло,—фарфоръ не словесность: мы никогда не доведемъ до того совершенства наши фабрики, въ какомъ онѣ находятся въ чужихъ краяхъ. Ну! посмотри, мой милый, *сумѣютъ* ли у насъ дать фарфору такую полировку, такой цвѣтъ; посмотри, какъ все *кончено* въ этой живописи: какія живыя краски! Какая позолота! Въ одной Франціи умѣютъ давать этимъ бездѣлкамъ такую плѣ-

Digitized by Google

мысли съ духомъ вашего изданія. Остаюсь и проч."

— Четвергъ, 28-го.—*Отдохновеніе.*

— Пятница, 29-го.—„Игра любви и случая", комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго, и „Удача отъ неудачи", или „Приключеніе въ жидовской корчмѣ", оригинальная опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Странно покажется, что въ комедіи „Игра любви и случая" Сильвія, благородная дѣвица съ хорошимъ воспитаніемъ, такъ легко влюбляется въ Эраста, котораго считаетъ простымъ слугою: а еще страннѣе, что слуга Эраста, принимая Лизету, горничную Сильвіи, за невѣсту своего барина, думаетъ, что можетъ на ней жениться. Двѣ или три сцены истинно комическія и нѣсколько острыхъ словъ дѣлаютъ сію піесу (несмотря на несообразность интриги) одною изъ лучшихъ комедій г-на Мариво. Переводъ можно назвать хорошимъ. Піеса разыграна порядочно. Г-жа Брянская была *очень* не дурна въ роли Сильвіи. Г-жа Асенкова могла играть лучше. Что сказать о водевилѣ „Удача отъ неудачи"? Въ немъ есть много забавнаго; но длинные разсказы, не нужныя повторенія и что всего хуже—не твердыя роли, дѣлали его нѣсколько утомительнымъ. Если-бъ онъ былъ меньше, то безъ сомнѣнія принесъ-бы гораздо болѣе удовольствія. Ничто не можетъ быть совершеннѣе игры г-на Полякова: настоящій польскій жидъ не могъ-бы быть натуральнѣе его въ роли Израиля: г-жа Сандунова почти съ такимъ-же превосходствомъ играла жену его Рахиль. Г. Величькинъ хорошо понялъ свою роль, играя экономa Дубницкаго: онъ настоящій полякъ *стараго покроя.* Музыка весьма удачно набрана г-мъ Ленгардомъ изъ національныхъ жидовскихъ и польскихъ пѣсенъ. Болѣе всего нравится публикѣ *дуэтъ двухъ жидовъ,* и дѣйствительно онъ очень забавенъ.

Воскресенье, 1-го іюля.—*Карлъ XII при Бендерахъ,* историческое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, и *Пажи Герцога Вандомскаго,* опера-водевиль въ 1 дѣйствіи.

Мы не будемъ ничего говорить о Карлѣ XII. Піеса сія уже давно извѣстна публикѣ. Въ ней довольно удачно изображенъ характеръ шведскаго короля, его безразсудное мужество, упрямство и безпечность посреди величайшихъ опасностей. Г. Яковлевъ играетъ всегда съ успѣхомъ роль Карла XII; а гг. Бобровъ и Жебелевъ, первый — роль татарина Аски, а второй — француза Лассера. Водевиль „Пажи Герцога Вандомскаго" былъ разыгранъ самымъ *жалкимъ* образомъ. Впрочемъ, мы думаемъ, что французскій водевиль можетъ быть разыгранъ хорошо одними французами, — не оттого, чтобъ этотъ родъ принадлежалъ исключительно имъ однимъ, нѣтъ! Мы можемъ имѣть свои собственные водевили: „Казакъ-стихотворецъ", „Встрѣча незванныхъ" всегда приносили удовольствіе нашей публикѣ; но пускай сыграютъ ихъ на иностранномъ театрѣ, и тогда, конечно, они потеряютъ половину своей цѣны; то же самое можно сказать и о французскихъ водевиляхъ. Мы съ удовольствіемъ слушаемъ въ водевилѣ музыку, составленную изъ національныхъ пѣсенъ: мы пріуготовились любить ихъ съ младенчества. Арія на-голосъ „Vive Henri quatre"! восхищаетъ француза: она напоминаетъ ему одну изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ въ исторіи его отечества; но что можетъ она напомнить русскому?

Понедѣльникъ, 2-го.—*Отдохновеніе.*

Вторникъ, 3-го.—Во второй разъ. „Г. Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ" и „Квакеры", балетъ. Въ первой книжкѣ помѣщенъ очень *милостивый* разборъ сей комедіи: г. рецензентъ, говоря самымъ снисходительнымъ образомъ о ея недостаткахъ, дѣлаетъ слишкомъ строгія замѣчанія объ игрѣ актеровъ: онъ говоритъ, что г-жа Рахманова была *натуральна* въ своей роли; намъ кажется, это выраженіе не даетъ точнаго понятія о совершенствѣ, съ которымъ она представляла г-жу Богатонову. Вообще комедія была разыграна во второй разъ лучше; *импровизаціи* были рѣже, и зрители въ продолженіе первыхъ двухъ дѣйствій (изъ коихъ авторъ выкинулъ все излишнее пустословіе) засыпали не такъ уже часто, какъ при первомъ представленіи сей піесы.

Среда, 4-го.—*Отдохновеніе.*

Четвергъ, 5-го. —Во второй разъ по возобновленіи „Беверлей", трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, и „Говорунъ", комедія въ 1 дѣйствіи.

Беверлей принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ *мѣщанскихъ трагедій* (Tragedies bourgeoises) и по справедливости есть одна изъ лучшихъ въ семъ родѣ. Если-бъ театральныя представленія могли исправлять нравы, то, безъ сомнѣнія, сія трагедія принесла-бы гораздо болѣе пользы, чѣмъ всѣ мѣры правительства, запрещающаго азартныя игры. Но, къ несчастію, никакая трагедія не излѣчитъ человѣка, привязаннаго къ игрѣ, и можно биться объ закладъ, что многіе изъ зрителей, которые не могли безъ содроганія смотрѣть на ужасную сцену пятаго акта, въ которой Беверлей, изъ *человѣколюбія,* хочетъ убить своего сына, поѣхали изъ театра... проигрывать свои деньги.

Мы имѣемъ весьма мало переводовъ, подобныхъ „Говоруну", комедіи въ одномъ актѣ, передѣланной съ французскаго г. Хмельницкимъ. Самый строгій рецензентъ едва-ли найдетъ въ сей піесѣ нѣсколько слабыхъ стиховъ. Впрочемъ, эта комедія есть не что иное, какъ хорошо написанная бездѣлка: успѣхъ ея совершенно зависитъ отъ игры главнаго дѣйствующаго лица—*графа Звонова,* и надобно отдать справедливость г. Сосницкому: онъ прекрасно играетъ сію роль. Г-жа Сосницкая также очень хороша въ роли горничной. Тоже самое, или *почти* то-же, можно сказать о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ сей комедіи. Сцена, въ которой графъ Звоновъ перекричитъ шесть болтливыхъ старухъ, одна изъ самыхъ забавныхъ въ пьесѣ, и была ведена съ большимъ искусствомъ.

Пятница, 6-го. — „Алина", опера въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами и балетами, музыка г. Боельдье.

Къ намъ доставлено отъ неизвѣстнаго разсужденіе о семъ представленіи. Мы помѣстили-бы его въ сей книжкѣ, если-бъ оно было короче. Впрочемъ, мнѣніе г. неизвѣстнаго совершенно согласно съ нашимъ: игра актеровъ, балеты, костюмы, однимъ словомъ, все заслуживаетъ одобреніе публики. Мы согласны, что г-жа Сосницкая довольно хорошо пропѣла свой дуэтъ съ г. Климовскимъ; что сей послѣдній, равно какъ и г. Зловъ, пѣли и играли хорошо; что г. Толченовъ былъ очень недуренъ въ роли Сигискара; что г-жа Семенова младшая плѣняла всѣхъ своей игрою. Не споримъ даже, что г. Сосницкій, занимая мѣсто г. Самойлова, доказалъ, что опера сія, потерявъ столь отличнаго артиста, потеряла

Digitized by Google

черезъ сіе *только два номера музыки*. Но замѣтимъ также, что потеря двухъ номеровъ музыки, а особливо когда ихъ поетъ г. Самойловъ, очень чувствительна. Невозможно было танцовать лучше г. Антонина въ дивертисементѣ послѣдняго акта. Онъ и г-жа Новицкая принесли большое удовольствіе зрителямъ. Г. Люстихъ и г-жи Иконина, Лихутина и Истомина танцовали также очень хорошо.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

Воскресенье, 8-го іюля. „Лиза или Торжество благодарности", драма въ 3 дѣйствіяхъ, и „Дезертиръ", балетъ въ 4 дѣйствіяхъ.

Было время, когда „Лиза или Торжество благородности" считалась однимъ изъ лучшихъ драматическихъ произведеній нашихъ. Публика, измученная нѣмецкими драмами г-на Коцебу, съ удовольствіемъ увидѣла наконецъ драму, въ которой дѣйствующія лица были русскія. Она была принята со всеобщимъ рукоплесканіемъ. Но теперь, когда страсть къ *слезнымъ* представленіямъ не существуетъ болѣе, когда большая часть нашей публики начинаетъ уже понимать, что гораздо лучше написать дюжину драмъ, наполненныхъ сантиментальными фразами, чѣмъ одну хорошую трагедію,—мы осмѣлимся сказать, не опасаясь быть побитыми каменьями, что Лиза не только не заслуживаетъ названія хорошей пьесы, но едва-ли можетъ быть причислена къ самымъ посредственнымъ драмамъ. Что за твореніе эта Лиза? Она крестьянка и говоритъ лучше всякой благовоспитанной дѣвицы: она ходитъ жать на ряду съ прочими крестьянами и морализируетъ, разсуждаетъ не хуже какого-нибудь профессора философіи. Мы увѣрены, если-бы теперь кто-нибудь осмѣлился вывести подобное лицо въ драмѣ или комедіи, то былъ-бы *ошиканъ* безъ всякаго милосердія. Впрочемъ, о вкусахъ спорить не можно; мы замѣтили, напримѣръ, что многимъ нравилась послѣдняя сцена въ третьемъ актѣ, когда солдатъ Кремневъ напоминаетъ полковнику о данномъ словѣ—женить его на Лизѣ, и напоминаетъ тогда уже, когда всѣмъ извѣстно, что она дочь полковника; и *добрый* полковникъ, вмѣсто того, чтобъ сказать: „другъ мой, я обѣщалъ женить тебя на дочери старосты, а не на моей", соглашается, что требованіе его справедливо! Бѣдный Ліодоръ въ отчаяніи; но *великодушный* Кремневъ отказывается *добровольно* отъ всѣхъ правъ своихъ на дочь полковника и всѣ въ восхищеніи отъ такого *благороднаго* поступка. Сколько правдоподобія въ этой сценѣ! Какое вѣрное изображеніе нашихъ отечественныхъ нравовъ! Отставной солдатъ, который *изъ великодушія* отказывается отъ дочери своего *полковника!!* [1]).

Понедѣльникъ, 9-го.—*Отдохновеніе.*

Вторникъ, 10-го.—„Хитрость противъ хитрости", комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго; „Нисета и Лука или молодая молочница", комическій балетъ въ 1 дѣйствіи.

Публика смотрѣла съ удовольствіемъ комедію „Хитрость противъ хитрости": веселый разговоръ, забавная интрига, нѣсколько комическихъ сценъ и только три небольшіе акта... Сколько причинъ, чтобъ заслужить одобреніе зрителей! Переводъ не дуренъ.

Талантъ вездѣ виденъ. Балетъ „Молодая молочница"—бездѣлка; но бездѣлка сочиненія Дидло.

Крестьянинъ Лука влюбленъ въ молочницу Нисету; несмотря на строгій присмотръ Боби, бабки Нисетиной, они назначаютъ другъ другу свиданіе: Лука влѣзаетъ въ окошко къ своей любовницѣ. — Боби сердится; хочетъ бить свою внучку, и кончитъ тѣмъ, что соглашается на ихъ свадьбу. Помѣщикъ деревни, въ которой происходило дѣйствіе, будучи близко на охотѣ, появляется очень кстати, чтобъ подписать ихъ свадебный контрактъ и балетъ кончится разными танцами, которые забавляютъ графа. Вотъ сюжетъ балета „Молодая молочница"; онъ очень простъ, но прекрасныя группы, прекрасные танцы и прекрасныя декораціи г. Кондратьева, все обворожаетъ зрителей; музыка, мѣстами очень хорошая, сочиненія г. Кавоса.

Среда, 11-го.—*Отдохновеніе.*

Четвергъ, 12-го—„Г.. Богатоновъ", комедія и „Любовныя свиданія", опера въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

Г. переводчикъ оперы „Любовныя свиданія" вздумалъ передѣлать ее *на русскіе нравы* и подлинно передѣлалъ!—Изъ *веселой* оперы ему удалось сдѣлать *прежалкій* фарсъ.

Пятница, 13-го.—„Прекрасная мельничиха", опера въ 2 дѣйствіяхъ, музыка сочиненія г-на Паизіелло, переводъ съ италіянскаго, и „Балъ", дивертисментъ сочиненія г-на Дидло.

„Прекрасную мельничиху", такъ какъ и всѣ италіянскія оперы, не должно судить на-равнѣ съ прочими литературными произведеніями; слѣдственно, не говоря ничего о поэмѣ, мы скажемъ слова два о музыкѣ. По нашему мнѣнію, она не изъ числа *самыхъ* лучшихъ, но въ ней есть много хорошихъ мѣстъ; двѣ, три аріи могутъ назваться истинно прекрасными. Переводъ отмѣнно дуренъ. Намъ кажется, что должно и въ италіянской оперѣ говорить хотя нѣсколько сноснымъ языкомъ. Стихи еще хуже прозы; правда, они нравились райку, который *надрывался* со смѣху, слушая, какъ нотаріусъ посылалъ къ *мельничному чорту* свою любезную, и какъ она называла его *маленькимъ болванчикомъ*, а онъ ее *куколкой забавной*.

Воскресенье, 15-го іюля.—„Честное слово", комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и „Казакъ въ Лондонѣ", балетъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія г-на Огюста.

Комедія „Честное слово" имѣетъ въ себѣ много хорошаго. Въ ней есть долготы, холодныя сцены; она не можетъ даже назваться правильною комедіею, но со всѣмъ тѣмъ давно уже приноситъ удовольствіе нашей публикѣ, и вѣроятно долго еще останется въ числѣ пьесъ, играемыхъ на здѣшнемъ театрѣ.

Понедѣльникъ, 16-го.—*Отдохновеніе.*

Вторникъ, 17-го. — „Князь-невидимка", волшебная опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Музыка сей оперы есть одно изъ лучшихъ произведеній извѣстнаго капельмейстера Кавоса. Надобно отдать справедливость таланту сего отличнаго артиста: оперы, для которыхъ онъ дѣлалъ музыку, будутъ всегда нравиться.—Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ по разнымъ причинамъ не играются болѣе.—Что сказать еще о „Князѣ-невидимкѣ"? Въ немъ есть много *всякой всячины*: танцы, превращенія, машины, фейерверки, однимъ словомъ все,

[1]) Отдадимъ однако-же справедливость автору Лизы; вторая пьеса „Великодушіе или рекрутскій наборъ" гораздо ея лучше.

Digitized by Google

дѣть всѣмъ его имуществомъ: она употребляетъ для сего поперемѣнно всѣ извѣстные способы обирать безразсудныхъ мотовъ, достигаетъ наконецъ своей цѣли, и когда ложные друзья, не видя никакой выгоды притворяться, оставляютъ Клеона, она открываетъ ему свою хитрость, и, какъ обыкновенно водится въ комедіяхъ, которыя безъ свадебъ быть не могутъ, выходитъ за него замужъ.

Вотъ въ короткихъ словахъ сюжетъ, на коемъ основана вся комедія. Главный порокъ ея, по нашему мнѣнію, есть характеръ Юліи *). Въ продолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, она сговаривается съ служанкою своей Финетой какимъ образомъ разорить Клеона. Выманиваетъ у него подарки, обираетъ безстыднымъ образомъ, однимъ словомъ, играетъ самую унизительную роль. Въ первомъ дѣйствіи приходитъ Финета и говоритъ Клеону, что Юлія въ отчаяніи: она проиграла двадцать тысячъ. Разумѣется, догадливый любовникъ отсчитываетъ тотчасъ деньги и восхищается, что можетъ такой бездѣлкою услужить Юліи. Во второмъ дѣйствіи Юлія, для того чтобъ *выманить* еще что-нибудь у своего любовника, притворяется сердитою, упрекаетъ его въ безразсудной расточительности и объявляетъ намѣреніе свое прервать съ нимъ всѣ связи. Бѣдный Клеонъ вмѣсто того, чтобъ сказать: „побойтесь Бога, сударыня! Ну вамъ-ли, когда вы сами проигрываете по двадцати тысячъ, дѣлать мнѣ такіе упреки"! не знаетъ, что начать. Къ счастію, Финета находитъ способъ помирить его съ Юліею: она совѣтуетъ ему подарить ей *сто тысячъ*! Всякій на мѣстѣ Клеона удивился-бы такому требованію, но онъ *расточитель*, слѣдственно и долженъ, не говоря ни слова, бѣжать за деньгами. Замѣтимъ, однакожъ, Клеонъ выведенъ не *пошлымъ* дуракомъ, и могъ бы кажется понять, что женщина, которая беретъ съ него *сто тысячъ* для того, чтобъ не сердиться, не заслуживаетъ ни любви, ни почтенія. Безъ сомнѣнія, страсть ослѣпляетъ его, думаютъ зрители; но, къ несчастію, Клеонъ спѣшитъ ихъ разувѣрить въ этомъ. Лишь только онъ отсчитаетъ свои сто тысячъ, приходитъ графъ Геретъ, одинъ изъ ложныхъ друзей его, также влюбленный въ Юлію; онъ предлагаетъ ему полюбить вмѣсто Юліи сестру свою Цидализу. Клеонъ колеблется. Является рѣзвая Цидализа, начинаетъ кокетничать и въ пять минутъ сводитъ съ ума бѣднаго Клеона. Онъ клянется ей въ любви. Теперь новая бѣда! Какъ отдѣлаться отъ Юліи? „Бездѣлица", говоритъ графъ, „ей надобно подарить:

...Тотъ бриллiантовый браслетъ, что подъ закладъ
Недавно отданъ былъ, я выкупилъ назадъ.
Теперь послужитъ онъ гораздо намъ полезнѣй:
Онъ будетъ выкупомъ у Юліи прелестной
Свободы вашей...

*) Лагарпъ, осуждая „Расточителя", не говоритъ ни слова о характерѣ Юліи, но называетъ вымыселъ всей комедіи противнымъ здравому разсудку потому только, что, по мнѣнія его, невозможно въ нѣсколько часовъ проиграть все то, что въ пятомъ дѣйствіи проигрываетъ Клеонъ. Это сужденіе не справедливо: въ нѣсколько часовъ можно проиграть не только богатое имѣнье, но и всѣ сокровища великаго Могола. Это зависитъ не отъ времени, а отъ образа игры.

Этотъ *благородный* способъ избавиться отъ своей любовницы отмѣнно нравится Клеону Поручивъ другу своему отдать Юліи браслетъ и объявить, что ей дана отставка, онъ уходитъ. Графъ выполняетъ въ точности его волю. Что-же отвѣчаетъ Юлія? Конечно, этотъ поступокъ кажется ей обиднымъ? Безъ сомнѣнія! Съ *гордостію* начинаетъ она говорить длинный монологъ, въ которомъ проситъ графа *донести* Клеону, что онъ могъ бы и безъ *предварительныхъ словъ* разорвать съ ней всѣ связи, что желаетъ ему быть счастливѣе съ другой,—и что однако-же *даръ его пріемлетъ*.

Какое благородство! И это характеръ женщины, на которой основанъ интересъ всей комедіи. Намъ скажутъ, что доброе намѣреніе оправдываетъ ея поступки: но зрители не знаютъ ничего о ея намѣреніяхъ: Юлія не повѣряетъ своей тайны никому. Сама Финета, помогая ей разорять Клеона, думаетъ, что госпожа ея имѣетъ въ виду однѣ только личныя свои выгоды. Трудно отгадать, для чего Детушъ не хотѣлъ съ самаго начала оправдать поступковъ Юліи. Развѣ для того, чтобъ въ пятомъ актѣ удивить зрителей нечаянною развязкою, но въ такомъ случаѣ онъ оставилъ-бы ихъ въ заблужденіи до самаго конца: а Юлія въ четвертомъ дѣйствіи открываетъ свою тайну, слѣдственно въ развязкѣ признаніемъ своимъ удивляетъ не зрителей, а одного только Клеона. Для чего же она безъ всякой причины играетъ первые три акта роль презрительной и корыстолюбивой женщины, когда автору стоило только сказать одно слово, чтобъ облагородить ея характеръ? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать одинъ Детушъ; а онъ, къ сожалѣнію, въ предисловіи своемъ увѣряетъ, что никогда не придумывалъ ничего лучше характера Юліи. И это говоритъ авторъ „Тщеславнаго" и „Женатыхъ философовъ"! Впрочемъ, Юлія не одна обманываетъ зрителей; плутъ Пасквинъ дѣлается также къ концу пречестнымъ человѣкомъ. Замѣтимъ также, что мы не привыкли видѣть на нашей сценѣ *благородныхъ* женщинъ, которыя въ гостяхъ у холостого человѣка, пируютъ вмѣстѣ съ кучею пьяныхъ повѣсъ; это совершенно противно нашимъ нравамъ. Для насъ непонятно, какимъ образомъ *порядочныя* женщины могутъ быть въ такомъ *непорядочномъ* обществѣ. Само собою разумѣется, это замѣчаніе не относится къ Детушу; онъ писалъ для своихъ соотечественниковъ, которые не находятъ ничего неприличнаго даже и въ Лесажевомъ Тюркаретѣ, гдѣ выведена какая-то баронесса, живущая на *содержаніи* у богатаго откупщика, который въ минуту ревности ломаетъ у нея мебель и разбиваетъ зеркала. Можетъ быть и у насъ дѣлается тоже, но только не на сценѣ.

Сказавши наше мнѣніе о недостаткахъ сей комедіи, мы должны упомянуть и о томъ, что кажется намъ хорошимъ. Весь третій актъ не дуренъ. Сцена, въ которой Пасквинъ и Финета увѣряютъ пріѣхавшаго нечаянно дядю Клеонова, что племянникъ его исправился, прекрасна. Детушъ подражалъ въ ней Реньяру; но забавная мысль назвать толпу пьяныхъ вертопраховъ учеными, которые шумятъ оттого, что спорятъ о важныхъ предметахъ, принадлежитъ ему. Въ пятомъ актѣ, который одинъ изъ лучшихъ въ комедіи, есть хорошая сцена между Расточителемъ и слугою его Пасквинымъ: она тѣмъ болѣе нравится, что никто не ожидаетъ такого благороднаго по-

Digitized by Google

ступка отъ слуги, который въ продолженіе всей пьесы походитъ болѣе на плута, чѣмъ на честнаго человѣка.

Переводъ мѣстами не дуренъ. Но вообще можно было замѣтить, что Расточитель переведенъ на *скорую руку*. Много есть стиховъ слабыхъ, прозаическихъ. Есть также и хорошіе; но они попадаются гораздо рѣже. Переводчикъ менѣе всего занимался *риѳмами:* онѣ очень часто совсѣмъ на риѳмы не походятъ.

Комедія разыграна была довольно хорошо. Клеонъ игралъ не дурно; намъ кажется однакоже, онъ могъ-бы въ пятомъ актѣ немного поболѣе сердиться на своихъ вѣроломныхъ друзей,—они стоили этого.—Баронъ, Геронтъ, графъ Геретъ, Маркизъ и Цидализа играли нарядно. Слуга также былъ весьма не дуренъ; замѣтимъ однакоже, что онъ гораздо лучше игралъ Пасквина плута, чѣмъ Пасквина честнаго человѣка. Финета была очень мила, и мы съ удовольствіемъ узнали въ ней опять ту-же Сашу, которою любовались нѣкогда въ „Липецкихъ водахъ". Юлія играла прекрасно; но и можетъ-ли она играть иначе? Въ концѣ комедіи, когда она говоритъ:

Клеонъ! и ты во мнѣ несчастной усумнился!

Этотъ стихъ и всѣ послѣдующіе были ею сказаны превосходно.

Воскресенье, 26 августа.—„Школа злословія", комедія въ 5 дѣйствіяхъ, переведенная съ англійскаго г-мъ Муравьевымъ, и „Мельники", балетъ въ 1 дѣйствіи.

Публикѣ давно уже извѣстна прекрасная комедія „Школа злословія". Главный недостатокъ сей пьесы есть нарушеніе театральныхъ правилъ, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, совершенно необходимы для хорошей комедіи. Мы не смѣемъ утверждать противнаго, но скажемъ только, что гораздо пріятнѣе видѣть неправильную комедію, которая, подобно „Школѣ злословія", заставляетъ насъ смѣяться, чѣмъ многія французскія комедіи, въ коихъ сочинители, наблюдая всѣ правила Аристотеля, забываютъ только о томъ, что комедія должна быть не только правильна, но и забавна.

Понедѣльникъ, 27-го. — Для бенефиса г-на Жебелева въ первый разъ: „Сила клятвы, или честная преступница", драма въ 5 дѣйствіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго,—и „Домовой и Гидравликъ", комедія въ 3 дѣйстіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго г-мъ Лангинымъ.

Мы не хотимъ утомлять читателей подробнымъ разборомъ „Честной преступницы"; одно воспоминаніе о сей *ужасной* драмѣ приводитъ насъ въ трепетъ. Намъ удавалось видѣть много скучныхъ и вздорныхъ драмъ, но онѣ ничто передъ честной преступницей. Надобно признаться, въ семъ отношеніи она превосходитъ не только Маргариту Анжуйскую, но даже и знаменитаго колосса Родосскаго.

Комедія „Домовой и Гидравликъ"—плохой фарсъ. Онъ сдѣланъ изъ одной извѣстной сказки, которую любопытные могутъ найти, если хотятъ, въ Кургановѣ письмовникѣ.

Вторникъ, 28-го. Іосифъ прекрасный, опера въ 3 дѣйствіяхъ, музыка соч. г-на Мегюля.

Кажется, не нужно говорить о сей оперѣ. Кто не знаетъ прекрасную музыку оной, одно изъ лучшихъ произведеній Мегюля. Она была разыграна не дурно. Публика слушала съ удовольствіемъ Іосифа: въ 1 дѣйствіи онъ пропѣлъ прекрасно романсъ:

Съ младенчествомъ лишь разставаясь,
Я въ лѣта юношей вступалъ...

Тріо второго дѣйствія, пѣтое Яковомъ, Веніаминомъ и Іосифомъ, было также принято со всеобщимъ рукоплесканіемъ. Нельзя было играть лучше Семіона; къ сожалѣнію, онъ не поетъ почти ничего въ продолженіе всей оперы. Зрители были также очень довольны игрою и пѣніемъ одного изъ лучшихъ оперныхъ актеровъ нашихъ, игравшаго роль Іакова.

Среда, 29-го.—*Отдыхновеніе*

Четвергъ, 30-го.—„Влюбленный Шекспиръ", комедія въ 1 дѣйстіи, — и въ первый разъ „Карлосъ и Розальба", комическій балетъ въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г-на Дидло; музыка г-на Кавоса.

Прекрасныя декораціи, прекрасные танцы, веселый сюжетъ и хорошая музыка,—вотъ достоинства балета „Карлосъ и Розальба". Послѣ этого не трудно отгадать, какой успѣхъ имѣло сіе новое произведеніе г-на Дидло. Сюжетъ балета взятъ изъ извѣстной оперы „Одна шалость", разумѣется съ нѣкоторыми перемѣнами. Напримѣръ: Донъ Карлосъ появляется въ видѣ автомата; его заводятъ: онъ играетъ на скрипкѣ, танцуетъ съ своей любовницей передъ глазами ея опекуна, который смотритъ съ удивленіемъ на *куклу*, дѣлающую правильные *антраша* и *пируеты*, и никакъ не узнаетъ въ ней своего соперника. Такая недогадливость показалась-бы въ оперѣ не много странною; но въ балетѣ, а особливо комическомъ, все извинительно.

Пятница, 31-го.—„Графъ Вальтронъ", драма въ 5 дѣйствіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго,— и „Три брата горбуны", опера въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго; музыка г-на Кавоса.

„Графъ Вальтронъ",—очень скучная и длинная драма, она имѣла нѣкогда большой успѣхъ на нашемъ театрѣ, и къ сожалѣнію, мы знаемъ многихъ, которые до сихъ поръ еще увѣрены, что сія пьеса прекрасна.

„Три брата горбуны" веселенькая опера. Сюжетъ ея взятъ изъ тысячи одной ночи. Онъ очень забавенъ. Музыка имѣетъ въ себѣ много хорошаго. Намъ особенно понравилась арія, пѣтая Зеліею, и увертюра, которая, по мнѣнію нашему, прекрасна отъ начала до конца.

Воскресенье, 2 сентября. „Сорока-воровка", драма въ 3 дѣйствіяхъ,—и „Дезертеръ", большой балетъ въ 4 дѣйствіяхъ.

Понедѣльникъ, 3-го. Для бенефиса г-жи Рахмановой, „Тонъ моднаго свѣта", драма въ 4 дѣйствіяхъ,—„Говорунъ", комедія въ 1 дѣйствіи—и „Ярмарка на Юрюпинской станицѣ", интермедія-дивертиссементъ.

По всему видно, авторъ драмы „Тонъ моднаго свѣта" не имѣлъ понятія о свѣтѣ, который хотѣлъ описывать.—Мы не думаемъ, чтобъ можно было встрѣтить въ порядочномъ обществѣ женщину, похожую на г-жу Причудову. Автору хотѣлось сдѣлать изъ нея вѣтренницу—кокетку, и для этого заставляетъ ее навязываться съ своей любовью къ человѣку, котораго она видитъ въ первый разъ отъ роду. Такое кокетство не прилично не только женщинѣ, живущей въ хорошемъ обществѣ, но даже и простой горничной.—Мы увѣрены также, что „Тонъ моднаго свѣта" не заставитъ отца любить лошадей болѣе, чѣмъ дѣтей своихъ, а мужа ненавидѣть добрую и прекрасную жену,— и стараться развратить невинную дѣвушку. Добрый отецъ, живя въ самомъ модномъ свѣтѣ, останется добрымъ, точно также, какъ дурной мужъ не сдѣлается лучше отъ того, что станетъ жить въ деревнѣ.

Digitized by Google

Андрея,—другъ мой умеръ! Господа,—продолжаетъ онъ, обратясь къ своимъ товарищамъ.—вы видите, этотъ шарлатанъ умертвилъ его; онъ долженъ быть наказанъ". Несчастный опекунъ въ отчаяніи. Морить больныхъ, не имѣя для сего позволенія отъ медицинской управы,—о! это такое преступленіе, за которое должно виновнаго повѣсить! Графъ Лестовъ берется поправить все дѣло, если только Мориловъ подпишетъ свадебный контрактъ. Онъ съ радостію соглашается на сіе условіе,—подписываетъ. Мертвый оживаетъ; медицинскіе чиновники снимаютъ парики свои, и *тысяча первый* обманутый опекунъ видитъ, но уже поздно, что онъ сдѣлался жертвою своего легковѣрія. Переводъ сей комедіи не дуренъ.

Вторникъ, 2-го.—„Портной Фипсъ", комедія въ одномъ дѣйствіи, и „Ацинсъ и Галатея", балетъ соч. г-на Дидло.

Среда, 3-го.—Для бенефиса г. Пономарева: въ первый разъ „Первый, кто пріѣдетъ, или шесть миль дороги", комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. Віаля, переведенная съ французскаго;—„Два охотника", комическая опера въ 1 дѣйствіи,—и „Калифъ Багдадскій", опера въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго г. Лифановымъ, музыка соч. г. Боіельдье.

Многіе полагаютъ, что комедія, въ которой не соблюдены всѣ извѣстныя правила, не можетъ быть хорошею. Мы весьма далеки того, чтобъ находить ихъ излишними; но думаемъ только, что комедія, приносящая удовольствіе зрителямъ, можетъ назваться хорошею даже и тогда, когда она погрѣшаетъ противъ правилъ Аристотеля. Въ комедіи, „Кто первый пріѣдетъ", не соблюдено единство мѣста: въ ней первое дѣйствіе происходитъ въ Ліонѣ, второе за три мили отъ сего города, въ домѣ Рапиньи, и наконецъ третье за три мили отъ дома Рапиньи въ замкѣ г. Доримонта. Несмотря на это, мы находимъ, что сія пьеса очень не дурна, и если не ошибаемся, большая часть публики будетъ съ нами согласна. Вотъ сюжетъ сей комедіи: два молодые офицера одного полка, Вервиль и Дорваль, намѣрены жениться на Эмиліи, дочери г. Доримонта. Дорваль степененъ и любитъ ее; Вервиль вѣтренникъ, повѣса, и хочетъ жениться на Эмиліи для того только, что за ней сто тысячъ ливровъ приданаго.— Доримонтъ, не зная кого выбрать, пишетъ къ нимъ, что тотъ изъ нихъ, который пріѣдетъ прежде въ замокъ его, находящійся въ шести миляхъ отъ Ліона, получитъ руку его дочери. — Женихи соглашаются выѣхать изъ города ровно въ шесть часовъ пополудни: каждый изъ нихъ, чтобъ предупредить своего соперника, придумываетъ различныя хитрости. Въ трактирѣ, гдѣ они стоятъ, служитъ жокей Жамесъ, проворный и хитрый плутъ; онъ обѣщаетъ пособлять имъ обоимъ, беретъ съ нихъ обоихъ деньги. Говоритъ Дорвалю, что удержитъ Вервиля лишній часъ въ городѣ, извѣстя объ отъѣздѣ его честныхъ израильтянъ, которымъ онъ долженъ; Вервилю даетъ слово ѣхать вмѣстѣ съ Дорвалемъ и заплутаться на половинѣ дороги въ лѣсу. Онъ выполняетъ оба обѣщанія. Въ трехъ миляхъ отъ Ліона Дорваль сбился съ дороги; коляска его изломалась; онъ примѣчаетъ вдали строеніе,—это домъ, въ которомъ живетъ управитель Доримонта, Рапиньи. Въ ту самую минуту, какъ онъ стучится, пріѣзжаетъ туда же Вервиль. Узнавъ несчастное положеніе своего соперника, онъ не опасается остановиться отдохнуть на нѣсколько времени. Они входятъ оба къ Рапиньи. Дорваль узнаетъ, что коляска его не прежде какъ на другой день будетъ починена. Насмѣшки счастливаго соперника приводятъ его въ отчаяніе; онъ рѣшается написать къ Доримонту безымянное письмо, въ коемъ предостерегаетъ его отъ бродяги, вознамѣрившагося предупредить двухъ жениховъ и явиться къ нему въ замокъ подъ именемъ одного изъ нихъ. Онъ посылаетъ съ симъ письмомъ мальчика, находящагося въ услугахъ у г. Рапиньи.—Между тѣмъ Жамесъ, желая помочь Дорвалю пускается на новыя хитрости. Онъ увѣряетъ Вервиля, что сдѣлалъ странное открытіе, что они не за три, а за шесть миль отъ Ліона, что почталіонъ былъ подкупленъ, что они находятся не въ домѣ управителя, но въ замкѣ Бельривѣ, что Рапиньи самъ Доримонтъ и что наконецъ дѣвица, которую онъ называетъ своей племянницей Юліей, дочь его Эмилія.—Вотъ бѣда, говоритъ Вервиль, мы пріѣхали вмѣстѣ,—надобно удалить Дорваля.—Постойте!—отвѣчаетъ Жамесъ, я все сдѣлаю: притворитесь спящими.—Онъ подходитъ къ Дорвалю, который не проронилъ ни одного слова.—Послушайте, говоритъ онъ, я увѣрилъ вашего соперника, что мы не у Рапиньи, а у самого Доримонта; онъ будетъ радъ, если вы уѣдете: выньте у него изъ кармана ключъ отъ дверей; мы выйдемъ вонъ, сядемъ въ его коляску и полетимъ: не безпокойтесь, онъ ни за что не проснется.—Дорваль дѣлаетъ все то, что совѣтуетъ ему Жамесъ. Лишь только онъ уѣзжаетъ. Вервиль начинаетъ смѣяться отъ добраго сердца; онъ въ восхищеніи, ему удалось обмануть своего соперника. Радость его продолжается не долго: чрезъ нѣсколько минутъ истина открывается. Рапиньи ѣдетъ въ замокъ; онъ предлагаетъ Вервилю мѣсто въ своемъ экипажѣ, запряженномъ парою крестьянскихъ лошадей, только что взятыхъ изъ подъ сохи. Дѣлать нечего! Вервиль, проклиная плута Жамеса и свое легковѣріе, рѣшается тащиться шагомъ. Между тѣмъ Доримонтъ, получивъ безымянное письмо, беретъ свои мѣры противъ обманщика, который намѣренъ предупредить женихонъ его дочери. Дорваль пріѣзжаетъ; холодный пріемъ удивляетъ его; вмѣсто обыкновенныхъ привѣтствій, у него требуютъ доказательствъ, почему онъ называетъ себя Дорвалемъ. Къ несчастію, спѣша уѣхать, Дорваль позабылъ у Рапиньи всѣ свои бумаги. Доримонтъ не хочетъ и слушать его оправданій.—Я ожидаю сюда Вервиля, говоритъ Дорваль, и тогда надѣюсь...—Нѣтъ, прерываетъ Доримонтъ, ты не увидишься съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не подпишетъ свадебнаго договора.—Дорваль, видя, что ему нѣтъ возможности оправдаться, уходитъ въ садъ дожидаться пріѣзда своего соперника. — Управитель съ племянницею, женихомъ ея и Вервилемъ пріѣзжаютъ. Вервиль торжествуетъ.—И такъ, я побѣдилъ, кричитъ онъ, соперникъ мой еще не пріѣхалъ! Осушите свои слезы, несчастные израильтяне!—Онъ готовился ужъ подписать свадебный договоръ, какъ вдругъ Дорваль входитъ.—Это Дорваль!—это мой соперникъ! кричитъ Вервиль; ты опоздалъ, мой другъ! Восклицаніе сіе оправдываетъ Дорваля, и Доримонтъ признаетъ его побѣдителемъ.

Говоря о сюжетѣ сей комедіи, не упомянули мы ничего объ одной г-жѣ Роземонтъ, шестидесятилѣтней дѣвицѣ, которая играетъ довольно значительную роль въ 1 дѣйствіи. Она влюблена въ Вервиля и богата; но Эмилія

Digitized by Google

имѣетъ также большое состояніе, и сверхъ того молода и прекрасна. Вервиль, надѣясь получить ея руку, уѣхалъ изъ Ліона, не простясь съ своей шестидесятилѣтней прелестницей; но когда онъ увидѣлъ, что Эмилія не будетъ принадлежать ему, то вспомнилъ опять о г-жѣ Роземонтъ. Такъ говоритъ онъ ужаснымъ голосомъ: „въ отчаяніи моемъ я готовъ на все рѣшиться!“ — Боже мой, кричатъ всѣ, что хотите вы сдѣлать? — Жениться на старухѣ!—отвѣчаетъ Вервиль.

Комедія сія была разыграна очень недурно. Надобно отдать справедливость актеру, игравшему роль Жамеса; онъ совершенно понялъ сію роль, одну изъ самыхъ трудныхъ въ своемъ родѣ.—Переводъ дуренъ. Забавнѣе всего замѣчаніе къ дѣйствующему лицу Юліи, въ которомъ переводчикъ говоритъ: „Юлія родомъ изъ Авиніона, *что должно быть слышно по ея выговору*“.

Опера „Калифъ Багдадскій“ была разыграна недурно. Мы помѣщаемъ въ концѣ сей книжки переводъ забавной критики, которая появилась въ одномъ французскомъ журналѣ послѣ перваго представленія сей оперы въ Парижѣ.

Четвергъ, 4-го.— „Эдипъ въ Аѳинахъ“—трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. В. А. Озерова; музыка хоровъ соч. г. Козловскаго,— и „Молодые супруги“, комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. г. Грибоѣдова.

Мы не станемъ ничего говорить объ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“; всякій, кто хотя нѣсколько любитъ отечественную словесность, знаетъ наизусть сію прекрасную трагедію; скажемъ лучше слова два о комедіи „Молодые супруги“.—Безъ сомнѣнія, французская пьеса, „Le secret de ménage“ (Семейная тайна), подала г. Грибоѣдову мысль написать своихъ „Молодыхъ супруговъ“. Впрочемъ, разница въ достоинствѣ сихъ двухъ комедій весьма ощутительна. Мы находимъ, что русская гораздо лучше; въ ней нѣтъ тѣхъ излишнихъ, растянутыхъ сценъ, которыя дѣлаютъ французскую комедію отмѣнно утомительною; дѣйствіе идетъ быстро; нѣтъ ни одной ненужной и холодной сцены: въ ней все на своемъ мѣстѣ. Мужъ, которой говоритъ:

Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ;
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
Беретъ любовника.—Единобразье скучно,
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно.

и потомъ спустя нѣсколько минутъ, сходитъ съума отъ ревности; *хладнокровіе*, съ коимъ онъ требуетъ письмо, заключающее въ себѣ, по мнѣнію его, доказательства невѣрности Эльмиры,—все это весьма забавно. Къ сожалѣнію, въ сей комедіи встрѣчаются стихи дурные, шероховатые и выраженія совершенно не приличныя дѣйствующимъ лицамъ. Напримѣръ:

Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается остуда.
Ахъ! Убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй.
Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны, такъ сладки.
Что ежели Аристъ пришелъ бы сей порой,
Внезапно кротость та пожертвована вздору,
То лучше отложи всѣ ковы въ долгій ящикъ.
Къ приманкамъ свѣткости не стала хладнокровна.
Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталъ.

Читая подобные стихи, поневолѣ вспомнишь слова Мизантропа:

.... Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи.

Комедія сія была разыграна, по обыкновенію, хорошо. Актеръ, игравшій роль Ариста, заслужилъ въ полной мѣрѣ благодарность публики: онъ игралъ прекрасно.

8.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО НЕИЗВѢСТНАГО,

ПОМѢЩЕННОЕ ВЪ 10-Й КНИЖКѢ „СѢВЕРНАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ“.

Мы согласны съ почтеннымъ арзамасскимъ жителемъ: пріятно видѣть единодушіе нашихъ журналовъ. Никакая литературная ссора не возмущаетъ мира и согласія, существующихъ между ними; напротивъ, они стараются перенимать другъ у друга все хорошее. Напримѣръ, кто-бы подумалъ, что журналъ, котораго расходится на разное употребленіе болѣе тысячи номеровъ, который, какъ говоритъ г. Неизвѣстный, заслуживаетъ *почтеніе по прекрасному своему названію*, рѣшился подражать намъ.—Въ 36-й книжкѣ сего журнала, издатели, желая, подобно намъ, дать понятіе о своихъ законахъ, напечатали изъ нихъ подробную выписку. Можетъ быть читателямъ пріятно будетъ сравнить ихъ законы съ нашими, и для того мы помѣщаемъ ихъ здѣсь съ небольшими примѣчаніями.

Издатели почтеннаго журнала обязуются:

1) Не наполнять своего журнала статьями, не имѣющими никакой *занимательности* и плохо написанными, потому что усыплять не ихъ дѣло и т. д.

Кто смѣетъ сомнѣваться въ этомъ: да и кому придетъ въ голову спать, читая въ почтенномъ журналѣ поучительныя слова и *куріозныя* эпитафіи съ надгробныхъ камней Смоленскаго кладбища и Волкова поля. Это такъ полезно и *занимательно*!

2) Не дѣлать смѣшныхъ и пристрастныхъ приговоровъ о театральныхъ пьесахъ.

Въ этомъ нельзя упрекнуть почтенный журналъ: редакторы *сами* не говорятъ о театрѣ ни слова. Правда, мѣсяца съ три назадъ они обѣщали было произнести въ слѣдующей книжкѣ рѣшительный приговоръ одной оригинальной комедіи; но *слѣдующая книжка* до сихъ поръ еще не выходила.

3. Не называть жалкихъ переводовъ превосходными, чтобъ не примѣнили къ намъ послѣдняго стиха первой пѣсни поэмы Буало L'art poetique *).

По всему видно, редакторы отмѣнно боятся сего примѣненія, и отъ излишней осторожности называютъ иногда хорошіе переводы жалкими. Мы также очень опасаемся подойти подъ этотъ стихъ, и для того уважаемъ отъ всего сердца редакторовъ почтеннаго журнала, но никогда *не удивляемся* имъ.

4. Не писать на свои сочиненія пристрастныхъ рецензій для того, чтобъ выдавать ихъ за статьи, присланныя къ намъ отъ неизвѣстныхъ.

Этотъ законъ кажется намъ совершенно лишнимъ. Кому придетъ голову писать на себя *даже* и пристрастныя рецензіи. Вотъ, напримѣръ, напечатать въ газетахъ отъ имени

*) Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

Digitized by Google

книгопродавца объявленіе о своей книгѣ, расхвалить ее безъ милосердія, и укорять въ невѣжествѣ тѣхъ, кои не восхищаются ею,— это другое дѣло: такая благодарная хитрость не только позволительна, но даже и похвальна *).

5) Въ статьѣ стихотвореній не помѣщать дрянныхъ стиховъ и плохихъ эпиграммъ, и т. д.

„Трудно отстать отъ старой привычки!"— скажутъ насмѣшники. Мы, напротивъ, не сомнѣваемся въ искренности г.г. редакторовъ и просимъ всѣхъ недовѣрчивыхъ прочесть со вниманіемъ стихи, помѣщенные въ 36 номерѣ почтеннаго журнала. Они увидятъ тогда, что г.г. редакторы дѣйствительно рѣшились помѣщать всегда въ изданіи своемъ хорошіе стихи.—Мы выписываемъ изъ нихъ на удачу одинъ куплетъ:

Пускай Уранія небесна
Въ твоемъ *созвѣздіи* гремитъ
И Пилигрима *многопѣсна*
То въ звучныхъ одахъ возгласитъ.

Какіе превосходные стихи! — Мы не говоримъ уже о другихъ красотахъ, въ нихъ разсѣянныхъ: напримѣръ: о *Эратѣ*, которая дышетъ *Эротомъ;* о Калліопѣ, которая съ Россіею и Европой звонитъ въ колокола; о *Гордынѣ* рѣчки Карповки; о людяхъ, кои *воспѣваютъ* въ волынки, гудки и рожки, и о многихъ другихъ мѣстахъ, истинно прекрасныхъ.

6) Не приглашать ученыхъ людей заниматься разборомъ такой книги, которая того не заслуживаетъ.

И конечно, къ чему занимать такимъ вздоромъ людей ученыхъ: дурную книгу могутъ разобрать и сами редакторы.

7) Не принимать на свой счетъ сатиръ, басенъ, сказокъ и эпиграммъ, въ которыхъ говорится о дурныхъ писателяхъ, и не сердиться, если кто *по глупости* скажетъ, будто мы наполняемъ свой журналъ личностями для угожденія тѣмъ, въ коихъ имѣемъ нужду.

Прекрасное правило! И мы также не намѣрены сердиться, если кто-нибудь станетъ насъ передразнивать, прибавляя къ словамъ нашимъ выраженія, приличныя не литератору, а какому-нибудь Архиповичу, который *исправно насандалилъ носъ* **). Ругательства и брань есть признакъ безсилія; а на слабаго врага сердиться не должно, особливо же, когда, нападая на насъ, онъ даетъ намъ способъ посмѣяться самимъ и позабавить нашихъ читателей.

Редакторы почтеннаго журнала обѣщаютъ продолжать выписки изъ своихъ законовъ; а мы съ своей стороны даемъ слово помѣщать ихъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" съ подобными же поясненіями и замѣчаніями.

*) См. Ст.-Петерб. Вѣдомости 1817 года, № 94.

**) Мы не хотимъ присвоивать себѣ сего счастливаго выраженія: оно взято нами изъ извѣстной и прекрасной сказки—Пьянюшкинъ.

II.

СТАТЬИ ИЗЪ „СОРЕВНОВАТЕЛЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ И БЛАГОТВОРЕНІЯ" 1820 и 1821 ГОДОВЪ.

I.

Любители словесности.

Вчера вечеромъ зашелъ ко мнѣ пріятель мой Рогнедовъ. Разговаривая о томъ и другомъ, мы добрались наконецъ до любимаго нашего предмета —до русской словесности.

— Нельзя довольно нарадоваться,—сказалъ я,—смотря на быстрые успѣхи просвѣщенія въ любезномъ нашемъ отечествѣ; лѣтъ сто назадъ дѣды наши не знали даже и названія словесности, а теперь...

— А теперь всякій хочетъ ею заниматься,— прервалъ Рогнедовъ,—вотъ это-то и худо! Никогда истинные цѣнители дарованій не принесутъ столько пользы, сколько надѣлаетъ вреда эта безграмотная толпа ложныхъ любителей словесности.

— А я такъ думаю противное: я не спорю съ тобою, что многіе изъ нихъ съ трудомъ подписываютъ свои имена, что большая часть не имѣетъ никакихъ познаній, и нѣкоторые могутъ назваться *истинными* любителями словесности, но со всемъ тѣмъ эта общая любовь къ искусству, которое служитъ, такъ сказать, преддверіемъ къ просвѣщенію цѣлаго народа, даетъ мнѣ право надѣяться, что мы вскорѣ, какъ мирные граждане, станемъ на ту степень народной славы, до которой, какъ храбрые защитники отечественной свободы, давно уже достигли.

— Ты мастеръ дѣлать фразы—объ этомъ ни слова, только по всему видно, тебѣ не случалось никогда быть въ обществѣ этихъ записныхъ любителей словесности.

— Напротивъ, очень часто.

— И ты могъ равнодушно слушать ихъ вздорныя сужденія? Признаюсь, мой другъ, я не имѣю твоего счастливаго хладнокровія: кровь кипитъ въ моихъ жилахъ, когда я слушаю какого-нибудь двадцатилѣтняго мудреца, который, вмѣсто того, чтобъ доучиться путемъ грамматикѣ, судитъ и рядитъ, раздаетъ и отнимаетъ безсмертіе.

— А меня такъ это очень забавляетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — О, если такъ, то я сегодня-же могу тебѣ доставить это удовольствіе. Я обѣщалъ быть у Ратмирова: онъ давно хочетъ съ тобою познакомиться—поѣдемъ вмѣстѣ!

— Съ охотою.

— Ты найдешь у него цѣлое общество литераторовъ и можешь забавляться сколько тебѣ угодно; чтожъ касается до меня — знаю напередъ, я не выдержу, начну спорить, разсержусь и вѣрно завтра слягу въ постель.

Мы застали у Ратмирова человѣкъ пятнадцать гостей. Всѣ сидѣли вокругъ стола, за которымъ какой-то питомецъ музъ дочитывалъ предлинное посланіе *къ друзьямъ своимъ*. Хозяинъ подошелъ къ намъ на цыпочкахъ, молча поклонился и показалъ два порожнихъ мѣста. Мы тотчасъ ихъ заняли. Сосѣди мои были мнѣ совершенно незнакомы. Съ лѣвой стороны подлѣ меня, закинувъ назадъ голову и развалившись въ креслахъ, сидѣлъ распрысканный

Digitized by Google

духами франтъ; онъ нюхалъ безпрестанно табакъ, зѣвалъ вслухъ и, казалось, не хотѣлъ нимало скрывать, что умираетъ отъ скуки. Сосѣдъ мой, съ правой стороны, отмѣнно толстый человѣкъ, болѣе всѣхъ обращалъ на себя мое вниманіе: отъ роду не видывалъ я такого страшнаго смѣшенія глупой спеси, чванства и какого-то комическаго величія, которыя изображались на лицѣ его, или, лучше сказать, на той части тѣла, которая у другихъ называется лицомъ; судя по его наморщенному лбу и слегка прищуреннымъ глазамъ, можно было-бы подумать, что онъ размышляетъ; но посмотрѣвши хорошенько, не трудно было замѣтить подъ важною сею наружностью пустого человѣка, который, не размышляя ни о чемъ, хочетъ казаться глубокомысленнымъ. Всего забавнѣе было видѣть, что во время чтенія большая часть гостей какъ будто-бы согласилась его передразнивать; онъ улыбался—и всѣ умирали со смѣху, одобрялъ—и похвалы лились рѣкою на сочинителя,

— Очень радъ, что вы пожаловали,—сказалъ мнѣ хозяинъ, когда чтеніе кончилось,—надѣюсь, вамъ не будетъ у меня скучно: маленькое мое общество составлено изъ литераторовъ, безъ сомнѣнія, давно уже вамъ знакомыхъ.

— Извините! Я не знаю здѣсь никого.

— Нѣтъ, шутите? Это удивительно! Кажется, гости мои всѣ люди извѣстные — по крайней мѣрѣ вамъ, какъ любителю словесности, имена ихъ должны быть знакомы?

— Если вамъ угодно будетъ сказать...

— Съ величайшею охотою! Напримѣръ: какъ вы думаете, кто это толстый человѣкъ, который сидѣлъ подлѣ васъ съ правой стороны?

— Не знаю.

— Дулебовъ, сударь!—Ну, теперь знаете?

— Виноватъ! И теперь не знаю.

— Странно, очень странно! Вы не знаете Дулебова, который извѣстенъ всему ученому свѣту по своему глубокомыслію и обширнымъ познаніямъ.

— Я въ этомъ нимало не сомнѣваюсь.

— Да, надобно отдать ему справедливость, что за ученость! Какой очищенный, вѣрный вкусъ! Какая логика! — О еслибъ этотъ человѣкъ взялъ на себя трудъ писать, то конечнобы убилъ всѣхъ нашихъ прозаиковъ.

— Такъ онъ ничего не пишетъ?

— Нѣтъ, ничего; но подъ руководствомъ его пишутъ многіе: между нами будь сказано, онъ глава цѣлой литературной партіи.

— О! Такъ поэтому онъ въ самомъ дѣлѣ важная особа. Теперь позвольте васъ еще спросить: кто этотъ молодой человѣкъ, который такъ немилосердно зѣвалъ во время чтенія?

— Неужели вы не знаете? Это князь Б***.

— Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ — не знаю!

— Помилуйте! Такъ вы поэтому никого не знаете!—Князь Б*** литераторъ и весьма уважаемый; онъ не имѣетъ такихъ познаній, какъ Дулебовъ, но за то какая острота! Какой блестящій разговоръ! Какое краснорѣчіе!

— А въ какомъ родѣ онъ пишетъ?

— Вотъ то-то и горе, что ни въ какомъ! Богъ знаетъ почему, терпѣть не можетъ русскаго языка: если-бъ не это, то онъ давно-бы обогатилъ нашу словесность.—Вы вѣрно также замѣтили этого молодого человѣка съ блѣднымъ лицомъ и *вдохновенными* глазами?—Вотъ, батюшка, талантъ-то необыкновенный! Что за пламенное воображеніе! Что за огонь! Какія сильныя, новыя идеи...

— По крайней мѣрѣ этотъ пишетъ что-нибудь?

— Нѣтъ, сударь, и этотъ ничего!—Что будешь дѣлать? — До сихъ поръ не можетъ рѣшиться, какъ ему писать — стихами или прозой? Но мнѣ кажется, пріятель вашъ споритъ съ Дулебовымъ: я страхъ люблю эти ученыя распри—тутъ всегда услышишь что-нибудь и умное и полезное—пойдемте къ нимъ!

Въ самомъ дѣлѣ Рогнедовъ былъ въ жестокой схваткѣ съ Дулебовымъ.

— Да, сударь,—говорилъ онъ.—Вельскій гораздо болѣе имѣетъ таланта, чѣмъ этотъ скучный, однообразный Эрастовъ.

— Да помилуйте,—отвѣчалъ Дулебовъ,—пощадите! Что находите вы хорошаго въ вашемъ Вельскомъ? Смѣло можно сказать, во всѣхъ его твореніяхъ нѣтъ ни одной классической пьесы, ни одного живого стиха; впрочемъ, я глупо дѣлаю, что съ вами спорю — вы вѣдь должны поневолѣ находить его хорошимъ.

— Это почему, если смѣю спросить?

— Потому, что вашъ пріятель, графъ С** ему покровительствуетъ—весьма натурально—вы придерживаетесь его мнѣнія.

— Нѣтъ, сударь! Я не привыкъ быть ничьимъ отголоскомъ и соглашаюсь съ мнѣніемъ другихъ тогда только, когда оно не противно собственному моему чувству.

— Какъ, сударь? Даже и тогда, когда это *собственное чувство* противно общему мнѣнію?

— Общему мнѣнію?—Да гдѣ оно? — Каждая литературная партія старается увѣрить публику, что мнѣніе ея есть мнѣніе общее; и вотъ, сударь, отчего эти смѣшныя журнальныя войны, въ которыхъ нерѣдко противъ одного человѣка ополчаются цѣлыя сотни этихъ любителей, или, лучше сказать, губителей нашей словесности.

— Вотъ забавное названіе!

— Да, сударь, губителей! Истинные любители словесности должны быть безпристрастными судьями дарованій — должны забывать всѣ личности и никогда не говорить: такой-то не написалъ ни одного *живого стиха* потому, что онъ въ ссорѣ съ моимъ пріятелемъ; у такого-то во всѣхъ сочиненіяхъ нѣтъ ни одной классической пьесы потому, что я его звалъ, а онъ ко мнѣ не пріѣхалъ.

Толстый любитель словесности покраснѣлъ и не отвѣчалъ ни слова, и вѣроятно споръ бы кончился, если-бы не вмѣшался въ разговоръ князь Б***.

— По чести,—сказалъ онъ, качаясь на стулѣ и перебирая пальцами табакъ въ золотой своей табакеркѣ,—по чести, я не понимаю, какіе могутъ быть споры, когда говорятъ о нашей жалкой словесности? — Это все равно, если-бы стали разсуждать о характерѣ и свойствахъ ребенка, который лежитъ еще въ колыбели!

Сдѣлавъ сіе прекрасное сравненіе, онъ остановился съ важностію римскаго сенатора, окинувъ взглядомъ все собраніе, понюхалъ табаку и продолжалъ, относясь къ Рогнедову:

— Признайтесь, сударь, что мы еще до сихъ поръ не можемъ похвалиться ни однимъ хорошимъ произведеніемъ; скажите сами, что у насъ есть? Попробуйте, назовите мнѣ кого-нибудь!

Этотъ странный вызовъ такъ изумилъ моего пріятеля, что онъ не могъ отвѣчать ни слова: я поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Мнѣ кажется, князь,—сказалъ я,—на этотъ

Digitized by Google

насъ, русскихъ, пословица: *тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ*. Впрочемъ, благодаря успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, съ нѣкотораго времени, это пристрастіе ко всему иноземному уменьшается весьма примѣтнымъ образомъ. На сихъ дняхъ, разговаривая съ однимъ французомъ о Парижѣ, сдѣлалъ я это замѣчаніе:— онъ хотѣлъ доказать мнѣ, что набережная Сены гораздо лучше Невской, потому именно, что наша сдѣлана изъ гранитныхъ плитъ, а та изъ простыхъ камней, которыми мостятъ улицы. Лѣтъ тридцать назадъ, конечно, никто не смѣлъ-бы усумниться, что въ Парижѣ гораздо удобнѣе ходить по мостовой, чѣмъ въ Петербургѣ по гладкимъ гранитнымъ плитамъ, а теперь... порадуйтесь со мною, любезные читатели! Какъ вы думаете?—изъ десяти русскихъ, бывшихъ свидѣтелями нашего разговора, только шестеро взяли сторону француза. Судя поэтому, не трудно догадаться, что мы начинаемъ уже понемногу привыкать любить свое и не удивляться всему чужому, а особливо теперь, когда путешествія по Европѣ сдѣлались для многихъ русскихъ почти обыкновенными прогулками. Нѣтъ сомнѣнія, что мы, познакомясь покороче съ чужими краями, будемъ иногда дѣлать между ними и нашимъ отечествомъ сравненія не всегда безвыгодныя для послѣдняго. Доказательствомъ сей истины можетъ служить путешествіе пріятеля моего Вельскаго.

Прошлаго года, въ началѣ весны, однимъ утромъ, когда я сидѣлъ въ уединенномъ моемъ кабинетѣ, вбѣжалъ ко мнѣ пріятель мой Вельскій. Живая радость блистала въ глазахъ его.

— Славу Богу!—вскричалъ онъ, обнимая меня съ необыкновеннымъ восторгомъ,—слава Богу! Наконецъ я устроилъ свои дѣла и могу распрощаться съ этимъ скучнымъ и однообразнымъ Петербургомъ: завтра, не позже какъ завтра, я ѣду въ чужіе края и недѣли черезъ двѣ, а можетъ быть и прежде, буду заграницею! Ахъ, мой другъ! Ты не можешь себѣ представить моего восхищенія! Романическая Германія, Франція—средоточіе вкуса и всѣхъ удовольствій, гордые, свободные британцы и ты, благословенная Италія! — я вижу васъ! — Да, мой другъ, я объѣду всю Европу, побываю вездѣ и вѣроятно не увижусь съ тобою пять, шесть, десять лѣтъ.

— Ужъ и десять?—Помилуй!

— Десять-то лѣтъ бездѣлица: я боюсь только, чтобъ, съѣздивъ разъ въ чужіе края, мнѣ не вздумалось навсегда тамъ остаться, и хотя, между нами будь сказано, я не большой охотникъ до нашего снѣжнаго царства, но, какъ бы то ни было, я русскій, и если не жить, то, по крайней мѣрѣ, умереть хотѣлъ-бы въ своемъ отечествѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, хоть умереть-то къ намъ пріѣзжай.

— Да ужъ нечего сказать, мой другъ, милости просимъ къ намъ всякаго, кто хочетъ умереть отъ скуки.

— Посмотримъ, такъ-ли ты будешь судить, когда воротишься изъ чужихъ краевъ.

— И! полно, мой милый! Ужъ мнѣ этотъ смѣшной патріотизмъ!—Ну, гдѣ у насъ можно жить по-людски? Въ деревнѣ занесетъ тебя снѣгомъ, въ губернскомъ городѣ замучатъ *претензіями* и сплетнями, въ столицахъ . . . не приведи Господи. Да я увѣренъ, что въ каждомъ нѣмецкомъ городкѣ въ тысячу разъ веселѣе и пріятнѣе жить, чѣмъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Тутъ началъ онъ мнѣ разсказывать о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, вынулъ изъ кармана дорожную карту, показалъ на ней всѣ мѣста, гдѣ хотѣлъ останавливаться и, обнявши меня въ послѣдній разъ, далъ честное слово говорить въ своихъ письмахъ о всемъ совершенную истину, предоставя себѣ, впрочемъ, свободу писать, что вздумается, *въ путевыхъ своихъ замѣткахъ*, которыя, украсивъ, какъ водится, восторгами, пламенными описаніями, живыми картинами и гравированными картинками, онъ хотѣлъ со временемъ выдать въ свѣтъ подъ пышнымъ названіемъ *живописнаго путешествія*.

Въ продолженіе года я получилъ отъ него нѣсколько писемъ; вмѣсто того, чтобъ сдѣлать изъ нихъ общую выписку, я помѣщаю ихъ здѣсь, по порядку, одно за другимъ, безъ всякихъ перемѣнъ и поправокъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ я получалъ ихъ отъ моего пріятеля.

При первомъ письмѣ приложенъ былъ небольшой образчикъ путевыхъ *записокъ*, въ которомъ пріятель мой описываетъ свои мысли и чувства при переѣздѣ чрезъ Нѣманъ. Я начну симъ отрывкомъ.

Пилькаленъ. На границѣ Пруссіи.

Дорожная моя коляска была уже въ Пруссіи, а я стоялъ еще на берегу милой родины. Вечеръ былъ прелестный, заходящее солнце освѣщало кровли миловидныхъ крестьянскихъ домиковъ, разбросанныхъ на противоположномъ берегу. Мнѣ подали небольшой челнокъ: тутъ, оборотясь въ послѣдній разъ къ странѣ для меня любезной, я сказалъ вполголоса:—лети, лети, легкій вѣтерокъ! Отнеси этотъ прощальный вздохъ въ мое отечество, къ моимъ друзьямъ, на берега священной Невы!— О! Какъ одна мысль объ отчизнѣ потрясаетъ душу русскаго! Сердце мое трепещетъ... и слезы горестнаго отчужденія орошаютъ грудь мою!... *) Чрезъ нѣсколько минутъ я былъ уже заграницею: новые разнообразные предметы заставили меня забыть на нѣсколько времени родимый край, съ которымъ разставался. Казалось, вселенная была для меня открыта: я мечталъ уже видѣть въ туманной отдаленности тѣ страны, куда влекло меня любопытство... Русскій крестьянинъ, подошедшій ко мнѣ требовать за перевозъ, прервалъ мои мечтанія. Услыша очаровательные звуки отечественнаго языка, я такъ обрадовался, что не могъ довольно наговориться съ симъ добрымъ человѣкомъ, и, вмѣсто условленной платы, далъ ему безъ счета полную горсть мелкаго серебра. Но коляска моя готова! Прощайте, милые друзья, я ѣду!

Письмо.

Кенигсбергъ.

Наконецъ, мой другъ, я кой-какъ дотащился до древней столицы Пруссіи. Начало моего путешествія было не очень забавно... Я переправился за-границу ночью; на бѣду, вздумалось мнѣ отпустить мою коляску впередъ, а самому переѣхать чрезъ рѣку въ челнокѣ.

*) Не хотѣлось бы сказать—да грѣхъ потаить—кажется эту фразу, почти всю, пріятель мой не сочинилъ, и просто выписалъ изъ одного журнала, который издавался въ 1817 году.

Digitized by Google

Прусскій жидъ перевезъ меня на другой берегъ за два злотыхъ. Погода была пренесносная, во время переѣзда пошелъ проливной дождь и промочилъ меня до костей, а къ довершенію всѣхъ несчастій не успѣлъ я отъѣхать пяти миль, какъ моя коляска и лошади увязли посреди дороги; во всю ночь не могли мы выбиться изъ этой ужасной грязи, о которой русскіе не имѣютъ даже и понятія. Право, хоть съ ума сойти, еслибъ не утѣшала меня мысль, что я уже не въ Россіи. Что сказать тебѣ о здѣшней землѣ?—Сначала новость предметовъ сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; но когда поосмотрѣлся хорошенько, то невольно долженъ былъ признаться, что русскому, а особливо жителю Петербурга, *и смѣшно и жалко* смотрѣть на здѣшніе *клѣтчатые* дома, напоминающіе мнѣ карточные домики, которые нѣкогда я былъ большой мастеръ строить. О здѣшней почтѣ и говорить нечего: самое грубое, несносное и флегматическое животное есть безъ сомнѣнія нѣмецкій почталіонъ, онъ ѣздитъ такой тихой и вялой рысью, что приведетъ въ отчаяніе всякаго русскаго. Начните его понукать—и онъ, не говоря ни слова, поѣдетъ шагомъ, закричите громче—и злодѣй, вмѣсто отвѣта, остановится у перваго трактира, пойдетъ пить водку, курить табакъ и прохлаждаться. По-неволѣ вспомнишь нашихъ проворныхъ, *лихихъ* ямщиковъ, которые, попѣвая веселыя пѣсенки, несутся вихремъ и, несмотря на свои длинныя бороды, въ тысячу разъ вѣжливѣе нѣмецкихъ нарядныхъ почталіоновъ.

Кенигсбергъ городъ прекрасный; но и здѣсь также встрѣчаются безпрестанно эти шахматные, безобразные дома. Здѣшній образъ жизни слишкомъ однообразенъ: я былъ въ нѣсколькихъ обществахъ и почти во всѣхъ ресторацiяхъ и кофейныхъ домахъ, вездѣ одинаковая тишина и порядокъ. Въ частныхъ обществахъ сидятъ, курятъ трубки, пьютъ пиво и молчатъ, а въ кофейныхъ домахъ и клубахъ молчатъ, пьютъ пиво, курятъ трубки и сидятъ. Можетъ быть, для нихъ это очень забавно; но, признаюсь, мнѣ здѣсь такъ скучно, такъ скучно, какъ будто-бы я еще не выѣзжалъ изъ Петербурга.

Прощай! Завтра я ѣду далѣе и, вѣроятно, до самой Саксоніи нигдѣ не буду останавливаться.

Письмо 2.

Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Я не успѣлъ еще ничего видѣть въ здѣшнемъ городѣ, и поэтому скажу тебѣ нѣсколько словъ о моемъ путешествіи по Германіи. Вездѣ одно и тоже: прекрасная земля, прелестныя мѣстоположенія, добродушный, честный, но грубый народъ, скука, однообразіе и какой-то общій эгоизмъ, непонятный для русскаго; хлѣбосольство, къ которому мы такъ привыкли въ нашемъ отечествѣ, здѣсь совершенно неизвѣстно. Впрочемъ, надобно сказать правду, просвѣщеніе Германіи удивительно, вездѣ встрѣчаются ученые, цѣлые города населены профессорами и студентами; жаль только, что всѣ послѣдніе, почти безъ исключенія, заражены какимъ-то духомъ своевольства и безначалія—къ несчастью, я узналъ это по собственному своему опыту.

Изъ небольшого городка *Ейльсбека* вздумалось мнѣ доѣхать до Гетингена въ дилижансѣ. Сначала все шло хорошо. Въ дилижансѣ было человѣкъ десять путешественниковъ, въ томъ числѣ два студента съ пребольшими бородами, въ платьяхъ древняго нѣмецкаго покроя. Подлѣ меня сидѣлъ одинъ весьма словоохотливый нѣмецъ; мы разговорились съ нимъ о политикѣ и . . . . . .

. . . . . .

Теперь, прощай на нѣсколько часовъ: я ѣду на дачу г. Бетмана, сегодня будетъ тамъ почти весь городъ . . . . . .

. . . . . .

. . . Завтра-же чѣмъ свѣтъ уѣзжаю изъ этого проклятаго города. Ахъ, мой другъ, сегодняшній день едва не былъ послѣднимъ днемъ моей жизни! Я гулялъ уже около часу на дачѣ г. Бетмана; время было прекрасное; народъ прогуливался толпами по всему саду. Въ одной аллеѣ, гдѣ менѣе чѣмъ въ другихъ было гуляющихъ, сѣлъ я отдохнуть на скамейку подлѣ человѣка, весьма опрятно одѣтаго; лицо его было до половины закрыто надвинутою на глаза шляпою, изъ подъ которой онъ робко посматривалъ во всѣ стороны, и, казалось, боялся быть узнаннымъ; я началъ съ нимъ говорить, онъ отвѣчалъ очень вѣжливо. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ кто-то закричалъ недалеко отъ насъ: *шпъ*! *шпъ*! Въ одну минуту множество голосовъ повторили эти слова; сосѣдъ мой вскочилъ съ ужасомъ и, сказавши мнѣ торопливо: уйдемте отсюда! потащилъ меня за собою къ небольшой рощицѣ, которая была у насъ въ виду. Мы не успѣли сдѣлать десяти шаговъ, какъ насъ окружила цѣлая толпа народа; товарищъ мой пустился бѣжать, человѣкъ двадцать бросились за нимъ, а другіе, схвативъ меня за волосы, ударили о землю, и прежде, чѣмъ я опомнился, такъ меня оборвали, что я не походилъ на самаго себя. Къ счастію, полицейскій офицеръ, прибѣжавшій на шумъ, успѣлъ меня высвободить изъ ихъ рукъ.

— Кто вы?—спросилъ онъ меня, когда мы вышли изъ сада.

— Русскій путешественникъ.

— Такъ ступайте-же скорѣй домой, васъ приняли здѣсь за жида.

— Помилуйте! Да если-бы я былъ и жидъ, такъ за что-же меня бить?

— Да развѣ вы не знаете? Здѣсь, по примѣру многихъ нѣмецкихъ городовъ, началось гоненіе на жидовъ; а такъ какъ вы были вмѣстѣ съ извѣстнымъ евреемъ, да не погнѣвайтесь, и лицо у васъ походитъ нѣсколько на жидовское...

— Что вы говорите? Возможно-ли, чтобы въ нашемъ вѣкѣ, въ просвѣщенной Германіи, были гоненія?

— Что-же дѣлать, сударь мой! Вдругъ этого безпорядка прекратить невозможно; впрочемъ, будьте увѣрены, что тѣ самые, которые поступили съ вами такъ дурно, будутъ первые жалѣть, когда узнаютъ о своей ошибкѣ.

Прекрасное утѣшеніе! думалъ я, потрогивая избитыя свои плечи. Меня гораздо болѣе утѣшаетъ мысль, что я разстанусь скоро, и и вѣроятно навсегда, съ землею, гдѣ одни прославляютъ либеральныя идеи; а другіе бьютъ жидовъ за то только, что они жиды. Прощай, мой, другъ! Завтра я буду во Франціи.

Письмо 3.

Парижъ.

Что за городъ! Что за люди! Ахъ, мой другъ, только въ Парижѣ умѣютъ наслаждаться жизнью; мы, дѣти сѣвера, не имѣемъ и поня-

Digitized by Google

тія о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу; мы кое-какъ, съ горемъ пополамъ, убиваемъ время и не живемъ, а считаемъ дни; но здѣсь! представь себѣ..... Я затѣваю пустое! Парижъ нельзя описывать, его надобно видѣть. Вотъ ужъ три дня, какъ я бѣгаю по городу, смотрю на все, любуюсь всѣмъ: Пантеонъ, Лувръ, Тюльери, Палерояль, Тиволи, все это какъ перемѣшалось въ моемъ воображеніи, что я не могу тебѣ ничего о немъ сказать. Шумъ, многолюдство, разнообразіе новыхъ предметовъ до того меня развлекаютъ, что я до сихъ поръ хожу, какъ будто въ чаду. Вообрази себѣ большую аллею Лѣтняго сада въ Духовъ день: точно также толпится народъ на бульварѣ— не по праздникамъ, а каждый день. Ты удивишься, когда я скажу тебѣ, что не былъ еще въ театрѣ; что-же дѣлать? До сихъ поръ не могъ рѣшиться, съ котораго начать. Сегодня буду однакожъ въ Одеонѣ, тамъ даютъ новую пьесу; билетъ прислалъ мнѣ хозяинъ дома, въ которомъ я стою. Признаюсь, я восхищенъ французской вѣжливостью: они такъ услужливы, такъ добры! Мнѣ скажутъ, что это одна только наружность. Быть можетъ; но какое мнѣ до этого дѣло? Они ласковы, пріятны въ обращеніи, а что у нихъ на сердцѣ, того я знать не хочу. Шесть часовъ, пора въ театръ.

. . . . . .

Я сейчасъ изъ театра и, признаюсь, не очень доволенъ. Французы не всегда бываютъ вѣжливы; за мои грѣхи я это испыталъ сегодня на себѣ. Пріѣхавши въ театръ, насилу могъ я добраться до моихъ креселъ; отъ роду не видывалъ я такой тѣсноты. Предъ новой пьесой давали маленькую комедію *Модный балъ*. Я спросилъ одного изъ моихъ сосѣдей:

— Хороша-ли эта комедія?

— Презабавная,— отвѣчалъ онъ,—да неужели вы ее видите въ первый разъ?

— Я недавно сюда пріѣхалъ.

— Право! Такъ вы иностранецъ?

— Я русскій.

— Русскій! Какъ я радъ! Въ этой комедіи выходитъ на сцену русскій офицеръ; надѣюсь, вы не откажетесь перевести мнѣ на французскій языкъ то, что онъ говоритъ?

— Съ величайшею охотою.

Тутъ заиграла музыка и чрезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ поднялся. Въ концѣ пьесы появился на сцену какой-то затянутый, какъ куколка, офицеръ въ синемъ мундирѣ.

— Вотъ русскій офицеръ! — сказалъ мой сосѣдъ,—постойте, онъ сейчасъ заговоритъ, слушайте! *Ніема глебонишь поносиско рюскофъ*. Какой странный языкъ!

— Подлинно странный!

— Скажите, что это значитъ по-французски?

— Это, я думаю, ни на какомъ языкѣ ничего не значитъ.

— Какъ ни на какомъ? Да вѣдь это по-русски?

— Что не по-русски—въ этомъ могу васъ увѣрить, можетъ быть, по татарски...

— Ну да, по-татарски или по-русски,—вѣдь это одно и тоже?

— Нѣтъ, сударь! Совсѣмъ не одно и тоже. Мнѣ кажется, сочинитель смѣется надъ вами; онъ выдумалъ свой собственный языкъ и хочетъ васъ увѣрить, что говоритъ по-русски.

— Да, сударь, по-русски,—сказалъ маленькій человѣчекъ, въ кругломъ парикѣ, сидѣвшій позади меня. — Я знакомъ съ сочинителемъ комедіи, онъ дѣлалъ послѣднюю компанію, былъ въ Москвѣ и говоритъ самъ очень хорошо по-русски.

— О чемъ тутъ спорить? Это точно по-русски,—подхватилъ мой сосѣдъ,— *поносиско глебонишь*—настоящія русскія слова, я самъ тысячу разъ слышалъ отъ казаковъ, когда русскіе были въ Парижѣ.

Не имѣя возможности переувѣрить этихъ господъ, я рѣшился молчать. Занавѣсъ поднялся снова, первое явленіе слушали со вниманіемъ; потомъ начался глухой ропотъ, и вдругъ, при одномъ остромъ словцѣ на счетъ нынѣшняго правленія, буря разразилась: съ одной стороны загремѣли рукоплесканія, съ другой раздался громкій свистъ. При семъ незнакомомъ для меня звукѣ, сердце мое забилось отъ радости. „Наконецъ,—думалъ я,— слава Богу, удалось мнѣ побывать въ театрѣ, гдѣ зритель есть настоящій и верховный судья актеровъ и сочинителей; у насъ публика связана; ей не позволяютъ даже громко шикать; а здѣсь—какая разница! Я могу свистать, шумѣть, кричать, дѣлать все, что мнѣ угодно! Между тѣмъ, зрители шумѣли часъ отъ часу болѣе: à bas le rid! à bas la cabale! раздалось по всѣмъ угламъ залы; въ партерѣ, мѣстахъ въ трехъ происходили уже рукопашныя побоища; съ лѣвой стороны, подлѣ меня, человѣкъ пять свистали какъ сумасшедшіе. Признаюсь въ моемъ грѣхѣ! Мнѣ смертъ захотѣлось посвистать въ первый разъ отъ роду: но лишь только было я принялся помогать своимъ сосѣдямъ, какъ вдругъ кулакъ, тяжелый какъ свинецъ, обрушился на мою голову; искры посыпались у меня изъ глазъ, и прежде, чѣмъ могъ опомниться, началось вокругъ меня ужасное побоище. Не знаю, какъ это сдѣлалось, только въ одну минуту получилъ я дюжины двѣ толчковъ и пощечинъ. Кой-какъ вырвался я изъ залы, добѣжалъ, не оглядываясь, до перваго фіакра и отправился домой. Вскорѣ за мною возвратился мой хозяинъ съ подбитымъ глазомъ: онъ былъ въ партерѣ и храбро сражался за пьесу. Когда я сталъ ему говорить о нашемъ несчастномъ приключеніи, то онъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Это бездѣлица! Такія-ли бываютъ схватки въ нашихъ театрахъ; посмотрѣли-бы вы первое представленіе *Германика:* вотъ тутъ было настоящее сраженіе! Кромѣ изувѣченныхъ и раненыхъ, одинъ остался убитымъ на мѣстѣ.

Сейчасъ ложусь въ постель; боюсь, какъ бы не занемочь, у меня болитъ все: голова, грудь, бока... Нѣтъ, мой другъ, право, хорошо, что у насъ не свищутъ!

Письмо 4.

Кале.

— Какъ?—скажешь ты,—пріятель мой, который такъ восхищался Парижемъ, не прожилъ въ немъ и трехъ мѣсяцевъ? Что-же дѣлать, мой другъ! Мѣсяца два назадъ, я самъ былъ увѣренъ, что Парижъ никогда не можетъ надоѣсть; но когда первый восторгъ прошелъ, я почувствовалъ такую пустоту въ душѣ, такую тоску, что готовъ былъ убѣжать на край свѣта. Мы, русскіе, привыкли жить въ обществахъ, а здѣсь, особливо для иностранца, нѣтъ другого общества, кромѣ того, которое онъ встрѣчаетъ на улицахъ и въ ресторацiяхъ; притомъ-же, вообрази себѣ, во всемъ Парижѣ ты не найдешь уголка, гдѣ-бы не замучили тебя политикою. Въ трактирахъ, кофейныхъ домахъ, садахъ, театрахъ, вездѣ слышишь слова: *конституція*

Digitized by Google

туція, представитель палаты, выборы и проч.; каждый день новыя распри между *ультрами и либеральными*, того и гляди, что здѣсь начнутся безпокойства и гоненія, а я еще, благодаря Бога, не забылъ и того, которое бѣдные евреи претерпѣваютъ въ Германіи. Съ недѣлю тому назадъ, отъ нечего дѣлать, вздумалъ я, право для одной забавы, поиграть въ рулетку: дня въ два я такъ себя потѣшилъ, что остался почти безъ копейки. У меня есть векселя на лондонскихъ банкировъ,—вмѣсто того, чтобъ перевести ихъ на здѣшнихъ, я ѣду туда самъ. Можетъ быть, ошибаюсь, но, мнѣ кажется, проживу тамъ гораздо болѣе. Я всегда любилъ этихъ гордыхъ островитянъ, ихъ свободу, мудрые законы и даже самый образъ жизни.

Я позабылъ тебѣ сказать, что давно уже не продолжаю моихъ путевыхъ записокъ: воображеніе мое истощилось. Впрочемъ, я увѣренъ, тебѣ многое въ нихъ понравится, напримѣръ: описаніе моихъ чувствъ и восторговъ при видѣ Рейнскаго водопада, отъ котораго, между нами будь сказано, былъ я въ пятидесяти миляхъ. Въ Лондонѣ попытаюсь начать новый журналъ не для публики, а для одного тебя.

Письмо 5.

Лондонъ. Вторникъ.

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ ступилъ я на берегъ счастливой Британіи! Мнѣ казалось, что я даже и дышать начинаю свободнѣе. Нѣтъ, мой другъ, вѣтреные французы долго не поравняются съ своими сосѣдями, которые умѣютъ пользоваться свободою, и не употребляютъ ее во зло; однакожъ, изъ сего общаго числа я исключаю здѣшнихъ таможенныхъ смотрителей: они еще грубѣе и нахальнѣе нѣмецкихъ. Разсмотрѣвъ мой чемоданъ, эти господа принялись было и меня обыскивать, но помиловали, когда я вручилъ имъ полновѣсную гинею, за которую впрочемъ, не сказали мнѣ даже и спасибо. Это-бы еще не бѣда, да вотъ что досадно: ты помнишь мой дорожный серебряный сервизецъ? Вообрази себѣ, мой другъ, какая жалость! У меня его отобрали и возвратили на другой день изломаннымъ. Я было началъ шумѣть, но мнѣ прочли законъ, которымъ запрещается ввозить въ Англію серебро и золото въ издѣліяхъ; послѣ этого мнѣ нечего было говорить. Дорога отъ Дувра до Лондона очаровательна; прелестныя дачи, бархатные луга, все веселитъ взоры путешественника; жаль только, что по дорогѣ, а особливо на станціяхъ, множество нищихъ. Способъ ихъ просить милостыню довольно страненъ; когда я сажусь въ коляску, со всѣхъ сторонъ приступаютъ ко мнѣ съ просьбами: „дайте мнѣ крону,—говоритъ одинъ,—вы чихнули, а я сказалъ вамъ здравствуй!“ „Дайте шилингъ,—кричитъ другой,—я снялъ у васъ съ плеча соломинку“, и, что все досаднѣе, имъ дашь, а они и шляпы не приподнимутъ. Лондонъ сдѣлалъ на меня большое впечатлѣніе, но только не совсѣмъ пріятное. Въ Парижѣ совѣтовали мнѣ остановиться въ одномъ трактирѣ, до котораго я долженъ былъ ѣхать почти всѣмъ городомъ; длинныя улицы, закопченные кирпичные дома, какъ двѣ капли воды другъ на друга похожіе, площади правильныя, но дурно обстроенныя, и цѣлыя облака угольнаго дыма, который, какъ густой туманъ, лежалъ на черныхъ кровляхъ,—все это вмѣстѣ придавало городу видъ отмѣнно мрачный. Надобно сказать правду, мой другъ, что касается до красоты и великолѣпія публичныхъ зданій, другого Петербурга нѣтъ въ цѣлой Европѣ. На одной изъ площадей, по большому стеченію народа, карета моя должна была на время остановиться посреди многолюдной толпы; на пустой фурѣ, стоялъ какой-то ораторъ; онъ говорилъ съ большимъ жаромъ и размахивалъ руками; отъ времени до времени народъ принимался кричать съ такимъ отвратительнымъ визгомъ, что я заткнулъ себѣ уши; ко мнѣ безпрестанно заглядывали въ карету звѣрскія, полупьяныя рожи и растрепанныя безобразныя твари, которыхъ по одному только платью я счелъ за женщинъ. Наконецъ добрался я кое-какъ до моей квартиры.

Хозяинъ, довольно ласковый старикъ, отвелъ мнѣ двѣ прекрасныя комнатки и для перваго знакомства проговорилъ со мною цѣлый вечеръ. Говоря объ ораторѣ, котораго я видѣлъ мимоѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что въ Манчестерѣ, въ подобныхъ собраніяхъ, иногда бываетъ народу тысячъ по двадцати и болѣе.

— Какъ-же полиція позволяетъ такія сходища?—спросилъ я.

— Полиція! У насъ полиція? Нѣтъ, благодаря Бога, мы ея не знаемъ. Притомъ-же, по нашимъ законамъ, народъ имѣетъ право сбираться для совѣщаній.

— Но я думаю, эти совѣщанія не всегда оканчиваются спокойно!

— Напротивъ, они никогда не имѣютъ дурныхъ слѣдствій; правда, изрѣдка случаются небольшіе безпорядки: человѣкъ пять, шесть убьютъ до смерти: но объ этихъ мелочахъ и журналисты не пишутъ.

Я не совсѣмъ согласенъ съ моимъ хозяиномъ. Впрочемъ, всякое правленіе имѣетъ свои неудобства; но не всякое можетъ похвалиться законами, которые, подобно англійскимъ, охраняютъ личную свободу каждаго гражданина и ручаются за цѣлость его собственности.

Сейчасъ иду прогуливаться. Отъѣзжая изъ Парижа, я купилъ прекрасный Мальтійскій крестикъ, хочу его обновить.

. . . . . .

Худо не знать обычаевъ города, въ которомъ живешь. Я пошелъ было посмотрѣть церковь Св. Павла; но съ половины дороги долженъ былъ воротиться. Почему?—спросишь ты: а вотъ послушай: Я шелъ довольно спокойно по тротуару, не замѣчая сначала, что почти всѣ встрѣчающіеся со мной англичане заглядывали мнѣ въ лицо и косились. Наконецъ необычайный шумъ заставилъ меня оглянуться; толпа испачканныхъ, оборванныхъ мальчишекъ бѣжала вслѣдъ на мною; многіе изъ нихъ показывали на меня пальцами и кричали: **French dog! French dog!** Я не могъ понять, что это значило. Къ счастію, одинъ англичанинъ сжалился надо мною.

— Снимите вашъ орденъ,—сказалъ онъ мнѣ.

— Для чего?—спросилъ я.

— А для того, чтобъ васъ не закидали грязью.

— Грязью? Помилуйте! За что?

— За то, что вы хотите отличаться отъ другихъ, въ лондонскихъ улицахъ всѣ должны казаться равными.

Я снялъ мой крестъ, но проклятые мальчишки не хотѣли отъ меня отстать и заставили поневолѣ воротиться домой. Минутъ

Digitized by Google

пять я подосадовалъ, но какъ подумалъ хорошенько, то мнѣ очень понравилась эта гордость англійской свободы.

Воскресенье.

Не думаю, чтобъ я пробылъ здѣсь долго. Воспитанный англичаниномъ, я привыкъ съ ребячества уважать и любить Англію, и конечно-бы любилъ ее и уважалъ до самой смерти, если-бы случай не привелъ меня увидѣть вблизи эту землю, которая издали казалось мнѣ земнымъ раемъ. Къ чему это предисловіе?—спросишь ты; а къ тому, мой другъ, чтобъ сказать тебѣ, что по моему мнѣнію здѣшняя вольность очень походитъ на своевольство; я скоро буду бояться выходить на улицу; не проходитъ ни одного дня, чтобъ я не имѣлъ какихъ-нибудь непріятностей. Гордость англичанъ и презрѣніе ихъ ко всѣмъ другимъ народамъ несносны; самый послѣдній ремесленникъ, нищій считаетъ себя важнѣе всякаго иностранца и старается доказывать это весьма непріятнымъ образомъ.

Въ Петербургѣ прогуливаюсь я, ничего не опасаясь, и если никого не толкаю, то и меня никто не толкаетъ; а здѣсь, повстрѣчавшись съ какимъ-нибудь запачканнымъ англичаниномъ, я тотчасъ даю ему дорогу, для того только, чтобъ онъ не столкнулъ меня въ грязь, или, что и того хуже, не предложилъ для забавы подраться на кулакахъ. Нѣтъ, мой другъ, я никогда не рѣшусь назвать истинно свободнымъ государство, гдѣ порядочный человѣкъ не можетъ быть ни на минуту увѣренъ въ своей безопасности.

Суббота.

Пожалѣй обо мнѣ, мой другъ! Вотъ уже пятый день, какъ я лежу въ постелѣ. Голова у меня проломлена, а лицо такъ обезображено, что я не похожу на самого себя, и все это потому, что живу въ землѣ свободной, подъ защитою премудрыхъ законовъ. Вотъ исторія сего несчастнаго приключенія: я обѣдалъ у моего банкира; возвращаясь домой въ наемной каретѣ я былъ остановленъ недалеко отъ парламента цѣлою толпою народа; въ одну минуту человѣкъ десять пьяныхъ англичанъ окружили мою карету, одни осыпали меня проклятіями и ругательствами, другіе, крича во все горло hear! hear! дразними языкомъ. Кучеръ мой ударилъ по лошадямъ, толпа разступилась, и я думалъ, что этимъ и отдѣлался; не тутъ-то было, въ меня начали кидать грязью, я поднялъ стекла и, вмѣсто грязи, каменный градъ посыпался на мою карету, куски стеколъ полетѣли мнѣ прямо въ лицо и одинъ камень попалъ въ голову. Пріѣхавъ на квартиру, я насилу могъ дотащиться до постели; чрезъ полчаса явился ко мнѣ хозяинъ.

— Я пришелъ васъ утѣшать,—сказалъ онъ,—мнѣ извѣстно теперь все,—успокойтесь! Народъ изувѣчилъ васъ ошибкою!

— Вотъ забавно! Да развѣ мнѣ отъ этого легче?

— Васъ приняли за одного парламентскаго члена, котораго партія *радикальныхъ* терпѣть не можетъ.

— Да неужели вашъ народъ имѣетъ право кидать грязью и камнями въ того, кто ему не нравится?

— Кидать грязью онъ можетъ; по крайней мѣрѣ правительство не обращаетъ на это никакого вниманія, да и стоитъ-ли эта бездѣлица того, чтобъ стѣснять для нея права свободнаго народа? Но кидать камнями у насъ не позволено!

— Поэтому, если-бы я зналъ, кто проломилъ мнѣ голову, то могъ-бы на него пожаловаться?

— Конечно, могли-бы.

— И онъ былъ-бы наказанъ?

— Безъ сомнѣнія. Разумѣется, если вы докажете, что онъ точно хотѣлъ бросить въ васъ камнемъ, а не захватилъ его нечаянно вмѣстѣ съ грязью.

— И послѣ этого вы смѣете хвалиться вашими законами?

— Да что-же тутъ страннаго? Они даютъ только возможность обвиняемому оправдаться. Впрочемъ, ни у кого не отнята свобода: въ васъ кидаютъ грязью, кидайте сами.

— Помилуйте! Неужели порядочный и просвѣщенный человѣкъ захочетъ драться?

— Почему-же нѣтъ? Вы вѣрно не откажете въ просвѣщеніи Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; а посмотрите, что у нихъ дѣлается. Недавно въ законодательномъ ихъ сословіи, одинъ членъ плюнулъ въ лицо другому; на слѣдующій день обиженный вызвалъ своего противника на поединокъ, мѣсто сраженія назначено на самомъ собраніи: они дрались кулаками и кочергами изъ камина и валялись по полу передъ всѣми депутатами. Мы еще до этого не дошли,—прибавилъ, со вздохомъ, мой хозяинъ,—наши парламентскіе члены только что ругаютъ другъ друга, а не дерутся.

Какъ я ни былъ огорченъ, но не могъ удержаться отъ смѣха; гордый англичанинъ разсердился и, сказавши сквозь зубы раза два god dam, ушелъ.

Дай Богъ, чтобъ я скорѣе выздоровѣлъ; съ первымъ кораблемъ отправлюсь непремѣнно въ Россію. У насъ хоть холодно, да спокойно. Я не поѣду даже и въ Италію; говорятъ, тамъ цѣлыя шайки разбойниковъ грабятъ всѣхъ не на большой дорогѣ, а у самыхъ городскихъ воротъ. Въ Германіи меня изувѣчили за то, что я прогуливался съ жидкомъ, во Франціи прибили потому, что я свисталъ вмѣстѣ съ другими, въ Англіи проломили голову оттого, что я похожъ на парламентскаго члена; чего добраго—въ Италіи зарѣжутъ.

Прощай, мой другъ! Богъ милостивъ, надѣюсь скоро съ тобою увидѣться.

Этимъ письмомъ кончилась наша переписка. Теперь пріятель мой давно уже въ своемъ отечествѣ и любитъ его отъ всего сердца. О Германіи не говоритъ никогда, о Франціи вспоминаетъ иногда съ удовольствіемъ: но объ Англіи не можетъ подумать безъ ужаса. „Если-бъ мнѣ предложили,—говоритъ онъ всегда,—выбрать любое: жить въ Англіи или повѣситься, то конечно я попросилъ бы нѣсколько дней на размышленіе“.

3.

Опытъ новыхъ разговоровъ на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Третьяго дня поутру зашелъ я къ моему сосѣду—тому самому г. Б..., съ которымъ познакомилъ уже моихъ читателей въ статьѣ о любителяхъ словесности. Я засталъ его за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукахъ, въ глубокомъ размышленіи. „Чѣмъ вы занимаетесь?“—спросилъ я. А вотъ посмотрите!—отвѣчалъ г. Б..., показывая на книги, разбро-

Digitized by Google

санныя по всему столу. Я взялъ одну—„Разговоры для дѣтей“; другую:—„Россійская азбука“, третью—опять разговоры, четвертую—опять азбука. „Что это значитъ?“—сказалъ я съ улыбкою—„не заводите-ли вы школы?“

— А почему бы и не такъ? Вѣдь это нынѣ въ модѣ.

— Поэтому я отгадалъ?

— Нѣтъ, не отгадали.

— Для чего-же эти книги?

— Мнѣ нужно было имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о предметѣ, которымъ занимаюсь. Я пишу разговоры на русскомъ и французскомъ языкахъ.

— Разговоры?

— Да, и русскую азбуку.

— Вы шутите!

— Нимало. Мнѣ уже давно хотѣлось испытать, нельзя-ли сухіе школьные разговоры сдѣлать хотя нѣсколько занимательными.

— А что хотите вы перемѣнить въ азбукѣ?

— Говорите тише!... Я хочу... но нѣтъ, я не смѣю вамъ повѣрить этой тайны. Почему знать, вы не остережетесь, откроете ее другимъ, и тогда, чего добраго, прежде, нежели моя книга выйдетъ въ свѣтъ, какой-нибудь любитель ижицы убьетъ меня изъ-за угла камнемъ.

— По крайней мѣрѣ, разговоры ваши не тайна?

— Вотъ это другое дѣло и, если хотите, я прочту вамъ первые пять разговоровъ, разумѣется, безъ французскаго перевода.

— Вы меня очень одолжите.

Г. Б... взялъ со стола тетрадь и началъ читать слѣдующее:

Разговоръ 1.

О домѣ, домашнихъ уборахъ и доходахъ.

— Какая у васъ прекрасная квартира.

— Да, это правда. Я плачу за нее очень дешево: четыре тысячи.

— Это не дорого! Во всѣхъ комнатахъ паркеты; въ окнахъ цѣлыя стекла. — А мебель у васъ хозяйская?

— Нѣтъ, моя!

— Что стоятъ эти столовые часы?

— Полторы тысячи.

— А эта горка съ фарфоромъ?

— Около трехъ.

— А эта бронзовая люстра и канделябры?

— Безъ малаго пять.

— Позвольте спросить, въ которой губерніи ваши деревни?

— У меня нѣтъ деревень.

— Такъ поэтому вы живете процентами съ капитала?

— У меня нѣтъ и капитала.

— Понимаю: у васъ фабрика?

— Извините! Мнѣ некогда этимъ заниматься.

— Некогда? Такъ вы служите? Гдѣ, если смѣю спросить?

— Въ. . . . . .

— А много ли получаете жалованья?

— . . . . рублей.

Разговоръ 2.

Требованіе совѣта.

— Здравствуйте, мой почтеннѣйшій!—Я просила васъ къ себѣ за важнымъ дѣломъ. Мнѣ должно съ вами посовѣтоваться.

— Очень радъ, сударыня, что могу вамъ быть на что-нибудь полезнымъ; но я желалъ бы очень, чтобъ мой совѣтъ былъ совершенно согласенъ съ собственнымъ вашимъ мнѣніемъ.

— И, сударь! Да можетъ-ли быть у меня собственное мнѣніе, когда я хочу съ вами совѣтоваться; я во всемъ на васъ полагаюсь. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло: — я намѣрена выдать дочь свою замужъ.

— Какъ, сударыня? Да ей всего тринадцать лѣтъ!

— Такъ чтожъ?

— Она еще ребенокъ.

— Послушайте, мой почтеннѣйшій! — Объ этомъ говорить нечего—я рѣшилась и она будетъ замужемъ.

— Подумайте!

— Да нечего думать, сударь, — я ужъ вамъ сказала, что это рѣшено.

— О, если такъ, то, въ самомъ дѣлѣ, выдайте ее замужъ.

— И такъ, вы мнѣ совѣтуете?

— Да, да! Я вамъ совѣтую — выдавайте, и какъ можно скорѣе!

— Теперь еще бѣда: у нея три жениха; пожалуйста, батюшка, не откажите мнѣ въ совѣтѣ: не знаю, котораго выбрать. — Первый полковникъ Разрубаевъ.

— Ну, чтожъ! Малый очень хорошій.

— И, сударь! На что онъ годится—только и умѣетъ курить трубку, да стучать шпорами. Второй,—нашъ дворянскій предводитель.

— Прекрасный молодой человѣкъ, съ добрымъ сердцемъ.

— Да что въ немъ добраго? Настоящій мотъ! Того и гляди: раздастъ все имѣнье нищимъ.— Третій, совѣтникъ гражданской палаты, Кутейкинъ.

— Кутейкинъ? Да ему за пятьдесятъ лѣтъ.

— Тѣмъ лучше, сударь, тѣмъ лучше! Такого-то мужа моей дочери и надобно.

— Никто его не любитъ.

— Неправда, сударь!—Я его люблю.

— Но его поведеніе...

— Какъ-бы то ни было—онъ мнѣ нравится, и я говорю рѣшительно: дочь моя ни за кѣмъ другимъ не будетъ.

— Теперь, мой почтеннѣйшій, скажите откровенно, что вы мнѣ совѣтуете?

— Я, сударыня? — Я совѣтую вамъ выдать дочь вашу за Кутейкина.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И безъ малѣйшаго отлагательства.

— Ну вотъ, такъ и есть, я знала напередъ— вы мнѣ дурного не посовѣтуете — я всегда была увѣрена, что вы человѣкъ умный, почтенный...

— Прощайте, сударыня!

— Прощайте, мой батюшка! Покорнѣйше васъ благодарю! Прошу и впредь не оставлять меня вашими совѣтами.

Разговоръ 3.

Разные напѣвы.

— Какое чистое небо, какой чистый ароматическій воздухъ! Не правда-ли, мой другъ!

— Да, погода порядочная.

— Мнѣ такъ весело, такъ пріятно! По чести, я не понимаю, какъ есть люди, которые скучаютъ жизнью? Скучать жизнью тогда, когда отъ насъ зависитъ безпрестанно веселиться— встрѣчать на каждомъ шагу новыя удовольствія! Признаюсь, мой другъ, я всегда буду

Digitized by Google

пытна изданная въ С. П. въ 1622 году, Дмитріемъ Кантемиромъ, подъ названіемъ: Система, или состояніе Мухамеданскія религіи. *) Вотъ посвященіе сей книги, которое въ свое время, вѣроятно, казалось весьма краснорѣчивымъ.

Петру Великому.

Освященнаго Россійскаго Государства, Освященнѣйшему Автократору, вѣры православныя всебодреннѣйшему защитителю, Императору Благочестивѣйшему, Преблагому Отцу Отечества; злодѣяній прогонителю, добродѣтели и свободныхъ наукъ и художествъ насадителю, Славянскихъ народовъ вѣчной славы начальнѣйшему Автору, Великому Князю, побѣдителю, Царства прибавителю и распространителю, Ордена Св. Андрея Апостола основателю, смотрѣливѣйшему и иныхъ Орденъ Кавалеру, предостойнѣйшему Преображенскаго полка верховному Хиліарху, обоего войска Марсу и Архистратигу Генеральнѣйшему, нашего вѣка державнѣйшему Нептуну, на четырехъ моряхъ, Россійскаго флота Вице-Адмиралу, Англиканскаго же, Голландскаго и Дацкаго Адмиралу избранному и проч. и проч. Государю и Повелителю своему Всемилостивѣйшему и прекротчайшему, *Словоприношеніе.*

Первымъ основаніемъ законовъ долженъ быть здравый смыслъ; эта аксіома не подвержена никакому сомнѣнію. Но иногда законы и постановленія непросвѣщенныхъ народовъ до того противны здравому смыслу, что нѣтъ никакой возможности добраться, основываясь даже на однихъ догадкахъ, какъ могла подобная нелѣпость придти въ голову законодателя.

Шведскій писатель Олафъ Далинъ въ 1-й части исторіи своего отечества, на страницѣ 357, выписываетъ слѣдующій законъ изъ 4 главы Вестготландскаго узаконенія: „Если музыкантъ убитъ будетъ, то убійца повиненъ дать его наслѣднику трехлѣтняго неукротимаго теленка, у котораго былъ-бы хвостъ остриженъ и намазанъ саломъ. Убійца обязанъ также дать ему перчатки и башмаки, намазанные саломъ. Потомъ наслѣдникъ вести долженъ теленка на бугоръ и взять хвостъ въ руки: тогда одинъ изъ присутствующихъ зрителей ударитъ теленка три раза плетью,—и если наслѣдникъ удержитъ его, то теленокъ дѣлается его собственностію, если же выпуститъ изъ рукъ, то весь искъ его пропадаетъ.— Есть люди, которые жалѣютъ, что европейскіе нравы и обычаи совершенно измѣнились и что мы ни въ чемъ не походимъ на нашихъ предковъ. Не понимаю, какъ можно жалѣть о вѣкахъ, въ которые существовали и выполнялись подобные законы.

Отрывки изъ записокъ.

Girouettisme—выраженіе, котораго нельзя перевести на русскій языкъ, а можно замѣнить словомъ также иностраннымъ, но болѣе для насъ понятнымъ. Кусокъ листового желѣза, укрѣпленный на концѣ длиннаго шеста, для показанія направленія вѣтра называется у насъ флюгеромъ, а на французскомъ языкѣ—girouette; слѣдовательно флюгерство будетъ значить то-же самое, что girouettisme. Слово это вошло въ употребленіе у французовъ въ теченіе достопамятной войны Россіи съ Наполеономъ, за свободу и независимость всей Европы; политическіе перевороты, которые тогда столь быстро слѣдовали одинъ за другимъ, имѣли необходимо большое вліяніе на мнѣнія и поступки французовъ, и, надобно сказать правду, никогда положеніе парижскихъ журналистовъ не было столь затруднительнымъ. Изъ тысячи примѣровъ флюгерства этихъ господъ, я приведу здѣсь одинъ, который на дняхъ попался мнѣ нечаянно въ одномъ извѣстномъ парижскомъ журналѣ:

Journal des debats, 1815 года, марта 20 числа.

„Франція ненавидитъ Бонапарте; это чувство не подвержено никакому сомнѣнію, оно общее и явное: чего можно ожидать отъ тигра, который умѣетъ царствовать не иначе, какъ проливая кровь своихъ подданныхъ... Самое ничтожество выгоднѣе для Франціи, чѣмъ стыдъ подпасть снова подъ позорный яремъ своего палача...“

Journal des debats, 1815 года, марта 21 дня (т. е. на другой день).

„Фамилія Бурбоновъ выѣхала прошедшую ночь изъ Парижа“.

„Парижъ представляетъ сегодня картину всеобщаго спокойствія и радости. Бульвары покрыты безчисленными толпами народа, ожидающаго съ нетерпѣніемъ вступленія войскъ подъ предводительствомъ героя, имъ возвращеннаго. Небольшое число воиновъ, которыхъ имѣли сумасшествіе ему противопоставить, присоединилось къ орламъ, и все войско Франціи, сдѣлавшись снова національнымъ, выступаетъ подъ знаменами славы и отечества. Императоръ прошелъ двѣсти миль съ быстротою молніи, посреди народа, пораженнаго чувствами удивленія и почтенія, увѣреннаго въ настоящемъ и будущемъ своемъ счастіи... Таковъ былъ возвратъ его, или лучше сказать, торжественное шествіе, въ которомъ Императоръ не встрѣтилъ другихъ враговъ, кромѣ презрительныхъ пасквилей, предствлявшихъ забавную противоположность съ истинными чувствами народа, восхищеннаго его присутствіемъ...“

Не дѣлая на это никакихъ замѣчаній, я прибавлю только, что листокъ журнала, въ которомъ напечатана эта краснорѣчивая статья, и предыдущій нумеръ, любопытные могутъ видѣть въ оригиналѣ—въ С.-Петербургской публичной библіотекѣ.

Было время, когда французскіе писатели не хотѣли насъ признавать за европейцевъ, не называли даже русскими, и мы почти во всѣхъ старинныхъ географіяхъ именуемся Московитянами (les Mocsovttes); теперь благодаря войнѣ 1812 года, они иногда удостоиваютъ насъ названіемъ полупросвѣщенной націи, и не всѣ обычаи наши называютъ азіатскими. Можно-бы написать цѣлую книгу о смѣшныхъ ошибкахъ и кривыхъ толкахъ, которыми наполнены почти всѣ путешествія иностранцевъ въ Россіи. Будучи заграницею, я имѣлъ случай прочесть въ сочиненіяхъ этихъ господъ много кой-чего новаго о моемъ отечествѣ: напримѣръ, по милости какого-то Миллера, бывшаго въ 1811 году въ Россіи, я узналъ, что лучшіе пѣвцы С.-Петербургскаго театра,—Яков-

*) Экземпляръ это рѣдкой книги можно видѣть въ Императорской публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ.

Digitized by Google

левъ и Колосова; что въ С.-Петербургѣ нѣтъ ни одной пригожей россіянки, что русскіе ни чего не могли выдумать сами, и впередъ ничего не выдумаютъ, и наконецъ, что имя націи неприлично для народа, составленнаго изъ Татаръ, Калмыковъ и какихъ-то Славянъ. Изъ путешествія Англичанина Джона Кари, написаннаго въ 1804 году, я увидѣлъ, что въ Россіи нѣтъ соловьевъ; что по нашимъ законамъ, жена, съ которою мужъ поступаетъ сурово, можетъ быть ему не вѣрна, и что обыкновенная забава русскихъ господъ состоитъ въ слѣдующемъ: они выходятъ послѣ обѣда пить кофе въ круглую залу, въ которой для ихъ забавы дерутся между собой волки, собаки и медвѣди.

Но всѣхъ болѣе порадовалъ меня французъ Жанъ Кастера. Въ книгѣ его нашелъ я любопытный, а намъ, русскимъ, совершенно неизвѣстный, анекдотъ о знаменитомъ Суворовѣ; я увѣренъ, что всякому будетъ пріятно прочесть это драгоцѣнное дополненіе къ жизнеописанію безсмертнаго князя Италійскаго, тѣмъ болѣе, что этотъ анекдотъ, по словамъ Жанъ Кастера, даетъ ясное понятіе о неукротимомъ нравѣ великаго полководца.

— Въ первую Турецкую войну,—говоритъ почтенный историкъ,—Суворовъ, служившій еще простымъ офицеромъ, во время одного жаркаго дѣла, бросился въ ряды непріятельскіе, зарѣзалъ своими руками нѣсколько янычаръ, отрѣзалъ имъ головы, набилъ ими большой мѣшокъ и, возвратясь въ свои ряды, опорожнилъ его къ ногамъ главнокомандующаго генерала".

Очень жаль, что Жанъ Кастера, который не сомнѣвается не мало въ достовѣрности этого анекдота, не хотѣлъ пояснить читателямъ, какимъ образомъ Суворовъ имѣлъ неукротимость нрава рѣзать головы и набивать ими мѣшокъ, находясь посреди янычаръ, которые, вѣроятно, не протягивали ему шеи.

Вотъ довольно забавный разговоръ о Вольтерѣ, хотя за достовѣрность его нельзя поручиться, потому что онъ помѣщенъ въ современныхъ запискахъ извѣстнаго противника Вольтера, Сабатеро-де-Кастро; но мнѣ кажется, что въ немъ соблюдено все должное вѣроподобіе.

Однажды вечеромъ нѣсколько ученыхъ и философовъ, будучи въ гостяхъ у Дюкло, непремѣннаго секретаря французской Академіи, разговаривали о Вольтерѣ. Одинъ извѣстный нѣмецкій юриспрудентъ, повторяя вмѣстѣ съ прочими, что Вольтеръ былъ всеобъемлющій геній, началъ говорить слѣдующимъ образомъ:

— Да, господа! Вольтеръ необыкновенный человѣкъ: поэзія, исторія, математика, медицина, натуральная исторія, критика, однимъ словомъ, нѣтъ познаній, нѣтъ науки, въ которой онъ не превзошелъ бы своихъ соперниковъ. Жаль только, что Вольтеръ не слишкомъ силенъ въ юриспруденціи. Лишь только начнетъ онъ говорить о правленіи, политикѣ, законодательствѣ, то я не узнаю его, и мнѣ кажется, онъ точно изъ зависти нападалъ на нашего Гроціуса и Пуффендорфа и вашего Монтескю, которые гораздо болѣе знали толку въ юриспруденціи, чѣмъ онъ. Впрочемъ, это замѣчаніе ничего не значитъ и г. Вольтеръ истинный геній всеобъемлющій.

— Да,—сказалъ одинъ знаменитый математикъ,—г. Вольтеръ чудный, непостижимый геній! Потомки наши не повѣрятъ, что столь различныя произведенія писаны однимъ человѣкомъ. Жаль, очень жаль, что онъ хотѣлъ также быть и математикомъ; между нами будь сказано, онъ судитъ о геометріи, какъ ученикъ. Посмотрите его начала Ньютоновой философіи. Несмотря на это, г. Вольтеръ единственъ! Нѣтъ! Никогда еще не существовалъ человѣкъ съ такимъ обширнымъ и всеобъемлющимъ геніемъ.

— Враги Вольтера, — подхватилъ г. де-Меранъ, извѣстный физикъ, — могутъ говорить все, что имъ угодно. Они никогда не отнимутъ у него славы — всезнанія. Какой человѣкъ! Какая веселость, острота! Я обязанъ сочиненіямъ его пріятнѣйшими минутами моей жизни, они забавляютъ меня, восхищаютъ всякій разъ, когда ихъ читаю. Вольтеръ говоритъ о всемъ съ такимъ умомъ, съ такою любезностію. Собраніе сочиненій его можетъ назваться Энциклопедіею. Желательно бы было, чтобъ онъ столь же хорошо зналъ физику, какъ всѣ другія науки; но, къ сожалѣнію, онъ почти не имѣетъ о ней понятія. По мнѣнію моему, ему недостаетъ только этого, чтобъ дѣйствительно быть всеобщимъ и превосходнымъ геніемъ своего времени.

Одинъ англійскій историкъ, который молчалъ во все время, началъ говорить въ свою очередь. „Признаюсь, г. Вольтеръ не имѣетъ себѣ равнаго. Англія не можетъ ему никого противупоставить. Нашъ Попе ничто передъ нимъ. Вольтеръ соединяетъ въ себѣ таланты: Свифта, Адиссона, Отвая и Болиброка. Жаль, истинно жаль, что онъ писалъ исторію; слогъ его прекрасенъ, но совсѣмъ не приличенъ для исторіи. Эпиграммы, мысли, портреты ложныя показанія, не должны имѣть въ ней мѣста. О! Мы пишемъ совсѣмъ иначе исторію, мы никогда не жертвуемъ истиною для остраго словца. Вольтеръ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ не выдавалъ себя за историка; но что касается до другихъ частей словесности, надо отдать ему справедливость: онъ неподражаемъ. У васъ никогда уже не будетъ такого философа, такого критика, такого остраго писателя, такого... Однимъ словомъ, такого всеобщаго, обширнаго генія!

— Какъ, господа!—вскричалъ одинъ теологъ, который добивался себѣ мѣста въ академіи,— когда всѣ восхваляютъ любимца музъ и грацій, я одинъ буду хранить преступное молчаніе? Нѣтъ! Я хочу и долженъ, также какъ и всѣ, принесть ему дань удивленія. Г. Вольтеръ, по мнѣнію моему, соединяетъ въ себѣ одномъ познанія и таланты, которые сдѣлали безсмертными Аріоста, Плутарха, Цицерона, Тацита, Софокла, Анакреона, Лукреція, Виргилія, Горація и обоихъ Плиніевъ. — Благодаря его твореніямъ, языкъ нашъ сдѣлается классическимъ, подобно греческому и римскому. Одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ сего великаго мужа состоитъ въ томъ, что онъ имѣлъ смѣлость возстать противъ предразсудковъ, считаемыхъ священными. Луціанъ, въ семъ отношеніи, ничто передъ нимъ. Никто не умѣлъ лучше его употреблять оружіе насмѣшки, столь страшное для предразсудковъ и заблужденій. Но онъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ онъ шутилъ, потому что всякій разъ, когда Вольтеръ пускался въ разсужденія, то дѣлалъ непростительныя ошибки, которыя не могли скрыться отъ непроницательныхъ взоровъ критики, и я долженъ по справедливости

Digitized by Google

Чтобъ тонкій вкусъ вполнѣ свой оказать,
Знатокъ прямой ничѣмъ не долженъ быть доволенъ.
Хвалить! и—кстати ли себя унизить такъ,
Хвалить вѣдь можетъ и дуракъ;
Но тотъ, кто смѣло все бранитъ и осуждаетъ,
Ужъ вѣрно умница и все на свѣтѣ знаетъ.
Едва лишь первый актъ окончить я успѣлъ,
Какъ вдругъ одинъ, словесности любитель,
Извѣстный меценатъ, талантовъ покровитель,
Своимъ блеснуть умомъ и вкусомъ захотѣлъ.
Окинувъ взоромъ всѣхъ надменно,
„Я вамъ — сказалъ онъ мнѣ — признаюсь откровенно,
Что экспозиція ужасно не ловка".
Быть можетъ, что долга? „О, нѣтъ! Ее бы можно
Еще порастянуть". Что, вижу, коротка?
„И этого въ ней нѣтъ, признаться должно".
Скучна? „Нимало, нѣтъ". Такъ видно не вѣрна,
Фальшива, сбивчива? „О, нѣтъ, совсѣмъ другое!
И лучше-бъ быть могла конечно вдвое"...
Позвольте мнѣ сказать—пристала тутъ одна
Премудрая жена,
Которая вездѣ по городу считалась
Игрицей первою въ бостонъ и модный вистъ—
Мнѣ кажется, у васъ языкъ не очень чистъ:
Я это замѣчать, по чести, не старалась,
Но, признаюсь, мой слухъ давно уже отвыкъ
Отъ всѣхъ тяжелыхъ выраженій.
Въ комедіи у васъ слуга совсѣмъ мужикъ,
Вездѣ онъ говоритъ безъ всякихъ украшеній
Такимъ преподлымъ языкомъ;
Признайтесь сами въ томъ!
Вѣдь я не вовсе виновата,
И если критика вамъ кажется строга..,
Помилуйте! да онъ не принцъ—простой слуга!—
Такъ чтожъ, не важная утрата—
Могли бъ и выкинуть его!
А впрочемъ,—знаете-ли, прочтите Мариво!
Вотъ истинный талантъ — вездѣ въ немъ превосходство!
Какой прелестный тонъ, какое благородство!
Служанка, госпожа, лакей и господинъ.
„А я совсемъ не то замѣтить вамъ желаю—
Прервалъ съ улыбкою и нюхая табакъ
Мудрецъ, котораго на зло вездѣ встрѣчаю,
Педантъ несносный и чудакъ—
Искусствомъ вы меня своимъ не обманули:
Сюжетъ въ Теренціѣ вы точно почерпнули".
Въ Теренціѣ? „Ну, да! Я вздора не скажу;
Повѣрьте, сходство есть большое;
Вы спросите какое?—
Постойте, докажу:
У васъ..." Нѣтъ силъ терпѣть, хозяйка закричала:
Вы только спорите, а время все идетъ!—
„Позвольте доказать!" Нѣтъ, нѣтъ! Уже я устала
И этотъ долгій споръ тоску лишь наведетъ.
Прошу васъ, продолжайте!
Успѣемъ можетъ быть... Ахти, десятый часъ!
Что если-бы вы... иль нѣтъ, послушайте: для васъ
Конечно все равно, вы все-таки читайте,
А я межъ тѣмъ могу гостей занять въ бостонъ!—
Хотя терпѣньемъ я изрядным одаренъ,
Однакожъ, чортъ возьми, всему вѣдь есть граница:
Я вышелъ изъ себя, вскочилъ, схватилъ тетрадь—
И прежде, чѣмъ могла проклятая игрица
Опомниться путемъ, ударился бѣжать,
Кой-какъ до улицы добрался;
Забывши о гостяхъ, не помня о себѣ,
Прыгнулъ въ карету и помчался
Прямехонько къ тебѣ.
И вотъ, мой милый другъ, судьи, которыхъ мнѣнья,
Вездѣ всеобщаго достойныя презрѣнья,
Оракуломъ, закономъ чтутъ;
Которые къ стыду насъ всѣхъ, признаться должно,
Хваля безъ толку все, иль все браня безбожно,
Безславіе и славу раздаютъ!
И послѣ этого за славою гоняйся!
Забудь веселье и покой,
Пиши комедіи—будь мученикъ—старайся,
Но льстить себя не смѣй наградой никакой!
Читать въ домахъ—бѣда! отдать играть—другая;
Да что и говорить—скажу безъ дальнихъ словъ,
Театръ, гдѣ царствуетъ посредственность златая,
Страшнѣе для меня и самыхъ знатоковъ.
У насъ хоть не пройдетъ безъ новости недѣли,
За то ужъ ничего, не ѣзди подъ качели,
Играютъ мастерски—ну, любо посмотрѣть!
А если примутся артисты наши пѣть,
Иль станутъ въ операхъ при всѣхъ мѣнять кулисы,
То вонъ бѣги!
И словомъ,—отъ царя до самаго слуги—
Пѣвицы и пѣвцы,—актеры и актрисы,
И даже самая суфлера западня
Терзаетъ все и мучитъ лишь меня.
Нѣтъ, кончено! Писать я больше не намѣренъ,
Клянусь, я клятвѣ сей, конечно, буду вѣренъ!
Да, да, мой другъ!—Клянусь... а жаль! вѣдь есть сюжетъ,
И еслибъ только я рѣшиться могъ... да нѣтъ!
Все кончено!.. А планъ и сцены ужъ готовы—
Придуманъ и конецъ,
И всѣ характеры такъ новы!
Прекрасный резонеръ — чувствительный отецъ;
Контрасты рѣзкіе — съ природы, а не съ сказки!
Тутъ будетъ все: и плутъ, и честный человѣкъ,
Интрига чудная... а веселѣй развязки
Нельзя придумать въ вѣкъ,
И интересныхъ сценъ конечно будетъ съ двадцать!
Да впрочемъ... почему-жъ? ага, ужъ бьетъ двѣнадцать!
Пора домой! „Такъ ты рѣшился не шутя?"
—Прощай!—„Да погоди, карета не готова!"
Но мой Людмилъ въ отвѣтъ ни слова;
Поклонъ и, шляпу ухвативъ,
Отправился домой—домой? Конечно, спать?
Ахъ, нѣтъ, мои друзья: комедію писать!

Digitized by Google

III.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Въ дурачествахъ своихъ намъ трудно сознаваться,
Мы всѣ помѣшаны на томъ,
Что сами никогда ни въ чемъ
Не можемъ ошибаться.
Причиной неудачъ, всѣхъ горестей и бѣдъ,
Иль случай, иль судьба, иль что-нибудь другое,
Но только ужъ не мы. Одинъ несчастье злое
Клянетъ, съ дурной игрой поставивши лабетъ;
Другой, хотя блеснуть съ умѣреннымъ доходомъ,
Вступаетъ съ богачемъ въ неровную борьбу
И послѣ, не сводя никакъ приходъ съ расходомъ,
Винитъ во всемъ жестокую судьбу.
Какъ будто бы она и въ томъ ужъ виновата,
Что бѣдный человѣкъ не долженъ жить [illegible] богато;
А съ взяткою одной бостонъ нельзя играть.
Но чтобы вы, друзья, не начали дремать
Отъ сихъ преважныхъ поученій,
Не лучше-ль мнѣ, на мѣсто разсужденій,
Отъ скуки вамъ кой-что поразсказать?
Сюда, друзья, въ кружокъ—я сказку начинаю:
Въ одной изъ двухъ столицъ, а точно гдѣ не знаю,
Положимъ что въ Москвѣ, для сказки все равно,
Тому назадъ не такъ чтобы давно,
Среди веселья жилъ счастливецъ,
Фортуны баловень, по имени Клеонъ.
И подлинно былъ счастливъ онъ,
Красотъ московскихъ всѣхъ любимецъ,
Душа ихъ общества и зависти предметъ;
Всѣ маменьки его ласкали
И часто дружескій совѣтъ
Безъ умысла давали
(Хваля своихъ любезныхъ дочерей)
Жениться поскорѣй.
И послѣ этого—кому повѣрить можно,
Счастливецъ сей, признаться должно,
Природой былъ не слишкомъ одаренъ:
Красавцемъ онъ не могъ назваться,
Отлично не былъ и уменъ,
И даже — я стыжусь почести вамъ признаться—
И даже не умѣлъ въ мазуркѣ рисоваться;
А несмотря на то, какъ будто-бъ на подрядъ
Невѣсты скромныя его ловили взглядъ.
За чтожъ, вы спросите, Клеона уважали?
Хотите знать? Онъ былъ... я вижу отгадали!
Да, да, друзья, онъ былъ богатъ.
Но участью своей кто въ мірѣ семъ доволенъ?
Клеонъ вдругъ сдѣлался задумчивъ, безпокоенъ;
Сталъ рѣдко ѣздить со двора,
Вздыхать, грустить, томиться,
Иль, попросту сказать, ему пришла пора
Жениться.
Повѣрьте, въ тридцать лѣтъ пріятнѣй жить вдвоемъ!
И такъ счастливецъ нашъ, обдумавъ все путемъ,
Рѣшился общему послѣдовать закону
И, чтобъ сомнѣнья всѣ вѣрнѣе истребить,
Отправился тотчасъ къ пріятелю Честону
И такъ съ нимъ началъ говорить:
Жениться никогда, мой другъ, шутить не должно!
Ужъ надо поступать отмѣнно осторожно:
Ты опытенъ и знаешь свѣтъ,
Такъ въ этомъ можешь дать полезный мнѣ совѣтъ!
Изъ всѣхъ невѣстъ я двухъ сестеръ предпочитаю:
Послушай, я тебѣ точь-въ-точь ихъ опишу;
Знать мнѣніе твое, Честонъ, весьма желаю,
Но только, милый другъ, быть искреннимъ прошу!
Онѣ фамиліи не знатной, но извѣстной;
Аглая, старшая сестра, тиха, скромна
Имѣетъ нравъ прелестный
И даже, говорятъ, умна,
Но только утверждать я этого не смѣю:
Съ тѣхъ поръ, какъ ѣзжу я къ нимъ въ домъ,
Едва-ли удалось, какъ помнится, о томъ
Сказать словъ шесть мнѣ съ нею,
Что время скверное и дождь идетъ съ утра.
Какая разница, мой другъ, ея сестра!
Представь себѣ, Честонъ, Киприду для примѣра:
Какъ слабо и тогда сравненіе твое!
Нѣтъ! нѣтъ! Эмилія конечно не Венера,
А лучше во сто разъ ее!
Остра, умна, талантовъ бездна,
А какъ ловка, мила, любезна!
Пускай иной въ ней слабости найдетъ:
Она, не спорю я, какъ будто бы спесива,
Немножко вѣтренна, немножко прихотлива,
Да только вотъ бѣда! все это къ ней идетъ;
Насмѣшлива—нельзя и въ этомъ не признаться,
И если ужъ надъ кѣмъ она шутить начнетъ,
То мертваго заставитъ разсмѣяться!
Все это хорошо, да только не въ женѣ;
Вѣдь сердцу доброму таланты не замѣна!
Повѣрь, Клеонъ, какъ другу, мнѣ:
Коварство, злоба и измѣна
Всегда насмѣшниковъ удѣлъ!
И, милый другъ,—ну что за преступленье!
Какъ будто-бы грѣшно
Надъ тѣмъ смѣяться, что смѣшно?
Да гдѣ-же взять терпѣнья
Съ глупцомъ безъ смѣха говорить?
При томъ же, съ клятвою могу я утвердить:
Чувствительнѣй ея не можетъ быть;
Она добрѣе, чѣмъ Аглая:
Та любитъ лишь людей,
А эта даже и звѣрей.
Эмилія на дняхъ, лишившись попугая,
Почти изсохла отъ тоски...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, она совсѣмъ не злорѣчива,
А любитъ изрѣдка глупцамъ давать щелчки!
Сестра-жъ ея ужъ слишкомъ молчалива.
Ты скажешь, что она скромна.
Чтожъ толку въ томъ? За то вѣдь вовсе невидна;
А я хочу, чтобы жена моя блистала,
Чтобъ свѣтъ не только красотой,
Талантами, умомъ и всѣмъ обворожала,
Чтобъ праздникъ тотъ считался за пустой,
Который ей самой украсить не угодно.
А если-жъ вздумаю явиться всенародно,
Пущусь въ собранье съ ней...
Какое торжество!—Среди толпы людей,

Digitized by Google

Въ глазахъ у всѣхъ она, какъ Грація, танцуетъ;
Не только что умы—сердца у всѣхъ волнуетъ:
Того-то и хочу.
Всѣ вкругъ нея тѣснятся,
Всѣ ахаютъ, дивятся.
А я—стою спокойно и молчу:
Гляжу на всѣхъ съ улыбкой сожалѣнья
И думаю:—ей дань платите удивленья
А мнѣ—завидуйте, друзья!
И вотъ ужъ шепчутъ, слышу я:
Вотъ мужъ ея, вотъ онъ, и вкругъ меня народу
Ужасная толпа, и мнѣ ужъ нѣтъ проходу!
— Умѣрь его, мой другъ,—сказалъ Честонъ, вставая,—
И выслушай совѣтъ — я въ двухъ словахъ скажу:
Супругой доброй быть способнѣе Аглая.
Повѣрь, блистать всю жизнь не можетъ человѣкъ,
Съ женою жить не годъ, не два, а цѣлый вѣкъ.
Теперь, прощай—въ деревню ѣду—
Мнѣ хочется поспѣть на станцію къ обѣду;
Смотри-жъ, Клеонъ, — держи совѣтъ мой въ головѣ!
Простилися, Клеонъ подумать обѣщался...
И на Эмиліи спустя недѣли двѣ
Съ большимъ парадомъ обвѣнчался.
Три года минуло и вотъ опять Честонъ
Въ столицу возвратился;
Оправиться едва успѣлъ съ дороги онъ,
И тотъ-же часъ къ пріятелю пустился.
— Ну вотъ, Клеонъ, опять въ Москвѣ я наконецъ;
Куда, мой другъ, давно съ тобой мы не видались!
Ты былъ женихъ, когда разстались,
Теперь любовникъ, мужъ и счастливый отецъ...
Но ты нахмурилъ лобъ, молчишь, не отвѣчаешь?
Какой ужасный взглядъ—ты сталъ совсѣмъ другимъ—
Тебя по чести не узнаешь!
Давно-ли чудакомъ ты сдѣлался такимъ?
„Давно-ль? Съ тобой на что таиться...
Съ тѣхъ поръ, какъ за грѣхи задумалъ я жениться!“
— Возможно-ли, Клеонъ? — Да развѣ ужъ жена
Твоя въ собраньяхъ не блистаетъ?
„По прежнему всегда толпой окружена
И всѣхъ собой обворожаетъ“.
— Талантовъ что-ль убавилось число?
„О, нѣтъ... вѣдь нравиться желанье не прошло:
Въ мазуркѣ и пѣньѣ она весьма успѣла!“
— Такъ чтожъ? — Неужели богиня подурнѣла?
„Богиня, скажешь, красоты?...
— Да это говорилъ не я, мой другъ, а ты!—
„Не можетъ быть!—Я толкъ немного въ этомъ знаю!
И что въ ней нравится — никакъ не понимаю?
У ней во всемъ лицѣ нѣтъ правильной черты“.
— Скажи-же, наконецъ, что сдѣлалось такое?—
„А то, Честонъ, что добрая моя жена
Долгъ матери считаетъ за пустое:
По баламъ каждый день, въ гостяхъ разряжена:
Супружеской любви въ ней даже нѣтъ и тѣни:
Со всѣми страхъ мила, но только не со мной:
И если я когда останусь съ ней одной,
Тотчасъ пойдутъ и спазмы, и мигрени...
И сверхъ того злодѣйка такъ хитра,
Что въ свѣтѣ прожила предоброю женою—
Я мученикъ — и всѣ-жъ смѣются надо мною!“
— А гдѣ теперь ея сестра?—
„Давно ужъ замужемъ — Людмилъ на ней женился:
Ну, видно Богу онъ молился!
Какъ счастливо живетъ онъ съ ней!
Она всегда съ дѣтьми, всегда въ семьѣ своей.
Въ женитьбѣ испыталъ Людмилъ одно блаженство:
За чтожъ такое неравенство?
Одинъ счастливъ, другой судьбою угнетенъ:
За чтожъ не онъ, а я жить долженъ не счастливо?
Куда, подумаешь, судьба несправедлива!“
— Напрасно ты винишь судьбу, — прервалъ Честонъ,—
Вини себя въ своей печали:
Съ Людмиломъ оба вы нашли чего искали!
Аглая, попросту, безъ пышныхъ всѣхъ затѣй,
Живетъ для мужа и дѣтей;
За то твоя ловка, по модѣ разодѣта,
Плѣняетъ всѣхъ, а мучитъ лишь тебя;
Но кто-же виноватъ — ты взялъ жену для свѣта,
А онъ женился для себя.

IV.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЛЮДМИЛУ.

Съ какимъ торжественнымъ и радостнымъ лицомъ,
Съ какимъ восторгомъ мнѣ, Людмилъ, ты объявляешь,
Что, рѣзвой Таліи рѣшившись быть жрецомъ,
Досуги ты свои театру посвящаешь.
Повѣрь, въ томъ жалости, мой другъ, нимало нѣтъ,
Кто вздумалъ дать тебѣ столь пагубный совѣтъ!
Скажи: какой злой духъ, конечно въ наказанье
За тяжкіе грѣхи, внушилъ тебѣ желанье
На этомъ поприщѣ твоихъ извѣдать силъ?
Иль участь горькую не знаешь ты, Людмилъ,
Въ удѣлъ сужденную комическимъ поэтамъ
Веселья всѣ забывъ, разставшись съ цѣлымъ свѣтомъ.
Трудамъ всю жизнь свою ты долженъ посвятить,
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ, безъ ропота сносить
Насмѣшки остряковъ, нападки журналистовъ,
Сужденія купцовъ, лакеевъ, копіистовъ,
И словомъ, всей Москвѣ отдавъ себя на судъ,
За милость почитать, когда изъ снисхожденья
Порядкомъ осмѣявъ твое произведенье,

Digitized by Google

Съ нимъ вмѣстѣ и тебя забвенью предадутъ.
Все это-бъ доказать я могъ легко примѣромъ,
Но участи другихъ тебѣ не можно ждать,
Ужъ вѣрно будешь ты у насъ вторымъ Мольеромъ:
Всѣ станутъ и должны тебѣ рукоплескать.
Согласенъ и на то. Не скажемъ мы ни слова,
Какъ много ты ночей провелъ совсѣмъ безъ сна;
Положимъ, что твоя комедія готова,
Отдать ее въ театръ—забота лишь одна
Осталася тебѣ,—и вотъ изъ доброй воли,
Мытарства всѣ пройдя, успѣешь наконецъ;
Пьеса принята, расписаны всѣ роли,
Друзья заранѣе плетутъ тебѣ вѣнецъ,
Враги до времени свою скрываютъ злобу,
И ты, довольный всѣмъ, являешься на пробу,
Спѣшишь ее начать... О, бѣдный мой Людмилъ!
Крѣпись, мой другъ, терпи! Часъ бѣдствій наступилъ.
Какихъ ты перенесть не долженъ испытаній,
Препятствій и досадъ, несносныхъ истязаній...
Ты вѣрно скажешь мнѣ: „все это не бѣда,
Награду пріобрѣсть не можно безъ труда".
Она предъ тобой — твоя, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!
И вотъ насталъ ужъ день желанный представленья;
На сценѣ ты давно—въ ужасныхъ суетахъ,
Съ смущеньемъ на челѣ, съ улыбкой на устахъ.
Къ актерамъ всѣмъ въ глаза съ поклономъ забѣгаешь,
Здѣсь руку жмешь слугѣ, тамъ дядю обнимаешь,
И даже самъ суфлеръ, попавъ къ тебѣ въ друзья,
Бросаетъ вкругъ себя взглядъ важный и спѣсивый.
Но вотъ шумитъ партеръ, — сей грозный судія,
Въ сужденіяхъ своихъ нерѣдко торопливый;
Пробило шесть часовъ — знакъ поданъ роковой;
Хлопочетъ режисеръ, актеровъ всѣхъ сзывая,
Оркестръ гремитъ и ты, съ поникшей головой,
Смятеніе свое и страхъ едва скрывая,
Спѣшишь среди кулисъ прижаться въ уголокъ.
Хоть скромность лишняя не авторскій порокъ,
Повѣрь, Людмилъ, въ сіи минуты ожиданья
Исчезнутъ всѣ твои надменныя мечтанья,
Надежда пропадетъ, — твой трудъ, въ которомъ ты
Доселѣ находилъ однѣ лишь красоты,
Представится тебѣ столь мелкимъ и ничтожнымъ,
Что, всякій ужъ успѣхъ считая невозможнымъ,
Предвидишь торжество завистниковъ твоихъ,
Погрѣшности забыть стараешься напрасно,
Ошибка каждая и каждый слабый стихъ,
Все-все придетъ на умъ; теперь ты видишь ясно:
Завязка сбивчива—интрига не вѣрна—
Такъ точно—Боже мой! Комедія дурна!
Всѣ зрители должны дремать, заснуть отъ скуки...
Уже ты чувствуешь начало адской муки—
Ты слышишь злобный смѣхъ, и шиканье, и свистъ,—
Ты видишь предъ собой — о, страшное явленье!
Какъ съ сердцемъ ледянымъ, холодный журналистъ,
Подробно описавъ постыдное паденье,
И подписью скрѣпивъ твой смертный приговоръ,
Въ листкахъ своихъ тебя выводитъ на позоръ!
Тогда, Людмилъ, съ какимъ душевнымъ сокрушеньемъ
Ты вспомнишь мой совѣтъ — винишь, клянешь себя.
Но вдругъ затихнетъ все, и вмѣстѣ съ представленьемъ
Мученья новыя начнутся для тебя.
Ты съ трепетомъ глядишь на каждаго актера...
Не даромъ за себя боишься и за нихъ.
Тотъ войти опоздалъ, тотъ скушалъ цѣлый стихъ.
А здѣсь другой, отстать не смѣя отъ суфлера,
Безъ точки съ запятой не скажетъ ничего.
Терпи, Людмилъ!—терпи, а болѣе всего
Показывать не смѣй ни гнѣва, ни досады.
Но вотъ ужъ наступилъ желанный часъ награды:
Могущество свое доказывать любя,
Партеръ шумитъ, кричитъ и требуетъ тебя;
Всѣ эти вызовы между собой похожи:
Съ приличной скромностью, согнувшись весь въ кольцо,
Пріятелямъ своимъ покажешь ты изъ ложи
Давно уже для нихъ знакомое лицо,—
Доволенъ, — счастливъ ты! не спорю я съ тобою.
Не знаешь-ли, какой ужасною цѣною
За этотъ счастья мигъ ты долженъ заплатить?
Жрецъ истины святой, всегдашній бичъ порока,
Поэтъ комическій льстецомъ не можетъ быть,
И если не успѣлъ хорошаго урока
Онъ дать насмѣшникамъ, надменнымъ богачамъ,
Иль кистью вѣрною изображая намъ
Безстыднаго ханжи смиренную личину,
Не смѣлъ сорвать съ него обманчивый нарядъ,
Не смѣлъ сказать въ глаза большому господину:
Что гордость есть порокъ — что славныхъ предковъ рядъ,
Безъ собственныхъ заслугъ, достойныхъ уваженья,
Несла для него—и стыдъ и поношенье,
Коль хитрость и обманъ, злословье и вражда
Судью не строгаго найдутъ въ тебѣ,—тогда
Напрасно ты себя поэтомъ называешь:
Но если ты сей долгъ священный исполняешь,
И смѣло обличать порокъ вездѣ готовъ,
То знай, мой другъ: полки безчисленныхъ враговъ
Возстанутъ на тебя всеобщимъ ополченьемъ.
Весь умъ свой изострятъ надъ бѣднымъ сочиненьемъ,
Найдутъ погрѣшности, не сыщутъ въ немъ красотъ,

Digitized by Google

умѣнья разработать какъ слѣдуетъ этотъ богатый рудникъ; впрочемъ, и то хорошо, если мнѣ удалось открыть его и указать человѣку болѣе меня искусному, гдѣ долженъ онъ искать не одной руды, вовсе не походящей на металлъ, который въ ней скрывается, но чистыхъ самородковъ, не всегда золотыхъ—это правда; но, вѣдь, золото вездѣ рѣдко, а томпакъ, семилеръ и всякая другая блестящая композиція, которую иногда стараются выдавать намъ за пробное червонное золото, право, не стоютъ нашего простого желѣза... Да объ этомъ послѣ; дѣло состоитъ въ томъ, что я рѣшился напечатать мои записки.

Я человѣкъ не очень богатый, такъ прежде всего долженъ былъ подумать о томъ, во что мнѣ обойдется изданіе этой книги, а для этого мнѣ нужно было посовѣтоваться съ человѣкомъ знающимъ и опытнымъ. Вы, вѣроятно, слыхали о книгопродавцѣ Иванѣ Тихоновичѣ Корешковѣ; мы съ нимъ люди знакомые,—я даже прошлаго года крестилъ у него сына.

Чего-жъ лучше,—подумалъ я;—мой куманекъ тридцать лѣтъ занимается книжною торговлею, такъ ужъ вѣрно, сочтетъ мнѣ по пальцамъ, что будутъ стоить бумага, печать, обертка, однимъ словомъ, все; а можетъ статься, и манускриптъ у меня купитъ: это было бы всего лучше.

Лишь только я хотѣлъ послать за Иваномъ Тихоновичемъ, а онъ ко мнѣ и въ двери.

— А, любезный куманекъ!—вскричалъ я.—Милости просимъ... Очень кстати! Вѣдь у меня есть до тебя дѣльце.

— Рады служить, Богданъ Ильичъ!... Что прикажете?—сказалъ Корешковъ съ низкимъ поклономъ.

— Садись-ка, любезный!... Вотъ изволишь видѣть: ты знаешь мои записки?

— Какъ-же, батюшка, вы мнѣ еще прошлаго года читали изъ нихъ разныя этакія штучки,—очень интересно!

— Я хочу ихъ напечатать.

— Ну чтожъ, сударь, съ Богомъ!

— Да вотъ что: я человѣкъ непривычный, до смерти боюсь всякихъ хлопотъ. Знаешь ли что, любезный? Купи у меня манускриптъ въ вѣчное и потомственное владѣніе: я дешево продамъ.

— Нѣтъ, Богданъ Ильичъ, извините! Мы этимъ не занимаемся. Дѣло другое, на комиссію...

— Впрочемъ,—продолжалъ я съ видомъ совершеннаго равнодушія,—для меня все равно: книга моя не залежится. Ужъ одно названіе этихъ записокъ разлакомитъ покупщиковъ: „Москва и Москвичи!“

— Да-съ, названье бенефисное.

— А какъ ты думаешь, куманекъ: дорого мнѣ будетъ стоить напечатать эту книгу?

— Да если всю, такъ не дешево-съ.

— Какъ всю? Да развѣ можно будетъ печатать ее по частямъ?

— А почему же нѣтъ, Богданъ Ильичъ? Вѣдь если я не ошибаюсь, такъ книга ваша, такъ сказать, отрывочная; то-есть не то чтобъ какой-нибудь романчикъ, или исторія, а вотъ въ родѣ тѣхъ, которыя выдаются теперь въ Петербургѣ: „Сто писателей“, „Сказка за сказкою“ и прочія другія. Вы не извольте только выставлять на заглавномъ листѣ: „часть первая“, а „выходъ“ или „выпускъ первый“.

— Да развѣ это не все равно?

— Помилуйте! Ужъ кто написалъ часть первая, такъ какъ будто-бы обѣщаетъ вторую часть непремѣнно; а выпускъ что значитъ?... Будетъ, дескать, время, такъ выпущу другую; а нѣтъ, такъ не прогнѣвайтесь!...

— А что ты думаешь? Вѣдь это правда.

— Какъ же, батюшка!... Одну книжку напечатать не фигура, и можно дешевле пустить, такъ, авось, и поразберутъ; а тамъ, если она понравится, да пойдетъ, такъ и выпускайте себѣ вторую, третью—сколько душѣ вашей угодно.

— Спасибо, куманекъ, за добрый совѣтъ. Итакъ, рѣшено: я буду выдавать мои записки отдѣльными книжками; ихъ число и время ихъ выходовъ будутъ совершенно зависѣть отъ моей воли и отъ пріема, который сдѣлаетъ имъ публика.

— Да-съ! Только смѣю васъ спросить: вы объявите свое имя?

— Нѣтъ, я хочу назваться въ моихъ запискахъ Бѣльскимъ.

— А, понимаю-съ! Это нынче въ модѣ-съ. Вамъ угодно быть вотъ этимъ... какъ, бишь, они называются?

— Псевдонимы.

— Да-съ, точно такъ-съ. Только, воля ваша, Богданъ Ильичъ, напрасно-съ: это не дастъ ходу вашей книжкѣ.

— Такъ ты думаешь, что лучше выставить на заглавномъ листѣ мое настоящее имя?

— Оно, если хотите, сударь, все равно. Не прогнѣвайтесь, батюшка, вы по книжному дѣлу человѣкъ вовсе неизвѣстный. Вотъ если бы вы ужъ печатали, да васъ разика два похвалили въ „Библіотекѣ“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Сѣверной Пчелѣ“, или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, такъ это бы другое дѣло, а то хоть будьте вы человѣкъ распреумный, съ большимъ талантомъ...

— Да чтожъ еще надобно?

— Имя, сударь, имя! Это всего нужнѣе въ нашей книжной коммерціи.

— Да гдѣ-жъ мнѣ прикажешь его взять?...

— Вотъ то-то и дѣло! Не знакомы ли вы съ какимъ-нибудь сочинителемъ, который въ ходу; то-есть котораго всѣ знаютъ?... Попросите его...

— Что, что?—вскричалъ я, вскочивъ съ моихъ вольтеровскихъ креселъ. · Да неужели ты думаешь, что я допущу кого бы то ни было называться сочинителемъ моихъ записокъ?

— Позвольте!...—прервалъ Корешковъ, вставая также со своего стула.

— Чего тутъ позвольте! — продолжалъ я весьма неравнодушно. – Стану я изъ подлыхъ барышей прибѣгать къ такимъ средствамъ!... Я трудился, писалъ и, надѣюсь, не вовсе дурно, а кто-нибудь другой...

— Да выслушайте, Богданъ Ильичъ...

— Полно, кумъ! Вы всѣ, торгаши, на одинъ покрой. Что такое для васъ книга?—Товаръ, и больше ничего! Для васъ произведеніе высокаго таланта, творческое созданіе генія и какой-нибудь новѣйшій пѣсенникъ - одно и то-же...

— Нѣтъ, сударь, иногда пѣсенникъ и лучше, если онъ ходчѣе идетъ. Да дѣло не въ томъ. За что вы изволите гнѣваться? Вѣдь я хотѣлъ вамъ сказать: попросите какого-нибудь извѣстнаго автора, чтобъ онъ назвался не сочинителемъ, а издателемъ вашихъ записокъ...

— Какой вздоръ! Да развѣ имя издатели ручается за достоинство сочиненія?

— А какъ же, сударь? Всякій скажетъ: „видно, дескать, отличная книжка, если издаетъ ее извѣстный писатель“.

— Ну, ну, хорошо!—сказалъ я, когда встревоженное мое самолюбіе поуспокоилось.—Можетъ быть, куманекъ, ты и дѣло говоришь. Да кого же я стану просить объ этомъ?

— Мало ли, сударь, въ Москвѣ сочинителей. Да вотъ хоть, не далеко идти: г-нъ Загоскинъ... Не то чтобъ онъ былъ какой-нибудь знаменитый писатель—нѣтъ,—есть, батюшка, гораздо почище его, да ему какъ-то посчастливилось: выдалъ „Юрія Милославскаго“, попалъ въ народность, да и пошелъ пописывать разные романчики; а тамъ опера „Аскольдова Могила“... Что за опера такая!... Вы изволили ее видѣть?

Digitized by Google

— Какъ же!... И ты думаешь, что г-нъ Загоскинъ согласится?...

— А почему знать?—попробуйте!...

— Я напишу къ нему письмо.

— Да знаете ли, этакъ, повѣжливѣе—польстите ему... „Позвольте, дескать, украсить вашимъ знаменитымъ именемъ...

— Куманекъ, а не ты ли сейчасъ говорилъ?...

— И, батюшка, да развѣ вы не знаете, что ложь бываетъ иногда во спасеніе? Хвалите его на убой:—ну что за дѣло: бумага все терпитъ!...

— А если онъ подумаетъ, что я надъ нимъ смѣюсь?...

— Не подумаетъ, батюшка!... Знаемъ мы этихъ сочинителей! Иной ломается такъ, что не приведи Господи!... „Мы да мы!“—а что сдѣлалъ? Водевильникъ перевелъ или статейку напечаталъ въ журналѣ!... Я много съ ними обращался, Богданъ Ильичъ. Случалось иногда,—по надобности,—начнешь хвалить много въ глаза... русскимъ Вальтеръ Скоттомъ назовешь... Вѣрите-ль Богу, самому стыдно,—а онъ лишь только ухмыляется. Ужъ, видно, они всѣ родомъ такъ, батюшка!

Вотъ вамъ, милостивый государь, слово отъ слова мой разговоръ съ Иваномъ Тихоновичемъ Корешковымъ. Я не скрылъ даже отъ васъ, что онъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о вашемъ талантѣ. Изъ этого вы можете заключить, что я не въ точности исполнилъ его совѣтъ, то-есть не прибѣгалъ къ лести, чтобъ склонить васъ быть издателемъ моихъ записокъ. Если вы на это не согласитесь, то я поневолѣ долженъ буду подумать, что мой кумъ лучше моего знаетъ, чѣмъ можно угодить вообще всѣмъ писателямъ и въ особенности вамъ, милостивый государь.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія честь имѣю остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Богданъ Бѣльскій“.

Теперь вы видите, любезные читатели, въ какое затруднительное положеніе поставилъ меня г-нъ Бѣльскій. Принять его предложеніе мнѣ вовсе не хотѣлось, а не принять его я не смѣлъ: г. Бѣльскій могъ бы подумать, что я разсердился на его кума за то, что онъ не хочетъ признать меня знаменитымъ писателемъ. Конечно, это очень обидно; но вы понимаете, любезные читатели, что я ни въ какомъ случаѣ не могу показывать, до какой степени огорчаетъ меня это мнѣніе почтеннаго г-на Корешкова, а для этого я долженъ былъ непремѣнно согласиться на сдѣланное мнѣ предложеніе. Но еще разъ повторяю, что не намѣренъ брать на себя чужихъ грѣховъ и быть отвѣтчикомъ за г-на Бѣльскаго, съ которымъ во многомъ я даже не согласенъ. Онъ говоритъ иногда слишкомъ рѣзко правду, а я этого терпѣть не могу. Ну, что за охота называть въ глаза горбатаго горбатымъ, кривого кривымъ? Вѣдь, и того и другого исправить одна только могила,—такъ зачѣмъ же ихъ и дразнить? Впрочемъ, я долгомъ считаю прибавить, что г-нъ Бѣльскій человѣкъ не злой; онъ только немного крутенекъ, подчасъ бываетъ слишкомъ откровененъ, да любитъ иногда придержаться извѣстнаго правила, что:

Вовсе не грѣшно
Надъ тѣмъ смѣяться, что смѣшно.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

I.

МОСКОВСКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

„Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ“.

Грибоѣдовъ.

Еслибъ я писалъ романъ, то, конечно, не имѣлъ бы никакой надобности знакомить съ собою моихъ читателей; но въ этихъ запискахъ я говорю прямо отъ своего лица, описываю собственныя мои дѣйствія, замѣчанія и даже приключенія, - слѣдовательно долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ моимъ, надѣюсь, снисходительнымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, многочисленнымъ читателямъ. „Многочисленнымъ!“—Да, милостивые государи, я въ этомъ совершенно увѣренъ, какъ и всякій, начинающій писатель; разница только въ томъ, что другіе это думаютъ про себя, а я говорю вслухъ. Безъ этой увѣренности, которую не всегда могутъ поколебать даже и постоянныя неудачи, никто не сталъ бы печатать своихъ сочиненій. Повѣрьте мнѣ: всѣ эти ссылки на друзей, *по настоятельной просьбѣ* которыхъ будто бы книга печатается, одно жеманное пустословіе. Мы, обыкновенно, печатаемъ для *всѣхъ*, и очень бы оскорбились, еслибъ насъ прочли одни только пріятели.

Кто изъ москвичей не знаетъ Пресненскихъ прудовъ; но, можетъ быть, не всякому случалось бывать по ту сторону этихъ прудовъ, въ узкихъ и кривыхъ переулкахъ, которые довольно круто подымаются въ гору. Въ одномъ изъ нихъ, недалеко отъ обсерваторіи, стоитъ на полугорѣ небольшой деревянный домикъ, осѣненный спереди нѣсколькими кустами бузины и акаціи. Изъ оконъ надворной стороны дома видна внизу, подъ самою горою, часть города, примыкающая къ тремъ холмамъ, знаменитымъ во всей Москвѣ своею *трехъ-горною* водою. Когда вы смотрите въ окно, вашъ взоръ, быстро пробѣжавъ по кровлямъ, невольно останавливается на обширномъ поемномъ лугу, по которому змѣится наша изгибистая Москва-рѣка; прямо за ней чернѣются рощи Воробьевыхъ горъ, налѣво подымается колокольня Новодѣвичьяго монастыря, а еще лѣвѣе, какъ сквозь туманъ, мелькаютъ кровли домовъ и кресты церквей отдаленнаго Замоскворѣчья. Этотъ видъ вездѣ бы назвали прекраснымъ; но въ Москвѣ ужъ, вѣрно, никто не придетъ имъ полюбоваться. Мы, москвичи, избалованы прекрасными видами; мы встрѣчаемъ ихъ на каждомъ шагу и привыкли смотрѣть равнодушно на эти великолѣпныя панорамы, которыя плѣняютъ всѣхъ иностранцевъ своею роскошною красотою и дивнымъ разнообразіемъ. Маловодная Москва-рѣка и ничтожная рѣчка Яуза вовсе не замѣчательны какъ рѣки, но зато какіе у нихъ живописные берега.

Въ этомъ-то уединенномъ домикѣ, я, Богданъ Ильичъ Бѣльскій, живу почти безвыѣздно съ 1814 года, т.-е. двадцать восемь лѣтъ сряду. Я никогда не могъ назваться богатымъ человѣкомъ, однакожъ было время, что и у меня былъ каменный домъ на Никитской, что и я не понималъ, какъ можетъ порядочный человѣкъ жить за Пресненскими прудами въ какомъ-нибудь

Digitized by Google

кривомъ переулкѣ, въ глуши, гдѣ каждый проѣзжающій экипажъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Я началъ служить довольно рано и вышелъ въ отставку ротмистромъ. Въ 1812 году вступилъ снова въ службу; участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, былъ въ дѣлѣ подъ Тарутинымъ и едва остался живъ послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, гдѣ разбитый непріятель долженъ былъ, къ явной своей гибели, вмѣсто сытной и привольной калужской дороги, продолжать свое отступленіе по смоленской, совершенно опустошенной и своими и чужими. Я былъ такъ тяжело раненъ, что пролежалъ безъ чувствъ почти цѣлый день между убитыми, безъ всякаго пріюта и помощи. Къ счастію, зимніе холода еще не наступали,—несмотря на то, *что побѣжденный непріятель бѣжалъ уже изъ Россіи совершенно разбитый и разстроенный*. Это обстоятельство противорѣчитъ нѣсколько мнѣнію иностранцевъ, которые стараются доказать, что одна зима спасла Россію. Я имѣю большую вѣру ко всему тому, что пишутъ о насъ чужеземцы, и въ особенности уважаю извѣстное всему міру безпристрастіе французскихъ писателей; но въ этомъ случаѣ не могу даже согласиться и съ ними, потому что непремѣнно бы замерзъ подъ Малымъ Ярославцемъ, еслибъ французовъ побѣдилъ и выгналъ изъ Россіи одинъ только зимній холодъ. Вѣроятно многіе, подобно мнѣ, имѣютъ неограниченную вѣру ко всему, что пишутъ французы, а межъ тѣмъ не были такъ же, какъ я, подъ Малымъ Ярославцемъ, то легко, можетъ быть, иной подумаетъ, что я изъ патріотизма, который онъ, безъ всякаго сомнѣнія, назоветъ *квасным*, говорю неправду; въ такомъ случаѣ я попрошу его прочесть, что пишетъ объ этомъ нашъ знаменитый партизанъ Д. В. Давыдовъ. Онъ доказываетъ *фактами* и словами самихъ непріятелей, что первые весьма легкіе морозы начинались спустя три дня послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, слѣдовательно французовъ гналъ изъ Россіи русскій штыкъ, а не русскій морозъ, который помогалъ только впослѣдствіи нашимъ казакамъ истреблять отсталыхъ солдатъ непріятельской арміи, когда она уже не дралась, и даже не отступала, а просто — безъ оглядки бѣжала вонъ изъ Россіи.

Уволенный за ранами въ отставку съ чиномъ подполковника, я отправился прямо въ Москву. Я зналъ, что она горѣла, но никакъ не воображалъ увидѣть то, что увидѣлъ, когда подъѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ!.. „Москва!.. Да гдѣ же она?“—спросилъ я съ удивленіемъ.—„Вотъ, батюшка!“—отвѣчалъ ямщикъ, указывая передъ собою. Представьте себѣ ребенка, который, разставшись на нѣсколько дней со своею матерью, цвѣтущею здоровьемъ и красотою, возвращается домой, спѣшитъ обнять ее, спрашиваетъ, гдѣ его родная, и ему, указывая на каменную плиту, отвѣчаютъ: „Ты ищешь своей матери,—вотъ она, подъ этимъ камнемъ!..“ О, увѣряю васъ, этотъ ребенокъ не заплакалъ бы горчѣе того, какъ заплакалъ я, окинувъ испуганнымъ взглядомъ эти безпредѣльныя развалины.... Развалины! Нѣтъ, подъ этимъ словомъ мы привыкли разумѣть что-то величественное, прекрасное, или, по крайней мѣрѣ, живописное. Мы украшаемъ искусственными развалинами сады наши; а это огромное пепелище, которому не видно было и конца, эти безобразныя кучи кирпичей и обгорѣлыхъ бревенъ, которыя, казалось, еще дымились; этотъ безконечный лѣсъ изъ одинокихъ, почернѣвшихъ трубъ, и кой-гдѣ закопченные дома безъ кровель, съ обвалившимися стѣнами... Развалины!.. Мы любуемся остатками языческаго Рима; развалины Пальмиры или Бальбека, съ цѣлыми рядами гранитныхъ колоннъ, обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ, полуразрушенные портики, изъ-за которыхъ весело подымаются высокія пальмы — да это прелесть! Вилъ этихъ развалинъ не возмутитъ души вашей, не омрачитъ ее никакимъ грустнымъ чувствомъ; надъ ними пролетѣли вѣка, и тѣ, которые жили въ нихъ, давно уже не существуютъ. Вы смотрите на эти развалины, какъ на древній могильный памятникъ, заросшій травою; онъ нравится вамъ своею формою, возбуждаетъ ваше любопытство; но, глядя на него, вы не думаете о смерти, вамъ не представляется трупъ человѣка, который вчера былъ живъ, а теперь спитъ непробуднымъ сномъ... А Москва? О, Москва показалась мнѣ свѣжею, еще незасыпанною могилою!.. Но что говорить объ этомъ! Благодаря Бога, Москва стала краше прежняго, а слава и честь остались при ней. Она сгорѣла, это правда,—да зато подпалила крылья хищному орлу, который хотѣлъ забрать весь міръ въ свои когти.

Когда я доѣхалъ до Кудрина, сердце мое сильно забилось. — „Что-то мой домикъ на Никитской?“—думалъ я. — „Почему знать, можетъ быть и уцѣлѣлъ?“ Вотъ ужъ я проѣхалъ Никитскія ворота—вонъ мой приходъ... Церковь цѣла, быть можетъ, и мой домъ... Нѣтъ, вонъ онъ, голубчикъ, безъ кровли... Вотъ венеціанское окно, которымъ освѣщалась моя парадная гостиная... оно безъ рамъ... кругомъ все покрыто копотью... Эхъ, если-бъ уцѣлѣлъ хоть нижній этажъ, въ которомъ я жилъ!.. Подъѣзжаю поближе,.. Гляжу — и что-жъ? Господи Боже мой!.. Передняя стѣна дома въ развалинахъ, почти всѣ комнаты нижняго этажа раскрыты, какъ на показъ! Вотъ столовая съ узорчатымъ лѣпнымъ карнизомъ; вотъ диванная съ двумя колоннами подъ мраморъ, а вотъ... такъ точно, — мой кабинетъ... Праведное небо!... Кабинетъ, въ которомъ стѣны искусно были расписаны моимъ домашнимъ живописцемъ Степкою... въ немъ пріютились извозчики... Онъ служитъ имъ биржею, и лошади ихъ преспокойно кушаютъ сѣнцо изъ моего камина?... „Разбойники!“—закричалъ я. „Да знаете ли, что въ этомъ кабинетѣ бывали литературные вечера, что въ немъ читались творенія русскихъ поэтовъ, что одинъ изъ нихъ назвалъ даже этотъ кабинетъ московскимъ Аѳенеемъ,—а вы сдѣлали изъ него конюшню!“... Извозчики скинули шапки, выпучили на меня глаза, разинули рты, и когда я закричалъ неистовымъ голосомъ: „вонъ отсюда!“—они кинулись къ своимъ лошадямъ и начали ихъ взнуздывать. Но горе меня одолѣло: я махнулъ рукою, велѣлъ ѣхать на постоялый дворъ и на другой день отправился въ мою подмосковную. Хотя она была не близко отъ большой дороги, однакожъ французы въ нее завертывали: изъ двадцати избъ осталось пять, и большая часть мужичковъ жила въ землянкахъ. На барскомъ дворѣ уцѣлѣла какъ-то баня съ передбанникомъ. На первый случай я расположился въ немъ. Со мною было нѣсколько денегъ: я, сколько могъ, пособилъ крестьянамъ обзавестись всѣмъ необходимымъ, прожилъ въ передбанникѣ цѣлый годъ, продалъ двѣ трети моего имѣнья, чтобъ привести въ порядокъ дѣла и поправить остальныхъ мужичковъ; потомъ промѣнялъ мой сгорѣвшій каменный домъ на деревянный домикъ за Пресненскими прудами и переѣхалъ на житье въ Москву.

Теперь, любезные читатели, когда уже вамъ извѣстны всѣ важнѣйшія приключенія моей жизни, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о са-

Digitized by Google

комъ себѣ. Изо всего предыдущаго вамъ не трудно заключить, что для меня наступила та грустная эпоха жизни, въ которую насъ перестаютъ уже называть молодыми и даже зовутъ иногда стариками, но только еще не въ глаза. Я не сталъ бы жеманиться и сказалъ бы вамъ прямо, сколько мнѣ лѣтъ отъ роду, да боюсь огорчить моихъ ровесниковъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ найдутся черноволосые молодцы, у которыхъ въ головахъ нѣтъ ни одной сѣдинки, и которые до сихъ поръ еще смотрятъ такими губителями сердецъ, что упаси Господи! Правда, и они не всегда скрываютъ свои лѣта. Вотъ одинъ изъ этихъ господъ, который ужъ лѣтъ тридцать восемь служитъ въ офицерскомъ чинѣ, очень часто и даже при дамахъ горюетъ о своей прошедшей молодости, приговаривая: „Скоро уже, скоро стукнетъ мнѣ сорокъ лѣтъ!“ Но, однакожъ, все-таки лучше ихъ поберечь и не сказать вамъ ничего положительнаго о моихъ годахъ. Не знаю, долженъ ли говорить о своей наружности тотъ, кто въ 1812 году былъ уже ротмистромъ; впрочемъ, почему-жъ и нѣтъ? Развѣ мы не любуемся прекрасными развалинами? Развѣ эти развалины, — если-бъ только онѣ могли говорить,—не имѣли бы права сказать съ гордостію: „посмотрите, какой я былъ великолѣпный городъ!“—Да, было время, что и меня называли прекраснымъ мужчиною; и теперь еще современницы мои, московскія старушки, не шутя говорятъ, что я очень моложавъ, и если-бъ только побольше стягивался, красилъ волосы, да одѣвался по модѣ, такъ могъ бы еще,—этакъ въ сумерки,—показаться весьма пріятнымъ мужчиною. Теперь мнѣ осталось вамъ сказать одно, что я человѣкъ совершенно одинокій, близкихъ родныхъ у меня нѣтъ, а женатъ я никогда не былъ,—не потому, чтобъ я не хотѣлъ жениться, да какъ-то все не случилось. Одинъ знаменитый англійскій философъ сравниваетъ холостого человѣка, который вступаетъ въ законный бракъ, съ глупцомъ, опускающимъ руку въ мѣшокъ, чтобъ вытащить изъ него угря, который лежитъ одинъ-одинехонекъ въ этомъ мѣшкѣ, съ цѣлою сотнею змѣй. Боже меня сохрани повѣрить этому грубіяну! Нѣтъ, любезныя читательницы, если я не женатъ, такъ на это есть совсѣмъ другія причины. Мнѣ всегда хотѣлось, чтобъ будущая моя супруга соединяла въ себѣ нѣсколько качествъ, которыя казались мнѣ необходимыми для общаго нашего счастія. Во-первыхъ, я желалъ, чтобъ моя жена принадлежала къ тому же самому разряду общества, къ которому и я принадлежу, то-есть, чтобъ она была дворянкою; за этимъ, кажется, у насъ дѣло не станетъ; во-вторыхъ, чтобъ она была женщина съ образованіемъ, — и это бы еще ничего: у насъ хорошо воспитанныхъ благородныхъ дѣвицъ довольно; да вотъ что бѣда: я хотѣлъ, чтобъ дѣвица, которой я отдамъ мою руку, не походила ни на французскую *мадемуазель*, ни на нѣмецкую *фрайлейнъ*, ни на англійскую *миссъ*, а была бы просто образованная, просвѣщенная *русская барышня*, которая любила бы свое отечество, свой языкъ и даже свои обычаи. Вещь, кажется, самая простая: я хотѣлъ, чтобъ русская барышня была русская; а вотъ тутъ-то именно и вышелъ грѣхъ! Ужъ я искалъ, искалъ!.. Сначала въ Москвѣ,—что за странность такая! Встрѣчался я съ дѣвушками, очень любезными, милыми; посмотришь, иная по всему мнѣ пара: я охотникъ до музыки,—она большая музыкантша; я порядочный знатокъ въ живописи,—она отъ нея безъ памяти; я люблю словесность,—она знаетъ всѣхъ французскихъ поэтовъ и выписываетъ въ свой альбомъ цѣлыя страницы изъ Новой Элоизы; я страстенъ къ исторіи,—она читала Анахарсиса, Гибона и даже Боссюэта. Все это прекрасно, да вотъ что худо: начну говорить по-русски,—мнѣ отвѣчаютъ по-французски; заведу рѣчь о русскихъ художникахъ,—и на розовыхъ губкахъ появляется такая презрительная улыбка, что я съ досады готовъ сквозь землю провалиться. Нашихъ родныхъ писателей она знать не хочетъ, а объ Русской Исторіи и не заикайся,—какъ-разъ назоветъ Владиміра Мономаха святымъ, да и то потому только, что у папеньки ея Владиміръ на шеѣ. Одна умираетъ отъ нашего климата и вздыхаетъ объ Италіи; другая была уже въ Парижѣ, и все русское сдѣлалось для нея противнымъ; третья сбирается еще только въ Парижъ, а ужъ къ ней и приступу нѣтъ. Постой,—подумалъ я,—дай поищу русскую барышню въ провинціи. Чтожъ вы думаете?.. И тамъ то-же самое! Правда, случалось иногда, въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ познакомиться съ дѣвушкою, которой и наружность мнѣ понравится и обычай придетъ по-сердцу: съ ногъ до головы русская. Хвалитъ все свое, любитъ въ морозъ прокатиться на лихой тройкѣ, лѣтомъ въ горѣлки поиграть, объ Святкахъ золото хоронить, и не только не жалуетъ французовъ, а особливо Наполеона, но ругаетъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Чего же, кажется, недостаетъ? А вотъ чего: она, конечно, говоритъ со мною всегда по-русски; да это потому, что не знаетъ никакого другого языка; не просится въ Италію, да зато едва-ли и слыхала, что есть на свѣтѣ такая земля. Побесѣдуешь съ ней разъ, другой, а тамъ и скучно. О чемъ ни заговоришь, все невпопадъ: заведешь рѣчь объ изящныхъ художествахъ, она начнетъ посматривать то направо, то налѣво; перейдешь къ словесности, она и ротикъ разинетъ, да примется зѣвать,—очень мило - это правда, но вѣдь зѣвота вещь прилипчивая. Да и что это за барышня? Чѣмъ она отличается отъ своей горничной? Развѣ только тѣмъ, что носитъ декосовое, а не затрапезное платье? „Ахъ, Боже мой“,—думалъ я,— „чтожъ это за неуловимое существо такое русская барышня?.. Ужъ, полно, есть-ли на свѣтѣ русская барышня?.. Не миѳъ-ли это какой? Или ужъ правду говоритъ мой слуга Никифоръ: „У русскаго-де народа натура такая: немножко дай форсу, тотчасъ и зазнается“. Вотъ, напримѣръ, эта-же самая дѣвица, о которой была рѣчь, получи она какое-нибудь образованіе, выучись болтать по-французски, умѣй только кстати сказать: „кесексе, киселя“, такъ ужъ все русское будетъ ей нипочемъ. Ну, дѣлать нечего, видно пришлось сидѣть у моря и ждать погоды“.

Надобно вамъ сказать, что все это происходило лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Вотъ я жду-пожду, а время идетъ да идетъ. Я живу на своихъ Пресненскихъ прудахъ, хоть очень смирно, однакожъ не вовсе отшельникомъ: и у меня бываютъ люди, и я выѣзжаю въ свѣтъ; посматриваю, замѣчаю, прислушиваюсь: худо, очень худо, все по старому! Одна мода смѣняетъ другую, а эта проклятая мода парижанить да вторить во всемъ французамъ словно корни пустила въ Русскую землю. Но что всего досаднѣе, съ нѣкотораго времени стали мнѣ встрѣчаться русскія барыни съ умомъ, съ образованіемъ, а межъ тѣмъ чисто русскія; слѣдовательно, мой идеалъ русской барышни существуетъ, да мнѣ-то онъ какъ кладъ не дается, а время летитъ да летитъ. Вотъ, наконецъ, сталъ я замѣчать, что въ нашемъ хорошемъ обществѣ начинаютъ гораздо чаще прежняго похваливать и произве-

Digitized by Google

денія русскихъ художниковъ и стихи русскихъ поэтовъ. Ужъ нѣсколько разъ удавалось мнѣ слышать, что наши барыни и барышни разговариваютъ минутъ по пяти сряду на русскомъ языкѣ. Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ лежатъ уже на дамскихъ столикахъ рядышкомъ съ Ламартиномъ, Викторомъ Гюго и Казиміромъ Делавинь. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и въ нашей словесности стала проявляться необычайная дѣятельность: начали писать не только стихами, но и прозою; рабское подражаніе иностранцамъ, по крайней мѣрѣ, въ словесности, примѣтно ослабѣвало, стали появляться сочиненія совершенно русскія, народныя; любовь къ чтенію русскихъ книгъ быстро распространялась во всѣхъ классахъ общества; однимъ словомъ, все предвѣщало, что эта безусловная страсть ко всему иностранному, это второе татарское иго скоро будетъ сброшено. У меня были еще и другія примѣты, которыя очень поддерживали эту надежду. Однажды, кажется на какомъ-то гуляньѣ, осанистый русскій купецъ шелъ вмѣстѣ со своею дочкою, разодѣтою по послѣдней модѣ. Около нея увивался франтикъ съ козлиною бородкою, въ короткомъ сюртукѣ и бѣлой шляпѣ. Я вспомнилъ, что видалъ его въ рядахъ за прилавкомъ. Этотъ *левъ* суровской линіи изъяснялся съ купеческою дочкою на французскомъ діалектѣ и называлъ ее попеременно то мадемуазель, то Матреной Карповной; они начинали спорить, и Матрена Карповна отпустила нижеслѣдующую фразу: „Финисе, финисе, кель гонтъ!— Ужъ вы и этого не знаете, что это не клекъ, а бурнусъ... ахъ, ву!“ Я готовъ былъ прыгать отъ радости, а особливо, когда вскорѣ послѣ этого узналъ, что большая часть секретарскихъ и купеческихъ дочекъ не только говорятъ по-французски и толкуютъ о Парижѣ, но даже, потихоньку отъ своихъ стариковъ, безъ милосердія позорятъ матушку святую Русь. „Славно“,— говорилъ я, потирая руки,—„славно! Дѣло идетъ отлично хорошо! Видно, эта французская дурь выходитъ изъ моды, если начала уже пробираться въ нижніе слои нашего общества“. Вы можете представить послѣ этого, въ какой пришелъ я восторгъ, когда русскіе стихи и проза, обличающіе не только истинный талантъ, но даже совершенное познаніе языка, начали появляться въ печати за подписью дамъ, принадлежащихъ къ лучшему нашему обществу. Однажды, по-утру, думая объ этомъ, я сказалъ вслухъ:

— Ну, кажется, теперь пора,—теперь я найду для себя невѣсту.

— Что вы это, батюшка Богданъ Ильичъ, Богъ съ вами!—сказалъ мой Никифоръ, устанавливая противъ меня зеркало и бритвенный ящикъ.— Гдѣ ужъ намъ съ вами думать о невѣстахъ.

Я взглянулъ въ зеркало, и руки у меня опустились.

— Честь имѣю васъ поздравить, — прибавилъ этотъ злодѣй,—со днемъ вашего рожденья: вамъ сегодня ровно стукнуло...

— Знаю, братецъ, знаю! — прервалъ я съ досадою.

— Да извольте, сударь, бриться,—сказалъ, помолчавъ, Никифоръ:—вода простынетъ. Волосыто у васъ больно жестки стали... съ тѣхъ поръ, какъ у васъ борода посѣдѣла...

— Да отвяжись! — закричалъ я. — Ну, что ты присталъ. Я не хочу бриться!

Я, чтобъ доказать это, взялъ со стола басни Крылова, съ которыми никогда не разстаюсь.

— Впрочемъ,—продолжалъ я вполголоса, разгибая книгу,—полно, не лучше-ли, что я остался холостымъ? Всѣ эти женщины такія капризныя, своевольныя созданія.. такія...

Я готовъ былъ произнести ужаснѣйшую клевету, готовъ былъ назвать женщинъ кокетками, какъ вдругъ языкъ мой онѣмѣлъ. Представьте себѣ: книга раскрылась какъ будто-бы нарочно на извѣстной баснѣ „Лисица и Виноградъ“. Ну, ужъ если-бъ я меньше уважалъ и любилъ Ивана Андреевича Крылова, быть-бы этой книгѣ подъ столомъ.

Теперь вы знаете, любезные читатели, что я за человѣкъ, какого чина, какихъ лѣтъ, какая у меня наружность, почему я не женатъ и что дѣлалъ прежде; а что дѣлаю и чѣмъ занимаюсь теперь, вы также узнаете, если не полѣнитесь прочесть эту книжку.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА МОСКВУ.

„Но вотъ ужъ близко. Перед нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы“.

А. Пушкинъ.

У кого изъ насъ нѣтъ любимой, если не страсти, то, по крайней мѣрѣ, маленькой страстишки или слабости, которую мы лелѣемъ и тѣшимъ, какъ избалованное дитя? Одинъ любитъ похвастаться своимъ домомъ, по милости котораго у него все имѣнье въ закладѣ. Другой платитъ въ три-дорога за какую-нибудь золотую табакерку, величиною въ сундукъ, изъ которой онъ никогда не будетъ нюхать, но которая ему необходима, потому что у него цѣлая коллекція точно такихъ-же уродливыхъ и неуклюжихъ табакерокъ. Третій разоряется на рысакахъ, прославляющихъ его имя на бѣгу, а ѣздитъ самъ на клячахъ, которыя, по крайней мѣрѣ, выполняютъ свое лошадиное назначеніе, то-есть возятъ того, кто ихъ кормитъ. Четвертый щеголяетъ необыкновеннымъ покроемъ своихъ платьевъ, и готовъ нарядиться шутомъ для того только, чтобъ не походить на другихъ. Пятый любитъ ѣздить по гостямъ, съ утра до вечера таскается съ визитами, а такъ какъ въ Москвѣ иного визита нельзя сдѣлать безъ подставныхъ лошадей, то онъ убиваетъ послѣднюю копѣйку на то, чтобъ держать лишнюю четверню и каждый годъ мѣнять свой экипажъ. Шестой не ѣздитъ въ гости ни къ кому, но за то не пропуститъ ни одного публичнаго собранія, ни одного гулянья, ни одного народнаго сходбища и,—даже трудно повѣрить, однакожъ это правда, — ни однихъ похоронъ. Вы встрѣтите его вездѣ, гдѣ только есть люди, для чего бы они не собрались: веселиться или горевать—ему все равно. Этотъ жить не можетъ безъ театра; не то, чтобы онъ очень любилъ театръ, а потому что привыкъ къ своимъ абонированнымъ кресламъ, потому что можетъ сказать съ гордостію: „я сижу на нихъ пятнадцать лѣтъ сряду!“ Посадите его на другія, и онъ не станетъ узнавать актеровъ, не будетъ понимать, что они говорятъ, зачахнетъ, умретъ со скуки. Тотъ любитъ каждый день пріѣхать въ Англійскій или Дворянскій клубъ, походить по комнатамъ, посидѣть попеременно подлѣ каждаго карточнаго стола, посмотрѣть, какъ играютъ на билліардѣ, вздремнуть въ газетной комнатѣ за „Инвалидомъ“ и ѣхать въ первомъ часу домой съ усладительною надеждою, что завтраш-

Digitized by Google

ній день пройдетъ для него такъ же пріятно, какъ прошелъ этотъ настоящій, и какъ, вѣроятно, прошли и всѣ прочіе дни его дѣятельной и полезной для общества жизни. Я думаю, не трудно догадаться, что я говорю все это для того только, чтобъ приготовить читателей къ собственной моей исповѣди. Что грѣхъ таить, и у меня также есть господствующая слабость: я люблю... показывать Москву,—да еще съ какимъ кокетствомъ, съ какою снаровкою! О, въ этомъ умѣньѣ *показать товаръ лицомъ* я не уступлю не только самому бойкому гостинодворцу, но даже любой московской барынѣ, когда она въ первый разъ знакомитъ со свѣтомъ свою милую Зеничку, Катишь или Мими, которая была бы очень завидная невѣста, если-бъ у нея не было четырехъ сестеръ и пяти братьевъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я забочусь о томъ, чтобы показать Москву съ самой выгодной для нея стороны; какъ стараюсь соблюдать эту необходимую постепенность, посредствомъ которой возбуждается сначала вниманіе, потомъ любопытство, а тамъ удивленіе и, наконецъ, полный восторгъ. Конечно, все это стоитъ мнѣ большихъ хлопотъ; но за то какъ я бываю счастливъ, когда достигну моей цѣли, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою гордостью смотрю я на иноземца, пораженнаго красотою и величіемъ моей Москвы. Да, моей!.. Въ эту минуту мнѣ кажется, что Москва моя, что я самъ Москва, что онъ удивляется мнѣ! Вообще, я показываю Москву охотнѣе иностранцамъ, чѣмъ своимъ. Если свой пріѣхалъ изъ провинціи, а особливо изъ Казани или Одессы, то онъ не слишкомъ восхищается Москвою, во-первыхъ потому, чтобы не уронить своего собственнаго достоинства; а во-вторыхъ, потому, чтобы не выказать себя провинціаломъ, который всему удивляется. Если-же онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, то, разсудите сами, можетъ ли онъ любоваться Москвою? Конечно, Москва называется столицею, она многолюднѣе Новгорода, побольше Твери, покрасивѣе Торжка, а все-таки провинціальный городъ. Правда, есть много исключеній, не всѣ такъ думаютъ; но мнѣ какъ-то чаще удавалось встрѣчаться съ людьми, которые весьма легко поговариваютъ о нашей Бѣлокаменной и даже не вѣрятъ, что мы въ Москвѣ, ни дать, ни взять, какъ они въ Петербургѣ, пьемъ цѣльное шампанское вино, нюхаемъ неподдѣльный французскій табакъ и точно такъ же, какъ они, ѣдимъ прескверныя устрицы.

Въ прошедшій понедѣльникъ, рано по-утру, получилъ я отъ моего стариннаго пріятеля, живущаго въ Смоленскѣ, письмо; онъ рекомендуетъ мнѣ въ этомъ письмѣ одного путешественника, г-на Дюверніе, который ѣдетъ взглянуть на Москву. Тутъ же приложена была небольшая записка на французскомъ языкѣ отъ самого г-на Дюверніе. Онъ увѣдомлялъ меня, что вчерашняго числа поздно ночью, не доѣхавъ до Москвы, остановился въ Кунцевѣ у своего единоземца г-на Д***, который нанимаетъ тамъ дачу. Въ заключеніе своей записки онъ просилъ меня увѣдомить его, когда можетъ ко мнѣ пріѣхать. „Вотъ“,—подумалъ я,—„прекрасный случай пощеголять Москвою. Этотъ французъ пріѣхалъ ночью, не видѣлъ еще Москвы, слѣдовательно, увидитъ ее такъ, какъ я хочу. Да только вотъ бѣда: смоленскій-то въѣздъ больно плохъ: что за улица, какіе пустыри!.. Вида никакого, дома прескверные. Первое впечатлѣніе будетъ самое невыгодное, а для француза это все! Нѣтъ, ужъ такъ и быть, — лошади у меня добрыя, прокачу его порядкомъ“. Я отдалъ кой-какія приказанія моему Никифору, велѣлъ заложить коляску четверней въ рядъ и отправился.

Я засталъ г-на Дюверніе за утреннимъ туалетомъ; онъ очень извинялся, что позволилъ себя предупредить, и вообще показался мнѣ весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ. Я пригласилъ его къ себѣ на русскій столъ и предложилъ отправиться до обѣда вмѣстѣ со мною смотрѣть Москву. Когда мы выѣхали на смоленскую дорогу и стали приближаться къ заставѣ, я сказалъ ему: „Знаете-ли что? Теперь еще рано, утро прекрасное: чѣмъ намъ ѣхать прямо въ городъ, не лучше ли взглянуть на его окрестности? Здѣсь же пойдутъ мѣста гористыя, съ которыхъ весьма пріятный видъ на Москву“.

— Очень радъ!—отвѣчалъ французъ.—Я совершенно въ вашихъ приказаніяхъ.

— Ступай направо!—закричалъ я кучеру.

Мы свернули съ большой дороги, проѣхали шибкою рысью мимо *Скотнаго двора* *), переправились подлѣ мельницы черезъ рѣчку Сѣтунь, которая въ этомъ мѣстѣ впадаетъ въ Москву-рѣку, и стали подыматься въ гору. Сначала мы не видѣли ничего, кромѣ мелкаго кустарника и глинистыхъ бугровъ, посреди которыхъ прорѣзывалась довольно плохая дорога. Потомъ, когда поднялись на первыя возвышенности Воробьевыхъ горъ, налѣво стали обрисовываться, на самомъ краю горизонта, отдаленныя части города: ближайшихъ не было еще видно; но мой путешественникъ, какъ будто бы предчувствуя, что передъ нимъ готова открыться великолѣпная картина, не спускалъ глазъ съ лѣвой стороны нашей дороги. Мы въѣхали по узкой дорожкѣ въ мелкій, но частый лѣсъ. Вотъ онъ сталъ рѣдѣть, дорожка круто поворотила влѣво, мы выѣхали на открытое мѣсто, и третья часть Москвы, со всѣми своими колокольнями, церквами и каланчами, которыя такъ походятъ на турецкіе минареты, разостлалась, какъ нарисованная, подъ нашими ногами. Впереди всего подымался Новодѣвичій монастырь со своими круглыми башнями и высокою колокольнею; посреди необозримыхъ луговъ тихо струилась въ своихъ песчаныхъ берегахъ капризная Москва-рѣка: то приближалась къ подошвѣ Воробьевыхъ горъ, то отбѣгала прочь, то вдругъ исчезала за деревьями, которыя росли кой-гдѣ по скату холмовъ. Какъ въ волшебной операѣ мѣнялись поминутно декораціи этой обширной стѣны: при каждомъ поворотѣ дороги, про каждомъ изгибѣ горъ Москва принимала новый видъ.

— Это прелесть! Чудо! — кричалъ Дюверніе. — Я готовъ встать на колѣни передъ Москвою!

Я чуть было не вымолвилъ:

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ много! Мнѣ совѣстно!—Но опомнился и не сказалъ ничего.

— Впрочемъ, все это,—прибавилъ черезъ минуту путешественникъ,— вѣроятно одинъ оптическій обманъ.

Меня обдало холодомъ.

— Какъ?—вскричалъ я.

— Да! — продолжалъ Дюверніе.— Я былъ въ Константинополѣ: издали это великолѣпнѣйшій городъ въ мірѣ; а въѣзжайте въ него—скверныя улицы, безобразные дома, гадость, грязь...

— Да что же общаго, — спросилъ я, — между Константинополемъ и Москвою?

— Какъ что общаго? Да чтожъ такое ваша Москва? Сотни двѣ барскихъ огромныхъ домовъ, нѣсколько тысячъ деревянныхъ домиковъ; рядомъ съ дворцами хижины, множество церквей какой-то странной азіатской архитектуры; однимъ

*) Загородный домъ, принадлежащій Воспитательному дому.

Digitized by Google

словомъ, не городъ, а собраніе деревень – c'est connu!

— У васъ въ Парижѣ, вѣроятно, это знаютъ изъ путешествія Олеарія,—сказалъ я почти съ злобною улыбкою.

— Да развѣ Москва походитъ на европейскій городъ?—спросилъ съ удивленіемъ Дюверніе.

— И да, и нѣтъ. Да вотъ вы сами это увидите.

Я замолчалъ. Насъ быстро провезли мимо Васильевскаго, и я не обратилъ даже вниманія на то, что путешественникъ былъ пораженъ необычайною красотою этого загороднаго дома. Мнѣ кажется, я даже не отвѣчалъ на его вопросъ, кому принадлежитъ *этотъ замокъ* (ce château); однимъ словомъ, я просто сердился и молчалъ вплоть до Калужской заставы. Да и не удивительно: послѣ такой *личной* обиды не скоро успокоишься!

— Вотъ и Москва! — прошепталъ Дюверніе, когда опустился за нами шлагбаумъ.

— То-есть мы въѣхали въ одно изъ ея предмѣстій,— сказалъ я,—въ которомъ, какъ вы видите, нѣтъ еще настоящихъ городскихъ домовъ. Всѣ эти небольшіе домики съ обширными садами можно скорѣе назвать дачами, чѣмъ домами. Вотъ налѣво Нескучный садъ. Вамъ надобно побывать въ немъ: онъ очень живописенъ..

— Что это за монастырь? — спросилъ путешественникъ, взглянувъ направо.

— Это Донской монастырь. Онъ основанъ въ 1596 году въ память побѣды, одержанной Царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ надъ Крымскимъ ханомъ; слѣдовательно, существуетъ только двѣсти сорокъ шесть лѣтъ. У насъ въ Москвѣ есть монастыри несравненно древнѣе и любопытнѣе этого. Вотъ напримѣръ...

— Quel superbe Hôtel—прервалъ мой французъ.—Какія принадлежности! Какой дворъ!

— Это лѣтній дворецъ Русской Императрицы. Изъ его сада прекрасный видъ на Москву-рѣку.

— А это также дворецъ?—сказалъ Дюверніе, указывая на Голицынскую больницу.

— Нѣтъ, это больница..

— А это, что за великолѣпное зданіе? — спросилъ онъ черезъ полминуты.

— Больница.

— Ого!—прошепталъ французъ.—Извините,— сказалъ онъ помолчавъ нѣсколько времени,— я надоѣдаю вамъ моими вопросами.

— Сдѣлайте милость!

— Позвольте спросить, что это за огромный домъ?.

— Больница.

— Ну, вашимъ больнымъ жить хорошо!

— Я увѣренъ, что вы это повторите въ настоящемъ и буквальномъ смыслѣ, когда загляните во внутренность этихъ заведеній.

— Три больницы, похожія на дворцы, и всѣ три почти сряду!..—шепталъ путешественникъ.

— Есть недалеко отсюда и четвертая.

— Слѣдовательно, эта часть города исключительно назначена для человѣколюбивыхъ заведеній?

— О, нѣтъ, и въ другихъ частяхъ есть страннопріимные дома и больницы, ничѣмъ не хуже этихъ.

— Вотъ это прекрасно!—сказалъ Дюверніе.— Это признакъ истиннаго просвѣщенія, это дѣлаетъ честь Москвѣ!

Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали на Полянскую площадь. Я велѣлъ повернуть по Козьмодемьянской улицѣ, на Каменный мостъ. Такъ какъ эта часть города не изъ самыхъ красивыхъ, то я заговорилъ съ моимъ товарищемъ о Парижѣ. Французъ закипѣлъ, началъ мнѣ разсказывать *о своей столицѣ всего просвѣщеннаго міра*, и вовсе не замѣчалъ, гдѣ мы ѣдемъ Я оставилъ его въ этомъ восторженномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мы ѣхали до Каменнаго моста; тутъ я велѣлъ остановиться и сказалъ ему:

— Посмотрите направо!

Дюверніе поднялъ глаза и ахнулъ: передъ нимъ Москва-рѣка въ гранитныхъ берегахъ, съ широкою набережною, съ красивыми чугунными рѣшетками; за ней съ одной стороны громада каменныхъ зданій и длинный рядъ кремлевскихъ садовъ, съ другой, какъ цѣлый городъ, колоссальный Воспитательный домъ; за нимъ, уставленный каменными домами, красивый холмъ, который, впрочемъ, я не люблю называть по имени, а посреди зеленая гора, подпертая высокими стѣнами, опоясанная цѣпью башенъ и увѣнчанная святыми храмами, подъ благодатною сѣнію которыхъ возвышаются чертоги царскіе и древніе терема—эта священная колыбель всѣхъ Царей православной и могучей Россіи.

— O, que c'est beau!—вскричалъ Дюверніе — Это Кремль?

— Да! — отвѣчалъ я. — Это нашъ русскій Капитолій, нашъ Кремль, котораго не могли разрушить ни татары, ни поляки, ни...

— Ни французы?—сказалъ съ улыбкою путешественникъ.—Вы напрасно ихъ обвиняете.

— Однакожъ, въ двѣнадцатомъ году...

— Они хотѣли подорвать весь Кремль,—прервалъ Дюверніе.—Обвиняйте въ этой, не слишкомъ европейской, попыткѣ не французовъ, а того кто привелъ ихъ въ Москву. Мы взрываемъ крѣпости; но дворцы, историческіе памятники и стѣны, за которыми не спрячешься отъ ядеръ, мы ужъ, конечно, разрушать не станемъ.

— Сказалъ бы я тебѣ и на это кое-что,—подумалъ я, — да ты любуешься Кремлемъ, такъ Богъ съ тобой!

— Знаете ли,—продолжалъ французъ,—что это все такъ прекрасно, такъ живописно, что я, можетъ быть, предпочелъ бы Москву многимъ европейскимъ городамъ, еслибъ она была хотя нѣсколько многолюднѣе, а то мнѣ, кажется, извините, улицы ваши очень пусты.

— Злодѣй!—подумалъ я,—замѣтилъ, какъ замѣтилъ! Да постой же, я поподчую тебя народомъ! Держи правѣе, по набережной!—закричалъ я кучеру,—на Москворѣцкій мостъ!

Когда мы переѣхали черезъ этотъ красивый мостъ и стали подыматься вверхъ по Москворѣцкой улицѣ, Дюверніе замѣтилъ, что тутъ вовсе нѣтъ недостатка ни въ проходящихъ, ни въ проѣзжающихъ. Первый предметъ, который обратилъ на себя все его вниманіе, былъ Покровскій соборъ, который мы привыкли называть *Василіемъ Блаженнымъ*

— Что это?—вскричалъ онъ,—я въ жизнь мою ничего подобнаго не видѣлъ! Это ни на что не походитъ! Это такъ пестро, такъ тяжело... а чрезвычайно любопытно!

Онъ не успѣлъ еще наглядѣться на этотъ чудный памятникъ шестнадцатаго столѣтія, какъ мы выѣхали на Красную площадь и остановились подлѣ Лобнаго мѣста, противъ самой Ильинки, которая была вся запружена экипажами и народомъ.

— Вотъ,—сказалъ путешественникъ,—вотъ это жизнь, движеніе! И это бываетъ здѣсь каждый день?

— Разумѣется! Здѣсь средоточіе московской торговли. На Кузнецкомъ мосту экипажей несравненно больше, но зато менѣе народу.

Digitized by Google

— Какая странная противоположность! Здѣсь гдѣ движется народъ, вездѣ замѣтна дѣятельность, суета, а тамъ, гдѣ мы ѣхали...

— Да мы ѣхали Замоскворѣчьемъ: тамъ живетъ по большей части наши русскіе купцы, которые ведутъ жизнь тихую и сидячую; жены ихъ не любятъ шататься по улицамъ, и ворота у домовъ всегда заперты, вы можете даже по всему тотчасъ отличить купеческій домъ отъ дворянскаго. Притомъ же большая часть обывателей Замоскворѣчья съ утра до вечера здѣсь.

— А,—подхватилъ французъ, обративъ, наконецъ, вниманіе на ряды,—такъ это-то вашъ *базаръ? C'est immense!*

— Онъ, какъ видите, занимаетъ всю площадь. А колосальная группа, которая стоитъ противъ той его средины, изображаетъ спасителей Россіи въ 1612 году, князя Пожарскаго и гражданина Минина. Теперь, если хотите, мы поѣдемъ въ Кремль.

— Позвольте еще одинъ вопросъ: что значитъ это каменное круглое возвышеніе, похожее на огромную каѳедру?

— Это *Лобное мѣсто*, на которомъ въ старину...

— Рубили головы? — прервалъ съ живостью французъ.—Такъ точно!.. Вотъ здѣсь вводили на него преступниковъ... вотъ тамъ, вѣроятно, лежала роковая плаха... Да, да, непремѣнно тамъ!.. Посмотрите!... Замѣчаете ли вы на этихъ камняхъ слѣды кровавыхъ пятенъ?... О, я не забуду этого въ моихъ запискахъ!... Какая странная вещь наше воображеніе,—продолжалъ Дюверніе, не давая мнѣ вымолвить ни слова;—одинъ взглядъ на историческій памятникъ,—и минувшіе вѣка возстаютъ изъ своего праха; времена варварства, пытокъ и казней, все оживаетъ передъ вами. Повѣрите ли, мнѣ кажется, я вижу на этомъ отвратительномъ эшафотѣ цѣлыя груды отрубленныхъ головъ, обезображенные трупы...

— Да успокойтесь,—сказалъ я,—на этомъ Лобномъ мѣстѣ никого не казнили; съ него объявляли только царскіе указы и совершали молебствія.

Мой французъ успокоился, и когда мы подъѣхали къ Спасскимъ воротамъ, онъ спросилъ меня:

— Почему всѣ входятъ въ эти ворота съ непокрытою головою?

— Быть можетъ, оттого, что тутъ чудотворный образъ,—отвѣчалъ я,—или, если вѣрить народному преданію, это дѣлается потому, что князь Пожарскій, освободивъ Москву, вошелъ Спасскими воротами въ Кремль.

— Я всегда уважалъ народные обычаи,—сказалъ Дюверніе,—и весьма охотно снимаю вмѣстѣ съ вами мою шляпу.

Мы въѣхали въ Кремль; вышли изъ коляски; обошли кругомъ всѣ соборы, поглядѣли на Ивана Великаго, подивилась царь-колоколу, который, по волѣ нынѣ царствующаго Императора, явился, наконецъ, на свѣтъ Божій; взглянули на огромную пушку, и молча прошли мимо тѣхъ самыхъ пушекъ, которыя нѣкогда громили всю Европу, а теперь лежатъ себѣ преспокойно на деревянныхъ подмосткахъ и не обижаютъ никого. Не знаю, догадался ли мой французъ, что эти пушки ему сродни, только онъ что-то очень на нихъ косился; однакожъ не спросилъ меня, почему онѣ, сердечныя, выставлены на показъ цѣлому міру и лежатъ безъ всякаго пріюта. Когда мы пересмотрѣли все: арсеналъ, сенатъ, терема, Николаевскій дворецъ, монастыри Чудовъ и Вознесенскій, Грановитую и Оружейную палаты, то подошли къ самой закраинѣ кремлевской горы. Дюверніе взглянулъ и обомлѣлъ отъ восторга. Я не буду описывать этотъ неизъяснимо-плѣнительный видъ съ кремлевской горы на все Замоскворѣчье. Кто изъ москвичей не бывалъ въ Кремлѣ? А кто вовсе не знакомъ съ Москвою, тотъ, право, можетъ въ нее пріѣхать для того только, чтобъ полюбоваться хоть разъ въ жизни этою очаровательною панорамою... Когда мы сѣли въ коляску, и я приказалъ кучеру ѣхать Троицкими воротами на Моховую, Дюверніе объявилъ мнѣ, что онъ безъ ума отъ нашего Кремля.

— Да вы видѣли его въ будничномъ нарядѣ,—сказалъ я,—теперь въ немъ все мертво и тихо. Нѣтъ, вы посмотрѣли бы его при Русскомъ Царѣ! О, вы не можете себѣ представить, какъ прекрасенъ этотъ Кремль, когда Державный его Хозяинъ посѣтитъ свою Москву! Эта дворцовая площадь, на которой теперь такъ пусто, покроется и закипитъ вся народомъ, изъ котораго многіе ночевали на этой площади, для того только, чтобъ занять повыгоднѣе мѣсто и взглянуть лишній разъ на своего Государя. Вы посмотрѣли бы на Кремль тогда, какъ загудитъ нашъ большой колоколъ, и Русскій Царь, охваченный со всѣхъ сторонъ волнами безчисленной толпы народа, пойдетъ черезъ всю площадь совершать молебствіе въ Успенскомъ соборѣ.

— Какъ?—прервалъ Дюверніе. — Да неужели вашъ Государь идетъ по этой площади, пѣшкомъ, при такомъ стеченіи народа?..

— Да, да, пѣшкомъ: и даже подчасъ ему бываетъ очень тѣсно.

— Что вы говорите!.. Но, вѣроятно, полиція?..

— Гдѣ Государь, тамъ нѣтъ полиціи.

— Помилуйте! Да какъ же это можно?.. Идти посреди безпорядочной толпы народа одному безъ всякой стражи..

— Я вижу, господа французы, — сказалъ я, взглянувъ почти съ состраданіемъ на путешественника,—вы никогда насъ не поймете. Нашему Царю стража не нужна: его стража весь народъ русскій.

— Удивительно! — прошепталъ Дюверніе.—Ну, надобно признаться, я вижу и слышу здѣсь такія неожиданныя для меня вещи, такія странности...

— Какихъ вы не видите и не слышите въ Парижѣ? Да такъ и быть должно: вѣдь и всѣ путешествуютъ для того, чтобъ слышать и видѣть что-нибудь новое.

Мой путешественникъ согласился съ неоспоримой истиной этого заключенія и замолчалъ. Мы отправились по Моховой къ Охотному ряду. Я показалъ моему товарищу крытую площадь, которую мы называемъ манежемъ, нашъ великолѣпный Университетъ, Благородное собраніе, въ которомъ залъ едва ли не одинъ изъ лучшихъ по всей Европѣ, и Большой театръ, въ которомъ парижская опера можетъ помѣститься какъ въ самомъ просторномъ футлярѣ, потому что нашъ московскій театръ цѣлымъ аршиномъ шире знаменитаго Сенъ-Карла. Потомъ мы выѣхали на Никольскую площадь и повернули Кузнецкимъ мостомъ на Тверскую. Мимоѣздомъ Дюверніе любовался также нашими водометами, которые, украшая площади кругомъ Кремля, поятъ всю Москву такою чистою и здоровою водою. Когда, проѣхавъ всю Тверскую до Страстного монастыря, мы повернули по бульвару къ Никитскимъ воротамъ, Дюверніе удостовѣрился самою очевидностью, что въ Москвѣ гораздо болѣе огромныхъ барскихъ домовъ, чѣмъ онъ думалъ, и что во многихъ и весьма обширныхъ ея частяхъ не только нѣтъ *жилыхъ*, но даже *ни одного* деревяннаго дома. А когда мы проѣхали всю Поварскую, то онъ согласился со мною, что наши оштукатуренные или просто выкрашенные деревянные дома, построенные по всѣмъ правиламъ изящной архи-

Digitized by Google

тектуры, несравненно красивѣе этихъ шести-этажныхъ полукирпичныхъ и полудеревянныхъ избъ, которыми наполнена вся Германія.

Я пріѣхалъ съ моимъ гостемъ домой, совершенно довольный нашею прогулкою; но настоящее и полное торжество ожидало меня за обѣдомъ, за которымъ Дюверніе объявилъ мнѣ торжественно, что русская янтарная уха изъ свѣжихъ стерлядей и жирныхъ налимовъ вкуснѣе всѣхъ возможныхъ суповъ, даже и французскихъ, а Москва прекраснѣе, живописнѣе и разнообразнѣе всѣхъ извѣстныхъ ему городовъ, разумѣется, исключая Парижа, съ которымъ, несмотря на его грязныя улицы, ни что въ мірѣ сравниться не можетъ.

III.

СЦЕНЫ ИЗЪ ДОМАШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

СЦЕНА 1-Я.

ВЫБОРЪ ЖЕНИХА.

„Суженаго и конемъ не объѣдешь".

Русская пословица.

У меня есть въ Москвѣ внучатная сестрица, богатая вдова лѣтъ пятидесяти, женщина довольно добрая, довольно честная и даже, по своему, не глупая; но, какъ бы вамъ это сказать,— не отсталая—избави Господи: она два раза была заграницею и ѣздила по желѣзной дорогѣ,—а такая обыкновенная, такая дюжинная, благовоспитанная барыня, что, право, иногда пожалѣешь о томъ, что она не вовсе безграмотная; мнѣ кажется, тогда было бы съ ней не такъ скучно. Двухъ старшихъ дочерей своихъ она выдала очень неудачно замужъ. Одну за французскаго графа, который впослѣдствіи оказался не графомъ; другую обвѣнчала съ русскимъ княземъ, котораго за буйство и картежную игру отправили жить въ какой-то отдаленный городокъ, гдѣ онъ и теперь находится подъ судомъ, за то, что прибилъ уѣзднаго стряпчаго или станового пристава, —право, не помню. Третья и послѣдняя дочь была еще не замужемъ; а такъ какъ покойный отецъ оставилъ на ея долю шестьсотъ душъ, да маменька хотѣла укрѣпить ей все имѣніе, то, разумѣется, и она не могла долго засидѣться въ дѣвкахъ. Я не часто бываю у этой внучатной сестрицы, не потому, чтобъ я ее чуждался — о, нѣтъ! Она очень ко мнѣ ласкова, зоветъ братцемъ, присылаетъ каждый разъ своего стараго слугу Антропа поздравить меня съ именинами и со днемъ рожденья, а въ Новый годъ, въ Рождество и въ Свѣтлый праздникъ форейтора съ визитной карточкой, на которой напечатано мелкимъ шрифтомъ: „Маргарита Степановна Баташева, урожденная княжна Горенская, съ дочерью". Если я вижусь съ ней очень рѣдко, то на это есть весьма уважительная причина, которая также принадлежитъ къ числу особенностей нашей Москвы. Я живу за Прѣсненскими прудами, а она въ Яузской части, въ приходѣ Николы Кобыльскаго, т.-е. мы живемъ другъ отъ друга, по-крайней мѣрѣ, въ восьми верстахъ, слѣдовательно, всякій разъ, когда я бываю у Маргариты Степановны, бѣдныя мои лошади должны пробѣжать по бойкой мостовой шестнадцать верстъ, а у меня на конюшнѣ никогда не бываетъ болѣе четырехъ лошадей, такъ я ихъ берегу.

Собственный домъ, въ которомъ живетъ моя сестрица, можетъ назваться *типомъ* или, по крайней мѣрѣ, образцомъ большей части деревянныхъ домовъ тѣхъ московскихъ зажиточныхъ дворянъ, которые не принялись еще отдѣлывать домъ свои *во вкусѣ среднихъ вѣковъ*, т.-е. пристроивать къ нимъ готическіе балконы, въ видѣ огромныхъ фонарей и колоссальныхъ перечницъ, а живутъ точно также, какъ жили лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Деревянный домъ моей родственницы построенъ на двѣнадцати саженяхъ, оштукатуренъ и снаружи и внутри, съ большимъ мезонинномъ, на фронтонѣ котораго какъ жаръ горитъ вытиснутый на латуни гербъ дворянъ Баташевыхъ подъ княжескою короною, напоминающею сіятельное происхожденіе прежде бывшей княжны Горенской. Весь домъ окрашенъ въ блѣдно-палевый цвѣтъ, исключая различныхъ *орнаментовъ*, которые покрыты бѣлою краской. Передъ домомъ обширный дворъ съ двумя воротами, изъ которыхъ одни всегда заперты; на воротахъ неизбѣжные алебастровые львы. Позади дома садъ на трехъ десятинахъ, съ порядочнымъ прудомъ и красивой бесѣдкой. Домъ расположенъ очень покойно: парадныя сѣни, не всегда чистыя—это правда, но просторныя и свѣтлыя, лакейская, всегда запачканная, но теплая и помѣстительная. Потомъ ежедневная столовая, одинаковаго цвѣта съ наружностію дома; изъ нея налѣво довольно большая зала, съ колоннами подъ мраморъ и даже съ хорами для музыкантовъ, которые, впрочемъ, должны играть непремѣнно сидя. Стѣны залы приготовлены также подъ фальшивый мраморъ и, вѣроятно, будутъ скоро отдѣланы, потому что стоятъ въ этомъ видѣ лѣтъ около двадцати. Прямо изъ столовой парадные покои, то-есть двѣ большія гостиныя комнаты и такой же величины диванная. Первая гостиная свѣтло-бирюзовая, вторая голубая; во всѣхъ простѣнкахъ, какъ слѣдуетъ, зеркала, подстольники съ бронзовыми часами и фарфоровыми вазами, шелковыя занавѣски надъ окнами, бумажныя люстры подъ бронзу, кой-гдѣ по стѣнамъ фамильные портреты; мебель въ одной гостиной изъ корельской березы, въ другой изъ краснаго дерева въ греческомъ вкусѣ, слѣдовательно не новая, но весьма опрятная и всегда въ чехлахъ, которые едва-ли когда-нибудь и снимаются; полы во всѣхъ парадныхъ комнатахъ паркетные. Войдя въ диванную, вы тотчасъ замѣтите, что послѣднее путешествіе Маргариты Степановны заграницу принесло свои плоды: эта диванная отдѣлана и убрана почти во вкусѣ нашего времени: стѣны оклеены малиновыми насыпными обоями подъ рытый бархатъ; по обѣимъ сторонамъ дивана трельяжъ, то-есть деревянныя рѣшеточки, обвитыя плющемъ, двѣ горки, а ла помпадуръ, уставленныя фарфоровыми чашками; между ними нѣсколько китайскихъ болванчиковъ, и въ томъ числѣ преважный мандаринъ, который качаетъ головою, моргаетъ глазами и дразнится языкомъ. Два готическіе стула изъ орѣховаго дерева съ высокими спинками, три столика „рококо" съ кривыми ножками, широкія эластическія кресла, трое другихъ креселъ различной величины и формы. На одномъ изъ столовъ бронзовый карсель; а въ углу, витой жгутомъ, изъ краснаго дерева столбъ, который, загибаясь вверху крючкомъ, поддерживаетъ висячій фонарь съ расписными стеклами. За этой диванной внутреннія комнаты, дѣвичья и широкій корридоръ съ довольно крутой лѣстницей, ведущей въ мезонинъ, въ которомъ живетъ Змѣ-сирѣчь Любовь Дмитріевна, меньшая дочь Маргариты Степановны, дѣвица лѣтъ осьмнадцати, очень миловидная, ловкая, развязная и воспи-

Digitized by Google

танная какъ нельзя лучше, по крайней мѣрѣ, какъ говоритъ ея маменька, которая увѣряетъ, что ничего не жалѣла для ея умственнаго и душевнаго образованія; что нянюшкой у нея была нѣмка, гувернанткой француженка, а компаньонкой англичанка, которая и теперь еще живетъ вмѣстѣ съ нею; что она, то-есть Эме, брала уроки у всѣхъ лучшихъ московскихъ учителей, большая музыкантша, поетъ какъ ангелъ, рисуетъ какъ художникъ, понимаетъ по-нѣмецки, можетъ вести рѣчь по-англійски, а по-французски говоритъ и лучше и свободнѣе, чѣмъ природнымъ своимъ языкомъ. Сверхъ того, сколько мнѣ извѣстно, ей случалось иногда сочинять французскіе стишки, которые если не вполнѣ изобличали истинный талантъ, то, по крайней мѣрѣ, всегда ручались за то, что ихъ сочинительница одарена весьма чувствительнымъ сердцемъ и необычайно пламенной головой. Учитель французскаго языка, большой франтъ и любезникъ, обыкновенно при этихъ случаяхъ называлъ ее, очень вѣжливо, русскою Сафо, чему добрая маменька отъ всей души радовалась.

Вчера я получилъ отъ Маргариты Степановны записку, въ которой она убѣдительно проситъ меня заѣхать къ ней послѣ обѣда, поговорить объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ. Я отправился изъ дому часу въ седьмомъ и ровно черезъ часъ коляска моя въѣхала къ ней во дворъ, гдѣ уже стояло нѣсколько экипажей. Я нашелъ мою внучатную сестрицу въ диванной, въ кругу близкихъ ея родныхъ. Тутъ былъ ея двоюродный братъ, князь Иванъ Юрьевичъ Бубликовъ, племянникъ ея покойнаго мужа, Андрей Евстафьевичъ Барашевъ, родная ея сестра, дѣвица лѣтъ сорока пяти, княжна Агафоклея Горенская, вдова ея покойнаго двоюроднаго брата, Настасья Никитишна Черново-Сусальская и тетушка Маремьяна Сергѣевна Булыжникова. Все общество сидѣло вокругъ стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Сама хозяйка разливала чай; ей помогала англичанка, а Любовь Дмитріевна стояла подлѣ окна и разговаривала со своимъ внучатнымъ братомъ, гусарскимъ поручикомъ, Александромъ Васильевичемъ Зоринымъ, большимъ повѣсою, но весьма красивымъ молодцомъ съ черными усиками и огненными глазами. Когда я раскланялся съ мужчинами, пожалъ, какъ слѣдуетъ человѣку фешенебельному, руки у дамъ, кивнулъ головою Зорину и поцѣловалъ ручку у почтенной тетушки Маремьяны Сергѣевны, хозяйка налила мнѣ чаю и я присѣлъ къ общему столу. Разговоръ какъ-то не клеился. Князь Иванъ Бубликовъ игралъ кисточками своей камышевой трости, смотрѣлъ на ея золотой набалдашникъ, на которомъ вырѣзанъ былъ его княжескій гербъ, и молчалъ. Андрей Евстафьевичъ Барашевъ прихлебывалъ съ отдыхами и разстановкою чай, надувалъ весьма значительно губы, или съ большимъ глубокомысліемъ подымалъ кверху свои густыя брови и молчалъ. Княжна Горенская, которая сидѣла подлѣ Настасьи Никитишны Черново-Сусальской, разсказывала ей что-то вполголоса объ очаровательныхъ окрестностяхъ Карлсбада; но Настасья Никитишна, казалось, слушала ее однимъ только ухомъ, вертѣлась и туда и сюда на креслахъ, поправляла свой чепецъ и отъ времени до времени подносила къ носу хрустальный флаконъ со спиртомъ. Тетушка Маремьяна Сергѣевна была погружена въ глубокую задумчивость, безпрестанно открывала свою круглую золотую табакерочку съ рульнымъ табакомъ, шевелила въ ней пальцами, поминутно нюхала и забывала даже стряхать табачную пыль со своей черной тюлевой косынки. Хозяйка говорила не болѣе другихъ; замѣтно было, что она дожидается чего-то съ большимъ нетерпѣніемъ и очень торопится напоить всѣхъ чаемъ. Любовь Дмитріевна показалась мнѣ также необычайно смущенною: она то краснѣла, то блѣднѣла, играла разсѣянно своимъ флеровымъ эшарпомъ и смотрѣла все внизъ. Одинъ только гусаръ Зоринъ говорилъ безпрестанно и повидимому съ большимъ жаромъ; но онъ говорилъ съ одною Любовью Дмитріевной и такъ тихо, что нельзя было разобрать ни одного слова.

— Эме́,—сказала Маргарита Степановна, когда всѣ напились чаю,—ты-бы, мой другъ, пошла погулять съ Александромъ по саду, вечеръ прекрасный. Миссъ Мери,—продолжала она, обращаясь къ англичанкѣ—ступай и ты съ ними; да возьми, ма шеръ, съ собою провѣтрить Амишку: она цѣлый день не выходила во дворъ.

Зоринъ подалъ руку своей кузинѣ, англичанка взяла подъ плечо болонку и они вышли изъ диванной. Маргарита Степанова приказала слугѣ унести чайный приборъ, поправила на себѣ шаль, усѣлась покойнѣе на диванѣ, вынула изъ ридикюля батистовый платокъ и начала рѣчь слѣдующимъ образомъ... Да нѣтъ, когда разговариваютъ многіе, тогда разсказъ рѣшительно не у мѣста. Всѣ эти пояснительныя рѣчи: „такой-то сказалъ, такая-то отвѣчала, тотъ возразилъ, тотъ прервалъ, та подхватила"—только что сбиваютъ и путаютъ читателя, итакъ, позвольте мнѣ прибѣгнуть къ обыкновенной драматической формѣ. Это будетъ и яснѣе, и проще.

Маргарита Степановна. Я просила васъ къ себѣ, почтеннѣйшая моя тетушка, и всѣхъ васъ, мои родные, чтобъ поговорить съ вами о нашей Эме́... Вы всѣ ее любите... Да какъ и не любить этого ангела!.. Когда я подумаю, что мнѣ должно будетъ разстаться съ нею... *(Маргарита Степановна прикладываетъ къ глазамъ свой батистовый платокъ и плачетъ; тетушка нюхаетъ табакъ; княжна Горенская вздыхаетъ; князь Бубликовъ устремляетъ взоръ на золотой набалдашникъ своей трости, а Барашевъ становится мрачнѣе и глубокомысленнѣе прежняго.—Минутное молчаніе).*

Черново-Сусальская *(вполголоса)*. Ахъ, невѣстушка, не говорите!... У кого есть свои дочери...

Маргарита Степановна *(укладывая въ ридикюль свой батистовый платокъ, который, вѣроятно, ей былъ нуженъ только для вступленія)*. Да, мои родные, пришло время разставаться съ дочерью... Чтожъ дѣлать,—добрая мать не должна быть эгоисткою... Вамъ извѣстно, какъ несчастливо я выдала замужъ первыхъ моихъ дочерей?

Тетушка. А ктожъ виноватъ, мать моя?...

Маргарита Степановна. Знаю, тетушка, знаю! Вы мнѣ говорили, что этотъ французскій графъ походитъ на французскаго парикмахера, а этотъ князь на дневного разбойника. Чтожъ дѣлать—ослѣпленье!.. Для того-то я теперь и не хочу приступать ни къ чему безъ вашего общаго совѣта, тѣмъ болѣе, что есть изъ кого выбрать.

Тетушка. Вотъ что!...

Маргарита Степановна *(съ принятою гордостью)*. Да, ма тантъ, благодаря Бога, у моей Эмеши много партій; она на этотъ счетъ очень счастлива.

Черново-Сусальская *(съ язвительною улыбкою)*. Въ самомъ дѣлѣ?

Маргарита Степановна. Да вотъ братецъ князь Иванъ Юрьевичъ, онъ предлагаетъ жениха для нашей Эме́...

Тетушка. А кто такой, матушка?

Digitized by Google

Князь Бубликовъ *(приподнявшись немного съ кресель)*. Пріятель мой, графъ Троекуровъ, знатной фамиліи, съ блестящимъ родствомъ, свой человѣкъ князю Свѣтлинскому, двоюродный братъ графинѣ Наливайко-Перхушковой и, если не ошибаюсь, внучатный племянникъ его свѣтлости...

Тетушка. Да самъ-то онъ что такое, батюшка?

Князь Бубликовъ. Самъ?... Да я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что онъ графъ Троекуровъ.

Тетушка. Графовъ и князей много, мой отецъ; какого рангу?...

Князь Бубликовъ *(пожимая плечами)*. Ну, если вамъ угодно: онъ былъ камергеромъ, теперь въ отставкѣ; но если только захочетъ служить...

Тетушка. Графъ Троекуровъ... отставной камергеръ... Постой-ка, батюшка... Да не тотъ ли это Троекуровъ, у котораго домъ на Остоженкѣ съ какими-то стеклянными фонарями, да вычурными балкончиками?

Князь Бубликовъ. Тотъ самый.

Тетушка. Ну, сударь, хорошъ женишокъ!... Мотъ, пустодомъ, чванишка!... Платитъ французу повару пять тысячъ жалованья, а нечѣмъ заплатить пятисотъ рублей мяснику! .. Вотъ ужъ, батюшка, пустой-то человѣкъ!... Съ утра до вечера бьетъ баклуши, шатается по всѣмъ мѣняльнымъ лавкамъ, скупаетъ у всѣхъ разные антики, мозаики, рѣзные камешки, да всякую другую дихую болѣсть, а тамъ начнетъ ихъ мѣнять съ придачею; да вотъ и домѣнялся до того, что ему скоро перекусить нечего будетъ.

Князь Бубликовъ *(съ достоинствомъ)*. Извините, Маремьяна Сергѣевна, вы изволите ошибаться: у графа Троекурова и теперь еще двѣ тысячи душъ.

Тетушка. И-ихъ, батюшка, промѣняетъ на табакерки, да на всякія другія рѣдкости; а какъ примется заводить картинную галлерею, такъ и женино-то имѣнье по боку!... А все, вѣдь, изъ любви къ художеству. Вотъ изволите видѣть—знатокъ, батюшка!... Въ Римѣ былъ, папу видѣлъ, дуракъ этакій!

Княжна Горенская. Вы, ма тантъ, слишкомъ ужъ строго судите графа! Я познакомилась съ нимъ въ Карлсбадѣ, и, увѣряю васъ, онъ очень любезный и милый человѣкъ.

Черново-Сусальская. Я, по крайней мѣрѣ, ничего дурного о немъ не слышала, и если онъ понравится Эмé...

Барашевъ *(покачиваясь въ своихъ креслахъ)*. Ну, это нѣсколько трудно: Эмé восемнадцать лѣтъ, а ему подъ пятьдесятъ...

Черново-Сусальская. Такъ чтожъ? — Развѣ мужъ и жена должны быть ровесники?

Маргарита Степановна. О, нѣтъ,—разница въ годахъ должна быть!—Разумѣется, какой-нибудь мальчишка... вотъ, напримѣръ, Александръ,—ну, конечно, какой это мужъ!

Княжна Горенская. О, я знаю мужчинъ не только за сорокъ лѣтъ, но даже за пятьдесятъ, которые такъ милы!...

Черново-Сусальская. По мнѣ мужъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, вдвое старѣе своей жены.

Тетушка *(постукивая двумя пальцами по своей табакеркѣ)*. Право?... Такъ ты-бы, мать моя, выдала за этого графа свою Зеничку!

Черново-Сусальская *(вспыхнувъ)*. Позвольте, Маремьяна Сергѣевна, попросить васъ, не мѣшать тутъ мою Зеничку!

Тетушка. Не гнѣвайся, матушка,—я, вѣдь, это съ твоихъ же словъ сказала.

Черново-Сусальская. „Я право, не знаю, что вамъ сдѣлала моя Зеничка, только у васъ, Маремьяна Сергѣевна, всегда на языкѣ Зеничка да Зеничка!

Маргарита Степановна. И, ма шеръ, какъ вы живы!... Ма тантъ сказала это безъ всякаго намѣренія... Вотъ любезный мой родной Андрей Астафьевичъ предлагаетъ также жениха для нашей Эмé, котораго вы, Настасья Никитишна, коротко знаете: онъ у васъ часто бываетъ.

Черново-Сусальская *(съ примѣтнымъ безпокойствомъ)*. У меня?.. Кто-жъ бы это такой. Я, право, не знаю.

Барашевъ. Иванъ Андреевичъ Пеньковъ.

Черново-Сусальская *(вздохнувъ свободно)* А!... *(Нюхаетъ изъ флакончика)*.

Княжна Горенская. Это тотъ самый мосье Пеньковъ, что прошлаго года былъ въ Парижѣ?... Премилый!

Князь Бубликовъ. Пеньковъ! *(Пожимаетъ плечами)*.

Барашевъ. Человѣкъ замѣчательный, съ небольшимъ тридцать лѣтъ, хорошее состояніе, просвѣщеніе европейское. Недюжинный человѣкъ, недюжинный!

Князь Бубликовъ. Пеньковъ!!!

Черново-Сусальская. О, конечно, конечно! Прекрасный молодой человѣкъ!

Князь Бубликовъ. Въ первый разъ слышу!.. Пеньковъ!.. Какая странная фамилія!

Барашевъ *(поглядѣвъ съ презрѣніемъ на князя Бубликова)*. Ничуть не страннѣе всякой другой; и что такое фамилія?.. Мы всѣ происходимъ отъ Адама. Впрочемъ, Пеньковы были князья. Потрудитесь заглянуть въ бархатную книгу.

Тетушка. Пеньковъ!.. Я гдѣ-то слыхала объ этой фамиліи... Ахъ, батюшки, — да это не тотъ-ли Пеньковъ, что третьяго дня обѣдалъ у тебя, племянница, вмѣстѣ со мною?

Маргарита Степановна. Да, тетушка.

Тетушка. Какъ?.. Этотъ мохнатый съ длинными волосами, отъ котораго за версту пахнетъ табачищемъ? Который прошлаго мѣсяца разъѣзжалъ на всѣхъ гуляньяхъ вотъ съ этакою бородою?..

Барашевъ. Да, онъ ходилъ прежде съ бородою, но теперь...

Тетушка. А теперь припустилъ себѣ къ носу двѣ піявки, да воображаетъ, что у него усы!.. И ты, племянница, хочешь за него отдать Любушку?

Маргарита Степановна. Нѣтъ, матантъ, я только еще объ этомъ совѣтуюсь.

Тетушка. Да чего тутъ совѣтоваться! Какъ взглянешь, такъ пострѣлъ!.. Нѣтъ, мать моя, выдавай за него, если хочешь, дочь, только ужъ я отъ него ворота на запоръ! Я этихъ фрачныхъ бородачей да усачей до смерти боюсь. Чего добраго, онъ, пожалуй, заберется ко мнѣ въ образную, да на лампадѣ сигару свою закуритъ!

Княжна Горенская. Ахъ, тетушка, да еслибъ вы были въ Карлсбадѣ, то тамъ почти всѣ съ бородами,—это мода.

Тетушка. Что мнѣ твой Карлсбадъ!... Я, матушка, живу въ Москвѣ, а не въ Карлсбадѣ—.. Мода!.. Хороша мода... Ужъ по мнѣ бы лучше совсѣмъ одѣлись въ армяки, а то на что это походитъ: кафтанъ барскій, а рожа кучерская! Нѣтъ, племянница, воля твоя: что это за женихъ Любушкѣ.

Князь Бубликовъ *(шопотомъ)*. Пеньковъ!!!

Барашевъ. Да позвольте, тетушка, мы не должны останавливаться на одной наружности...

Digitized by Google

Тетушка. А внутренность-то, отецъ мой, одному Богу извѣстна. По мнѣ тотъ, кто отпустилъ себѣ бороду или оттянулъ аршинные усы— или неряха, или буянъ, или пустая голова, который готовъ нарядиться паяцомъ для того только, чтобъ всѣ добрые люди на него пальцами указывали.

Маргарита Степановна. Успокойтесь, тетушка, мнѣ и самой онъ не очень нравится! Я хотѣла только, чтобъ всѣмъ роднымъ было извѣстно, какія предлагаютъ партіи моей дочери, а теперь скажу вамъ, кто еще сватается за нашу Эмé. Ну, этотъ женихъ, я думаю, вамъ больше понравится.

Черново-Сусальская (*съ любопытствомъ*). А кто-же это такой, невѣстушка?

Маргарита Степановна. Ѳедоръ Николаевичъ Журковъ.

Черново-Сусальская (*съ необычайною живостью*). Кто-съ? . Журковъ, Ѳедоръ Николаевичъ?

Тетушка. Вотъ, матушка, человѣкъ порядочный, съ разсудкомъ, богатъ, смотритъ въ генералы—хорошій человѣкъ!

Князь Бубликовъ. Позвольте,—да онъ, кажется, изъ даточныхъ?

Тетушка. И, что ты, князь! Да я съ его бабушкой была знакома, и батюшку то его знала—природный дворянинъ.

Барашевъ. Рожденье что такое—это случай; но образованіе, цивилизація—вотъ это дѣло другое. А мнѣ кажется, что этотъ господинъ Журковъ...

Тетушка. Ну да, человѣкъ неученый, это правда. Охъ, да ученые-то мнѣ ужъ надоѣли!

Черново-Сусальская (*которая во все это время нюхала спиртъ*). Позвольте-же васъ спросить, невѣстушка: Ѳедоръ Николаевичъ вамъ сдѣлалъ предложенье?

Маргарита Степановна. Нѣтъ еще, ма шеръ; но мнѣ сказывали люди...

Черново-Сусальская. Вѣрные-то люди иногда врутъ вздоръ, невѣстушка.

Маргарита Степановна. Какъ вздоръ? Да почему-жъ вы это думаете?

Черново-Сусальская. Да такъ! Эти вѣрные-то люди безпрестанно всѣхъ женятъ, я поглядишь—никто не женатъ.

Маргарита Степановна. Что вы этимъ хотите сказать?

Черново-Сусальская. Ничего! Только мнѣ кажется, вы ошибаетесь, невѣстушка!.. Ну, можетъ быть, онъ такъ, безъ всякаго намѣренія, сказалъ лишнее слово съ вашей Любовью Дмитріевной, а вы ужъ тотчасъ...

Маргарита Степановна Тотчасъ?.. Что такое тотчасъ?.. Нѣтъ, Настасья Никитишна, извините,—я никого не ловлю; я не вожу Эмé каждый вторникъ въ собранье! Она у меня не смѣетъ никого интриговать подъ маскою...

Черново-Сусальская. Ахъ, Боже мой, да это уже личности!..

Тетушка. Что за личности, матушка? О твоей Зеничкѣ и рѣчи нѣтъ.

Черново-Сусальская. Опять Зеничка!.. Да оставьте насъ въ покоѣ, Маремьяна Сергѣевна. Извините, невѣстушка, мнѣ некогда!.. Право, я вамъ совѣтую не слишкомъ вѣрить всему, что говорятъ. И то, и другое говорятъ, а глядишь, выйдутъ все сплетни. Прощайте!

Маргарита Степановна. Прощайте, Настасья Никитишна! Я васъ не смѣю удерживать: вы сегодня въ какомъ-то странномъ расположеніи... (*Провожаетъ Черново-Сусальскую до гостиной. Барашевъ и князь Бубликовъ встаютъ*). А вы, мои родные, куда?

Князь Бубликовъ. Меня дожидаются въ Англійскомъ клубѣ. (*Вполголоса*). Я завтра заѣду къ вамъ часу въ восьмомъ послѣ обѣда (*откланивается и уходитъ*).

Барашевъ. У меня сегодня ужинаетъ одинъ вояжеръ-французъ, членъ оппозиціи, весьма замѣчательный человѣкъ. Въ десять часовъ я долженъ быть непремѣнно дома. (*Тихо хозяйкѣ*). Я завтра заверну къ вамъ въ одиннадцать часовъ утра. (*Кланяется и уходитъ*).

Маргарита Степановна Что это сдѣлалось съ Настасьей Никитишной?

Тетушка. И, мать моя, да неужели ты не видишь, что она прочитъ за Ѳедора Николаевича свою Зеничку? Ужъ она два мѣсяца какъ его ловитъ. На томъ стоитъ, матушка!.. Четырехъ дочерей выдала этакъ замужъ. Вотъ старшую-то дочь, Феничку, какъ она обвѣнчала съ этимъ простофилею Иваномъ Ивановичемъ Ваклашкинымъ? Сидитъ онъ однажды съ глазу на глазокъ съ Феничкой, вдругъ Феничкѣ дурно,—а маменька и тутъ!— „Что такое? — „Предложеніе, дескать, сдѣлалъ?“ А онъ, голубчикъ, и не думалъ!. Откуда ни взялись родные, братья.—„Честь имѣемъ поздравить!“ Образъ со стѣны— благословляй!— Не дали дураку опомниться. Ну, а тамъ, извѣстное дѣло,—нельзя-жъ благородную дѣвицу компрометировать: хоть въ петлю полѣзай, да женись!... Э, да что и говорить, — она весь вѣкъ этимъ промышляла!.. Однакожъ, племянница, прощай,—пора домой!

Маргарита Степановна. Ну что, тетушка, какъ же вы рѣшили?

Тетушка. Да что, матушка, коли Ѳедоръ Николаевичъ сдѣлалъ предложеніе, такъ съ Богомъ! Да я завтра буду у тебя обѣдать, такъ мы еще объ этомъ договоримъ. Прощай, мой другъ! Прощай, Агашенька! (*Идетъ вонъ изъ комнаты. Маргарита Степановна и княжна Горенская провожаютъ ее до передней*).

Когда хозяйка и сестра ея воротились въ диванную, я сталъ съ ними прощаться.

— Останьтесь, братецъ, — сказала Маргарита Степановна; — отужинайте съ нами... Да чтожъ это Эмé такъ загулялась по саду? Эй, дѣвка, ступай въ садъ, проси къ намъ Любовь Дмитріевну и Александра Васильевича: „Сыро, дескать, пожалуйте домой!“... Что это братецъ,—продолжала она, обращаясь ко мнѣ, — мы межъ собой по родственному говорили, разсуждали, а вы хоть бы словечко вымолвили!

— Да чтожъ мнѣ было говорить!—отвѣчалъ я.—Дѣло другое, еслибъ я зналъ этихъ господъ, о которыхъ шла рѣчь.

— А вы ихъ не знаете?

— Въ первый разъ отъ роду имена ихъ слышалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну одинъ-жъ, все-таки, какъ вы думаете?

— Я, право, ничего не могу вамъ сказать.

— Неправда ли, что Ѳедоръ Николаевичъ Журковъ всѣхъ выгоднѣе?..

— Это должны рѣшить вы, а не я.

— О, нѣтъ, я ужъ напугана; я не намѣрена ничего брать на себя: какъ хотятъ родные! Конечно, Ѳедоръ Николаевичъ такой женихъ, какого лучше и желать нельзя...

— Но если онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ вовсе необразованный?..

— У него полторы тысячи душъ, братецъ.

— Это очень хорошо, не спорю..

— И ни одной заложенной души въ опекунскомъ совѣтѣ,— я ужъ справлялась.

— И это не дурно; но, если позволите мнѣ сказать...

Digitized by Google

ничего о дешевизнѣ; разумѣется, въ Англіи не повезутъ васъ въ спокойной и просторной каретѣ отъ Дувра до Эдинбурга за семьдесятъ пять рублей, но это совершенно ничего: цѣна есть вещь относительная и условная; благодаря Бога, у насъ деньги не сдѣлались еще самымъ дешевымъ товаромъ, слѣдовательно, и цѣны на все должны быть ниже. Теперь въ Москвѣ считаютъ шесть заведеній, изъ которыхъ одни отправляютъ дилижансы въ Петербургъ каждый день, а другія три раза въ недѣлю. Сверхъ того, одно, которое отправляетъ дилижансы въ Петербургъ и Ригу; одно въ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ; одно во Владиміръ и Нижній-Новгородъ, и недавно учрежденныя при московскомъ почтамтѣ почтовыя кареты и брики, которыя поспѣваютъ въ Петербургъ въ двое сутокъ съ половиною. Всѣ эти заведенія процвѣтаютъ или, по крайней мѣрѣ, вовсе не въ убытокъ своимъ основателямъ, потому что экипажи примѣтнымъ образомъ улучшаются и дѣлаются съ каждымъ годомъ удобнѣе и спокойнѣе для путешественниковъ.

Николай Степановичъ Соликамскій, съ которымъ въ предыдущей главѣ я познакомилъ моихъ читателей, заѣхалъ ко мнѣ вчера, часовъ въ восемь утра, объявить, что онъ отправляется по своимъ дѣламъ на нѣсколько дней въ Петербургъ.

— Когда ты ѣдешь?—спросилъ я.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Соликамскій.—Я взялъ мѣсто въ дилижансѣ, который выѣзжаетъ въ девять часовъ.

— Такъ я тебя провожу, а, межъ тѣмъ, посмотрю хоть одно изъ этихъ заведеній. Я думаю, они всѣ очень похожи одно на другое?

— Да, конечно. Я перебывалъ во всѣхъ конторахъ: разницы большой нѣтъ. Однако жъ, если хочешь, такъ поѣдемъ, пора! У меня пролетка широкая, усядемся оба.

Мы отправились и минутъ черезъ десять остановились на Тверской у подъѣзда лучшей московской гостиницы. Войдя въ сѣни и повернувъ налѣво мимо великолѣпной лѣстницы, мы очутились въ просторной комнатѣ, не щеголевато убранной, однако жъ довольно опрятной. Въ ней сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ въ дорожныхъ платьяхъ. Въ одномъ углу прикидывали на вѣсахъ чемоданы, шкатулки, погребцы и разныя другія дорожныя укладки; въ другомъ сидѣлъ за прилавкомъ конторщикъ и писалъ что-то въ толстой шнуровой книгѣ. Соликамскій, узнавъ, что дилижансы отправляются не прежде получаса, пошелъ въ столовую позавтракать, а я остался въ комнатѣ пассажировъ.

Когда я бываю съ людьми, совершенно мнѣ незнакомыми, то очень люблю отгадывать по ихъ физіономіи, платью, рѣчамъ и ухваткамъ, къ какому разряду общества они принадлежатъ, какого характера и что въ эту минуту ихъ занимаетъ. Разумѣется, я часто ошибаюсь, но иногда отгадываю довольно вѣрно. Нѣкоторые изъ дорожныхъ стояли подлѣ вѣсовъ и наблюдали за конторскимъ служителемъ, который извѣшивалъ ихъ поклажи; другіе сидѣли на диванѣ и креслахъ, обитыхъ не слишкомъ красивымъ ситцемъ. Ближе всѣхъ были ко мнѣ двое отъѣзжающихъ, изъ которыхъ одинъ весьма толстый пожилой купецъ съ окладистою бородою, а другой дѣтина молодой, съ усиками, но безъ бороды, въ нанковой сибиркѣ и красной шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ. Толстый купецъ считалъ что-то по пальцамъ, отъ времени до времени поглаживалъ правою рукою свою густую бороду и бормоталъ себѣ подъ носъ: „Отправлено фамильнаго два мѣста, да цвѣточнаго три цибика, итого въ остаткѣ... да, такъ точно"!..

Мнѣ не трудно было отгадать, что этотъ толстый купецъ торгуетъ въ овощномъ ряду, и предпочтительно чаемъ, что онъ человѣкъ богатый потому что бѣдный торговецъ не сталъ бы такъ важно и съ такимъ самодовольнымъ видомъ поглаживать свою бороду, и, наконецъ, что онъ разсчитываетъ въ эту минуту барыши, которыя должна ему принести поѣздка въ Петербургъ. Вотъ онъ шепнулъ что-то своему сосѣду и тотъ бросился опрометью вонъ изъ комнаты; изъ этого я заключилъ, что молодецъ въ нанковой сибиркѣ его сидѣлецъ, и что толстый купецъ характера крутого, взыскательнаго и любитъ, чтобъ его приказанія исполнялись безъ малѣйшаго отлагательства Тутъ я обратилъ вниманіе на другого дорожнаго, который сидѣлъ поодаль отъ всѣхъ, развалясь весьма небрежно въ креслахъ. На немъ былъ долгополый косматый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, а на шеѣ слабо завязанный пестрый шелковый платочекъ. При первомъ взглядѣ на его рыжеватую козлиную бородку и длинные виски, въ родѣ кудрявыхъ песиковъ, я принялъ его за польскаго жида; но тотчасъ же увидѣлъ свою ошибку: на немъ не было ермолки, а всѣмъ извѣстно, что польскій жидъ не разстанется ни за что съ этою скуфьею, которая отличаетъ его отъ всѣхъ иновѣрцевъ. „Такъ точно,—подумалъ я,—„это какой-нибудь щеголекъ изъ панскаго ряда, которому раскольникъ-отецъ не дозволяетъ обрить бороды, но который, однако жъ, желаетъ, хотя издалека, идти за вѣкомъ, то-есть носить жилетку, галстукъ и, вмѣсто русскаго кафтана, долгополый сюртукъ." Въ то время, какъ я дѣлалъ эти наблюденія и внутренно радовался моей проницательности, гостинодворецъ съ рыжею бородою подошелъ къ конторщику и спросилъ его,—представьте мое удивленіе!—по-французски, самымъ чистымъ парижскимъ нарѣчіемъ, во сколько сутокъ дилижансы поспѣваютъ въ Петербургъ?—„Ахъ, батюшки,—подумалъ я,—принять парижанина, быть-можетъ, какого-нибудь маркиза, сначала за жида, а тамъ за купеческаго сынка изъ панскаго ряда!.. Ай да отгадчикъ!.." Межъ тѣмъ, французъ продолжалъ толковать съ конторщикомъ, который на всѣ его вопросы отвѣчалъ, пошатывая головою: „Не понимаю, батюшка, не понимаю: я по-нѣмецки не говорю!" Мнѣ стало жаль француза, который началъ уже отъ нетерпѣнія топать ногою и произносить не вовсе приличныя восклицанія. Я подошелъ къ прилавку и предложилъ ему мои услуги; но едва успѣлъ перевести отвѣтъ конторщика, какъ вдругъ подошелъ къ намъ какой-то баринъ въ плисовыхъ сапогахъ, шелковомъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ; онъ держалъ въ одной рукѣ кожаный картузъ, а въ другой шитый серебромъ сафьянный кисетъ и пѣнковую трубку съ волосянымъ чубукомъ и янтарнымъ наконечникомъ Этотъ господинъ казался очень встревоженнымъ

— Позвольте узнать,—сказалъ онъ,—кто здѣсь старшій?

— А что вамъ угодно?—спросилъ конторщикъ

— Я, батюшка, пассажиръ, надворный совѣтникъ Щипковъ.

Конторщикъ поклонился.

— Позвольте вамъ сказать,—продолжалъ г-нъ Щипковъ,—что это такое: съ меня требуютъ за мою поклажу почти половину того, что я заплатилъ за мѣсто въ дилижансѣ!

— Кто жъ виноватъ, сударь, если у васъ такъ много поклажи?

— Да помилуйте! Все вещи нужныя, необходимыя, безъ которыхъ въ дорогу не ѣздятъ.

Конторщикъ подошелъ къ вѣсамъ.

Digitized by Google

— Эта все ваша поклажа? — сказалъ онъ.— Ну, сударь, да съ вами цѣлый возъ всякаго хламу!.. Что у васъ въ этомъ кулькѣ?.. Помилуйте!.. Окорокъ ветчины, коровай хлѣба!.. Ахъ, батюшки, полголовы сахару!..

— Я, сударь, всегда по дорогамъ пью мой собственный чай.

— Да, вѣдь, это выйдетъ вамъ дороже, сударь.

— Покорнѣйше васъ благодарю! Я знаю, какъ деруть съ проѣзжихъ по большимъ дорогамъ!

— А эта киса чѣмъ набита?.. Позвольте, что въ этой жестянкѣ?.. Ой, ой, ой!.. Да ее насилу подымешь!

— Въ ней, батюшка, костромской табакъ: я другого не нюхаю.

— А это что?.. Колодка... сапожныя щетки... четыре пары сапоговъ... Ну вотъ, зачѣмъ вы это съ собой берете?

— Какъ, батюшка, зачѣмъ? Да что мнѣ въ Петербургѣ-то босикомъ что ль ходить?

— Ну, воля ваша, — только вы за все заплатите вѣсовыя деньги!

— Какъ за все? Да развѣ у васъ въ положеніи не сказано, что всякій пассажиръ можетъ взять съ собою...

— Двадцать фунтовъ поклажи... да, сударь; а тутъ слишкомъ четыре пуда.

— Такъ чтожъ прикажете мнѣ дѣлать?

— Не хотите платить, такъ оставьте все лишнее здѣсь.

— Покорнѣйше благодарю!... Нѣтъ, ужъ я лучше заплачу.

— Какъ вамъ угодно.

— Ахъ ты Боже мой!—продолжалъ баринъ, вынувъ изъ-за пазухи довольно туго набитый бумажникъ и расплачиваясь съ конторщикомъ.— Прошу покорно,—тридцать рублей за одну поклажу!.. .Ну, вотъ, скажите, пожалуйста!... А еще говорятъ—дешево ѣздить въ дилижансахъ!

— Батюшка баринъ,—сказалъ вполголоса слуга этого господина, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ небритою бородою, въ фризовой шинели, подвязанной какою-то мочалкою,—да ужъ прикажите хоть колодку-то оставить; право, она не стоитъ того, что за провозъ заплатите!

— Дуракъ!... А на чемъ ты станешь въ Петербургѣ-то сапоги чистить?

— Мы тамъ, батюшка, купимъ другую ногу.

— А на что мнѣ двѣ ноги?

— Да, вѣдь одна-то придется намъ даромъ, сударь.

— Вотъ еще, стану я на пустяки деньги тратить!... Пошелъ, дуракъ, укладывайся! Да постой, и я съ тобою пойду: надобно уложить такъ, чтобы все было подъ руками.

Баринъ и слуга вышли изъ комнаты, а я сѣлъ возлѣ двухъ дамъ, подлѣ которыхъ стояла съ узломъ въ рукахъ довольно смазливая служаночка. Одна изъ этихъ дамъ казалась женщиною пожилою, другой было на видъ лѣтъ около двадцати. онѣ разговаривали между собою вполголоса. По *смѣшенію французскаго языка съ нижегородскимъ*, мнѣ не трудно было отгадать, что я имѣю честь сидѣть подлѣ русскихъ барынь.

— Какъ скучно! — говорила молодая. — Nous sommes venus trop tot, maman.

— Non, ma chère, мы пріѣхали какъ должно.

— Такъ чего-жъ мы дожидаемся?...

— Чего дожидаемся?.. Порядокъ хорошъ!... Да это всегда у насъ: заведутъ на иностранный манеръ, расхвалятъ, распишутъ, а тамъ посмотришь—гадость!...

— Я думаю, что давно уже десять часовъ, maman?

— А что на твоихъ часахъ—voyez, ma chère?

— Да они стоятъ.

— Опять не завела? Ахъ, Sophie, somme c'est ridicule!...—Всякій разъ!

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ начать разговоръ съ моими сосѣдками,—вынулъ часы, посмотрѣлъ и сказалъ:

— Вамъ угодно узнать который часъ? Безъ десяти минутъ девять.

— Mersi, monsieur—прошептала маменька.— А я думала, что гораздо позднѣе.

— Вы изволите ѣхать въ Петербургъ...

— Да-съ, теперь въ Петербургъ...

— А оттуда à l'étranger,—прервала съ живостію дочка,—на пироскапѣ.

— Позвольте спросить, вы московскія жительницы?...

— О, нѣтъ!—проговорила маменька съ такою обидною улыбкою, что меня зло взяло.

— Такъ вы,—продолжалъ я послѣ минутнаго молчанія,—проѣздомъ въ Москвѣ?

— Да, мы хотѣли здѣсь пробыть одинѣ только сутки и вмѣсто этого должны были прожить цѣлыхъ двѣ недѣли.

— Ну что, понравилась ли вамъ Москва?

— Помилуйте, да чтожъ въ ней хорошаго? Большой городъ, въ которомъ умираютъ отъ скуки, и больше ничего.

— А какой театръ!—прибавила дочка.—Dieu, comme c'est mauvais!

— Это ужъ слишкомъ немилостиво,—сказалъ я.—Впрочемъ, вѣроятно вы имѣете полное право быть взыскательными, и если вы были заграницею...

— Ахъ, нѣтъ еще!—промолвила со вздохомъ маменька.—Но я надѣюсь, что нынѣшнимъ лѣтомъ мы увидимъ чужіе края.

— Такъ, конечно, вы бывали въ Петербургѣ и, сравнивая тамошній театръ съ здѣшнимъ...

— Je vous demande pardon, monsieur!—подхватила дочка.—Мы съ маменькой никогда не были въ Петербургѣ.

— Такъ позвольте же васъ спросить, откуда вы изволите ѣхать?

— Изъ Костромы.

Къ счастію, я держалъ мой платокъ въ рукѣ и успѣлъ имъ закрыться.

— Здравствуй, Богданъ Ильичъ!—сказалъ кто-то подлѣ меня густымъ басомъ; я обернулся и увидѣлъ передъ собою моего стараго сослуживца, Андрея Даниловича Ерусланова, съ которымъ мнѣ должно познакомить короче моихъ читателей.

Андрей Даниловичъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, плечистый, здоровый и краснощекій. Онъ можетъ по всей справедливости назваться, и въ моральномъ и въ физическомъ смыслѣ, самымъ чистымъ, безъ всякой примѣси, русскимъ человѣкомъ. Русская безпечность и русскій толкъ; радушіе и удальство, по временамъ необыкновенная дѣятельность и подчасъ неопредолимая лѣнь; однимъ словомъ, вы найдете въ немъ все то, въ чемъ упрекаютъ и за что хвалятъ русскій народъ. Несмотря на то, что многіе называютъ его старовѣромъ, невѣждою, отсталымъ, онъ человѣкъ образованный, много читалъ, много видѣлъ; но вообще небольшой обожатель запада и любитъ Русь, какъ любили ее въ старину наши предки, то-есть не только съ пристрастіемъ, но даже съ ослѣпленіемъ, которое иногда, надобно сказать правду, выходитъ изо всѣхъ границъ.

— Здравствуй, Андрей Даниловичъ!—сказалъ я.—Ты также отправляешься въ дилижансѣ?

— Въ дилижансѣ?.. Что ты, братецъ, перекрестись! Я зашелъ проститься съ Соликамскимъ.

Digitized by Google

Поѣду я въ дилижансѣ! Вотъ нашелъ человѣка!

— А почему же не поѣдешь? Еслибъ мнѣ нужно было прокатиться въ Петербургъ, я непремѣнно бы поѣхалъ въ дилижансѣ.

— Поѣхалъ! Да кто тебѣ сказалъ, что ты ѣдешь въ дилижансѣ? Нѣтъ, не ѣдешь: тебя везутъ голубчикъ! Напихаютъ васъ въ этотъ курятникъ, какъ тюки съ товарами, да и потащутъ!...

— А тебѣ бы все скакать сломя голову.

— Да, воля твоя, Богданъ Ильичъ, не люблю я этой аккуратной нѣмецкой ѣзды. Ну какая въ ней поэзія?... Тоска, братецъ! Вѣдь наша Русь не то, что чужіе края: тамъ живутъ тѣсно; проѣхалъ версту—село; проѣхалъ двѣ—пригородье: а верстахъ въ десяти въ трехъ городахъ побываешь. Въ одномъ государствѣ позавтракаешь, а въ другомъ придется отобѣдать. Нѣтъ, братъ, Русская земля не то: и широко, и просторно, и гладко, такъ что ты себѣ хоть шаромъ покати. Поѣзжай-ка у насъ въ дальнюю дорогу въ какомъ-нибудь рыдванѣ, нѣмецкою трухою,—съ ума сойдешь: все то-же, да то-же въ глазахъ. Ну то-ли дѣло нашъ родимый экипажъ? И безпокойно да весело. Заляжешь въ просторную телѣгу, завернешься въ шинель, да и покатывай! Эхъ, какъ вспомнишь, братецъ, случится иногда попасть на удалого ямщика,—ахъ Ты, Господи!... Коренная рвется изъ оглобель, пристяжныя визжатъ,—ну вотъ такъ и грызутъ землю!... Бравый ямщикъ встряхнетъ кудрями, шапку на бекрень, присѣлъ кой-какъ бочкомъ, прибралъ возжи, гаркнулъ—и свѣта Божьяго не взвидишь! Только что по кочкамъ попрыгиваешь, да любуешься русскою удалью. Кати, лихая тройка!... Захлебывайся, валдайскій колокольчикъ!... Летите мимо, поля, лѣса и перелѣски!... Любо да и только! Вотъ засинѣлся вдали черный боръ... глядь, а ты ужъ въ немъ... Вотъ порой проглянетъ деревенька, мелькнетъ въ сторонѣ боярская усадьба.—ау!... поминай какъ звали!... Ну, словно вихремъ несетъ тебя на край свѣта, словно крылья тебѣ подвязали, и ты мчишься туда, гдѣ небо сходится съ землею!... Вотъ это, братецъ, ѣзда!... Не успѣешь оглянуться, а станція и тутъ! Хлѣбнулъ чайку, впрягли и пошелъ опять по всѣмъ по тремъ!

— А бока то что, Андрей Данилычъ?

— Бока... Эхъ, братецъ, не русскій ты человѣкъ!... Эка важность, отобьетъ тебѣ бока, ну что за бѣда?... Пріѣхалъ домой, сходилъ въ баню, и какъ съ гуся вода!...

— Пожалуйте садиться!—проговорилъ громкимъ голосомъ кондукторъ, растворивъ обѣ половинки дверей.

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и стали понемногу выбираться изъ комнаты; я вышелъ также вмѣстѣ съ другими на крыльцо. Въ нѣсколько минутъ оба дилижанса наполнились пассажирами: но Соликамскаго между ними не было. Я поспѣшилъ воротиться назадъ и нашелъ въ столовой комнатѣ,—вы думаете за завтракомъ? Нѣтъ, передъ нимъ стояли двѣ котлеты и порція бифстекса; но онъ еще до нихъ не дотрогивался, а спорилъ съ какимъ то ученымъ мужемъ, который, сколько я могъ понять, сомнѣвался въ подлинности извѣстнаго Евангелія, писаннаго дьякономъ Григоріемъ, въ началѣ второй половины одиннадцатаго столѣтія. Я засталъ этотъ ученый диспутъ въ самомъ его разгарѣ, и, надобно сказать правду, не случись меня въ ту пору, пришлось бы Соликамскому гнаться за своимъ мѣстомъ и чемоданомъ до первой станціи. Когда я почти насильно вытащилъ его изъ столовой, дилижансы уже отправились, и мы съ трудомъ догнали ихъ у Петровской заставы, да и то потому только, что тутъ обыкновенно всѣ проѣзжающіе останавливаются на нѣсколько минутъ, чтобъ прописаться въ караульной и запастись на всю дорогу московскими калачами и сайками.

VI.

ДВА МОСКОВСКИХЪ БАЛА ВЪ 1801 ГОДУ

...„Я провожу, говоритъ, время съ крайнимъ удовольствіемъ; барышень говоритъ, много, музыка играетъ штандартъ скачетъ".

Гоголь.

Во второй главѣ этихъ записокъ я намекнулъ мимоходомъ о ложномъ понятіи, которое многіе изъ петербургскихъ жителей имѣютъ о Москвѣ Москва, по мнѣнію ихъ, конечно, большой городъ, но городъ рѣшительно провинціальный, въ которомъ вы должны непремѣнно подвергаться разнымъ лишеніямъ, весьма чувствительнымъ для человѣка, привыкшаго ко всѣмъ удобствамъ и роскоши петербургской жизни. Да это бы еще ничего, — пускай бы ужъ они думали, что въ Москвѣ, точно такъ же, какъ и въ Новгородѣ или въ Архангельскѣ, все порядочное должно выписывать прямо изъ Петербурга; но эти господа полагаютъ даже, что большая часть жителей Москвы, и средняго и высшаго класса, имѣетъ на себѣ *какой-то особый отпечатокъ*, что почти всѣ москвичи сплошь Фамусовы, Репетиловы, Молчалины и Загорѣцкіе *). Я долженъ однакожъ сказать, что этотъ образъ мыслей принадлежитъ почти исключительно только тѣмъ, которые никогда не бывали въ Москвѣ, и весьма рѣдко встрѣчается у людей, живущихъ въ лучшемъ обществѣ: но за то ступайте къ какому-нибудь петербургскому старожилу, который всю жизнь свою не видалъ ничего выше Пулковской горы и живописнѣе Парголова, у котораго свой домъ на Пескахъ, въ Коломнѣ или у Таврическаго и который, нанимая каждое лѣто избенку на Петербургской или Выборгской сторонѣ, съ тридцатью квадратными саженями болота и пятью тощими березками, воображаетъ, что живетъ на дачѣ; заговорите съ нимъ о Москвѣ, и вы увидите, что онъ въ грошъ ее не ставитъ, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ появилась на сценѣ комедія Грибоѣдова Какъ будто бы есть въ цѣломъ мірѣ такой городъ, въ которомъ не нашлось бы дюжины двѣ комическихъ лицъ, и какъ будто бы эти лица должны быть непремѣнно представителями и образчиками цѣлаго общества! Конечно, Москва во многомъ не походитъ на Петербургъ, но это вовсе не оправдываетъ мнѣнія тѣхъ, которые воображаютъ, что она отстала отъ него цѣлымъ столѣтіемъ. Разумѣется, Москва, какъ и всякій большой городъ, имѣетъ свою собственную физіономію: въ ней еще сохранились кой-какія преданія старины, нѣкоторые общественные и религіозные обычаи, неизвѣстные въ нашей сѣверной столицѣ. Вы встрѣтите въ ней оригиналовъ, которыхъ, можетъ быть, не увидите въ Петербургѣ. Тамъ попадется иногда на Тверскомъ бульварѣ отчаянный франтъ въ такомъ фантастическомъ нарядѣ, что вы невольно остановитесь. Вѣроятно, вы не увидите также на Невскомъ проспектѣ какого-нибудь барина въ урод-

*) Дѣйствующія лица комедіи „Горе отъ ума".

Digitized by Google

ливомъ картузѣ собственнаго изобрѣтенія или въ пальто, похожемъ на широкую юбку съ рукавами, или въ шляпѣ величиною съ открытый зонтикъ. Въ Петербургѣ даже и въ крещенскіе морозы всѣ ходятъ въ обыкновенныхъ круглыхъ шляпахъ, а въ Москвѣ зимою носятъ бобровые баскеты, эриванки и круглыя шапки съ кистями, похожія на греческія фески. Конечно, это нѣсколько напоминаетъ Азію, да за то головѣ тепло, и уши не зябнутъ. Чтожъ дѣлать, мы, москвичи, народъ смирный, по большей части отставные, живемъ на покоѣ,—такъ гдѣ намъ воевать съ морозомъ. Теперь я спрошу всякаго: неужели эти мелкія и ничтожныя особенности что-нибудь значатъ? Неужели Москва не можетъ быть такимъ же просвѣщеннымъ городомъ, какъ и Петербургъ, потому только, что въ ней побольше пестроты и разнообразія? Повѣрьте, не только Москва, но и провинціи наши вовсе не походятъ на то, чѣмъ онѣ были лѣтъ сорокъ тому назадъ. Тогда—о, тогда, конечно, московское общество отдѣлялось рѣзкими чертами отъ петербургскаго; но это время прошло и, вѣроятно, ужъ не воротится. Я давно живу на свѣтѣ, такъ помню эту старину. Я не забылъ еще того времени, когда существовало въ Москвѣ старое поколѣніе коренныхъ русскихъ бояръ, когда графъ Ш***, графъ Р***, князь Д***, графъ О***, графъ С*** и нѣкоторые другіе были по праву представителями московской аристократіи. Всѣ эти магнаты жили съ необычайной роскошью; но эта роскошь была совершенно азіатская. Огромные дома, по большей части убранные безъ всякаго вкуса, безчисленное множество слугъ, крѣпостные театры, доморощенные танцовщицы, домашніе оркестры, ежедневные обѣды, богатые не качествомъ, а количествомъ блюдъ, и балы, на которые съѣзжалась вся Москва Многіе изъ петербургскихъ жителей думаютъ, что этотъ образъ жизни, но только въ уменьшенномъ размѣрѣ, и, слѣдовательно, лишенный даже своего восточнаго характера, и теперь еще не въ диковинку у насъ въ Москвѣ. Я могу увѣрить ихъ, что они рѣшительно ошибаются и, чтобъ дать понятіе,—не имъ, а моимъ согражданамъ,—до какой степени въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ измѣнились нравы и обычаи нашей Москвы, разскажу, что видѣлъ нѣкогда собственными моими глазами, хотя увѣренъ заранѣе, что этотъ разсказъ примутъ многіе за вымыселъ и только развѣ самые довѣрчивые скажутъ, покачивая головами:

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ".

Я воспитывался въ Петербургѣ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и зналъ Москву по одной только наслышкѣ. Когда я былъ выпущенъ офицеромъ, дальній мой родственникъ, генералъ Д***, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты. Онъ ввелъ меня въ лучшій кругъ петербургскаго общества. Я былъ хорошъ собою, ловокъ, танцовалъ прекрасно и болталъ очень мило по-французски. Благодаря этимъ блестящимъ качествамъ, я сдѣлался въ короткое время самымъ моднымъ молодымъ человѣкомъ. Въ числѣ искреннихъ моихъ пріятелей былъ одинъ природный москвичъ, Иванъ Андреевичъ Двинскій. Отправляясь передъ Рождествомъ на свою родину, онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, провести въ Москвѣ святки и посмотрѣть, какъ погуливаютъ тамъ наши старики.

— Эхъ, братецъ,—говорилъ онъ,—вы здѣсь не знаете, что такое веселье. Погляди-ка, любезный, какъ тѣшутся у насъ въ Москвѣ. По два, по три бала въ вечеръ, домашніе театры, обѣды, катанья; у Медокса въ маскарадѣ биткомъ набито, въ благородномъ собраніи давка; однимъ словомъ, такая гульба, братецъ, что когда придетъ великій постъ, такъ всѣ въ растяжку лежатъ. Ну, конечно, ты не найдешь у насъ такого утонченія, такихъ парижскихъ формъ, такого приличія, какими щеголяютъ здѣсь. Можетъ быть, кой-что покажется тебѣ и страннымъ, да за то, любезный другъ, мы въ Москвѣ и живемъ, и веселимся, и гуляемъ—все на распашку!

Увлеченный краснорѣчіемъ моего пріятеля, я взялъ отпускъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Мы пріѣхали на четвертыя сутки довольно поздно вечеромъ и остановились у родной тетки Двинскаго, Марьи Степановны Заозерской, которая жила въ своихъ наслѣдственныхъ деревянныхъ хоромахъ на Чистыхъ прудахъ. Я не знаю, что больше меня поразило, наружная-ли форма этого дома, построеннаго въ два этажа какимъ-то узкимъ, но чрезвычайно длиннымъ ящикомъ, или огромный дворъ, на которомъ наставлено было столько флигелей, клѣтушекъ, хлѣвушковъ, амбаровъ и кладовыхъ, что мы въѣхали въ него точно какъ будто въ какую-нибудь деревню. Въ лакейской мы разбудили нашимъ приходомъ двухъ слугъ, которые преспокойно почивали на деревянномъ коникѣ; одинъ изъ нихъ былъ въ поношенной ливреѣ, съ напудренной головою, другой въ суконномъ сюртукѣ съ оборванными петлицами. Съ просонья они кинулись, какъ шальные, снимать съ насъ шубы, засуетились и уронили столикъ о трехъ ножкахъ, на которомъ стояла шашечница и горѣла сальная свѣча, воткнутая въ бутылку. На этотъ шумъ вышелъ изъ столовой и, къ счастію, со свѣчею, толстый старикъ, въ нѣмецкомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ красною рожею, отвислымъ подбородкомъ и огромнымъ чревомъ: это былъ дворецкій Марьи Степановны.

— Батюшка Иванъ Андреевичъ! — вскричалъ онъ, увидѣвъ племянника своей барыни.—Милости просимъ!... Пожалуйте ручку!

— Здравствуй, Трифонъ Семеновичъ!—сказалъ Двинскій.—Ну, что тетушка?

— Все славу Богу!... Ужъ мы васъ, сударь, ждали!

— Что, тетушка дома?

— Какъ-же, батюшка, дома-съ! Въ боскетной... Пожалуйте!

Толстый Трифонъ Семеновичъ пошелъ передъ нами со свѣчею. Пройдя большую столовую и двѣ гостиныя, мы подошли къ полуразтвореннымъ дверямъ освѣщенной комнаты. Дворецкій распахнулъ обѣ половинки дверей и проговорилъ торжественнымъ голосомъ:

— Иванъ Андреевичъ, сударыня!

Вмѣстѣ съ этими словами поднялась ужасная кутерьма: тетушка-старушка, лѣтъ шестидесяти пяти, въ гродетуровомъ шлафрокѣ и бѣломъ чепцѣ, съ радостнымъ восклицаніемъ вскочила съ дивана. Весь дворъ ея пришелъ въ движеніе: зеленый попугай засвистѣлъ, какъ соловей-разбойникъ, со всѣхъ сторонъ кинулись къ намъ подъ ноги съ громкимъ лаемъ три болонки, двѣ моськи и одна поджарая англійская собаченка. Пожилая калмычка, Федосья Тихоновна, вскрикнула, молоденькая фаворитка Глашенька ахнула, а Михѣичъ, безобразный карло, съ огромною головою, бросился унимать собаченокъ, изъ которыхъ одна успѣла ужъ мнѣ прокусить сапогъ.

— Другъ мой, Ваничка!—говорила Марья Степановна, обнимая своего племянника.—Насилу ты пріѣхалъ!... А я ужъ думала, не случилось-ли что съ тобою?... Ахъ, ты мой душенька!... Да ты, мнѣ кажется, потолстѣлъ?... Право, потолстѣлъ!..

Digitized by Google

Ну, слава Богу!... Давно-ли ты изъ Петербурга?... Говорятъ, дорога такая гибель, что не приведи Господи!.. А, вѣдь, ты, я думаю, все скакалъ!... Да что это у тебя носъ-то?.. Ужъ не отморозилъ-ли?... Постой-ка!... Нѣтъ, нѣтъ! обвѣтрило только!... Ахъ, ты мой сердечный!... То-то, чай, умаялся!.. Глашенька, чаю!... Проворнѣй, проворнѣй!... Однакожъ, Ваничка, послушайся меня; какъ ляжешь спать, натри себѣ носъ гусинымъ саломъ. Феничка, приготовь ему!... Право, я боюсь,—кажется, прихватило немножечко!... Ахъ ты, мой милый другъ!... Ахъ, ты мой голубчикъ!...

Во все продолженіе этой семейной сцены я игралъ довольно жалкую роль; казалось, никто не замѣчалъ моего присутствія; наконецъ, Двинскому удалось промолвить словечко.

— Тетушка,—сказалъ онъ,—честь имѣю вамъ рекомендовать моего искренняго друга и сослуживца, Богдана Ильича Бѣльскаго.

Я, какъ слѣдуетъ, подошелъ къ рукѣ.

— Ахъ, батюшка,—сказала Марья Степановна, цѣлуя меня въ щеку,—извините; я совсѣмъ обезумѣла отъ радости!...

— Я уговорилъ его пріѣхать со мной въ Москву,—продолжалъ Двинскій, и надѣюсь, тетушка, вы не позволите ему жить нигдѣ, кромѣ вашего дома.

— Разумѣется!... Очень рада, Богданъ Ильичъ!... Будьте здѣсь, какъ у себя... Всѣ друзья моего Ванички мнѣ свои.

— Но мнѣ, право, совѣстно...—проговорилъ я.

— Что вы, что вы?.. Да неужели я допущу васъ жить въ какомъ-нибудь трактирѣ? Нѣтъ, батюшка, этого въ Москвѣ не водится... Можетъ быть, у васъ въ Петербургѣ... А мы живемъ по старинѣ! Милости просимъ гостить у меня, хоть вплоть до самой весны... Чѣмъ дольше, тѣмъ лучше!... Феничка, займись-ка, матушка, вели прибрать зеленую да голубую комнаты!... Да скажи Трифону, чтобъ онъ поторопился ужиномъ...

— Позвольте намъ не ужинать,—сказалъ Двинскій.

— Не ужинать! Что ты, мой другъ? Можетъ быть, у васъ въ Петербургѣ не ужинаютъ—по иностранному, а мы люди русскіе, мы всегда ужинаемъ.

— Да мы сейчасъ будемъ пить чай, тетушка.

— Чай чаемъ, батюшка, а ужинъ ужиномъ. Да что это мы стоимъ?... Богданъ Ильичъ, прошу покорно! Садись, Ваничка!

Мы сѣли; и вотъ тетушка принялась разсказывать племяннику разныя семейныя и городскія новости: какъ двоюродный братецъ, Степанъ Степановичъ женился на Аннѣ Дмитріевнѣ Фурсиковой; какъ дядюшка Иванъ Николаевичъ отказалъ полковнику Бирюлькину, который вздумалъ посвататься за его старшую дочь Агаточку, какъ двѣ недѣли тому назадъ въ маскарадѣ у Медокса одна тульская помѣщица разрѣшилась отъ бремени; какъ на послѣднемъ балѣ у графа О**** княжна Филанцета Димитріевна поссорилась съ княжной Ариной Михайловной за то, что та перебила у нея пару въ длинномъ польскомъ, какъ Аграфена Тихоновна подымала Иверскую Божію Матерь по случаю тяжкой болѣзни своего мужа, которому, благодаря Бога, теперь гораздо лучше; какъ Иванъ Павловичъ третьяго дня завелъ ужасную исторію въ Благородномъ собраніи и вызывалъ на дуэль Алексѣя Степановича, который былъ во второй парѣ и, не спросясь у него, перемѣнилъ фигуру въ экосесѣ, и какъ Настасья Прохоровна отказала отъ дому князю Башлыкову за то, что онъ не пріѣхалъ самъ, а прислалъ человѣка поздравить ее со днемъ ангела. Этотъ длинный монологъ продолжался до самаго ужина, послѣ котораго мы отправились въ отведенныя намъ комнаты, раздѣлись и, утонувъ въ огромныхъ пуховикахъ, заснули какъ убитые.

На другой день по-утру Двинскій поѣхалъ дѣлать визиты, а я отправился смотрѣть Москву. Я воротился домой ровно въ два часа и, къ крайнему моему удивленію, узналъ, что меня давно уже дожидаются къ обѣду. За столомъ Двинскій объявилъ мнѣ, что я буду вечеромъ на двухъ балахъ: во-первыхъ у Катерины Львовны Завулоновой, а потомъ у графа О***.

— У Катерины Львовны немножко тѣсненько,—сказалъ мой пріятель:—домикъ небольшой; но она такая милая, умная женщина! Вся Москва ее любитъ и уважаетъ. У нея чрезвычайно обширное знакомство и, хотя она сама принадлежитъ къ лучшему здѣшнему кругу, но ты встрѣтишь у нея образчики почти всѣхъ здѣшнихъ обществъ. Мы поѣдемъ къ ней часу въ восьмомъ, пробудемъ до девятаго и отправимся къ графу; тамъ ты увидишь всю московскую аристократію. Самъ хозяинъ въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ.—разумѣется, и всѣ гости также въ мундирахъ; однакожъ это ни мало не мѣшаетъ веселиться не только молодымъ, но даже и весьма пожилымъ людямъ, изъ которыхъ многіе такъ-то выплясываютъ матрадуры да экосесы, что любо-дорого посмотрѣть. Вотъ, припомни мои слова: когда станутъ танцовать алагрекъ, такъ въ первой парѣ непремѣнно будетъ кавалеръ въ лентѣ и звѣздѣ. Нѣтъ, мой другъ, у насъ въ Москвѣ не то, что у васъ: у насъ старики подаютъ примѣръ молодымъ, какъ веселиться. Да зато ужъ мы и веселимся не по вашему.

— Правда!—промолвила текушка.—Въ Москвѣ какъ начнутъ веселиться, такъ некогда и лба перекрестить! А коли придетъ желаніе Богу помолиться, такъ наша матушка Москва и на это хороша. Святой городъ, батюшка!.. Была бы только охота, а то и въ Кіевѣ не зачѣмъ ѣхать.

Мы отправились съ Двинскимъ ровно въ семь часовъ и пріѣхали почти въ половинѣ восьмого къ Катеринѣ Львовнѣ Завулоновой. Мы сбросили наши шинели въ передней и продрались кой-какъ сквозь толпу лакеевъ, изъ которыхъ иные были навьючены, какъ верблюды, салопами и шубами своихъ господъ. Въ небольшой залѣ, освѣщенной сальными свѣчами, танцовали круглый польскій. Съ величайшимъ трудомъ пробираясь подлѣ самой стѣнки, дошли мы, наконецъ, до хозяйки дома. Двинскій меня представилъ. Катерина Львовна наговорила мнѣ тьму пріятныхъ вещей и, надобно сказать правду, въ нѣсколько минутъ очаровала меня совершенно своей любезностью и милымъ обращеніемъ. Между тѣмъ, польскій кончился и музыканты заиграли экосесъ; прежде чѣмъ мы съ Двинскимъ отыскали себѣ танцовщицъ, во всю длину залы вытянулись уже два фронта, одинъ изъ кавалеровъ, а другой изъ дамъ, и намъ рѣшительно негдѣ было пріютиться Въ эту самую минуту подбѣжалъ къ хозяйкѣ довольно рослый горбунъ въ полосатомъ сюртукѣ.

— Катерина Лимоновна,— сказалъ онъ, — Катерина Лимоновна, посмотри, какъ я отхватываю лакесею!

И съ этимъ словомъ, припѣвая подъ музыку какія-то не слишкомъ пристойныя риемы, онъ ворвался въ средину экосеса и пустился догонять въ присядку первую пару, которая сходила внизъ.

— Что это, братецъ, такое? — сказалъ я, не вѣря глазамъ моимъ.

— Это Ѳедька Горбунъ, — отвѣчалъ весьма

Digitized by Google

хладнокровно Двинскій.—Онъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ московскихъ дураковъ—преумная бестія!.. Однако, здѣсь становится очень душно; пойдемъ въ другія комнаты.

Мы вошли въ первую гостиную, въ которой было также тѣсно, потому что столахъ на пяти играли въ бостонъ. Подлѣ одного изъ играющихъ, толстаго барина съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, стояла дама лѣтъ тридцати, одѣтая не только безъ всякихъ претензій, но даже съ какимъ-то неряшествомъ. Въ ея грубомъ и мужиковатомъ голосѣ не было ничего женскаго; точно такъ же, какъ и въ продолговатомъ лицѣ, котораго рѣзкія черты выражали, однакожъ, какое-то добродушіе. Въ ту минуту, какъ мы вошли въ гостинную, она говорила толстому барину:

— Врешь, врешь, князь, давай синенькую!

— Да у меня, кажется, нѣтъ мелкихъ, — проговорилъ толстый баринъ, раскрывая нехотя свой бумажникъ.

— Все равно, я сдамъ!.. Да вотъ синенькая, давай ее, давай!.. А, Иванъ Андреевичъ! — продолжала она, увидѣвъ Двинскаго.—Какими судьбами?

— Вчера пріѣхалъ изъ Петербурга,—отвѣчалъ мой пріятель, поцѣловавъ съ большимъ почтеніемъ ея, вовсе не прелестную ручку.

— Полно, полно врать: чай недѣли двѣ живешь въ Москвѣ, а ко мнѣ глазъ не покажешь! Хорошъ, батюшка, очень хорошъ!

— Право, я вчера только пріѣхалъ; спросите у тетушки.

— Ну, добро, добро! Богъ тебя проститъ!.. Давай синенькую!.. Для бѣдной вдовы... пятеро дѣтей... ѣсть нечего; жалость такая, что не приведи Господи.

— Позвольте ужъ мнѣ, предложить вамъ десять рублей, — сказалъ Двинскій, подавай ей красную ассигнацію.

— Спасибо, мой отецъ, спасибо!—проговорила барыня, поклонясь въ поясъ Двинскому.— Вотъ это Богъ тебѣ зачтетъ! Это ужъ, батюшка, истинно добровольное подаяніе!

— Да,— подумалъ я, — по русской пословицѣ: добровольно, наступя на горло.

— Э,—вскричала барыня,—да вонъ, кажется, Ведеркинъ!.. Съ него можно и бѣленькую слупуть,—откупщикъ! Чай такъ-то разбавляетъ свое вино водицею!.. Прокофій Сергѣичъ!.. Прокофій Сергѣичъ.

Но догадливый откупщикъ какъ будто бы не слышалъ и спѣшилъ продраться въ залу, чтобъ какъ-нибудь улизнуть отъ этой сборщицы добровольныхъ подаяній. Она пустилась за нимъ въ погоню, а мы пошли далѣе.

— Что это за строгая барыня? — спросилъ я у Двинскаго.

— Это очень извѣстная дама, Настасья Парменовна Нахрапкина; ее знаетъ вся Москва.

— Ну, мой другъ, если у васъ много такихъ дамъ...

— А что? Тебѣ не нравится ея слишкомъ простодушный тонъ?.. Да на это никто не обращаетъ вниманія; всѣ къ этому привыкли. Конечно, она походитъ нѣсколько на переодѣтаго мужчину, не слишкомъ вѣжлива и коли примется кого-нибудь отработывать, такъ я тебѣ скажу!.. Но, несмотря на это, женщина предобрая и, если надобно бѣдному помочь или оказать услугу кому бы то ни было, знакомому или незнакомому, всегда первая.

Пройдя въ другую гостиную, мы остановились въ дверяхъ небольшого покоя, который, вѣроятно, по случаю бала, превратился изъ спальни въ пріемную комнату. Посреди этой комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый разными галантерейными вещами. Золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, булавочки и всякія другія блестящія бездѣлушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, покрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣлъ старикъ съ напудренной головою, въ черномъ фракѣ и шитомъ разными шелками атласномъ камзолѣ. Наружность этого старика была весьма пріятная, и, судя по его благородной и даже нѣсколько аристократической физіономіи, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ могъ попасть за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ,—потому что онъ продалъ при насъ двумъ дамамъ, одной золотое колечко съ бирюзою, а другой—небольшое черепаховое опахало съ золотою насѣчкою; третья, барышня лѣтъ семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои сережки и сказала:

— Вотъ возьмите! Маменька позволила мнѣ промѣнять мои серьги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи; — право, десять рублей много!

— Ну, вотъ еще много! — прервалъ купецъ.— Да твои-то сережки и пяти рублей не стоятъ.

— Ахъ, что вы, князь!—возразила барышня.— Да я за нихъ двадцать пять рублей заплатила.

— Князь!—повторилъ я шепотомъ.

— Да, Богданъ Ильичъ.—сказалъ мнѣ на ухо Двинскій.—Это отставной бригадиръ, князь Н***. Онъ промоталъ четыре тысячи душъ наслѣдственнаго имѣнья и теперь видишь, чѣмъ промышляетъ. Ты будешь часто встрѣчать его сіятельство съ этимъ же самымъ подвижнымъ магазиномъ; съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался почти необходимою принадлежностью всѣхъ баловъ.

— Ну, какія я вижу у васъ чудеса!

— И, мой другъ, да это что еще! Посмотрѣлъ бы ты наши гулянья, а особливо лѣтъ десять тому назадъ. Этотъ бѣдный князь торгуетъ поневолѣ, а тамъ по собственной охотѣ выкидываютъ иногда такія балаганныя штуки, что глазамъ своимъ не вѣришь. Вотъ, напримѣръ, извѣстный богачъ Д*** выѣхалъ однажды въ такомъ экипажѣ, что ужъ подлинно ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать,—все наперекоръ симметріи и здравому смыслу: на запяткахъ трехъ-аршинный гайдукъ и карлица, на козлахъ кучеромъ мальчишка лѣтъ десяти, а форейторомъ старикъ съ сѣдой бородой; лѣвая коренная съ верблюда, правая съ мышь. Другой баринъ не покажется на гуляньѣ иначе, какъ верхомъ, съ огромной пѣнковой трубкой, а за нимъ цѣлый поѣздъ конюховъ съ заводскими лошадьми, покрытыми персидскими коврами и цвѣтными попонами. Третій не хочетъ ничего дѣлать, какъ люди, зимою ѣздитъ на колесахъ, а лѣтомъ на полозкахъ; четвертый .. Да гдѣ перечесть всѣхъ нашихъ московскихъ затѣйниковъ. Воля, братецъ!.. Народъ богатый, отставной; что пришло въ голову, то и дѣлаетъ. Но вотъ, кажется, первый экосесъ кончился; пойдемъ скорѣй ангажировать дамъ на второй. Черезъ полчаса намъ должно ѣхать, такъ третьяго не дождемся; а вѣдь, право, неловко, если ты для перваго раза вовсе танцовать не станешь.

Мы пошли опять въ залу, протанцовали одинъ экосесъ, потомъ отправились втихомолку и черезъ четверть часа попали въ веревки, т.-е. въ длинный рядъ экипажей, который начинался за полверсты отъ дома графа О***. Вотъ, наконецъ, дошла и до насъ очередь. Я воображалъ, что увижу огромныя каменныя палаты, а вмѣсто этого мы подъѣхали къ большому деревянному

Digitized by Google

дому, вовсе не красивой наружности. Внутренность его также не ослѣпила меня своимъ великолѣпіемъ. Конечно, комнаты были просты и отдѣланы богаче, чѣмъ въ домѣ Катерины Львовны Завулоновой; но зато онѣ почти всѣ были обезображены огромными изразцовыми печами самой старинной и неуклюжей формы. Безчисленное множество слугъ, и богато, и бѣдно одѣтыхъ, разсыпано было по всему дому. Въ танцовальной залѣ, также не очень великолѣпной, но довольно обширной, гремѣла музыка. Мы нашли въ этой залѣ почти всѣхъ гостей и самого хозяина, который, въ полномъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ своихъ сидѣлъ посреди первыхъ сановниковъ и почетныхъ московскихъ дамъ. Этотъ аристократическій кругъ, эти кавалерственныя дамы и сѣдые старики въ лентахъ и звѣздахъ, эта толпа молодыхъ людей, которые, всѣ безъ исключенія, были въ мундирахъ, все это вмѣстѣ придавало какой-то важный и торжественный видъ балу, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, конечно, не могъ бы назваться блестящимъ. Двинскій подвелъ меня къ хозяину; онъ обошелся со мной очень просто, но съ большой лаской и радушіемъ; просилъ веселиться, танцовать и ѣздить къ нему безъ всякаго зова по всѣмъ понедѣльникамъ. Что-бы не ввести въ слово моего пріятеля, который рекомендовалъ меня отличнымъ дансеромъ всѣмъ своимъ кузинамъ, а ихъ было у него съ полсотни, я принялся прыгать съ такимъ усердіемъ, что подъ конецъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Послѣ ужина, который, если сказать правду, отличался только великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ, да полнотою и обиліемъ блюдъ, музыка опять заиграла, и начался безконечный алагрекъ. Я не учавствовалъ въ этомъ послѣднемъ танцѣ и присѣлъ отдохнуть недалеко отъ хозяина. Вотъ проходитъ полчаса, алагрекъ все продолжается; одна фигура смѣняетъ другую, и кавалеръ первой пары, несмотря на то, что ему гораздо за пятьдесятъ, кажется, рѣшительно не знаетъ усталости; вотъ онъ начинаетъ пространную фигуру, что-то похожее на хороводную потѣху „заплетися плетень“, —всѣ пары перепутываются, подымается суматоха, хохотъ, бѣготня и—чтожъ?.. Въ самую минуту этого танцовальнаго разгула, вдругъ хозяинъ привсталъ и закричалъ громовымъ голосомъ: „гераусъ!“, т.-е., „вонъ!“. Музыка остановилась, кавалеры раскланялись съ дамами и въ двѣ минуты во всей залѣ не осталось ни одного гостя. Я до того былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ заключеніемъ бала, что не вдругъ опомнился, вышелъ изъ залы послѣдній и съ трудомъ отыскалъ Двинскаго въ толпѣ гостей, которые тѣснились въ офиціантской комнатѣ и передней.

— Что это, братецъ?—сказалъ я.—Такъ этакъ-то у васъ провожаютъ гостей?.. Ну!!!

Двинскій улыбнулся.

— Надѣюсь, — продолжалъ я,— въ слѣдующій понедѣльникъ хозяину угощать будетъ некого.

— Право?—сказалъ Двинскій.—Не хочешь-ли побиться объ закладъ, что всѣ гости, которыхъ ты видѣлъ сегодня, пріѣдутъ опять сюда на будущей недѣлѣ?

— Какъ? Послѣ такой обиды?

Двинскій засмѣялся.

— Обиды! — повторилъ онъ. — Охъ, вы, петербургскіе! Да чѣмъ тутъ обижаться? Всѣ знаютъ, что добрый хозяинъ радъ своимъ гостямъ, а это ужъ у него такая привычка: у него почти всѣ балы такъ оканчиваются: иногда онъ закричитъ „гераусъ“, а въ другое время протрубитъ на волторнѣ, что также значитъ: „ступайте вонъ“. И увѣряю тебя, что за это на него никто не сердится.

— Не можетъ быть!

— Да посмотри вокругъ себя; ну, видишь ли ты хотя одно недовольное лицо?

Въ самомъ дѣлѣ, ни на одномъ лицѣ не замѣтно было не только досады, но даже удивленія; всѣ казались и веселы, и спокойны, какъ будто бы не случилось ничего необыкновеннаго. Межъ тѣмъ, закричали нашу карету, мы сбѣжали съ лѣстницы, сѣли и отправились домой.

Вотъ, любезные читатели, самый вѣрный очеркъ двухъ московскихъ баловъ, на которыхъ я танповалъ тому назадъ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Хотя въ этомъ разсказѣ я не позволилъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ истины, хотя въ немъ все отъ перваго до послѣдняго слова совершенная правда, но эта правда такъ походитъ на вымыселъ, что я вовсе не удивлюсь, если никто изъ новаго поколѣнія московскихъ жителей не дастъ вѣры моимъ словамъ. Не странно ли послѣ этого встрѣчать людей, которые воображаютъ, что Москва до сихъ поръ еще сохранила эти простодушные нравы, невѣжественныя причуды и безвкусную роскошь, которые, съ примѣсью какого-то собственнаго московскаго европеизма, составляли нѣкогда отличительныя черты ея *прежней*, хотя не очень красивой, но за то рѣшительно самобытной физіономіи.

VII.

МОСКОВСКІЕ БАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

„Толпа мазуркой занята.
Кругомъ и шумъ и тѣснота;
Брянчатъ кавалергарда шпоры,
Летаютъ ножки милыхъ дамъ“...

Пушкинъ.

Ахъ, какой я былъ охотникъ въ старину до баловъ, какъ любилъ танцовать до упаду!.. Сначала для того только, чтобъ танцовать а потомъ для того, чтобъ танцовать или, лучше сказать, разговаривать свободно съ той, съ которой я не могъ иначе говорить, какъ въ присутствіи строгой и подозрительной маменьки; а эти маменьки—избави, Господи... Онѣ взвѣшиваютъ каждое ваше слово, готовы ко всему придраться, перетолковать все по своему и, смотря по обстоятельствамъ, или включить васъ въ число жениховъ своей дочери, или запереть отъ васъ двери своего дома. Я помню, бывало, какъ мнѣ не посидится на одномъ мѣстѣ, какъ бьетъ меня лихорадка, какъ нетерпѣніе мое превращается въ совершенную тоску, когда, окончивъ мой туалетъ, я ожидаю блаженной минуты, въ которую мнѣ можно будетъ отправляться на балъ. Часы нейдутъ, время не двигается. „Боже мой“, думаю я бывало, „да что жъ это за безконечный вечеръ?. Вонъ уже фонари, кажется, тухнутъ по улицамъ, а все еще восьмой часъ въ началѣ!..“ И вотъ, наконецъ, бьетъ половина девятаго. Я бросаюсь въ карету, скачу... Домъ освѣщенъ, но у подъѣзда всего-на-всего только два или три экипажа... Что за дѣло! Пусть зовутъ меня провинціаломъ... Вхожу... Хозяинъ разсыпается въ похвалахъ моей аккуратности: я пріѣхалъ ровно въ назначенный часъ. Вотъ начинаютъ съѣзжаться; въ гостиныхъ становится тѣсно... Вотъ гремитъ неизбѣжный на всѣхъ балахъ польскій: „громъ побѣды раздавайся!“ Танцовальная зала наполняется гостями: старики *подымаютъ* почетныхъ дамъ, молодежь спѣшитъ вслѣдъ за ними; я одинъ не танцую... И до того ли мнѣ? Скоро десять часовъ, а ея нѣтъ какъ нѣтъ!.. Ужъ будетъ ли

Digitized by Google

она?.. О, непремѣнно!.. А если не будетъ?.. Мнѣ кто-то сказывалъ, что маменька ея нездорова... сестра больна... старуха тетка пріѣхала изъ Калуги... Да, кажется, на послѣднемъ балѣ у Горемыкина она долго дожидалась кареты... а у этого глупаго голубоярина на лѣстницѣ холодъ, въ сѣняхъ дуетъ... Что если она... Боже мой!.. Вотъ двери изъ передней настежъ... Сердце мое замираетъ... Она?.. Нѣтъ, семейство Ковришкиныхъ; маменька чуть дышитъ, дочери съ огромными носами, у одной все лицо въ веснушкахъ... И охота же этимъ уродамъ ѣздить по баламъ!..Чу!.. Одинъ, два... восемь... десять часовъ... а ея все нѣтъ!.. О, она вѣрно не будетъ!.. Вотъ опять отворяются двери... О, Боже мой, несносный Фуфлыгинъ съ своей сѣдой головой, красными раздутыми щеками и съ клеймомъ дурака на лбу!.. А вотъ и его супруга, эта полу-французская и полу-мордовская барыня, эта жеманная кривляка въ пятьдесятъ лѣтъ!.. Ну, бѣда,—она меня увидѣла, идетъ ко мнѣ!.. Эта старая кокетка вопьется въ меня, какъ піявка, начнетъ интересничать, мучить, пытать, тянуть изъ меня жилы!.. Скорѣй куда-нибудь... въ дальнюю комнату!.. И вотъ я за полверсты отъ бальной залы, чуть слышу музыку, стою подлѣ ломбернаго стола, смотрю, какъ играютъ въ карты, не различаю мастей, ничего не вижу, ничего не слышу... Проходитъ нѣсколько минутъ, я иду назадъ, шатаюсь изъ комнаты въ комнату, нигдѣ не найду мѣста... О, Боже мой, какъ скучно, какъ темно на этомъ балѣ!.. Какія у всѣхъ длинныя лица!.. Какъ скверно играетъ музыка!.. Вдругъ позади меня шорохъ. Я обертываюсь—*она*!.. О, какъ одинъ этотъ взглядъ, одна эта милая улыбка измѣняетъ все въ глазахъ моихъ!.. Этотъ балъ прелесть!.. Какъ все вокругъ меня свѣтло, весело, живо!.. Я жму руку у Фуфлыгина, смѣюсь его тупымъ остротамъ, говорю вѣжливости его супругѣ; огромные носы дѣвицъ Ковришкиныхъ кажутся мнѣ пѣлымъ вершкомъ короче; однимъ словомъ, я всѣмъ доволенъ, все мнѣ нравится; я счастливъ—я блаженствую... О, молодость, молодость!.. Ты прошла, моя молодость, — да и Богъ съ тобою!.. Пусть жалѣютъ о тебѣ другіе, а я вовсе не жалѣю. Подумаешь, что осталось отъ этихъ бурныхъ дней моей юности, когда, томимый жаждою наслажденій, я искалъ ихъ вездѣ,—что осталось отъ нихъ? Одно воспоминаніе о какихъ-то неполныхъ, скоротечныхъ радостяхъ, о какомъ-то тревожномъ, лихорадочномъ состояніи души, что-то похожее на смутный сонъ, въ которомъ существенное было только одно—пресыщеніе и тоска. „О чемъ?“ — спросите вы.— И самъ не знаю, по крайней мѣрѣ, не зналъ тогда. Я только чувствовалъ, что мнѣ чего-то недоставало, что вся эта суета, всѣ эти порывы страстей, эта минутная любовь, минутные друзья, минутныя радости... Да что говорить объ этомъ; я вижу, вы готовы ужъ перевернуть страницу, не читая. Не бойтесь, я не хочу васъ дѣлать участниками моихъ психологическихъ размышленій, а поговорю съ вами о балѣ, на которомъ, можетъ-быть, и вы были вмѣстѣ со мною, если только вы бываете на балахъ.

Кто изъ постоянныхъ московскихъ жителей не знаетъ или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ объ Андреѣ Николаевичѣ Радушинѣ, который такъ счастливо соединяетъ въ себѣ любезность и образованность нашего времени съ русскимъ хлѣбосольствомъ и добродушіемъ старинныхъ московскихъ бояръ? Во всякомъ другомъ городѣ, разумѣется, исключая Петербурга, его роскошные обѣды, блестящіе балы и барское житье вошли бы въ пословицу; но здѣсь, въ нашей гостепріимной Москвѣ, это вовсе не въ диковинку: мы точно также привыкли къ великолѣпнымъ пирамъ, какъ приглядѣлись къ живописнымъ видамъ, которыми такъ богата наша Бѣлокаменная. Говорятъ, что у насъ въ старину живали еще веселѣе. Да, это правда! Мы всѣ, теперешніе старики, жили гораздо веселѣе прежде, да полно, не оттого ли, что были молоды? Впрочемъ, если эта веселость измѣряется числомъ даваемыхъ праздниковъ и количествомъ тѣхъ, которые посѣщаютъ эти праздники,—то, конечно, въ старину или больше веселились, или меньше занимались дѣломъ; вы можете изъ этихъ двухъ заключеній выбрать любое.

Въ пригласительномъ билетѣ на балъ, который я получилъ отъ Андрея Николаевича Радушина, хозяинъ просилъ пожаловать къ нему на балъ и ужинъ въ восемь часовъ пополудни. Это показалось бы мнѣ довольно страннымъ, когда бы я не зналъ, что Радушинъ хотѣлъ испытать, не съѣдутся ли къ нему всѣ гости часу въ десятомъ, если онъ будетъ приглашать ихъ въ восемь. Я люблю самъ дѣлать разные опыты и, признаюсь, ожидалъ съ нетерпѣніемъ назначеннаго часа, чтобъ посмотрѣть, какъ приметъ это нововведеніе московская публика и захочетъ ли она веселиться, не вредя своему здоровью и не утомляя бѣднаго хозяина, которому послѣ всѣхъ дневныхъ и ночныхъ хлопотъ, право не мѣшало бы прилечь отдохнуть хотя въ первомъ часу ночи. Я пріѣхалъ къ Радушину въ половинѣ девятаго часа. Прекрасный домъ его былъ освѣщенъ какъ фонарь, у подъѣзда стояли жандармы, у дверей швейцаръ, въ сѣняхъ и по лѣстницѣ лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, по всѣмъ комнатамъ офиціанты, въ обширной бѣло-мраморной залѣ музыканты настраивали свои инструменты, и во всемъ домѣ, кромѣ хозяина и его семейства, не было никого: я пріѣхалъ первый. „Что дѣлать“,— подумалъ я,—„времена переходчивы! Въ старину гости не только съѣзжались, но даже и уѣзжали по желанію хозяина, а теперь онъ просто не хозяинъ, а нижайшій слуга тѣхъ, которымъ угодно къ нему пожаловать, то-есть долженъ за свою хлѣбъ-соль покоряться безусловно ихъ причудливой волѣ и модными капризамъ. Вотъ ровно въ десять часовъ раздался второй звонокъ (первый разъ прозвонили въ колокольчикъ для меня); черезъ нѣсколько минутъ въ пріемной комнатѣ, въ которой помѣщался буфетъ, прошептали тоненькимъ голоскомъ: „Ахъ, maman, я вамъ говорила, что рано!“ И нѣсколько дамъ вошло въ первую гостиную. Черезъ четверть часа прозвенѣли въ третій разъ, вскорѣ за тѣмъ въ четвертый, потомъ чаще и чаще—и вотъ звонокъ забилъ тревогу; гости начали входить толпами, и, наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи загремѣла музыка. Люди не танцующіе составили партіи; нѣсколько стариковъ, по прежней привычкѣ, засѣли въ вистъ, а всѣ другіе принялись козырять въ преферансъ—эту безтолковую, но забавную игру, которая сбила съ поля и затѣйливый бостонъ и глубокомысленный вистъ и завладѣла, вѣроятно, надолго всѣми ломберными столами Россійской Имперіи. Звонокъ продолжалъ до самой полуночи возвѣщать изрѣдка о пріѣздѣ новыхъ гостей. Впрочемъ, по моему замѣчанію, эти запоздалые гости были почти всѣ молодые люди, которые надѣялись еще натанцоваться досыта. Одинъ только господинъ пожилыхъ лѣтъ пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ; но зато какъ же онъ былъ и наказанъ! Какъ не принятая Харономъ тѣнь на берегахъ Стикса, скитался онъ, бѣдняжка, изъ одной комнаты въ другую.

Digitized by Google

Тутъ играютъ, тамъ играютъ, вездѣ играютъ, а онъ лишь только смотритъ!... Долго слѣдилъ я за этимъ сиротою: то присядетъ онъ, сердечный, къ висту, то пріютится къ преферансу. Вотъ за однимъ столомъ партія кончилась, осталось разыграть пульку. Надежда ожила въ сердцѣ безпріютнаго горемыки. Играли втроемъ, слѣдовательно, онъ могъ какъ-нибудь пристать четвертымъ—и вдругъ—о, небеса!... на пульку ставятъ ремизъ, два ремиза... десять ремизовъ!... Я взглянулъ на запоздалаго гостя и ужаснулся; лицо его осунулось, помертвѣло, не походило даже на человѣческое!... Чтобъ разсѣять непріятное впѣчатлѣніе, произведенное во мнѣ отчаяніемъ этого господина, я отправился смотрѣть танцы. Залитая свѣтомъ огромная зала была наполнена гостьми. Двѣ французскія кадрили, обхваченныя со всѣхъ сторонъ толпами зрителей, помѣщались на такихъ малыхъ пространствахъ, что танцующіе едва могли шевелиться, а къ дамамъ, которыя сидѣли вдоль стѣнъ, не было ни какой возможности подойти. Я замѣтилъ, наконецъ, въ одномъ углу порожній стулъ: не легко было до него добраться, но мнѣ какъ-то посчастливилось; я протѣснился вслѣдъ за двумя дамами сквозь толпу, нашелъ этотъ благодатный стулъ еще не занятымъ и сѣлъ. Моими сосѣдями были, съ правой стороны, одѣтая сильфидою толстая барыня лѣтъ тридцати, и съ лѣвой, какой-то господинъ, который, вѣроятно, такъ же, какъ я, пріѣхалъ на балъ вовсе не для того, чтобъ танцовать. Несмотря на его довольно свѣжее лицо и румяныя щеки, не трудно было отгадать, что онъ давно живетъ на свѣтѣ; на немъ былъ форменный камергерскій фракъ, сшитый не очень модно, однакожъ, и не по-стариковски. Мнѣ съ перваго взгляда понравилась его открытая и веселая физіономія.

— Фу, какая духота!—прошепталъ этотъ господинъ, протирая свои золотыя очки, которыя запотѣли отъ жару.

— Да, кажется, въ залѣ очень тѣсно,—сказалъ я.

— Ужасно! Впрочемъ, такъ и быть должно: что за балъ, на которомъ и прохладно и просторно.

Я что-то ему отвѣчалъ, и вотъ мы, слово за слово, разговорились, наконецъ, какъ старинные знакомые.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ я,—кто эта прекрасная брюнетка съ огненными черными глазами, которая, проходя мимо насъ, протянула вамъ свою руку?

— О,—отвѣчалъ мой сосѣдъ,—это одна изъ самыхъ блестящихъ созвѣздій нашего общества. Въ Лондонѣ ее непремѣнно назвали бы *львицею*, а мы, москвичи, просто зовемъ ее любезной, милой женщиной, которая умѣла безъ танцевъ и картъ привлечь въ свой домъ все то, чѣмъ можетъ похвастаться московское общество. Вы встрѣтите въ ея гостиной и нашихъ вельможъ, и литераторовъ, и художниковъ, и, конечно, по ея пріему не отличите дѣйствительнаго тайнаго совѣтника отъ какого-нибудь ученаго профессора или поэта.

— Да кто же она?—спросилъ я.

Мой сосѣдъ назвалъ ее по имени, и тутъ я узналъ, что эта блестящая дама—жена человѣка, котораго уважаетъ вся Москва и котораго нельзя не любить всякому, кто любитъ умъ, честь и истинное просвѣщеніе.

— Видите ли вы,—сказалъ мой сосѣдъ,—эту даму высокаго роста въ черномъ бархатномъ платьѣ, вотъ направо, противъ самой люстры?...

— Какая прекрасная женщина!—вскричалъ я невольно.

— Какой ангелъ доброты, сказали бы вы, еслибъ она была съ вами знакома. Знаете ли, почему я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на эту даму? Она можетъ служить живымъ доказательствомъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ средствъ, сохраняющихъ нашу тѣлесную красоту, самое дѣйствительное и самое вѣрное заключается въ чистотѣ и спокойствіи души нашей. Знаете ли, что этой дамѣ, которая, вѣроятно, кажется вамъ моложе своей сосѣдки, хотя она пятнадцатью годами ее старѣе, знаете ли, что ей,—страшно вымолвить,—слишкомъ сорокъ лѣтъ.

— Нѣтъ, вы шутите!

— Увѣряю васъ! Прибавьте къ этому, что она въ жизни своей натерпѣлась много горя; но она не знала никогда ни злобы, ни зависти; сердце ея не волновали бурныя страсти; она умѣла только любить и прощать, и вотъ вы видите, какъ она до сихъ поръ еще прекрасна. Какъ жаль, что къ ней подсѣлъ этотъ господинъ, одѣтый по модному парижскому журналу. Бѣдненькая, онъ задушитъ ее своими пошлыми французскими фразами! Посмотрите, какъ онъ развалился, какъ всякое движеніе его, какъ этотъ надменный взглядъ, эта обидная улыбка, какъ все въ этомъ русскомъ *денди* напрашивается на дерзость и вызываетъ грубость на языкѣ того, кто имѣетъ несчастіе съ нимъ разговаривать.

— А кто этотъ баринъ?

— Да какъ бы вамъ сказать?... Вы знаете, какихъ людей называли нѣкогда на Руси баскаками?...

— Какъ же! Это были татарскіе сборщики податей.

— Ну, да! То-есть чиновные и знатные татары, которые пріѣзжали въ Россію, чтобъ собирать оброки съ русскихъ крестьянъ, давить своею гордостію русскихъ бояръ, говорить съ презрѣніемъ о землѣ Русской и потомъ, собравши, а иногда и награбивъ, кучу денегъ, отправляться съ ними обратно на житье въ свою орду. Ну, вотъ этотъ господинъ точно такой же баскакъ: онъ живетъ всегда за-границею, каждыя пять лѣтъ пріѣзжаетъ на короткое время въ Россію, чтобъ собрать всѣ недоимки со своихъ десяти тысячъ душъ, посмѣяться надъ русскими обычаями, поговорить о нашемъ варварствѣ и невѣжествѣ, изъявить свое душевное презрѣніе къ землѣ, которая его поитъ и кормитъ, и потомъ, накопивъ побольше денегъ, отправиться снова проживать ихъ въ свою орду—Парижъ.

— Да, вы правы!—сказалъ я.—Этотъ господинъ точно напоминаетъ татарскихъ баскаковъ; но, впрочемъ, онъ все-таки не татаринъ, и, вѣроятно, хотя изъ приличія, скрываетъ истинныя свои чувства.

— Скрываетъ?... Что вы?... Онъ хвастается ими. Конечно, ему не всегда проходитъ это даромъ. Вотъ на этихъ дняхъ, споря съ однимъ умнымъ и почтеннымъ старикомъ, который доказывалъ ему, что мы, русскіе, точно такъ же, какъ и всѣ другіе народы, созданы по образу и подобію Божьему, онъ вошелъ въ такой азартъ, что сказалъ при всѣхъ: „Вы можете защищать какъ хотите вашу Россію, а я вовсе не патріотъ и говорю рѣшительно: я жалѣю, что я русскій“.—„И всѣ русскіе также объ этомъ жалѣютъ“.—сказалъ весьма хладнокровно старикъ, оборотясь къ нему спиною.

Тутъ двѣ дамы, проходя мимо моего сосѣда, кивнули ему ласково головами.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—я желалъ бы, чтобъ этотъ полу-французъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, показалъ мнѣ двухъ парижанокъ, ко-

Digitized by Google

торыя были бы милѣе, просвѣщеннѣе и любезнѣе этихъ двухъ русскихъ барынь. Какъ я люблю видѣть ихъ вмѣстѣ! Вотъ, эта, у которой бѣлоснѣжное лицо, округленное руками самихъ грацій, такъ привлекательно, такъ мило, у которой глаза не черные, не голубые, а просто прекрасные глаза, кипятъ такимъ чувствомъ и жизнію,—побесѣдуйте съ нею, поговорите о чемъ вамъ угодно, и я увѣренъ что въ два или три часа, которые покажутся вамъ нѣсколькими минутами, она успѣетъ совершенно обворожить васъ своимъ умомъ, любезностію и заставитъ отъ души пожалѣть о томъ, что вы не были съ нею знакомы прежде. Другая дама, въ лицѣ который вы можете замѣтить какую-то задумчивость, которая придаетъ такую необычайную прелесть ея очаровательной улыбкѣ, постарѣе годами; но она сохранила вполнѣ эту мечтательность, эту живость ума и милую простоту, которыя такъ часто гибнутъ вмѣстѣ съ нашей молодостію. Чтобъ получить ясное понятіе о тѣхъ женщинахъ, которыя царствовали въ аристократическихъ гостиныхъ Парижа, надобно видѣть эту русскую барыню, когда она принимаетъ гостей въ своемъ роскошномъ домѣ. Съ какимъ тактомъ или, говоря по-русски, съ какою смѣтливостію обходится она съ каждымъ изъ своихъ гостей; какъ умѣетъ самаго неловкаго и застѣнчиваго провинціала сдѣлать въ нѣсколько минутъ не только развязнымъ, но почти любезнымъ, и какъ черезъчуръ свободный щеголь становится въ ея домѣ приличнымъ, вѣжливымъ и скромнымъ. Она нѣсколько разъ была заграницею, объѣхала почти всю Европу и не вздыхаетъ о томъ, что живетъ въ Москвѣ. У ней друзей немного, но если кто имѣлъ счастіе попасть въ число этихъ избранныхъ, тотъ можетъ смѣло быть увѣренъ, что прекращеніе этой дружеской связи не зависитъ отъ какой-нибудь минутной прихоти или женскаго каприза; въ этомъ случаѣ она вовсе не женщина.

— А, здравствуй, mon cher!—сказалъ, подойдя къ моему сосѣду, смуглый мужчина, лѣтъ сорока пяти, пріятной наружности и довольно видный собою.

— Ба, ба, ба,—вскричалъ мой словоохотливый камергеръ.—Разгуляевъ!—Ты въ Москвѣ?

— Пятый день, мой другъ.

— Какъ это ты рѣшился пріѣхать на балъ?

— И самъ не знаю! Да зато сейчасъ ѣду: надобно выспаться; а завтра рано по-утру отправляюсь.

— Въ Петербургъ?

— Разумѣется!... А, да кстати: на будущей недѣлѣ въ воскресенье я обѣдаю дома ровно въ три часа,—не забудь, мой другъ! Прощай!

— Что это за господинъ такой?—спросилъ я камергера.—Что, онъ служитъ при почтамтѣ что-ль?

— Нѣтъ, онъ нигдѣ не служитъ. Славный малый, хорошій пріятель, человѣкъ умный, любезный и сверхъ того большой путешественникъ.

— Право?

— Пренеутомимый! Безпрерывно въ дорогѣ

— Что, онъ путешествуетъ по одной Европѣ?

— Да, по одной Европѣ; изъ Москвы въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Москву; и надобно отдать ему справедливость, въ этомъ отношеніи онъ истинно русскій человѣкъ: ему семьсотъ верстъ нипочемъ. Сегодня онъ угощаетъ васъ обѣдомъ въ своемъ московскомъ домѣ, а черезъ три дня самъ обѣдаетъ въ Петербургѣ у когонибудь изъ своихъ пріятелей; потомъ черезъ недѣлю пріѣдетъ къ намъ въ Москву напиться чаю и дней черезъ пять послѣ этого вы легко можете его увидѣть въ петербургскомъ театрѣ, а особливо если даютъ въ первый разъ новую оперу или балетъ.

— Вотъ странная охота,—сказалъ я,—ѣздить такъ часто по этой скучной петербургской дорогѣ!

— Страннаго тутъ ничего нѣтъ,—прервалъ съ улыбкою мой сосѣдъ.—Одинъ путешествуетъ для того, чтобъ видѣть новые предметы, другой потому только, что любитъ быть въ дорогѣ. Мой пріятель принадлежитъ къ этому послѣднему разряду путешественниковъ; а такъ какъ петербургское шоссе едва ли не лучшее во всей Европѣ, такъ онъ круглый годъ по немъ и катается... Однакожъ,—продолжалъ мой сосѣдъ, обтирая платкомъ свой лобъ,—здѣсь становится ужъ слишкомъ жарко. Не знаю, какъ вы, а я выпилъ бы охотно стаканъ лимонаду.

— И я отъ этого не прочь

— Такъ пойдемъ въ буфетъ,—сказалъ камергеръ, вставая.—Пойдемъ скорѣй,—повторилъ онъ, схвативъ меня за руку:—къ намъ идетъ одна дама, отъ которой я готовъ убѣжать на край свѣта.

— Чтожъ это за страшная барыня такая?

— Она очень добрая женщина, но такъ раздушена этимъ гнуснымъ *пачули*, что отъ нея пахнетъ за версту аптекою!.. И какъ могла быть мода на эти отвратительные духи?... Какой-то запахъ камфоры, проникнутый мускусомъ.. Фуй, мерзость какая!

Я засмѣялся.

— Вамъ смѣшно, — продолжалъ камергеръ,— что я говорю съ такимъ жаромъ о какихъ-нибудь духахъ. Да у меня личная къ нимъ ненависть; я не могу хладнокровно говорить объ этой заразѣ,—да заразѣ! Человѣкъ, раздушенный этой гадостью, походитъ на чуму: онъ заражаетъ все своимъ прикосновеніемъ; ему стоитъ только пожать вашу руку и вы на цѣлый день получите запахъ египетской муміи.

Мы вошли въ буфетъ, то-есть въ столовую комнату, обставленную кругомъ прилавками, на которыхъ въ хрустальныхъ чашкахъ лежали грудами плоды и конфекты; въ граненыхъ разноцвѣтныхъ графинахъ стояли освѣжительные напитки и кипѣла вода въ серебряномъ самоварѣ. Въ этой комнатѣ было также довольно тѣсно. Пока мы дожидались нашей очереди, чтобъ напиться лимонаду, одинъ приземистый баринъ успѣлъ пропустить въ себя пять чашекъ чаю и проглотить съ полдюжины сдобныхъ булочекъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ не запасался, а въ двухъ шагахъ отъ него, какая-то пожилая барыня преспокойно набивала конфектами свой огромный ридикюль, который начиналъ уже принимать форму довольно увѣсистаго кулька. Признаюсь, я очень обрадовался, когда замѣтилъ по выговору этой запасливой дамы, что она хотя и барыня, да только не русская. Межъ тѣмъ камергеръ, напившись лимонаду, вступилъ въ разговоръ съ тремя господами, изъ которыхъ одинъ, судя по его рѣчамъ, былъ петербургскій житель, а двое другихъ природные москвичи. Дѣло шло о балѣ, то-есть эти господа, наперерывъ одинъ передъ другимъ, критиковали все.

— Какой это балъ!—говорилъ одинъ изъ москвичей.—Это базаръ! Здѣсь не достаетъ только гостинодворцевъ съ бородами.

— Да!—подхватилъ другой москвичъ.—Что за народъ! Съ какой площади хозяинъ нахваталъ этихъ гостей? Я, конечно, видѣлъ до пятидесяти лицъ, съ которыми встрѣчаюсь въ первый разъ отъ роду.

— Но, вѣроятно, вы также встрѣтили здѣсь и всѣхъ вашихъ знакомыхъ?—сказалъ камергеръ.

Digitized by Google

чтобъ это обстоятельство имѣло болѣе вѣса и сильнѣе дѣйствовало на умъ жильцовъ, Анна Ивановна отдаетъ предпочтительно квартиры въ своемъ домѣ мѣщанамъ, мастеровымъ, не слишкомъ извѣстнымъ художникамъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма небогатымъ и нечиновнымъ дворянамъ. Эта неограниченная власть хозяйки была бы очень тягостна для жильцовъ, еслибъ правленіе ея было чисто деспотическое; но оно скорѣе можетъ назваться патріархальнымъ. Въ случаѣ несчастія или болѣзни кого-нибудь изъ жильцовъ, Анна Ивановна превращается изъ самовластной правительницы въ нѣжную и попечительную мать; лѣчитъ больныхъ, даетъ взаймы на безсрочное время тѣмъ, которые имѣютъ въ этомъ дѣйствительную надобность, а всего чаще миритъ женъ съ мужьями и возстановляетъ порядокъ и тишину въ семействахъ, въ которыхъ поселился раздоръ. Всѣ живущіе въ домѣ Анны Ивановны, и свои и посторонніе, никогда не называютъ ее по имени, а просто величаютъ *генеральшею*. Если иногда хозяинъ мелочной лавочки, человѣкъ не очень трезвый, слишкомъ порасшумится, жена скажетъ ему: „Что ты, Терентій, горланишь! Вонъ, посмотри, генеральша подошла къ окну“. И какъ бы ни былъ хмѣленъ Терентій, онъ тотчасъ притихнетъ или начнетъ ругаться шепотомъ. Точно также всѣ работники токарнаго производства дерутся межъ собой на дворѣ, или поютъ заливныя пѣсни только тогда, когда Чокиной не бываетъ дома; и лишь только раздается вѣстовой голосъ: „генеральша пріѣхала!“—пѣсни умолкаютъ; бойцы, которыхъ надобно уже было разливать водою, тотчасъ перестаютъ драться; побѣжденный съ подбитыми главами и побѣдитель съ выщипанною бородою, оба весьма чинно кланяются ея превосходительству и отправляются выпить по чаркѣ на мировую или,—если вражда ихъ еще не потухла,—идутъ додираться на улицу.

Познакомивъ своихъ читателей съ ея превосходительствомъ, Анной Ивановной Чокиной, я прошу ихъ перенестись вмѣстѣ со мною въ большую комнату, обитую штофомъ, который я не смѣю назвать зеленымъ, потому-что онъ былъ зеленымъ еще до французовъ, а теперь сдѣлался какого-то безыменнаго цвѣта, который всего скорѣе можно назвать радужнымъ, потому что онъ мѣстами походитъ еще на зеленый, мѣстами на фіолетовый, а кой-гдѣ напоминаетъ палевый. Въ глубинѣ комнаты, между двухъ дверей изъ краснаго дерева, которыя должны представлять два шкапа, тянется длинный диванъ; я также не могу вамъ сказать, чѣмъ обитъ этотъ диванъ, потому-что онъ покрытъ бѣлымъ миткалевымъ чехломъ. Передъ диваномъ стоитъ круглый столъ, за столомъ раскладываетъ гранъ-пасіансъ пожилая барыня въ ситцевомъ капотѣ и тюлевомъ чепцѣ; подлѣ нея на диванѣ лежитъ толстая моська. Въ двухъ шагахъ отъ стола старушка лѣтъ семидесяти, также въ ситцевомъ капотѣ, но только не въ тюлевомъ, а кисейномъ чепцѣ, сидитъ на стулѣ и вяжетъ чулокъ. Поближе къ окну, за пяльцами вышиваютъ по канвѣ двѣ молодыя дѣвушки, толстыя, здоровыя и краснощекія. Старуха въ тюлевомъ чепцѣ, разумѣется,—Анна Ивановна Чокина; старуха въ кисейномъ чепцѣ, экономка ея, Степанида Ѳедоровна; обѣ швеи—горничныя дѣвушки: одна Матрена, другая Аксинья. Теперь не угодно ли вамъ, мои почтенные и любезные читатели, послушать разговоръ этихъ дѣйствующихъ лицъ.

Анна Ивановна (*бросая съ досадой карты*). Опять не вышелъ!... Нѣтъ, этотъ гранъ-пасіансъ никуда не годится... Такая путаница!... Аксюта, подыми карту!... (*Ласкаетъ моську*). Что ты, моя синька, мой другъ?... Что ты такъ нахмурился голубчикъ мой?... Моису!.. Голубчикъ!.. Степанида Ѳедоровна, что это онъ сегодня такъ храпитъ?

Степанида Ѳедоровна. Жиренъ, матушка.

Анна Ивановна. И, что ты, помилуй, такой ли онъ былъ прежде... онъ исхудалъ; точно исхудалъ!... Моисинька мой!... Моисурушка!... Матрешка, открой табакерку!... Что это она стала такъ туго запираться?... Надобно отдать ее нашему токарю поправить... А что, Степанида Ѳедоровна, какъ онъ со своею женою?

Степанида Ѳедоровна. Да Богъ ихъ знаетъ, матушка Анна Ивановна; всю прошлую недѣлю жили, кажется, ладно: въ воскресенье ѣздили вмѣстѣ въ Марьину рощу, пріѣхали назадъ такіе веселые, а сегодня по-утру, говорятъ, опять была баталія.

Анна Ивановна. За что?

Степанида Ѳедоровна. А кто ихъ знаетъ,—чай, все за булочника.

Анна Ивановна. Да ты провѣдай какъ-нибудь, Степанидушка; зайди къ нимъ, узнай все толкомъ!... Ахъ, батюшка, какой ревнивецъ этотъ Григорій Ивановъ!... Матрешка, подыми платокъ!.. Кажется, человѣкъ онъ не глупый, трезвый...

Степанида Ѳедоровна. И самый смирный, матушка! Да сожительница-то его такая нравная!... Онъ слово, она десять. Вотъ недѣли три тому назадъ схватились они при мнѣ ругаться. Гдѣ мужу!... Такъ и засыпала!... Ужъ она причитала, причитала; и отецъ-то его былъ пьяница, и мать гуляка, и бабушка вѣдьма кіевская!—Я говорю: „Полно, Кондратьевна, перестань!... Что ты этакъ позоришь мужа? Ну, какой бы онъ ни былъ, хоть лыкомъ шитый, а все-таки онъ тебѣ мужъ“. Куда!... Моя баба такъ на стѣну и лѣзетъ!... Да такія начала слова говорить, что я не знала куда и дѣваться!... Ну, нечего сказать—язычекъ!... Вотъ ей бы мужемъ-то нашего лавочника,—у него бы она немного поговорила!—Фу, какой крутой, матушка! Чуть жена не по немъ, тотчасъ и за косу!

Анна Ивановна. Скажите пожалуйста, какая же притворщица эта Кондратьевна!.. Вотъ прошлый разъ, какъ я мирила ее съ мужемъ, жалко было видѣть: плачетъ, бѣдненькая,—ну, вотъ такъ и разливается! И житья-то ей вовсе нѣтъ, и мужъ бьетъ ее походя. Ревнуетъ ее къ булочнику, а она о булочникѣ вовсе и не думаетъ; да вѣдь божится, образъ со стѣны снимаетъ... Аксютка, что ты?... Чему, дура смѣешься?

Аксинья. Такъ-съ.

Анна Ивановна. Врешь, врешь!... и такъ! —Чему ты смѣялась?

Аксинья. Да такъ-съ, ничему-съ.

Степанида Ѳедоровна. Эхъ, матушка Анна Ивановна! Кондратьевна божится... Что это божба? — Коли наша сестра сама себя не бережетъ, такъ что ей образъ со стѣны снять?—Покаюсь, дескать, разомъ во всѣхъ грѣхахъ на исповѣди“.

Анна Ивановна. Ахъ, батюшки!... Да неужели въ самомъ дѣлѣ?... Да если это правда, такъ я булочнику завтра же отъ квартиры откажу...

Степанида Ѳедоровна. И, ваше превосходительство, отъ этого не уйдешь! Мало ихъ есть такихъ же, какъ ваши, генеральныхъ домовъ, а, поглядишь, въ рѣдкомъ не живетъ-нибудь какой-нибудь амурной дамы.

Digitized by Google

Анна Ивановна. Что мнѣ на другихъ смотрѣть: мнѣ никто не указъ, Степанида Ѳедоровна! Стану я въ моемъ домѣ такіе безпорядки терпѣть!

Степанида Ѳедоровна. Да ужъ нынче такой свѣтъ, матушка! Бывало дѣвушка лѣтъ двадцати пяти не смѣетъ вонъ изъ дому выйти. Побываетъ разъ въ году, объ Святой, подъ Новинскимъ, да и дожидается другой Святой. А теперь какая-нибудь дѣвченка, лѣтъ семнадцати, такъ-таки и наровитъ шмыгнуть каждое воскресенье въ Марьину рощу, на Ваганьково, въ Нескучное... Совсѣмъ избаловались!

Анна Ивановна. Я этого и знать не хочу! Тамъ что хочешь дѣлай, но у меня-то въ домѣ... Матрешка, вынеси моську!.. Нѣтъ, Степанида Ѳедоровна, не стану я смотрѣть сквозь пальцы. Хочешь жить въ моемъ дому, такъ живи честно! *(Входитъ управитель).* А, Прокофій!... Ну что, былъ у квартальнаго?

Прокофій. Былъ, ваше превосходительство; поручика не засталъ дома, такъ ходилъ къ самому надзирателю. Приказалъ вамъ доложить: „Я, дескать, для Анны Ивановны готовъ бы все сдѣлать, ея превосходительство первый человѣкъ въ моемъ кварталѣ; да только, дескать, никакъ нельзя жильца выгнать тотчасъ изъ дому: это, дескать, противно городовому положенію; всякому жильцу дается для пріисканія новой квартиры законный срокъ.

Анна Ивановна. Какъ? Такъ этотъ негодяй, который нанимаетъ у насъ внизу подъ самой моей спальней, не выѣдетъ сегодня?

Прокофій. Нѣтъ, сударыня, онъ еще съ недѣлю у насъ проживетъ.

Анна Ивановна. Что ты говоришь?... Цѣлую недѣлю!

Прокофій. А, можетъ быть, и дольше; время-то пришло такое, сударыня. Вотъ зимою можно было бы какъ-нибудь понудить; вьюшки у печей обобрать, окно выставить, а теперь что станешь съ нимъ дѣлать?...

Анна Ивановна. Правда, правда!... Нельзя ли какъ-нибудь хоть черезъ недѣлю-то его выжить?

Прокофій. Да не прикажете ли сходить къ частному? Онъ, можетъ быть, покруче повернетъ.

Анна Ивановна. Сходи, Прокофій, сходи!... Вотъ навязали себѣ какого жильца на шею. Невѣжа, грубіянъ!... На прошлой недѣлѣ я иду садиться въ карету; гляжу, этотъ пострѣлъ стоитъ въ сѣняхъ,—подбоченился такимъ фертикомъ! А вѣдь не на что взглянуть: плюгавецъ этакій, фрачишка истасканный, всѣ швы бѣленьки, жилетка замасленная, а туда жъ одѣтъ по модѣ: въ перетяжку, волосы въ кружокъ, бородка, въ желтыхъ заштопанныхъ перчаткахъ, ну точь въ точь запачканная модная картинка! Вотъ я думаю: „поклонится!“ Какъ бы не такъ!... Вытащилъ изъ кармана роговую лорнетку, воткнулъ въ правый глазъ, да и смотритъ на меня, какъ будто бъ въ стѣну! Головой не пошевелилъ, мужикъ этакій, неучъ! А вчера сажусь въ карету,—глядь, стоитъ, голубчикъ, у окна, въ изорванномъ халатишкѣ, въ какой-то жидовской ермолкѣ и такъ-то важно курить свою копѣечную сигарку!—Ну, хоть бы видъ одѣлалъ, что хочетъ спрятаться; нѣтъ, — такъ и лѣзетъ вонъ изъ окна!.. Наглецъ этакій, нахалъ!... А все, Прокофій, твое несмотрѣнье!... Ну какъ не видѣть съ перваго взгляду!...

Прокофій. Помилуйте, ваше превосходительство,—вѣдь жильцы-то всякіе бываютъ—не узнаешь. Вотъ если бъ намъ попался еще такой же жилецъ, какъ этотъ живописецъ, который нанимаетъ внизу другую половину...

Анна Ивановна. Да, нечего сказать, учтивый человѣкъ! Третьяго дня, какъ я пріѣхала отъ моей сватьи, онъ изъ кареты меня высадилъ... И видъ у него такой пріятный! да что бы ему вовсе не переѣхать къ намъ жить? Вѣдь онъ здѣсь не ночуетъ, Прокофій?

Прокофій. Нѣтъ, сударыня, никогда не ночуетъ. Онъ живетъ у родного дяди на хлѣбахъ, а сюда приходитъ только рисовать. Дядя-то у него человѣкъ семейный,—тѣсненько, негдѣ ему со своимъ инструментомъ расположиться, такъ и нанимаетъ для этого квартиру. „Ко мнѣ же, говоритъ, господа пріѣзжаютъ списывать съ себя портреты, а иногда и барыни, такъ надобно же имѣть для этого особую квартиру. Вотъ, говоритъ, и теперь снимаю по секрету портретъ съ одной барыни; хочетъ, дескать, въ именины подарить своему мужу“.

Анна Ивановна. Это не та ли, Прокофій, что раза по два въ недѣлю пріѣзжаетъ?

Прокофій. Должно быть та, сударыня; она и теперь здѣсь.

Анна Ивановна. Чтожъ онъ такъ долго съ нея списываетъ?

Прокофій. Да, говоритъ, четыре портрета ужъ перепортилъ; не можетъ потрафить.

Анна Ивановна. А что, узналъ-ли ты, кто эта барыня?

Прокофій. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Анна Ивановна. Какъ-же, я тебѣ приказывала...

Прокофій. Да въ прошлый разъ, какъ она изволила пріѣзжать, меня не было дома.

Анна Ивановна. Смотри-же, сегодня узнай непремѣнно.

Прокофій. Слушаю, сударыня *(Входитъ слуга; Прокофій уходитъ).*

Анна Ивановна. Что ты?

Слуга. Андрей Сергѣевичъ Перебиваевъ. Прикажете принять?

Анна Ивановна. Проси!... Давно онъ ко мнѣ не завертывалъ. То-то, чай, вѣстей-то привезъ!... Все знаетъ, что дѣлается и въ своихъ, и въ чужихъ краяхъ; а ужъ о Москвѣ и говорить нечего: всѣ дома ему приказаны. И какъ онъ успѣетъ вездѣ побывать, все вывѣдать...

Степанида Ѳедоровна. На томъ стоитъ матушка! И люди-то у него всѣ такъ приметаны шныряютъ вездѣ, да все пронюхиваютъ.

Анна Ивановна. Вотъ охота, подумаешь, мѣшаться въ чужія дѣла; видно, своихъ-то мало! *(Входитъ Перебиваевъ).* А, рѣдкій гость!... Андрей Сергѣевичъ!.. Прошу покорно!...

Перебиваевъ *(цѣлуя руку у Чокиной).* Здравствуйте, Анна Ивановна! Какъ ваше здоровье?

Анна Ивановна. Да такъ, батюшка! Богъ грѣхамъ терпитъ, живу понемногу. Забылъ ты меня, старуху! Легко-ли—цѣлыхъ два мѣсяца!

Перебиваевъ. Да меня въ городѣ не было.

Анна Ивановна. А гдѣ-жъ ты былъ?

Перебиваевъ. Все разъѣзжалъ по разнымъ подмосковнымъ; былъ у графа Яворскаго, у княгини Луцкой, у Дедюнина, ѣздилъ къ Троицѣ...

Анна Ивановна. Одинъ?

Перебиваевъ. Нѣтъ; насъ ѣздило четырнадцать человѣкъ, цѣлое общество, – въ аеріэнѣ...

Анна Ивановна. Въ чемъ, батюшка?

Перебиваевъ. Въ аеріэнѣ – это родъ большой крытой линеи на лежачихъ рессорахъ. По гладкой дорогѣ спокойно, очень спокойно!... Неловко только, что сидишь бокомъ и ногъ нельзя протянуть, да по сторонамъ ничего не видно и, если пойдетъ дождь, такъ я вамъ скажу, нитки живой не останется!... А, впрочемъ, пріятно,

Digitized by Google

очень пріятно! Прекрасная выдумка!... О, французы на это мастера!

Анна Ивановна. Да полно, батюшка, хвалить этихъ французовъ!... Меня выгнали изъ дому... Москву сожгли... разбойники этакіе!... Скажи-ка лучше, что новенькаго?

Перебиваевъ. Не спрашивайте! Я ничего не знаю. Я все ѣздилъ по деревнямъ, иностранныхъ газетъ въ глаза не видѣлъ... Слышалъ я какъ-то мимоходомъ, что англичанъ поколотили въ Индіи, да въ Испаніи также дѣла плохо идутъ..

Анна Ивановна. И, батюшка, что намъ до чужихъ! Ты мнѣ скажи, что въ Москвѣ-то дѣлается?...

Перебиваевъ. Да ровно ничего. Москва пуста; въ театрѣ никого, въ Петровскомъ паркѣ очень мало, въ воксалѣ бываетъ человѣкъ по двадцати,—тоска да и только!—А, кстати!... Вы знаете Ивана Андреевича Хлынова?

Анна Ивановна. Какъ-же, батюшка,—съ его покойной женой мы были большія пріятельницы.

Перебиваевъ. Женился.

Анна Ивановна. На комъ?

Перебиваевъ. На мадамъ, которая была при его дочеряхъ.

Анна Ивановна. Какъ? На этой нѣмкѣ Шарлотѣ Карловнѣ?

Перебиваевъ. Да, да, я и на свадьбѣ былъ. Вѣнчались у Николы въ Звонаряхъ.

Анна Ивановна. Скажите, пожалуйста!... Сынъ въ службѣ, дочери невѣсты!... Ахъ онъ старый дуракъ!...

Перебиваевъ. Посмотрите, они пріѣдутъ къ вамъ съ визитомъ.

Анна Ивановна. Не приму, батюшка, не приму! *(Входитъ Ольга Николаевна Влонская).*

Влонская Здравствуйте, тетушка!

Анна Ивановна *(вставая съ дивана)*. А, Ольга Николаевна!... Здравствуйте, матушка!... Милости просимъ, прошу покорно садиться!

Влонская. Вы на меня сердитесь, тетушка?

Анна Ивановна. За что, Ольга Николаевна?.. Что вы у меня не были три недѣли?... Помилуйте, да кто нынче за это сердится?... Вы-же, матушка, женщина модная, живете въ большомъ свѣтѣ... Стыдно, племянница, стыдно!... Ну, да Богъ съ тобою!... Здравствуй, мой другъ! *(Цѣлуется съ Влонской и сажаетъ ее подлѣ себя).*

Перебиваевъ. Какъ ваше здоровье, Ольга Николаевна...

Влонская. Слава Богу, Андрей Сергѣевичъ! Да съ вами что дѣлается?... Я васъ нигдѣ не встрѣчаю.

Перебиваевъ. Меня не было въ Москвѣ

Влонская. Вѣдь, это ваши дрожки стоятъ на дворѣ?

Перебиваевъ. Мои, Ольга Николаевна.

Влонская. А чья-жъ карета?..

Анна Ивановна. Это, матушка, какая-то барыня пріѣхала къ моему жильцу?..

Влонская. Къ вашему жильцу? .

Анна Ивановна Да, портретный живописецъ.

Влонская. Вотъ что!—Такъ у васъ въ дому atelier?.. А что, этотъ живописецъ старикъ?

Анна Ивановна. Нѣтъ, человѣкъ молодой

Влонская. Хорошъ собою?

Анна Ивановна. Такъ себѣ!... Однакожъ довольно пріятной наружности. Ну что, племянница, что въ вашемъ свѣтѣ новенькаго?

Влонская. Ничего, ma tante! одно только, да я думаю вы слышали: Зоринскіе выдали старшую дочь свою за какого-то французскаго графа.

Перебиваевъ. А, кстати! Хотите-ли, я разскажу вамъ объ этой свадьбѣ престранную исторію!

Влонская. Ахъ, сдѣлайте милость!

Анна Ивановна *(покачивая головой)*. Выдали свою дочь за француза!... Охъ, напрасно!

Перебиваевъ. Подлинно напрасно, Анна Ивановна! Да вотъ изволите видѣть: этотъ французъ обѣщался остаться навсегда въ Россіи; малый ловкій, прекрасный собою, — ослѣпили! Третьяго дня была свадьба, а сегодня по-утру я пріѣхалъ ихъ поздравить. Вслѣдъ за мной пріѣзжаетъ Иванъ Ивановичъ Тумаковъ. Ну, вотъ этотъ старикъ, — вы знаете, Анна Ивановна, у котораго жена такая вертлявая—хорошенькая! Онъ еще возилъ ее лѣчить прошлаго года въ Карлсбадъ, — ну, знаете!... Зоринскій, какъ слѣдуетъ, подвелъ къ Ивану Ивановичу молодого зятя; мой Тумаковъ смѣшался, покраснѣлъ; а когда хозяинъ назвалъ своего зятя по имени, такъ онъ совсѣмъ растерялся: прошепталъ что-то сквозь зубы, присѣлъ на минуту, да и вонъ. Я думаю: „Что такое? Тутъ что-нибудь да есть!“ Вотъ я вслѣдъ за Тумаковымъ; онъ домой, я къ нему. „Иванъ Иванычъ“,—спросилъ я,—„что это вы были такъ сконфужены?... Вы какъ будто-бы испугались этого француза?“—„Охъ, батюшка“,—сказалъ Тумаковъ, — „бѣдные Зоринскіе! Вѣдь, они дочь-то свою погубили!„—„Какъ такъ!“—„Да такъ: этотъ французъ воръ!“—„Воръ! Что вы говорите, Иванъ Ивановичъ?“—„Да, батюшка, воръ. Вы знаете, мы прошлаго года ѣздили въ Карлсбадъ; на водахъ обыкновенно бываетъ всякій сбродъ. Вотъ и этотъ французъ тамъ былъ. Мнѣ онъ съ перваго взгляда показался что-то подозрительнымъ. Графъ!... Какой графъ! Не графскія вовсе ухватки... А дѣлать нечего, — на водахъ зала общая. Вотъ этотъ французъ танцуетъ съ той, съ другой, танцуетъ и съ моей женой, и этакъ, знаете ли, куртизанитъ. Да это мнѣ ничего! Я знаю мою Катеньку: у нея, батюшка, немного выторгуешь! Вотъ однажды пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ князь Дунаевъ: онъ также со всѣмъ семействомъ пріѣхалъ на все лѣто въ Карлсбадъ; меня посадили играть въ вистъ, а Катенька, которая съ утра еще жаловалась на мигрень, отправилась домой: мы сѣли играть этакъ часу въ десятомъ. На второмъ роберѣ съ хозяиномъ сдѣлалось дурно: во всемъ домѣ поднялась такая суматоха: жена плачетъ, дѣти въ тревогѣ; послали за докторомъ. Ну, разумѣется, какой ужъ тутъ вистъ! Всѣ гости по домамъ; отправился и я. Мы нанимали домикъ у самаго выѣзда. Вотъ я подошелъ къ дверямъ, началъ звонить въ колокольчикъ: вдругъ вижу — прыгъ кто-то изъ окна! Я закричалъ: „воры, воры!“... Бросился за мошенникомъ, поймалъ его за фалду: онъ обернулся — гляжу: французскій графъ!.. У меня такъ руки и опустились!.. Слышу, и въ домѣ кричитъ Катенька: „воры, воры!“... Я совсѣмъ потерялъ голову... Между тѣмъ этотъ самозванецъ графъ вырвался, да и давай Богъ ноги!... Я кричу: „держи, держи“ Кому держать: на улицѣ пусто. Вотъ, наконецъ, выбѣжали изъ моего дома люди, а я скорѣй къ женѣ: вхожу въ спальню — бѣдная Катенька лежитъ безъ чувствъ!... Представьте себѣ: только что хотѣла она раздѣваться, вдругъ слышитъ, что окно потихоньку растворилось и какой-то человѣкъ шмыгъ прямо въ комнату. Въ эту самую минуту я позвонилъ у дверей, а воръ и назадъ тою же дорогою. Катенька говоритъ, что видѣла у него въ рукѣ ножъ и такъ испугалась, что не могла никакъ разсмотрѣть его въ лицо. Богъ.., этотъ разбойникъ не успѣлъ [illegible]

оглядѣться: на бюро стоялъ ящикъ съ ея брилліантами, лежалъ кошелекъ съ деньгами — все осталось цѣло. Пропало только любимое ея колечко съ брилліантикомъ, которое она только-что сняла съ пальца и положила на туалетный столикъ... Разумѣется, батюшка,—прибавилъ Тумаковъ,—этотъ подложный графъ въ ту же ночь ускакалъ изъ Карлсбада Только бѣдная моя жена такъ перепугалась, что послѣ этого недѣли три была въ безпрерывной истерикѣ съ утра до вечера,—плачетъ, да и только!"

Анна Ивановна. Ну, батюшка, какая, въ самомъ дѣлѣ, странная исторія!

Влонская *(смѣется)*. Да, очень странная!.. И Тумаковъ точно увѣренъ, что этотъ французъ воръ?

Перебиваевъ. Да хоть зарѣжь его: стоитъ въ томъ, да и только.

Влонская. Бѣдняжка!..

Перебиваевъ. А что всего-то забавнѣе: онъ это дѣло такъ не оставилъ и жаловался на другой день тамошнему правительству.

Влонская. Нѣтъ, шутите?

Перебиваевъ. Право!—„Представьте себѣ", —говоритъ,—„судья не хотѣлъ меня и слушать!"— „Вы, дескать, какъ-нибудь осмотрѣлись. Этотъ графъ человѣкъ извѣстный; ну, можетъ ли быть онъ воромъ?"—„Да помилуйте,—закричалъ я,— какъ же онъ не воръ? Катенька видѣла у него въ рукѣ ножъ, онъ вылѣзъ изъ окна ея спальни; я самъ это видѣлъ своими глазами!"—„И что жъ вы думаете? Судья такъ и померъ со смѣху!—Вотъ оно, батюшка,—прибавилъ Тумаковъ,—славны бубны за горами. Вотъ оно правосудіе-то въ чужихъ краяхъ,—ищи его!"

Анна Ивановна. Да, батюшка, да! Конечно, лучше бы сидѣть дома; и мужья-то бы меньше вѣтреничали и жены-то были бы вѣрнѣе.

Влонская. Ну, этого, тетушка, не говорите! Кто не бережетъ своей репутаціи, тотъ будетъ вести себя дурно и въ Парижѣ, и въ Карлсбадѣ, и въ Москвѣ...

Анна Ивановна. Извините, матушка,—мы еще, благодаря Господа, не дошли въ этомъ до иностранцевъ У насъ есть и стыдъ и совѣсть. Не побоимся Бога, такъ добрыхъ людей постыдимся; а тамъ, вѣдь, это ни по чемъ. У насъ въ Москвѣ барыня ѣздитъ въ экипажахъ съ лакеями; пѣшкомъ пойдетъ—слуга позади. А, вѣдь, это, матушка, почетная стража; иная бы и свихнулась, можетъ быть, да, вѣдь, не легко, сударыня, взять себѣ въ конфиденты какого-нибудь Егорку или Андрюшку. А тамъ что?.. Воля! Надѣнетъ вуаль, да и пошла себѣ бродить по улицамъ.

Влонская. И, тетушка, женщина безъ правилъ найдетъ возможность и въ Москвѣ вести себя дурно.

Анна Ивановна. Знаю, матушка, знаю! Бываютъ и услужливыя знакомыя—добрыя вдовушки; есть и модные магазины. Мужъ дожидается въ лавкѣ, а жена пойдетъ платье примѣривать, — все знаю! Да, вѣдь, не у всякой же есть такая сердобольная пріятельница и не всякая также захочетъ повѣрить свою честь какой-нибудь модной торговкѣ.

Влонская. Васъ, тетушка, не переспорить! *(Вставая)*. Однако жъ прощайте! Я, вѣдь, къ вамъ заѣхала на минутку; мнѣ до обѣда надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ. *(Анна Ивановна и Перебиваевъ встаютъ)*.

Анна Ивановна. Такъ, такъ! Всегда на одну минуту.

Влонская. Я завтра къ вамъ пріѣду на цѣлый вечеръ, тетушка.

Анна Ивановна. Спасибо, мой другъ, спасибо!—Смотри же, не забудь!

Влонская. Какъ это можно! *(Анна Ивановна провожаетъ Влонскую, которая, взглянувъ мимоходомъ въ окно, останавливается)*. А, вотъ уѣзжаетъ эта дама, что списываетъ съ себя портретъ!

Анна Ивановна Постой-ка, матушка, и я взгляну,—что она, какова собою. *(Всѣ подходятъ къ окну)*.

Влонская. Вотъ она вышла садиться... Ахъ, да это Марья Васильевна!

Анна Ивановна. Какая Марья Васильевна?

Влонская. Чернозерская.

Анна Ивановна. Какая Чернозерская?

Влонская. Урожденная княжна Долина! Да вы, я думаю, были знакомы съ ея матерью.

Анна Ивановна. Давно, матушка, еще до французовъ. Такъ это ея дочь?... Не дурна собою!

Влонская. Вотъ, тетушка, вы сейчасъ спорили... Да хоть эта Чернозерская,—что, какъ вы думаете, она списываетъ съ себя портретъ для кого?

Анна Ивановна. Для мужа, матушка, я это знаю.

Влонская. Вотъ то-то и есть, что не знаете! Они съ мужемъ никогда не были заграницею, а посмотрите какъ живутъ! Мужъ разоряется на какую-то актрису, а жена влюблена въ графа Сицкаго. Я думаю, вы также слыхали объ этомъ? Человѣкъ холостой, ни отца, ни матери, семь тысячъ душъ...

Анна Ивановна. Скажите, пожалуйста— этакій женихъ!... Чѣмъ бы выбрать себѣ невѣсту, а онъ... то-то-бы сѣкъ да сѣкъ!

Перебиваевъ. Всѣхъ не пересѣчете, Анна Ивановна.

Анна Ивановна. Да еще правда ли это?... Я, матушка, не слишкомъ вѣрю этимъ сплетнямъ.. Вабочка молоденькая,—можетъ быть, немножко и вѣтряная... не остереглась, пококетничала, а ужъ тутъ и пойдутъ!...

Влонская. Да объ этомъ вся Москва говоритъ.

Анна Ивановна. Москва говоритъ! Да о чемъ наша матушка Москва не болтаетъ? Пусти лишь только въ ходъ какую-нибудь злость, она, моя голубушка, и пойдетъ плести!... Такая кружевница, что не приведи Господи!

Влонская. Ну, если вы, тетушка, этому не вѣрите,.

Анна Ивановна. Не вѣрю, матушка! А еслибъ это была и правда, такъ вѣрно бы она не выбрала моего дома, чтобъ списывать съ себя портреты для любовниковъ... А вотъ и мой жилецъ идетъ!...

Влонская. Кто? Этотъ молодой человѣкъ съ портфелемъ?.., Такъ онъ-то списываетъ портретъ съ Чернозерской?

Анна Ивановна. Да, мой другъ! Онъ портретный живописецъ.

Влонская. Хорошъ живописецъ!... Андрей Сергѣевичъ, посмотрите, посмотрите!..

Перебиваевъ. Что это?... Графъ Сицкій...

Анна Ивановна. Кто, батюшка, кто?...

Перебиваевъ. Графъ Сицкій, Анна Ивановна.

Анна Ивановна. Какъ? Тотъ самый?...

Влонская. Да, тетушка, тотъ самый *(Смѣется)*.

Перебиваевъ. Ну, какая исторія!... Ужъ какъ же я распотѣшу князя Григорія и Марью Власьевну!... Извините, Анна Ивановна, я вспомнилъ, мнѣ надобно ѣхать. Честь имѣю кланяться! *(Уходитъ)*.

Влонская *(продолжая смѣяться)*. Ну, тетушка,

Digitized by Google

какіе у васъ живутъ въ домѣ художники!... Прощайте!... До завтраго *(Уходитъ). Анна Ивановна въ совершенномъ оцѣпенѣніи падаетъ на кресла (Двери потихоньку растворяются и входитъ Прокофій).*

Прокофій. Узналъ, сударыня: эта барыня Марья Васильевна Чернозерская.

Анна Ивановна *(вскакиваетъ)*. Пошелъ вонъ!... Постой!... Всѣ пожитки этого живописца выкинь на дворъ, дверь на замокъ, и чтобъ съ этой минуты нога его въ моемъ домѣ не была!

Прокофій. Какъ, ваше превосходительство?... Да помилуйте, срокъ еще не вышелъ!

Анна Ивановна. Срокъ!... Какой тутъ срокъ?... Вонъ его, вонъ! Самозванецъ мерзкій.. Осмѣлиться... въ моемъ домѣ!... Ахъ, смерть моя!... Душно!... Аксютка!... Матрешка!.. Капель, капель!... *(Опускается опять въ кресла. Дѣвушки около нея суетятся; экономка даетъ нюхать спиртъ, а Прокофій стоитъ какъ вкопанный у дверей и смотритъ съ удивленіемъ на эту картину).*

IX.

МАРЬИНА РОЩА.

„Вы можете смѣяться, но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе рождаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ не думаютъ грубые азіатцы и которыми славились умные греки".

Карамзинъ.

Куда, подумаешь, какъ богата наша матушка Москва садами, бульварами и всякими другими частными и народными гульбищами. Чего другого, а ужъ въ этомъ мы вовсе не нуждаемся. Взойдите лѣтомъ на Ивана Великаго, взгляните кругомъ и вы увидите передъ собою не городъ, а безпредѣльное зеленое море, усыпанное домами. Увѣряю васъ, это вовсе не піитическая выходка, а самое вѣрное выраженіе истины. Исключая средину города, гдѣ строеніе, по большей части, сплошное, вы рѣдко встрѣтите домъ, при которомъ не было бы хотя маленькаго садика, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ кустовъ бузины и акаціи. Въ Москвѣ считается садовъ публичныхъ шесть, ботаническій одинъ, частныхъ *тысяча двадцать четыре* и пятнадцать бульваровъ, изъ которыхъ иные могутъ назваться садами. Изъ городскихъ садовъ, открытыхъ для публики, самые лучшіе: Дворцовый садъ за Москвою рѣкою, Нескучное, Лафертовскій или Слободской садъ и Прѣсненскіе пруды. Кремлевскіе сады прекрасны, но они болѣе походятъ на затѣйливые бульвары, чѣмъ на сады. Весною лучшее московское общество гуляетъ до обѣда на Тверскомъ бульварѣ, а купцы, послѣ обѣда, въ Кремлевскихъ садахъ. Въ этихъ же садахъ есть довольно обширный лугъ, который такъ же, какъ и Тверской бульваръ, можетъ назваться аристократическимъ гуляньемъ, но только не взрослыхъ, а дѣтей. Всякій разъ, когда мнѣ случается проходить кремлевскими садами, весной, часу въ двѣнадцатомъ утра, я останавливаюсь и смотрю иногда по цѣлому часу на веселыя игры и бѣготню этихъ милыхъ крошекъ; любуюсь ихъ прелестными нарядами и гляжу также съ нѣкоторымъ удовольствіемъ на этихъ, по большей части, молодыхъ и щеголевато одѣтыхъ, нянюшекъ, которыя, играя въ горѣлки и мячики со своими малютками, посматриваютъ украдкою на проходящихъ и, обдергивая измятыя платьица дѣтей, не забываютъ приглаживать собственные свои волосы и оправлять свои газовыя косынки.

Не знаю, существуетъ ли еще въ Петербургѣ знаменитый садъ г-на Ганина; если ужъ онъ опустѣлъ и заросъ, если его досчатая башня *древлянка* развалилась и деревянный Вольтеръ пересталъ кланяться всѣмъ гуляющимъ, то я могу сказать его поклонникамъ: утѣшьтесь,—типъ этихъ садовъ не вовсе погибъ: у насъ въ Москвѣ есть также садъ, который едва ли еще не затѣйливѣе сада г-на Ганина. Онъ не великъ, это правда, но сколько въ немъ необычайныхъ и особеннаго рода красотъ! Какое дивное смѣшеніе истины съ обманомъ! Вы идете по крытой аллеѣ, въ концѣ ея стоитъ огромный солдатъ во всей формѣ. Не бойтесь,—онъ алебастровый. Вотъ на небольшой лужайкѣ, посреди оранжерейныхъ цвѣтовъ, лежитъ корова... Какая неосторожность! .. Успокойтесь, — она глиняная. Вотъ китайскій домикъ, греческій храмъ, готическая башня, крестьянская изба; вотъ гуси и павлины, вотъ живая горная коза, вотъ деревянный русскій баранъ, вотъ прудъ, мостики, плоты, шлюпки и даже военный корабль! Однимъ словомъ, вы на каждомъ шагу встрѣчаете что-нибудь неожиданное и новое, и все это, если не ошибаюсь, на одной десятинѣ земли. Этотъ садъ можно также причислить къ разряду публичныхъ садовъ, потому-что онъ, благодаря радушному хозяину, открытъ для всѣхъ, желающихъ полюбоваться его затѣйливымъ разнообразіемъ.

Наши загородныя гульбища также очень многочисленны; у насъ есть свой *пратеръ*, свое *тиволи;* оба эти названія вы можете прочесть въ афишкахъ, въ которыхъ съ такимъ краснорѣчіемъ приглашаютъ васъ, за тридцать копѣекъ серебромъ, гулять, сколько вамъ угодно, по тѣнистымъ дорожкамъ, смотрѣть безденежно на чрезвычайныя представленія эквилибристовъ, быть зрителемъ морскихъ сраженій, происходящихъ на покрытыхъ зеленью прудахъ и узенькихъ каналахъ; восхищаться пятидесяти-рублевымъ фейерверкомъ, или дивиться изобрѣтательности ума человѣческаго, смотря на воздушный шаръ изъ китайской бумаги, который, какъ извѣщаютъ обыкновенно въ афишкахъ, *будетъ пущенъ при звукахъ военной музыки.* Петровскій паркъ, Останкино, Сокольники, Марьина роща и Петровское-Разумовское—вотъ загородныя гулянья, болѣе другихъ посѣщаемыя московскими жителями. Я не говорю уже о прогулкахъ въ Коломенское, Кусково, Кунцево и еще нѣсколько далѣе отъ Москвы: въ Царицыно, Архангельское, Спасское, Братцово, Марѣино, Кузминки – всѣ эти царскіе потѣшные дворцы и подмосковныя русскихъ бояръ, очаровательные или мѣстоположеніемъ своимъ или роскошью своихъ садовъ, открыты для всѣхъ посѣтителей.

Я люблю вообще противоположности: вѣчное лѣто мнѣ точно такъ же бы надоѣло и сдѣлалось несноснымъ, какъ и безпрерывная зима. Мнѣ пріятно иногда провести ночь на пышномъ балѣ, въ кругу лучшаго московскаго общества, полюбоваться великолѣпнымъ убранствомъ и освѣщеніемъ нашихъ аристократическихъ гостиныхъ, посмотрѣть на этотъ роскошный цвѣтникъ московскихъ красавицъ, на ихъ воздушные и легкіе наряды, подъ-часъ довольно тяжелые для мужей и отцовъ. Но я люблю также иногда просидѣть вечеромъ у какой-нибудь замоскворѣцкой барыни, у которой домъ освѣщенъ рублевыми кенкетами и сальными свѣчами; люблю попировать на свадьбѣ русскаго купца, у котораго каждаго гостя встрѣчаютъ молодые при звукѣ трубъ и литавръ, гдѣ, во время бала, васъ угощаютъ

Digitized by Google

брусничною водою, чаемъ, виноградным виномъ, шоколадомъ, финиками, сладкою водкою и бабыкомъ, и гдѣ за ужиномъ хозяинъ и хозяйка просятъ васъ кушать непремѣнно за четверыхъ, приговаривая: „да ужъ сдѣлайте милость, батюшка, поневольтесь!“ Мнѣ случалось также, и право не безъ удовольствія, трапезничать у русскаго мужичка, когда онъ справляетъ храмовой праздникъ своего селенія, пить вмѣстѣ съ нимъ пѣненую брагу, кушать вареную баранину или пирогъ съ капустою и лакомиться каленными орѣхами. Я люблю особенно эти противоположности тогда, когда между ними нѣтъ никакихъ постепенныхъ переходовъ, и онѣ, такъ сказать, встрѣчаются межъ собою, и вотъ почему рѣшился, въ послѣднее воскресенье прошлаго іюля мѣсяца, побывать въ одинъ и тотъ же день въ Марьиной рощѣ и въ Петровскомъ паркѣ. Эти два загородныя гулянья не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга; но общества, ихъ посѣщающія, до такой степени различны межъ собою, что даже цыгане, которые поютъ въ Петровскомъ вокзалѣ, не хотятъ знаться и водить хлѣбъ-соль съ цыганами и цыганками, забавляющими посѣтителей Марьиной рощи. Время было прекрасное; тихо, нигдѣ ни облачка. Я велѣлъ заложить мою пролетку и отправился.

Отъ Пресненской заставы до Марьиной рощи я ѣхалъ Ходынскимъ полемъ, мимо лѣтняго бѣга и скачки; потомъ, оставивъ на лѣвой рукѣ Петровскій паркъ и Бутырки, доѣхалъ по дорогѣ, проложенной межъ огородовъ и луговъ, до Березовой рощи, перерѣзанной во всю ея длину широкою просѣкою.

Я приказалъ кучеру дожидаться меня у большой рощи, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Эта роща отдѣляется отъ другой, не очень обширной, которая примыкаетъ къ Лазареву кладбищу, широкимъ и продолговатымъ лугомъ. На немъ бываетъ въ Семикъ одно изъ лучшихъ годовыхъ московскихъ гуляній. Марьина роща или Марьины рощи, бывшія нѣкогда нѣмецкимъ кладбищемъ, принадлежатъ теперь графу Шереметеву. Олеарій, въ своемъ путешествіи по Россіи при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, упоминаетъ о нѣмецкомъ кладбищѣ за Покровскими воротами, слѣдовательно, должно было-бы полагать, что въ Марьиной рощѣ погребали иновѣрцевъ еще при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ Годуновѣ; но надпись на одномъ могильномъ камнѣ, на которомъ вырѣзанъ тысяча шестьсотъ шестьдесятъ восьмой годъ, противорѣчитъ этой догадкѣ; впрочемъ, можно сказать утвердительно, что въ царствованіе Петра Великаго это кладбище было вовсе оставлено и, судя по названію „Нѣмецкіе станы“, которое и до-нынѣ еще старики даютъ Марьиной рощѣ, вѣроятно, превратилось въ загородное гулянье иноземцевъ, жившихъ тогда въ Нѣмецкой слободѣ... Въ большой рощѣ гуляющихъ было немного; кой-гдѣ сидѣли отдѣльными группами семейства купцовъ и ремесленниковъ. Одни пили чай на каменныхъ могильныхъ плитахъ, изъ которыхъ многія совсѣмъ уже вросли въ землю; другіе курили трубки и бесѣдовали за бутылкой кроновскаго пива. Эти мирныя наслажденія добрыхъ и трудолюбивыхъ людей были въ совершенной противоположности съ тѣмъ, что происходило въ двухъ трактирахъ, которые стоятъ на лугу, между большою и малою рощами. Въ наружной галлереѣ одного изъ этихъ трактировъ играла музыка, то-есть какой-то краснощекій артистъ, съ затекшими отъ перепоя глазами, заливался на кларнетѣ, безобразный старикъ съ небритою бородою колотилъ въ турецкій барабанъ и полупьяная нѣмка, примаргивая правымъ глазомъ, отпускала удивительныя трели на скрипкѣ. Вокругъ этого оркестра толпились: цыганки въ запачканныхъ платьяхъ и красныхъ мериносовыхъ платкахъ, записные гуляки въ венгеркахъ, удалые купеческіе сынки въ щеголеватыхъ сибиркахъ и пьяные старики съ такими безпутными и развратными рожами, что гадко и страшно было на нихъ взглянуть. Въ другомъ трактирѣ, какъ пѣлая псарня голодныхъ собакъ, съ визгомъ и завываньемъ, ревѣла толпа цыганъ, а передъ дверьми трактира, на песчаной площадкѣ, двое растрепанныхъ оборванцевъ отхватывали *трепака*, этотъ классическій танецъ всѣхъ загородныхъ питейныхъ домовъ и трактировъ самаго низшаго разряда. Я замѣтилъ, однакожъ, что большая часть гуляющихъ по лугу или вовсе не обращала никакого вниманія на эти притоны разврата, или смотрѣла на нихъ съ явнымъ отвращеніемъ. Я пошелъ вслѣдъ за толпами, которыя спѣшили въ небольшую рощу, примыкающую къ Лазареву кладбищу. При самомъ входѣ въ это средоточіе народнаго воскреснаго гулянья, я былъ пораженъ звуками, которые сильно потрясли мою душу; они воскресили въ ней память о давно прошедшемъ, перенесли меня за семьсотъ верстъ, въ ту деревню, гдѣ я, будучи еще ребенкомъ, слышалъ такъ часто эту самую хороводную пѣсню, которая раздавалась теперь въ одномъ углу рощи. Разумѣется, я пошелъ прямо туда, протерся кой-какъ сквозь густую толпу народа и сталъ въ первомъ ряду зрителей. Почти весь хороводъ былъ составленъ изъ молодыхъ крестьянъ, и только двѣ или три сельскія дѣвушки, въ шелковыхъ повязкахъ и ситцевыхъ сарафанахъ, вмѣшались, какъ будтобы нечаянно, въ этотъ мужской кругъ. Внутри хоровода ходила пара: краснощекая дѣвушка съ потупленными глазами и молодой, видный собою дѣтина, который отъ времени до времени отпускалъ разныя *колѣнцы*, то-есть помахивалъ своимъ краснымъ платкомъ, подергивалъ лѣвымъ плечомъ и припадалъ бочкомъ къ своей дамѣ, которая продолжала ходить по-прежнему, опустивъ книзу свои *ясныя очи* и не обращая никакого вниманія на пантомиму своего кавалера. Когда кончилась пѣсня, подъ которую происходилъ этотъ танецъ, *по образу пѣшаго хожденія*, танцовавшая пара облобызалась и уступила свое мѣсто другой парѣ. Я пошелъ далѣе. Влѣво, за деревьями, подымалось нѣсколько зданій, около которыхъ тѣснился народъ. Въ самомъ большомъ изъ нихъ помѣщается главный трактиръ или, если вамъ угодно, ресторація Марьиныхъ рощъ; на высокомъ ея крыльцѣ пѣли русскіе пѣсенники, а вокругъ ходили толпами цыганки и приставали къ каждому гуляющему, хотя нѣсколько похожему на такого человѣка, который можетъ для своей забавы бросить полтину серебра и даже, при случаѣ, не постоитъ за цѣлковымъ. Одна изъ этихъ цыганокъ, безобразная какъ смертный грѣхъ, подбѣжала ко мнѣ и проговорила сиповатымъ голосомъ:

— Баринъ, голубчикъ, прикажи спѣть пѣсенку!

— Спасибо, любезная!—отвѣчалъ я очень сухо, оборотясь къ ней спиною.

— Ахъ ты, соколъ мой ясный! — продолжала цыганка, забѣжавъ съ другой стороны. —Да прикажи: потѣшь, золотой, и себя и насъ.

— Я, душенька, не охотникъ до пѣсенъ; ступай къ другимъ.

Тутъ подлетѣла ко мнѣ еще цыганка, также очень смуглая, но довольно миловидная собою.

— Ахъ, сжальтесь надъ нами! — сказала она, устремивъ на меня свои сверкающіе черные глаза.—Прикажите намъ спѣть!

Digitized by Google

сленныхъ заведеній *). Въ Москвѣ различныхъ заводовъ 198, фабрикъ 884, ремесленныхъ заведеній 2,989, всего 4,071. При нихъ рабочихъ людей 70,209 человѣкъ, что составляетъ болѣе, чѣмъ *пятую долю* всего народонаселенія Москвы. Кажется, послѣ этого Москва, еслибъ она не была нашей древней столицей, могла бы назваться, по всей справедливости, русскимъ Манчестеромъ.

Нѣкоторыя изъ московскихъ фабрикъ (не во гнѣвъ будь сказано русскимъ европейцамъ) могутъ безъ стыда поставить свои произведенія рядомъ съ лучшими произведеніями иноземныхъ фабрикъ. Фарфоръ г-на Попова, хрусталь господъ Орлова и Мальцева, серебряныя издѣлія г-на Сазикова и нѣсколько фабрикъ, на которыхъ выдѣлываются шелковыя матеріи, штофы и парчи, конечно, бы заняли почетное мѣсто вездѣ, не исключая ни Англіи, ни Франціи. Я не назвалъ въ этомъ числѣ фабрику бумажныхъ табакерокъ г-на Лукутина, потому что она, относительно, стоитъ выше всѣхъ другихъ. Табакерки, работанныя на этой фабрики, по своей отличной отдѣлкѣ, изящной формѣ, живописи, а особенно по необычайной прочности своего лака, рѣшительно превосходятъ знаменитыя брауншвейгскія. Эти московскія табакерки расходятся не въ одной Россіи: г-нъ Лукутинъ отправляетъ ихъ въ большомъ количествѣ заграницу. Многіе этому не вѣрятъ. Не вѣрилъ также этому и одинъ изъ моихъ знакомыхъ, пока не побывалъ въ Парижѣ. Отправляясь назадъ въ Россію, ему вздумалось купить въ Палероялѣ хорошую бумажную табакерку. Онъ выбралъ ту, которая ему понравилась и, любуясь ею, вѣроятно, пожалѣлъ въ душѣ, что у насъ въ Россіи не умѣютъ еще такъ работать. Представьте же себѣ его удивленіе, когда, желая обновить свою покупку, онъ увидѣлъ на внутренней сторонѣ крышки двухглаваго русскаго орла и подпись фабриканта Лукутина. Знакомый мой этому порадовался, а я знаю людей, которыхъ бы это весьма огорчило: купить русскую табакерку въ Парижѣ— да это такой срамъ, что его пережить нельзя?

***

У меня былъ пріятель—дай Богъ ему царство небесное! — Ѳедосей Гавриловичъ Прутиковъ — истинно умный и добрый старикъ, но самый отчаянный и упрямый софистъ. Его любимый парадоксъ, который онъ защищалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, покажется для всякаго очень страннымъ. Онъ увѣрялъ, что дураковъ нѣтъ на свѣтѣ; что дуракъ есть существо миѳическое, небывалое; что это просто выдумка, клевета на природу. „Да съ чего взяли",—говорилъ онъ всегда,— „что есть на свѣтѣ дураки? Чистыхъ, безусловныхъ дураковъ нѣтъ въ натурѣ: все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ каждый былъ на своемъ мѣстѣ, и тогда, повѣрьте мнѣ, дуракъ будетъ такою рѣдкостью, что его станутъ за деньги показывать. Вотъ, напримѣръ, природа создала Степана хорошимъ пастухомъ, а случай и люди сдѣлали его судьею. Ну, разумѣется, Степанъ за своимъ присутственнымъ столомъ будетъ сидѣть дуракъ дуракомъ. Да развѣ онъ въ этомъ виноватъ? Дайте-ка ему подъ команду коровъ, да кнутъ въ руки, такъ вы посмотрите, откуда у него и умъ возмется. Или знаете ли что? Представьте себѣ, что въ каретѣ сидитъ баринъ, который охотникъ до рысаковъ и выѣзжаетъ ихъ самъ на бѣгу; а на козлахъ сидитъ кучеръ, который изъ отличныхъ старостъ попалъ въ прескверные кучера, потому только что у него черная окладистая борода и плечи въ косую сажень. Баринъ, который сидитъ въ каретѣ, промоталъ глупымъ образомъ все наслѣдственное имѣніе: заводилъ конскіе заводы тамъ, гдѣ и солома въ чести, сажалъ на пашню безземельныхъ крестьянъ и строилъ фабрики именно въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ много было земли, а мало рукъ; однимъ словомъ, во всю жизнь свою дѣлалъ глупости. Кучеръ, который сидитъ на козлахъ, вовсе не умѣетъ править лошадьми: одна у него везетъ, другая нѣтъ; ту затянетъ, этой дастъ волю, пугается въ возжахъ, то зацѣпитъ за фонарный столбъ, то наѣдетъ на надолбы, — ну такое животное, что не приведи Господи! Чтожъ, батюшка? Вы вѣрно скажете: „и въ каретѣ сидитъ дуракъ и на козлахъ дуракъ".. Ахъ нѣтъ, сударь: имъ стоитъ только помѣняться мѣстами и они будутъ люди преумные.

Я обыкновенно, слушая моего пріятеля, улыбался, не спорилъ съ нимъ, дивился его краснорѣчію, но въ душѣ моей никогда не былъ съ нимъ согласенъ. Нѣтъ, есть на свѣтѣ природные дураки, которые во всякомъ состояніи и во всякомъ званіи останутся дураками, только ихъ не такъ много, какъ думаютъ иные. Совершенные умницы и совершенные дураки рѣдки, люди умные и люди простые встрѣчаются несравненно чаще. Есть также люди, которые кажутся глупыми, а межъ тѣмъ ведутъ себя и поступаютъ очень умно, есть и такіе, которые славятся своимъ умомъ, и подлинно, на словахъ города берутъ, а посмотришь—поминутно дѣлаютъ глупости. Послушайте иного — Господи Боже мой!— начнетъ говорить о политической экономіи, объ умноженіи народнаго богатства, о государственномъ кредитѣ, о погашеніи всѣхъ внутреннихъ долговъ — министръ финансовъ да и только! А поговорите съ его приказчикомъ, такъ у васъ волосы дыбомъ станутъ! Другой начнетъ толковать о воспитаніи дѣтей—книга,—заслушаешься! А поглядишь: у кого дочка убѣжала съ какимъ-нибудь гусарскимъ корнетомъ? — у него; у кого сыновья всѣ до одного пострѣлы? — у него.. Впрочемъ, все это одни исключенія. Самая большая часть людей, относительно ума — какъ бы вамъ сказать... ни то, ни се: въ нихъ есть довольно здраваго смысла, чтобъ не дѣлать пошлыхъ глупостей; но нѣтъ довольно ума, чтобъ по собственному побужденію рѣшиться на что-нибудь новое или необыкновенное. Они готовы идти всю жизнь свою по той-же самой битой тропинкѣ, по которой шли ихъ отцы и дѣды; собственно своего мнѣнія они почти никогда не имѣютъ: поживутъ съ глупцомъ, а особливо начитаннымъ, тотчасъ поглупѣютъ; поживутъ съ умнымъ человѣкомъ, какъ будто бы сдѣлаются умнѣе. Однимъ словомъ, эти господа походятъ на безчисленныя колеса какой-нибудь огромной и сложной машины; каждое изъ этихъ колесъ вертится очень хорошо на своей оси, но ужъ больше этого ничего и не требуйте; само собою оно не зацѣпитъ другого колеса, не приведетъ въ движеніе рычага, не заставитъ вертѣться шестерню: для этого нужна мысль и воля великаго художника, подъ творческой рукой котораго всѣ эти безчисленныя колеса будутъ дѣйствовать за-одно: станутъ подымать тяжести, чеканить монету, прясть бумагу, ткать узорчатые ковры; какъ птица, полетятъ по желѣзной дорогѣ и какъ рыба, безъ веселъ и парусовъ, вспашутъ волны безпредѣльнаго океана. Зато ужъ къ этой машинѣ какой-нибудь шарлатанъ или мастеръ-самозванецъ и не притрогивай-

*) Это писано въ 1840-мъ году.

Digitized by Google

ся, все пойдетъ вверхъ дномъ! А, къ несчастію, это иногда бываетъ. Обыкновенно мнѣніе этихъ господъ *ни то, ни се*, то-есть мнѣніемъ толпы управляютъ умные люди, но подъ-часъ удается забрать эту власть къ себѣ въ руки или бойкому шарлатану, или наглому глупцу, и вотъ почему *общее мнѣніе*, которое должно-бы всегда оправдывать русскую пословицу: „гласъ народа—гласъ Божій", бываетъ не рѣдко ошибочнымъ, несправедливымъ и даже иногда совершенно нелѣпымъ.

Вообще, дураковъ можно раздѣлить на три разряда: дураки - просто дураки, дураки съ претензіями и дураки ученые. Съ господами перваго разряда жить еще можно; съ тѣми, которые принадлежатъ ко второму разряду, можно только жить по крайней необходимости, однакожъ все-таки, хоть съ трудомъ, да можно; а не приведи васъ Господи не только жить, но имѣть какое-нибудь дѣло съ ученымъ глупцомъ. Будьте ласковы съ простымъ дуракомъ, не смѣйтесь надъ нимъ въ глаза, погладьте иногда по головкѣ,—съ него и довольно. Глупецъ съ претензіями совсѣмъ другое дѣло: за нимъ надобенъ большой уходъ. Онъ чрезвычайно раздражителенъ, всѣмъ обижается, все охуждаетъ, во все мѣшается, хочетъ быть знатокомъ въ изящныхъ искусствахъ, оцѣнщикомъ талантовъ и, если, сверхъ того, онъ человѣкъ богатый или знатнаго рода, то любитъ окружать себя льстецами, которые кадятъ ему, обманываютъ, обираютъ, и которыхъ онъ обыкновенно называетъ людьми ему преданными. Съ глупцомъ этого разряда ужиться, конечно, не легко; тутъ надобенъ и умъ и снаровка; напримѣръ: если онъ отпуститъ какую-нибудь пошлую остроту, тотчасъ засмѣйтесь; а если обмолвится и скажетъ что-нибудь не вовсе глупое, такъ начните хохотать до того, чтобъ васъ водой отливали; если онъ похвалитъ какіе-нибудь плохіе стихи, ставьте ихъ тотчасъ рядомъ со стихами Жуковскаго и Пушкина; если покажетъ вамъ дурную копію съ извѣстной картины,—восхищайтесь; если назоветъ ее оригиналомъ,—вѣрьте! Однимъ словомъ, чтобы онъ ни сдѣлалъ, чтобы ни сказалъ, вы все это должны находить разумнымъ, прекраснымъ, и если, вдобавокъ къ этому, станете почаще и пониже ему кланяться, то ужъ вѣрно съ нимъ поладите. Но ученый дуракъ... нѣтъ, отъ него вы такъ дешево не отдѣлаетесь!.. Что ему ваши поклоны! Онъ требуетъ, чтобъ ему не кланялись, а *поклонялись*, какъ воплощенной наукѣ. Глупецъ съ обширной памятью, которая дается иногда и пошлымъ дуракамъ, можетъ быть отличною справочною книгою, хронологическою таблицею, энциклопедическимъ словаремъ и даже ординарнымъ профессоромъ любого нѣмецкаго университета, но истинно ученымъ человѣкомъ никогда не будетъ, а онъ-то именно и думаетъ, что онъ свѣтильникъ между людьми. Конечно, дураки этого разряда попадаются не часто; но если судьба сведетъ васъ съ однимъ изъ этихъ господъ, то ужъ вы, конечно, не скажете, что въ здѣшнемъ мірѣ глупцы созданы для забавы умныхъ людей,—а развѣ съ душевнымъ убѣжденіемъ повторите прекрасный стихъ князя Шаховского:

„Нѣтъ, глупость не порокъ, а всѣ пороки въ ней".

* * *

Кто изъ пріѣзжающихъ въ Москву, а особливо въ первый разъ, не спѣшитъ побывать въ Кремлѣ, поклониться московскимъ угодникамъ, взглянуть на царскіе терема, Красное крыльцо и Грановитую палату! Если Москва можетъ назваться сердцемъ Россіи, то и Кремль заслуживаетъ это названіе относительно самой Москвы. Обыкновенно пріѣзжіе начинаютъ или оканчиваютъ свою прогулку въ Кремль поклоненіемъ Иверской Божіей Матери, вокругъ которой всегда толпится народъ. Въ самомъ Кремлѣ болѣе всего, разумѣется, послѣ святыни, обращаютъ на себя вниманіе простолюдиновъ большой колоколъ и царь-пушка. Я думаю, нѣтъ такого отдаленнаго уголка въ Россіи, гдѣ не знали бы, хотя по разсказамъ, что въ Москвѣ есть колоколъ, которымъ можно, какъ шапкою, накрыть порядочную избу, и толстая пушка, которая такъ велика, что въ ней солдаты въ карты играютъ, и что изъ нея никогда не стрѣляли: „затѣмъ, дескать, что если изъ нея выпалить, такъ Иванъ Великій покачнется и стѣна кремлевская треснетъ".

Вотъ, разсказываютъ, однажды ночью большой колоколъ, который стоитъ на своемъ каменномъ подножіи, подъ самыми колоколами Ивана Великаго, заговорилъ человѣческимъ голосомъ:

— Куда, подумаешь,—сказалъ онъ,—я великъ и славенъ! Кто на святой Руси не знаетъ большого московскаго колокола, въ которомъ двѣнадцать тысячъ пудъ вѣсу. Нельзя только мнѣ удали-то своей показать: замолчали бы у меня всѣ эти валдайскіе колокольчики, которые величаютъ себя колоколами! Поубавилъ бы я въ нихъ спеси, а то туда жъ звонятъ себѣ, какъ будто путные,—бубенчики этакіе!.. Эхъ, кабы воля, да воля, рявкнулъ бы я такъ, что у меня бы вся Бѣлокаменная ходуномъ заходила, а Москва-рѣка изъ береговъ выплеснулась! Да что и говорить: много въ Кремлѣ всякихъ колоколовъ и пушекъ, а кто мнѣ пара?.. Всѣхъ я и больше и тяжелѣе!

— Полно, сосѣдушка!—заговорила царь-пушка, разинувъ свою огромную пасть. — Не одинъ ты великъ и тяжелъ: въ тебѣ двѣнадцать тысячъ пудъ вѣсу,—ну, чтожъ, — передъ тобою! Зато, любезный, ты съ изъянцемъ: у тебя край вышибленъ; а во мнѣ хоть только двѣ тысячи четыреста пудъ, да я цѣлехонька. А годами-то со мной ужъ и не считайся! Тебя вылили на бѣлый свѣтъ при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а меня русскій литецъ Андрей Чоховъ отлилъ при Царѣ и Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ,—такъ я, голубчикъ, въ бабушки тебѣ гожусь. Гнѣваешься ты, что надъ тобою звонятъ такіе мелкіе колоколишки... ну, что говорить—обидно! Да мнѣ-то развѣ легче? Посмотри, какую наклали подлѣ меня мелюзгу, взглянуть не на что, — пистолетишки карманные! А еще зовутъ ихъ пушками!.. Хороши пушки!.. Да что, изъ нихъ горохомъ чтоль стрѣляли... Эхъ, сосѣдушка, кабы тебѣ зазвонить, а мнѣ выпалить, такъ ужъ подлинно Москва бы ходуномъ пошла!

— Да что вы такъ расхвастались? — сказалъ прохожій, который подслушалъ разговоръ.—Ты, колоколъ, великъ, да что въ тебѣ толку? Ты, пушка, толста, да на что ты годна? Ты, колоколъ, чествишь другіе колокола бубенчиками,—да они звонятъ, а въ тебя звонить нельзя. Ты, пушка, называешь другія пушки пистолетишками,—да изъ нихъ стрѣляли, а изъ тебя стрѣлять не можно. Такъ стойте-ка себѣ оба смирнехонько на своихъ мѣстахъ, да небольно чваньтесь. Пусть простой народъ на васъ зѣваетъ и дивуется вашей толстотѣ и дородству,—а вы себѣ знайте и вѣдайте, что въ людяхъ не тому почетъ, кто великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ, дюжъ и дороденъ, да ни на что не пригоденъ, а тому, кто и малъ, да удалъ, и хоть собой невзраченъ,

Digitized by Google

да на все удаченъ. Малъ золотникъ да дорогъ, велика Ѳедора да дура.

* * *

Третьяго дня, гуляя на Тверскомъ бульварѣ, я присѣлъ отдохнуть на скамьѣ противъ самой бесѣдки. Подлѣ меня сидѣли два господина среднихъ лѣтъ, одинъ очень толстый, другой отмѣнно худощавый. Мое сосѣдство не помѣшало имъ продолжать начатый разговоръ, который я передаю своимъ читателямъ во всей его первобытной простотѣ и безъ всякихъ прикрасъ и замѣчаній съ моей стороны.

— Такъ ты, Иванъ Алексѣевичъ, былъ вчера на этомъ аукціонѣ?—говорилъ толстый.

— Былъ, Андрей Степановичъ,—отвѣчалъ худощавый.

— Купилъ что-нибудь?

— Какъ же! Купилъ картину.

— Что, дорого заплатилъ?

— Триста двадцать пять рублей ассигнаціями. Славная картина; огромная, братецъ, — во весь простѣнокъ... Одна рамка этихъ денегъ стоитъ.

— А что она представляетъ?

— Да какъ бы тебѣ сказать? Какое-то народное сходбище,—фигуръ до тридцати будетъ. Особенно, братецъ, понравилась мнѣ одна фигура: откуда ни зайди, она все на тебя смотритъ,—удивительно.

— Такъ это, Иванъ Алексѣевичъ, долженъ быть какой-нибудь оригиналъ?

— Да, я думаю! Знаешь ли, замѣтна этакъ фламандская замашка.

— Ну, любезный, поздравляю! Я самъ сегодня на этомъ аукціонѣ разорился: накупилъ книгъ.

— Какихъ?

— Французскихъ, братецъ. Диковинный переплетъ! И все такого большого формата, съ золотымъ обрѣзомъ; есть и съ картинками. Прекрасныя книги, любо посмотрѣть, братецъ! А въ шкапу за стекломъ еще будетъ виднѣе!.. Однакожъ, пора обѣдать. Пойдемъ, Иванъ Алексѣевичъ!

Мои сосѣди встали и пошли скорыми шагами внизъ къ Никитскому бульвару.

* * *

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, и ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса и, всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ, сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безумiемъ, и всѣ ваши житейскія заботы, и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ... Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный разговоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко,—вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркою звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя, какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема Царей Русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы,—какъ это отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движенье и суета: люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все такъ же живетъ,—но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны, — они говорятъ вамъ о быломъ; они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ: и бѣдствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частныя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣніе, которое, такъ быстро и такъ дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ избранное орудіе для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены древнею русскою святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы; гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій... Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вы, вѣрно, скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете въ Кремлѣ, потому что онъ при лунномъ свѣтѣ такъ прекрасенъ, что вы должны непремѣнно это сдѣлать, — хотя изъ любви къ прекрасному.

* * *

Проходя Петровскою площадью, я иногда останавливаюсь и смотрю съ любопытствомъ на стаи воронъ, которыя безпрестанно вьются надъ кровлею большого театра; меня очень забавляютъ ихъ усилія посидѣть на остроконечной верхушкѣ громового отвода. Онѣ дерутся между собою, кричатъ, суетятся, и если одной изъ воронъ, побойчѣе другихъ, удастся на нѣсколько секундъ удержать себя въ равновѣсіи, то другія бросаются на нее цѣлою гурьбою, бьютъ ее крыльями, щиплютъ и тотчасъ сгоняютъ. „Вотъ животное-то, какъ не говорите, а все глупѣе человѣка!“—думаю я всякій разъ, смотря на эти воздушныя побоища. Ну что за охота этимъ глупымъ воронамъ хлопотать, мучиться, терпѣть побои, держаться одной ногой на остромъ безпо-

Digitized by Google

ойномъ шпицѣ, и все это для того только тобъ просидѣть четверть минуты повыше другихъ!"

(1842 г.).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

I.

ПЕТРОВСКІЙ ПАРКЪ И ВОКЗАЛЪ.

„По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью".

Грибоѣдовъ.

Вѣроятно, эти два стиха изъ комедіи „Горе тъ ума" заставляли васъ всегда смѣяться; и я акже, слушая ихъ, смѣюсь, а, вѣдь, если разсудить хорошенько, такъ Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ говоритъ совершенную правду. Конечно, ожаръ двѣнадцатаго года весьма способствовалъ къ украшенію Москвы. Постепенное улучшеніе, не допускающее никакихъ насильственныхъ мѣръ, требуетъ много времени; нельзя заставить хозяина какого-нибудь безобразнаго и уродливаго дома сломать его и построить новый: если же этотъ домъ сгорѣлъ, то правительство въ правѣ требовать, чтобъ при постройкѣ новаго дома соблюдены были всѣ необходимыя условія, если не изящной, то, по крайней мѣрѣ, правильной архитектуры. Но это еще одинъ домъ, а что будете вы дѣлать съ цѣлыми улицами, кривыми, тѣсными, въ которыхъ одинъ домъ стоитъ вкось, другой бокомъ, третій пряется назадъ, а четвертый выходитъ впередъ и захватываетъ половину улицы, и безъ того похожей на узкій переулокъ; тутъ ужъ горю пособить нечѣмъ. „Слѣдовательно",—скажетъ какой-нибудь насмѣшникъ,—„мы должны радоваться, что въ двѣнадцатомъ году Москва почти вся сгорѣла".—Избави, Господи! Я говорю только, что она не была бы такъ хороша, еслибъ ее не нужно было всю вновь перестраивать. Какъ жаль, что сравненіе съ фениксомъ, который возрождается изъ своего пепла прекраснѣе, чѣмъ былъ прежде, такъ часто употреблялось некстати и сдѣлалось до того пошлымъ, что почти совѣстно употребить его, говоря о Москвѣ. А, вѣдь, трудно найти сравненіе, которое было бы во всѣхъ отношеніяхъ вѣрнѣе этого,—начиная даже съ того, что Москва превратилась въ пепелъ не случайно, не по волѣ врага, но по собственному своему желанію. Нельзя довольно надивиться, когда посмотришь, что сдѣлано для Москвы въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, подъ управленіемъ того, который, облеченный довѣренностію Русскаго Царя, такъ долго и съ такимъ постояннымъ рвеніемъ заботится объ ея благосостояніи. Не говоря уже объ огромномъ Петровскомъ театрѣ, о великолѣпной набережной по той сторонѣ рѣки, между Каменнымъ и Москворѣцкими мостами, о бульварахъ и о множествѣ другихъ улучшеній, имѣющихъ цѣлью одну красоту и великолѣпіе города,—сколько сдѣлано въ теченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ для существенной пользы и блага московскихъ жителей!—Крутые спуски, отъ которыхъ ѣзда по Москвѣ не всегда была безопасною, вездѣ срыты, и грязные, заплывшіе тиною пруды превратились въ свѣтлые бассейны, обсаженные тѣнистыми липами. Придетъ ли кому въ голову, что этотъ широкій бульваръ, на *Трубѣ*, со своими зелеными полянами и гладкими дорожками, былъ не такъ еще давно почти непроходимымъ и зловоннымъ болотомъ! Кто повѣритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь красивые сады опоясываютъ западную часть кремлевской стѣны, былъ безобразный ровъ, заваленный всякою отвратительною нечистотою? Любуясь изящною и легкою архитектурою Москворѣцкаго моста, вспомните, что недавно еще одинъ только Каменный мостъ соединялъ весною все Замоскворѣчье съ остальною частію города. Сколько разъ, бывало, проѣздомъ въ Троицкую лавру, останавливался я въ большихъ Мытищахъ, для того только, чтобъ напиться знаменитой мытищинской воды, которая издавна славится своею свѣжестію, чистотою и чрезвычайно пріятнымъ вкусомъ, или, лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ всякаго вкуса,—главнымъ достоинствомъ хорошей прѣсной воды. Какъ часто жалѣлъ я, что предположеніе императрицы Екатерины II-й не было исполнено, и что эта превосходная вода не проведена въ Москву. И вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ она, въ самой срединѣ города, на всѣхъ площадяхъ, окружающихъ Кремль, бьетъ изъ водометовъ, украшенныхъ прелестными группами московскаго художника Витали. И вотъ ужъ мы почти забыли, что это величайшее благодѣяніе, оказанное московскимъ жителямъ, принадлежитъ нашему времени. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и намъ будетъ казаться, что это всегда такъ было, и даже,—я увѣренъ въ этомъ,—мы станемъ гнѣваться за то, что у насъ нѣтъ фонтановъ во всѣхъ частяхъ города. Ужъ видно человѣкъ такъ созданъ: съ улучшеніемъ его положенія всегда умножаются его требованія, и то, что вчера казалось ему благодѣяніемъ, становится завтра естественною обязанностію, за выполненіе которой онъ даже и благодарить не долженъ.

Созданіе Петровскаго парка принадлежитъ также нашему времени. Если вы, любезные читатели, не забыли мою прогулку въ Марьину рощу, то, вѣроятно, вспомните также, что я намѣренъ былъ проѣхать изъ нея въ паркъ, для того, чтобъ въ одинъ и тотъ же день взглянуть на два общества, совершенно различныя между собою. „Давно ли", — думалъ я, подъѣзжая къ этому любимому гулянью московской аристократіи,—„давно ли было здѣсь чистое поле, на которомъ не росло ни одного деревца, не красовалось ни одного домика: направо однообразное и безконечное Ходынское поле, налѣво продолженіе того же поля, песчаная земля, глиняныя копи, кой-гдѣ гряды съ тощей зеленью, и нѣсколько лачужекъ, въ которыхъ жили огородники — вотъ все, что представлялось вашимъ взорамъ, когда вы, миновавъ Петровскій дворецъ, прекрасное зданіе мавританской архитектуры, *передѣланной на европейскіе нравы*, продолжали ѣхать къ Тверской заставѣ". А теперь!... Посмотрите, какимъ роскошнымъ ковромъ раскинулся этотъ веселый паркъ, какъ разбѣгаются во всѣ стороны его широкія, укатанныя дороги; съ какимъ изящнымъ вкусомъ разбросаны его рощи, опушенныя цвѣтами и благовоннымъ кустарникомъ; какой свѣжей и яркой зеленью покрыты его обширныя поляны; какъ милъ и живописенъ этотъ небольшой прудъ со своими покатыми берегами и прелестными мостиками! А это тройное шоссе съ двумя бульварами, обставленное съ обѣихъ сторонъ загородными домами, которые, начинаясь отъ заставы, тянутся до самаго парка; эти дачи, которыя обхватили такою разнообразною

Digitized by Google

и красивою цѣпью строеній большую часть парка; эти чистые и веселые домики, которые столпились кругомъ дворца; этотъ игрушка лѣтній театръ со своимъ греческимъ портикомъ и огромный вокзалъ со всѣми своими затѣями,—лѣтъ десять тому назадъ обо всемъ этомъ и рѣчи не было.

При самомъ въѣздѣ въ паркъ я долженъ былъ сойти съ дрожекъ, потому что мимо вокзала было каретное гулянье, въ которомъ смиренному экипажу въ одну лошадь не дозволяется участвовать. Я пошелъ пѣшкомъ по широму тротуару, минуты черезъ три попалъ въ толпу гуляющихъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился, чтобъ взглянуть сначала на горы, а потомъ на круглыя и висячія качели и разныя другія дѣтскія забавы, которыя подъ-часъ забавляютъ и людей пожилыхъ. Я удостовѣрился въ этомъ, глядя на одного человѣка лѣтъ тридцати. Куря весьма важно свою сигарку, онъ сидѣлъ на деревянномъ конѣ, который то опускался, то подымался на своей гибкой перекладинѣ. Признаюсь, я почти позавидовалъ стоическому спокойствію и совершенному равнодушію, съ которымъ этотъ пожилой дитя поглядывалъ на толпу любопытныхъ зрителей, несмотря на то, что многіе изъ нихъ указывали на него пальцами и смѣялись. Миновавъ вокзалъ, огромное и красивое зданіе,—право не знаю какой архитектуры, — я дошелъ до небольшой рощи, въ которой играла музыка. Вдоль по опушкѣ этой рощи, въ открытыхъ бесѣдкахъ, построенныхъ простыми навѣсами, сидѣли по большей части дамы, только уже вовсе не похожія на тѣхъ, которыхъ я видѣлъ въ Марьиной рощѣ. Я нашелъ въ одной изъ этихъ бесѣдокъ порожній стулъ, сѣлъ на него и очень обрадовался, когда узналъ въ моемъ сосѣдѣ, съ лѣвой стороны, того самаго словоохотливаго камергера, съ которымъ я провелъ вечеръ на балѣ у Андрея Николаевича Радушина. Мы тотчасъ возобновили наше знакомство.

— Странная вещь, — сказалъ камергеръ: — у меня было предчувствіе, что мы сегодня опять съ вами встрѣтимся, — точно предчувствіе! Мнѣ кажется, что всякій разъ, когда я бываю на балѣ, на гуляньѣ, въ театрѣ—однимъ словомъ, въ большомъ обществѣ, я непремѣнно долженъ съ вами сойтись. Не знаю, почему, но только мнѣ съ вами такъ ловко, такъ свободно, какъ будто бы мы вѣкъ прожили вмѣстѣ. Ужь не двойники ли мы?

— А почему знать,—сказалъ я съ улыбкою,—можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ вашъ двойникъ.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, на сегодняшній вечеръ, — прервалъ камергеръ... — Вы будете въ вокзалѣ?

— Какъ же! Я для этого и пріѣхалъ... А скажите мнѣ, отчего здѣсь такъ много народу? Что сегодня праздникъ что ль какой?

— Нѣтъ, просто воскресенье и хорошая погода

— И все, что мы видимъ, будетъ въ вокзалѣ?

— О, это другое дѣло! За гуляньe не берутъ ничего, а за входъ въ вокзалъ платятъ деньги. Однакожъ, я думаю, сегодня и въ вокзалѣ не вовсе будетъ пусто.

Тутъ подошелъ къ моему пріятелю человѣкъ небольшого роста, въ сюртукѣ на распашку, въ легкомъ суконномъ каскетѣ и съ толстою палкою въ рукѣ. Еслибъ сосѣдъ мой не сказалъ мнѣ послѣ, что этому господину безъ малаго семьдесятъ лѣтъ, то я никакъ бы не отгадалъ этого. Всѣ движенія его были такъ свободны и такъ быстры; его румяныя щеки, веселый взглядъ, ласковыя рѣчи и привѣтливая улыбка исполнены были такого юношескаго простодушія и жизни, что я невольно вспомнилъ про нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ двадцатилѣтнихъ философовъ и отчаянныхъ гегелистовъ, которые показались бы старыми передъ этимъ семидесятилѣтнимъ старикомъ.

— О, премудрые юноши,—подумалъ я,—что-то съ вами будетъ, когда вы доживете до этихъ лѣтъ? „Мы, дескать, всѣ *мыслители*, — мы всѣ идемъ за нашимъ вѣкомъ“.—Нѣтъ, господа, вы только заѣдаете вашъ собственный вѣкъ. Ну что за жизнь, въ которой нѣтъ ни весны, ни лѣта а только одна осень да зима? Кто говоритъ: хорошо и молодому человѣку отрѣшать себя отъ этихъ ничтожныхъ забавъ свѣта и суеты мірской,—да только не ради Гегеля.

— Ну что, душа моя,—сказалъ этотъ любезный старикъ, пожимая дружески руку у моего сосѣда,—будешь въ вокзалѣ?

— Буду.

— Такъ пора; чрезъ полчаса зажгутъ фейерверкъ. Э, да это, кажется, княгиня Вѣра Андреевна! — продолжалъ онъ, взглянувъ на пожилую даму, которая сидѣла въ одной съ нами бесѣдкѣ. — Да, такъ точно!.. И съ обѣими дочерьми! О, да ихъ надобно непремѣнно завербовать. Безъ нихъ балъ не балъ!.. А вотъ и Матрена Дмитріевна съ племянницей.. Какой у нихъ щегольской экипажъ!.. Пора въ вокзалъ, Матрена Дмитріевна!.. Вы будете... Да!. А, князь Иванъ!.. Постойте-ка, батюшка, ваше сіятельство,—одно слово!.. А ты, мой другъ, отправляйся въ вокзалъ. Я сейчасъ буду!..

— Пойдемте,—сказалъ мнѣ камергеръ.

— Мы встали.

— Вотъ истинно счастливая старость!—продолжалъ онъ, идя вмѣстѣ со мною къ воротамъ вокзала.—Сколько еще жизни въ этомъ семидесятилѣтнемъ старикѣ! И какъ полна была его жизнь! Попробуйте, заведите съ нимъ разговоръ о старинѣ, такъ онъ поразскажетъ вамъ о такихъ диковинкахъ, что вы заслушаетесь! Онъ служилъ при дворѣ во времена Екатерины, имѣлъ счастіе бесѣдовать съ Суворовымъ и представлялся Наполеону, когда еще онъ былъ только первымъ консуломъ. Кого онъ не зналъ, чего онъ не видалъ и чего не испыталъ, не исключая горя,—да еще какого!.. О, въ жизни его были тяжкія минуты; но природная веселость одолѣла все. Подлинно, если можно чему позавидовать, такъ это счастливому характеру человѣка, сохранившаго и подъ старость всю безпечную веселость юноши, который горюетъ и смѣется почти въ одно и то же время.

У воротъ вокзала мы взяли билеты и, пройдя нѣсколько шаговъ дворомъ, подошли къ крыльцу, на которомъ стояли жандармы и полицейскій чиновникъ. Въ самомъ вокзалѣ почти никого еще не было.

Надобно сказать правду, трудно было бы придумать что-нибудь лучше и пріятнѣе этого сборнаго мѣста посѣтителей Петровскаго парка. Крытыя широкія террасы, прекрасныя галлереи, чистыя красивыя комнаты и огромная зала въ два свѣта, истинно изящной архитектуры; совершенная свобода: всѣ мужчины въ сюртукахъ, всѣ дамы въ шляпкахъ; хорошій ужинъ, музыка для желающихъ танцовать, отличный хоръ цыганъ для тѣхъ, которые любятъ цыганскія пѣсни,—а этихъ любителей въ Москвѣ очень много; полковая музыка и фейерверкъ для всѣхъ. Однимъ словомъ, вокзалъ Петровскаго парка могъ бы стать на ряду съ лучшими европейскими заведеніями въ этомъ родѣ, еслибы у насъ было побольше хорошихъ лѣтнихъ дней и поменьше лю-

Digitized by Google

дей, для которыхъ за моремъ все мило, а дома все не по душѣ. Исполненіе перваго условія зависитъ не отъ насъ, хотя и въ Москвѣ иногда лѣто бываетъ прекрасное; чтожъ касается до второго условія, то, Богъ милостивъ; авось и оно когда-нибудь сдѣлается для насъ возможнымъ: вѣдь, не вѣкъ же намъ оставаться дѣтьми, для которыхъ чужая игрушка всегда кажется лучше своей.

Черезъ полчаса собралось въ вокзалъ человѣкъ полтораста. Вотъ первая ракета зашипѣла, взвилась подъ облака и разсыпалась огненнымъ дождемъ надъ кровлею вокзала. Въ одну минуту опустѣли всѣ залы: боковыя террасы и средній балконъ покрылись зрителями. Я также вмѣстѣ съ моимъ неразлучнымъ товарищемъ вышелъ на балконъ. Огненная потѣха продолжалась минутъ десять и окончилась, какъ слѣдуетъ, павильономъ или букетомъ, то-есть полсотнею ракетъ и двумя бураками, которые взлетѣли въ одно время на воздухъ. Мы возвратились въ большую залу, прошли по ней раза два и, когда музыка заиграла вальсъ, присѣли въ уголку подлѣ двухъ дамъ. Ихъ лица показались мнѣ знакомыми, но еслибъ мой товарищъ не назвалъ этихъ дамъ по имени, то я не скоро бы отгадалъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ двухъ артистокъ французской труппы. Онѣ разговаривали между собою довольно громко и, разумѣется, дѣло шло о пріѣзженіяхъ и обидахъ,— обыкновенный разговоръ всѣхъ актрисъ, изъ которыхъ я еще не встрѣчалъ ни одной, которая не была бы чѣмъ-нибудь обижена или притѣснена. Въ особенности одна изъ этихъ артистокъ, женщина лѣтъ за сорокъ, горько жаловалась на несправедливость начальства, не дозволяющаго ей играть *молодыхъ любовницъ* и отдающаго эти роли дѣвчонкѣ неопытной, бездарной, которая нравится публикѣ только потому, что всѣмъ дѣлаетъ глазки и перемигивается съ креслами.

— Представьте себѣ,—говорила она, разумѣется, по-французски, — эта мерзкая интригантка, которой бы слѣдовало занимать въ нашей труппѣ мѣсто *утилите* или даже *аксессуара*, лѣзетъ въ первыя *амплуа* и хочетъ играть всѣ роли г-жи Алэнъ! Надобно же имѣть мѣдный лобъ!.. А, какъ дерзка, какъ нагла! Третьяго дня она до того кривлялась и кокетничала съ какимъ-то господиномъ, который сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, что забыла свою *реплику*,—начала врать вздоръ, сбила совершенно съ толку суфлера, да его же, бѣднаго, толкъ ногою въ самый носъ!

— Что вы говорите?

— Да, да! Этого никто не замѣтилъ, а я видѣла,—точно видѣла!

— Такъ чтожъ онъ не пожалуется?

— И, ma chère! Да какъ онъ смѣетъ? Вѣдь у нея такъ много протекторовъ! весь городъ и всѣ предмѣстья.

— Какъ вы злы, ma chère!

Сначала я слушалъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ эту закулисную болтовню; но подъ-конецъ мнѣ сдѣлалось скучно и я обратилъ все вниманіе на французскую кадриль, въ которой кавалеры танцовали въ шляпахъ, а дамы въ шляпкахъ, въ мантильяхъ и даже одна въ своемъ бурнусѣ. Глядя на кадриль, я невольно вспомнилъ, какъ отличался тому лѣтъ сорокъ назадъ въ этомъ классическомъ танцѣ, съ какою отчетливостію выдѣлывалъ свои *балансе, па декотэ и шасе ан-аванъ*, съ какой легкостію выполнялъ я этотъ блестящій *па де-гигодонъ*, доступный только для первыхъ учениковъ незабвенной памяти знаменитаго московскаго танцмейстера Мирранвиля.

„И эти пѣшеходы", — подумалъ я, поправивъ съ гордостію мой галстухъ,—„воображаютъ, что они танцуютъ французскую кадриль!.. Нѣтъ, господа, мы не такъ ее танцовали въ старину!.. Что это такое?.. Дамы еще какъ будто бы дѣлаютъ какія-то па, а эти жалкіе кавалеры... да они просто ходятъ и даже не въ тактъ... И это называютъ танцами!..

Первая кадриль кончилась; вслѣдъ за нею составилась другая.

— Кто эта молодая дѣвица?—спросилъ я у моего товарища.—Вотъ, что танцуетъ противъ насъ... въ розовой газовой шляпкѣ съ бѣлыми цвѣтами!.. Какъ она хороша собою!

— Да, это правда! Только она не дѣвица.

— Неужели замужемъ?

— И ужъ давно, то-есть нѣсколько лѣтъ.

— Вотъ этого бы я никакъ не подумалъ. Какъ она граціозна!

— Да!

— Какая плѣнительная улыбка!

— Да!

— Я думаю, она должна быть очень любезна и мила?

— Да, говорятъ, что она любезна и мила.

— Говорятъ? Такъ вы съ нею не знакомы?

— Нѣтъ, знакомъ; да мнѣ безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ, а эта дама разговариваетъ и даже кланяется только съ тѣми, которымъ не болѣе тридцати. Ужъ видно у нея такая привычка.

— Однакожъ она разговариваетъ со своимъ кавалеромъ, а онъ, кажется, человѣкъ пожилой.

— Кто? Этотъ господинъ съ рыжеватой бородкой?.. О, это другое дѣло! Онъ одинъ изъ *московскихъ львовъ*, а эти господа пользуются всѣми правами молодыхъ людей; да и кому придетъ въ голову, что человѣкъ пожилой рѣшится носить бороду, одѣваться по модной картинкѣ и танцовать до-упаду?

— Понять не могу, какъ есть люди, которые, проживъ полвѣка...

— Дурачатся наравнѣ съ молодыми повѣсами?.. Да, это, конечно, странно, а особливо когда между ними встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, однакожъ все-таки встрѣчаются, люди весьма неглупые. То-то и есть,—видно умъ и благоразуміе не всегда уживаются вмѣстѣ.

— Полно, такъ ли?—сказалъ я.—Англія наполнена чудаками, которыхъ странные поступки и нелѣпыя причуды не доказываютъ большого благоразумія, а вѣдь, право, англичане люди вовсе не глупые и весьма благоразумно обработываютъ свои дѣла; а если надобно подняться на хитрости, такъ проведутъ хоть кого, и за поясъ заткнутъ своихъ вѣтренныхъ сосѣдей, несмотря на все ихъ остроуміе.

— Объ англичанахъ не говорите! Ихъ странности имѣютъ своимъ основаніемъ совсѣмъ другую причину. Англичанинъ одѣнется какимъ-нибудь шутомъ, или станетъ поступать вопреки всѣмъ принятымъ обычаямъ вовсе не для того, чтобъ обратить на себя вниманіе или отличиться чѣмъ-нибудь отъ другихъ: онъ это дѣлаетъ по гордости У себя дома онъ еще соблюдаетъ нѣкоторыя приличія; но внѣ своего отечества англичанинъ ставитъ себя выше всякаго общаго мнѣнія: онъ дѣлаетъ все, что ему придетъ въ голову и, выполняя свои причуды, не заботится нимало, что скажетъ объ этомъ общество, котораго мнѣніемъ онъ вовсе не дорожитъ. Да вотъ, кстати,—посмотрите на этого господина, у котораго сюртукъ опускается до самыхъ пятокъ... ну вотъ, что танцуетъ съ дамою въ лиловой шляпѣ. Онъ путешественникъ, англичанинъ и, могу васъ увѣрить, человѣкъ очень умный.

Digitized by Google

Я взглянулъ и онѣмѣлъ отъ удивленія Представьте себѣ господина пожилыхъ лѣтъ, высокаго и худощаваго, въ долгополомъ неуклюжемъ сюртукѣ, въ башмакахъ и штиблетахъ; представьте себѣ на длинной, безконечной шеѣ угрюмое и блѣдное лицо, осѣненное огромнымъ носомъ; гладко выбритый подбородокъ, обхваченный снизу тонкой каймой рыжихъ волосъ, и пару сѣрыхъ оловянныхъ глазъ, изъ которыхъ въ правый воткнута черепаховая лорнетка. Представьте себѣ, что это святочное пугало не танцуетъ французской кадрили,—хотя и это было бы довольно забавно,—но работаетъ какъ лошадь, коверкается, изгибается, прыгаетъ, переплетаетъ ноги и выдѣлываетъ ими такіе узоры, что глазамъ не вѣришь. Его дама закрываетъ платкомъ ротъ; всѣ вокругъ него смѣются вслухъ, хохочутъ ему въ глаза. Чтожъ онъ — сердится? — нѣтъ. Самъ смѣется? — нѣтъ. Онъ продолжаетъ съ тѣмъ же самымъ важнымъ и неподвижнымъ лицомъ вырабатывать съ механическою точностію разные танцовальные сальтоморталы, одинъ другого вычурнѣе и глупѣе. Ну, точь-въ-точь огромная выпускная кукла, которая двигается и прыгаетъ до тѣхъ поръ, пока въ ней не сойдетъ пружина.

— И вы говорите,—сказалъ я камергеру,—что этотъ нарядный шутъ умный человѣкъ?

— И умный, и разсудительный, и очень просвѣщенный.

— Да помилуйте: станетъ ли умный человѣкъ выкидывать такія балаганныя штуки въ присутствіи цѣлаго общества?

— Но если онъ совершенно равнодушенъ и къ похваламъ, и къ насмѣшкамъ этого общества, такъ оно какъ будто бы для него не существуетъ.

— Какъ не существуетъ, когда онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ позабавить всю честную компанію?

— Да онъ вовсе никого не забавляетъ,—и не думаетъ объ этомъ.

— Такъ изъ чего же онъ трудится?.. Зачѣмъ дѣлаетъ такіе удивительные скачки?..

— Зачѣмъ?... Чтобъ вспотѣть хорошенько. Онъ говоритъ, что это необходимо для его здоровья.

Кадриль кончилась; англичанинъ обтеръ платкомъ лицо, кивнулъ головою дамѣ, запустилъ обѣ руки въ карманы своего сюртука и пошелъ, переваливаясь съ ноги на ногу, въ ту сторону, гдѣ раздавались пѣсни цыганъ. Мы отправились вслѣдъ за нимъ. Въ концѣ длинной галлереи сидѣли полукруженъ смуглыя пѣвицы, не слишкомъ красивыя собою, но всѣ съ блестящими черными глазами. Трудно было бы отгадать по ихъ платью, что онѣ цыганки; ихъ прежній нарядъ; съ перекинутымъ черезъ одно плечо платкомъ, былъ гораздо живописнѣе. Теперь онѣ, какъ двѣ капли воды, походятъ на горничныхъ дѣвокъ самаго низшаго разряда, которыя принарядились, чтобъ идти подъ качели. Позади ихъ стояли рослые цыгане въ купеческихъ кафтанахъ и сибиркахъ. Насупротивъ, также полукругомъ, поставлены были въ нѣсколько рядовъ стулья; на нихъ сидѣли по большей части дамы, а мужчины толпились кругомъ, ходили взадъ и впередъ, или сидѣли вдоль стѣнъ залы, на обитыхъ онтцемъ скамьяхъ.

Цыгане пѣли, довольно дурно, какую-то протяжную пѣсню въ три голоса.

— Вотъ это вовсе не по ихъ части!—сказалъ я камергеру.—Мнѣ не очень нравятся ихъ дикіе, неистовые вопли, ихъ бѣшеныя выходки и визготня, составляющія отличительный характеръ цыганскихъ пѣсенъ: но, по-крайней мѣрѣ, въ этомъ музыкальномъ бѣснованіи есть что-то оригинальное, поражающее васъ своею новостію, страннымъ смѣшеніемъ разладицы съ согласіемъ, неожиданными переходами изъ одного мотива въ другой и какою-то жизнію, — безумною, это правда, но исполненною силы и движенія, а это вялое пѣніе, на-манеръ французскихъ романсовъ, приправленное какими-то глупыми, не кстати приткнутыми руладами; эти черствые, полуосипшіе голоса, которые прикидываются нѣжными,— все это, по-моему, чрезвычайно дурно и, признаюсь, я не могу надивиться терпѣнью нашихъ дамъ... Посмотрите, съ какимъ вниманіемъ слушаютъ онѣ это дурацкое мяуканье... Нѣтъ, нѣтъ,— вотъ, кажется, одна начинаетъ ужъ понемножку морщиться.

— Кто?.. Вотъ та, что сидитъ крайняя въ первомъ ряду?.. Да, я думаю, что ей тошно. Это одна изъ нашихъ московскихъ барышень-пѣвицъ, которая стала бы на ряду первыхъ европейскихъ артистокъ, если-бъ родилась не дворянкою. Теперь только одни избранные могутъ восхищаться ея плѣнительнымъ голосомъ и жалѣть, что случай и общественныя условія заключили въ такія границы огромный талантъ, для жизни котораго всегда необходимы просторъ и рукоплесканія очарованной толпы.

— А кто эта дама, что сидитъ подлѣ нея?

— А!—сказалъ съ улыбкою камергеръ.—Вы замѣтили?.. Неправда-ли, что хороша?

— Удивительно!.. Ее можно бы назвать совершенною красавицею, если-бъ она была немножко потоньше...

— И очень любезною женщиною, если-бъ она не такъ занималась своею красотою, поменьше рисовалась и не думала, что эта красота даетъ ей право самовластно царствовать даже и надъ тѣми, которые почли бы за счастіе быть ея друзьями, но вовсе не имѣютъ желанія умножать собою число ея подданныхъ. Ей не мѣшало бы иногда подумать, что власть красоты есть самая ненадежная изъ всѣхъ властей, и что поклонники ея точно такъ же, какъ и поклонники богатства, ужасные эгоисты: и тѣ и другіе любятъ не васъ, а ваше богатство или красоту. Первое еще можно сохранить до самой смерти, а, вѣдь, красота дѣло скоропреходящее.. Да что-жъ это такое?—прибавилъ камергеръ.—Ужъ я никакъ началъ говорить поучительныя рѣчи?. Послушаемте-ка лучше цыганъ; вотъ они собираются пѣть что-то хоромъ.

Одинъ изъ цыганъ, дѣтина средняго роста, въ обшитомъ позументами казакинѣ, вышелъ впередъ; онъ держалъ въ ругахъ гитару.

— Это, вѣрно, ихъ запѣвало?—спросилъ я.

— Да! Онъ старшій въ ихъ таборѣ.

— Однакожъ не лѣтами. Какой бравый дѣтина! Какъ онъ ловокъ, развязенъ; сколько огня во всѣхъ его движеніяхъ. Ну, подлинно молодецъ!

— А знаете-ли, сколько лѣтъ этому молодцу?

— Подъ сорокъ...

— Давнымъ давно за шестьдесятъ.

Тутъ этотъ, почти семидесятилѣтній бандуристъ, ударилъ по струнамъ своей гитары. Глаза его засверкали; всѣ смуглыя пѣвицы встрепенулись; одна старая, толстая и безобразная цыганка завертѣлась какъ бѣснующаяся на своемъ стулѣ. Цыганъ махнулъ отрывисто правою рукою и, вотъ грянулъ хоръ и разразился какимъ-то ураганомъ оглушающихъ дикихъ и въ то-же время гармоническихъ звуковъ. Подлѣ насъ стояли два француза. Они, казалось, были въ восторгѣ отъ этого бѣшенаго хора.

— Comme c'est échevelé!—шепталъ одинъ изъ нихъ.

— C'est ravissant!—воскликалъ другой.

— Да, да!—проговорилъ позади ихъ исковер-

Digitized by Google

каннымъ французскимъ языкомъ тотъ самый англичанинъ, который такъ усердно танцовалъ французскую кадриль.

— Годъ-демъ! Какъ эти голоса напоминаютъ мнѣ вой монхъ охотничьихъ собакъ, когда ихъ запрутъ на псарню!

Вотъ мотивъ пѣсни измѣнился. Голоса стихли; тоненькое, едва слышное сопрано пропѣло нѣсколько тактовъ,—и вотъ снова грянулъ хоръ и тихій голосокъ утонулъ въ этомъ приливѣ звуковъ, какъ одинокая капля... чуть было не сказалъ въ бурномъ морѣ; да, къ счастію, вспомнилъ, что въ прозѣ дозволяется быть поэтомъ только до нѣкоторой степени. Въ двухъ шагахъ отъ меня сидѣлъ около стѣны человѣкъ пожилыхъ лѣтъ; взглянувъ на него нечаянно, я замѣтилъ, что онъ необыкновенно блѣденъ; это заставило меня еще разъ оглянуться. Въ эту самую минуту цыгане, кончивъ свой хоръ, запѣли плясовую пѣсню. Вдругъ пожилой господинъ, на котораго я смотрѣлъ, покачнулся и грянулся объ-полъ. Вслѣдъ за этимъ раздались пронзительные крики. Жена и двѣ дочери этого несчастнаго бросились къ нему на помощь. Все засуетилось, пришло въ движеніе. Толпа, окружавшая цыганъ, стѣснилась вокругъ умирающаго.

— Доктора, скорѣй доктора!.. Ему надобно пустить кровь!..—кричали со всѣхъ сторонъ.

Англичанинъ схватилъ его за руку, засучилъ рукавъ и вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ.

— Позвольте, позвольте! — раздался громкій голосъ.

Толпа разступилась, и одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ московскихъ медиковъ подошелъ торопливо къ лежащему безъ чувствъ господину, взялъ его за пульсъ; потомъ приложилъ руку къ сердцу и, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ вполголоса:

— Онъ умеръ!

О, какимъ ужасомъ поразили эти слова толпу, за минуту до того веселую и безпечную! . Какъ измѣнились всѣ лица, когда на этотъ пиръ, кипящій жизнію, пожаловала нежданная, непрошенная гостья,—гостья неминучая и дорогая, но которую мы такъ рѣдко встрѣчаемъ съ радостію и веселіемъ. Въ полминуты во всѣхъ освѣщенныхъ залахъ вокзала не осталось никого, кромѣ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ и отчаянной семьи умершаго. Я вышелъ вслѣдъ за другими, отыскалъ мою пролетку и отправился домой.

Не стану разсказывать вамъ, что думалъ я дорогою; кажется, было о чемъ поразмыслить и повторить не разъ такъ часто повторяемый нами вопросъ: „Ну скажите, что такое жизнь человѣческая?“...

Думалъ ли этотъ отецъ семейства, отправляясь въ вокзалъ, что дни его сочтены и что онъ,—страшно подумать, — умретъ подъ цыганскую пѣсню!.. Боже мой, Боже мой, какъ ничтожна эта земная жизнь, которую мы цѣнимъ такъ дорого! Мы станемъ смѣяться надъ тѣмъ, кто будетъ украшать и отдѣлывать съ большимъ стараніемъ постоялый дворъ, на которомъ сбирается прожить нѣсколько часовъ,—а сами... Да что говорить объ этомъ!.. Кто изъ насъ не разыгрываетъ въ лицахъ русскую пословицу: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“. Утихнетъ гроза, взойдетъ солнышко, и мы, какъ ни въ чемъ не бывало, опять затянемъ гулевую пѣсню до новой грозы и новаго удара!..

Разсуждая такимъ образомъ, я вспомнилъ объ одномъ давно уже забытомъ посланіи, изъ котораго очень кстати пришли мнѣ на память слѣдующіе, весьма посредственные, но совершенно справедливые четыре стиха:

„Сегодня я здоровъ, а завтра былъ мой часъ,
И часто, можетъ быть, забывъ, о другъ мой милый,
Что жизнь зависитъ не отъ насъ,
Мы плачемъ на своей могилѣ“.

II.

ГОРОДСКІЕ СЛУХИ.

„C'est une des plus bizarres et des plus générales dispositions de l'esprit humain, que cette sorte d'inquiétude d'où naît le besoin d'apprendre et de répandre des nouvelles“.

Jouy.

Въ числѣ русскихъ старинныхъ повѣрій есть одно весьма странное: нашъ простой народъ увѣренъ, что когда льютъ необыкновенной величины колоколъ и хотятъ, чтобъ эта работа шла успѣшно, то непремѣнно пускаютъ въ ходъ какую-нибудь ложь и стараются распространять ее въ народѣ. Если это подлинно справедливо, то врядъ ли гдѣ нибудь льютъ такъ много колоколовъ, какъ въ нашей матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной. Говорятъ, въ древнія времена, аѳинскіе жители славились не столько своей любовью къ изящнымъ художествамъ и философіи, какъ своею постоянною страстію, или, лучше сказать, жадностію ко всѣмъ новостямъ, ложнымъ или справедливымъ, —объ этомъ они не заботились; главное дѣло состояло въ томъ, чтобъ услышать самому или пересказать другимъ что-нибудь новенькое. Мы, москвичи, въ этомъ случаѣ очень походимъ на аѳинянъ; разница только въ томъ, что они мѣнялись своими новостями на городской площади, а мы развозимъ ихъ изъ дома въ домъ. Самыя свѣжія извѣстія о производствахъ и наградахъ играютъ въ этихъ новостяхъ главную роль. Сколько на моемъ вѣку было пережаловано въ генералы людей, которые и до сихъ поръ еще полковники; сколько статскихъ совѣтниковъ, произведенныхъ въ дѣйствительные статскіе, которые умерли высокородными. Едва-ли на небѣ есть столько звѣздъ, сколько ихъ роздано чиновникамъ, изъ которыхъ, вѣроятно, многіе и теперь еще ничего не носятъ по мундиру. Въ иной годъ эта городская молва очень щедра на чины, въ другой на ленты, а иногда съ необыкновеннымъ усердіемъ раздаетъ графскія достоинства. Вслѣдъ за этими *официальными* новостями занимаютъ первое мѣсто новости о необыкновенныхъ случаяхъ; къ этому разряду принадлежатъ: неожиданныя свадьбы, похищенія, самоубійства и затѣйливыя воровства, въ которыхъ воръ играетъ обыкновенно самую интересную роль и проводитъ отличнымъ образомъ полицію. Въ Москвѣ также не рѣдко умираютъ внезапной смертью люди, которые въ день своихъ похоронъ, то-есть на третій день послѣ смерти, преспокойно играютъ въ вистъ или танцуютъ на какомъ-нибудь балѣ. Иногда появляется около Москвы невиданный и неслыханный звѣрь, который таскаетъ изъ стада быковъ и глотаетъ людей цѣликомъ, какъ мухъ. Разумѣется, на повѣрку выходитъ, что этотъ допотопный звѣрь — простой волкъ, котораго впослѣдствіи какой-нибудь мужикъ убьетъ дубинкою; но многіе этому не вѣрятъ и шепотомъ толкуютъ межъ собой, что это

Digitized by Google

должень быть упущенный изъ клѣтки тигръ или, по крайней мѣрѣ, необычайной величины гіена. Вообще, новости, самыя интересныя и болѣе другихъ возбуждающія всеобщее участіе, бываютъ трагическаго и даже мелодраматическаго содержанія. Я замѣтилъ также, что почти всегда одно истинное происшествіе, не вовсе обычайное, порождаетъ нѣсколько ложныхъ, разумѣется, въ томъ же самомъ родѣ. Вотъ не очень еще давно ревнивый мужъ, въ припадкѣ безумія, умертвилъ ужаснымъ образомъ свою жену и малолѣтняго сына и убилъ самого себя. Въ Москвѣ не перестали еще разговаривать объ этомъ происшествіи, какъ вдругъ разнесся слухъ, что одинъ молодой человѣкъ извѣстной фамиліи, который только-что женился и, разумѣется, по любви, зарѣзалъ свою жену и, вѣроятно, убилъ бы и ребенка, еслибъ у нихъ былъ ребенокъ. Эта новость, въ достовѣрности которой никто не сомнѣвался, взволновала всѣ умы; одни принялись поворить отца и мать убитой женщины за то, что они выдали свою дочь за такого безпутнаго мальчишку; другіе, защищая его, говорили, что онъ сдѣлалъ это изъ ревности и что имѣлъ полное право ревновать свою жену. „Вотъ,—толковали старушки, — поѣхалъ разбойникъ въ подмосковную провести на иностранный манеръ какой-то *медовый* мѣсяцъ. Вотъ тебѣ и медовый мѣсяцъ!“—Мнѣ разсказывали, что этотъ злодѣй-мужъ приказалъ несчастной женѣ своей, какъ обреченной на смерть жертвѣ, нарядиться въ ея подвѣнечное платье; мнѣ описывали, какъ она, умирая подъ ножомъ убійцы, молила о пощадѣ, клялась въ своей невинности; какъ онъ таскалъ ее за волосы, топталъ ногами, и, наконецъ, медленно и съ ужаснымъ варварствомъ перерѣзалъ ей горло. Были и такіе разсказчики, которые могли описать вамъ съ необычайною точностію не только всѣ страданія этой бѣдной женщины, но даже форму и величину ножа, которымъ она была зарѣзана. И вдругъ, представьте себѣ удивленіе этихъ господъ, — и убійца-мужъ и зарѣзанная жена явились оба на одномъ большомъ балу, и какъ нарочно протанцовали вмѣстѣ первую французскую кадриль.

Я долженъ предувѣдомить моихъ читателей, что сцены, которыя они прочтутъ въ этой главѣ, основаны вовсе не на выдумкѣ. Лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать тому назадъ, — не помню хорошенько,—вся Москва толковала объ этой необычайной и ужасной смерти одного чиновнаго человѣка, который впослѣдствіи оказался не только живымъ, но даже совершенно здоровымъ.

(Гостиная комната, убранная опрятно, но безъ роскоши. Надежда Васильевна Влонская, барыня лѣтъ тридцати пяти, въ щегольватомъ шелковомъ капотѣ, сидитъ передъ пяльцами и вышиваетъ по канвѣ. Супругъ ея, Дмитрій Кондратьичъ Влонскій, мужчина лѣтъ за сорокъ, развалясь въ большихъ креслахъ, читаетъ „Московскія Вѣдомости“. Въ одномъ углу, на низенькомъ столикѣ, Ванюша, сынъ ихъ, мальчикъ лѣтъ семи, строитъ карточный домикъ; подлѣ него стоитъ нянюшка, женщина среднихъ лѣтъ, въ ситцевомъ платьѣ и черномъ коленкоровомъ передникѣ).

Ванюша. Няня, няня, посмотри-ка, — еще сверху домъ построилъ.

Влонскій. Полно шумѣть, Ванюша, не даешь дѣломъ заняться *(Читая газету)*. Гмъ... Гмъ... Да!.. „Изъ С.-Петербурга: генералъ-маіоръ Крикуновскій... дѣйствительный статскій совѣтникъ Мигунковъ... Надворный совѣтникъ Свибловъ... отставной маіоръ... Нѣтъ!.. Чтожъ это мнѣ говорилъ Иванъ Ивановичъ Сицкій, что дядя его, Алексѣй Тихоновичъ Волоколамскій, долженъ пріѣхать изъ С.-Петербурга непремѣнно къ третьему числу... а, вѣдь, сегодня, кажется, пятое?

Влонская. И, Дмитрій Кондратичъ, охота тебѣ вѣрить этому хвастуну!... Что скажетъ, то солжетъ.

Влонскій. Да изъ чего тутъ лгать?

Влонская. Да такъ,—чтобъ солгать.

Влонскій. Полно, жена. Ужъ ты больно на него нападаешь! Я, право, не замѣтилъ, чтобъ онъ лгалъ. Онъ человѣкъ порядочный...

Влонская. Ну такъ хвали, хвали его!.. Да пожалуйста, при Глашенькѣ, — это будетъ еще умнѣе.

Влонскій. Помилуй, матушка! Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь?...

Влонская. Я ничего не думаю, я знаю только, что это этотъ Иванъ Ивановичъ, у котораго всего на всего пятьдесятъ душъ крестьянъ, ухаживаетъ за нашей дочерью.

Влонскій. Да съ чего ты это взяла?... Развѣ онъ дѣлалъ намъ предложеніе?

Влонская. Вотъ то-то и худо, мой другъ!... Еслибъ онъ сдѣлалъ намъ предложеніе, такъ мы бы ему отказали, и тогда онъ поневолѣ пересталъ бы къ намъ ѣздить... Эхъ, Дмитрій Кондратичъ, добьешься ты чего-нибудь съ твоею деликатностію!.. Кабы ты послушался меня, да не велѣлъ бы его принимать!...

Влонскій. Воля твоя, мой другъ,—я не могу этого сдѣлать. Онъ человѣкъ такой вѣжливый, хорошій... Ну за что я его обижу? Можетъ быть, онъ и не думаетъ свататься за Глашеньку.

Влонская. Право?.. А что значатъ эти частыя посѣщенія?... Что онъ въ меня чтоль-ль влюбленъ?... Конечно, онъ ничего лишняго не можетъ сказать Глашенькѣ: она всегда со мною, но зато какъ на нее смотритъ!... Ну, вѣришь ли, иногда возьметъ такое зло, что такъ бы ему глаза и выцарапала!... Наглецъ этакій!.. Ни стыда, ни совѣсти!... Ужъ я ли, кажется, не обхожусь съ нимъ холодно, только не говорю: „да уймитесь, батюшка, къ намъ ѣздить!“ Нѣтъ, сударь, лѣзетъ, какъ лѣзетъ въ глаза! Ну, нечего сказать, истинно у этого Ивана Ивановича мѣдный лобъ! *(Ванюша вслушивается и смотритъ на нее съ удивленіемъ)*

Влонскій. Да полно, правда ли, мой другъ, что онъ такъ бѣденъ.

Влонская. Ну, вотъ еще!... А не самъ ли онъ намъ разсказывалъ, что ему досталось только пятьдесятъ душъ послѣ покойнаго отца, который,—не тѣмъ будь помянутъ,—пропилъ на шампанскомъ, да проѣздилъ на рысакахъ и свое и женино имѣнье?

Влонскій. А дядя-то Алексѣй Тихоновичъ Волоколамскій?

Влонская. Что дядя!.. Конечно, онъ богатъ, у него три тысячи душъ, и если бы онъ прошлаго года не женился... то-есть не сошелъ съ ума...

Влонскій. А почему такъ?... Онъ человѣкъ не старый: ему нѣтъ и пятидесяти... Впрочемъ, если онъ умретъ бездѣтнымъ...

Влонская. Да, дожидайся!.. И не увидишь, какъ съ полдюжины дѣтей будетъ... А нѣтъ, такъ все имѣнье укрѣпитъ молодой женѣ...

Влонскій. Правда, правда!... Нѣтъ ужъ тутъ бѣдному Сицкому дожидаться нечего. Однакожъ, неужели онъ его ничѣмъ не наградитъ?

Влонская. Можетъ быть, отсыплетъ ему тысячъ десятокъ на свадьбу—вотъ и все!

Влонскій. Только-то?

Digitized by Google

Влонская. А ты думаешь больше? Нѣтъ, душенька, не такой онъ человѣкъ—не расшибется!

Влонскій. А, вѣдь, жаль! Иванъ Ивановичъ, право, хорошій малый и собою такой видный мужчина.

Влонская. Ну, ужъ хорошъ!... Да что въ немъ хорошаго! Блѣдный, худой!.. Глаза не дурны—это правда.

Влонскій. Такъ, по-твоему, Иванъ Ивановичъ не хорошъ собою?

Влонская. Нѣтъ, не хорошъ!

Ванюша. Иванъ Ивановичъ, маманъ?.. Ахъ, нѣтъ, онъ хорошенькій!

Влонская Полно врать! Ты говоришь это потому, что онъ тебя конфектами кормитъ.

Ванюша Нѣтъ, маманъ! Онъ Глашеньку конфектами не кормитъ, а вѣдь и она также говоритъ, что онъ прехорошенькій.

Влонская. Ну, батюшка, слышишь?.. Вотъ твое деликатство!—„Какъ отказать отъ дому! За то разобидѣть человѣка!“

Влонскій. Да я тутъ еще большой бѣды не вижу.

Влонская. Не видишь? Дочь называетъ его хорошенькимъ?...

Влонскій. Ахъ, матушка,—да если онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ.

Влонская. Охъ, ужъ эти отцы никогда ничего не видятъ! Да помилуй, Дмитрій Кондратичъ, если дѣвица называетъ мужчину хорошенькимъ, такъ этотъ мужчина ей нравится... Нѣтъ, надобно непремѣнно отдѣлаться отъ этого Ивана Ивановича! Какъ хочешь, батюшка, а я прикажу, чтобъ ему всякій разъ отказывали.

Влонскій. Да какъ же это можно, Надежда Васильевна? Вѣдь у насъ по вторникамъ дни.

Влонская. Чтожъ дѣлать!.. Для всѣхъ дома, а для него нѣтъ. Кто виноватъ?.. Кажется, онъ могъ-бы давно догадаться по моему пріему, что его посѣщенія для насъ непріятны. Въ послѣдній разъ я съ нимъ двухъ словъ не сказала, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало!.. Ужъ я тебѣ говорила, что у этого Ивана Ивановича мѣдный лобъ...

Ваня *(переставая строить карточный домикъ)*. Няня, слышишь, что говоритъ маманъ? У Ивана Ивановича мѣдный лобъ.

Няня. Стройте, сударь, стройте!.. Не ваше дѣло..

Влонскій. Ну какъ хочешь, мой другъ, а мнѣ право совѣстно... Кто и говоритъ, конечно, онъ не пара нашей дочери... да мнѣ все кажется, что ты изъ мухи слона дѣлаешь.

Влонская. Да ужъ позволь мнѣ этимъ распорядиться — сдѣлай милость!.. Ужъ вѣрно же я знаю лучше тебя, что такое дѣвушка осьмнадцати лѣтъ... Ты мужчина, ты судишь по себѣ... *(Входитъ слуга)*. Что ты?

Слуга. Василій Игнатичъ.

Влонская. Бураковскій?..Проси!..Иль нѣтъ—постой! Зажги двѣ свѣчи,—вонъ, что стоятъ на столѣ... да приди поправить лампы. Какъ онѣ у тебя всегда скверно горятъ!..

Слуга. Масло, сударыня...

Влонская. Врешь, врешь!.. Дурно чистишь, лѣнтяй этакій!.. Ступай, проси! *(Слуга уходитъ)*.

Влонскій. Да гдѣ Глашенька?

Влонская. У себя на верху. У нея такъ разболѣлись зубы, что она головы поднять не можетъ.

Василій Игнатичъ Бураковскій *(входитъ спѣшно въ комнату)*. Здравствуйте, Надежда Васильевна!.. Дмитрій Кондратичъ!

Влонская *(привставая)*. Здравствуйте, Василій Игнатичъ!

Влонскій. Милости просимъ!

Бураковскій *(садясь)*. Слышали вы?..

Влонская. А что такое?

Бураковскій *(съ радостію)*. Такъ вы не слышали?

Влонскій. Ровно ничего.

Бураковскій. Какое ужасное приключеніе!..

Влонская. Что такое?..

Бураковскій. Страшно подумать!..

Влонская. Эхъ, да говорите!.. Истомили!

Бураковскій. Вы знаете, что Алексѣй Тихоновичъ Волоколамскій былъ со своей женой въ Петербургѣ и что онъ долженъ былъ на этихъ дняхъ возвратиться сюда въ Москву?

Влонская. Ну, да! Такъ чтожъ?...

Бураковскій. Нѣтъ, ужъ не воротится!

Влонскій. Что вы говорите?

Бураковскій. На четвертой станціи отъ Москвы по петербургской дорогѣ...

Влонская. Онъ скоропостижно умеръ?

Бураковскій. Нѣтъ, хуже!

Влонскій. Какъ хуже?..

Бураковскій. Да, хуже!.. Его заѣли собаки.

Влонская Какъ заѣли собаки?.. До смерти?

Бураковскій. До смерти.

Влонскій. Не можетъ быть!

Бураковскій. Какъ не можетъ быть—помилуйте!.. Я удивляюсь, что вы до сихъ поръ этого не знаете; со вчерашняго дня вся Москва кричитъ объ этомъ.

Влонскій. Да это ни съ чѣмъ несообразно,—живого человѣка заѣли собаки!.. Это неслыханная вещь!

Бураковскій. Однакожъ, къ несчастію, совершенная правда. Вотъ какъ это случилось: Алексѣй Тихоновичъ,—какъ я уже вамъ докладывалъ,—на четвертой станціи отсюда остановился перемѣнить лошадей. Пока закладывали карету, ему вздумалось пройти пѣшкомъ по шоссе. Вотъ онъ сказалъ женѣ, чтобъ она, когда будутъ готовы лошади, догоняла его на большой дорогѣ. Лошадей не скоро запрягли, прошло этакъ съ полчаса. Вотъ, наконецъ, Волоколамская отправилась; проѣхали версту, двѣ,—глядятъ, на большой дорогѣ цѣлая стая собакъ. Какъ сталъ экипажъ подъѣзжать, онѣ разбѣжались. Ямщикъ остановилъ карету. Волоколамская высунулась въ окно, — глядь, Боже мой!.. ея мужъ, растерзанный, окровавленный, лежитъ посреди дороги!.. Она вскрикнула—и покатилась... Люди бросилась къ Алексѣю Тихоновичу, думали, что онъ еще живъ... Нѣтъ, и признаковъ жизни не осталось! Горничныя дѣвушки засуетились около своей барыни: спирту, того, другого,—не приходитъ въ чувства. Вернулись назадъ на станцію. На ту пору ѣхалъ изъ Клина городской лѣкарь,—и фамилію его сказывали—позабылъ!.. Онъ употреблялъ всѣ возможныя средства, всякія медицинскія пособія—все напрасно!.. И мужъ и жена ..

Влонская. Какъ, и она умерла?

Бураковскій! Скончалась! Оно, впрочемъ, весьма и натурально: такое внезапное пораженіе, такая ужасная картина!.. Она же, говорятъ, была беременна...

Влонская. Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!

Бураковскій. Да, необыкновенный случай.

Влонскій. Воля ваша, а мнѣ что-то не вѣрится.

Бураковскій. Поневолѣ повѣришь, Дмитрій Кондратичъ, когда есть человѣкъ пятьдесятъ очевидныхъ свидѣтелей Мало ли по петербургской дорогѣ проѣзжихъ? Вѣдь, это случилось не въ сторонѣ гдѣ-нибудь, а на большой дорогѣ, на станціи, гдѣ всѣ останавливаются. Вотъ я

Digitized by Google

гиня! А есть люди, которыхъ бы надобно именнымъ указомъ засадить дома, чтобъ они не таскались по Москвѣ, да не развозпли дурацкія вѣсти, въ которыхъ нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла. Не мѣшало бы также пугнуть ихъ порядкомъ за то, что они лгутъ на правительство, выдумываютъ какія-то небывалыя слѣдствія...

Княгиня *(вставая)*. О, это уже слишкомъ!. Это личности!.. Поѣдемъ, ma soeur! *(Всѣ встаютъ)*.

Влонская. Вы напрасно это берете на свой счетъ, княгиня. Я говорю вообще.

Княгиня. Нѣтъ, ужъ извините!..

Влонская. Впрочемъ, какъ угодно. Я не смѣю васъ удерживать.

Княгиня *(своей сестрѣ)*. Partons, ma chère, partons! *(Уходятъ)*.

Шараповъ. Я вамъ доложу, Надежда Васильевна, вы напрасно изволите гнѣваться.

Влонская. Хороши и вы, сударь.—„Отъ вѣрнаго человѣка слышалъ — растерзали на части! Головы не найдутъ!“.. Ну, не стыдно ли въ ваши лѣта?

Шараповъ. Позвольте, позвольте!.. Я вамъ доложу, я тутъ ни въ чемъ не виноватъ... Вся Москва говорила.

Влонская. Москва говорила!.. А кто это Москва... Это вы... вы сами сочинили!

Шараповъ. Кто? Я-съ?.. Да я вамъ доложу, что я отъ роду моего не сочинялъ.

Влонская. Вы?. Да вы только этимъ и занимаетесь!

Шараповъ. Нѣтъ-съ, извините,—у меня есть и другія занятія.

Влонскій. Надежда Васильевна!..

Влонская. Ахъ, мой другъ!.. Да чтожъ, въ самомъ дѣлѣ?.. Насъ огорчили, перепугали, а ты прикажешь за это благодарить?.. Я васъ прошу, Мардарій Степановичъ, и прошу серьезно, не пріѣзжать къ намъ впередъ съ такими новостями.

Шараповъ *(обидясь)*. Какъ вамъ угодно-съ! Какъ вамъ угодно-съ!..

Влонскій. И, полноте, Мардарій Степановичъ!

Шараповъ. Да помилуйте! Чтожъ я безсловесный что-ль какой? Самъ слышишь, а другимъ не смѣй пересказывать!

Влонская. Никто васъ объ этомъ не проситъ.

Шараповъ. Какъ вамъ угодно-съ!... Прощайте, Дмитрій Кондратичъ!.. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ такихъ непріятностей!.. Никакъ не ожидалъ! *(Уходитъ)*.

Волоколамскій. Что это въ самомъ дѣлѣ, Надежда Васильевна, вы такъ разгнѣвались?.. Я этому смѣюсь, смѣйтесь и вы.

Влонская. Признаюсь, для меня очень странно, Алексѣй Тихоновичъ, что когда ваши друзья принимаютъ къ сердцу...

Волоколамскій. И, Надежда Васильевна! Да вѣдь, несмотря на это вранье, я живъ и здоровъ, жена моя также...

Влонская. Вамъ, конечно, это ничего. Васъ не могли увѣрить, что вы умерли; но я желала бы, чтобъ вы были на нашемъ мѣстѣ...

Волоколамскій. О, я никогда не сомнѣвался въ вашей дружбѣ! Я увѣренъ, вы очень испугались и огорчились; да, вѣдь, слава Богу, все это вздоръ, такъ о чемъ же и говорить?.. Поговоримте-ка лучше о другомъ. Племянникъ объявилъ мнѣ, что вы приняли благосклонно его предложеніе...

Влонская. Да-съ!.. Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ намъ честь.. Мы, конечно, отдаемъ всю полную справедливость достоинствамъ Ивана Ивановича... Но вы сами знаете, Алексѣй Тихоновичъ, что это не такое дѣло, чтобъ можно было его кончить въ двухъ словахъ... Во-первыхъ, для этого необходимо согласіе нашей дочери...

Волоколамскій *(улыбаясь)*. Да если вѣрить словамъ племянника, такъ, кажется, съ этой стороны большихъ затрудненій не будетъ.

Влонская *(вспыхнувъ)*. А развѣ Иванъ Ивановичъ позволилъ себѣ сказать, что Глашенька къ нему неравнодушна?.

Волоколамскій. О нѣтъ!.. Онъ думаетъ только... надѣется...

Влонская. Надежда насъ часто обманываетъ, Алексѣй Тихоновичъ!..

Сицкій *(тихо дядѣ)*. Боже мой!.. Чтожъ это?

Волоколамскій *(также тихо)*. Успокойся!. *(Громко)*. Конечно, ваша Глафира Дмитріевна такая милая, такая достойная дѣвица... Я не спорю, она имѣетъ полное право быть разборчивой невѣстой. Но я скажу при моемъ племянникѣ, что и онъ также отличный молодой человѣкъ, и хоть у него только семьсотъ душъ...

Влонскій и Влонская. Семьсотъ душъ!..

Волоколамскій. Да! Я продалъ ему мое рязанское имѣнье. Вотъ и купчая.

Сицкій. Ахъ, дядюшка!

Волоколамскій. И, полно, мой другъ, не благодари! *(Улыбаясь)*. Я и такъ отнялъ у тебя слишкомъ двѣ тысячи душъ...

Сицкій. Можете ли вы думать, дядюшка!..

Волоколамскій. Нѣтъ, мой другъ, не думаю! *(Обнимаетъ его)*.

Влонскій. Рязанское имѣнье?.. Такъ это Хотиловка?..

Волоколамскій. Ну, да! Онъ теперь нашъ сосѣдъ, и если Глафира Дмитріевна...

Влонская. Да, это рѣшительно отъ нея зависитъ. *(Въ сторону)*. У!.. Слава Богу, полегче!..

Влонскій. Чтожъ касается до насъ... *(Глядитъ на свою жену)*.

Влонская. Такъ я и мужъ мой—мы оба согласны... Ужъ одно то, что мы породнимся съ вами, Алексѣй Тихоновичъ...

Волоколамскій. Все это прекрасно, да если Глафира Дмитріевна...

Влонскій. Ахъ, Алексѣй Тихоновичъ, что вы слушаете жены?.. Вѣдь эти барыни всегда такъ: надобно поломаться, потомить... А я такъ вамъ скажу напрямки...

Влонская. Дмитрій Кондратичъ!

Влонскій Да полно, матушка, что тутъ хитрить!.. Алексѣй Тихоновичъ, мы согласны и Глашенька будетъ согласна.

Волоколамскій. Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Попросите Глафиру Дмитріевну сюда.

Влонская. А вотъ позвольте... я сама... Надобно ее немного приготовить... Вы, мужчины, этого не понимаете: это такая страшная минута для дѣвицы... даже и тогда, когда она любитъ..

Влонскій. Ступай же, мой другъ! *(Влонская уходитъ)*.

Волоколамскій. Ну что, плелянникъ?

Сицкій. Ахъ, дядюшка!

Волоколамскій. А что, сердце бьется?

Влонскій. Да ужъ вѣрно не отъ страха!.. Охъ вы, молодые люди!.. И какъ успѣютъ все спроворить!..

Волоколамскій. Да такъ же, какъ мы въ старину проворили, Дмитрій Кондратичъ!

Влонскій. Правда, правда!..

Волоколамскій. Извините!.. Мнѣ нужно сказать слова два племяннику...

Влонскій. Сдѣлайте милость!.. *(Волоколамскій и Сицкій подходятъ къ окну и говорятъ между собой вполголоса, а Влонскій садится подлѣ камина;*

Digitized by Google

въ эту самую минуту двери растворяются и вбѣгаетъ Бураковскій).

Бураковскій *(не замѣчая Волоколамскаго и Сицкаго)*. Все узналъ, Дмитрій Кондратичъ!.. Все узналъ!.. Я отыскалъ этого пріѣзжаго изъ Петербурга, разспросилъ его, — все точно такъ. Алексѣя Тихоновича заѣли собаки, жена его умерла отъ испуга. Объ этомъ посланъ курьеръ въ Петербургъ, наряжено слѣдствіе...

Влонскій *(вставая)*. Полно, такъ ли, Василій Игнатичъ?

Бураковскій. Помилуйте! Да ужъ это не пересказы какіе-нибудь—очевидный свидѣтель!.. При немъ хоронили и мужа и жену,—онъ былъ въ церкви, когда ихъ отпѣвали.

Волоколамскій *(подходя къ Бураковскому)*. И очень усердно молился, — я самъ это видѣлъ.

Бураковскій *(съ ужасомъ)*. Господи!.. Что это?.. Алексѣй Тихоновичъ! Это вы?..

Волоколамскій. Я.

Бураковскій. Вы живы?

Влонскій. А вотъ какъ видите: живъ и здоровъ.

Волоколамскій *(улыбаясь)*. А впредь уповаю на власть Божію.

Бураковскій. Чтожъ это такое? Да какъ же можно этакъ лгать и съ такими подробностями?

Волоколамскій. Въ нихъ-то, Василій Игнатичъ, вся и сила. Чтожъ это за лгунъ, который просто уморитъ живого человѣка, а не разскажетъ вамъ, какъ онъ умиралъ, что говорилъ передъ смертію, сколько было духовенства на его похоронахъ и въ какой именно церкви его отпѣвали? Да это, батюшка, не лгунъ, а лгунишка, самый пошлый, обыкновенный прозаистъ, а вы видно попали на поэта.

Бураковскій. Такъ это все выдумки?.. Ну, слава Богу!

Волоколамскій. Вы большой охотникъ до новостей, Василій Игнатичъ, такъ я васъ потѣшу, скажу вамъ такую новость, о которой вы можете смѣло всѣмъ разсказывать. Сейчасъ будетъ помолвка племянника моего Сицкаго съ Глафирою Дмитріевной.

Бураковскій. Что вы говорите?.. Какъ я радъ!.. Честь имѣю поздравить!

Горничная дѣвушка *(растворивъ двери)*. Барыня приказала васъ просить къ себѣ въ диванную.

Бураковскій. Теперь вамъ, Дмитрій Кондратичъ, не до гостей. И такъ, прощайте, — я ѣду...

Волоколамскій. И вѣрно домой?

Бураковскій. Нѣтъ. Надобно кой-куда заѣхать... Честь имѣю кланяться! *(Уходитъ)*.

Влонскій. Что вы это надѣлали!..

Волоколамскій. А что?

Влонскій. Да вѣдь это все равно, что объявить на площади...

Волоколамскій. Тѣмъ лучше! Не нужно будетъ карточекъ посылать... Пойдемъ. *(Уходятъ)*..

III.

АНГЛІЙСКІЙ КЛУБЪ.

„Ну что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба!"

Грибоѣдовъ.

Въ Москвѣ четыре клуба: Англійскій, Дворянскій, Купеческій и Нѣмецкій Довольно замѣчательно, что ни одинъ изъ этихъ клубовъ не оправдываетъ вполнѣ своего названія. Въ Дворянскомъ клубѣ многіе изъ членовъ не дворяне, въ Купеческомъ не всѣ купцы, въ Нѣмецкомъ большая часть членовъ русскіе, въ Англійскомъ едва ли наберется человѣкъ десять англичанъ. Англійскій клубъ первый по старшинству своего основанія, рѣшительно также первый и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—это неоспоримая и ничѣмъ неопровержимая истина; противъ этой истины не осмѣлятся возстать даже и тѣ безсрочные кандидаты, которые, провисѣвъ на стѣнкѣ лѣтъ пятнадцать и не видя конца своему искусу, рѣшились завести свой собственный клубъ и назвать его Дворянскимъ. Попасть въ члены Англійскаго клуба довольно трудно; число членовъ, ограниченное уставомъ, почти впятеро менѣе числа кандидатовъ, изъ которыхъ многіе, какъ я уже имѣлъ честь докладывать, ждутъ лѣтъ по пятнадцати своей очереди. Не подумайте, однакожъ, чтобъ эта трудность побѣждалась однимъ терпѣніемъ. О, нѣтъ!.. Дождавшійся своей очереди кандидатъ баллотируется, и если не будетъ избранъ, то долженъ навсегда отказаться отъ чести быть Членомъ Англійскаго клуба, потому что вторичная баллотировка воспрещается уставомъ. Для многихъ этотъ день страха и тревожныхъ ожиданій остается на всю жизнь днемъ достопамятнымъ и незабвеннымъ. Я знаю одного члена, и надобно сказать, что онъ вовсе не одинъ въ своемъ родѣ, который раздѣляетъ свою жизнь на четыре главныя эпохи: рожденіе, производство въ первый офицерскій чинъ, женитьбу и поступленіе въ члены Англійскаго клуба. Чему же дивиться, что одинъ изъ этихъ господъ, въ минуту восторга, захотѣлъ сдѣлать всю Москву участницею своей радости и напечаталъ на визитныхъ карточкахъ: „Андрей Андреевичъ Мухоморовъ, членъ Англійскаго клуба". Говорятъ, будто бы какой-то насмѣшникъ прибавилъ: „и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ". Но я рѣшительно этому не вѣрю,—это сказка. Каждый изъ членовъ Англійскаго клуба имѣетъ право записывать гостемъ всякаго иногороднаго и даже московскаго жителя, если только онъ не служитъ и не имѣетъ собственнаго дома; но этимъ правомъ должно пользоваться съ большою осторожностію. Вашъ гость можетъ требовать все, что ему угодно; кушать устрицы, разварныхъ стерлядей, пить шампанское и сверхъ того проиграть нѣсколько тысячъ рублей, не заплатя за все это ни копѣйки; отъ него ничего не потребуютъ, ему даже не намекнутъ, что въ Англійскомъ клубѣ ѣдятъ и пьютъ за деньги, а на мелокъ никогда не играютъ; онъ, какъ гость, не обязанъ этого знать: за все будетъ отвѣчать тотъ членъ, которымъ онъ записанъ. Если вы, опасаясь бѣды, не станете сами никого записывать, то васъ будутъ просить объ этомъ другіе, потому что каждый членъ имѣетъ право записать одного только посѣтителя. Разумѣется, въ этомъ случаѣ вашъ отказъ будетъ оскорбителенъ; это все равно, еслибъ вы сказали, что не полагаетесь на честь того, который проситъ васъ объ этомъ. Опытные члены изобрѣли весьма хорошее средство отстранять и это неудобство: они постоянно записываютъ въ книгу посѣтителей—разумѣется, по очереди, — имена двухъ или трехъ пріятелей, которые или вовсе не бываютъ въ клубѣ, или бываютъ очень рѣдко; ихъ личная безопасность ограждена и въ то же время они могутъ всегда отвѣчать съ приличной вѣжливостію: „Ахъ, извините!.. Мнѣ очень жаль, но я ужъ записалъ одного изъ моихъ знакомыхъ".

Московскій Англійскій клубъ открытъ въ 1802 году на Петровкѣ, въ бывшемъ домѣ князя Гага-

Digitized by Google

ютъ свою цѣну. Въ дѣтской комнатѣ, то-есть первой гостиной, двадцать пять рублей больше значатъ, чѣмъ здѣсь тысяча. Не подумайте, однако жъ, что въ этой комнатѣ играютъ въ азартныя игры. Боже сохрани! Здѣсь не играютъ даже въ экарте. Невинныя *палки*, классическій пикетъ—вотъ единственныя игры, извѣстныя въ этой комнатѣ. Играютъ также иногда и въ преферансъ, но это такъ—отъ нечего дѣлать. Мнѣ случилось однажды только видѣть здѣсь партію въ преферансъ, которая заслуживала нѣкотораго вниманія: играли по десяти рублей серебромъ фишку.

— По десяти рублей серебромъ?.. Ну!!

— Да это еще что! — продолжалъ Илецкій. — Вотъ если бъ ты поглядѣлъ, какъ здѣсь поигрываютъ въ пикетъ... Я думаю, ты знаешь, что въ эту игру можно легко проиграть болѣе пятисотъ призовъ. Ну, отгадай же, почемъ иногда играютъ здѣсь въ пикетъ?

— Неужели также по десяти рублей серебромъ?

— Побольше, мой другъ. Я однажды былъ свидѣтелемъ, какъ играли въ пикетъ по тридцати рублей серебромъ.

— О, Господи!—вскричалъ я невольно.

— Впрочемъ, не пугайся,—продолжалъ Илецкій, — это не такъ страшно, какъ ты думаешь. Въ этихъ случаяхъ, почти всегда играетъ не одинъ игрокъ противъ другого, а цѣлая партія противъ другой; слѣдовательно, и проигрышъ и выигрышъ дѣлятся между многими. Правда, случаются иногда такіе неустрашимые и закаленные въ бояхъ герои, которые не хотятъ ни съ кѣмъ подѣлиться ни славою рѣшительной побѣды, ни стыдомъ совершеннаго разбитія. Но это случаи бываютъ очень рѣдко; обыкновенно сражаются только двое, а въ самомъ-то дѣлѣ *стѣна идетъ на стѣну*, и смертельно раненыхъ съ обѣихъ сторонъ почти никогда не бываетъ.

— А это налѣво что за комната?—спросилъ я.

— Это комната отдохновенія. Посмотри, съ какой прихотливой точностію соблюдены въ ней всѣ условія этого утонченнаго, англійскаго комфорта. Попробуй, сядь противъ камелька на эти кресла. Ну, что?.. Не правда ли, покой, нѣга; встать не хочется?.. Прилягъ на этотъ диванъ и скажи мнѣ, случалось ли тебѣ спать на постели, которая была бы такъ покойна и располагала бы тебя къ такой усладительной дремотѣ, какъ этотъ, зыблющійся подъ тобою, роскошный диванъ? Хочешь ли ты не спать, а только отдохнуть и понѣжиться въ этомъ безмятежномъ забытьи, этомъ итальянскомъ иль-дольче, фаръ-ни энте, — садись сюда, на эти кресла съ высокою эластическою спинкою и покачивайся въ нихъ, какъ въ люлькѣ. Въ этой комнатѣ, послѣ упорнаго сраженія, какой-нибудь отчаянный боецъ можетъ отдохнуть и перечесть свои раны или полюбоваться своими трофеями, то-есть смекнуть на просторѣ, сколько прибыло или сколько убыло въ его бумажникѣ—разумѣется, ломбардныхъ билетовъ. Убыль и прибыль ассигнацій для первокласснаго игрока не значатъ ничего; это все то же, что лихому партизану получить легкую контузію или взять въ плѣнъ какого-нибудь оберъ-офицера. Теперь пойдемъ, я покажу тебѣ нашу журнальную библіотеку.

Вы вышли опять въ ту комнату, гдѣ, по словамъ моего товарища, происходятъ такія знаменитыя побоища. На этотъ разъ поле сраженія было почти пусто, вѣроятно потому, что главныя войска еще не подошли. Я замѣтилъ только мимоходомъ небольшую схватку между двумя фланкерами, которые, отъ нечего дѣлать, перестрѣливались рублика по три въ палки. Пройдя небольшимъ корридоромъ, мы вошли въ прекрасную залу; по стѣнамъ ея стояли шкапы съ книгами, а посрединѣ одинъ длинный столъ и два другіе стола поменѣе, покрытые журналами и газетами. Нельзя не полюбоваться отличнымъ порядкомъ и чистотою, въ которой содержится эта журнальная комната. Особеннаго рода освѣщеніе, очень яркое, но не вредящее зрѣнію, спокойная мебель, строго наблюдаемая тишина, множество и разнообразіе періодическихъ изданій—однимъ словомъ, тутъ все придумано для удовольствія и удобства читающихъ.

— Не знаю, въ какомъ порядкѣ была эта часть въ твое время, — сказалъ Илецкій,—а теперь мы можемъ ею похвастаться: клубъ выписываетъ русскихъ двадцать три журнала и двадцать газетъ, французскихъ журналовъ и газетъ пятнадцать, нѣмецкихъ четыре и одинъ англійскій „Revue“, который, впрочемъ, кажется, никто не читаетъ, вѣроятно, потому, что клубъ называется Англійскимъ, — прибавилъ съ улыбкою Илецкій.

— А что,—спросилъ я,—у васъ тѣ комнаты, въ которыхъ играютъ въ карты, имѣютъ также каждая свое опредѣленное назначеніе, то-есть въ первой гостиной играютъ не больше рубля, въ третьей...

— И, нѣтъ, мой другъ! Каждый членъ воленъ играть гдѣ ему угодно и почемъ угодно, но, вѣдь, ты знаешь, что привычка сильнѣе всякаго закона. Члены, играющіе по *маленькой*, привыкли собираться въ *дѣтской*, то-есть первой гостиной, и ты никакъ не найдешь себѣ партіи по полтинѣ въ вистъ въ третьей гостиной, гдѣ люди, ужъ *возмужалые*, играютъ, какъ слѣдуетъ, въ *серьезную* игру, тихо, смирно и съ большимъ вниманіемъ. Въ свою очередь, тотъ, кто играетъ въ эту серьезную игру, въ которую можно проиграть рублей триста или четыреста, не найдетъ себѣ партіи въ комнатѣ, гдѣ сторублевая ассигнація не значитъ ровно ничего. И вотъ почему все играющее общество Англійскаго клуба раздѣляется на нѣсколько круговъ, которые сдѣлали уже привычку сбираться каждый въ особенной комнатѣ. У насъ есть и такіе члены, для которыхъ весь клубъ ограничивается одною избранною ими комнатою и даже однимъ мѣстомъ въ этой комнатѣ. Иной будетъ вездѣ въ гостяхъ, исключая комнаты, въ которой онъ поселился. Тутъ онъ дома, эта комната—его міръ, это мѣсто—его собственность. Тутъ онъ каждый день сидитъ, куритъ трубку, бесѣдуетъ съ пріятелями, пьетъ чай, ужинаетъ, дремлетъ послѣ обѣда и только не спитъ ночью, потому что можетъ за это, наравнѣ съ запоздалымъ игрокомъ, заплатить довольно значительный штрафъ. Изъ этой комнаты, по середамъ и субботамъ, онъ отправляется въ гости въ столовую пообѣдать и каждый день въ журнальную комнату прочесть „Сѣверную Пчелу“, „Инвалида“ и „Московскія Вѣдомости“. Эти послѣдніе выѣзды для него совершенно необходимы, потому что онъ любитъ извѣщать первый всѣхъ своихъ пріятелей объ испанскихъ дѣлахъ, о перемѣнѣ французскихъ министровъ, о продажѣ имѣній съ публичнаго торга, объ отъѣзжающихъ заграницу, и въ особенности о наградахъ и производствахъ въ чины, потому что тутъ всегда представляется обширное поле для всякихъ разсужденій, замѣчаній и глубокомысленныхъ заключеній. Да вотъ, всего лучше, войдемъ, присядемъ гдѣ-нибудь и послушаемъ.

Мы отправились назадъ тою же самою дорогою и сѣли на длинномъ диванѣ въ проходной комнатѣ, которая отдѣляетъ биллiардную отъ третьей гостиной. На другомъ концѣ дивана сидѣли

Digitized by Google

четверо господъ, изъ которыхъ одинъ, человѣкъ очень пожилыхъ лѣтъ, но довольно еще свѣжій, что-то разсказывалъ.

— Да, батюшка,—говорилъ онъ,—чудное дѣло, истинно чудное! Я зналъ Подольскаго еще ребенкомъ... такъ, мальчишка глупенькій, лѣтъ десяти, Сережа! Отецъ его былъ человѣкъ простой, нечиновный и связей никакихъ не имѣлъ. А сынокъ его... вотъ что мы Сережей-то называли, произведенъ, сударь, въ дѣйствительные статскіе совѣтники!.. Ну, давно ли, кажется?. Много, много лѣтъ тридцать пять, въ курточкѣ ходилъ, а теперь ваше превосходительство!.. Бывало, въ старину, увидишь шляпу съ пухомъ, такъ ужъ знаешь впередъ: человѣкъ съ именемъ, почтенный!.. А теперь!.. Ну, нечего сказать, чудныя дѣла дѣлаются, чудныя!..

— А правда ли,—спросилъ одинъ изъ слушателей,—говорятъ, будто бы Андрею Ивановичу Макшанову дали Анну черезъ плечо?

— И, нѣтъ, батюшка! Станислава.

— Какъ же мнѣ сказали...

— Да ужъ позвольте, я знаю навѣрное—Станислава. Вотъ также пожаловаться на службу не можетъ. Летитъ, сударь, летитъ!.. Ну, да этотъ другое дѣло—голова... и связи большія. Вѣдь матушка его была урожденная княжна Красноярская, а, вы знаете, Красноярскіе въ свойствѣ со всею знатью, такъ тутъ дивиться нечему; а вотъ что любопытно,—продолжалъ разсказчикъ, понизивъ голосъ,—знаете ли вы, что Степанъ Ивановичъ Стародубскій уволенъ отъ службы?..

— Неужели?

— Да, да! Говорятъ, будто бы какой-то иностранный дворъ настоятельно требовалъ этой отставки.

— И, что вы, Алексѣй Дмитричъ, иностранный дворъ!.. Да какое право имѣетъ иностранный дворъ?..

— Ужъ тамъ говорите себѣ, а слетѣлъ, сударь! Политика, батюшка, политика!.. Знаете ли, бываютъ этакія разныя дипломатическія обстоятельства... Мы сдѣлаемъ, и для насъ сдѣлаютъ... понимаете?

— Конечно, конечно!.. Однакожъ, это что-то странно?.. Какое бы, кажется, дѣло?..

Старикъ улыбнулся, понюхалъ табаку и сказалъ:

— Да, сударь, да!.. Кто не посвященъ въ таинства политики, тому многое должно казаться страннымъ!..

— Алексѣй Дмитричъ, — проговорилъ одинъ господинъ, идя скорыми шагами изъ биллiардной,—сейчасъ принесли въ журнальную послѣдній номеръ „Сѣверной Пчелы“, меня тащутъ въ вистъ, такъ я не успѣлъ его пробѣжать... не хотите ли вы?..

Старикъ вскочилъ съ дивана, товарищи его также встали. Онъ отправился въ журнальную, они разошлись по разнымъ сторонамъ и я остался одинъ съ Илецкимъ.

— Пойдемъ и мы, — сказалъ Илецкій, посмотримъ, не найдешь ли ты въ первой гостиной кого-нибудь изъ прежнихъ твоихъ сотоварищей.

— Нѣтъ,—прошепталъ я съ невольнымъ вздохомъ, когда мы вошли въ эту комнату, — я не вижу здѣсь ни одного знакомаго лица.

— Посмотри хорошенько.

— Чего смотрѣть! Я вижу только, что въ этой комнатѣ, которую вы называете дѣтской, большая часть господъ вовсе не дѣти: одинъ другого старѣе!..

— Да, конечно, народъ пожилой.

— Вотъ, напримѣръ, что сидитъ у крайняго стола?..

— Этому еще только семьдесятъ пять лѣтъ.

— А вотъ этотъ, что кушаетъ чай?

— Ну, этотъ немного постарѣе: ему за восемьдесятъ.

— И этотъ, я думаю, не моложе,—спросилъ я, указывая на дряхлаго старика, который шелъ, не подымая ногъ, шаркалъ ими по полу и двигался, какъ будто бы не своей, а какой-то посторонней силой.—Какъ его фамилія?

— Курильскій.

— Иванъ Андреевичъ?

— Да!

— Ахъ, Боже мой! Да я баллотировалъ его въ члены Англійскаго клуба... Онъ былъ еще такой молодецъ!

— А теперь...

— Да это, братецъ, все ребятишки; вотъ посмотри на этого барина, который расхаживаетъ такъ бодро и съ такой странной припрыжкой по комнатѣ.

— А кто онъ такой?

— Иванъ Сергѣевичъ Саяновъ.

— Что ты? Въ умѣ ли?.. Иванъ Сергѣевичъ Саяновъ?.. Не можетъ быть! Да онъ ужъ лѣтъ двадцать какъ умеръ.

— Нѣтъ, Богданъ Ильичъ, не прогнѣвайся — живехонекъ; да еще, можетъ быть, и насъ съ тобой похоронитъ.

— Да, помилуй, двадцать семь лѣтъ тому назадъ я игралъ съ нимъ въ бостонъ; онъ и тогда говорилъ, что ему за семьдесятъ! Сколько же ему лѣтъ?

— Безъ малаго сто.

— А, почтеннѣйшій Захаръ Ивановичъ!—вскричалъ какой-то худощавый господинъ лѣтъ сорока пяти, протягивая руку Илецкому. — Васъ вчера не было въ клубѣ,—вѣрно изволили быть въ концертѣ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Такъ поэтому вы Листа ужъ слышали?

— Нѣтъ, еще не слышалъ.

— Неужели?.. Ну, ужъ я вамъ скажу, что за диковина этотъ Листъ!.. Удивительный, сударь, человѣкъ, удивительный!.. Этакого проворства я никогда не видывалъ! Какъ онъ работаетъ пальцами, ахъ, Господи!.. Молнія, сударь, молнія!.. Дѣтина такой видный... остриженъ въ кружокъ... носъ большой... Необычайный артистъ, сударь, необычайный!.. Нѣтъ, Захаръ Ивановичъ, поѣзжайте, поѣзжайте! Право, стоитъ разъ послушать. А что, пойдете по рублику въ вистъ?

— Нѣтъ, я больше полтины не играю.

— Эхъ, Захаръ Ивановичъ, пуститесь!.. Партія пріятная: Иванъ Андреевичъ, Степанъ Трифонычъ, я... Ну, что за бѣда?.. Рискните разъ по рублику!

— Помилуйте!.. на что мнѣ мѣнять игру?

— Такъ не угодно ли вамъ?—продолжалъ этотъ вистный вербовщикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Извините,—отвѣчалъ я,—я также не играю по рублю.

— Да вотъ вамъ четвертый,—прервалъ Илецкій,—Андрей Михайловичъ, четвертаго нѣтъ—по рублику! Хотите?

Андрей Михайловичъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, толстый, осанистый, съ брюзглымъ лицомъ и важною выступью, остановился и, поглядѣвъ прямо въ глаза Илецкому, спросилъ:

— По рублю? Во что?

— Въ вистъ.

— Въ вистъ?—повторилъ толстый баринъ такимъ ужаснымъ голосомъ, что у меня волосы стали дыбомъ.—Кто, я въ вистъ?.. Ха, ха, ха!

— Охъ, Андрей Михайловичъ!—сказалъ Илецкій.—Что это вы такъ страшно смѣетесь?

— Мнѣ играть въ вистъ?.. Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!.. Покорнѣйше благодарю!..

Digitized by Google

— Что это съ вами сдѣлалось? Вы, кажется, висть любите?

— Да она-то меня не любитъ. Два мѣсяца сряду проигрываю, каждый день, каждый день!.. Игра, судите! Въ что угодно въ бостонъ, въ преферансъ, а въ висть—ни за что! Сейчасъ проигралъ четыре роббера, да еще какіе! И добро бы игралъ несчастливо,—нѣтъ, карты идутъ!

— Такъ отчего же вы проигрываете?

— Контры, Захаръ Ивановичъ, контры, какихъ я въ жизни моей не видывалъ. Да вотъ хоть послѣдній робберъ представьте себѣ: я играю съ Федоромъ Кирилловичемъ Граммовымъ, противъ насъ, подъ рукою у меня Онисимъ Алексѣевичъ Турецкій, за рукою Федоръ Дмитріевичъ Шаломскій. У насъ партія [illegible], у нихъ четыре; у насъ записано три, у нихъ девять. Вскрываютъ козыря [illegible] 8 червей карты; у меня [illegible] съ маленькими козырей, четыре старшихъ трефы [illegible], бубенъ [illegible] и тузъ, король червей. [illegible] игра!

— Ну [illegible].

— Такъ слушайте: [illegible] разсчитываю [illegible] маленькой. [illegible] не [illegible] козырей [illegible] Шаломскій [illegible] [illegible]

[illegible]

да—кричать надобно, а какой пріятный игрокъ! А, да вотъ и онъ!—Здравствуйте, Тимоѳей Сергѣевичъ!..

— Слуга покорный!—сказалъ небольшого роста старичекъ съ плѣшивой головой и добрымъ, простодушнымъ лицомъ.

— Ну что, какъ ваше здоровье?

— Да, батюшка, [illegible] сегодня пріѣхалъ.

— Ну, вотъ говоря съ нимъ! Не хотите ли, Тимоѳей Сергѣевичъ, по рублику въ висть?

— Что, батюшка,—висть!.. Да, говорятъ, хорошо играете!.. Въ старые годы и я бы послушалъ, а теперь что будешь дѣлать!

— Я вамъ говорю: не хотите ли по рублю въ висть?

— Слышу, батюшка, вы предлагаете мнѣ партію въ висть. [illegible]?..

— Если вамъ угодно, по рублю.

— Вы не играете по рублю!.. Извольте, я и по [illegible].

Худощавый [illegible] поморщился и закричалъ во все горло:

— Вамъ предлагаютъ по рублю!

— Давайте, батюшка, давайте! Это обыкновенная моя игра.

— [illegible] карты—вонъ туда, на крайній столъ... Пожалуйте, Тимоѳей Сергѣевичъ, пожалуйте!

[illegible]

зой кухарки или оборваннаго полупьянаго лакея; а здѣсь сорокъ офиціантовъ, ловкихъ, вѣжливыхъ, проворныхъ, смотрятъ тебѣ въ глаза и предупреждаютъ всѣ твои желанія. Каждую среду и субботу въ клубѣ обѣдъ. Положимъ, что ты не можешь платить и по три рубля, разумѣется, не серебромъ, за обѣдъ, который стоитъ клубу вдвое дороже; но если ты не очень совѣстливъ, то можешь каждую среду и субботу приходить въ клубъ не обѣдать, а завтракать. По уставу клуба, за завтракъ, и надобно замѣтить весьма сытный, не берутъ ничего. Конечно, немногіе пользуются этимъ правомъ, однакожъ, это право существуетъ для каждаго члена. Сверхъ того, въ извѣстное время года каждый членъ можетъ присылать въ клубъ одного или многихъ бѣдныхъ со своей запиской, и имъ, по усмотрѣнію старшинъ, выдаютъ рѣдко менѣе десяти рублей, а иногда до пятидесяти. Я не говорю уже о разныхъ другихъ мелочныхъ правахъ и удобствахъ, которыми пользуются члены клуба. И за все это вы платите семьдесятъ пять рублей ассигнаціями въ годъ, то-есть меньше двадцати грехъ копѣекъ мѣдью въ день. Кажется, дешево?

— Да, это правда! — Еслибъ какому-нибудь бѣдняку сказали, что онъ можетъ за эту цѣну провести цѣлый вечеръ, какъ человѣкъ, получающій двѣсти тысячъ въ годъ доходу, то онъ, конечно бы, подумалъ, что ему разсказываютъ сказку изъ „Тысячи одной ночи“. Ну, какъ же послѣ этого ты можешь предпочитать прошедшій вѣкъ настоящему? Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, бѣдный человѣкъ зналъ только по - наслышкѣ, какъ живутъ богатые...

— И былъ гораздо счастливѣе, чѣмъ теперь,— прервалъ съ жаромъ Илецкій.—Если онъ имѣлъ какое-нибудь образованіе, то всегда могъ попасть въ хорошее общество и слѣдовательно быть участникомъ тѣхъ наслажденій, которыми дарятъ насъ просвѣщеніе, богатство и роскошь. Если же онъ былъ человѣкомъ не очень грамотнымъ, то жилъ попросту въ своей семьѣ, не гнушался убогимъ домикомъ, игралъ при свѣтѣ сальнаго огарка съ пріятелями въ дурачки и свои козыри, читалъ съ наслажденіемъ письмовника Курганова и сочиненіе Эмина, ѣлъ щи и гречневую кашу, а пилъ, вмѣсто шампанскаго и лафита, домашнюю наливку. Теперь, если онъ побываетъ въ Англійскомъ клубѣ, не покажется ли ему скернымъ чуланомъ та самая комната, которую онъ находилъ до того чистой и опрятной? Не захочетъ ли онъ, чтобъ въ этой комнатѣ было свѣтлѣе и чтобъ его простой кожаный диванъ былъ на пружинахъ?.. Въ старину европейская утонченная роскошь была запрещеннымъ плодомъ для всѣхъ бѣдныхъ людей, не имѣющихъ никакого права жить въ высшемъ обществѣ; теперь эта роскошь, по милости клубовъ, доступна для каждаго. Какъ же ты хочешь, чтобъ, вкусивъ разъ отъ этого запрещеннаго плода, какой-нибудь бѣднякъ не захотѣлъ, какъ можно чаще, пользоваться этимъ наслажденіемъ? И вотъ онъ изъ хорошаго семьянина мало-по-малу превращается въ самаго усерднаго члена Англійскаго или Дворянскаго клубовъ, и вмѣсто того, чтобъ позаботиться, какъ бы прокормить свое семейство и помочь женѣ хозяйничать, таскается каждый день въ клубъ и становится, наконецъ, человѣкомъ, совершенно чуждымъ для своего семейства.

— Да что съ тобою сдѣлалось?—прервалъ я.— Ты, кажется, сначала хвалилъ Англійскій клубъ, а теперь нападаешь на него съ такимъ ожесточеніемъ? Да неужели, по-твоему, человѣкъ семейный не можетъ никуда ѣздить въ гости? А мнѣ кажется,—ѣздить по вечерамъ въ гости или ѣздить въ Англійскій клубъ—одно и то же.

— Нѣтъ, извините! Вы ѣдете въ гости съ женою, съ вашимъ семействомъ. Да это еще ничего!—Ты вѣрно замѣтилъ, что въ Англійскомъ клубѣ бываютъ не одни только старики?.. А я спрашиваю тебя: что такое для молодого человѣка общество, изъ котораго исключены женщины?.. На что онъ сдѣлается похожимъ, если пристрастится къ этому обществу? Вѣчно съ сигаркою въ зубахъ, плохо выбритый, въ сюртукѣ или пальто, въ шароварахъ... Да что тутъ говорить!—продолжалъ Илецкій съ возрастающимъ жаромъ.—Посмотри на нынѣшнюю молодежь: что это такое? Какой тонъ, что за манера! На балѣ хозяйка дома не знаетъ, что дѣлать съ бѣдными дѣвицами: одинъ не танцуетъ, у другого нога болитъ, тотъ сѣлъ играть въ преферансъ, а этого не выгонишь изъ буфета - срамъ да и только!.. А начнутъ танцовать, такъ истинно гадко видѣть—насилу двигаются! Ни одинъ ноги поднять не хочетъ! Ходятъ взадъ и впередъ, разваливаясь, какъ разбитыя лошади!...

Я засмѣялся.

— Ну, чему ты смѣешься?—спросилъ Илецкій.

— Такъ, мой другъ! Я вспомнилъ, какъ ты танцовалъ въ старину, и очень понимаю теперешнее твое негодованіе. Общій нашъ учитель, танцмейстеръ Меранвиль, приходилъ въ восторгъ, смотря на твои чудесные ригодоны и отчетистые *шасе-анъ-аванъ*.

— Да, конечно, мы танцовали и разговаривали съ нашими дамами; а спроси, что теперешніе молодые люди говорятъ во время танцевъ?...

— Ну, это, любезный, не по нашей части. Что бы они ни говорили, а ужъ вѣрно ихъ слушаютъ охотнѣе, чѣмъ насъ съ тобою, Захаръ Ивановичъ!

— Такъ, такъ! Ты всегда горой стоишь за новое поколѣніе.

— Да вѣдь и мы были во время оно новымъ поколѣніемъ, мой другъ, и про насъ то же говорили тогдашніе старики... Однако, что жъ это значитъ: если ты до такой степени не жалуешь всѣ клубы, такъ зачѣмъ же ты самъ бываешь почти каждый день въ Англійскомъ клубѣ?

— Что я, братецъ?... Я бобыль!

— Да еще вдобавокъ—старый.

— Старый, старый!... Есть и старѣе меня.

— Ну, хороши и мы съ тобой!.. Да дѣло не въ томъ: мнѣ кажется, что изо всего, что мы говорили и видѣли сегодня, можно съ довольной справедливостію заключить, что молодымъ людямъ и людямъ семейнымъ не мѣшало бы порѣже ѣздить въ Англійскій клубъ; но что для людей одинокихъ и пожилыхъ, которые не вовсе еще разстались съ обществомъ, а межъ тѣмъ, по своему плохому здоровью и привычкѣ къ спокойной домашней жизни, не могутъ выѣзжать въ свѣтъ, Англійскій клубъ, такъ какъ онъ есть теперь, можетъ назваться самымъ благодѣтельнымъ заведеніемъ. Конечно, и противъ этого найдется что сказать; да развѣ есть что-нибудь на свѣтѣ, что не имѣло бы своей дурной стороны?....

— О, конечно, есть!—прервалъ Илецкій.

— А чтобы такое?

— Малоли что. Да вотъ, напримѣръ, хоть выдумка крытыхъ экипажей. Посмотри, какой льетъ дождь, а мы этого не замѣчаемъ: сидимъ преспокойно въ нашей каретѣ, бесѣдуемъ; намъ тепло, спокойно... Ну, найди мнѣ въ этомъ какую-нибудь дурную сторону.

Digitized by Google

— Я совѣтую тебѣ обратиться съ этимъ вопросомъ къ твоему кучеру Ѳедоту.

— Да развѣ ему на дрожкахъ-то было бы лучше?

— Разумѣется, не лучше; но если бъ крытые экипажи не были еще выдуманы, то, вѣроятно, ты сидѣлъ бы сегодня дома.

Карета остановилась у моихъ воротъ. Я простился съ Изецкимъ, поблагодарилъ его за компанію и далъ слово въ первую субботу отобѣдать съ нимъ въ клубѣ и составить его партію,—разумѣется, по полтинѣ, въ вистъ.

IV.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

. . . . „Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно, по крайней мѣрѣ, вниманіе русскихъ".

Карамзинъ.

Я долженъ прежде всего познакомить своихъ читателей съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого драматическаго разсказа.

Авдотья Ивановна Сицкая прожила всю молодость свою въ одномъ неблизкомъ отъ Москвы губернскомъ городѣ; этотъ губернскій городъ, несмотря на свое отдаленіе отъ обѣихъ столицъ, щеголялъ всегда своимъ европейскимъ просвѣщеніемъ, безусловной любовью къ *Западу*, и, вѣроятно, былъ родиною знаменитой госпожи Курдюковой, потому что всѣ жители его чрезвычайно любили говорить разомъ на двухъ языкахъ, на плохомъ русскомъ и на дурномъ французскомъ. Пока мужъ госпожи Сицкой былъ живъ, она не могла никакъ вырваться изъ своего сѣверо-восточнаго края и взглянуть на свѣтъ Божій, который, какъ извѣстно, свѣтитъ только на Западѣ. Этотъ камчадалъ, то-есть мужъ госпожи Сицкой, стоялъ на томъ, что русскій дворянинъ долженъ жить въ Россіи и ѣздить для своей потѣхи заграницу только въ такомъ случаѣ, когда это не можетъ разстроить его домашнихъ дѣлъ. Какъ ни возставала бѣдная Сицкая противъ такой вопіющей несправедливости, какъ ни доказывала текстами изъ Бальзака и Жоржа Занда, что жена вовсе не обязана повиноваться мужу, но должна была покориться этой ненавистной *грубой силѣ* (Force brutale), потому что все имѣнье принадлежало мужу, а не ей. На сорокъ восьмомъ году своей страдальческой жизни сдѣлалась она свободною: мужъ ея умеръ, оставивъ ей въ пожизненное владѣніе шестьсотъ душъ крестьянъ и тысячъ пятьдесятъ наличными деньгами. Неутѣшная вдова, которой на родинѣ все напоминало о потерѣ мужа, уничтожила пашню, посадила крестьянъ на оброкъ и отправилась заграницу, сначала тосковать на берегахъ Рейна, а потомъ разсѣять свою тоску въ Парижѣ. Она прожила въ немъ два года, и, дѣйствительно, тоска ея разсѣялась: но вмѣстѣ съ тоскою разсѣялись и всѣ наличныя ея деньги; такъ надобно было, хотя на время, возвратиться опять въ Россію. Вотъ она явилась въ Петербургъ. Эта пышная столица сѣвера, наполненная иностранцами, могла еще въ глазахъ ея выдерживать нѣкоторое сравненіе, если не съ Парижемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ другими городами Европы. Но Петербургъ ей скоро наскучилъ. Она думала, что женщина, которая прожила два года безвыѣздно въ Парижѣ, должна обратить на себя вниманіе всей петербургской аристократіи, а вышло совсѣмъ напротивъ. Теперь, когда, благодаря пироскафамъ, путешествія изъ Петербурга заграницу превратились въ самыя обыкновенныя и даже пошлыя прогулки, никто не прибавитъ себѣ ни на волосъ значенія тѣмъ, что былъ во Франціи, Англіи или Италіи; а тотъ, кто станетъ этимъ хвастаться, сдѣлается непремѣнно смѣшнымъ, какъ сдѣлалась смѣшною Сицкая, которая безпрестанно намекала о томъ, что была заграницею. Тому, кто живетъ въ высшемъ обществѣ, не запрещается быть глупымъ; но онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть смѣшнымъ, вѣроятно, потому, что первое зависитъ не отъ насъ, а второе есть необходимое слѣдствіе дурного образованія, незнанія общественныхъ приличій, и какая-то вывѣска, вовсе не аристократическаго происхожденія. Взгляните на знатнаго дурака: проговоря съ нимъ нѣсколько минутъ, вы, можетъ быть, догадаетесь что онъ дуракъ; а прошу сказать, что въ немъ смѣшного? У него нѣтъ двухъ собственныхъ идей въ головѣ—это правда, но зато посмотрите, какъ онъ ловокъ, послушайте, какія гладкія, вылощенныя французскія фразы! Какое — какъ бы это сказать?—врожденное чувство...—нѣтъ,—я думаю, вѣрнѣе — инстинктъ приличія и хорошаго тона, которому онъ никогда не измѣняетъ, да и не можетъ измѣнить, потому что сроднился съ нимъ еще въ ребячествѣ. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, Сицкая, замѣтивъ, что она играетъ весьма жалкую роль въ этомъ блестящемъ кругу, который, надѣвъ однажды на кого-нибудь дурацкую шапку съ бубенчиками, никогда ужъ ея не снимаетъ,— рѣшилась уѣхать въ Москву. Здѣсь ей жить было гораздо легче: здѣсь она могла почваниться тѣмъ, что была въ Парижѣ, критиковать дамскіе наряды, посмѣяться надъ русскимъ театромъ и даже увѣрить какого-нибудь простодушнаго москвича, что въ Парижѣ всѣ поденщики люди съ образованіемъ, и всѣ рыбныя торговки чрезвычайно пріятны въ обращеніи и очень любезны. Въ Москвѣ ей гораздо легче было попасть въ высшій кругъ общества. Она бывала на балахъ у графини А***, на вечерахъ у княгини С*** и сама назначила у себя дни по вторникамъ, вѣроятно, для того, чтобъ всѣ знали, что она никогда не бываетъ въ Благородномъ Собраніи *). На этихъ вечерахъ не танцовали, не играли въ карты,—а вѣдь надобно жъ чѣмъ-нибудь занимать гостей. Вотъ Авдотья Ивановна прикинулась страстной любительницей словесности, и по неволѣ—русской: въ Москвѣ нѣтъ французскихъ литераторовъ. Стала покровительствовать всѣмъ молодымъ писателямъ, отыскивать геніевъ и открывать *громадные* таланты. Въ Парижѣ была когда-то госпожа Графиньи,—почему жъ не быть ей и въ Москвѣ? Сицкая завела у себя литературныя бесѣды и чтенія. Ей какъ-то не удалось заманить на свои вечера ни извѣстныхъ литераторовъ, ни первоклассныхъ московскихъ львицъ и львовъ; но зато въ ея домѣ вы могли бы всегда встрѣтить проникнутыхъ европеизмомъ русскихъ барынь, которыя или пріѣхали изъ-за границы, или сбирались ѣхать заграницу; художниковъ, которыхъ замѣчательныя произведенія разбросаны по всѣмъ московскимъ альбомамъ; иностранцевъ, по большей части путешествующихъ для своей забавы и разныхъ торговыхъ оборотовъ; съ полдюжины

---

*) Московское Благородное Собраніе, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ великолѣпнѣйшихъ клубныхъ заведеній въ Европѣ, но хорошій тонъ требуетъ, чтобъ его посѣщали какъ можно рѣже. *(Замѣчаніе для иностранцевъ).*

Digitized by Google

писателей, которые ничего еще не написали; одного или двухъ геніевъ, не вовсе еще зрѣлыхъ, но готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ вспыхнуть и озарить новымъ свѣтомъ всю вселенную, и цѣлую толпу глубокихъ *мыслителей*, которые, доживъ до двадцати лѣтъ, успѣли все испытать, все перечувствовать и всѣмъ надоѣсть.

Теперь позвольте мнѣ для большей ясности представить вамъ именной списокъ всѣмъ лицамъ, дѣйствующимъ, говорящимъ и даже не говорящимъ въ этомъ драматическомъ разсказѣ, который, если вамъ угодно, вы можете назвать шуткою,—я за это досадовать не стану.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА, ГОВОРЯЩІЯ.

Хозяйка дома *Авдотья Ивановна Сицкая*. Съ нею ужъ вы знакомы.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гуськовъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ Москву, деревенскій сосѣдъ Авдотьи Ивановны Сицкой. Ему лѣтъ за сорокъ; одѣтъ по-стариковски: въ бѣломъ галстукѣ, съ бронзовой медалью въ петличкѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гуськовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ помѣщиковъ, которые слывутъ въ своемъ уѣздѣ людьми просвѣщенными и начитанными. Онъ выписываетъ журналы, разумѣется, тѣ, которые потолще другихъ, и умножаетъ ежегодно свою библіотеку, переплетая все, — даже „Московскія Вѣдомости“ со всѣми прибавленіями, не исключая бенефисныхъ афишъ и особыхъ извѣщеній отъ старшинъ Нѣмецкаго клуба.

Неофитъ Платоновичъ Ералашный, геній двадцати пяти лѣтъ; въ черномъ фракѣ, съ распущенными по плечамъ волосами; блѣдное, изможденное лицо его, по словамъ нѣкоторыхъ, изобличаетъ, какъ и всѣ лица геніевъ, неукротимыя страсти и сильную волю, и по словамъ другихъ — разгульную жизнь и не слишкомъ похвальное поведеніе; что, впрочемъ, по мнѣнію новѣйшихъ французскихъ писателей, составляетъ также необходимую принадлежность каждаго генія. Друзья называютъ его взглядъ *орлинымъ*, враги, то-есть люди, незнающіе толку въ геніальности, замѣчаютъ въ этомъ взглядѣ что-то полоумное и шальное. Онъ читаетъ свои стихи тѣмъ мощнымъ, вдохновеннымъ голосомъ, который люди обыкновенные и чуждые всякой поэзіи называютъ басомъ. Никто еще не знаетъ, какимъ *кипучимъ ключемъ* забьетъ вдохновеніе въ груди этого избранника небесъ; какимъ *міровымъ* созданіемъ разразится этотъ *громадный* талантъ; въ какую форму облечетъ онъ свои *вѣчныя* идеи. Это для всѣхъ тайна. До сихъ поръ онъ написалъ еще только четыре стиха къ портрету Бирона, неоконченное посланіе къ морю и сочинилъ фантастическую повѣсть: „Душа въ хрустальномъ бокалѣ“.

Варсонофій Николаевичъ Наяновъ, длинный, худой, косматый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи. Онъ пошелъ было сначала по ученой части, да что-то не посчастливилось: науки ему не дались, языки также, званіе дѣйствительнаго студента также; но онъ зналъ имена всѣхъ современныхъ писателей, затвердилъ нѣсколько латинскихъ словъ, выучилъ наизусть всю ученую нѣмецкую терминологію и сверхъ того обладалъ необычайнымъ даромъ болтать безъ устали по два часа сряду, не сказавъ рѣшительно ничего. Съ такимъ богатымъ запасомъ нельзя было ему оставаться въ числѣ простыхъ, обыкновенныхъ мыслителей; вотъ онъ и рѣшился испытать свои силы на литературномъ поприщѣ. Читающая публика, которую онъ теперь называетъ всегда толпою, не умѣла оцѣнить его высокаго дарованія. Варсонофій Николаевичъ Наяновъ остервенился, окунулъ свое перо въ желчь и началъ свирѣпствовать, то-есть писать на всѣхъ рецензіи и ругательства. Все это въ порядкѣ вещей: бездарный писатель, который хочетъ, во что бы то ни стало, продолжать писать, всегда превращается въ неумолимаго критика; это плебей, который ненавидитъ всѣхъ патриціевъ; чѣмъ выше талантъ, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ старается онъ забросать его грязью. Да и что за радость повторять слова толпы и хвалить вмѣстѣ съ нею писателей, именами которыхъ гордится Россія? То ли дѣло поднять свою святотатственную руку на Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитріева, и хоть не доказать, а сказать, по крайней мѣрѣ, что они были писатели вовсе бездарные, и что новое поколѣніе и знать ихъ не хочетъ! Конечно, люди умные, читая этотъ литературный пасквиль, станутъ пожимать плечами; но зато дураки,—а, вѣдь, ихъ очень много,—закричатъ въ одинъ голосъ:

„Ай моська, знать она сильна,
Что лаетъ на слона!“

Андрей Степановичъ Лычкинъ, второклассный левъ; съ рыжею бородкою, въ модномъ полусюртукѣ; голова острижена подъ гребешокъ.

Артемій Захарьевичъ Рыльскій, человѣкъ сорока пяти лѣтъ; одѣтъ просто, но очень опрятно и съ большимъ вкусомъ. Онъ много читалъ, много путешествовалъ и много видѣлъ. Онъ не кричитъ безпрестанно: „о, Россія, мать героевъ“, но не говоритъ также кстати и не кстати: „гдѣ намъ! что мы!..“ Артемій Захарьевичъ Рыльскій не стоитъ на колѣняхъ предъ Западомъ, однакожъ, и спиною къ нему не оборачивается; онъ истинно любитъ науки, художества, словесность и вообще все прекрасное, какому бы народу оно ни принадлежало.

Ольга Николаевна Букашкина, дородная, шарообразная русская барыня, съ большими претензіями. Хотя ей и не удалось побывать заграницею, однакожъ, она поговариваетъ о Москвѣ съ большимъ пренебреженіемъ, потому что была когда-то въ Варшавѣ и сбирается ѣхать въ Одессу.

Елена Дмитріевна Суховольская, молодая женщина, блѣдная, худая, съ прекрасными голубыми глазами, исполненными задумчивости и какой-то тихой... опять не знаю, какъ выразиться... грусти... нѣтъ!.. ей не о чемъ грустить. Ну, такъ и быть, скажу: меланхоліи,—хотя это слово давно уже вышло изъ моды! Елена Дмитріевна очень любитъ погружаться въ *міръ фантазіи*, смотрѣть на луну, сидѣть подъ тѣнью плаксивой ивы и ронять свои слезы въ прозрачныя струи журчащаго ручейка; однимъ словомъ, госпожа Суховольская—живой анахронизмъ. Вѣроятно, это произошло оттого, что она воспитывалась въ одномъ отдаленномъ уѣздномъ городѣ, гдѣ и до сихъ поръ еще любятъ слезливыхъ писателей осьмнадцатаго столѣтія, восхищаются путешествіемъ въ полуденную Россію Измайлова и проливаютъ горячія слезы, читая прекрасную повѣсть Клушина „Вертеровы чувствованія, или несчастный Масловъ“. Впрочемъ, госпожа Суховольская, руководимая своей наставницей, Авдотьей Ивановной Сицкой, начинаетъ понемногу привыкать къ современной словесности. Она уже рѣдко плачетъ, но зато часто содрогается, и хотя любитъ еще по старой привычкѣ кроткія и грустныя ощущенія души чувствительной, однакожъ, слушаетъ безъ отвращенія эти нѣсколько грязныя, но не менѣе того геніальныя описанія житейскихъ мерзостей

Digitized by Google

и, читая „Парижскія таинства Ежена Сю“, постигаетъ всю поэзію неистовыхъ страстей, буйнаго разврата и той разгульной жизни каторжныхъ, пьяницъ, разбойниковъ и знатныхъ людей, которые гуляютъ съ ними по кабакамъ и дерутся на кулачки.

Мадамъ Григри, француженка, лѣтъ сорока. Она живетъ у Сицкой для компаніи и въ то же время исполняетъ должность экономки.

ЛИЦА НЕГОВОРЯЩІЯ:

Три мыслителя. Старшему не болѣе двадцати лѣтъ; одѣты не очень красиво и даже съ нѣкоторымъ неряшествомъ. У одного волосы обстрижены въ кружокъ, у другого подковкою, у третьяго вовсе не обстрижены; но у всѣхъ троихъ одинакимъ образомъ плохо расчесаны и висятъ какъ ни попало. Взоры ихъ важны, проницательны и мрачны.

Два генія въ зародышахъ. Также молодые люди, только еще неопрятнѣе болѣе растрепаны и смотрятъ гораздо свирѣпѣе.

Двѣ барышни. Одна дочь Букашкиной, другая меньшая сестра Суховольской; первая сочиняетъ по секрету французскіе стихи, вторая пишетъ втихомолку русскою прозою. Первая написала уже до половины стихотвореніе: „Mon rêve“; вторая начала повѣсть „Сердце женщины“. Обѣ онѣ, какъ начинающія писательницы, довольно еще скромны и застѣнчивы.

Служанка госпожи Сицкой.

Слуги госпожи Сицкой.

(*Утро. Дамская уборная комната. Передъ письменнымъ столикомъ, въ бѣлой кисейной блузѣ и спальномъ чепцѣ, сидитъ пожилая женщина; ей налицо лѣтъ пятьдесятъ. Замѣтно, что нѣкогда она была хороша собою: всѣ черты лица ея правильны; но заклятый врагъ розъ и лилій, это неумолимое время, покрыло желтоватой блѣдностью ея щеки, провело на лбу морщины, превратило гибкій станъ въ дородную талію, густые шелковые локоны въ жесткіе и рѣдкіе волосы и, что всего хуже, не оставило ей ни одного передняго зуба. Эта старая, увядшая и,— страшно вымолвить — беззубая барыня, Авдотья Ивановна Сицкая. Передъ нею стоитъ мадамъ Григри, женщина среднихъ лѣтъ, въ бѣломъ платьѣ, голубомъ шелковомъ фартукѣ, въ волосахъ и бархатной черной кокеткѣ.*

NB. Весь нижеслѣдующій разговоръ происходитъ, за небольшими исключеніями, на французскомъ языкѣ.

Авдотья Ивановна (*окончивъ записку и обращаясь къ мадамъ Григри*). Ma chère, какъ вы меня сегодня находите?

Мадамъ Григри. Вы очень хороши.

Авдотья Ивановна. Право? А я такъ дурно спала всю ночь! Вы знаете, что у меня сегодня литературный вечеръ?

Мадамъ Григри. Какже! Вы мнѣ еще вчера объ этомъ говорили.

Авдотья Ивановна. Я думала дать этотъ вечеръ на будущей недѣлѣ, но сегодня также чтеніе у княгини Долинской. Ей не угодно было пригласить меня.. впрочемъ, я бы и не поѣхала... У нея всегда такая скука, такая тоска!.. Вотъ мы посмотримъ, чей вечеръ будетъ интереснѣе... (*Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ слуга*). Возьми эти двѣ записки: отнеси эту Неофиту Платоновичу Ералашнову, а эту къ Варсонофію Николаевичу Наянову, да зайди къ Еленѣ Николаевнѣ Суховольской, къ Лычкиину, къ Артемію Захарьевичу Рыльскому и скажи, что я прошу ихъ къ себѣ на вечеръ въ восьмомъ часу,—слышишь? Ну, ступай!

Мадамъ Григри. Что у васъ много будетъ гостей?

Авдотья Ивановна. Нѣтъ, не больше пятнадцати человѣкъ. Ко мнѣ стали бы многіе напрашиваться, да я терпѣть не могу толпы. Литературный вечеръ не раутъ. Вотъ, я думаю, у этой княгини Долинской сегодня будетъ человѣкъ сто. Она рада съ улицы нахватать. Ей все равно: карточный ли вечеръ или чтенье, было бы только тѣсно!.. Дура!.. Какъ я рада, что она меня не позвала.

Мадамъ Григри. Въ которомъ часу начнется чтеніе?

Авдотья Ивановна. Часу въ девятомъ. Ахъ, ma chère, не забудьте графинъ воды и мелкаго сахару!. C'est de rigueur Читать будутъ у меня въ кабинетѣ, за круглымъ столомъ.

Мадамъ Григри. Будьте спокойны, я все приготовлю.

Авдотья Ивановна. Чай можно подать пока мы будемъ еще въ гостиной.

Мадамъ Григри. Очень хорошо.

Авдотья Ивановна. Между двухъ чтеній будетъ отдыхъ; въ это время можно подать мороженое.

Мадамъ Григри. А ужинъ надобно?..

Авдотья Ивановна. Какъ же, ma chère! Я не хочу, чтобъ мои гости поѣхали отъ меня ужинать въ ресторацію, такъ какъ это всегда дѣлаютъ у Долинской. Литературный вечеръ! Желала бы я знать, что у нея станутъ читать и кто будетъ слушать?.. Я думаю, все дѣло кончится вистомъ и преферансомъ... Это чтенье только предлогъ. Вѣдь ей необходимо, чтобъ у нея играли: она весь домъ содержитъ картами!.. Ахъ, какъ я рада, что она меня не пригласила! Ни за что бы не поѣхала!.. (*Входитъ слуга и подаетъ Сицкой записку*). Отъ кого?.. А, отъ Велькоміровой! (*Читаетъ*). „Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу обязательную записку, которую я имѣлъ честь получить вчера вечеромъ. Мнѣ очень грустно, что я не могу исполнить вашего приказанія. Я читаю мои стихи только въ кругу самыхъ близкихъ мнѣ друзей, въ снисхожденіи которыхъ увѣренъ заранѣе; впрочемъ, если вамъ угодно слышать мои стихи, я за счастіе поставлю пріѣхать къ вамъ и прочесть ихъ, когда вы будете однѣ“. Вотъ прекрасно!.. Очень мнѣ нужны его стихи, когда у меня никого не будетъ!

Мадамъ Григри. Кто этотъ Велькоміровъ? Онъ, кажется, никогда у васъ не бываетъ.

Авдотья Ивановна. Мы съ нимъ часто встрѣчаемся въ свѣтѣ.

Мадамъ Григри. И онъ обѣщалъ вамъ?..

Авдотья Ивановна. Какже! Я вчера поутру видѣла его у Соликамскаго, просила чтобъ онъ сегодня прочелъ у меня свои стихи и онъ очень вѣжливо мнѣ поклонился.. Да что онъ такъ о себѣ думаетъ?.. Ужъ не правду ли говоритъ Наяновъ, что въ немъ вовсе нѣтъ таланта?.. Признаюсь, мнѣ и самой тоже кажется... А я еще назвала его въ своей запискѣ русскимъ Ламартиномъ... Мужикъ!.. Ахъ, какъ это досадно: стиховъ не будетъ... одна проза... Ну, дѣлать нечего!.. Вотъ, ma chère, что такое русскіе писатели!.. Въ Парижѣ мнѣ стоило бы сказать одно только слово, и самъ мосье Бальзакъ или Александръ Дюма за честь бы поставили... О, если бъ не обстоятельства... конечно бы нога моя не была

Digitized by Google

въ Россіи!.. Парижъ!.. О, сколько въ немъ удовольствій, наслажденій.

Мадамъ Григри. Вы правду говорите: Парижъ рай женщинъ!

Авдотья Ивановна *(какъ будто что-то припоминая)*. Ахъ!.. Да!.. *(Входитъ горничная)*. Что ты?

Горничная. Вы приказали въ первомъ часу...

Авдотья Ивановна. Да развѣ ужъ первый?..

Горничная. Скоро часъ.

Авдотья Ивановна. Неужели?.. А я еще и не думала о моемъ туалетѣ. *(Вставая)*. Пожалуйста, ma chère, не забудьте, что я вамъ приказывала.

Мадамъ Григри. Будьте спокойны.

(Мадамъ Григри уходитъ. Дверь уборной запираются на замокъ).

Вечеръ. Гостиная комната въ домѣ Авдотьи Ивановны Сицкой. Бронзовая люстра и канделябры по угламъ съ зажженными свѣчами. На подстольникахъ бронзовые часы. Передъ диваномъ, на столѣ, фарфоровый карсель. На всѣхъ другихъ столахъ разбросаны альбомы, кипсеки и литографіи.

Слуга *(растворяя обѣ половинки дверей)*. Пожалуйте! Барыня сейчасъ выйдетъ.

(Входитъ Артемій Захарьевичъ Рыльскій и Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гуськовъ).

Гуськовъ *(оглядываясь назадъ)*. Ну, какъ хорошо у Авдотьи Ивановны! Нечего сказать — барски живетъ!

Рыльскій. Да, она живетъ недурно.

Гуськовъ. А что, Артемій Захарьевичъ, я думаю, эта бронза вся заграничная?

Рыльскій. Я думаю.

Гуськовъ. У насъ этакъ не сдѣлаютъ. Да и мебель-то вѣрно парижская?

Рыльскій. Нѣтъ, мебель здѣшняя.

Гуськовъ. Отлично хорошо!.. Такъ сегодня у Авдотьи Ивановны будетъ чтеніе?

Рыльскій. Кажется, что такъ.

Гуськовъ. Не извѣстно ли вамъ, что будутъ читать?

Рыльскій. Право не могу вамъ сказать.

Гуськовъ (*съ важностью*). Вѣроятно или прозу или стихи.

Рыльскій. Вѣроятно.

Гуськовъ. Я вамъ доложу, я страстный охотникъ до чтенія. Много и денегъ на это трачу. Да что будешь дѣлать, жить не могу безъ книгъ... пища моя, сударь, пища!

Рыльскій. Я слышалъ, у васъ есть библіотека.

Гуськовъ. Какъ же! И смѣю доложить — библіотека порядочная! Много есть, знаете, такихъ книжекъ—весьма замѣчательныхъ... классическія... и разныя другія.

Рыльскій. Чтожъ, это очень хорошо.

Гуськовъ. Да-съ, и всѣ въ переплетахъ. Нарочно отдавалъ мальчика учиться; хорошо переплетаетъ, очень хорошо! И въ кожу, и въ папку, и въ корешокъ—какъ угодно.

Рыльскій. Такъ поэтому вы ссужаете всѣхъ вашихъ сосѣдей.

Гуськовъ. Да что будешь дѣлать? Вѣдь я, Артемій Захарьевичъ, одинъ во всемъ уѣздѣ. Такое невѣжество, что и сказать нельзя! Не то, чтобы не хотѣли читать, да все наровятъ этакъ какъ-нибудь на даровщинку... „Московскія Вѣдомости“ еще кой-кто выписываетъ, а купить что ни на есть посерьезнѣе... журналъ литературный какой-нибудь выписать — такъ нѣтъ!.. Правда, имъ иногда за это достается.

Рыльскій. Какъ достается?

Гуськовъ. Да такъ же! Нашъ дворянскій предводитель... человѣкъ просвѣщенный, батюшка!.. получилъ прошлаго года письмо отъ одного столичнаго журналиста, который просилъ его, какъ ревнителя отечественнаго просвѣщенія, раздать дворянамъ нѣсколько билетовъ на его журналъ. Нашъ предводитель разсердился. „Да долго ли, дескать, этому журналисту съ кружкой то ходить? И къ губернатору пишетъ, и къ предводителямъ; ну, словно нищій какой,—отбою нѣтъ! И добро бы журналъ-то былъ порядочный, а то врутъ какую-то чепуху, ругаются какъ пьяные фабричные и только хвалятъ себя, да своихъ пріятелей“. Вотъ, батюшка Андрей Захарьевичъ, онъ и отослалъ назадъ билеты. Чтожъ вы думаете?.. Нашъ предводитель лѣтъ тридцать тому назадъ пописывалъ стишки—и то и другое печаталъ въ журналахъ; они и принялись выкапывать эти старые грѣхи, да ну-ка его, ну-ка,—и такъ и этакъ! Ужъ они имя-то его волочили, волочили по грязи!.. Имъ что, ихъ ужъ ничѣмъ не запачкаешь; а каково то было нашему предводителю! То-то и есть, плетью обуха не перешибешь. Вотъ я ничего не выдавалъ въ печать, такъ никто не смѣй обо мнѣ и слова сказать; а ужъ если кто былъ въ печати, хоть сто лѣтъ назадъ, такъ держи ухо востро! Всякій лоскутникъ можетъ позорить его имя безданно, безпошлинно...

Рыльскій. И полноте!.. Да кто же станетъ смотрѣть на ругательство пьянаго мужика или на лай какой-нибудь дворняшки?

Гуськовъ. Такъ, Артемій Захарьевичъ, такъ-съ! Да вѣдь на пьянаго-то мужика есть полиція, на дворняшку палка, а на этихъ господъ...

Рыльскій. А вотъ, кажется, и хозяйка.

Входитъ женщина среднихъ лѣтъ, то-есть лѣтъ за тридцать. Немного полный, но чрезвычайно стройный станъ ея плѣнителенъ; ея густые темно-русые локоны роскошно опускаются на дивныя плечи ослѣпительной бѣлизны. Щеки нѣсколько впалыя; но онѣ горятъ яркимъ и живымъ румянцемъ. При малѣйшемъ движеніи ея пламенно-пунцовыхъ губокъ открываются не зубы, а два ряда жемчужинъ, бѣлыхъ, ровныхъ,—ну, какъ будто нарочно подобранныхъ одна къ другой. Эта прекрасная женщина— Авдотья Ивановна Сицкая. Она одѣта вся въ бѣломъ; воздушный шарфъ изъ даге illusion обвиваетъ прозрачнымъ туманомъ ея бѣлоснѣжную шею и небрежно падаетъ волнами вдоль очаровательнаго стана.

Авдотья Ивановна *(подавая руку Рыльскому)*. Здравствуйте, Артемій Захарьевичъ! *(Обращаясь къ Гуськову)*. Что я вижу!.. А, любезный сосѣдъ!..

Гуськовъ *(подходя къ рукѣ)*. Я, Авдотья Ивановна, вчера только пріѣхалъ въ Москву, завернулъ нынче къ почтенному Артемію Захарьевичу, узналъ отъ него, что вы сегодня вечеромъ дома, и за долгъ почелъ...

Авдотья Ивановна. Покорнѣйше васъ благодарю!.. Очень рада... Прошу покорно!.. *(Всѣ садятся)*.

Рыльскій. Мы, кажется, немного рано къ вамъ забрались!

Digitized by Google

Авдотья Ивановна. Тѣмъ лучше: мы успѣемъ побесѣдовать, поговорить...

Гуськовъ. У васъ, сударыня, будетъ сегодня чтеніе?

Авдотья Ивановна. Да, у меня будутъ читать и, кажется, вещи интересныя. *(Съ улыбкою).* Можетъ быть вы до этого не охотники, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

Гуськовъ. Кто? Я-съ?.. Помилуйте! Да я умираю надъ книгами; это моя пища, Авдотья Ивановна,—истинно пища!

Авдотья Ивановна. Право?..

Рыльскій. А кто будетъ у васъ читать?

Авдотья Ивановна. Да я думаю, все люди, которыхъ вы давно знаете. Вы человѣкъ просвѣщенный, Артемій Захарьевичъ, и любите заниматься литературою. У меня будетъ читать „Обзоръ русской словесности" Варсанофій Николаевичъ Наяновъ. Вы его знаете?

Рыльскій. Фамилія мнѣ что-то знакомая... Постойте?... А!.. да!... Вѣдь, онъ журналистъ?

Авдотья Ивановна. Нѣтъ. Онъ былъ нѣсколько времени журналистомъ, да какъ-то не пошло... Теперь онъ печатаетъ свои сочиненія въ чужихъ журналахъ... Вы вѣрно ихъ читали?

Рыльскій. Нѣтъ, не читалъ.

Авдотья Ивановна. Какъ, вы не читали сочиненій Наянова—этого знаменитаго полемика?...

Рыльскій. Знаменитаго?.... Представьте себѣ, я до сегодняшняго утра и не подозрѣвалъ даже, что у насъ есть какой-то г-нъ Наяновъ и что этотъ Наяновъ—знаменитый полемикъ!

Гуськовъ. Наяновъ!... Позвольте, позвольте... Такъ точно!.. Вѣдь онъ, кажется, пишетъ критики въ журналахъ?... У, какой ученый человѣкъ!... Вѣрите ль Богу, иногда втупикъ станешь... такія странныя слова! Я, признаюсь, хотѣлъ было ихъ позатвердить, да нѣтъ,—памяти не хватаетъ. Должно быть, человѣкъ съ большими способностями.

Рыльскій. А почему вы это думаете?

Гуськовъ. Помилуйте!... Да какъ же?... И всѣхъ критикуетъ и пишетъ такимъ высокимъ слогомъ; все термины отборные!... Нѣтъ, сударь, ученый мужъ, ученый!

Авдотья Ивановна (*обращаясь къ Рыльскому*). Ну, если вы не знаете Наянова, такъ вѣроятно, имѣете понятіе о Неофитѣ Платоновичѣ Ералашномъ.

Рыльскій. Извините,—и о немъ никогда не слыхалъ.

Авдотья Ивановна (*съ удивленіемъ*). Помилуйте!.. Не слыхали—вы, человѣкъ такой просвѣщенный... Да это одинъ изъ нашихъ геніевъ...

Рыльскій. Неужели?

Авдотья Ивановна. Кто жъ этого не знаетъ?

Рыльскій. Виноватъ, я не зналъ.

Авдотья Ивановна. Онъ будетъ читать у меня свою фантастическую повѣсть: „Душа въ хрустальномъ бокалѣ".

Гуськовъ. Какъ-съ?

Авдотья Ивановна. „Душа въ хрустальномъ бокалѣ".

Гуськовъ. Скажите, пожалуйста, какія странности! Мнѣ случалось видѣть въ петербургской кунсткамерѣ въ стеклянныхъ банкахъ и хрустальныхъ бокалахъ и голову красавицы, и разныхъ уродцевъ, и даже сердце человѣческое; но душа въ бокалѣ... Ну, это должно быть очень занимательно!

Авдотья Ивановна. У меня будетъ также читать свои русскіе афоризмы Иванъ Антоновичъ Дутиковъ. Ну, знаете ли вы хоть этого, Артемій Захарьевичъ?

Рыльскій. Что, Авдотья Ивановна, мнѣ стыдно на васъ смотрѣть: и этого не знаю

Авдотья Ивановна (*съ умножающимся удивленіемъ*). Ахъ, Боже мой, да кого же вы знаете?... Ну, видно, вы давно перестали слѣдить за русскою словесностью?...

Рыльскій. Видно что такъ! Да что такое этотъ г-нъ Дутиковъ?

Авдотья Ивановна. Что такое? А вотъ спросите Варсонофія Николаевича Наянова, такъ онъ вамъ скажетъ, что такое Дутиковъ. Это самый глубокій моралистъ, что русскій Лабрюеръ, русскій Рошефуко и, безъ всякаго сомнѣнія, первый нашъ мыслитель.

Гуськовъ. Мыслитель?... А, знаю-съ?.. Какже-съ! Объ этихъ господахъ часто упоминается въ журналахъ. (*Входитъ слуга*).

Авдотья Ивановна. Что ты?

Слуга. Вы изволили посылать меня къ Ивану Антоновичу Дутикову...

Авдотья Ивановна. Да, да!... Чтобъ напомнить ему, что онъ сегодня у меня читаетъ. Онъ такой разсѣянный!... Ну что?

Слуга. Нездоровъ-съ.

Авдотья Ивановна. Такъ онъ не будетъ?

Слуга. Не будетъ-съ.

Авдотья Ивановна. Ахъ, какая досада! Да что съ нимъ сдѣлалось?

Слуга. Говоритъ, что угорѣлъ, сударыня.

Авдотья Ивановна. Такъ это, можетъ быть, черезъ часъ пройдетъ?

Слуга (*ухмыляясь*). Нѣтъ-съ, не пройдетъ.

Авдотья Ивановна. Почему ты это знаешь?

Слуга. Да я говорилъ съ его кухаркою: сегодня только началъ, такъ развѣ черезъ недѣлю...

Авдотья Ивановна. Началъ? Что началъ?.. (*Слуга поглядываетъ на гостей и переминается*). Да отвѣчай-же, когда тебя спрашиваютъ?

Слуга (*вполголоса*). Запоемъ изволитъ пить. (*Рыльскій смѣется*).

Авдотья Ивановна. Фи, какая гадость!.. Пошелъ вонъ, дуракъ!

Рыльскій (*продолжая смѣяться*). И вы называете этого господина глубокимъ моралистомъ, Авдотья Ивановна!

Авдотья Ивановна. Ахъ, Артемій Захарьевичъ!.. Ну, конечно, это очень жаль; да развѣ вы не знаете, что всѣ великіе таланты...

Рыльскій. Пьютъ запоемъ?

Авдотья Ивановна. О, нѣтъ! Но, однакожъ, всегда имѣютъ большія слабости. Да вотъ, напримѣръ, хоть самъ великій, неподражаемый Виронъ... Вы читали его біографію?

Рыльскій. Читалъ.

Авдотья Ивановна. Такъ вспомните, какую онъ велъ безпутную жизнь, какъ пилъ со своими друзьями вино изъ человѣческаго черепа, какія оргіи бывали въ его наслѣдственномъ замкѣ. А Кинъ, этотъ геніальный артистъ, которому не было и не будетъ равнаго...

Рыльскій. Да, это, правда, онъ былъ первымъ негодяемъ въ Англіи.

Авдотья Ивановна. Ну вотъ видите!.. Что жъ дѣлать, когда человѣкъ такъ созданъ? Чѣмъ выше его геній, тѣмъ сильнѣе его страсти. Знаете ли что? Я даже думаю, что добродѣтельный человѣкъ не можетъ быть геніальнымъ писателемъ.

Рыльскій. Ну, а человѣкъ, хоть не добродѣтельный, а порядочный?

Авдотья Ивановна. И того менѣе. Что

Digitized by Google

акое человѣкъ порядочный? Вѣрно, по вашему то тотъ, у котораго въ головѣ пошлый разсудокъ, а въ сердцѣ вѣчный холодъ? Ну, скажите, то можетъ создать этотъ человѣкъ?

Рыльскій. Да то же, что создавали весьма порядочные люди: Невтонъ, Мольеръ, Вальтеръ-Скоттъ, Шекспиръ...

Авдотья Ивановна. О, не говорите мнѣ о Шекспирѣ: онъ былъ актеромъ и вѣрно...

Рыльскій. Такъ же пилъ и буянилъ, какъ знаменитый Кинъ?..

Авдотья Ивановна *(почти съ досадою)*. Да ужъ, конечно, не былъ вашимъ порядочнымъ человѣкомъ. Нѣтъ, Артемій Захарьевичъ, поверьте мнѣ, всѣ эти чинные и добропорядочные писатели были только таланты; но геній — о, геній стоитъ выше всего этого; для него нѣтъ законовъ!..

Гуськовъ. А что вы думаете, Авдотья Ивановна, вѣдь это правда. Вотъ у меня есть одинъ мужичекъ — природный механикъ; смѣю вамъ доложить, геніальный человѣкъ! Такъ, сударыня, строитъ самоучкой вѣтряныя мельницы, что и нѣмцу не удается; а вѣдь прегорькій пьяница и ужасный буянъ: каждое воскресенье напьется пьянъ, какъ стелька, и всегда съ подбитыми глазами.

Слуга *(растворяя обѣ половинки дверей)*. Ольга Николаевна Букашкина.

Авдотья Ивановна *(идя навстрѣчу къ Букашкиной, которая входитъ вмѣстѣ съ дочерью)*. А, chère amie! Какъ вы милы! On ne peut être plus exacte!.. *(Дочери)*. Здравствуйте, мой ангелъ! *(Усаживаются)*.

Букашкина. Я, кажется, пріѣхала немножко рано?

Авдотья Ивановна. О нѣтъ, Ольга Николаевна! Ужъ давно девятый часъ.

Букашкина. Неужели? Такъ Наденька правду мнѣ говорила: „ахъ, маменька, поѣдемте, пора!“ Она такъ много обѣщаетъ себѣ удовольствія отъ вашего чтенія, такъ боялась опоздать...

Авдотья Ивановна. А кстати, chère Nadine! Когда же вы прочтете у меня ваши французскіе стихи?.. Ну вотъ и покраснѣла... Charmant enfant!

Букашкина. Нѣтъ, Авдотья Ивановна, какъ ей можно читать свои стихи на литературномъ вечерѣ? Дѣло другое вамъ однимъ,—вы, вѣрно, будете къ ней снисходительны. Правда, мосье Жобаръ говоритъ, что стихи очень хороши, что нельзя даже и подозрѣвать, что стихи писала русская; но читать публично, въ кругу литераторовъ—о, это ужасно!

Слуга. Елена Дмитріевна Суховольская. *(Суховольская входитъ съ племянницей)*.

Авдотья Ивановна *(встрѣчая ее)*. Здравствуйте, ma bonne amie!

Суховольская. Честь имѣю представить вамъ мою племянницу.

Авдотья Ивановна *(подавая ей руку)*. Очень рада, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться.

Суховольская. Вы не можете себѣ представить, какъ ей хотѣлось быть у васъ сегодня на чтеніи.

Авдотья Ивановна. Чтожъ, это весьма натурально. Mademoiselle écrit elle-même... Прошу покорно!.. *(Суховольская садится на диванъ; съ правой стороны у нея Букашкина, съ лѣвой хозяйка. Ближе всѣхъ къ хозяйкѣ сидитъ на креслахъ Рыльскій, подлѣ него Гуськовъ, напротивъ, также на креслахъ—дочь Букашкиной и племянница Суховольской)*.

Букашкина *(Суховольской)*. Я васъ цѣлый

вѣкъ не видѣла... Кажется, въ послѣдній разъ во французскомъ театрѣ?..

Суховольская. Кажется такъ. Моя ложа была подлѣ вашей. Вы абонированы?

Букашкина. И, ma chère, что за охота абонироваться? Можно иногда, отъ нечего дѣлать, побывать въ театрѣ; но ѣздить каждый день... да это наказанье! Вотъ еслибъ здѣсь была итальянская труппа, которую я надѣюсь скоро услышать...

Суховольская. Такъ вы ѣдете?.

Букашкина. На будущей недѣлѣ.

Суховольская. Въ Петербургъ?

Букашкина. О нѣтъ! Подите вы съ вашимъ сѣвероМъ! Я ѣду на югъ—въ Одессу

Суховольская. Въ Одессу? Какъ я вамъ завидую! Вѣдь это, кажется, на берегу моря?

Букашкина. Какъ же—Черное море.

Суховольская. Ахъ, море, море!.. Я воображаю, какъ грустно шумятъ его волны; какъ тонетъ въ его водахъ заходящее солнце; какъ играютъ въ немъ дельфины!.. Ахъ, прелесть!.. Я думаю и городъ очень хорошъ?

Букашкина. Разумѣется!.. Совершенно не русскій городъ. Мнѣ говорили, что онъ даже болѣе походитъ на Европу, чѣмъ Варшава. Какъ весело тамъ живутъ! Какая итальянская опера! А климатъ, климатъ!.. Вообразите себѣ: воздушные персики, виноградъ; ну просто—Италія!

Рыльскій *(улыбаясь)*, Не совсѣмъ: немножко похолоднѣе.

Букашкина. Помилуйте! Да тамъ вовсе нѣтъ зимы.

Гуськовъ. Скажите пожалуйста!

Авдотья Ивановна. Что вы это, ma chère, говорите! Какъ нѣтъ зимы? Вѣдь au bout du compte,—это все еще Россія. Вотъ еслибъ вы были на берегахъ Рейна или въ Парижѣ...

Букашкина. Да, можетъ быть, и буду, Авдотья Ивановна. Вѣдь Франція не Богъ знаетъ гдѣ! *(Тихо Суховольской)*. Какъ она скучна со своимъ Парижемъ! *(Громко)*. Ахъ, какой у васъ прекрасный брошъ! Что это, антикъ или кокиль?

Суховольская. Антикъ.

Букашкина. Я слышала, что въ Одессѣ антики нипочемъ,—прямо изъ Италіи.

Авдотья Ивановна *(Тихо Рыльскому)*. Да она, кажется, въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что Одесса чужіе края,—бѣдняжка! *(Громко)*. У васъ, Артемій Захарьевичъ, всегда такіе вѣрные часы,—который часъ?

Рыльскій *(посмотрѣвъ на часы)*. Скоро девять. *(Начинаютъ подавать чай. Входятъ нѣсколько молодыхъ людей)*.

Авдотья Ивановна. А, вотъ мои литераторы!.. Здравствуйте, мосье Окуньковъ!.. Здоровы ли вы, мосье Голушенко?.. А, мосье Бѣлоносовъ! Я на васъ и не разсчитывала! Мнѣ сказали, что вы такъ заняты вашей драмой, заперлись кругомъ, никого къ себѣ не пускаете... Прошу покорно садиться!..

(Молодые люди, поклонясь молча хозяйкѣ, разсаживаются по креслам. Въ комнатѣ начинаетъ пахнуть курительнымъ табакомъ).

Авдотья Ивановна *(потолкуя Рыльскому)*. Вы знаете этихъ молодыхъ людей?

Рыльскій. Нѣтъ, не знаю.

Авдотья Ивановна. Трудно отгадать, что изъ нихъ будетъ, но что они недюжинные молодые люди, въ этомъ могу васъ увѣрить. Какой взглядъ на всѣ предметы, какая ученость!..

Рыльскій. Право? Что же, они получили свое образованіе въ здѣшнемъ университетѣ?..

Авдотья Ивановна. Да, они такъ же, какъ и другіе, начали университетомъ.

Digitized by Google

Рыльскій И, вѣроятно, выпущены дѣйствительными студентами, кандидатами?..

Авдотья Ивановна. Ахъ, Артемій Замарьевичъ, какой вы русскій человѣкъ! Вы похѣшаны на чинахъ.

Рыльскій. Да это не чины, а ученыя степени.

Авдотья Ивановна, Ахъ, Боже мой!.. Я ужъ вамъ сказала, что это недюжинные люди. На что имъ ваши ученыя степени? Помилуйте, да развѣ Шекспиръ, Бироиъ, Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ были когда-нибудь кандидатами? (*Входитъ Андрей Степановичъ Лычкинъ*).

Лычкинъ (*кланяясь хозяйкѣ*). Madame!

Авдотья Ивановна (*привставая*). Здравствуйте, Андрей Степановичъ! Я ждала васъ ранѣе.

Лычкинъ. Виноватъ, Авдотья Ивановна! Впрочемъ, я наказанъ за мою вину и очень жестоко: я былъ въ русскомъ театрѣ.. Dieu, quelle misère!..

Авдотья Ивановна Охота же вамъ ѣздить.

Лычкинъ. Меня затащили насильно.

Авдотья Ивановна. Хотите чаю?

Лычкинъ. Сдѣлайте милость! (*Человѣкъ подходитъ съ подносомъ. Лычкинъ беретъ чашку и садится*).

Букашкина (*тихо Суховольской*). Это одинъ изъ московскихъ львовъ.

Суховольская. Въ самомъ дѣлѣ?.. Какая у него странная бородка!

Букашкина. Здѣсь, ma chère, это рѣдкость; но въ Одессѣ всѣ такъ ходятъ.

Авдотья Ивановна. Мосье Лычкинъ, не видѣлись ли вы съ Неофитомъ Платоновичемъ Ералашнымъ?

Лычкинъ. Я сейчасъ обогналъ его. Онъ ѣдетъ къ вамъ вмѣстѣ съ Наяновымъ. Да вотъ они! (*Входятъ Ералашный и Наяновъ*).

Авдотья Ивановна (*идя къ нимъ навстрѣчу*). Неофитъ Платоновичъ!.. Варсонофій Николаевичъ!.. Мы всѣ ждали васъ съ такимъ нетерпѣніемъ!.. Надѣюсь, вы привезли съ собою...

Наяновъ. Разумѣется!

Авдотья Ивановна. А вы?

Ералашный. Вы знаете, Авдотья Ивановна, я не очень охотно читаю, а особливо въ большомъ обществѣ. Но я не смѣлъ вамъ отказать... (*Окидываетъ бѣглымъ взглядомъ всю комнату. Блѣдное и длинное лицо его становится еще длиннѣе, и вѣжливая улыбка превращается въ какую-то весьма непріятную гримасу*). И у васъ больше никого не будетъ?

Авдотья Ивановна. Никого! Какъ видите, человѣкъ пятнадцать, не больше.

Ералашный (*сквозь зубы*). Только!

Наяновъ. Я слышалъ, что нашъ Дутиковъ боленъ?

Авдотья Ивановна. Да. Представьте себѣ, какая досада!

Наяновъ (*съ важностью*). Мы много потеряемъ. Его афоризмы носятъ на себѣ отпечатокъ геніальности. Какая глубина, какой взглядъ, какая энергія, какое безпрерывное проявленіе обособленныхъ идей, какъ развертываетъ онъ эту высокую идею Гегеля, что бытіе и небытіе одно и то же! О, конечно, появленіе его афоризмовъ сдѣлаетъ эпоху въ нашей словесности!

Авдотья Ивановна. Ну, вотъ, скажите пожалуйста!.. Ахъ, какъ я на него сердита!

Наяновъ. Помилуйте, за что?.. Развѣ отъ насъ зависитъ...

Авдотья Ивановна. Конечно, конечно!.. Но еслибъ онъ захотѣлъ!.. Да что объ этомъ говорить!. Messieurs et mesdames, милости прошу ко мнѣ въ кабинетъ. (*Всѣ встаютъ*).

Наяновъ (*Суцкой*). Неофитъ Платоновичъ начнетъ своею повѣстью, а потомъ ужъ я прочту мой взглядъ на русскую словесность. Мы съ нимъ такъ согласились.

Авдотья Ивановна. Какъ вамъ угодно (*Хозяйка, а за нею всѣ выходятъ изъ гостиной*).

(*Кабинетъ Авдотьи Ивановны Суцкой. За круглымъ столомъ сидитъ Неофитъ Платоновичъ Ералашный. Передъ нимъ стоитъ графинъ съ водою, сахарница съ мелкимъ сахаромъ и стаканъ. По правую его сторону Наяновъ, по лѣвую Букашкина, Суховольская, обѣ барышни-сочинительницы, хозяйка, Рыльскій и Гуськовъ. Остальные слушатели нѣсколько поодаль; а всѣ далѣе отъ стола, въ темномъ углу, сидятъ, развалившись на спокойныхъ креслахъ, Андрей Степановичъ Лычкинъ; онъ спитъ*).

Ералашный (*дочитывая свою повѣсть*).... „Ступай!—прогремѣлъ невидимый голосъ.—Ступай, гостья неземная; давно желанный часъ твоей свободы наступилъ! Ты, путемъ страданія, достигла до самопознанія; для тебя нѣтъ вещественныхъ преградъ!.. И вдругъ, съ громовымъ трескомъ, блестящей пылью разсыпался хрустальный бокалъ, и обновленная душа, на радужныхъ своихъ крылахъ, взвилась огненной струею къ небесамъ. Какъ призраки замелькали вокругъ ея безчисленные міры, казалось, они тонули въ какой-то бездонной мрачной безднѣ, а душа парила все выше и выше! Она стремилась туда, гдѣ нѣтъ ни времени, ни пространства, туда, гдѣ конечное, сливаясь съ безконечнымъ, исчезаетъ и въ то же время живетъ новой, непостижимой для насъ жизнью! (*Манускриптъ выпадаетъ у него изъ рукъ и онъ, повидимому, въ совершенномъ изнеможеніи опускается на кресла*).

Авдотья Ивановна. Вы кончили? (*Ералашный отвѣчаетъ наклоненіемъ головы*).

Суховольская. Ахъ, какая прелесть!

Авдотья Ивановна. Какъ мы вамъ благодарны!

Наяновъ. Вотъ она—истинная-то поэзія!

Гуськовъ. Поэзія? Такъ это въ стихахъ?.. Скажите пожалуйста,—не замѣтилъ!

Букашкина. Вы нашъ Гофманъ, Неофитъ Платоновичъ!

Наяновъ. Нѣтъ, извините,—я съ вами не согласенъ! Нашъ знаменитый другъ вовсе не походитъ на Гофмана: у него можно скорѣй найти сходство съ Жанъ-Поль Рихтеромъ; но и тотъ несравненно его ниже.

Суховольская. Какъ эта душа меня интересовала!

Гуськовъ. Да-съ, понатерпѣлась, горемычная! (*Общій невнятный шопотъ восторга между говорящихъ лицъ*).

Лычкинъ (*проснувшись*). Браво, мосье Ералашный, браво!.. C'est ravissant! (*Подаютъ мороженое*).

Авдотья Ивановна (*Рыльскому вполголоса*). Что вы скажите объ этой повѣсти?

Рыльскій (*также вполголоса*). Я не очень люблю этотъ родъ.

Авдотья Ивановна. И, Артемій Захарьевичъ!.. Всѣ роды хороши, исключая скучнаго.

Рыльскій. Да мнѣ было скучно.

Авдотья Ивановна. Тсъ!. Тише!.. Что вы!.. (*Громко*). Еще разъ покорнѣйше благодаримъ васъ, Неофитъ Платоновичъ! Мы слушали васъ съ истиннымъ наслажденіемъ.

Digitized by Google

Ералашный. Быть можетъ, я напишу что-нибудь въ этомъ родѣ посерьезнѣе; а это такъ—небольшая попытка, и мнѣ должно благодарить васъ, что вы слушали съ такимъ вниманіемъ эту бездѣлку.

Букашкина (*Суховольской*). Какъ онъ скроменъ!

Суховольская. Это всегда признакъ истиннаго таланта.

Наяновъ. Вы называете это бездѣлкою, Неофитъ Платоновичъ! Дай-то Богъ, чтобъ у насъ было побольше такихъ бездѣлокъ! Вѣдь это ужъ не „Мои бездѣлки“ Карамзина, которыми такъ простодушно восхищались наши бабушки.

Гуськовъ (*тихо Рыльскому*). Ого, какъ онъ поговариваетъ о Карамзинѣ! Слышите, Артемій Захарьевичъ?

Рыльскій. Слышу.

Гуськовъ. Ну вотъ видите ли? Я вамъ говорилъ, что онъ человѣкъ ученый.

Наяновъ. На безплодномъ полѣ нашей словесности много крапивы и репейника. Давайте намъ почаще цвѣтовъ, Неофитъ Платоновичъ!

Ералашный. Мы всѣ должны *васъ* просить объ этомъ, Варсонофій Николаевичъ!

Наяновъ. Что я!.. Моя миссія тяжка и неблагодарна; я долженъ говорить горькія истины, преслѣдовать бездарность и, несмотря на дѣтскіе возгласы невѣжественной толпы, идти по тому тернистому пути, на которомъ растутъ розы для васъ однихъ, Неофитъ Платоновичъ!

Ералашный. Нѣтъ, Варсонофій Николаевичъ, не говорите! Высоко и ваше назначеніе: вы очищаете нашу словесность отъ плевелъ.

Наяновъ. А вы даете ей жизнь и самобытность.

Рыльскій (*про себя*). Ну, пошли кадить другъ другу!

Ералашный. Вы сокрушаете кумиры, которымъ до сихъ поръ поклоняется толпа.

Наяновъ. Стараюсь, по крайней мѣрѣ; но вы не можете себѣ представить, какъ упряма эта грубая, невѣжественная толпа: если книга ей нравится, такъ вы ее никакъ не убѣдите, что эта книга дурна.

Ералашный. Что вамъ на это смотрѣть?

Наяновъ. Да я и несмотрю.

Авдотья Ивановна. Варсонофій Николаевичъ, теперь очередь за вами!

Наяновъ (*обращаясь съ вѣжливымъ поклономъ ко всѣмъ слушателямъ*). Я чувствую всю невыгоду моего положенія; послѣ такого увлекательнаго чтенія всякая ученая статья должна вамъ показаться и скучной и сухой. Къ тому-жъ и самый предметъ ея не заключаетъ въ себѣ почти ничего интереснаго. Я намѣренъ говорить съ вами о русской словесности, то-есть разсказывать исторію дитяти, который еще въ пеленкахъ. Мы до сихъ поръ называли его дѣтскій, несладный крикъ поэзіею, а безмысленный лепетъ прозою. Мы и теперь еще толкуемъ о какой-то народной литературѣ, какъ будто-бы у насъ есть какая-нибудь литература! Прошу сказать, что у насъ написано съ тѣхъ поръ, какъ мы выучились кой-какъ писать? Чѣмъ можемъ мы похвастаться передъ Западомъ? Чье имя назовемъ мы съ гордостію!..

Рыльскій (*улыбаясь*). Это, вѣроятно, риторическая фигура, а не вопросъ?

Наяновъ. Извините! Простой, обыкновенный вопросъ, на который отвѣчать очень легко: у насъ не было литературы и нѣтъ ея! Нѣсколько современныхъ намъ великихъ писателей, опередившихъ свой вѣкъ, не составляютъ еще народной словесности: она должна быть богата прошедшимъ. Конечно, есть люди, которые воображаютъ, что имъ удалось собрать русскую библіотеку, что у нихъ стоятъ на полкахъ русскіе знаменитые писатели... Эта дѣтская мечта забавляла и теперь еще забавляетъ многихъ.

Гуськовъ. Мечта-съ?.. Нѣтъ, ужъ это слишкомъ, воля ваша!.. Такъ, поэтому, и моя русская библіотека мечта?

Наяновъ. Разумѣется.

Гуськовъ. Нѣтъ, ужъ извините!.. Я за нее деньги платилъ!

Наяновъ. Очень жаль! Вы могли бы употребить ихъ лучше.

Авдотья Ивановна. Не угодно ли вамъ начать, Варсонофій Николаевичъ? (*Наяновъ вынимаетъ изъ кармана довольно толстую тетрадку, кладетъ ее на столъ, выпиваетъ стаканъ сахарной воды и начинаетъ читать*).

Я не стану пересказывать моимъ читателямъ то, что читалъ г. Наяновъ. Всѣ эти чтенія на литературныхъ вечерахъ имѣютъ большое преимущество передъ всякою книгою. Вѣжливость, приличіе, желаніе выказать при людяхъ любовь свою къ словесности, все заставляетъ васъ быть если не снисходительнымъ, то, по крайней мѣрѣ, терпѣливымъ; а притомъ хорошее угощеніе и ожиданіе вкуснаго ужина могутъ еще кой-какъ поддержать вниманіе слушателей, готовыхъ заснуть. Всѣ эти побочныя средства не существуютъ для книги; если она васъ не забавляетъ, вы перестаете ее читать, а я желаю, чтобы вы дочли этотъ разсказъ до конца. Все, что говорилъ г. Наяновъ, сбираясь читать, можетъ назваться сущностью и результатомъ прочтеннаго имъ *взгляда на русскую словесность*. Онъ доказывалъ въ немъ, что у насъ нѣтъ никакой литературы, что всѣ наши великіе писатели, начиная съ Ломоносова, не написали ничего путнаго, и что всѣ современные литераторы, разумѣется, за исключеніемъ писателей одного съ нимъ прихода, люди бездарные, безграмотные, съ дѣтскими взглядами, съ пошлыми идеями и съ квасными патріотизмомъ. Теперь прошу васъ вообразить, что прошло часа полтора, какъ г. Наяновъ продолжаетъ читать, что Лычкинъ спитъ по прежнему, что у всѣхъ дамъ слипаются глаза, что многіе изъ мужчинъ зѣваютъ и что всѣ безъ исключенія сидятъ, какъ приговоренные къ смерти.

Наяновъ (*дочитывая послѣднюю страничку*). „И вотъ я провелъ васъ по этой песчаной, безплодной степи, которую мы называемъ нашей словесностію. Вы видѣли, что вмѣсто пышныхъ розъ, о которыхъ вамъ натолковали ваши нянюшки, растетъ на этой степи одинъ колючій шиповникъ, безъ всякаго аромата и красоты. При концѣ нашего путешествія, я указалъ вамъ на нѣсколько красивыхъ цвѣтковъ и двѣ или три роскошныя пальмы, которыми оканчивается эта обширная пустыня. Но развѣ эти счастливыя исключенія даютъ намъ право думать, что у насъ есть словесность? О, конечно, нѣтъ! И у персіянъ есть свой Фердуси, свой Сади, а, несмотря на это, не только всѣ народы Европы, но даже мы, въ дѣтской нашей гордости, называемъ персіянъ народомъ варварскимъ и непросвѣщеннымъ. Чтожъ должны мы заключить изо всего этого?.. Грустно, а надобно высказать горькую истину: мы всѣ геніи-самоучки и таланты-

Digitized by Google

скороспѣлки; мы толкуемъ объ учености и знаемъ только одни имена наукъ; мы ничему не учились, а говоримъ о просвѣщеніи; мы холодны ко всему прекрасному и восхищаемся пошлостями и, что всего забавнѣе, мы плохо знаемъ грамотѣ и разсуждаемъ о литературѣ; едва, едва читаемъ по складамъ, а хотимъ называться писателями". *(Наяновъ перестаетъ читать. Минутное молчаніе).*

Гуськовъ *(тихо Рыльскому)*. Что, сударь, каково?

Рыльскій. Хорошо!

Ералашный. Превосходно!.. Какіе новые взгляды, какая энергія!..

Суховольская. Ахъ, какіе вы строгіе, Варсонофій Николаевичъ.

Наяновъ. Я только что справедливъ, сударыня.

Букашкина. Я совершенно съ вами согласна. Какая у насъ литература? Да и на что она? Развѣ нѣтъ французскихъ писателей?

Авдотья Ивановна. Какъ прекрасно, вы оканчиваете этотъ взглядъ на русскую словесность! Не правда ли, Артемій Захарьевичъ?

Рыльскій. О, конечно!.. Впрочемъ, я не знаю, что сказалъ бы г. Наяновъ, еслибъ кто-нибудь сдѣлалъ небольшую поправку въ этомъ окончаніи.

Наяновъ *(вслушавшись въ слова Рыльскаго)* Что вы изволите говорить? Сдѣлать поправку?.. Какую поправку?

Рыльскій. Самую ничтожную, — замѣнить множественное число единственнымъ.

Наяновъ. Я васъ не понимаю.

Рыльскій. А, кажется, это ясно. Употребляя мѣстоименіе „мы", вы, разумѣется, говорите и о самомъ себѣ. Но „мы" слово неопредѣленное; гораздо лучше, еслибъ вы говорили просто „я", то-есть „я толкую объ учености и знаю только одни имена наукъ; я ничему не учился, а говорю о просвѣщеніи"...

Наяновъ *(вспыльчиво)* Милостивый государь!..

Рыльскій *(продолжая весьма хладнокровно)*. „И что всего забавнѣе: я плохо знаю грамотѣ и разсуждаю о литературѣ; едва, едва читаю по складамъ, а хочу называться писателемъ".

Наяновъ. Да кто вамъ далъ право, сударь?

Рыльскій. Ну, вотъ я зналъ, что это вамъ не понравится.

Ералашный. Позвольте вамъ сказать: это личность!

Рыльскій. Личность?.. Какая личность?.. Я повторяю только собственныя слова господина Наянова: вѣдь онъ говоритъ „мы"; еслибъ онъ не полагалъ себя въ общемъ числѣ безграмотныхъ, то вѣрно бы, вмѣсто этого слова, употребилъ мѣстоименіе второго лица во множественномъ числѣ, то-есть „вы". Нѣтъ, сударь, извините,—я граматику-то знаю!

Ералашный. Да это, сударь, принятая, условная форма.

Рыльскій. А, вотъ что!.. Понимаю! Подъ словомъ „мы" господинъ Наяновъ разумѣетъ всѣхъ, выключая самого себя?.. Ну, такъ бы и говорили! Вы, дескать, всѣ люди безграмотные, ничему не учились, ничего не знаете; а я, дескать, всему учился, все знаю и одинъ имѣю право производить рядового писателя въ геніи и разжаловать генія въ рядовые писатели.

Наяновъ. Вы, милостивый государь, такъ странно толкуете мои слова...

Рыльскій. Да, мнѣ кажется, ихъ иначе и растолковать не можно...

Наяновъ *(Ералашному)*. Ну вотъ, Неофитъ Платоновичъ, не говорилъ ли я вамъ, что моя миссія тяжка и неблагодарна?..

Рыльскій. А, кстати! Позвольте мнѣ еще одинъ вопросъ: вотъ ужъ второй разъ вы изволите повторять, что у васъ есть какая-то миссія. Мы знаемъ теперь, что эта миссія состоитъ въ томъ, чтобъ доказать намъ, что мы люди безграмотные и что у насъ нѣтъ никакой словесности, но, извините моему любопытству, я желалъ бы знать, кто возложилъ на васъ эту миссію?.

Наяновъ. Мое собственное, твердое убѣжденіе...

Рыльскій. Что вы къ этому призваны — очень хорошо; но, вѣроятно, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и всѣ тѣ, которыхъ вы называете бездарными, думали то же самое.

Наяновъ. И очень ошибались.

Рыльскій. А вы не ошибаетесь?

Наяновъ. Не знаю, ошибаюсь ли я, но только, во всякомъ случаѣ, могу васъ увѣрить, что никогда не кривлю моею душою и ни за что въ мірѣ не назову дурного хорошимъ, а хорошаго дурнымъ.

Рыльскій. Полно, такъ ли?.. Вотъ, напримѣръ: за что вы такъ жестоко нападаете на Луцкаго, говорите съ такимъ презрѣніемъ о его прекрасномъ талантѣ?..

Наяновъ. Помилуйте, и вы это называете талантомъ! Ничтожный подбиратель рифмъ, пошлый и водяный до невѣроятности!.. Да онъ не годится даже въ альбомные стихотворцы; его настоящее назначеніе писать конфектные билетцы.

Рыльскій. Однакожъ, его читаютъ.

Наяновъ. Да, можетъ быть, и у него есть читатели—въ фризовыхъ шинеляхъ.

Рыльскій. Извините,—я ношу суконную, а читаю его съ наслажденіемъ и, право, знаю много людей, которые раздѣляютъ это мнѣніе.

Наяновъ. Чтожъ? И это быть можетъ: у кого нѣтъ пріятелей.

Рыльскій. Ну, воля ваша, а вы къ нему несправедливы. Сегодня еще онъ читалъ мнѣ новые свои стихи — прелесть!

Наяновъ *(съ нѣкоторымъ безпокойствомъ)*. Сегодня?.. Да развѣ онъ здѣсь?

Рыльскій. Проѣздомъ изъ Тифлиса. Онъ препоручилъ мнѣ напечатать здѣсь въ Москвѣ собраніе своихъ стихотвореній, отдалъ мнѣ свой портфель и я, перебирая въ немъ бумаги, нашелъ одно распечатанное письмо на его имя, которое совершенно противорѣчитъ вашимъ словамъ, господинъ Наяновъ. Я взялъ это письмо съ собою, чтобъ отдать его Луцкому, да какъ-то не успѣлъ сегодня съ нимъ повидаться.

Наяновъ *(смотритъ на свои часы)*. Скажите, какъ поздно! Двѣнадцатый часъ!

Рыльскій. Это письмо со мною. Позвольте мнѣ его прочесть, Авдотья Ивановна. Оно очень коротко и, увѣряю васъ, чрезвычайно любопытно.

Авдотья Ивановна. Въ самомъ дѣлѣ?.. Прочтите, Артемій Захарьевичъ, прочтите! *(Рыльскій вынимаетъ изъ бокового кармана письмо)*.

Наяновъ *(тихо Ералашному)*. Я не хочу здѣсь ни минуты оставаться. Поѣдемте!

Ералашный. Извольте!

Рыльскій *(читая письмо)*. „Милостивый государь Андрей Михайловичъ"—это имя Луцкаго..

Наяновъ *(вставая въ одно время съ Ералашнымъ)*. Извините — мнѣ и Неофиту Платоновичу нужно ѣхать.

Авдотья Ивановна. Помилуйте, куда такъ поздно?.. Мы будемъ сейчасъ ужинать.

Наяновъ *(раскланиваясь)*. Право нельзя!.. Мы дали слово!.. *(Уходитъ вмѣстѣ съ Ералашнымъ)*.

Авдотья Ивановна *(вставая)*. Позвольте васъ поблагодарить... Ушли!.. Что это сдѣлалось

Digitized by Google

съ Наяновымъ?.. Ужъ не разсердили ли вы его, Артемій Захарьевичъ? Отчего онъ вдругъ такъ заторопился?..

Рыльскій. А вотъ вы сейчасъ увидите отчего... Не угодно ли вамъ выслушать это письмо?.. (*Читаетъ*). „Милостивый государь Андрей Михайловичъ! Совершенное отсутствіе всякаго достоинства, дѣтскіе взгляды и невыносимая пошлость всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій побудили меня принять на себя редакцію журнала, хотя нѣсколько похожаго на журналы европейскіе. Мой „*Вѣстникъ Запада*“ будетъ выходить книжками по декадамъ, т.-е. черезъ каждые десять дней. Въ обширномъ его объемѣ будутъ заключаться: словесность, науки, искусство, художество, политика, статистика, исторія, археологія, критика, юмористика; однимъ словомъ—все. Для приведенія въ исполненіе этого истинно европейскаго предпріятія мнѣ необходимы пособіе и соучастіе нашихъ первыхъ отечественныхъ писателей. Вотъ почему, милостивый государь, я обращаюсь къ вамъ со всепокорнѣйшею моею просьбою, не откажитесь украсить вашимъ знаменитымъ именемъ первую книжку моего журнала. Я многаго не смѣю отъ васъ требовать: самыя мелкія произведенія вашего очаровательнаго пера носятъ на себѣ отпечатокъ геніальности; я буду доволенъ всѣмъ. Во всякомъ случаѣ, не откажите мнѣ хотя въ одномъ: позвольте, въ объявленіи о моемъ журналѣ, поставить имя Луцкаго первымъ въ спискѣ всѣхъ моихъ сотрудниковъ. Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія къ самобытному и прекрасному таланту вашему, честь имѣю навсегда остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою — Варсонофій Наяновъ“. (*Общее удивленіе*).

Авдотья Ивановна. Какъ, это письмо писано Наяновымъ къ Луцкому?

Рыльскій. Ну, да! Вы знаете руку Наянова, посмотрите сами.

Авдотья Ивановна. Да, точно, это его рука!.. Такъ за чтожъ онъ теперь...

Рыльскій. За то, что Луцкій отказался отъ предложенной чести и не прислалъ ему стиховъ.

Суховольская. Ну, это не очень благородно!

(*Голосъ изъ толпы жителей*). Это даже подло!

Вукашкина. Comme c'est ignoble!

Гуськовъ. Прошу покорно!.. Ну, хватъ!

Рыльскій. Вотъ вамъ этотъ добросовѣстный критикъ, который ни за что въ мірѣ не назоветъ дурное хорошимъ, а хорошее дурнымъ; который, не имѣя никакихъ правъ на уваженіе и довѣренность своихъ читателей, ругаетъ все.

Авдотья Ивановна. Да, конечно, и я скажу: онъ слишкомъ желченъ. Приговоры его такъ рѣзки!.. А впрочемъ, чтожъ такое?.. Ну, если въ самомъ дѣлѣ это его миссія.

Рыльскій. И, полноте, Авдотья Ивановна! Да этакъ, пожалуй, каждый задорный бурлакъ вообразитъ, что у него есть миссія обижать всякаго, кто не поднесъ ему вина.

Гуськовъ. Все такъ, Артемій Захарьевичъ, а воля ваша—бойкое перо, сударь, бойкое!

Рыльскій. Послушайте, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, еслибъ это говорили одни вы, такъ я бы только засмѣялся; но, къ несчастію, много есть людей, которые повторяютъ вмѣстѣ съ вами: „Ну, какъ онъ отдѣлалъ! Бойкое, сударь, перо, бойкое“! А эти журнальные кулачные бойцы того только и добиваются. Право, грустно, когда подумаешь! Посмотрите, напримѣръ, какъ сосѣди наши, нѣмцы, любятъ и уважаютъ своихъ родныхъ писателей. А мы... Да что и говорить объ этомъ! Каждый литературный торгашъ, желающій забросать своей природной грязью твореніе истиннаго таланта, менѣе или болѣе, а непремѣнно найдетъ отголосокъ въ нашихъ обществахъ; какъ же ему не подумать, что онъ подлинно великій критикъ и непогрѣшающій судія нашей словесности, когда, вмѣсто общаго презрѣнія, онъ часто встрѣчаетъ одобрительную улыбку и слышитъ похвалы въ родѣ той, которою вы сейчасъ почтили господина Наянова.

Гуськовъ. Однакожъ, Артемій Захарьевичъ, если какой-нибудь, по словамъ вашимъ, литературный торгашъ на всѣхъ нападаетъ, а никто не защищается и всѣ молчатъ, такъ, извините,— и я подумаю, что этотъ торгашъ правъ, и что всѣ люди просвѣщенные уважаютъ его мнѣніе.

Рыльскій. Въ самомъ дѣлѣ?.. А если, напримѣръ, въ публичный садъ, заведенный для хорошаго общества, ворвется какой-нибудь трубочистъ, и всѣ опрятно одѣтые люди будутъ сторониться, давать ему дорогу и никто не рѣшится вытолкать его вонъ изъ саду, такъ вы скажете, что эти люди его уважаютъ?..

Гуськовъ. Ну, если не уважаютъ, такъ боятся.

Рыльскій. Не его, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а сажи, которою онъ запачканъ.

Гуськовъ. Ого, какъ вы поговариваете! Да позвольте спросить, Артемій Захарьевичъ, на кого вы это намекаете и какихъ людей изволите называть литературными торгашами?

Рыльскій. Да тѣхъ, которые торгуютъ и совѣстью и своимъ перомъ.

Гуськовъ. Ну, то-то же, смотрите!.. Вы сами когда-то сочиняли и печатали. Помните, что я вамъ разсказывалъ о нашемъ предводителѣ?.. Какъ узнаютъ про ваши рѣчи да примутъ на свой счетъ...

Рыльскій. А кто можетъ принять на свой счетъ то, что я говорю?.. Я ни на кого не указываю, не называю никого по имени.

Гуськовъ. Охъ, батюшка Артемій Захарьевичъ! Не поможетъ вамъ это,—право, бѣду наживете! Или вы не знаете русской поговорки: „Зачѣмъ звать вора по имени, закричи: „мошенникъ“, разомъ откликнется“.

Слуга (*растворяя обѣ половинки дверей*). Кушанье готово.

Авдотья Ивановна. Милости прошу! (*Всѣ встаютъ*)

Лычкинъ (*просыпаясь отъ шума*). Браво, мосье Наяновъ, — браво! C'est charmant! (*Всѣ смѣются и уходятъ*).

V.

ВАНЬКА.

„На лихомъ извозчикѣ не далеко уѣдешь, а на Ванькѣ хоть въ Питеръ ступай“.

Народная поговорка.

Почему всѣ дешевые извозчики, которые появляются въ Москвѣ зимою, а исчезаютъ лѣтомъ, называются Ваньками? Неужели потому, что первый крестьянинъ, который задумалъ покинуть зимою свою деревню и пріѣхать въ Москву извозничать, назывался Иваномъ?... Или не потому-ли, что крестьяне вообще любятъ это имя, и что почти всегда изъ трехъ мужиковъ, взятыхъ на удачу, одинъ называется Иваномъ?—Впрочемъ, какъ-бы то ни было, а мы привыкли уже

Digitized by Google

называть Ванькою каждаго крестьянина, который зимою пріѣзжаетъ изъ деревни извозничать въ Москвѣ. Не такъ еще давно водились у насъ и лѣтніе Ваньки, ихъ экипажи были довольно уютные телѣжки и волочки, т. е. небольшіе роспуски, весьма похожіе на роспуски ломовыхъ извозчиковъ, только несравненно менѣе. Теперь они исчезли совершенно, и рессорныя дрожки, начиная отъ смиреннаго *калибера* до роскошныхъ *пролетокъ*, остались единственнымъ экипажемъ всѣхъ лѣтнихъ московскихъ извозчиковъ, изъ которыхъ самый оборванный и запачканный не откликнется вамъ, если вы назовете его Ванькою; точно такъ-же, какъ и всякій городской сторожъ, хотя нѣсколько уважающій самого себя, не станетъ отвѣчать, когда вы осмѣлитесь назвать его не часовымъ, а будочникомъ... Всѣхъ московскихъ извозчиковъ можно раздѣлить на два разряда: на Ванекъ, пріѣзжающихъ изъ деревень зимою, и постоянныхъ извозчиковъ, которые занимаются этимъ промысломъ круглый годъ. Ваньки почти всѣ походятъ другъ на друга: у каждаго лубочныя пошевеньки, плохая упряжь и безобразная, но незнающая устали, крестьянская лошаденка. О постоянныхъ извозчикахъ нельзя этого сказать; они вовсе не одинаковаго достоинства. У однихъ дрожки отличаются отъ прежнихъ волочковъ только тѣмъ, что къ нимъ придѣланы крылья и четыре куска желѣза, довольно похожіе на низенькія рессоры; у другихъ лѣтній экипажъ дѣйствительно походитъ на дрожки, не слишкомъ красивыя—это правда, но, по-крайней-мѣрѣ, сидя на нихъ, вы чувствуете, что ѣдете не въ телѣгѣ. Извозчики-аристократы, извѣстные подъ названіемъ *лихачъ*, составляютъ совершенно отдѣльную касту. Ихъ гордость и презрѣніе ко всѣмъ другимъ извозчикамъ не имѣютъ никакихъ границъ. По ихъ мнѣнію, тотъ, кто не можетъ выѣхать на рысакѣ, иноходцѣ или, по-крайней-мѣрѣ, на красивой заводской лошади—не извозчикъ, а Ванька, хотя-бы выѣзжалъ лѣтомъ на рессорныхъ дрожкахъ, а зимою въ городскихъ санкахъ, обитыхъ бронзою и выкрашенныхъ подъ орѣхъ. Впрочемъ, такъ и быть должно: Ваньки, проживающіе по зимамъ въ Москвѣ, не слишкомъ уважаютъ своихъ земляковъ, которые никогда не видали Бѣлокаменной; съ Ваньками не любятъ знаться городскіе ихъ товарищи, которыхъ въ свою очередь, презираютъ лихіе извозчики; а съ лихимъ извозчикомъ и говорить не захочетъ какой-нибудь кучеръ-наѣздникъ, который славится на бѣгу, правитъ знаменитымъ рысакомъ и не боится соперничать съ Бычкомъ, Похвальнымъ, Барсомъ и Могучимъ *). На свѣтѣ все круговая порука.

Однажды,—это было зимою,—я собрался ѣхать съ визитомъ къ одному пріѣзжему, который остановился на постояломъ дворѣ у самой Преображенской заставы. Дорого-бы я далъ, чтобъ избавиться отъ этого путешествія! Да, путешествія: отъ Пресненскихъ прудовъ до Преображенской заставы мѣрныхъ восемь верстъ. Но дѣлать было нечего: этотъ господинъ, которому я долженъ былъ визитомъ, пріѣхалъ изъ провинціи, а я ужъ извѣдалъ на опытѣ, какъ строго наблюдается въ губернскихъ городахъ этотъ обычай, и какъ поворятъ и казнятъ тѣхъ, которые не платятъ *счетомъ* визитъ за визитъ. Вотъ я распрощался со всѣми домашними, надѣлъ теплые сапоги, шапку, закутался въ енотовую шубу и, перекрестясь, отправился въ дорогу. Только что я сталъ выѣзжать на Кудринскую площадь, наскакалъ на меня тройкою въ санныхъ какой-то удалой баринъ въ длинныхъ усахъ и отчаянной эриванкѣ, сбилъ съ ногъ мою пристяжную, исковеркалъ сани и помчался, какъ ни въ чемъ не бывало, вдоль по Садовой; къ счастію я и кучеръ мой остались цѣлы. Надобно признаться, что я, по своему характеру, или темпераменту, или, лучше сказать, по моей русской натурѣ, человѣкъ довольно лѣнивый и чрезвычайно тяжелый на подъемъ: но если подымусь, такъ ничто на свѣтѣ меня не удержитъ. Вотъ я приказалъ кучеру воротиться домой, а самъ рѣшился нанять извозчика и ѣхать къ Преображенской заставѣ. Нельзя не подивиться смѣтливости и догадкѣ нашихъ извозчиковъ: я не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ ни одного движенія, по которому можно было-бы отгадать во мнѣ *сядока*, а ужъ на ближайшей биржѣ все пришло въ движеніе, и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ со всѣхъ сторонъ обсыпали меня извозчики и принялись кричать.

— Куда прикажете, батюшка?..

— Садитесь, баринъ, садитесь!..

— Пожалуйте, пожалуйте!..

— Тише, ребята, тише! — сказалъ я. — Дайте выговорить; къ Преображенской заставѣ и назадъ.

— Садитесь безъ ряды, сударь! Прокачу!— закричалъ ловкій дѣтина въ синемъ кафтанѣ и шелковомъ кушакѣ. Графскій рысакъ, батюшка. Утѣшу...

— Эхъ, баринъ, — прервалъ рыжебородый извозчикъ въ щегольской шапкѣ съ бобровымъ околышемъ, — садитесь ко мнѣ — лихой иноходецъ!.. Плетеныя саночки. Въ пять минутъ доставлю!

— Что больно скоро! — подхватилъ рослый извозчикъ въ обыкновенной кучерской шапкѣ.— Вишь лихачъ какой!.. Въ пять минутъ!.. Задохнешься!.. Пожалуйте, батюшка, лучше ко мнѣ: городскія сани съ полостью.

— Сюда, баринъ, сюда; вотъ санки!.. Садитесь!

Тутъ снова поднялся такой шумъ, что я вышелъ изъ терпѣнія.

— Да полноте, пострѣлы! — закричалъ я.— Дайте порядиться!. Къ Преображенской заставѣ и назадъ сюда, къ Пресненскимъ прудамъ. Ну, что?..

— Извольте, сударь, — сказалъ извозчикъ въ шелковомъ кушакѣ. — Что торговаться: красненькую!

— Везу за два цѣлковыхъ!—закричалъ извозчикъ съ рыжею бородою.

— Синенькую!..

— Три полтинничка!.. Цѣлковый!—загремѣли вокругъ меня голоса.

Въ эту минуту проѣзжалъ мимо въ новенькихъ пошевенькахъ, запряженныхъ небольшой, но плотной лошадью, Ванька, въ сѣромъ зипунѣ и красной поношеной шапкѣ. Я махнулъ ему рукою.

— Что вы, батюшка? — сказалъ извозчикъ въ шелковомъ кушакѣ. — Да вамъ стыдно будетъ сѣсть на этого Ваньку. Помилуйте — дерюга этакая!

— Доѣду и на немъ, братецъ.

— Такъ вы бы, сударь, къ биржѣ-то и не подходили! — промолвилъ рыжебородый извозчикъ, надѣвая свою бобровую шапку. Смотри, Андрюха, — продолжалъ онъ, обращаясь къ извозчику въ шелковомъ кушакѣ,—экій конь— добра лошадь!.. А сбруя-то, сбруя!

— Да, братъ, упряжь мочальная, конь богатырскій!..

*) Первые рысаки на московскомъ бѣгу.

Digitized by Google

— По Сенькѣ шапка, по сѣдоку извозчикъ.

Всѣ эти насмѣшки на меня не подѣйствовали: я сторговался съ Ванькой за полтинникъ.

— Смотрите, баринъ, чтобъ вамъ не пришлось покормить! — закричалъ рыжебородый. — Не довезетъ до Преображенскаго.

— Ахъ, ты, щеголекъ этакій! — возразилъ Ванька, прибирая вожи.—Садись и ты, такъ я и тебя свезу. Видали мы вашу братію, лихачей: версту вскачь, а тамъ и плачь!.. Ну, ты!

И мой Ванька, вѣроятно, желая доказать на самомъ дѣлѣ, что его лошадка не безъ удали, пустился вскачь по Арбату.

— Держи, держи! — раздался за нами крикъ, прерываемый громкимъ хохотомъ. — Батюшки, бьетъ!.. Держи, держи!

— Охъ вы, скалозубы этакіе, каторжные!— бормоталъ Ванька, сдерживая свою лошадку. — Вамъ бы только пьяницъ да буяновъ возить!.. Сами житьмя живутъ по трактирамъ да со всякой дрянью знаются... У самого шапка съ бобровымъ околышемъ, а женѣ перекусить нечего!..

— Что это, братъ, ты такъ ихъ позоришь?— спросилъ я.

— Да какъ же, батюшка! Вотъ этотъ, съ рыжею-то бородою, — вѣдь я его знаю: онъ изъ нашего села, — четыре года извозничаетъ, а домой гроша не прислалъ: все на чаю пропиваетъ. Ребятишки въ людяхъ живутъ; жена милостинку проситъ, а онъ въ синихъ кафтанахъ ходитъ; катаетъ на своемъ иноходцѣ купеческихъ сынковъ, да вмѣстѣ съ ними погуливаетъ... Чай, и Бога-то забылъ!.. И то сказать: съ кѣмъ поведешься, такимъ и будешь.

Я очень люблю разговаривать съ русскими мужичками, а особливо съ тѣми, которые пріѣзжаютъ изъ дальнихъ деревень. Постоянно живущіе въ Москвѣ крестьяне и даже крестьяне изъ самыхъ близкихъ подмосковныхъ теряютъ почти всегда свой природный характеръ, эту смѣсь простодушія и лукавства, невѣжества и ума, суевѣрія и набожности; они превращаются въ какихъ-то полумѣщанъ и, по большей части, утрачивая всѣ хорошія свои качества, остаются при однихъ дурныхъ. Судя по нѣкоторымъ словамъ моего Ваньки, я тотчасъ догадался, что постоянное его жилище не близко отъ Москвы.

— Откуда ты родомъ, любезный?—спросилъ я.

— Владимірскій, батюшка.

— Господскій или экономическій?

— Господскій. Можетъ статься слыхали объ Алексѣѣ Андреевичѣ Черноярскомъ? Мы его. Село Завалихино, Шуйскаго уѣзда.

— Такъ это не близко отъ Москвы?

— Да верстъ около трехсотъ будетъ.

— Что у тебя есть хозяйка?

— Какъ же, сударь! Безъ хозяйки и домъ не стоитъ.

— Баба еще молодая?

— Въ порѣ, батюшка. Баба такая знатная, повадливая, работящая; Ѳеклой зовутъ.

— И дѣтки есть?

— Были, батюшка, да Богъ взялъ. Одна дочка осталась.

— Ну что, баринъ у васъ каковъ!

— Грѣшно пожаловаться: человѣкъ добрый, ничѣмъ насъ не обижаетъ. Покойный его батюшка, старый нашъ баринъ, такъ тотъ былъ,— не тѣмъ помянутъ,—крутенекъ! Вотъ теперь, коли два мужика повздорятъ да придутъ къ барину на судъ, такъ онъ выслушаетъ и разсудитъ: ты, дескать, правъ, а ты, дескать, виноватъ: а бывало къ старому барину и не ходи: изъ своихъ рукъ замаетъ!

— Какъ: и праваго и виноватаго?

— Обоихъ, батюшка. Ты, дескать, не художествуй, а ты не жалобись.

— Такъ поэтому при немъ мужички-то не часто ссорились?

— Все такъ же, батюшка, и судиться такъ же ходили. Вѣдь нашъ братъ, мужикъ, упрямъ! Я и самъ къ нему на судъ ходилъ съ моимъ шабромъ, Ѳедькой рыжимъ; думаю, что за бѣда, что баринъ поколотитъ? Да пусть себѣ потѣшится! Лишь только бы Ѳедьку-то буяна порядкомъ отвалялъ.

— Э, братъ, да какой же ты злой!

— Чтожъ дѣлать, сударь,—и въ курицѣ есть сердце. Да этотъ же рыжій такой озорникъ, что и сказать нельзя! Вотъ ужъ подлинно, кабы на эту крапиву да не морозъ, такъ изъ деревни вонъ бѣги. Теперь онъ вовсе отъ насъ отшатнулся: извозничаетъ здѣсь въ Москвѣ,

— Здѣсь? Не онъ ли это въ Кудринѣ лихой извозчикъ на иноходцѣ?

— Онъ самый, батюшка!.. Ну ты, сердечная...

— А что, — сказалъ я, помолчавъ нѣсколько времени,—ты каждую зиму сюда пріѣзжаешь?

— Да, сударь! Вотъ ужъ четвертый годъ, какъ я въ Москвѣ извозничаю.

— Такъ поэтому тебѣ выгодно?

— А какъ же, батюшка! Да что бы я добылъ зимою-то, лежа на печи? Вѣдь подъ лежачій камень и вода не течетъ. Конечно, годъ на годъ не приходитъ, а все-таки сотни полторы, а иногда и двѣ свезешь домой; и оброкъ заплатишь, и подушное, и рекрутское, и всякія другія подати, а все копѣйка заляжетъ. Привезешь женѣ кумачу на сарафанъ, фату шелковую; дѣвчонкамъ— кому колечко, кому сережки.

— Дѣвчонкамъ? Да какъ же ты говорилъ, что у тебя одна только дочь?

— Одна, батюшка, да двѣ... какъ бы этакъ сказать?.. Сиротки, не сиротки, а хуже сиротъ.

— Родныя чтоль тебѣ?

— Нѣтъ. Вотъ дочки шабра-то моего, Ѳедьки рыжаго.

— Какъ, этого лихого извозчика?

— Его, батюшка.

— Да вѣдь онъ тебя обижалъ? Ты ходилъ съ нимъ судиться къ барину?..

— Такъ чтожъ? Баринъ насъ разсудилъ: поколотилъ обоихъ—вотъ и все! А дѣтки его чѣмъ виноваты?.. Сердечныя!. Родная мать покинула, пошла въ какія-то странницы, отецъ съ ними не живетъ, кровныхъ никого нѣтъ... Вотъ мы съ хозяйкой и подумали: у насъ всего довольно, Господь Богъ насъ не покидаетъ, такъ и намъ не слѣдъ ихъ покинуть... Дѣло сосѣдское... Да и то сказать: у насъ всего на всего одна дочка,— такъ не съѣдятъ же насъ двѣ сироты.

— И вы ихъ любите?

— Какъ родныхъ дочерей, батюшка,—видитъ Богъ, какъ родныхъ! Коли Танѣ пряникъ, такъ и всѣмъ по прянику. Да еще, батюшка, онѣ-то намъ какъ-то жалчѣе. Свою иногда потеребишь за волосы, а на нихъ и рука не подымается. Горемыки этакія!.. При живомъ отцѣ и матери круглыя сироты!..

— Ну, братъ... Какъ тебя зовутъ!

— Иваномъ, батюшка.

— Ну, братъ Иванъ, добрый ты человѣкъ!

— И, сударь! Кинь хлѣбъ-соль назадъ, будетъ впереди! Не узнаешь, можетъ статься и наша Танюша останется сиротою, такъ и ее Господь помилуетъ; мы призрѣли сиротъ и ее добрые люди не покинутъ... Ну, ты, сивка! Иль кнута захотѣла?

Въ продолженіе этого разговора мы выѣхали на Срѣтенку. Не доѣзжая до конца улицы, мой Ванька повернулъ направо въ переулокъ.

Digitized by Google

— Куда ты, братецъ?—спросилъ я.

— А вотъ, батюшка, мы тутъ выѣдемъ какъ разъ на валъ, а тамъ ужъ прямо Дербенскимъ переулкомъ до самаго Каланчевскаго поля.

— Да вѣдь все равно и по Сретенкѣ.

— Нѣтъ, сударь, все-таки выкинемъ уголочекъ; да и дорога-то поглаже.

— Ну, какъ хочешь; ступай!

Я замѣтилъ, что мой Иванъ, проѣзжая этимъ переулкомъ, безпрестанно и съ особымъ вниманіемъ посматривалъ впередъ на небольшую площадку или, лучше сказать, перекрестокъ, на которомъ, у плохой и до половины развалившейся биржи, стоялъ одинъ извозчикъ въ синей плисовой шапкѣ и кормилъ сѣномъ своего пѣгаго коня.

— Ну, такъ и есть!—прошепталъ мой Иванъ.—Батюшка баринъ,—продолжалъ онъ вполголоса, останавливая лошадь,—подержите на минутку!

И, не дожидаясь моего отвѣта, бросилъ мнѣ возжи, спрыгнулъ съ саней, подбѣжалъ къ извозчику, который стоялъ у биржи, и принялся, не говоря ни слова, пороть его своимъ кнутомъ Извозчикъ, дѣтина дюжій и рослый, вмѣсто того, чтобъ обороняться, засуетился, кой-какъ заворотилъ свою разнузданную лошадь, упалъ въ санки и поскакалъ, сломя голову, прочь отъ биржи. Вся эта экспедиція продолжалась не болѣе полуминуты. Мой Иванъ воротился, сѣлъ преспокойно на свое мѣсто и повезъ меня далѣе.

— Что это, братецъ?—спросилъ я.—За что ты его билъ?

— Какъ за что, сударь? Вѣдь эта биржа-то наша. Мы деньги за нее платимъ, а этотъ колотырникъ, прахъ его знаетъ, кто такой... вишь для него припасли... мошенникъ этакій!.. Вздумалъ у чужой биржи лошадь кормить. Иногда случится второпяхъ и сѣнца оставишь, а эти чужехваты тутъ и есть! Вѣдь въ Москвѣ, батюшка, много этакихъ шишиморъ; не хочетъ за мѣсто платить, да по чужимъ биржамъ и таскается. А проворенъ, разбойникъ: не успѣлъ его десяти разъ хлестнуть.

— Да какъ же это, братецъ, ты такъ на него кинулся? Ты мужикъ небольшой, а онъ, кажется, дѣтина такой ражій: ну, если бъ онъ сталъ обороняться?..

— Обороняться?.. Да какъ онъ смѣетъ?.. Каковъ бы онъ ни былъ человѣкъ, а все-таки знаетъ, что я не напрасно перепоясалъ его кнутомъ.

— Вотъ оно естественное-то право,—подумалъ я,—этотъ законъ совѣсти.

— Ужъ коли захватили вора въ горохѣ,—продолжалъ мой Ванька,—такъ гдѣ ему обороняться: малый ребенокъ прибьетъ.

— Нѣтъ, любезный,—сказалъ я,—у насъ не по-вашему: у насъ иногда и поймаешь вора въ горохѣ, да не смѣй ему сказать, что онъ воръ.

— Вотъ еще!.. Что вы, батюшка?.. Да неужели вору-то кланяться?

— Пожалуй себѣ не кланяйся, да чести-то его не смѣй порочить.

— Да что, сударь, за честь у мошенника?

— Эхъ, братецъ! Вы народъ необразованный, вы этого не понимаете...

— Конечно, батюшка, гдѣ намъ! Мы люди темные; по нашему глупому разуму: кто плутъ, такъ плутъ, кто честный человѣкъ, тотъ честный.

— Вотъ то-то и есть! Это по-вашему, а у насъ не такъ; у насъ двѣ чести, братецъ; одна та же, что у васъ...

— А другая-то, батюшка, какая?

— А вотъ какая. Если тебя поймаютъ въ плутовствѣ, да назовутъ въ глаза мошенникомъ, такъ ты не покоряйся.—„Я, дескать, самъ знаю, что я мошенникъ, да не люблю, чтобъ мнѣ это говорили; такъ не угодно ли со мною за это раздѣлаться“.

— Раздѣлаться?.. Какъ раздѣлаться?..

— Да какъ хочешь: или на саблѣхъ рубиться или на пистолетахъ стрѣляться.

— Ахъ, Господи!—вскричалъ мой Ванька.—Да за чтожъ это?.. Меня же обидѣли, да я же и живота лишайся!

— А не захочешь отвѣтить, такъ не прогнѣвайся: честнымъ-то человѣкомъ останется онъ, а безчестнымъ будешь ты.

Эти послѣднія слова до того поразили моего Ивана, который, вѣроятно, никогда не слыхивалъ о дуэляхъ, что онъ рѣшительно онѣмѣлъ отъ удивленія. Желая удостовѣриться, точно ли я говорю не шутя или смѣюсь надъ нимъ, онъ опустилъ возжи и обернулся ко мнѣ лицомъ. Лошадка воспользовалась этою оплошностію, повернула въ сторону, зацѣпила за надолбы, пошевеньки упали на бокъ, а вмѣстѣ съ ними, разумѣется, и мы.

— Ахъ, батюшки!—вскричалъ Иванъ, вскочивъ на ноги.—Виноватъ, сударь, завѣвался!

— Ничего, братецъ,—сказалъ я, отряхая мою шубу, покрытую снѣгомъ.—Ты только впередъ, разговаривая со мной, не оглядывайся.

— Ахти!—сказалъ Иванъ, подымая свои пошевеньки.—Да вѣдь лошадка-то распряглась!.. Батюшка баринъ, ужъ не прогнѣвайтесь, повремените немного,—сейчасъ запрягу; а вы извольте въ санки-то сѣсть. Эка проклятая,—ну, лишь только возжи опусти, тотчасъ повернетъ направо или налѣво!

Я сѣлъ въ сани, а Иванъ принялся вправлять дугу, которая выскочила изъ гужей. Въ эту самую минуту поровнялись со мною парныя сани: въ нихъ сидѣлъ баринъ лѣтъ тридцати, мужчина видный и красивый собою. Онъ приказалъ кучеру остановиться и закричалъ:

— Здравствуйте, Богданъ Ильичъ!

Признаюсь, я не очень обрадовался этой встрѣчѣ. Ѳедоръ Андреевичъ... ну, все равно—назовемъ его хоть Мишурскимъ... Ѳедоръ Андреевичъ Мишурскій принадлежитъ къ числу тѣхъ выглаженныхъ, отшлифованныхъ и натертыхъ чужимъ умомъ или, лучше сказать, чужими фразами, глупцовъ, которые, по милости этихъ готовыхъ фразъ, слывутъ людьми просвѣщенными, остроумными и живутъ иногда подвѣка на счетъ какого-нибудь остраго французскаго словца, удачно передѣланнаго на русскіе нравы. Мишурскій получилъ, какъ обыкновенно выражаются, хорошее образованіе, то-есть говоритъ иностранными языками, толкуетъ о живописи и музыкѣ, разсуждаетъ о политикѣ и литературѣ, безпрестанно говоритъ о Западѣ и вретъ такую чепуху, что всѣ второклассные дураки смотрятъ на него, какъ на чудо; а родной его дядя, Иванъ Михайловичъ Сурскій, человѣкъ очень умный, слушая его, приходитъ въ отчаяніе. „Какое несчастіе!“—сказалъ онъ мнѣ однажды почти сквозь слезы.—„И нужно было моего племянника учить языкамъ! Ну, былъ бы просто дуракъ на русскомъ языкѣ, а то дуракъ на французскомъ, дуракъ на нѣмецкомъ, дуракъ на итальянскомъ; легко вымолвить: „дуракъ на четырехъ діалектахъ!“ Этотъ Мишурскій женился на одной московской красавицѣ, которая, несмотря на то, что ея голова была набита идеалами и французскими романами, могла бы сдѣлаться препорядочною женою, еслибъ мужъ ея былъ только что глупъ; но онъ былъ и глупъ и развратенъ и, что всего хуже, вовсе не стыдился, а щеголялъ своимъ дурнымъ поведеніемъ.

Digitized by Google

— Здравствуйте, Богданъ Ильичъ!—повторилъ Мишурскій, выпрыгнувъ изъ своихъ саней. – Здоровы ли вы?

Не видя никакой возможности отдѣлаться отъ этого барина, я принялъ очень ласковый видъ и, съ этой офиціальной улыбкой, которая, какъ извѣстно, ровно ничего не значитъ, отвѣчалъ:

— Слава Богу! Покорнѣйше васъ благодарю! А вы?

— Голова болитъ. Не выспался: вчера ужиналъ у Шевалье *).

— А ваша Марья Александровна?

— Кажется, здорова. Я съ нею со вчерашняго утра не видался.

— Ай, ай, ай, Ѳедоръ Андреевичъ! Давно-ли вы женаты?

— Право не помню. Да что, это вы такъ строго поговариваете?... А сами втихомолочку... на извозчикѣ... Богданъ Ильичъ... Куда это изволите ѣхать?

— Къ знакомому.

— Ужъ не къ знакомой-ли?...Только я, право, не понимаю, къ чему эти предосторожности? Вы человѣкъ свободный. Ну, дѣло другое, нашъ братъ, женатый. On a des procédés avec sa femme... Вотъ и я пробираюсь иногда на извозчикѣ къ какой-нибудь закулисной сильфидѣ. А, кстати! Вы были вчера въ театрѣ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Какую я видѣлъ тамъ фигурантку!... Въ первый разъ показалась на сценѣ. Прелесть!... Что? Улыбаетесь, Богданъ Ильичъ?... Чай, думаете: „какой онъ вѣтренникъ!“ Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ!... Je suis inconstant par principes. Жизнь коротка—надобно ею наслаждаться.

— Ну, ты!—крикнулъ мой Ванька, прибирая возжи.

— До свиданія!—сказалъ Мишурскій, садясь въ свои сани.— Bonne chance!

Проѣхавъ нѣсколько минутъ молча, я завелъ опять рѣчь съ Иваномъ объ его промыслѣ.

— А что,—спросилъ я,—что этакъ ты можешь выѣздить въ цѣлый день?

— Неровенъ день, батюшка,—отвѣчалъ Иванъ, пошевеливая возжами.—Иногда промаешься на биржѣ до полудня,—нѣтъ сѣдоковъ, да и только! Выѣдешь куда-нибудь на бойкое мѣсто—стоишь, стоишь!.. Къ другимъ садятся, къ тебѣ нѣтъ. Ну, вѣрите-ль, батюшка, для почину за грошъ-бы куда-нибудь поѣхалъ; такъ нѣтъ—словно заколдовано! Да это еще ничего: не привезъ денегъ домой, зато лошадка отдохнула, а какъ иногда наймешь какой-нибудь щеголекъ,—катаетъ, катаетъ по городу, да гдѣ-нибудь въ проходномъ домѣ велитъ дожидаться у калитки, а самъ нырнетъ въ заднія ворота и поминай какъ звали. Зато случится въ другой разъ такая задача, что денегъ брать не успѣешь—такъ сѣдоки и валятъ! Да еще какіе!... Вотъ хоть вчера,—ну, ужъ вышелъ денекъ!

— А что, много возилъ что-ль?...

— Сѣдоковъ было немного, да выручка-то была знатная. Я выѣхалъ вчера съ фатеры не такъ чтобъ рано,—вотъ этакъ въ обѣдни, не доѣхалъ еще до биржи, слышу, кричатъ: „извозчикъ!“ Гляжу, идетъ ко мнѣ молодой купчикъ, не великонекъ ростомъ, а такой бравый, въ лисьей шубѣ, въ шапкѣ съ соболынмъ околышемъ. „Куда, хозяинъ?“—„Давай санки, а я ужъ скажу, куда ѣхать!“—„Ого“,—подумалъ я,—„безъ ряды! Ну, тутъ, можетъ статься, перепадетъ!—Купецъ сѣлъ въ санки и говоритъ: „Ступай къ Покровской заставѣ“. Пріѣхали.—„Пошелъ за заставу по большой дорогѣ!“—„Въ Андроньевку что-ль, хозяинъ?“—„Нѣтъ подальше: въ Перовскій трактиръ“.—„Вотъ оно что!“—подумалъ я:—„гульнуть видно захотѣлось!“ Вы, батюшка, чай знаете, что отъ Покровской заставы до Перовскаго трактира версты двѣ съ походцемъ будетъ? А дѣлать нечего: везъ четыре версты, такъ поневолѣ еще двѣ повезешь,—авось не обидитъ! Вотъ какъ мы пріѣхали къ Перовскому трактиру, гляжу—стоятъ трое саней, одни тройкою—упряжь такая знатная, съ мѣдными бляхами да побрякушками. „Что, батюшка, назадъ поѣдете?—спросилъ я. „Нѣтъ братецъ!—сказалъ мой сѣдокъ.—„Меня пріятель довезетъ. Вотъ тебѣ!“ Да и швыркъ мнѣ двугривенный. А я меньше бы полтинника ни за что не поѣхалъ. Я туда, сюда!... „Помилуйте, да какъ, да что?“... А мой купчикъ махнулъ рукой, да и въ двери. Я было за нимъ... Куда! Выскочили двое такихъ дюжихъ ребятъ, да ну-ка меня по затылку!.. Что будешь дѣлать? Не городъ: хоть ты себѣ до завтра кричи караулъ, никто не придетъ на выручку; и еще такъ тебѣ бока отломаютъ, что вовсе зачахнешь. Вотъ я сталъ за уголокъ, чтобъ дать лошадкѣ вздохнуть, а не равно и попутчикъ набѣжитъ. Прошло этакъ немного времени—слышу, поднялся такой шумъ и гамъ въ трактирѣ!... Драка. Кричатъ: „Бей его, бей въ мою голову!“ Гляжу, бѣжитъ мой купчикъ, растрепанный такой, вся шуба въ лоскутахъ, одна пола оторвана, а за нимъ двое молодцовъ съ кулаками... Не знаю кто, товарищи что-ль позадержали ихъ немножко, а мой сѣдокъ прямо ко мнѣ въ санки да и кричитъ: „Вези скорѣй въ Москву!...“ „Нѣтъ, хозяинъ“,—сказалъ я,—„постой, безъ ряды не поѣду“.—„Ну, ну, хорошо! Къ Сухаревой башнѣ.“—„Давай синенькую.“—„Какъ синенькую?“—„Да такъ, меньше не везу“. Купчикъ было заломался; да какъ глядь назадъ—охъ, худо; два молодца такъ къ нему и рвутся. Сробѣлъ мой дѣтина,—кричитъ: „Даю!“ Я ударилъ по лошади, отъѣхалъ этакъ саженей двадцать и остановился.—„Что ты?“—„Да вотъ что, хозяинъ: давай-ка синенькую-то впередъ. Вѣдь ты, пожалуй, опять отвалишь двугривенный“.—„Эхъ, братецъ, со мною денегъ нѣтъ“.—„Эва—на! Вотъ дурака нашелъ! Пріѣхалъ въ трактиръ гулять, да денегъ нѣтъ. Да что калякать-то: или деньги давай, или съ санокъ долой! Дойдешь и пѣшкомъ до заставы“. А на дворѣ-то, батюшка, поднялась погода, закрутило такъ, что и Господи! Шубенка-то у него вся въ лоскутахъ, такъ стало морозцемъ прохватывать. Ну, нечего дѣлать, помялся, да вынулъ изъ бумажника синенькую. Зато ужъ во всю дорогу онъ меня позорилъ на чемъ свѣтъ стоитъ. А мнѣ и горюшка мало,—пожалуй себѣ лайся сколько хочешь, а синяя-то бумага у меня въ мошнѣ!... Ей ты!...

— Ну, а послѣ кого ты возилъ?—спросилъ я.

— Отъ Сухаревой башни,—отвѣчалъ Иванъ,—подрядили меня за пятіалтынный на Мясницкую купецъ съ женою—такіе оба толстые, насилу въ санки-то усѣлись. Видно, они за что-нибудь поздравили: всю дорогу прогрызались. Хозяинъ-то, кажись, мужикъ смирный и трезвый, а хозяйка подъ-хмелькомъ и такая злющая — избави, Господи! Онъ скажетъ слово, другое, а она такъ и засыпитъ. Я, дескать, дура этакая, вышла замужъ за нищаго; такіе ли у меня женихи были! Кабы не я, такъ тебѣ бы, вѣкъ, оставаться въ подносчикахъ, голь этакая!.. Ты по мнѣ и въ люди-то пошелъ! Жить съ тобой не хочу. Отдай мое добро, лапотникъ этакій!.. Ну, вотъ такъ его поѣдомъ и ѣстъ! „Слава тебѣ, Господи!“—подумалъ я,—„что моя Ѳекла изъ бѣднаго дома: вотъ она—богатая-то жена!“

*) Извѣстный московскій ресторатеръ.

Digitized by Google

— Эхъ, братъ Иванъ! — прервалъ я, — по-мужичьи ты судишь!

— А по-вашему какъ же, батюшка?

— По-нашему первое дѣло, чтобъ за невѣстою было большое приданое.

— Конечно, батюшка, кто и говоритъ: лишняя деньга не бѣда; да и съ богатой-то женой ладить трудновато; чуть не по ней—и пошла хлестать тебя по глазамъ своимъ богатствомъ. Ты хочешь быть хозяиномъ въ дому, а она наровитъ упрятать тебя въ батраки.

— Да это, братецъ, у васъ!

— А въ вашемъ господскомъ быту не бываетъ?

— Никогда!

— Вотъ что!.. Ну, конечно, ваше дѣло господское... А мнѣ, покойникъ батюшка, — дай Богъ ему царство небесное!—всегда говаривалъ: „Ванюха, не зарься на богатую невѣсту: у богатой жены и родня богатая,—какъ разъ попадешь въ кабалу, да и честнѣе, коли мужъ кормитъ жену, а не жена мужа“... Эй ты!..

— Ну, что жъ, Иванъ,—сказалъ я, — какъ ты отвезъ своихъ сѣдоковъ на Мясницкую?

— Такъ поѣхалъ, батюшка, шажкомъ вдоль по улицѣ. Вдругъ изъ одного большого каменнаго дома выбѣжалъ баринъ, махнулъ мнѣ рукой и говоритъ: „На Никольскую и назадъ,—да только смотри, живо! Хорошо поѣдешь, полтинникъ дамъ!“ Я припугнулъ сивку, гдѣ вскачь, гдѣ рысью — мигомъ пріѣхали на Никольскую. Баринъ велѣлъ остановиться подлѣ одной... какъ онѣ: лавки не лавки? Ну, вотъ еще надъ ними подписи съ орлами...

— А!.. У маклера.

— Не знаю, батюшка! Пождалъ я маленько—гляжу, бѣжитъ назадъ мой сѣдокъ, а съ нимъ какой-то приказный, подъ мышкою большая книга. Сѣли въ санки. „Ступай проворнѣй“,—закричалъ баринъ, „еще полтинникъ прибавлю!“ Я ударился вскачь и слышу, что они межъ собой разговариваютъ „Боюсь“; — говоритъ баринъ,—„не застанемъ: больно плохъ“.—„Вотъ то и есть, — молвилъ приказный, — поздненько хватились!“—„Что жъ дѣлать?“—сказалъ баринъ: „и слышать не хотѣлъ: насилу уломали“.—„Ну, да все равно“,—шепнулъ приказный,—„лишь бы только подмахнулъ какъ-нибудь...“—„Вотъ и пріѣхали!“—закричалъ баринъ, кинулъ мнѣ цѣлковый, да и шмыгъ въ домъ вмѣстѣ съ приказнымъ; а я поѣхалъ на фатеру. Будетъ покамѣстъ: зашибъ въ полдня почти десять рублековъ... Ну, ты, сивка!

— Такъ ты этимъ и покончилъ вчерашній день? — спросилъ я, помолчавъ нѣсколько времени.

— Нѣтъ, сударь! День былъ хорошъ, а вечеръ и того лучше. Я задалъ моей лошадкѣ корму, а самъ пообѣдалъ, да отдохнулъ вдоволь и выѣхалъ опять съ фатеры гораздо послѣ вечерень, противъ Николы на Грачахъ подрядили меня за гривенникъ до театру двѣ барыни съ узелками; одна помоложе, въ знатномъ лисьемъ салопѣ, а другая постарѣе и одѣта похуже. Дорогой онѣ все толковали, что опоздаютъ пріѣхать, что какой-то Иванъ Николаевичъ обѣщался прислать санки да обманулъ. Та, что постарѣе, журила все ту, что помоложе. „Вотъ то-то и есть, Машенька“,—говорила она, — „вы всегда такъ! — Зачѣмъ вы отпустили карету?“ Какъ мы стали подъѣзжать къ театру, барыни приказали мнѣ остановиться у заднихъ дверей — тамъ, гдѣ стоятъ театральныя кареты. Гляжу, у самыхъ дверей прижался къ стѣнкѣ баринъ,—молодецъ такой: съ усами Какъ увидѣла его молодая-то въ лисьемъ салопѣ, такъ на него и вскинулась, да не успѣла порядкомъ поругать: выбѣжалъ какой-то господинъ, такой сердитый: да какъ закричитъ: „Что вы тутъ болтаете: ступайте проворнѣй,—дилекторъ сердится!“ Онѣ было въ двери, а я молоденькую-то за салопъ. „А деньги-то что жъ, барыня?“—„Молчи дуракъ!“—шепнулъ господинъ съ усами.— „На вотъ тебѣ! Пошелъ!“ Онъ далъ мнѣ полтинникъ, я снялъ шапку, поклонился и поѣхалъ шажкомъ отъ театра, по Трубѣ. Вотъ я ѣду себѣ да мурлыкаю пѣсенку: сталъ ужъ подъѣзжать къ Самотекѣ, слышу—кличутъ меня изъ одного домика. Подъѣхалъ. Гляжу—въ сѣняхъ стоитъ со свѣчею старуха, провожаетъ какую-то барыню въ малиновой бархатной шубѣ, а на головѣ у нея покрывало. Вотъ эта барыня сѣла ко мнѣ въ санки и шепнула такимъ тоненькимъ голоскомъ: „На Кузнецкій мостъ!“ Дорогой она все охала; видно о чемъ-нибудь тосковала, сердечная! И однажды такъ громко сказала: „Ахъ, Боже мой, Боже мой, вѣрно онъ боленъ!“ Какъ мы выѣхали на Кузнецкій мостъ, она указала мнѣ домъ и велѣла остановиться у воротъ, подальше отъ фонаря спрыгнула съ санокъ, развязала узелокъ у своего платочка, пошарила, пошарила, да и сунула мнѣ въ руку бумажку“. „Матушка“,—сказалъ я,— „у меня мелкихъ нѣтъ; повремените немного, сейчасъ разменяю въ лавочкѣ“.—„Не надо!“—шепнула барыня да бѣгомъ въ ворота. Я къ фонарю .. глядь на бумажку — красненькая!.. Экій выдался денекъ! Я повернулъ назадъ, и какъ заѣхалъ съ другой стороны дома... что за диковинка такая? Противъ магазеи стоитъ четверкою карета и лакей сажаетъ въ нее—ну, точь въ точь такую же барыню, какую я привезъ съ Трубы.

— Неужели?—вскричалъ я.

— А можетъ статься и не та, батюшка,—проговорилъ Иванъ, почесывая затылокъ,—темненько было.

— Что-жъ, послѣ этого ты поѣхалъ домой?

— Нѣтъ, сударь! Подождалъ у театра разъѣзду, да какъ-то попутчиковъ не случилось, а вдаль ѣхать не хотѣлъ, такъ и отправился порожнякомъ на фатеру. И какъ сталъ распрягать лошадь, глядь, въ санкахъ лежитъ мѣшечекъ. Видно обронила барыня, что я возилъ съ Трубы на Кузнецкій мостъ: другому некому.

— Что жъ, этотъ мѣшечекъ пустой?

— Почитай пустой. Ключикъ маленькій, да какія-то записочки. Я было взялъ его сегодня съ собою, чтобъ свезти въ часть, да раздумалъ.

— Что?

— Такъ, батюшка, чтобъ не вышло чего-нибудь. Неравно еще въ полиціи доищутся, чей мѣшечекъ. Ну, что хорошаго!.. Коли, въ самомъ дѣлѣ, у этой барыни своя карета, такъ зачѣмъ ей на извозчикахъ таскаться. Анъ и выходитъ дѣло-то неладное. Она такая добрая, пожаловала мнѣ десять рублей, а я стану на нее выводить... Да Богъ съ ней! Не наше дѣло, батюшка.

— Ты могъ бы сказать, что нашелъ его на улицѣ.

— И это думалъ, да страшно: пожалуй скажутъ, что въ мѣшечкѣ деньги были. Вотъ онъ—продолжалъ Иванъ, вынимая изъ-за пазухи щеголеватый ридикюль.—Бархатный, батюшка! Купите, за полтинникъ уступлю.

Мнѣ давно хотѣлось подарить что-нибудь моей экономкѣ: ридикюль показался мнѣ совершенно новымъ. Я положилъ его въ карманъ и отдалъ полтинникъ извозчику. Минутъ черезъ десять мы доѣхали до Покровской заставы.

— Куда прикажете?—спросилъ Ванька.

— Налѣво, во дворъ!

Digitized by Google

Сойдя съ санокъ, я отыскалъ дворника, и хотя съ трудомъ, а добился, наконецъ, гдѣ живетъ мой знакомый. Его слуга объявилъ мнѣ, что барина нѣтъ дома, но что онъ сейчасъ за нимъ сбѣгаетъ.

— Они, сударь, у своего пріятеля, черезъ улицу,—сказалъ мнѣ этотъ деревенскій личарда во плисовой шинели, съ небритою бородою и, если не ошибаюсь, немного подъ-хмелькомъ.—Извольте обождать полминутки... Пожалуйте въ комнату.

Я вошелъ въ горницу, не очень опрятную, или, вѣрнѣй сказать, очень неопрятную. Въ ней лежали чемоданы, стояло нѣсколько стульевъ топорной работы и канапе, обитое черною кожею, которая отъ старости вся сморщилась и порыжѣла. Слуга пошелъ за барономъ, а я, оставшись одинъ, началъ отъ нечего дѣлать, разсматривать мою покупку. Въ ридикюлѣ, точно, не было ничего, кромѣ одного ключика и двухъ записокъ. Первая, которая попалась мнѣ въ руки, была безъ надписи и на французскомъ языкѣ отъ какой-то Алины—вѣроятно, Алены. Она увѣдомляла свою Софи, что на балѣ у князя Вельскаго танцовала три раза сряду съ какимъ-то Вольдемаромъ, то-есть Владиміромъ; что рѣченный Вольдемаръ былъ не только любезенъ, но даже очарователенъ, и что она, нижеподписавшаяся Алина, совершенно отъ него безъ ума. Вторая записочка была на русскомъ языкѣ и безъ надписью. Я взглянулъ на адресъ и прочелъ, — не скажу съ удивленіемъ, однакожъ, и не вовсе равнодушно,—написанныя четкими буквами имя и фамилію супруги Ѳедора Андреевича Мишурскаго.

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

СЦЕНА 3-я.

НОВОРОЖДЕННЫЙ.

„Мнѣ завѣщалъ отецъ
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была".

Грибоѣдовъ.

(Небольшая комната съ однимъ окномъ. Не модная, но довольно опрятная мебель. На окнѣ стоятъ шпирочки съ разноцвѣтными стеклами. По стѣнамъ литографированные портреты разныхъ знаменитыхъ или, лучше сказать, знатныхъ особъ. Столъ, покрытый краснымъ набивнымъ ковромъ. На столѣ небольшое зеркальце и полный бритвенный приборъ. Передъ столомъ, въ бухарскомъ халатѣ сидитъ Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ. Онъ только что обрился и стрижетъ у себя ногти. Подлѣ него стоитъ женщина лѣтъ сорока, въ ситцевомъ капотѣ, измятомъ кисейномъ чепцѣ и небрежно накинутомъ купавинскомъ платкѣ).

Ползковъ *(съ досадою)*. Эхъ, полноте, Марья Григорьевна. Не ваше дѣло! Вы, просто, бабушка, а это можетъ только рѣшить акушеръ или докторъ.

Бабушка. Воля ваша, Алексѣй Алексѣевичъ, а я этого грѣха на душу не возьму. Мое дѣло вамъ доложить: извольте послать за священникомъ! Супруга ваша слава Богу, а младенецъ очень слабъ.

Ползковъ. Окрестить-то недолго, матушка, Марья Григорьевна.

Бабушка. Да и умереть-то недолго, батюшка, Алексѣй Алексѣевичъ! Эй, сударь, поторопитесь!

Ползковъ. Хорошо вамъ говорить: поторопитесь!.. Вамъ что!.. А мнѣ это не бездѣлица.. Вѣдь двухъ разовъ не крестятъ!.. И если я не попрошу теперь въ крестные отцы...

Бабушка. Кого теперь просить! Прикажите кому-нибудь изъ домашнихъ.

Ползковъ. Что вы это, Марья Григорьевна! Захочу я покумиться съ моимъ лакеемъ!

Бабушка. Такъ отца дьякона попросите!

Ползковъ Ну, вотъ еще!

Бабушка. Да помилуйте, гдѣ ужъ тутъ разбирать чины,—лишь только бы успѣть окрестить!

Ползковъ. Да вы все не то говорите, Марья Григорьевна! Не можетъ быть, чтобы ребенокъ былъ такъ слабъ!..

Бабушка *(глядя въ окно)*. Вотъ, слава Богу, и докторъ пріѣхалъ!.. Посмотрите, Алексѣй Алексѣевичъ: онъ также скажетъ, что откладывать нечего. *(Уходитъ).*

Ползковъ. Какое несчастіе! И надобно-жъ было этому случиться!.. Варвара Юрьевна обѣщалась быть крестной матерью, если у меня родится сынъ... Она близкая родственница графу, такъ ужъ вѣрно бы и его превосходительство Андрей Никифоровичъ не отказался пойти въ крестные отцы. Я покумился бы съ моимъ начальникомъ; а это не шутка—это весьма важный шагъ по службѣ!.. Ну, если ужъ нельзя, такъ надобно, по крайней мѣрѣ, хоть имя дать новорожденному такое, чтобъ можно было польстить кому-нибудь, доказать мою преданность... У Варвары Юрьевны старшаго сына зовутъ Иваномъ... Да кто жъ еще Иванъ?.. Нѣтъ, можно придумать что-нибудь получше!.. Начальника моего зовутъ Андреемъ.. Прекрасно!. Его сіятельство графа Куродавлева также Андреемъ. Очень хорошо!.. Э, да какъ это мнѣ въ голову не пришло? Вѣдь и князь Знатовъ также Андрей!.. Нѣтъ ли еще кого-нибудь?.. Постой!.. Ну, такъ и есть!.. У, славно!.. Чего жъ лучше, назову его Андреемъ... рѣшительно Андреемъ. *(Входитъ бабушка).* Ну, что?

Бабушка. Вотъ я вамъ говорила!.. Докторъ сейчасъ послалъ за священникомъ.

Ползковъ. Да это все вы, Марья Григорьевна!.. А я, право, думаю...

Бабушка. Ну, ужъ воля ваша, думайте что хотите, а мы безъ васъ окрестимъ. Иванъ Ивановичъ будетъ воспріемникомъ.

Ползковъ. Докторъ?

Бабушка. Ну, да, сударь!.. А я крестной матерью... Какое прикажете дать имя новорожденному? Супруга ваша желаетъ назвать его въ честь своего батюшки Александромъ.

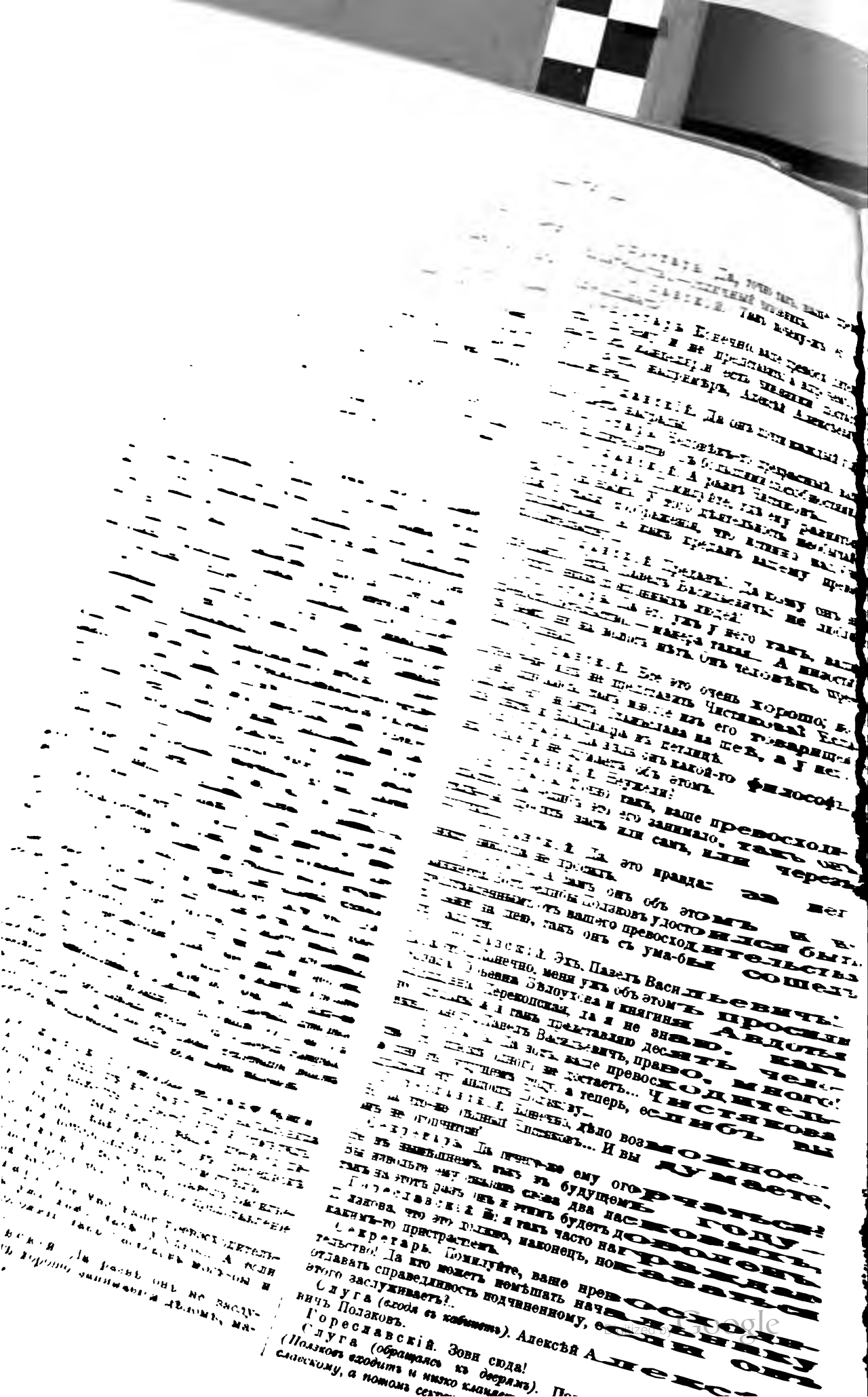
Ползковъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Я хочу, чтобъ онъ назывался Андреемъ!.. Слышите ли, Андреемъ!

Бабушка. Софья Александровна велѣла васъ просить...

Ползковъ. И, полноте! Она не знаетъ сама, чего просить... Это дѣло отцовское... Извольте окрестить моего сына во имя Андрея Первозваннаго... Слышите ли?.. Я хочу этого, я требую... Ну, однимъ словомъ, я обѣщался, Марья Григорьевна!

Бабушка. О, если обѣщались, такъ это другое дѣло. Вотъ и я также по обѣщанію на-

Digitized by Google



Ореславскій. Здравствуйте, Алексѣй ксѣевичъ! Что скажете?

Ползковъ (*кланялся*). Ваше превосходитель-!.. Богъ даровалъ мнѣ сына.

Ореславскій. Право?.. Поздравляю, по-авляю!

Ползковъ (*напрягшись нѣсколько впередъ и съ умиленіемъ на Гореславскаго*). Служа подъ годѣтельнымъ начальствомъ вашего превос-ительства, взысканный и, такъ сказать, осы-ный милостями вашими, я осмѣлился, въ къ моей душевной и всенижайшей благодар-ти, назвать новорожденнаго моего сына дреемъ, въ честь вашего превосходительства.

Ореславскій. Очень вамъ благодаренъ.

Ползковъ. Мнѣ бы должно было сначала просить на это соизволеніе вашего превосходи-льства, но въ ту минуту, когда я сдѣлался омъ, я до того обезумѣлъ отъ радости, что былъ мой долгъ и осмѣлился безъ вашего со-сія... Конечно, дерзость эта велика...

Ореславскій. И, полноте, Алексѣй Але-ѣевичъ! Какая тутъ дерзость!

Ползковъ. Нѣтъ, ваше превосходительство! это по добротѣ вашей изволите говорить, а конечно, поступилъ опрометчиво. Увлеченный вствами моей неизъяснимой благодарности, я подумалъ, что можетъ быть, вамъ не угодно детъ...

Ореславскій (*съ примѣтнымъ нетерпѣ-мъ*). Да почему жъ не угодно?.. Что это вы все ворите, Алексѣй Алексѣевичъ!.. Скажите - ка чше, какъ здоровье вашей супруги?

Ползковъ. Слава Богу, ваше превосходи-льство, слава Богу! Слаба немножко... Однако-жъ, и ей тотчасъ пришло въ голову... говорить ѣ: „Алексѣй Алексѣевичъ, непремѣнно надоб-назвать нашего сына Андреемъ, въ честь его евосходительства Андрея Никифоровича: вѣдь ъ нашъ благодѣтель!“... И повѣрите ли, ваше евосходителрство, съ какимъ она это говорила ромъ. „Да если, говоритъ, ты не назовешь его дреемъ, такъ я и видѣть его не хочу“. (*Секре-рь дѣлаетъ знаки Ползкову и указываетъ головою дверь*). Но я не смѣю долѣе мѣшать занятіямъ шего превосходительства; я поспѣшу обрадо-ть жену мою и сказать ей, какъ милостиво вы волили принять...

Ореславскій. Хорошо, хорошо! Прощай-, Алексѣй Алексѣевичъ! (*Ползковъ низко кла-ется и уходитъ*). Слава Богу!—Ушелъ!.. Ну, го и глядѣлъ, что онъ повалится мнѣ въ ноги!

Секретарь. Вотъ, ваше превосходительство, ы вѣрно изволите думать, что это лесть; а вѣдь е, что онъ говорилъ, истинная правда.

Ореславскій. Да зачѣмъ это говорить!

Секретарь. Чтожъ дѣлать, ваше превосходи-ельство! Вѣдь это говоритъ не языкъ, а сердце... ы, можетъ быть, не изволили замѣтить—у него ыли слезы на глазахъ.

Ореславскій. Нѣтъ, не замѣтилъ! Мнѣ овѣстно было на него смотрѣть.

Секретарь (*помолчавъ нѣсколько времени*). акъ же, ваше превосходительство, прикажите его нести въ списокъ?

Ореславскій. Эхъ, Павелъ Васильевичъ, пристали вы ко мнѣ!.. Да, вѣдь, это будетъ не-праведливо!

Секретарь. На милость образца, нѣтъ, ваше превосходительство. О немъ же васъ всѣ просятъ...

Ореславскій. Да, да! Охъ, эти мнѣ про-екціи!.. И Варвара Юрьевна, и княгиня Авдотья Кирилловна...

Секретарь. Оно же и кстати пришло: у не-о родился сынъ, ужъ такъ бы радость къ ра-дости... Да вѣдь вашему превосходительству на-добно же что-нибудь ему на зубокъ положить.

Ореславскій (*развеселясь*). Да, конечно! Это будетъ получше червонца!.. Ну, такъ и быть!.. Но только на будущій годъ...

Секретарь. Не извольте безпокоиться, я самъ напомню вашему превосходительству о Чи-стяковѣ.

Ореславскій. Ну, то-то же!.. Смотрите!.. Подайте мнѣ бумагу: я подпишу и отмѣчу, къ чему представляю Ползкова, а вы ужъ послѣ внесите его въ списокъ.

(*Беретъ и подписываетъ бумагу*).

(*Роскошный кабинетъ большого барина. По стѣнамъ картины въ великолѣпныхъ рамахъ. Въ одномъ углу мраморная статуя Венеры Медицейской, въ другомъ умирающій гладіаторъ. Вовсе не красивой формы, но въ высочайшей степени комфортабельная кабинетная мебель, обитая рытымъ пунцовымъ бархатомъ. Мраморный каминъ съ огромнымъ зеркаломъ, передъ которымъ стоятъ бронзовые великолѣпные часы „рококо“. Посреди круглаго стеклянnаго балкона или фонаря, замѣняющаго одно изъ оконъ кабинета, на гранитномъ пьедесталѣ, группа похищенія Сабинянокъ, изъ прозрачнаго итальянскаго алебастра. Въ одномъ простѣнкѣ туалетный столикъ „а-ла-помпадуръ“, съ серебрянымъ, вызолоченнымъ лавабо и со всѣми своими прихотливыми затѣями; въ другомъ довольно большой столъ; на немъ, въ ящикѣ за стекломъ, коллекція золотыхъ табакерокъ: круглыхъ, овальныхъ, четыреугольныхъ, высокихъ, плоскихъ, сундучками, брусочками, лодочками,—съ эмалью, рѣзьбою, антиками и портретами. Полъ устланъ пестрыми, пушистыми коврами. Посреди кабинета длинный столъ, покрытый кипсеками, живописными путешествіями и портфелями съ рисунками; подлѣ самаго стола, на тумбѣ изъ палисандра, въ мѣдной клѣткѣ сидитъ сѣрый попугай. Въ кабинетѣ трое дверей: одни, противъ оконъ, ведутъ въ пріемную комнату; другія, по концамъ кабинета, соединяютъ его съ огромной библіотекой и зимнимъ садомъ, составленнымъ изъ померанцевыхъ, лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ. Передъ столомъ, на эластическомъ стулѣ съ высокою спинкою, закутанный въ атласный халатъ, сидитъ графъ Андрей Никитичъ Куродавлевъ; онъ очень занятъ. Передъ нимъ лежитъ большой листъ пергамента, и его сіятельство, вооруженный широкимъ ножомъ изъ слоновой кости, растираетъ на этомъ листѣ французскій табакъ. Графу на взглядъ лѣтъ за сорокъ; онъ человѣкъ дородный, высокаго роста, весьма пріятной наружности, съ полными красными щеками; въ глазахъ его замѣтна какая-то усталость и лѣнь,—впрочемъ, онъ весьма добросовѣстно занимается своимъ дѣломъ и, подъ его костянымъ ножомъ, каждая крупинка табаку получаетъ вполнѣ свою окончательную отдѣлку. Сквозь затворенныя двери слышенъ въ пріемной комнатѣ не шумный, но безпрерывный говоръ, и отъ времени до времени раздаются шаги людей, которые весьма осторожно и тихо прохаживаются по комнатѣ*).

Графъ (*переминая щепоть табаку между двумя пальцами*). Все еще слишкомъ сыръ... Что это у меня за привычка такая: всегда перемочу. (*Изъ пріемной комнаты входитъ офиціантъ*).

Офиціантъ. Ваше сіятельство, надворный совѣтникъ Фитюлькинъ.

Графъ. А, знаю!.. Надоѣлъ!—Скажи, чтобъ извинилъ: я не могу сегодня принять—занятъ!.. Да кто тамъ еще?

Офиціантъ. Человѣкъ десять, ваше сіятельство. Орловскій помѣщикъ Дудкинъ...

Digitized by Google

Графъ. Деревенскій мой сосѣдъ? Зачѣмъ онъ таскается въ Москву?.. Ну, кто еще?

Офиціантъ. Статскій совѣтникъ Чернопольскій, отставной майоръ Брыкаловъ—по вашему приказанію, какой-то французъ съ бородкою, подрядчикъ Дергуновъ, итальянецъ съ картинами...

Графъ. Хорошо, хорошо!.. Проси подождать. (*Офиціантъ уходитъ. Графъ продолжаетъ еще нѣсколько минутъ растирать табакъ; потомъ, наклонясь надъ листомъ пергамента, нюхаетъ*). Кажется, табакъ хорошъ?.. Крѣпокъ... сильный букетъ... Да, да!.. Этотъ меланжъ очень душистъ и пріятенъ!. Петербургскій отъ Іансена не дуренъ, но этотъ лучше!.. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ у Депрѣ былъ такой хорошій табакъ!.. (*Насыпаетъ въ табакерку и нюхаетъ*). Очень хорошъ!..

(*Изъ-за дверей библіотеки выглядываетъ хорошенькое личико съ черными, бойкими глазами и розовыми щечками*).

А, Груша! что ты?.. войди!

(*Дѣвушка лѣтъ восемнадцати, въ бѣломъ платьѣ и голубомъ шелковомъ фартукѣ, входитъ въ кабинетъ и останавливается у дверей*).

Ну, что, миленькая?

Груша. Графиня прислала васъ спросить, поѣдете ли вы сегодня поутру со двора?

Графъ. Что-о?

Груша (*громче*). Ея сіятельство, графиня, спрашиваетъ васъ, поѣдете ли вы сегодня поутру со двора?

Графъ. Не слышу, мой другъ,—подойди поближе!

Груша. Что это, ваше сіятельство,—развѣ вы глухи?

Графъ. Видно, что такъ! Да подойди же поближе, душенька!

Груша. Не нужно-съ!

Графъ. О, плутовка!

Груша. Да полноте, ваше сіятельство! Вы извольте сказать, поѣдете ли вы или нѣтъ?

Графъ. Ну, ну, не гнѣвайся! Скажи, что поѣду на Кузнецкій мостъ... Мнѣ надобно кое-что купить... Да постой, Груша! Хочешь ли, я куплю тебѣ сережки?..

Груша. Покорнѣйше васъ благодарю!..Охъ, вы!..

Графъ (*встаетъ*). Послушай! (*Груша уходитъ*). Постой, постой!.. Разбойница!.. Настоящій чертенокъ!.. А хороша!.. Премиленькая рожица!.. (*подходитъ къ попугаю*). Попинька! Что ты, мой другъ?.. Дай головку, попинька... дай головку!.. Попинька!.. Да чтожъ ты ничего не говоришь?.. Кто пришелъ?

Попугай. Дуракъ!

Графъ. Фи, попинька, фи!. Говори: бонжуръ, Жако!.. Бонжуръ, Жако! (*Попугай кричитъ своимъ натуральнымъ голосомъ*). Шалишь!.. Что это?.. Кусаться?.. Вотъ я тебя!..

Офиціантъ (*входя въ кабинетъ*). Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ.

Графъ. Проси! (*Садится на прежнее мѣсто. Ползковъ входитъ*). А, здравствуй, Алексѣй Алексѣевичъ! Какъ поживаешь?

Ползковъ (*кланяясь.*). Слава Богу, ваше сіятельство!

Графъ. Садись.

Ползковъ Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство! Я не усталъ.

Графъ. Садись, братецъ! (*Указываетъ ему на стулъ, который стоитъ противъ дверей библіотеки. Ползковъ садится*). Ну, что подѣлываешь?

Ползковъ. Да такъ-съ, все попрежнему. Служу, тружусь!.. (*вставая*). Ваше сіятельство! Богъ даровалъ мнѣ сына.

Графъ. Честь имѣю поздравить!

Ползковъ. Пользуясь всегда благорасположеніемъ и облагодѣтельствованный ласками ва шего сіятельства, я осмѣлился просить дозволенія назвать моего сына Андреемъ, въ честь ва шего сіятельства,

Графъ. Спасибо, Алексѣй Алексѣевичъ, спасибо!

Ползковъ. Это имя будетъ безпрестанно напоминать сыну моему о высокомъ покровителѣ и благодѣтелѣ нашего семейства. О, я увѣренъ, если когда-нибудь сынъ мой, — отъ чего да сохранитъ его Боже,—поколеблется на пути чести и добродѣтели, мнѣ только нужно будетъ сказать ему: „Андрюша, вспомни, чье ты носишь имя!“

Графъ. И, полно, Алексѣй Алексѣевичъ! Ты ужъ слишкомъ меня хвалишь.

Ползковъ. Я, ваше сіятельство?.. Да я только что отголосокъ общаго мнѣнія,—и почелъ бы себя совершенно счастливымъ, если бы мой сынъ походилъ хотя нѣсколько на васъ...

Графъ (*съ громкимъ смѣхомъ*). На меня?.. И ты этого желаешь?.. Ха, ха, ха!.. Что ты это, братецъ, Алексѣй Алексѣевичъ?.. Помилуй!.. Да развѣ эти вещи говорятся?..

Ползковъ (*также смѣется*). А, да!.. Ха, ха, хе!.. Извините,— не такъ выразился, ваше сіятельство! Я говорю о сходствѣ относительно ва шихъ душевныхъ качествъ. Разумѣется, сынъ мелкаго, незначащаго человѣка можетъ ли имѣть какое-нибудь другое сходство съ такимъ знаменитымъ вельможею, такимъ истиннымъ русскимъ бояриномъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, я желалъ бы только, чтобы онъ душою-то на васъ походилъ, чтобы онъ былъ точно такъ же, какъ вы, неутомимъ на поприщѣ службы; такъ же какъ вы посвятилъ всю жизнь свою для общаго блага,— разумѣется, вы въ большомъ и огромномъ размѣрѣ, а онъ въ маленькомъ; но чтобы дѣйствія его были такъ же чисты и такъ же исполнены самоотверженія, какъ всѣ дѣйствія ваши.. Вы, вы,—извините, ваше сіятельство,—несмотря на вашу знатность и богатство, вы труженикъ! Другой бы на вашемъ мѣстѣ бросилъ все, сталъ бы жить для себя; а вы, нѣтъ! У васъ одна только цѣль: быть полезнымъ отечеству.

Графъ. Однакожъ, любезный Алексѣй Алексѣевичъ, и я ужъ начинаю уставать; хочется отдохнуть, пожить заграницею...

Ползковъ. Конечно, ваше сіятельство, кто другой, а вы и въ службѣ и въ отставкѣ—всегда будете бариномъ. Вамъ же тихая и спокойная жизнь не надолѣтъ; вѣдь вы отличный семьянинъ, примѣрный супругъ (*Изъ-за дверей библіотеки выглядываетъ Груша. Ползковъ встаетъ*). Но я не хочу во зло употреблять вашего снисхожденія... Вы заняты...

Графъ. Куда торопишься?..

Ползковъ (*поглядывая на двери библіотеки*). Мнѣ нужно еще побывать за Красными воротами.. Сейчасъ вспомнилъ...Крайняя нужда... Честь имѣю кланяться вашему сіятельству!.

Графъ. Ну, прощай, любезный! Не забывай.

Ползковъ (*кланяясь*). Помилуйте-съ!.. Какъ это можно!.. (*Уходитъ*).

Груша (*изъ-за дверей кабинета*). Графиня проситъ васъ къ себѣ, ваше сіятельство!

Digitized by Google

(*Обитая малиновымъ штофомъ гостиная княгини Авдотьи Кирилловны Перекопской; старинная разолоченная мебель въ бѣлыхъ чехлахъ. Въ простѣнкахъ низенькія составныя трюмо. На подстольникахъ японскія вазы съ цвѣтами. Люстра съ хрустальными подвѣсками. Дорогой паркетъ изъ разноцвѣтнаго дерева. Въ одномъ углу, на пьедесталѣ, мраморный бюстъ Екатерины Второй. Передъ канапе или софою — большой наклейной столъ съ изображеніемъ вида царскосельскаго дворца; съ одной стороны дивана, на низенькой скамеечкѣ, пріютилась, съ чулкомъ въ рукахъ, фаворитка княгини, Мимиша, хорошенькая собою дѣвочка лѣтъ десяти; съ другой, на вышитой по канвѣ подушкѣ, лежитъ половозрѣлая англійская собачка въ красномъ сафьяновомъ ошейникѣ. На диванѣ, въ бѣломъ кисейномъ капотѣ и кружевномъ чепцѣ, сидитъ весьма еще бодрая и благообразная старушка лѣтъ шестидесяти пяти. На бѣломъ и румяномъ лицѣ ея замѣтны слѣды прежней красоты. Рядомъ съ нею, также на канапе, но только немного бокомъ, сидитъ молодая женщина, одѣтая по послѣдней модѣ; эта дама—правнучатная племянница княгини. Подлѣ окна за маленькимъ столикомъ занимается рукодѣльемъ Ольга Николаевна, — воспитанница ея сіятельства, дѣвица лѣтъ тридцати. У дверей стоитъ карликъ въ гродетуровомъ голубомъ французскомъ кафтанѣ и розовомъ атласномъ камзолѣ*).

Княгиня (*продолжая разговаривать съ молодою дамою*). Да, мой другъ, мнѣ очень грустно, что ты разошлась съ мужемъ; въ нашъ вѣкъ это не дѣлалось такъ легко.

Молодая дама. Да вы не можете себѣ представить, ma tante, что я должна была терпѣть! Если бъ вы только знали, то вѣрно бы пожалѣли обо мнѣ: вы такъ ко мнѣ милостивы! (*Цѣлуетъ ее въ плечо*).

Княгиня. О, конечно, ma chère, я очень тебя люблю! (*Молодая дама цѣлуетъ у нея руку*). Но неужели въ самомъ дѣлѣ твой мужъ такой дурной человѣкъ?..

Молодая дама. Чудовище, ma tante, совершенное чудовище!

Княгиня. Право, это для меня удивительно! Я знала его мать—прекрасная была женщина! Мы были съ нею обѣ фрейлинами. И съ мужемъ ея была знакома, на всѣхъ придворныхъ балахъ и куртагахъ онъ всегда былъ моимъ кавалеромъ. Прелюбезный человѣкъ! А какой тонъ, какая манера. Его многіе принимали за эмигранта! Право, за эмигранта!.. Неужели сынъ до такой степени на нихъ не похожъ?.. Онъ мнѣ казался всегда такимъ порядочнымъ...

Молодая дама. Одна наружность, ma tante!.. Человѣкъ самый безнравственный!.. Faisant la cour à tout le monde...

Княгиня. Право?..

Молодая дама. Повѣрите ли, ma tante,— я иногда съ нимъ по нѣскольку дней сряду не видалась...

Княгиня. А, вотъ что! Ты ревнива.

Молодая дама. Кто? Я, ma tante? Помилуйте! Напротивъ, онъ ревнивъ, какъ Отелло.

Княгиня. Это ужъ что-то слишкомъ странно, мой другъ. Ревнивъ, а оставлялъ тебя одну. Добро бы онъ держалъ тебя взаперти!..

Молодая дама. Взаперти! Нѣтъ, ma tante, ужъ этого бы я ему не позволила! Довольно и того, что я, по милости его, не была до сихъ поръ заграницею.

Княгиня. Ну, это еще не большая бѣда, мой другъ.

Молодая дама. Помилуйте! Да мнѣ два раза предписывали карлсбадскія воды.

Княгиня. Отъ чего?

Молодая дама. Нервы, ma tante, нервы!. Мнѣ кажется, здоровье жены должно же что-нибудь значить для мужа... Я просилась даже въ Ревель, а онъ и туда меня не пустилъ!.. Тиранъ!..

Княгиня. И онъ просто, безъ всякой причины, не хотѣлъ тебѣ этого позволить?

Молодая дама. Все пустыя отговорки— глупости! То денегъ нѣтъ, то долженъ на все лѣто ѣхать въ деревню.

Княгиня (*качая головою*). Охъ, мой другъ, ужъ полно,—такъ ли онъ виноватъ, какъ ты говоришь? Мнѣ что-то кажется, что и ты не вовсе права.

Молодая дама. Я, ma tante? Да я на всѣхъ пошлюсь... Я просто была несчастная жертва. Еслибъ вы знали, какія онъ мнѣ дѣлалъ сцены, непріятности... Да и теперь еще дѣлаетъ. Представьте себѣ: мы разошлись, а онъ не хочетъ ничего давать на мое содержаніе.

Княгиня. Да вѣдь у тебя, кажется, есть свое состояніе...

Молодая дама. Такъ, ma tante; но онъ, какъ мужъ, обязанъ... Ахъ, еслибъ вы за меня вступились! (*Цѣлуетъ у княгини руку*). Вамъ стоитъ только написать въ Петербургъ.

Княгиня. Я думаю, ma chère, всего лучше,— еслибъ вы помирились .

Молодая дама. О, ни за что на свѣтѣ!.. Да онъ совершенный злодѣй. Онъ ненавидитъ всѣхъ родныхъ моихъ!..

Княгиня. Неужели?

Молодая дама. Дядюшку Степана Степановича переставъ принимать, бабушку Маргариту Дмитріевну называетъ сплетницей, кузину Глашеньку — кокеткой. Леону, моему двоюродному брату, этому доброму, милому ребенку, отказалъ отъ дому, и даже васъ, тетушка...

Княгиня (*съ удивленіемъ*). Меня? Что меня?

Молодая дама. Ахъ, ma tante! Мнѣ не хотѣлось бы вамъ говорить...

Княгиня (*съ жаромъ*). Нѣтъ, скажи, скажи, ma chère! Я хочу знать...

Молодая дама. Ну, если вамъ угодно... (*посмотрѣвъ кругомъ и вполголоса*). Но мы здѣсь не однѣ, ma tante...

Княгиня. Ты меня пугаешь, мой другъ!.. Такъ это что-нибудь важное?.. Олинька, который часъ?

Ольга Николаевна. Половина перваго, ваше сіятельство.

Княгиня. Такъ время завтракать. Поди, душенька, похлопочи! (*Ольга Николаевна уходитъ*). Мимиша, тебѣ пора учить урокъ; а ты, Кондратьичъ, ступай въ переднюю. (*Дѣвочка и карликъ уходятъ*). Ну, вотъ теперь мы однѣ. Скажи, что говоритъ обо мнѣ твой мужъ?..

Молодая дама. Ахъ, тетушка, мнѣ, право, тяжело повторять его низкія и скверныя клеветы... Во-первыхъ, онъ иначе васъ не называетъ, какъ вдовушкой-Минервой, фрейлиной Екатерины Первой...

Княгиня. Фи, какъ это глупо!.. Да это изъ какой-то русской комедіи ..

Молодая дама. Говоритъ, что вы бѣлитесь и румянитесь.

Княгиня. Кто, я?.. Скажите, какой клеветникъ!

Молодая дама. Да то-ли еще онъ говоритъ, ma tante! .

Княгиня. Ахъ, батюшки!.. Ужъ не говоритъ ли онъ, что я людей рѣжу?

Молодая дама. О, нѣтъ, совсѣмъ не то!.. Онъ увѣряетъ всѣхъ, что будто-бы вы любите вашу воспитанницу Ольгу Николаевну потому...

Digitized by Google

Ахъ, ma tante! Я, право, не знаю, какъ вамъ это и сказать... Ну, потому, что у васъ одно съ нею лицо.

Княгиня (*съ ужасомъ*). Что, что?..

Молодая дама. А вашу фаворитку Мимишу любите за то, что она, какъ двѣ капли воды, походитъ на Ольгу Николаевну.

Княгиня. Dieu, quelle horreur!

Молодая дама. Да это еще ничего. Онъ говоритъ, что и прежнія ваши воспитанницы, которыхъ вы выдали замужъ...

Княгиня. Молчи, мой другъ, молчи!.. Ахъ, онъ, чудовище!

Молодая дама. Извергъ, ma tante, извергъ! И вы хотите, чтобъ я помирилась съ этимъ человѣкомъ!

Княгиня. Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! Теперь ничего не хочу... Ахъ, Боже мой!—И какъ могло прійти въ голову... Ну, признаюсь, — этого я не ожидала!!.

Молодая дама. Теперь видите, ma tante, какъ мнѣ нужна ваша помощь?

Княгиня. Вижу, мой другъ, вижу! Этотъ злодѣй способенъ на все.

Молодая дама (*цѣлуя у княгини руку*). Такъ вы похлопочете, чтобъ его заставили дать мнѣ приличное содержаніе?.. Онъ такъ скупъ, ma tante, что это будетъ для него ужаснѣйшимъ наказаніемъ...

Княгиня. Ты думаешь?

Молодая дама. Увѣряю васъ!

Княгиня. Ну, если такъ, хорошо, мой другъ, хорошо! Тебѣ должно будетъ подать просьбу, а я ужъ напишу куда слѣдуетъ... Я докажу этому гнусному клеветнику, что фрейлина Екатерины Первой имѣетъ еще кое-какія связи!.. Ахъ, какой злодѣй!.. Подумать не могу!

Слуга (*входя въ гостиную*). Алексѣй Алексѣевичъ Ползковъ, ваше сіятельство.

Княгиня. Скажи, что я нездорова, не принимаю!.. Или нѣтъ, постой, постой!.. Ты знаешь, ma chère, Ползкова?

Молодая дама. Знаю, ma tante: онъ человѣкъ очень неглупый.

Княгиня. И большой дѣлецъ. Чего же лучше? Онъ напишетъ тебѣ просьбу. (*Слугѣ*) Проси сюда. — Этотъ Ползковъ, ma chère, мнѣ очень преданъ. Мой князь Алексѣй Петровичъ въ послѣдній годъ своей жизни, то-есть тридцать три года тому назадъ, доставилъ его отцу офицерскій чинъ и вывелъ въ люди все ихъ семейство (*Ползковъ входитъ*). — А, здравствуйте, Алексѣй Алексѣевичъ!

Ползковъ (*кланяясь*). Ваше сіятельство!.. (*молодой дамѣ*). Честь имѣю кланяться вашему превосходительству!

Молодая дама (*слегка киваетъ головой*). Здравствуйте-съ!

Княгиня. Садитесь, Алексѣй Алексѣевичъ! Прошу покорно!.. Вы очень кстати меня навѣстили: у племянницы есть до васъ просьба.

Ползковъ. Я почту себя очень счастливымъ... Позвольте узнать...

Молодая дама. Мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться... Да вотъ всего лучше: пожалуйте ко мнѣ завтра часу въ первомъ, такъ мы объ этомъ поговоримъ.

Ползковъ. Съ моимъ удовольствіемъ!.. Мнѣ очень пріятно, что я...

Княгиня. Ну, что ваша Софь.. Извините!.. Кажется... Софья Алексѣевна?..

Ползковъ. Точно такъ-съ.

Княгиня. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Софья Александровна!..

Ползковъ. Помилуйте! Все равно-съ.

Княгиня. Ну, что, здорова ли она?..

Ползковъ. Богъ даровалъ мнѣ сына, ваше сіятельство.

Княгиня. Очень рада, Алексѣй Алексѣевичъ! Очень рада!

Ползковъ (*вставая*). Ваше сіятельство, все семейство наше, а въ особенности я, такъ давно пользуемся вашими милостями и высокимъ покровительствомъ, что я былъ бы самымъ неблагодарнымъ человѣкомъ, если бы не искалъ случая хотя чѣмъ-нибудь доказать вамъ мою безпредѣльную преданность. Позвольте же, ваше сіятельство, въ ознаменованіе душевной моей преданности, назвать моего новорожденнаго Андреемъ, въ честь его сіятельства князя Андрея Алексѣевича.

Княгиня. Въ честь моего сына?.. Очень вамъ благодарна, Алексѣй Алексѣевичъ!.. Я напишу ему объ этомъ.

Ползковъ. Въ такомъ случаѣ потрудитесь, ваше сіятельство, прибавить, что я почелъ бы себя истинно счастливымъ, если бъ его сіятельство принялъ благосклонно эту скудную лепту моей, хотя безплодной, но искренней благодарности за всѣ милости, изливаемыя на меня вашимъ знаменитымъ домомъ.

Княгиня. И, полноте, Алексѣй Алексѣевичъ! Да что жъ мы такое для васъ сдѣлали? Мы любимъ васъ какъ человѣка намъ преданнаго.

Ползковъ (*прижимая руки къ груди*). О, совершенно преданнаго!.. Да позвольте спросить: я не вижу Ольги Николаевны; ужъ здорова ли она?

Княгиня. Слава Богу.

Ползковъ. А ваша прелесть—Минодора Назарьевна?

Княгиня. Мимиша?.. Также здорова.

Ползковъ. Голубушка моя!.. Вѣрите ли Богу, ваше сіятельство,—не видывалъ такихъ дѣтей!.. Что это мнѣ, кажется, ваша Леди какъ будто бы потолстѣла... Леди, Леди! (*Англійская собачка подбѣгаетъ къ Ползкову, виляетъ хвостомъ и начинаетъ къ нему ласкаться. Ползковъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана кусочекъ сахару и даетъ ей*). А, догадалась! Знаешь, плутовка, что у меня всегда для тебя гостинецъ есть!.. Что это, какая красавица!—Удивительно!..

Слуга (*входя въ гостиную*). Завтракъ готовъ, ваше сіятельство!

Княгиня. Не хотите ли съ нами позавтракать, Алексѣй Алексѣевичъ!

Ползковъ. Покорнѣйше васъ благодарю! Мнѣ еще надобно далеко ѣхать.

Молодая дама. Не забудьте: завтра, въ первомъ часу.

Ползковъ. Какъ забыть, помилуйте! (*раскланиваясь*). Ваше сіятельство!.. Ваше превосходительство!.. (*Уходитъ*).

(Большая комната. Стѣны, выкрашенныя голубою краскою, окаймлены гирляндою пунцовыхъ и желтыхъ цвѣтовъ. На потолкѣ нарисованы по угламъ, въ свѣтло-голубыхъ кружкахъ, розовые купидоны; надъ стекляннымъ фонаремъ, замѣняющимъ люстру, въ большомъ кругу, среди фіолетовыхъ облаковъ, изображено что-то похожее на колесницу, въ которой сидитъ что-то похожее на человѣка и правитъ двумя дельфинами. Въ одномъ изъ угловъ — киотъ изъ краснаго дерева, съ иконами въ богатыхъ окладахъ; передъ ними висятъ три стеклянныя разноцвѣтныя лампады. Въ простѣнкахъ маленькія зеркала въ огромныхъ рамахъ, покрытыхъ рѣзьбою. Всѣ окна съ бѣлыми миткалевыми занавѣсками. Мебель карельской березы, обитая

Digitized by Google

пестрымъ ситцемъ съ большими разводами. Поставецъ съ серебромъ и фарфоромъ. По боковымъ стѣнамъ висятъ литографированные портреты графа Платова, Кульнева и другихъ русскихъ генераловъ. На средней стѣнѣ, съ одной стороны—эстампъ, изображающій вшествіе въ Парижъ союзныхъ войскъ, съ другой—взятіе Варны, а посреди, въ раззолоченныхъ рамахъ, написанный масляными красками портретъ хозяина дома, Андрея Трифоновича Цибикова. Оригиналъ этого портрета, дородный купецъ лѣтъ пятидесяти, съ полнымъ, краснощекимъ лицомъ и красивою окладистою бородою, сидитъ на диванѣ; передъ нимъ, на кругломъ столѣ, лежитъ раскрытая онуровая книга, стоятъ большіе счеты, графинъ горечи и тарелка съ хлѣбомъ и паюсной икрой. По лѣвой сторонѣ, опираясь на спинку кресла, стоитъ его приказчикъ, дѣтина лѣтъ тридцати, въ полуевропейскомъ нарядѣ, то-есть въ галстукѣ, жилеткѣ и купеческомъ долгополомъ кафтанѣ).

Андрей Трифоновичъ *(выкладывая на счетахъ)*. Четыреста семьдесятъ семь рублей ассигнаціями... Нѣтъ, Лукьянычъ, что-нибудь да не такъ!

Приказчикъ. Я два раза, Андрей Трифоновичъ, прикидывалъ на счетахъ: аккуратъ четыреста семьдесятъ семь рублей.

Андрей Трифоновичъ. А вотъ посмотримъ!.. Сорокъ цѣлковыхъ,—сто сорокъ рублей .. Двѣнадцать золотыхъ, по осьмнадцати рублей по двѣ копейки съ денежкою, — двѣсти шестнадцать рублей тридцать копеекъ .. Семь лобанчиковъ, по семнадцати рублей двадцати пяти копеекъ каждый,— сто двадцать рублей семьдесятъ пять копеекъ. Итого четыреста семьдесятъ семь рублей пять копеекъ... Ну, что, Лукьянычъ?

Приказчикъ. Ахъ, батюшки!.. Какъ эти пять копеекъ у меня ускользнули?.. Оно, конечно, сумма неважная...

Андрей Трифоновичъ. Не важная!.. Экъ ты, Лукьянычъ, какъ поговариваешь! Видишь, капиталистъ какой!.. Да вѣдь двадцать-то пятаковъ—рубль, а рублями милліоны считаютъ! Вотъ то-то и есть; всѣ вы франтики, купеческіе сынки, умѣете только чужую копейку проживать; а приберечь свою родную, да присовокупить, да гривной рубль зашибить — такъ нѣтъ! Это, дескать, что за коммерція! Мы хотимъ тысячами ворочать! Нѣтъ, братъ, поучись-ка прежде на грошахъ, а тамъ что Богъ дастъ! Для вашего брата-щеголька пять копеекъ что?.. Тьфу!! А покойный мой батюшка, царство ему небесное, отъ пятака жить пошелъ. Былъ онъ простымъ поднощикомъ и терпѣлъ такую крайнюю нужду, что подчасъ сапоговъ не на что было купить. Вотъ завелся у него лишній пятакъ,—онъ булавочекъ купилъ; продалъ ихъ по розницѣ хозяйскимъ дочкамъ за гривенку,—купилъ иголочекъ, и тѣ съ рукъ сошли съ барышомъ. Вотъ этакъ помаленьку, то тѣмъ, то другимъ, наколотилъ онъ рублишковъ пятокъ, да накупилъ сережекъ, перстеньковъ, запонокъ; выпросился у хозяина въ побывку къ себѣ на село и вернулся назадъ ужъ съ красной бумагой. Прошло еще годика два, батюшка началъ распространять свою коммерцію: сталъ торговать на Смоленскомъ рынкѣ желѣзною посудою, замками, гвоздями — всякимъ старьемъ; со Смоленскаго рынка перешелъ въ желѣзный рядъ на Неглинную; а тамъ посчастливилось ему взять казенную поставку на кровельное желѣзо. Вотъ батюшка поперился; на ту пору досталась по наслѣдству одному купеческому сынку мѣняльная лавка на Моховой. Купчикъ-то былъ парень мотоватый; батюшка подвернулся какъ-то кстати, да и купилъ оптомъ всю лавку за полцѣны; а тамъ, года черезъ три, лавка-то стала магазиномъ. Богъ послалъ покойнику двухъ-трехъ господъ, которые сбирали рѣдкости, покупали картины, любили мѣняться. Вотъ онъ и пошелъ въ гору: продастъ вещь за тысячу рублей, а она придетъ опять къ нему въ трехстахъ; а тамъ, глядишь, набѣжитъ охотникъ да купитъ ее же опять за тысячу. Я помню, этакъ у него одна золотая табакерка оборотовъ десять сдѣлала, да принесла ему тысячъ до пяти чистаго барыша. Вотъ, любезный, такими-то судьбами и вышло, что какъ батюшка скончался, такъ мнѣ досталось восемьсотъ тысячъ рублей чистоганомъ, да вещей на столько же. А, вѣдь, все пятакъ!

Приказчикъ. Конечно, такъ, Андрей Трифоновичъ! Да вѣдь на все счастіе надобно.

Андрей Трифоновичъ. Дураку и счастье не помога, Лукьянычъ! Глупый человѣкъ словно карманъ съ дырою: что въ него не клади, все вывалится. *(Женскій голосъ за дверьми)*. Дома, сударь! Пожалуйте въ гостиную. *(Входитъ молодой человѣкъ, весьма щеголевато одѣтый. Андрей Трифоновичъ встаетъ)*.

Молодой человѣкъ *(вѣжливо кланяясь)*. Я имѣю честь говорить съ Андреемъ Трифоновичемъ?

Андрей Трифоновичъ. Точно такъ, батюшка!... Прошу покорно садиться!—Лукьянычъ, поди покамѣстъ въ контору; если понадобишься, такъ я тебя кликну.

Молодой человѣкъ *(подавая Андрею Трифоновичу письмо)*. Отъ Степана Ѳомича Скоробогатаго.

Андрей Трифоновичъ. А, отъ почтеннѣйшаго моего куманька? Позвольте-съ, позвольте-съ!

Молодой человѣкъ. Сдѣлайте милость!

Андрей Трифоновичъ *(читая письмо и поглядывая на молодого человѣка)*. Гмъ!... Вотъ что!... Да-съ! .. Осмѣливаюсь спросить, вы коротко знакомы со Степаномъ Ѳомичемъ?

Молодой человѣкъ. Мой покойный батюшка былъ его искреннимъ пріятелемъ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!... А батюшка вашъ давно скончался?

Молодой человѣкъ. Года три будетъ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!... Ну, конечно, въ три года много воды утечетъ!... Кумъ пишетъ ко мнѣ, что вы имѣете надобность въ деньгахъ.

Молодой человѣкъ. Да-съ! Мнѣ нужно на короткое время перехватить—такъ, безделку!

Андрей Трифоновичъ. Нѣтъ, батюшка, семь тысячъ рублей сумма значительная.

Молодой человѣкъ. Помилуйте, Андрей Трифоновичъ! Что для васъ семь тысячъ рублей ассигнаціями?

Андрей Трифоновичъ. Да то-же, батюшка, что и для всякаго: двѣ тысячи цѣлковыхъ. У васъ есть какое нибудь обезпеченіе?

Молодой человѣкъ. У меня тысяча душъ, но онѣ всѣ заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Андрей Трифоновичъ. Такъ-съ!

Молодой человѣкъ. Впрочемъ, не безпокойтесь,—заемное письмо написано на полгода, но, можетъ быть, я черезъ четыре мѣсяца съ вами расплачусь: у меня торгуютъ триста душъ.

Андрей Трифоновичъ. Вотъ изволите видѣть, батюшка: я, вѣдь, этимъ не занимаюсь!... Другіе берутъ большіе проценты, а я по десяти. Я даю только такъ, ради пріязни... И, признаюсь, если бы не просилъ меня объ этомъ Степанъ

Digitized by Google

Ѳомичъ, такъ, не прогнѣвайтесь: я не могъ бы васъ ссудить... Заемное письмо съ вами?...

Молодой человѣкъ (*подавая бумагу Андрею Трифоновичу*). Вотъ оно.

Андрей Трифоновичъ (*читая*). „Я, нижеподписавшійся... двѣ тысячи рублей государственною серебряною монетою... срокомъ на шесть мѣсяцевъ“.. Такъ-съ!... Ну, дѣлать нечего! Степанъ Ѳомичъ такъ усердно о васъ проситъ... Извольте, сударь, извольте!... Только ужъ сдѣлайте милость въ срокъ...

Молодой человѣкъ. Будьте спокойны!

Андрей Трифоновичъ (*вынимая изъ бумажника нѣсколько пачекъ ассигнацій и подавая ихъ молодому человѣку*). Вотъ шесть тысячъ рублей; остальные, за вычетомъ процентовъ, шестьсотъ шестьдесятъ пять, сейчасъ вамъ додамъ. Потрудитесь перечесть.

Молодой человѣкъ (*положивъ деньги въ карманъ*). Помилуйте! Зачѣмъ?

Андрей Трифоновичъ (*съ удивленіемъ*). Какъ зачѣмъ?!

Молодой человѣкъ. Я и такъ вамъ вѣрю.

Андрей Трифоновичъ. Вотъ что?... (*Смотритъ въ бумажникъ*). Позвольте, позвольте!... Да вѣдь я ошибся, я вамъ не то отдалъ... Пожалуйте-ка назадъ деньги!

Молодой человѣкъ. Извольте! (*Андрей Трифоновичъ беретъ назадъ свои деньги и молча подаетъ молодому человѣку заемное письмо*). Что это значитъ?

Андрей Трифоновичъ. А то, сударь, что я никогда не даю денегъ взаймы тѣмъ, которые принимаютъ ихъ безъ счету.

Молодой человѣкъ (*вставая*). Позвольте вамъ сказать...

Андрей Трифоновичъ. Да что тутъ говорить! У всякаго свой обычай, батюшка; не прогнѣвайтесь.

Молодой человѣкъ (*съ досадою*). Такъ поэтому вы сомнѣваетесь?..

Андрей Трифоновичъ. Шесть тысячъ— деньги, батюшка, и кто беретъ ихъ съ тѣмъ, чтобы отдать, такъ ужъ вѣрно перечтетъ. Вѣдь только даровому коню въ зубы-то несмотрятъ.

Молодой человѣкъ. Такъ вы думаете, что я...

Андрей Трифоновичъ. Я ничего не думаю. Деньги мои, заемное письмо ваше, такъ каждый при своемъ...

Молодой человѣкъ (*вспыльчиво*). А позвольте васъ спросить, какъ вы смѣете?

Андрей Трифоновичъ. И, батюшка, не горячитесь! Я у себя въ дому, а вотъ напротивъ живетъ частный приставъ. Ну, что хорошаго?.. Счастливо оставаться! Кланяйтесь Степану Ѳомичу!...

Молодой человѣкъ. Да, я поблагодарю его!.. Заставить меня пріѣхать Богъ знаетъ къ кому!.. (*Уходя*). Купчишка этакій!

Андрей Трифоновичъ. Добро, добро, дворянчикъ!.. Знаемъ мы васъ!.. Тысяча душъ, а перекусить нечего!.. Ну, хорошо, что я спохватился!.. И какъ не стыдно куму рекомендовать мнѣ такихъ людей!.. Шесть тысячъ рублей безъ счету беретъ!.. Хорошъ гусь!.. (*Входитъ Ползковъ*). А, батюшка Алексѣй Алексѣевичъ!..

Ползковъ. Здравствуйте, мой почтеннѣйшій. (*Цѣлуются*).

Андрей Трифоновичъ. Милости просимъ! Вотъ здѣсь на канапе: тутъ вамъ будетъ покойнѣе!

Ползковъ (*садясь*). Ну, что, мой любезнѣйшій Андрей Трифоновичъ, что подѣлываете, какъ вамъ можется?..

Андрей Трифоновичъ. Благодарю моего Создателя: и дѣлишки идутъ порядочно, и здоровье бредетъ. А васъ, кажется, о здоровьѣ и спрашивать нечего!.

Ползковъ. Эхъ, Андрей Трифоновичъ! Что наше здоровье? Какъ цвѣтъ сельный: сегодня цвѣтетъ, а завтра...

Андрей Трифоновичъ. И, что вы, Алексѣй Алексѣевичъ!.. Вы еще человѣкъ молодой!.. А что супруга ваша?

Ползковъ. Сынка мнѣ родила.

Андрей Трифоновичъ. Право? Ну, слава Богу!.. Честь имѣю поздравить.

Ползковъ. Да что, Андрей Трифоновичъ, все не такъ вышло, какъ мнѣ хотѣлось: младенецъ родился такимъ слабымъ, что должно было сейчасъ его окрестить, а мы было съ женою хотѣли просить васъ быть воспріемникомъ нашего перваго сына.

Андрей Трифоновичъ. Ахъ, батюшка Алексѣй Алексѣевичъ!.. Да чѣмъ я могъ заслужить такую честь?..

Ползковъ. Чѣмъ?.. Андрей Трифоновичъ! Да вѣдь это смиреніе паче гордости... Что вы это?..

Андрей Трифоновичъ. Истинно такъ, Алексѣй Алексѣевичъ!.. Ну, что я за важное лицо такое? Мало ли у васъ есть пріятелей: и чиновныхъ, и знатныхъ, и князей, и графовъ..

Ползковъ. И, почтеннѣйшій! А много ли на Руси такихъ именитыхъ гражданъ, какъ вы? Кто не знаетъ въ Москвѣ Андрея Трифоновича Цыбикова?

Андрей Трифоновичъ (*поглаживая бороду*). Что правда, то правда!.. Касательно извѣстности, я пожаловаться не могу. Меня и въ Кяхтѣ знаютъ.

Ползковъ. Вотъ изволите видѣть!.. А на Нижегородской ярмаркѣ я самъ слышалъ своими ушами: „Ну, плохо торговля идетъ! Да чему и быть? Поджидаютъ всѣ Андрея Трифоновича Цыбикова: подъѣдетъ, такъ все закипитъ“.

Андрей Трифоновичъ (*улыбаясь*). Это ужъ, батюшка, напрасно говорятъ... Конечно, и мы отъ другихъ не отстаемъ...

Ползковъ (*шутя*). А что, почтеннѣйшій, если бъ, этакъ, подъ васъ огоньку подложить, вѣдь милліончикахъ въ десяти покаетесь?

Андрей Трифоновичъ Ужъ и въ десяти! Что вы это, Алексѣй Алексѣевичъ!

Ползковъ. Да кредиту на столько же. Ну-ка теперь, сударь, скажите мнѣ, не важенъ ли тотъ, который ворочаетъ милліонами, да даетъ ходъ торговлѣ и русской промышленности? Нѣтъ, Андрей Трифоновичъ, вы, въ моихъ глазахъ, уважительнѣе всякаго знатнаго барина, и я, конечно бы, за счастье почелъ съ'вами покумиться... Ну, да видно Богу такъ угодно!.. По крайней мѣрѣ, я все-таки, въ честь вашу, назвалъ моего новорожденнаго Андреемъ.

Андрей Трифоновичъ (*обнимая Ползкова*). Покорнѣйше васъ благодарю!.. Да чтожъ мы въ самомъ дѣлѣ... Позвольте, батюшка Алексѣй Алексѣевичъ, выпить за здоровье новорожденнаго! (*Подходитъ къ дверямъ и кричитъ*). Эй, Маланья! Бутылку полуннаго!

Ползковъ. Не пью, почтеннѣйшій. Да мнѣ же и пора домой. Я только затѣмъ къ вамъ и заѣхалъ, чтобъ сказать, что Богъ даровалъ мнѣ сына и что я, въ честь вашу, назвалъ его Андреемъ.

Андрей Трифоновичъ. Да выкушайте хоть рюмочку!

Ползковъ. Право, не пью.

Андрей Трифоновичъ. Ну, какъ вамъ

Digitized by Google

одно,—я не держусь нашего купеческаго обы-
я: не люблю моихъ гостей неволить.

---

*Изъ боковыхъ дверей входитъ Анисья Максимов-
, сожительница Андрея Трифоновича, толстая
женщина лѣтъ сорока пяти, въ ситцевомъ затасканномъ
капотѣ; на ногахъ у нея надѣты красныя ту-
лки, на плечи наброшенъ заштопанный платокъ
гъ-де суа: голова ея ничѣмъ не покрыта и растре-
панные волосы торчатъ во всѣ стороны).*

Анисья Максимовна (*не видя Ползкова*).
атюшка, Андрей Трифоновичъ, забыла тебя спро-
ить; какъ прикажешь подать поросенка: жарена-
или подъ хрѣномъ?

Андрей Трифоновичъ. Подъ хрѣномъ,
атушка, подъ хрѣномъ! Да, что ты, Анисья
аксимовна, ослѣпла что ли? Взгляни!.. (*Анисья
аксимовна, увидѣвъ Ползкова, вскрикиваетъ и
катается обѣими руками за голову*).

Ползковъ. Здравствуйте, матушка Анисья
аксимовна!

Анисья Максимовна. Ахъ, батюшка
лексѣй Алексѣевичъ!.. Не знала я совсѣмъ!.. А
просто, по-домашнему, такой растрепой..

Ползковъ (*подходя къ ней*). Позвольте ручку
оцѣловать!

Анисья Максимовна (*махая руками*).
ѣтъ, извините, извините!.. Мнѣ, право, стыдно!
хъ, срамъ какой!.. (*уходитъ*).

Ползковъ. Ну, прощайте, мой любезный,
ой почтеннѣйшій Андрей Трифоновичъ!..

Андрей Трифоновичъ. Прощайте, Але-
ѣй Алексѣевичъ! Дай Богъ вамъ добраго здо-
овья! И если вамъ когда-нибудь Андрей Цыби-
овъ на что ни есть понадобится, такъ вотъ вамъ
ука моя!..

Ползковъ (*съ чувствомъ*). Дружбы, дружбы ва-
ей, вотъ чего я желаю. Все прочее—дѣло по-
ороннее; но дружба такого человѣка, какъ вы,
-о, это такая драгоцѣнность, которую я ставлю
ыше всего на свѣтѣ!

Андрей Трифоновичъ (*обнимая Ползкова*).
хъ, мой безцѣнный Алексѣй Алексѣевичъ! Да
ѣмъ я заслужилъ?..

Ползковъ. Ну, что объ этомъ говорить!..
рощайте! Дай Богъ вамъ всякаго благополучія.
о свиданія, почтеннѣйшій! (*Уходитъ*)

---

*Прежняя комната въ домѣ Ползкова. Алексѣй Але-
ксѣевичъ входитъ поспѣшно; за нимъ идетъ слуга.*

Алексѣй Алексѣевичъ. Ну, что жена?

Слуга. Слава Богу-съ.

Алексѣй Алексѣевичъ. А младенецъ?

Слуга. Говорятъ-съ, очень труденъ.

Алексѣй Алексѣевичъ. Который часъ?

Слуга. Второй въ началѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ. Такъ можно
ще успѣть... Будь готовъ идти на почту... Или
ѣтъ, найми извозчика. Ступай! (*садится за столъ
пишетъ*)... Ну, вотъ и кончилъ! Кажется, не
урно... (*Читаетъ*). „Ваша свѣтлость! Богъ даро-
алъ мнѣ сына. Я осмѣлился назвать его въ честь
ашей свѣтлости Андреемъ. Это имя, принадле-
ащее знаменитому вельможѣ и мудрому сановни-
ку, на котораго обращены взоры всей Россіи,
а послужитъ ему путеводительной звѣздой на
оприщѣ жизни. Пусть это имя напоминаетъ
му безпрестанно имя того, кто, не столько по
ожденію, сколько по своимъ личнымъ доблес-
тямъ, сталъ на ряду первыхъ государственныхъ
мужей нашего времени!“

„Съ чувствомъ наиглубочайшаго почтенія и
совершенной преданности за счастіе почитаю на-
зываться вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ и
преданнѣйшимъ слугою“... Теперь скорѣй въ па-
кетъ да и на почту .. (*Кладетъ письмо въ пакетъ
и надписываетъ*). „Его свѣтлости князю Андрею
Сергѣевичу Знатову“.

Эй, Ванька! (*Съ одной стороны входитъ слуга,
съ другой бабушка*). Ступай проворнѣй... А, Марья
Григорьевна! Что вы?

Бабушка. Да что, Алексѣй Алексѣевичъ,
дѣлать нечего... Воля Божія!..

Алексѣй Алексѣевичъ. Что такое?..

Бабушка. Младенецъ скончался.

Алексѣй Алексѣевичъ. Что вы говорите?.. Ахъ, Боже мой, какое несчастіе!.. (*Закрываетъ руками лицо*). Андрюша, другъ мой!..

Бабушка. И, Алексѣй Алексѣевичъ! Слава Богу, что онъ скончался теперь... Ангелъ Божій! Да и вамъ некогда было къ нему привыкнуть...

Алексѣй Алексѣевичъ. Эхъ, Марья Григорьевна! Вы человѣкъ посторонній, а каково сердцу родителя.

Бабушка. Да полноте, Алексѣй Алексѣевичъ! Подите-ка лучше къ Софьѣ Александровнѣ да постарайтесь ее утѣшить: она очень огорчена.

Алексѣй Алексѣевичъ. Утѣшить!.. А кто утѣшитъ меня?.. Боже мой, Боже мой, вотъ жизнь человѣческая!.. (*Проходя мимо слуги*). Возьми это письмо, ступай сейчасъ на почту. Да, смотри, не опоздай!.. Пойдемте, Марья Григорьевна, пойдемте!

СМѢСЬ.

БРАТЪ И СЕСТРА.

ЗАГАДКА *).

Если вы ихъ не знаете лично, то ужъ вѣрно знакомы съ ними по наслышкѣ: безъ этой увѣренности я не сталъ бы вамъ описывать два характера, въ которыхъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ какой-то странной противуположности между собою, несмотря на то, что эти братъ и сестра—не сводные, не двоюродные, а единокровные, то-есть родились отъ одной и той же матери. Воспитаніе получили они также одинаковое,—по крайней мѣрѣ, учитель былъ у нихъ одинъ, человѣкъ очень умный, немного крутой—это правда, но за то совершенно безпристрастный и истинный ихъ другъ. Когда онъ взялъ ихъ на выучку, братъ былъ ребенкомъ, а сестра уже дѣвица взрослая; братъ жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, а сестра на своей половинѣ,—такъ, разумѣется, онъ былъ чаще со своимъ ученикомъ, чѣмъ со своей ученицей; а изъ этого и заключили, что онъ больше любитъ брата, чѣмъ сестру,—только это совершенная клевета. Да дѣло не о томъ.

Я ужъ сказалъ вамъ, что сестра гораздо старѣе годами своего брата, слѣдовательно, вовсе не удивительно, что по наружности они не походятъ другъ на друга: онъ малый молодой, она пожилая барыня; у него нѣтъ ни одной морщины на лицѣ, а у нея, бѣдняжки,—какъ она ни бѣлится, ни румянится, какъ ни краситъ волосы,—а

*) Эта шутка была напечатана въ первой книжкѣ „Москвитянина“ 1841 года.

Digitized by Google

все сѣдые локоны такъ изъ подъ модной шляпки и выглядываютъ. Братецъ смотритъ молодцомъ, выправленъ, всегда на вытяжкѣ, строенъ, подбористъ, затянутъ въ рюмочку и застегнутъ на всѣ пуговицы; сестра, напротивъ, плотная, дородная барыня, держитъ себя весьма нерадиво, любитъ покривляться, не терпитъ никакого принужденія, ходитъ нараспашку и, какъ избалованная красавица гарема, нѣжится съ утра до вечера на своихъ пуховыхъ подушкахъ. Нельзя, однакожъ, не отдать ей справедливости: она большая мастерица выбирать свои положенія и придавать имъ какую-то особенную граціозность. Я знаю многихъ, которымъ правильныя движенія и эстетическія позы брата гораздо менѣе нравятся, чѣмъ небрежная манера и вовсе не европейскія ухватки сестры.

Братъ много ходитъ пѣшкомъ, не боится тѣсноты и любитъ жить высоко; его не испугаетъ лѣстница и въ двѣсти ступеней. Трудно найти человѣка, который уважалъ-бы болѣе его чистоту и опрятность. Онъ также чрезвычайно любитъ однообразіе и симметрію: если одинъ воротничекъ его рубашки выпущенъ изъ-подъ галстука на полвершка, такъ ужъ будьте увѣрены, что другой ни на волосокъ не выставится ни больше, ни меньше этого. Когда старая мода—носить по двое часовъ вернется къ намъ вслѣдъ за вычурной мебелью „рококо", то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ первый явится съ двумя часами, для того, чтобъ на лѣвой сторонѣ его жилета висѣла цѣпочка съ ключикомъ, такъ-же, какъ и на правой. Вообще, онъ большой щеголь, и зимой одѣвается отлично легко, вѣроятно, потому, что въ Италіи и Франціи никто не носитъ медвѣжьихъ шубъ. Въ самый сильный холодъ онъ скорѣе рѣшится отморозить себѣ уши, чѣмъ надѣть, вмѣсто своей круглой европейской шляпы, нашу теплую русскую шапку.

Сестра ходитъ пѣшкомъ неохотница и до того не любитъ ѣздить парою въ каретѣ, что даже къ обѣднѣ въ свой приходъ не поѣдетъ иначе, какъ четверней. Жить въ тѣснотѣ она рѣшительно не можетъ: ей надобенъ просторъ, то-есть особый домъ, высокія, большія комнаты, обширныя службы, а пуще всего, хотя грязный, да просторный дворъ съ небольшимъ садикомъ, въ которомъ должны рости непремѣнно: бузина, сирень, и акація; точно такъ-же, какъ ея братъ любитъ гранитные тротуары, великолѣпныя набережныя и чугунные мосты, она любитъ берега рѣки, обросшіе травою, сады, рощи и даже огороды съ капустою и картофелемъ. Стоитъ только на нее взглянуть, чтобъ увѣриться въ совершенной ея ненависти ко всякому однообразію и симметріи. Посмотрите на ея головной уборъ—какая пестрота, какое смѣшеніе яркихъ цвѣтовъ, не имѣющихъ межъ собой никакой гармоніи; какое странное сближеніе стараго съ новымъ. Надъ жемчужной поднизью старинной русской боярыни приколоты цвѣты изъ французскаго магазина; посреди тяжелыхъ ожерельевъ и монистъ блеститъ новомодная севинье; на рукахъ длинныя лайковыя перчатки, на ногахъ черные коты съ красною оторочкою; на одной рукѣ парижскій браслетъ, на другой запястье, осыпанное драгоцѣнными каменьями,—ну, точно мѣняльная лавка! И чтожъ вы думаете?. Несмотря на эту пестроту и безвкусіе, у васъ языкъ не повернется сказать, что этотъ нарядъ дуренъ; можетъ быть, онъ вамъ даже и понравится. Впрочемъ, надобно вамъ сказать, что это нарядъ домашній, а когда она выѣзжаетъ, такъ, увѣряю васъ, вы не распознаете ее отъ француженки; только не требуйте отъ нея, чтобъ она, ради европейства, отморозила себѣ носъ или уши: этого она ни за что не сдѣлаетъ, и, если холодно, такъ надѣнетъ непремѣнно, сверхъ тюлеваго чепца, теплую шапочку, и вовсе не постыдится, даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, выйти погулять въ салопѣ на лисьемъ мѣху, несмотря на то, что въ ея гардеробѣ есть и клоки, и манто, и даже бурнусъ, который она выписала прямехонько изъ Парижа.

Братъ недавно завелся домомъ, а несравненно богаче сестры; онъ не скупъ, однакожъ, разсчетливъ; она большая экономка, и вѣчно безъ денегъ. Братъ не часто даетъ пиры, а ужъ если дастъ, такъ истинно на славу, съ большимъ вкусомъ, съ роскошью, однимъ словомъ—все прекрасно. Сестра большая хлѣбосолка; конечно, она не всегда хорошо накормитъ, и вино у нея подчасъ бываетъ съ грѣхомъ пополамъ; но за то братъ дастъ обѣдъ, да тотчасъ и ворота на запоръ,—какъ ни звони въ колокольчикъ, а ужъ дома нѣтъ, да нѣтъ; а къ сестрѣ каждый день милости просимъ! У нея двери безъ колокольчика и ворота всегда настежь. Братъ очень уменъ, а сестра чрезвычайно простодушна; онъ разсудителенъ, холоденъ и съ утра до вечера занятъ дѣломъ; она добра, привѣтлива и день цѣлый ничего не дѣлаетъ. Онъ охотно любуется всѣмъ прекраснымъ и не жалѣетъ на это денегъ; она въ восторгѣ отъ всего необыкновеннаго и хочетъ все имѣть, но только какъ можно подешевле. За послѣднее осуждать ее нельзя: гдѣ ей тягаться за братомъ! Да вотъ что странно: ужъ если она сама чувствуетъ, что не можетъ сорить деньгами, какъ ея братецъ, такъ зачѣмъ же требуетъ, чтобъ ее забавляли точно такъ-же, какъ забавляютъ ея брата? Вѣдь она русская барыня, и должна-бы, кажется, знать старинную пословицу: „по одежкѣ тяни ножки". Братъ, какъ и всѣ богатые люди, любитъ, чтобъ его тѣшили новостями; однакожъ не пренебрегаетъ старымъ, когда оно хорошо. Сестра не можетъ терпѣть ничего стараго; давай ей каждый день что-нибудь новенькое,—такая вѣтреница, что и сказать нельзя! Сегодня ей нравится одно, завтра другое, да вотъ хоть, напримѣръ, пришло ей однажды въ голову, что она до смерти любитъ французскій театръ,—ну, просто помѣшалась на этомъ пунктѣ. „Хочу французскій театръ! Не могу жить безъ французскаго театра!" Шумитъ да и только! „Я, дескать, за казной не постою, ничего не пожалѣю, послѣднее имѣнье въ ломбардъ заложу,—давайте мнѣ только французскій театръ!" Вотъ, откуда ни возьмись, явился французскій театръ — сестрица въ восторгѣ! „Что за совершенство! Какіе таланты! Какъ сладко поютъ!.. Ну, чудо, да и только!" Вотъ ѣдетъ она во французскій театръ: разъ, другой, третій, а тамъ—глядь-поглядь, и слѣдъ простылъ! Конечно, это можно было предвидѣть, потому что моя барыня въ душѣ русская и только такъ, ради хвастовства, прикидывается француженкой: но вотъ что трудно изъяснить: по ея словамъ, русскій театръ очень плохъ, а французскій чудо. имъ только она душу себѣ и отводитъ,—и чтожъ вы думаете? Съ ногъ сбила своихъ лакеевъ, посылая ихъ каждый день за билетами въ русскій театръ, а во французскій и заглянуть не хочетъ; да еще такая проказница, увѣряетъ всѣхъ, будто-бы не ѣздитъ во французскій театръ оттого, что нельзя достать ложи,—а ихъ бери сколько хочешь; я это знаю навѣрно отъ самого директора.

Братъ—человѣкъ молчаливый, слова не скажетъ даромъ; сестра такая болтунья, что не приведи, Господи! А ужъ если дѣло пойдетъ на но-

Digitized by Google

ости, такъ что твое „не любо не слушай ; того енили, другого уморили, третьяго произвели ь чинъ; а ничего не бывало — все вздоръ! Ну, акъ послѣ этого не извинить брата, что онъ огда надъ своей старшей сестрой подшучива-ъ? Хоть, впрочемъ, я увѣренъ, что онъ ее тинно любитъ и уважаетъ, и еще бы любилъ уважалъ больше, если бы зналъ ее покороче.

забылъ вамъ сказать, что они живутъ розно. естра, конечно, имѣетъ свои недостатки; но за такая радушная, гостепріимная и добросер-ечная женщина, что, несмотря на всѣ ея стран-ости и причуды, ее нельзя не полюбить. Я знаю ю по себѣ: стоитъ только разъ съ нею позна-омиться, а тамъ ужъ ни за что не захочешь азстаться.

Съ братомъ и сестрой, во время ихъ жизни, лучались также большія несчастія; только и въ томъ нѣтъ у нихъ никакого сходства. Братъ сегда страдалъ отъ воды, а сестра отъ огня. нъ однажды совсѣмъ было утонулъ, а ее раза етыре чуть живую изъ полымя выхватывали; равда, въ послѣдній разъ, она сама зажгла вой домъ, и вотъ по какому случаю: я могу амъ разсказать объ этомъ какъ очевидецъ.

Вы ужъ знаете, что она большая вѣтреница и чень легковѣрна; вотъ какіе-то хвастунишки на-оворили ей и Богъ знаетъ что объ одномъ усье, отъявленномъ сорванцѣ и буянѣ: и милъ-о онъ, и хорошъ, и любезенъ! Моя барыня съ ма сошла; бредитъ имъ и день и ночь. Дошли до него объ этомъ слухи. Надобно вамъ ска-ать, что этотъ мусье человѣкъ пресамолюбивый считаетъ себя лучше всѣхъ на свѣтѣ. Вотъ онъ и вообразилъ, что наша барыня влюбилась ъ него по уши; ему же сказали, что она жен-щина богатая, что у нея всего много; такъ не иво, что у этого мусье глаза разгорѣлись на ея богатство. „Постой“,—сказалъ онъ,—„отправ-юсь къ ней въ гости; оно не близко, да у меня ихой ямщикъ, разомъ доставитъ. Она, разумѣет-ся, выбѣжитъ навстрѣчу, кинется мнѣ на шею; я наговорю ей съ три короба всякихъ компли-ментовъ, облуплю какъ липку и скажу ей на прощанье: „Барыня, я доволенъ тобою! Ты оправ-дала мое ожиданіе — я люблю тебя!“ — и прочее, и прочее Да, какъ бы не такъ! Вотъ мусье въ самомъ дѣлѣ шасть къ ней на дворъ; подождалъ, подождалъ — встрѣчи нѣтъ; онъ безъ доклада въ комнату. Батюшки, какъ взбѣленилась моя ба-рыня!— „Да какъ ты смѣлъ? Да кто тебѣ позво-лилъ? Да развѣ я звала тебя въ гости?.. Ахъ ты наглецъ!.. Сейчасъ со двора долой!“ Другому стало бы совѣстно, а у этого мусье мѣдный лобъ; да онъ же и привыкъ по чужимъ дворамъ шататься. Хоть и досадно было, что его приняли такъ неласково, а онъ все-таки рѣшился у нея погостить: надѣлъ халатъ, натянулъ колпакъ и расположился у нея, какъ въ своемъ домѣ. „Такъ-то!“—сказала барыня.—„Такъ я же тебя, дружокъ, выкурю!“ Она призвала старостиху Ва-силису, приказала ей снарядить всѣхъ дворо-выхъ дѣвокъ чѣмъ ни попало: кого метлой, кого кочергой, а сама подсунула въ домъ огоньку и притаилась за угломъ. Мусье очень не жалуетъ нашего русскаго мороза, да, вѣдь, и огонь-то не свой братъ. Вотъ, какъ онъ догадался, что его хотятъ живого изжарить, — скорѣе вонъ! А тутъ изъ засады на него и высыпали, да ну-ка его отрабатывать! Онъ было отгрызаться—куда! не дали молодцу образумиться. Мусье давай Богъ ноги, а его вдогонку-то, вдогонку,—только одна голова и уцѣлѣла, а бока такъ отломали, что онъ, сердечный, никакъ бы до дому не до-тащился, еслибъ добрые люди его на салазкахъ не довезли. Разумѣется, этотъ геройскій поступокъ и самоотверженіе нашей барыни расхва-лили въ газетахъ, описали и въ прозѣ и въ сти-хахъ; но она, моя голубушка, вовсе этимъ не возгордилась, и даже такъ была невлопамятна, что очень скоро послѣ обиды, которую ей сдѣ-лалъ этотъ мусье, отправила къ нему визитную карточку и велѣла спросить о здоровьѣ. Все это весьма похвально; а вотъ за что нельзя ее хва-лить; давно ли, кажется, по милости этого буяна, въ конецъ было разорилась, а повѣрите ли?.. опять ужъ въ него влюблена или прикидывается чтоль влюбленною—Богъ ее знаетъ! Только какъ она теперь ни кокетничай, а ужъ мусье въ дру-гой разъ на бобахъ не проведешь. Чай, онъ ду-маетъ про себя: „Нѣтъ, madame, шутишь! Полно глазки-то дѣлать: знаемъ мы тебя! Что, попреж-нему сталъ миленькимъ? И человѣкъ-то я обра-зованный, и самъ-то я просвѣщенъ, и другихъ всѣхъ просвѣщаю — и то и се; а попробуй, суньсь,—такъ ты опять ухватомъ или кочергою!“

Я могъ бы еще продолжить это сравненіе брата съ сестрою, да вѣрно ужъ вы знаете, о комъ рѣчь идетъ, и такъ можете и сами это сдѣлать. А если вы еще не отгадали, кто этотъ братъ и кто эта сестра, такъ, пожалуй, я вамъ скажу, кто они... Да нѣтъ... боюсь! Они люди умные, добрые и, кажется, за шутку гнѣваться не ста-нутъ, а, вѣдь, Богъ знаетъ, можетъ быть и раз-сердятся, если я назову ихъ по имени.

ДЕШЕВЫЕ ТОВАРЫ.

Слыхали ли вы когда-нибудь (прошу замѣ-тить, что я дѣлаю этотъ вопросъ иногородныхъ), слыхали ли вы объ одной московской ярмаркѣ, которую никто не называетъ ярмаркой и о кото-рой не упоминается ни въ одной статистикѣ, не смотря на то, что на ней сбытъ товаровъ быва-етъ иногда весьма значителенъ, а стеченіе на-рода всегда неимовѣрное, и особенно замѣча-тельное тѣмъ, что вы непремѣнно на одного мужчину насчитаете, по крайней мѣрѣ, десять женщинъ. Эта ярмарка бываетъ на Ѳоминой не-дѣлѣ, отъ понедѣльника до четверга, и происхо-дитъ въ *городѣ*, то-есть въ городскихъ рядахъ, предпочтительно въ Панскомъ ряду, и вообще во всѣхъ магазинахъ, гдѣ торгуютъ шелковыми, шерстяными, льняными и бумажными издѣліями. На этомъ торгу продаются только одни остатки, начиная отъ дорогого бархата, до самыхъ деше-выхъ тафтяныхъ лентъ, отъ воздушныхъ газовъ и индійской кисеи, до толстаго миткаля и трид-цатикопѣечныхъ ситцевъ, отъ мягкаго, шелко-вистаго терно, до грубаго фриза, и отъ бѣло-снѣжнаго батиста, до простой, посконной хол-стины. Этотъ торгъ остатками получилъ свое на-чало отъ стариннаго обычая московскихъ куп-цовъ, которые представляли въ пользу своихъ сидѣльцевъ всѣ мелкіе остатки отъ товаровъ, скопившіеся въ лавкѣ въ теченіе цѣлаго года. Разумѣется, эта лоскутная продажа давно уже измѣнила своему первобытному назначенію. Те-перь пользуются выгодами этой торговли не си-дѣльцы, а сами купцы. Главное стеченіе покуп-щиковъ бываетъ обыкновенно на Ильинкѣ, по которой въ эти дни рѣшительно нѣтъ проѣзду. Если вы захотите когда-нибудь взглянуть на этотъ временный толкучій рынокъ московскихъ барынь, то я совѣтую вамъ пробраться сквозь пеструю ихъ толпу внизъ по Ильинкѣ до мага-зина гг. Матьясовъ и посмотрѣть, какъ безчи-сленныя покупщицы выходятъ изъ него по до-

Digitized by Google

вольно крутой лѣстницѣ. Издали это должно вамъ показаться какимъ-то разноцвѣтнымъ водопадомъ, котораго голубыя, желтыя, бѣлыя, розовыя и всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ волны льются безпрерывно на улицу. Вблизи вы разсмотрите, что это не волны, а женскія шляпки, и даже съ прискорбіемъ замѣтите, что многія изъ нихъ сдернуты на сторону, оборваны, исковерканы и превращены въ такіе странные головные уборы, что имъ нельзя пріискать никакого приличнаго названія. Если вы человѣкъ смѣлый и рѣшительный, то-есть не боитесь ни тѣсноты, ни толчковъ, ни этихъ острыхъ локтей, которые будутъ впиваться въ ваши бока, то присоединитесь къ какой-нибудь отдѣльной дамской толпѣ, которая сбирается взять приступомъ эту лѣстницу. Ступайте смѣло впередъ, толкайте направо и налѣво, и не теряйте времени на вѣжливыя извиненія: въ этой давкѣ никто и ни въ чемъ не извиняется. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, вы успѣете, наконецъ, вмѣстѣ съ вашей толпой, ворваться въ сіе хранилище всевозможныхъ остатковъ. Не думайте, однакожъ, чтобъ вамъ удалось подойти къ прилавку; а и того менѣе—купить что-нибудь. Нѣтъ, это дѣло невозможное! Вы все-таки мужчина, и хотя рѣшились толкать женщинъ, однакожъ, драться съ ними, вѣрно, не захотите. Разумѣется, вы прижметесь къ стѣнѣ, и если останетесь тутъ на нѣсколько минутъ, то вѣрно будете свидѣтелемъ многихъ сценъ смѣшныхъ, забавныхъ, а иногда даже немножко и отвратительныхъ. Вы увидите, какъ женщины, повидимому, довольно порядочныя, вырываютъ другъ у друга какой-нибудь лоскутъ гривенной тафтицы, вы услышите, какъ онѣ *переругиваются* межъ собою. Извините, это выраженіе не слишкомъ благородно, но другого я никакъ придумать не могу. Впрочемъ, не пугайтесь: вы на этомъ базарѣ рѣдко встрѣтите извѣстное вамъ лицо и часто узнаете подъ красивою шляпкою какую-нибудь горничную дѣвушку, или барскую барыню знакомой вамъ дамы.

Этотъ годовой торгъ извѣстенъ подъ названіемъ „остатки, или дешевые товары“. И подлинно, вы можете иногда купить очень дешево, но только почти всегда то, за что въ другое время вы не захотѣли бы заплатить ни копѣйки. Надобно вамъ сказать, что, въ числѣ отстатковъ *дѣйствительныхъ*, есть очень много остатковъ *искусственныхъ*; обыкновенно, шелковыя и всякія другія матеріи, вышедшія совершенно изъ моды, разрѣзываются на куски различныхъ мѣръ и продаются подъ названіемъ *остатковъ*. Купить себѣ на платье матеріи, которую давно уже перестали носить, никто не захочетъ; но какъ не соблазниться, не купить остатокъ, который вамъ отдаютъ за полцѣны? Вѣдь это бываетъ только одинъ разъ въ году; послѣ вамъ и понадобится, да вы ужъ нигдѣ не найдете. Такъ или почти такъ разсуждаютъ всѣ тѣ изъ московскихъ барынь, которыя любятъ покупать дешево и набивать всякой всячиной свои кладовыя, а такихъ барынь въ Москвѣ очень много. Этотъ легкій способъ сбывать въ нѣсколько дней весь хламъ, накопившійся въ лавкѣ въ теченіе цѣлаго года, изобрѣтенъ московскими купцами и, кажется, до сихъ поръ не имѣетъ еще подражателей. Ну, какъ же послѣ этого не подивиться смѣтливости и догадкѣ нашихъ гостинодворцевъ, какъ не сказать, что они знаютъ прекрасно свое дѣло и вполнѣ постигли характеръ своихъ русскихъ покупщицъ?

ПЕРВЫЯ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ.

Можно полагать съ достовѣрностію, что театральныя представленія не были извѣстны русскимъ до второй половины XVII-го столѣтія. В 1659 году россійскій посолъ Лихачевъ видѣлъ во Флоренціи въ первый разъ театральное представленіе; ему болѣе всего понравилась скорая перемѣна декорацій и деревянныя лошади, которыя двигались, какъ живыя. Вѣроятно, возвратясь въ Россію, онъ подалъ мысль Царю Алексѣю Михайловичу завести нѣчто похожее на театръ въ домѣ боярина Матвѣева; потомъ въ 1676 году, подъ надзоромъ того же боярина, были представленія въ кремлевскомъ дворцѣ, Преображенскомъ селѣ и Потѣшномъ дворѣ. Отъ Царя Алексѣя Михайловича до Императрицы Елизаветы, то-есть до того времени, какъ начались театральныя представленія въ кадетскомъ корпусѣ, были частные театры въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ новгородской семинаріи и въ Ростовѣ въ домѣ архіерейскомъ: играли обыкновенно семинаристы. Всѣ драматическія сочиненія того времени могли, по содержанію своему, называться духовными представленія. Вотъ названія нѣкоторыхъ: „Грѣшникъ“, „Есфирь и Агаферъ“. „Рождество Христово и Воскресеніе“ — сочинены св. Дмитріемъ Ростовскимъ; „Олоферъ и Іудиѳь“. „Іосифъ съ братьями и Навуходоносоръ“ — сочинены іеромонахомъ Семіономъ Полоцкимъ: „Владиміръ“ — сочиненіе Ѳеофана Прокоповича; Ѳеофанъ, игуменъ Батуринскаго монастыря, сочинилъ нѣсколько комедій стихами; Царевна Софія Алексѣевна написала также трагедію „Екатерина мученица“, въ которой лицо Екатерины представляла Татьяна Ивановна Арсеньева; сверхъ того, разными лицами сочинены: „Св. мученица Евдокія“, „Пиролюбецъ и Лазарь“. „Второе пришествіе Господне“ и многія другія. Наконецъ, въ 1748 году основался въ Ярославлѣ первый постоянный театръ, актеры котораго въ 1756 году, по Высочайшему повелѣнію, переведены въ С.-Петербургъ. Дмитревскій, два брата Волковыхъ, Шумскій и Поповъ были лучшими актерами этой труппы. Вскорѣ послѣ этого, благодаря Фонвизину и Княжнину, русскіе увидѣли на своемъ національномъ театрѣ прекрасныя комедіи, разыгранныя хорошими актерами.

Большая часть нашихъ русскихъ духовныхъ представленій, или мистерій, писана прозою, а нѣкоторыя весьма простыми силлабистическими стихами съ риемами; въ томъ числѣ комедія: *Притча о блудномъ сынѣ*, въ которой сѣкутъ этого расточителя нещадно плетьми, и *комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ Златѣ и трехъ отрокахъ въ пещи сожженныхъ*. Вотъ образецъ тогдашнихъ драматическихъ стиховъ. Царь Навуходоносоръ, замысливъ выставить передъ народомъ собственное свое изображеніе, вылитое изъ золота, съ тѣмъ, чтобъ ему поклонялись, какъ Богу, говоритъ:

„Тѣмъ же умыслихъ образъ сотворити
Лица нашего и всѣмъ представити
На полѣ Дейрѣ, да всѣ почитаютъ
Образъ нашъ, и насъ Богомъ нарицаютъ.
Слыши, Казначей! Се велимъ мы тебѣ:
Даждь чиста злата, елико есть требѣ.
Абіе вели нашъ образъ творити
На высоцѣ столбѣ поставити“.

Вы видите, что наши древніе поэты вовсе не щеголяли ни богатствомъ риемъ, ни гладкостью

Digitized by Google

стиховъ, ни даже правильностію удареній, которыя въ ихъ стихахъ всегда подчиняются необходимому созвучію риѳмъ.

Другая комедія, названная также *Навуходоносоромъ*, но въ которой изображена въ дѣйствіи исторіи Олоферна и Іудиѳи, писана прозою. Эта комедія едва ли не болѣе безконечной трагедіи Шиллера *Донъ Карлосъ*. Дѣйстіе начинается въ Вавилонѣ и потомъ переходитъ въ Іудею, гдѣ безпрестанно переносится изъ Іерусалима въ ассирійскій лагерь и обратно. Интрига этой мистеріи до того перепутана, что нѣтъ никакой возможности слѣдовать за дѣйствіемъ, и даже часто нельзя понять, гдѣ оно происходитъ. Пустословіе и многоглаголаніе дѣйствующихъ лицъ не имѣютъ никакихъ границъ, и всѣ они говорятъ языкомъ надутымъ, высокопарнымъ и чрезвычайно тяжелымъ. Самые нелѣпые анахронизмы встрѣчаются на каждой страницѣ. Древніе ассиріяне и евреи говорятъ о рубляхъ, алтынахъ и ефимкахъ; о блинахъ и калачахъ; разсуждаютъ о кислой капустѣ и нѣмецкихъ колбасахъ; упоминаютъ о рейтарахъ, огнестрѣльномъ оружіи, барабанщикахъ, войсковыхъ маршалахъ и называютъ Олоферна гетманомъ. Въ этой мистеріи есть комическое лицо, довольно замѣчательное по нѣкоторому сходству съ знаменитымъ Фальстафомъ Шекспира. Это какой-то ассирійскій воинъ, по имени Сусакимъ; онъ большой балагуръ и точно такой же обжора, хвастунишка и трусъ, какъ Фальстафъ; точно такъ же, какъ онъ, попавшись въ бѣду, старается отдѣлаться шуточками, по большей части весьма пошлыми, но иногда довольно замысловатыми. Іудеи дѣлаютъ вылазку и захватываютъ его въ плѣнъ. Вотъ Сусакимъ начинаетъ ихъ увѣрять, что онъ человѣкъ не военный и во всю жизнь свою не убилъ ни одного жида; а когда его спрашиваютъ, зачѣмъ же при немъ ружье и сабля, то онъ отвѣчаетъ, что изъ ружья бьетъ свиней, а саблею крошитъ начинку для колбасъ. Іудейскіе воины, замѣтивъ изъ его рѣчей, что онъ шутъ, начинаютъ надъ нимъ забавляться и объявляютъ, что имъ приказано сначала его повѣсить, потомъ допросить, а послѣ отрубить голову. „Какъ отрубить голову?“ — кричитъ Сусакимъ. — „Помилуйте, да развѣ это можно?.. Да на чемъ же я стану шапку носить?“ Вмѣсто отвѣта, ему приказываютъ стать на колѣни, чтобъ, въ силу даннаго указа, отрубить ему голову, то-есть укоротить его на цѣлую четверть. Сусакимъ бросается на колѣни и говоритъ, что указъ исполненъ, и что онъ теперь сталъ не только одною, но двумя четвертями короче. Но такъ какъ воины не принимаютъ этой отговорки, то онъ проситъ дозволенія проститься съ бѣлымъ свѣтомъ. Ему позволяютъ. И вотъ онъ начинаетъ прощаться со всѣми родственниками, а въ особенности со старшей сестрой своей, которая, по его словамъ, торгуетъ въ Ниневіи треской, веревками и сапожными колодками. „Прощайте, мои благородные братья,“—говоритъ онъ,—„земскіе ярыжки, трубочисты и вы, о высокіе чины, питающіеся мірскимъ подаяніемъ!“ Потомъ прощается съ жареными телятами, баранами, гусями, цыплятами, крупичатыми калачами, пшеничнымн блинами и всѣми другими радостями земными, а въ заключеніе приглашаетъ воронъ попировать надъ его трупомъ.

— „Ну“,—говоритъ одинъ изъ воиновъ,—„коли ужъ ты гостей зазвалъ, такъ время на столъ накрывать!“—Тутъ схватываютъ его, кладутъ на землю, вмѣсто меча бьютъ по шеѣ лисьимъ хвостомъ и уходятъ. Сусакимъ, оставшись одинъ, не вѣритъ, что онъ живъ и, конечно, отъ испуга, начинаетъ врать такой вздоръ, что ужъ ни на что не походитъ. Онъ говоритъ, что душа его перешла въ ногу, потомъ кинулась въ горло и вылетѣла въ правое ухо, что онъ не можетъ никакъ ощупать своей головы и что ея рѣшительно нѣтъ у него на плечахъ. Этотъ длинный монологъ оканчивается точно такъ же, какъ извѣстный монологъ Мольерова скупого. Гарпагонъ обращается къ зрителямъ и спрашиваетъ, не укралъ ли кто-нибудь изъ нихъ шкатулку съ деньгами? Сусакимъ также относится къ публикѣ и спрашиваетъ: не вздумалъ ли кто-нибудь, ради шутки, спрятать его голову? Этимъ шутовствомъ оканчивается шестой актъ комедіи „Навуходоносоръ“. Въ ней всего семь дѣйствій, раздѣленныхъ на явленія, которыя въ оригиналѣ называются *сценами*.

РУССКІЙ МАГАЗИНЪ.

Мы всѣ болѣе или менѣе любимъ мечтать, всѣ строимъ воздушные замки; но врядъ-ли вы найдете, въ этомъ отношеніи, такого неутомимаго архитектора, какъ я. Сколько въ жизнь мою перестроилъ я этихъ замковъ! Чего не приходило мнѣ въ голову во время безсонницы! Какъ много сооружилъ я колоссальныхъ зданій, передъ которыми ничто и Альгамбра, и Версальскій дворецъ, и древніе златые чертоги Нерона, и новѣйшій Ватиканъ! Сколько создавалъ великолѣпныхъ мѣстоположеній, какой придумывалъ климатъ, въ какой земной рай превращалъ я всю Россію! Въ этихъ случаяхъ я обыкновенно не скуплюсь и, чтобъ украсить и обогатить мою родину, забираю все, что ни есть лучшаго во всей Европѣ. Изъ Швейцаріи перетаскиваю горы, изъ Англіи—феодальные замки съ ихъ живописными парками, изъ сѣверной Франціи—виноградники, изъ южной—оливковые лѣса, изъ Италіи—безоблачное небо и развалины древняго Рима, изъ Испаніи—померанцовыя и апельсинныя рощи, а изъ Германіи—Рейнъ, разумѣется, съ его берегами. Иногда спускаюсь я пониже, и мечты мои становятся хотя также довольно несбыточными, однакожъ, все-таки, по-человѣчески, возможными. Я строю великолѣпные города по всей Волгѣ, соединяю Каспійское море съ Чернымъ, возстановляю древнюю столицу Россіи, первопрестольный градъ Кіевъ, сооружаю вновь Десятинную церковь, перекидываю черезъ Днѣпръ чугунные мосты, соединяю судоходныя рѣки каналами, перекрещиваю всю Россію желѣзными дорогами, провожу ихъ отъ Петербурга до Одессы, отъ Нижняго-Новгорода до Варшавы и, по милости этихъ быстрыхъ сообщеній, превращаю южный берегъ Крыма въ предмѣстіе Москвы. Все это прекрасно и даже возможно, были-бы только деньги. Правда, ихъ бы понадобилось такъ много, что, для исполненія половины этихъ патріотическихъ замысловъ не достало-бъ всѣхъ сокровищъ не только великаго Могола, который, говорятъ, встарину былъ очень богатъ; но даже и всѣхъ наличныхъ денегъ Англіи, съ прибавкою ея долговъ, а это, кажется, не бездѣлица! Случается также, что, я, утомясь отъ этого піитическаго бреда, перехожу къ мечтамъ и желаніямъ, самымъ умѣреннымъ и самымъ прозаическимъ. Вотъ, напримѣръ, сколько разъ, бывало, читая на раззолоченныхъ вывѣскахъ; „англійскій магазинъ, французскій магазинъ, голландскій магазинъ“, я думаю: „да почему-же у насъ въ Москвѣ нѣтъ русскаго магазина?...“ Лѣтъ сорокъ тому назадъ на этотъ вопросъ можно было-бы

Digitized by Google

отвѣчать также вопросомъ: „А что-же вы будете продавать въ этомъ магазинѣ? Линючія выбойки, солдатское сукно, сало, кожу и паюсную икру?“ Но теперь, когда развитіе нашей мануфактурной промышленности становится съ каждымъ годомъ блистательнѣе; когда наши публичныя выставки начинаютъ соперничать съ выставками почти всѣхъ европейскихъ государствъ; когда вы платите два рубля за фарфоровую чашку, за которую не такъ еще давно брали съ васъ рублей десять; когда хрустальный графинъ сдѣлался для насъ такъ-же обыкновененъ, какъ простая стеклянная бутылка; когда мы носимъ фраки изъ русскаго сукна, а наши барыни одѣваются, конечно, большая часть по невѣдѣнію, въ шелковыя матеріи, вытканныя русскими людьми на русскихъ фабрикахъ,—когда все это дѣлается передъ нашими глазами, такъ почему-бы кажется, не завести русскій магазинъ или, если хотите, складочное мѣсто русскихъ мануфактурныхъ издѣлій? Таскаться по рядамъ, а особливо зимою, не всѣ любятъ; да тамъ-же обыкновенно и запрашиваютъ: надобно торговаться, а и того хуже,—чуть товаръ получше, такъ его тотчасъ вамъ назовутъ нѣмецкимъ или французскимъ. Думая такимъ образомъ, я обыкновенно начиналъ мечтать и, разумѣется, сыпалъ деньгами, потому что въ этихъ случаяхъ я всегда бываю милліонщикомъ. Я покупалъ большой домъ на Кузнецкомъ мосту, превращалъ его въ огромный магазинъ, забиралъ у русскихъ фабрикантовъ весь лучшій ихъ товаръ, дѣлалъ заказы первымъ московскимъ и петербургскимъ ремесленникамъ, и вотъ изъ моего русскаго магазина выходитъ постоянная выставка отечественныхъ издѣлій во всѣхъ возможныхъ родахъ. Въ огромныхъ его залахъ, такъ-же, какъ въ Петербургѣ въ англійскомъ магазинѣ, всегда толпятся покупщики и покупщицы; а чтобъ московскимъ дамамъ не стыдно было покупать и употреблять для своего туалета издѣлія русскихъ фабрикантовъ, то я постарался бы, чтобъ всѣ мои приказчики были люди ловкіе и любезные и всѣ непремѣнно говорили по-французски,—на первый разъ это необходимо: звуки милаго языка невольнымъ образомъ примирили-бы нашихъ барынь съ непріятною мыслію, что онѣ въ русскомъ магазинѣ, покупаютъ русскіе товары, и что эти товары показываютъ имъ не французскіе commis, а русскіе приказчики.

Я вовсе не думалъ, чтобъ эта мечта, которая забавляла меня тому назадъ нѣсколько лѣтъ, осуществилась въ нынѣшнемъ году, не скажу вполнѣ, однакожъ, для первой попытки, весьма удовлетворительнымъ образомъ. Подъ руководствомъ предсѣдателя московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, барона Мейендорфа, составилось общество русскихъ фабрикантовъ, которые, нанявъ на Кузнецкомъ мосту прежде бывшій домъ г. Волынскаго, а нынѣ княжны Долгорукой, открыли въ немъ магазинъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Изящная архитектура этого дома, его щеголеватая наружность, аристократическое положеніе, посреди красиваго двора, отдѣленнаго отъ улицы прекрасною чугунною рѣшеткою,—все это съ перваго взгляда заставитъ васъ подумать, что въ этомъ домѣ живетъ богатый московскій баринъ; и вы не ошибетесь: конечно, въ сравненіи съ другими магазинами, этотъ первый русскій магазинъ можетъ, по своему удобству, красотѣ и роскоши, назваться баринымъ. Разумѣется, его прежніе заморскіе дядьки и нянюшки станутъ долго кричать: „Помилуйте, что это: называть безграмотнаго ребенка баринымъ! Да у насъ послѣдній мальчишка умнѣе его. Ходилъ бы себѣ да ходилъ на вашихъ помочахъ, а то туда-же въ люди нарядится!.. Эка важность, что онъ живетъ въ великолѣпныхъ палатахъ! Да развѣ отъ этого въ немъ ума прибудетъ?“... Легко быть можетъ, что найдутся и домашніе, которые, по старой привычкѣ, будутъ говорить то-же самое... Такъ чтожъ?.. Пускай себѣ кричатъ, пусть называютъ его безграмотнымъ ребенкомъ: а онъ, подъ шумокъ, растетъ себѣ да растетъ!.. Кто и говоритъ, теперь этотъ баринъ еще молодъ, мало извѣстенъ, не оперился; но подождите немного, дайте ему возмужать, познакомиться съ добрыми людьми и доказать имъ на самомъ дѣлѣ, что онъ уже вовсе не дитя, и тогда вы увидите, какимъ онъ сдѣлается вельможею.

Если вы пріѣдете зимою въ этотъ магазинъ, то можете въ теплыхъ сѣняхъ отдать вашу шубу не швейцару, а заслуженному унтеръ-офицеру, у котораго грудь закрыта не шутовскою перевязью, а цѣлымъ рядомъ почетныхъ медалей. По мраморной красивой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами, которые также продаются, вы взойдете въ верхнія сѣни, съ большимъ вкусомъ украшенныя зеркалами и колоннами подъ бѣлой мраморъ. Изъ этихъ сѣней вы входите въ небольшую проходную комнату; въ ней продаются косметическіе товары братьевъ Шевелкиныхъ, стальныя вещи Завьялова и табакерки, подносы, ящики и разныя другія издѣлія фабрики г. Лукутина. Объ этой послѣдней фабрикѣ я уже говорилъ въ первомъ выходѣ „Москвы и Москвичей“ и могу прибавить только одно, что г. Лукутинъ продолжаетъ съ прежнимъ постоянствомъ улучшать произведенія своей фабрики, и что вообще его бумажно-лаковыя вещи становятся съ каждымъ годомъ отчетливѣе, красивѣе и прочнѣе. Придуманные имъ лѣпные барельефы на табакеркахъ и бумажные шарньеры истинно могутъ назваться образцовыми. Стальныя издѣлія Завьялова, которыя, если не ошибаюсь, продаются въ одномъ только русскомъ магазинѣ, заслуживаютъ также особеннаго вниманія. Попробуйте, хотя изъ любопытства, купить любой перочинный ножикъ его работы, и вы увѣритесь на самомъ опытѣ, что этотъ ножикъ, ни по наружной отдѣлкѣ, ни по внутреннему своему достоинству, не уступитъ ни нѣмецкому, ни французскому, ни даже... страшно вымолвить!.. Ну, да и то сказать: „волка бояться, въ лѣсъ не ходить“. Если ужъ я, отъявленный патріотъ, изъ уваженія къ нашимъ европейцамъ, не осмѣлюсь вымолвить правды, такъ кто-же рѣшится ее сказать? Да, стальныя издѣлія Завьялова не уступаютъ *ни въ чемъ* того же рода издѣліямъ иностраннымъ, не исключая даже англійскихъ, и продаются несравненно ихъ дешевле. Впрочемъ, несмотря на мой патріотизмъ, я долженъ признаться, что до сихъ поръ это можно сказать объ однѣхъ только стальныхъ вещахъ Завьялова; въ особенности же ружья, дѣлаются несравненно лучше, прочнѣе и *добросовѣстнѣе* прежняго.

Во второй комнатѣ продается писчая бумага фабрики г. Усачева. Тутъ найдете вы всѣ возможные сорта бумаги, отъ самой дешевой до самой дорогой. Если вы замѣтите, что бумага англійская, голландская и французская, разумѣется, самаго высшаго достоинства, превосходнѣе той, которую вамъ здѣсь покажутъ, то я попрошу васъ вспомнить только о томъ, въ какомъ положеніи была у насъ эта мануфактурная промышленность лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и вы тогда поневолѣ удивитесь ея быстрымъ успѣхамъ. Я увѣренъ даже, что вы не станете спорить со мною, когда я скажу, что мы хотя и от-

Digitized by Google

тали въ этомъ случаѣ отъ англичанъ, голландцевъ и французовъ, однакожъ, гонимся за ними, конечно, рано или поздно, а непремѣнно догонимъ.

Вся третья комната занята хлопчато-бумажными издѣліями фабрикъ гг. Прохоровыхъ, Тирова, Битепажа, Матвѣева и нѣкоторыхъ другихъ. Не говоря уже о коленкорѣ, ситцахъ, холстинкѣ, кашемирѣ и полубархатѣ, которые, конечно, ни въ чемъ не уступаютъ иностраннымъ, вы найдете тутъ и самые модные товары, напримѣръ: крепъ-шине, крепъ-рошель и, можетъ быть, узнаете въ нихъ вашихъ прежнихъ знакомыхъ, которые не такъ еще давно прикидывались французами.

То же самое можно сказать и о шелковыхъ издѣліяхъ, которыя продаются въ четвертой комнатѣ. Особенно замѣчательны великолѣпныя парчи фабрики гг. Сапожниковыхъ. По сознанію самихъ иностранцевъ, московскія парчи, безспорно, самыя лучшія въ Европѣ, и если нужно подтвердить это какимъ-нибудь фактомъ, то я могу удостовѣрить моихъ читателей, что извѣстный пэръ въ Англіи, маркизъ Лондондери, котораго я имѣлъ удовольствіе знать лично, уѣзжая изъ Москвы въ свое отечество, купилъ на десять тысячъ рублей парчи въ здѣшнихъ городскихъ рядахъ. Отдавая полную справедливость шелковымъ дамскимъ матеріямъ фабрики гг. Сапожниковыхъ, нельзя, однако же, не сказать, что въ русскомъ магазинѣ вы не найдете шелковыхъ матерій г. Кондрашева, которыя проведены у него до такого совершенства, что почти вездѣ продаются за французскія. Въ этой же самой комнатѣ вы можете покупать русскія сукна фабрикъ гг. Невиля, Новикова, Тугариновыхъ, Четверикова и разныхъ другихъ. Это мануфактурное издѣліе, которое стоитъ наряду съ первыми и необходимыми потребностями каждаго европейскаго государства, идетъ быстрыми шагами къ совершенству. Давно ли никто изъ насъ не смѣлъ даже и мечтать, что русское сукно, въ которое мы, съ грѣхомъ пополамъ, одѣвали наши кучеровъ, замѣнитъ намъ большую часть иностранныхъ суконъ? Сначала попытки нашихъ суконныхъ фабрикантовъ не имѣли большого успѣха; русскія сукна были, вообще, грубы, ворсисты, непрочны и весьма скоро бѣлѣли по швамъ. Эти неудачные опыты имѣли весьма непріятныя послѣдствія. Мы забыли русскую пословицу: „первую пѣсенку зардѣвшись спѣть“, и рѣшили почти единогласно, что у насъ не можетъ быть хорошихъ суконъ. Къ счастію, этотъ слишкомъ поспѣшный приговоръ не разколодилъ нашихъ фабрикантовъ: они продолжали съ необыкновеннымъ постоянствомъ улучшать свои издѣлія; выписывали изъ-за границы мастеровъ, выучились красить шерсть, не жалѣли ни трудовъ, ни денегъ, и вотъ наконецъ, мы носимъ наше собственное сукно и можемъ безъ стыда называть его нашимъ. Конечно, есть люди, которые и теперь еще увѣрены, что русское сукно, хотя по наружности и довольно красиво, однакожъ, непрочно и чрезвычайно скоро бѣлѣетъ по швамъ. Я могу увѣрить этихъ господъ, что они ошибаются; хорошее русское сукно ни въ чемъ не уступаетъ *равноцѣнному* съ нимъ сукну иностранному. Я знаю это по опыту, потому что ношу всегда русское сукно, не очень часто дарю себя обновками, а, несмотря на это, никогда не хожу въ платьяхъ, у которыхъ швы побѣлѣли. Впрочемъ, изъ этого не должно заключить, что наши фабриканты достигли вполнѣ своей цѣли,—нѣтъ, русскія сукна (я говорю о самыхъ лучшихъ) требуютъ еще большихъ улучшеній. Я желалъ бы,—и почему не желать этого?—чтобъ наше сукно перваго сорта ни въ чемъ не уступало французскому сукну Лувье и англійскому Регенту.

Въ пятой комнатѣ продаются шерстяныя и полушерстяныя издѣлія, шали, платки, полутерно, мебельная матерія и шерстяная кисея (mousseline de laine) фабрики братьевъ Тучковыхъ; жилетныя матеріи и платки фабрики г. Локтева; шерстяныя и полушелковыя матеріи фабрики Рошефора. Всѣ эти издѣлія болѣе или менѣе могутъ замѣнять намъ привозные товары того же рода, а особливо шерстяная кисея братьевъ Тучковыхъ и жилетныя матеріи г. Локтева; эти издѣлія рѣшительно ничѣмъ не хуже иностранныхъ. Въ той же комнатѣ помѣщаются серебряныя и золотыя вещи фабрики г. Губкина, который можетъ назваться единственнымъ соперникомъ г. Сазикова, пріобрѣтшаго такую большую извѣстность своими серебряными издѣліями.

Вся шестая комната занята зеркалами завода г. Мелешкина. Тутъ нѣтъ колоссальныхъ зеркалъ, которыя отливаются на петербургской казенной фабрикѣ, но вообще всѣ зеркала очень чисты, правильны и продаются за весьма умѣренную цѣну.

Въ седьмой комнатѣ вы можете покупать прекрасные ковры фабрики г. Епанечникова; льняныя и пеньковыя издѣлія, накладное серебро и лакированныя вещи фабрикъ гг. Козмина, Эмме и Кондратьева. Средину комнаты занимаетъ огромная горка съ фарфоровыми и фаянсовыми вещами братьевъ Гернеръ и хрусталемъ заводовъ гг. Бахметьевъ и Мальцова. Превосходныя хрустальныя издѣлія сихъ заводовъ всѣмъ извѣстны. Можетъ быть, они нѣсколько уступаютъ въ достоинствѣ богемскимъ хрустальнымъ издѣліямъ; но не должно забывать, что богемскіе хрустальные заводы признаны первыми во всей Европѣ. Съ насъ будетъ покамѣстъ и того, что мы въ этой мануфактурной промышленности, если не опередили, то ужъ, конечно, не отстали отъ англичанъ и французовъ; тѣ, которые никакъ не хотятъ съ этимъ согласиться, говорятъ, между прочимъ, что англійскій хрусталь тяжелѣе, какъ будто бы не чистота и совершенство отдѣлки, а тягость составляютъ достоинство хорошаго хрусталя. Будь англійскій хрусталь легче, тогда бы эти господа стали говорить: „Ну, конечно, русскій хрусталь недуренъ, но онъ несравненно тяжеле англійскаго“. Фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія братьевъ Гарнеръ, кромѣ существенной своей доброты и отчетливой отдѣлки, отличаются особенно своей неимовѣрной дешевизной. Мнѣ захотѣлось однажды купить себѣ чайную фарфоровую чашку, которая, своей прекрасной формой и простымъ, но чрезвычайно милымъ узоромъ, очень мнѣ понравилась. Я спросилъ о цѣнѣ; мнѣ отвѣчали, что одну чашку купить нельзя, а должно взять, по-крайней-мѣрѣ, полдюжины. Полагая, что чашка не можетъ стоить менѣе полутора рубли серебромъ, я рѣшился не покупать, а спросить изъ одного любопытства, что стоитъ полдюжины,—и, представьте мое удивленіе, когда мнѣ объявили, что я могу купить не одну, а шесть чашекъ, какъ вы думаете, за что?—Съ небольшимъ за два рубля серебромъ!.. Въ числѣ фарфоровыхъ и хрустальныхъ издѣлій вы едва замѣтите нѣсколько бронзовыхъ вещей, которыя служатъ доказательствомъ, какъ мы отстали въ этой мануфактурной промышленности отъ французовъ. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что въ Петербургѣ дѣлаютъ прекрасныя бронзовыя вещи,—не спорю; но неугодно ли вамъ узнать, почемъ онѣ продаются? А это весьма важное

Digitized by Google

обстоятельство. Мнѣ кажется, что намъ тогда только позволительно думать, что мы не отстали отъ другихъ, когда какое-нибудь русское художественное или ремесленное издѣліе, совершенно одинаковаго достоинства съ привознымъ, продается у насъ дешевле иля, по-крайней-мѣрѣ, не дороже того, какъ оно продается за границею.

Ну, вотъ, любезные читатели, вы прошлись со мною по всему русскому магазину. Не правда ли, что мечта моя осуществилась на первый случай весьма удовлетворительнымъ образомъ? Мнѣ помнится, я хотѣлъ, между прочимъ, чтобъ всѣ приказчики *моего* русскаго магазина были люди ловкіе, любезные и всѣ безъ исключенія говорили по-французски. Кажется, и это желаніе не вовсе осталось безъ исполненія. Управляющій конторою магазина, г. Быковскій, умный, просвѣщенный и любезный молодой человѣкъ, знаетъ иностранные языки; всѣ приказчики весьма вѣжливые молодые люди, ловкіе, предупредительные; не знаю, говорятъ ли они по-французски, но могу васъ увѣрить, что по-русски они изъясняются какъ люди образованные и вовсе не походятъ на прежнихъ нашихъ гостинодворцевъ, изъ которыхъ иному и теперь еще можно сказать: „конечно, любезный, ты носишь фракъ, повязался галстукомъ и бороду себѣ выбрилъ, а все бы не мѣшало тебѣ умыться".

КАРТЫ.

Изобрѣтеніе картъ приписывали попеременно итальянцамъ, нѣмцамъ и французамъ. У послѣднихъ онѣ появились при королѣ Карлѣ VI, то-есть въ концѣ XIV-го столѣтія. Сначала, вмѣсто нынѣшнихъ фигуръ, были на нихъ слѣдующія изображенія: императоръ, отшельникъ, шутъ, висѣльникъ, луна, астрологъ, солнце, правосудіе, фортуна, воздержность, сила, смерть, страшный судъ и домъ Божій. Впослѣдствіи карты совершенно измѣнились: ихъ раздѣлили на масти. Трефы представляли рукоятки мечей, бубны — четвероугольное лезвее стрѣлы, пики — наконечникъ копья, а черви—наконечникъ стрѣлы, которая пускалась изъ самопала. Фигуры были тѣ-же самыя, что и теперь: четыре короля, четыре дамы и четыре валета. Короли изображали: французскаго короля Карла VII, царя Давида, Александра Македонскаго и Юлія Кесаря; дамы: Іудиѳь, Палладу, Рахиль и Аржину—псевдонимъ Маріи Анжуйской. Валеты представляли дворянство и назывались: одинъ Гекторомъ, другой Ожіе, третій Лагиръ; трефовый валетъ былъ безъ имени.

Сколько было говорено и писано и прозой, и стихами противъ этой общей и повсемѣстной забавы, или, если хотите, занятія, а подчасъ и ремесла, которое мы называемъ карточной игрой; но ничто не могло поколебать владычества картъ, которыя продолжаютъ спокойно царствовать вездѣ, начиная отъ самой запачканной и скверной лакейской, до самой великолѣпной и роскошной гостиной. Не знаю, найдется ли во всей Европѣ городъ, въ которомъ выходило бы такъ много картъ, какъ у насъ въ Москвѣ. Карты! Да безъ нихъ ступить нельзя: онѣ такъ-же необходимы для жизни нашего общества, какъ воздухъ необходимъ для жизни человѣка. Во всѣхъ клубахъ играютъ, на всѣхъ вечерахъ играютъ, на всѣхъ балахъ играютъ и даже почти на всѣхъ обѣдахъ играютъ въ карты, то-есть начинаютъ свои ви тіи до обѣда и оканчиваютъ ихъ послѣ. Конеч бываютъ изрѣдка вечера, на которыхъ старают замѣнить карты разговоромъ, чтеніемъ, учен бесѣдою; но на этихъ вечерахъ обыкнов бываетъ не очень тѣсно, и гости рѣдко сид до полуночи.

У меня есть два пріятеля: Степанъ Степ вичъ Ладогинъ и Андрей Ивановичъ Прик скій; оба они люди умные, честные, добр живутъ очень дружно; ихъ характеры и обр мыслей имѣютъ межъ собою много общаго, несмотря на это, они безпрестанно спорятъ др съ другомъ, и почти всегда предметомъ эти споровъ бываютъ карты. Андрей Ивано ихъ ненавидитъ. Степанъ Степановичъ не мож безъ нихъ жить. Вотъ одинъ изъ этихъ диалог который происходилъ у меня вечеромъ. Я пр доставляю моимъ читателямъ рѣшить, чья сто на съ большимъ искусствомъ защищала с мнѣніе.

Степанъ Степановичъ *(смотря на часы)*. Ого! Скоро семь.

Я. Что это вы посматриваете на часы?

Степанъ Степановичъ. Да пора ѣхать.

Андрей Ивановичъ. Эхъ, полно, Степан Степановичъ! Куда? Что это тебѣ нигдѣ не посидится?

Степанъ Степановичъ. Нельзя, надобно къ Ухабину

Андрей Ивановичъ. А что, у него боль шой вечеръ?

Степанъ Степановичъ. Нѣтъ; зва на преферансъ.

Андрей Ивановичъ. Ну, такъ,—на пр ферансъ!.. Вотъ, истинно, понять не могу!.. Чел вѣкъ, кажется, умный, просвѣщенный... Да ск жи мнѣ, пожалуйста: неужели ты не можеш прожить дня безъ картъ?..

Степанъ Степановичъ. Какъ не пр жить... Да зачѣмъ?.. Я люблю играть, и ес есть партія...

Андрей Ивановичъ. Непостижимое дѣ Ну, пускай-бы ужъ ты игралъ въ большую игру—это еще понятно: есть много людей, кот рые любятъ сильныя ощущенія. Разумѣется, д этихъ людей тихія и спокойныя наслажденія имѣютъ никакой прелести, имъ нужно совсѣ не то; они любятъ замираніе сердца, томите ныя ожиданія, рѣзкіе переходы отъ счастія к несчастію. Проигрывая и выигрывая десят тысячъ, они пользуются вполнѣ этими трево ными наслажденіями; но вѣдь ты, кажет никогда не играешь больше четверти въ пр ферансъ?

Степанъ Степановичъ. Нѣтъ, иногда пускаюсь и по гривенкѣ серебромъ.

Андрей Ивановичъ. То-есть можешь пр играть и выиграть рублей пятьдесятъ ассигн ціями.

Степанъ Степановичъ. Случается.

Андрей Ивановичъ. Вѣроятно, это и слишкомъ волнуетъ твою кровь?

Степанъ Степановичъ. Ни мало.

Андрей Ивановичъ. Такъ какое же т находишь удовольствіе сидѣть каждый день н нѣсколько часовъ сряду за картами?

Степанъ Степановичъ. А что бы я сталъ дѣлать по вечерамъ?.. Читать при свѣчах я не могу, писать и подавно; а нашимъ осеннимъ и зимнимъ вечерамъ конца нѣтъ.

Digitized by Google

Андрей Ивановичъ. Да развѣ ученая бесѣда и умные разговоры не могутъ тебѣ замѣнить карты?

Степанъ Степановичъ. Эхъ, мой другъ! Да вѣдь умъ такъ же устаетъ, какъ и тѣло, и ему надобно отдохнуть. Когда мы разговариваемъ о чемъ-нибудь серьезномъ, тогда умственныя наши способности бываютъ въ напряженномъ положеніи, а за картами онѣ отдыхаютъ. Я обыкновенно по утру занимаюсь дѣломъ, а вечеромъ, признаюсь, люблю поиграть въ преферансъ.

Андрей Ивановичъ *(передразнивая)*. „Люблю поиграть въ преферансъ!“ Ну, какъ же послѣ этого не сказать, что карты—язвы общества?.. Вотъ человѣкъ образованный, умный, любезный...

Степанъ Степановичъ. Покорнѣйше благодарю!

Андрей Ивановичъ. Не за что! Я говорю только о томъ, какъ создалъ тебя Богъ, а теперь послушай, что ты самъ-то изъ себя дѣлаешь: ты пріѣзжаешь куда-нибудь провести вечеръ, встрѣчаешься съ людьми образованными, съ любезными женщинами; ты могъ бы поговорить съ ними о наукахъ, художествахъ, литературѣ—о томъ, о другомъ... Взаимная передача мыслей и понятій—вотъ истинное наслажденіе людей просвѣщенныхъ, а ты, человѣкъ просвѣщенный, что ты дѣлаешь?.. Тебѣ даютъ карточку, ты садишься за свой преферансъ и ну козырять до самаго ужина!.. Изъ существа разумнаго и мыслящаго ты превращаешься въ карточную машину, или, по крайней мѣрѣ, въ безграмотнаго игрока, которому, впрочемъ, и не нужно знать грамоту: зналъ бы онъ, какъ провести масть, заручить того, кто играетъ, да снести кстати туза, чтобъ спасти своего товарища, такъ онъ человѣкъ преученый. Правда, въ этой премудрости не уступитъ ему, можетъ быть, собственный его слуга, да вѣдь тотъ играетъ въ засаленныя карты, а баринъ его въ атласныя. Того иногда за это и поколотятъ, — разумѣется, если онъ играетъ въ деньги, — а барина бить некому. Конечно, другой разницы я между ними не вижу, и имъ стоитъ только помѣняться платьями, да перейти—одному изъ гостиной въ лакейскую, а другому изъ лакейской въ гостиную, такъ ужъ вѣрно не узнаешь, кто изъ нихъ баринъ, кто слуга.

Степанъ Степановичъ. Хорошо, Андрей Ивановичъ, хорошо,—я не буду играть въ карты; что жъ я стану дѣлать?.. Разговаривать?.. О чемъ?.. Ты знаешь, изъ чего состоятъ наши разговоры: насмѣшки, злословіе, пересуды. Ну, извѣстное дѣло, говоря въ обществѣ, а особливо съ дамами, хочешь пощеголять своимъ умомъ, потѣшиться, посмѣяться, поострить, разумѣется, не на свой счетъ, а насчетъ ближняго. Чтобъ сорвать улыбку съ какихъ-нибудь розовыхъ губокъ, ты рѣшишься отпустить эпиграмму насчетъ человѣка, достойнаго уваженія, но въ которомъ есть что-нибудь смѣшное; ты не остановишься даже принести въ жертву своему мелкому и ничтожному самолюбію доброе имя женщины. Разумѣется, начнешь тѣмъ, что скажешь: „Представьте себѣ, что я слышалъ! Это вздоръ—я этому не вѣрю“... И примешься разсказывать объ этой женщинѣ какой-нибудь забавный анекдотъ, то-есть милую, затѣйливую клевету, отъ которой всѣ помрутъ со смѣху. Ну, конечно, весело! Всѣ тебѣ улыбаются, слушаютъ тебя съ удовольствіемъ; ты любезенъ, остеръ, ты душа общества.—Comme vous êtes méchant“—говорятъ тебѣ милыя и прекрасныя женщины, а тебѣ это какъ масломъ по-сердцу!.. Надобно же поддержать эту репутацію! И вотъ ты, по природѣ добрый человѣкъ, становишься злоязычникомъ; ты радуешься, когда тебя называютъ въ глаза „злымъ“; глядя на твое завидное торжество, и другіе начнутъ добиваться этого почетнаго званія, и ты, какъ воротишься домой, останешься одинъ со самимъ собою, да оглянешься назадъ, такъ горе и возьметъ!.. Кажется, весь вечеръ пробесѣдовалъ съ людьми хорошими и самъ человѣкъ не вовсе дурной, а грѣха-то, грѣха... не оберешься!.. Нѣтъ, Андрей Ивановичъ, воля твоя, а я ужъ лучше буду играть по четверти въ преферансъ!

Андрей Ивановичъ. Да развѣ нѣтъ другихъ разговоровъ? Вотъ, напримѣръ, ты любишь словесность..

Степанъ Степановичъ. Люблю, мой другъ, да только не всякую; та, которая теперь въ ходу, мнѣ вовсе не по-душѣ. Эта западная литература, которая въ восьмнадцатомъ вѣкѣ съ такимъ ожесточеніемъ воевала противъ всего, что должно быть священнымъ для человѣка, опять пожаловала къ намъ въ гости, только въ другомъ нарядѣ. Тогда она была щеголихою, надушена, распудрена, въ фижмахъ; а теперь просто въ посконной блузѣ, съ красными отъ перепоя глазами, съ косматой головой и козлиной бородкой; тогда она шутила, насмѣхалась, отпускала остроты, а теперь бѣснуется, валяется въ грязи, да тащитъ туда же и своихъ читателей, или съ важнымъ и глубокомысленнымъ видомъ поретъ такую богохульную дичь, что уши вянутъ...

Андрей Ивановичъ. Вотъ ужъ это неправда, Степанъ Степановичъ! Когда ты услышишь въ нашихъ ученыхъ и литературныхъ бесѣдахъ что-нибудь противное религіи или нравственности?

Степанъ Степановичъ. Такъ, мой другъ, такъ!.. Да вѣдь есть два способа выражать свои мысли: одинъ изъ нихъ и проще, и яснѣе, зато другой гораздо безопаснѣе, а межъ тѣмъ точно доведетъ тебя до твоей цѣли. Не пускаютъ по столбовой дорогѣ, такъ ты доѣдешь проселкомъ. Ты не станешь самъ проповѣдывать безнравственность, а будешь говорить съ восторгомъ о тѣхъ, которые ее проповѣдываютъ; не будешь возставать противъ религіи, но станешь насмѣхаться надъ тѣми, которые ее уважаютъ. Оно, кажется, и не то, а выходитъ то же самое.

Андрей Ивановичъ. Какъ то же самое?

Степанъ Степановичъ. Разумѣется. Вотъ если бъ, напримѣръ, я принялся хвалить философію восьмнадцатаго столѣтія и, не говоря ни слова о цѣли этой философіи, которая изложена весьма подробно въ книгахъ, сталъ бы только называть Вольтера, Гельвеція, Дидеро, Даламберта свѣтильниками міра и благодѣтелями человѣчества, такъ развѣ это будетъ не все то же, что проповѣдывать вмѣстѣ съ ними невѣріе?

Андрей Ивановичъ. И, Степанъ Степановичъ! Кто нынче говоритъ о Вольтерѣ, Даламбертѣ, Дидеро?..

Степанъ Степановичъ. Да, это правда, у насъ теперь найдутся почище ихъ; посмотри только, что проповѣдуютъ съ каѳедръ и печатаютъ въ этой, нѣкогда благочестивой, Германіи.

Андрей Ивановичъ. Да это, Степанъ Степановичъ, философія, а я тебѣ говорю о литературѣ.

Степанъ Степановичъ. И, вѣроятно, французской?.. Хороша, мой другъ, и она!

Андрей Ивановичъ. Да ужъ какъ хочешь, а получше прежней!.. Не то время, мой другъ! Теперь я не совѣтую потчевать насъ розовою водицею.

Digitized by Google

Степанъ Степановичъ. Конечно, конечно!.. Зачѣмъ намъ свѣтлый ручеекъ, — это пріторно! Подавай намъ помойную яму. Вотъ, напримѣръ, „Таинства Парижа“...

Андрей Ивановичъ. А что, чай, скажешь—дурная книга? Нѣтъ, любезный,—это геніальное произведеніе. Какая глубина! Сколько истины! А какіе эффекты!.. Вздохнуть некогда!

Степанъ Степановичъ. Подлинно, вздохнуть некогда!. Не успѣешь полюбоваться однимъ кабакомъ, а тебя ведутъ въ другой; то посидишь въ острогѣ, то попируешь въ грязной харчевнѣ съ каторжными, то побесѣдуешь съ распутными женщинами; что глава, то новый эффектъ! Жаль только, что всѣ эти эффекты отзываются торговой площадью, на которой у насъ сѣкутъ кнутомъ, а у французовъ рубятъ головы. Почти въ каждой главѣ или идутъ кого - нибудь рѣзать, или зарѣзали. А какое разнообразіе мученій и смертей!. Одну топятъ въ рѣкѣ, посредствомъ клапана, придѣланнаго къ лодкѣ, ей же хотятъ стравить все лицо купороснымъ масломъ; другой ломаютъ всѣ кости и разбиваютъ голову о каменную стѣну; третьяго душатъ; четвертый захлебывается въ погребѣ, въ которомъ вода потихоньку прибываетъ; пятаго травятъ крысами; шестого .. и замѣтьте, родная мать закладываетъ въ комнатѣ, гдѣ онъ долженъ задохнуться отъ недостатка воздуха; седьмой умираетъ такой позорной и отвратительной смертью, что нельзя безъ тошноты объ этомъ и подумать; восьмой... Да гдѣ перечесть всѣ эти піитическіе вымыслы, отъ которыхъ любой палачъ станетъ втупикъ!.

Андрей Ивановичъ. Да это что, Степанъ Степановичъ,—мелочи! Ты мнѣ скажи, каковы характеры!..

Степанъ Степановичъ. Ну, характеры дѣйствующихъ лицъ далеко не такъ разнообразны; бо́льшую часть изъ нихъ можно раздѣлить на два только рода: злодѣи возможные и злодѣи невозможные; но этотъ недостатокъ съ избыткомъ выкупается разнообразіемъ именъ, которыя поражаютъ своею новостію. Красная рука, Скелетъ, Горлопанка—иначе перевести нельзя: la goualeuse, производное реченіе отъ слова; gueule; Тыква, Волчица... Прелесть!.. Ну, вотъ такъ и пышетъ на васъ смирительнымъ домомъ!.. Главное дѣйствующее лицо романа—какой-то владѣтельный нѣмецкій принцъ, который, для какой-то высокой цѣли, вѣроятно извѣстной однимъ избраннымъ читателямъ этого романа, таскается по кабакамъ, дерется и бражничаетъ съ заклейменными разбойниками; однихъ жалуетъ, другихъ наказываетъ; одному каторжнику, который, хотя человѣкъ очень честный, но любитъ проливать кровь, даритъ бойню; другому, который ужъ вовсе никуда не годится, выкалываетъ глаза и даетъ пенсіонъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему продолжать разбойничать. Второе лицо, на которомъ основывается весь интересъ повѣсти, молоденькая дѣвочка, истинно странное и необычайное созданіе... Эта дѣвочка, пріученная съ ребячества къ распутству, не принадлежитъ даже къ числу развратныхъ женщинъ, которыя служатъ забавою для пьяныхъ фабричныхъ. Нѣтъ, она еще ниже! Она живетъ съ каторжными, гуляетъ съ ними по кабакамъ, пьетъ водку; они ее и ласкаютъ, и бьютъ, говорятъ съ нею своимъ условнымъ мошенническимъ языкомъ,—однимъ словомъ, нѣтъ уже ничего въ человѣчествѣ презрительнѣе и гнуснѣе класса женщинъ, къ которому принадлежитъ эта несчастная... И что жъ вы думаете, что такое эта дѣвочка? Наружностію она совершенно прелесть, идеалъ красоты! Душою—ангелъ чистоты и непорочности!.. Нѣтъ, батюшка, Андрей Ивановичъ, тутъ ужъ поневолѣ вспомнишь стишокъ Грибѣдова:

. . . «Врн, да знай же мѣру!»

Андрей Ивановичъ. Да ты, что хочешь говорн, а не даромъ же эта книга заслужила такой колоссальный успѣхъ. Повѣрь мнѣ, еслибъ сочинитель не имѣлъ высокой нравственной цѣли, еслибъ онъ не раскрывалъ намъ всю глубину порока и разврата, до которыхъ можетъ достигнуть человѣкъ съ необузданными страстями.

Степанъ Степановичъ (*улыбаясь*). И которыя можетъ только обуздать не Провидѣніе, не Вѣра,—объ этомъ и рѣчи нѣтъ,—а какой-то нѣмецкій принцъ Родольфъ, человѣкъ, впрочемъ весьма замѣчательный, какъ отличный полицейскій сыщикъ и первой силы кулачный боецъ..

Андрей Ивановичъ. Шути себѣ, шути! А все-таки эта книга нравственная...

Степанъ Степановичъ. Да, точно такъ же, какъ записки знаменитаго парижскаго мошенника Видока, или жизнь московскаго сыщика, извѣстнаго плута Ваньки Канна. Конечно, этого рода сочиненія только что гадки; а вотъ, напримѣръ, на этихъ дняхъ мнѣ случилось быть въ обществѣ литераторовъ, и одинъ изъ нихъ, говоря объ извѣстной сочинительницѣ соблазнительныхъ романовъ, г-жѣ Жоржъ-Зандъ, не постыдился назвать ее великой женой и честью нашего вѣка.

Андрей Ивановичъ. Такъ что жъ?.. Развѣ Жоржъ-Зандъ явленіе обыкновенное? Развѣ талантъ ея не великъ и не самобытенъ?.. Неужели ты будешь спорить противъ этого?

Степанъ Степановичъ. Нѣтъ, не буду Эта женщина дѣйствительно одарена большимъ и, къ несчастію, необычайно увлекательнымъ талантомъ. Но ужъ, конечно, она не великая жена и не честь нашего вѣка. Великая жена!.. Эта проповѣдница разврата, которая, прославивъ себя безпутнымъ поведеніемъ, старается во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ доказать, что законное супружество—постановленіе безнравственное и унижающее достоинство женщины!

Андрей Ивановичъ. Да гдѣ она это говоритъ?

Степанъ Степановичъ. Вездѣ, гдѣ только можетъ. Это господствующая мысль во всѣхъ ея сочиненіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ даже просто: „cette infâme institution de mariage“. Кажется, это ясно.

Андрей Ивановичъ. Да, это ужъ слишкомъ рѣзко!.. Ну, конечно, и я не стану спорить съ тобою: сочинитель „Парижскихъ Таинствъ“ немножко грязненекъ, а Жоржъ-Зандъ не слишкомъ нравственная писательница, но зато какіе таланты!.. Какъ они оба владѣютъ перомъ! Сколько красотъ разсыпано въ ихъ сочиненіяхъ!..

Степанъ Степановичъ. Какъ владѣютъ перомъ!.. Вотъ то-то наша и бѣда!—Мы станемъ восхищаться всякою мерзостію, лишь только бы эта мерзость была облечена въ изящную форму...

Я. Однако жъ, позвольте вамъ, господа, замѣтить: вы, кажется, стали говорить о картахъ?..

Степанъ Степановичъ. А вотъ сейчасъ къ нимъ вернемся. Я хотѣлъ только доказать, что въ обыкновенной общественной болтовнѣ мало добраго, а разговаривая о словесности, услышишь такія вещи, что у тебя вся желчь придетъ въ движеніе, начнешь спорить, разгорячишься, выйдешь изъ себя...

Андрей Ивановичъ. Зачѣмъ горячиться?

Степанъ Степановичъ. Зачѣмъ?.. Не могу же я слышать равнодушно, когда хвалятъ

Digitized by Google

съ восторгомъ ядъ, потому только, что этотъ ядъ подслащенъ..

Андрей Ивановичъ. Эхъ, мой другъ, да мы должны отдѣлять искусство исполненія отъ самой цѣли!

Степанъ Степановичъ. Вотъ ужъ этого я никакъ не умѣю. По-моему, какъ бы ни было вкусно отравленное питье, а все-таки оно ядъ. Какъ ни усыпай цвѣтами грязь, а все-таки эта грязь останется грязью.

Андрей Ивановичъ. Ну, въ этомъ съ тобою не всѣ будутъ согласны.

Степанъ Степановичъ. Оттого-то, мой другъ, я и не люблю этихъ литературныхъ и ученыхъ бесѣдъ. Зачѣмъ безъ всякой пользы растравливать себя, надсаживать свою грудь?.. То ли дѣло въ преферансъ, разумѣется, по маленькой: твой проигрышъ для тебя нечувствителенъ, выигрышъ никого не разоряетъ. Шутишь, забавляешься; заставишь поставить ремизъ—смѣешься; тебя обремизятъ—также смѣешься. Ничто не тревожитъ твоей желчи, кровь не волнуется, а время идетъ да идетъ!..

Андрей Ивановичъ. Да, конечно, время проходитъ и съ большою пользою.

Степанъ Степановичъ По крайней мѣрѣ, безъ большого зла, мой другъ; а въ нашемъ грѣшномъ быту и то слава Богу.

Андрей Ивановичъ. Да ты себѣ, что хочешь, говори, а я все-таки стою въ томъ, что эти карты—чума и язва нашего общества... Да, да!.. Я ненавижу ихъ! И еслибъ только могъ, то собралъ бы карты со всего свѣта, сложилъ бы изъ нихъ огромный костеръ и зажегъ бы его собственною моею рукою! *(Степанъ Степановичъ смѣется).*

Я. Ну, Степанъ Степановичъ, что бы вы тогда сдѣлали?

Степанъ Степановичъ *(продолжая смѣяться).* Что бы сдѣлалъ?.. Я бросился бы на этотъ костеръ, сложенный изъ картъ, и сгорѣлъ бы вмѣстѣ съ ними!

(1843 г.)

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

I.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШИХЪ ПРОВИНЦІАЛАХЪ.

„Ну, что за общество? То харя, то уродъ?
Здѣсь вся кунсткамера . . . . . .
. . . . . .
Какая вѣжливость, какія обращенья!
Всѣ эти чучелы похожи ль на людей?..
Безъ вкусу, безъ ума, совсѣмъ безъ просвѣщенья".

Князь Шаховской.

Давно уже я не бесѣдовалъ съ вами, любезные читатели, не потому, чтобъ я боялся надоѣсть вамъ моею болтовнею, мнѣ это и въ голову не приходило: вѣдь дѣти и старики (что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, одно и то же) никогда объ этомъ не заботятся,—имъ бы только болтать. Вы также ошибетесь, если подумаете, что я такъ долго молчалъ потому, что мнѣ нечего было вамъ разсказывать,—помилуйте!... Ужъ я вамъ докладывалъ, что Москва не городъ, не столица, а цѣлый русскій міръ; что въ ней собраны вмѣстѣ всѣ образчики главныхъ началъ, составляющихъ то огромное тѣло, которому Петербургъ служитъ главою, а Москва—сердцемъ. Такъ неужели я могъ въ двухъ небольшихъ книжкахъ высказать вамъ все то, что можно сказать о нашей матушкѣ-Москвѣ православной?... О, нѣтъ!... Была бы только охота, а поговорить есть о чемъ; и я вѣрно бы продолжалъ забавлять или усыплять васъ моими разсказами, если бъ не былъ занятъ другимъ. Вотъ ужъ около года мой домикъ на Пресненскихъ Прудахъ стоитъ, какъ сиротинка, съ запертыми воротами и затворенными ставнями; мой широкій дворъ заросъ крапивою; мои акаціи, бузина и сирени заглохли травою; моя дерновая скамья, съ которой я такъ часто любовался изгибистымъ бѣгомъ Москвы-рѣки, развалилась и стала похожа на небрежно засыпанную могилу. Послѣ этого вамъ не трудно будетъ отгадать, что меня не было въ Москвѣ. Я ѣздилъ по домашнимъ дѣламъ верстъ за тысячу; прожилъ долго въ Калужской губерніи, потрудился, поработалъ, нагулялся до-сыта по этимъ, нѣкогда дремучимъ Брынскимъ лѣсомъ; погостилъ нѣсколько дней въ селѣ Толстошеинѣ, въ которомъ, говорятъ, жилъ встарину какой-то бояринъ, въ великолѣпныхъ хоромахъ, съ вышками и теремами. Теперь на мѣстѣ этихъ хоромъ выстроенъ обширный желѣзный заводъ. Видно, вездѣ промышленность и общеполезныя заведенія вытѣсняютъ понемногу русскихъ бояръ изъ ихъ наслѣдственныхъ, дѣдовскихъ палатъ. Вотъ, посмотришь, у насъ въ Москвѣ? въ этомъ старинномъ боярскомъ домѣ фабрика, въ томъ училище, въ одномъ больница, въ другомъ трактиръ; да такъ и быть должно. У насъ не было ни міоратовъ, ни наслѣдственной аристократіи, такъ диво ли, что дѣдушка давалъ роскошные пиры и жилъ въ огромныхъ палатахъ, а внукъ сзываетъ гостей на чашку чаю и живетъ скромнехонько въ деревянномъ домикѣ. „Оно, дескать, и пріютнѣе, и *комфортабельнѣе*, и опрятнѣе, да и печей-то поменьше надобно топить".

Вы ужъ знаете, любезные читатели, что я, какъ истинный москвичъ, немножечко лѣнивъ, тяжелъ на подъемъ и безъ крайней надобности ни за что бы не рѣшился уѣхать надолго изъ Москвы. Обыкновенно всѣ мои поѣздки ограничивались посѣщеніемъ нѣкоторыхъ подмосковныхъ, рѣдкими прогулками въ Новый Іерусалимъ и довольно частыми путешествіями въ Троицкую Лавру,—то-есть въ теченіе тридцати лѣтъ я ни одного разу не былъ за границею Московской губерніи. Разныя домашнія обстоятельства, о которыхъ разсказывать я полагаю излишнимъ, вынудили меня разстаться на цѣлый годъ съ моимъ уютнымъ домикомъ, со старинными друзьями, со всѣми удобствами столичной жизни и ѣхать, добро бы еще заграницу, а то, страшно вымолвить,—въ самую глубь Россіи!... Не подумайте, любезные читатели, что это иронія или шутка,—нѣтъ. Я струсилъ, не шутя, отправляясь въ дорогу; и, правду сказать, было отъ чего призадуматься!.. Тому, кто живетъ постоянно въ столицѣ, трудно слѣдить за измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ нашихъ провинціальныхъ жителей; бывая по своимъ дѣламъ въ Москвѣ, они не всегда появляются въ обществѣ, а сверхъ того, человѣкъ заѣзжій обыкновенно старается приноровиться къ обычаямъ и принятымъ условіямъ города или общества, въ которое онъ попалъ случайнымъ образомъ. Чтобы изучить нравы, узнать обычаи и получить понятіе о степени просвѣщенія не только цѣлаго общества, но одного человѣка, надобно застать его, такъ-сказать, врасплохъ, подсмотрѣть его домашній бытъ, пожить съ нимъ вмѣстѣ. Въ противномъ случаѣ,

Digitized by Google

понятія ваши объ этомъ человѣкѣ будутъ всегда поверхностны и невѣрны. Строго придерживаясь этого правила, я не дозволялъ себѣ никакого собственнаго сужденія о нашихъ провинціалахъ; но зато слѣпо вѣрилъ, что они съ необычайной точностію и глубокимъ познаніемъ дѣла описаны, изображены и выведены на сцену въ нѣкоторыхъ современныхъ повѣстяхъ, романахъ и комедіяхъ.— „Не можетъ быть“,—думалъ я,—„чтобъ эти господа сочинители писали наобумъ... А жаль, истинно жаль!.. Ну, не грустно ли подумать, что всѣ наши провинціи заселены помѣщиками, которые вполнѣ оправдываютъ обидное названіе *сѣверныхъ варваровъ;* названіе, данное намъ французами, вѣроятно, потому, что мы за пожаръ Москвы не отомстили разореніемъ Парижа. Волосы становятся дыбомъ, когда видишь въ какой-нибудь комедіи или читаешь въ какомъ-нибудь романѣ, что за народъ эти русскіе провинціалы!.. Всѣ, отъ перваго до послѣдняго, такіе уроды, что не дай, Господи, не только съ ними жить, да и на улицѣ-то повстрѣчаться. И всѣ какъ будто бы въ одну форму вылиты; только и есть между ними разницы: одинъ невѣжда-глупецъ, другой невѣжда-мошенникъ; тотъ пошлый дуракъ и, разумѣется, невѣжда, а этотъ естественный плутъ— а все-таки невѣжда!.. Ну, истинно, не на комъ душѣ отдохнуть!.. Инымъ это очень нравится:— „смѣшно!“... А я такъ, бывало, чуть не плачу... Ахъ, матушка наша, святая Русь!.. Да что же это съ тобою дѣлается?.. Въ столицахъ народъ становится просвѣщеннѣе,—конечно, и мы идемъ нога за ногу, а все-таки подвигаемся впередъ; такъ отчего же провинціалы-то наши все пятятся назадъ? Вотъ уже шестьдесятъ четыре года, какъ Фонвизинъ вывелъ на сцену русскихъ провинціаловъ: Скотинина, Простаковыхъ, Митрофанушку, да зато рядомъ съ ними поставилъ милую и любезную дѣвицу, благороднаго и добросовѣстнаго чиновника, исполненнаго чести, умнаго старика и скромнаго, образованнаго молодого человѣка. А теперь заѣзжай въ какой-нибудь губернскій городъ — варварство, невѣжество!.. Ни одного человѣческаго чувства, ни одной благородной мысли,—ну, хуже всякой Лапландіи!.. А туда жъ ѣздятъ на лошадяхъ и въ каретахъ, словно европейцы какіе!.. И съ этими-то людьми я долженъ буду жить не мѣсяцъ, не два, а, можетъ быть, слишкомъ годъ! Говорятъ, что всѣ невѣжды, по какому-то врожденному инстинкту, ненавидятъ человѣка просвѣщеннаго и, если онъ хочетъ жить съ ними въ ладу, то долженъ непремѣнно придерживаться русской пословицы: „съ волками жить, по-волчьи выть“,—то-есть гулять вмѣстѣ съ ними да похваливать ихъ домашнюю наливочку и *полынковое* винцо, ѣсть медовое варенье, играть по пятаку въ преферансъ, соглашаться съ ними, что просвѣщенье—чума, а книги—сущій ядъ; что тотъ помѣщикъ, который болѣе думаетъ о благосостояніи своихъ крестьянъ, чѣмъ о своихъ доходахъ,—пустой и даже опасный человѣкъ, потому, дескать, что онъ этимъ примѣромъ развращаетъ и чужихъ крестьянъ; что всякая ученость и философія не стоютъ одной русской пословицы: „сухая ложка ротъ деретъ“, и что судья, который служилъ въ тепломъ мѣстечкѣ и не умѣлъ порядкомъ руки нагрѣть—простофиля и дуракъ; что умъ данъ человѣку не на то, чтобъ тратить его на безполезное ученье да на разные финты-фанты, нѣмецкіе куранты, а на то, чтобъ домикъ нажить, дорого продать, дешево купить, съ умнымъ человѣкомъ держать ухо остро, глупаго на бобахъ провести; однимъ словомъ, чтобъ не быть въ глазахъ провинціаловъ какимъ-нибудь выскочкой, гордецомъ и даже вольнодумцемъ, должно непремѣнно скрывать свое презрѣніе къ этому варварскому образу мыслей; слушая какое-нибудь нелѣпое сужденіе, кивать въ знакъ согласія головою, одобрительно улыбаться и, хотя изрѣдка, проклинать вмѣстѣ съ ними это демонское наважденіе, которое называютъ образованностію, просвѣщеніемъ и наукою. Теперь вы видите, любезные читатели, что мнѣ было отъ чего сокрушаться сердцемъ и горевать, разставаясь на цѣлый годъ съ Москвою.—„Боже мой“,—думалъ я,—„ну, если эта отвратительная картина общаго невѣжества и нравственнаго разврата до того подѣйствуютъ на мою душу, что я стану меньше прежняго любить свое отечество?“.. А вѣдь это дѣло возможное. Хотя, по милости нѣкоторыхъ писателей, я давно уже имѣлъ весьма выгодное понятіе о нашихъ провинціалахъ; но вѣдь большая разница,—читать о чемъ-нибудь, или видѣть то же самое собственными глазами. Вы прочтете безъ особеннаго отвращенія полный курсъ анатоміи; но не угодно ли вамъ пожаловать туда, гдѣ эта наука преподается практически: посмотрите, какъ рѣжутъ и вскрываютъ полусгнившій трупъ человѣка, въ которомъ нѣтъ уже ничего человѣческаго; полюбуйтесь его растерзанными членами, подышите этимъ заразительнымъ воздухомъ, и тогда вы поймете, что между описаніемъ какого-нибудь предмета и самимъ предметомъ бываетъ иногда неизъяснимая разница.

Выѣхавъ съ этими грустными мыслями изъ Москвы, я не слишкомъ торопился доѣхать до перваго губернскаго города, въ которомъ мнѣ надобно было пожить нѣсколько времени. Вотъ, наконецъ, я пріѣхалъ—и, представьте себѣ мое удивленіе!.. Гляжу, прислушиваюсь—люди, какъ люди. Есть помѣщики дурные, да много также и добрыхъ. Есть невѣжды, но только большая часть изъ нихъ вовсе не щеголяютъ своимъ невѣжествомъ; напротивъ, они прикидываются людьми начитанными, выписываютъ журналы, толкуютъ о политикѣ и врутъ точно такъ же, какъ невѣжды московскіе, петербургскіе, французскіе и даже нѣмецкіе. Впрочемъ, я встрѣчалъ нерѣдко и мужчинъ, и замужнихъ женщинъ, и дѣвицъ, которые любили побесѣдовать со мною о словесности, наукахъ, объ изящныхъ искусствахъ, и, что всего лучше, имѣли полное право разсуждать объ этихъ предметахъ. Мнѣ попадались и добросовѣстные судьи, и честные, благородные чиновники, которыхъ, однако жъ, никто не называлъ глупцами, потому, дескать, „что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ“. Конечно, и мнѣ также случалось имѣть дѣло съ дураками, не слишкомъ честными людьми, не очень грамотными дворянами; да гдѣ же вы съ ними не встрѣтитесь?.. Это неизбѣжная участь всего человѣчества, это смѣшеніе благородства и подлости, добра и зла, свѣта и тьмы — вездѣ одинаково, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненіями; въ одномъ народѣ невѣжество, подлость и плутовство прикрыты какими-то формами, какою-то блестящею позолотой, въ другомъ они являются безъ всякаго покрова; и только тамъ, гдѣ истинное, то-есть основанное на религіозныхъ началахъ, просвѣщеніе, достигло высокой степени, эта темная сторона нравственной жизни общества становится немного посвѣтлѣе, но и тамъ не ищите безусловнаго добра,—и тамъ также, хотя не такъ часто, а все-таки будутъ встрѣчаться съ вами и глупцы, и невѣжды, и негодяи: отъ нихъ вы никуда не уйдете. Я долженъ, однако жъ, вамъ сказать, что въ Москвѣ очень рѣдко со мною встрѣчались такіе совер-

Digitized by Google

енно уже закоренѣлые невѣжды, какіе попа-
лись мнѣ довольно часто въ провинціальныхъ
ществахъ; но на это есть весьма естественная
ичина: въ огромномъ городѣ, грубый, неотес-
нный невѣжда исчезаетъ въ толпѣ; онъ жи-
тъ въ своемъ маленькомъ кружкѣ, не знается
порядочными людьми, и вы почти никогда
увидите его въ хорошемъ обществѣ, — не
тому, чтобъ въ этомъ хорошемъ обществѣ не
ало ни глупцовъ, ни невѣждъ, но эти глупцы
невѣжды совсѣмъ другого рода: они вымыты,
глажены, покрыты политурою, и, по наруж-
сти, точно такъ же опрятны и красивы, какъ
кусно сдѣланная подъ красное дерево мебель,
торую непремѣнно надобно поскоблить, чтобъ
идѣть, что она сосновая. Въ небольшомъ го-
дѣ совсѣмъ другое дѣло. Тамъ необразованному
упцу и безграмотному невѣждѣ спрятаться
куда: тамъ всѣ на виду, всѣ на перечетѣ, всѣ
ают другъ друга, и тотъ, съ кѣмъ бы вы
когда не встрѣтились въ Москвѣ или въ
етербургѣ, непремѣнно познакомится съ вами
ъ губернскомъ городѣ.

Я не стану васъ увѣрять, что всѣ провинціаль-
ыя барыни походятъ на столичныхъ. Въ нашемъ
ысшемъ обществѣ много есть дамъ, которыя,
ладѣя свободно двумя, а часто и тремя ино-
мными языками, не стыдятся говорить, и
ворить прекрасно, на четвертомъ, то-есть на
воемъ собственномъ. А въ провинціи найдутся
кія барыни, которыя въ присутствіи столич-
аго жителя скорѣе рѣшатся говорить по-чухон-
ки, чѣмъ вымолвить два слова на своемъ при-
одномъ языкѣ. Впрочемъ, это происходитъ по
ой же самой причинѣ, по которой наши про-
инціальныя барыни, я особливо въ отдаленныхъ
убернiяхъ, носятъ платья и матеріи, вышедшія
ъ моды. До нихъ еще не дошло, что въ на-
ихъ столицахъ давно уже перестали щеголять
езнаніемъ русскаго языка. Вообще, отличи-
ельная черта въ характерѣ провинціаловъ есть
акое-то почти дѣтское легковѣріе относительно
сего печатнаго, и въ особенности журналовъ.
азумѣется, что каждый изъ нихъ слѣпо вѣритъ
олько тому журналу, который выписываетъ, —
ъ противномъ случаѣ, онъ не зналъ бы, чему
вѣрить; но зато избранный имъ журналъ
тановится для него совершеннымъ оракуломъ.
дна очень любезная женщина говорила со мною
сегда по-русски, безъ всякаго смѣшенія „фран-
узскаго языка съ нижегородскимъ“. Вдругъ
на начала отпускать, ни къ селу, ни къ городу,
ѣлыя фразы на французскомъ языкѣ.

Я удивился.

— Что жъ тутъ страннаго?—сказала она.—По-
мотрите, что напечатано въ *моемъ* журналѣ! Въ
емъ доказываютъ, что намъ иначе невозможно,
даже называютъ *мѣщанами* тѣхъ, которые же-
аютъ, чтобъ мы изъяснялись по-русски, не при-
ѣшивая къ нашему разговору французскихъ
разъ.

Мужъ этой госпожи, баринъ очень добрый,
акже на основаніи какого-то журнала, вообра-
илъ себѣ, что человѣкъ просвѣщенный долженъ
оворить такимъ страннымъ языкомъ, чтобъ его
е понимали ни иностранцы, ни русскіе. Я при-
ялся было доказывать женѣ, что мнѣніе одно-
о журналиста не можетъ быть закономъ для
сѣхъ; что если въ цѣломъ мірѣ каждый народъ
оворитъ своимъ роднымъ нарѣчіемъ безъ при-
ѣси французскихъ фразъ, то, вѣроятно, и мы
ожемъ обойтись безъ этого. Барыня не стала
еня и слушать. Я обратился къ мужу и началъ
ему доказывать, что иностранныя слова съ рус-
скимъ окончаніемъ можно употреблять только въ
такомъ случаѣ, когда въ нашемъ языкѣ не най-
дется равносильнаго слова, которое выражало бы
ту же самую мысль.

— Вотъ,—говорилъ я ему,—французы взяли у
насъ слово *степь*, да это потому, что ихъ pгairie и
désert вовсе не даютъ вѣрнаго понятія о
томъ безсѣсномъ, но не песчаномъ, а поросшемъ
травою, огромномъ пространствѣ земли,
которое мы называемъ степью. И мы также дол-
жны усвоивать нашему языку только тѣ слова,
безъ которыхъ рѣшительно не можемъ обойтись.
Къ чему, напримѣръ, вы называете гостиную —
салономъ; говорите, вмѣсто всеобщаго—*универсаль-
ный*, вмѣсто преувеличенія—*экзажерація*, вмѣсто
понятія—*консепція*, вмѣсто обезпеченія—*гарантія*,
вмѣсто раздраженія—*ирритація*, вмѣсто посвя-
щенія—*инисіація*, вмѣсто принадлежности—*атри-
бутъ*, вмѣсто отвлеченный—*абстрактный*, вмѣсто
поразительно — *фрапантно* и прочее. Повѣрьте
мнѣ,—продолжалъ я,—что, употребляя безъ всякой
нужды сотни подобныхъ словъ, вы вовсе не до-
казываете этимъ вашего просвѣщенія; напротивъ,
вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, вы двигаетесь
назадъ. Въ старину, то-есть во времена Петра
Великаго и вскорѣ послѣ него, получше вашего
умѣли коверкать русскій языкъ. Теперь, благо-
даря успѣхамъ просвѣщенія и развитію нашей
словесности, всѣ эти чужеземныя слова, за исклю-
ченіемъ немногихъ, исчезли изъ русскаго язы-
ка; нынче никто не скажетъ, что онъ ходилъ
стрѣлять изъ *фузеи*, или что мы подъ Малымъ
Ярославцемъ одержали надъ французами знаме-
нитую *викторію*. Кто нынче будетъ увѣрять кого-
нибудь въ своемъ *респектѣ* и *венераціи*? Кому
придетъ въ голову *эстимовать* отличный *меритъ*
своего друга, хвастаться своимъ *раномъ*, или
сдѣлать *презентъ* своей *амантѣ*? Кто въ наше
время назоветъ заставу—*барьеромъ*, штыкъ—*байо-
нетомъ* и предвѣщанье—*прогностикомъ*? А все это,
однако жъ, было и, слава Богу, прошло. Такъ
изъ чего же вы бьетесь?..

Мой ученый баринъ разгнѣвался и назвалъ
меня *ограниченнымъ* пуристомъ. Вѣроятно, онъ за-
нялъ это вѣжливое выраженіе изъ того же са-
маго журнала, изъ котораго почерпалъ всю свою
премудрость. Я было сначала и самъ разсердил-
ся, да тотчасъ присмирѣлъ потому, что вспом-
нилъ о собственномъ своемъ грѣхѣ. Вѣдь и я
также имѣлъ глупость слѣпо вѣрить печатнымъ
разсказамъ, и я также думалъ, что наши про-
винціалы только что не ходятъ на четырехъ но-
гахъ. Тутъ вся моя досада обрушилась на этихъ
разсказчиковъ, которые описываютъ то, чего не
видали, и говорятъ о томъ, чего не знаютъ. За-
щитники этихъ господъ оправдываютъ ихъ тѣмъ,
что они описывали одну только сторону нашихъ
провинціальныхъ нравовъ, сирѣчь—дурную. Эхъ,
господа, господа! Да вѣдь односторонность ни-
куда не годится, а особливо когда мы говоримъ
о нравственномъ достоинствѣ цѣлаго народа!
Ужъ тутъ всегда эта односторонность превра-
щается или въ нелѣпое похвальное слово, или,
не прогнѣвайтесь, въ совершенную клевету.—
„Позвольте“,—скажутъ мнѣ:—„да развѣ Гогартъ
былъ человѣкъ не геніальный, а вѣдь въ его
карикатурахъ вы найдете немного утѣшитель-
наго“.—Гогартъ? Да это совсѣмъ другое дѣло:
карикатура вовсе не имѣетъ притязанія на исти-
ну: она представляетъ дѣйствительную жизнь
всегда въ преувеличенно-искаженномъ и даже
иногда совершенно - искаженномъ видѣ. Само
названіе „карикатура“ предохраняетъ уже васъ
отъ всякаго обмана. Назовите ваши очерки, вашъ
романъ или комедію карикатурою и пишите, что
вамъ угодно. Будьте только остроумны и забав-

Digitized by Google

ны, всякій скажетъ вамъ—„спасибо“,—и тотъ, кто станетъ кричать, что описанія ваши невѣрны, что вы клевещете, того, пожалуй, и я назову *ограниченнымъ пуристомъ*. Да и кому придетъ въ голову требовать отъ васъ правды, когда вы предлагаете ему карикатуру!

Теперь, любезные читатели, сообщивъ вамъ сдѣланное мною открытіе, что русскіе провинціалы, точно такъ же какъ и всѣ люди, созданы по образу и подобію Божію, я снова поведу съ вами рѣчь о нашей матушкѣ-Москвѣ. Прошу васъ выслушать попрежнему благосклонно мою стариковскую болтовню, а пуще всего не думать, что я мѣчу на кого-нибудь *одного*, когда пишу *обо всѣхъ*. Я желалъ бы очень походить на хорошаго живописца, но только не портретнаго. И всякому, кто, читая мои записки, скажетъ: „Э, да я знаю, на кого мѣтитъ сочинитель! Это вотъ такой-то!“— я напомню, разумѣется, со всей должной вѣжливостью, слѣдующіе три стиха покойнаго Крылова:

„Что Климычъ на руку нечистъ—всѣ это знаютъ:
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра!“

II.

ЧЕТЫРЕ ВИЗИТА.

„Да, матушка, ты, точно, права.
Въ Москвѣ визиты не забава;
Вотъ я на Шабловкѣ живу—а ты-то гдѣ?
Ну, страшно вымолвить!.. Въ Нѣмецкой слободѣ!
Вѣдь, это десять верстъ!..“

Изъ рукописной комедіи.

Изъ предыдущей главы вы можете заключить, любезные читатели, что я, живя въ провинціи, не всегда умиралъ отъ скуки и даже нерѣдко проводилъ время довольно пріятнымъ образомъ; но, несмотря на это, къ концу года я началъ призадумываться и грустить по Москвѣ. Нѣтъ, что ни говори: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Вотъ грусть моя превратилась, наконецъ, въ эту „тоску по родинѣ“, ужасную болѣзнь, отъ которой, говорятъ, горные швейцарцы какъ мухи умираютъ. А какъ мнѣ умирать вовсе не хотѣлось, такъ я поторопился привести въ порядокъ свои дѣла, взялъ почтовыхъ, посулилъ на водку и вихремъ помчался

„По дорогѣ столбовой,
Въ нашу матушку-Москву
Бѣлокаменную“.

Съ какою радостію возвратился я опять на свое старое пепелище! Когда я въѣхалъ въ Калужскую заставу, Москва показалась мнѣ обѣтованною страной, земнымъ раемъ и самымъ прекраснѣйшимъ городомъ въ мірѣ.—„Прекраснѣйшимъ,“—повторитъ какой-нибудь пріѣзжій, ну, положимъ, изъ Одессы.—„Да чтожъ въ немъ прекраснаго? А особливо, если вы ѣдете отъ Калужской заставы къ Пресненскимъ Прудамъ. Сначала безконечная Калужская улица, то-есть длинное песчаное поле, по одной сторонѣ котораго разбросаны огромныя каменныя зданія, а по другой тянется длинный рядъ плохихъ деревянныхъ домовъ; потомъ неопрятный рынокъ съ запачканными лавками, а тамъ Крымскій Бродъ со своими грязными огородами и безобразнымъ деревяннымъ мостомъ. Дальше Зубовскій [illegible] варъ съ тощими липками; рядомъ съ [illegible] палатами домики, конечно, довольно [illegible] но все-таки деревянные. Вездѣ какое-то [illegible] ное смѣшеніе городской роскоши съ [illegible] простотою. Вездѣ сады, огороды, [illegible] цѣлыя поля“...—Да это-то мнѣ и по душѣ; то именно и дѣлаетъ Москву вѣрною [illegible] вительницей всей Россіи, которая точно [illegible] не походитъ на всѣ западныя государства; Москва не походитъ на всѣ европейскіе [illegible] Русскій человѣкъ задохнется въ какомъ-[illegible] нѣмецкомъ городѣ. Тамъ вездѣ тѣснота, [illegible] давятъ другъ друга, а онъ любитъ свое [illegible] привольное житье, свое русское раздолье [illegible] сторъ. Въ Россіи шестьдесятъ милліоновъ [illegible] лей, а вѣдь грѣшно сказать, чтобъ имъ [illegible] тѣсно. И въ Москвѣ то же самое: въ ней [illegible] комъ триста тысячъ обывателей, а посмо[illegible] какъ они живутъ просторно. У иного не [illegible] а избушка, да на дворѣ-то можно пос[illegible] двадцать нѣмецкихъ домовъ, а если зах[illegible] такъ найдется мѣсто и для площади, разум[illegible] также германской. Эти огромные пустыри [illegible] бросанныя по всей Москвѣ поля не при[illegible] ляютъ ли вамъ, въ уменьшенномъ видѣ, [illegible] предѣльныя степи нашихъ восточныхъ и [illegible] губерній? Эти безпрерывные сады не [illegible] наютъ ли вамъ о дремучихъ лѣсахъ наш[illegible] дины? Эти многочисленныя церкви, эти [illegible] обители иноковъ не возвѣщаютъ ли вамъ [illegible] святую, православную Русь? Не говорятъ ли [illegible] вамъ о благочестивомъ обычаѣ нашихъ [illegible] ковъ, которые не оставили намъ ни разва[illegible] феодальныхъ замковъ, ни древнихъ дво[illegible] ни другихъ общественныхъ зданій: но зато [illegible] гда въ память великихъ событій возд[illegible] храмы Божіи, строили монастыри, и если [illegible] говорятъ, что у насъ нѣтъ вовсе историч[illegible] памятниковъ, такъ это потому, что они [illegible] ихъ вовсе не тамъ, гдѣ ихъ должно искать.

У меня есть старинный пріятель, [illegible] очень люблю. Онъ человѣкъ честный, благ[illegible] ный, необычайнаго ума, съ обширными [illegible] ніями, но, къ сожалѣнію, или, лучше сказ[illegible] прискорбію его пріятелей, величайшій из [illegible] непосѣдъ. Онъ безпрестанно говоритъ о [illegible] желаніи найти гдѣ-нибудь постоянное для [illegible] жилище, завестись домомъ, а между тѣмъ [illegible] жизнь его проходитъ въ безпрерывной [illegible] перевозѣ его домашней утвари и библ[illegible] изъ одного конца Россіи въ другой. Ну, [illegible] кажется иногда, что про него-то именно и [illegible] жена русская пѣсня:

„Мнѣ моркотно молоденьку.
Нигдѣ мѣста не найду“.

Этотъ пріятель, который, надѣюсь, не [illegible] еще оставилъ Москву, прожилъ въ ней [illegible] долго, однако жъ, очень вѣрно изобразилъ ее [illegible] одномъ изъ своихъ писемъ. Онъ говоритъ, [illegible] прочимъ, что Москва не городъ, а собраніе [illegible] родовъ; что вся ея средина, то-есть Кремль, [illegible] тай и Бѣлый-городъ, заслуживаютъ вполнѣ [illegible] званіе столицы; потомъ весь обширный Зем[illegible] ной-городъ какъ-будто бы составленъ изъ [illegible] сколькихъ губернскихъ городовъ, окруженных [illegible] со всѣхъ сторонъ эту древнюю столицу [illegible] Русскаго и, наконецъ, все то, что называ[illegible] встарину *скородомомъ*, то-есть части города, [illegible] жащія за валомъ, походятъ на великое [illegible] ство уѣздныхъ городковъ, которые, въ [illegible] очередь, обхватываютъ весь Земляной-[illegible] этой огромной цѣпью прежде бывшихъ [illegible]

Digitized by Google

довъ и селъ. Я прибавлю къ этому, что са-образъ жизни, домашній бытъ и даже сте-просвѣщенія различныхъ обывателей мо-скихъ, вполнѣ отвѣчаютъ этому топографи-ому подраздѣленію Москвы на столицу, гу-кіе города и мелкіе уѣздные городишки. се найдете въ Москвѣ: и столицу съ евро-кимъ просвѣщеніемъ, и губернскіе города, съ русской физіономіей и французскими за-ами, и уѣздные городки съ ихъ радушнымъ сольствомъ и дѣдовскими обычаями. Да что орю — города! Вы найдете въ Москвѣ са-вѣрные образчики нашего простого сель-о быта, вы отыщете въ ней цѣлыя усадь-еревенскихъ помѣщиковъ, съ выгонами для , фруктовыми садами, огородами и дру-принадлежностями сельскаго хозяйства. ъ изъ моихъ пріятелей П. Н. Ф...въ нани-по контракту въ Басманной улицѣ домъ одина К...го. Я самъ читалъ этотъ контрактъ. емъ, между прочимъ, сказано, что постоя-имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи садъ, принадлежащій къ дому, за исклю-емъ, однако жъ, *сѣнокоса и рыбной ловли*. въ иномъ городѣ, разумѣется, загранич-вы можете совершенно забыть, что есть на деревни; въ Москвѣ съ вами этого никогда лучится. Положимъ, что вы теперь на Кузь-омъ мосту,—ужъ тутъ, конечно, ничто не омнитъ вамъ о деревнѣ; но сверните немного сторону, ступайте по широкой улицѣ, кото-называется *Трубою*, и вы тотчасъ перене-сь въ другой міръ. Позади, шагахъ въ пяти-ти отъ васъ, кипитъ столичная жизнь въ омъ своемъ разгулѣ; одна карета скачетъ другою, толпы пѣшеходцевъ тѣснятся на *плитовыхъ* тротуарахъ, всѣ дома унизаны колѣпными французскими вывѣсками; шумъ, ъ, толкотня; а впереди и кругомъ васъ тихо покойно. Изрѣдка проѣдетъ извозчикъ, про-дится мужичокъ съ возомъ, остановятся по-тать межъ собою двѣ сосѣдки, въ допотопныхъ авейкахъ. Пройдите еще нѣсколько шаговъ, отъ работницы въ простыхъ сарафанахъ и шунахъ идутъ съ ведрами за водой. Вотъ каживаютъ по улицѣ куры съ цыплятами, дѣйки, гуси, а иногда вамъ случится увидѣть рную свинку, которая прогуливается со своими росятами. Я, по крайней мѣрѣ, не разъ встрѣ-ался съ этимъ интереснымъ животнымъ не олько на Трубѣ, но даже и на Рождественскомъ льварѣ. Вѣроятно, во всѣхъ столицахъ послѣ ливного дождя бываютъ лужи по улицамъ; врядъ ли въ какой-нибудь столицѣ плаваютъ тки по этимъ лужамъ, а мнѣ случалось часто юбоваться въ Москвѣ этой сельской картиной. Впрочемъ, надобно сказать правду, послѣ нѣ-котораго приключенія я сталъ гораздо менѣе юбить эту простоту нравовъ, эту патріархаль-ую жизнь *нараспашку*, которая мнѣ прежде ень нравилась. Я разскажу вамъ всѣ подроб-ности этого истиннаго, хотя и не слишкомъ равдоподобнаго приключенія, по милости кото-раго я, вмѣсто десяти предполагаемыхъ визитовъ, успѣлъ только сдѣлать четыре.

Мнѣ помнится, я ужъ говорилъ гдѣ-то, какъ затруднительно московскимъ жителямъ выпол-нять эту общественную обязанность, названіе которой не переведено еще на русскій языкъ... Посѣщать и *дѣлать визиты* вовсе не одно и то же: посѣщаютъ обыкновенно своихъ родныхъ, друзей и пріятелей, а визиты дѣлаютъ всѣмъ знакомымъ; въ первомъ случаѣ намъ всегда пріятно заставать хозяина дома, во второмъ — мы желаемъ совершенно противнаго. Мы посѣща-емъ людей, которыхъ любимъ, для того, чтобъ съ ними повидаться, и дѣлаемъ иногда визиты такимъ знакомымъ, съ которыми не желали бы часто встрѣчаться и на улицѣ. Въ Москвѣ дѣлать сразу всѣ визиты нельзя иначе, какъ на перемѣнныхъ лошадяхъ, разумѣется, если ваши знакомые живутъ въ разныхъ частяхъ города. Напримѣръ, вашъ домъ въ Садовой у Тріумфальныхъ воротъ; не угодно ли вамъ съѣздить подъ Донской и завернуть оттуда въ Лефортовскую часть — всего два визита, а врядъ ли вы успѣете ихъ сдѣлать въ одно утро и на однѣхъ лошадяхъ. Когда я собираюсь ѣздить съ визитами, то составляю заранѣе подробный маршрутъ. Сначала пошатаюсь день-другой по своей Пре-снѣ, Грузинамъ, по Садовой, по всѣмъ переулкамъ, которые соединяютъ межъ собой Никитскую, Арбатъ и Поварскую, а тамъ растахъ; дамъ лошадямъ вздохнуть, да примусь объѣзжать Замоскворѣчье и ближайшія къ нему улицы; потомъ опять отдохну и отправляюсь, наконецъ, странствовать по всѣмъ окрестностямъ Нѣмецкой слободы, побываю въ Ольховцахъ, на Покровкѣ, на Мясницкой, заверну на Чистые Пруды, къ Меньшиковой башнѣ, на Срѣтенку, за Сухареву башню, мимоѣздомъ на Петровку, Дмитровку, Тверскую — и такимъ образомъ, не уморивъ ни одной лошади, кончу дней въ шесть всѣ мои визиты.

Возвратясь въ Москву, я долженъ былъ, какъ водится, развезти визитныя карточки по всѣмъ знакомымъ. И вотъ, на прошлой недѣлѣ, завернувъ сначала къ ближайшимъ моимъ сосѣдямъ, я располагался въ одно утро объѣздить Хамовники, Пречистенку, Остоженку и побывать за Москвой-рѣкой. Я началъ съ Хамовниковъ. Это одна изъ тѣхъ частей Москвы, которыя пріятель мой сравниваетъ съ уѣздными городками, окружающими со всѣхъ сторонъ Земляной-городъ. Въ двухъ шагахъ отъ нея начинается красивая Пречистенская улица, въ которой нѣсколько огромныхъ каменныхъ домовъ не испортили бы и Дворцовой набережной Петербурга; но, несмотря на это аристократическое сосѣдство, Хамовники, во всѣхъ отношеніяхъ, походятъ на самый дюжинный уѣздный городишко. Мѣстами только вымощенныя узенькія улицы, низенькіе деревянные дома, пустыри, огороды, пять-шесть небольшихъ каменныхъ домовъ, столько же дворянскихъ хоромъ съ обширными садами, сальный заводъ стеариновыхъ свѣчей, съ вѣчной своей вонью, непроходимая грязь весной и осенью, и одна только церковь, впрочемъ, довольно замѣчательная по своей древней архитектурѣ, — вотъ все, что составляетъ эту прежде бывшую слободу, прозванную Хамовниками, вѣроятно, потому, что въ ней жили нѣкогда крѣпостные дворовые люди, которыхъ и теперь еще величаютъ въ простонародьи *хамами* и *хамовымъ отродьемъ*.

Въ одномъ изъ хамовническихъ переулковъ гордо возвышается, окруженный со всѣхъ сторонъ пустырями и заборами, деревянный домикъ съ высокимъ теремомъ, то-есть, по нынѣшнему, *мезониномъ*: домикъ весьма порядочный, яркаго желтовато-канареечнаго цвѣта, съ зелеными ставнями, красною кровлею и присадникомъ, у котораго рѣшотка выкрашена также зеленою, а всѣ столбики той же самой краской канареечнаго цвѣта. Впрочемъ, вѣроятно, не самъ хозяинъ придумалъ раскрасить такимъ великолѣпнымъ образомъ свой домъ, а эта мысль родилась въ головѣ его, при видѣ алебастровыхъ расписныхъ попугаевъ, которыхъ, лѣтъ пять тому назадъ, оборванные итальянцы носили на лоткахъ по всѣмъ улицамъ. Что жъ дѣлать? Мы, русскіе,

Digitized by Google

сами ничего не выдумаемъ! но зато какъ-разъ перейдемъ у иностранцевъ все хорошее. Въ этомъ домикѣ живетъ Степанъ Савельевичъ Бобриковъ со своей женой Марьей Никитишной, двумя малолѣтними сыновьями и дочерью, которая почти уже невѣста. Мнѣ долго было бы разсказывать, по какому случаю я познакомился съ Степаномъ Савельевичемъ Бобриковымъ, и потому скажу вамъ только одно, что я знакомъ съ нимъ болѣе двадцати лѣтъ и даже былъ его посаженымъ отцомъ, несмотря на то, что, по русскому обычаю, холостые люди весьма рѣдко бываютъ посаженными отцами.

Подъѣхавъ къ запертымъ воротамъ этого цвѣтистаго домика, я вылѣзъ изъ коляски, отворилъ калитку, и лишь только вошелъ во дворъ, какъ вдругъ двѣ злыя шавки кинулись на меня, какъ на дикаго звѣря. Прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, эти проклятыя дворняшки прокусили у меня въ двухъ мѣстахъ шинель и до того испугали своимъ нападеніемъ, что я непремѣнно выскочилъ бы опять на улицу и закричалъ караулъ, если бъ не явилась ко мнѣ на выручку съ мочалкою въ рукѣ, запачканная и растрепанная баба, которая, вѣроятно, въ эту минуту занималась мытьемъ барской посуды. Не помню, кто изъ моихъ знакомыхъ, говоря о какомъ-то зломъ и недобросовѣстномъ критикѣ, сказалъ: „если ты хочешь имѣть понятіе объ этомъ журнальномъ пачкунѣ, такъ представь себѣ спущенную съ цѣпи бѣшеную шавку, косматую и запачканную въ грязи. Эта шавка кидается на всѣхъ людей, порядочно одѣтыхъ, и лижетъ ноги только у тѣхъ, которые точно такъ же растрепаны и запачканы, какъ она“. Я невольно вспомнилъ объ этомъ, увидѣвъ, что злыя собаки, которыя напали на меня съ такимъ ожесточеніемъ, присмирѣли и кинулись лизать сальныя руки этой грязной и косматой бабы.

— Пожалуйте, сударь, — сказала моя избавительница,—пожалуйте: баринъ дома! Пошли вы, проклятыя,—продолжала она, замахиваясь своей мочалкой:—я васъ!.. Пожалуйте, батюшка, вотъ сюда на крылечко.

Я вошелъ, вслѣдъ за бабою, въ темныя сѣни, по которымъ надобно было идти ощупью.

— Нѣтъ, батюшка, не сюда,—это чуланъ; вотъ здѣсь!—заговорила опять моя провожатая, растворяя обитую войлокомъ дверь. — Терентій! — промолвила она вполголоса, просунувъ голову въ переднюю.—Вставай: гость!

Терентій, пожилой слуга, небритый, нечесаный, въ поношенномъ сюртукѣ съ протертыми локтями, вскочилъ съ коника, снялъ съ меня шинель и растворилъ обѣ половинки дверей въ столовую. Въ этой комнатѣ все напоминало о томъ времени, когда у насъ на Руси была еще въ ходу пословица: „не красна изба углами, а красна пирогами“. Въ ней пахло какимъ-то сдобнымъ кушаньемъ, а по угламъ тянулась паутина и мотались клочки изодранныхъ обоевъ. Вдоль стѣнъ стояло нѣсколько тростниковыхъ стульевъ, по окнамъ горшки съ геранью, резедою и бальзаминомъ; у самыхъ дверей висѣли деревянные часы съ узорчатымъ циферблатомъ; въ одномъ простѣнкѣ помѣщался ломберный столъ съ покоробленной верхней доской, въ другомъ — расписанный подъ красное дерево высокій шкапъ, на которомъ, между двумя гипсовыми зайчиками съ красными ушами, стояла модель хозяйскаго дома, то-есть алебастровый попугай съ красною головою, желтымъ зобомъ и зелеными крыльями.

Хозяинъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ добрымъ, простодушнымъ лицомъ, вышелъ ко мнѣ навстрѣчу изъ гостиной. Несмотря на то, что на дворѣ было градусовъ семнадцать тепла, на немъ былъ калмыцкій тулупъ, правда, нараспашку, и сверхъ платья, или, лучше сказать, одежды, чрезвычайно легкой.

— Богданъ Ильичъ!—вскричалъ онъ, запахивая свой тулупъ.—Извините!.. Какъ вы изволили меня застать!... Не прогнѣвайтесь, батюшка по-домашнему! Да позвольте, я сейчасъ...

— И, полноте!—сказалъ я.—Что мнѣ до вашего наряда? Я радъ, что засталъ васъ дома.

— Такъ, почтеннѣйшій, такъ!... Да все-таки

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь!

— Нѣтъ, воля ваша!... Позвольте мнѣ...

— Послушайте, Степанъ Савельичъ,—прервалъ я,—если вы станете церемониться, такъ въ первый разъ, какъ вы ко мнѣ пожалуете, я приму васъ въ мундирѣ.

— Ну, какъ вамъ угодно!... Только, право, мнѣ совѣстно!... Прошу покорно!... Марья Никитишна!—продолжалъ Бобриковъ, входя вмѣстѣ со мною въ гостиную—свѣтлую комнату о трехъ окнахъ, убранную нѣсколько пощеголеватѣе столовой.—Марья Никитишна!... Дорогой гость!

— Господи, Боже мой!—воскликнула хозяйка женщина довольно еще свѣжая, дородная, краснощекая, въ холстинковой блузѣ и поношенномъ тюлевомъ чепцѣ.—Васъ ли я вижу?... Батюшка, Богданъ Ильичъ!... Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Прошу покорно садиться... Когда изволили пріѣхать?

— На этихъ дняхъ.

— А мы было совсѣмъ ужъ отчаялись; думаемъ: видно, Богданъ Ильичъ разлюбилъ Москву... Легко сказать—слишкомъ годъ! А сколько безъ васъ дѣлъ-то понадѣлалось!... Матрена Степановна выдала свою дочь замужъ,—превыгодная партія: полковникъ, триста душъ и человѣкъ не старый, лѣтъ, этакъ, за пятьдесятъ. Андрей Михайловичъ скончался... Ѳедосья Дмитріевна разъѣхалась съ мужемъ.. Сердечная! Терпѣла, терпѣла—да нѣтъ, видно, ужъ силъ не стало... человѣкъ пьяный, развратный, картежникъ... ну, да Богъ съ нимъ!... А вотъ я васъ удивлю... Знаете ли что?—Вѣдь Ѳедоръ Григорьевичъ—какъ это вамъ покажется?... женился на второй женѣ! Ну, кто бы подумалъ... въ его лѣта, съ его здоровьемъ!...

— Да о комъ вы говорите?

— О Ѳедорѣ Григорьевичѣ Фурсиковѣ.

— Я его не знаю.

— Право?... Скажите, пожалуйста!.., Да нѣтъ, вы, вѣрно, его знаете!... Человѣкъ свѣтскій, извѣстный, членъ Англійскаго клуба... Что вы! Не можетъ быть, чтобъ вы его не знали!.. Такой маленькій, тщедушный старичекъ... въ зеленыхъ очкахъ... Ѳедоръ Григорьевичъ—его всѣ здѣсь знаютъ... Э, да что жъ я?... Дѣвка, дѣвка! Ступай, скажи Таничкѣ: „пріѣхалъ, дескать, крестный вашъ батюшка—пожалуйте скорѣе!“... Ну, Богданъ Ильичъ, какъ выросла ваша крестница,—почти съ меня ростомъ! Алеша и Николинька также подросли... они теперь учатся русскому языку и ариѳметикѣ... готовимъ, батюшка, въ гимназію... вѣдь ужъ старшему-то десять лѣтъ... Да не угодно ли вамъ, Богданъ Ильичъ, позавтракать?... Мы сейчасъ ѣли пирогъ съ курицею... Не прикажите ли?

— Нѣтъ, Марья Никитишна, я ужъ завтракалъ.

— Такъ чашечку кофею?

— Не безпокойтесь: я ѣсть не хочу.

— И, Богданъ Ильичъ! Да развѣ кофей ѣда? Сдѣлайте милость!

— А не хотите кофею,—прервалъ хозяинъ,—

Digitized by Google

такъ не прикажите ли винца? У меня есть донское,—да какое еще, батюшка,—монастырское, цѣльное!... Эй, человѣкъ!

— Нѣтъ, Степанъ Савельичъ, напрасно раскупорите бутылку! Я пью вино только за обѣдомъ.

— Такъ чѣмъ же васъ потчевать?

— Да ничѣмъ.

— Какъ ничѣмъ? Что вы, Богданъ Ильичъ,—подхватила хозяйка:—ужъ коли вамъ не угодно ни пирога, ни кофею, ни вина, такъ, воля ваша,—извольте отвѣдать моихъ трудовъ... Эй, дѣвка, клубничнаго варенья!.. Да нѣтъ, я лучше сама...—промолвила Марья Никитишна, выходя изъ комнаты.

— Ну что, Степанъ Савельичъ,—сказалъ я, оставшись одинъ съ хозяиномъ:—что вы подѣлываете, какъ идетъ ваше хозяйство?

— Слава Богу, батюшка, слава Богу! На этихъ дняхъ продалъ лѣску; да пишутъ мнѣ изъ моей рязанской деревнишки, что хлѣба очень хороши—изъ годовъ вонъ!.. Сбираюсь туда ѣхать; нельзя, батюшка: хозяйскій глазъ всего важнѣе.

— А здѣсь-то, въ Москвѣ, какъ вы поживаете?

— Да такъ себѣ! Живемъ, по милости Божіей, не хуже людей. Въ театрѣ иногда бываемъ, на гуляньяхъ,—въ Петровскомъ, въ Сокольникахъ,—туда, сюда.. Конечно, знакомства у меня большого нѣтъ. Да вѣдь два-три добрыхъ пріятеля лучше цѣлой сотни шапочныхъ знакомыхъ. Прошлаго года меня очень подбивали записаться въ Нѣмецкій клубъ. „Туда, дескать, сбираются все люди порядочные. Это, дескать, не трактиръ какой, тамъ и балы даютъ и все такъ чинно и строго. Танцуй и веселись, сколько хочешь, а рукамъ воли не давай! Чуть кто полѣзетъ на драку, такъ сохрани, Господи: какъ-разъ выведутъ вонъ, да еще подъ музыку!.. А ужъ есть чѣмъ позабавиться: читать захотѣлъ — милости просимъ, все есть: и „Пчела“ и „Московскія Вѣдомости“. Охота пришла поиграть — играй себѣ, сколько душѣ угодно: и карты, и лото, и биліардъ... Истинно весело!..“ Весело!.. Да мнѣ и дома не скучно: человѣкъ я семейный, жена, взрослая дочь, два мальчика; нечего сказать, шалуны, а ребятишки добрые!.. Есть чѣмъ заняться: одного похлещешь, другого приласкаешь... Къ сосѣду зайдешь, или онъ къ тебѣ завернетъ, сядемъ по копеечкѣ въ преферансъ, да такъ-то распотѣшимся, что и сонъ на умъ нейдетъ! Ужъ бьемся, бьемся... иногда до первыхъ пѣтуховъ! Вотъ также недавно пріятель мой, Иванъ Иванычъ Щелочкинъ, уговаривалъ меня вступить въ Дворянскій клубъ. — „Ужъ это, говоритъ, не Нѣмецкому чета: общество прекрасное, все люди чиновные“... — Нѣтъ, молъ, куманекъ, спасибо! Я до большого свѣта не охотникъ.—„А столъ-то у насъ какой отличный. Лучшій поваръ въ Москвѣ, Власъ!“ —Отличный столъ,—такъ что жъ! Я, слава Богу, и дома не голоденъ; стану я по пустякамъ деньги тратить! — „Какія деньги!.. Вѣдь у насъ обѣдъ-то барскій, а платимъ мы за него бездѣлицу“.—Можетъ статься; да на что мнѣ всѣ эти деликатесы?.. Еще, пожалуй, избалуешься... Какъ больно сладко поѣшь раза два въ недѣлю, такъ, чего добраго, домашній-то обѣдъ вовсе тебѣ опротивѣетъ. Я теперь, и то по праздникамъ, выпью бокальчикъ-другой донского, а въ вашемъ-то клубѣ, говорятъ, шампанское такъ и льется. Нѣтъ, Богъ съ вами!.. Да и за что я буду одинъ кушать, какъ большой баринъ, а жена и дѣти станутъ ѣсть то, что Богъ послалъ? Нѣтъ, любезный, по-мнѣ, коли нельзя сладкаго куска съ женою и дѣтьми раздѣлить, такъ мнѣ его и даромъ не надобно!

— Что жъ вамъ отвѣчалъ на это Иванъ Иванычъ?

— Да что, батюшка: началъ смѣяться, трунить надо мною. Ты, дескать, братецъ, старовѣръ, женинъ прихвостникъ, не смѣешь безъ ея воли изъ дому отлучиться...

— А кто этотъ Иванъ Иванычъ?

— Лѣкарь, батюшка; человѣкъ съ большими познаніями. У него много было мѣстъ и въ казенныхъ заведеніяхъ, и разной практики было довольно,—да все растерялъ. Ему надо ѣхать въ больницу, а онъ наровитъ въ клубъ. Ну, извѣстное дѣло, коли не станешь являться къ должности, такъ за это по головкѣ не погладятъ; смолчатъ разъ, другой, третій, а тамъ и скажутъ: „ужъ вы, батюшка, не извольте безпокоиться: на ваше мѣсто поступилъ другой!“ Говорятъ, у него прежде и денежки важивались, да видно всѣ проигралъ въ лото. Вчера его жена приходила занять у моей Марьи Никитишны цѣлковый,—ѣсть нечего!

Нашъ разговоръ былъ прерванъ возвращеніемъ хозяйки; она вошла въ гостиную, держа въ одной рукѣ блюдечко съ вареньемъ и ведя другою молодую дѣвушку, лѣтъ пятнадцати, съ кудрявой головкой, бѣлымъ, румянымъ лицомъ и свѣтлыми, голубыми глазками.

— Честь имѣю представить, Богданъ Ильичъ,—сказала Марья Никитишна. — Ну, что жъ ты, Таничка, цѣлуй ручку у крестнаго!

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ просто поцѣловать ее, —прервалъ я.

— Какъ вамъ угодно, Богданъ Ильичъ; вѣдь она ваша дочка. На-ка, Таничка, — продолжала Марья Никитишна, передавая дочери блюдечко:— попотчевай своего крестнаго.

Я вовсе не охотникъ до варенья, а особенно когда мнѣ надобно имъ лакомиться до обѣда,— но дѣлать было нечего. Я чуть не подавился, однако жъ, съѣлъ цѣлую ложку, потомъ, по усиленной просьбѣ хозяевъ, еще другую, и никакъ не могъ отдѣлаться отъ третьей, о которой, по приказанію отца и матери, неотступно просила меня Таничка.

— Ну, Богданъ Ильичъ, — сказала хозяйка, когда я проглотилъ послѣдній пріемъ варенья,— не правду ли я говорила, что крестница ваша выросла?

— И выросла, и похорошѣла!

— Благодари, мой другъ.

Таничка очень мило присѣла и поцѣловала меня въ плечо.

— Вы еще не знаете, почтеннѣйшій,—промолвилъ Степанъ Савельичъ,—вѣдь въ дочкѣ-то вашей открылся талантъ: она музыканша.

— Право?

— Да, батюшка! Намъ послалъ Богъ одного сосѣда, старичка-нѣмца; говорятъ, отлично прежде игралъ на фортепьянахъ, концерты давалъ. Теперь ужъ онъ самъ не играетъ; въ обѣихъ рукахъ хирагра, такъ пальчики-то плохо шевелятся, а учить мастеръ! Онъ, по сосѣдству, не сталъ дорожиться, мы его взяли, и Таничка въ одинъ годъ сдѣлала такіе успѣхи, что самъ Ѳома Ѳомичъ, первый, батюшка, гобоистъ въ Императорскомъ театрѣ, не можетъ надивиться ея таланту. И вѣдь мы играемъ не то, чтобъ маленькія какія штучки, вальсики да польки. Нѣтъ, батюшка Богданъ Ильичъ, какъ примемся—такъ всего Плевеля отъ доски до доски, только-что слушай!..

— Да вотъ, всего лучше,—подхватила хозяйка:—Таничка, садись-ка за фортепьяны да потѣшь крестнаго.

— Извините,—сказалъ я, вставая:—теперь мнѣ,

Digitized by Google

право, некогда, а если позволите, такъ я къ вамъ нарочно для этого пріѣду.

— Милости просимъ! Да что жъ вы такъ изволите торопиться? Посидите, сдѣлайте милость!

— Нельзя: мнѣ надобно много дѣлать визитовъ

— Хоть еще полчасика!—промолвилъ хозяинъ.—Вѣдь рано,—успѣете вездѣ побывать. Таничка, проси!

Несмотря на всѣ просьбы этихъ добрыхъ людей, я не могъ пробыть у нихъ долѣе. Мнѣ непремѣнно хотѣлось въ это утро сдѣлать, по крайней мѣрѣ, десять визитовъ; а сверхъ того, они очень напугали меня своимъ *Плевелемъ*, сирѣчь, Плейелемъ, къ которому я питаю личную вражду; и теперь вспомнить не могу безъ ужаса о томъ, что мнѣ доставалось во время оно за этого господина Плейеля, котораго безконечные концерты я долженъ былъ вытверживать наизусть.

Выѣхавъ изъ Хамовниковъ на Дѣвичье поле, я хотѣлъ было сначала объѣздить всѣхъ знакомыхъ, живущихъ на Пречистенкѣ, а потомъ отправиться за Москву-рѣку, но, когда посмотрѣлъ на часы, то увидѣлъ, что я рѣшительно не успѣю побывать у Луцкихъ. Надобно вамъ сказать, что эти Луцкіе вовсе не принадлежатъ къ числу тѣхъ знакомыхъ, которымъ я дѣлаю только визиты. Хотя у нихъ есть уже замужнія дочери, но Луцкій и жена его,—люди еще не старые. Ихъ образъ мыслей, ласковое, привѣтливое обращеніе, неизмѣнное постоянство въ дружбѣ и этотъ, рѣдкій въ наше время, патріархальный, семейный бытъ до того пришлись мнѣ по-сердцу, что я съ перваго дня нашего знакомства полюбилъ ихъ, какъ близкихъ родныхъ. Луцкіе очень богаты, и дай Богъ, чтобъ у насъ было побольше такихъ богатыхъ дворянъ. Ихъ роскошное и въ то-же время радушное гостепріимство не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ хвастливымъ мотовствомъ и чванствомъ, которыя побуждаютъ людей жить выше своего состоянія и разоряться для того только, чтобъ про нихъ сказали, что они живутъ по-барски. Нѣтъ, Луцкіе любятъ принимать и угощать своихъ многочисленныхъ знакомыхъ безъ всякой обдуманной цѣли, а, просто, по какой-то врожденной любви къ этой завѣтной русской добродѣтели, которую мы называемъ „хлѣбосольствомъ“. Кто разъ познакомился съ Луцкими и узналъ поближе все это любезное семейство, для того, конечно, будетъ величайшимъ лишеніемъ ихъ отсутствіе изъ Москвы. Я испыталъ это на себѣ потому, что они каждое лѣто уѣзжаютъ въ свои рязанскія помѣстья. Луцкіе путешествовали по Европѣ и очень долго жили въ Парижѣ. Разумѣется, тому, кто получаетъ нѣсколько сотъ тысячъ въ годъ доходу, можно очень весело провести время вездѣ, а особенно въ Парижѣ—въ этомъ средоточіи всѣхъ земныхъ наслажденій, въ этомъ, не прогнѣвайтесь, обширномъ омутѣ всѣхъ грѣховныхъ житейскихъ утѣхъ, облеченныхъ въ плѣнительныя формы изящнаго вкуса, всѣхъ неистовыхъ страстей, буйной гордости и своеволія, всѣхъ ложныхъ проповѣдниковъ свободы и равенства, которые стараются возмущать легковѣрный народъ для того только, чтобъ, по русской пословицѣ, „въ мутной водѣ рыбу ловить“. Въ Парижѣ деньги—божество, которому всѣ поклоняются,—не жалѣйте ихъ, и вы будете видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ. Все прекрасное явится къ вашимъ услугамъ, и все гнусное и отвратительное усыплютъ для васъ цвѣтами. Надобно сказать правду, этотъ оптическій обманъ до того соблазнителенъ, что многіе изъ русскихъ путешественниковъ совершенно превратились... Вы думаете въ французовъ? О, нѣтъ! Это бы еще не бѣда тогда они были бы чѣмъ-нибудь, а то они, бѣдные, превратились ровно въ ничто, то-есть, не смотря на всѣ свои старанія, они не сдѣлались французами, а перестали быть русскими. Луцкіе жили въ Парижѣ на барскую ногу, не жалѣли денегъ, слѣдовательно, видѣли одну только хорошую сторону великолѣпнаго города, въ которомъ процвѣтаютъ науки, художества, всѣ изящныя искусства и въ полномъ смыслѣ царствуетъ это глубокое умѣнье—не жить, а убивать время, которое, однако жъ, всегда насъ переживаетъ. Несмотря на это обольщеніе, Луцкіе возвратились въ свое отечество точно такими же русскими, какими изъ него выѣхали. Они съ удовольствіемъ вспоминаютъ о Франціи и обо всемъ, что видѣли въ ней прекраснаго; но не захлебываются отъ восторга, говоря о грязныхъ парижскихъ улицахъ; не дѣлаютъ обидныхъ сравненій одного народа съ другимъ и не плачутъ о томъ, что городъ, въ которомъ они живутъ, теперь называется Москвою, а не Парижемъ.

— Пошелъ на Воздвиженку, къ Луцкимъ!—сказалъ я кучеру.

И вотъ, минутъ чрезъ десять я въѣхалъ на дворъ и остановился у подъѣзда каменнаго дома.

— Что, баринъ у себя?—спросилъ я швейцара.

— Никакъ нѣтъ, сударь!—отвѣчалъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ.

— А барыня?

— Также изволила уѣхать.

„Ну, такъ и есть,—подумалъ я,—со мною это вѣчно бываетъ: кого хочешь застать, того и застанешь, а вотъ теперь поѣду къ этимъ Луковымъ—и ужъ вѣрно меня примутъ!. Дѣлать нечего!“

— Ступай къ Пречистенскимъ воротамъ.

Выѣхавъ на Арбатскую площадь, я повернулъ налѣво, низменной стороной Пречистенскаго бульвара, и взглянулъ мимоѣздомъ на скромный деревянный домикъ, въ которомъ живетъ одинъ изъ тѣхъ могучихъ русскихъ витязей, которые въ двѣнадцатомъ году стояли грудью за нашу святую родину. Онъ ужъ въ преклонныхъ лѣтахъ, но все еще смотритъ богатыремъ и вовсе не походитъ на старика; впрочемъ, можетъ быть, потому, что его сѣдые волосы невидны изъ-подъ лавровъ, которыми украшено его задумчивое и величавое чело.

Не доѣзжая Пречистенскихъ воротъ, я повернулъ въ переулокъ и остановился у большого деревяннаго дома. Предчувствіе меня не обмануло: высокій лакей въ штиблетахъ и модной ливреѣ съ огромными пуговицами объявилъ мнѣ, что его господа принимаютъ. Въ столовой, мальчикъ, одѣтый жокеемъ, спросилъ мое имя, и войдя въ гостиную, громко прокричалъ:

— Богданъ Ильичъ Бѣльскій!

„Ого! Да это точь-въ-точь какъ въ Парижѣ“,—подумалъ я, входя въ гостиную. Въ ней не было никого, кромѣ хозяина и хозяйки.

— Ah, monsieur Belsky!—закричалъ хозяинъ, идя ко мнѣ навстрѣчу.

Хозяйка привстала и отвѣчала на мой поклонъ слѣдующей казенной французской фразой:

— Charmée de vous voir, monsieur. Voulez-vous bien prendre la peine de vous assesir!

— Васъ долго не было въ Москвѣ,—сказалъ хозяинъ.

— Да, я слишкомъ годъ прожилъ въ провинціи.

— Слишкомъ годъ!.. Mais c'est une éternité! И вы не умерли съ тоски?

Digitized by Google

— А вотъ, какъ видите.

— Слишкомъ годъ! — повторила хозяйка. — Я ображаю, какъ вамъ было весело... А мы только-ю возвратились изъ чужихъ краевъ.

— Право?.. Куда же вы изволили ѣздить?

— Сначала на воды... а тамъ въ Парижъ; мы рожили въ немъ мѣсяца три.

— Только?

— Ахъ, не говорите!.. Вѣдь у насъ все дѣается Богъ знаетъ какъ!.. Мы взяли съ собою олько двадцать тысячъ и приказали нашему правляющему, когда онъ продастъ хлѣбъ и беретъ оброкъ, выслать всѣ деньги въ Парижъ. го жъ вы думаете?.. Этотъ негодяй не прислалъ амъ ни одной копѣйки!

— Да, да, — прервалъ хозяинъ, — мошенникъ-правитель полагалъ, что мы проживемъ года ри заграницею, хотѣлъ этимъ воспользоваться ограбилъ насъ самымъ безстыднымъ образомъ.

— Скажите, пожалуйста! Да какъ это вамъ опался такой разбойникъ управитель? . Что онъ, усскій что ли?

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ!—вскричалъ озяинъ.—Представьте себѣ—нѣмецъ!

— Что вы говорите?

— Увѣряю васъ. Я подалъ просьбу, да Богъ наетъ, когда все это кончится, между тѣмъ амъ пора ѣхать опять заграницу. Да ужъ на оть разъ мы будемъ поумнѣе. Я нанялъ новаго правляющаго: этотъ будетъ надежнѣе—французъ. чтобъ совершенно себя обезпечить, заложилъ яться отъ душъ въ опекунскій совѣтъ, и мы теерь повеземъ съ собою чистыми деньгами слишомъ сто тысячъ.

— Конечно, это гораздо будетъ вѣрнѣе. А ско-о вы отправляетесь?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; меня давитъ дѣшній воздухъ.

— Да, кто привыкъ жить въ тепломъ клиатѣ...

— И, monsieur Belsky... Помилуйте, одинъ ли нимать! Признаюсь, для меня удивительно, какъ ожете вы, человѣкъ просвѣщенный и свободный, ить въ этомъ мертвомъ, несносномъ городѣ.

Вы знаете, любезные читатели, мою слабость ъ Москвѣ, слѣдовательно, можете понять, до какой степени этотъ вопросъ показался мнѣ обидымъ.

— Вы, вѣроятно, не были никогда заграни-ею?—продолжалъ хозяинъ.

— Извините,—отвѣчалъ я, съ трудомъ скрыая досаду,—я въ молодости моей пошатался овольно по Европѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ что жъ мнѣ вамъ говорить? Когда подумаешь, что мы передъ нимъ Западомъ!.. А вѣдь туда же гнѣваемся, огда французы называютъ насъ татарами!

— Нѣтъ, ужъ не гнѣваемся,—прервалъ я,—и е смѣемся. Одна и та же глупость, повторенная ысячу разъ, не можетъ ни забавлять, ни сер-ить.

— А! Да вы патріотъ!—сказала хозяйка точо такимъ же голосомъ, какимъ, вѣроятно, бы аговорилъ индійскій браминъ, узнавъ въ своемъ собесѣдникѣ какого-нибудь презрѣннаго арія.

— И, что ты, ma chère!—подхватилъ хозяинъ.— огданъ Ильичъ человѣкъ умный и образованый,—онъ путешествовалъ и, вѣрно, согласится о мною, что, въ смыслѣ просвѣщенія, мы почти ще татары. Кто ничего не видѣлъ, ничего не наетъ, тому простительно думать, что мы европейская нація; но, тотъ, кто былъ въ Парижѣ— ой столицѣ роскоши и просвѣщенія, тотъ ужъ, онечно, этого не скажетъ. Когда подумаешь, что такое эта парижская жизнь? Какая цивилизація!.. утонченный вкусъ!.. Какое разнообразіе забавъ! Не успѣваешь наслаждаться... Ну, точно ходишь въ чаду,—очнуться некогда!.. Вотъ, напримѣръ, въ Парижѣ, я гулялъ каждый день по бульварамъ,—а здѣсь куда я пойду? .

— Куда вамъ угодно. Мало ли у насъ гуляній? Не говоря объ окрестностяхъ, въ самой Москвѣ: бульвары, Кремлевскіе сады, Пресненскіе пруды, Нескучное...

— И вы это называете гуляньями?

— А какихъ же вамъ еще надобно? Всѣ эти бульвары и сады содержатся въ отличномъ порядкѣ...

— Боже мой!.. Да кто вамъ говоритъ о порядкѣ? Вы мнѣ скажите, кого я встрѣчу на этихъ гуляньяхъ?

— Вѣроятно, всѣхъ тѣхъ, которые любятъ гулять.

— То-есть двухъ-трехъ порядочныхъ людей и цѣлую толпу оборванныхъ мужиковъ, запачканныхъ прачекъ...

— Такъ что жъ? Я думаю, эти особы встрѣчались съ вами и на парижскихъ бульварахъ?

— Да развѣ парижская blanchisseuse—прачка то же, что наша московская прачка? Развѣ французскій крестьянинъ имѣетъ что-нибудь общее съ русскимъ мужикомъ? Русскій мужикъ!.. Ну, походитъ ли на человѣка этотъ медвѣдь, въ своей дурацкой шапкѣ, въ своемъ отвратительномъ овчинномъ тулупѣ?..

— Да, это правда! — прервалъ я, вспомнивъ стихи одного изъ искреннихъ моихъ пріятелей:

„Вѣдь русскій мужичекъ, конечно, тѣмъ
и глупъ,
Что носитъ шапку и тулупъ;
Ему бы надобно, какъ умному французу,
Въ холстинную одѣться блузу
И выйти этакъ на морозъ"...

— Какое ослѣпленіе!—воскликнулъ хозяинъ.— Да вы, пожалуй, станете сравнивать нашихъ горничныхъ дѣвокъ съ парижскими гризетками, этими плѣнительными, милыми созданіями..

Тутъ я замѣтилъ, что хозяйка поморщилась. Казалось, какъ будто бы слово „гризетка" напомнило ей о чемъ-то очень непріятномъ; но господинъ Лыковъ, не обращая вниманія на пасмурное чело своей супруги, продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:

— О, эти парижскія гризетки—прелесть! Какая ловкость, какая острота, сколько ума въ этихъ бойкихъ, рѣзкихъ отвѣтахъ, за которыми онѣ ужъ никогда въ карманъ не пойдутъ... А какія таліи!.. Какія ножки!.. Да что гризетки! Я вамъ скажу, monsieur Belsky, что мнѣ случалось иногда, перемѣняя лошадей, слушать по цѣлымъ часамъ, и слушать съ наслажденіемъ, разговоры французскихъ почтарей,—то-есть простыхъ ямщиковъ!

Представьте себѣ положеніе человѣка, при которомъ говорятъ такія нелѣпости и который не можетъ ни смѣяться въ глаза тому, кто ихъ говоритъ, ни заставить его молчать, ни даже напомнить ему извѣстный стихъ Грибоѣдова:

„Послушай: ври, да знай же мѣру!"

Я васъ спрашиваю, что прикажете дѣлать этому несчастному человѣку?.. Уйти скорѣе прочь, скажете вы. Это-то именно я и сдѣлалъ. Всталъ, раскланялся и ушелъ. Не подумайте, однако жъ, любезные читатели, что я для вашей потѣхи разсказываю вамъ небылицы, — честью васъ увѣряю, что все это правда! Если мои записки имѣютъ какое-нибудь достоинство, такъ это потому, что я ничего не сочиняю, а разсказываю

Digitized by Google

— Такъ поэтому не всѣмъ знакомымъ его извѣстно...

— Чѣмъ онъ промышляетъ? Да это знаютъ даже и тѣ, которые съ нимъ вовсе не знакомы.

— И несмотря на это...

— Да, несмотря на это, съ нимъ кланяются, ему жмутъ руку, и люди очень честные не стыдятся водить съ нимъ хлѣбъ и соль.

— Скажите, пожалуйста!.. Что жезначитъ послѣ этого общее мнѣніе?

— Да ровно ничего! Оно страшно только для бѣдняковъ; а тотъ, кто можетъ сыпать деньгами, смѣется надъ этимъ „общимъ мнѣніемъ“. Всѣ станутъ ругать какого-нибудь милліонщика-негодяя и всѣ къ нему поѣдутъ обѣдать, лишь только бы у него была уха изъ аршинныхъ стерлядей, да шампанскаго вдоволь. Прочтите баєню „Судъ звѣрей“, вотъ вамъ „общее мнѣніе“. Кто слабъ, того оно задушитъ, кто силенъ, тому оно повалится въ ноги.

— Да, конечно, Грибоѣдовъ правъ:

„Кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы!“

Но кто же въ этомъ виноватъ? Все-таки не общее мнѣніе; оно дѣлаетъ свое дѣло, да мы-то своего не дѣлаемъ. Оно клеймитъ безъ пощады порокъ, прославляетъ добродѣтель, уважаетъ умъ, смѣется надъ глупостью...

— И, конечно,—скажете,—всегда бываетъ справедливо? — прервалъ съ живостью камергеръ.— Вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ! Сколько разъ на моей памяти это „общее мнѣніе“ поддерживало ничѣмъ не заслуженную славу бездарнаго писателя, губило возникающій талантъ и помогало распространяться гнусной клеветѣ; сколько глупцовъ, по милости того же „общаго мнѣнія“, слывутъ во всю жизнь свою людьми умными и сколько истинно умныхъ людей разжаловано имъ, если не въ глупцы, то, по крайней мѣрѣ, въ совершенно пустые и ни на что не способные люди. Общее мнѣніе!.. Да ужъ не говорите мнѣ объ этомъ общемъ мнѣніи!..

— Однако же, не даромъ же есть пословица: „Гласъ народа,—гласъ Божій“.

— Да! Если бъ этотъ гласъ народа былъ всегда справедливъ, или, по крайней мѣрѣ, выражалъ общее мнѣніе, а то ступайте, покатайтесь по Москвѣ, послушайте!.. Вотъ какая-нибудь сіятельная или превосходительная дама, которая въ своемъ углу разыгрываетъ большую барыню, примется все осуждать, всѣхъ казнить, позорить,— и тотъ дуренъ, и этотъ нехорошъ. „Помилуйте, батюшка, на что это походитъ? Кого намъ дали?— Что это за человѣкъ? Его „Москва“ не любитъ!..“ То-есть я—Матрена Власьевна—его терпѣть не могу. А тамъ, глядишь, другой баринъ начнетъ вамъ разсказывать такія нелѣпыя новости, что у васъ волосы дыбомъ станутъ; вы посомнитесь и онъ тотчасъ вамъ скажетъ:—„Да, сударь, да, это вѣрно,—Москва говоритъ!“ А кто это Москва?.. Какой-нибудь отставной бригадиръ Панкратій Ильичъ со своею супругою, да кумушка изъ сосѣдняго прихода... Да что объ этомъ говорить,— продолжалъ мой собесѣдникъ, вставая,—вы вѣрно пріѣхали сюда не философствовать, а подышать весеннимъ воздухомъ, погулять, позѣвать на толпу,— такъ пойдемте лучше въ лѣсъ, да посмотримъ, какъ веселятся тѣ, которые пріѣхали сюда не въ щегольскихъ экипажахъ, а въ плохихъ коляскахъ, телѣжкахъ, на извозчикахъ и, какъ обыкновенно выражаются господа пѣшеходы, на „парѣ вороныхъ“, то-есть просто пѣшкомъ.

Оставивъ въ сторонѣ большую дорогу, по которой тянулись длинные ряды нарядныхъ экипажей, мы повернули въ лѣсъ, и не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ сцена совершенно перемѣнилась. Вмѣсто роскошнаго столичнаго гулянья, мы увидѣли передъ собой сельскій праздникъ во всей незатѣйливой красотѣ его, но въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, что вовсе не трудно было догадаться, изъ какой деревеньки пришелъ весь этотъ православный народъ потѣшиться, погулять и напиться чайку подъ тѣнью зеленѣющихъ сосенъ, которыя, недѣли четыре тому назадъ, занесенныя снѣгомъ и покрытыя инеемъ, стояли, какъ мертвецы, въ своихъ бѣлыхъ саванахъ. Все пространство, какое только можно окинуть взоромъ, усѣяно было пестрыми толпами горожанъ, которые сидѣли на землѣ отдѣльными кружками. Въ одномъ мѣстѣ курили молча трубки и сигары, въ другомъ разговаривали, въ третьемъ слушали заливныя пѣсни цыганокъ, въ четвертомъ потѣшалъ честную компанію удалой дѣтина, играя на берестовомъ рожкѣ. Вездѣ забавлялись и вездѣ пили чай. Эта необходимая потребность нашего купечества, эта единственная роскошь нашихъ небогатыхъ мѣщанъ, это праздничное, высочайшее наслажденіе всѣхъ трезвыхъ разночинцевъ, фабричныхъ, мастеровыхъ и даже мужиковъ,—нашъ русскій кипучій самоваръ дымился на каждомъ шагу. Мы подошли къ одному изъ этихъ самоваровъ, вокругъ котораго сидѣло на травѣ человѣкъ пять рабочихъ людей изъ крестьянъ и двѣ молодицы въ нарядныхъ тѣлогрѣяхъ. Всѣ они сидѣли чинно, попивали чаекъ, и не стаканами, а изъ фарфоровыхъ чашекъ.

— Ну, вотъ это хорошо, ребята,—сказалъ мой собесѣдникъ:—вы, вмѣсто вина, пьете чай. Оно дешевле и здоровѣе...

— Да и батюшка не заказываетъ, — сказалъ одинъ молодой парень, кладя въ ротъ кусочекъ леденца, который служилъ имъ вмѣсто сахару

— Знаете ли, — продолжалъ камергеръ, обращаясь ко мнѣ,—вѣдь это уже не въ первый разъ, что я встрѣчаю простыхъ крестьянъ, которые, желая повеселиться, пьютъ чай, а не вино— этотъ медленный ядъ, который хуже всякого другого, потому что онъ въ одно время убиваетъ и тѣло, и душу.

— Почему же ядъ?—сказалъ я.—Въ нашемъ климатѣ умѣренное употребленіе вина не только не вредно, но даже полезно.

— Умѣренное,—да вотъ то-то и бѣда, что умѣренность рѣдко бываетъ добродѣтелью русскаго человѣка. Въ нуждѣ нашъ мужичокъ будетъ сытъ кускомъ черствaго хлѣба; но если онъ расположится погулять, то-есть попить и поѣсть сколько душѣ угодно, то ужъ, конечно, съѣстъ за троихъ нѣмцевъ, а выпьетъ за пятерыхъ Нѣмцу что надобно?—бутылку пива, много двѣ. А видали ли вы, какъ наши мужики пьютъ брагу? Иной столько нальетъ въ себя этого хмельного питья, что весь растечетъ и сдѣлается почти прозрачнымъ. Нѣмецъ выпьетъ съ разстановкою небольшую рюмочку шнапсу, да и довольно, а русскій человѣкъ, коли ужъ выпилъ одинъ стаканчикъ „казеннаго“, такъ и подавай ему цѣлый штофъ! Нѣтъ, конечно, можно будетъ порадоваться, если у насъ, такъ же какъ и въ Соединенныхъ-Штатахъ, простой народъ станетъ понемногу привыкать пить, вмѣсто вина, чай...

— Да почему же не сбитень?—прервалъ я.

— Сбитень?—повторилъ камергеръ.—Конечно, зимой русскому мужичку, когда онъ продрогнетъ на морозѣ, хорошо выпить стаканъ сбитню съ перцемъ или имбиремъ,—да это наслажденіе совсѣмъ другого рода. Притомъ же съ этимъ сбит-

Digitized by Google

немъ много хлопотъ, его надо варить умѣючи, и для этого есть даже особенные мастера, и обойдется-то онъ гораздо дороже чаю.

— Неужели дороже?

— Разумѣется. Попытайтесь-ка напоить сбитнемъ русскаго мужичка, да напоить, какъ говорится, до отвалу, такъ онъ у васъ на полтину выпьетъ. А чай что такое? Былъ бы только самоваръ, вода не покупная, чаю для троихъ довольно на двадцать копѣекъ, на десять леденцу и вотъ нашъ мужичокъ примется пить, не торопясь, съ прохладою; выпьетъ чашекъ десять горячей воды, которая пахнетъ немного чаемъ и протѣшится часа два за мѣдную гривну. Оно и дешево, и безвредно, а между тѣмъ есть чѣмъ и похвастаться. „Были, дескать, въ Сокольникахъ, на баръ посмотрѣли, чаю пили вдоволь. . Неча сказать—потѣшились, погуляли досыта!“ Однакожъ,—промолвилъ мой собесѣдникъ, вотъ моя пролетка, пора домой!

— И мнѣ также пора,—сказалъ я,—теперь еще ѣхать можно свободно, а какъ всѣ разомъ хлынутъ съ гулянья, такъ и на Сокольничьемъ полѣ будетъ тѣсно. Здѣсь же все ѣздятъ шагомъ, а тамъ начнется такая скачка, что упаси Господи! Всѣ кучера съ ума сойдутъ, кинутся во всѣ стороны, начнутъ перегонять другъ друга, благо жандармовъ нѣтъ,—воля, гони себѣ и въ хвостъ, и въ голову!. Бѣда, да и только!

— И это также,—сказалъ камергеръ, садясь въ свою пролетку,—характеристическая черта русскаго народа. Заставили его поѣздить часика четыре тихо, чинно, по-нѣмецки, а тамъ, какъ дали волю русской удали, такъ ужъ только держись!

Я простился съ камергеромъ, отыскалъ свою коляску и отправился домой. Когда я сталъ подъѣзжать къ Красному пруду, то оглянулся назадъ,—все Сокольничье поле было усыпано экипажами: нѣмецкое гулянье кончилось и началась русская скачка.

IV.

ПОѢЗДКА ЗАГРАНИЦУ.

„Княгиня Дымова уѣхала съ сестрицей,
Степанъ Степановичъ отправился съ женой,
Всѣ ѣдутъ на воды: зачѣмъ же мнѣ одной
Нельзя пожить хоть годикъ заграницей,
Чѣмъ хуже я другихъ?“ . . . . .

Изъ руконисной комедіи.

1. Сборы.

Дѣйствіе происходитъ за Москвой-рѣкой, на Ордынкѣ, въ домѣ Андрея Тихоновича Оборкина. Гостиная, выкрашенная малиновою краскою, мебель орѣховаго дерева, обитая желтымъ полуштофомъ съ голубыми разводами. На стѣнѣ, противъ оконъ, большая фамильная картина, представляющая все семейство Оборкиныхъ, то-есть: Андрея Тихоновича въ лѣтнемъ сюртукѣ, супругу его Марью Алексѣевну въ бѣлой кисейной блузѣ, племянника Андрюшу въ синей курточкѣ и толстаго мопса Шери въ розовомъ атласномъ ошейникѣ,—все это прекрасно сгруппировано: кругомъ деревья, зелень, цвѣты, *прозрачный* ручеекъ; Андрюша ловитъ бабочку, Марья Алексѣевна сидитъ на дерновой скамьѣ, мопсъ Шери лежитъ у ней на колѣняхъ, Андрей Тихоновичъ стоитъ позади; у мопса глаза до половины закрыты,—онъ дремлетъ; мужъ смотритъ съ умильной улыбкой на жену, она глядитъ задумчиво на ручей и держитъ въ рукѣ раскрытую книгу, въ которой написано крупными буквами: „Такъ мирно и спокойно течетъ жизнь наша!“ Подъ этой картиной стоитъ диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, на которомъ разбросаны французскіе альманахи, нѣсколько томовъ „Странствующаго жида“, первый томъ „Леліи“ Жоржъ-Занда, подробная карта Европы и толстый Guide des Voyageurs. На диванѣ сидитъ Марья Алексѣевна и читаетъ „Московскія Вѣдомости“. Сбоку, за тѣмъ же столомъ, Андрей Тихоновичъ выкладываетъ что-то на счетахъ, передъ нимъ лежитъ кипа бумагъ. Марья Алексѣевна — женщина лѣтъ двадцати пяти; ее нельзя назвать идеаломъ женской красоты, которая, по мнѣнію знатоковъ, должна заключать въ себѣ что-то воздушное, неземное. Въ Маръѣ Алексѣевнѣ нѣтъ ничего воздушнаго: ея бѣлыя широкія плечи, полное румяное лицо, сѣрые свѣтлые глаза, въ которыхъ не замѣтно ни малѣйшей томности,—все изобличаетъ въ ней самое пошлое, прозаическое здоровье и эту грубую тѣлесную силу, которая вовсе не къ лицу какой-нибудь *дѣвѣ неземной*. Андрей Тихоновичъ — мужчина лѣтъ пятидесяти, довольно пріятной наружности: его спокойное и кроткое лицо выражаетъ совершенную доброту и простосердечіе. Въ своемъ кругу онъ слыветъ за человѣка *недальняго*, иные называютъ его даже просто дуракомъ; но это несправедливо: въ немъ есть и здравый смыслъ, и логика, которая никогда не дается дуракамъ, даже самымъ ученымъ. Андрею Тихоновичу недостаетъ только твердой воли и той силы характера, безъ которыхъ и умъ, и логика рѣшительно ни къ чему не служатъ. Андрей Тихоновичъ, по большей части, разсуждаетъ весьма умно, а поступаетъ очень глупо, потому что всегда дѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, чего желаютъ другіе. Въ числѣ этихъ другихъ, разумѣется, первое мѣсто занимаетъ его молодая жена, а второе—всѣ тѣ, которые держатъ ея сторону. Изъ этого вы можете заключить, что Андрей Тихоновичъ *мужъ, какихъ мало*... Нѣтъ, любезныя читательницы, не прогнѣвайтесь: гораздо вѣрнѣе будетъ сказать, что Андрей Тихоновичъ *мужъ, какихъ много*.

Андрей Тихоновичъ *(продолжая выкладывать на счетахъ)*. Съ кулябкинскихъ оброчныхъ три тысячи семьсотъ тридцать рублей ассигнаціями... Съ вихляевскихъ пять тысячъ триста двадцать рублей... Да съ мельницы пятьсотъ... Въ Воропановкѣ прошлогодничной ржи намолочено двѣ тысячи триста четвертей, полагая среднимъ числомъ по шести рублей за четверть — тринадцать тысячъ восемьсотъ рублей; овса, гречи, ячменю запродано на три тысячи рублей, итого ассигнаціями двадцать шесть тысячъ пятьдесятъ рублей... на серебро...

Марья Алексѣевна *(перелистывая газеты)*. А, вотъ, наконецъ!... „Отъѣзжающіе заграницу“. Какое множество!... И это еще только изъ Москвы, что жъ должно быть изъ Петербурга!... *(Читаетъ)* „Въ Германію, Италію, Францію, Бельгію, Голландію и Англію: титулярный совѣтникъ князь Павелъ Николаевичъ Насѣдкинъ, съ супругою княгинею Еленою Дмитріевною, съ малолѣтнею дочерью Екатериною, съ находящимися при нихъ австрійскимъ подданнымъ Готлибомъ Вурманомъ, московскою мѣщанкою Аксиньею Ивановою Подкипкиной и дворовою дѣвушкою Матреною Филипповою Сыромятниковою... Въ Италію,—надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Розсомахинъ... Во Францію... полковница Ѳедосья Антоновна Скалозубова съ двумя дочерьми“...

Digitized by Google

Боже мой... Что это... Андрей Тихоновичъ!... Посмотри!

Андрей Тихоновичъ. Что такое, матушка?

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, ужъ это, право, досадно! Послушай!... „Въ Карлсбадъ... коллежскій ассесоръ Артемій Никитичъ Сусликовъ, съ женою Авдотьей Никифоровной и двумя маленькими дочерьми, Софьей и Надеждой“.

Андрей Тихоновичъ. Такъ что жъ, мой другъ?

Марья Алексѣевна. Какъ что?.. Всего заложенныхъ триста душъ:—въ Москвѣ жить нечѣмъ, а ѣдутъ заграницу!...

Андрей Тихоновичъ. И, матушка, какое намъ до этого дѣло? У всякаго свой умъ въ головѣ.

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, ужъ это ни на что не походитъ!... Горины уѣхали заграницу, Шестуновы другой годъ въ Италіи, Запѣваловы отправились въ Парижъ и даже Сусликовы, которымъ перекусить нечего, и тѣ ѣдутъ въ Карлсбадъ, а мы живемъ себѣ, да живемъ въ Москвѣ!... У насъ состояніе прекрасное, восемьсотъ душъ... дѣтей нѣтъ.

Андрей Тихоновичъ. Да есть племянникъ, мой другъ,—надобно также и о немъ подумать. Онъ круглый сирота и вся будущность его зависитъ отъ насъ.

Марья Алексѣевна. Ахъ, Боже мой! Да развѣ мы о немъ не печемся? Кажется, мы ничего не жалѣемъ для его воспитанія. Прежде онъ былъ на нашихъ рукахъ, а теперь мы его пристроили: онъ учится въ дворянскомъ институтѣ.

Андрей Тихоновичъ. Не о томъ рѣчь, матушка. Воспитаніе-то мы ему дадимъ, да вѣдь надобно же и кусокъ хлѣба оставить.

Марья Алексѣевна. Ахъ, Андрей Тихоновичъ, какъ вы странны!... Да неужели нельзя выѣхать заграницу, не разстроивъ своего состоянія?

Андрей Тихоновичъ. Конечно, можно; да вѣдь заѣзжій-то у тебя больно великъ!... Дѣло ѣхать заграницу на нѣсколько мѣсяцевъ; а ты все норовишь прожить тамъ года два или три.

Марья Алексѣевна. Другіе живутъ и дольше. Ну, что за радость отправиться въ чужіе края на нѣсколько мѣсяцевъ? Не успѣемъ пріѣхать, и ступай назадъ, да по-моему, лучше вовсе не ѣздить!

Андрей Тихоновичъ. А вотъ, послушай, Марья Алексѣевна! Я считалъ сейчасъ всѣ наши доходы: въ нынѣшнемъ году у насъ будетъ всего-на-всего съ небольшимъ двадцать шесть тысячъ ассигнаціями; изъ нихъ должно внести въ опекунскій совѣтъ шесть тысячъ рублей, слѣдовательно, чистаго дохода останется у насъ только двадцать тысячъ ассигнаціями, да и то если намъ заплатятъ сполна весь оброкъ и мы продадимъ рожь не дешевле шести рублей за четверть.

Марья Алексѣевна. По шести рублей! Помилуй, Андрей Тихоновичъ! Ужъ на что было хуже прошлаго года, не знали, куда съ хлѣбомъ дѣваться, и все-таки продали по пяти рублей четверть. А теперь слухи хорошіе: говорятъ, что во всѣхъ степныхъ губерніяхъ неурожай.

Андрей Тихоновичъ. Нѣтъ, Марья Алексѣевна, въ Тамбовской только всходы были плохіе, да и то Богъ милостивъ,—поправятся.

Марья Алексѣевна. Ну, очень хорошо. Положимте, что у насъ будетъ всего двадцать тысячъ въ годъ дохода,—такъ что жъ?... Развѣ этимъ нельзя прожить цѣлый годъ заграницею?... Вѣдь тамъ все гораздо дешевле здѣшняго.

Андрей Тихоновичъ. Дешевле не дешевле, матушка, а говорятъ, что тамъ живутъ-то посмирнѣе нашего. Да это еще ничего, первый годъ мы проживемъ кое-какъ, а второй-то?

Марья Алексѣевна. Второй будемъ жить новыми доходами.

Андрей Тихоновичъ. Новыми! А если новыхъ-то не будетъ?

Марья Алексѣевна. Это почему?

Андрей Тихоновичъ. Эхъ, Марья Алексѣевна! Да развѣ ты не знаешь, заглазное дѣло—бѣда! Коли помѣщикъ самъ не станетъ заниматься хозяйствомъ и не будетъ за всѣмъ присматривать, такъ его какъ липку обдупятъ. Приказчикъ и старосты начнутъ воровать, уборка хлѣба будетъ плохая, умолотъ бѣдный, продажа дешевая. Оброчные также станутъ утягивать, недоплачивать: „до барина, дескать, далеко, онъ за моремъ!“—А баринъ-то и сиди себѣ на чужой сторонѣ, да въ кулакъ посвистывай!

Марья Алексѣевна. Все это, мой другъ, одни предположенія,—а я увѣрена, что хозяйство и безъ насъ пойдетъ прекрасно. Нашъ приказчикъ, Терентій, человѣкъ усердный, честный,—мы, конечно, во всемъ можемъ на него положиться... Душенька, Андрюша!.. Да полно, мой другъ, перестань упрямиться, поѣдемъ!.. Неужели ты меньше любишь свою жену, чѣмъ этотъ Сусликовъ? И добро бы у него жена-то была добрая, а то вѣтреница, капризная, а онъ все-таки везетъ ее заграницу!.. И ужъ подлинно съ грѣхомъ пополамъ: чай, душъ сто продали? Ну, подумай, Андрей Тихоновичъ, за что жъ ты хочешь, чтобъ я—добрая, вѣрная жена твоя—краснѣла даже передъ этой кокеткой Сусликовой!.. Ты знаешь, я съума схожу на чужихъ краяхъ... Эта мысль преслѣдуетъ меня и днемъ, и ночью... Другъ мой, жизненочекъ, душечка... Ну, докажи передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ты меня любишь!.. Поѣдемъ!...

Андрей Тихоновичъ. Что будешь съ тобою дѣлать!... Я вижу, тебя ничѣмъ не урезонишь.

Марья Алексѣевна. Такъ мы ѣдемъ! (*Бросается ему на шею и цалуетъ*). Андрюшенька, голубчикъ мой! Ахъ, какъ я рада!... Ну, что жъ, мой другъ, ужъ если ты рѣшился и мы ѣдемъ заграницу, такъ зачѣмъ откладывать. Сегодня же можно послать и въ газеты.

Андрей Тихоновичъ. Успѣемъ, матушка!

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, мой другъ, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Я до тѣхъ поръ не буду спокойна, пока не прочту сама въ газетахъ, что мы ѣдемъ заграницу.

Андрей Тихоновичъ. Ну, пожалуй! Вотъ я напишу сейчасъ; только надобно также написать, кого мы съ собою беремъ.

Марья Алексѣевна. Чего жъ лучше Артемки, онъ малый проворный, а я возьму Матрену и Шарлотту Карловну.

Андрей Тихоновичъ. Твою прежнюю нянюшку... Такъ она ужъ не живетъ у Вельскихъ?

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, живетъ; да тамъ ей дадутъ всего четыреста рублей, а мы дадимъ шестьсотъ и она охотно съ нами поѣдетъ. Я ужъ къ ней посылала.

Андрей Тихоновичъ. Да на что она тебѣ?

Марья Алексѣевна. Какъ на что?.. Я говорю по-нѣмецки плохо; ты вовсе не говоришь... такъ Шарлотта Карловна очень пригодится.

Андрей Тихоновичъ. Да, конечно...

Digitized by Google

Только, воля твоя, надоѣстъ намъ это нѣмка. Она съ такими причудами.

Марья Алексѣевна. Что ты, мой другъ! Шарлотта Карловна предобрая!

Андрей Тихоновичъ. Добра-то добра, да только не укладиста. Посадишь въ карету напередъ, такъ ей дурно дѣлается; ямщикъ затянетъ пѣсню—у нея тоска; трубку закуришь—ей тошно; остановишься въ трактирѣ—народу много; въ крестьянской избѣ — тараканы съѣли. Помнишь, матушка, какъ мы съ ней маялись, когда ѣздили въ Воронежъ?

Марья Алексѣевна. И, мой другъ, да вѣдь теперь мы не въ Воронежъ ѣдемъ. Заграницею совсѣмъ не то—тамъ всѣ удобства: тамъ Шарлоттѣ Карловнѣ не на что будетъ жаловаться. А какъ мы поѣдемъ, Андрей Тихоновичъ: водою или сухимъ путемъ?

Андрей Тихоновичъ. Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, не водою! Я до морскихъ путешествій не охотникъ, матушка.

Марья Алексѣевна. Да чего жъ ты боишься? поѣдемъ изъ Петербурга на пироскафѣ.

Андрей Тихоновичъ. Сирѣчь, на пароходѣ,—покорнѣйше благодарю! Не утонешь, такъ тебя на воздухъ взорветъ. Нѣтъ, мой другъ, поѣдемъ сухимъ путемъ!

Марья Алексѣевна. То-есть на Петербургъ, а тамъ на Ригу?

Андрей Тихоновичъ. Да, матушка.

Марья Алексѣевна. Въ чемъ же мы поѣдемъ? Въ нашей дорожной четвероместной каретѣ?

Андрей Тихоновичъ. Разумѣется,—она легка и помѣстительна.

Марья Алексѣевна. Только сдѣлай милость, Андрюша, не бери ничего съ собою. Лишь бы доѣхать до границы, а тамъ у насъ все будетъ!

Андрей Тихоновичъ. Нельзя же, матушка, не взять шкатулку, погребецъ, платье, бѣлье...

Марья Алексѣевна. Ну, пожалуй себѣ, бери! А я все здѣсь брошу.

Андрей Тихоновичъ. Да вѣдь это, мой другъ, лишній расходъ.

Марья Алексѣевна. Ужъ какъ хочешь, а я нашего русскаго тряпья и дряни заграницу не повезу.

Слуга *(входя въ гостиную)*. Авдотья Никифоровна Сусликова.

Андрей Тихоновичъ. Я думаю отказать, мой другъ.

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, нѣтъ!.. Проси!.. *(слуга уходитъ)*. Знаешь ли, зачѣмъ пожаловала къ намъ Сусликова?

Андрей Тихоновичъ. Съ визитомъ, матушка.

Марья Алексѣевна. Нѣтъ! Она ѣдетъ заграницу, такъ хочетъ почваниться надо мною, подразнить меня!

Андрей Тихоновичъ. И, что ты, Марья Алексѣевна.

Марья Алексѣевна. Увѣряю тебя! Она теперь начнетъ разъѣзжать по всей Москвѣ, станетъ всѣмъ колоть глаза своимъ Карлсбадомъ. Да вотъ, погоди,—я спеси-то ея поубавлю!

(Входитъ Сусликова, молодая женщина, довольно пріятной наружности. На лицѣ ея выражается то торжественность, то внутреннее сознаніе своего достоинства, которыми вообще отличаются и правовѣрные, и мусульмане, отправляющіеся на поклоненіе въ Мекку и большая часть русскихъ, отъѣзжающихъ заграницу).

Марья Алексѣевна *(идя навстрѣчу къ Сусликовой)*. Авдотья Никифоровна!..

Сусликова. Здравствуйте, Марья Алексѣевна. *(Цѣлуются)*. Андрей Тихоновичъ, какъ ваше здоровье?

Андрей Тихоновичъ. Слава Богу, матушка... Слава Богу!.. Прошу покорно садиться! *(Сусликова и хозяйка садятся на диванъ)*.

Сусликова. А я пріѣхала съ вами проститься, Марья Алексѣевна.

Марья Алексѣевна. Проститься?..Куда жъ вы ѣдете? Вѣрно въ вашу тамбовскую деревню?

Сусликова. Нѣтъ, Марья Алексѣевна,—заграницу!

Марья Алексѣевна *(очень холодно)*. Право?.. А куда жъ вы ѣдете заграницу?

Сусликова. Въ Карлсбадъ.

Марья Алексѣевна. Что жъ, это хорошо. Вы будете пить воды?

Сусликова. Да, можетъ быть,—одинъ курсъ.

Марья Алексѣевна. А потомъ?

Сусликова. Потомъ заѣдемъ на нѣсколько дней въ Дрезденъ; если успѣемъ, посмотримъ Саксонскую Швейцарію, а тамъ назадъ, въ Москву.

Марья Алексѣевна. Такъ вы пробудете заграницею...

Сусликова. Мѣсяца три или четыре.

Марья Алексѣевна. Только-то!..Конечно, для того, чтобъ побывать въ Карлсбадѣ, да проѣздомъ взглянуть на Дрезденъ, больше времени и не надобно.. Знаете ли что, Авдотья Никифоровна?.. Вѣдь мы можемъ съ вами повстрѣчаться заграницей.

Сусликова. Какъ?.. Такъ и вы ѣдете въ Карлсбадъ?

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, въ Карлсбадѣ мы будемъ только проѣздомъ. Да, если правду сказать, что тамъ и дѣлать?.. Эти карлсбадскія воды сдѣлались такъ пошлы! Ну, право, по-мнѣ все равно, что нашъ Липецкъ, что этотъ Карлсбадъ; и еслибъ мнѣ нужно было лѣчиться водами, такъ ужъ, конечно, я охотнѣе поѣхала бы на Кавказъ.

Сусликова. Ахъ, что вы, Марья Алексѣевна,—помилуйте!

Марья Алексѣевна. Право!.. Тамъ, по крайней мѣрѣ, другая природа, другой міръ; а что такое Карлсбадъ? Ну, скажите сами: кто не былъ въ этомъ Карлсбадѣ?.. Да знаете ли, что въ Петербургѣ поѣздка въ Карлсбадъ не считается даже путешествіемъ заграницу.

Сусликова *(съ прижитной досадой)*. Ну, нѣтъ, Марья Алексѣевна, извините! Вѣдь съѣздить въ Карлсбадъ не то, что съѣздить въ Воронежъ или Пензу.

Марья Алексѣевна. Почти то же.

Сусликова *(вспыхнувъ)*. Да позвольте спросить: вы-то куда изволите ѣхать?

Марья Алексѣевна. Разумѣется, сначала въ Германію, на берега Рейна; тамъ въ Швейцарію, оттуда въ Верхнюю Италію—на Лаго-Маджіоре, въ Венецію... о, тамъ мы непремѣнно будемъ! Потомъ на зиму въ Римъ, а будущей весной...

Сусликова. Назадъ, въ Россію?

Марья Алексѣевна. О, нѣтъ!.. Стоитъ ли того, чтобъ ѣхать на одинъ годъ заграницу. Изъ Италіи мы проѣдемъ въ Парижъ...

Сусликова *(у которой начинается истерика)*. Вотъ что!.. И долго тамъ проживете?

Марья Алексѣевна. До самой зимы.

Сусликова. А потомъ?

Марья Алексѣевна. Опять въ Италію; сначала въ Неаполь, а тамъ, можетъ быть, про-

Digitized by Google

ѣдемъ въ Палермо... Представьте себѣ, Авдотья Никифоровна; въ то время, какъ вы будете здѣсь жить по уши въ снѣгу, — мы станемъ прогуливаться подъ тѣнью померанцевыхъ деревьевъ!. Ахъ, ma chère amie!.. Ужъ то-то я вамъ порасскажу, когда мы воротимся...

Сусликова (*съ злобной улыбкой*). Покорнѣйше васъ благодарю!.. А мы послушаемъ, если доживемъ до этого.

Марья Алексѣевна. И, полноте, что вы?.. Мы года черезъ три непремѣнно вернемся.

Сусликова. Черезъ три года!.. Ну, помогай вамъ Богъ, Марья Алексѣевна!.. Прожить три года заграницей—не бездѣлица!

Марья Алексѣевна. Да, конечно, инымъ нельзя и года прожить заграницей, но съ такимъ состояніемъ, какъ наше...

Сусликова. Разумѣется... Вамъ бросить пятьдесятъ и даже сто тысячъ — ничего не значитъ.

Марья Алексѣевна. Ну, этого сказать нельзя... Впрочемъ, конечно, пятьдесятъ и даже сто тысячъ насъ не разорятъ.

Минутное молчаніе. И хозяйка, и гостья не говорятъ ни слова; но въ ихъ глазахъ можно легко прочесть, что онѣ думаютъ слѣдующее:

Сусликова. Какъ эта дура чванится!.. Хвастунья этакая!

Марья Алексѣевна. Что, голубушка,— много взяла съ своимъ Карлсбадомъ?..

Сусликова (*вставая*). Прощайте, Марья Алексѣевна!

Марья Алексѣевна (*также вставая*). Что это вы, Авдотья Никифоровна,—куда такъ торопитесь?

Сусликова. Извините,—мнѣ много еще надобно ѣздить. Хоть мы отправляемся и не въ Италію и не на три года, а нельзя же не проститься со всѣми знакомыми... Да не безпокойтесь, сдѣлайте милость!

Марья Алексѣевна (*провожая*). Sans adieu madame!.. Мы увидимся съ вами въ Карлсбадѣ.

Сусликова. Почему знать, – можетъ быть, вы тамъ и дня не пробудете.

Марья Алексѣевна. Все равно, — ужъ я васъ отыщу!

Сусликова. Comme vous êtes bonne, madame!.. Прощайте! (*Уходитъ*)

Андрей Тихоновичъ. Ну, матушка, Марья Алексѣевна, какъ ты свою гостью-то отдѣлала!

Марья Алексѣевна. А ты замѣтилъ?

Андрей Тихоновичъ. Какъ же!.. Ее начинало ужъ подергивать... Я того и глядѣлъ, что съ ней дурно сдѣлается.

Марья Алексѣевна. Пускай себѣ!.. Видишь, шиканерка какая!.. Прискакала объявлять, что ѣдетъ заграницу!.. Думала, что я такъ и ахну... что у меня желчь разольется!

Андрей Тихоновичъ. И, нѣтъ, матушка! Чай, хотѣлось просто такъ—похвастаться...

Марья Алексѣевна. Да, просто!.. Ты ее не знаешь, мой другъ; повѣрь мнѣ, она, отправляясь къ намъ, думала: „Ужъ какъ же я этимъ разогорчу Марью Алексѣевну!.. Она начнетъ приставать къ мужу, чтобъ онъ везъ ее также въ чужіе края, — онъ не согласится, они поссорятся“...

Андрей Тихоновичъ. Да что жъ ей отъ этого за радость?

Марья Алексѣевна. Такой ужъ скверный характеръ!

Андрей Тихоновичъ. А что, Марья Алексѣевна, скажи правду: вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ, поссорилась бы со мною, еслибъ я сталъ упираться.

Марья Алексѣевна. Ахъ, Андрюша, тебѣ не стыдно говорить такія слова? Да развѣ есть что-нибудь въ мірѣ, за что бы я могла съ тобой поссориться?.. Развѣ я не дѣлаю всегда, что тебѣ угодно?.. (*Входитъ слуга*).

Андрей Тихоновичъ. Что ты?

Слуга. Письмо съ почты.

Андрей Тихоновичъ. Подай!.. Изъ Воропановки, отъ приказчика... А повѣстки нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ, сударь. (*Уходитъ*).

Андрей Тихоновичъ (*распечатывая письмо*). Что жъ это значитъ?.. (*Читаетъ письмо*) Что это?. Господи!..

Марья Алексѣевна. Что такое, мой другъ?

Андрей Тихоновичъ. Гнѣвъ Божій, матушка!.. Несчастье... Вся Воропановка выгорѣла—десяти дворовъ не осталось!

Марья Алексѣевна. Что ты говоришь!

Андрей Тихоновичъ. Посмотри-ка, что Терентій пишетъ!.. Все до тла сгорѣло; весь хлѣбъ и нашъ, и крестьянскій.

Марья Алексѣевна. А развѣ нашъ хлѣбъ не былъ еще проданъ?

Андрей Тихоновичъ. Видно, что нѣтъ. Вотъ тебѣ и поѣздка заграницу!

Марья Алексѣевна. Какъ, мой другъ, такъ мы не поѣдемъ?

Андрей Тихоновичъ. Помилуй, Маша Алексѣевна, какъ теперь намъ уѣхать? Я завтра же поскачу въ Воропановку... Надобно взглянуть самому, пособить мужичкамъ, обстроить ихъ...

Марья Алексѣевна. Да это все можетъ сдѣлать безъ тебя Терентій. Послушай, мой другъ, ужъ безъ этого мы теперь не обойдемся. Надобно занять въ опекунскомъ совѣтѣ. Да вамъ всего лучше: ты собирался купить подмосковную и взялъ свидѣтельство на Вихляевку: въ ней безъ малаго триста душъ, такъ намъ выдадутъ изъ опекунскаго совѣта слишкомъ шестьдесятъ тысячъ; ты пошлешь тысячъ пять Терентію, а съ остальными намъ, кажется, можно будетъ ѣхать заграницу.

Андрей Тихоновичъ. Эхъ, Марья Алексѣевна, занять легко, а прожить и того легче, да платить-то чѣмъ мы станемъ?

Марья Алексѣевна. Какъ чѣмъ?.. Если мы будемъ жить заграницею занятыми деньгами, такъ всѣ здѣшніе доходы пойдутъ на уплату долга.

Андрей Тихоновичъ. А если безъ насъ доходы-то будутъ плохіе, или ихъ вовсе не будетъ—тогда что? Нѣтъ, мой другъ, — что Богъ дастъ впередъ, а въ нынѣшнемъ году намъ никакъ нельзя ѣхать заграницу.

Марья Алексѣевна. Нельзя... Ну, дѣлать нечего, Андрей Тихоновичъ!.. Я до сихъ поръ скрывала отъ тебя—не хотѣла тебя огорчить, но теперь должна сказать всю правду. Неужели ты думаешь, что я хотѣла прожить заграницею три года для одной только забавы?

Андрей Тихоновичъ. А для чего же, матушка?..

Марья Алексѣевна. Для моего здоровья, Андрей Тихоновичъ!.. Оно совершенно разстроено...

Андрей Тихоновичъ. Разстроено?.. Твое здоровье разстроено?

Марья Алексѣевна. Ужасно!.. Я совѣтовалась съ медиками и они полагаютъ, что меня можетъ спасти одинъ теплый климатъ.

Андрей Тихоновичъ (*остолбенѣвъ отъ удивленія*). Спасти?.. Какъ спасти?..

Digitized by Google

Марья Алексѣевна. Да, мой другъ!.. И о для этого мнѣ непремѣнно надобно провести ѣ или три зимы въ Неаполѣ, Римѣ или, по айней мѣрѣ, въ Парижѣ.

Андрей Тихоновичъ. Да что у тебя за лѣзнь такая, мой другъ? Понять не могу!.. Ты, агодаря Бога, кушаешь хорошо, почиваешь окойно, румянецъ во всю щеку...

Марья Алексѣевна. Румянецъ во всю еку!.. Да развѣ ты не знаешь, Андрей Тихоновичъ, что у чахоточныхъ людей всегда румянецъ...

Андрей Тихоновичъ. Что ты, что ты!.. ристосъ съ тобою!.. Ну, походишь ли ты на чаоточную?..

Марья Алексѣевна. Вы все судите по ружности,—а если бы вы знали, какъ я страдаю, кія у меня боли въ груди!.. Да вамъ какое до ого дѣло... Я худѣю, чахну...

Андрей Тихоновичъ. Худѣешь? Эхъ, атушка Марья Алексѣевна, охота тебѣ гнѣвить ога! Да съ тѣхъ поръ, какъ я на тебѣ женился, ы такъ подобрѣла, что и сказать нельзя! Поюбуй-ка, мой другъ, надѣть теперь свое подвнечное платье...

Марья Алексѣевна. Я буду въ немъ, акъ въ мѣшкѣ, сударь. Да что объ этомъ оворить! Если вамъ легче видѣть меня въ гробу, ѣмъ ѣхать заграницу, такъ дѣлать нечего. ы, бѣдныя жинщины, рождены для того, чтобъ ыть невольницами, и если мужъ,—то-есть господинъ, скажетъ своей женѣ: „Я хочу, я приказываю!“—такъ она должна повиноваться и умирать.

Андрей Тихоновичъ. Марья Алексѣевна!.. у тебѣ ли это говорить?

Марья Алексѣевна (*не слушая*). Боже ой, да когда же наступитъ часъ нашего освоожденія!.. Неужели это рабское состояніе женщины будетъ продолжаться вѣчно?..

Андрей Тихоновичъ. Марья Алексѣевна!..

Марья Алексѣевна. Неужели мы должны сѣ, отъ рожденья нашего до самой нашей смерти, осить эти позорные кандалы?

Андрей Тихоновичъ. Марья Алексѣевна, обойся Бога!

Марья Алексѣевна. Когда подумаешь: то такое жизнь бѣдной женщины?.. Никакія ертвы, никакое самоотверженіе не избавляютъ е отъ этого унизительнаго рабства! Ей только твердятъ: „Терпи,—ты на это рождена!“.. О, учше бы намъ вовсе не родиться! (*Закрываетъ лаза платкомъ*).

Входитъ двоюродная сестра Марьи Алексѣевны, Анна Михайловна Хопрова, женщина лѣтъ подъ сорокъ. Замѣтно, что она была недурна собою. Черные, быстрые глаза ея все еще прекрасны. Хопрова была два раза замужемъ и, вѣроятно, не отказалась бы отъ третьяго мужа, еслибъ онъ рѣшился итти по стопамъ обоихъ покойниковъ, то-есть любить свою жену со страхомъ и повиноваться ей съ трепетомъ. Она слыветъ въ своемъ кругу женщиной отличнаго ума; впрочемъ, можетъ быть, потому, что мужья ея были люди очень простые,—а вѣдь, извѣстное дѣло,—если мужъ глупъ, а жена не пошлая дура, такъ она ужъ, вѣрно, прослыветъ умницей).

Bon jour, cousine!.. Что это?.. Ты плачешь? Что ъ тобою, мой другъ?

Марья Алексѣевна. Ахъ, Анета! Я самая есчастная женщина!

Хопрова. Что ты говоришь!

Марья Алексѣевна. Ахъ!

Хопрова. Да что такое у васъ сдѣлалось, Андрей Тихоновичъ?

Андрей Тихоновичъ. Анна Михайловна! Вы женщина умная,—ну, разсудите насъ, Бога ради! Вотъ изволите видѣть...

Марья Алексѣевна (*прерывая*). Ты знаешь, мой другъ, какъ я нездорова!

Хопрова. Да, да, Marie! Ты такъ же, какъ я, очень страдаешь нервами

Марья Алексѣевна. Что нервы!.. Объ этомъ я не стала бы и думать! А грудь, мой другъ, грудь!..

Хопрова (*съ невольнымъ удивленіемъ*). Грудь?

Марья Алексѣевна. Теперь скрывать ужъ нечего; ты знаешь...

Хопрова. Что у тебя разстроена грудь?.. Какъ же, какъ же—знаю!.. Ты давно уже на нее жалуешься.

Марья Алексѣевна. Слышите, сударь!.. Ты знаешь также, что я потихоньку отъ мужа совѣтовалась съ медиками...

Хопрова. Знаю, знаю!

Марья Алексѣевна. Слышите, сударь!.. Не правда ли: я говорила тебѣ, что всѣ доктора совѣтуютъ мнѣ ѣхать заграницу?..

Хопрова. Говорила, мой другъ, говорила!

Марья Алексѣевна. Слышите, сударь!.. И что мнѣ непремѣнно должно прожить года два или три въ тепломъ климатѣ,—что это одно можетъ спасти меня отъ смерти?

Хопрова. Да, да, Marie! Ты мнѣ это говорила.

Марья Алексѣевна. И что жъ ты думаешь, мой другъ? Андрей Тихоновичъ не хочетъ везти меня заграницу,—ему жаль денегъ...

Хопрова. Андрей Тихоновичъ, вы ли это?

Андрей Тихоновичъ. Матушка, выслушайте меня!..

Хопрова. Помилуйте!.. У вашей жены смертельная болѣзнь,—вы можете спасти ее и жалѣете денегъ!

Андрей Тихоновичъ. Позвольте вамъ только сказать...

Хопрова. Что вы, что вы!.. Да это неслыханное дѣло!.. Это ни на что не походитъ!..

Андрей Тихоновичъ. Дайте же мнѣ вымолвить слово: вѣдь я за пять минутъ до вашего пріѣзда былъ согласенъ ѣхать на два года заграницу...

Хопрова. Такъ отчего жъ теперь?..

Андрей Тихоновичъ. Вотъ прочтите письмо отъ приказчика! Лучшее наше имѣніе выгорѣло до-тла, сгорѣлъ весь хлѣбъ, доходовъ никакихъ не будетъ, и чтобы ѣхать заграницу, намъ придется заложить послѣднее имѣніе въ опекунскій совѣтъ... Ну, разсудите сами...

Хопрова. Фи!.. Мнѣ стыдно за васъ, Андрей Тихоновичъ! Ну, что такое заложить имѣніе?.. Всякій порядочный мужъ себя заложитъ, когда дѣло идетъ о здоровьѣ его жены...

Андрей Тихоновичъ. Такъ, матушка, такъ!.. Да вѣдь, воля ваша, я не думаю, чтобъ она была такъ опасно больна... Право, можно повременить!.. Зимой, въ большіе холода мы не станемъ выѣзжать, а Богъ дастъ будущею весною..

Марья Алексѣевна. Ну!.. Слышишь, кузина?.. Вотъ моя участь!..

Хопрова. Признаюсь!.. Нѣтъ, Андрей Тихоновичъ, этого я отъ васъ не ожидала!..

Марья Алексѣевна. А я-то развѣ ожидала, мой другъ?.. Глупая, неопытная дѣвочка, я думала: выйду замужъ за человѣка, который вдвое меня старѣе; ужъ если всѣ мужья тираны, такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ, хотя изъ благодарности, станетъ меня баловать, любить, какъ дочь родную. И что жъ? Этотъ мужъ, чтобъ сберечь нѣсколько тысячъ рублей, говоритъ своей

Digitized by Google

умирающей женѣ: „Нѣтъ, матушка, зачѣмъ тебѣ ѣхать въ теплый климатъ,—ты можешь сидѣть дома: въ натопленной комнатѣ такъ же тепло, какъ и въ Италіи. Да и чахотка-то у тебя только начинается. Къ чему торопиться: можетъ быть, и такъ пройдетъ".

Андрей Тихоновичъ. Эхъ, Марья Алексѣевна, боишься ли ты Бога? За что ты меня обижаешь?.. Ну, если ты ужъ непремѣнно хочешь, такъ поѣдемъ заграницу,—только не на два года.

Марья Алексѣевна. А на сколько же, сударь?

Андрей Тихоновичъ. Да этакъ мѣсяца на три... Ну, пожалуй,—такъ и быть: на четыре.

Хопрова *(Марьѣ Алексѣевнѣ)*. А, торгуется!.. Не уступай!

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, Андрей Тихоновичъ, зачѣмъ, вѣдь это не сдѣлаетъ мнѣ никакой пользы, а только больше меня разстроитъ.

Андрей Тихоновичъ *(собравшись съ духомъ)*. Такъ ты не хочешь ѣхать...

Марья Алексѣевна *(рѣшительно)*. На четыре мѣсяца?.. Не хочу!

Андрей Тихоновичъ. Ну, какъ хочешь, матушка!

Марья Алексѣевна. Что жъ дѣлать,—видно, ужъ Богу угодно, чтобъ я умерла въ молодости.

Хопрова. Это ужасно!.. Андрей Тихоновичъ!..

Андрей Тихоновичъ. И, полноте, матушка!.. Что въ самомъ дѣлѣ, дуракъ что ли я вамъ достался! Все была здорова, а тутъ вдругъ...

Марья Алексѣевна. Такъ вы думаете, что я васъ обманывала?.. Что я здорова?

Андрей Тихоновичъ. Я думаю, матушка, что болѣзнь твоя вовсе не такъ опасна, какъ тебѣ кажется. И что я очень глупо сдѣлаю, если совершенно разорюсь и останусь, можетъ быть, безъ куска хлѣба, потому только...

Марья Алексѣевна. Ну, сударь, договаривайте!

Андрей Тихоновичъ. Потому только, что тебѣ вообразилось, что у тебя чахотка.

Марья Алексѣевна *(Хопровой)*. Слышишь, мой другъ? Ну, не правду ли я говорила?

Хопрова. Нѣтъ, это выходитъ изъ всѣхъ границъ!.. Вы, сударь, не человѣкъ, а чудовище!

Андрей Тихоновичъ. Покорнѣйше благодарю!

Хопрова. Въ васъ нѣтъ ни сердца, ни души!

Андрей Тихоновичъ. Знаю, сударыня, знаю! Не по вашему дѣлаютъ, такъ и души нѣтъ! Да вѣдь съ вамине переговоришь! *(Обращаясь къ женѣ)*. Хочешь, Марья Алексѣевна, ѣхать на четыре мѣсяца заграницу?

Марья Алексѣевна. Нѣтъ, сударь, не хочу!

Андрей Тихоновичъ. Рѣшительно?

Марья Алексѣевна. Рѣшительно.

Андрей Тихоновичъ. Такъ мы послѣ завтра поѣдемъ въ Воропановку. Прощай! *(Уходитъ)*.

Хорпова. О, да какъ ты избаловала своего мужа!.. Онъ приказываетъ, повелѣваетъ!.. Seigneur et maitre!

Марья Алексѣевна. Ахъ, кузина!.. Я въ самомъ ужасномъ положеніи!.. Вообрази, мой другъ: въ то самое время, какъ Андрей Тихоновичъ согласился ѣхать на два года заграницу, пожаловала къ намъ Сусликова — и знаешь ли зачѣмъ? Чтобъ сказать мнѣ, что она ѣдетъ въ Карлсбадъ. Сусликовой хотѣлось почваниться передо мной, унизить меня. Разумѣется, ей не удалось: я совершенно ее уничтожила, когда сказала, что ѣду заграницу не на четыре мѣсяца, а на нѣсколько лѣтъ, и не въ этотъ пошлый Карлсбадъ, а на берега Рейна, въ Римъ, Неаполь и Парижъ. Представьте же себѣ, какое будетъ торжество для этой Сусликовой.—она ѣдетъ заграницу, а я въ Воропановку!

Хорпова. Да, это досадно!

Марья Алексѣевна. Досадно!.. Нѣтъ, не досадно, а убійственно, мой другъ! Когда я подумаю, какую роль станетъ играть въ Москвѣ эта Сусликова!. Да мнѣ просто отъ нея житья не будетъ!.. Она начнетъ при мнѣ разсказывать о чужихъ краяхъ, — какъ тамъ все прекрасно, удивительно, безподобно!.. А я слушай да молчи!.. Еще пожалуй... да, кузина, отъ нея станется—она привезетъ мнѣ гостинецъ изъ Карлсбада. О, я всего ожидаю отъ этой негодной женщины!

Хопрова. Что жъ ты намѣрена дѣлать?

Марья Алексѣевна. Да что, мой другъ, ужъ не поѣхать ли также въ Карлсбадъ мѣсяца на четыре?

Хопрова. Что ты, что ты!.. Ты могла это сдѣлать прежде; но теперь, когда мужъ такъ осмѣлился предписывать тебѣ законы... О, нѣтъ, Marie!—Il fauf montrer du cagactère.

Марья Алексѣевна. А если Андрей Тихоновичъ...

Хопрова. И, полно, мой другъ!. Что Андрей Тихоновичъ! Андрей Тихоновичъ мужъ, какъ и всѣ другіе. Онъ не вѣритъ, что ты больна... Посмотримъ, какъ онъ не повѣритъ, если услышитъ то же самое отъ доктора.

Марья Алексѣевна. Да, можетъ быть, онъ и доктору не повѣритъ...

Хопрова. Такъ мы сдѣлаемъ консиліумъ. Да я надѣюсь, что до этого не дойдетъ. Кто вашъ докторъ?

Марья Алексѣевна. Теперь у насъ никого нѣтъ.

Хопрова. Такъ я привезу къ тебѣ моего доктора; Ѳома Ѳомичъ Дупельшпенъ—прекрасный человѣкъ: всѣхъ отправляетъ заграницу.

Марья Алексѣевна. А если онъ, такъ же, какъ мужъ, станетъ судить по наружности и найдетъ, что я...

Хопрова. Что ты здорова? Сохрани Господи!.. Не такой человѣкъ, мой другъ!.. Какъ бы ты ни казалась здоровою, а ужъ онъ непремѣнно отыщетъ въ тебѣ зародышъ какой-нибудь болѣзни,—отличный докторъ!

Марья Алексѣевна. Но все, я думаю, лучше, если ты скажешь ему...

Хопрова. Не безпокойся!.. Да что мы сядимъ здѣсь, въ проходной комнатѣ? Пойдемъ лучше въ твой кабинетъ: мнѣ еще надобно о многомъ поговорить съ тобою...

Марья Акексѣевна. Allons, ma cousine *(Уходятъ)*.

---

2. ОТЪѢЗДЪ.

(Спустя три недѣли)

(Село Всесвятское. У самаго выѣзда, на большой петербургской дорогѣ стоитъ запряженная шестерикомъ четвероместная карета. Извозчикъ перекидываетъ одну изъ отлетныхъ лошадей въ корду; ему помогаетъ слуга въ дорожной курткѣ. На козлахъ сидитъ Андрей Тихоновичъ Оборкинъ въ старомъ пальто и кожанномъ картузѣ; онъ куритъ трубку. Въ каретѣ, разумѣется, на первомъ мѣстѣ, Марья Алексѣевна, въ шляпкѣ съ зеленымъ вуалемъ: рядомъ съ ней старая нѣмка Шарлотта Карловна, и съ-

Digitized by Google

йномъ чепцѣ; впереди сидитъ повязанная краснымъ ...аткомъ горничная дѣвушка. Навстрѣчу къ каретѣ, ...петербургской стороны, шибкой рысью несется от...ытая коляска. Въ ней сидитъ человѣкъ лѣтъ со...ка, въ плащѣ и бѣлой шляпѣ съ широкими полями).

Проѣзжій въ бѣлой шляпѣ. Что это?.. ...а это, никакъ?.. Ну, такъ и есть!.. Стой!.. *(Ко...ска, поровнявшись съ каретой, останавливается).* ...ндрей Тихоновичъ!..

Андрей Тихоновичъ. Что я вижу?.. Сур...кій!..

Сурскій *(выходя изъ коляски).* Я, мой другъ, я.

Андрей Тихоновичъ *(спускаясь съ ко...лъ).* Какая встрѣча!.. Здравствуй, дружище! *...бнимаются).* Откуда Богъ несетъ?

Сурскій. Изъ Питера.

Андрей Тихоновичъ. Куда?

Сурскій. Въ Москву.

Андрей Тихоновичъ. Проѣздомъ?

Сурскій. Нѣтъ, на житье.

Андрей Тихоновичъ. Что ты говоришь?.. ...хъ, Господи, вотъ досада-то, подумаешь! Какъ ...арочно: ты въ Москву, а я изъ Москвы!

Сурскій. Да ты куда ѣдешь? Въ Петербургъ?

Андрей Тихоновичъ. Охъ, нѣтъ, мой ...ругъ!.. Заграницу.

Сурскій. Вотъ что!.. Да что это, братецъ, ...ль тебѣ въ каретѣ-то мѣста нѣтъ?

Андрей Тихоновичъ. Какъ не быть.

Сурскій. Такъ зачѣмъ же ты на козлахъ ...идѣлъ?

Андрей Тихоновичъ. Да вотъ, какъ ви...ишь, трубочку покуриваю.

Сурскій. А, видно, въ каретѣ-то...

Андрей Тихоновичъ. Не любятъ!

Сурскій. Ага, любезный. Вотъ то-то!.. Же...иться захотѣлъ.

Марья Алексѣевна *(выглянувъ въ окно).* ...й, голубчикъ!.. Ямщикъ!.. Да скоро ли ты кон...ишь?

Ямщикъ. Мигомъ, матушка, мигомъ!

Сурскій *(вполголоса).* Андрей Тихоновичъ, ...то твоя барыня?

Андрей Тихоновичъ. Д-да, мой другъ!

Сурскій. Ну, братъ, поздравляю!.. Ты чело...ѣкъ со вкусомъ!.. Да жена-то у тебя красави...а!.. Любо посмотрѣть!. Вотъ ужъ подлинно ...ровь съ молокомъ... Такъ ты ѣдешь въ чужіе ...рая, чтобъ потѣшить молодую жену?..

Андрей Тихоновичъ. Охъ, братъ!.. Чего ...нѣ будетъ стоить эта поѣздка!.. Вѣдь мы ѣдемъ ...а два года.

Сурскій. На два года? Да, любезный, это ...танетъ тебѣ въ копейку.

Андрей Тихоновичъ. Къ тому жъ и ...ѣла-то мои не больно хороши: лучшая деревня ...горѣла.

Сурскій. Такъ чтожъ тебѣ за охота?..

Андрей Тихоновичъ. А что будешь дѣ...ать!.. Моя Марья Алексѣевна...

Сурскій *(прерывая).* Отдала приказъ, такъ ...ы ослушаться не смѣешь?.. Эге, любезный!.. Да ...ы, я вижу, вовсе подъ каблучкомъ у твоей за...онной половины!..

Андрей Тихоновичъ *(обидясь).* Нѣтъ, ...тепанъ Ивановичъ, ошибаешься, любезный! Я ...е такой мужъ, чтобъ сталъ передъ моей женой ...о стрункѣ ходить; я на ней женился, а не въ ...рѣпость пошелъ.

Сурскій. Однако жъ все-таки въ угоду мо...одой женѣ ѣдешь заграницу.

Андрей Тихоновичъ. Въ какую угоду!.. ...оѣдешь, братъ, и за тридевять земель, когда ...ѣло идетъ о здоровьѣ.

Сурскій. О здоровьѣ? Ну, это другая рѣчь.. Да чѣмъ же ты боленъ, Андрей Тихоновичъ?

Андрей Тихоновичъ. Не я!

Сурскій. А кто жъ? Вѣдь, кажется, у тебя дѣтей нѣтъ?

Андрей Тихоновичъ. Жена больна, мой другъ.

Сурскій. Жена?.. Вотъ эта дородная барыня, которую я сейчасъ видѣлъ?

Андрей Тихоновичъ. Да.

Сурскій. Ахъ, батюшки! Ну, кто бы могъ подумать?..

Андрей Тихоновичъ. Послушай, мой другъ: ты теперь ѣдешь на житье въ Москву,— сдѣлай милость: я напишу изъ Петербурга къ моему приказчику, чтобъ онъ во всемъ къ тебѣ относился... Я было просилъ объ этомъ кой-кого изъ моихъ московскихъ пріятелей, да все люди ненадежные.

Сурскій. Очень радъ, мой другъ.

Андрей Тихоновичъ. Я и прежде былъ долженъ въ опекунскій совѣтъ, а теперь еще заложилъ деревню,—такъ ужъ сдѣлай милость— потрудись изъ моихъ доходовъ вносить проценты, и если будущей зимой встрѣтится что-нибудь неожиданное, напиши ко мнѣ въ Римъ, на имя банкира... эхъ, забылъ!.. Ну, да все равно: адресуй просто въ Римъ, съ удержаніемъ на почтѣ.

Сурскій *(заглядывая въ карету).* Хорошо, мой другъ, хорошо!

Андрей Тихоновичъ. Ты гдѣ будешь жить въ Москвѣ?

Сурскій. Въ домѣ моей тетки, на Никитской.

Андрей Тихоновичъ. А, знаю, знаю!

Сурскій. Такъ твоя жена больна?

Андрей Тихоновичъ. И очень не хорошо, мой другъ... Ее можетъ только спасти теплый климатъ.

Сурскій. Да чѣмъ же она нездорова?

Андрей Тихоновичъ. Мнѣ докторъ объявилъ рѣшительно, что у нея начинается чахотка.

Сурскій. Что ты, Андрей Тихоновичъ?.. Перекрестись!

Андрей Тихоновичъ. И я также, братецъ, этому не вѣрилъ, да Ѳома Ѳомичъ мнѣ доказалъ, какъ дважды два четыре, что у ней всѣ признаки этой ужасной болѣзни,—только она еще не развилась, и для нашей братіи, темныхъ людей, вовсе не замѣтна; но что внутренній организмъ рѣшительно пораженъ.

Марья Алексѣевна *(выглянувъ въ окно кареты).* Андрей Тихоновичъ, ну, чтожъ ты не садишься? Тебя дожидаются.

Андрей Тихоновичъ. Прощай, Степанъ Ивановичъ! Теперь у меня на душѣ будетъ полегче: есть кому позаботиться о моихъ дѣлахъ. До свиданія, мой другъ.

Сурскій *(который во все это время смотритъ внимательно на Марью Алексѣевну).* Постой, постой!.. Одно только слово. Какъ зовутъ вашего доктора?

Андрей Тихоновичъ. Ѳома Ѳомичъ Дупельшнепъ. А на что тебѣ?

Сурскій. Какъ на что, любезный: я теперь московскій житель и могу попасть къ нему на руки...

Андрей Тихоновичъ. Такъ чтожъ?

Сурскій. А вотъ что, мой другъ: если онъ мнѣ скажетъ, что у меня чахотка, такъ я вмѣсто козлинаго молока, буду пить шампанское.

Андрей Тихоновичъ. Ты все, братъ, такой же балагуръ, какъ и прежде...

Марья Алексѣевна. Андрей Тихоновичъ, да чтожъ вы не садитесь?

Digitized by Google

Андрей Тихоновичъ *(влѣзая на козлы)*. Сейчасъ, сейчасъ!

Ямщикъ *(расправивъ вожжи)*. Эй, вы, соколики!

Сурскій *(садясь въ коляску)*. Прощай, Андрей Тихоновичъ!.. Пошелъ!

3. ВОЗВРАЩЕНІЕ.

(Спустя два года).

(Тверская застава. Шагахъ въ двухстахъ отъ нея, по одному изъ бульваровъ, между которыми проложено петербургское шоссе, идутъ двое мужчинъ; одинъ изъ нихъ Степанъ Ивановичъ Сурскій, другой—пріятель его Ѳедоръ Никитичъ Климовъ. По шоссе ѣдутъ шагомъ коляска и парная пролетка).

Сурскій *(продолжая разговоръ)*. Да, Ѳедоръ Никитичъ, какъ я ни хлопоталъ, а успѣха никакого не было. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло; вчера былъ на послѣдней переторжкѣ; самъ я надавать не могъ, ты знаешь, я человѣкъ не богатый, но уговорилъ Сундукова идти до двухсотъ рублей серебромъ за душу.

Климовъ. Ну, что жъ,—это цѣна не дурная.

Сурскій. Имѣнье-то богатое! Не продавайся оно съ публичнаго торга, такъ охотно бы триста цѣлковыхъ за душу дали. Одна деревня въ двухъ верстахъ отъ Рыбинска, другая на Окѣ; строевой лѣсъ, поемные луга... Эхъ, жаль мнѣ бѣднаго Андрея Тихоновича!.. Если-бъ онъ былъ самъ на-лицо, такъ авось бы какъ-нибудь извернулся... Лѣсъ могъ бы продать тысячъ на сто—охотники были; а безъ него что будешь дѣлать?

Климовъ. Да гдѣ онъ теперь?

Сурскій. Богъ знаетъ! Жена безпрестанно таскаетъ его изъ одного мѣста въ другое. Въ концѣ прошлой зимы я написалъ къ нему въ Римъ, что его дѣла въ весьма худомъ положеніи. Въ одной деревнѣ крестьяне, у которыхъ все сгорѣло, вовсе обнищали, не пашутъ ни своей, ни барской земли, шатаются по большимъ дорогамъ, да милостыню просятъ; въ другой—оброчные совсѣмъ отъ рукъ отбились, не платятъ, да и только! Въ третьей—хлѣбъ не уродился; доходовъ никакихъ нѣтъ, а между тѣмъ надобно вносить проценты въ опекунскій совѣтъ. На это письмо отвѣта не было; да и быть не могло, потому что я черезъ недѣлю получилъ отъ него письмо изъ Парижа. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я отправилъ къ нему письмо въ Парижъ и совѣтовалъ какъ можно скорѣе воротиться въ Россію, потому что чрезъ шесть мѣсяцевъ обѣ его оброчныя деревни, за просрочку въ опекунскій совѣтъ, будутъ продаваться съ публичнаго торга, и что онъ можетъ остаться при одной орловской деревнѣ, которая, послѣ пожара, гроша не стоитъ. Жду-пожду, брякъ отъ него письмо изъ Венеціи, жалуется, что я къ нему не пишу, что Венеція городъ прескучный: земли вовсе нѣтъ, каменные пустые дома; вмѣсто улицъ каналы съ вонючей водой, а вмѣсто экипажей черныя лодки, которыя, дескать, называются здѣсь гондолами. Я написалъ къ нему въ Венецію, послалъ на почту, а мнѣ несутъ съ почты отъ него письмо изъ Неаполя. Вотъ и третье мое письмо въ воду кануло. „Мы съ женою,—пишетъ онъ,—другой мѣсяцъ живемъ на берегу моря, въ загородномъ домѣ, которые называютъ здѣсь виллами. Жара смертная, денегъ выходитъ пропасть. Впрочемъ, благодаря Бога, женѣ лучше, грудью перестала жаловаться и очень раздобрѣла; только одно меня безпокоитъ: у ней сдѣлалась одышка; я думалъ сначала, что это просто отъ толстоты, но Марья Алексѣевна говоритъ, что здѣшніе доктора приписываютъ это слабости легкихъ, и что ей должно еще непремѣнно около года прожить въ тепломъ климатѣ“. Потомъ Андрей Тихоновичъ разсказываетъ мнѣ, какъ жена таскала его на Везувій, что ее несли на носилкахъ, а онъ сначала ѣхалъ на ослѣ, а тамъ шелъ пѣшкомъ и такъ умаялся, что, пріѣхавши домой, слегъ въ постель, да три недѣли былъ боленъ. Онъ оканчиваетъ свое письмо тѣмъ, что проситъ переслать къ нему въ Неаполь все, что получено съ его деревень въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ. Разумѣется, я отвѣчалъ ему, то-есть повторилъ все то, что писалъ въ письмѣ моемъ, адресованномъ въ Венецію. Не знаю, получилъ ли его Андрей Тихоновичъ, только съ тѣхъ поръ я не имѣю о немъ никакого извѣстія.

Климовъ. Бѣдный старикъ! И что это послѣ на нашихъ московскихъ барынь, словно повѣтрое какое; всѣ такъ и рвутся заграницу. Вотъ у меня есть родственникъ, Сергѣй Александровичъ Сусликовъ, человѣкъ небогатый, всего тысячъ десять въ годъ доходу, однакожъ жилъ кое-какъ въ Москвѣ. Жена уговорила его съѣздить заграницу; съѣздили, да вотъ теперь третій годъ и живутъ въ своей калужской деревнѣ: справиться не могутъ. Видно, что надъ нами сбывается русская пословица: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“. Люди богатые, образованные стали ѣздить заграницу, вотъ и всѣ наши полуграмотные, мелкопомѣстные дворянчики туда же поднялись!.. Говорятъ, что извѣстная русская путешественница, госпожа Курдюкова, совершенно невѣроподобное созданіе, каррикатура!.. Неправда! Я на свою долю знаю одну и даже двухъ Курдюковыхъ, которыя ѣздили *а летранже*, срамились, убили послѣднее свое имѣньишко, и, что всего хуже, назывались заграницею русскими барынями.

Сурскій. Чтожъ дѣлать, Ѳедоръ Никитичъ, какъ бы человѣкъ ни былъ плохъ, а все вѣдь онъ не запрещенный товаръ: нельзя не пропустить заграницу.

Климовъ. Да пусть бы себѣ пропускали только не подъ русскимъ клеймомъ. *(Въ продолженіе этого разговора они подходятъ къ заставѣ и останавливаются подлѣ двухъ мужиковъ, которые смотрятъ на тріумфальныя ворота; рядомъ съ мужиками стоитъ ямщикъ, держа въ поводу тройку почтовыхъ лошадей).*

Первый мужикъ. Андрюша!.. Что это, братъ, за ворота такія?

Второй мужикъ. Застава.

Первый мужикъ. Застава то—вотъ!.. Я то говорю про ворота.

Второй мужикъ. Да это все едино.

Первый мужикъ. Нѣтъ, не едино! Я заставы-то видывалъ: и Рогожскую, и Серпуховскую, и Калужскую; а это ворота,—такъ они, какъ ни на есть, да прозываются, вотъ, примѣромъ, Спасскія ворота, Иверскія ворота, Красныя ворота..

Ямщикъ. А это, братъ, Трухмальныя ворота.

Первый мужикъ. Трухмальныя!.. Вижъ какія!.. Да что это на верху-то за баба съ крыльями ѣдетъ шестерикомъ.

Ямщикъ. Шесторикомъ?.. И впрямь шестерикомъ! Какъ-же такъ!.. Вѣдь шестерикомъ-то въ рядъ ѣздить заказано.

Второй мужикъ. Да эти, братъ, лошадки смирныя: не разобьютъ. *(Мужики смѣются).*

Климовъ. А вотъ, кажется, ѣдетъ пиликанъ изъ Петербурга... Ну, такъ и есть! *(Дилижансъ останавливается у шлагбаума. Кондукторъ слѣзетъ съ козелъ и идетъ въ караулино).*

Digitized by Google

Сурскій. Биткомъ набитъ! Вонъ позади и въ кабріолетѣ трое сидятъ.

Одинъ изъ проѣзжихъ въ кабріолетѣ. Охъ, какъ у меня ноги-то затекли!.. Проклятая ѣзда! Вотъ пытка-то, подумаешь!.. Что это? Степанъ Ивановичъ!

Сурскій. Андрей Тихоновичъ!..

Андрей Тихоновичъ *(Вылезая изъ кабріолета)*. Ну, слава Богу!.. Хоть первая-то встрѣча хороша! Здравствуй, мой другъ сердечный! *(Обнимаются)*.

Сурскій. Скажи, пожалуйста, — опять мы встрѣтились съ тобой на большой дорогѣ! И оба раза ты такимъ молодцомъ!.. Тогда ѣхалъ на козлахъ, теперь въ кабріолетѣ...

Андрей Тихоновичъ. Эхъ, братъ!.. И то Божья милость, что какъ-нибудь, да доѣхалъ до Москвы!.. Ну, Степанъ Ивановичъ, я послѣднее твое письмо получилъ!.. Что, братъ, и спрашивать нечего... Кулябкино и Вихляевка...

Сурскій. Да, мой другъ!.. Вчера была послѣдняя переторжка...

Андрей Тихоновичъ. Такъ проданы!.. И, чай, за бездѣлицу!..

Сурскій. Нѣтъ, порядочно: по двѣсти цѣлковыхъ за душу.

Андрей Тихоновичъ *(перекрестясь)*. Слава Богу!.. Такъ я еще не совсѣмъ нищій.

Сурскій. Нѣтъ, мой другъ, — тебѣ причитается много денегъ получить изъ опекунскаго совѣта.

Андрей Тихоновичъ. Охъ, братъ... Да, чай, и много ихъ понадобится, чтобъ поправить Воропановку? Ты пишешь, что она по-міру ходитъ...

Сурскій. Да, Андрей Тихоновичъ... Ну, дорого тебѣ стоитъ эта прогулка заграницу!

Андрей Тихоновичъ. Что жъ дѣлать!.. Понатерпѣлся я горя, а особливо послѣднее время. Денегъ оставалось только что на проѣздъ до Петербурга, и то водою; думаю, какъ занемогу—бѣда!.. Придется умереть на чужой сторонѣ, да еще какъ: безъ покаянія!.. Повѣришь ли,—и теперь, какъ подумаю объ этомъ, такъ волосы дыбомъ становятся.

Сурскій. По крайней мѣрѣ, здоровье твоей жены...

Андрей Тихоновичъ. По мнѣ бы, кажется, слава Богу!.. Она и прежде была женщина дородная, а теперь вдвое стала толще.

Сурскій. Такъ въ другой разъ заграницу ѣхать не зачѣмъ?

Андрей Тихоновичъ. А Богъ знаетъ!

Сурскій. Какъ такъ?

Андрей Тихоновичъ. Да вотъ, изволишь видѣть: прежніе припадки всѣ миновались, а на мѣсто ихъ появились другіе. Жена говоритъ, что она чувствуетъ себя хуже прежняго и, по совѣту докторовъ, должна непремѣнно ѣхать на пирмонтскія воды...

Сурскій. Лѣчиться отъ чахотки?

Андрей Тихоновичъ. Нѣтъ, Степанъ Ивановичъ,—страшно вымолвить: отъ водяной. *(Въ продолженіе этого разговора, кондукторъ вышелъ изъ караульни и сѣлъ на козлы)*.

Караульный унтеръ-офицеръ. Подвысь!.. *(Часовой поднимаетъ шлагбаумъ. Дилижансъ ѣдетъ)*.

Андрей Тихоновичъ. Постой, постой!..

Сурскій. Оставь ихъ, братецъ! Я довезу тебя въ моей коляскѣ. Садись!

Андрей Тихоновичъ. Въ самомъ дѣлѣ, довези, любезный! Да только ужъ, пожалуйста, поскорѣе; вѣдь моя барыня то одна-одинехонька,

Сурскій. Какъ такъ?

Андрей Тихоновичъ. Да, любезный: нѣмка Шарлотта Карловна осталась въ Пруссіи, Артемка убѣжалъ отъ насъ въ Италіи, а Матрешку сманили въ Парижъ. *(Садятся въ коляску и ѣдутъ)*.

Климовъ *(глядя вслѣдъ за ними)*. Бѣдняжка!.. Чай, поѣхалъ бариномъ въ своей каретѣ, съ людьми... А назадъ-то какъ вернулся!.. И то сказать, конечно, и онъ самъ разорился, крестьянъ пустилъ по міру, да зато женѣ есть чѣмъ похвастаться: „была заграницею“.

V.

ПИСЬМО ИЗЪ АРЗАМАСА.

„Воскреснемъ-ли когда отъ чуже-
властья модъ?..
Чтобъ умный, добрый нашъ на-
родъ
Хотя по языку насъ не считалъ
за нѣмцевъ“..

Грибоѣдовъ.

Мнѣ случилось однажды быть въ обществѣ, гдѣ чрезвычайно много толковали о разныхъ европейскихъ вопросахъ, о требованіяхъ вѣка и въ особенности о народномъ просвѣщеніи или, по нынѣшнему, *цивилизаціи*. Болѣе всѣхъ разглагольствовалъ одинъ баринъ съ рыжей бородкой и длинными волосами „а-ла-мужикъ“. Онъ съ удивительнымъ жаромъ доказывалъ необходимость заведенія повсемѣстныхъ школъ въ Россіи, называлъ эти школы *нормальными*; говорилъ такъ краснорѣчиво и такимъ непонятнымъ ученымъ языкомъ, что всѣ слушали его въ почтительномъ молчаніи. Въ числѣ этихъ слушателей нашелся, однакожъ, такой безсовѣстный человѣкъ, который, вмѣсто того, чтобъ скрывать свое невѣжество, не постыдился спросить у этого барина—что такое *нормальная* школа. Вы не можете себѣ представить, до какой степени этотъ неожиданный вопросъ смутилъ моего краснорѣчиваго мудреца: онъ вспыхнулъ, замялся, пробормоталъ что-то сквозь зубы и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ,—однимъ словомъ, нельзя было не замѣтить, что онъ и самъ не зналъ порядкомъ, что такое *нормальная* школа, и, говоря вообще о первоначальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, называлъ ихъ нормальными ради того только, чтобъ придать болѣе важности своимъ рѣчамъ. Впрочемъ, подобные случаи бываютъ у насъ нерѣдко, и вы можете встрѣтить на каждомъ шагу людей, которые, какъ ученые попугаи, повторяютъ натолкованныя имъ слова, не понимая сами настоящаго ихъ смысла.

Нѣтъ, вовсе не таковъ старинный мой пріятель Андрей Яковлевичъ Мироновъ. Прослуживъ съ честью лѣтъ сорокъ, онъ живетъ теперь на покоѣ въ уѣздномъ городѣ Арзамасѣ. Андрей Яковлевичъ не можетъ похвастаться ученостью: не знаетъ иностранныхъ языковъ, не имѣетъ никакого понятія о нѣмецкой философіи; однакожъ, старикъ не глупый, большой охотникъ до чтенія и, въ нѣкоторомъ отношеніи, человѣкъ очень любознательный. Напримѣръ, если онъ встрѣтитъ въ книгѣ какое-нибудь новое для него слово, то не успокоится до тѣхъ поръ, пока не доберется до настоящаго смысла этого слова. Онъ пересмотритъ всѣ словари, переговоритъ со всѣми учителями уѣзднаго училища и если найдетъ ихъ толкованія неудовлетворительными, то, при первомъ случаѣ, поѣдетъ въ губерскій городъ и отнесется прямо къ господину директору гимназіи; но, видно, и это послѣднее средство не всегда

Digitized by Google

удается моему пріятелю, потому что я, на-дняхъ, получилъ отъ него преогромное письмо, которое почти все составлено изъ однихъ вопросовъ.— „Я, батюшка, человѣкъ не многоязычный,—говоритъ онъ въ началѣ письма,—я знаю только свой родной языкъ и, кажется, знаю его порядочно; а вотъ съ нѣкотораго времени стали мнѣ попадаться, особенно въ одномъ журналѣ, такія странныя слова, какихъ я въ жизнь свою не слыхивалъ. Конечно, Богданъ Ильичъ, въ ученомъ свѣтѣ часто создаются новыя науки и дѣлаются важныя открытія, которымъ надобно-же давать какія-нибудь названія,—да неужели ихъ нельзя найти въ нашемъ собственномъ языкѣ... Вотъ, напримѣръ, искусство посредствомъ солнечнаго свѣта дѣлать вѣрные снимки съ лицъ человѣческихъ и съ разныхъ другихъ предметовъ французы называютъ дагерротипомъ (фу, батюшки, насилу выговорилъ!); а вѣдь мы умѣли-же это новое изобрѣтеніе назвать по-русски — и, воля ваша; слово „свѣтопись“ понятнѣе и вѣрнѣе французскаго слова „дагерротипъ“, которое, какъ я слышалъ, ровно ничего не значитъ. Да что объ этомъ толковать! Я человѣкъ простой, гдѣ мнѣ состязаться съ людьми учеными: мнѣ-бы только понимать то, что они пишутъ; и вотъ почему, Богданъ Ильичъ, я покорнѣйше прошу васъ истолковать мнѣ, хотя приблизительно, значеніе нижеслѣдующихъ словъ“.

Тутъ начинался предлинный списокъ словамъ, изъ которыхъ многія, дѣйствительно, могли-бы сбить съ толку не только человѣка неученаго, но даже знаменитаго кардинала Меццофанти, который говоритъ и пишетъ свободно на семидесяти двухъ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Я рѣшился отвѣчать Андрею Яковлевичу не письменно, а печатно,—во-первыхъ потому, что, можетъ быть, въ этомъ отвѣтѣ и читатели моихъ записокъ найдутъ что-нибудь дѣльное, а во-вторыхъ, для того, что это небольшое разсужденіе о словесномъ нашествіи иноплеменныхъ будетъ, кажется, совершенно у мѣста въ запискахъ стараго москвича, который любитъ свой родной языкъ не потому только, что этотъ языкъ называется русскимъ, а потому что онъ истинно прекрасенъ; потому что въ его могучихъ и роскошныхъ звукахъ отражается вся юношеская сила и вся мощь народа русскаго; потому что этотъ языкъ такъ-же самобытенъ, такъ-же неистребимъ, такъ-же великъ, какъ наша родина святая, которую не могли сокрушить ни татарскіе погромы, ни завоеванія поляковъ, ни нашествіе французовъ, ни даже собственныя смуты и междоусобія. Теперь объ этихъ народныхъ смутахъ и рѣчи нѣтъ, но въ словесности нашей онѣ еще водятся. Одни хотятъ передѣлать нашъ языкъ на французскій образецъ, нарядить этого русскаго великана въ какой-то пестрый шутовскій нарядъ; другимъ это вовсе не по-сердцу. Одни увѣряютъ, что по-русски нельзя и простого письма написать порядочно, а другіе убѣждены, что русскій, который не напишетъ порядочнаго письма по-русски, не напишетъ его ни на какомъ языкѣ. Одни ругаются именами Ломоносова, Державина и Карамзина, другіе гордятся этими великими именами. Одни увѣряютъ, что „Исторія русскаго народа“ все то же, что исторія грудного ребенка, а другіе говорятъ, что Русь и при Владимірѣ Святославичѣ не походила уже на малое дитя. Теперь вы видите, что въ нашей словесности дѣйствительно есть смуты и *усобицы*; не льется только кровь христіанская, не гибнетъ народъ православный, но за то чернила льются рѣкою и писчая бумага гибнетъ цѣлыми стопами.

Отвѣтное письмо Андрею Яковлевичу Мирошову

„Любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ!

„Я получилъ ваше дружеское письмо и, надобно сказать правду: оно заставило меня призадуматься. Ну, задали вы мнѣ порядочную задачу! Я ужаснулся, когда окинулъ взглядомъ безконечный списокъ этихъ исковерканныхъ и перекроенныхъ на русскій ладъ иностранныхъ словъ; они, конечно, были для меня не новостью, но прежде эти изувѣченные пришлецы встрѣчались со мною поодиночкѣ, а теперь, когда я увидѣлъ передъ собою это безобразное полчище *тенденцій*, *консеквенцій*, *субстанцій*, *абстракцій*, *эксплуатацій*, то, признаюсь, волосы стали у меня дыбомъ. Господи, Боже мой!.. Да это второе нашествіе галловъ и съ ними двадесяти языкъ! И добро бы еще всѣ эти уродливыя слова были для насъ необходимы; но когда подумаешь, что почти каждое изъ нихъ можно перевести буквально на русскій языкъ или, по крайней мѣрѣ, замѣнить русскимъ словомъ, заключающимъ въ себѣ тотъ же самый смыслъ, то поневолѣ скажешь: „Ну, господа преобразователи, много надобно имѣть вамъ гордости, упрямства и ненависти ко всему отечественному, чтобъ рѣшиться на такое нелѣпое искаженіе своего роднаго языка! Какъ бы порадовался знаменитый профессоръ *элоквенціи*, Тредьяковскій, если бы могъ провидѣть, какіе у него будутъ достойные послѣдователи! Вѣдь и онъ также, не тѣмъ будь помянутъ, любилъ употреблять безъ всякой нужды исковерканныя иностранныя слова, и онъ такъ называлъ достоинство *меритомъ* и говорилъ вмѣсто принадлежности — *атрибутъ*, а вмѣсто послѣдовательности—*консеквенція*. Вѣдный Тредьяковскій, жаль, что ты не дожилъ до нашего времени“!

„Несмотря на все мое желаніе угодить вамъ, почтеннѣйшій Андрей Яковлевичъ, я никакъ не могу отвѣчать на всѣ ваши вопросы: для этого мнѣ пришлось бы составить цѣлый пояснительный словарь. Позвольте мнѣ, на первый случай истолковать вамъ значеніе только тѣхъ словъ, которыя, какъ вы сами говорите, болѣе другихъ тревожатъ вашъ любознательный и пытливый умъ. Вотъ эти слова: „*Тенденція*, *субстанція*, *цивилизація*, *гуманность*, *юмористика*, *меркантильная индустрія*, *ирритація и беллетристика*“.

„*Тенденція* (tendance), по-русски *наклонность*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ *направленіе*. Преемники Тредьяковскаго, вѣроятно, написали бы: „Тенденція умовъ совершенно гармонировала съ дѣйствіями правительства“, или „Жители Океаніи имѣютъ прононсированную тенденцію къ воровству“. А русскій человѣкъ скажетъ: „*Направленіе* умовъ совершенно *согласовалось* съ дѣйствіями правительства; жители Океаніи имѣютъ явную *наклонность* къ воровству“. Лѣтъ около ста тому назадъ, когда несчастный русскій языкъ напоминалъ вавилонское столпотвореніе, слово *тенденція* было неизвѣстно, но вмѣсто него часто употреблялось слово: *пропензія* (propention), которое значитъ почти то же самое.

„*Субстанція* (substance), слово отъ слова по-русски: *сущность*. Даже въ обѣихъ грамматикахъ, русской и французской, часть рѣчи, называемая по-русски имя *существительное*, а по-французски le nom substantif, происходитъ отъ одного и того же корня. Теперь я спрашиваю: что за необходимость изъ этихъ двухъ совершенно тождественныхъ словъ употреблять непремѣнно французское слово, понятное только для тѣхъ, которые знаютъ этотъ языкъ? Вѣроятно, господа возста-

Digitized by Google

новители школы Тредьяковскаго скажутъ мнѣ:— „Да какой же порядочный человѣкъ не знаетъ по-французски?“ А я такъ думаю, что въ Англіи, Германіи и въ разныхъ другихъ государствахъ, много есть порядочныхъ людей, которые не знаютъ французскаго языка, и что за странный выводъ такой, что за *курьезная консеквенція*: „Если хочешь понимать русскій языкъ, учись французскому“?

„*Цивилизація* (civilisation), производное реченіе отъ слова „civil“, то-есть вѣжливый, общежительный и, слѣдовательно, „civilisation“ или цивилизація значитъ одно и то же, что наша *образованность*, а въ смыслѣ болѣе обширнѣйшемъ—*просвѣщеніе*. Спросите у любого грамотнаго француза, что онъ понимаетъ подъ словомъ „civilisation“, и вы увидите, что онъ разумѣетъ подъ нимъ именно то же, что мы разумѣемъ подъ словами просвѣщеніе и образованность, то-есть—общежительность, вѣжливость, науки, художества, изящныя искусства и образъ мыслей, сходный съ понятіями нашего вѣка; слѣдовательно, мы могли бы прожить и безъ этого новенькаго словца, которое не обогатило ни на волосъ ни нашъ языкъ, ни наши понятія. У французовъ есть еще слово „les lumières“, которое въ смыслѣ нашего „просвѣщенія“ замѣняетъ иногда слово „civilisation“. Ужъ намъ бы взять и его; ну, чѣмъ слово „люміеры“ хуже цивилизаціи? Оно такъ же непонятно для русскаго человѣка и точно такъ же придаетъ какой-то ученый видъ разговору, а вѣдь мы изъ этого только и бьемся.

„Просвѣщеніе!.. Подумаешь, какое это чудное слово!.. Мы всѣ имъ очарованы, всѣ плѣняемся, а, между тѣмъ, никто еще не взялъ на себя труда опредѣлить настоящій смыслъ этого слова. Каждый толкуетъ его по своему: для одного просвѣщеніе — даръ Божій, для другого — наказаніе небесное, и, какъ послушаешь, такъ они оба правы, а, кажется, истина должна быть одна? Ужъ не оттого ли это, что въ здѣшнемъ мірѣ все имѣетъ свою дурную и хорошую сторону? Вѣдь самое благодѣтельное цѣлебное лѣкарство можетъ превратиться въ ядъ, если мы станемъ употреблять его не такъ, какъ должно.

„Вообще наши понятія о просвѣщеніи бываютъ до того различны, что одни часто находятъ его въ полномъ развитіи тамъ, гдѣ другіе не замѣчаютъ и малѣйшихъ его признаковъ. Одни говорятъ, что просвѣщеніе начинаетъ уже проникать во всѣ слои нашего общества, другіе, и въ особенности усердные поклонники Запада, увѣряютъ, что оно не дѣлаетъ почти никакихъ успѣховъ въ нашемъ отечествѣ, что мы стоимъ все на одномъ мѣстѣ и отличаемся отъ своихъ предковъ только платьемъ и обритой бородой. Однимъ словомъ, что мы точно такіе же неучи, какими были лѣтъ за сто назадъ. Я желалъ бы спросить этихъ страстныхъ обожателей Запада: „Да что жъ такое, господа, по вашему—просвѣщеніе?.. Если вы разумѣете подъ этимъ распространеніе полезныхъ знаній, художествъ и наукъ, смягченіе нравовъ, повсемѣстное учрежденіе учебныхъ заведеній, умноженіе всѣхъ житейскихъ удобствъ, улучшеніе мануфактурныхъ издѣлій, усовершенствованіе ремесленной промышленности и устроеніе удобныхъ путей сообщенія, дающихъ новую жизнь внутренней торговлѣ государства,—такъ это все у насъ дѣлается; быть можетъ, по вашему, слишкомъ медленно, да вѣдь вы знаете, господа, что въ дѣлѣ просвѣщенія поспѣшность и скачки никуда не годятся. Ну, что бы вы сами сказали о человѣкѣ, который, не сдѣлавъ еще потолковъ и не сведя кровли надъ своимъ домомъ, началъ бы штукатурить и расписывать въ немъ стѣны, потому только, что сосѣди его, у которыхъ давно уже дома построены, принялись за эту окончательную работу. Вѣроятно, и вы нашли бы этотъ поступокъ необдуманнымъ... Такъ чего же вы хотите?.. Ужъ, полно, то ли вы разумѣете, господа, подъ вашею *цивилизаціею и прогрессомъ*? Не полагаете ли вы, что русскіе тогда только сдѣлаются просвѣщеннымъ народомъ, когда совершенно превратятся во французовъ, нѣмцевъ или англичанъ,—то-есть станутъ жить какъ они, переймутъ всѣ ихъ обычаи, будутъ смотрѣть ихъ глазами, мыслить ихъ головой, закидаютъ грязью все родное и заговорятъ всѣ вашимъ исковерканнымъ полурусскимъ языкомъ? Да развѣ это просвѣщеніе? О, конечно, нѣтъ! Это не просвѣщеніе, а самое жалкое и презрительное обезьянство. Если образованные нѣмцы, англичане, голландцы шведы и даже итальянцы, вовсе не походя на французовъ, имѣютъ право называться просвѣщенными людьми, такъ почему же русскій не можетъ заслужить этого названія, не утративъ своей народной самобытности. Нѣтъ, господа, въ наше время безусловное подраженіе всему иноземному есть чистый анахронизмъ. Одни только дѣти подражаютъ всему, не разсуждая, а намъ ужъ пора выйти изъ пеленокъ.

„*Гуманность*. Я думаю, что въ этомъ словѣ не всякій французъ узнаетъ свое „humanité“, тѣмъ болѣе, что при передѣлкѣ „на русскіе нравы“ оно получило смыслъ гораздо обширнѣйшій. Гуманность можно перевести русскимъ словомъ *человѣчность*, то-есть способность сочувствовать всему, что составляетъ истинное достоинство человѣка, или вообще любовь ко всему человѣчеству и, разумѣется, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Гуманность замѣнила у насъ другое выраженіе, которое уже нѣсколько поизносилось, а именно *космополитизмъ*. Вѣроятно, господа космополиты, сирѣчь — *граждане вселенной*, оправдываютъ это странное гражданство своей любовью ко всему человѣчеству; слѣдовательно, *гуманный* человѣкъ и космополитъ почти одно и то же; надобно только сказать, что есть два рода космополитизма или *гуманности*: одинъ выражается не словами, а дѣломъ; другой по большей части ограничивается однимъ краснорѣчивымъ пустословіемъ; первый имѣетъ своимъ основаніемъ Законъ Божій, второй опирается на просвѣщеніе и философію; а самый опытъ не разъ намъ доказывалъ, какъ хрупки и ненадежны эти опоры. Любовь ко всему человѣчеству—какое прекрасное, высокое чувство! Въ духовномъ смыслѣ это едва ли не первая христіанская добродѣтель; но посмотримъ, то ли оно будетъ въ своемъ приложеніи къ нашему мірскому, грѣховному быту. Космополитъ, сирѣчь—человѣкъ гуманный, не хочетъ знать никакой исключительной любви; онъ любитъ всѣхъ одинаковымъ образомъ и заботится не о частномъ благѣ одного поколѣнія или одного народа, но о всемірномъ, общемъ благѣ всего рода человѣческаго; для него мало быть хорошимъ отцомъ семейства, полезнымъ членомъ общества, вѣрнымъ сыномъ своей родины,—онъ выше всего этого: онъ гражданинъ вселенной. Все это прекрасно, звучно и великолѣпно на бумагѣ, а въ самомъ-то дѣлѣ почти всегда служитъ благовиднымъ предлогомъ, чтобъ не думать ни о чьемъ благѣ, кромѣ своего собственнаго. Другъ человѣчества, гражданинъ вселенной!.. Какія очаровательныя слова, и, въ то же время, какой вѣрный расчетъ! Эта многолюдная семья, которую мы называемъ отечествомъ, требуетъ отъ насъ иногда большого самоотверженія, великихъ жертвъ, а что можетъ

Digitized by Google

требовать отъ одного человѣка вся вселенная?.. Будетъ и того, что онъ ее любитъ.

„Здѣсь кстати упомянуть о *филантропіи*, близкой родственницѣ этой модной *гуманности* и заштатнаго *космополитизма*. Филантропія — греческое составное слово, которое, Богъ знаетъ почему, попало, въ нашъ языкъ. Французы начали употреблять его потому, что въ ихъ языкѣ нѣтъ рѣшительно выраженія, которое заключало бы въ себѣ точный и полный смыслъ этого слова; а мы зачѣмъ взяли его у французовъ? У насъ есть звучное, прекрасное слово: „человѣколюбіе“, которое и по смыслу и по составу своему совершенно одно съ греческимъ филантропія, составленнымъ такъ же, какъ русское изъ двухъ словъ: любовь и человѣкъ. И есть же люди, которые называютъ это обогащеніемъ языка! Я согласенъ, что языкъ обогащается, когда мы переносимъ въ него слова, заключающія въ себѣ новую мысль или понятіе, для которыхъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ вѣрнаго и приличнаго выраженія; но если мы свое коренное слово замѣняемъ, безъ всякой нужды, совершенно тождественнымъ иностраннымъ словомъ, то, конечно, вовсе не обогащаемъ, а развѣ истощаемъ и портимъ свой собственный языкъ.

„*Юмористика*—производное реченіе отъ англійскаго слова „*юморъ*“, которое, въ свою очередь, происходитъ отъ французскаго: „humeur“. Слово „юморъ“ даетъ понятіе о какой-то особенной рода веселости, свойственной англичанамъ или, вѣрнѣе сказать, нѣкоторымъ англійскимъ писателямъ, во главѣ которыхъ стоитъ имя извѣстнаго юмориста Стерна, написавшаго романъ „Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди“. Если вы спросите меня, можно ли слово „юмористика“ перевести, хотя приблизительно, на русскій языкъ, то, можетъ быть, я отвѣчалъ бы вамъ утвердительно, если бъ не боялся, что меня закидаютъ камнями. Мнѣ кажется, лучше будетъ, когда я предоставлю вамъ самимъ разрѣшеніе этого вопроса. Вотъ, что понимаютъ англичане подъ словомъ „юморъ“, разумѣется, въ томъ значеніи, о которомъ идетъ рѣчь. Англійскій словарь Royal Dictionary english and french опредѣляетъ смыслъ этого слова слѣдующимъ образомъ: „Юморъ—свойство возбужденія, дающее всему оборотъ забавный, оригинальный и фантастическій; особенная способность ума показывать все въ *потѣшномъ, смѣшномъ и шутовскомъ* видѣ (grotesque)“. Ну, теперь я спрошу васъ, какъ назовете вы русскаго человѣка, обладающаго этой способностью?... Я вижу отсюда, что вы боитесь только вымолвить, а названіе этого человѣка вертится у васъ на языкѣ. Неправда ли, что этихъ людей зовутъ у насъ *балагурами*?... Да, не пугайтесь! Во всякомъ случаѣ, камнями станутъ бросать не въ васъ, а въ меня, потому что я скажу, не запинаясь, что англійскій юморъ и русское балагурство или веселость въ существѣ своемъ одно и то же, и если они выражаются различнымъ образомъ, такъ это оттого, что каждый народъ имѣетъ свою собственную народную физіономію. Англійская веселость, которую мы назовемъ „юморомъ“, рѣзка, карикатурна и въ то же время не чужда какого-то простодушія, глубокаго чувства и даже грусти. Французская веселость жива, остра, легка и насмѣшлива. Нѣмецкая тяжела, натянута и почти всегда походитъ на какую-то заказную веселость, которая не просто выливается изъ души, а преподается съ каѳедры по всѣмъ правиламъ науки. Этотъ нѣмецкій юморъ менѣе всѣхъ другихъ походитъ на разгульную и удалую веселость нашего народа, на это затѣйливое балагурство, исполненное насмѣшки и иронiи. Русскій человѣкъ почти всегда назоветъ какого-нибудь урода красавцемъ, недоростка—великаномъ, дурочка—умницей, и если вы услышите на улицѣ, что народъ хочетъ и кричитъ: „Держи, держи!... Батюшки разбила!“... то будьте увѣрены, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь лошадиномъ остовѣ, который едва передвигаетъ ноги.—„Да помилуйте“,—скажутъ мнѣ,—„что общаго между благороднымъ англійскимъ юморомъ и нашимъ площаднымъ балагурствомъ?“ Площаднымъ?.. А развѣ, по-думатe, англійскій юморъ никогда не бываетъ площаднымъ? Все зависитъ отъ того, кто обладаетъ этой врожденной способностью. Онъ можетъ быть и человѣкомъ образованнымъ и какимъ-нибудь трактирнымъ балясникомъ. Вѣдь и русскіе балагуры бываютъ разныхъ родовъ. Вы можете повстрѣчаться въ гостиныхъ нашего лучшаго общества съ какимъ-нибудь милымъ, любезнымъ и весьма остроумнымъ балагуромъ; вы найдете балагура также и въ кабакѣ; только въ этомъ случаѣ его любезность и остроуміе будутъ совершенно другого рода. Посмотрите, какъ шутитъ Грибоѣдовъ, какъ потѣшается Пушкинъ, какъ балагуритъ иногда Гоголь и взгляните потомъ на иную статью журнальнаго балагура, который воображаетъ, что его пошлыя, отвратительныя шуточки, площадная брань и литературное кощунство, исполнены самочистѣйшаго юморизма.

„Впрочемъ, я вовсе не предлагаю замѣнить русскимъ словомъ „балагурство“ англійское слово „юморъ“. Пусть оно останется въ нашемъ языкѣ для названія веселости, собственно принадлежащей англичанамъ. Я замѣчу только, что производное отъ него слово „юмористика“ составлено весьма неудачно. Юморъ есть не что иное, какъ отдѣльное достоинство всякаго сочиненія, принадлежащаго къ изящной словесности, какого бы содержанія и рода оно ни было. Говоря о книгѣ, написанной съ умомъ и веселостію, вы скажете, что въ ней много юмору. Но развѣ вы не говорите также, что въ такомъ-то сочиненіи много занимательности, ясности, живости, силы? однакожъ, никому еще не приходило въ голову составлять изъ этихъ частныхъ достоинствъ всякаго хорошаго сочиненія какія-нибудь особенныя отрасли словесности. Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что ясность, занимательность, живость и сила не имѣютъ въ себѣ ничего исключительнаго и принадлежатъ равно всѣмъ, а „юморъ“ есть особеннаго рода веселость, по преимуществу принадлежащая англичанамъ. Согласенъ!. Позвольте только спросить васъ, чѣмъ отличаются вообще наши волжскія пѣсни?... Не этимъ ли русскимъ *удальствомъ*, по преимуществу свойственнымъ нашему народу? Слѣдовательно, если бъ кто написалъ что-нибудь въ духѣ этихъ разгульныхъ пѣсенъ, то могъ бы назвать свое сочиненіе *удалистикой*? Разумѣется, это было бы смѣшно и даже нелѣпо, а, между тѣмъ, онъ имѣлъ бы на это полное право. Если изъ юмора, этой народной веселости англійскихъ писателей, можно было составить юмористику, такъ почему изъ русской удали, этой отличительной черты нашихъ народныхъ пѣсенъ, нельзя сдѣлать *удалистики*?

„*Ирритація*, по русски слова-отъ-слова: раздраженіе.

„*Меркантильная индустрія* также слово-отъ-слова: мелочная промышленность.

„*Беллетристика*. Вы спрашиваете меня, Андрей Яковлевичъ, что это за наука такая, и для чего ей дали такое неблагозвучное названіе? Что грѣхъ таить,—увидѣвъ въ первый разъ слово

Digitized by Google

летристика, я и самъ подумалъ, что это какая-нибудь новая наука, и очень жалѣлъ, что для той науки, — можетъ быть, весьма полезной, — придумали названіе, которое такъ странно и такъ непріятно звучитъ для русскаго уха. Разумѣется, я не могъ долго ошибаться и, пораз-смотрѣвъ внимательно эту незваную гостью, тотчасъ узналъ въ ней нашу старую знакомую, которую до сихъ поръ звали „изящной словесностью“. Неужели,—спросите вы, — эта безстыдница, мадамъ беллетристика, то же самое, что наша чинная барыня, изящная словесность? Увы, Андрей Яковлевичъ, что вы не знаете иностранныхъ языковъ, а то бы я попросилъ васъ заглянуть во французскій академическій словарь, и вы увидѣли бы тогда, что слово belles lettres, изъ котораго состряпали беллетристику, значитъ все то же, что наше слово „изящная словесность“. Преобразователи русскаго языка не ограничились, однакожъ, этой передѣлкой, они сочинили еще слово *беллетристъ*, которое не можетъ даже похвастаться и своимъ иноземнымъ происхожденіемъ, потому что у французовъ нѣтъ слова un homme de belles lettres, а есть только un homme de lettres—по-русски *словесникъ*, да еще слово un homme lettré, то-есть человѣкъ ученый.

„Вотъ вамъ, любезный Андрей Яковлевичъ, довольно подробное истолкованіе этимъ модными словамъ, которыя я выбралъ изъ вашего огромнаго списка. Не правда ли, что эти иностранныя слова съ русскимъ окончаніемъ походятъ на какихъ-то одѣтыхъ въ шитые кафтаны французовъ, которые воображаютъ, что мы ихъ примемъ за нашихъ кровныхъ и родныхъ, потому что они надѣли на свои пудреныя головы русскія шапки съ заломомъ. Нѣтъ, почтенные иноземцы, хоть святочный, шутовской нарядъ не обманетъ никого! Надѣвайте-ка опять ваши треугольныя шляпы съ плюмажемъ; вѣдь наша русская шапка вамъ вовсе не къ лицу.

„Теперь вы спросите меня, Андрей Яковлевичъ, съ чего хлопочутъ эти господа преобразователи и что имъ за радость увѣчить безъ всякой нужды свой родной языкъ? Что за радость? Да развѣ вы не знаете, что они давно уже объявили войну нашему богатому, роскошному, звучному языку, которымъ мы въ правѣ гордиться передъ всѣми, потому что изъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ онъ одинъ заключаетъ въ себѣ почти всѣ достоинства древняго греческаго языка, едва ли не первагоизъ всѣхъ языковъ человѣческихъ. Записные враги русскаго языка называютъ его грубымъ, рѣзкимъ, неуклюжимъ и, чтобъ доказать это на самомъ дѣлѣ, пишутъ такимъ уродливымъ языкомъ, который равно непонятенъ и для безграмотнаго мужика и для просвѣщеннаго человѣка. Но это бы еще ничего: пусть себѣ какой-нибудь далекой скоморохъ коверкается и корчитъ рожи, чтобъ потѣшить толпу зѣвакъ: но что вы скажете, если этотъ гаеръ потребуетъ, чтобъ и всѣ такъ же ломались и искажали свое человѣческое обличье? Что скажете вы, если онъ будетъ ругать невѣждами, ограниченными *пуристами* и старовѣрами всѣхъ тѣхъ, которые не желаютъ ему подражать? Что скажете вы, если онъ начнетъ кричать: „Чему вы смѣетесь, неучи? Ужъ не думаете ли вы, что я какой-нибудь площадной шутъ и кривляюсь ради вашей потѣхи? Да знаешь ли ты, неспособная ни къ какому процессу мышленія, невѣжественная толпа, что это все юмористика и беллетристика! Я хотѣлъ было инсинуировать тебя во всѣ таинства гуманности, эксплуатировать твой грубый интеллектъ, приготовить тебя къ цивилизаціи; но я вижу, что въ тебѣ нѣтъ ни малѣйшей тенденціи къ прогрессу, потому что ты, стюпидная толпа, составлена вся изъ дѣтей съ отсталымъ понятіемъ и ребяческими взглядами“. Разумѣется, вы скажете ему:—„Нѣтъ, господинъ паяцъ! Дѣти, можетъ быть, и станутъ тебя передразнивать: они, по легкомыслію, свойственному ихъ лѣтамъ, любятъ и сами покувыркаться, попрыгать на одной ногѣ, подразниться языкомъ; а мы, люди взрослые, мы можемъ забавляться твоимъ гаерствомъ и даже платить за это деньги; но ужъ, вѣрно, сами не пойдемъ къ тебѣ въ ученики“. Конечно, это не уйметъ скомороха; напротивъ, онъ начнетъ кричать и дразниться языкомъ пуще прежняго, надоѣстъ всѣмъ порядочнымъ людямъ, — они разойдутся, а все-таки этотъ отчаянный фигляръ не останется безъ публики. Чтожъ дѣлать: вѣдь у насъ такъ же, какъ и вездѣ, много есть простодушныхъ и не слишкомъ грамотныхъ людей, которые до смерти любятъ площадныхъ шарлатановъ и вѣрятъ имъ во всемъ на честное слово.

„Можетъ быть, вы мнѣ сдѣлаете еще вопросъ: „Почему же есть люди умные, даровитые, владѣющіе прекрасно русскимъ языкомъ, которые, однакожъ, замѣняютъ иногда безъ всякой нужды русское слово иностраннымъ?“ Почему?.. Да такъ,—по какому-то необдуманному подражанію, по любви къ новости, а чаще всего по лѣни. Зачѣмъ переводить иностранное слово, если добрые люди успѣли къ нему придѣлать русское окончаніе и употребляютъ его безъ малѣйшихъ оговорокъ, какъ будто оно давно уже усвоено нашему языку. Иногда не вдругъ придетъ на память русское слово, выражающее ту же самую мысль, а это передѣланное словцо ужъ совсѣмъ готово, подъ руками! Конечно, не всѣ грѣшатъ противъ русскаго языка по этой причинѣ. Есть люди, которые коверкаютъ его потому только, чтобъ подражать во всемъ какимъ-нибудь знаменитымъ *беллетристамъ*, къ которымъ они питаютъ безпредѣльное уваженіе. „Да за что жъ они такъ уважаютъ этихъ отъявленныхъ враговъ русскаго языка?“ — спросите вы. Ну, ужъ на это я вамъ отвѣчать не стану; а если бъ вы знали французскій языкъ, я бы вамъ посовѣтовалъ прочесть до конца первую пѣснь изъ поэмы Боало: „L'art poétique“, вы нашли бы въ ней самое удовлетворительное разрѣшеніе этому вопросу.

„Прощайте, любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ! Будьте здоровы и любите попрежнему вашего искренняго пріятеля, Богдана Бѣльскаго“.

VI.

ПРОГУЛКА ВЪ СИМОНОВЪ МОНАСТЫРЬ.

...«Всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя готическія башни Симонова монастыря».

Карамзинъ.

Кто изъ пріѣзжающихъ въ Москву, особенно лѣтомъ, не побывалъ на Воробьевыхъ горахъ и у Симонова монастыря, чтобъ взглянуть съ двухъ сторонъ на нашу златоглавую красавицу Москву. Я не говорю уже о постоянныхъ жителяхъ московскихъ; конечно, многіе изъ нихъ очень рѣдко бываютъ на Воробьевыхъ горахъ: но зато почти всѣ ѣздятъ лѣтомъ въ Симоновъ монастырь: одни, чтобъ помолиться Богу и послушать благолѣпное пѣніе монастырскихъ иноковъ, умиляющее душу своимъ неизъяснимо-благозвучнымъ согласіемъ; другіе для того, чтобъ полюбоваться

Digitized by Google

карнизы и пр[illegible] [illegible] может быть [illegible] мнѣ кажется, что въ древней архитектурѣ [illegible] есть что-то похожее на [illegible]

— Да, вы [illegible] —сказалъ я.—Такъ вамъ нравятся эти ворота

— Очень! [illegible] а прелесть какъ хороши. Да что же ты, Алекс[illegible] не смотришь?—[illegible] княжна, обращаясь къ своему [illegible]

Прилуцкій вынулъ изъ жилетнаго кармана лорнетку, вставилъ ее въ [illegible] взглянулъ на ворота и сказалъ [illegible]

— [illegible] и безвкусно. [illegible] русская архитектура

— [illegible]

— [illegible] Александръ Ва[illegible] [illegible] на ma tante, что [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— Да это [illegible] Прилуцкій.—[illegible] памятники у насъ [illegible] старинныя [illegible]

— Да чѣмъ же наши [illegible] уступить вашимъ западнымъ [illegible]—возразилъ Соликамскій [illegible]

— [illegible]—сказала княгиня—мы [illegible]

[illegible]

[illegible]

показывать намъ монастырскія зданія пред[illegible] княгинѣ взойти на башню, чтобъ взг[illegible] нуть оттуда на окрестности монастыря

— Не ходите, ma tante!—шепнулъ Прилуцкій

— Отчего же мнѣ не идти?—спросила княгиня —Я хочу сверху полюбоваться на Москву

— Ну, смотрите, чтобъ у васъ голова не закружилась!

— [illegible] —промолвила княгиня [illegible] на первой ступени:—какая кру[illegible]

— [illegible] у насъ [illegible]

— А это,—[illegible] Соликамскій,—чай [illegible] заграничныхъ [illegible]

— [illegible] такія,—[illegible] можно ходить и [illegible] а по этой стремянкѣ...

— [illegible] ходить [illegible]—[illegible] княгиня.—А вѣдь я [illegible] что я вовсе не такъ стар[illegible] какъ ты думаешь.

[illegible] начала [illegible] бодро подниматься [illegible]

[illegible]

[illegible] мы сѣли [illegible] княгиня начала разли[illegible] сигару, а княжна [illegible] вопросомъ: [illegible] основанъ Симоновъ [illegible]

— [illegible]—сказалъ Соликамскій,— [illegible] принадлежитъ къ числу [illegible] нашей родины. Его [illegible] вичъ Донской [illegible] преподобнаго Сергія [illegible] а шагахъ [illegible] только отъ [illegible] нѣсколько избъ [illegible]

— [illegible] церкви?

— Да эта слободка и до сихъ поръ называется—Старымъ Симоновымъ.

— Такъ [illegible] сначала Симоновъ монастырь [illegible] А [illegible] онъ называется Симоновымъ?

— [illegible] принадлежало нѣ[illegible] человѣку изъ рода [illegible] Симону. Когда перенесли [illegible] на [illegible] мѣсто, святой Ѳе[illegible] Успенія Божіей Матери [illegible] которую мы съ вами [illegible]

Digitized by Google

— Такъ она должна быть очень стара?

— Да. Она строилась двадцать шесть лѣтъ и освящена въ тысяча четыреста пятомъ году, слѣдовательно, отъ основанія ея прошло четыреста шестьдесятъ семь лѣтъ.

— То-есть, безъ малаго пять вѣковъ? Ну, это древняя церковь.

— Древняя!—прервалъ Прилуцкій.—Конечно, для насъ русскихъ очень древняя,—ребенку и тридцатилѣтній человѣкъ кажется старикомъ. Большая древность пятьсотъ лѣтъ! На Западѣ объ этомъ и говорить-бы не стали.

— Какъ-же!—подхватилъ Соликамскій.—Вѣдь тамъ есть зданія, построенныя тотчасъ послѣ потопа.

— Не слушайте его, Николай Степановичъ,—шепнула княжна;—онъ и мнѣ надоѣлъ до смерти своимъ Западомъ. Скажите лучше, что эта церковь въ Старомъ Симоновѣ также древняя?

— Да, она давно уже построена. Ей почти триста шестьдесятъ пять лѣтъ. Впрочемъ, эта уже вторая; первая была десятью годами старѣе Симоновскаго собора. А знаете ли, княжна, чѣмъ особенно замѣчательна эта церковь. Вы русскую исторію читали, такъ, вѣроятно, помните, что въ Куликовскую битву, которую простой народъ называетъ „Мамаевымъ побоищемъ", сражались съ татарами и положили свои головы за святую Русь два чернеца изъ обители святого Сергія.

— Какъ-же, помню? одинъ изъ нихъ назывался Пересвѣтъ, а другой... странное такое имя...

— Ослябя. Эти сподвижники Дмитрія Донского, эти иноки-богатыри, погребены...

— Неужели въ этой церкви?—прервала княжна.

— Да, въ ней.

— О, такъ намъ должно сходить поклониться ихъ могиламъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, господа,—сказала княгиня, вставая,—пойдемте въ эту церковь!

Все наше общество поднялось. Прилуцкій также всталъ, но, казалось, онъ вовсе неохотно покидалъ мягкій коверъ, на которомъ ему было такъ спокойно лежать и курить сигару.

— Я долженъ васъ предувѣдомить,—сказалъ Соликамскій, идя подлѣ княгини,—что гробницы Пересвѣта и Осляби, вовсе не древнія, онѣ поставлены на могилахъ этихъ иноковъ по приказанію Екатерины Второй.

— Да это все-равно!—отвѣчала княгиня.—Главное, что они тутъ похоронены. Признаюсь, я очень люблю эти грустные перелинажи! Для души чувствительной, для сердца нѣжнаго, всѣ эти меланхолическія воспоминанія чрезвычайно пріятны!... Знаете-ли что, Николай Степановичъ, теперь вы насъ ведете на могилы этихъ монаховъ, а послѣ я васъ поведу взглянуть на прудъ, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза.

— Какая Лиза?—спросилъ Прилуцкій.

— Какая Лиза? Ну, та самая, которую погубилъ злодѣй Эрастъ. Да неужели ты не знаешь, кто была бѣдная Лиза?

— Нѣтъ, тетушка. Я много зналъ и бѣдныхъ и богатыхъ Лизъ, только изъ моихъ знакомыхъ ни одна не утопилась.

— Такъ ты не читалъ этой прелестной повѣсти?

— Повѣсти?... Постойте!... А, точно... теперь вспомнилъ!... Я читалъ ее, когда еще былъ мальчикомъ лѣтъ десяти; тогда эта повѣсть мнѣ очень нравилась.

— А теперь?

— И, ma tante, вѣдь я ужъ не ребенокъ!

— Кажется, и я не дитя, Александръ,—возразила съ примѣрною досадою княгиня,—однакожъ, я и теперь восхищаюсь этимъ образцовымъ произведеніемъ... Можетъ быть, оттого, что не похожу на этихъ бездушныхъ людей...

— Которые не имѣютъ голоса на дворянскихъ выборахъ,—подхватилъ Прилуцкій.—Кузина, каковъ каламбуръ?

— Я каламбуровъ не люблю, а особливо, когда ихъ не понимаю,—сказала очень сухо княжна.

— Такъ ты не знаешь,—продолжалъ Прилуцкій,—что на дворянскихъ выборахъ всѣ помѣщики, у которыхъ нѣтъ ста душъ, не имѣютъ голосовъ, и называются, смотря по ихъ состоянію, малодушными или даже вовсе бездушными?

— А я,—сказала княгиня,—называю бездушными тѣхъ, которые надъ всѣми смѣются, всѣми пренебрегаютъ, ничего не любятъ, для которыхъ хорошій страсбургскій пирогъ пріятнѣе всякаго сердечнаго наслажденія...

— Ну, нѣтъ, ma tante!—прервалъ Прилуцкій.—Вотъ еслибъ вы сказали *сытное*, такъ я не сталъ бы съ вами спорить.

— Да что съ тобою говорить, Александръ: мы другъ друга никогда не поймемъ!

Прилуцкій улыбнулся и не отвѣчалъ ни слова. Въ продолженіе этого разговора мы дошли до Стараго Симонова. Услужливый пономарь отперъ намъ церковь, показалъ надгробные камни Пересвѣта и Ослябя, нѣсколько древнихъ иконъ и остался очень доволенъ двугривеннымъ, который далъ ему за труды Николай Степановичъ Соликамскій.

— Ну,—сказала княгиня, когда мы сошли съ церковнаго погоста,—теперь моя очередь быть вашимъ чичероне.

— Видите-ли вы вонъ тамъ, за городскимъ валомъ, эту семью унылыхъ березъ, онѣ растутъ на берегу пруда, въ которомъ утонула бѣдная Лиза.

— Я вижу два дуба, — сказалъ Прилуцкій,— изъ которыхъ одинъ высохъ, да нѣсколько березъ, если не унылыхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, очень жалкихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—прервала княгиня,—куда дѣвались эти огромныя, раввѣсистыя березы, которыя склонялись такъ живописно надъ водою? Я помню, онѣ были всѣ покрыты надписями.

— Да, можетъ быть, мы и теперь найдемъ какія-нибудь надписи,—сказалъ я.

— Но ужъ вѣрно не такія, — подхватила княгиня,—какія сочиняли въ старину московскіе поэты. О, сколько въ этихъ стихахъ было истиннаго чувства. Нѣтъ, нынче не умѣютъ такъ писать. Я помню, одинъ изъ московскихъ поэтовъ, князь Платочкинъ, написалъ при мнѣ карандашомъ на березѣ четыре стиха; я ихъ не забыла:

„Я здѣсь люблю мечтать,
Подъ тѣнію березы,
О бѣдной Лизѣ вспоминать
И лить сердечны слезы".

— Не правда-ли, Олинька, что эти стихи очень милы?

— Можетъ быть, маменька; только мнѣ кажется, что и я бы могла написать такіе стихи.

— То-то и есть, что кажется, попробуй, такъ и не напишешь. Нѣтъ, мой другъ, князь Платочкинъ былъ въ свое время извѣстнымъ поэтомъ. Я помню, какъ мы всѣ гонялись за нимъ въ Слободскомъ саду, а онъ этого какъ будто и не замѣчаетъ, идетъ себѣ задумавшись, остановится, вынетъ карандашъ, попишетъ у себя въ книжкѣ и пойдетъ опять. Конечно, Платочкинъ далеко не былъ такимъ поэтомъ, какъ авторъ бѣдной Лизы, но какіе онъ писалъ мадригалы, тріолеты,

Digitized by Google

— Ну, этого вы не скоро дождетесь,—подхватилъ другой изъ моихъ гостей.— Французскіе гувернеры, которые пріучаютъ насъ съ ребячества къ чистому парижскому выговору, до тѣхъ поръ не могутъ быть замѣнены русскими, пока мы не рѣшимся говорить по-французски, какъ говорятъ этимъ языкомъ нѣмцы, англичане, итальянцы и вообще всѣ народы Европы, которые вовсе не хлопочутъ о томъ, чтобъ ихъ принимали за природныхъ французовъ. Впрочемъ, я не знаю, для чего вы желаете, чтобъ у насъ не было иностранныхъ учителей: развѣ не все равно, кто учитъ ребенка: нѣмецъ ли, французъ ли, англичанинъ ли, или швейцарецъ, лишь бы только онъ хорошо училъ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ я.—если этотъ учитель преподаетъ науку въ какомъ-нибудь публичномъ заведеніи, съ каѳедры;—но я говорю объ учителяхъ, которые живутъ по домамъ, которымъ ввѣряется воспитаніе ребенка. Тутъ ужъ дѣло идетъ не объ одной наукѣ. Ну, скажите сами: какой иностранецъ станетъ заботиться о томъ, чтобъ его воспитанникъ любилъ свое отечество и не руководствовался *во всемъ* образомъ мыслей и понятіями иностранцевъ, потому что будущія его обязанности, какъ русскаго дворянина, во многомъ не сходны съ обязанностями какого-нибудь англійскаго лорда, нѣмецкаго барона или французскаго гражданина. Какой иностранецъ будетъ говорить своему воспитаннику, что безусловная любовь ко всему иноземному такъ же неблагоразумна и едва ли не вреднѣе этой исключительной, безотчетной любви ко всему отечественному. Можете ли вы требовать отъ иностранца, даже самаго добросовѣстнаго, чтобъ онъ не предпочиталъ законы и обычаи своей земли обычаямъ и законамъ нашей родины и чтобъ, вслѣдствіе этого предпочтенія, онъ не старался поселять въ своемъ воспитанникѣ преувеличенное понятіе о Западѣ и рабское уваженіе ко всему иноземному. Я знаю это по себѣ,— и у меня былъ также учителемъ французъ, человѣкъ, впрочемъ, весьма порядочный. Когда онъ бывалъ мною доволенъ, то всегда, поглаживая меня по головѣ, говорилъ: „Bravo, monsieur Bogdann, bravo! Vous mériteriez d'être français, mon cher!“ Мы видимъ на каждомъ шагу горькіе плоды этого ошибочнаго воспитанія. Привыкая съ ребячества къ мысли, что у насъ все дурно, а заграницей все прекрасно, мы стараемся во всемъ подражать Западу. Кто говоритъ, — хорошему подражать всегда должно; да только вотъ бѣда, что дурному подражать гораздо легче, чѣмъ хорошему, а дурного-то найдется много и на Западѣ.

Нѣкоторые изъ моихъ гостей стали со мною спорить, другіе приняли мою сторону, и послѣднихъ было гораздо болѣе. Какъ вдругъ, на мое горе, орловскій помѣщикъ Захаръ Никитичъ Пеньковъ, который до того все молчалъ, рѣшился заговорить.

— Позвольте, — молвилъ онъ, — позвольте! Я вамъ доложу, истинно, какъ передъ Богомъ доложу!.. Богданъ Ильичъ изволитъ говорить совершенную правду, знаемъ мы это французское воспитаніе!.. Бѣдовое дѣло, сударь, истинно бѣдовое — чума, сударь!.. Вотъ я вамъ доложу: у меня есть сосѣдъ по имѣнію, вдовецъ, Иванъ Алексѣевичъ Холмскій, человѣкъ богатый и съ вѣсомъ; всего дѣтей у него было одинъ сынокъ, да одна дочка. Вотъ, сударь, занялся онъ очень ихъ воспитаніемъ; нахваталъ всякихъ учителей и мадамовъ; пошли ихъ учить съ утра до вечера разнымъ наукамъ, языкамъ, всякой мудрости, а пуще всего по-французскому. Ну, вѣритель Богу, сударь: дѣло [illegible], [illegible] въ гости,—не знаешь, съ кѣмъ [illegible] вить, не только господа, да и [illegible] кузами смотрятъ! Десять лѣтъ [illegible] убилъ половину имѣнія, а все [illegible]. Сынъ подросъ и вступилъ въ [illegible] слу дочка также выросла и пошла замужъ—[illegible] Да позвольте спросить, а теперь-то какой [illegible] Сына, сударь, убили на Кавказѣ черкесы, а [illegible] умерла первыми родами,—вотъ тебѣ и фран ское воспитаніе!

Разумѣется, это неожиданное заключеніе [illegible] было все мое краснорѣчіе; гости мои расхо лись; никто не сталъ меня слушать. Да я гото былъ и самъ отказаться отъ моего мнѣнія для того только, чтобъ не имѣть своимъ защитникомъ Захара Никитича Пенькова.

— — —

2.

МОСКОВСКІЯ ГОСТИННИЦЫ.

Конечно, во всей Россіи, не исключая и ро ного Петербурга, нѣтъ такихъ удобныхъ и пре восходныхъ гостинницъ, какія съ нѣкотораго вре мени завелись у насъ въ Москвѣ. Я не ста повторять то, что говорятъ о нихъ всѣ иностра ные путешественники, потому что иногда и пра покажется невѣроятнѣе всякой лжи; во ска только, что въ этомъ отношеніи Москва мож смѣло состязаться съ какимъ угодно евро скимъ городомъ. Давно ли, кажется, [illegible] извѣстная гостинница въ Охотномъ Ряду ка лась намъ почти великолѣпною, а что она в сравненіи съ гостинницею *Шевалдышева*, кото въ свою очередь отстала такъ далеко отъ *Дрез* и что, наконецъ, этотъ аристократическій, щего ватый Дрезденъ въ сравненіи съ роскошнымъ изящнымъ, исполненнымъ всѣхъ возможн удобствъ, *вельможнымъ домомъ* господина Варг Не видавъ внутренняго устройства этого до нельзя никакъ представить себѣ, до какой ст пени совершенства доведено это истинно евро пейское заведеніе. Конечно, въ немъ не вс отдѣленія убраны съ одинаковымъ богатство но нѣтъ ни одного, въ которомъ бы вы не забыл что вы живете въ наемныхъ комнатахъ, котор отдаются по-суточно. Вездѣ необыкновенная стота, удобство, прекраснѣйшая мебель, парк бронза, ковры и, сверхъ-того, все то, о ч встарину и рѣчи не бывало—то-есть: спокой постели, чистое бѣлье, столовая посуда,—одни словомъ, всѣ домашнія необходимости, удо и дажи прихоти. Вы любите цвѣты, намек только объ этомъ—и ваша комната превра въ оранжерею; вы музыкантъ, скажите о слово — и прекрасный рояль явится къ вашим услугамъ. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что это стоитъ довольно дорого,—да развѣ мо гдѣ-нибудь жить бариномъ и не тратить ден А если у васъ ихъ немного, такъ и это бѣда,—въ Москвѣ около шестидесяти гостин и подворьевъ. Выборъ зависитъ совершенно васъ. Вы можете платить по-суточно за ва квартиру, начиная отъ полтины, до пятнадц рублей серебромъ. Разумѣется, въ первомъ чаѣ отведутъ для васъ комнату не очень спвую, и лѣстница, по которой вамъ при ходить, будетъ, можетъ статься, и крута и гр нелька, — да это ужъ ваше дѣло. Вотъ если вы ни за какія деньги не найдете удобнаго помѣщенія, или не отыщете квар сообразной съ вашими способами, а это, го нерѣдко случается не только у насъ на св

Digitized by Google

уси, но даже и за-границей, гдѣ по всѣмъ горо-амъ и дорогамъ ѣзды побольше нашего.

3.

АНДРЕЙ ЕВСТАФЬЕВИЧЪ ДЫБКОВЪ.

Кажется, въ первомъ выходѣ моихъ записокъ говорилъ уже, что многіе изъ петербургскихъ ;арожиловъ имѣютъ весьма ошибочное понятіе Москвѣ и вообще о всей Россіи. Эти господа олагаютъ, что все наше просвѣщеніе сосредо-очилось въ одномъ Петербургѣ; что Москва, хотя азывается столицею, однакожъ, въ существѣ юемъ не что иное, какъ огромный губернскій ородъ, и точно такъ же, какъ всѣ губернскіе орода, отстала цѣлымъ вѣкомъ отъ Петербурга. онечно, съ нѣкотораго времени, это ложное по-ятіе начинаетъ понемногу истребляться, и почти сѣ истинно просвѣщенные петербургскіе жители оворятъ съ большимъ уваженіемъ, а иные даже съ любовью о первопрестольномъ градѣ Царей усскихъ, объ этой православной Москвѣ, кото-ую вся Россія или, по крайней мѣрѣ, вся древ-яя Россія называетъ своею матерью. Но, не-мотря на это, найдутся еще люди, совершенно бѣжденные въ справедливости прежняго мнѣнія. имѣлъ случай увѣриться въ этомъ по собствен-ому моему опыту. Въ концѣ нынѣшняго лѣта олучилъ я письмо отъ одного изъ моихъ петер-ургскихъ пріятелей; это письмо принесъ мнѣ не очталіонъ, а трактирный слуга, вмѣстѣ съ кар-очкою, на которой было напечатано: „Статскій овѣтникъ Андрей Евстафьевичъ Дыбковъ". Вотъ исьмо моего пріятеля:

„Любезный другъ, Богданъ Ильичъ! Я посы-аю къ тебѣ это письмо съ Андреемъ Евстафье-ичемъ Дыбковымъ, чиновникомъ одного изъ дѣшнихъ министерскихъ департаментовъ. Ему осталось наслѣдство, не помню, въ какой-то изъ ашихъ степныхъ губерній, и онъ въ первый азъ отъ роду оставилъ Петербургъ, въ которомъ рдился, выросъ, началъ служить и дослужилъ о чина статскаго совѣтника. Вѣроятно, онъ про-удетъ у васъ дня два или три; пожалуйста, мой ругъ, познакомься съ нимъ и угости его Москвою,— ы этого дѣла мастеръ. Я искренно уважаю Ан-рея Евстафьевича, онъ человѣкъ прекрасный, естный, благородный и доказалъ мнѣ на самомъ ѣлѣ свое истинно рѣдкое безкорыстіе. Но я дол-енъ тебя предувѣдомить, что у него есть кой-акіе предразсудки и ложныя понятія, которыя огутъ тебѣ показаться смѣшными. Во-первыхъ, нъ убѣжденъ въ душѣ своей, что уроженецъ и остоянный житель Петербурга есть существо акого-то особеннаго рода, на которое всѣ про-инціалы должны смотрѣть съ невольнымъ чув-твомъ уваженія. Во-вторыхъ,—не прогнѣвайся, ой другъ,—Андрей Евстафьевичъ не слишкомъ ысокаго мнѣнія о вашей Москвѣ и, вѣроятно, е перемѣнитъ этого мнѣнія, когда увидитъ, что на вовсе не походитъ на Петербургъ. Я боюсь акже, чтобъ онъ не показался тебѣ спесивымъ; ѣтъ, мой другъ, увѣряю тебя, онъ вовсе не орд... Это только какое-то невольное чувство обственнаго своего достоинства, или, лучше ска-ать, слѣдствіе преувеличеннаго понятія, которое нъ имѣетъ о званіи чиновника одного изъ ми-истерскихъ департаментовъ... Не смѣйся, мой ругъ,—это чувство весьма естественное! Пред-авь себѣ человѣка, который очень часто схо-ится съ важными особами и пишетъ предписа-я, а иногда и замѣчанія начальникамъ губер-ій,—можетъ ли этотъ человѣкъ не имѣть весьма высокаго понятія о своемъ бюрократическомъ назначеніи?.. Ты скажешь, можетъ быть, что не онъ подписываетъ эти отношенія, предписанія и замѣчанія,—правда, мой другъ... Но знаешь ли ты, что Вольтеровъ переписчикъ говаривалъ иногда, и вовсе не шутя: „Да, конечно, мы-таки порядкомъ потрудились надъ „Заирою", но еслибъ вы знали, какого труда намъ стоилъ „Магометъ!" Ну, разсуди же самъ, если это могъ сказать простой переписчикъ, то чего не можетъ подумать о себѣ тотъ, кто не переписываетъ, а сочиняетъ всѣ эти дѣловыя бумаги. Конечно, Андрей Евстафьевичъ понимаетъ, что въ Петербургѣ онъ исчезаетъ въ этой толпѣ равныхъ съ нимъ званіемъ чиновниковъ; но за то онъ не сомнѣвается, что въ каждомъ провинціальномъ городѣ онъ долженъ казаться всѣмъ мѣстнымъ властямъ лицомъ не только замѣчательнымъ и важнымъ, но даже государственнымъ,—однимъ словомъ, я увѣренъ, что Андрей Евстафьевичъ не принялъ бы за насмѣшку, еслибъ въ какой-нибудь губерніи исправникъ встрѣтилъ его на границѣ своего уѣзда, а городничій подалъ рапортъ о благосостояніи города".

Не желая выводить изъ этого пріятнаго заблужденія господина Дыбкова, я не помѣнялся съ нимъ карточками, а поѣхалъ къ нему самъ. Андрей Евстафьевичъ показался мнѣ дѣйствительно человѣкомъ очень добрымъ; онъ принялъ меня весьма ласково. Поздравивъ его съ пріѣздомъ въ Москву, я спросилъ его, былъ-ли онъ въ Кремлѣ?

— Какъ-же!—отвѣчалъ Дыбковъ.—Я видѣлъ вашъ большой колоколъ, толстую пушку, соборы, Ивана Великаго - все видѣлъ. Конечно, для художника тутъ не много пищи; но для любителя русской старины должно быть очень любопытно... Древность, большая древность!..

— А по Москвѣ вы покатались?

— Да!... Я вчера цѣлый день ѣздилъ. Скажите мнѣ, что за странная мысль была основать Москву на такомъ невыгодномъ мѣстѣ? Вѣдь она была нѣкогда первымъ городомъ въ Россіи; неужели нельзя было выбрать для нея получше мѣстоположеніе?

— Да развѣ здѣшнее мѣстоположеніе?..

— Помилуйте!. Для большого города необходимо ровное, гладкое мѣсто... Посмотрите нашъ Петербургъ... А это что такое?.. Горы да буераки!.. То опускаешься внизъ, то подымаешься вверхъ...

— За-то на каждомъ шагу какіе виды,—прервалъ я.

— Да что хорошаго въ этихъ видахъ? Никакой симетріи, никакого единообразія, такая пестрота, все какъ-то разбросано. Церквей очень много, да всѣ онѣ такой безобразной старинной архитектуры!.. Узенькія улицы... Нѣтъ, воля ваша, я ожидалъ увидѣть что-нибудь получше этого!.. Конечно, мы, петербургскіе жители, избалованы,— насъ трудно чѣмъ-нибудь удивить: да я вовсе и не думалъ удивляться, а полагалъ, что увижу хоть что нибудь похожее на столицу... Ну, двѣ, три широкія, прямыя улицы съ трехъэтажными домами подъ одну кровлю, судоходную рѣку съ гранитной набережной...

— Да,—сказалъ я,—намъ этимъ похвастаться нельзя: наша Москва рѣка...

— Не прогнѣвайтесь,—прервалъ Дыбковъ,— мы не промѣняли-бы на нее нашу Черную рѣчку или Карповку,—по нимъ все-таки въ лодкахъ ѣздятъ; а черезъ вашу Москву-рѣку, говорятъ, куры въ бродъ ходятъ... Да скажите пожалуйста, какую-же вы пьете воду?

— Можно пить и москворѣцкую,—она весьма

Digitized by Google

ма Прохорычъ, не въ пору вы пожаловали! Ну, да такъ ужъ и быть, пообождите немножко, сейчасъ доложу (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Кондитеръ. Что, братъ, видно полтинничкито любишь? Охъ, эти хамы: хуже подьячихъ: не дашь на водку, такъ и рожи не воротитъ! (*Камердинеръ выходитъ изъ кабинета, вслѣдъ за нимъ Волгинъ*).

Камердинеръ (*вполголоса*). Генералъ!..

Волгинъ (*кондитеру*). Здравствуй, голубчикъ!.. Зачѣмъ Богъ принесъ?

Кондитеръ (*кланяясь*). Ваше превосходительство, я на прошлой недѣлѣ имѣлъ счастіе приготовлять угощеніе...

Волгинъ. На свадьбѣ моего сына? Спасибо, братецъ, спасибо: угощенье было не дурное!

Кондитеръ. Такъ я угодилъ вашему превосходительству?

Волгинъ. Да, я на тебя не жалуюсь. Кажется, только шампанское-то было..

Кондитеръ. Самое лучшее, ваше превосходительство — отъ Депре. Можетъ быть посогрѣлось въ комнатѣ.

Волгинъ. Можетъ быть. Вѣдь тебѣ, любезный, все заплачено.

Кондитеръ. Все заплачено, — покорнѣйше благодарю!

Волгинъ. Такъ чтожъ тебѣ надобно?

Кондитеръ. Ваше превосходительство, не прогнѣвайтесь на мою дерзость!.. Явите ваше милосердіе!...

Волгинъ. Что такое, братецъ?

Кондитеръ. Всенижайшая просьба: моя родная племянница выходитъ замужъ...

Волгинъ. Поздравляю, любезный!

Кондитеръ. За чиновника, ваше превосходительство...

Волгинъ. Вотъ какъ!.. Такъ племянница твоя будетъ благородная?

Кондитеръ. Титулярная совѣтница.

Волгинъ. Ого!..

Кондитеръ. Удостойте, ваше превосходительство... (*кланяется*).

Волгинъ. Да что ты меня на свадьбу что-ль зовешь?

Кондитеръ. Если милость ваша будетъ...

Волгинъ. Эхъ, любезный, я еще и отъ своего-то пированья не отдохнулъ порядкомъ!..

Кондитеръ. Заставьте за себя Бога молить!..

Волгинъ. Да помилуй, братецъ, на что я тебѣ?

Кондитеръ. Какъ на что, ваше превосходительство? Такое лицо, какъ вы... да это на вѣки вѣковъ останется въ нашей памяти; не токмо дѣти моей племянницы, да и внучата-то ея будутъ своимъ дѣтямъ объ этомъ разсказывать...

Волгинъ. И полно, любезный!

Кондитеръ. Видитъ Богъ, такъ, ваше превосходительство! Я же слышалъ, что гдѣ вы не изволите на свадьбѣ побывать, такъ ужъ всегда надъ молодыми благословеніе Божіе.

Волгинъ. Кто это тебѣ сказалъ?

Кондитеръ. Слухомъ земля полнится, ваше превосходительство.

Волгинъ. А когда свадьба?

Кондитеръ. Завтра, въ семь часовъ послѣ обѣда.

Волгинъ. У тебя въ домѣ?

Кондитеръ. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Племянница живетъ въ домѣ своего отца, тамъ и свадьба будетъ.

Волгинъ. А кто ея батюшка?

Кондитеръ. Извѣстный капиталистъ, первой гильдіи купецъ, Харлампій Никитичъ Цыбиковъ.

Волгинъ. Да какъ же, братецъ, ты зовешь меня на свадьбу, а въ гостяхъ я буду у этого господина Цыбикова, котораго вовсе не знаю.

Кондитеръ. Онъ самъ бы, ваше превосходительство, явился къ вамъ вмѣстѣ со мною, да что будешь дѣлать,—такой грѣхъ случился: съ самаго утра въ растяжку лежитъ.

Волгинъ. Лежитъ? А завтра дочь выходитъ замужъ?

Кондитеръ. Да завтра онъ будетъ какъ встрепаный.

Волгинъ. Чтожъ это за болѣзнь такая?

Кондитеръ. Угорѣлъ, ваше превосходительство.

Волгинъ. Какъ угорѣлъ? Лѣтомъ?

Кондитеръ. А вотъ изволите видѣть: онъ приказалъ поставить самоваръ; работница пошла, дура такая, всыпала безъ мѣры угольевъ, поставила въ комнатѣ, сама ушла, а Харлампій Никитичъ на ту пору вздремнулъ... Повѣрите-ль, ваше превосходительство, насилу въ чувство привели: и соленые огурцы къ вискамъ прикладывали, и хрѣномъ, и уксусомъ; ужъ мы съ нимъ маялись, маялись...

Волгинъ. Какая неосторожность!

Кондитеръ. Да это что, ваше превосходительство! Угаръ для нашего брата ничего, мы на этомъ выросли. Осчастливьте, ваше превосходительство!

Волгинъ. Хорошо, хорошо, любезный. Только ужъ не прогнѣвайся: мундира я не надѣну.

Кондитеръ. Помилуйте,—кому другому, а вамъ мундиръ на что? Всякій видитъ, какая вы особа. Слава тебѣ Господи, у вашего превосходительства отличій довольно, и здѣсь, и тутъ...

Волгинъ. Да не осуди, любезный, и въ церковь также не поѣду...

Кондитеръ. Такъ пожалуйте въ восемь часовъ прямо въ домъ къ молодымъ. Я вашимъ людямъ растолкую куда ѣхать.

Волгинъ. Ужъ вѣрно за Москву-рѣку?

Кондитеръ. И, нѣтъ, ваше превосходительство,—рукой подать: тотчасъ за Яузскимъ мостомъ.

Волгинъ. Эге!

Кондитеръ. Близехонько, ваше превосходительство, прикажите только ѣхать городомъ... пять минутъ ѣзды.

Слуга (*входитъ въ столовую*). Карета готова...

Волгинъ. Ну, прощай, любезный, мнѣ некогда!

Кондитеръ. Такъ мы можемъ надѣяться?

Волгинъ. Ужъ коли далъ слово, такъ буду (*уходитъ*).

Кондитеръ (*подходя къ камердинеру*). А вы ужъ, батюшка Антонъ Сидорычъ, позаботьтесь о томъ, чтобъ его превосходительство не запамятовалъ.

Камердинеръ. Извольте. Въ восемь часовъ?

Кондитеръ. Или въ началѣ девятаго. Да ужъ сдѣлайте милость: какъ станете одѣвать генерала, такъ нельзя ли этакъ ленту-то...

Камердинеръ. По камзолу? Можно, Кузьма Прохорычъ, можно!.

Кондитеръ. А если его превосходительство не захочетъ?

Камердинеръ. Кто? Баринъ?.. Помилуйте, не такой человѣкъ: ему что подашь, то и надѣнетъ...

Кондитеръ. Такъ вы не забудете?

Камердинеръ. Будьте спокойны!

Кондитеръ. Покорнѣйше благодарю!.. Отъ

Digitized by Google

свадебнаго ужина будутъ остаточки, Антонъ Сидорычъ, такъ позвольте вамъ прислать бутылочку винца, фруктовъ, того, другого...

Камердинеръ. Сдѣлайте милость!

Кондитеръ. А что, его превосходительство всегда обѣ звѣзды изволитъ носить?

Камердинеръ. Всегда.

Кондитеръ. Очень хорошо!.. Прощайте, почтеннѣйшій! Счастливо оставаться! (*Уходитъ*).

На другой день, то-есть въ пятницу, въ восемь часовъ вечера, вокругъ дома Харлампія Никитича Цыбикова вовсе не было проѣзду: кареты, коляски, фаэтоны, по большей части не очень красивыя, но почти всѣ запряженныя прекрасными лошадьми, стояли у подъѣзда, освѣщеннаго шкаликами. Разумѣется, на самомъ видномъ мѣстѣ красовалось разолоченное ландо, въ которомъ молодые только что возвратились изъ церкви. По всей парадной лѣстницѣ толкались незваные гости, то-есть всѣ уличные зѣваки, всѣ челядинцы сосѣднихъ домовъ, кухарки, работницы и даже супруги и дочери мелкихъ продавцовъ, которыя впрочемъ пользовались явнымъ покровительствомъ двухъ хожалыхъ, откомандированныхъ изъ частнаго дома для соблюденія должной тишины и порядка при разъѣздѣ экипажей. Въ передней комнатѣ стояли полковые музыканты; при появленія каждаго новаго гостя, они играли тушъ. Всѣ приглашенные на свадьбу были уже въ полномъ собраніи; въ столовой толпились мужчины; въ гостиной, по обѣимъ сторонамъ молодыхъ супруговъ, которые сидѣли рядомъ на диванѣ, расположились огромнымъ полукругомъ всѣ гости. Нельзя было смотрѣть безъ удивленія на великолѣпные наряды этихъ чинно и безмолвно сидящихъ барынь. Вотъ, ужъ подлинно, чего хочешь, того просишь! Если вы заглядывали когда-нибудь на толкучій рынокъ, то ужъ вѣрно любовались на этихъ обвѣшанныхъ всякимъ тряпьемъ торговокъ, которыя, какъ подвижныя лавочки, расхаживаютъ по рынку. Замѣните эти исковерканныя женскія шляпки, полинялые купавинскіе платки, измятыя бусы, бронзовыя сережки, изорванныя букмуслиновыя платья—бархатными токами, блондовыми чепцами, турецкими шалями, жемчужными ожерельями, бриллiантовыми серьгами, изумрудными фермуарами и вы будете имѣть весьма приблизительное понятіе о туалетѣ этихъ дамъ, которыя нацѣпляли и навѣшали на себя все свое наслѣдственное и благоприобрѣтенное приданое. Нельзя было также не подивиться этому чудному сближенію яркихъ цвѣтовъ, которые такъ рѣдко сходятся другъ съ другомъ. Вы увидѣли бы тутъ и пунцовые токи съ лиловыми перьями, голубыя платья съ желтыми воланами, и даже желтыя шали на оранжевыхъ платьяхъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали пунцовые башмачки, или, говоря по совѣсти, башмаки, отдѣланные зелеными лентами. Харлампій Никитичъ принималъ поздравленія и лобызался со всѣми гостями; но, вмѣсто обыкновенной въ этихъ случаяхъ веселости, на лицѣ его изображалось какое-то тревожное безпокойство. Онъ подошелъ къ кондитеру и сказалъ ему вполголоса:

— Что жъ это, Прохорычъ? Да ужъ будетъ ли онъ?

— Не безпокойтесь, Харлампій Никитичъ,—отвѣчалъ кондитеръ;—что-нибудь позадержало.

— Охъ, боюсь, любезный! — прошепталъ Цыбиковъ.—Я кой-кому сказалъ, что у меня на свадьбѣ будутъ люди генеральные, въ кавалеріяхъ, а какъ выйдетъ болтунъ, такъ, пожалуй, скажутъ: „вотъ, дескать, летѣла синица море зажигать!“... Стыдно будетъ, Прохорычъ.

— Да ужъ будьте покойны, безпремѣнно будетъ!.. Онъ обѣщался пріѣхать ровно въ восемь часовъ.

— А теперь ужъ девятый.

— Что вы говорите?.. Такъ, позвольте, я пойду внизъ принять его превосходительство на крыльцѣ, онъ долженъ сію минуту пріѣхать; а вы ужъ извольте, Харлампій Никитичъ, подождать его въ передней.

— Зачѣмъ? Успѣю и тогда, какъ онъ подъѣдетъ.

— Нѣтъ, Харлампій Никитичъ, неравно какъ-нибудь прозѣваете, неловко будетъ! Вѣдь я это говорю для васъ: чѣмъ почетнѣе вы примите его превосходительство, тѣмъ и для васъ больше чести будетъ. Если вы встрѣтите его въ столовой, такъ всѣ станутъ говорить: „Э, да видно этотъ генералъ-то ни то, ни се, такъ—изъ дюженныхъ... Вѣрно ужъ не важная персона, коли хозяинъ не облегчился встрѣтить его въ передней!“

— Правда, правда!.. Ступай, голубчикъ, внизъ, да лишь только онъ подъѣдетъ, сейчасъ давай знать.. А что, Прохорычъ, для него, чай, можно музыкантамъ и маршъ проиграть?

— Можно, Харлампій Никитичъ.

— Знаешь этакъ, съ трубами и литаврами?..

— Разумѣется.

— Ну, съ Богомъ! Ступай, любезный!

Харлампій Никитичъ поговорилъ съ музыкантати. Прошло еще нѣсколько минутъ, которыя показались ему часами; вотъ наконецъ, подъѣхала къ крыльцу карета.

— Генералъ!—раздался голосъ на крыльцѣ.

— Генералъ!—повторили въ сѣняхъ.

— Генералъ!—заговорили въ передней.

— Ухъ, батюшки!—промолвилъ Харлампій Никитичъ, обтирая платкомъ свою лысину.—Насилу!.. Ну, ребята, валяй!

Полковые музыканты грянули маршъ, и Захаръ Дмитріевичъ Волгинъ, въ двухъ звѣздахъ и въ лентѣ по камзолу, вошелъ въ переднюю.

— Ваше превосходительство,—сказалъ Цыбиковъ,—всенижайше благодарю за честь!

— Отецъ молодой,—шепнулъ кондитеръ Волгину.

— Ну что,—спросилъ Волгинъ,—прошелъ ли вашъ угаръ?.

— Угаръ!—повторилъ Цыбиковъ.—А, понимаю, ваше превосходительство, о какомъ вы изволите говорить угарѣ! Куда пройти! Развѣ этакъ денька черезъ два или три, а теперь все еще голова кругомъ идетъ. Не шуточное дѣло, ваше превосходительство!

— Какая шутка, отъ этого иногда люди умираютъ!

— Какъ-съ? Что вы изволите говорить?

— Я говорю, что отъ этого иногда умираютъ.

— Не могу сказать, можетъ быть и бывали такія оказіи. Оно таки и тяжело, ваше превосходительство, очень тяжело! Кажется дѣло обыкновенное, а повѣрите ли, точно душа съ тѣломъ разстается... Да милости прошу!

Раскланиваясь направо и налѣво, Волгинъ прошелъ черезъ столовую. Въ гостиной представили ему молодыхъ, усадили подлѣ нихъ на канапе и угощеніе началось. Стали подавать чай, выпили по бокалу шампанскаго, потомъ подали шеколаду, а вслѣдъ за нимъ водки, икры, семги, сельдей, и всѣ гости, по приглашенію хозяина, отправились въ залу и сѣли за столъ. Разумѣется, Волгинъ занялъ почетное мѣсто, то-есть—съ правой стороны подлѣ молодыхъ. Самъ Харлампій Никитичъ не ужиналъ; онъ ходилъ вокругъ стола и подчивалъ гостей.

Digitized by Google

— Батюшка, ваше превосходительство,—говорилъ онъ Волгину когда подали двухъ-аршиннаго осетра,—еще кусочекъ!.. Вотъ этотъ, прошу покорнѣйше!

— Я и такъ взялъ довольно,— отвѣчалъ Волгинъ.

— И, помилуйте, что за довольно! Кушайте во славу Божію!.. Да вы не извольте опасаться! Вотъ бѣлужина—дѣло другое, а свѣжая осетрина не вредитъ... Пожалуйте, ваше превосходительство, уважьте меня старика, поневольтесь! Варвара Харлампьевна, проси!. А, матушка Мавра Тихоновна, и вы также?.. Нѣтъ, ужъ не обижайте! Я осетра-то самъ покупалъ. Варвара Харлампьевна, проси!. Спиридонъ Ивановичъ, что это съ вами сдѣлалось?—продолжалъ Цыбиковъ, обращаясь къ посаженному отцу своей дочери, который ѣлъ за троихъ.—Вы, бывало, отъ хлѣба-соли не отказывались.

— Да, батюшка,—отвѣчалъ Спиридонъ Ивановичъ, поглаживая свою козлиную бороду,—мы въ старину отъ добрыхъ людей не отставали. Да не тѣ ужъ времена, Харлампій Никитичъ: жернова-то стали плохо молоть!

— Нѣтъ, батюшка, кушайте, кушайте! Вѣдь наши старики говаривали: „Кто хозяина не слушаетъ, да его хлѣба соли не кушаетъ, того и въ гости не зовутъ".

Вотъ послѣ третьяго блюда захлопали пробки, и шампанское запѣнилось въ бокалахъ.

— Здоровье его превосходительства Захара Дмитріевича!—возгласилъ кондитеръ.

Волгинъ откланялся.

— Здоровье Харлампія Никитича!

Всѣ гости осушили свои бокалы, одинъ только Спиридонъ Ивановичъ прихлебнулъ, пощелкалъ языкомъ, наморщился и поставилъ свой бокалъ на столъ.

— Харлампій Никитичъ,— сказалъ онъ,— не прогнѣвайтесь,— я на правду чортъ Что это у васъ за вино такое? Да это не шампанское, сударь, а полынковое, ей-же-ей, полынковое!

— Полынковое? — повторилъ съ ужасомъ хозяинъ.

— Да, батюшка! Коли оно отъ кондитера, такъ не извольте ему денегъ платить: горечь такая, что и сказать нельзя!..

— А, понимаю! — вскричалъ Цыбиковъ. — Слышишь, Варвара Харлампьевна: шампанское-то горьковато, надо подсластить.

Молодые встали и поцѣловались.

— Извольте-ка отвѣдать теперь,—продолжалъ Цыбиковъ. — Ну что, каково? — Фу, батюшки, сластынь какая!.. — промолвилъ Цыбиковъ, осушивъ до дна свой бокалъ. — Словно сахарная патока!. Языкъ проглотилъ!

Еслибъ Волгинъ не подливалъ воды въ свое шампанское, то ужъ конечно возвратился бы домой очень навеселѣ: заздравные бокалы слѣдовали безпрерывно одинъ за другимъ. Пили здоровье отцовъ и матерей посаженныхъ, здоровье родныхъ и почти всѣхъ гостей по-одиночкѣ, общее здоровье всѣхъ присутствующихъ, общее здоровье всѣхъ отсутствующихъ и, наконецъ, здоровье дружекъ, то-есть шаферовъ, изъ которыхъ одинъ давно уже не могъ вымолвить ни слова и только что улыбался. Когда встали изъ-за стола, Волгинъ распрощался съ хозяиномъ, пожелалъ счастья молодымъ и отправился домой; вслѣдъ за нимъ стали разъѣзжаться всѣ гости, и чрезъ нѣсколько минутъ въ домѣ Харлампія Никитича, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ и посаженой матери молодой, не осталось никого.

Межъ тѣмъ у подъѣзда, несмотря на присутствіе хожалыхъ, происходила большая безпорядица: почти всѣ кучера, которыхъ, разумѣется, угостили порядкомъ, едва сидѣли на козлахъ. каждый хотѣлъ прежде другого подъѣхать къ крыльцу; двѣ кареты сцѣпились такъ плотно колесами, что не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ; одинъ фаэтонъ лежалъ на боку; три кучера таскали другъ друга за волосы, а четвертый поролъ ихъ всѣхъ нещадно кнутомъ. Временамъ раздавались возгласы хожалыхъ, но только трудно было разобрать, на какомъ они изъясняются языкѣ, я думаю, потому, что и ихъ также не обнесли чаркой; къ счастью, квартальный надзиратель, который, вѣроятно, предчувствовалъ, что безъ него дѣло не обойдется, явился въ пору, взглянулъ, увидѣлъ, наказалъ и привелъ все въ порядокъ.

Ожидая конца этой суматохи, три или четыре гостьи стояли на крыльцѣ.

— Ну, нечего сказать, — говорила одна изъ нихъ, толстая пожилая женщина,—дай Богъ здоровья Харлампію Никитичу, угостилъ онъ насъ! Перепоилъ всѣхъ кучеровъ!..

— И, Мавра Ефимовна!.. — отвѣчала другая купчиха, нѣсколько моложе первой. — Да вѣдь нельзя же,—такъ ужъ водится, дѣло свадебное—какъ не поднести гостинымъ кучерамъ!

— Да вѣдь кучера-то правятъ лошадьми, Аксинья Тимоѳеевна.

— Довезутъ, матушка!

— Довезутъ!.. Покорнѣйше благодарю! Не знаю, какъ у васъ, сударыня, а у меня одна только голова; какъ сломятъ, такъ другой не приставишь. Нѣтъ, матушка, вотъ на свадьбѣ у Ѳаддея Карповича Мурлыкина не такой былъ порядокъ: людей не поили, да зато и гостей не обижали.

— Помилуйте, да кого жъ Харлампій Никитичъ обидѣлъ?

— Не васъ, Аксинья Тимоѳеевна; я и про себя не говорю,—что мнѣ въ этихъ почетахъ! Мы съ Харлампіемъ Никитичемъ вовсе люди не свои —да и слава Богу! Конечно, ему не мѣшало бы помнить себя и знать другихъ; кажется, роду не знаменитаго, на нашей памяти былъ сидѣльцемъ, да я этому смѣюсь и больше ничего: скажите, матушка, что ему сдѣлала эта бѣдная Ѳедосья Марковна?

— Что такое?

— Вѣдь вы знаете, что Ѳедосья Марковна по мужу внучатная тетка Харлампію Никитичу, да она же и сама по себѣ роду хорошаго: у нея два каменные дома, — одинъ на Смоленскомъ рынкѣ, другой у Серпуховскихъ воротъ, и сверхъ того три лавки въ бакалейномъ ряду, такъ ее обижать бы не слѣдовало.

— Да чѣмъ же ее обидѣли?

— Какъ чѣмъ? Такъ вы, матушка, не замѣтили? Вѣдь ея здоровье-то не пили?

— Что вы говорите?

— Право, такъ!.. Гляжу на нее: Господи Боже мой,—жалость какая: кровинки нѣтъ въ лицѣ!.. „Здоровье такого-то! Здоровье такой-то!" — а она, голубушка моя, сидитъ какъ оглашенная какая!

— Ну, это не хорошо!

— А угощенье-то, Аксинья Тимоѳеевна!..

— Что жъ, Мавра Ефимовна, кажется, всего было довольно, всякіе напитки, фрукты...

— Да, хорошо! Я хотѣла попробовать грушу, да чуть было себѣ зубъ не сломила.

— Конфектовъ было очень много...

— Ну ужъ конфекты—эка диковинка: леденцы да патрончики! Стыдно домой привезти!.. Нѣтъ, сударыня, у Ѳаддея Карповича не то было, а публика-то какая была, публика!..

— Ну, вотъ ужъ касательно этого, Мавра Ефи-

Digitized by Google

мовна, такъ воля ваша,—кажется и здѣсь публичность была не дурная.

— И, полноте, матушка! Всего-то на всего одинъ только генералъ, да и тотъ, чай, отъ кондитера... А, вотъ мой фаэтонъ! Прощайте, Аксинья Тимофеевна!

II.

НЕСКУЧНОЕ *)

„Несносенъ мнѣ зимой суровый
нашъ климатъ,
Глубокіе снѣга, трескучіе морозы;
Но лѣтомъ я люблю и русскія березы,
И нашихъ липъ душистыхъ ароматъ.
Какъ часто въ знойный день подъ
ихъ густою тѣнью
Въ Нескучномъ я душою отдыхалъ"...

А..мъ.

Много есть садовъ лучше нашего *Нескучнаго*, которое скорѣе можно назвать рощею, чѣмъ садомъ; но едва ли можно найти во всей Москвѣ и даже въ ея окрестностяхъ такое очаровательное мѣсто для прогулки, а особливо если вы идете гулять не для того только, чтобъ людей посмотрѣть и себя показать. Это Нескучное, поступившее нынѣ въ вѣдомство московской Придворной конторы, принадлежало нѣкогда К. Ш., человѣку доброму, радушному и большому хлѣбосолу. Я не знаю, кому принадлежалъ этотъ садъ прежде, но только помню, что когда онъ не былъ еще собственностію К. Ш., то порядочные люди боялись въ немъ прогуливаться и посѣщали его очень рѣдко. Тогда этотъ садъ былъ сборнымъ мѣстомъ цыганъ самаго низкаго разряда, отчаянныхъ гулякъ въ полуформѣ, бездомныхъ мѣщанъ, ремесленниковъ и лихихъ гостинодворцевъ, которые по воскреснымъ днямъ пріѣзжали въ Нескучное пропивать на шампанскомъ, или полушампанскомъ барыши всей недѣли, гулять, буянить, придираться къ нѣмцамъ, ссориться съ полуформенными удальцами и любезничать съ *дамами*, которыя, по изгнаніи ихъ изъ Нескучнаго, сдѣлались впослѣдствіи украшеніемъ Ваганькова **) и Марьиной рощи. На каждомъ шагу встрѣчались съ вами купеческіе сынки въ длинныхъ сюртукахъ и шалевыхъ жилетахъ, замоскворѣцкіе франты въ венгеркахъ; не очень ловкіе, но за то чрезвычайно развязныя барышни въ купавинскихъ шаляхъ, накинутыхъ на одно плечо, въ родѣ греческихъ мантій. Вокругъ трактировъ пахло пуншемъ, по аллеямъ раздавалось щелканье каленыхъ орѣховъ, хохотъ, громкіе разговоры, разумѣется, на русскомъ языкѣ, иногда съ примѣсью французскихъ словъ нижегородскаго нарѣчія, „команъ ву партеву", „требьянъ", „бонъ журъ, монъ шеръ". Изрѣдка вырывались фразы на нѣмецкомъ языкѣ, и можно было подслушать разговоръ какого-нибудь сѣдельнаго мастера съ подмастерьемъ булочника, которые, озираясь робко кругомъ, толковали межъ собою о дѣйствіяхъ своего квартальнаго надзирателя, о достовѣрныхъ слухахъ, что ихъ частный приставъ будетъ скоро смѣненъ и о разныхъ другихъ политическихъ предметахъ своего квартала. Съ изгнанія цыганскихъ таборовъ изъ Нескучнаго и уничтоженія распивочной продажи, все это воскресное общество переселилось въ разныя загородныя мѣста и въ особенности въ Марьину рощу. Когда я познакомился съ новымъ владѣльцемъ Нескучнаго, этотъ садъ принялъ уже совершенно другой видъ: дорожки были вычищены, знаменитый мостъ, соединяющій обѣ части сада, мостъ, который, къ сожалѣнію, теперь ужъ не существуетъ, исправленъ, укрѣпленъ и сдѣланъ безопаснымъ; домики украшены, и къ воротамъ сада подъѣзжали не однѣ ужъ рессорныя телѣжки и ухорскія пары, но очень часто четвероместныя кареты, а по тѣнистымъ аллеямъ бѣгали миловидныя дѣти и мелькали соломенныя шляпки московскихъ дамъ высшаго общества. Потомъ выстроили въ Нескучномъ воздушный театръ, то-есть театръ безъ кровли, на которомъ давали не только водевили и дивертисементы, но даже большія комедіи, трагедіи и балеты *). Эта новость понравилась, и Нескучное сдѣлалось любимымъ гуляньемъ московской публики.

Но знаменитость и слава земная—прахъ! Когда Нескучное было въ ходу, и жители большого Калужскаго проспекта начинали ужъ поговаривать безъ всякаго уваженія о Тверской улицѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ разсказывать съ гордостью, что ихъ дома въ двухъ шагахъ отъ Нескучнаго,—за Петербургской заставой, тихо и безмолвно, выросталъ опасный его соперникъ. Петровскій паркъ былъ еще въ младенчествѣ, но онъ мужалъ не по днямъ, а по часамъ, и вдругъ, какъ будто бы волшебствомъ, возникли на чистомъ полѣ прекрасныя дачи, разостлались широкія дороги, зазеленѣли бархатные луга, усыпанные куртинами, поднялся красивый портикъ театра, прекраснаго какъ игрушка, на которую нельзя было не полюбоваться, и выросло изъ земли огромное зданіе вокзала со всѣми своими принадлежностями. Вся Москва хлынула за Тверскую заставу; Нескучное опустѣло, его воздушный театръ превратился въ пепелъ, то-есть онъ былъ проданъ на дрова; диковинный мостъ обвалился, и обыватели большой Калужской улицы стали обращать вниманіе на каждую проѣзжающую карету, сбавили половину цѣны съ найма своихъ домовъ и не хвастались уже своимъ близкимъ сосѣдствомъ съ Нескучнымъ садомъ, въ которомъ стало очень скучно, по крайней мѣрѣ, для любителей многолюдной толпы, то-есть для девяноста девяти сотыхъ частей гуляющей публики.

Вотъ краткая современная исторія Нескучнаго. Теперь позвольте мнѣ сказать о немъ нѣсколько словъ въ топографическомъ отношеніи и описать его такъ, какъ оно было въ счастливыя времена своей мимолетной славы и минутнаго величія.

Этотъ садъ, начинаясь отъ рощи, принадлежавшей князю Д. В. Голицыну, оканчивался за Калужскою заставой. Одной стороной онъ обращенъ къ Донскому монастырю, другая тянется по крутымъ и гористымъ берегамъ Москвы-рѣки. Войдя главными воротами въ широкую аллею, ровную и гладкую какъ Тверской бульваръ, вы никакъ не отгадаете, что васъ окружаютъ, если не пропасти, то, по крайней мѣрѣ, такіе буераки, что я не совѣтую никому ходить вечеромъ по лѣвой сторонѣ аллеи, между деревьями, которыя растутъ на самыхъ закраинахъ обрывистыхъ и глубокихъ овраговъ. Когда вы доходили до конца аллеи, вамъ открывался на правой сторонѣ, окруженный цвѣтниками, господскій домъ со всѣми своими принадлежностями. Этотъ домъ исчезъ также съ лица земли, но онъ отжилъ свой вѣкъ. И тогда уже страшно было смотрѣть на этого маститаго старца; сквозь тесовую обшивку,

*) Написано въ 1840 году.

**) Кладбище за Пресненской заставой, любимое гулянье простого народа.

*) Я очень помню, какъ однажды въ проливной дождь дотанцовали послѣднее дѣйствіе „Венгерской хижины" почти по колѣно въ водѣ.

Digitized by Google

покрытую желтой краской, проглядывали его трещины, точно такъ же, какъ, несмотря на толстые слои бѣлилъ и румянъ, прорѣзываются глубокія морщины на лицѣ какой-нибудь допотопной красавицы, которая хочетъ остаться вѣчно молодою. Отъ дома начиналась прямая дорожка, ведущая на длинный мостъ. Не бойтесь, ступайте смѣло за мною: этотъ мостъ поставленъ на деревянныхъ срубахъ и хотя на взглядъ очень подозрителенъ, но гораздо прочнѣе и надежнѣе господскаго дома. Вотъ мы дошли до его средины. Теперь остановимся, обопремся на перила и поглядимъ, что у насъ подъ ногами. Если и это нельзя назвать пропастью, такъ что жъ это такое? Оврагъ? Нѣтъ, воля ваша, у меня языкъ не повернется назвать такимъ пошлымъ именемъ первую диковину Нескучнаго. Представьте себѣ поросшее сплошнымъ лѣсомъ ущелье, мрачное и глубокое для всякаго человѣка съ хорошими глазами и почти бездонное для того, кто имѣетъ несчастіе быть близорукимъ. Столѣтнія деревья, растущія на днѣ его, кажутся вамъ деревцами, потому что вы видите только однѣ ихъ вершины. Ихъ корни омываетъ едва замѣтный протокъ, составляющій по ту сторону моста небольшой прудъ. Если вы сойдете по извилистой тропинкѣ на дно этой... ну, да, этой пропасти, то вамъ надобно будетъ лечь на спину, чтобъ, не свихнувъ себѣ шеи, посмотрѣть на многолюдную толпу гуляющихъ по мосту, который какъ будто бы виситъ на воздухѣ. Но я не совѣтую вамъ сходить въ эту преисподнюю, если вы не любите ужей: это ихъ подземное царство, изъ котораго они выползаютъ иногда въ аллеи сада, вѣроятно, для того, чтобъ полюбоваться на свѣтъ Божій и погрѣться на красномъ солнышкѣ.

Сколько разъ встрѣчалъ я полночь на этомъ мосту. Я жилъ тогда въ Нескучномъ. Однажды,— никогда не забуду этой ночи! — мнѣ что-то не спалось; я всталъ, одѣлся на скорую руку и пошелъ бродить по саду. Ночь была лунная, воздухъ теплый, влажный, напитанный ароматомъ. Дойдя до средины моста, я остановился; мертвое молчаніе, густая тѣнь деревьевъ и подъ ногами эта пропасть—жилище пресмыкающихся и пріютъ летучихъ мышей, все располагало мою душу къ какимъ-то таинственнымъ ощущеніямъ, все переносило ее въ міръ чудесъ и очарованій. Мнѣ казалось, что я стою у входа въ знаменитую „волчью долину", что на днѣ ея льютъ роковыя пули и *черный стрѣлокъ* выглядываетъ изъ-за толстаго пня сухой березы, которая, какъ мертвецъ въ бѣломъ саванѣ, отдѣляется отъ темной зелени живыхъ деревьевъ. Вотъ яркій лучъ мѣсяца прокрался между листьями и заблестѣлъ на чешуйчатой спинѣ красноголовaго ужа; вотъ что-то зашелестѣло надъ моей головой и летучая мышь, крутясь по воздуху, исчезла въ глубинѣ ущелья. Вотъ набѣжала черная туча, луна скрылась за нею, мракъ сгустился, и сотни *свѣтляковъ*, какъ звѣздочки, затеплились на кустахъ и высокой травѣ, которая растетъ привольно на днѣ этихъ неприступныхъ стремнинъ и буераковъ, и въ то же самое время на вершинѣ высокой сосны *заохалъ* вѣщій филинъ. Я не могу разсказать вамъ, что за странныя ощущенія, похожія на тихую грусть, не чуждыя какого-то страха, но вмѣстѣ съ этимъ чрезвычайно пріятныя, овладѣли моею душою. Страхъ—чувство болѣзненное; но эта безотчетная робость, отъ которой замираетъ слегка наше сердце, имѣетъ въ себѣ какую-то неизъяснимую прелесть. Болѣе часу простоялъ я, какъ прикованный къ одному мѣсту; я не замѣчалъ, какъ звѣзды исчезали одна за другою, какъ скрылся мѣсяцъ, какъ запылали облака и море свѣта разлилось на востокѣ. Веселое чиликанье пробудившихся птицъ заставило меня очнуться. Неугомонный филинъ давно уже убрался въ свое дупло, летучія мыши также попрятались, и сквозь просвѣтъ частыхъ деревьевъ засверкалъ позлащенный крестъ высокой колокольни Новодѣвичьяго монастыря.

Вы очень ошибаетесь, если подумаете, что эта пиитическая ночь создалась въ моемъ воображеніи. Всякій, кто живалъ въ Нескучномъ, подтвердитъ мои слова. Въ этомъ саду попадаются очень часто ужи, водятся летучія мыши, блестятъ по ночамъ свѣтляки, и когда я жилъ въ Нескучномъ, каждую ночь, передъ разсвѣтомъ, раздавались отвратительные крики совъ и стоналъ зловѣщій филинъ.

За этимъ мостомъ, котораго теперь и слѣдовъ не осталось, начинается другая часть сада. Прямая дорожка, проложенная между густыми куртинами березовыхъ и липовыхъ деревьевъ, приводила васъ къ одноэтажному домику, въ которомъ нѣкогда помѣщалась ресторація; въ двухъ шагахъ отъ него, на небольшомъ возвышеніи, стояла бесѣдка; она соединялась подземнымъ ходомъ съ нижнимъ этажемъ другого домика, котораго существованія нельзя было и подозрѣвать, потому что онъ выстроенъ былъ на скатѣ глубокаго оврага; изъ верхняго его жилья можно было пройти въ бесѣдку крытымъ переходомъ, или какою-то висячею галлереей, не очень благонадежною, но зато очень живописною. Все это было въ совершенномъ запустѣніи; кругомъ дичь, высокая трава, огромныя деревья и немного пониже—источникъ прекрасной и чистой, какъ хрусталь, воды. Позади бесѣдки небольшой мостъ соединялъ съ садомъ что-то похожее на островъ, который, вмѣсто воды, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ обрывистыми оврагами. Теперь мы воротимся съ вами назадъ и взглянемъ на великолѣпную липовую аллею, гдѣ вы можете и въ самый полдень найти прохладную тѣнь и укрыться отъ палящаго солнца. Подлѣ, на пространномъ лугу, возвышался нѣкогда деревянный коллизей, подъ скромнымъ названіемъ воздушнаго театра. Не знаю теперь, а тогда было тутъ прекрасное эхо, которое повторяло съ удивительною точностью двусложныя слова.

Сколько разъ, бывало, я приходилъ одинъ или вмѣстѣ съ любезнымъ семействомъ Ге...выхъ пробуждать этотъ чудный отголосокъ. Однажды, подъ вечеръ, я стоялъ ужъ съ полчаса противъ театра и радовался какъ дитя, когда эхо повторяло какимъ-то насмѣшливымъ голосомъ: „дѣвка!.. кошка!.. слушай!.. молчи"!..

— Не прогнѣвайтесь, сударь,—сказалъ мнѣ одинъ изъ садовыхъ сторожей, который ужъ нѣсколько минутъ стоялъ подлѣ меня и покачивалъ головой,—напрасно вы изволите этимъ забавляться.

— А что, любезный?

— Да такъ-съ,—не хорошо.

— Почему жъ не хорошо?

— Вѣдь онъ не любитъ, сударь, чтобъ его тревожили.

— Его? Да о комъ ты говоришь?

— Ну, вотъ что васъ передразниваетъ.

— А чтожъ ты думаешь, кто это?

— Извѣстное дѣло—хозяинъ.

— Какой хозяинъ?

— Ну, иль домовой, сударь. Его трогать не надобно: вѣдь неровенъ часъ, какъ пристанетъ, такъ не отвяжется.

— Ахъ ты дуракъ, дуракъ! — сказалъ я съ громкимъ смѣхомъ.

Digitized by Google

„Дуракъ, дуракъ!“—повторило эхо и захохотало такъ натурально, что-то бѣдный сторожъ вздрогнулъ, пробормоталъ что-то подъ носъ и плюнулъ, вѣроятно, на лукаваго, а, можетъ быть, и на меня, какъ на совершеннаго безбожника.

Въ концѣ липовой аллеи сходились двѣ дорожки, одна шла направо, къ Москвѣ-рѣкѣ, другая вела къ самому живописному мѣсту Нескучнаго. Мы зайдемъ туда послѣ, а теперь я попрошу васъ со мною на берегъ рѣки. Вотъ мы спускаемся внизъ по изгибистой тропинкѣ, прерываемой въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревянными лѣстницами, и сходимъ, наконецъ, на песчаный берегъ Москвы-рѣки. Позади насъ прудъ, за нимъ, вдали, какъ-будто опираясь на вершины деревьевъ, тянется длинный мостъ. Передъ нами нѣсколько красивыхъ домиковъ, колодецъ и красивая галлерея для ходьбы въ ненастную погоду.

Это заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ.—„Какія минеральныя воды?“—спросите вы. „Да вѣдь онѣ на Остоженкѣ“. Да, теперешнія на Остоженкѣ, а первыя искусственныя воды—воды, которыми никто не лѣчился, несмотря на то, что онѣ стоили очень дорого хозяину,—были въ Нескучномъ. Вотъ краткая исторія ихъ начала, бытія и кончины. Одинъ глубокомысленный испытатель естества, досужій и оборотливый нѣмецъ, замѣтилъ хозяину, что въ его колодцѣ вода минеральная, потому, дескать, что въ ней есть частицы известковыя, желѣзныя и разныя другія, и что хотя и въ обыкновенной водѣ бываетъ не безъ примѣси, но его колодезная вода имѣетъ особенную цѣлебную силу; но такъ какъ эта сила не то, чтобъ отличная какая сила, а только сила укрѣпляющая и утоляющая жажду, то не мѣшало бы завести около колодца другія разныя воды, имѣющія разнородныя силы, и что онъ берется сдѣлать все это самымъ легкимъ, вновь изобрѣтеннымъ способомъ, не требуя ничего, кромѣ посильнаго денежнаго вспоможенія, необходимаго для устроенія сего филантропическаго и чисто европейскаго заведенія. Добрый и благородный К. Ш., обрадованный мыслію, что онъ можетъ положить основаніе такому благодѣтельному и общеполезному заведенію, приступилъ немедленно къ дѣлу. Сначала, пока строили домики для ваннъ, залу для питья водъ и галлерею для прогулки больныхъ, можно было видѣть, по крайней мѣрѣ, на что выходятъ деньги; но какъ дошло дѣло до химической части, то добрый К. Ш. призадумался.—„Охъ ужъ мнѣ эти машины!“—говаривалъ онъ довольно часто. „Не успѣешь сдѣлать одну, подавай другую! Да, вѣдь какъ дороги, проклятыя! Расходы ужасные, а взглянуть не на что. Ну, видно, плакали мои денежки!“ И дѣйствительно, первая попытка завести въ Москвѣ искусственныя минеральныя воды не имѣла никакого успѣха. Вотъ рѣшились, наконецъ, прибѣгнуть къ самому сильному и послѣднему средству: воды составлялъ и всѣмъ распоряжался все тотъ же глубокомысленный испытатель естества, а смотрителемъ при нихъ, то-есть, сторожемъ, былъ простой русскій человѣкъ; на мѣсто его сдѣлали смотрителемъ какого-то физиканта, съ толстымъ чревомъ и важнымъ лицомъ; у этого мусью была преудивительная фамилія, и онъ ни слова не говорилъ порусски. Кажется, чего бъ еще?—Нѣтъ, и это не помогло! Въ ванны никто не садился, воды не пили, въ галлереѣ не гуляли, а физикантъ бралъ по пятисотъ рублей въ мѣсяцъ жалованья, а испытатель естества придумывалъ все новыя машины и самъ назначалъ имъ цѣну. Тяжело пришло хозяину! Конечно, онъ имѣлъ удовольствіе пить свою собственную зельтерскую воду и подчевать ею своихъ пріятелей; но еслибъ счесть, во что обошлась ему эта забава, то для него гораздо бы выгоднѣе было, вмѣсто домашней зельтерской воды, нить старый рейнвейнъ и подчевать своихъ гостей столѣтнимъ венгерскимъ виномъ. Между тѣмъ, подъ руководствомъ знаменитаго профессора Лодера, положено основаніе нынѣшнему заведенію искусственныхъ водъ на Остоженкѣ; ихъ скоро открыли, онѣ вошли въ моду, и участь первоначальнаго заведенія была рѣшена. Теперь не только не осталось слѣдовъ ваннъ и галлереи, но даже засыпанъ и колодезь. Долго я добивался, но никакъ не могъ узнать, кому вошла въ голову странная мысль вырыть этотъ колодезь? Онъ уже давно существовалъ, а никто не подозрѣвалъ въ немъ никакой цѣлебной силы; слѣдовательно, нашелся же человѣкъ, который задумалъ выкопать колодезь съ обыкновенной, но только дурной водой, на самомъ берегу рѣки, въ которой вода весьма пріятнаго вкуса.

Однажды,—это было въ маѣ мѣсяцѣ,—я встрѣтился въ Москвѣ со старинымъ моимъ пріятелемъ В****. Онъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ и въ первый еще разъ въ жизни пріѣхалъ взглянуть на Бѣлокаменную и поклониться ея святымъ угодникамъ. Еслибъ я родился въ Италіи, то ужъ вѣрно бы попалъ въ цехъ записныхъ *чичероне*. Одно изъ величайшихъ моихъ наслажденій состоитъ въ томъ, чтобъ показывать пріѣзжимъ всѣ диковинки и рѣдкости города, въ которомъ я живу. Четыре дни сряду я угощалъ моего пріятеля Москвою, возилъ его изъ одного конца города въ другой, ѣздилъ съ нимъ въ Коломенское, Царицыно, Кунцево, къ Симонову монастырю; сходилъ вмѣстѣ съ нимъ подъ большой колоколъ, взлѣзалъ на Сухареву башню и смотрѣлъ съ Ивана Великаго на матушку Москву православную; наконецъ, дѣло дошло и до Нескучнаго. Я началъ съ того, что познакомилъ моего пріятеля съ хозяиномъ; онъ обласкалъ пріѣзжаго гостя, показалъ ему свое цѣлебное заведеніе и напоилъ насъ зельтерской водой домашняго издѣлія. Мы оставили хозяина на берегу Москвы-рѣки, а сами пустились въ гору; устали до смерти; наконецъ, пройдя мимо липовой аллеи, повернули направо, вышли на самое живописное мѣсто Нескучнаго и сѣли на скамьѣ, чтобъ отдохнуть и полюбоваться очаровательнымъ видомъ, который вдругъ развернулся подъ нашими ногами. Внизу извучистая рѣка, за нею обширные луга и Новодѣвичій монастырь; правѣе, по берегу рѣки, длинный рядъ красивыхъ Хамовническихъ казармъ, а за ними сады и безчисленныя кровли домовъ; еще правѣе, внизъ по теченію рѣки, огромный амфитеатръ, составленный изъ бѣлокаменныхъ зданій и разноцвѣтныхъ церквей; подымаясь все выше, онъ оканчивается усыпаннымъ позлащенными главами державнымъ Кремлемъ. При первомъ взглядѣ, казалось, на его высокихъ башняхъ покоились небеса, посреди которыхъ выше всего блисталъ на главѣ Ивана Великаго Животворящій Крестъ, осѣняя своею благодатью священные гроба угодниковъ Божіихъ, святые соборы и древнее жилище православныхъ Царей русскихъ. Налѣво, вверхъ противъ теченія рѣки, возвышаются, на полугорѣ, большое каменное зданіе и церковь,—это Андреевская богадѣльня; выше начинается садъ или роща, примыкающая къ Васильевскому, великолѣпному загородному дому, который принадлежитъ теперь графу Мамонову. За Васильевскимъ подымаются Воробьевы горы; онѣ тянутся по берегу Москвы-рѣки, къ Смоленской заставѣ и оканчиваются тамъ, гдѣ рѣчка Сѣтунь впадаетъ въ Москву-рѣку.

Digitized by Google

„Полезно-ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ,
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье“...

— Я что-то ее не помню.

— Вотъ въ чемъ дѣло: одинъ простоватый человѣкъ, думая придать болѣе цѣны золотому червонцу, принялся его чистить пескомъ, толченымъ кирпичемъ и, наконецъ, дочистился до того, что:

„Подлинно какъ жаръ червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ“.

А я прибавлю къ этому, что и штемпель-то съ него стерся совсѣмъ, такъ что нельзя было отгадать, какая это монета: французская, татарская, нѣмецкая или русская, что, вѣроятно, также ему цѣны не прибавило.

— Такъ чтожъ по твоему надобно дѣлать?— прервалъ почти съ досадой мой пріятель.

— Не мѣшать и даже помогать тѣмъ, у которыхъ есть врожденная любовь къ просвѣщенію, потомъ предоставить все времени—этому неторопливому, но лучшему учителю народовъ.—„Не скоро, да здорово“,—говоритъ русская пословица,—и въ этомъ случаѣ она совершенно справедлива. А межъ тѣмъ не мѣшало бы намъ поменѣе говорить о просвѣщеніи нашихъ крестьянъ, а поболѣе заботиться о ихъ благосостояніи.

— Въ томъ-то и дѣло, — прервалъ мой пріятель,—вѣдь просвѣщеніе-то и дѣлаетъ человѣка счастливымъ.

— Да,—то, о которомъ я говорилъ тебѣ прежде, а то, о которомъ ты говоришь теперь, тогда только для насъ полезно, когда придетъ намъ по плечу. Хорошо идти за вѣкомъ тому, кому нѣтъ надобности ходить за сохою. Да и съ чего ты взялъ, что ты счастливѣе безграмотнаго человѣка? потому что знаешь больше его?.. Нѣтъ, мой другъ; исправный, то-есть зажиточный крестьянинъ несравненно благополучнѣе насъ съ тобою: его не безпокоитъ наша житейская суета, не тревожитъ честолюбіе. Онъ, человѣкъ безграмотный, знаетъ, что вѣкъ останется крестьяниномъ и спитъ себѣ преспокойно; а посмотри, какъ иногда какой-нибудь коллежскій секретарь, который занесся въ чины, сохнетъ отъ того, что его долго не производятъ въ титулярные совѣтники!

— Толкуй себѣ, какъ хочешь, а я все-таки желаю, чтобъ нашъ простой народъ...

— Эхъ, мой другъ, оставь его въ покоѣ! А если хочешь чего-нибудь желать, такъ пожелай лучше общаго просвѣщенія для тѣхъ людей, которые могутъ и *должны* быть просвѣщены. Безграмотный мужикъ не бѣда, а вотъ худо то, когда самъ помѣщикъ читаетъ по складамъ.

— Да этакихъ ужъ мало, мой другъ.

— Несравненно меньше прежняго, — кто и говоритъ; а не мѣшало бы, чтобъ ихъ и вовсе не было.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ нечаяннымъ появленіемъ хозяина Нескучнаго.

— Насилу-то я васъ нашелъ, господа! — сказалъ онъ, идя къ намъ навстрѣчу.—Ужъ я ходилъ, ходилъ по саду!.. Представьте, какая случилась со мною непріятность: я остался безъ васъ на минеральныхъ водахъ, чтобъ осмотрѣть, въ порядкѣ ли ванны, — вотъ слышу, шумятъ подлѣ цѣлебнаго колодца. Что такое? гляжу: какой-то баринъ, совсѣмъ раздѣтый, чуть не бьетъ моего смотрителя-нѣмца. Я подбѣжалъ къ нимъ. Въ чемъ же дѣло? Представьте себѣ, этотъ господинъ лѣзетъ купаться въ колодезь!.. — „Помилуйте, батюшка, что вы?“—„Какъ что? Вѣдь это вода цѣлебная?“—„Ну да, цѣлебная!.. „Да вѣдь ее пьютъ, а не купаются въ ней“.—„Вотъ вздоръ какой! Я слыхалъ, что на Кавказѣ и пьютъ, купаются“.—„То на Кавказѣ, а здѣсь совсѣмъ другое дѣло“. — „Почему-жъ другое? Вода и вода!“ — Я чтобъ урезонить — куда — такъ рвется!.. А колодезь глубокій, вода почти въ уровень съ краями,—юркнетъ, проклятый, и поминай какъ звали!.. Я ухватился за него и крикнулъ нѣмцу: „держи, держи!..“ Насилу-то вдвоемъ стащили его прочь! Такой здоровый — и въ головѣ-то порядкомъ закачено. Что будешь дѣлать — привязался ко мнѣ, шумитъ, кричитъ... Такъ, я этакъ, и лаской, и всячески - не отстаетъ. Ужъ я поилъ, поилъ его сельтерской водой; и силу, разбойникъ, провалился—усталъ съ нимъ до смерти... Теперь прошу ко мнѣ, господа,— продолжалъ хозяинъ, вытирая платкомъ свое лицо. Милости просимъ позавтракать чѣмъ Богъ послалъ. Не взыщите, если мой пирогъ простылъ; что дѣлать: цѣлый часъ провозился съ этимъ пьяницей.

Мы отправились вмѣстѣ съ хозяиномъ и, къ совершенному удовольствію этого гостепріимнаго и радушнаго человѣка, нашли, что его отличный вкусный пирогъ не совсѣмъ еще остылъ.

III.

МОСКОВСКІЕ СВОДЧИКИ.

„Сводчикъ, а. с. м. посредникъ при покупкахъ, продажахъ и разныхъ сдѣлкахъ“.

Академическій словарь, изд. 1847 году.

Въ Москвѣ немного справочныхъ конторъ, зато вовсе нѣтъ недостатка въ этихъ *практикующихъ* посредникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „сводчиковъ“. Это почтенное сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что не составляетъ никакого отдѣльнаго общества. Когда мы говоримъ: „дворянское сословіе“, „купеческое сословіе“, „мѣщанское общество“, „ремесленный цехъ“, то разумѣемъ подъ этими отдѣльныя общества, составленныя изъ одинъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ; а между сводчиками вы найдете людей всѣхъ состояній, и хотя ихъ занятія совершенно одинаковы, но каждый изъ нихъ заботится только о себѣ и старается всячески вредить своимъ товарищамъ. Есть сводчики, которые одѣваются по послѣдней модѣ, носятъ бѣлыя лайковыя перчатки и разъѣзжаютъ въ своихъ собственныхъ экипажахъ; есть и такіе, которые очень напоминаютъ оборванныхъ польскихъ факторовъ: та же неутомимая дѣятельность, то же краснорѣчіе и почти та же самая добросовѣстность; одинъ словомъ, имъ недостаетъ только длинныхъ пейсиковъ и засаленныхъ ермолокъ, чтобъ совершенно походить на этихъ *честныхъ* евреевъ, отъ которыхъ нѣтъ отбоя во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ западной Россіи. Я всегда дивился обычайному краснорѣчію нашихъ московскихъ сводчиковъ; каждое имѣнье, которое они предлагаютъ вамъ купить, бываетъ обыкновенно на настоящимъ земнымъ раемъ, по своему чудному мѣстоположенію, или *золотымъ дномъ* по своей

Digitized by Google

неслыханному плодородію, или истиннымъ кладомъ по своимъ береженымъ лѣсамъ, сѣнокосамъ и разнымъ водянымъ угодьямъ. Для нихъ рѣшительно ничего не значитъ назвать дровяной лѣсъ строевымъ, едва замѣтный протокъ рѣчкою, грязный прудъ озеромъ и ни на что негодныя болота поемными лугами. „Но для чего же они это дѣлаютъ?“—спросите вы. „Вѣдь заочно имѣнье никто не покупаетъ, всякій поѣдетъ прежде посмотрѣть“. Да этого-то они добиваются! Неужели вы никогда не слыхали о заграничныхъ вывѣскахъ,которыя такъ обольстительны для всѣхъ новичковъ? На одной вы прочтете, что тутъ не продаютъ, а почти даромъ отдаютъ разные товары; другая приглашаетъ васъ войти въ лавку — какъ вы думаете для чего? Единственно для того, чтобъ вы обогатились—„Faites votre fortune, messieurs!“ — Разумѣется, это ложь; однакожъ, вы зайдете въ лавку и, можетъ быть, купите что-нибудь. Говорятъ, что эти торговыя приманки, извѣстныя подъ названіемъ *пуфовъ*, доведены до совершенства англичанами; можетъ быть, только врядъ ли имъ уступятъ въ этомъ наши московскіе сводчики. Мнѣ самому случилось однажды попасть въ ловушку къ этимъ господамъ; впрочемъ, я отдѣлался такъ дешево, что вовсе объ этомъ не жалѣю. Я разскажу вамъ это происшествіе, совершенно справедливое во всѣхъ его подробностяхъ, за это я ручаюсь вамъ своею честію.

Года четыре тому назадъ, пришла мнѣ охота купить небольшую подмосковную. Я напечаталъ объ этомъ въ газетахъ, и на другой день явились ко мнѣ два сводчика. Первый, котораго я принялъ къ себѣ въ кабинетъ, былъ человѣкъ пожилой, одѣтый довольно опрятно, съ большими сѣдыми бакенбардами и съ важнымъ, даже нѣсколько угрюмымъ лицомъ.

— Вы изволили объявить въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—сказалъ онъ,—что желаете купить имѣнье?

— Да,—отвѣчалъ я.—Мнѣ хотѣлось бы найти небольшую деревеньку, но только непремѣнно въ близкомъ разстояніи отъ Москвы.

— Такъ-съ! А позвольте узнать въ какую цѣну?

— Отъ сорока по пятидесяти тысячъ ассигнаціями.

— Такъ-съ!.. Прежде всего я долженъ вамъ доложить, что никогда не беру менѣе двухъ процентовъ за коммисію.

— Съ того, кто продаетъ?

— И съ того, кто покупаетъ.

— То-есть, четыре процента? Ну это довольно! Впрочемъ, если вы найдете мнѣ выгодное имѣніе...

— Выгодное? То-есть доходное?

— Ну хоть и не очень доходное, но я желалъ бы, чтобъ оно давало мнѣ хотя пять процентовъ.

— Такъ-съ!.. А мѣстоположеніе?..

— Непремѣнно красивое: безъ этого я не куплю; чистенькій домикъ, роща, рѣчка.

— И рѣчка-съ?.. Это, сударь, найти не легко!.. Подмосковныя имѣнья на видныхъ мѣстахъ и съ живыми урочищами не дешево стоютъ,—заплатите тысячи по двѣ за душу.

— Ну, если у васъ нѣтъ такого имѣнья..

— Позвольте, позвольте!.. Я могу вамъ рекомендовать имѣнье — не то что подмосковное, а близко, очень близко отъ Москвы... Просятъ за него пятьдесятъ пять тысячъ ассигнаціями, а, можетъ-быть, и за пятьдесятъ уступятъ. Имѣнье отличное, устроенное самымъ хозяйственнымъ образомъ; стоитъ только руки приложить, такъ оно дастъ вамъ процентовъ до десяти. Земля самая плодородная... не то что черноземъ, а, знаете ли, этакая сѣрая .. чудная земля!.. И мѣсто красивое, передъ барскимъ домомъ рѣчка... можно мельницу построить: воды весьма достаточно,—будетъ за глаза на три постава.

— А по какой дорогѣ это имѣнье?

— По Можайкѣ.

— То-есть по Смоленской? Ну, это хорошо: застава отъ меня близехонько.

— А это, сударь, не бездѣлица. Иное имѣнье, кажется, и близко отъ Москвы, а какъ придется ѣхать городомъ верстъ двадцать...

— Ужъ и двадцать!.. Что вы!

— Да немного поменьше.

— Чтожъ, это имѣнье не далеко отъ города?

— И десяти верстъ не будетъ.

— Отъ Москвы?

— Нѣтъ, сударь, отъ города Вязьмы.

— Такъ это въ Смоленской губерніи?

— Такъ что же, сударь? Вѣдь Смоленская-то губернія граничитъ съ Московскою.

— Покорнѣйше васъ благодарю! Я ищу имѣнье не далѣе тридцати верстъ отъ Москвы.

— Позвольте вамъ доложить: да что толку-то въ этихъ близкихъ имѣньяхъ? Вѣдь, извѣстное дѣло, подмосковные крестьяне или плуты, или нищіе, безпрестанно въ Москву таскаются, всѣ пьяницы; да вы, сударь, съ ними наплачетесь!

— Это ужъ мое дѣло.

— И что за даль такая: съ небошимъ двѣсти верстъ! Дорога какъ скатерть, лучше всякаго шоссе, и гладко и мягко. Ѣдешь въ телѣгѣ, а точно какъ на лежачихъ рессорахъ. А имѣнье-то какое! отъ нужды, сударь, продаютъ... Вотъ кабы вы сами изволили взглянуть... Да, не угодно ли, со мною есть опись и приказъ?..

— Нѣтъ ужъ увольте!

— Такъ позвольте вамъ предложить другое имѣніе поближе этого...

— Также въ Смоленской губерніи?

— Нѣтъ, сударь, въ Рязанской, на самой московской границѣ.

— Я ужъ вамъ сказалъ, что хочу купить подмосковную.

— Въ такую цѣну у меня подмосковныхъ нѣтъ. Вотъ тысячъ во сто...

— Такъ намъ и говорить нечего. Прощайте, батюшка,—тамъ у меня дожидается другой сводчикъ.

— Видѣлъ, сударь, видѣлъ!.. Я совѣтовать вамъ не смѣю, а грѣшно не сказать: поберегитесь, батюшка. Я этого молодца знаю: Григорій Кулаковъ; два раза, сударь, изъ Москвы выгоняли, всю прошлую зиму въ тюрьмѣ просидѣлъ... И какой онъ сводчикъ? Такъ... шмольникъ—дрянь! Изъ полтины пробѣгаетъ цѣлый день, а за цѣлковый дастъ себя выпороть... А ужъ краснобай какой!.. Наговоритъ вамъ съ три короба; да вы не извольте ему вѣрить: мошенникъ преестественный! Прощайте, сударь!.. Рекомендую себя на будущее время: Степанъ Прокофьевичъ Кривоплясовъ, собственный домъ въ Садовой на Живодеркѣ, второй отъ угла.

— Хорошо, хорошо! Если вы мнѣ понадобитесь, я за вами пришлю.

Когда первый сводчикъ вышелъ, я приказалъ позвать второго. Наружность его мнѣ очень не понравилась. На немъ былъ долгополый сюртукъ, довольно уже поношенный; самъ онъ былъ росту небольшого, худощавъ, съ продолговатой жиденькой бородкой и сѣрыми плутовскими глазами, которые не обѣщали ничего добраго.

— Что, сударь,—сказалъ онъ,—вы не изволили ничѣмъ порѣшить съ господиномъ Кривоплясовымъ.

Digitized by Google

жизнь превращается въ какое-то тюремное заключеніе, которое становится подъ конецъ совершенно несноснымъ. Прогуливаться по колѣно въ грязи вовсе не весело, прокатиться подъ дождемъ также большой забавы нѣтъ. А эти туманныя небеса, этотъ лѣнивый осенній дождь, который не идетъ, а капаетъ съ утра до вечера, эти ранніе вечера, безконечныя темныя ночи—все это наведетъ на васъ такую тоску, что вы поневолѣ станете завидовать суркамъ, которые спятъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду. Конечно, для псовыхъ охотниковъ и эта глухая пора имѣетъ свою прелесть. Сначала они охотятся *съ узеркy*, а тамъ при первомъ снѣгѣ, тѣшатся по порошѣ, и время проходитъ для нихъ, если не всегда пріятнымъ, то, по крайней мѣрѣ, совершенно незамѣтнымъ образомъ. Мой дѣдушка держалъ псовую охоту; но по своимъ лѣтамъ и хворости не могъ уже выѣзжать въ поле иначе, какъ въ хорошую погоду. Къ счастью, у него было много добрыхъ сосѣдей, которые посѣщали его ежедневно и даже гостили по нѣскольку дней сряду.

Мой пріѣздъ очень обрадовалъ дѣдушку; онъ нѣсколько разъ принимался обнимать меня, называлъ своимъ красавцемъ, молодцомъ, и когда налюбовался мною мною до-сыта, то представилъ меня своимъ гостямъ, изъ которыхъ многіе знали меня еще ребенкомъ.

— Вотъ, господа,—сказалъ Лаврентій Алексѣевичъ, — нашего полка прибыло. Мы, Володя,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—разсказываемъ по вечерамъ другъ другу сказки, то-есть не Бову-Королевича, а вотъ, знаешь, этакъ разныя исторіи всякія, были, ну, конечно, иногда и небылицы. Да вѣдь дѣлать-то нечего,—осенніе вечера долговаты, и коли станешь все на одной правдѣ выѣзжать, такъ далеко не уѣдешь. Вотъ сегодня вечеромъ, какъ ты поотдохнешь, мы посмотримъ и твоей удали.

Я отвѣчалъ дѣдушкѣ, что я весьма плохой разсказчикъ и едва ли буду въ состояніи отправить мою очередь.

— Да кто тебѣ говоритъ объ очереди? — прервалъ Лаврентій Алексѣевичъ.—Мы всѣ послѣ чаю, вплоть до самаго ужина, сидимъ вмѣстѣ, бесѣдуемъ, болтаемъ кой о чемъ... придетъ что-нибудь къ слову, милости просимъ—разсказывай: не придетъ—такъ молчи и слушай другихъ. У насъ неволи нѣтъ.

Прежде, чѣмъ я начну пересказывать вамъ, любезные читатели, о томъ, что слышалъ на этихъ вечернихъ бесѣдахъ, мнѣ должно васъ познакомить съ обществомъ, которое я нашелъ въ домѣ моего дѣдушки. У него на этотъ разъ гостили слѣдующіе сосѣди: Игнатій Ѳедоровичъ Кучумовъ, Сергѣй Михайловичъ Онѣгинъ со своей женой, Максимъ Степановичъ Засѣкинъ, Александръ Дмитріевичъ Кудринскій, Богданъ Ѳомичъ Бирманъ и княжна Пелагея Степановна Задольская. Я начну по-порядку.

Отставной секундъ-маіоръ Игнатій Ѳедоровичъ Кучумовъ, старинный пріятель и сослуживецъ моего дѣдушки, былъ самымъ близкимъ его сосѣдомъ; онъ очень походилъ на Лаврентія Алексѣевича своимъ образованіемъ, простодушіемъ и веселымъ нравомъ. Игнатій Ѳедоровичъ былъ нѣкогда женатъ на окрещеной турчанкѣ, которую ему удалось спасти отъ смерти при взятіи Измаила Проживъ съ нею лѣтъ десять, онъ овдовѣлъ и остался совершеннымъ сиротою. Дѣтей у него не было, близкихъ родныхъ также, а былъ какой-то внучатный племянникъ, который жилъ въ Москвѣ; онъ навѣщалъ только изрѣдка своего дядю—и, вѣроятно, какъ единственный его наслѣдникъ, возвращался всегда въ Москву съ душой, исполненной прискорбія: Кучумовъ былъ человѣкъ приземистый, плотный, краснощекій несмотря на свои сѣдые волосы, такой здоровый старикъ, что, глядя на него, всякій наслѣдникъ пришелъ бы въ отчаяніе. Такіе люди, какъ онъ, живутъ обыкновенно за сто лѣтъ, а ему было только съ небольшимъ семьдесятъ.

Сергѣй Михайловичъ Онѣгинъ былъ изъ числа новыхъ сосѣдей моего дѣдушки. Онъ не болѣе пяти лѣтъ какъ переселился изъ Москвы на свою Засурскую деревню—и, говорятъ, будто бы у него были на это весьма уважительныя причины. Онѣгину досталось послѣ отца очень хорошее дворянское состояніе, но, къ несчастію, ему вздумалось побывать заграницею, а потомъ прожить нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ по-барски. Три зимы сряду онъ давалъ роскошные пиры, блистательные балы и чудесные маскарады; однимъ словомъ, веселилъ всю Москву, которая, какъ водится, и спасибо ему за это не сказала. Вотъ, наконецъ, пришла четвертая зима, но она уже не застала Онѣгина въ Москвѣ. Несмотря на свое необдуманное мотовство и неумѣстную торопливость, эту довольно общую слабость всѣхъ русскихъ дворянъ, Сергѣй Михайловичъ былъ человѣкъ вовсе не глупый, наружность онъ имѣлъ весьма пріятную, и хотя ему было, конечно, лѣтъ за сорокъ, однакожъ, онъ вовсе не казался пожилымъ. Супруга его, Наталья Кирилловна, была также очень пріятная женщина стройная, прекрасная собою и, разумѣется, большая щеголиха; въ этомъ отношеніи она была для всѣхъ молодыхъ барынь нашего Городищенскаго уѣзда настоящей модной картинкой. Мы всѣ любили Онѣгиныхъ за ихъ ласковый и привѣтливый обычай; конечно, и они имѣли свои слабости: мужъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, и даже иногда вовсе не кстати, разсказывалъ о своихъ московскихъ балахъ; а жена очень часто говорила о томъ, что они прожили шесть мѣсяцевъ въ Парижѣ. Впрочемъ, это простодушное хвастовство Сергѣя Михайловича не обижало никого, а маленькое чванство Натальи Кирилловны казалось даже всѣмъ очень естественнымъ. Разумѣется, теперь, когда путешествіе заграницу сдѣлалось совершенной пошлостью, никто не станетъ этимъ хвастаться; но лѣтъ тридцать тому назадъ какъ-то нельзя было взглянуть безъ особеннаго уваженія на человѣка, который побывалъ въ Парижѣ. Да если сказать правду, такъ я самъ, въ старину, не упускалъ случая намекнуть, что для меня Парижъ не диковинка, что я часто посѣщалъ большую оперу, ходилъ каждый день въ café de mille colonnes и знаю палерояль, какъ свои пять пальцевъ.

Максимъ Степановичъ Засѣкинъ чаще всѣхъ посѣщалъ дѣдушку, и хотя деревня, въ которой онъ жилъ, была только въ десяти верстахъ отъ нашего села, однакожъ, онъ не рѣдко гостилъ недѣли по двѣ сряду у Лаврентія Алексѣевича. Засѣкинъ былъ человѣкъ пожилой, дородный, неуклюжій, съ полнымъ, широкимъ лицомъ, на которомъ изображалось всегдашнее спокойствіе, безпечность и даже лѣнь; но когда онъ начиналъ говорить о чемъ-нибудь съ одушевленіемъ, то это полусонное лицо становилось очень выразительнымъ. Увидя въ первый разъ Максима Степановича, вы вѣрно бы подумали, что онъ человѣкъ угрюмый; а онъ былъ превеселаго характера, только эта веселость выражалась совершенно особеннымъ образомъ: онъ почти всегда съ преважнымъ видомъ разсказывалъ пресмѣшныя вещи и очень часто разсуждалъ шутя о вещахъ вовсе не шуточныхъ. Засѣкинъ служилъ два трехлѣтія нашимъ уѣзднымъ пре-

Digitized by Google

водителямъ; его любили всѣ дворяне, какъ отлично добраго и честнаго человѣка; но весьма немногіе изъ нихъ догадывались, что подъ этой тяжелой и неуклюжей оболочкой простодушнаго *добряка* скрывался умъ истинно свѣтлый и вовсе не дюжинный. Можетъ быть, въ наше время, ясный и положительный умъ Максима Степановича показался бы мелочнымъ и неспособнымъ ни къ чему высокому и прекрасному; но лѣтъ тридцать тому назадъ мы были еще до того отсталыми, что уважали этотъ пошлый здравый смыслъ. Теперь мы не то, — теперь намъ давай поэзію. Мы ищемъ ее вездѣ: въ острогѣ, въ кабакахъ, во всякой грязной лужѣ; а такъ какъ этотъ грубый здравый смыслъ не усыпаетъ никогда зловонной грязи цвѣтами и называетъ все по имени и стоитъ на томъ, что отвратительное не можетъ быть прекраснымъ, такъ мы его, голубчика, и знать не хотимъ.

Александръ Дмитріевичъ Кудринскій принадлежалъ также къ числу новыхъ сосѣдей моего дѣдушки. Онъ служилъ нѣсколько времени по ученой части и, чтобъ получить дипломъ на званіе доктора философіи, ѣздилъ въ Германію. Александръ Дмитріевичъ былъ одинъ изъ самыхъ усердныхъ слушателей извѣстнаго профессора Окена, весьма прилежно изучалъ нѣмецкую философію и, по особенной милости Божіей, возвратился въ Россію не вовсе полоумнымъ. Въ Германіи онъ женился на дочери какого-то профессора всеобщей европейской статистики, науки также чрезвычайно любопытной, но ужъ, конечно, вовсе не положительной. Кудринскій, прощаясь со своимъ тестемъ, обѣщалъ ему доставить самыя подробныя статистическія свѣдѣнія о Россіи вообще и о Пензенской губерніи въ особенности. И надобно отдать справедливость Александру Дмитріевичу: онъ нѣсколько лѣтъ очень усердно занимался этимъ дѣломъ. Его статистическія таблицы Городищенскаго уѣзда были уже совершенно окончены, но по случаю всеобщаго ополченія, скотскихъ падежей и пожаровъ, которые истребили двѣ фабрики и нѣсколько винныхъ заводовъ, эти таблицы сдѣлались до того невѣрными, что онъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, рѣшился оставить ихъ безъ всякаго употребленія, тѣмъ болѣе, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, его тесть отдалъ въ приданое за второй дочерью свою каѳедру всеобщей европейской статистики, а самъ началъ преподавать теорію эстетики, основанной на однихъ началахъ чистой психологіи.

Я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что Кудринскій, изучая нѣмецкую философію, не вполнѣ утратилъ свой русскій толкъ, то-есть не превратился въ какого-нибудь глубокомысленнаго *Гемертера*, въ устахъ котораго самая простая и доступная истина, бывшая до того *„свѣтлымъ днемъ“*, становится непремѣнно „темнѣе ночи“, но я долженъ вамъ сказать, что Александръ Дмитріевичъ вывезъ кой-что изъ этой романтической и сантиментальной Германіи. Онъ любилъ мечтать, страдалъ иногда припадками необычайной чувствительности, часто говорилъ о мірѣ невещественномъ и вообще весьма охотно облекалъ въ піитическіе образы и людей, и предметы, вовсе не достойные этой чести. Въ его глазахъ *эмпирическій* разбойникъ никогда не былъ отвратительнымъ душегубцемъ. Конечно, онъ не во всякомъ уличномъ воришкѣ видѣлъ драматическаго Обезино, или благороднаго Карла Моро, однако же говорилъ съ чувствомъ состраданія объ этихъ несчастныхъ жертвахъ сильныхъ страстей. Чтобъ познакомить васъ вполнѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ Кудринскимъ, я скажу вамъ нѣсколько словъ объ его наружности. Онъ былъ роста средняго, худощавъ, блѣденъ, примаргивалъ немного лѣвымъ глазомъ и имѣлъ привычку поправлять безпрестанно свой огромный галстухъ, который спереди закрывалъ у него весь подбородокъ, а съ боковъ подымался до самыхъ ушей.

Богданъ Ѳомичъ Бирманъ былъ нѣкогда штатнымъ медикомъ нашего Городищенскаго уѣзда. Дослужась до чина надворнаго совѣтника, онъ вышелъ въ отставку, купилъ себѣ маленькую деревеньку въ двадцати верстахъ отъ нашей Тужиловки и зажилъ помѣщикомъ. Богданъ Ѳомичъ былъ родомъ изъ нѣмецкаго города Швейнфурта; онъ выѣхалъ оттуда съ лѣкарскимъ дипломомъ, прожилъ у насъ въ губерніи безъ малаго сорокъ лѣтъ, совсѣмъ обрусѣлъ, сталъ называться, вмѣсто Готлиба, Богданомъ и научился говорить порусски такъ правильно и хорошо, что его почти грѣшно было назвать нѣмцемъ. Не знаю потому-ли, что Богданъ Ѳомичъ не могъ съ перваго раза примѣниться къ русской натурѣ, или по другой какой причинѣ, но только сначала онъ былъ какъ-то несчастливъ на руку; потомъ сталъ лѣчить удачнѣе, понаторѣлъ и, наконецъ, сдѣлался весьма искуснымъ практикомъ. Старикъ Бирманъ былъ человѣкъ очень добрый, и если иногда лѣчилъ неудачно, такъ, по крайней мѣрѣ, всегда самымъ добросовѣстнымъ и безкорыстнымъ образомъ; бѣдныхъ людей онъ пользовалъ даромъ, а богатыхъ лѣчилъ тогда только, когда находилъ это совершенно необходимымъ. Богданъ Ѳомичъ былъ небольшого роста, лысый старичекъ лѣтъ шестидесяти пяти, довольно толстый, съ коротенькими ножками, длиннымъ носомъ и вѣчно улыбающимся лицомъ, которое я назову просто краснымъ, потому что не могу употребить грамматической превосходной степени и назвать его прекраснымъ, не введя въ заблужденіе моихъ читателей. Богданъ Ѳомичъ любилъ выпить рюмочки двѣ-три добраго рейнвейна, не чуждался также хорошей русской настойки и хотя называлъ діэту лучшимъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, однакожъ, самъ кушалъ весьма исправно. Онъ былъ очень разговорчивъ, часто вспоминалъ о своей родинѣ и въ особенности любилъ разсказывать о гражданскихъ подвигахъ своего дяди, почетнаго бюргера и члена магистрата, Генриха Блюдвурста, котораго, по словамъ Богдана Ѳомича, всѣ жители благополучнаго города Швейнфурта называли премудрымъ Соломономъ.

Княжна Пелагея Степановна Задольская славилась нѣкогда своею красотою; приданаго было за нею около тысячи душъ; все родство состояло изъ людей чиновныхъ, знатныхъ и богатыхъ. Какъ-бы, кажется, послѣ этого не найти себѣ мужа?—Найти! Да я думаю, что, при всѣхъ вышесказанныхъ обстоятельствахъ, ей вовсе не нужно было искать себѣ жениха, они отъ нея не прятались, и она смѣло могла бросить платокъ первому молодцу, который пришелъ бы ей по сердцу, тѣмъ болѣе,

„Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ“.

Вы, вѣрно, знаете разборчивую невѣсту Крылова, такъ мнѣ нечего вамъ разсказывать, по какому случаю эта знатная и богатая красавица не вышла ни за [кого замужъ. У Крылова разборчивая невѣста кончила тѣмъ, что обвѣнчалась съ какимъ-то уродомъ; но наша княжна которая также распугала всѣхъ своихъ женихoвъ, не рѣшилась, однакожъ, выйти замужъ за одного кривого и лысаго камергера, который

Digitized by Google

между этими знатными выходцами попадались иногда претеплые ребята?

Княжна Задольская. Теплые?... Я васъ не разумѣю

Кучумовъ. То-есть этакіе, знаете ли, продувные мошенники, самозванцы; вѣдь тогда въ Парижѣ времена-то были смутныя! Теперь попытайся какой-нибудь французъ назваться графомъ, такъ ему всякій исправникъ скажетъ: „Пожалуйте-ка, ваше сіятельство, паспортъ, да нѣтъ ли у васъ и другихъ законныхъ документовъ?"—А тогда дѣло другое: „Ушелъ, дескать, изъ тюрьмы въ чемъ мать родила! До паспорта ли, когда мнѣ хотѣли голову отляпать?.. Унеси только, Господи!"

Княжна Задольская. Вы, Игнатій Ѳедоровичъ, напомнили мнѣ престранный случай.

Лаврентій Алексѣевичъ. А что такое, Пелагея Степановна?

Княжна Задольская. Такъ, одно приключеніе, въ которомъ я играла не очень авантажную роль. Въ то время я объ этомъ прималчивала, а теперь ужъ прошло безъ малаго тридцать лѣтъ, такъ сказать можно.

Лаврентій Алексѣевичъ. Сдѣлайте милость!

Княжна Задольская вынула изъ кармана свою круглую золотую табакерочку съ эмалью, понюхала табаку и начала слѣдующимъ образомъ.

ЭМИГРАНТЪ.

— Я вамъ сейчасъ говорила, что положеніе французскихъ эмигрантовъ было истинно ужасно: изъ нихъ многіе не имѣли ни пристанища, ни куска хлѣба; но были, однакожъ, и такіе, которые могли назваться богатыми: одни привезли съ собою значительные капиталы; другіе, разумѣется, люди знатные и чиновные, вступили въ русскую службу и, по милости Императрицы, жили сообразно своему званію. Дюкъ де-Монсо, одинъ изъ этихъ знатныхъ, былъ очень коротко знакомъ со мною. Ему было шестьдесятъ два года, но вы никакъ бы не дали ему этихъ лѣтъ, и надобно сказать правду: я мало встрѣчала такихъ очаровательныхъ людей, какъ этотъ милый дюкъ. Что за тонъ, какая манера!.. Ну, точно какъ теперь смотрю: шитый французскій кафтанъ, стальная шпага, парикъ а-лель-депижонъ, распудренный о фрима, брилліантовые перстни на пальцахъ, золотые брелоки у часовъ и пуанъ-далансоновыя манжеты! А что за ловкость!.. Бывало, закинетъ ногу на ногу, развалится въ креслахъ, почти лежитъ!—Сдѣлай это другой, такъ будетъ невѣжливо и даже неблагопристойно, а къ нему все шло. Начнетъ ли онъ играть своей золотой табакеркой или обсыплетъ табакомъ жабо, отряхнетъ пальцами манжеты... Вѣдь, кажется, ничего, что за важность такая? А посмотрѣли бы вы, какъ онъ это дѣлалъ! Въ каждомъ его движеніи были такія грасы, такая прелесть!.. О, конечно, въ этомъ отношеніи прежніе французы были неподражаемы!. Зато ужъ нынѣшніе,—надо отдать имъ справедливость,—хороши голубчики!.. Я бы именнымъ указомъ запретила имъ говорить по-французски!.. Какіе они французы, бонапартисты проклятые!. Мужики, грубіяны!.. Ну, да что объ нихъ!

Однажды по-утру заѣхала ко мнѣ пріятельница моя, графиня Прилуцкая, и говоритъ мнѣ: „Ахъ, ma chère, какая жалость! У меня былъ вчера эмигрантъ, шевалье д'Естеньвилъ, что за прекрасный молодой человѣкъ!.. И какой интересный! Представь себѣ, mon ange: въ Парижѣ его везли ужъ на эшафотъ; вдругъ сдѣлалось на улицѣ какое-то возмущеніе, народъ сталъ драться съ войскомъ: шевалье воспользовался этой минутой, выскочилъ изъ экипажа, въ которомъ его везли, и спрятался въ лавочкѣ у одного хлѣбника. Къ счастію, этотъ хлѣбникъ былъ тотъ самый, у котораго онъ покупалъ всегда крендели и булки; этотъ добрый человѣкъ изъ благодарности продержалъ его нѣсколько дней въ своемъ домѣ, а послѣ помогъ выѣхать изъ Парижа. Пока онъ пробирался до границы, съ нимъ было множество всякихъ приключеній, и какъ онъ объ этомъ разсказываетъ, ma chère! Теперь онъ здѣсь, разумѣется, безъ куска хлѣба и хочетъ войти куда-нибудь въ домъ учителемъ. Подумаешь: шевалье д'Естеньвиль, потомокъ знаменитой фамиліи, человѣкъ богатый!.. Да, мой другъ, у него недавно былъ великолѣпный замокъ въ Лангедокѣ и огромное помѣстье въ Провансѣ, которое давало ему на одномъ прованскомъ маслѣ слишкомъ сто тысячъ франковъ доходу! И вотъ теперь онъ ищетъ мѣста гувернера и готовъ ѣхать изъ куска хлѣба въ Кострому, въ Саратовъ, въ Вятку—куда хочешь!"—„Вотъ кстати,—сказала я,—мнѣ пишетъ изъ Костромы моя кузина, что ей очень нуженъ французскій учитель; такъ ты попроси своего шевалье д'Естеньвиль, чтобъ онъ завернулъ ко мнѣ сегодня вечеромъ; мы съ нимъ объ этомъ поговоримъ".

Надобно вамъ сказать, что я тогда жила еще во дворцѣ, слѣдовательно, занимала не очень обширную квартиру и обыкновенно принимала гостей въ небольшой диванной, за которой была моя спальня. Часовъ въ восемь послѣ обѣда, когда я была совершенно одна, доложили мнѣ что какой-то французъ желаетъ меня видѣть. Натурально, я догадалась, что это долженъ быть шевалье д'Естеньвиль, и велѣла просить его къ себѣ въ диванную. Гляжу, входитъ ко мнѣ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, весьма пріятной наружности: лицо блѣдное, худое, черные глаза такіе быстрые и собой довольно видный мужчина; кафтанчикъ на немъ весьма поношенный, впрочемъ, хорошаго покроя и бархатный; изъ камзольныхъ кармановъ висятъ двѣ золотыя цѣпочки, а подъ мышкою совсѣмъ истертая шляпа, однакожъ, съ плюмажемъ. Я прошу его садиться—онъ кланяется; я повторяю мое приглашеніе—онъ продолжаетъ кланяться и даже не очень ловко.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ шевалье д'Естеньвилемъ?—спросила я

— Oui, madame! — отвѣчалъ французъ. — Графиня Прилуцкая...

— Да, я просила ее пригласить васъ ко мнѣ. Да садитесь, сдѣлайте милость!

Французъ еще разъ поклонился, окинувъ робкимъ взглядомъ всю комнату, и сѣлъ на кончикъ табурета, на которомъ лежала моя болонка.

— Вамъ здѣсь неловко,—сказала я.

— О, напротивъ, мадамъ, очень ловко!—промолвилъ французъ, продолжая сидѣть на хвостѣ моей Амишки.

Я взяла ее на колѣни и, повѣрите ль,—глядя на этого жалкаго молодого человѣкъ, едва могла удержаться отъ слезъ. „Бедняжка!"—подумала я,—„онъ такъ смущенъ, что чуть было впоропяхъ не раздавилъ моей Амишки; не знаетъ, куда дѣваться съ руками, смотритъ такимъ страннымъ образомъ... Боже мой!.. Ну, походитъ ли этотъ робкій, неразвязный мужчина на какого-нибудь

Digitized by Google

ловкаго французскаго шевалье?.. Вотъ какъ бѣдность и несчастье убиваютъ человѣка".

— Мнѣ говорила графиня Прилуцкая,—сказала я, не смѣя взглянуть на моего гостя,—что несчастныя обстоятельства вынуждаютъ васъ искать мѣста гувернера...

— Да, княжна,—отвѣчалъ французъ,—я хочу посвятить себя образованію русскихъ дворянъ.

— И рѣшаетесь ѣхать для этого въ провинцію?

— Съ большимъ удовольствіемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

— Я васъ понимаю,—сказала я, взглянувъ съ участіемъ на бѣднаго шевалье. — Еслибъ мнѣ пришлось быть гувернанткою во Франціи, то и я также не захотѣла бы жить въ Парижѣ. Я вполнѣ чувствую, какъ должна быть тяжела для васъ эта ужасная деградація; но для чего же вы идете въ учители? Почему вамъ не вступить въ нашу службу? Вы еще молоды, происходите отъ знатнаго рода,—теперь же въ Петербургѣ много вашихъ компатріотовъ, нѣкоторые изъ нихъ довольно близки ко Двору... Почему знать,—можетъ быть, въ числѣ ихъ вы встрѣтите вашихъ знакомыхъ, пріятелей, родныхъ...

— Родныхъ?.. О, нѣтъ, княжна,—они всѣ погибли на эшафотѣ! Конечно, у меня были очень знатные родственники; вотъ, напримѣръ, родной мой дядя, дюкъ де-Монсо...

— Что вы говорите?—вскричала я.—Какъ это счастливо! Вѣдь дюкъ де-Монсо здѣсь!

— Здѣсь?—повторилъ съ ужасомъ шевалье.—Казиміръ Эдуардъ, дюкъ де-Монсо?

— Да, да! Казиміръ Эдуардъ, дюкъ де-Монсо,—сказала я, глядя съ удивленіемъ на моего гостя.—Чего-жъ вы испугались, шевалье? Это вашъ дядя...

— И величайшій мой врагъ, княжна! Онъ убьетъ меня при первой встрѣчѣ.

— Убьетъ своего племянника!..—Что вы, шевалье!

— Непремѣнно убьетъ!.. Честь французскаго дворянина—о, мадамъ, вы не знаете, какъ это важно.

— Да чтожъ вы такое сдѣлали?

— Не спрашивайте меня! Но знаете, княжна, что если онъ кинется на меня съ обнаженной шпагой, я не стану защищаться, а скажу ему: „вотъ грудь моя!"...

Тутъ шевалье размахнулъ такъ неосторожно руками, что зацѣпилъ за мой тамбурный столикъ и опрокинулъ его ко мнѣ на колѣни; Амишка завизжала, спрыгнула на полъ, а шевалье бросился поднимать столикъ, запутался въ коврѣ и повалился мнѣ прямо въ ноги. Признаюсь, я немного испугалась.

— Чтожъ это значитъ?—сказала я, когда французъ всталъ и усѣлся опять на своемъ табуретѣ.—Да развѣ вы, шевалье, преступникъ?

— О, княжна, — отвѣчалъ мой гость, — если страстная, пламенная любовь преступленіе, то, конечно, вы видите передъ собой преступника!

Эти слова поразили меня, онъ же сказалъ ихъ съ такимъ чувствомъ... Боже мой, преступникъ отъ любви!.. Я такъ много читала объ этихъ преступникахъ, никогда ихъ не видала, и вотъ одинъ изъ нихъ стоитъ передо мною!.. Надобно сказать правду: я забыла всѣ неловкости моего гостя, и онъ сдѣлался для меня во сто разъ интереснѣе... Да, да, господа, въ эту минуту шевалье показался мнѣ совершенно Сенъ-Пре!

— Такъ любовь причиною вашихъ несчастій?—сказала я, помолчавъ нѣсколько времени.—Бѣдный молодой человѣкъ!.. Вѣрно, та дѣвица, которую любилъ вашъ дядя, предпочла васъ?..

— О,—прошепталъ французъ,—если бъ она была дѣвица!

— Какъ, шевалье, такъ вы были влюблены въ замужнюю женщину?...

— О, мадамъ, еслибъ она была только что замужняя женщина!

— Ахъ, Боже мой, да въ кого жъ вы были влюблены?

— Вы хотите знать объ этомъ — извольте, княжна!.. Красота и чувствительность всегда бываютъ нераздучны!.. Я не боюсь открыть вамъ эту ужасную тайну: я былъ страстно влюбленъ... въ жену дюка де-Монсо!..

— Въ вашу родную тетку?

— Да, княжна!. Теперь вы знаете все! Презирайте меня, выгоните меня изъ своего дома, но пожалѣйте обо мнѣ.

Тутъ шевалье хотѣлъ броситься передо мной на колѣни; но, къ. счастію, я его удержала; онъ былъ въ такой пассіи, что непремѣнно задавилъ бы Амишку, которая лежала у моихъ ногъ.—„Ну",—подумала я,—„конечно, это интересно, очень интересно, только ужъ слишкомъ по-французски.. Родной племянникъ!.. И что ему сдѣлала моя Амишка? Онъ рѣшительно хочетъ умертвить ее!"

Я взяла опять на колѣни мою собачку и сказала:

— Успокойтесь, шевалье: кто умѣетъ такъ чувствовать свою вину, того презирать не можно. Но какъ же узналъ объ этомъ вашъ дядюшка?

— Ему попалась въ руки моя записка.

„Охъ, эти записочки!" — подумала я. — „Отъ нихъ всегда бѣда!"

— Я долго не рѣшался писать къ дюшессѣ,— продолжалъ французъ, — наконецъ, рѣшился — послалъ письмо съ моимъ камердинеромъ Франсуа. Это письмо перехватили. Дюкъ вышелъ изъ себя, хотѣлъ со мною рѣзаться, но тутъ подоспѣла революція, и насъ разлучили. Дюкъ де-Монсо эмигрировалъ, мнѣ также удалось уйти изъ Парижа, и я конечно бы не пріѣхалъ въ Россію, еслибъ зналъ, что могу здѣсь встрѣтиться съ моимъ дядею.

Шевалье договаривалъ еще эти слова, какъ вдругъ дверь отворилась, вошелъ слуга и доложилъ мнѣ, что пріѣхалъ дюкъ де-Монсо. Мой гость поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Я погибъ!—вскричалъ онъ.

Въ гостиной послышались шаги.

— Спасите меня! — шепталъ французъ, бѣгая по комнатѣ какъ сумасшедшій.—Спрячьте меня куда-нибудь!

И прежде, чѣмъ я успѣла на что-нибудь рѣшиться, онъ кинулся ко мнѣ въ спальню и прихлопнулъ за собою дверь. Признаюсь, мое положеніе было довольно критическое. Конечно, я была ужъ не въ первой молодости, однако жъ, не дожила еще до тѣхъ лѣтъ, передъ которыми молчитъ злословіе. Боже мой, какія бываютъ странныя обстоятельства въ жизни!.. Что бы стали обо мнѣ говорить, еслибъ узнали, что я спрятала къ себѣ въ спальню молодого человѣка, а межъ тѣмъ я не могла себя ни въ чемъ упрекнуть! Дюкъ де-Монсо вошелъ ко мнѣ, по обыкновенію, съ улыбающимся лицомъ, но, кажется, мое показалось ему вовсе не веселымъ.

— Что вы, княжна?—спросилъ онъ, опускаясь въ кресла.—Здоровы ли вы?..

— Да, мнѣ что-то нездоровится, — прошептала я, поглядывая невольно на двери моей спальни.

— Что съ вами? Вы такъ блѣдны...

— Да, дюкъ, мнѣ что-то не по себѣ.

— А вотъ теперь вдругъ покраснѣли... Да у васъ лихорадка... точно, лихорадка.

Лихорадки у меня не было, но я чувствовала

Digitized by Google

что вся горю, какъ на огнѣ. Да и было отъ чего: эта скверная треугольная шляпа съ плюмажемъ лежала на полу: вѣроятно, шевалье обронилъ ее второпяхъ. „Ну", — подумала я,— „теперь надобно на все рѣшиться. Мосье де-Монсо непремѣнно увидитъ эту шляпу и, разумѣется, не скажетъ ни слова; но что онъ будетъ обо мнѣ думать!" — Межъ тѣмъ дюкъ окинулъ взглядомъ всю комнату, и вдругъ взоръ его остановился — вы отгадываете на чемъ?

— О! да вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы! — проговорилъ онъ, вставая. — Прощайте, княжна! Я не хочу васъ безпокоить, тѣмъ болѣе, что болѣзнь ваша очевидна: она въ глаза бросается...

— Останьтесь, мосье де-Монсо, — сказала я твердымъ голосомъ. — Мнѣ нужно поговорить съ вами

— Если вамъ это угодно, — шепнулъ дюкъ, опускаясь снова въ кресла;—но я, право, думаю, что вамъ лучше остаться одной.

— Позвольте васъ спросить, — сказала я, стараясь смотрѣть ему прямо въ глаза: — вы не оставили во Франціи никого изъ вашихъ родныхъ?

— Живыхъ никого, — отвѣчалъ грустнымъ голосомъ дюкъ. Я выѣхалъ изъ Франціи съ моей женой, но имѣлъ несчастіе потерять и ее: она умерла въ Берлинѣ

— Какъ же я слышала, что у васъ есть родной племянникъ?

— Извините, княжна, у меня нѣтъ племянника.

— А шевалье д'Естеньвиль?

— Шевалье д'Естеньвиль? — повторилъ дюкъ. Онъ замолчалъ, понюхалъ табаку и, отряхая свои манжеты, сказалъ очень сухо: — Да, у меня былъ племянникъ, шевалье д'Естеньвиль, но онъ умеръ на гильотинѣ.

— Правда ли также, — спросила я, — что вы ненавидите этого племянника?

— Кто это могъ вамъ сказать? — прервалъ дюкъ, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ.

— Мосье де-Монсо,—продолжала я,—вы называетесь моимъ другомъ, такъ позвольте же говорить съ вами по-дружески. Какъ бы ни былъ виноватъ передъ вами шевалье д'Естеньвиль, но онъ вашъ племянникъ. И то ли теперь время, чтобъ вамъ питать ненависть къ роднымъ? Неужели вы не протянули бы ему руки, даже и тогда, еслибъ встрѣтили его на чужой сторонѣ, брошеннаго на произволъ судьбы, въ бѣдности, нищетѣ, безъ всякаго покровительства?.. Конечно, поступокъ вашего племянника не извинителенъ; но вспомните, дюкъ, что и вы также были молоды, что и въ вашей жизни были также эти безумные годы, когда разсудокъ молчитъ, а говорятъ однѣ страсти... Позвольте, позвольте, — продолжала я, замѣтивъ, что дюкъ сбирается меня прервать.— Я знаю, что вы хотите сказать: онъ могъ влюбиться въ дюшессу, но долженъ былъ скрывать эту страсть

— Что вы это говорите?—вскричалъ дюкъ.— Я васъ не понимаю, княжна!

— О, вы очень меня понимаете!—сказала я.— Конечно, вы должны находить страннымъ, что я стала съ вами говорить о такомъ деликатномъ предметѣ; но когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ примирить васъ съ преступнымъ, но истинно несчастнымъ племянникомъ...

— Съ какимъ преступнымъ племянникомъ?— прервалъ дюкъ.—Позвольте вамъ сказать, княжна, что вы начинаете походить на какую-то мистификацію. Да съ чего вы взяли, что шевалье д'Естеньвиль, этотъ честный и разсудительный малый, былъ влюбленъ въ свою родную тетку?

— Къ чему эта скрытность, мосье де-Монсо?— возразила я.—Вы видите, я знаю все. Будьте же великодушны—сжальтесь надъ вашимъ племянникомъ, простите его!

— Помилуйте, княжна!—сказалъ дюкъ. — Да что мнѣ ему простить, и на что ему мое прощенье, еслибъ онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ передо мною? Я ужъ имѣлъ честь вамъ докладывать, что моему племяннику отрубили въ Парижѣ голову.

— А если вы ошибаетесь?

— Нѣтъ, княжна, я не могу въ этомъ сомнѣваться: я былъ свидѣтелемъ его казни.

— То-есть вы видѣли, какъ его везли на эшафотъ?

— И видѣлъ, и слышалъ, какъ эта подлая чернь ругалась надъ бѣднымъ шевалье д'Естеньвилемъ; называла его чудовищемъ, уродомъ Конечно, мой покойный племянникъ былъ необычайно дуренъ собою...

— Что вы говорите!—сказала я съ ужасомъ

— Да, княжна, природа была для него совершенной мачихой: онъ былъ горбатъ, кривъ, небольшого роста...

— Боже мой!—вскричала я невольно.—Такъ кто-же теперь сидитъ въ моей спальнѣ?

— Извините, княжна,—промолвилъ, улыбаясь дюкъ,—на этотъ вопросъ я отвѣчать вамъ не могу; вы это должны знать лучше моего.

— Да этотъ человѣкъ называетъ себя шевалье д'Естеньвилемъ и говоритъ, что онъ вашъ племянникъ; онъ вовсе не кривъ, не горбатъ и даже весьма пріятной наружности...

— Въ самомъ дѣлѣ?... Такъ, видно, онъ похорошѣлъ послѣ смерти... Это очень любопытно позвольте, княжна!

Дюкъ всталъ, подошелъ къ дверямъ моей спальни и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Милостивый государь, не угодно ли вамъ пожаловать сюда, къ намъ?

Отвѣта не было.

— Господинъ шевалье д'Естеньвиль,—продолжалъ дюкъ,—если вы не хотите сдѣлать намъ эту честь, такъ мы должны будемъ позвать людей... Да полноте маневриться, любезный племянникъ,—выходите!—продолжалъ дюкъ,—отворяя обѣ половинки дверей.—Прошу сюда поближе къ свѣту!—промолвилъ онъ, схватя за руку и таща за собой моего гостя.

Признаюсь, мнѣ стало жалко, когда я взглянула на этого бѣднаго француза; во всю жизнь мою я не видывала такого испуганнаго и несчастнаго лица.

— Что я вижу!—вскричалъ дюкъ.—Франсуа! Это ты бездѣльникъ?

Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на этотъ ласковый вопросъ, французъ освободилъ свою руку, кинулся опрометью вонъ изъ комнаты и выбѣжалъ изъ лакейской такъ проворно, что мои люди не успѣли оглянуться.

— Да кто жъ этотъ господинъ?—спросила я

— Слуга или,—если вамъ угодно,—камердинеръ моего покойнаго племянника,—отвѣчалъ спокойно дюкъ, открывая свою табакерку.

У меня такъ руки и опустились. Камердинеръ слуга!. И я позволила себя обмануть такимъ грубымъ образомъ!.. Приняла лакея за знатнаго барина!.. Боже мой, что подумаетъ обо мнѣ дюкъ?. Вѣроятно, онъ замѣтилъ мое смущеніе и, какъ человѣкъ отлично вѣжливый и умный, сказалъ мнѣ:

— Я не удивлялся, княжна, что этотъ негодяй васъ обманулъ: онъ очень неглупый малый и получилъ даже нѣкоторое образованіе.. Но по какому случаю вы сдѣлались его покровительницей?

Digitized by Google

Я разсказала все дюку; онъ обѣщалъ мнѣ не говорить объ этомъ никому; разумѣется, я также молчала, и вотъ только теперь, спустя тридцать лѣтъ, рѣшилась разсказать вамъ эту странную исторію. Я не знаю, куда дѣвался мосье Франсуа; но ужъ, вѣрно, онъ успѣлъ пристроиться къ хорошему мѣсту, потому что, сколько я помню, у этого негодяя выговоръ былъ самый чистый парижскій.

Лаврентій Алексѣевичъ *(набивая свою трубку)*. Ай да молодецъ мусью! Вотъ они каковы французы-то! Совѣсти ни на денежку, да за-то и въ карманъ за словомъ не полѣзутъ.

Кучумовъ. Что и говорить—лихой народъ! На иного взглянуть не на что, а какъ примется врать, такъ только слушай!

Онѣгина. О, конечно! Мнѣ иногда случалось въ Парижѣ разговориться съ какимъ-нибудь портье или оборваннымъ разносчикомъ, — удивительно!.. Такіе начнетъ отпускать фразы, что поневолѣ скажешь ему: „мосье“.

Онѣгинъ. Да, это правда. Когда я жилъ въ Москвѣ, такъ у меня очень часто бывали на балахъ французскіе вояжеры, графы, бароны, маркизы, а можетъ статься и такіе же шевалье д'Естеньвили, — кто ихъ знаетъ! У насъ дѣло другое. Вотъ, напримѣръ, вашъ Пахомъ, Лаврентій Алексѣевичъ, или мой Терентій, да одѣнься они хоть по модной картинкѣ, кто ихъ за господъ приметъ?

Кучумовъ. Это оттого, Сергѣй Михайловичъ, что во Франціи народъ ужъ такой. Тамъ, говорятъ, всѣ подъ одну масть. Вѣдь свѣтъ-то великъ, батюшка! Въ одномъ мѣстѣ такъ, въ другомъ этакъ. Поговорили бы вы съ моимъ сосѣдомъ, Иваномъ Евстафьевичемъ Курильскимъ; вы знаете, служилъ онъ во флотѣ и ѣздилъ по разнымъ морямъ. Послушаешь его, — Господи Боже мой, — чего-то нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, какихъ обычаевъ, повѣрьевъ! И все это онъ видѣлъ своими глазами.

Онѣгинъ. Ну хоть и не все, Игнатій Ѳедоровичъ! Я этому Курильскому плохо вѣрю. Удалось ему какъ-то обойти кругомъ свѣта, такъ онъ ужъ и думаетъ, что можетъ лгать, сколько душѣ его угодно.

Лаврентій Алексѣевичъ. Да, у него за краснымъ словцомъ дѣло не станетъ.

Засѣкинъ. А Богъ знаетъ, можетъ быть, иногда и правду говоритъ! Мало ли что намъ кажется невѣроятнымъ потому только, что мы объ этомъ никогда не слыхали. Конечно, онъ иногда разсказываетъ такія диковинныя вещи, что поневолѣ вспомнишь книжку: „Нелюбо не слушай, а лгать не мѣшай“. Да вотъ, на прошлой недѣлѣ онъ былъ у меня и разсказывалъ, между прочимъ, объ одномъ странномъ обычаѣ, который свято соблюдаютъ на островѣ Борнео.

Кучумовъ. А что это за островъ, батюшка?

Засѣкинъ. Самый большой изо всѣхъ острововъ Китайскаго моря. Представьте себѣ: если на этомъ островѣ какой-нибудь небогатый человѣкъ живетъ честно и трудится въ потѣ лица своего, то обыкновенно питается круглый годъ однимъ рисомъ, маньономъ, бананами и развѣ только изрѣдка можетъ полакомиться мясцомъ. Но лишь только этотъ честный, работающій человѣкъ избалуется, сдѣлается мошенникомъ, воромъ, разбойникомъ, то его тотчасъ схватятъ, запрутъ въ тюрьму и начнутъ кормить каждый день мясомъ.

Онѣгинъ. Какой вздоръ!

Княжна Задольская. И надобно же имѣть мѣдный лобъ, чтобъ выдумывать такія вещи!

Лаврентій Алексѣевичъ. Да, нечего сказать,—пересолилъ!

Кудринскій. Помилуйте, да чтожъ тутъ страннаго, что добрые люди стараются облегчить судьбу несчастнаго преступника? Я, по крайней мѣрѣ, удивляюсь только тому, что такая истинно филантропическая идея могла развиться въ Азіи, на какомъ-нибудь островѣ Борнео, который вовсе не славится своимъ просвѣщеніемъ. Да, господа, по мнѣ всякій уличный разбойникъ, какъ человѣкъ совершенно погибшій, достоинъ всякаго сожалѣнія.

Засѣкинъ. Такъ, батюшка, такъ! Истинно, всякій душегубецъ достоинъ сожалѣнія; дѣло другое человѣкъ невинный, котораго онъ уходилъ; о томъ чего жалѣть: вѣдь ужъ его нѣтъ на свѣтѣ.

Кудринскій. Вы шутите, Максимъ Степановичъ, а я говорю не шутя. Разбойникъ потому уже достоинъ сожалѣнія, что онъ разбойникъ; всѣ смотрятъ на него съ ненавистью и презрѣніемъ, онъ долженъ вѣчно томиться въ цѣпяхъ, лишенъ навсегда свободы, а виноватъ ли онъ, бѣдняжка, что природа дала ему такія неукротимыя страсти?...

Засѣкинъ. Да, батюшка, да, вы, точно, правы. Ну, виноватъ ли бѣдняжка тигръ, что природа дала ему такіе острые зубы и длинные когти? Зачѣмъ держать его въ клѣткѣ? Пусть онъ себѣ ходитъ по волѣ да кушаетъ на здоровье добрыхъ людей.

Кудринскій. Ваше сравненіе ровно ничего не доказываетъ, Максимъ Степановичъ. Дикій звѣрь всегда останется звѣремъ: это его природа, его назначеніе; а человѣкъ существо мыслящее: онъ дѣйствуетъ не по животному инстинкту, но по своей свободной волѣ. Вы съ ужасомъ смотрите на осужденнаго преступника, но вѣдь этотъ закованный въ желѣзо преступникъ былъ точно такимъ же человѣкомъ, какъ вы. Онъ разбойникъ, а извѣстно ли вамъ, отчего сталъ разбойникомъ?.. И знаете ли вы, къ чему способенъ этотъ убійца, если въ немъ проснется, наконецъ, человѣческое чувство? Знаете ли вы, что этотъ же самый разбойникъ, котораго такъ немилосердно вы называете тигромъ, рѣшится, можетъ быть, умереть за своего благодѣтеля?

Онѣгина. Да, Максимъ Петровичъ, и я то же скажу. Заграницею очень часто бываютъ такіе разбойники.

Засѣкинъ. Какъ же, сударыня, а особливо въ нѣмецкихъ драмахъ; тамъ сплошь да рядомъ всѣ воры и разбойники пречестные люди.

Онѣгина. Я не говорю вамъ о театральныхъ піесахъ, Максимъ Степановичъ, а о томъ, что слышала отъ людей достовѣрныхъ; вотъ, напримѣръ, итальянскіе бандиты...

Засѣкинъ. Да-съ, въ стихахъ они должны быть очень хороши.

Онѣгина. Мнѣ разсказывали о нихъ такія удивительныя черты великодушія и благодарности.

Засѣкинъ. Да вѣдь это заграницею, Наталья Кирилловна; видно тамъ и разбойники-то почище нашихъ. Впрочемъ, и со мною былъ одинъ случай, котораго я никогда не забуду, и, если угодно, разскажу вамъ это приключеніе.

Лаврентій Алексѣевичъ. Просимъ покорно, батюшка!

БЛАГОДАРНЫЙ ВОРЪ.

— Это было лѣтъ двадцать тому назадъ, — сказалъ Максимъ Степановичъ Засѣкинъ, придвигаясь поближе къ столу. Я еще жилъ тогда въ Москвѣ и бывалъ очень часто у княгини Варвары Алексѣевны Линской, которая, проживъ лѣтъ десять заграницею, пріѣхала въ Москву

Digitized by Google

повидаться съ родными и заложить остальное имѣнье въ опекунскій совѣтъ. Княгиня Варвара Алексѣевна была женщина весьма пріятная, страстно любила всѣ изящныя художества, слыла большою музыкантшею, говорила отлично по-итальянски, превосходно по-французски и даже очень недурно по-русски; однимъ словомъ, она была въ полномъ смыслѣ женщина замѣчательная. Разумѣется, ея общество состояло также изъ людей недюжинныхъ. Къ ней ѣзжали всѣ современныя знаменитости, артисты, музыканты, писатели, иностранцы, особенно по вторникамъ—это былъ ея день. Княгиня жила въ огромныхъ палатахъ, на Тверской; ея небольшая прислуга состояла почти исключительно изъ однихъ французовъ, кромѣ швейцара и метръ-д'отеля, то-есть дворецкаго. Первый былъ толстый, тяжелый нѣмецъ; второй, который, повидимому, пользовался всей довѣренностью княгини и держалъ себя очень благородно, былъ какой-то кривой итальянецъ, впрочемъ, человѣкъ не старый и вовсе не безобразный собою. Изъ этого описанія вы видите, что княгиня Линская жила совершенно на иностранную ногу. Обѣдать она у себя никого не оставляла; объ ужинѣ и рѣчи не было, чаю также не подавали, но зато по вечерамъ подчивали всѣхъ гостей мороженымъ, и хотя это было зимою, а въ обширныхъ комнатахъ ея сіятельства большого тепла не было, однакожъ, я помню, что многимъ очень нравилось это итальянское угощеніе, тѣмъ болѣе, что оно вовсе не походило на наше пошлое русское хлѣбосольство

Однажды вечеромъ я заѣхалъ довольно поздно къ княгинѣ; такъ какъ это было не во вторникъ, то я засталъ у нея всего человѣкъ двухъ или трехъ гостей, и въ томъ числѣ одного знаменитаго московскаго философа и поэта, котораго я не назову по имени, потому что вы едва ли когда-нибудь о немъ слыхали: онъ трудился вовсе не для потомства, а для однихъ только дамскихъ альбомовъ, и, надобно сказать правду, въ свое время его мадригалы и тріолеты были въ большомъ ходу. Когда я вошелъ въ гостиную княгини, этотъ поэтъ говорилъ съ величайшимъ восторгомъ о знаменитой Шиллеровой трагедіи „Разбойники“. Надобно вамъ сказать, что эта трагедія, переведенная на русскій языкъ господиномъ Сандуновымъ, имѣла необычайный успѣхъ на московскомъ театрѣ; объ ней только и говорили. Я самъ не пропускалъ ни одного представленія, и, какъ теперь помню, когда Карлъ Моро, получивъ письмо отъ брата, вбѣгаетъ на сцену и говоритъ съ изступленіемъ: „О, люди, люди, порожденіе крокодила!“... или когда онъ клянется надъ трупомъ своего отца отомстить его убійцѣ и восклицаетъ: „О ты, возжигающій огнь твой превыше нощи!“—у меня всякій разъ такъ волосы дыбомъ и становились. Конечно, я и тогда не очень понималъ, что такое „возжигать свой огнь превыше нощи“, но самый звукъ этихъ словъ мнѣ такъ нравился, что я вовсе не заботился о смыслѣ. Одно только мнѣ было не по сердцу; всякій разъ, когда я смотрѣлъ эту трагедію, преступленіе и порокъ переставали мнѣ казаться отвратительными; были даже минуты, что я видѣлъ въ этихъ разбойникахъ какихъ-то притѣсненныхъ героевъ, несчастныхъ жертвъ людской несправедливости и, признаюсь, мнѣ до смерти хотѣлось, чтобъ не ихъ перехватало правительство, а чтобъ они разбили на голову посланное противъ нихъ войско. „Нѣтъ“,—думалъ я, когда этотъ драматическій чадъ выходилъ изъ моей головы.—„лучше, еслибъ Шиллеръ не сочинялъ этой трагедіи! Ну,—что хорошаго?.. Я человѣкъ тихій, смирный, а вотъ два часа сряду смотрѣлъ съ любовью на разбойниковъ, и, коли правду сказать, во все это время жилъ съ ними душа въ душу“.

— Вы видѣли новую трагедію Шиллера?—спросила меня хозяйка, когда я раскланялся и сѣлъ.

— Нѣсколько разъ, княгиня,—отвѣчалъ я.

— Какъ она переведена?

— Очень хорошо.

— А что вы о ней думаете?

— Я думаю, что она съ большими достоинствами и что ее могъ написать только человѣкъ геніальный; но я очень жалѣю, что Шиллеръ выбралъ такой безнравственный и неблагодарный предметъ для своей трагедіи.

Поэтъ кинулъ на меня презрительный взглядъ и улыбнулся самымъ обиднымъ образомъ.

— Неблагодарный!—повторилъ онъ вполголоса.—А почему, сударь, этотъ сюжетъ кажется вамъ неблагодарнымъ?

— Потому,—отвѣчалъ я,—что Шиллеру нельзя было представить разбойниковъ въ настоящемъ ихъ видѣ; они были бы тогда слишкомъ отвратительны и возбудили бы въ зрителяхъ одно чувство омерзѣнія; слѣдовательно, онъ долженъ былъ, чтобъ облагородить своихъ героевъ, наклепать на нихъ добродѣтели, которыя вовсе имъ не свойственны; а, воля ваша, представлять въ плѣнительномъ видѣ злодѣевъ, усыпать цвѣтами гнусный порокъ...

— А что жъ по-вашему,—прервалъ стихотворецъ,—цвѣтами должно усыпать добродѣтель что ль? Вѣдь вы сами, господа моралисты, говорите, что она въ этомъ не нуждается; и что можно сдѣлать изъ этой безконечной до...бро...дѣ...тели, которую нельзя даже и въ порядочный стихъ упрятать! Нѣтъ, сударь, нашъ вѣкъ идетъ впередъ, его требованія гораздо выше этого. Давайте намъ сильныя, необузданныя страсти, неистовую любовь и даже порокъ, лишь только умѣйте облекать его въ піитическую форму.

— Помилуйте,—сказалъ я,—да что жъ хорошаго, если, благодаря этой піитической формѣ, порокъ будетъ мнѣ казаться прекраснымъ.

— Такъ что жъ?—возразилъ поэтъ.—Въ этомъ то и заключается великая тайна геніальнаго писателя. Онъ возьметъ кусокъ скверной грязи и она въ рукахъ его превратится въ чистое золото. Возбудить въ толпѣ участіе къ страждущей невинности, къ великодушному человѣку, къ добродѣтельной женщинѣ—большая диковинка! Но заставить меня любить злодѣя, смотрѣть безъ отвращенія на убійство, грабежъ, преступную любовь, однимъ словомъ, поэтизировать все то, что мы называемъ порокомъ—вотъ истинное торжество геніальнаго писателя, этого чародѣя, который, вопреки нашему разсудку, увлекаетъ насъ за собой неизъяснимой прелестью своего таланта!

Я доложилъ этому восторженному поэту, что совершенно съ нимъ согласенъ, что представлять въ очаровательномъ видѣ самыя отвратительныя людскія страсти можетъ только человѣкъ геніальный, и что морочить до такой степени добрыхъ людей, конечно, дѣло не шуточное и требующее необычайнаго таланта; но что намъ, то-есть людямъ, стыдно бы, кажется, отбивать лавочку у бѣднаго чорта, который также не безъ дарованія и, какъ всѣмъ извѣстно, давно ужъ занимается этимъ же самымъ дѣломъ. Хозяйка и другіе гости улыбнулись; но, вѣроятно, моя шутка не очень понравилась господину поэту: онъ посмотрѣлъ на меня ни дать, ни взять какъ грозный Карлъ Моро на своего оклеветаннаго

Digitized by Google

брата, то-есть съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и повернулся ко мнѣ спиною.

— Ваше замѣчаніе совершенно справедливо,— сказала княгиня, обращаясь ко мнѣ; — но я, однако жъ, не во всемъ согласна съ вами: я не нахожу, чтобъ Шиллеръ ошибся въ выборѣ своего сюжета. Во-первыхъ, Карлъ Моро не простой разбойникъ; при другихъ условіяхъ онъ могъ бы сдѣлаться великимъ человѣкомъ, героемъ, и если несчастныя обстоятельства и людская злоба превратили его въ разбойника...

— Нѣтъ, княгиня, — прервалъ я, — не обстоятельства и не людская злоба, а Шиллеру угодно было сдѣлать изъ него разбойника. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что такіе благородные душегубцы могутъ только существовать на сценѣ.

— Извините меня,—сказала княгиня,—это оттого, что вы не имѣете понятія о піитическихъ разбойникахъ Италіи; знаете ли, что эти калабрійскіе бандиты очень часто напоминаютъ Карла Моро? Да вотъ хоть извѣстный Фра-діаволо,— слыхали ли вы о немъ?

Я признался въ моемъ невѣжествѣ.

— Такъ я вамъ разскажу, что сдѣлалъ однажды этотъ знаменитый разбойникъ,—продолжала княгиня.—Одна богатая и не молодая уже вдова, графиня Дольчини, жила въ своей загородной виллѣ, недалеко отъ Портичи. Ей такъ много разсказывали объ этомъ Фра-діаволо, который однихъ грабилъ, другимъ самъ давалъ деньги, то показывался подъ именемъ знатнаго путешественника въ лучшихъ обществахъ Неаполя, то въ монашеской рясѣ ходилъ по деревнямъ и говорилъ проповѣди на площадяхъ, и даже, по разсказамъ весьма достовѣрныхъ людей, явился въ одинъ и тотъ же день въ Терачино, въ Калабріи и Солерно. Всѣ эти разсказы возбудили, наконецъ, въ величайшей степени любопытство графини и она часто говорила, что дорого бы дала, чтобъ взглянуть хоть разъ на этого Фра-діаволо.

Однажды, послѣ обѣда, графиня прогуливалась въ своемъ саду; она шла по дорожкѣ, проложенной вдоль стѣны, которая отдѣляла ея садъ отъ небольшой оливковой рощи. Вдругъ шагахъ въ десяти отъ нея раздался шумъ: казалось, что-то тяжелое упало со стѣны, и почти въ ту же минуту вышелъ изъ-за кустовъ, прямо къ ней навстрѣчу, молодой человѣкъ, высокаго роста, очень складный собою, съ прекраснымъ лицомъ и черными блестящими глазами. Судя по его національной калабрійской одеждѣ, онъ принадлежалъ не къ высшему классу общества; впрочемъ, этотъ незнакомецъ былъ одѣтъ не только щеголевато, но даже съ нѣкоторой роскошью. За поясомъ у него заткнуты были пара пистолетовъ въ богатой оправѣ и короткій итальянскій стилетъ, то-есть трехгранный кинжалъ. Разумѣется, графиня испугалась.

— Что вамъ угодно?—вскричала она.—Зачѣмъ вы здѣсь?

— Я здѣсь по вашему желанію, экселенца, — отвѣчалъ незнакомецъ, снимая вѣжливо свою шляпу.

— По моему желанію?—Да позвольте узнать, кто вы?

— Меня прежде звали Доминикомъ Лампіери, а теперь зовутъ Фра-діаволо.

У бѣдной графини ноги подкосились отъ ужаса.

— Успокойтесь, синьора,—продолжалъ разбойникъ.—Чего же вы испугались? Вѣдь вы сами много разъ говорили, что желали бы меня видѣть,—не правда ли?

— Да,—прошептала графиня,—я точно говорила...

— И даже прибавляли къ этому, что дорого бы заплатили за то, чтобъ взглянуть на этого разбойника, Фра-діаволо. Вотъ я теперь передъ вами,—извольте смотрѣть.

Графиня сняла молча съ руки золотой браслетъ, осыпанный брилліантами.

— Не трудитесь, синьора,—сказалъ разбойникъ, —я не возьму вашего браслета; вы можете мнѣ гораздо дороже заплатить за то, что я исполнилъ вашу волю.

— Чего жъ вы отъ меня хотите?—промолвила графиня дрожащимъ голосомъ.

— Позвольте мнѣ поцѣловать вашу прекрасную ручку,—сказалъ Фра-діаволо.—Больше этого я ничего не хочу.

Графиня поглядѣла сначала съ удивленіемъ, а потомъ съ примѣрнымъ участіемъ на этого милаго разбойника, который предпочиталъ ея сороколѣтнюю ручку золотому браслету, осыпанному брилліантами.

— Ахъ, синьоръ Фра-діаволо, — сказала она, протягивая ему свою руку,—какъ жаль, что вы разбойникъ!

Вдругъ за стѣною сада раздался свистъ.

— Какъ?!—вскричалъ Фра-діаволо. — Неужели это Антоніо?..

Вслѣдъ за свистомъ послышался близкій конскій топотъ.

— Маледето!—прошепталъ разбойникъ.—Проклятый зѣвака! Чего-жъ онъ думалъ?.. Графиня, — продолжалъ онъ, — ваша вилла должна быть теперь окружена жандармами; меня предостерегали... но мнѣ такъ давно хотѣлось исполнить ваше желаніе... Впрочемъ, чтобы ни случилось, а меня не возьмутъ живого... Прощайте, синьора! И когда бѣднаго Фра-діаволо не будетъ на свѣтѣ, такъ пожалѣйте о немъ и помолитесь о его душѣ!

— Нѣтъ,—сказала графиня рѣшительнымъ голосомъ,—я васъ не выдамъ. Вы гость мой. Пойдемте со мною, синьоръ Фра-діаволо, и будьте спокойны: эти сбиры не найдутъ васъ.

Въ самомъ дѣлѣ, полицейскій чиновникъ, съ цѣлымъ отрядомъ жандармовъ, обыскалъ всю виллу, обшарилъ весь садъ, и нигдѣ не нашелъ Фра-діаволо.

Спустя годъ послѣ этого происшествія, графиня Дольчини ѣхала изъ Терачино въ Портъ-Корво со своимъ двоюроднымъ братомъ, синьоромъ Ташинарди. Проѣзжая однимъ узкимъ и чрезвычайно дикимъ ущельемъ, графиня съ примѣтной робостью посматривала во всѣ стороны.

— Ужъ не боитесь ли вы разбойниковъ, сестрица?—спросилъ Ташинарди. — Не безпокойтесь, — съ тѣхъ поръ, какъ я занимаю мѣсто уголовнаго судьи въ Тарачино, здѣсь все тихо. Мѣсяцевъ шесть тому назадъ перехватали всю шайку Фра-діаволо; онъ самъ какъ-то ускользнулъ, но жена его попалась къ намъ въ руки.

— Его жена? — повторила графиня. — Бѣдная женщина!.. Чтожъ вы съ ней сдѣлали?

— Да то же, что и съ другими разбойниками: ее повѣсили. Конечно, у нея нашлись защитники, но я настоялъ на этомъ. Женщина, которая ходила вмѣстѣ съ мужчинами на разбой, не женщина.

Синьоръ Ташинарди не успѣлъ еще договорить этихъ словъ, какъ вдругъ лошади остановились, раздались ружейные выстрѣлы, кучеръ слетѣлъ съ козелъ и цѣлая шайка разбойниковъ окружила карету. Разумѣется, нашихъ путешественниковъ заставили изъ нея выдти.

— Графиня Дольчини!—вскричалъ одинъ вы-

Digitized by Google

сокій и статный мужчина, закутанный въ широкій плащъ.—Стойте, товарищи!.. Прочь, говорятъ вамъ!

Разбойники, которые принялись было обирать графиню, выпустили ее изъ рукъ; Фра-Діаволо,— это былъ онъ,—подошелъ къ ней и сказалъ:

— Я очень радъ, экселенца, что съ вами не случилось никакого несчастія. Извольте ѣхать— вы свободны! Чтожъ касается до тебя, господинъ уголовный судья,—продолжалъ онъ, устремивъ сверкающій взоръ на синьора Ташинарди,— такъ тебѣ торопиться нечего; мы еще съ тобой поговоримъ, проклятый убійца моей доброй Лауреты!..

Синьоръ Ташинарди хотѣлъ что-то сказать, но Фра-діаволо не далъ выговорить ему ни слова

— Молчи, кровопійца!—сказалъ онъ.— Теперь моя очередь быть твоимъ судьею!.. Извольте ѣхать, графиня!

— Синьоръ Фра-діаволо, — вскричала графиня:—онъ братъ мой!

— Вашъ братъ? — повторилъ разбойникъ.— Этотъ злодѣй?..

— Да, онъ братъ мой!

Фра-діаволо задумался; нѣсколько минутъ продолжалось это ужасное молчаніе.

— Графиня, — промолвилъ, наконецъ, разбойникъ,—вашъ кучеръ и слуга убиты, прикажите этому палачу, котораго вы называете своимъ братомъ, сѣсть на козлы и везти васъ въ Понте-Корво; да посовѣтуйте ему сходить на поклоненіе къ Лоретской Божіей Матери за то, что ему не пришлось на этотъ разъ умирать безъ покаянія. Прощайте, графиня! — промолвилъ онъ, когда синьоръ Ташинарди, взобравшись на козлы, погналъ безъ ума лошадей. — Кажется, теперь я вполнѣ расквитался съ вами.

— Вотъ, Максимъ Степановичъ,—сказала княгиня Варвара Алексѣевна, окончивъ свой разсказъ, — видите ли, что и разбойники умѣютъ быть благодарными?

— Вижу, княгиня,- отвѣчалъ я,—вижу!

— Много ли вы найдете честныхъ людей, которые поступили бы такъ великодушно, какъ этотъ Фра-діаволо? Ну, что вы о немъ скажете?

— Я скажу, княгиня, что въ немъ очень много театральнаго. Прекрасный разбойникъ!.. А позвольте спросить: вамъ разсказывала объ этомъ сама графиня Дольчини?

— Нѣтъ, я слышала это отъ хозяина гостиницы, въ которой останавливалась, проѣзжая Терачино.

„Вотъ,—подумалъ я,— иностранцы-то каковы! У нихъ не по нашему: трактирщики настоящіе поэты; разбойники такіе приличные—цѣлуютъ у графинь ручки!.. Нѣтъ, гдѣ намъ до нихъ!

Межъ тѣмъ разговоръ перемѣнился: стали говорить объ итальянской музыкѣ. Вотъ ужъ тутъ я сдѣлался совершенно лишнимъ человѣкомъ. Я имѣю несчастіе не любить итальянской музыки и глупость признаваться въ этомъ публично; конечно, глупость, потому что я сумѣлъ бы не хуже всякаго прикинуться самымъ отчаяннымъ дилетанте, то-есть кричать — „браво, браво, брависсимо!“ и корчить превосторженныя и преудивительныя рожи. Что дѣлать, видно, я такъ ужъ созданъ! и могъ бы, кажется, да ни за что не стану удерживаться отъ зѣвоты, когда мнѣ хочется зѣвать. Сначала я слушалъ довольно спокойно умныя рѣчи хозяйки: она только что жалѣла о тѣхъ, которые не понимаютъ всю прелесть итальянской музыки; но когда господинъ поэтъ заговорилъ, что этихъ негодяевъ нельзя даже называть и людьми, что они бездушные болваны, деревяшки, не способные ни къ чему прекрасному, то, признаюсь, я не вытерпѣлъ: схватилъ мою шапку, раскланялся и отправился домой. Я сказалъ вамъ: „мою шапку“ потому что тогда еще не въ однѣхъ деревняхъ, а и въ столицахъ носили по зимамъ теплыя собольи и бобровыя шапки. Теперь эта ни съ чѣмъ несообразная и глупая мода прошла. Когда я сѣлъ въ мои сани, мнѣ вздумалось погулять. На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ; ночь была моровная, лунная, а вы знаете, господа, какъ весело прокатиться въ свѣтлую лунную ночь по нашей матушкѣ Москвѣ бѣлокаменной и посмотрѣть, какъ эта русская красавица засыпаетъ понемногу своимъ богатырскимъ сномъ. Я приказалъ моему Ивану ѣхать за Москву-рѣку, чтобъ посмотрѣть на Кремль. Покатавшись съ полчаса, я отправился домой, то-есть на Знаменку. Когда переѣхалъ Каменный мостъ и поровнялся съ Кривымъ переулкомъ, который выходитъ на Неглинную, мнѣ послышались громкіе голоса; кричали:

— Караулъ! Держи, держи!—и въ ту же самую минуту, какой-то запыхавшій человѣкъ вскочилъ на запятки моихъ саней.

— Что ты?—вскричалъ я.- Пошелъ, пошелъ!

— Батюшка, спасите,—прошепталъ этотъ человѣкъ, съ трудомъ переводя дыханіе,—за мной гонятся!

Въ самомъ дѣлѣ, изъ переулка начали выбѣгать люди.

— Гонятся?—повторилъ я.—Такъ, поэтому, ты воръ?

— Батюшка, я бѣдный человѣкъ, жена, дѣти: спасите Бога ради!

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!—раздались въ близкомъ разстояніи голоса. — Вотъ стоитъ за санями! Держите его, держите!.. Воръ!..

Тутъ пришелъ мнѣ въ голову разсказъ княгини Линской. „Дай спасу и я также этого бѣднаго вора“,—подумалъ я.—„Почему знать, можетъ быть, онъ станетъ обо мнѣ вѣкъ Бога молить! Ужъ если этотъ несчастный отецъ семейства понадѣялся на мое великодушіе, такъ не грѣшно ли мнѣ выдать его руками?“...

— Пошелъ!—сказалъ я.

Иванъ ударилъ по лошадямъ, и не прошло полминуты, какъ мы, поворотивъ направо по Лѣнивкѣ, выѣхали на Знаменку. Когда мы поровнялись съ переулкомъ, который идетъ позади Пашкова дома, воръ соскочилъ съ запятокъ, сорвалъ у меня съ головы бобровую шапку и кинулся бѣжать. Вотъ и я также закричалъ: „Караулъ! Держи, держи!“ — но держать было некому, да и некого: этотъ бѣдный отецъ семейства шмыгнулъ на какой-то дворъ—и поминай какъ звали!

Максимъ Степановичъ замолчалъ.

Онѣгина Вотъ ужъ этого я никакъ не ожидала! Неужели тѣмъ и кончилось?

Засѣкинъ. Нѣтъ, Наталья Кирилловна, этимъ не кончилось. Я простудилъ голову, занемогъ и цѣлыхъ два мѣсяца былъ боленъ.

Лаврентій Алексѣевичъ. Ништо тебѣ, Максимъ Степановичъ. Кабы ты помнилъ русскую пословицу: „вора помиловать, добраго погубить“, такъ тебѣ бы не пришлось покупать новой шапки.

Засѣкинъ. Чтожъ дѣлать, Лаврентій Алексѣевичъ, я и самъ послѣ догадался, что больно сплоховалъ. Вѣдь княгиня разсказывала мнѣ о разбойникѣ, а это что?.. Такъ шишимора, уличный воришка!

Кучумовъ. И, что вы, батюшка! Да по моему разбойникъ во сто разъ хуже всякаго вора.

Лаврентій Алексѣевичъ. Эхъ, любезный!

Digitized by Google

ай, да развѣ ты не видишь, что Максимъ
ѣпановичъ изволитъ балагурить?

Кудринскій. Я не знаю, шутитъ онъ, или
ѣтъ: но и мнѣ также кажется, что отъявленный
збойникъ гораздо способнѣе ко всякому вели-
душному поступку, чѣмъ какой-нибудь мелоч-
ой ничтожной мошенникъ.

Княжна Задольская. Да что это, гос-
ода, вамъ за охота говорить о разбойникахъ?
ни надоѣли мнѣ и въ романахъ госпожи Рад-
ифъ. Ну, скажите сами, что въ нихъ интерес-
аго, и можно ли принимать участіе въ судьбѣ
кого-нибудь убійцы,—разбойникъ ли онъ, или
ѣтъ?..

Онѣгинъ. Нѣтъ, княжна, не говорите! Раз-
ойникъ и убійца,—двѣ вещи совершенно раз-
ичныя. Убійцы бываютъ всякаго рода,—напри-
ѣръ, убійца отъ любви...

Княжна Задольская Охъ, и это ужасно!

Кудринскій. А преступленіе, сдѣланное
ъ минуту бѣшенства, когда оскорбленный не
омнитъ самого себя?

Онѣгинъ. А обиженный человѣкъ, который
бьетъ своего противника на дуэли?

Кучумовъ. Или какъ мой Гришка, который
дважды на кулачномъ бою одного убилъ, а
ѣхъ изувѣчилъ?

Онѣгинъ. Или какъ покойный мой братъ,
оторый на охотѣ застрѣлилъ нечаянно своего
ріятеля?

Засѣкинъ. Или докторъ, который дастъ
евпопадъ лѣкарство? Вѣдь умирать то все
авно, отъ пули, или отъ пилюль!

Лаврентій Алексѣевичъ. Слышишь,
огданъ Ѳомичъ? Ну, что ты на это скажешь?

Бирманъ. Да что, Лаврентій Алексѣевичъ,
а насъ, бѣдныхъ врачей, всегда нападаютъ. А
иноваты ли мы, что люди не безсмертны? Вѣдь
ы не боги, и кому опредѣлено умереть, того не
ылѣчишь.

Кучумовъ. Правда, правда! Всякому есть
редѣлъ, коего не прейдеши.

Засѣкинъ. Конечно, на иного Господь по-
летъ смертельную болѣзнь, на другого искус-
аго медика...

Бирманъ. Смѣйтесь, Максимъ Степановичъ,
мѣйтесь! Теперь вы, славу Богу, здоровы, а
лучись вамъ занемочь, такъ безъ нашего брата
е обойдетесь. Кто говоритъ, и мы также иногда
ъ жмурки играемъ и ходимъ ощупью, а все-
аки кой-что знаемъ, чему-нибудь да учились...

Лаврентій Алексѣевичъ. Кстати, лю-
езный! Мнѣ давно хотѣлось у тебя спросить,
то это значитъ: на моемъ вѣку я много знавалъ
окторовъ.—русскихъ очень мало, французовъ
акже; куда ни посмотришь, всѣ доктора нѣмцы.
тожъ это у васъ въ нѣмецкой-то землѣ всѣхъ
то ль этой наукѣ учатъ?

Бирманъ. Это оттого, Лаврентій Алексѣе-
ичъ, что въ Германіи много университетовъ и
то въ каждомъ университетѣ есть медицинскій
акультетъ, то-есть классъ, въ которомъ препо-
аютъ медицину, и въ немъ обыкновенно слу-
ателей бываетъ несравненно болѣе, чѣмъ въ
ругихъ факультетахъ.

Лаврентій Алексѣевичъ. Отчего же
то, батюшка?

Бирманъ. Да оттого, Лаврентій Алексѣе-
ичъ, что до сихъ поръ не было еще примѣра,
тобъ докторъ медицины умеръ съ голоду, а
октора правъ, философіи, математики и разныхъ
ругихъ наукъ частехонько сидятъ безъ куска
лѣба.

Онѣгинъ. А что, Богданъ Ѳомичъ, правда
ли, говорятъ, что въ Германіи получить лѣкар-
скій дипломъ вовсе не трудно?

Бирманъ. Нѣтъ, Сергѣй Михайловичъ,
столько хлопотъ, что не приведи Господи! У
меня былъ пріятель, который слушалъ курсъ
медицины въ Геттингенскомъ университетѣ; ка-
жется, онъ не хуже былъ другихъ, а насилу
добился, чтобъ ему позволили практиковать, да
еще съ какимъ условіемъ!.. Правда, тутъ было
особенное обстоятельство... Да вотъ, если угодно,
я вамъ разскажу исторію моего пріятеля.

Лаврентій Алексѣевичъ. Разскажи,
любезный, а мы послушаемъ.

Богданъ Ѳомичъ положилъ къ сторонѣ трубку,
откашлялся и началъ свой разсказъ слѣдую-
щимъ образомъ:

ЛѢКАРСКІЙ ДИПЛОМЪ.

Мой пріятель, котораго называли Готлибомъ,
былъ такъ же, какъ я, родомъ изъ города Швейн-
фурта. Готлибъ ходилъ еще въ школу, когда
умеръ его отецъ; вскорѣ потомъ онъ лишился
матери, и то, что досталось ему послѣ ихъ смер-
ти, ужъ, конечно, нельзя было назвать состо-
яніемъ. Проживши кое-какъ до двадцати лѣтъ,
Готлибъ смекнулъ, наконецъ, что ему скоро
придется умирать голодной смертью. Вотъ онъ
пошелъ къ члену швейнфуртскаго магистрата,
достопочтенному г-ну Блюдвурсту, и сталъ про-
сить у него совѣта, что ему дѣлать: заняться
ли какимъ-нибудь ремесломъ, или идти по учен
ной части?—„Я присовѣтывалъ бы тебѣ",—ска-
залъ господинъ Блюдвурстъ,—„заняться какимъ-
нибудь ремесломъ: ученыхъ въ Германіи и безъ
тебя много; да ты поздно хватился; тебѣ ужъ
двадцать лѣтъ, а скоро ли ты попадешь, не
только въ мастера, но даже въ подмастерья? Дѣ-
лать нечего, ступай въ университетъ, да только
вотъ мой совѣтъ: учись тамъ чему-нибудь дѣль-
ному, а пуще всего не плѣняйся философіею; я
замѣтилъ, что эта наука идетъ въ прокъ тольк
тѣмъ, которые обладаютъ природнымъ да-
ромъ говорить очень много, и говорить такъ, что
ихъ самъ чортъ не пойметъ. Ты человѣкъ не-
глупый, въ тебѣ есть толкъ, да рѣчь-то у тебя
простая; парень ты вовсе не затѣйливый и вѣр-
но не сумѣешь доказать, что дважды два пять,
или что бытіе и небытіе одно и то же, такъ ужъ
вѣрно никогда не добьешься каѳедры; а безъ
каѳедры профессоръ все то же, что графъ безъ
графства: чести много, а ѣсть нечего. Ступай-ка
лучше по медицинскому факультету; будешь
лѣкаремъ, а можетъ статься и докторомъ. Не
дадутъ тебѣ мѣста въ университетѣ, такъ чтожъ:
у тебя больные останутся, и коли Богъ поможетъ
тебѣ вылѣчить какого-нибудь извѣстнаго челов-
вѣка, такъ ты и пошелъ навсегда въ люди".

Разумѣется, Готлибъ поблагодарилъ за благой
совѣтъ господина Блюдвурста, простился съ нимъ
и отправился пѣшкомъ въ Геттингенъ. По ми-
лости декана медицинскаго факультета, г-на
Гешваленга, къ которому Готлибъ имѣлъ реко-
мендательное письмо, пріятель мой безъ всякихъ
затрудненій поступилъ въ число своекоштныхъ
студентовъ университета. Сначала все шло наи-
лучшимъ образомъ: Готлибъ учился прилежно,
жилъ смирно, не обижалъ филистимлянъ,—такъ
называютъ нѣмецкіе студенты всѣхъ гражданъ,
не имѣющихъ ничего общаго съ университе-
томъ,—не буянилъ, не выходилъ ни съ кѣмъ на
дуэль и по воскреснымъ днямъ выпивалъ толь-
ко по одной кружкѣ пива. Все это весьма не
нравилось его товарищамъ, но за то профессоры

Digitized by Google

были имъ очень довольны, и даже самъ ректоръ университета, Бухфресеръ, рѣшился, наконецъ, не въ примѣръ другимъ, пригласить его къ своему обѣденному столу. Кому пришло бы въ голову, что эта высокая честь будетъ причиною всѣхъ неудачъ и бѣдствій моего злосчастнаго пріятеля? Когда онъ вошелъ въ гостиную комнату господина ректора, его глазамъ представилось такое поразительное зрѣлище, что онъ, конечно, и до сихъ поръ не можетъ вспомнить объ этомъ безъ сердечнаго трепета. Въ широкихъ кожаныхъ креслахъ покоился отъ своихъ ученыхъ трудовъ высокоименитый господинъ Бухфресеръ, безъ парика, въ ситцевомъ халатѣ и шерстяныхъ вязаныхъ туфляхъ Въ одной рукѣ держалъ онъ огромную пѣнковую трубку, другая была вооружена кожаной хлопушкой, которою онъ билъ нещадно мухъ. Съ правой его стороны, въ домашней кофточкѣ и зеленомъ наглазникѣ, сидѣла достопочтенная госпожа Бухфресеръ и вязала бумажный колпакъ, вѣроятно, для своего мужа. Вы скажете, можетъ быть, что въ этой семейной картинѣ не было еще ничего особенно поразительнаго—о, конечно; но на первомъ планѣ этой картины стояла дочь г. Бухфресера, дѣвица Шарлота.—Господи Боже мой!... Какъ подумаешь, родятся же такія красавицы! Представьте себѣ томные голубые глаза, длинныя рѣсницы, розовыя щечки, пунцовый ротикъ и мягкіе, какъ шелкъ, съ золотистымъ отливомъ локоны, которыми, однакожъ, мой пріятель любовался ужъ впослѣдствіи, потому что на этотъ разъ Шарлота была въ кисейномъ чепцѣ. Эта дивная красавица стояла у окна; на лѣвомъ плечѣ ея сидѣла ручная канарейка, а въ правой рукѣ держала она розанъ. Готлибъ взглянулъ на нее, онѣмѣлъ, растерялся и вмѣсто того, чтобъ отвѣчать какимъ-нибудь умнымъ комплиментомъ на привѣтствіе хозяина, заикнулся, пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ и вспыхнулъ, какъ красная дѣвушка. Эта неловкость очень понравилась господину ректору. Вѣроятно, онъ принялъ ее за робость, весьма приличную бѣдному студенту, который въ первый разъ имѣлъ счастье находиться въ такой высокопочтенной компаніи. — „Не робѣйте, молодой человѣкъ“, — сказалъ онъ. — Вы здѣсь не студентъ, а гость мой. Прошу садиться!“ Разумѣется, во время обѣда Готлибъ смотрѣлъ на Шарлоту, не ѣлъ почти ничего и вѣрно бы отказался даже отъ любимаго своего кушанья, говядины съ черносливомъ, еслибъ госпожа ректорша не сказала, что это блюдо готовила сама Шарлота,—сама Шарлота, своими пухленькими ручками! О, магическія слова, вы подѣйствовали на моего пріятеля сильнѣе всякихъ желудочныхъ капель. Онъ положилъ на свою тарелку двойную порцію, съѣлъ или, лучше сказать, проглотилъ ее въ одну минуту и, конечно, облизалъ бы у себя пальчики, еслибъ это не было противно всякому приличію. Словомъ, бѣдный мой пріятель влюбился по уши въ дочь г. Бухфресера. Несчастный, онъ забылъ, что между ректоромъ университета и бѣднымъ студентомъ такое неизмѣримое пространство, что страшно и подумать! Но кто бы не забылъ объ этомъ? Кто не захотѣлъ бы на его мѣстѣ сдѣлаться Вертеромъ этой прелестной Шарлоты? Да, надобно правду сказать: Шарлота была необыкновенная дѣвица: хороша какъ ангелъ, умна, чувствительна до высочайшей степени и въ то же время такая хозяйка, какихъ немного найдете и въ самомъ Швейнфуртѣ, который всегда славился своими патріархальными нравами. Сколько разъ случалось, что она читаетъ вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ трагедіи Гете, Шиллера; потомъ вдругъ, не [illegible] чивъ какой-нибудь интересной сцены, побѣ[illegible] на кухню жарить картофель и вернется [illegible] во сто разъ милѣе и прекраснѣе!.. Вы [illegible] баетесь, Наталья Кирилловна? И вы [illegible] княжна?.. Я знаю, что у васъ теперь въ го[illegible] только вы ошибаетесь! Шарлота очень час[illegible] могала кухаркѣ готовить кушанье; но, ув[illegible] васъ честью, отъ нея никогда не пахло ку[illegible]

Господинъ Бухфресеръ полюбилъ моего пр[illegible] и позволилъ ему приходить къ себѣ не об[illegible] —этого рода приглашенія дѣлаются у нас[illegible] вольно рѣдко,—а такъ, побесѣдовать, пого[illegible] кой о чемъ. Въ Германіи образъ жизни [illegible] не походитъ на здѣшній; тамъ живутъ [illegible] скромно. Знакомые посѣщаютъ другъ [illegible] особенно въ праздничные дни, для того [illegible] чтобы выкурить вмѣстѣ нѣсколько тру[illegible] смотря по состоянію: или добраго кнастера [illegible] дешевенькаго дрейкенигъ, который дѣлается [illegible] картофельныхъ листьевъ; сыграть партію [illegible] шахматы, потолковать о политикѣ и даже [illegible] пить иногда по рюмкѣ стараго рейнвейна. [illegible] вообще очень любятъ эти мирныя бесѣды [illegible] торыя вовсе не убыточны для хозяина и [illegible] пріятны для гостей, разумѣется, если они [illegible] Въ первый разъ Готлибъ почти ничего не [illegible] рилъ съ Шарлотою, во второй зашла у [illegible] рѣчь о лунѣ, въ третій о симпатіи и сро[illegible] душъ; потомъ случилось имъ танцовать [illegible] одномъ свадебномъ балѣ, и вотъ этакъ [illegible] черезъ два, на завѣтной страничкѣ Шарл[illegible] альбома появились два сердца, проткнутые [illegible] сквозь стрѣлою, съ надписью: „страдаютъ, [illegible] счастливы“. Потомъ двѣ буквы, увѣнчан[illegible] миртами, также съ надписью: „ихъ уста молч[illegible] но ихъ души понимаютъ другъ друга“. [illegible] учебныхъ тетрадяхъ Готлиба и говорить не[illegible] онѣ всѣ были исписаны стихами, изъ котор[illegible] многіе, право, были не дурны, особливо [illegible] помнится, они начинались вотъ такъ:

„Шарлотхенъ, Шарлотхенъ!
Ди либе истъ ди зеле“...

Да что объ этомъ говорить! Это дѣло давно [illegible] шедшее.

Готлибъ и Шарлота любили другъ друга, [illegible] эта любовь выражалась не словами, они ни р[illegible] еще не сказали другъ другу: „я люблю [illegible] Такъ прошло болѣе полугода. И вотъ, наконе[illegible] наступилъ день вѣчно-памятный для моего пр[illegible] ятеля, день неизъяснимыхъ восторговъ и не[illegible] разимыхъ мукъ. Однажды,—это было лѣтомъ [illegible] жаркій ясный день, — Готлибъ пришелъ по[illegible] обѣда къ г. Бухфресеру. Онъ отдыхалъ. Госпо[illegible] ректорша, занятая какимъ-то домашнимъ [illegible] ломъ, предложила моему пріятелю погулять [illegible] ихъ саду. Надобно вамъ сказать, что са[illegible] господина Бухфресера славился во всемъ гор[illegible] Подъ нимъ было, конечно, не менѣе доброй ру[illegible] ской полдесятины, и все это пространство за [illegible] ключеніемъ небольшого цвѣтника, было засаж[illegible] деревьями, по большей части фруктовыми: [illegible] были, однако же, и цѣлыя куртины сплошны[illegible] акацій, сиреней и воздушныхъ жасминовъ, сре[illegible] которыхъ узенькія, усыпанныя пескомъ, дорож[illegible] разбѣгались во всѣ стороны, и такъ иску[illegible] были перепутаны между собою, что этотъ, [illegible] здѣшнему небольшой садикъ показался бы вам[illegible] если не паркомъ, такъ ужъ, конечно, больши[illegible] и чрезвычайно тѣнистымъ садомъ. Готлибу [illegible] показался на этотъ разъ краше земного рая, [illegible] не удивительно: вдали, сквозь густую зеле[illegible] кустовъ, мелькало по временамъ что-то похо[illegible]

Digitized by Google

бѣлое платьице. Готлибъ едва могъ перевесть духъ, ноги его съ трудомъ двигались, и ъ, наконецъ, дорожка, по которой онъ шелъ, вела его на небольшой лужокъ, посреди коаго стояла рѣшетчатая бесѣдка, обросшая угомъ виноградными лозами, въ этой бесѣдкѣ цѣла на скамьѣ дочь господина Бухфресера нтала какую-то книгу.

— Ахъ!—вскричала она,—это вы, господинъ глибъ?

Мой пріятель отступилъ назадъ, поклонился и азалъ заикаясь:

— Да. мамзель Шарлота, это я!

Надобно думать, что въ эту минуту лицо моо друга было пресмѣшное, потому что Шарта улыбнулась и сказала своимъ тоненькимъ, аровательнымъ голоскомъ:

— Куда же вы бѣжите? — Отдохните! — Садись подлѣ меня!

У бѣднаго Готлиба подкосились ноги, захваило духъ, въ глазахъ потемнѣло, — ну, просто, ъ захлебнулся отъ восторга; однакожъ, вошелъ бесѣдку и сѣлъ подлѣ Шарлоты. Прошло нѣолько минутъ, а Готлибъ все еще не могъ выворить ни слова. Шарлота также молчала.

— Что вы это читаете?—спросилъ, наконецъ, й пріятель, не смѣя, однакожъ, прикоснуться книгѣ, которая лежала на колѣняхъ Шарты.

— Идилліи Соломона Геснера,—отвѣчала она.

— Геснера,—повторилъ Готлибъ,—этого пѣвца ироды и любви; этого очарователя, который реноситъ насъ въ блаженный вѣкъ аркадскихъ стуховъ? О, какъ люди были тогда счастливы! правда ли, мамзель Шарлота?

— Да!—прошептала со вздохомъ дѣвушка.

— Тогда любовь не считалась преступлеемъ,—сказалъ Готлибъ;—люди не знали этихъ гостныхъ условій общества, этихъ глупыхъ иличій, этого неравенства состояній...

— Ахъ да!—прошептала опять Шарлота.

— Тогда,—продолжалъ съ жаромъ мой пріятель,—какой-нибудь пастушокъ спрашивалъ пастушку: „любишь ли ты меня, Хлоя?“ А пастушка отвѣчала, вовсе не краснѣя: „да, я люблю бя, Дафнисъ!“ Ну, вотъ точно такъ, какъ бы теперь спросилъ васъ: „здоровы ли вы, мамзель Шарлота?“ А вы бы мнѣ отвѣчали—„слава огу, господинъ Готлибъ!“... Счастливыя времена! Не даромъ васъ называютъ золотымъ вѣкомъ!

— О, конечно,—промолвила Шарлота.

Вдругъ что-то зашумѣло между кустами. Готлибъ вскочилъ.

— Ничего, — сказала Шарлота, — это моя собачка. Мими, поди сюда!.. Садитесь, мой милый отлибъ, не бойтесь: мы здѣсь совершенно одни.

„Мой милый Готлибъ!.. Мы здѣсь совершенно дни!“... Фу, какая тревога поднялась въ груди оего пріятеля! Онъ слушалъ послѣдній курсъ едицины, но еслибъ его спросили въ эту минуту: „Готлибъ, гдѣ у тебя пульсъ?“—то онъ вѣрно ы отвѣчалъ: „не знаю!“ Вся кровь закипѣла въ го жилахъ... Вотъ она, блаженная, счастливѣйая минута въ жизни!..

— Шарлота, — сказалъ онъ, задыхаясь отъ збытка чувствъ.

— Готлибъ! — прошептала дѣвушка, покраснѣвъ, какъ роза.

— Шарлота, — повторилъ онъ, — ты любишь еня?

— О, твоя, на-вѣкъ!—вскричала Шарлота, бросаясь въ объятія моего друга.

— Врешь, негодная!—раздался изъ-за кустовъ олосъ, и господинъ Бухфресеръ, съ хлопушкою въ рукѣ, явился передъ глазами онѣмѣвшихъ отъ ужаса любовниковъ.—Я никогда не назову сыномъ этого нищаго!—продолжалъ онъ. — Твоимъ мужемъ будетъ мой другъ, почтенный профессоръ, господинъ Гешволенганъ! А ты, подлый обольститель,—прибавилъ господинъ Бухфресеръ дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ,—вонъ изъ моего дома!

Дѣлать было нечего, Готлибъ долженъ былъ повиноваться; но я могу васъ увѣрить, что онъ не побѣжалъ вонъ изъ сада, какъ подлый трусъ, а вышелъ потихоньку; и хотя разгнѣванный отецъ забылся до того, что ударилъ его вдогонку хлопушкою, но онъ не прибавилъ шагу и сохранилъ до конца все достоинство, приличное благородному нѣмцу, для котораго честь дороже всего на свѣтѣ.

Съ тѣхъ поръ Готлибъ не видалъ ужъ болѣе Шарлоты. Съ нею поступили самымъ варварскимъ образомъ. Жестокая мать надавала ей пощечинъ и заперла въ темный чуланъ. Но эта безчеловѣчная мѣра не послужила ни къ чему; Шарлота была дѣвица съ необычайнымъ, высокимъ характеромъ. Она сказала отцу и матери, что „будетъ любить Готлиба вѣчно“. Бездушные родители не сжалились надъ бѣдною дочерью; напротивъ, они увеличили свои гоненія, терзали ее, мучили, морили голодомъ, цѣлый мѣсяцъ продержали на одномъ васеръ-супѣ; но ничто не помогло: Шарлота продолжала говорить, что рѣшительно нейдетъ замужъ за этого стараго чорта Гешволенгана, что она принадлежитъ Готлибу, что души ихъ обвѣнчаны, и что никакія истязанія не заставятъ ее отказаться отъ этого священнаго союза. Мой пріятель узналъ всѣ подробности отъ ихъ кухарки, очень доброй женщины, которая горько плакала, разсказывая ему о страданіяхъ своей несчастной барышни. Разумѣется, эта плачевная исторія не могла долго оставаться тайною для городскихъ жителей. Университетскіе товарищи Готлиба обрадовались этому случаю: со всѣхъ сторонъ посыпались на него насмѣшки. Мамзель Бухфресеръ называли нѣжной Шарлотою, а его—несчастнымъ Вертеромъ. Онъ долго отмалчивался; но когда одинъ наглецъ осмѣлился послать къ нему, при самой язвительной запискѣ, огромный пистолетъ, заряженный горохомъ, то онъ вышелъ, наконецъ, изъ себя, вызвалъ этого негодяя на поединокъ и, несмотря на то, что его, какъ водится, защищали съ двухъ сторонъ секуданты, обрубилъ ему уши. Это нѣсколько поусмирило господъ студентовъ, но въ то же время возстановило противъ него всѣхъ прежнихъ покровителей. Этотъ дерзкій насмѣшникъ, котораго онъ окорналъ, какъ моську, былъ сынъ ординарнаго профессора медицины, племянникъ прозектора, читавшаго курсъ патологической анатоміи, и будущій зять проректора университета, господина Штокфиша, который преподавалъ паталогію, симіотику и всеобщую терапію. О деканѣ медицинскаго факультета, господинѣ Гешволенганѣ, и говорить нечего: Готлибъ, какъ вы ужъ знаете, былъ его соперникомъ. Бывало, на всѣхъ экзаменахъ пріятеля моего осыпали похвалами, а теперь, лишь только онъ разинетъ ротъ, кругомъ его поднимается непріязненный шепотъ, и по всѣмъ угламъ аудиторіи начнутъ повторяться, сперва потихоньку, а потомъ во весь голосъ, чрезвычайно обидныя восклицанія: „Азофусъ! Игнарусъ! Индоктусъ! Инепгусъ!“ и даже „Азинусъ!!“ Другимъ, которые не стоютъ его и мизинца, даютъ баллы, а ему пишутъ нули—горе да и только! Вотъ наступилъ послѣдній и окончательный экзаменъ; почти всѣ товарищи Готлиба получили лѣкарскіе дипломы,

Digitized by Google

и даже одинъ глупецъ, которому вы бы не позволили лѣчить вашей кошки, удостоился званія доктора медицины, вѣроятно, потому, что кухарка его очень часто угощала гостей профессоровъ, а хроническій и знаменитый своей [illegible] Готлибъ остался не при чемъ. Вы можете себѣ представить отчаяніе этого бѣднаго страдальца: онъ не зналъ, куда ему дѣваться, не зналъ, что дѣлать съ собой! Какъ вдругъ, вовсе неожиданно, его пригласили въ университетское присутствіе, и господинъ проректоръ Штофельсъ, который, по болѣзни ректора, занималъ предсѣдательское мѣсто, объявилъ ему, что, изъ уваженія къ его недостаточному состоянію, и даже тому, что онъ природный нѣмецъ, ему не откажутъ въ лѣкарскомъ званіи, если только онъ дастъ письменное обязательство не лѣчить никого во всей Германіи.

— Помилуйте,—закричалъ Готлибъ,—да къ чему же мнѣ послужитъ лѣкарскій дипломъ?

— А вотъ къ чему, — отвѣчалъ господинъ Штофельсъ,—по милости этого диплома, всѣ будутъ обязаны признавать васъ за медика, такъ какъ вы не имѣете достаточныхъ познаній, чтобы быть врачомъ...

Мой пріятель хотѣлъ что-то возражать, но проректоръ не далъ выговорить ему ни слова.

— Да, господинъ Готлибъ,—продолжалъ онъ,—вы не имѣете для этого достаточныхъ свѣдѣній—это рѣшено; а что рѣшитъ нѣмецкій университетъ, то свято и непреложно... и мы, оберегая честь нашего ученаго сословія, не можемъ позволить вамъ заниматься практикою въ такомъ просвѣщенномъ государствѣ, какова Германія. Но мы не запрещаемъ вамъ ѣхать заграницу. Ступайте съ Богомъ, и всего лучше на Востокъ, то-есть въ Турцію, Персію или Россію: тамъ и хромой цирюльникъ найдетъ себѣ практику. Подписку вы дадите теперь, а завтра ступайте къ господину письмоводителю университетскаго правленія, вы получите отъ него дипломъ. Но знайте, господинъ Готлибъ, если вы осмѣлитесь употребить во зло нашу довѣренность, то университетъ, въ силу данной вами подписки, отберетъ обратно свой дипломъ, который вы получите не по достоинству, а по снисхожденію и великодушію вашихъ прежнихъ наставниковъ. Во всякомъ случаѣ, я совѣтую вамъ отправиться какъ можно скорѣе изъ нашего города: здѣсь вамъ нечего дѣлать: здѣсь ни въ одной аптекѣ не отпустятъ по вашему рецепту лѣкарства, и тотчасъ донесутъ университету, что вы, несмотря на сдѣланное съ вами условіе, пишете рецепты и беретесь лѣчить больныхъ.

Мой пріятель былъ человѣкъ не глупый и тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Онъ понялъ, что въ этой рѣчи господина проректора милосердіе и великодушіе были одни только громкія слова. Университетъ могъ признать его недостойнымъ лѣкарскаго званія, но не имѣлъ никакого права выгнать вонъ изъ города, а господину ректору и будущему его зятю очень было нужно услать бѣднаго Готлиба куда-нибудь подальше отъ мамзель Шарлоты. Конечно, мой пріятель страстно любилъ дочь господина Бухфресера и вовсе не желалъ ѣхать на востокъ; но ему не хотѣлось также умирать и голодной смертью; вотъ онъ подумалъ, подумалъ, да и рѣшился, наконецъ, покинуть навсегда свое отечество. Ну вотъ, Сергѣй Михайловичъ, теперь вы видите, что и въ Германіи не такъ-то легко достаются лѣкарскіе дипломы, и что мой пріятель дорого заплатилъ за то, чтобъ имѣть право называться медикомъ.

Онѣгинъ. Да, конечно! Да, вѣдь, это случай необыкновенный; [illegible] обстоятельства [illegible] вамъ прочесть [illegible] своей [illegible] рукою.

Закуринъ. Извините, Сергѣй Михайловичъ, вы ошибаетесь. [illegible] въ университетѣ [illegible] получить лѣкарскій дипломъ [illegible]. Готлибъ [illegible] и отправился къ нему. [illegible] къ крыльцу [illegible] письмоводителя [illegible] и постучалъ въ дверь.

— Войди! — закричалъ кто-то грубымъ голосомъ.

Готлибъ вошелъ и вмѣсто письмоводителя увидѣлъ передъ собой его супругу, самую толстую, безобразную и злую женщину изъ всего Геттингена.

— Что вамъ надобно? — спросила она такимъ голосомъ, какъ будто-бы хотѣла сказать: зачѣмъ пришелъ, бездѣльникъ. — Что тебѣ надобно? — повторила она еще вѣжливѣе, оглядывая съ презрѣніемъ худую и изношенную одежду Готлиба, что терялъ всю свою [illegible] былъ и вовсе почтенный.

— Я пріѣхалъ къ господину письмоводителю за моимъ лѣкарскимъ дипломомъ, — отвѣчалъ Готлибъ, смотря съ умиленіемъ и ужасомъ на огромный красный носъ и рыжіе усы этой почтенной женщины.

— Моего мужа нѣтъ дома,—проворчала она.— Впрочемъ, все равно. Вѣдь тебя зовутъ Готлибомъ?

— Точно такъ.

— Такъ подожди, дружокъ, я схожу за твоимъ дипломомъ.

Черезъ минуту госпожа письмоводительша возвратилась.

— Вотъ, твой дипломъ,—сказала она.

Я протянулъ руку.

— Постой, постой... Вишь какой проворный! Отдай прежде деньги.

— Деньги? — вскричалъ Готлибъ. — Какія деньги?

— Извѣстно какія: за пергаментъ, за печать, за то, за другое... Всего пятьдесятъ гульденовъ.

Пятьдесятъ гульденовъ... А у бѣднаго Готлиба только и было что гульденовъ за душою.

— Помилуйте,—сказалъ онъ,—ужъ если я непремѣнно долженъ платить, хотя мнѣ объ этомъ и не говорили, такъ нельзя ли взять поменьше: я человѣкъ бѣдный.

— Да оттого-то съ тебя и берутъ только пятьдесятъ гульденовъ,—прервала эта вѣдьма,—съ порядочныхъ людей мы беремъ гораздо больше. Да что съ тобою говорить: давай деньги или убирайся вонъ!

Готлибъ хотѣлъ было еще поторговаться, но госпожа письмоводительша и слушать его не стала. Дѣлать было нечего: сталъ отсчитывать пятьдесятъ гульденовъ, взялъ дипломъ и отправился. Готлибъ сходилъ уже на лѣстницу, какъ вдругъ пришла ему въ голову несчастная мысль посмѣяться надъ этой грубой бабой. Онъ воротился назадъ.

— Что тамъ еще? Зачѣмъ?—спросила ласковая хозяюшка.

— Извините, сударыня!—сказалъ Готлибъ самымъ вѣжливымъ голосомъ.—Вы такія милостивыя и добрыя, довершите ваши благодѣянія: ужъ если вы изволили мнѣ пожаловать за [illegible]

Digitized by Google

десять гульденовъ одинъ лѣкарскій дипломъ, такъ не можете ли уступить за ту же цѣну и другой?

— Другой,—подхватила хозяйка.—Кому!

— Моей лошади,—отвѣчалъ Готлибъ съ низкимъ поклономъ.

Отпустивъ эту шуточку, онъ думалъ что разобидитъ до смерти гордую письмоводительшу, что она взбѣсится, начнетъ его позорить, — не тутъ-то было: эта спесивая барыня поглядѣла на него весьма равнодушно и сказала прехладнокровнымъ образомъ:

— Твоей лошади, голубчикъ? Пожалуй!.. Ужъ если я выдала лѣкарскій дипломъ ослу, такъ почему же его не дать лошади?

Лаврентій Алексѣевичъ *(смѣясь)*. Айда хватъ баба!.. Вотъ какъ огорошила!

Бирманъ. Да, Лаврентій Алексѣевичъ, повѣрите-ль, и теперь вспомнить не могу: такъ меня съ ногъ и срѣзала.

Кучумовъ. Тебя, Богданъ Ѳомичъ? Такъ это былъ ты?

Бирманъ. Ахъ, нѣтъ, извините! Я хотѣлъ сказать: моего пріятеля.

Лаврентій Алексѣевичъ. Полно, полно, Богданъ Ѳомичъ!.. Ужъ коли сболтнулъ, такъ признавайся!

Бирманъ. Ну, дѣлать нечего, — пришлось каяться. Да, Лаврентій Алексѣевичъ, я разсказалъ вамъ собственную мою исторію.

Княжна Задольская. Такъ это были вы, Богданъ Ѳомичъ! Какъ это интересно! Ну что, вы не знаете, что сдѣлалось съ дочерью этого господина, Бух..... какъ бишь его?.. ну, съ вашей мамзель Шарлотою?

Бирманъ. Я лѣтъ двадцать не имѣлъ объ ней никакого извѣстія, а потомъ узналъ и совершенно неожиданнымъ образомъ, что она жива и здорова.

Онѣгина. Какъ же вы это узнали?

Бирманъ. Отъ одного университетскаго товарища, который переселился изъ Германіи въ Саратовскую губернію и живетъ теперь въ Сарептѣ. Онъ видѣлъ ее наканунѣ своего отъѣзда въ Россію.

Онѣгина. Ну, чтожъ онъ вамъ разсказывалъ? Что ваша Шарлота?

Бирманъ. Ничего, все слава Богу! Живетъ по-прежнему въ Геттингенѣ, похоронила двухъ мужей и сбирается выдти за третьяго.

Онѣгина. За третьяго мужа?

Бирманъ. Вы сударыня, этому удивляетесь, а я вовсе не дивился. Мамзель Шарлота должна была похоронить двухъ мужей и выдти за третьяго, я зналъ это напередъ.

Онѣгина. Почему-жъ вы это знали?

Бирманъ. А вотъ почему, Наталья Кирилловна. Когда я увидѣлъ, что мнѣ не остается никакой надежды и что я долженъ на-всегда разстаться съ Шарлотою, то горесть моя превратилась въ совершенное отчаяніе; я вовсе обезумѣлъ: метался изъ стороны въ сторону и рвалъ на себѣ волосы. Къ счастію, на ту пору завернула ко мнѣ кухарка господина Бухфресера Эта добрая женщина стала утѣшать меня, и сказала между прочимъ: „Послушайтесь меня, господинъ Бирманъ, не горюйте, а благодарите Бога, что вамъ нельзя жениться на мамзель Шарлотѣ. Теперь я могу открыть вамъ преважную тайну; вы отъ насъ уѣзжаете, такъ объ этомъ никто не узнаетъ. Одна знаменитая ворожея, которая никогда еще не ошибалась, предсказала мамзель Шарлотѣ, что она будетъ жить очень долго, горя натерпится вдоволь, похоронитъ двухъ мужей и выйдетъ за третьяго. Теперь подумайте, господинъ Бирманъ: вѣдь вы были бы у нея первымъ мужемъ, такъ какая же тутъ для васъ пріятность? Ну, разсудите сами!“ Признаюсь, Наталья Кирилловна, эти слова очень на меня подѣйствовали, не то чтобъ я совсѣмъ утѣшился, а все какъ будто бы полегче стало.

Онѣгинъ. Ахъ, Богданъ Ѳомичъ!.. Вы человѣкъ ученый, а вѣрите такимъ вздорамъ!

Бирманъ. Да, вѣдь, это предсказаніе сбылось.

Онѣгинъ. Такъ чтожъ? Одинъ случай ничего не доказываетъ.

Кудринскій. Вы называете это случаемъ, Сергѣй Михайловичъ? — Нѣтъ, я убѣжденъ, что предсказанія, явленія духовъ, таинственные сны, предчувствія, однимъ словомъ, всѣ эти отголоски міра невещественнаго, вовсе не вздоръ, а совершенная истина. Эти минутные проблески безсмертной души, заключенной въ своемъ земномъ тѣлѣ, бываютъ очень рѣдко, и только при извѣстныхъ условіяхъ; но что они возможны, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Кучумовъ. Да, батюшка, и я скажу, что ворожеи и колдуны есть, это такъ вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Игнатіемъ Ѳедоровичемъ Кучумовымъ,

Княжна Задольская. А я такъ рѣшительно согласна съ Сергѣемъ Михайловичемъ: все это совершенный вздоръ, дѣтскія сказки и больше ничего. Когда я была еще при Дворѣ, мнѣ нѣсколько разъ случалось встрѣчаться въ обществахъ съ знаменитымъ французскимъ философомъ мосье Дидеро, который былъ тогда въ Петербургѣ. Однажды зашелъ при немъ разговоръ о предчувствіяхъ и о предсказаніяхъ.—Боже мой, какъ онъ сталъ надъ этимъ смѣяться! Да съ какой остротой, съ какимъ умомъ!..

Кудринскій. Ну, вотъ еще, княжна, нашли человѣка!.. Да развѣ этотъ мосье Дидеро чему-нибудь вѣрилъ?

Засѣкинъ. Извините, Александръ Дмитріевичъ,—этотъ господинъ Дидеро многому вѣрилъ. Вотъ, напримѣръ, онъ вѣрилъ, что часы могутъ составиться случайно, сами собою, что для этого вовсе не нужно часовщика, и даже называлъ ханжею, кажется, вовсе не набожнаго человѣка, а именно Вольтера, за то, что онъ былъ противнаго мнѣнія и находилъ весьма естественнымъ, при видѣ часовъ, предполагать часовщика, который ихъ устроилъ. Господинъ Дидеро вѣрилъ, и свято вѣрилъ, что только то существуетъ въ природѣ, что можно видѣть глазами, ощупать руками, постигнуть умомъ, доказать правильнымъ силлогизмомъ и объяснить наукою. Онъ не сомнѣвался также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ никакъ не должно вѣрить не только милліонамъ очевидныхъ свидѣтелей, но даже собственнымъ своимъ чувствамъ.

Лаврентій Алексѣевичъ. Ахъ, батюшка, да кому же прикажете вѣрить?

Засѣкинъ. Разумѣется, тому, который никогда не ошибался и не можетъ ошибиться, который все знаетъ, все отгадалъ, для котораго нѣтъ никакой тайны въ природѣ, однимъ словомъ: нашему земному разуму.

Кучумовъ. Нашему разуму? Помилуй, Максимъ Степановичъ! Да, вѣдь, у всякаго свой разумъ въ головѣ; ты думаешь такъ, я этакъ, а кто изъ насъ правъ?..

Засѣкинъ. Ну, разумѣется, тотъ, кто ничему не вѣритъ, по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ господинъ Дидеро.

Лаврентій Алексѣевичъ. Ахъ, матушка, княжна, и вы были знакомы съ такимъ человѣкомъ!., Ну, что за диво, что онъ смѣялся,

Digitized by Google

когда при немъ стали говорить о предчувствіяхъ и предсказаніяхъ. Вотъ Сергѣй Михайловичъ вовсе не вольнодумецъ, а называетъ это вздоромъ. Да и ты, Володя, что то ухмыляешься: видно также не слишкомъ этому вѣришь?

Я. Да, дѣдушка, прежде я этому не вѣрилъ, но послѣ одного случая,..

Лаврентій Алексѣевичъ. Вотъ что! Такъ и съ тобою ужъ бывали случаи.

Кучумовъ. Еще бы! Вѣдь, Владиміръ Николаевичъ не дома сидѣлъ. Мы съ тобой были въ Швеціи и въ Польшѣ, а онъ до самаго Парижа доходилъ. И помоложе насъ, да больше видѣлъ.

Онѣгина. Чтожъ это былъ за случай такой?

Я. Съ однимъ сослуживцемъ моимъ и пріятелемъ, котораго я очень любилъ. Престранный случай!

Онѣгина. Такъ разскажите намъ.

Лаврентій Алексѣевичъ. Въ самомъ дѣлѣ, Володя, потѣшь честную компанію — разскажи!

Я. Извольте, дѣдушка, только не прогнѣвайтесь,—разсказчикъ-то я плохой.

Лаврентій Алексѣевичъ. Ничего, любезный! Мы всѣ люди добрые, не взыщемъ.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

— Вы знаете, дѣдушка,—такъ началъ я, обращаясь къ Лаврентію Алексѣевичу,—что въ двѣнадцатомъ году меня не было при главной арміи; я находился тогда въ отдѣльномъ корпусѣ графа Витгенштейна и служилъ въ сводномъ кирасирскомъ полку, сформированномъ изъ запасныхъ эскадроновъ кавалергардскаго и конногвардейскаго полковъ, Со мною служилъ въ одномъ эскадронѣ поручикъ Порфирій Ивановичъ Лидинъ. Мы шли весь походъ вмѣстѣ, на бивакахъ спали въ одномъ шалашѣ, на переходахъ всегда ѣхали рядомъ, однимъ словомъ, почти никогда не разставались. Лидинъ былъ нѣсколькими годами постарѣе меня, собой прекрасный мужчина, отлично храбрый офицеръ, но тихій и скромный, какъ красная дѣвушка. Я рѣдко видалъ его веселымъ даже и тогда, когда ему случалось, ради компаніи, покутить со своими товарищами, то-есть выпить лишній бокалъ шампанскаго. Другіе офицеры, чѣмъ больше пили, тѣмъ громче разговаривали, шумѣли и веселились, какъ говорится, на распашку; а онъ съ каждымъ новымъ стаканомъ вина или пунша становился все тише и молчаливѣе. Лидинъ очень любилъ музыку, и самъ игралъ прекрасно на флажолетѣ, который всегда носилъ съ собою.

Вотъ, если не ошибаюсь, пятаго октября, то-есть наканунѣ полоцкаго сраженія, мы расположились биваками верстахъ въ пятнадцати отъ Полоцка, изъ котораго должны были, на другой день, во чтобъ ни стало, выжить французовъ. Зная, что намъ придется вставать чѣмъ свѣтъ, мы съ Лидинымъ поторопились напиться чайку и залегли къ своемъ шалашѣ, чтобъ выспаться порядкомъ до утра; но сонъ дѣло невольное: прошло часа два, а намъ не спалось. Лидинъ, который казался задумчивѣе обыкновеннаго, вынулъ изъ кармана свой флажолетъ и заигралъ на немъ похоронный маршъ.

— Да полно, Лидинъ!—сказалъ я.—Что ты отпѣвать что ль насъ собрался? Чѣмъ бы тебѣ радоваться, что у насъ завтра пиръ на весь міръ...

— У насъ!—повторилъ Лидинъ.—Нѣтъ, Владиміръ, развѣ у васъ, а мнѣ на этомъ пиру не пировать!

— Это почему?

— Потому, что мертвые не пируютъ.

— Да вѣдь ты, кажется, живъ?

— Не надолго.

— А почему ты это думаешь?—спросилъ я.

— Да какъ тебѣ сказать,—промолвилъ Лидинъ, помолчавъ нѣсколько времени.—Я бы самъ ничего не думалъ, да вотъ тутъ кто-то надъ моимъ ухомъ шепчетъ: „Порфирій, насмотрись вдоволь на эти чистыя, ясныя небеса, полюбуйся этими яркими звѣздами, да и простись съ ними навсегда: другой уже ночи для тебя не будетъ!“

— Какъ тебѣ не стыдно, Порфирій!—сказалъ я.—Неужели ты вѣришь предчувствіямъ? Да это совершенная глупость, суевѣріе!..

— Нѣтъ, Владиміръ, — отвѣчалъ Лидинъ,— еслибъ я былъ суевѣренъ, такъ мнѣ бы и въ голову не пришло, что меня завтра убьютъ. Ты не вѣришь предчувствіямъ, а вѣришь ли ты предсказаніямъ?

— Да это одно и то же, Порфирій; разница только въ томъ, что если мы вѣримъ предчувствіямъ, такъ сами себя обманываемъ; а если вѣримъ предсказаніямъ, такъ насъ обманываютъ другіе. Да что, развѣ тебѣ было что-нибудь предсказано?

Лидинъ не отвѣчалъ ни слова. Я повторилъ мой вопросъ.

— Да!—проговорилъ, наконецъ, мой товарищъ.—Мнѣ предсказано, что я умру не прежде, какъ увижу то, чего до сихъ поръ, кажется, никто еще не видалъ, такъ, вѣроятно, и я не увижу.

— Чтожъ это такое?

— А вотъ послушай: Ты помнишь, что у насъ былъ растахъ въ уѣздномъ городѣ Невелѣ. Тебя послали впередъ заготовлять фуражъ, а мнѣ, вмѣстѣ съ артиллерійскимъ капитаномъ Прилуцкимъ, отвели квартиру у одного богатаго купца. Послѣ сытнаго обѣда, которымъ угостилъ насъ хозяинъ, мы хотѣли было отдохнуть, какъ вдругъ въ сѣняхъ нашей квартиры поднялся шумъ.

— Эй вы!—закричалъ Прилуцкій.—Что у васъ тамъ?

— Да вотъ, ваше благородіе,—сказалъ денщикъ Прилуцкаго, входя въ нашу комнату,— какая-то полоумная лѣзетъ сюда безъ доклада.

— Да кто она такая?

— А шутъ ее знаетъ! Кажись, цыганка.

— Молоденькая? - спросилъ Прилуцкій.

— И, нѣтъ, ваше благородіе! Старая корга; да рожа-то какая—взглянуть страшно.

— Чтожъ, она милостинку что ль проситъ?—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; хочетъ вамъ поворожить.

— Вотъ что!—молвилъ Прилуцкій.—Ну хорошо, пусти ее!

Деньщикъ сказалъ правду: во всю жизнь мою я не видалъ ничего безобразнѣе этой старой цыганки, и, судя по ея дикимъ, безсмысленнымъ глазамъ, ее точно можно было назвать полоумною.

— Послушай, голубушка,—сказалъ Прилуцкій,—мы люди военные, такъ намъ не худо знать, вернемся ли мы живы и здоровы домой. Вотъ тебѣ на ладонку,—промолвилъ онъ, подавая ей двугривенный,—поворожи! Да прежде всего скажи, здорова ли моя жена и дѣти?

— Изволь, молодецъ,—проворчала цыганка.— Подай-ка мнѣ свою ручку... Шутишь, баринъ,— продолжала она:—у тебя нѣтъ ни жены, ни дѣтей, да и слава Богу!

— А что?—спросилъ Прилуцкій.

— Да такъ!..

Digitized by Google

— А что, голубушка, чтожъ меня французы убьютъ что ль?

— Умирать-то всѣмъ надобно, — промолвила цыганка;—да только ты, молодецъ, умрешь не такъ, какъ другіе.

— А какъ же онъ умретъ?—прервалъ я.

— Да нечего сказать, не по-людски: онъ умретъ, сидя верхомъ на мѣдномъ конѣ.

Мы оба засмѣялись.

— А мой товарищъ?—спросилъ Прилуцкій.

Цыганка посмотрѣла мнѣ на руку и сказала:

— И тебѣ, молодецъ, не сдобровать; ты умрешь въ ту самую минуту какъ увидишь церковь Божію на облакахъ.

Разумѣется, мы смѣялись громче прежняго.

— А если не увижу? спросилъ я.

— Коли не увидишь, такъ тебѣ и смерти не видать

— Вотъ что, Владиміръ, было мнѣ предсказано, — промолвилъ Лидинъ, оканчивая свой разсказъ.

— Какой вздоръ! — сказалъ я. — И ты называешь эти безсмысленныя слова полоумной бабы предсказаніемъ?

— Ужъ тамъ какъ хочешь, Владиміръ,—отвѣчалъ Лидинъ, — да вѣдь Прилуцкаго-то убили подъ Клястицами.

— Ну, чтожъ?

— Такъ ты не слыхалъ, какъ его убили? Въ ту самую минуту, какъ открылся огонь съ одной маскированной непріятельской батареи и ему первымъ ядромъ оторвало голову, знаешь ли, что онъ сидѣлъ верхомъ.

— На мѣдномъ конѣ?—прервалъ я.

— Да, почти: онъ сидѣлъ верхомъ на своей пушкѣ, а вѣдь ты знаешь, у насъ въ артиллеріи чугунныхъ пушекъ нѣтъ.

— Ну, конечно, случай довольно странный... Впрочемъ, если эта цыганка дѣйствительно предсказываетъ будущее, такъ тѣмъ лучше для тебя. Верхомъ на пушку сѣсть можно, можно даже по нуждѣ назвать эту пушку мѣднымъ конемъ а построить церковь на облакахъ, воля твоя, ужъ этого никакъ нельзя.

— А вотъ увидимъ, — промолвилъ Лидинъ, принимаясь опять за свой похоронный маршъ.

Я повернулся на бокъ, закутался въ шинель, заснулъ, и, вѣроятно, по милости этой плачевной музыки, видѣлъ во всю ночь пренепріятные сны, особенно одинъ, который я и до сихъ поръ забыть не могу. Мнѣ казалось, что я точно также убитъ, какъ Прилуцкій, что меня хоронятъ со всѣми военными почестями и, вмѣсто орденовъ, несутъ передъ гробомъ на бархатной подушкѣ мою оторванную голову.

Нашъ полкъ выступилъ въ походъ до разсвѣта. Часа три мы шли лѣсомъ по такой адской дорогѣ, что я и теперь не могу вспомнить о ней безъ ужаса. Грязь по колѣно, кочки, пни, валежникъ, и на каждой верстѣ два или три болота, въ которыхъ лошади вязли по самую грудь. Солнце взошло, а мы все еще не могли выбраться изъ этой трущобы, то-есть пройти съ небольшимъ верстъ десять. Мы всѣ умирали отъ нетерпѣнія, потому что нашъ авангардъ давно ужъ былъ въ дѣлѣ и мы слышали передъ собой не только пушечную пальбу и ружейную перестрѣлку, но подъ конецъ, несмотря на безпрерывный гулъ, могли даже различать человѣческіе голоса и это родное громогласное „ура“, съ которымъ русскіе солдаты всегда бросаются въ штыки. Вы можете себѣ представить, какъ весело было намъ все это слышать и ничего не видѣть!.. Вотъ нашему полку велѣли остановиться и дать вздохнуть лошадямъ. Потомъ мы прошли еще съ полверсты; этотъ безконечный боръ сталъ рѣдѣть, запахло порохомъ и мы выѣхали на опушку лѣса. Сначала мы ничего не видѣли передъ собою, кромѣ обширной равнины и густого дыма, который стлался по землѣ, клубился въ воздухѣ и волновался вдали, какъ необозримое море; но когда насъ подвинули впередъ, то мы стали различать движенія колоннъ, атаки конницы и безпрерывную бѣготню нашихъ и непріятельскихъ застрѣльщиковъ, которые то подавались впередъ, то отступали назадъ, въ одномъ мѣстѣ собирались въ отдѣльныя толпы, а въ другомъ дрались въ разсыпную. Когда мы стояли на опушкѣ лѣса, то видѣли только издали, какъ непріятельскія ядра ломали деревья, или, бороздя и взрывая землю, съ визгомъ взмывали опять на воздухъ, а теперь ужъ они ложились позади насъ. Я еще никогда не бывалъ въ дѣлѣ и, поэтому, какъ вовсе неопытный новичокъ, былъ чрезвычайно вѣжливъ, то-есть встрѣчалъ всякое непріятельское ядро пренизкимъ поклономъ. Товарищи надо мной подшучивали, да я и самъ послѣ каждаго поклона смѣялся отъ всей души. Лидинъ, казалось, вовсе не думалъ о томъ, что смерть летала надъ нашими головами. На грустномъ лицѣ его не замѣтно было ни малѣйшей тревоги; онъ былъ только блѣднѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Съ правой стороны, шагахъ въ пятнадцати отъ нашего полка, начиналась мелкая, но занимающая большое пространство и очень густая заросль. Лидинъ смотрѣлъ ужъ нѣсколько минутъ, не сводя глазъ, на этотъ кустарникъ.

— Владиміръ,—сказалъ онъ, — погляди, вотъ прямо, сюда... Что это?.. Показалось что ль мнѣ? Ты ничего не видишь?

— Ничего,—отвѣчалъ я.

— Вотъ опять,—продолжалъ Лидинъ.—Вонъ за березовымъ кустомъ... Ты не замѣтилъ?

— Да что такое?

— Въ этомъ кустарникѣ кто-нибудь да есть.

— Вѣроятно наши егеря.

— Такъ зачѣмъ же на нихъ синіе мундиры?

— И, что ты?—сказалъ я.—Да какъ попасть сюда французамъ?.. Помилуй, позади нашихъ колоннъ!

— Егеря!—проговорилъ вполголоса Лидинъ.—Ну, можетъ быть, да только не наши. Мнѣ показалось, что и кивера-то этихъ русскихъ егерей очень походятъ на французскіе.

— Ну, вотъ еще!—прервалъ я.—Да какъ можно отсюда отличить русскій киверъ отъ французскаго?.. Полно, Порфирій... Конечно, и я слышалъ, что эти наполеоновскіе волтижеры большіе проказники; но уйти за двѣ версты отъ своей передовой линіи,—нѣтъ, воля твоя, ужъ это было бы слишкомъ дерзко!

Лидинъ не отвѣчалъ ни слова и продолжалъ смотрѣть на кусты.

— Ты бывалъ когда-нибудь въ Полоцкѣ?—спросилъ я, помолчавъ нѣсколько времени.

— Бывалъ,—отвѣчалъ Порфирій.

— Вѣдь онъ долженъ быть близко отсюда?

— Да, недалеко.

— Чтожъ мы его не видимъ?

— Его не видно за дымомъ.

— За дымомъ? Такъ онъ долженъ быть вонъ тамъ,—сказалъ я, указывая на дымныя облака, которыя, сливаясь въ одну огромную черную тучу, закрывали передъ вами всю нижнюю часть небосклона.

Лидинъ кивнулъ головой.

— Постой, постой! — продолжалъ я. — Вотъ, кажется, поднялся вѣтерокъ, такъ, можетъ быть,

Digitized by Google

этотъ невидимка Полоцкъ выглянетъ изъ своей засады.

Въ самомъ дѣлѣ, облака стали расходиться, въ вышинѣ засверкали золотые кресты, дымная туча разсѣялась на двое и посреди ея разрыва обрисовывался, облитый солнечными лучами, бѣлый іезуитскій костелъ со своимъ высокимъ куполомъ.

— Ахъ, какая прелесть!—вскричалъ я невольно. — Посмотри, Лединъ, — точно театральная декорація!.. Не правда ли, что этотъ костелъ стоитъ какъ будто бы на облакахъ?

Лединъ вздрогнулъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Прощай, Владиміръ!

Въ эту самую минуту, по опушкѣ кустарника пробѣжалъ дымокъ, замелькали огоньки, и пули посыпались на насъ градомъ. Лединъ тяжело вздохнулъ и упалъ съ лошади. Это былъ послѣдній его вздохъ: пуля попала ему прямо въ сердце.

Кучумовъ. Вотъ изволите видѣть!.. Такъ и выходитъ, что цыганка то отгадала. Ну, что вы на это скажете Сергѣй Михайловичъ?

Онѣгинъ. Да тоже, что говорилъ прежде: случай и больше ничего.

Лаврентій Алексѣевичъ. Случай! У васъ, господа, все случай. А вотъ если я разскажу вамъ, что было со мной, такъ ужъ этого никакъ нельзя назвать случаемъ. Ты помнишь, Игнатій Ѳедоровичъ, — это, кажется, было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ взятія краковскаго замка, который захватили обманомъ конфедераты?

Кучумовъ. Какъ не помнить! Мало ли тогда объ этомъ толковъ было. Одни говорили, что ты, отправляясь за приказаніями, слишкомъ понагрузился, сирѣчь хлебнулъ черезъ край; другіе вовсе вѣрить не хотѣли, а нашъ полковой лѣкарь, Адамъ Карлычъ, стоялъ на томъ, что у тебя на тотъ разъ была бѣлая горячка.

Лаврентій Алексѣевичъ. Да я развѣ былъ одинъ? А вахмистръ Бубликовъ, а фурманъ?..

Кучумовъ. Адамъ Карлычъ говорилъ, что у васъ у всѣхъ троихъ была бѣлая горячка.

Лаврентій Алексѣевичъ. У всѣхъ троихъ въ одно время?.. И намъ троимъ все одно и то же мерещилось?.. Да это было бы еще чуднѣе того, что мы видѣли.

Кучумовъ. А что вы такое видѣли?

Лаврентій Алексѣевичъ. Если хотите, такъ я завтра вамъ разскажу, а теперь ужъ поздно, пора ужинать. Да вотъ и Кузьма пришелъ доложить, что кушанье готово. Милости просимъ, гости дорогіе!

Лаврентій Алексѣевичъ подалъ руку княжнѣ Пелагеѣ Степановнѣ; я, какъ ловкій петербургскій кавалеръ, подвернулся къ Натальѣ Кирилловнѣ Онѣгиной, и мы всѣ отправились въ столовую.

конецъ.

Оглавленіе третьяго тома.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Комедія противъ комедіи . . . . . 3 стр.
Г. Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ . . . . . 19 „
Лебедянская ярмарка . . . . . 43 „
Вечеринка ученыхъ . . . . . 44 „
Романъ на большой дорогѣ . . . . . 60 „
Добрый малый . . . . . 68 „
Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ . . . . . 82 „
Урокъ холостымъ или наслѣдники . . 102 „
Деревенскій философъ . . . . . 119 „
День перваго представленія новой пьесы 129 „
Репетиція на станціи . . . . . 131 „
Благородный театръ . . . . . 140 „
Панъ Твардовскій . . . . . 185 „
Аскольдова могила . . . . . 199 „
Недовольные . . . . . 210 „
Тоска по родинѣ . . . . . 240 „
Урокъ матушкамъ . . . . . 269 „
Поѣздка за границу . . . . . 296 „
Женатый женихъ . . . . . 318 „
Столичные женихи въ провинціи . . . 356 „
Журнальныя статьи . . . . . 362 „
Стихотворенія . . . . . 411 „

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Москва и Москвичи . . . . . 1 стр.

Digitized by Google

подробн. описаніе 3-хъ корон. нынѣшняго столѣтія. Спб. 83 г., ц. 80 к.

Лутковскій В. Руководство для судебныхъ слѣдователей и исполняющихъ ихъ обязанности кандидатовъ на служебныя должности. Изданіе неофиціальное. М. 91 г., ц. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Въ глуши. Повѣсти и разсказы. М. 98 г., ц. 1 р. 25 к.

— Сибирскіе разсказы. Изд. 3-е. М. 902 г., ц. 1 р.

— Осенніе листья. Очерки и разсказы. М. 99 г., ц. 1 р.

— Въ дорогѣ. Очерки и разсказы. Изд. 2-е. М. 1901 г., ц. 1 р.

— Ранніе всходы. Ром. М 99 г., ц. 1 р.

— Бурный потокъ. Ром. М. 901 г., ц. 1 р. 50 к

— Падающія звѣзды. Ром., изд. 2-е. М. 901 г. ц. 2 р.

— Около господъ. М. 901 г., ц. 1 р.

— Дикое счастье. Ром. Изд. 3-е. М. 902 г., ц. 1 р.

— Горное гнѣздо. Ром. изд. 2-е. М. 901 г., ц. 1 р 50 к.

— Хлѣбъ. Ром., изд. 2-е М. 901 г., ц. 2 р.

— Весеннія грозы. Ром., изд. 2-е. М. 901 г., ц. 1 р. 20 к.

— Ноктюрны. Спб. 99 г., ц. 1 р.

— Святочные разсказы. Спб. 99 г., ц. 1 р.

Маргаритъ, Н. Новая жизнь. М. 95 г., ц 60 к.

Марлитъ. Тайна старой дѣвы. Романъ. М. 98 г., ц. 1 р. 25 к.

— Имперская графиня Гизела. М 98 г., ц 1 р. 50 к.

— Въ домѣ Шиллинга. Романъ. М. 98 г., ц. 1 р. 50 к.

— Въ домѣ коммерціи совѣтника. Романъ. М. 98 г., 1 р. 50 к.

— Вторая жена. Романъ. М. 98 г., ц 1 р.

— Эльза. М. 98 г., ц. 1 р. 50 к.

— Степная принцесса. Романъ. М. 98 г., ц., 1 р. 50 к.

— Совиный домъ. Романъ. М. 99 г., ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти и разсказы, ц. 1 р. 50 к.

— Собр. соч. 10 т., 10 р.

Меттерлингъ. Жизнь пчелъ, ц. 75 к.

Мироновъ, А. Отъ скуки. Сборникъ анекдотовъ, шутокъ и остротъ, ц. 25 к.

— Ради смѣха. Сборн. анекдот., шутокъ и пр. М. 902 г., ц. 25 к.

— Шутники. Юморист. разск., шутки и анекдоты. М. 802 г., ц. 25 к.

Митчель. Небесная свѣтила. Популярныя бесѣды по астрономіи. Съ допол. М. 900 г., ц. 2 р.

Митропольскій. Дуэль. Повѣсть, ц. 50 к.

Михѣевъ. Художники. Очерки и разсказы. М. 94 г., ц. 1 р.

— Золотыя розсыпи. Ром. 2 т. М. 94 г., ц. 2 р.

На велосипедѣ изъ Варшавы въ Лондонъ. Письма В. Каменскаго къ Владимірову. М. 99 г., ц 1 р.

На память о П. И. Чайковскомъ. Статья **Ларош, Г. А.** и **Кашкина, Н. Д.**, съ портретемъ. М. 93 г., ц. 40 к.

Н. А. Какъ предупреждать и лѣчить **дѣтскіе поносы.** Подъ редакціей доктора Ѳ. Булюбаша. М. 97 г., ц. 20 к.

Нарѣжный, Б. Бурсакъ. Романъ. М. 1900 г. ц. 35 к.

Немировичъ-Данченко, В. Жертва покаянная. Ром. Спб. 99 г., ц 75 к.

— Незамѣтные герои. Очерки и разсказы. М. 93 г., ц. 1 р.

Нордау. Битва Трутней. Романъ. М. 99 г., ц. 1 р. 50 к.

— Душевные анализы. М. 99 г., ц. 50 к.

Ницше, Фр. Соб. соч. 10 т. По подпискѣ, ц 10 р.

— Т 1. Такъ говорилъ Заратустра. М. 900 г., ц 1 р. 50 к

— Т. 2. По ту сторону добра и зла. М. 900 г., ц 1 р.

— Т. 3. Утренняя заря, съ дополненіями. М. 901 г., 1 р. 50 к.

— Т. 4. Человѣческое, слишкомъ-человѣческое. М. 901 г., ц. 1 р. 50 к.

— Т. 5. Переоцѣнка всего цѣннаго (Челов. слишкомъ челов. т. 2-й). М. 901 г., ц. 1 р. 25 к.

— Т. 6. Сумерки кумировъ и др. М. 901 г., ц. 1 р. 25 к.

— Т. 7. Веселая наука. М. 901 г., ц. 1 р. 25 к.

— Томъ 9-й. Цѣнность Европейской культуры. М. 1902 г. ц. 1 р. 25 к.

Ольденъ-Уардъ, М. Три біографіи. I. Карлейль. II. Дж. Рескинъ. III. Левъ Толстой. Съ портр. М. 901 г., ц 70 к

Ольденбергъ. Будда. Его жизнь, учен. и общ. Пер. А. Николаева, ц. 1 р. 50 к.

Оржешко. Милордъ. Бабушка. М. 902 г., ц. 50 к.

Пелико, Сильвіо. Мои темницы. Изд. 2-е. Съ рис. М. 99 г., ц. 1 р.

Подкольскій. Будни. Очерки и разсказы. М. 95 г., ц. 1 р.

Полевой. Клятва при гробѣ Господнемъ. Рус. быль, ц. 1 р. 25 к.

— Исторія Петра Великаго. Съ портр. М. 99 г., ц. 2 р.

Потапенко, И. Не герой. Романъ въ 2-хъ част. Изд. 2-е. М. 97 г., ц 1 р.

— Одинъ. Романъ. Изд. 3-е М. 97 г., ц. 2 р.

— Смертный бой. Ромавъ. М. 97 г., ц. 1 р. 50 к.

— Записки молодого человѣка. М. 97 г., ц. 75 к.

— Пѣшкомъ за славой. М. 99 г., ц. 1 р.

— Два счастья. Романъ. М. 99 г., ц. 2 р.

— Любовь. Ром., изд. 2-е. М. 900 г., ц. 1 р. 25 к.

— Великое въ маломъ. М. 900 г., ц. 1 р.

Рамо, Ж. Янъ. М. 95 г., ц. 60 к.

Риль, Проф. Фридрихъ Ницше. М. 901 г., ц. 50 к.

Ромеръ. Сказки и правда. М. 98 г., ц. 1 руб.

Саловъ, И. А. Грезы. Пов. М. 95 г., ц. 1 р. 50 к.

— Аспидъ. Пов. М. 1900 г., ц. 80 к.

— Суета мірская. Разск. М. 95 г., ц. 1 р.

— Не тотъ коленкоръ. Пов. М. 1900 г., ц. 1 р.

— Сорокъ тысячъ. Пов. М. 1900 г., ц. 80 к.

— Мамзель. Повѣсть. М. 99 г., ц. 80 к.

Сафоновъ, А. Царствованіе Императора Александра II. Москва. 1900 г. изд. 2-е съ портр., ц. 75 к.

Сергѣенко, П. Безъ якоря. Пов. и разск. I. Богиня Діана. II. Самистъ. III. Гриша. IV. Встрѣча съ Апемантомъ. Изд. 2-е М. 97 г., ц. 1 р.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Будьте счастливы! Мысли о счастьи Л. Н. Толстого, Шопенгауера, Гильти, Монтегацца, Леббока и др. М. 95 г., ц. 20 к.

— Среди людей. Пов. и разсказы М. 97 г., ц. 1 р.

Сорокинъ, Н. (по Глазлю). Книга для экскурсій. Изд. 5-е. М. 99 г. ц. 40 к.

— Прѣсноводный акваріумъ. Изд. 3-е. М. 99 г., ц. 60 к.

Сысоевъ. Разсказы охотника. Изд. 2-е. М. 1899 г., ц. 60 к.

Телешовъ. Маленькій романъ М. 98 г., ц. 60 к.

Тиндаль, Дж. Формы воды въ облакахъ и рѣкахъ, во льдѣ и ледникахъ. М. 76 г., ц. 1 р.

— Шесть чтеній о свѣтѣ, ц. 1 р. 25 к.

Тихомировъ. Конституціоналисты въ эпоху 1881 г. М. 95 г., ц. 40 к.

Толстой, Левъ. Хозяинъ и работникъ. М. 95 г., ц. 25 к.

— Произведенія самыхъ послѣднихъ лѣтъ, не вошедшія ни въ XIII т. изд. 1881 г., ни въ XIV т. изд. 1895 года. Изд. 2-е съ дополненіемъ, ц. 60 к.

— Всѣ произведенія, вошедшія въ XIV т. изданія 1895 г., ц 60 к.

Digitized by Google

Digitized by Google